СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. С. ШАШКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Историческіе очерки.

Историческіе этюды.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Цѣна за два тома 4 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

рец.

2 Bibl.
III.

43352

ЛИТЕРАТУРНО-
ЕВРЕЙСКОЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАГО КАБИНЕТА

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СТАРАЯ и НОВАЯ ИСПАНІЯ.

Испанія девятнадцатаго вѣка. А. Трачевскаго. М. 1872. — Geschichte Spaniens. Von H. Baumgarten. 3 Th. L. p. z. 1871. — Histoire de l'Espagne. Par Hubbard. Paris. 1869.—Aus Spanien's Gegenwart, von Lauser, 1872.

I.

Роскошная природа, естественныя богатства, счастливое приморское положеніе Пиринейскаго полуострова—все, повидимому, благопріятствовало развитію на немъ цивилизаціи. Со временъ глубокой древности этотъ благословенный уголокъ земли служилъ ареною, на которой дѣйствовали самые образованные и способные народы. По берегамъ Пиринейскаго полуострова заводили свои колоніи и торговые центры англичане древняго міра—финикіяне и ихъ преемники карѳагенцы; сюда приносили свою цивилизацію греки и римляне, здѣсь селились кельты и германцы, а потомъ арабы, завоевавъ полуостровъ, превратили его въ самую цвѣтущую и самую просвѣщенную страну въ тогдашней Европѣ. Въ XVI в. Испанія сдѣлалась первостепенною державою, въ предѣлахъ которой никогда не закатывалось солнце; она открыла Новый Свѣтъ и покорила въ немъ обширныя государства съ оригинальной и высокой цивилизаціей. Даже въ дѣлѣ общественнаго развитія и самоуправленія Испанія стояла нѣкогда впереди всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Англичане не имѣли народнаго представительства до 1264 г., Кастилія же имѣла его въ 1169 г., а Аррагонія въ 1133. Древнѣйшая хартія была дана англійскому народу въ XII в., а въ Испаніи городъ Леонъ получилъ ее еще въ 1020 г. Королевская власть, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, была совершенно ограничена. При этомъ испанскій народъ всегда отличался завидными нравственными качествами; это искренній, честный, храбрый и самый трезвый народъ въ мірѣ. Но всѣ его добродѣтели, всѣ его великіе историческіе подвиги, всѣ благопріятныя условія его развитія, все его былое величіе и могущество принесли гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ ему самому, такъ и другимъ націямъ. Свою предпріимчивость и храбрость онъ употребилъ на истребленіе высокой цивилизаціи арабовъ въ Старомъ и замѣчательной цивилизаціи Перу и Мехики въ Новомъ Свѣтѣ; онъ ограбилъ свои колоніи и принудилъ ихъ къ отпаденію; онъ разорилъ и превратилъ чуть не въ пустыню свою прекрасную страну; онъ потерялъ всѣ свои гражданскія вольности, проникся фанатическою враждою ко всякому проявленію разума; въ основанной имъ имперіи никогда не заходило солнце, но въ то же время въ ней въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій не всходило солнце цивилизаціи. Испанія пала такъ низко, что ея окончательная гибель для многихъ сдѣлалась несомнѣнною. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ XVIII вѣка за Пиринеи проникло животворное вліяніе европейской цивилизаціи, началось возрожденіе народа, умъ и страсти котораго извращены тысячелѣтнимъ гнетомъ и, не смотря на это, все-таки сохранили въ себѣ достаточно силъ для обновленія. И нѣтъ сомнѣнія, что Испанія рано или поздно снова станетъ на ряду съ передовыми націями образованнаго міра.

Каждый европейскій народъ болѣе или менѣе испытывалъ на себѣ вліяніе факторовъ, погубившихъ Испанію; но нигдѣ эти факторы не дѣйствовали такъ дружно и такъ сильно, какъ здѣсь, и поэтому ни одна европейская страна не падала такъ низко, какъ Испанія. Нигдѣ въ Европѣ природа не представляетъ такихъ условій для развитія въ людяхъ суевѣрія, какъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Сильныя грозы, землетрясенія, частыя засухи и вслѣдствіе этого голодовки, гибельныя эпидеміи, свирѣпствовавшія здѣсь съ особенною силою въ средніе вѣка,—все это развивало въ народѣ тотъ духъ суевѣрія, которымъ такъ ловко воспользовалось впослѣдствіи католическое духовенство. Еще болѣе, чѣмъ природа, содѣйствовали тому же упадку историческія обстоятельства. Жители Испаніи были сначала аріанами и впродолженіе почти цѣлаго столѣтія принуждены были съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою вѣру и независимость отъ католиковъ-франковъ, побуждаемыхъ своимъ духовенствомъ воевать съ испанскими еретиками. Аріанское духовенство руководило этой религіозной войной, оно молилось за успѣхъ борьбы, возбуждало фанатизмъ и не только утверждало вѣру въ свой нравственный авторитетъ, но въ то же время пріобрѣтало матеріальныя богатства, гражданскія привилегіи и свѣтскую власть.

Когда же испанскіе владѣтели сдѣлались католиками и ревностными защитниками этого культа, то авторитетъ іерархіи получилъ рѣшительное преобладаніе какъ надъ умами народа, такъ и надъ свѣтскою властью. Въ это время мы видимъ церковные соборы, которые, можно сказать, управляютъ Испаніей; видимъ королей, которые, являясь передъ этими соборами, смиренно падаютъ ницъ; видимъ епископовъ, которые кассируютъ рѣшенія свѣтскихъ судовъ: видимъ богатое и сильное духовенство, которое ревниво стережетъ чистоту народной вѣры, проповѣдуетъ ненависть ко всякой ереси и утверждаетъ въ народѣ убѣжденіе, что короли имѣютъ право на свои престолы только подъ условіемъ вѣрности и повиновенія церкви. которая является, такимъ образомъ, абсолютною повелительницей королей и народовъ въ земной и рѣшительницею ихъ судьбы въ загробной жизни. Католицизмъ, политическая сущность котораго состоитъ въ порабощеніи народовъ церковной аристократіи, начиная съ папы, сидящаго въ Римѣ, и оканчивая послѣднимъ босоногимъ монахомъ, — католицизмъ нигдѣ въ Европѣ не достигалъ такого могущества, какое онъ еще въ VII столѣтіи укрѣпилъ за собою въ Испаніи. Онъ былъ уже всесиленъ, когда въ VIII в. арабы вътеченіе трехъ лѣтъ завоевали эту страну и превратили ее въ самый цвѣтущій уголокъ Европы, оттѣснивъ испанцевъ въ недоступныя мѣстности сѣверо-западныхъ окраинъ полуострова. Читатель можетъ найти у Дрэпера блестящую картину цивилизаціи испанскихъ арабовъ, которые внесли въ Европу высокую матеріальную культуру, довели до совершенства разнообразныя отрасли промышленности, торговли и общежитія, а своими университетами, своей философіей, медицинскою наукой и чрезвычайно важными изслѣдованіями въ области естествознанія, физики и математики дали сильный толчокъ умственному развитію Европы, юношество которой отправлялось учиться въ ихъ университеты. Примѣромъ этой цивилизаціи многіе, въ томъ числѣ и Дрэперъ, доказываютъ, что магометанство благопріятно и, во всякомъ случаѣ, не враждебно умственному и гражданскому развитію народовъ. Но дѣло въ томъ, что цивилизація испанскихъ арабовъ, насколько она заключала въ себѣ гуманныхъ и раціональныхъ элементовъ, стояла относительно принциповъ мусульманства въ такомъ же точно противорѣчіи, въ такомъ находилось цивилизація эпохи возрожденія относительно католицизма. Какъ въ эту эпоху, подъ вліяніемъ раціонализма, въ обществѣ распространились любовь къ знанію, чувства терпимости и антиаскетическое міросозерцаніе, такъ что въ духовенствѣ и даже на папскомъ престолѣ явились свободомыслящіе философы, точно такъ и въ магометанской Испаніи наука и разумъ подорвали мусульманскія традиціи, смягчили мусульманскія чувства и парализировали дѣйствіе принциповъ корана. Какъ бы то ни было, но арабы и все арабское возбуждали въ испанцахъ самую остервенѣлую ненависть. Коранъ и мечети были въ глазахъ католиковъ дѣломъ сатаны и трижды трекляатаго апостола его, Магомета. Но не менѣе, чѣмъ кораномъ и мечетью, возмущались испанцы арабской наукой, арабскими университетами, даже арабскою цвѣтущею промышленностью и чистоплотностью. Началась восьмисотлѣтняя народная борьба съ арабами, борьба за вѣру, окончательно отожествленную съ испанскою національностью, борьба, полная отваги и энергіи, прославленная безчисленнымъ множествомъ сверхъестественныхъ чудесъ, руководимая духовенствомъ, поднявшая его на неизмѣримую высоту въ глазахъ народа и воспитавшая десятки поколѣній въ понятіяхъ крайняго суевѣрія и фанатизма, отмѣченныхъ всѣмъ пыломъ южной страсти. Эта многовѣковая борьба имѣла рѣшительное вліяніе на судьбы народа. Она пріучила послѣдній къ авантюризму и надолго утвердила въ Испаніи преобладаніе полукочевого пастушескаго быта надъ земледѣліемъ, развитіе котораго было невозможно при военныхъ обстоятельствахъ. Милліоны нищихъ и суевѣрныхъ испанцевъ шагъ за шагомъ завоевывали свою родную почву и, истребляя арабскую цивилизацію, превращали въ пустыню страну, возведенную невѣрными на высокую степень благосостоянія. Вырубались роскошные арабскіе сады, разрушались величественныя зданія, памятники искусства и науки, уничтожались водопроводы, сожигались на кострахъ нечестивыя арабскія книги, и когда, наконецъ, въ исходѣ XV столѣтія испанцы осадили послѣднее убѣжище арабовъ, Гранаду, то этотъ городъ былъ раемъ сравнительно съ остальной Испаніей, которую правовѣрные католики превратили въ жалкую, варварскую страну, усѣянную развалинами и пепелищами. Бѣдность и неразлучныя съ нею болѣзни еще болѣе усилили презрѣніе къ міру, проповѣдуемое католичествомъ, и вѣру въ духовенство, хлопотавшее объ истинномъ, неземномъ счастіи своего народа и приведшее послѣдній подъ своимъ знаменемъ къ рѣшительной побѣдѣ надъ магометанской луной. Нищій и погрузившійся въ варварство народъ началъ считать себя спасителемъ и единственнымъ защитникомъ вѣры, благочестивѣйшей націей, новымъ Израилемъ. Истребленіе невѣрныхъ сдѣлалось задачей, на достиженіе которой духовенство обратило всѣ силы народа, а религіозная нетерпимость—національною страстью, подъ вліяніемъ которой испанцы превращались въ какихъ-то демоновъ-истребителей и заливали міръ человѣческою кровью. Евреи, которые подъ владычествомъ мавровъ оказывали блестящіе успѣхи не только въ торговлѣ и промышленности, но и въ наукахъ, были первою жертвою народнаго фанатизма. Ихъ жестоко преслѣдовали и истребляли тысячами еще до окончательной побѣды надъ арабами. Ихъ крестили въ католичество огнемъ и мечомъ и потомъ сожигали на кострахъ за возвращеніе въ іудейство. Наконецъ, когда арабское владычество совсѣмъ пало, духовенство потребовало совершеннаго истребленія или изгнанія всей еврейской расы, распространяя нелѣпыя обвине-

нія на нее, даже изобрѣтая чудеса въ подтвержденіе своей проповѣди и въ то-же время простирая свои жадныя руки къ конфискуемымъ еврейскимъ богатствамъ. Всѣ не обращенные въ христіанство іудеи были изгнаны съ воспрещеніемъ уносить съ собою золото и серебро. Множество ихъ погибло отъ голода, болѣзней, отъ ярости католиковъ, множество захвачено пиратами и обращено въ рабство, 80,000 убѣжало въ Португалію, полагаясь на миролюбивыя обѣщанія тамошняго короля; но испанское духовенство выслало въ Португалію такихъ надежныхъ проповѣдниковъ, что они довели до яраго фанатизма даже мирныхъ португальцевъ, и всѣ первенцы евреевъ до четырнадцатилѣтняго возраста были отданы христіанамъ, а остальные изгнаны, но многіе изъ нихъ перехватаны дорогой, обращены въ рабство или крещены силою. По случаю такой побѣды, весь полуостровъ гремѣлъ благочестивымъ ликованіемъ. Но правовѣрнымъ оставалось еще много дѣла. Въ Испаніи еще жили мориски, которыхъ тоже крестили огнемъ, зорко наблюдали за ихъ правовѣріемъ, сожигали за малѣйшее или мнимое отступленіе отъ него и, наконецъ, довели несчастныхъ до отчаяннаго возстанія, усмиреннаго съ неимовѣрными жестокостями. Но и этого было мало. Духовенство требовало совершеннаго истребленія ихъ, доказывая, что всѣ бѣдствія Испаніи посылаются на нее свыше за то, что она терпитъ невѣрныхъ на своей землѣ. Знаменитый доминиканецъ Блэда проповѣдывалъ, что необходимо перерѣзать всѣхъ морисковъ, такъ какъ невозможно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ и кто нѣтъ. Епископъ Валенсіи въ своей запискѣ, поданной Филиппу III-му, требовалъ изгнанія мавровъ на томъ основаніи, *что они промышленнѣе, экономнѣе и воздержаннѣе испанцевъ*, которые живутъ въ крайней бѣдности, между тѣмъ какъ невѣрные, благодаря своему трудолюбію и искусству, пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Въ 1609 г. участь ихъ была рѣшена, и до 1,000,000 этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей, обогащавшихъ и питавшихъ Испанію, подверглись ужасному гоненію, преслѣдовались, какъ вредныя животныя, и изгонялись въ Африку, погибая сотнями тысячъ.

Изгнаніе мавровъ и евреевъ, обогатившее духовенство, совершенно разорило страну, лишивъ ее производительныхъ капиталовъ и милліоновъ работниковъ. Испанцы въ теченіе постоянной девятисотлѣтней войны отстали отъ всякой промышленности, даже отъ земледѣлія. Масса народа превратилась въ кочевыхъ земледѣльцевъ или странствующихъ пролетаріевъ, жившихъ разбоями, грабежомъ, контрабандою. Духовенство, проповѣдывавшее презрѣніе къ благамъ міра сего, развивавшее въ народѣ отвращеніе къ труду и въ то же время захватывавшее въ свои руки большую часть національнаго богатства,—духовенство выше всего ставило тотъ трудъ, который посвященъ распространенію и охранѣ католицизма. Испанія превратилась буквально въ одну «воинствующую» церковь; каждый испанецъ считалъ обязанностью и высшею цѣлью жизни сражаться за вѣру съ крестомъ или съ мечомъ въ рукѣ, а нерѣдко съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; каждый испанецъ былъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ быть или монахомъ, или солдатомъ, или дворяниномъ; каждому испанцу не сидѣлось спокойно на одномъ мѣстѣ, и развитая въ немъ историческими обстоятельствами страсть влекла его къ странствіямъ и необыкновеннымъ приключеніямъ. Всѣмъ этимъ бродячимъ элементамъ дало исходъ открытіе Новаго Свѣта. На покореніе вновь открытыхъ земель смотрѣли прежде всего, какъ на распространеніе въ нихъ христіанства; съ этою цѣлью Изабелла снаряжала Колумба; съ этою цѣлью папа, какъ верховный владыка вселенной, раздѣлилъ новый міръ между испанцами и португальцами. Руководимые фанатизмомъ и жаждою стяжанія, которой нельзя было удовлетворить въ своемъ обнищавшемъ отечествѣ, самые способные и энергическіе испанцы стремились въ Америку—обращать въ католицизмъ и грабить язычниковъ. Въ религіозной пропагандѣ состояла вся нравственная задача націи, а въ грабежѣ заключался главный источникъ дохода какъ для государства и духовенства, такъ и для частныхъ лицъ. Своими жестокостями въ Америкѣ испанцы превзошли монголовъ, вандаловъ, гунновъ и сравнялись съ самыми кровожадными дикарями. На многихъ островахъ они истребили жителей всѣхъ до послѣдняго. На островахъ, расположенныхъ между Юкатаномъ, Флоридой и устьями Ориноко, они въ продолженіе пятнадцати лѣтъ уничтожили, говорятъ, 1,000,000 людей. При Колумбѣ на Антильскихъ о-вахъ, пригласивъ къ себѣ въ гости туземную королеву, испанцы напали на ея свиту, привязали индѣйцевъ къ столбамъ и сожгли всѣхъ ихъ живыми, а королеву повѣсили. При осадѣ Мехики испанцы, по самому умѣренному расчету, убили 100,000 человѣкъ, въ долинѣ Отувба 20,000, на Доминго, истребивъ всѣхъ работниковъ, годныхъ для рудниковъ, они привезли съ Лукайскихъ о-въ 40,000 ч., которые вслѣдъ затѣмъ и умерли отъ жестокаго обращенія съ ними. По переписи 1508 г. на Кубаньѣ было 60,000 индѣйцевъ, а въ 1517 г. изъ нихъ осталось въ живыхъ только 14,000. Полагаютъ, что испанцы истребили въ Америкѣ до 15,000,000 индѣйцевъ. Духовенство, воспитавшее въ испанцахъ кровожадныя страсти и фанатическую нетерпимость, стояло во главѣ этого истребленія, побуждая завоевателей распространять христіанство посредствомъ меча и преслѣдовать инородцевъ, отступавшихъ отъ религіи, въ которую они были обращены насильно. Индѣйцы не считались даже людьми и, обращаемые въ рабство, третировались, какъ вьючныя животныя. Но когда эти животныя стали вымирать отъ тягостей неволи и грозили вымереть всѣ до послѣдняго, то духовенство рекомендовало замѣнить ихъ неграми, и по его иниціативѣ въ Америкѣ утвердилось рабство негровъ. Новый Свѣтъ былъ источникомъ громадныхъ доходовъ для Испаніи,—доходовъ, извлекаемыхъ съ такимъ же вар-

варствомъ, какимъ отличалось и распространеніе католицизма. Управленіе Америкой было въ полномъ смыслѣ системою грабежа. Толпы испанскихъ чиновниковъ, какъ стаи хищныхъ птицъ, налетали на эту обширную страну и, насытившись вдоволь ея жизненными соками, покидали ее навсегда. Государство давило жителей невыносимыми повинностями, изолировало колоніи отъ всего образованнаго міра и разорительною системою монополій убивало всякое промышленное развитіе. Награбленное въ Америкѣ золото не обогащало даже и Испаніи; оно шло на безпутную роскошь двора и аристократіи, оно тратилось на войска и религіозныя войны, оно поддерживало нѣсколько времени то наружное, мишурное величіе, которое давало странѣ право считать себя первою державою въ мірѣ и воспитывать ту ложную національную гордость, тотъ псевдопатріотизмъ, которые до послѣдняго времени удерживали испанцевъ отъ благодѣтельнаго общенія съ цивилизованными народами.

Истребивъ цивилизацію мавровъ, перуанцевъ и мехиканцевъ, разоривъ свое отечество, поработивъ Америку, испанцы превратились въ фанатическихъ разбойниковъ, мечтавшихъ только объ управленіи міромъ и объ искорененіи повсюду ереси. Духовенство царствовало и надъ народомъ, и надъ королями. Проповѣдуя о грѣховности богатствъ, оно неутомимо избавляло отъ нихъ свою паству и кончило тѣмъ, что завладѣло большею и лучшею половиною всей испанской земли, а доходы церкви равнялись доходамъ государства. Оно потворствовало воспитанной вѣками народной лѣности, искореняло любовь къ производительному труду, плодило нищихъ и, и поддерживая копѣечную благотворительность, являлось въ глазахъ народа благодѣтелемъ, заботившимся не только объ его душѣ, но и о тѣлѣ. Сотни тысячъ монастырей, церквей и часовенъ, кресты и иконы на каждомъ шагу, эффектныя религіозныя процессіи, подложныя чудеса, подложныя мощи, безчисленное множество монаховъ обоего пола—все было устремлено на поддержаніе въ народѣ фанатизма и той обрядовой набожности, которая, считая спасительными одни только внѣшніе подвиги формальнаго благочестія, вовсе не знаетъ ничего объ истинной нравственности. Систематически развивъ въ народѣ рабское повиновеніе авторитету, воспитавъ въ немъ фанатическую жестокость и гибельный духъ нетерпимости, испанское духовенство въ лицѣ Лойолы положило основаніе іезуитизму, этой ужасной системѣ, освящавшей всякую безнравственность. Желая увѣковѣчить цѣпи, наложенныя на народъ, духовенство захватило въ свои руки все народное образованіе и начало пользоваться имъ, какъ средствомъ для нравственнаго порабощенія. Умственное движеніе эпохъ возрожденія и реформаціи чрезвычайно мало повліяло на испанцевъ, коснѣвшихъ въ своемъ благочестивомъ невѣжествѣ, и только послужило поводомъ къ кровавому террору святой инквизиціи. Въ Европѣ возрождалась вѣра, освобождался разумъ, развивалась наука, совершенствовалась общественная жизнь, а Испанія расходовала свои силы на фанатическую борьбу съ новыми идеями какъ у себя дома, такъ и за границей. Священный трибуналъ инквизиціи зорко слѣдилъ за мнѣніями и неумолимо преслѣдовалъ всѣхъ, кто отступалъ хотя на іоту отъ того, чему его учили католическіе попы. Еретики, ученые вѣдуны и вѣдьмы, мужчины и женщины, міряне и духовные, взрослые и дѣти состояли подъ этимъ ужаснымъ надзоромъ. Шпіонство и предательство, явно поощряемые и щедро оплачиваемые духовенствомъ, становились всеобщими. Сожженіе еретиковъ сдѣлалось «*актомъ вѣры*» (auto-da-fe), религіозной церемоніей, народнымъ зрѣлищемъ, столь-же любимымъ, какъ и бой быковъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при своихъ бракосочетаніяхъ, испанскіе короли не находили ничего лучше, какъ угощать народъ и своихъ приближенныхъ, иногда даже своихъ невѣстъ, созерцаніемъ этого кроваваго священнодѣйствія. «Все, что разсказываютъ о народахъ, приносящихъ людей въ жертву своимъ богамъ, далеко отъ этихъ казней, сопровождаемыхъ религіозными церемоніями. Поютъ, служатъ мессу, и убиваютъ людей. Азіатецъ, прибывшій въ Мадридъ въ день подобной казни, не могъ бы догадаться, что это такое—народное ли увеселеніе, религіозный ли праздникъ, жертвоприношеніе ли или просто бойня; ауто-да-фе было всѣмъ этимъ вмѣстѣ». (Voltaire). Количество жертвъ было громадно. Въ одной только европейской Испаніи, кромѣ принадлежавшихъ ей американскихъ и европейскихъ земель, съ 1481 по 1781 г. было сожжено 31,920 еретиковъ, 16,759 сожжены въ изображеніяхъ, 291,450 человѣкъ приговорено къ наказаніямъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ смертная казнь. Это вычисленіе весьма умѣренно. Утверждаютъ, напр., что одинъ только знаменитый Торквемада сожегъ 10,000 и приговорилъ къ различнымъ наказаніямъ 400,000 человѣкъ. Въ Ціудадъ-Реалѣ въ 1484 г. было сожжено 13 февраля 750 человѣкъ, 2 апрѣля 800, 7 мая 750, 16 августа 27, 12 декабря 950, всего въ годъ 3,377 человѣкъ. Протестантизмъ и всякая свободная мысль были совершенно искоренены. Народъ, развращаемый шпіонствомъ и зрѣлищемъ варварскихъ казней и вынуждаемый страхомъ инквизиціи скрывать свои дѣйствительныя мысли подъ личиною формальной набожности, началъ ханжить и лицемѣрить. Инквизиція убила въ Испаніи не только науку, но даже искусство, и окончательно склонила испанскій умъ подъ иго своихъ традицій. Инквизиція, кромѣ того, въ значительной степени разорила страну и обогатила духовенство посредствомъ конфискацій имуществъ, которымъ подвергалось большинство осужденныхъ.

Католическая іерархія, поработивъ народную мысль, воспитавъ въ націи чувство пассивнаго смиренія, совершенно извратила въ ней высокое чувство патріотизма, пріучивъ его удовлетворяться славою завоеваній и истребленія ереси. Распложая шпіонство и недовѣрчивость, внося раздоръ и въ общество, и въ семейство, вооружая вѣрующихъ такъ противъ думающихъ иначе, возбуждая бунты и пользуясь ими для своихъ выгодъ, развивая чувства нетерпимости, которыя отъ церковныхъ пред-

метовъ переносились и на мірскіе,—католицизмъ заглушилъ въ народѣ всякое сознаніе общественной солидарности, усилилъ рознь сословій и ту исконную раздѣльность провинцій, которая, существуя до нашихъ дней, дѣлаетъ неизбѣжнымъ въ будущемъ федеральное устройство Испаніи. Эта рознь и пассивность народа помогли утвердиться произволу свѣтскаго господства. Когда въ Испаніи воцарились Габсбурги, въ лицѣ Карла V, страна сохраняла еще не мало остатковъ старинной свободы и въ городахъ возникло сильное демократическое движеніе. Общины Кастиліи признали власть Карла V только на слѣдующихъ условіяхъ: «Король безъ согласія кортесовъ не можетъ ни жениться, ни вводить въ королевство иностранныхъ войскъ; всѣ налоги должны регулироваться таксами, по которымъ они взимались при смерти Изабеллы; всѣ новыя должности, учрежденныя съ тѣхъ поръ, должны быть уничтожены; каждый городъ долженъ имѣть въ собраніяхъ кортесовъ одного депутата отъ духовенства, одного отъ дворянства и одного отъ городского населенія, избираемыхъ каждый своимъ сословіемъ. Корона не можетъ ни руководить назначеніемъ этихъ депутатовъ, ни вліять на него. Никакой членъ кортесовъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, не имѣетъ права принимать отъ короля пенсіи или должности ни для себя лично, ни для кого бы то ни было изъ членовъ своего семейства. Кортесы собираются, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ каждые три года,—даже въ томъ случаѣ, если ихъ не созываетъ король,—для изслѣдованія, соблюдаются ли законы, и для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Судьи должны получать достаточное содержаніе и не имѣть никакой прибыли отъ постановляемыхъ ими приговоровъ или денежныхъ штрафовъ. Всѣ привилегіи, полученныя дворянствомъ въ ущербъ городскому сословію, должны быть уничтожены; управленіе городами и общинами никогда не должно быть ввѣряемо дворянину; имущества дворянства должны подлежать общественнымъ налогамъ наравнѣ съ имуществами третьяго сословія. Необходимо нарядить слѣдствіе надъ поведеніемъ лицъ, управлявшихъ коронными имѣніями съ восшествія на престолъ Фердинанда, и если король въ теченіе тридцати дней не назначитъ слѣдователей, то кортесы сами назначатъ ихъ... Наконецъ, король долженъ обѣщать и дать торжественную клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать всѣ эти условія и отнюдь не будетъ искать случая обойти или нарушить ихъ». Движеніе городовъ началось при такихъ условіяхъ, лучше которыхъ и желать было нельзя. У Карла не было ни достаточнаго войска, ни денегъ, и онъ готовъ былъ сдѣлать какія угодно уступки. Но дворянство, закоснѣвшее въ своихъ феодальныхъ понятіяхъ, враждовало съ городами и, устремившись въ объятія Карла, сдѣлалось его союзникомъ. Города тоже ссорились между собою, и каждый изъ нихъ, сражаясь съ правительственными войсками за одного себя, не только не поддерживалъ общаго дѣла, но даже вредилъ ему. Что же касается всесильнаго духовенства, то оно пользовалось этими междоусобицами, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, и поочередно эксплоатируя то правительство, то города, въ сущности помогало только себѣ, хотя и содѣйствовало успѣху абсолютизма. Въ Толедо, напр., героиня Пашеко произвела возстаніе на деньги духовенства, а когда, по его расчетамъ, нужно было повернуть дѣло въ пользу правительства, то то же самое духовенство пустило въ народѣ слухъ, что Пашеко колдунья; народъ возсталъ и отворилъ осаждающимъ городскія ворота. Карлъ побѣдилъ. Онъ, казнивъ аррагонскаго хустицу, въ лицѣ его уничтожилъ старинный независимый судъ; онъ сокрушилъ старинные кортесы, «коммунеросы» (общины) Кастиліи и «германію» (братство) Валенсіи. Но утвердивъ свою власть на развалинахъ свободы, Карлъ сдѣлался не свѣтскимъ деспотомъ, а верховнымъ защитникомъ католической церкви во всемъ мірѣ; порабощенные же испанцы удовлетворяли свое самолюбіе тѣмъ, что они составляютъ «священную монархію, безъ которой тотчасъ погибъ бы корабль св. Петра». Религія была главнымъ, почти исключительнымъ мотивомъ всего, что дѣлалъ Карлъ и во время мира, и во время войны. Онъ обѣщалъ папѣ употребить всѣ свои усилія, «чтобы уничтожить вовсе лютерскую секту или мирными средствами, или силою, а въ случаѣ необходимости, съ помощью другихъ государей». «Я—говоритъ онъ въ вормскомъ эдиктѣ—готовъ былъ бы пожертвовать моими царствами, моею властью, моими богатствами, моимъ тѣломъ, моей душой и моею жизнію, чтобы только положить предѣлъ нечестію Лютера». Въ Испаніи онъ не только покровительствовалъ, но даже поджигалъ ярость инквизиціи, предписывая наказывать еретиковъ «съ громомъ и силою, которыхъ требуетъ великость преступленія, и *судить ихъ безъ соблюденія обычныхъ юридическихъ формальностей*». (Laurent, Etudes, IX, 63). Терроръ, отъ котораго давно уже страдала Испанія, Карлъ водворилъ въ Нидерландахъ, запретивъ здѣсь «читать и хранить еретическія книги, проповѣдывать, поддерживать публично или тайно лютеранское ученіе, учреждать сходки или собранія, дѣлать позорныя иконы или изображенія преблаженной Дѣвы и святыхъ». За всѣ эти преступленія слѣдовала смертная казнь посредствомъ огня или меча для мужчинъ и закопанія живыми въ землю для женщинъ; въ довершеніе варварства, головы казненныхъ велѣно, ради примѣра и напоминанія, выставлять на копьяхъ»... Не подвергавшимся смертной казни распространителямъ лютеранскихъ книгъ Карлъ велѣлъ «выжигать на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ знакъ креста посильнѣе, чтобы его нельзя было уничтожить; имъ должно выкалывать одинъ глазъ или отрубать палецъ, по усмотрѣнію судьи». Въ 1546 г. въ Нидерландахъ было умерщвлено, по одному свидѣтельству, 30,000 протестантовъ, а въ 1562 г.—36,000. Гроцій говоритъ, что въ продолженіе карловскаго царствованія погибло 100,000 бельгійскихъ лютеранъ. Истощавшій всѣ силы своей импе-

ріи на религіозныя войны съ еретиками и магометанами, Карлъ, умирая, сознавалъ, что онъ далеко не выполнилъ своей миссіи, и окончаніе ея завѣщевалъ сыну. «Повелѣваю моему сыну,—говоритъ онъ,—въ качествѣ отца и въ силу того повиновенія, какое онъ обязанъ оказывать мнѣ, со всевозможною заботливостью преслѣдовать и наказывать еретиковъ съ суровостью, какой заслуживаетъ ихъ преступленіе, не обращая вниманія ни на мольбы, ни на званіе, ни на положеніе виновныхъ. Съ этою цѣлью необходимо покровительствовать всюду святому учрежденію инквизиціи... Этимъ онъ удостоится благословенія, которое Господь Богъ ниспошлетъ его царствованію».

Самые рьяные изъ клерикаловъ были недовольны даже Карломъ. «Послабленія императора,—говоритъ Рейнальди,—придали силу ереси, между тѣмъ какъ казнь Лютера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ спасла бы міріады душъ». Но въ сорокалѣтнее царствованіе его сына, Филиппа II, сбылись всѣ желанія духовенства. Филиппъ держался правилъ, что «лучше вовсе не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками», и готовъ былъ истребить всѣхъ своихъ подданныхъ, если бы они обратились въ ересь. Ради этого святого дѣла, Филиппъ жертвовалъ всѣмъ, даже собственнымъ самолюбіемъ. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ требованія духовенства, а духовенство въ этихъ требованіяхъ заходило слишкомъ далеко. Вотъ, напр., что писалъ королю хересскій пустынникъ, монахъ Лоренцо. «Умоляю ваше величество не имѣть никакого сожалѣнія къ еретикамъ, этимъ жесточайшимъ врагамъ Іисуса Христа. Святѣйшій царь Давидъ не имѣлъ никакой жалости къ врагами Божіимъ; онъ избивалъ ихъ всѣхъ, не щадя ни мужчинъ, ни женщинъ. Моисей въ одну ночь перерѣзалъ 3,000 человѣкъ изъ народа израильскаго. Ангелъ въ одну ночь умертвилъ 60,000 враговъ Божіихъ. И все-таки они, поступая такъ, не были жестокими; они только не жалѣли тѣхъ, которые не почитали Бога. Ваше величество—царь, какъ Давидъ, вождь народа Божія, какъ Моисей, ангелъ Божій, ибо писаніе такъ называетъ королей; враги же Бога живого—это тѣ еретики, тѣ богохульники, тѣ святотатцы, тѣ идолопоклонники, тѣ кровожадные звѣри, которые не преминутъ разрушить святилище Божіе въ Нидерландахъ, если во-время не предупредить столь гибельнаго и плачевнаго бѣдствія». Святой мужъ былъ, впрочемъ, не очень требователенъ: онъ просилъ только 2,000 еретическихъ головъ, считая этого достаточнымъ для истребленія ереси. Но Филиппъ былъ государь щедрый... Истребивъ послѣдніе слѣды ереси въ Испаніи, общественное мнѣніе которой поддерживало его въ этомъ святомъ дѣлѣ, Филиппъ устремился на Нидерланды. Сущность его политики здѣсь отлично выражается слѣдующими словами герцога Альбы: «лучше имѣть разрушенное царство, сохранивъ его Богу и королю посредствомъ войны, чѣмъ имѣть его въ цѣлости въ угоду дьяволу и его послѣдователямъ, еретикамъ». Кровожадный Альба казнилъ въ одномъ только Брюсселѣ больше 18,000 человѣкъ, а число протестантовъ, истребленныхъ въ другихъ провинціяхъ, простиралось до 100,000. Желаніе Филиппа исполнилось — онъ не сталъ царствовать надъ еретиками. Нидерланды отложились, а Испанія, погубившая въ этой безсмысленной войнѣ цвѣтъ своей арміи, нажила долгъ въ 800,000,000 піастровъ. При такой фанатической и совершенно искренней ревности къ вѣрѣ, Филиппъ былъ типомъ современныхъ ему испанцевъ, въ конецъ развращенныхъ католичествомъ. Преданность церкви и наружное благочестіе совершенно мирились въ немъ съ жестокостью, безсердечіемъ, вѣроломствомъ и необузданнымъ сладострастіемъ. Но развратъ былъ еще меньшимъ изъ его пороковъ. Филиппъ, подозрительный, подобно всѣмъ тиранамъ, поручилъ своему секретарю Перецу убить друга и совѣтника своего брата, Эсковеда. Эсковедо погибъ. Духовникъ короля разрѣшилъ его отъ грѣха. Филиппъ облагодѣтельствовалъ Переца, но потомъ изъ ревности предалъ его суду за убійство Эсковедо. Перецъ имѣлъ документы, доказывавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ самого короля; но король требовалъ ихъ выдачи. Перецъ уступилъ. Изможденный одинадцатилѣтнимъ заключеніемъ, онъ былъ подвергнутъ ужаснымъ пыткамъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ. Онъ убѣжалъ въ Аррагонію, но здѣсь его схватила инквизиція, по просьбѣ Филиппа; онъ бѣжалъ въ Наварру, Англію, Францію, но его всюду преслѣдовали убійцы. Все это было въ порядкѣ вещей и вполнѣ гармонировало съ общекатолическою и особенно съ испанскою маралью. Тотъ же государь, вмѣстѣ съ папою Піемъ V, причтеннымъ къ лику святыхъ, замышляли другое, возмутительное убійство. Папа писалъ Филиппу: «Нашъ возлюбленный сынъ Ридольфи, съ помощью Божіей, передастъ вашему величеству о нѣкоторыхъ вещахъ, не мало касающихся чести Бога всемогущаго и пользы христіанства... Отъ всей глубины своего сердца мы молимъ Искупителя, да пошлетъ Онъ, по своему милосердію, успѣхъ тому, что предполагается совершить ради Его славы и чести». Ридольфи объявилъ, что папа предполагаетъ *убить англійскую королеву Елисавету*. Въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ начались обсужденія, *убивать* ли ее или сначала только *завладѣть* ею; когда же рѣшили, что лучше *убить*, то возникъ вопросъ, какъ убить, и т. д. И ни одного голоса не было подано противъ этого безумнаго плана! Кардиналы и епископы, засѣдавшіе въ совѣтѣ, съ радостью ухватились за этотъ заговоръ. Герцогъ Альба возражалъ только относительно трудностей выполненія, но король настаивалъ, доказывая, что «*это дѣло Божіе*, что самъ Богъ будетъ покровительствовать этому *святому предпріятію*» и что его, Филиппа, ничто не можетъ отклонить отъ выполненія этого плана (Laurant, id., 92).

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ своемъ характерѣ, страстяхъ, убѣжденіяхъ Филиппъ былъ продуктомъ и типомъ католической Испаніи. Его любили и обожали даже за его тираннію. И какъ-же

было не любить и не обожать такого короля испанцамъ, изъ которыхъ каждый былъ Филиппомъ въ миніатюрѣ? Могла ли не рукоплескать варварствамъ этого короля та масса, даже женщины и дѣти которой съ яростью бросали еретиковъ въ пламя; та масса, которая была убѣждена, что похвально убивать каждаго отступника, и хотя немного сомнѣвалась, можетъ ли сынъ или дочь убивать своихъ еретиковъ родителей, но ни мало не сомнѣвалась въ томъ, что за ересь можно убивать своихъ дѣтей, братьевъ, сестеръ! Народъ обожалъ Филиппа и поклонялся ему, «считая, по свидѣтельству одного современника, его повелѣнія до такой степени священными, что ихъ невозможно было бы нарушить, не оскорбивъ самого Бога».

Послѣднимъ и самымъ важнымъ предпріятіемъ Филиппа II было снаряженіе знаменитой армады, имѣвшей цѣлью искорененіе ереси въ Англіи. Неудача этого предпріятія и слѣдовавшее затѣмъ изгнаніе морисковъ было началомъ быстраго паденія Испаніи. Съ 1598 по 1700 г. на испанскомъ престолѣ возсѣдали Филиппы III и IV и Карлъ II, самые неспособные изъ испанскихъ королей. Силы націи, доведенныя до крайняго напряженія при первыхъ двухъ Габсбургахъ, при послѣднихъ трехъ совершенно упали, и страна погрузилась въ апатію. Народъ былъ въ конецъ разоренъ. Правительство удерживало всѣ норманскія, гогенштауфенскія и арабскія подати, съ *алькабалой* во главѣ, доходившей до 14% съ цѣны товара при каждой его продажѣ; оно вымогало подарки, поддѣлывало монету, силою захватывало золото, привозимое изъ Америки, отнимало металлическія деньги и взамѣнъ ихъ выдавало ничего не стоющія бумаги, закладывало иностранцамъ имущества и доходы съ провинцій, отнимало у своихъ кредиторовъ залоги и понижало проценты, издавало стѣснительные торговые законы, до того внезапно повышало налоги на первыя жизненныя потребности, что, напримѣръ, соль поднималась въ цѣнѣ съ 30 до 300 реаловъ; наконецъ, ни чиновники, ни солдаты не получали жалованья и жили грабежомъ да взятками. Промышленность пала. Испанцы разучились строить корабли и принуждены были прекратить не только торговлю по берегамъ, но и рыбный промыселъ, потому что и на моряхъ, и на берегахъ Испаніи хозяйничали не только англійскіе и голландскіе, но даже африканскіе пираты. Около тысячи городовъ и мѣстечекъ совершенно обезлюдѣли. Народонаселеніе Мадрида въ теченіе XVII вѣка съ 400,000 уменьшилось до 200,000 человѣкъ. Въ Севильѣ число ткацкихъ станковъ съ 16,000 упало до 300. Въ Толедо въ пятнадцать лѣтъ число шерстяныхъ мануфактуръ съ 50 съ лишнимъ уменьшилось до 13. Производство перчатокъ, которымъ славилась Испанія во всей Европѣ, вовсе прекратилось. Эстремадура превратилась въ пустыню; Валенсія, Каталонія, роскошная Андалузія утратили всякое торговое и промышленное значеніе. «Безъ иностранцевъ,—жаловались испанцы,—мы не можемъ одѣться: у насъ нѣтъ ни полотна, ни сукна; безъ нихъ мы не можемъ писать: у насъ нѣтъ бумаги». Въ окрестностяхъ Мадрида и въ самой столицѣ царили голодъ, голодная смерть, ужасные разбои и убійства изъ-за куска хлѣба. Въ 1664 г. президентъ Кастиліи, въ сопровожденіи палача и военной команды, принужденъ былъ объѣзжать окрестныя деревни, заставляя жителей везти на столичные рынки послѣдніе запасы хлѣба. Сборщики податей отнимали весь домашній скарбъ, даже снимали и продавали кровли съ домовъ. Жители разбѣгались, и къ концу XVII вѣка болѣе $^2/_3$ домовъ пришли въ совершенное запустѣніе. Бѣдность простиралась до того, что не хватало денегъ даже на столъ короля, а столичная полиція съ голоду занималась грабежомъ. Всюду возникли многочисленныя шайки разбойниковъ, служащія язвой страны до послѣдняго времени. Сотни тысячъ нищихъ не имѣли другого пропитанія, кромѣ монастырскихъ подачекъ. Испанія потеряла почти всѣ свои важныя владѣнія въ Европѣ, погрузилась въ апатію и анархію, а власть лишилась всякой силы и не знала никакихъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ поправленію дѣлъ, кромѣ молитвъ. Даже кортесы занимались только тѣмъ, что возносили жалобныя просьбы къ иконамъ св. Яго и св. Терезіи, да вели пренія о томъ, кто изъ этихъ святыхъ способнѣе помочь горю! Были и попытки освободиться изъ-подъ ига; въ 1640 г. возстали Каталонія и Португалія, за ними слѣдовали Неаполь, Сицилія, Аррагонія, Андалузія, Валенсія, Наварра. Для Испаніи эти мятежи приносили одинъ только вредъ: иностранныя земли отпадали отъ нея, а испанскіе мятежи только усиливали анархію и всѣ неразлучныя съ нею бѣдствія.

Въ то время, какъ въ Европѣ начинался уже вѣкъ разума и владычество духовенства постепенно падало, Испанія не только оставалась въ своемъ прежнемъ невѣжествѣ, но, подъ вліяніемъ сейчасъ упомянутыхъ бѣдствій, становилась еще невѣжественнѣе и суевѣрнѣе, чѣмъ прежде. По мѣрѣ того, какъ падало правительство, усиливалось значеніе духовенства, которое съ безсердечною наглостью пользовалось бѣдственными временами отечества для накопленія богатствъ и упроченія своей тиранніи. Хищничество духовенства доходило до того, что въ 1626 г. противъ него нашлись вынужденнымъ протестовать даже правовѣрные кортесы. Въ 1690 г. въ Испаніи, при $7^1/_2$ милліонахъ жителей, приходилось на 9,000 мужскихъ монастырей 168,000 духовенства и въ томъ числѣ 90,000 монаховъ. Къ половинѣ XVIII вѣка церковь получала 360,000,000 ежегоднаго дохода,—столько же, сколько и государство. Все управленіе страной находилось въ рукахъ епископовъ и генераловъ религіозныхъ орденовъ, и лучшіе политики Испаніи говорили о государственныхъ финансахъ: «это дѣло богослововъ; они точно знаютъ состояніе монархіи». Всѣ образованные люди занимались или войной, или теологіей, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Испанская письменность состояла преимущественно изъ сочиненій противъ ереси, панегириковъ инквизиціи, легендъ о чудесахъ, житій свя-

тыхъ, исторій монастырей и соборовъ. Самые геніальные писатели губили свои таланты, рабски склоняя свои выи подъ губительнымъ ярмомъ католицизма. Лопе-де-Вега былъ попомъ, служилъ въ инквизиціи и сожигалъ еретиковъ. Морето, одинъ изъ величайшихъ драматурговъ Испаніи, былъ монахомъ. Кальдеронъ былъ капелланомъ Филиппа IV и поэтомъ инквизиціи. Знаменитый комикъ Вильявиціоза служилъ въ инквизиціи и былъ до того проникнутъ любовью къ этому учрежденію, что завѣщалъ всѣмъ своимъ родственникамъ и потомкамъ служить въ немъ, хотя бы и на самыхъ незначительныхъ должностяхъ! Десятки другихъ, не менѣе извѣстныхъ поэтовъ, историковъ, ученыхъ были или попами, или монахами, или состояли при св. инквизиціи. Такимъ образомъ, и наука, и искусства, и литература—все было направлено къ поддержанію католицизма. Народное образованіе находилось въ рукахъ духовенства и заключалось въ одной католической схоластикѣ. Всѣ науки преподавались на самомъ варварскомъ латинскомъ нарѣчіи и по средневѣковымъ руководствамъ, въ которыхъ не допускалось никакихъ измѣненій. Университеты приготовляли только теологовъ, шарлатановъ-медиковъ, да продажныхъ чиновниковъ. Торресъ, учившійся въ саламанкскомъ университетѣ въ началѣ XVIII вѣка, говоритъ, что только послѣ пятилѣтняго ученія въ немъ онъ впервые услыхалъ о существованіи математическихъ наукъ. Этотъ же университетъ въ 1771 г. отвергъ еретическую систему Ньютона; въ то же самое время въ Испаніи отрицали открытое Гарвеемъ кровообращеніе; вовсе не было каѳедръ государственнаго права, физики, анатоміи и ботаники, не было порядочныхъ географическихъ картъ, не было ни одного аптекаря, который сумѣлъ бы приготовить самое простое лѣкарство, напримѣръ, глауберову соль; не было ни инженеровъ, ни искусныхъ рудокоповъ, ни судостроителей, и вражда ко всякому нововведенію простиралась до того, что когда въ 1760 г. было предложено очистить улицы Мадрида отъ нечистотъ, то это возбудило общій протестъ, поддерживаемый даже учеными докторами, доказывавшими, что «такъ какъ воздухъ тонокъ и пронзителенъ, то очень можетъ быть, что дурныя испаренія, отягчая атмосферу, лишаютъ ее нѣкоторыхъ вредныхъ свойствъ».

Окончательная гибель Испаніи была бы неизбѣжна, если бы духовенству удалось совершенно и надолго изолировать ее отъ всякаго вліянія образованной Европы. Но это было невозможно.

II.

Въ 1700 г. послѣдній отпрыскъ Габсбурговъ, Карлъ II, сошелъ въ могилу и въ лицѣ внука Людовика XIV, Филиппа V, на испанскій престолъ вступили Бурбоны. Управленіе Испаніей, за совершеннымъ недостаткомъ способныхъ туземцевъ, перешло въ руки иностранцевъ, преимущественно французовъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Страна замѣтно ожила и поправилась. Достаточная молодежь начала ѣздить учиться въ Европу. Въ литературѣ явилось нѣсколько талантливыхъ дѣятелей, подвергавшихъ раціональной критикѣ положеніе страны и пропагандировавшихъ европейское знаніе. Появились даже сатиры на монаховъ. Поправилась промышленность, а финансы были доведены до такого блестящаго состоянія, что доходы превышали расходы. Духовенство подвергнуто налогамъ, подъ видомъ займовъ. Королевская власть начала борьбу съ инквизиціей и съ Римомъ. И все это было только подготовленіемъ къ блестящему царствованію Карла III (1759 — 1788 г.), — подготовленіемъ, видвинувшимъ на сцену нѣсколько первоклассныхъ государственныхъ дѣятелей. Во главѣ ихъ стоялъ графъ Аранда, кровный аристократъ, другъ Вольтера, поклонникъ энциклопедистовъ, представитель и средоточіе новыхъ идей въ Испаніи. Болѣе умѣренный, но и болѣе практическій Кампоманесъ, крестьянинъ по происхожденію, честный патріотъ, былъ не только правителемъ государства, но и первоклассным, всестороннимъ публицистомъ и замѣчательнымъ ученымъ, возбуждавшимъ всюду любовь къ изученію отечества. Онъ не былъ кабинетнымъ чиновникомъ, а разъѣзжалъ по странѣ, изучая жизнь, нравы, понятія и потребности народа и возбуждая самодѣятельность его посредствомъ основанныхъ имъ экономическихъ обществъ. Графъ Фроридабланка хотя и не былъ такимъ либераломъ, какъ два предыдущіе, но, какъ первостепенный дипломатъ, какъ министръ во вкусѣ Ришелье, а главное, какъ заклятый врагъ клерикаловъ, онъ способенъ былъ оказать важныя услуги Испаніи, и, дѣйствительно, оказалъ ихъ. Лучшимъ же плодомъ происходившаго тогда въ испанскомъ обществѣ умственнаго движенія, безспорно, былъ Ховельяносъ, неподкупный чиновникъ, честнѣйшій патріотъ, замѣчательный поэтъ, археологъ, политико-экономъ, юристъ, историкъ, инженеръ. Это былъ всеобщій возбудитель, универсальный труженикъ въ родѣ нашего Ломоносова, но далеко превосходившій послѣдняго и прокладывавшій новые пути во всѣхъ отрасляхъ своей многосторонней дѣятельности. Онъ старался освободить школу изъ-подъ власти духовенства и, указывая въ невѣжествѣ народа коренное зло Испаніи, доказывалъ, что главная забота правительства, желавшаго блага странѣ, должна состоять во всеобщемъ просвѣщеніи народной массы.

Окруженный подобными сотрудниками, образованный и энергичный Карлъ III въ продолженіе всего своего царствованія неутомимо боролся противъ основной язвы, губившей Испанію,—католической тиранніи. Онъ ограничилъ могущество духовенства и подвергъ послѣднее налогамъ; онъ обуздалъ инквизицію и выгналъ іезуитовъ; онъ обратилъ главное вниманіе своего правительства на образованіе, основывалъ школы и академіи, направлялъ ихъ въ духѣ вѣка, протежировалъ ученымъ и литераторамъ. При немъ ожила промышленность, легче вздохнули рабочіе классы, развились и улучшились

пути сообщенія, оживилась торговля, и средства народа до того поправились, что, не смотря на возвышеніе налоговъ, они собирались легко, а государственная казна была полна. Въ колоніяхъ были также сдѣланы важныя улучшенія, введена свобода торговли, и вслѣдствіе этого въ Испаніи ввозъ иностранныхъ произведеній утроился, вывозъ туземныхъ упятерился, ввозъ же изъ Америки увеличился въ десять разъ. Гоненія за ересь прекратились, пытки были отмѣнены, религіозные мотивы устранены изъ внѣшней политики, и, поставивъ Испанію снова на степень первостепенной державы, Карлъ вовсе устранилъ ее отъ вмѣшательства въ дѣла вѣры и, вдобавокъ ко всему, заключилъ союзъ съ турками. Не перечисляя другихъ не менѣе важныхъ реформъ и улучшеній, скажемъ только, что Испанія совершенно преобразилась во всѣхъ отношеніяхъ и, повидимому, пошла по той же дорогѣ, по которой шла Франція при послѣднихъ Бурбонахъ.

Но горе было въ томъ, что все это движеніе захватывало только малочисленный верхній классъ общества и не проникало въ глубь народной массы, которая попрежнему оставалась въ невѣжествѣ, суевѣрно преклонялась передъ авторитетомъ каждаго попа и монаха, не возбуждалась къ самодѣятельности, и только, по своей исконной привычкѣ къ повиновенію, слушалась узды, находившейся въ искусныхъ и энергическихъ рукахъ. Даже при Карлѣ можно уже было видѣть, чего слѣдуетъ ожидать отъ этой массы въ томъ случаѣ, когда измѣнится къ худшему личный составъ правительства. Черезъ годъ послѣ изгнанія іезуитовъ, напр., въ одинъ торжественный день Карлъ выходитъ на балконъ своего дворца, готовый дать народу все, чего онъ ни попроситъ. И граждане Мадрида почти единогласно начали умолять его, чтобы онъ облагодѣтельствовалъ Испанію, дозволивъ вернуться въ нее братьямъ святого іезуитскаго ордена!.. Слѣпо вѣрившая своимъ духовнымъ руководителямъ, масса была готова помогать имъ въ ниспроверженіи всѣхъ еретическихъ реформъ и въ возстановленіи церковныхъ привилегій, ограниченныхъ правительствомъ Карла, удалившимъ отъ управленія государствомъ поповъ и прелатовъ и замѣнившимъ ихъ свѣтской аристократіей.

Въ концѣ 1788 г. Карлъ III умеръ и воцарился Карлъ IV, человѣкъ невѣжественный, ограниченный и безсердечный, равнодушный къ религіи и въ то же время лицемѣрный почитатель ея. Дородный силачъ, ловкій охотникъ, хорошій кучеръ, онъ не обладалъ никакими другими талантами и находился подъ башмакомъ жены, итальянки, Маріи Луизы. Она успѣла привязать недалекаго короля не только къ себѣ, но даже къ своему любовнику Годою. Въ день коронаціи Карлъ явился къ народу со всей семьей, обнимая одною рукою шею Годою. Не видитъ его день—и, уже самъ не свой отъ скуки, спрашиваетъ: «гдѣ же мой Мануйлинька?» Старая, подурнѣвшая, беззубая королева была очень ревнива къ мужу, не по любви, а изъ желанія властвовать надъ нимъ; она употребляла всѣ усилія, чтобы устранить Карла отъ встрѣчъ съ женщинами, которыя могли бы увлечь этого сорокалѣтняго толстяка. Она высылала изъ Мадрида всѣхъ сколько-нибудь подозрительныхъ красавицъ. Еще болѣе ревнива она была къ Годою, которому было воспрещено всякое общество, особенно женское, и онъ былъ постоянно окруженъ шпіонами королевы. Быстро повышая Годоя, королевская чета сдѣлала его грандомъ, маркизомъ, герцогомъ, первымъ богачемъ, первымъ вельможей Испаніи, правителемъ государства. Этотъ пустой и развратный гвардеецъ былъ до того невѣжественъ, что, уже будучи нѣкоторое время министромъ, впервые узналъ, что Россія и Пруссія не одно и то же, и называлъ ганзейскіе города (villas henseaticas) *азіатскими островами* (islas asiaticas)! Но онъ обладалъ здоровымъ, красивымъ тѣломъ и, благодаря этому, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ былъ фактическимъ королемъ и губителемъ Испаніи. При дворѣ началось господство самыхъ грязныхъ интригъ. Испанцы скандализировались открытою связью королевы съ Годоемъ. Пасквили проникали даже въ покои короля. Столица наполнилась шпіонами. Начались аресты и административныя ссылки. «Недовѣріе—писалъ русскій посланникъ (Испанія девятнадцатаго вѣка, А. Трачевскаго) — господствуетъ среди всякаго рода лицъ, принадлежащихъ ко двору. Уже не существуетъ большихъ собраній, и всякій старается избѣгать двора изъ опасенія навлечь на себя немилость по простому подозрѣнію». Всѣ порядочные люди были удалены. Годой хозяйничалъ въ государствѣ и опустошалъ казну. Уже осенью 1790 г. оказалось, что въ казначействѣ недостаетъ 7,000,000 реаловъ, назначенныхъ на уплату рабочимъ въ гаваняхъ, но взятыхъ королевой «на свои нужды», т.-е. для Годоя. Въ то время въ сосѣдней Франціи началась революція, а въ Испаніи ожесточенное гоненіе «вредныхъ идей», выдуманныхъ французскими еретиками. Всѣ ученыя и литературныя общества были уничтожены; въ университетахъ запрещено преподаваніе философіи, при чемъ министръ, распоряжавшійся этимъ, замѣтилъ, что его величество не нуждается въ философахъ; офицерамъ запрещалось «говорить о нынѣшнемъ положеніи Франціи», газетамъ предписывалось «ничего не печатать о французскихъ дѣлахъ», инквизиція усилила свою полицейскую и цензурную дѣятельность; даже испанскимъ посланникамъ запрещалось имѣть запрещенныя французскія книги; изъ Мадрида высланы всѣ лица, не имѣвшія «опредѣленныхъ занятій», и приняты «пристойныя мѣры, чтобы выслать пристойнымъ образомъ всѣхъ французовъ, «безстыдныхъ враллей и болтуновъ»; проживающіе въ Испаніи иностранцы обязаны были присягнуть королю и католической церкви, отказаться отъ своихъ званій, титуловъ и отъ всѣхъ сношеній съ своимъ отечествомъ, подъ страхомъ каторжной работы, тюрьмы и конфискаціи имущества. Всѣ эти безумства сначала возбуждали въ обществѣ нѣкоторый ропотъ, и указы, наклеенные на улицахъ

столицы, «наглый, по своей природѣ, мадридскій народъ» нерѣдко «одни мерзостями гадилъ, а другіе разрывалъ», по словамъ нашего посланника. Но духовенство не дремало, оно во всѣ свои рты проповѣдывало, что французскіе революціонеры—враги Бога и разбойники, что они грабятъ церкви, ругаются надъ вѣрой, истребляютъ духовенство и, недовольствуясь гибелью Франціи, устремляютъ свои преступные взоры на хранительницу и защитницу вѣры—Испанію. Общественное мнѣніе было фанатизировано, а Годой, переходя въ иностранныхъ дѣлахъ отъ одной нелѣпости къ другой, хлопоталъ о защитѣ «праваго дѣла», боялся конвента, хотѣлъ вступить съ нимъ въ нейтральный союзъ, въ то же время интриговалъ противъ него и довелъ французовъ до того, что они рѣшили объявить войну Испаніи. Это событіе и вѣсть о казни Людовика XVI подняли на ноги весь Пиринейскій полуостровъ. Народъ гонитъ и избиваетъ французовъ, какъ въ древности онъ гналъ и избивалъ евреевъ или морисковъ; провинціи волнуются, предлагаютъ деньги и солдатъ для войны съ мятежной шайкой революціонеровъ; одни жертвуютъ на войну милліоны реаловъ, другіе—своихъ дѣтей, третьи—приданое женъ, нѣкоторые—послѣдніе свои башмаки; въ столицу то и дѣло вступаютъ отряды вооруженныхъ волонтеровъ; на защиту святого дѣла вооружаются монахи, бѣглецы, вернувшіеся добровольно изъ своихъ убѣжищъ, разбойники, а контрабандисты Сіерры-Морены выставляютъ отрядъ въ 300 человѣкъ. Король съ гнѣвомъ клянется наказать Францію; чувствительная королева утопаетъ въ слезахъ, а трусливый Годой храбро извѣщаетъ иностранные дворы, что доведенная имъ до ничтожества Испанія жестоко покараетъ мятежныхъ французовъ. Началась безсмысленная, позорная война, оконченная въ 1795 г. миромъ, за который Годой получилъ титулъ *князя мира*, земли, приносившія 1,000,000 ежегоднаго дохода, лейбъ-стражу, превосходившую своимъ блескомъ королевскую гвардію. Теперь онъ вознесся на вершину своего могущества, повелѣвалъ даже королевой, раздавалъ должности родственникамъ своихъ безчисленныхъ любовницъ, безумно расточалъ послѣдніе остатки казны и вмѣстѣ съ дворомъ кутилъ напропалую. Едва окончивъ войну съ Франціей, онъ впутался въ войну съ Англіей, рѣшившись отнять у нея первенство на морѣ! Испанскій флотъ былъ уничтоженъ при первой встрѣчѣ съ англичанами, которые немедленно же убили всю испанскую торговлю и совершенно разстроили испанскіе финансы.

Положеніе страны было ужасное, и всѣ реформы предшествовавшаго царствованія какъ будто никогда не существовали. Безумныя войны, расточительность двора, казнокрадство и обѣднѣніе народа производили то, что съ воцаренія Карла—Годоя дефицитъ ежегодно простирался до 150,000,000 реаловъ, вслѣдствіе войны съ Франціей онъ увеличился на 1.269,000,000, а въ 1797 году къ нему прибавилось еще 800,000,000. Ни соблазнительныя лотереи, ни принудительные займы, ничто не могло поправить дѣлъ. Страна нищенствовала, а дворъ поглощалъ болѣе $^1/_6$ всѣхъ доходовъ. Чиновники не получали жалованья, солдаты голодали и ходили чуть не нагіе, а вельможи имѣли царское содержаніе. Годой занималъ десятки прибыльныхъ должностей и получалъ больше, чѣмъ всѣ судьи Испаніи, взятые вмѣстѣ. Производительность страны была парализирована. Только третья часть сельской и городской земли находилась въ свободномъ владѣніи; остальныя двѣ трети принадлежали духовенству и дворянству, которыя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были единственными землевладѣльцами, а крестьяне—ихъ поденщиками. Эти двѣ трети земли, принадлежавшія привилегированнымъ сословіямъ, не приносили и половины того дохода, какой давала остальная, свободная треть. Промышленности не было почти никакой, и большую часть товаровъ Испанія получала изъ-за границы, на деньги, выжатыя изъ своихъ колоній. Провинціи жили совершенно изолированно одна отъ другой, и протяженіе всѣхъ дорогъ не превышало 3,000 километровъ. Дороги были усѣяны ворами и разбойниками, которые взимали дань почти съ каждаго проѣзжающаго. Дурное состояніе внутреннихъ сообщеній доходило до того, что, напримѣръ, въ Картагенѣ, по случаю голода, фунтъ дурного хлѣба стоилъ 30 франковъ, а въ Ламанчѣ, всего въ 30 французскихъ миляхъ отъ Картагены, продавался въ изобиліи отличный хлѣбъ по 10 сантимовъ за фунтъ. Почты ходили дважды въ недѣлю изъ Мадрида только въ Кадиксъ, Барцелону и Ирунъ. На границахъ многочисленныхъ провинцій и при въѣздѣ въ города путешественники и товары переписывались и уплачивали тяжкіе налоги. Провинціи были населены чрезвычайно неравномѣрно и имѣли различныя мѣры, вѣсъ, монету, говорили разными нарѣчіями и чуждались другъ друга. Онѣ управлялись военными диктаторами, подъ названіемъ генералъ-капитановъ. Уголовное законодательство представляло изъ себя чудовищную смѣсь средневѣковыхъ законовъ съ новѣйшими постановленіями; безчисленное множество спеціальныхъ судовъ, и притомъ такихъ, какъ инквизиція, совершенно устраняло равенство людей передъ закономъ, а взяточничество и произволъ убивали даже всякое представленіе о правосудіи. Всеобщій гнетъ, давившій всякое проявленіе мысли, доходилъ до чудовищнаго регламентированья промышленности. Правительство выдумало раздѣлить дѣятельность колоній и метрополій на спеціальности; такъ, напримѣръ, извѣстныя отрасли горнаго дѣла были дозволены въ колоніяхъ, но запрещены въ Испаніи, и наоборотъ. Корпоративныя цеховыя стѣсненія убивали собою развитіе ремеслъ. Армія набиралась посредствомъ вербовки, а флотъ попо́лнялся матросами, насильно захватываемыми гдѣ ни попало. Народное образованіе со временъ Карла́ III совершенно пало. Подъ вліяніемъ реакціи, университеты снова получили свой прежній средневѣковой характеръ, и съ ихъ каѳедръ бездарные

профессора, на языкѣ варварской латыни, попрежнему преподавали древнюю премудрость. Физика, астрономія, естественныя науки были въ полномъ пренебреженіи, но зато процвѣтали въ полномъ блескѣ своемъ теологія, римское право, римская казуистика и искусство схоластическаго словопренія. Студенты вели средневѣковую бродячую жизнь. Въ мантіяхъ, съ гитарами и шпагами, они бродили по странѣ, задавали серенады, питались милостыней или кормились въ монастыряхъ. Грамотный крестьянинъ былъ величайшею рѣдкостью, а умѣвшая читать женщина навлекала на себя подозрѣніе въ безнравственности. Инквизиція, подслушивая и подглядывая каждое движеніе совѣсти и мысли, совершенно подавила литературу. Кромѣ богословскихъ книгъ, ничего не печаталось, и на всю страну существовало только четыре ничтожныя газетишки, выходившія дважды въ недѣлю; одна изъ нихъ издавалась въ Мадридѣ. Театръ былъ въ совершенномъ упадкѣ, и спектаклю рѣшительно предпочитался бой быковъ, а король, чтобы не скучать и не быть одному въ театрѣ, разсылалъ по улицамъ своихъ лакеевъ, чтобы приглашать прохожихъ даромъ. Зато религіознымъ церемоніямъ не было и счету. Цѣлая половина дней въ году принадлежала праздникамъ. Между тѣмъ, какъ въ странахъ менѣе фанатическихъ особенною популярностью пользуются радостные, свѣтлые праздники, напримѣръ, Пасха и Рождество, въ мрачной, изувѣрной Испаніи наиболѣе выдвигаются впередъ такія мрачныя празднества, какъ, напримѣръ, страстная недѣля съ своими потрясающими процессіями и церемоніями, внушающими религіозный ужасъ. На перекресткахъ улицъ, на площадяхъ и въ переулкахъ, всюду были устроены ниши со статуями и иконами святыхъ; по ночамъ передъ ними теплились свѣчи и лампады, и это было единственное уличное освѣщеніе. Противъ засухи, голода, наводненія, скотскихъ падежей и всѣхъ болѣзней боролось одно лишь духовенство своими заклинаніями и тому подобными средствами. Больные обращались не къ лѣкарямъ, а къ амулетамъ и реликвіямъ. Доходы церкви превосходили доходы государства. Обнищавшая страна кормила 150,000 монаховъ, монахинь и поповъ; на каждую тысячу жителей приходилось 11 духовныхъ. Скопляя громадныя богатства, поддерживая и развивая нищенство, оковывая умъ, пропагандируя аскетизмъ и смиреніе, духовенство въ то же время развивало въ народѣ всевозможные пороки. Оно систематически развращало женщинъ, портило мальчиковъ, плодило незаконныхъ дѣтей и смотрѣло сквозь пальцы на то, какъ религіозныя процессіи и торжества сплошь и рядомъ оканчивались оргіями. Монастыри, какъ и въ средніе вѣка, были притонами разврата и тунеядства. Поддерживая фанатизмъ, лицемѣріе и пустосвятство, духовенство воспользовалось событіями въ сосѣдней Франціи, чтобы усилить вражду испанцевъ ко всякой прогрессивной идеѣ, и поддерживало въ нихъ тотъ ложный патріотизмъ, въ силу котораго правовѣрная, но нищая, невѣжественная, безоружная Испанія считала себя богоизбранною націей и готова была выйти на бой со всей Европой, въ надеждѣ на одну только обѣщаемую патерами сверхъестественную помощь. Наконецъ, благодаря тому же духовенству главнымъ образомъ, мы видимъ непомѣрное развитіе той роскоши, которая существуетъ какъ будто для того только, чтобы рѣзче обрисовался контрастъ между нею и нищетою страны, вопіющей бѣдностью народа, нечистотою городовъ, грязью закулисной домашней жизни и строгостью проповѣдуемаго всюду аскетизма. Это не комфортабельная роскошь англійскаго лорда, а роскошь на показъ, удовлетворяющая пустому самолюбію, ослѣпляющая бѣдную массу и повергающая ее въ прахъ передъ такимъ грандіознымъ величіемъ. Народъ бѣденъ, нищъ, но католическіе храмы и монастыри великолѣпны, а изъ духовенства даже люди самыхъ строгихъ правилъ живутъ роскошнѣе иныхъ королей. Кардиналъ Химинесъ, напримѣръ, носилъ на тѣлѣ власяницу и рясу нищенствующаго монаха, но прикрывалъ ихъ великолѣпнымъ костюмомъ своего званія; онъ питался зеленью и кореньями, спалъ на голыхъ доскахъ, и въ то же время жилъ въ самой роскошной обстановкѣ, достойной любого государя. Поражая народъ такимъ великолѣпіемъ, духовенство и воспитанные имъ высшіе классы внушали ему не меньшее благоговѣніе своей неприступностью, гордостью и повелительностью. Что у народа, развившагося иначе, возбудило бы одно только недовольство и раздраженіе, въ Испаніи повергало его въ прахъ, и онъ съ умиленіемъ лобзалъ ноги своихъ старѣйшинъ.

Ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ описываемаго времени присоединилось еще сильное броженіе въ колоніяхъ, готовыхъ отдѣлиться отъ Испаніи и тѣмъ лишить ее послѣдняго источника богатствъ.

Главною цѣлью колоніальной политики было извлеченіе золота и серебра, которыхъ одно только правительство получило изъ Америки съ 1492 г. до 30 милліардовъ франковъ. Завоевавъ необозримую роскошную страну, ограбивъ жителей, разрушивъ туземную цивилизацію, истребивъ милліоны индѣйцевъ и водворивъ рабство негровъ,—испанцы опочили отъ трудовъ, и колоніи погрузились въ сонную, апатичную жизнь, нарушаемую только по временамъ жестокими притѣсненіями правителей да взрывами анархическихъ мятежей. Торговля и промышленность колоній были регулированы такъ, чтобы держать ихъ въ постоянномъ безсиліи и постоянной зависимости отъ метрополіи. Въ дѣлѣ управленія испанское правительство стремилось не къ тому, чтобы слить разнообразные элементы народонаселенія, но чтобы разъединить ихъ и, разъединивъ, обезсилить. Каждому сословію, каждой расѣ, каждому учрежденію оно создавало противовѣсъ въ другихъ сословіяхъ, расахъ и учрежденіяхъ. Поддерживая маіораты и дворянство, оно мѣшало развитію свободнаго земледѣльческаго сословія; оно вооружало духовенство противъ городскихъ совѣтовъ; назначая чиновниками исключительно тузем-

цевъ Испаніи, оно ставило ихъ во враждебныя отношенія къ испанцамъ Америки, а этихъ послѣднихъ къ инородцамъ. Но вреднѣе всего было то нравственное иго католицизма, которое давило Америку еще больше, чѣмъ Испанію, и послѣдствія котораго существуютъ до сихъ поръ. Ради краткости, мы остановимся здѣсь только на судьбахъ Парагвая, исторія котораго вполнѣ выясняетъ всю гибельность католическаго деспотизма даже въ самой мягкой его формѣ. Миссіонеры осуществили въ Парагваѣ свой идеалъ «свободнаго» католическаго государства. Обративъ туземцевъ въ христіанство, привязавъ ихъ къ вѣрѣ посредствомъ театральнаго, эфектнаго богослуженія, увеличивъ число жителей своихъ колоній посредствомъ военныхъ набѣговъ на индѣйскія племена и захватовъ туземцевъ въ плѣнъ цѣлыми толпами, отцы іезуиты заставили ихъ работать, и, устроивъ имъ безбѣдную, достаточную жизнь, превратили ихъ въ довольныхъ судьбою животныхъ, безпрекословно трудившихся по приказамъ и программамъ начальства. Вся жизнь колоній была напередъ расписана по частямъ и мельчайшимъ подробностямъ. Утромъ жители шли въ церковь, подъ надзоромъ своихъ опекуновъ; потомъ отправлялись на работы, распредѣляемыя миссіонерами, которые однихъ заставляли плотничать, другихъ ковать, третьихъ воздѣлывать землю. Инспекторы неотлучно слѣдили за работами, направляли ихъ, наказывали лѣнивыхъ, поощряли послушныхъ. Миссіонеры раздавали индѣйцамъ земельные участки, выдавали имъ сѣмена для посѣва, принимали сжатый хлѣбъ въ общественные магазины и распоряжались послѣдними. За малѣйшія отступленія отъ приказаній, за лѣность, пьянство, развратъ, за каждый церковный грѣхъ, за самое невинное проявленіе личной гордости или умственной самодѣятельности индѣйцевъ наказывали тѣлесно, или, по выраженію самихъ миссіонеровъ, «давали имъ предвкушать сладость мученичества». Посредствомъ исповѣди іезуиты знали всю подноготную семейной жизни и сдѣлали то, что каждый индѣецъ шпіонилъ на каждаго. Дѣтей воспитывали на общественный счетъ, пользуясь образованіемъ для порабощенія ума «благому и сладкому игу» католичества. Въ колоніи было запрещено въѣзжать даже испанцамъ, кромѣ губернатора и епископа, да и за послѣдними на каждомъ шагу слѣдили шпіоны. Войско получало оружіе только на время похода, по окончаніи котораго оно отбиралось и складывалось въ арсеналы, а офицеры, возгордившіеся своими побѣдами, получали урокъ смиренномудрія посредствомъ тѣлесныхъ наказаній. Послѣ изгнанія іезуитовъ, возбудившаго неудовольствіе и волненіе какъ въ Парагваѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Америки, Парагвай очутился въ самомъ плачевномъ состояніи. Туземцы, отвыкшіе отъ всякой самостоятельности и невѣжественные до того, что не знали даже употребленія денегъ, погрузились въ неисходную бѣдность, вымирали отъ голода и эпидемій, и даже въ обыкновенное время больные составляли пятую часть народонаселенія. Когда, силою обстоятельствъ, Парагвай очутился независимымъ, то имъ тотчасъ же завладѣлъ докторъ Франсія и возстановилъ въ немъ прежнюю іезуитскую систему всесторонней опеки, водворилъ такой военный деспотизмъ, на который съ ужасомъ смотрѣла даже Южная Америка. Чтобы дать понятіе о результатахъ системы, царствовавшей въ Парагваѣ болѣе ста лѣтъ, припомнимъ, что недавно владычествующій въ немъ Лопецъ, затѣявъ безумную войну съ Бразиліей, Уругваемъ и Аргентинской республикой, встрѣтилъ въ своихъ подданныхъ одно безусловное вниманіе. Онъ разстрѣливалъ генераловъ за ихъ военныя неудачи; въ 1865 г. за неуспѣшный походъ онъ разстрѣлялъ десятаго изъ солдатъ и половину офицеровъ. Состоявшая при немъ комиссія изъ трехъ поповъ просто неистовствовала въ странѣ, захватывая и казня всѣхъ подозрительныхъ ей лицъ, не только парагвайцевъ, но даже иностранцевъ и дипломатическихъ агентовъ. 1,900 женщинъ изъ лучшихъ фамилій были закованы въ цѣпи и сосланы на сельскія работы. «За весьма немногими исключеніями,— говоритъ одинъ писатель,—Лопецъ погубилъ лучшую и самую почтенную часть парагвайскаго народонаселенія; онъ разстрѣливалъ самыхъ знатныхъ лицъ безъ всякаго суда. Онъ умертвилъ женъ всѣхъ бѣжавшихъ парагвайцевъ; такой же участи подвергались иностранные купцы. Всѣхъ жертвъ насчитываютъ до 180,000 человѣкъ».

Въ Перу, Мехикѣ и другихъ испанскихъ колоніяхъ господствовала система управленія, подобная парагвайской, и принесла подобные же, хотя и не столь гибельные плоды. Впрочемъ, при Карлѣ Ш, какъ мы уже говорили, испанское правительство, изгнавъ іезуитовъ, допустивъ свободу торговли и сношенія съ иностранцами и произведя нѣсколько другихъ реформъ въ своихъ колоніяхъ, пробудило въ нихъ не только промышленную, но и умственную жизнь. Колоніи начали принимать европейскій видъ, въ нихъ возникало образованное городское сословіе, открывались новыя учебныя заведенія, начались насмѣшки надъ схоластической испанской ученостью, развивался скептицизмъ, чувствовалось вліяніе французскихъ энциклопедистовъ. А съ тѣхъ поръ, «какъ колоніи подверглись сильному вліянію заграничныхъ событій — освобожденія Сѣверной Америки и французской революціи,—событій, начавшихъ собою новый политическій вѣкъ,—идея независимости уже не могла быть подавлена. Съ этихъ поръ вице-короли не переставали доносить о неспокойномъ состояніи головъ и сердецъ, о подстрекательствѣ чужеземцевъ, о пропагандѣ республиканскихъ идей. Теперь инквизиціи было повсюду много работы; американцы читали, писали и перепечатывали грубымъ, деревяннымъ шрифтомъ запрещенныя французскія книги; умственные и политическіе интересы питались этими запрещенными плодами. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ той быстрою зрѣлостью, которая составляетъ особенность всѣхъ колонистовъ, образовалась восторженная молодежь, павшая потомъ первою жертвою въ передовыхъ битвахъ революціи» (Gervinus). Когда же, съ воцареніемъ Карла—Годоя, правительство начало

закрывать школы, преслѣдовать всякое свободное проявленіе мысли, выражать мнѣніе, что креоловъ не слѣдуетъ учить ничему, кромѣ библіи, запретило заграничныя путешествія и обрушило на креоловъ всю ярость инквизиціи; когда колоніи сдѣлались какою-то богадѣльнею для самыхъ безнравственныхъ чиновниковъ, покупавшихъ свои мѣста у ненавистнаго Годоя; когда судъ превратился снова въ торговлю законами, а администрація въ грабежъ,—то революціонный духъ разлился по всѣмъ колоніямъ, и онѣ нетерпѣливо ждали только первой возможности къ отдѣленію, неизбѣжность котораго уже предвидѣли и наиболѣе прозорливые люди въ самой Испаніи. Но нелѣпость испанской системы отзывается въ нихъ до настоящаго времени. Въ нихъ царствуетъ не наука, а доктрины католическаго духовенства; подъ формой республики владычествуетъ анархія; благодаря слабости земледѣльческаго сословія, рабству, сословной розни и многочисленности непроизводительнаго бродячаго народонаселенія, въ родѣ испанскихъ разбойниковъ или нашихъ старинныхъ казаковъ, способные и богатые авантюристы то и дѣло вербуютъ себѣ здѣсь многочисленныя шайки, низвергаютъ правительство, грабятъ казначейство, разстрѣливаютъ своихъ противниковъ и деспотствуютъ до тѣхъ поръ, пока не погибаютъ сами отъ такого же переворота.

Революціонное движеніе не ограничивалось однѣми колоніями: оно было замѣтно и въ самой Испаніи. Либеральная и просвѣтительная эпоха Карла III, при всей поверхностности своего вліянія, все-таки оставила замѣтные слѣды въ испанскомъ обществѣ, а европейскія событія еще болѣе возбуждали умы; правительство же какъ будто нарочно вело себя такъ, чтобы расшатать окончательно зданіе государства. Произвольный и безтолковый временщикъ возмущалъ даже духовенство и дворянство, вооружалъ противъ себя всѣ партіи и водворялъ начатки той постоянной анархіи, отъ которой Испанія страдаетъ до послѣдняго времени. Еще во время войны съ Франціей былъ открытъ заговоръ, въ составъ котораго входили не только вельможи, но даже монахи и самъ генералъ-инквизиторъ. Цѣлью заговорщиковъ было сверженіе Годоя, созваніе кортесовъ и миръ съ Франціей. Высшіе слои общества болѣе и болѣе возмущались упадкомъ страны; исчезалъ даже пресловутый испанскій патріотизмъ; на нашествіе французовъ начинали смотрѣть, какъ на единственное средство къ обновленію; чаще и чаще раздавались голоса, что «пора явиться французамъ и прогнать господъ, которые не умѣютъ управлять; пусть придутъ они, мы примемъ ихъ съ радостью». Дѣло дошло до того, что высшее правительственное учрежденіе—кастильскій совѣтъ началъ смѣло и рѣзко выражать свой ропотъ на положеніе дѣлъ. На одно замѣчаніе Карла, составленное, конечно, Годоемъ, онъ отвѣчалъ: «совѣтъ очень хорошо знаетъ, чье презрѣнное перо написало или продиктовало такой указъ, злоупотребляя священнымъ именемъ вашего величества. Онъ съ скорбію предвидитъ достойное проклятія паденіе трона. Возстаньте же, в. в., отъ глубокой летаргіи, въ которую вы уже такъ давно погрузились! Пора уже вамъ свергнуть съ себя опутавшее васъ иго ничтожныхъ развратниковъ». Въ этихъ протестахъ вельможъ и революціоннаго броженія высшаго общества замѣтно уже начало всей послѣдующей семидесятилѣтней борьбы за власть революціонныхъ антрепренеровъ въ родѣ какихъ-нибудь Нарваеца или Прима. Совѣтъ, вельможи, прелаты возмущались главнымъ образомъ тѣмъ, что управленіе принадлежитъ не имъ, исконнымъ властителямъ народа, а ничтожному выскочкѣ, эксъ-любовнику королевы. Но во всякомъ случаѣ въ это время были уже сѣмена и того прогрессивнаго движенія, которое, проявляясь и постепенно усиливаясь, преобразовывало Испанію. Въ это время воспитывалось поколѣніе, создавшее конституцію 1812 г.,—воспитывалось подъ вліяніемъ французскихъ идей, а отчасти и собственной литературы, давшей обществу нѣсколько замѣчательныхъ произведеній. Такова была, напр., сатира «Хлѣба и быковъ!», смѣло нападавшая на низкое духовенство, ничтожное образованіе, судопроизводство, администрацію. Таковы были стихотворенія молодого поэта Квинтана и многія сочиненія неутомимаго старика Ховельяноса, открывшаго въ Астуріи замѣчательный политехническій институтъ. Либеральное движеніе напугало правительство; дворъ струсилъ, и Годой началъ либеральничать; въ министерство былъ призванъ Ховельяносъ. Но когда на попытки послѣдняго ему отвѣчали интригами и покушеніями на жизнь, то онъ съ отвращеніемъ удалился изъ этого омута. Подъ руководствомъ Годоя, страной стали управлять новые министры—Уркихо и образецъ всевозможныхъ пороковъ Кабальеро. А въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, въ Испаніи свирѣпствовала моровая язва, голодъ и землетрясенія. Эпидемія была такъ опустошительна, что принуждены были закрыть университеты. Мѣра пшеницы отъ 40 реаловъ дошла до 400. Годой же изобрѣталъ постоянно заговоры и, выставляя себя спасителемъ трона, болѣе и болѣе упрочивалъ свое положеніе; въ провинціяхъ разъѣзжали французскіе агитаторы, Наполеонъ открыто заявлялъ, что онъ скоро ударитъ на Испанію своими «молніями». Карлъ разссорился съ своимъ сыномъ, и благонамѣренные испанцы держали сторону послѣдняго; французская армія вступила въ страну, король приготовился бѣжать въ Америку, но былъ удержанъ возставшимъ народомъ, Годой сверженъ, арестованъ, жилища его родственниковъ и чиновниковъ опустошены чернью; его собственныя имущества, на сумму 2.000,000,000 реаловъ, конфискованы. Въ довершеніе всей этой суматохи, въ Испаніи явилось три короля: отецъ Карлъ и сынъ Фердинандъ, оспаривавшіе другъ у друга право на корону, да еще Іосифъ Бонапартъ, утвердившійся въ Мадридѣ съ помощью французскихъ штыковъ и пушекъ. Карла и Фердинанда вмѣстѣ съ Годоемъ Наполеонъ безъ всякихъ церемоній

увезъ во Францію. Карлъ уступилъ всѣ свои права императору, «какъ единственному государю, который способенъ при теперешнихъ условіяхъ возстановить порядокъ».

III.

Французы вступили въ Мадридъ. Новый король Іосифъ Бонапартъ даровалъ конституцію, распространивъ право представительства даже на колоніи, уничтожилъ инквизицію, помѣщичьи права и вотчинные суды, ввелъ независимый гласный судъ, отмѣнилъ пытки и внутреннія таможни, закрылъ много монастырей, реформировалъ налоги. Наполеоновское владычество хотя и было деспотическимъ, особенно въ виду мятежнаго настроенія всей страны, но во всякомъ случаѣ оно было прогрессивнымъ и благодѣтельнымъ, сравнительно съ управленіемъ годоевской псарни. Поэтому противъ него вооружилось духовенство, равнодушное къ національнымъ интересамъ, и вооружило націю, патріотическое чувство которой было возмущено владычествомъ иностранцевъ да вдобавокъ еще французовъ,—«революціонеровъ, цареубійцъ и безбожниковъ». Весь народъ возсталъ за свою землю, за свою церковь, за св. инквизицію, за своего возлюбленнаго короля. Какими суевѣрными и невѣжественными мотивами было руководимо это великое движеніе, можно видѣть, напр., изъ прокламаціи, призывавшей испанцевъ на священную войну противъ «Наполеона, который есть не что иное, какъ «Napodragon» (драконъ), *Аполіонъ*—повелитель преисподней, царь адскихъ чудовищъ, еретиковъ и еретическихъ царей, ужасный звѣрь, глава и душа Рейнскаго Союза, т.-е. бестія о семи головахъ и десяти рогахъ, въ вѣнкахъ, сплетенныхъ изъ богохульствъ противъ Христа и его церкви, противъ Бога и святыхъ». Этотъ «отступникъ», «безбожникъ», «антихристъ», «жидъ», «Донъ-Кихотъ» хочетъ искоренить католицизмъ, низвергнуть иконы и кресты, осквернить церкви и обратить испанцевъ въ свою протестантскую вѣру. Невѣжественный народъ вѣрилъ всѣмъ этимъ выдумкамъ духовенства и грозно волновался. Патріотизмъ воодушевлялъ всѣ сословія. Помѣщики, купцы, военные жертвовали своимъ послѣднимъ достояніемъ; епископы вооружали цѣлые полки монаховъ, разбойники и контрабандисты выходили изъ своихъ убѣжищъ на спасеніе отечества, женщины и дѣти готовили боевые и съѣстные припасы, а колокола безчисленныхъ церквей и монастырей оглашали своими набатными звуками всю страну. Въ виду всеобщей ярости противъ врага, трусы принуждены были держаться храбрецами, а люди равнодушные притворяться патріотами. Малѣйшее подозрѣніе въ измѣнѣ или сочувствіи къ французамъ приводило чернь въ звѣрскую ярость, и подозрѣваемые погибали въ ужасныхъ мученіяхъ. Началась шестилѣтняя народная война. Французовъ истребляли, гдѣ только встрѣчалась малѣйшая къ тому возможность; ихъ отравляли ядомъ, распинали на крестахъ, распиливали пополамъ, жарили на огнѣ, зарывали живыми въ землю. Народъ превратился въ дикаго звѣря. Разбиваемый въ регулярныхъ битвахъ, онъ бросалъ свои поля, сожигалъ деревни, бѣжалъ изъ городовъ и, ведя кочевую жизнь, истощалъ всѣ силы непріятеля своими партизанскими набѣгами. Жестокости этой народной войны были однакожъ только одною изъ темныхъ сторонъ ея. Испанскія войска были изъ рукъ вонъ плохи, а между тѣмъ испанцы считали свои военныя средства превосходными, почти вовсе не заботились объ ихъ усовершенствованіи и увѣряли себя, что они способны совершенно истребить Францію! «Для насъ—говорили испанскіе патріоты—ничего не значатъ войска антихриста, эти подонки жалкаго острова Корсики. Великая и столь прославленная сила Наполеона теперь уже химера. Трепещи, корсиканское отродье, проклятіе природы! Мы, 500,000 испанскихъ львовъ, выступимъ противъ васъ и терпящей васъ націи на ея смерть и разрушеніе. Живы, Іерусалимъ, Пальмира—все будетъ слабымъ очеркомъ того, что станется съ вами. Чужеземцы, которые стекутся искать васъ, въ изумленіи воскликнутъ: «вѣдь здѣсь была когда-то Франція! Что же сдѣлалось съ первою изъ націй?» Эти защитники отечества нерѣдко сами превращались въ разбойниковъ, грабя и сожигая то, что еще оставалось цѣлымъ отъ французовъ. Такъ, напр., едва только французы оставили городъ Квенку, какъ въ него вторглись испанцы и начали хозяйничать по-разбойнически. Черезъ три дня пришло 800 валенсійскихъ воиновъ, которые въ недѣлю выбили изъ жителей 90,000 реаловъ. Затѣмъ прибыли 400 аррагонцевъ и вымогли 36,000 реаловъ. Но лишь только приблизился французскій отрядъ, эти герои бѣжали сначала, увлекая съ собою жителей, потомъ вернулись въ опустѣвшій городъ и, разграбивъ его, бѣжали снова при наступленіи врага!.. Вся страна была повергнута въ невообразимый хаосъ. Въ городахъ, въ провинціяхъ, даже въ селахъ—вездѣ возникали народныя хунты, каждая изъ нихъ распоряжалась посвоему, всѣ онѣ соперничали между собою, поддерживали междоусобицу, разстраивали общее дѣло и кое-какъ, наконецъ, могли согласиться относительно учрежденія центральной хунты. Невѣжество, вѣковое провинціальное и сословное раздѣленіе, отупѣніе націи, какъ неизбѣжный результатъ прежней системы, обнаружились при этомъ вполнѣ. За что съ такимъ непонятнымъ упорствомъ, съ такою львиною храбростью дрался этотъ народъ? Онъ дрался за свою страну, разоренную его повелителями столько же, сколько и внѣшними врагами; онъ дрался за погубившее его католическое духовенство, за всю старую систему, за своего «возлюбленнаго короля», который мучится въ плѣну у нечестивыхъ французовъ. Имя Фердинанда VII было лозунгомъ войны наравнѣ съ именемъ св. Яго. Народъ дрался отчаянно, а Наполеонъ, бѣжавшій изъ Россіи въ 1812 г. и затѣмъ устремившій всѣ свои силы противъ союзниковъ, принужденъ былъ отказаться отъ окончательнаго подавленія испанцевъ, которымъ вдобавокъ помогали еще англичане.

Между тѣмъ «возлюбленный» король, «мученикъ», поживалъ въ Валансэ, въ плѣну у французовъ. Лакеи, камердинеры и монахи составляли его избранное дружеское общество. Его набожность доходила до того, что онъ собственноручно вышивалъ церковныя одежды, а его монахи занимались даже поддѣлкою чудесъ. Испанцы очень хлопотали, чтобы достать себѣ «возлюбленнаго», а «возлюбленному» очень хотѣлось улизнуть въ Испанію и возсѣсть на престолѣ отцовъ своихъ. Но только въ 1814 г. обстоятельства позволили осуществиться этимъ обоюднымъ желаніямъ, и Фердинандъ отправился въ отечество, однакожъ не съ веселымъ сердцемъ. Испанія не была уже той Испаніей, какою онъ оставилъ ее. Что она была разорена и опустошена непріятелемъ и доведена почти до поголовной нищеты, это, конечно, мало трогало сердце Фердинанда и его прислужниковъ; горе ихъ заключалось въ томъ, что страну волновалъ гордый духъ свободы.

Когда управленіе страной очутилось въ рукахъ хунтъ, то всѣ благонамѣренные испанцы со страхомъ увидѣли, что на сцену выступило множество людей съ совершенно новыми стремленіями. Умственное движеніе XVIII вѣка и частыя столкновенія съ иностранцами породили цѣлую партію либераловъ, видѣвшихъ единственное средство для спасенія Испаніи въ коренныхъ реформахъ, сообразныхъ съ духомъ вѣка. Поэтъ, публицистъ и членъ правительства Квинтана въ своемъ манифестѣ о созваніи кортесовъ вполнѣ выразилъ политическія идеи либеральной партіи. «Уже три вѣка миновало съ тѣхъ поръ, какъ пали спасительные законы, на которыхъ покоилась защита націи противъ нападеній тиранніи. Наши отцы не могли упрочить свободу, это драгоцѣнное наслѣдіе, оставленное имъ предками. Голосъ разума и справедливости утратилъ свою силу, и съ тѣхъ поръ законы стали лишь тиранническимъ выраженіемъ воли одного человѣка. Въ эти три вѣка бѣдствій тщетно добрая воля государя порой старалась исцѣлить ту или другую рану. Тщетно и возрастающее образованіе Европы внушало нашимъ государственнымъ людямъ планы полезныхъ реформъ. На пескѣ не построишь ничего путнаго! За минутой счастливаго вдохновенія слѣдуетъ господство самыхъ дурныхъ инстинктовъ. Духъ бережливости и порядка смѣняется духомъ расточительности. Разсудительнаго и доброжелательнаго министра вытѣсняетъ бездарный и своекорыстный временщикъ... И колеблется государственный корабль, лишенный кормила, не руководимый твердымъ принципомъ, разумной и прочной системой... Хунта должна не только защитить націю отъ врага, но и утвердить ея счастье на прочныхъ основахъ. Послѣ доблестнаго окончанія нынѣшней борьбы испанецъ долженъ воскликнуть съ справедливой гордостью: «Отцы оставили мнѣ рабство и бѣдствіе; я завѣщаю моимъ потомкамъ свободу и славу». Мы должны отнять у нашихъ клеветниковъ предлогъ къ нашему униженію. Они говорятъ, что мы ослѣплены, что мы боремся за наше старое зло, за закоренѣлые недостатки нашего растлѣннаго правительства. Пусть же узнаютъ, что цѣль нашихъ усилій—и внѣшняя независимость, и внутреннее счастье отечества. Пусть увидятъ, что впредь вы не желаете зависѣть отъ колебаній воли, отъ измѣнчивости нрава одного человѣка; что вы уже не хотите быть игрушкой неправеднаго двора, наглаго временщика или необузданной женщины. Пусть узнаютъ, что вы желаете возстановить великое зданіе вашихъ старыхъ законовъ и тѣмъ создать ненарушимый оплотъ, который защититъ ваши права отъ убійственнаго произвола. Испанцы! этотъ оплотъ—хорошая конституція. Безъ конституціи всякая реформа непрочна, всякое счастье непостоянно. Безъ нея силы общества идутъ не на возможно широкое развитіе благосостоянія всѣхъ его членовъ, а на исключительное служеніе гордости и ослѣпленію немногихъ. Испанцы! Эта конституція должна быть главнымъ предметомъ вашихъ стремленій, утѣшеніемъ въ переносимыхъ вами бѣдствіяхъ, наградой вашей храбрости, надеждой на побѣду. Эта конституція должна быть противоположностью байонской бумагѣ, продиктованной деспотомъ (т.-е. наполеоновской конституціи). Хунта призоветъ къ свободному выраженію своихъ мыслей всѣхъ знатоковъ отечественной исторіи, всѣхъ политиковъ. Она разсмотритъ ихъ проекты и торжественно представитъ этотъ плодъ высшей опытности и разумѣнія на обсужденіе націи, собранной въ лицѣ всеобщихъ кортесовъ».

Въ то время, какъ масса народа попрежнему оставалась невѣжественною и суевѣрною и проливала свою кровь за католическое духовенство да возлюбленнаго короля, либеральное движеніе среднихъ и высшихъ классовъ усиливалось со дня на день. Когда въ 1810 году собрались учредительные кортесы, то либералы и по своей численности, и по своимъ способностямъ, и по своему умственному развитію оказались гораздо сильнѣе сторонниковъ стараго порядка. Они смѣлою рукою принялись за реформу. Крѣпостное право было однимъ изъ первыхъ золъ, разрушенныхъ кортесами, которые обратили полное вниманіе на ужасное положеніе крестьянъ и на убійственное вліяніе крѣпостничества на всѣ отрасли народной жизни. Государству принадлежало только 17,000,000 акровъ земли, а 28,000,000 акровъ состояло подъ властью дворянства, да 9,000,000 находилось въ обладаніи церкви. Феодальные налоги нерѣдко были болѣе государственныхъ въ 26, даже въ 59 разъ. Были мѣстности, гдѣ $^5/_6$ всей жатвы забирались духовными и свѣтскими господами. Безмѣрные налоги превращали крестьянъ въ нищихъ, а произволъ господъ доводилъ ихъ до состоянія жалкихъ, забитыхъ животныхъ. Оппозиція крѣпостниковъ оказалась безсильною передъ напоромъ сторонниковъ освобожденія. И нужно отдать послѣднимъ полную справедливость за то, что они энергически и честно стояли за крестьянскую эманципацію при тѣхъ же условіяхъ и въ то же самое время, когда въ другихъ евро-

пейскихъ странахъ, сохранявшихъ еще крѣпостное право, правители и господа народа, пользуясь его силами для ниспроверженія наполеоновскаго ига, старались попрежнему удержать его въ рабствѣ. Въ августѣ 1811 года испанскіе крестьяне были освобождены и вся страна приняла эту мѣру съ восторгомъ и ликованіемъ; только дворянство и духовенство, недовольныя совершившейся реформой и опустошеніемъ своихъ кармановъ, еще болѣе, чѣмъ прежде, стали употреблять всѣ усилія на противодѣйствіе новому духу. Но ихъ время еще не пришло. Кортесы освободили печать отъ угнетавшихъ ее стѣсненій, уничтожили инквизицію, создали и ввели въ дѣйствіе демократическую конституцію 1812 года. Въ силу этой конституціи, всѣ верховныя права принадлежатъ одному только народу, который самъ издаетъ законы, необходимые для защиты свободы и благосостоянія каждаго. Народъ не можетъ быть собственностью ни отдѣльнаго лица, ни какой бы то ни было фамиліи. Онъ облекаетъ короля исполнительною властью. Безъ согласія кортесовъ король не можетъ даже ни жениться, ни выѣзжать за границу. Кортесы распоряжаются престолонаслѣдіемъ и воспитаніемъ наслѣднаго принца. Въ случаѣ неспособности короля или нарушенія имъ своей клятвы въ вѣрности конституціи, кортесы низлагаютъ его. Послѣ трехъ veto, наложенныхъ королемъ на постановленіе кортесовъ, это постановленіе дѣлается закономъ и безъ королевскаго согласія. Въ опредѣленный срокъ кортесы собираются сами собой, даже если ихъ не созываетъ король. Во время ихъ роспуска ихъ замѣняетъ избранная ими комиссія. Въ кортесахъ только одна палата, членомъ которой можетъ быть каждый испанецъ не моложе 25 лѣтъ, а избирателемъ каждый испанецъ не моложе 21 года. Гарантируя независимость суда и мѣстнаго самоуправленія, конституція освящала неприкосновенность личности отъ произвола, вводила равенство податей и повинностей между сословіями и, требуя коренного преобразованія всей системы народнаго просвѣщенія, постановляла, что первоначальное образованіе должны получать всѣ испанцы. Наконецъ, эта конституція, распространяясь на колоніи, уравнивала послѣднія съ метрополіей.

Все, что было либеральнаго какъ въ Испаніи, такъ и въ остальной Европѣ, все преклонялось передъ этой конституціей, за введеніе которой въ Португаліи, Сициліи, Неаполѣ, Сардиніи бились туземные революціонеры и которая была идеаломъ испанскихъ либераловъ вплоть до 1848 года. Зато всѣ ретрограды, всѣ сторонники и эксплуататоры рабства, начиная съ босоногаго монаха, агитировавшаго чернь въ предмѣстьяхъ Мадрида или въ горахъ Бискайи, до иностранныхъ дворовъ,— всѣ были противъ испанской конституціи. Даже въ самыхъ учредительныхъ кортесахъ реакціонная партія уже заявляла себя совершенно открыто и очень энергично противъ новаго порядка. Благодаря этой оппозиціи, благодаря начинавшейся уже пропагандѣ поповъ объ еретичествѣ кортесовъ, послѣдніе принуждены были признать неприкосновенными всѣ традиціи католицизма, кромѣ уничтоженной ими инквизиціи. Взамѣнъ послѣдней, судъ надъ еретиками былъ предоставленъ епископамъ, безъ дозволенія которыхъ нельзя было печатать ничего о религіи, а единственной дозволенной религіей оставался попрежнему католицизмъ. Но и при этихъ уступкахъ духовенство не могло примириться съ либеральными кортесами, отнявшими у него инквизицію и опору королевскаго самодержавія. Попы и монахи начинали уже открыто бунтовать противъ нововведеній и привлекать къ себѣ послушную имъ невѣжественную массу. Помѣщики, лишенные своихъ господскихъ правъ, растлѣнное чиновничество, всѣ, кому такъ хорошо и привольно жилось при старыхъ порядкахъ, соединялись съ духовенствомъ и, составивъ партію такъ называемыхъ *рабовъ*, раскинули по всей странѣ сѣти реакціоннаго заговора и ждали только удобнаго момента, чтобы начать борьбу на жизнь и смерть съ обновителями своего отечества. Фердинандъ же, посвящавшій все свое время ханжеству, разврату да бесѣдамъ съ своими камердинерами, постоянно мечтавшій о побѣгѣ и въ то же время пресмыкавшійся передъ Наполеономъ, Фердинандъ не только согласился на конституцію, но даже принесъ предварительную присягу на вѣрность ей и отправился, по опредѣленному кортесами маршруту, въ Мадридъ, гдѣ онъ обязанъ былъ торжественно присягнуть конституціи и затѣмъ только вступить въ свои права.

22 марта 1814 года «возлюбленный» вступилъ на испанскую почву и былъ восторженно принятъ *рабами*, а кортесы предписали устроить всюду благодарственныя молебствія и иллюминаціи. Чѣмъ далѣе углублялся король во внутренность страны, тѣмъ болѣе убѣждался онъ, что вся народная масса стоитъ за старый порядокъ и знать не хочетъ конституціи, которой не зналъ ни король, ни его друзья, такъ какъ они не потрудились даже прочесть ее. Народъ, агитируемый монахами, возилъ карету короля на себѣ, преклонялъ колѣна, повергался во прахъ и заявлялъ передъ «вожделѣннымъ» тѣ фанатическія чувства покорности, которыми давно уже славилась испанская нація. Въ то же время монахи и рабы не переставали внушать королю рѣшимость покончить съ конституціей и приготовляли къ перевороту народонаселеніе Мадрида. Монашеская газета «Аталайя» разжигала народный фанатизмъ противъ всѣхъ либераловъ, «этихъ враговъ Бога и человѣчества, желавшихъ искоренить католическую религію, разрушить тронъ и истребить патріотовъ». Силы и упорство реакціонеровъ были такъ велики, что либералы совершенно растерялись и не знали, что предпринять для своей самозащиты. Фердинандъ разогналъ кортесы, отмѣнилъ конституцію, бросилъ въ тюрьмы двадцать либеральныхъ депутатовъ, а чернь, предводимая монахами, неистовствовала по улицамъ Мадрида, сожигала конституціонныя доски, опустошала зданіе кортесовъ, осаждала тюрь

му, въ которой сидѣли либералы, и неистово требовала головъ ихъ. Въ провинціяхъ совершалось то же самое. Монахи и въ своихъ возмутительныхъ проповѣдяхъ, и въ своей «Аталайѣ» праздновали побѣду и возбуждали народъ самою безсовѣстною ложью. «Три года стонали мы—говорилъ этотъ поповскій органъ—подъ игомъ безбожія и безвѣрія, которыя, овладѣвъ верховной властью, поклялись не успокоиться, пока не искоренится у насъ религія и монархія. Это доказываетъ послѣдняя статья конституціи, въ которой сказано, что члены собранія подготовятъ народъ къ уничтоженію королевской власти и въ извѣстный день бросятся внезапно на короля и на всѣхъ священниковъ». До какой степени монахи успѣвали внушить народу самыя звѣрскія, безсмысленныя и рабскія чувства, это видно уже изъ одного того обстоятельства, что фанатизированная чернь, неистовствуя противъ либераловъ, распѣвала сочиненный монахами куплетъ —

Vivan las cadenas!
Viva la opresion!
Viva el rey Fernando!
Muera la nacion!

Т.-е.: «да здравствуютъ цѣпи, да здравствуетъ угнетеніе, да здравствуетъ король Фердинандъ, да умретъ нація!..» И этотъ куплетъ не былъ фразою. Весь средній классъ, образованные рабочіе, все народонаселеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городовъ стояли за конституцію, противъ которой были только король, его приближенные, барство и духовенство, руководившее обезсмысленною чернью. И реакціонеры далеко не прочь были истребить всю либеральную часть націи. Они жаловались, что правительство не воздвигаетъ висѣлицъ «по всѣмъ улицамъ городовъ». Они возбуждали короля на жестокость и вражду, дѣлали ему самыя безчеловѣчныя внушенія. «Мы не можемъ не объяснить вашему величеству,—говорила «Аталайя»,—что вся нація громко требуетъ примѣрнаго наказанія всѣхъ враговъ религіи и престола. Вѣдь нисколько не уменьшится число вашихъ подданныхъ, если 3 или 4 тысячи враговъ вашихъ будутъ отправлены частію на костеръ, частію на пустынный островъ».

Фердинандъ и его приближенные какъ нельзя болѣе годились быть исполнителями подобныхъ требованій и инсинуацій. «Возлюбленный» былъ изъ такихъ тирановъ, какихъ мало встрѣчалось въ новѣйшей исторіи Европы. Онъ былъ живымъ вмѣстилищемъ всѣхъ золъ, недостатковъ иороковъ, отъ которыхъ такъ много страдала Испанія въ продолженіе долгихъ столѣтій. Въ душѣ своей совершенно равнодушный къ религіи, по наружности Фердинандъ былъ образцовымъ ханжей. У него не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда какихъ бы то ни было нравственныхъ правилъ; онъ не довѣрялъ положительно никому и губилъ вечеромъ самыхъ близкихъ къ нему людей, которымъ не далѣе, какъ утромъ, клялся въ своей неизмѣнной дружбѣ; естественно, что не было человѣка, который бы, зная «возлюбленнаго», довѣрялъ ему. Вся жизнь Фердинанда состояла изъ длиннаго ряда коварствъ и измѣнъ. Онъ измѣнилъ отцу, составивъ заговоръ противъ него; онъ измѣнилъ народу, предавшись Наполеону; измѣнилъ Наполеону, затѣмъ вторично измѣнилъ націи, которая спасла его, измѣнилъ конституціи, въ вѣрности которой торжественно клялся; всю свою жизнь онъ измѣнялъ всѣмъ и каждому, думалъ только о своей собственной выгодѣ и преслѣдовалъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ враговъ своихъ съ жестокостью, вполнѣ достойною древнихъ тирановъ. Духовенство прославляло его, какъ «второго Камбиза», который сдиралъ кожу съ живыхъ измѣнниковъ, а ораторы англійскаго парламента клеймили его названіями «злодѣя, презрѣннаго и мерзкаго тирана, африканскаго дея, проклятой и безчувственной твари». Въ Испаніи же духовенство, реакціонное дворянство и обманываемая ими народная масса гремѣла хвалами «возлюбленному, вожделѣнному, благословенному, великому» Фердинанду.

«Рабы» были достойны своего господина. Дворъ Фердинанда состоялъ изъ сотоварищей его плѣна, невѣжественныхъ лакеевъ, камердинеровъ, доносчиковъ, съ которыми по ночамъ Фердинандъ шатался по притонамъ разврата. Во главѣ этихъ господъ стояли монахи и въ особенности нѣкій Остолаца, который, будучи инспекторомъ сиротскаго дома, перепортилъ ввѣренныхъ ему дѣтей, за что его принуждены были отставить отъ должности, но дали при этомъ пенсію въ 10,000 реаловъ. Духовенство просто боготворило Остолацу и называло его *безсмертнымъ*. «Рабы», составлявшіе камарилью, были такими же измѣнниками всѣхъ партій, какъ и правитель ихъ. Они хлопотали объ одной только наживѣ и, занявъ всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, замѣстили остальныя своими креатурами. Правительственная система сдѣлалась сцѣпленіемъ самыхъ гнусныхъ интригъ. Запугивая короля разными выдумками, внушая ему, что такія то лица или очень любимы народомъ, или признаются имѣющими вліяніе на короля, камарилья губила всѣхъ своихъ враговъ и дѣлала, что хотѣла. Фердинандъ же, не желая даже въ глубинѣ своей деспотической души сознаться, что онъ подчиняется вліянію кого бы то ни было, проявлялъ свое могущество совершенно неожиданнымъ образомъ. Нерѣдко среди задушевной бесѣды съ лицомъ приближеннымъ онъ внезапно уничтожалъ его,—арестовывалъ, бросалъ въ тюрьму, ссылалъ людей, передъ властью которыхъ дрожала вся Испанія.

Отмѣнивъ конституцію, возстановивъ безчисленное множество старинныхъ бюрократическихъ учрежденій и наполнивъ ихъ людьми, которые хотѣли жить и наживаться, Фердинандъ объявилъ государственными измѣнниками всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ заявитъ свое сочувствіе къ ниспровергнутому либеральному порядку или свое недовольство реставраціей. Всѣмъ подобнымъ «злодѣямъ», какъ выражался его декретъ, угрожала смертная казнь. Свобода слова

была уничтожена, всѣ періодическія изданія, кромѣ правительственной «Газеты», запрещены, литература убита. Наконецъ, возстановлено и «святое учрежденіе инквизиціи», при чемъ король заявилъ свое «намѣреніе усовершенствовать это учрежденіе такъ, чтобы оно приносило наибольшую пользу подданнымъ». Уничтоженные монастыри возобновлены, изгнанные іезуиты снова допущены въ Испанію; король увеличилъ доходы духовенства на 300,000,000 реаловъ ежегодно. Возстановляя въ совершенной красѣ и цѣлости прежній порядокъ, правительство дѣятельно преслѣдовало либераловъ и другихъ подозрительныхъ лицъ. Самъ король превратился въ сыщика и проводилъ цѣлыя ночи въ обыскахъ да арестахъ. Инквизиція неистовствовала еще болѣе, чѣмъ свѣтское правительство. Тысячи испанцевъ заключались въ тюрьмы, ссылались, разстрѣливались. Шпіонство и интрига дошли до невообразимой наглости. Въ 1808 г. въ Валенсіи была выбита медаль для отличившихся въ войнѣ съ французами. Ее носили многіе либералы. На ней была изображена женская фигура съ аттрибутами испанской монархіи. Доносчики показали королю копію съ нея, на которой упомянутые аттрибуты были уничтожены и фигура приняла видъ, напоминавшій дѣвъ на медаляхъ французской революціи. Носившихъ медаль либераловъ обвиняли поэтому въ республиканскомъ заговорѣ! Это были тѣ двадцать депутатовъ, которыхъ король при ниспроверженіи конституціи заключилъ въ тюрьму. Онъ хотѣлъ во чтобы то ни стало обвинить ихъ въ государственной измѣнѣ и наряжалъ надъ ними нѣсколько судовъ, но не одинъ изъ нихъ не находилъ ни малѣйшаго предлога къ обвиненію. Суды одинъ за другимъ оправдывали прогрессистовъ, объ освобожденіи ихъ хлопотали иностранныя правительства, но Фердинандъ не могъ разстаться съ своими жертвами и, продержавъ ихъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, самъ произнесъ надъ ними судебный приговоръ, присудивъ ихъ къ ссылкѣ и къ громаднымъ денежнымъ штрафамъ, поступившимъ въ собственное королевское распоряженіе. Многіе были осуждены на безсрочное заключеніе въ монастырѣ или въ крѣпости. Истребивъ однихъ, сославъ или заточивъ другихъ и напугавъ на время остальныхъ либераловъ, правительство, подъ вліяніемъ придворныхъ интригъ, съ такимъ же ожесточеніемъ начало преслѣдовать свою собственную партію, т.-е. «рабовъ». Совѣты и просьбы иностранныхъ дворовъ объ ослабленіи этихъ неистовствъ оставались голосами, вопіющими въ пустынѣ.

Водворяя такъ называемый «законный порядокъ», эта клика ретроградовъ не заботилась ни о чемъ другомъ, кромѣ наживы. А такъ какъ страна была совсѣмъ истощена, а государственное казначейство пусто, то взяточничество и грабежъ достигли небывалыхъ размѣровъ. Даже дворъ открыто бралъ взятки; за освобожденіе несправедливо обвиненнаго генерала Алавы онъ получилъ съ ходатайствовавшихъ за него сословій 2,000,000 реаловъ. Когда, вслѣдствіе нелѣпаго слуха о появленіи Карла IV, въ Барцелонѣ произошелъ бунтъ, то губернаторъ, укротивъ возстаніе, взялъ съ города 1,500,000 пезовъ въ пользу двора. Министръ Гарай получилъ съ приморскихъ городовъ 40, а съ Мадрида 20 милліоновъ реаловъ, захватилъ въ Кадиксѣ пришедшій изъ Перу корабль съ цѣнностями на 15,000,000. Правительство слѣдило за каждымъ возникающимъ капиталомъ и овладѣвало имъ, коль скоро онъ достигалъ значительной суммы. Мадридскіе банки раздавали деньги вкладчикамъ, боясь доржать ихъ у себя. Ихъ директоры нерѣдко получали приказанія или тотчасъ же доставить королю такую-то сумму, или отправляться въ тюрьму. Отъ одной только филиппинской компаніи взяли 146,000,000! И все это тратилось на придворныя увеселенія, на любовницъ, на духовенство и на награды «рабовъ». А между тѣмъ страна, совершенно опустошенная во время войны съ французами и лишившаяся тогда 250,000 однихъ только домовъ, на сумму 1,200 милліоновъ реаловъ, — пришла въ крайнюю нищету. Земледѣліе, торговля, промышленность, флотъ, общественныя сооруженія, училища—все было въ развалинахъ, все рушилось. Голодающія и полунагія народныя ополченія, воевавшія съ французами, превращались въ многочисленныя шайки разбойниковъ, равносильныя правительственнымъ войскамъ. Солдаты и офицеры по цѣлымъ годамъ не получали жалованья, ходили босикомъ, въ лохмотьяхъ, спали на сырой землѣ, умирали съ голода. Нѣкоторые гарнизоны питались тѣмъ, что атаковывали городскіе рынки и захватывали съѣстные припасы. На жалобы офицеровъ отвѣчали совѣтомъ: «обѣдайте въ монастыряхъ съ нищими!» Армія, повидимому, болѣе всего необходимая Фердинанду, была заброшена имъ; онъ не только плохо содержалъ ее, но и пренебрегалъ ею и обратился къ ней лишь тогда, когда пришлось посылать ее на усмиреніе возставшихъ колоній. Но оказалось, что у испанцевъ нѣтъ даже флота для перевозки войскъ. За огромную сумму купили русскую эскадру, которая кое-какъ доползла до Испаніи и оказалась негодною не только къ войнѣ, но даже къ переѣзду черезъ океанъ!

Посланники Россіи, Австріи, Пруссіи настойчиво хлопотали, чтобы открыть глаза ослѣпленному правительству и повернуть его на другой путь. Въ городскомъ народонаселеніи и во всей арміи господствовало крайнее недовольство, и вся Испанія покрывалась сѣтью тайныхъ обществъ, большинство которыхъ желало возстановленія конституціи 1812 г. Заговоры и мятежи усиливались. Правительство то начинало либеральничать со страху, то ожесточалось и само наводило страхъ на либераловъ. Наконецъ, въ 1820 г., войска, собранныя въ Кадиксѣ для отправки въ Америку, совершили военную революцію и провозгласили конституцію 1812 г. Мадридъ, имѣвшій титулъ «превѣрноподданнѣйшаго», возсталъ за конституцію, подобно многимъ другимъ городамъ. Масса народа относилась равнодушно къ политическому перевороту, но со всею яростью своего

стариннаго фанатизма она *въ первый разъ* возстала противъ ненавистнѣйшаго изъ монашескихъ учрежденій. Она разрушала зданія и тюрьмы инквизиціи, истребляла ея архивы, ломала орудія пытки, убивала инквизиторовъ. Это было насиліе, но насиліе, вызванное самимъ правительствомъ, и при второй реставраціи Фердинандъ, при всемъ своемъ желаніи, не посмѣлъ уже возстановить инквизиціи. Спасая свой тронъ и свою жизнь, Фердинандъ снова торжественно клялся передъ народомъ въ вѣрности конституціи. Изъ каторги, изъ изгнанія возвращались патріоты. Собраны были кортесы, и снова пошла такая же либеральная дѣятельность, какъ и въ 1812 г. Введена свобода слова, уничтожены маіораты, даровано областное самоуправленіе, уничтожены многіе монастыри и проданы ихъ имущества, отмѣнены внутреннія пошлины и торговыя монополіи, народное представительство вошло въ полную силу; кортесы ввели безплатное и свободное народное образованіе, основанное на естествовѣдѣніи, и создали небывалую въ Испаніи систему среднихъ учебныхъ заведеній.

Вообще, какъ люди, участвовавшіе въ революціи, такъ въ частности и кортесы показали, что старая, средневѣковая Испанія уже совсѣмъ разложилась, что въ ней идетъ сильное прогрессивное развитіе, захватывающее все больше и больше людей. Въ то время, какъ ретроградная партія попрежнему пробавлялась средневѣковыми понятіями и не могла выставить ни одного хоть сколько-нибудь способнаго и даровитаго дѣятеля, на сторонѣ прогрессивнаго движенія мы видимъ все, что только было талантливаго и образованнаго въ Испаніи. Кортесы по своей развитости стояли вполнѣ въ уровень съ вѣкомъ и руководились чувствами истиннаго патріотизма, просвѣщеннаго знаніемъ. Но независимо отъ ихъ практической неопытности, они имѣли передъ собой такую массу золъ, накопленныхъ и освященныхъ вѣками, борьба съ которою не могла кончиться полною побѣдой прогрессивнаго принципа. Реформѣ не предшествовала никакая подготовительная работа просвѣщающей народъ литературы. Попы попрежнему оставались владыками умовъ массы, а кто же болѣе инквизиторовъ могъ ненавидѣть всякихъ реформаторовъ? Уничтоживъ маіораты и дворянскія привилегіи, кортесы вооружили противъ себя безчисленное дворянство Испаніи. Вводя во всѣ провинціи однообразное либеральное самоуправленіе, прогрессивные представители націи возмущали партикуляристическій патріотизмъ тѣхъ мѣстностей, которыя имѣли еще старинное, патріархальное самоуправленіе. Въ особенности фанатическая Наварра и земля полудикихъ басковъ въ такой же степени пылали ненавистью къ реформаціонному духу, въ какой послѣдній воодушевлялъ собою южныя провинціи, въ особенности Кадиксъ. Этотъ партикуляризмъ интересовъ и въ двадцатыхъ годахъ, и всегда болѣе всего вредилъ дѣлу реформы. «Природа и исторія — говоритъ Баумгартенъ — дружно работали надъ тѣмъ, чтобы испанецъ сталъ въ весьма непрочныя отношенія къ государству. Все, пережитое имъ со временъ Габсбурговъ, могло внушить ему лишь глубокое равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Онъ существовалъ скорѣе вопреки государству, чѣмъ помощію его. Общественная жизнь сдѣлала чрезвычайно мало, чтобы породить въ немъ гражданскую доблесть, чувство гражданскаго долга. Каждой личности, общинѣ, провинціи гораздо чаще приходилось защищать свои отдѣльные интересы противъ преобладанія государства, чѣмъ поддерживать попеченія послѣдняго. Черствый эгоизмъ, тупое равнодушіе — вотъ естественныя послѣдствія этого. Масса людей жила лишь своими исключительными заботами». Но когда обстоятельства доводили до революціоннаго взрыва, какъ это было въ 1820 г., то партикуляризмъ переходилъ во взаимное ежеточеніе. Провинція ссорилась съ провинціей, сословіе съ сословіемъ, одни революціонеры съ другими. Терпимости чужихъ мнѣній, склонности къ уступкамъ, къ взаимному соглашенію, стремленій къ объединенію ради общихъ интересовъ почти не было. Революціонеры, взявъ верхъ, водворяли такой же терроръ надъ противниками, какъ и реакціонеры, когда побѣда доставалась имъ. Вдобавокъ ко всему этому, масса революціонеровъ была не свободна отъ того національнаго тщеславія и псевдопатріотической увѣренности въ своихъ силахъ, которыя заражали собою и старую Испанію. Старые испанцы считали себя самымъ лучшимъ и самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ. Новые испанцы, прогрессисты, не обращая вниманія на неопреодолимыя трудности, съ которыми имъ приходилось бороться, считали свое дѣло какъ нельзя болѣе легкимъ. Это обычная участь прогрессистовъ всѣхъ странъ, въ которыхъ нѣтъ никакой возможности развиться политическимъ силамъ на открытомъ полѣ свободной практической дѣятельности. Они судятъ о положеніи дѣлъ не на основаніи данныхъ, болѣе или менѣе точныхъ, а на основаніи болѣе или менѣе фантастическихъ соображеній, развивающихся подъ вліяніемъ благороднаго гражданскаго чувства. Многіе изъ главныхъ дѣятелей 1820 г. вовсе не сознавали существенныхъ недостатковъ своей націи и громили, какъ измѣнниковъ, тѣхъ, которые осмѣливались доказывать, что испанскій народъ въ настоящее время неспособенъ ни къ какому раціональному переговору. Мало этого, прогрессисты мечтали и громко заявляли даже о томъ, что, «имѣя въ своемъ распоряженіи 25,000,000 испанцевъ, они не боятся никого на всемъ пространствѣ отъ Невы до Гарельяно» и могутъ обновить всю Европу могуществомъ того прогрессивнаго духа, которымъ проникнута Испанія. Какъ во время оно испанцы хотѣли покорить міръ игу своего католицизма, такъ и теперь, съ такимъ же фанатическимъ чувствомъ, но съ гораздо меньшею основательностью, многіе революціонеры заявляли, что «революція еще не началась въ Испаніи, что она теперь должна ударить на колоссы тиранніи, на убійцъ отечества, на любимцевъ короля, а потомъ распространить по всей Европѣ свои ужасы, отъ которыхъ волосы встанутъ дыбомъ...» Военныя возстанія въ Неаполѣ,

*

Сицилiи и Португалiи, сопровождавшiяся провозглашенiемъ испанской конституцiи 1812 г., а равно и полное сочувствiе къ испанцамъ всѣхъ либераловъ Европы еще болѣе поддерживали ихъ революцiонную кичливость. И только тогда, когда волны реакцiи грозно поднялись со всѣхъ сторонъ,— только тогда революцiонеры убѣдились въ своей слабости и совершенно пали духомъ.

Еще въ то время, когда революцiя вполнѣ торжествовала въ центрѣ страны, на окраинахъ ея уже собирались реакцiонныя силы католическаго духовенства, фанатизированныхъ крестьянъ, изгнанныхъ чиновниковъ, наемныхъ разбойниковъ, безпрiютныхъ бродягъ и полудикихъ воинственныхъ басковъ, которыхъ революцiя лишила ихъ старинной обособленности и до крайности раздражила ихъ фанатизмъ. Попы устрояли всюду заговоры и проповѣдывали «священную войну противъ еретиковъ, за злодѣйства коихъ небо караетъ Испанiю моровой язвой и неурожаями». Началась междоусобная борьба, сопровождаемая съ обѣихъ сторонъ такими же варварскими жестокостями, какими испанцы прославились нѣкогда въ Америкѣ. Фердинандъ, который такъ недавно своимъ конституцiоннымъ лицемѣрiемъ обманулъ народъ въ такой степени, что ему чуть не молились, какъ представителю прогрессивнаго движенiя, теперь уже замѣтно для всѣхъ готовился къ перевороту и поощрялъ войну «за освобожденiе короля отъ безбожныхъ революцiонеровъ». Онъ посредствомъ своей гвардiи хотѣлъ побѣдить либераловъ въ столицѣ. Посылая солдатъ избивать либераловъ, онъ собственноручно раздавалъ имъ вино и сигары и уговаривалъ ихъ не щадить «этихъ собакъ». Но когда либералы передъ самымъ дворцомъ обратили враговъ въ бѣгство, то Фердинандъ вышелъ на балконъ и, указывая на своихъ бѣгущихъ защитниковъ, закричалъ либераламъ: «бейте ихъ, бейте этихъ трусливыхъ негодяевъ, желающихъ отнять у насъ конституцiю!» а потомъ началъ угощать виномъ и сигарами враговъ-побѣдителей съ такимъ же радушiемъ, съ какимъ за полчаса передъ тѣмъ онъ угощалъ своихъ, теперь побѣжденныхъ, друзей. Отъ такого двоедушнаго правителя можно было ожидать всякой измѣны отечеству, которому онъ измѣнялъ уже столько разъ. И, дѣйствительно, онъ измѣнилъ ему снова. Будучи не въ силахъ окончательно подавить революцiю собственными средствами, онъ вступилъ въ тайные переговоры съ иностранными дворами и просилъ у нихъ войскъ противъ своихъ подданныхъ. Въ Европѣ въ это время господствовала меттерниховская реакцiя, и тѣ же самыя правительства, которыя за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ убѣждали Фердинанда быть либальнѣе, теперь требовали отъ него совершенно противнаго. Сто тысячъ французовъ, подъ предводительствомъ герцога ангулемскаго, вступили въ Испанiю и помогли Фердинанду совершить реакцiонный переворотъ. Духовенство, дворянство и народная масса, такъ недавно и съ такимъ ожесточенiемъ бившiяся съ французами за сохраненiе своихъ нацiональныхъ правъ, теперь ратовали вмѣстѣ съ ними противъ этихъ правъ.

Реакцiонеры обнаружили такую безчеловѣчную жестокость, что даже герцогъ ангулемскiй былъ вынужденъ противодѣйствовать имъ, а иностранныя правительства поручили своимъ посланникамъ «сдерживать благородные, но, быть можетъ, неблагоразумные порывы» Фердинанда. Въ августѣ 1824 г. казнено было 600 политическихъ преступниковъ, въ сентябрѣ—800, въ октябрѣ—1,200!.. Всѣ честные и либеральные дѣятели должны были ежеминутно опасаться за свою жизнь. Знаменитый предводитель движенiя 1820 г., Рiего, спасшiй тогда жизнь короля, былъ подвергнутъ позорной казни, бывшей праздникомъ для духовенства и одичалой толпы, которая кричала при этомъ: «да здравствуетъ религiя, да здравствуетъ абсолютизмъ!» Вся Испанiя была наводнена шпiонами, усѣяна военно-судными комиссiями, а духовенство получило отъ короля повелѣнiе «о принесенiи Богу каждою общиною со всѣми чиновниками жертвы благочестiя и раскаянiя», при этомъ духовенство должно было очистить свои ряды посредствомъ заключенiя въ монастыри лицъ, совращенныхъ «въ безбожную партiйку» и устроить миссiи, какъ для преодолѣнiя «вредныхъ ученiй», такъ и для вкорененiя въ умахъ католической нравственности. Военно-судныя комиссiи захватили въ свои руки всю судебную власть и начали преслѣдовать цѣлый народъ по доносамъ и требованiямъ монаховъ. Кто имѣлъ у себя портретъ Рiего или не успѣлъ истребить оставшейся отъ революцiи какой-нибудь либеральной брошюры, кто не кланялся прелату, кто навлекалъ на себя подозрѣнiе своими дѣйствiями или словами въ революцiонный перiодъ— всѣ преслѣдовались и наказывались, какъ жесточайшiе злодѣи и преступники. Комиссiи грабили подсудимыхъ, разстрѣливали, вѣшали, казнили ихъ, а одичавшiй народъ упивался торжествомъ «религiи», возилъ на себѣ разукрашенную карету боготворимаго короля и оглашалъ страну дикими криками: «да здравствуетъ св. инквизицiя, да здравствуютъ цѣпи, смерть либераламъ!»

Указы короля отмѣнили рѣшительно все, что было сдѣлано «такъ называемымъ конституцiоннымъ правленiемъ», о которомъ они говорили, какъ о «постыднѣйшей измѣнѣ, самой преступной трусости и возмутительнѣйшемъ вѣроломствѣ злодѣевъ, низвергшихъ отеческое правленiе, при которомъ испанцы жили согласно съ мудрыми, умѣренными и достойными законами, столько вѣковъ доставлявшими счастье ихъ предкамъ». Доревоцiонный режимъ возстановлялся во всей своей цѣлости. Когда, при возстановленiи ценза 1803 г., оказалось, что въ Испанiи уже больше 11,000,000 жителей, то король повелѣлъ считать народонаселенiе въ 10,000,000, какъ это было до введенiя конституцiи!... Сознавая, что образованiе можетъ возбуждать только презрѣнiе къ такому правительству, Фердинандъ уничтожилъ всѣ университеты, и, какъ бы въ насмѣшку, вмѣсто нихъ открылъ академiю

для изученія искусства драться съ быками! Духовенство овладѣло всѣмъ. Духовникъ короля былъ въ то же время и первымъ министромъ. Страна покрылась церковными процессіями; камарилья, войска министры, всѣ чиновники ходили изъ одной церкви въ другую, и даже самъ Фердинандъ, не любившій подобныхъ штукъ, принужденъ былъ участвовать въ нихъ. А между тѣмъ въ странѣ царствовали нищета и анархія. «Роялисты,—писалъ возстановитель ихъ, герцогъ ангулемскій,—роялисты боятся всякаго порядка: они ищутъ только грабежа и воровства». Разбойники, которыхъ еще до войны съ Наполеономъ считалось не менѣе 500,000, теперь чрезвычайно умножились и усилились, образовавъ весьма значительный контингентъ, всегда готовый къ услугамъ каждаго политическаго авантюриста. Дворъ истреблялъ на свои безконечныя удовольствія больше $^1/_3$ всѣхъ государственныхъ доходовъ. Прежній тарифъ почти вовсе прекратилъ явную торговлю и, превративъ ее въ контрабанду, развилъ въ корпораціи контрабандистовъ новый антигосударственный элементъ, готовый за деньги ко всякимъ переворотамъ. Страна лишилась промышленности, и даже окрестности Мадрида на огромное разстояніе превратились буквально въ пустыню безъ всякаго жилья, даже безъ дорогъ! Разбойники держали въ своихъ рукахъ всѣ пути сообщенія и взимали пошлины съ проѣзжающихъ. Грабежи, убійства, развратъ сдѣлались обыденными явленіями. Армія голодала, а моряки, которые въ особенности отличались въ революцію, испытывали теперь всю тяжесть мести и ходили по-міру. «Вы голодны?—говорилъ имъ Фердинандъ:—такъ пойте гимнъ Ріеги!»

Въ это время окончательно отдѣлились отъ Испаніи ея американскія колоніи. Это событіе лишило Испанію послѣднихъ важныхъ источниковъ дохода, подорвало навсегда нелѣпый патріотизмъ, мечтавшій объ огромной монархіи, и заставило страну, во избѣжаніе погибели, стараться выйти на общеевропейскій путь цивилизаціи. Положеніе дѣлъ было таково, что даже правительство Фердинанда нашлось вынужденнымъ ограничить свою реакціонную ярость и нѣсколько измѣнить свою политику. Не смотря на настоянія ультра-роялистовъ, Фердинандъ не рѣшился возстановить инквизицію и допустилъ даже совершеніе нѣкоторыхъ реформъ, неизбѣжныхъ ради одной уже финансовой необходимости. Но ни эти мѣры, ни терроръ не останавливали революціоннаго броженія. Съ одной стороны правительству угрожали заговоры и мятежи либераловъ и замыслы испанскихъ эмигрантовъ за границей, съ другой стороны, вѣроломный Фердинандъ, который въ виду опасности способенъ былъ превратиться въ либерала, возбуждалъ отвращеніе даже въ ультра-роялистахъ, взоры которыхъ устремлялись на его брата Карла. Уже въ 1824 г. ультра-роялисты, называвшіеся апостолической партіей, сдѣлали возстаніе, лозунгомъ котораго было: «да здравствуетъ Донъ Карлосъ!» Апостолисты вели сильную пропаганду противъ «масоновъ», сосредоточившихся въ королевскомъ дворцѣ на погибель католической вѣры и испанской націи; католическая Каталонія возстала по призыву монаховъ; всюду составлялись заговоры и гремѣли проповѣди духовенства, призывавшія на защиту церкви. Когда же Фердинандъ, уничтоживъ салическій законъ, назначилъ своей наслѣдницей новорожденную дочь Изабеллу и тѣмъ устранилъ отъ престола Дона Карлоса, когда вскорѣ послѣ этого онъ умеръ и регентша Марія-Христина, лишенная всякой поддержки реакціонеровъ, принуждена была опираться на либераловъ, открыла университеты, ввела конституцію, — то тотчасъ вспыхнула многолѣтняя междоусобная война съ карлистами. Католическія Наварра и Каталонія и воинственные баски, за которыми ухаживали и привлекали къ себѣ реакціонеры всѣхъ эпохъ, возстали за дѣло старой Испаніи. Монастыри и епископы поддерживали войну своими капиталами, патеры, монахи и абсолютистическіе чиновники руководили движеніемъ, увлекая фанатическихъ крестьянъ и покупая сильную помощь контрабандистовъ, воровъ и разбойниковъ. Въ этой семилѣтней братоубійственной борьбѣ обѣ стороны превосходили одна другую своими жестокостями; одни только либералы потеряли 100,000 человѣкъ, а абсолютистско-религіозная партія истощила всѣ свои силы и въ значительной степени потеряла вліяніе на крестьянскую массу.

Мы не имѣемъ намѣренія излагать подробно дальнѣйшую исторію Испаніи и разсмотримъ ее только въ общихъ чертахъ до переворота 1868 года. Послѣднія сорокъ лѣтъ этой исторіи можно считать сплошной междоусобной борьбой партій. Въ Мехикѣ съ 1821 по 1861 г., въ продолженіе сорока лѣтъ, тридцать шесть разъ измѣнялась конституція и семьдесятъ два раза перемѣнялся глава государства. Въ Испаніи было немногимъ лучше. Не проходило года безъ мятежа или государственнаго переворота. При малѣйшей возможности возставали карлисты. Правительство Христины и Изабеллы всегда стремилось къ абсолютизму, дворъ былъ во власти монаховъ и безчисленныхъ любовниковъ «непорочныхъ» королевъ, которыя вмѣстѣ съ своей камарильей держались чисто-средневѣковыхъ понятій и политическихъ правилъ. Но въ обществѣ и особенно въ арміи всегда были элементы, изъ которыхъ возникали революціи. Либералы возставали, овладѣвали правленіемъ, вводили конституцію 1812 года или другую, производили реформы и дѣйствовали до тѣхъ поръ, пока реакціонныя партіи, собравшись съ силами, не низвергали ихъ. Тогда снова уничтожалась конституція, снова дворецъ наполнялся монахами и любовниками, а всѣ должности — абсолютистическими чиновниками, монастырямъ снова возвращались конфискованныя имущества, и реакція торжествовала до новаго либеральнаго переворота. Въ реакціонныхъ переворотахъ участвовали, главнымъ образомъ, духовенство, бюрократія, крестьяне, часть арміи, разбойники и другіе подобные бродячіе люди безъ опредѣленныхъ занятій; въ переворотахъ же либеральныхъ дѣйствовали преимущественно войска и городское

народонаселеніе. Многіе смотрятъ на эту непрерывную междоусобицу, какъ на признакъ окончательнаго разложенія Испаніи. Конечно, такое состояніе страны крайне безотрадно, но мы найдемъ его далеко не безнадежнымъ, если внимательно разсмотримъ тѣ результаты этой борьбы, которые, накопляясь постепенно, опредѣляютъ ея дальнѣйшее развитіе. Какіе элементы ослабляются и вымираютъ и какіе усиливаются въ испанскомъ народѣ,—вотъ вопросъ, посильное рѣшеніе котораго займетъ вторую половину нашей статьи.

IV.

Католическій фанатизмъ и преобладаніе духовенства справедливо считались кореннымъ зломъ Испаніи. И до сихъ поръ съ именемъ испанца непремѣнно соединяютъ понятіе ревностнаго, безусловно преданнаго духовенству католика, а Испанію представляютъ себѣ страной, наводненной попами и монахами. Но нѣтъ ничего ошибочнѣе этого общаго взгляда. Вотъ уже полтора столѣтія, какъ эта католическая страна постепенно и быстро освобождается отъ своихъ католическихъ традицій. Въ ней было:

	Народонаселенія.	Всего духовенства.	Религ. орден.	Монастырей.	Монаховъ.
Въ 1690 г.	7,500,000	168,000	40	9,000	90,000
» 1768 »	9,300,000	149,800	40	2,400	60,000
» 1797 »	10,500,000	134,500	—	—	—
» 1800 »	—	—	37	2,280	46,000
» 1820 »	11,660,000	118,000	37	2,280	33,500
» 1835 »	13,550,000	90,000	27	1,340	31,279
» 1859 »	16,000,000	58,563	8	41	719
» 1867 »	—	42,948	—	—	—

Соотвѣтственно этому уменьшенію монастырей и ослабленію авторитета католическаго духовенства развивались какъ матеріальныя, такъ и нравственныя силы націи. Постепенная секуляризація церковныхъ имуществъ и отмѣна тягостныхъ налоговъ въ пользу церкви были такъ же благодѣтельны для страны, какъ и освобожденіе крестьянъ и отмѣна маіората. Монастыри закрывались и ихъ имущества продавались государствомъ при каждомъ значительномъ успѣхѣ либеральной партіи, какъ, напр., при французахъ, въ 1812 и 1820 году, въ регентство Маріи-Христины, когда церковныхъ имуществъ было продано на сумму около 4 милліардовъ реаловъ. Съ реакціями монастыри возобновлялись и получали обратно свои имущества, но только тѣ, которыя оставались еще непроданными. То же самое колебаніе, сопровождаемое тѣми же самыми результатами, мы видимъ и въ вопросѣ объ официальной вѣротерпимости. Даже либеральная конституція 1812 г. признавала католичество государственной религіей и запрещала въ Испаніи всякое другое вѣроисповѣданіе. При послѣдующихъ революціяхъ свобода вѣроисповѣданій болѣе и болѣе становилась предметомъ желаній либераловъ и, наконецъ, утверждена переворотомъ 1868 г. Католицизмъ въ настоящемъ столѣтіи болѣе и болѣе терялъ власть надъ умами и народъ, постепенно разочаровываясь въ духовенствѣ, во времена великихъ общественныхъ смутъ обнаруживалъ страшную ненависть къ нему, стольже сильную, какъ и та преданность, которую онъ оказывалъ ему раньше. Мы уже видѣли, что народъ разрушилъ главную опору католицизма—инквизицію, перебилъ отцовъ-инквизиторовъ и сдѣлалъ невозможнымъ возстановленіе этого судилища даже во время фердинандовскаго террора. Прошло нѣсколько времени, и въ 1835 г. католическая Испанія, эта классическая страна фанатизма и суевѣрія, начала истребительную войну противъ монаховъ. По всему полуострову массы народа разрушали, грабили, сожигали монастыри и избивали всѣхъ попадавшихся имъ монаховъ. Ненависть къ монахамъ была такъ сильна, что народъ считалъ ихъ виновниками всякаго зла, поражавшаго его многострадальную голову. Въ концѣ 1833 г. въ Мадридѣ свирѣпствовала холера. Прежде, когда католицизмъ всевластно господствовалъ надъ умами, народъ въ подобныхъ случаяхъ стремился въ монастыри и церкви и просилъ помощи у духовенства. Теперь же народъ, приписывая болѣзнь отравѣ, кромѣ монаховъ не нашелъ никого способнѣе быть отравителями, бросился на монастыри, опустошилъ ихъ и перебилъ множество монаховъ. Реставрація духовныхъ привилегій и монастырей всегда возбуждала страшное недовольство въ значительной части народонаселенія. Въ 1860 году, напр., происходило торжественное освященіе мадридской церкви св. Франциска, возстановленной въ силу конкордата и принадлежавшей упраздненному монастырю, монахи котораго въ торжественной процессіи встрѣтили Изабеллу «непорочную». При извѣстіи объ этомъ возстановленіи своихъ враговъ толпы народа съ яростью бросились къ церкви, окружили королеву и духовенство и съ криками «долой монаховъ!» осыпали ихъ камнями. «Непорочная» вмѣстѣ съ монахами принуждена была скрыться. Эта ненависть къ духовенству развивалась въ народѣ, во-первыхъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что въ смутахъ настоящаго столѣтія онъ могъ непосредственно наблюдать и чувствовать, какіе вредные для него принципы защищало духовенство, какъ облегчалось положеніе массы въ тѣ періоды, когда либералы обуздывали деспотизмъ патеровъ, и какъ ухудшались дѣла, когда реакція снова поднимала значеніе поповъ и монаховъ. Столкновенія съ иностранцами и вліяніе либеральной литературы еще болѣе содѣйствовали паденію церковнаго авторитета. По свидѣтельству Гарридо, присяжные почти никогда не обвиняли авторовъ за сочиненія, направленныя противъ католицизма. Преслѣдованіе этихъ сочиненій гласнымъ судомъ только вредило духоненству, пропагандируя въ массѣ враждебныя ему идеи. Въ 1855 г. Гарридо судился въ городѣ Леридѣ, въ Каталоніи, за одну брошюру. «До дня суда—разсказываетъ онъ—я сидѣлъ въ тюрьмѣ, къ окнамъ которой собирались огромныя толпы крестьянъ, пришедшихъ на рынокъ и желавшихъ посмотрѣть на арестанта, о которомъ попы разсказывали имъ, какъ о врагѣ Бога, нравственности и религіи. Масса этихъ крестьянъ въ остроконечныхъ шляпахъ явилась на судъ. Нотаріусъ

началъ читать преслѣдуемый памфлетъ, и слушатели съ самаго начала отнеслись къ нему хорошо; по мѣрѣ того, какъ чтеніе продолжалось, раздавались одобрительныя восклицанія, а при нѣкоторыхъ мѣстахъ памфлета крестьяне громогласно выражали свое сочувствіе и неистово рукоплескали. Когда же присяжные единогласно оправдали меня, радость была всеобщая. Всѣ высказывали мнѣ самое радушное участіе, а окрестные крестьяне въ одну недѣлю раскупили 1,000 экземпляровъ памфлета, который впослѣдствіи выдержалъ множество изданій. Въ одномъ только 1859 г. его разошлось 27,000 экз.». Анти-католическая пропаганда въ Испаніи велась во всѣ либеральные періоды настоящаго столѣтія и выясняла испанцамъ, какимъ тяжелымъ игомъ лежитъ католицизмъ на всей жизни народа и какъ религіозная нетерпимость заражаетъ собою всѣ отправленія національнаго организма. И благодаря этой пропагандѣ религіозная нетерпимость постепенно исчезаетъ въ Испаніи вмѣстѣ съ фанатическимъ суевѣріемъ. «Духовенство,—говоритъ отличный знатокъ своей страны,—духовенство дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы снова возстановить свое прежнее вліяніе, но все напрасно, а *въ Испаніи вѣра мертва*... Вообще, испанцы уже не католики; они раздѣляются на деистовъ и невѣрующихъ, большинство же равнодушно къ религіи...» Но изъ невѣрующихъ и деистовъ находится много такихъ, которые по личнымъ расчетамъ прикрываются маскою лицемѣрной набожности. «Лицемѣріе, это порожденіе индиферентизма и безсовѣстности, всеобще. Оно свирѣпствуетъ главнымъ образомъ въ высшихъ и среднихъ классахъ. «Для насъ религія излишня,—говорятъ они,—народъ долженъ имѣть религію, и мы должны подавать ему добрый примѣръ въ этомъ отношеніи». Но народъ не умѣетъ лицемѣрить и не вѣритъ въ тѣ новокатолическія штуки, посредствомъ которыхъ его эксплуатируютъ». Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Бискайѣ и Наваррѣ, народная масса сохраняетъ еще старый католическій духъ. Въ остальномъ же народонаселеніи нѣтъ и слѣдовъ прежняго фанатизма и средневѣкового суевѣрія. Большинство же городскихъ рабочихъ и средняго класса питаетъ къ католическому духовенству и ко всей его системѣ одно только отвращеніе. Не болѣе десятой части этихъ людей посѣщаютъ костелы, да и то вовсе не по религіознымъ, а по эстетическимъ побужденіямъ. Внѣшнее великолѣпіе католическаго культа, музыка, пѣніе, живопись, цвѣты, золото, драгоцѣнные камни, возможность людей посмотрѣть и себя показать—вотъ мотивы тѣхъ, которые ходятъ въ костелы не по лицемѣрію. Что же касается самой суевѣрной и фанатической массы въ Испаніи, то она состоитъ изъ бродячаго, полудикаго люда, находящагося въ полномъ разладѣ съ обществомъ или добывающаго свой хлѣбъ посредствомъ порока. Воры, разбойники, бродяги, проститутки—все это истинные католики въ средневѣковомъ вкусѣ. Они обвѣшиваются реликвіями, воздвигаютъ дома алтари, служатъ молебны. Необходимо прибавить, что значительная часть женщинъ, находящихся вообще въ невѣжествѣ и самомъ безотрадномъ положеніи, до сихъ поръ предана католицизму. За этими исключеніями, мнѣніе Гарридо, Баумгартена и др. о томъ, что въ Испаніи католическая вѣра вымерла, совершенно справедливо.

Вмѣстѣ съ фанатизмомъ религіознымъ постепенно ослабѣвалъ и фанатизмъ политическій, который считалъ старинную абсолютную монархію божественнымъ учрежденіемъ. Оба эти фанатизма были однимъ и тѣмъ же чувствомъ, только устремленнымъ на два разныхъ предмета—на свѣтскую и духовную власть. Безусловная покорность и обожаніе авторитета были отличительными чертами старинной Испаніи, въ которой бывали, правда, и возмущенія; но народъ возмущался не противъ короля, считавшагося лицомъ неприкосновеннымъ, священнымъ и желающимъ одного добра своимъ подданнымъ, а противъ властей, будто бы обманывающихъ короля и угнетающихъ народъ безъ его вѣдома. Въ настоящемъ же столѣтіи не проходило двухъ лѣтъ сряду безъ какого-нибудь возстанія, при чемъ испанцы нѣсколько разъ силою принуждали своихъ повелителей исполнять свою волю, изгнали двухъ королей и вообще перестали относиться къ власти съ тѣмъ суевѣрнымъ подобострастіемъ, какъ встарь. Въ 1854 г. Изабеллу встрѣчали уже враждебно въ театрахъ и концертахъ, а народные представители, являясь къ ней, не захотѣли держаться стариннаго испанскаго обычая и цѣловать королевскую руку. При ея поѣздкахъ по Испаніи въ 1860 и 1861 гг. начальство принуждено было сгонять своихъ подчиненныхъ для встрѣчи «непорочной», которую народъ не желалъ даже и видѣть, и въ то же время въ Андалузіи возстало 10,000 крестьянъ съ криками: «да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Гарибальди, долой папу!» Король въ старинномъ испанскомъ вкусѣ сдѣлался рѣшительно непопуляренъ и даже невозможенъ въ Испаніи, и если Амадей I хоть сколько-нибудь успѣлъ понравиться испанцамъ, то благодаря только крайней простотѣ своей жизни и полному отсутствію того напыщеннаго величія, какимъ отличались прежніе испанскіе властители. Либералы смотрятъ на короля, какъ на перваго между равными.

Паденіе католическаго авторитета въ Испаніи тѣмъ замѣчательнѣе, что до послѣдней революціи система народнаго образованія находилась въ очень плохомъ положеніи. Законъ 1856 г. имѣлъ своею цѣлью централизировать просвѣщеніе и попрежнему держать его подъ исключительнымъ вліяніемъ духовенства. Элементарное образованіе, обязательное для всѣхъ и даровое для бѣдныхъ, состояло въ низшихъ школахъ въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и ремеслахъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ; а въ высшихъ школахъ къ этимъ предметамъ прибавляются еще основанія геометріи, землемѣрія, исторіи и географіи и необходимыя въ обыденной жизни понятія о физикѣ и естествознаніи. Среднее образованіе состоитъ изъ смѣси классическаго съ профессіональнымъ. На первомъ планѣ стоятъ законъ Божій и древніе языки, а математика, физика и естествознаніе преподаются

только для подготовки къ земледѣлію, бухгалтеріи, мореплаванію и другимъ профессіональнымъ знаніямъ. Затѣмъ высшее образованіе устроено болѣе или менѣе по общему плану европейскихъ университетовъ. Но манія классицизма такъ сильна, что въ медицинскомъ факультетѣ во главѣ предметовъ поставлены греческій языкъ и литература! Къ высшему же образованію относятся училища инженерныя, лѣсныя, путей сообщенія, технологическія, изящныхъ искусствъ, земледѣльческія и т. д. Въ низшихъ и среднихъ заведеніяхъ преподаваніе производится по обязательнымъ учебникамъ. Учителя и профессора непремѣнно должны быть испанцами и лицами несомнѣнной религіозности и нравственности. Иностранцы могутъ преподавать только языки да музыку. За образованіе каждый ученикъ ежегодно платитъ отъ 60 до 120, а въ высшихъ до 280 реаловъ. Кандидаты и доктора вносятъ за дипломъ до 3,000; аптекаря, инженеры, профессора, агрономы и т. д. отъ 300 до 3,000; повивальная бабка 800; рѣзакъ свиней 800; за дипломъ на подковку лошадей 600 реаловъ и т. д. Духовныя семинаріи наполнены одними бѣдняками, и въ 1860 г. въ нихъ было только 21,000 учениковъ. Замѣчательно, что число школъ и учениковъ возрастаетъ по мѣрѣ уменьшенія духовенства. Въ Испаніи было: .

	Народонаселеніе.	Всѣхъ школъ.	Учениковъ.	Духовенства.
Въ 1797 г.	10,50,000	11,513	429.076	134,595
» 1859 »	16,000,000	22,273	1,101,199	58,000

Народонаселеніе въ 61 годъ увеличилось на 50%, число учениковъ болѣе, чѣмъ на 150%, а духовенство уменьшилось болѣе, чѣмъ на 70%.

Въ 1867 г. было 26,332 школы и 1,425,339 учениковъ. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ считалось въ 1858 г. 14,890, въ 1861 г. 21,478, въ 1868 г 25,288 учениковъ. Такъ же быстро увеличивается и число студентовъ въ десяти испанскихъ университетахъ. Ихъ было въ 1859 г. 6,181, въ 1865 г. 9,704, въ 1868 г. 12,269. Такимъ образомъ, народное образованіе въ Испаніи, сравнительно съ другими европейскими государствами, нельзя назвать отсталымъ. Чтобы Россія, напримѣръ, со своимъ восьмидесятимилліоннымъ народонаселеніемъ, могла сравняться съ Испаніей, имѣющей только 16 милліоновъ жителей, ей должно имѣть—около 140,000 школъ, 8,000,000 учениковъ, 50 университетовъ и болѣе 60,000 университетскихъ студентовъ.

И выборъ предметовъ обученія, и рутинная метода преподаванія, и чрезвычайно строгая опека надъ школами—все было устремлено къ охраненію духа и порядковъ старинной Испаніи отъ вторженія въ страну прогрессивныхъ идей. Но ихъ не заслонишь китайской стѣной въ наше время быстрыхъ и общераспространенныхъ сообщеній между народами, прогрессивно идущими впередъ и отсталыми. Между профессорами, которыхъ можно смѣнять только по суду, всегда въ настоящемъ столѣтіи бывали люди европейски-образованные, которые имѣли сильное вліяніе на цѣлое поколѣніе студентовъ. Нерѣдко эти профессора издавали даже книги, памфлеты и брошюры вполнѣ радикальныя и раціоналистическія. Прогрессивная литература и прогрессивные профессора увлекали молодежь, а старомодные преподаватели со своимъ тяжелымъ надзоромъ только возбуждали въ молодыхъ поколѣніяхъ нелюбовь къ тому, что они защищали, поддерживали скептицизмъ къ ихъ авторитетамъ и духъ противодѣйствія всякой опекѣ. Во всѣхъ школахъ шла болѣе или менѣе сильная вражда между офиціальными авторитетами и традиціями и раціонализмомъ. Даже народные учителя и учительницы, учащіеся въ нормальныхъ школахъ, выходили изъ нихъ съ совершенно противоположнымъ направленіемъ, чѣмъ то, которое обязательно и такъ настойчиво прививала къ нимъ офиціальная опека. Окончательнымъ же результатомъ этихъ порядковъ было то, что уже въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія молодое поколѣніе приняло крайне матеріалистическое и радикальное направленіе, отвергало всѣ національныя основы испанскаго быта и отрекалось отъ всего, чѣмъ жила и гордилась старинная Испанія. И за это испанскій юмористъ Ларра прозвалъ этихъ людей *нигилистами*...

Испанскій нигилизмъ былъ явленіемъ вполнѣ прогрессивнымъ. Явившійся, какъ естественное противодѣйствіе отжившимъ традиціямъ, нелѣпымъ обычаямъ и невыносимымъ порядкамъ, онъ усомнился во всей старинѣ и началъ искать выхода на новую дорогу. Въ этомъ помогло ему вліяніе Европы, особенно Франціи. При второй реставраціи Фердинанда массы испанцевъ бѣжали за границу, были охвачены здѣсь либеральнымъ движеніемъ, начали вести отсюда научную и политическую пропаганду между своими соотечественниками и, въ порывѣ универсальнаго скептицизма, обличать, бранить, разбирать и отрицать все испанское. Въ то же самое время и подъ тѣмъ же европейскимъ вліяніемъ въ Испаніи развилась болѣе умѣренная, но все-таки очень прогрессивная литература, представителемъ которой слѣдуетъ считать сатирика Ларру. Онъ описываетъ Испанію, съ ея ханжествомъ, бюрократическими порядками, невѣжественнымъ и надутымъ дворянствомъ, съ ея развалинами и полями, обращенными въ пустыню, съ ея ничтожною литературой, съ безсмысленною и тупою жизнью ея невѣжественнаго народонаселенія, которое на каждомъ шагу должно остерегаться шпіоновъ, «живущихъ тѣмъ, что другіе говорятъ». Ларра—тоже нигилистъ въ извѣстномъ отношеніи. Чувство разочарованія и отчаянія проникаетъ всѣ лучшія его произведенія. Онъ жалѣетъ живыхъ и завидуетъ мертвымъ. Мадридъ кажется ему однимъ огромнымъ кладбищемъ, и онъ разсматриваетъ его гробницы, королевскій дворецъ съ тономъ католическаго величества, арсеналъ, въ которомъ покоится кастильская храбрость, различныя министерства, въ коихъ погребена одна половина Испаніи, убитая другою, и т. д. Наконецъ, переходитъ онъ на Пуэрта-дель-Соль, къ почтамту, въ

улицу де ла-Монтера. «Это не гробницы,—восклицаетъ онъ,—а усыпальницы, въ которыхъ лежатъ перемѣшанными и въ дикомъ хаосѣ сложенными торговля, индустрія, дѣятельность, честность и вѣра!» Настоящіе же покойники «живутъ, потому что они имѣютъ миръ, они имѣютъ свободу, которую даетъ имъ смерть; они не платятъ налоговъ, ихъ не захватываютъ въ армію, ихъ не садятъ въ тюрьмы, на нихъ не доносятъ...» Самъ Ларра кончилъ тѣмъ, что сдѣлался «свободнымъ»,—онъ застрѣлился на 28 году своей жизни. Одновременно съ Ларрою возникло цѣлое поколѣніе талантливыхъ поэтовъ, прогрессивныхъ историковъ, публицистовъ и такихъ замѣчательныхъ ораторовъ, которымъ завидуютъ даже англичане. Періодическая печать развивалась въ Испаніи довольно быстро. По Кольбу (изд. 1871 года), было:

	Періодич. изданій.	Изъ нихъ свѣтско-официальн.	Религіозн. официальн.
Въ 1808 г.	4	1	неизв.
» 1859 »	279	58	52
» 1861 »	373	неизв.	неизв.
» 1868 »	468	119	11

Научная литература въ Испаніи во всѣхъ своихъ отрасляхъ имѣетъ достойныхъ представителей, а приложеніе точныхъ знаній къ практическимъ цѣлямъ проявилось съ полнымъ блескомъ генія въ изобрѣтеніи Монтуріоля. Въ 1859 г. Монтуріоль построилъ корабль, который можетъ плавать подъ водой и съ величайшей точностью повинуется всѣмъ дѣйствіямъ распорядителя, погружается и поднимается, лавируетъ по всѣмъ направленіямъ и т. д. Его стѣны и окна способны сопротивляться страшному давленію десятковъ атмосферъ; въ немъ большіе запасы воздуха и средства для искусственнаго его добыванія; онъ освѣщается электричествомъ и освѣщаетъ имъ глубины моря и т. д. Изобрѣтатель сдѣлалъ съ своею моделью, въ которой могло помѣститься только 8 человѣкъ экипажа, 52 удачныхъ опыта въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Королева Изабелла предложила въ распоряженіе Монтуріоля государственный арсеналъ, чтобы изобрѣтатель могъ имѣть всѣ средства для постройки большого корабля. Но Монтуріоль-республиканецъ отказался отъ правительственнаго предложенія, «условія котораго онъ счелъ безчестными для себя», и прибѣгнулъ къ помощи національной подписки. Писатель, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія и который писалъ свою книгу въ 1863 г., когда Монтуріоль предполагалъ кончить постройку своего корабля, — ничего не сообщаетъ о дальнѣйшей судьбѣ изобрѣтенія. Не палъ ли изобрѣтатель одною изъ жертвъ «непорочной» королевы?

Умственное развитіе Испаніи замѣтно и въ развитіи ея политической жизни. Долговременное существованіе абсолютистическаго принципа давно уже сдѣлалось невозможнымъ въ Испаніи и абсолютизмъ въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ вынужденъ былъ всегда прикрываться конституціонною маскою. Но лицемѣрная конституціонная партія умѣренныхъ имѣла сильную соперницу въ партіи конституціонныхъ радикаловъ и въ постепенно усиливавшейся партіи республиканцевъ. Съ 1854 года республиканцы каждый годъ, исключая 1860, двигали свою идею. Остальныя партіи заботились только о власти, боролись за нее, старались утвердить ее за собою тѣми или другими средствами и думали о массѣ народа лишь настолько, насколько имъ казалось неизбѣжнымъ и выгоднымъ привлекать его на свою сторону. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Испаніи было *три* абсолютистскихъ партіи—карлисты, новокатолики и изабеллисты; *четыре* конституціонныхъ партіи—умѣренные, либеральный союзъ, умѣренные прогрессисты, чистые прогрессисты, и *двѣ* демократическихъ—демократы и соціалисты. Само собою понятно, что чисто-роялистскія партіи спорили и дрались между собой не изъ-за принциповъ, которые у нихъ были общіе, а изъ-за власти, изъ-за того, которой изъ этихъ промышленныхъ компаній должна достаться Испанія. Конституціонныя же партіи отличались отъ нихъ только тѣмъ, что понимали неизбѣжность реформъ и считали необходимымъ уступать духу времени, чтобы можно было удерживать власть за собою. Онѣ боролись другъ съ другомъ столько же изъ-за принциповъ, сколько и изъ-за личныхъ расчетовъ. Политическій антрепренеръ въ родѣ О' Доннеля или Прима вербовалъ себѣ партію, составлялъ программу, старался произвесть переворотъ и за будущую власть боролся съ другимъ такимъ же антрепренеромъ, имѣвшимъ другую партію и другую программу дѣятельности. Въ войскѣ, во флотѣ, въ обществѣ всегда можно было найти людей для какой угодно партіи, людей, приверженныхъ безкорыстно или корыстно къ ея принципамъ.

Въ то время, какъ либерально-политическіе антрепренеры, совершая свои многочисленные перевороты, принуждены были сообразоваться съ духомъ времени и дѣлать ему значительныя уступки, вслѣдствіе чего они сами постепенно развивались и нѣсколько облагораживались, партіи стараго порядка оставались попрежнему чужды какому бы то ни было развитію. Выродившаяся раса Бурбоновъ была рѣшительно неспособна управлять дѣлами. И при Христинѣ, и при Изабеллѣ дворъ занимался только мотовствомъ да разгуломъ. Въ минуты самой серьезной опасности Христина удалялась въ Аранхуецъ и беззаботно разгуливала здѣсь съ своими любовниками, между тѣмъ какъ окружавшіе ее интриганы не думали ни о чемъ, кромѣ своихъ непосредственныхъ выгодъ. Изабелла, которой, какъ бы въ насмѣшку, Пій IX прислалъ бѣлую розу, эмблему непорочности,—Изабелла оказалась еще плоше своей матери. Дворецъ наполняли перемѣнные любовники и монахи. Вліятельнѣйшею дамою двора была монахиня Патрочиніо, которая въ 1835 году была осуждена мадридскимъ судомъ за произведеніе подложныхъ чудесъ. Всѣ обитатели двора и вся ихъ партія старались прежде всего о томъ, чтобы набить свои карманы. И Христина, и Изабелла, какъ извѣстно, убѣгая изъ Испаніи, захватывали съ

собою столько національнаго богатства, сколько попадалось имъ подъ руку. Либеральничая при каждомъ успѣхѣ революціонеровъ, это вялое и безразсудное правительство никогда не переставало интриговать въ пользу полной реставраціи старыхъ порядковъ. Оно разстрѣливало и ссылало цѣлыми тысячами своихъ политическихъ враговъ, заключало конкордаты съ папою, поддерживало духовенство, присуждало распространителей библіи на испанскомъ языкѣ къ каторжной работѣ лѣтъ на двѣсти [1]) и не хотѣло думать ни о какой искренней уступкѣ духу времени. Финансовая система постепенно истощала и банкротила страну. Государственные расходы, кромѣ провинціальныхъ и общинныхъ, составляли:

Въ 1830	году	675,000,000	реаловъ.
» 1840	»	1,100,000,000	»
» 1859	»	2,055,000,000	»
» 1862	»	2,640,000,000	»

Постоянные дефициты заставляли прибѣгать къ постояннымъ займамъ и лотереямъ, развратившимъ даже крестьянское сословіе. И всѣ эти деньги употреблялись самымъ непроизводительнымъ образомъ. Въ 1867 г. въ Испаніи было 308,323 чиновника съ жалованьемъ въ 720,000,000 р., да 54,000 пенсіонеровъ съ содержаніемъ въ 160 милліоновъ р. Это чиновничество и пенсіонеры, значительная часть которыхъ состоитъ изъ монаховъ упраздненныхъ монастырей, составляютъ великую обузу страны, такъ какъ не только истощаютъ ея средства самымъ непроизводительнымъ образомъ, но и служатъ опорою каждой реакціи. Разоряя Испанію, правительство Изабеллы даже и не замѣчало той пропасти, которую оно само себѣ вырыло. Даже предводители революціи 1868 г. были неспособны анализировать положеніе дѣлъ. Начиная возстаніе, они думали только совершить обыкновенный военный переворотъ. Но вслѣдъ за ними возстала нація и совершила революцію, нагнавшую страхъ и на Серрано, и на Прима. Пять лѣтъ, протекшія со времени переворота, показали, что Испанія выходитъ, наконецъ, на ту дорогу, по которой только и возможно достигнуть свободы, умиротворенія и благоденствія.

V.

Въ безчисленныхъ политическихъ переворотахъ, волновавшихъ Испанію въ теченіе настоящаго столѣтія, выработался особый политическій типъ революціоннаго антрепренера или «хунтеро». «Типъ этотъ—говоритъ испанскій писатель Месонеро-Романосъ—охватываетъ безразлично всѣ классы и возрасты; но полнѣйшіе его представители являются изъ промежуточной среды между зрѣлой юностью и полной возмужалостью, между людьми небогатыми и очень бѣдными. Отставные военные, журналисты безъ подписчиковъ, медики безъ практики, адвокаты безъ кліентовъ, прожектеры и всѣ отставленные отъ должностей предыдущимъ переворотомъ,—вотъ кандидаты всякой будущей хунты, урожденные, такъ сказать, представители всякаго внутренняго волненія. Ихъ обычное мѣстопребываніе—одна изъ плохихъ кофеенъ города, куда и отправляется за ними въ назначенную минуту возставшая масса; она отторгаетъ ихъ отъ ихъ пуншеваго стакана, какъ Цинцината отъ плуга, чтобы усадить въ курульскія кресла и ввѣрить имъ бразды этого разлагающагося общества. Хунтеро, предвидѣвшій или, лучше сказать, подготовившій все это, очутившись въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, вынимаетъ изъ кармана стереотипную программу, въ которой говорится о правахъ человѣка, о колесницѣ деспотизма, о мечѣ закона и т. п. На эту пустозвонную трескотню заученныхъ фразъ отвѣчаетъ гортанный крикъ тѣхъ, которые изображаютъ собою народъ, съ обычными vivas и съ извѣстнымъ энтузіазмомъ, «который невозможно описать». И вотъ нашъ хунтеро—отецъ отечества; первымъ дѣломъ онъ объявляетъ ниспровергнутыми всѣ власти и взамѣнъ ихъ образуетъ изъ себя и своихъ пріятелей новое правительство, всестороннее и всемогущее, независимое и неотвѣтственное, геройское и либеральное»...

Это было писано въ 1848 г. Съ тѣхъ поръ типъ хунтеро хотя и не исчезъ совершенно, но выродился, измельчалъ, потерялъ всякое значеніе. Политическое предпріятіе 1868 г., начатое Серрано и его друзьями съ цѣлью низвергнуть Изабеллу и замѣнить ее герцогомъ Монпансье, оказалось необдуманнымъ. Не только городское народонаселеніе, но въ значительной степени даже крестьяне воспользовались этимъ военнымъ мятежомъ для совершенія переворота. Хотя этотъ переворотъ не былъ достаточно подготовленъ и партія дѣйствія не была организована какъ слѣдуетъ, но все-таки страна оказалась до такой степени созрѣвшею политически, что даже застигнутая врасплохъ, она не отдалась попрежнему въ руки Серрано и К°, Демократическіе комитеты и клубы возникли во множествѣ и въ городахъ, и въ селахъ. Посредствомъ газетъ, брошюръ и рѣчей странствующихъ ораторовъ прогрессивныя идеи начали сильно распространяться въ народной массѣ. Юноши, учившіеся во Франціи, эмигранты, возвратившіеся изъ-за границы политическіе изгнанники и осужденные прежними реакціонными правительствами примкнули къ той политической партіи, которая по уму, образованности, честности стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ и которой принадлежитъ будущее Испаніи. Мы сообщимъ здѣсь въ общихъ чертахъ характеръ главныхъ представителей этой партіи.

Эмиліо Кастеляръ, бывшій профессоръ исторіи въ мадридскомъ университетѣ, потомъ эмигрантъ,

[1]) Испанскій уголовный кодексъ налагаетъ наказаніе за каждое отдѣльное преступное дѣйствіе виновнаго; убійца, напримѣръ, наказывается за каждаго убитаго имъ человѣка. Очень недавно нѣкто Рюицъ за подлоги и мошенничества былъ присужденъ на 1,443 г. галерныхъ работъ въ Африкѣ, на 190 лѣтъ такихъ же работъ въ Испаніи, къ 5 мѣсяц. тюремнаго заключенія и къ 73,000 реаловъ штрафовъ.

человѣкъ съ серьезнымъ научнымъ образованіемъ, считается первостепеннымъ ораторомъ не только Испаніи, но и всей современной Европы. Каждая рѣчь его — тщательно обработанное художественное произведеніе. Но во время самыхъ бурныхъ порывовъ на трибунѣ онъ до того сохраняетъ внутреннее спокойствіе духа и способность наблюденія, что замѣчаетъ все за своими противниками и, сообразно съ замѣченнымъ, не нарушая нисколько стройности напередъ приготовленной рѣчи, дополняетъ ее блестящими импровизаціями. Самые искренніе изъ его противниковъ увлекаются его замѣчательнымъ талантомъ. Онъ убѣжденъ, что только одна федеративная республика можетъ спасти Испанію отъ внутреннихъ междоусобій, отъ политическихъ интригъ всевозможныхъ партій и «тѣхъ мучительныхъ потугъ», которыми такъ долго страдаетъ Испанія. «Я знаю,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—я знаю въ Испаніи федеративную республику по крайней мѣрѣ съ 1848 года, ужъ если не говорить о республиканской кадикской партіи, о республиканской партіи въ Аликанте и Валенсіи, о республиканской партіи Барцелоны, которыя имѣли свою организацію, свои хунты, свои газеты. Въ 1848 г. въ Парижѣ былъ открытъ конгрессъ федеральныхъ республиканцевъ романской расы, и на этотъ конгресъ депутатомъ отъ республикалской партіи Испаніи былъ посланъ одинъ изъ редакторовъ «El Eco del Comercio». Пи-и-Маргаль въ своей газетѣ «La Razon» и въ своихъ сочиненіяхъ также защищалъ федеральную республику. Вступивъ въ 1848 г. въ редакцію «La Soberania», я пропагандировалъ въ ней ту же федеральную республику. Гарридо въ 1855 г. издалъ свою «La republica federal, предисловіе къ которой написано мною. Затѣмъ я продолжалъ распространять эту идею посредствомъ двухъ газетъ. Съ своей университетской каѳедры я защищалъ федеральную республику, какъ лучшую форму правленія, болѣе всего пригодную для Испаніи, болѣе всего согласную съ ея исторіею и съ ея преданіями» (Aus Spaniens Gegenwarf Lauser. Leipzig. 1872). Возвратившись послѣ переворота на родину, Кастеляръ началъ самую дѣятельную и обширную пропаганду своихъ идей, разъѣзжая по всей странѣ отъ Пиринеевъ до Кадикса. До этого времени онъ считался краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ, а теперь сдѣлался самымъ любимымъ ораторомъ народа. «Народъ—говоритъ Лаузеръ—чувствовалъ, что въ немъ бьется великое, теплое сердце, желающее блага и свободы своей родинѣ. И благодаря ему главнымъ образомъ, народъ понялъ сущность либеральныхъ обѣщаній возставшихъ въ Кадиксѣ генераловъ, рѣшился осуществить ихъ, и всѣ большіе города, кромѣ одной только столицы, послали въ кортесы республиканскихъ представителей». Въ Мадридъ Кастеляръ явился уже общепризнаннымъ трибуномъ народа, и вслѣдъ затѣмъ всѣ замѣтили, какое громадное вліяніе имѣетъ онъ на массы. Это было въ концѣ января 1869 г., когда монахи убили бургосскаго губернатора, описывавшаго церковныя имущества. Народъ былъ такъ возмущенъ этимъ, что монахамъ угрожало такое же поголовное истребленіе, какое случилось въ 1835 г. Кастеляръ сумѣлъ успокоить эту бурю. Затѣмъ онъ одержалъ блестящую побѣду въ парламентѣ при дебатахъ о свободѣ вѣроисповѣданій. Ультрамонтанскій депутатъ каноникъ Монтерола началъ пренія обычными софизмами и невѣжественными разсужденіями, доказывая, что католицизмъ есть единственное основаніе всѣхъ наукъ, а нѣмецкая наука не что иное, какъ собраніе противорѣчій и безсмыслицы; что преслѣдованіе іудеевъ было только справедливымъ возмездіемъ за ихъ злодѣянія, въ особенности же за умерщвленіе христіанскихъ младенцевъ; что отдѣленіе церкви отъ государства неминуемо повлечетъ за собой распространеніе магометанства, многоженства, язычества и пагодъ. Три часа говорило это ультра-католическое дѣтище старой Испаніи и чуть было не усыпило всѣхъ. Ему отвѣчалъ Кастеляръ, разбивая его на каждомъ пунктѣ своимъ блестящимъ анализомъ, своими цитатами то изъ библіи, то изъ отцовъ церкви, то изъ ораторовъ и писателей французской революціи. На положеніе Монтеролы, что католическая церковь прежде всѣхъ и всегда поддерживала начало свободы, равенства и братства, Кастеляръ привелъ между прочимъ выдержку изъ инвентаря монастыря св. Доміана, въ которомъ въ числѣ имущества значилось 50 кобылъ, 20 мавританокъ и 30 мавровъ. На замѣчаніе, что не инквизиція, а гражданская власть умерщвляла еретиковъ, Кастеляръ воскликнулъ: «Это все равно, если бы убійца оправдывался тѣмъ, что не онъ, а его кинжалъ причинилъ смерть!» Монтерола выразился, что Кастеляръ лучше бы думалъ о Римѣ, если бы былъ въ немъ. «Да, я былъ въ Римѣ,—отвѣчалъ Кастеляръ,—и видѣлъ тамъ слѣдующее: въ дворцовой залѣ, расписанной Бассари, находится фреска, изображающая посланниковъ короля Франціи, вручающихъ папѣ голову Колиньи,—вмѣстѣ съ другими церковными достопримѣчательностями тамъ находится апотеоза палача и убійцы варфоломеевской ночи!» Относительно же евреевъ Кастеляръ говорилъ: «вѣритъ ли г. Монтерола въ ужасное ученіе, что дѣти отвѣтственны за грѣхи отцовъ? Думаетъ ли онъ, что нынѣшніе іудеи умертвили Христа? Я не вѣрю этому, и поэтому я болѣе христіанинъ, чѣмъ онъ. Великъ Богъ на Синаѣ въ раскатахъ грома и въ землетрясеніи, но еще болѣе великъ Онъ въ смиренномъ образѣ у креста, на масляничной горѣ, когда онъ молится о прощеніи враговъ своихъ, невѣдающихъ, что они творятъ. Велика религія силы, но еще болѣе велика религія любви, велика любовь къ непреложной справедливости, но выше ея—религія состраданія и прощенія, и я во имя этой религіи, которая должна быть и вашей, во имя вашего евангелія, требую, чтобы вы во главѣ вашихъ законовъ поставили свободу вѣроисповѣданій, т. е. свободу, равенство и братство всѣхъ людей». Даже консерваторы увлекались этимъ искреннимъ и задушевнымъ краснорѣчіемъ оратора, даже они рукоплескали ему; они спѣшили къ Кастеляру съ заявленіями своего сочувствія,

на опустѣвшихъ скамьяхъ правой стороны стались только Монтерола съ двумя епископами тремя другими ультрамонтанскими депутатами; емного погодя и они съ поникшими головами окинули залу. Побѣда была полная. Тысячи елеграммъ изъ всѣхъ мѣстностей Испаніи привѣтствовали великаго оратора; болѣе сотни городовъ избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

На ряду съ Кастеляромъ стоитъ патріархъ республиканской партіи, Орензе, эмигрировавшій въ 1823 г. въ Англію, гдѣ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ пріобрѣлъ серьезныя и обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ государственныхъ и соціальныхъ наукъ. Онъ участвовалъ во многихъ либеральныхъ движеніяхъ Испаніи, удалялся за границу, снова возвращался на родину и, пріѣхавъ въ нее послѣ сентябрьскаго переворота, со всѣмъ пыломъ лучшихъ дней своей юности началъ работать, чтобы приготовить испанскій народъ къ принятію той государственной формы, которую онъ считаетъ единственно возможною и цѣлесообразною въ Испаніи. Онъ изъѣздилъ всю страну, говоря рѣчи, основывая журналы и клубы, собирая митинги и организуя республиканское движеніе. Орензе замѣчательный ораторъ и практическій государственный человѣкъ. Для него федеральная республика не только необходимо вытекаетъ изъ исторіи и географіи Испаніи, не только служитъ единственною возможною основою для слитія Португаліи съ Испаніей, но и служитъ единственнымъ средствомъ для примиренія и полнаго удовлетворенія тѣхъ провинціальныхъ и мѣстныхъ интересовъ, которые никогда не могутъ примириться ни съ монархіей, ни съ централизаціей. Для Орензе, какъ и для Кастеляра, какъ и для другихъ членовъ ихъ партіи, республика въ Испаніи—самая естественная форма верховной власти народа, санкціонированной конституціей, единственное средство для разрѣшенія запутанныхъ экономическихъ задачъ, оставленныхъ монархіей. Орензе предсказываетъ, что конституціонные доктринеры, которые такъ долго защищали бурбонскую династію отъ республиканцевъ и все-таки кончилй тѣмъ, что, прогнавъ Бурбоновъ, приняли нѣкогда гонимые и осмѣянные ими демократическіе принципы,—что эти доктринеры силою обстоятельствъ и общественнаго мнѣнія, болѣе и болѣе склоняющагося на сторону республики, принуждены будутъ искать въ федеральной республикѣ самаго консервативнаго рѣшенія политическихъ вопросовъ и признаютъ ее за самый логическій, разумный и практическій выводъ изъ сентябрьской революціи.

Республиканская дѣятельность Фигуераса начинается съ 1850 г. Въ 1854 г. вмѣстѣ съ 19 другими депутатами онъ вотировалъ противъ реставраціи Бурбоновъ, а въ 1869 г. мы видимъ его однимъ изъ 70 республиканскихъ представителей въ кортесахъ. Фигуерасъ съ блестящимъ образованіемъ соединяетъ еще превосходную политическую опытность и обширныя практическія свѣдѣнія. Кастеляръ характеризуетъ его такъ: «если нашъ горизонтъ омрачается, если море бушуетъ, если со всѣхъ сторонъ видны затрудненія, тогда мы невольно обращаемъ свои взоры на Фигуераса, будучи увѣрены, что этотъ опытный кормчій спасетъ насъ среди кораблекрушенія. Какимъ проницательнымъ взоромъ обладаетъ онъ, открывая слабое мѣсто своего врага; съ какимъ искусствомъ онъ поселяетъ раздоръ въ рядахъ его! Какую замѣчательную память обнаруживаетъ онъ, приводя такіе историческіе факты, которые болѣе всего говорятъ противъ поражаемаго имъ правительства. А главное—какое въ немъ присутствіе духа! Онъ вызываетъ бурю на скамьяхъ противниковъ съ такою же легкостью, съ какою онъ очаровываетъ скамьи своихъ друзей!» Одною изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ характерныхъ рѣчей Фигуераса въ кортесахъ была его рѣчь противъ нынѣшней конституціи. «Вы хотите королевско-демократической конституціи; но въ вашемъ проектѣ я вижу только монархію, а не демократію. Либеральный союзъ и прогрессисты хлопочутъ только о парламентскомъ всемогуществѣ, о министерскомъ всемогуществѣ; то и другое допускается конституціей; они сохраняютъ солдата, который долженъ стеречь покой ихъ пищеваренія; они поддерживаютъ патера, который долженъ убѣждать народъ заниматься только небесными дѣлами и не думать о томъ, что человѣкъ имѣетъ высокое предназначеніе и на землѣ. Вы нарушили равенство, сохранивъ привилегированную религію; вы говорите о некатоликахъ какъ о потерянныхъ людяхъ, между тѣмъ какъ достоинство человѣка выражается не въ его вѣроисповѣданіи, а въ томъ, что онъ регулируетъ свои дѣйствія истинными принципами всеобщей морали... При такой конституціи можетъ царствовать самый реакціонный король, и вамъ не остается ничего болѣе, какъ отправиться къ Изабеллѣ II и смиренно умолять ее, дабы она соизволила вернуться съ своими монахами и любовниками въ нашъ Мадридъ».

Пи-и-Маргаль съ перваго же своего появленія въ кортесахъ сталъ въ ряду первостепенныхъ ораторовъ. Подобно всѣмъ предыдущимъ, онъ славится своею ученостью, своими глубокими познаніями въ нѣмецкой философіи и политической экономіи. Самостоятельный мыслитель, замѣчательный публицистъ, неутомимый работникъ, человѣкъ непреклоннаго характера, Пи-и Маргаль въ особенности полезенъ своею компетентностью въ финансовыхъ дѣлахъ. Онъ первый обратилъ вниманіе на крайнюю необходимость для Испаніи основныхъ экономическихъ реформъ.

Фернандо Гаррідо, знающій Испанію, какъ никто ея не знаетъ, лучшій публицистъ своей страны и любимѣйшій ораторъ народа, едва ли не болѣе всѣхъ содѣйствовалъ торжеству своей идеи. Главною заботою его послѣ сентябрьскаго переворота были организація своей партіи и примиреніе тѣхъ мѣстныхъ интересовъ, которые, благодаря злоупотребленіямъ прежняго режима, порождали взаимную остервенѣлую вражду провинцій, парализовавшую успѣхъ всякаго добраго дѣла. Гаррідо явился истиннымъ миротворцемъ: онъ примирялъ противоположности, примирялъ партіи, училъ ихъ взаимной уступчивости и терпимости и старался при-

влекать въ свою партію какъ можно больше демократовъ и прогрессистовъ. Не смотря на свои соціалистическія убѣжденія, Гарридо дѣятель вполнѣ практическій. Когда въ Испанію явился Бакунинъ со своимъ универсальнымъ рецептомъ искоренить всякую государственность и, разбивъ страну на ея отдѣльные атомы, положить основаніе новымъ соціальнымъ порядкамъ, Гарридо только посмѣялся надъ этимъ проектомъ, а Бакунинъ провозгласилъ его измѣнникомъ.

Гарція Лопецъ, Санхецъ Руано, ученикъ и другъ Кастеляра, Арбацуца дополняютъ собою эту группу первостепенныхъ политическихъ дѣятелей лѣвой стороны, на которой мы видимъ всѣ таланты, всѣхъ серьезно образованныхъ людей Испаніи. Лаузеръ, человѣкъ вполнѣ безпристрастный, предсказываетъ этой партіи торжество надъ всѣми остальными, потому что на ея сторонѣ не только сила таланта и науки, но и сила честности. «Рѣзче всего она отличается отъ всѣхъ другихъ партій Испаніи своимъ безкорыстіемъ и отсутствіемъ всякаго личнаго соперничества». Ни одна партія также не проявляетъ такой религіозной и политической терпимости, какъ республиканская. Она не разъ хлопотала даже объ амнистіи карлистамъ. Въ кортесахъ она превосходитъ каждую изъ остальныхъ партій, взятую отдѣльно, а въ странѣ пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ между всѣми слоями современнаго испанскаго общества. Населеніе большихъ городовъ даетъ самое большее число членовъ этой партіи, но приверженцы ея встрѣчаются и въ сельской массѣ.

Обращаясь къ ретроградными политическимъ партіямъ, мы не видимъ на ихъ сторонѣ ни такихъ талантовъ, ни такого безкорыстія, какъ на лѣвой сторонѣ. Во главѣ ихъ нужно поставить крайнихъ реакціонеровъ-карлистовъ, которые, постепенно слабѣя, все-таки могутъ еще набирать достаточно силъ между монахами, бродягами, разбойниками и невѣжественнымъ крестьянствомъ. Какими средствами духовенство вербуетъ приверженцевъ Донъ-Карлосу, можно судить по слѣдующему факту. Патеры и монахи проповѣдуютъ по деревнямъ, что Богъ посредствомъ явнаго знаменія на небѣ возвѣщаетъ близкую побѣду законнаго короля; стоитъ только вечеромъ выйти въ поле, подольше посмотрѣть на заходящее солнце, потомъ отвернуться и закрыть глаза—и станетъ ясно, какъ съ неба дождемъ падаютъ карлистскія красныя шапки. Крестьяне дѣлаютъ опытъ, и возбужденное въ ихъ глазахъ солнечнымъ свѣтомъ видѣніе движущихся красныхъ пятенъ принимаютъ за чудесное знаменіе! Впрочемъ, такихъ дураковъ немного находится даже и между крестьянами. Что же касается городского населенія всѣхъ классовъ, то оно питаетъ къ карлистамъ такую вражду, что либеральная партія вынуждена всѣми силами удерживать его отъ истребительной войны противъ нихъ. Въ парламентѣ же карлисты поражаютъ всѣхъ своимъ невѣжествомъ и тупоумнымъ упорствомъ, не понимающимъ, что дѣло ихъ проиграно окончательно. Въ первую сессію было только два карлистскихъ депутата, рѣчи и притязанія которыхъ возбуждали одинъ смѣхъ.

На ряду съ карлистами выступаютъ двѣ другія реакціонныя партіи, изъ коихъ одна стоитъ за сына Изабеллы, Альфонса, другая—за герцога Монпасье. Отъ карлистовъ они отличаются не принципами, а только своими кандидатами на престолъ. Въ числѣ ихъ депутатовъ считаются лучшими и блестящими свѣтилами церкви каноникъ Монтерола, епископъ Монцесцилло и архіепископъ Сантьяго. Они отличились въ первый разъ во время преній по религіозному вопросу. Вся Испанія хохотала надъ ихъ невѣжествомъ и надъ ихъ нелѣпой софистикой. Монтерола говорилъ на тему—или католичество, какъ государственная религія, или атеизмъ. По вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства онъ изрекъ, что «прелаты всегда стоятъ выше парламента, выше Испаніи, выше цѣлаго міра!» Такъ какъ его рѣчи въ кортесахъ возбуждали гомерическій хохотъ, то онъ вынужденъ былъ перенести свою дѣятельность съ парламентской трибуны на церковную каѳедру, съ которой онъ проповѣдывалъ священную войну противъ либераловъ, пока полиція не запретила этихъ безобразій. Нисколько не лучше его и епископъ Монцесцилло. Онъ требовалъ отмѣны всѣхъ законовъ, изданныхъ относительно іезуитовъ, монахинь и семинарій, возвращенія всѣхъ конфискованныхъ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, передачи духовенству всего народнаго образованія, какъ низшаго, такъ средняго и высшаго. Онъ заявлялъ, что Испанія имѣетъ научное вліяніе на весь міръ, и съ презрѣніемъ говорилъ о «полномъ гордыни» парижскомъ университетѣ. «Кортесы должны знать,—восклицалъ онъ,—что такъ называемая нѣмецкая наука происходитъ не изъ Германіи. Германія не производитъ ничего, кромѣ тумана и мечтательныхъ нелѣпостей; все, что есть въ Германіи хорошаго, она получила отъ св. Хуана делакрузскаго, отъ св. Людовика гранадскаго». Въ заключеніе этотъ тупоумный монахъ заявлялъ, что 3,000 человѣкъ письменно выражали ему пламенное желаніе пожертвовать своею кровью для защиты католицизма отъ безбожныхъ либераловъ.

Къ чисто-реакціоннымъ партіямъ принадлежатъ также уніонисты и умѣренные (moderados). Это большею частью личности въ родѣ тѣхъ хунтеро, о которыхъ мы говорили. Чтобы судить о характерѣ ихъ управленія, достаточно указать на слѣдующій фактъ. Одинъ разъ на кораблѣ, плывшемъ въ Гаванну, очутилось разомъ три чиновника, опредѣленныхъ на одну и ту же должность; двое изъ нихъ были назначены даже въ одинъ день; назначенный прежде всѣхъ заявилъ своимъ соперникамъ, что такъ какъ онъ не смѣненъ, то и будетъ защищать свое право съ оружіемъ въ рукахъ. Само собою понятно, что должность была продана поочередно тремъ этимъ господамъ. Выдающейся личностью уніонистской партіи является Серрано, составившій свою карьеру въ качествѣ любовника Изабеллы. Ни талантами, ни знаніями онъ не обладаетъ. Начавъ революцію во имя дина-

стическаго переворота, онъ вскорѣ принужденъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ. Но какъ политическій интриганъ и антрепренеръ, онъ возбуждаетъ опасеніе. Серрановскій сподвижникъ, адмиралъ Топете — жалкая посредственность, воображающая себя государственнымъ человѣкомъ. Онъ бросился въ политическій переворотъ единственно съ цѣлью воцарить Монпасье. Неудача совершенно раздражила его, и онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, компрометируя тѣмъ своихъ товарищей, а послѣдніе, ради его успокоенія, начали трубить на всѣ лады, что революція обязана своимъ успѣхомъ главнымъ образомъ Топете. Но Топете, вслѣдствіе этого, еще болѣе возмнилъ о себѣ. Не менѣе жалкую роль играетъ и даровитый ренегатъ либеральной партіи, Олоцаго. Когда онъ возвратился изъ изгнанія, то населеніе Мадрида приняло его съ восторгомъ, какъ испытаннаго бойца за свободу. Но этотъ испытанный боецъ началъ противодѣйствовать уничтоженію рабства, свободѣ вѣроисповѣданій и всюду заявлялъ, что цѣлью революціи было только низверженіе Изабеллы. Единственнымъ мотивомъ дѣйствій Олоцаго служитъ честолюбіе, то неизмѣримое честолюбіе, которому служилъ и даровитѣйшій представитель партіи движенія, Примъ, этотъ второй экземпляръ Наполеона III. Что же касается большинства уніонистовъ и прогрессистовъ, то его должно считать вовсе не политической партіей, а организаціей хунтеро, толпой политическихъ антрепренеровъ, стремящихся нажиться посредствомъ власти и въ большинствѣ случаевъ до того малоспособныхъ, что они отдаются совершенно въ распоряженіе своихъ вождей, въ родѣ Сагасты или Прима, и идутъ за ними всюду.

Карлисты, уніонисты, прогрессисты, конечно, создадутъ еще не мало препятствій для дальнѣйшаго развитія Испаніи, но остановить его они не могутъ. На сторонѣ прогрессивнаго движенія и его представителей—умъ, образованность, всѣ дѣятельныя и здоровыя силы націи. Политическое воспитаніе народа идетъ безостановочно. Рабочіе по вечерамъ съ своими семействами собираются въ безчисленные клубы читать газеты и брошюры, слушать ораторовъ, толковать о политикѣ. Десятки тысячъ крестьянъ выѣзжаютъ въ города изъ своихъ деревень, чтобы послушать Гарридо или Кастеляра. Книжные магазины и библіотеки для чтенія, столь рѣдкіе при Бурбонахъ, возникаютъ теперь всюду. Самые нравы народа видимо смягчаются. Борьба политическихъ партій далеко уже не имѣетъ той звѣрской страстности, какою она отличалась лѣтъ десять, пятнадцать назадъ. Даже революціонные перевороты производятся съ такимъ порядкомъ, съ такою сдержанностью, что внушаютъ невольное уваженіе къ характеру этого народа. «Однажды,—разсказываетъ Лаузеръ,—въ полночь я вошелъ въ редакцію одной мадридской радикальной газеты. Я изумился, увидѣвъ, что комната редакціи наполнена копьями, саблями, ружьями, знаменами, а въ углу стояла небольшая пушка, обвязанная веревками такъ, чтобы ее можно было черезъ окно спустить на улицу. Редакторы и нѣкоторые изъ ихъ друзей молча сидѣли вокругъ стола, на которомъ была разложена карта города; отъ времени до времени тотъ или другой изъ нихъ иглою обозначалъ на картѣ какой-нибудь пунктъ, предназначенный для постройки баррикады. Черезъ часъ они ожидали сигнала для возстанія... Я отправился на Пуерта-дель-Соль, гдѣ думалъ встрѣтить какое-нибудь чрезвычайное движеніе. Но вмѣсто него я увидѣлъ, въ бо́льшемъ только числѣ, чѣмъ обыкновенно, прогуливающихся съ самымъ беззаботнымъ по наружности видомъ; не зная заранѣе, никто бы не повѣрилъ, что каждый изъ нихъ скрываетъ подъ своимъ плащемъ оружіе и готовъ стать на баррикады». Въ другомъ мѣстѣ Лаузеръ описываетъ революцію въ небольшой деревнѣ. Гудитъ набатъ, призывая всѣхъ способныхъ носить оружіе людей, и отряды вооруженныхъ крестьянъ спѣшатъ на призывъ его. Правительство объявляется низложеннымъ. Къ ратушѣ, гдѣ засѣдаетъ революціонная хунта, прибита ея прокламація, требующая повиновенія ей, какъ единственной законной власти. «Члены хунты приняли насъ самымъ дружескимъ образомъ. Предсѣдатель объявилъ намъ, что въ этотъ часъ вся геронская провинція возстала... Порядокъ, сдержанность и приличіе, царившіе въ этой деревенской хунтѣ, возбуждали величайшее уваженіе. Эти необразованные крестьяне, безъ шума, безъ самохвальства, безъ оскорбленія своихъ противниковъ, въ одинъ часъ свергли старый порядокъ, и хунта тотчасъ же издала строгое запрещеніе наносить обиды кому бы то ни было». Правда, въ кортесахъ однажды была настоящая драка, но за этимъ единственнымъ исключеніемъ ни въ одномъ европейскомъ парламентѣ нѣтъ такого порядка, приличія, отсутствія личныхъ оскорбленій и такого полнаго уваженія къ свободѣ слова, какъ въ кортесахъ. Самые ожесточенные политическіе противники ни при защитѣ, ни при нападеніи не дозволяютъ себѣ ничего оскорбительнаго. Самый скучный и нелюбимый ораторъ можетъ разглагольствовать хоть цѣлый день, и никто не прерветъ его, а всѣ считаютъ своею обязанностью дать ему полную свободу говорить сколько хочетъ. Монархисты и республиканцы нерѣдко являются въ залу кортесовъ и покидаютъ ее подъ руку другъ съ другомъ; будучи противниками въ парламентѣ, въ частной жизни многіе изъ нихъ знакомы и дружны между собой. Вообще, за послѣдніе четыре года общественные нравы видимо начали смягчаться. Кровавыя зрѣлища бычьихъ боевъ встрѣчаютъ уже сильное противодѣйствіе со стороны республиканской партіи, которая хлопочетъ о запрещеніи ихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ женщины высшаго и средняго сословія уже не посѣщаютъ этихъ варварскихъ зрѣлищъ, находя ихъ неприличными. Въ ущербъ же бычьимъ боямъ усиливается театральное искусство. Въ каждомъ незначительномъ городкѣ Испаніи есть театръ. Послѣ 1868 г. театръ сдѣлался преимущественно орудіемъ либеральной пропаганды. Политическія пьесы не сходятъ

со сцены. Вотъ, напр., содержаніе одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Кто будетъ королемъ?» Сцена представляетъ пограничную мѣстность въ Пиренеяхъ. На сценѣ «Испанія». Она сидитъ на тронѣ и предлагаетъ народу избрать короля. Нѣкоторые возражаютъ на это, но Испанія отвѣчаетъ имъ, что нельзя-же обойтись безъ главы государства. Стучатъ въ дверь. Прислуга докладываетъ, что какой-то иностранецъ желаетъ имѣть аудіенцію. Входитъ одинъ изъ кандидатовъ на престолъ—англійскій матросъ (герцогъ кэмбриджскій), пьяный до того, что не можетъ сказать ни одного слова. Вслѣдъ за нимъ является торговецъ апельсинами (герцогъ Монпасье), съ сильнымъ французскимъ акцентомъ восхваляетъ свое занятіе и, оставивъ рекламу отъ своей фирмы, уходитъ, обѣщаясь вскорѣ вернуться. За нимъ является молодой фатъ (Амедей), который дѣлаетъ глазки хорошенькимъ испанкамъ; потомъ проходитъ по сценѣ португалецъ (Фердинандъ), опирающійся на двухъ танцовщицъ; наконецъ, является молодой парень въ дѣтскихъ штанишкахъ, въ задній прорѣзъ которыхъ выставился подолъ рубашки; этому претенденту (Донъ-Карлосъ) отъ времени до времени подтираютъ носъ; его ведетъ за руку мужчина въ іезуитской шляпѣ, который въ сладкой рѣчи рекомендуется народу, какъ истинный другъ свободы, но котораго вскорѣ узнаютъ по его тонсурѣ и выталкиваютъ въ шею, и т. д. Особенною популярностью пользуются пьесы, направленныя противъ духовенства, напримѣръ, драма «Фанатикъ», изображающая козни и ужасы инквизиціи. «Возбужденность публики, —говоритъ Лаузеръ,— возрастала съ каждымъ актомъ представленія, на которомъ я присутствовалъ; громкіе возгласы противъ патеровъ, изображенныхъ въ пьесѣ, раздавались со всѣхъ сторонъ, а когда Карлосъ II, догадавшись о козняхъ, учиненныхъ надъ нимъ его духовникомъ, закричалъ послѣднему: «чертовскій попъ», то раздался настоящій громъ одобренія; бутылки, шляпы, трости, все, что было подъ руками у зрителей, все полетѣло въ голову несчастнаго актера, игравшаго роль духовника... Въ заключеніе пьесы этого духовника закалываетъ любовникъ дѣвушки, преданной имъ въ руки инквизиціи, и затѣмъ занавѣсъ падаетъ; три раза по требованію публики снова поднимался занавѣсъ и три раза этотъ патеръ долженъ былъ умирать подъ кинжаломъ своего противника».

Изъ представленнаго нами очерка читатель видитъ, что отчаяваться за будущее Испаніи нѣтъ основанія. Какъ ни мрачно и печально ея прошлое, но оно уступаетъ мало-по-малу тому общечеловѣческому движенію, которое невольно тянетъ за собою отсталые народы къ умственному и соціальному возрожденію. Вмѣстѣ съ умственнымъ прогрессомъ мы видимъ здѣсь развитіе и матеріяльнаго благосостоянія. Не приводя подробныхъ и длинныхъ статистическихъ таблицъ, скажемъ только, что желѣзныя дороги, торговля, промышленность—все развивается въ Испаніи. «Благосостояніе народа поднимается», говоритъ Кольбъ (Statistik, Ausgabe von 1871). Въ 1858—1864 гг., напр., потребленіе сахару приходилось среднимъ числомъ на каждаго испанца въ годъ 4,33 фунта, а въ 1865—1868 уже 5,33 фунта; потребленіе кофе возросло отъ 0,13 до 0,23 на человѣка; потребленіе вина не увеличилось. По исчисленію Гарридо, «производство средствъ жизни въ Испаніи далеко превосходитъ ихъ потребленіе, и въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы политико-экономы безпокоятся отношеніемъ средствъ пропитанія къ количеству населенія, въ Испаніи народонаселеніе можетъ удвоиться и все-таки найдетъ достаточно средствъ для своего прокормленія». Тотъ же писатель вычисляетъ, что испанецъ ежедневно потребляетъ 20 унцовъ хлѣба, 8 унцовъ овощей, 4 унца мяса, 8 унцовъ вина, всего 40 унцовъ, между тѣмъ какъ на каждаго жителя Франціи приходится только 20 унцовъ этихъ питательныхъ веществъ. Въ Испаніи нѣтъ такой бѣдности, какую мы видимъ, напр., во Франціи или въ Англіи; но при всемъ этомъ экономическое положеніе страны, по отношенію къ ея необыкновеннымъ естественнымъ богатствамъ, нищенское. Громадное количество земель до сихъ поръ остается въ рукахъ богатаго дворянства, и система крупнаго землевладѣнія приводитъ къ обычнымъ результатамъ: земли обрабатываются плохо, а крестьяне превращаются въ пролетаріевъ. Земледѣльцевъ-поденьщиковъ въ 1860 году было 2,354,110 человѣкъ. Уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе крупнаго землевладѣнія—настоятельная необходимость для Испаніи. Вторая задача, которой занимается прогрессивная партія,—это уменьшеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ. Какъ ни сильно уменьшилось число духовенства въ Испаніи, но его все еще остается множество, и оно отягощаетъ собою государственное казначейство. Монахи закрытыхъ монастырей получаютъ пожизненную пенсію, а кромѣ монаховъ въ 1860 г. было еще 18,819 монахинь. На 26,000 патеровъ государство ежегодно расходуетъ 173,000,000 реаловъ, на монаховъ 6,000,000, на монахинь 13,000,000 р Въ Бургосѣ, имѣющемъ 14.000 жителей, 1,500 духовныхъ потребляютъ болѣе, чѣмъ производитъ почва всей провинціи. Послѣ экономическихъ реформъ стоитъ на очереди коренное преобразованіе арміи, предположенное еще министерствомъ Зорильи. Главная задача этого преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать армію слугою отечества и лишить ее того преторіанскаго характера, благодаря которому такъ часто дѣлали ее своимъ слѣпымъ орудіемъ политическіе спекуляторы. До послѣдняго времени деньги, отпускаемыя на армію, тратились главнымъ образомъ на высшихъ военныхъ чиновниковъ. Въ 1862 г., напр., въ Испаніи было ни болѣе, ни менѣе, какъ 142 фельдмаршала. Наконецъ, Испаніи предстоитъ еще одна важная реформа—это окончательное уничтоженіе рабства негровъ, о которомъ уже давно хлопочетъ прогрессивная партія. Рабство поддерживаютъ, во-первыхъ,

сами рабовладѣльцы, потомъ работорговцы, генералъ-капитаны и другіе чиновники колоній, которымъ такъ привольно живется въ послѣднихъ и которые непосредственно или посредственно участвуютъ въ выгодахъ рабовладѣльцевъ; наконецъ, за рабство стоятъ и испанскіе фабриканты, главною потребительницею которыхъ служитъ рабовладѣльческая аристократія острова Кубы. Въ 1859 г. въ американскихъ колоніяхъ (Кубѣ, Порто-Рико и др.) на 1.703,000 жителей приходилось рабовъ 404,000, но это по офиціальнымъ даннымъ, на самомъ же дѣлѣ, говорятъ, рабовъ не менѣе 600,000, составляющихъ капиталъ въ 3.600,000,000 франковъ и купленныхъ въ Африкѣ не болѣе, какъ за 90,000,000 франковъ. Рабъ покупается въ Африкѣ за 100 или 150 фр., а въ колоніяхъ онъ продается за 4,500—7,000 франковъ. Такъ какъ рабство ведется контрабандой, то испанская администрація за дозволеніе работорговли получаетъ въ видѣ взятокъ среднимъ числомъ по 250 фр. за негра. Генералъ-капитаны Кубы наживаютъ, такимъ образомъ, милліоны. Извѣстенъ только одинъ совершенно безкорыстный генералъ-капитанъ, Балдесъ, управлявшій Кубой во время трехлѣтняго регентства Эспартеро. Онъ жилъ, какъ спартанецъ, почти все свое жалованье раздавалъ бѣднымъ и не имѣлъ даже денегъ для обратнаго переѣзда въ Испанію, которыя и были собраны для него по подпискѣ. Еще въ 1817 г. Испанія обязалась международнымъ трактатомъ прекратить работорговлю, но съ 1825 по 1860 г. она ввезла въ свои колоніи до 600,000 негровъ. Въ одномъ только 1860 г. ввезено было около 50.000 рабовъ. Этимъ выгоднымъ промысломъ занимаются нерѣдко самыя важныя лица. Положеніе негровъ ужасное. Днемъ они работаютъ подъ ударами бичей, а ночь проводятъ въ отвратительныхъ погребахъ, подъ карауломъ бѣлыхъ и собакъ. Большинство ихъ не имѣетъ ни женъ, ни семействъ. Рабы же, живущіе въ городахъ, въ извѣстномъ отношеніи пользуются нѣсколько лучшимъ положеніемъ, чѣмъ фабричные рабочіе Европы. Нужно также замѣтить, что испанцы и въ законахъ своихъ, и на практикѣ относятся къ рабамъ мягче, чѣмъ другіе европейцы. По закону, рабъ имѣетъ право выкупиться на свободу или заставить своего господина продать его. Законъ обязываетъ давать рабу клочокъ земли и одинъ день въ недѣлю для его обработки. Число откупившихся негровъ очень значительно, и они почти вполнѣ равноправны съ бѣлыми. Въ 1870 г., благодаря усиліямъ республиканской партіи, объявлены свободными: 1) всѣ дѣти рабынь, родившіяся послѣ изданія закона, которыя, впрочемъ, обязаны безплатно работать на своихъ господъ до 18-лѣтняго возраста, а съ 18 до 22 лѣтъ за половинную плату обыкновеннаго поденщика; 2) всѣ дѣти, родившіяся со дня революціи 17 сентября 1868 г. по день изданія закона, съ выкупомъ отъ правительства по 125 пезетъ за ребенка; 3) рабы, которые во время кубанскаго возстанія держали сторону правительства; 4) всѣ государственные рабы и 5) всѣ достигшіе шестидесятилѣтняго возраста. Наказаніе кнутомъ уничтожено, а продажа малолѣтнихъ отдѣльно отъ матерей и супруговъ другъ отъ друга запрещена.

СУДЬБЫ ИРЛАНДІИ.

J. A. Froude, the English in Ireland in the XVIII century, in 2 volumes, 1872.—H. J. Jervis, Ireland under the British Rule, 1868.—Gustave de Beaumont, l'Irlande sociale, politique et religieuse, 7-me édition, précédée d'une notice sur l'état présent de l'Irlande, 2 volumes, 1863.—W. H. Lecky, the Leaders of public opinion in Ireland, 1871.—John Stuart Mill, Chapters and Speeches on the irish land question, 1870.—Gerald Fitzgibbon, the Land Difficulty in Ireland with an effort to solve it. 1869.—O'Connon Morris, Letters on the Land Question in Ireland, 1870.—John George Mac Carthy, Irish Land Questions plainty stated and answered, 1870.—Land Tenures and their consequences, Westminster Review, № LXXIII.—W. N. Molesworth, the History of England from the year 1830, in 2 volumes, 1872.—F. Broemel, O'Connel, въ Staats-Lexicon von Rotteck und Welcker.—Cobden, Club Essays, 1 and 2 volumes, 1872.—The Jrish National School System, British Quarterly Review, 1869.—The Ministry and University Education in Ireland, Quaterly Review 1873, january.—D-r Macaulay, Ireland in 1872, 1873.—Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ, собраніе статей современныхъ экономистовъ. Спб. 1871.—Новое хозяйство. Кооперативное земледѣліе. Издалъ Баллинъ. Спб. 1872.—С. Трэнчъ, Очерки ирландской жизни, пер. съ англійскаго. Спб. 1873.

I.

Исторія несчастной страны, о судьбахъ которой мы хотимъ говорить, начинается тысячи за двѣ лѣтъ до нашего времени. «Зеленый островъ» находился тогда въ состояніи первобытной дикости; дѣвственная земля его была покрыта непроходимыми лѣсами и болотами; дожди и туманы дѣлали его климатъ чрезвычайно сырымъ и нездоровымъ. Неизвѣстно, кто были первые жители этой небольшой страны, на почвѣ которой суждено было рѣшаться въ продолженіе столѣтій самымъ важнымъ вопросамъ политики и соціальныхъ отношеній. Но еще задолго до первыхъ нашествій англичанъ въ южной части острова поселились иберійскія племена, а на сѣверѣ скотты. Когда они размножились и разсѣялись по странѣ, то хотя и начали посредствомъ постепеннаго смѣшенія сливаться въ одну націю, но все-таки отдѣльные роды находились въ состояніи постоянной борьбы между собой за землю, которая, по причинѣ своей первобытной дикости, могла доставлять средства существованія только немногимъ жителямъ. Предпринимая разбойничьи набѣги на Шотландскіе острова и Валлисъ, гдѣ они захватывали много рабовъ, ирландцы, въ свою очередь, подвергались частымъ набѣгамъ скоттовъ, датчанъ и норманновъ. Но нездоровый климатъ зеленаго Эрина, его лѣса и болота препятствовали завоевателямъ прочно утвердиться на островѣ. Даже Агрикола съ своими легіонами, призываемый однимъ изъ ирландскихъ вождей въ 82 г. по Р. Х., не рискнулъ двинуться въ

глубь острова для покоренія этой страны, суровость и дикость которой не мѣшали, однакожъ, христіанскимъ миссіонерамъ дѣлать въ ней свое дѣло. Очень рано здѣсь возникли христіанскія общины и школы, сдѣлавшіяся первыми на всемъ Западѣ и привлекавшія многочисленныхъ учениковъ даже изъ Британіи и Галліи. Но религіозные раздоры, возбужденные римскими агентами, обвинившими ирландцевъ въ VI в. въ ереси, и потомъ въ IX в. нашествіе норманновъ повели за собой паденіе зарождавшейся христіанской цивилизаціи. Хотя въ Дублинѣ и другихъ мѣстахъ продолжали существовать церкви и епископства, но даже сами епископы не соображались съ уставами римской церкви, а масса народа, хотя и обращаемая номинально въ христіанство, оставалась въ сущности языческою. Народъ раздѣлялся на племена, которыя выбирали себѣ вождей, давали имъ поземельные участки, раздѣляли остальную землю между всѣми законнорожденными и незаконнорожденными родичами и управлялись своимъ обычнымъ правомъ, хранителями котораго были брегоны—жрецы-барды въ родѣ друидовъ. Границы родовыхъ земель то расширялись, то суживались, смотря по способностямъ и воинской предпріимчивости вождей. Культура страны находилась на самой низкой ступени развитія. Занимаясь скотоводствомъ, ирландцы жили въ гористыхъ мѣстностяхъ или около озеръ въ убогихъ лачугахъ изъ плетня, обмазаннаго глиной. Въ минуты опасности они бросали эти лачуги и перебирались въ сосѣдніе лѣса. Ихъ копья, длинные ножи, еще болѣе длинные боевые топоры и лодки были крайне плохи, а употребленія сѣделъ они вовсе не знали. Въ XII в. на всемъ островѣ было не больше 300,000 жителей. Первый городъ былъ основанъ только въ IX столѣтіи норманами. Страшная непріятелямъ своимъ климатомъ, лѣсами, болотами и туманами, Ирландія не имѣла политической силы. Междоусобія родовъ дополнялись еще междоусобіями королей, какъ назывались наиболѣе значительные вожди. Четыре провинціи, Лейнстеръ, Мюнстеръ, Ульстеръ и Коннотъ, управлялись каждая своимъ королемъ. И хотя одинъ изъ этихъ королей считался главою всей Ирландіи, но его власть была только номинальная. Вслѣдствіе своей политической разъединенности, ирландцы не могли оказывать надлежащаго сопротивленія непріятельскимъ нашествіямъ, и когда, въ половинѣ IX в., на нихъ напали датчане, то они хотя и успѣли отстоять свою независимость, но оказались не въ силахъ окончательно вытѣснить враговъ съ своего острова. Датчане поселились во многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, основавъ здѣсь торговыя конторы и города Дублинъ, Уатерфордъ, Уэксфордъ.

При слабости свѣтской власти, народъ все болѣе и болѣе подчинялся вліянію католическаго духовенства. Но это духовенство долго не было поставлено въ такую зависимость отъ Рима, какой требовалъ послѣдній. Въ XII в. папская власть начала энергически хлопотать объ организаціи и обычной эксплуатаціи ирландской церкви. Въ то же время ирландскіе набѣги на Валлисъ и морскіе разбои заставили англичанъ серьезно подумывать о покореніи острова, сосѣдство котораго невыгодно отзывалось на Англіи и которому суждено было быть въ теченіе многихъ столѣтій самымъ больнымъ мѣстомъ могучаго британскаго государства. Папа Адріанъ IV, англичанинъ по происхожденію, рѣшился покорить островъ англійскому королю, а черезъ него и своей верховной власти. Въ 1156 году своею буллою онъ подарилъ Ирландію Генриху II, который, по словамъ лѣтописца, «считалъ завоеваніе дѣломъ легкимъ, зная, что ирландцы народъ невѣжественный и дикій». Но этотъ расчетъ оказался совершенно неосновательнымъ. Завоеваніе началось въ 1169 году и кончилось только въ 1603 году, т.-е. черезъ четыреста слишкомъ лѣтъ. Внутреннія дѣла самой Англіи и ея иностранныя отношенія, дикость Ирландіи, ея губительный климатъ, независимый духъ ея жителей, патріотизмъ въ соединеніи съ религіознымъ одушевленіемъ, несостоятельность англійской системы колонизаціи и управленія —все мѣшало покоренію острова. Англичане легко овладѣли извѣстною частью страны, но покорить ее всю не могли въ теченіе столѣтій. Вплоть до царствованія Елисаветы покоренная территорія, называвшаяся *палисадникомъ*, по причинѣ палисадовъ и укрѣпленій на ея границахъ, не обнимала болѣе одной трети Ирландіи. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ туземцами, пространство палисадника то увеличивалось, то уменьшалось иногда до такой степени, что въ 1406 г. ирландцы безнаказанно могли опустошать предмѣстья Дублина, а въ половинѣ царствованія Генриха VIII палисадникъ занималъ не болѣе 20 кв. миль.

Генрихъ II, начавшій завоеваніе Ирландіи, не могъ покорить и удержать ее безъ своихъ вассаловъ; имъ слѣдовало платить за службу, а такъ какъ платить было нечѣмъ, то, по феодальному обычаю, Генрихъ, получившій Ирландію въ подарокъ отъ духовнаго владыки міра, началъ дѣлить ее между своими сподвижниками. Такіе раздѣлы и передѣлы, продолжавшіеся до конца XVII в., вели за собой феодальное переустройство Ирландіи. Господа, получившіе отъ королей громадныя земли, дѣлались сюзеренами, въ зависимости отъ которыхъ стояли второстепенные бароны. Прежде земля принадлежала народу, который часть ея уступалъ своимъ вождямъ во временное пользованіе; теперь она переходила въ полную собственность феодаловъ, и народъ за пользованіе ею былъ обязанъ платить обременительные налоги и повинности; если туземцы не покорялись ненавистному для нихъ порядку вещей, то они бросали свою родную землю, которую въ такомъ случаѣ феодалы старались заселить переселенцами изъ Англіи. И народъ, и вожди скоро воспитали въ себѣ наслѣдственную ненависть къ феодальной системѣ, съ представителями которой они не переставали бороться и въ войнахъ, и въ открытыхъ мятежахъ, и посредствомъ частныхъ убійствъ, поджоговъ, отгона скота и т. п. Вѣковая борьба ирландцевъ

за свою землю и независимость не могла имѣть желаннаго успѣха уже по одному тому, что ихъ племена и роды не соединялись во имя общаго національнаго дѣла, а, напротивъ, продолжали разорять несчастную родину своими междоусобицами, которыя сопровождались ужасными жестокостями. Когда, напримѣръ, Макъ-Мурро разбилъ банды своего заклятаго врага Макъ-Джилли Пэтрика, то въ видѣ трофея ему было представлено 300 человѣческихъ головъ; узнавъ въ одной изъ нихъ голову особенно ненавистнаго ему человѣка, Мурро отсѣкъ ей носъ и уши. Англійскіе сеньоры, завоевавшіе Ирландію, вели дѣла не лучше ирландскихъ вождей. Нѣкоторые изъ нихъ, владѣя обширными землями, жили съ королевскою роскошью посреди своихъ многочисленныхъ вассаловъ, посвящали сами въ рыцари, имѣли свои собственные суды, и даже королевскіе чиновники не допускались въ ихъ владѣнія. Король не жилъ въ Ирландіи, и его власть не могла обуздывать своеволія феодаловъ, которые, вслѣдствіе этого, постоянно дрались другъ съ другомъ не на животъ, а на смерть. Въ XVI в. въ Лейстерѣ, Мюнстерѣ, Клэрѣ, Килькенни и на сѣверѣ пользовались верховнымъ владычествомъ четыре фамиліи. Подъ ихъ властью страна была раздѣлена между 60 ирландскими вождями старой крови и 30 «великими шефами изъ благороднаго англійскаго народа». Каждый изъ этихъ 90 предводителей имѣлъ среднимъ числомъ около 800 мечей и занимался единственно грабительскими войнами съ своими сосѣдями. Иногда само правительство поддерживало эти пагубныя распри и, не имѣя возможности какъ слѣдуетъ обуздать непокорнаго феодала, поднимало противъ него другихъ бароновъ, обѣщая его владѣнія тому, кто отниметъ ихъ. Желающихъ оказывалось, конечно, много—и начиналась кровавая война, переходившая обыкновенно въ не менѣе кровавыя междоусобицы этихъ соперниковъ, которые мѣшали другъ другу овладѣть призомъ. Среди этой феодальной анархіи, которая въ Ирландіи была сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, жизнь и благосостояніе человѣка ежеминутно находилось въ опасности. Почти ни одинъ изъ ирландскихъ вождей не умиралъ естественною смертью. Въ 1422 г. анархія дошла до того, что, спасаясь отъ нея, землевладѣльцы, ремесленники, купцы ежедневно выселялись въ Англію.

«Право каждаго воевать, когда захочется, съ своимъ сосѣдомъ было великою хартіей ирландской свободы», говоритъ Фраудъ. Англичане въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій не могли замѣнить этой хартіи своими законами. Они принесли сюда свою хартію и судъ присяжныхъ, они составляли законы въ ирландскомъ парламентѣ, состоявшемъ изъ лордовъ и представителей общинъ, они ставили судей и администраторовъ, издавали строгія постановленія противъ нарушителей общественнаго мира, но ничто не обуздывало анархіи. Короли не жили въ Ирландіи, и въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ только трое изъ нихъ пріѣзжали сюда не надолго. Вице-короли же были обыкновенно или слишкомъ могущественны, или совершенно безсильны. Если они выбирались изъ ирландскихъ феодаловъ, то держали ихъ сторону противъ короля; въ противномъ же случаѣ, не имѣя подъ собой твердой почвы во враждебной странѣ, они не оказывали никакого вліянія на сильныхъ вассаловъ и старались только о томъ, какъ бы поскорѣе и побольше нажиться отъ своей должности. При этомъ и вице-короли, и всѣ другіе чиновники, и крупные землевладѣльцы пріѣзжали изъ Англіи только на время и старались какъ можно скорѣе вернуться съ полудикаго зеленаго острова въ свое цивилизованное отечество. Почти всѣ англо-норманы, получившіе земли въ Ирландіи, владѣли вмѣстѣ съ тѣмъ значительными помѣстьями въ самой Англіи и жили въ нихъ или въ Лондонѣ, рѣдко заглядывая въ свои ирландскія имѣнія и заботясь только о томъ, какъ бы больше получать доходовъ съ своихъ ирландскихъ арендаторовъ. Англійское правительство боролось противъ этого абсентеизма не менѣе, чѣмъ противъ феодальной анархіи. При Эдуардѣ I оно заявляло, что страна волнуется и страдаетъ вслѣдствіе отсутствія крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не живутъ въ ней и не защищаютъ ее. Ричардъ II обложилъ абсентеистовъ податью. Генрихъ VIII постановилъ конфисковать двѣ трети земель ихъ въ пользу короны. Но всѣ подобныя строгости были больше на словахъ и на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и англійское правительство прибѣгало къ подобнымъ угрозамъ только по временамъ, отличаясь большею частью слабостью, естественною при его безсиліи. Англія никогда не могла твердо и долгое время держаться одной извѣстной политики относительно Ирландіи. Прибѣгая по временамъ къ строгостямъ и деспотизму, она вслѣдъ затѣмъ перемѣняла характеръ насильственнаго управленія, сознавая его дороговизну, надѣясь, что оно болѣе не нужно, или же признавъ его ошибкою. Слѣдовали ослабленіе, компромиссы, уступки; затѣмъ возобновлялись прежнія смуты и волненія, и правительство снова обращалось къ строгимъ мѣрамъ, пока не проходилъ припадокъ его суровой раздражительности, вызванной обстоятельствами.

Постоянные бунты и междоусобія ирландцевъ, отсутствіе короля и крупныхъ феодаловъ, распри второстепенныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ—все это мѣшало утвержденію въ странѣ англійской власти и культуры. Всѣ усилія англинизировать Ирландію не вели ни къ чему. Изъ Англіи сюда выселялось не мало колонистовъ, которые большею частью жили по городамъ, занимаясь торговлей и промышленностью. Эти городскія общины получали извѣстныя привилегіи и составляли изъ себя муниципальныя корпораціи, въ которыя ирландцы не имѣли доступа. Повидимому, это былъ элементъ самый годный для англинизированія страны; но подобно тому, какъ потомки англичанъ, поселившихся въ Шотландіи, превратились въ шотландцевъ и храбро бились потомъ за шотландскія права во главѣ шотландскихъ клановъ, такъ

и эти англо-ирландцы быстро акклиматизировались въ своемъ новомъ отечествѣ. «Англичане въ Ирландіи—говорится въ одномъ офиціальномъ документѣ XIV в.—превратились совершенно въ ирландцевъ по языку, именамъ, обычаямъ и всему образу жизни; оставивъ свои родные законы, они подчинились законамъ ирландцевъ, съ которыми они, посредствомъ браковъ и другими способами, входятъ постоянно въ союзы, угрожающіе паденіемъ колоніи». Англійское правительство энергично вооружалось противъ такого превращенія и старалось остановить его законами, сколько же нелѣпыми, сколько и жестокими. Эдуардъ III объявилъ неспособными быть землевладѣльцами всѣхъ англичанъ, родившихся въ Ирландіи, и замѣнилъ ихъ выходцами изъ Англіи. Этотъ король, посредствомъ парламента, составленнаго изъ его креатуръ, издалъ и такъ называемые килькеннійскіе статуты. Вступленіе въ какой бы то ни было союзъ съ ирландцами, подчиненіе ихъ законамъ, вступленіе съ ними въ бракъ объявлялись государственной измѣной, и при Эдуардѣ IV графъ Десмондъ былъ казненъ смертью за свою женитьбу на ирландкѣ. Конфискація имущества и тюремное заключеніе угрожали каждому англичанину, который жилъ по ирландскому обычаю, носилъ, какъ ирландецъ, усы и не брилъ верхней губы, «по крайней мѣрѣ, однажды въ двѣ недѣли», ходилъ въ разноцвѣтномъ платьѣ, назывался ирландскимъ именемъ или говорилъ по-ирландски. Англичанинъ, дозволявшій на своихъ земляхъ пастись ирландскому скоту, тѣмъ самымъ совершалъ преступленіе. Принимать ирландцевъ въ общественную и государственную службу было строжайше воспрещено. Туземцы, желавшіе пользоваться покровительствомъ англійскихъ законовъ, должны были жить на англійской территоріи и превращаться во всѣхъ отношеніяхъ въ англичанъ. Жившіе внѣ границъ англійской колоніи назывались «ирландскими врагами короля». Англичанамъ запрещено было даже посѣщать ихъ и торговать съ ними. Ирландецъ, зашедшій на территорію англійской колоніи, подлежалъ аресту и суду, какъ шпіонъ. Каждому «вѣрноподданному» дано было право убивать каждаго ирландца, котораго онъ считалъ «завѣдомымъ воромъ», хотя бы и не поймалъ его на мѣстѣ преступленія. Эти законы большею частію были рѣшительно невыполнимы при тогдашнихъ условіяхъ и возмущали почти одинаково обѣ стороны—и англійскихъ колонистовъ, и ирландцевъ. Правда, туземцы не всегда жили въ мирѣ съ англо-ирландцами, но зато послѣдніе всегда соединялись съ ними общимъ чувствомъ недовольства англійскимъ управленіемъ. Англо-ирландцы особенно возмущались тѣмъ, что вице-короли, созывая парламенты по своему произволу, заставляли ихъ издавать законы, служившіе только интересамъ партій или отдѣльныхъ лицъ и нерѣдко лишенные малѣйшихъ признаковъ справедливости. На жалобы ирландцевъ правительство отвѣчало въ 1494 г. такъ называемымъ Poining's Act'омъ, въ силу котораго ирландскому парламенту было предоставлено осужденіе только тѣхъ мѣръ и биллей, которые одобрены англійскимъ кабинетомъ. Но заботясь о расширеніи правъ и конституціонныхъ вольностей, англо-ирландцы имѣли въ виду исключительно себя. Устраненные изъ городскихъ общинъ, туземцы вообще ненавидѣли всякое англійское право и жили по своимъ древнимъ обычаямъ, попрежнему выбирали своихъ вождей, дрались между собой и съ англичанами. Англійскіе бароны, съ своей стороны, учинявшіе всевозможные безпорядки и безмѣрно угнетавшіе ирландцевъ, тоже препятствовали распространенію на послѣднихъ покровительства англійскаго права. Англійская культура не прививалась къ ирландцамъ, которые даже въ XVI в., какъ и до нашествія англичанъ, жили въ землянкахъ, ѣздили безъ сѣделъ, жили вмѣстѣ съ скотомъ даже въ нѣкоторыхъ графскихъ замкахъ, а дочери знаменитѣйшихъ ульстерскихъ вождей не стѣснялись показываться посѣтителямъ въ костюмѣ Евы до грѣхопаденія. Англичане, стараясь отдѣлить туземныхъ вождей отъ народной массы, хлопотали о цивилизованіи первыхъ. Много труда имъ стоило убѣдить этихъ дикарей носить шелковые штаны и чулки, ѣздить на сѣдлахъ, не держать министрелей, не ѣсть за однимъ столомъ и изъ одной чашки съ своей прислугой и т. д. Вѣковая связь вождей съ народомъ и зависимость отъ послѣдняго мѣшали своекорыстнымъ цивилизаторскимъ попыткамъ англичанъ, вожди чрезвычайно туго превращались въ аристократовъ, а народная масса тѣмъ болѣе оставалась при своихъ старыхъ понятіяхъ и обычаяхъ. Лѣса и болота покрывали страну; дорогъ было мало, и между многими провинціями не было сообщенія. Торговля находилась въ самомъ плачевномъ положеніи, угнетаемая множествомъ пошлинъ. Вмѣсто денегъ уплачивали скотомъ. Торговать съ Англіей было опасно, вслѣдствіе морскихъ разбоевъ. Торговать съ ирландцами часто запрещалось, за что они мстили ограбленіемъ купцовъ, встрѣчая, однакожъ, въ этихъ разбояхъ сильныхъ соперниковъ—англо-ирландскихъ бароновъ.

II.

Въ продолженіе четырехъ столѣтій своего владычества англичане успѣли занять не больше одной трети ирландской территоріи, и правительство, имѣя въ Ирландіи только горсть вѣрноподданныхъ англичанъ, должно было бороться съ безусловно враждебною массою туземцевъ и съ непокорнымъ народонаселеніемъ англо-ирландской колоніи. Но что не удавалось въ теченіе четырехъ вѣковъ, то было совершено въ сто лѣтъ; Генрихъ VIII, Елисавета и Кромвель обратили на несчастный островъ всѣ силы Англіи, и Ирландія была окончательно завоевана.

Ко всѣмъ остальнымъ мотивамъ ожесточенной вѣковой борьбы двухъ странъ и ихъ взаимной ненависти присоединился еще новый—религія.

Англійская реформація была дѣломъ государственнымъ. Сущность ея заключалась не въ отмѣнѣ

нѣкоторыхъ римско-католическихъ обрядовъ и догматовъ, а въ выходѣ англійской церкви изъ-подъ власти папы. Главою англиканской церкви и ея непогрѣшимымъ папою сдѣлался король. Переворотъ совершенъ имъ при помощи аристократіи, которая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы присвоить себѣ богатыя монастырскія имущества. Англиканская церковь, высшее духовенство которой поставлено въ первыхъ рядахъ аристократіи, сдѣлалась опорою аристократическихъ учрежденій страны. 39 параграфовъ ея кодекса возведены на степень государственныхъ узаконеній, нарушеніе которыхъ преслѣдуется поэтому свѣтскимъ уголовнымъ закономъ. Объявивъ себя господствующею церковью, англиканство отказалось признавать церковью на ряду съ собою какъ католицизмъ, такъ и дѣйствительно реформаторскія вѣроисповѣданія пуританъ, квакеровъ и другихъ сектантовъ. Въ великой религіозной борьбѣ, раздѣлившей Европу на два враждебныхъ лагеря, Англія приняла на себя дѣятельную защиту протестантства, между тѣмъ какъ Ирландія осталась католической и сдѣлалась еще болѣе враждебной Англіи, чѣмъ прежде. Эта вѣчно возбужденная страна, не признававшая англійскаго короля ни своимъ государемъ, ни главою церкви, должна была сдѣлаться протестантскою и собственностью англійскихъ протестантовъ. Столь враждебныя между собою англиканская монархія и протестантская республика относительно Ирландіи слѣдовали одной политикѣ и горѣли религіозною ненавистью къ католикамъ,—ненавистью, которая сливалась съ жаждою власти и присвоенія ирландской земли. Но если религіозный фанатизмъ былъ такъ силенъ въ Англіи, то въ Ирландіи онъ былъ еще сильнѣе; здѣсь онъ соединялся съ вѣковой враждой къ англичанамъ, съ патріотизмомъ, съ упорнымъ желаніемъ сохранить національную независимость и право собственности на землю. Въ Ирландіи не было подготовлено никакой почвы для протестантства, которое даже въ своей англиканской формѣ соединяется съ извѣстною свободою мышленія и основано на научномъ изслѣдованіи. Но англичане, старавшіеся обезсилить Ирландію посредствомъ разоренія и бѣдности, не только не заботились объ умственномъ развитіи ирландцевъ, но даже преднамѣренно удерживали ихъ въ состояніи глубокаго невѣжества. При Генрихахъ V и VI ирландскіе студенты были изгнаны изъ англійскихъ университетовъ, которые съ тѣхъ поръ перестали принимать ирландцевъ. Въ 1311 и 1465 гг. были сдѣланы попытки основать ирландскій университетъ, но попытки эти не удались, и вся система народнаго образованія попрежнему ограничивалась немногими монастырскими школами. Умами народа безусловно управляло католическое духовенство, масса котораго равнялась своимъ невѣжествомъ съ народомъ, а образованнѣйшіе представители были воспитанниками іезуитовъ Испаніи и Италіи. Агенты католическихъ правительствъ, папскіе эмиссары, отряды иностранныхъ католиковъ постоянно волновали Ирландію, и надежда на помощь заграничныхъ единовѣрцевъ поддерживала ея духъ даже въ критическіе моменты. Правовѣрные ирландцы считали папу своимъ верховнымъ владыкою, а возстаніе противъ англійскаго короля — подвигомъ вѣры и благочестія. Пуританская республика, принципы революціи и вытекшаго изъ нея конституціоннаго режима были для нихъ такъ же ненавистны, какъ и 39 пунктовъ англиканскаго символа. Реставрація абсолютной монархіи была ихъ завѣтной мечтой, а, въ случаѣ успѣха, искорененіе протестантской ереси — первою обязанностью.

При такихъ условіяхъ одна изъ этихъ странъ неизбѣжно должна была покорить другую. Генрихъ VIII, Елисавета, Кромвель не пожалѣли ни людей, ни денегъ, чтобы завоевать Ирландію и сдѣлать ее протестантскою. Цѣлое столѣтіе войнъ привело, наконецъ, къ покоренію всего острова; ирландскій парламентъ, составленный изъ клевретовъ Англіи, призналъ англійскаго короля верховнымъ владыкою страны, англиканская церковь объявлена господствующей, католицизмъ — преступною ересью, а вся земля — собственностью протестантовъ. Немногіе туземные вожди, примирившіеся съ вѣрою и властью англичанъ, передавали свои права въ руки короля, а онъ потомъ жаловалъ имъ земли ихъ племенъ и, облекая ихъ всѣми привилегіями феодальныхъ барона, тѣмъ самымъ отдѣлялъ ихъ отъ массы народа и сливалъ съ англійской аристократіей. Но такихъ личностей было немного; большинство же ирландскихъ вождей стояло за свою вѣру и за свой народъ, а потому и лишилось вмѣстѣ съ послѣднимъ всѣхъ своихъ земель.

Усмиряя «мятежи» ирландцевъ, Елисавета первая положила основаніе системѣ конфискаціи всей ирландской земли. Въ провинціи Мюнстеръ она конфисковала 600,000 акровъ и раздала ихъ въ собственность своимъ любимцамъ и другимъ лицамъ на различныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что эти новые бароны не должны были имѣть на своей землѣ никакихъ земледѣльцевъ или фермеровъ ирландскаго происхожденія. Туземные собственники этой территоріи принуждены были удалиться въ дикіе лѣса и въ горы, негодные къ воздѣлыванію. Здѣсь, отвыкая отъ земледѣлія, они превращались въ охотниковъ, скотоводовъ, воинственныхъ партизановъ, которые, постепенно увеличиваясь въ числѣ посредствомъ естественнаго размноженія и переселенія новыхъ изгнанниковъ и бѣглецовъ, дѣлались грозою англійскихъ колоній. Яковъ I, воспользовавшись мнимымъ или дѣйствительнымъ заговоромъ нѣсколькихъ ирландскихъ вождей, конфисковалъ въ шести сѣверныхъ графствахъ около 500,000 акровъ земли и началъ раздавать ее въ собственность англичанамъ и шотландцамъ, принадлежащимъ къ господствующей церкви. Но этого показалось мало, и Яковъ учредилъ комиссію для повѣрки правъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Толпа законовѣдовъ бросилась на Ирландію, начала разсматри-

вать старые пергаменты и граматы, открывать въ нихъ подлоги, формальную несостоятельность и объявлять недѣйствительными основанныя на нихъ владѣльческія права. Такимъ образомъ было конфисковано еще 450,000 акровъ. Англійское общество съ жадностью бросалось на эти земли. Офицеры, всевозможные авантюристы, любимцы двора, прислужники аристократовъ и чиновниковъ — всѣ стремились сдѣлаться ирландскими землевладѣльцами. Въ виду такого запроса, при Карлѣ I вице-король, лордъ Страффордъ, рѣшился конфисковать цѣлую обширную провинцію Коннотъ. При Елисаветѣ открылось, что коннотское дворянство не имѣетъ никакихъ формальныхъ правъ на занимаемую имъ землю; за извѣстную плату Елисавета дала имъ эти права; но такъ какъ они не были надлежащимъ образомъ оформлены, то при Яковѣ I землевладѣльцевъ принудили просить о подтвержденіи ихъ правъ новыми патентами. Они заплатили 3,000 ф. ст. за надлежащую регистрацію ихъ патентовъ; но правительство, взявъ деньги, опять не выполнило этой формальности. Страффордъ отнялъ у нихъ всѣ земли. Онъ отправился въ Коннотъ съ юристами и солдатами. Первые доказывали несостоятельность землевладѣльческихъ актовъ и правъ, а послѣдніе сгоняли землевладѣльцевъ съ земель, которыя юристы объявляли коронною собственностью. Въ одномъ только графствѣ Галвей Страффордъ встрѣтилъ оппозицію своимъ захватамъ, которымъ онъ желалъ придать видъ легальности, и отдалъ дѣло на судъ двѣнадцати присяжныхъ, предоставивъ имъ рѣшить, принадлежитъ ли земля графства королю Англіи. Ни подкупъ, ни угрозы—ничто не могло заставить присяжныхъ и шерифа Дэрси дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Вице-король наложилъ на шерифа штрафъ въ 1,000 ф. ст., арестовалъ его и вмѣстѣ съ присяжными отправилъ въ Дублинъ, гдѣ ихъ подвергли ужаснымъ пыткамъ: жгли раскаленнымъ желѣзомъ, прокалывали языкъ иголками, обрѣзали уши, наложили штрафъ по 4,000 ф. ст на каждаго, такъ какъ они не захотѣли исполнить судебнаго приговора и признать свое рѣшеніе преднамѣренно лживымъ. Страффордъ требовалъ казни шерифа, но послѣдній скоро умеръ въ тюрьмѣ, и новый составъ присяжныхъ призналъ, что Галвей, какъ и вся коннотская провинція, принадлежитъ королю. Для подавленія мятежа 1641 года англичане заняли у многихъ частныхъ лицъ 1,750,000 ф. ст. и въ уплату этого долга роздали имъ 2,500,000 акровъ ирландской земли. Реставрація Карла II заставила трепетать этихъ новыхъ землевладѣльцевъ, состоявшихъ большею частію изъ кромвелевскихъ солдатъ и ярыхъ республиканцевъ. Карлъ началъ жестоко преслѣдовать ирландскихъ католиковъ и, чтобы отдѣлаться отъ ихъ жалобъ, безусловно запретилъ имъ выѣзжать изъ Ирландіи въ Англію, бросая въ тюрьмы и объявляя бунтовщиками тѣхъ, которые послѣ этого осмѣливались показываться въ Лондонѣ. Въ Ирландіи былъ открытъ судъ жалобъ (court of claims) для возстановленія правъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые были незаконно лишены ихъ во время предыдущихъ конфискацій. Судъ началъ возстановлять многихъ въ правахъ ихъ, но невинныхъ оказалось такое множество, что правительство принуждено было прекратить дѣятельность этого суда, и Карлъ продолжалъ прежнюю систему конфискацій. Его фаворитъ Ормондъ получилъ земли, приносившія въ годъ 70,000 ф. ст. дохода; герцогу іоркскому было дано 120,000 акровъ; даже придворные лакеи и ихъ жены участвовали въ выгодахъ конфискаціи. При Вильгельмѣ III четыре тысячи ирландскихъ сторонниковъ изгнаннаго изъ Англіи Якова II были объявлены измѣнниками, и ихъ земли, составлявшія 1,600,000 акровъ, конфискованы.

Путемъ этихъ систематическихъ конфискацій изъ 11,000,000 акровъ ирландской земли къ началу XVIII вѣка во владѣніи католиковъ осталось около 1,000,000 акровъ, да и тѣ принадлежали не болѣе, какъ пяти-шести католическимъ фамиліямъ англійскаго происхожденія. Передъ мятежомъ 1641 г. въ Ирландіи считалось 2,200,000 жителей, изъ нихъ 220,000 англійскихъ поселенцевъ, болѣе 100,000 шотландцевъ и 1,100,000 англо-ирландцевъ, изъ которыхъ болѣе 800,000 были католиками. Во время мятежа погибло и эмигрировало около 500,000 ирландцевъ и англо-ирландцевъ и 112,000 англичанъ. Всѣ мѣры были приняты, чтобы сдѣлать Ирландію протестантскою, но, въ концѣ концовъ, на 1 протестанта все-таки приходилось 8 католиковъ. Чтобы обезпечить за протестантами власть и значеніе, конфискованныя и неконфискованныя земли были заселены такъ, чтобы самыя выгодныя и важныя мѣстности оставались въ рукахъ протестантовъ, а чтобы парализировать мятежныя силы ирландцевъ, со временъ Елисаветы было принято переселять и разселять ихъ въ перемежку съ протестантами. Когда эта система оказалась недостигающею цѣли, то рѣшились переселить всѣхъ ирландцевъ въ одну провинцію, а три остальныхъ провинціи острова сдѣлать исключительно протестантскими. Составителемъ этого чудовищнаго плана былъ Кромвель, который «нашелъ крайне затруднительнымъ окончательное искорененіе ирландскаго народа, замышляемое имъ сначала, и рѣшился замѣнить его переселеніемъ», говоритъ одинъ старинный историкъ. Провинція Коннотъ, увеличенная присоединеннымъ къ ней графствомъ Клэръ, была объявлена единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ дозволялось жить ирландскимъ католикамъ. Всѣ разоренные войной, всѣ преслѣдуемые, всѣ не желавшіе измѣнять своей вѣрѣ и даже по наружности быть англичанами, вся ирландская бѣдность со своими лохмотьями, со своимъ фанатизмомъ и любовью къ родинѣ, бросились въ Коннотъ, обратный переходъ границы котораго имъ былъ запрещенъ. Каждаго ирландца, встрѣченнаго на лѣвомъ берегу рѣки Шаннонъ, бывшей границею, могъ убить всякій совершенно безнаказанно.

Запер̀въ католиковъ въ одну провинцію, англичане сочли необходимымъ и въ этой провинціи утвердить господствующее вліяніе протестантовъ. Оставивъ католикамъ деревни, онѣ рѣшили сдѣлать протестантскими города, населенные исключительно англичанами католическаго вѣроисповѣданія. Республиканскій генералъ Кутъ живо «очистилъ города» и изгналъ всѣхъ буржуа изъ домовъ ихъ, оставивъ только въ Галвеѣ нѣсколько преклонныхъ и больныхъ стариковъ, которыхъ невозможно было выгнать въ тогдашнее холодное время; но правительство Кромвеля предписало ему изгнать и ихъ, коль скоро наступитъ менѣе суровая погода. Изгнанные были замѣнены новыми горожанами, преимущественно солдатами и офицерами кромвелевской арміи. Что же касается остальныхъ трехъ провинцій, то онѣ были отданы исключительно англійскимъ и шотландскимъ протестантамъ, среди которыхъ дозволено было селиться кальвинистамъ и другимъ протестантскимъ эмигрантамъ континента. Въ разное время изъ этихъ выходцевъ составился въ ирландскихъ городахъ довольно значительный контингентъ промышленнаго народонаселенія, составлявшаго вмѣстѣ съ кромвелевскими колонистами лучшую и наиболѣе развитую часть протестантскихъ переселенцевъ, остальная масса которыхъ состояла изъ людей самой сомнительной репутаціи, разныхъ спекуляторовъ, прихвостней сильныхъ англійскаго міра, плутоватыхъ барышниковъ и такъ-называемыхъ «авантюристовъ», которые ссужали правительство деньгами на завоеваніе и усмиреніе Ирландіи и въ уплату получали ирландскія земли.

Такимъ образомъ Ирландія сдѣлалась протестантскою собственностью: протестанты владѣли землей въ качествѣ феодаловъ, протестанты господствовали въ городскихъ общинахъ, протестанты выбирали протестантскихъ депутатовъ въ ирландскій парламентъ, а протестатнско-англиканская церковь, содержимая на счетъ католической Ирландіи, сдѣлалась государственною. Но при всемъ этомъ ирландцы не обратились въ протестантовъ, и, въ довершеніе всѣхъ ужасовъ, несчастная страна болѣе двухъ столѣтій принуждена была выносить всю тяжесть систематическаго религіознаго гоненія. Вѣроисповѣданіе господствующихъ классовъ и религіозная политика Англіи измѣнялись нѣсколько разъ, но при каждой перемѣнѣ находились предлоги къ угнетенію ирландскихъ католиковъ. Ихъ преслѣдовали даже тайные паписты Стюарты, а Вильгельмъ III, сторонникъ вѣротерпимости, вынужденъ былъ поступать съ ними такъ же жестоко, какъ и ярые фанатики кромвелевской республики. Во всѣхъ этихъ случаяхъ къ религіозному фанатизму присоединялись своекорыстные политическіе, сословные и частные интересы, удовлетворять которымъ было такъ удобно подъ предлогомъ искорененія богопротивной ереси. Предлогъ же этотъ всегда можно было найти, благодаря фанатизму и постояннымъ мятежамъ ирландцевъ. Религіозно-національные мятежи и усмиренія ихъ сопровождались не только конфискаціей земли, но и истребленіемъ и разореніемъ значительной части народа. Ирландское духовенство, папскіе эмиссары, высадки испанскихъ и французскихъ войскъ, интриги низложенныхъ Стюартовъ поддерживали народный фанатизмъ, который и безъ того имѣлъ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы не быть подавленнымъ англійскимъ игомъ. Но причины мятежей, какъ увидимъ ниже, невозможно объяснить однимъ религіознымъ фанатизмомъ, который, подобно фанатизму протестантовъ-завоевателей, соединялся съ политическими интересами, съ стремленіями національнаго чувства, и покрывалъ ихъ своимъ священнымъ знаменемъ.

Такъ называемые «мятежи», или борьба ирландцевъ за національную независимость, значительно усилились и приняли характеръ священной войны съ тѣхъ поръ, какъ Англія сбросила съ себя иго папы. Война противъ англійскихъ еретиковъ сдѣлалась религіозною обязанностью, а окончательное истребленіе ихъ проповѣдывалось съ церковныхъ каѳедръ и обсуждалось на соборахъ ирландскаго духовенства. Первый общій мятежъ былъ при Елисаветѣ, и война продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Четыре ирландскихъ провинціи возставали сначала поодиночкѣ и были усмиряемы, потомъ онѣ возстали всѣ разомъ, поддерживаемыя иностранными католиками, и снова были усмирены, разорены, залиты кровью. Второй великій мятежъ начался въ 1641 г., будучи вызванъ политическимъ гнетомъ и угрозами англійскаго парламента искоренить въ Ирландіи католичество. Въ октябрѣ мѣсяцѣ всѣ ульстерскіе ирландцы, которыхъ согналъ съ ихъ земель Яковъ I, чтобы замѣнить ихъ протестантами, возстали подъ предводительствомъ О'Нейля и дали клятву не оставить въ странѣ ни одного англичанина. Сначала они ограничивались только изгнаніемъ протестантовъ и отнятіемъ ихъ имущества, но сопротивленіе скоро довело ихъ до самыхъ варварскихъ жестокостей. Они начали избивать протестантовъ, не щадя ни пола, ни возраста, насилуя женщинъ, размозжая головы дѣтей, сожигая фермы, избивая коровъ и овецъ безъ всякой пользы для себя. «Захвативъ плѣнниковъ, они нерѣдко запирали ихъ въ какое-нибудь зданіе, зажигали его и, подъ вопли несчастныхъ жертвъ, пожираемыхъ пламенемъ, предавались адской радости. Многихъ плѣнниковъ топили въ рѣкахъ. Ирландскіе священники поощряли бойню. Женщины осыпали несчастныхъ англичанъ своими проклятіями и обагряли руки въ крови ихъ. Даже дѣти, руководимыя безсильною злобой, пробовали свое желѣзо на груди беззащитнаго протестанта». (Leland). Въ первый годъ мятежа было истреблено не менѣе 37,000 англичанъ. Множество ихъ, избѣгнувъ смерти отъ руки мятежниковъ, бѣжало въ города, преимущественно въ Дублинъ, умирая дорогой съ голоду, холоду, наполняя городскія улицы и разнося съ собою смертоносную эпидемію, жертвами которой въ одномъ только Дублинѣ было

наполнено два новыхъ кладбища. Возмущенное общественное мнѣніе Англіи требовало «истребленія злодѣйскаго народа». Религіозный фанатизмъ и національная ненависть готовили смертоносную войну Ирландіи, а жажда поживы имуществами мятежниковъ доходила до того, что лордъ, судья Ирландіи, Парсонсъ со своими товарищами преднамѣренно раздувалъ мятежъ и старался запутать въ него какъ можно болѣе лицъ, чтобы поживиться ихъ конфискованными богатствами. Англійскій парламентъ, торжественно заявивъ, что онъ не потерпитъ больше папизма въ Ирландіи, отправилъ въ нее 50,000 англичанъ и шотландцевъ. Комиссары парламента въ своихъ инструкціяхъ начальству этой арміи предписывали «поражать, убивать, истреблять всѣхъ бунтовщиковъ, ихъ соучастниковъ и приверженцевъ; сожигать, опустошать, разорять, грабить, разрушать всѣ мѣста, города, дома, въ которыхъ мятежники находятъ убѣжище или помощь, истреблять въ нихъ съѣстные припасы, убивать и уничтожать каждаго, носящаго оружіе, встрѣченнаго въ этихъ мѣстахъ». Инструкціи исполнялись точно. Ирландцы имѣли подъ ружьемъ больше 200,000 человѣкъ, но ихъ силы были разсѣяны и ослаблены обычными раздорами. Англичане, подъ предводительствомъ Кромвеля, имѣли рѣшительный успѣхъ, поголовно избивая жителей взятыхъ съ бою городовъ, оскверняя святыя мѣста, разбивая и грабя могилы, превращая въ казармы и конюшни католическіе церкви и монастыри. Гарнизонъ Дрогеды, послѣ упорной защиты сдавшійся на честное слово, что ему будетъ сохранена жизнь, по приказанію Кромвеля былъ перебитъ до одного человѣка. Разсвирѣпѣвшіе солдаты, покончивъ съ гарнизономъ, начали рѣзать беззащитныхъ жителей и умертвили тысячу человѣкъ, искавшихъ убѣжища въ церкви. Точно такъ же было поступлено съ гарнизономъ и жителями Уэксфорда. Страхъ, внушенный Кромвелемъ, былъ таковъ, что города, лежавшіе миль за пятьдесятъ отъ его пути, посылали къ нему заявленія покорности и предлагали подъ его конюшни свои церкви. Страна была разорена. Многіе жители проданы въ рабство въ Вестъ-Индію по 25 ф. за душу. Однажды разомъ схватили 1,000 молодыхъ дѣвушекъ и отправили ихъ для продажи на Ямайку. Мятежъ 1641 года и его усмиреніе стоили Ирландіи около 600,000 человѣческихъ жизней. Черезъ сорокъ лѣтъ слѣдовало новое общее возстаніе, когда Ирландія поднялась во имя изгнаннаго изъ Англіи и принятаго ею Якова и была усмирена Вильгельмомъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Мятежи, поддерживаемые сначала Стюартами, а потомъ иностранными государствами, продолжались вплоть до половины XVIII вѣка, когда они потеряли свой преимущественно-религіозный характеръ.

При усмиреніи этихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ мятежей и заговоровъ ирландскіе католики гибли тысячами, въ конецъ разорялись, умирали съ голода, бѣжали за границу, но не вымирали окончательно, а, напротивъ, размножались, превращаясь въ плотную революціонную націю, не переставшую вызывать своихъ англійскихъ властителей на смертельную борьбу. Искорененіе католичества силою оружія оказалось невозможнымъ, и для содѣйствія этой силѣ пустили въ ходъ еще другую—силу законовъ, которая должна была окончательно подавить Ирландію. Начиная съ Генриха VIII и до конца XVIII вѣка, ирландскіе католики были подчинены системѣ такъ называемыхъ уголовныхъ законовъ. Съ самаго начала реформаціи католическій культъ былъ запрещенъ въ Англіи подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, и хотя этотъ законъ никогда не прилагался къ дѣлу въ Ирландіи, но упомянутая система и здѣсь стремилась къ совершенному искорененію католичества. Къ 1-му мая 1698 года всѣ архіепископы, епископы и другія духовныя лица высшаго сана должны были навсегда покинуть Ирландію, чтобы католическій культъ палъ самъ собою, какъ скоро вымрутъ всѣ наличные священники. Если кто изъ изгнанныхъ оставался въ Ирландіи послѣ упомянутаго срока, то подлежалъ тюремному заключенію, а затѣмъ пожизненной ссылкѣ на острова или въ другое мѣсто. Возвратившійся въ отечество подвергался смертной казни. Тяжкія наказанія, начиная съ денежныхъ штрафовъ и кончая изгнаніемъ, ожидали каждаго, кто помогалъ этимъ лицамъ или скрывалъ ихъ въ своемъ жилищѣ. За открытіе этихъ лицъ полагалась награда: за архіерея 50, за школьнаго учителя 10 фунтовъ и т. д. Иностранному духовенству былъ строжайше воспрещенъ въѣздъ въ Ирландію, въ которой могли существовать только тѣ немногіе приходскіе священники, которые давали клятву отреченія отъ Стюартовъ, вносили залогъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ, съ обязательствомъ не выходить за границу своего графства и служить только въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ они были утверждены правительствомъ. Колокольный звонъ и религіозныя процессіи были запрещены безусловно; чудотворныя иконы, кресты, стоявшіе внѣ зданій, святыя могилы подлежали истребленію, а ходившіе покланяться имъ пилигримы—бичеванію. Нерегистрованные священники, которыхъ, не смотря на всѣ гоненія, въ Ирландіи было всегда гораздо больше, чѣмъ регистрованныхъ, навлекали на себя самыя ужасныя кары. Въ 1720 году ирландскій парламентъ постановилъ: каждому пойманному нерегистрованному попу выжигать на щекѣ особый знакъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но вскорѣ же эта мѣра оказалась нецѣлесообразною, такъ какъ ирландцы начали захватывать протестантовъ и выжигать имъ на щекѣ такой же знакъ. Тогда въ ирландской палатѣ лордовъ состоялся и былъ принятъ билль о томъ, чтобы кастрировать всѣхъ нерегистрованныхъ священниковъ, но этотъ чудовищный билль не былъ утвержденъ англійскимъ совѣтомъ... Всѣ католическія школы были закрыты, учителя изгнаны и въ случаѣ возвращенія подвергались смертной казни; ирландское юношество должно было или оставаться въ безграмотномъ невѣжествѣ, или обращаться въ протестант-

тво. Посылать дѣтей за границу для обученія было запрещено подъ страхомъ тяжкихъ наказаній. Каждый чиновникъ имѣлъ право требовать отъ католика, чтобы тотъ представилъ ему своихъ дѣтей и тѣмъ доказалъ, что они не отосланы за границу. Мировой судья могъ всегда потребовать отъ католика отчета, какъ онъ провелъ день, гдѣ былъ у обѣдни, кто служилъ ее и присутствовалъ на ней; если допрашиваемый не отвѣчалъ или показывалъ ложно, то подлежалъ штрафу въ 20 ф. стерлинговъ или же годичному тюремному заключенію. Католикъ не имѣлъ права ни наслѣдовать своимъ протестантскимъ родственникамъ, ни принимать отъ нихъ подарки, ни быть опекуномъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ дѣтей. Священникъ, повѣнчавшій католика и протестантку, или наоборотъ, подлежалъ смертной казни. Сынъ католика, обратившись въ протестантство, дѣлался собственникомъ всего родительскаго имущества. Католикъ не могъ быть ни избирателемъ, ни избираемымъ въ члены парламента; не могъ занимать никакихъ государственныхъ и общественныхъ должностей, не могъ быть ни адвокатомъ, ни стряпчимъ, ни присяжнымъ. Не имѣя права быть поземельнымъ собственникомъ, католикъ могъ быть только арендаторомъ протестанта, и то не долѣе, какъ на срокъ въ тридцать одинъ годъ и съ платою за землю не менѣе $^2/_3$ валового дохода. Щедрая награда ожидала доносчика, который укажетъ правительству католика, арендующаго землю на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ. Торговля и промышленность были отданы въ руки муниципальныхъ корпорацій, изъ которыхъ были устранены всѣ католики. Католику было предоставлено свободно пользоваться только ремесломъ чернорабочаго поденщика. Если католикъ-рабочій отказывался работать въ праздникъ, не признаваемый протестантами, то подлежалъ наказанію по произволу судьи. Католическій ремесленникъ не могъ держать больше двухъ учениковъ. Ни одинъ католикъ не имѣлъ права владѣть лошадью, стоющею больше 5 фунтовъ стерлинговъ, и каждый протестантъ могъ отобрать у него лошадь, стоющую хотя бы 500 фунтовъ, вручивъ ему за нее 5 фунтовъ. Такимъ образомъ, католикъ долженъ былъ нанимать протестантскую землю, законы составлялъ для него протестантскій парламентъ, его судили протестантскіе судьи и присяжные, защищалъ адвокатъ протестантъ; его облагали государственными, провинціальными, приходскими и городскими налогами протестантскія собранія, начиная съ парламента и кончая муниципальной корпораціей. Когда собиралась милиція, то лошадей для нея отбирали у католиковъ и содержали ее на счетъ католиковъ же. Если въ извѣстной мѣстности усиливались воровства, разбои, поджоги, а виновныхъ не открывалось, то пострадавшія лица вознаграждались посредствомъ сбора съ графства католиковъ. Въ 1695 году католикамъ было строжайше запрещено имѣть оружіе, а оружейнымъ мастерамъ обучать католиковъ своему ремеслу, и этотъ Disarming Act постоянно возобновлялся вплоть до половины XVIII вѣка. При Георгѣ III «паписты, отказывавшіеся выдавать начальству свое оружіе или объявлять, какое оружіе они имѣютъ, подлежали штрафу, тюремному заключенію или наказанію плетьми по опредѣленію суда».

Таковы были законы, но преслѣдованіе и угнетеніе далеко не ограничивались ими. Дикій произволъ господствовалъ въ Ирландіи, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ протестантовъ, англійскихъ и ирландскихъ. Въ 1771 году вице-король готовъ былъ помиловать одного невинно осужденнаго католика, но «я вижу,—писалъ онъ,—что безусловно хотятъ его казни, и онъ долженъ умереть немедленно»; католикъ былъ казненъ. Грабежи и насилія солдатъ, казнокрадство и взяточничество чиновниковъ обрушивались всею своею тяжестью также на католиковъ, равно какъ и жестокій произволъ бароновъ. Католическая прислуга, католики-арендаторы, вообще всякіе паписты третировались протестантами съ крайнимъ презрѣніемъ, какъ нечистыя животныя. Законъ не запрещалъ католикамъ участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, но они не могли наслаждаться даже ими. Въ театральныхъ представленіяхъ, напр., ихъ вѣрованія и обычаи постоянно подвергались циническому осмѣянію, и они, естественно, не ходили въ театры смотрѣть.

Если бы Англія могла поддерживать во всей строгости и безусловно выполнять изложенную нами въ общихъ чертахъ систему уголовныхъ законовъ, то окончательная погибель ирландскаго народа была бы неизбѣжна. Но сила этой системы оказалась столько же недѣйствительною, какъ и сила оружія. Невозможно было превратить въ острогъ цѣлую страну, въ арестантовъ цѣлую націю, въ сыщиковъ и неумолимыхъ тюремщиковъ всѣхъ жившихъ въ Ирландіи англичанъ. Законы выполнялись съ неумолимою строгостью во времена смутъ и особеннаго возбужденія національныхъ страстей. Но затѣмъ энергія протестантовъ ослабѣвала, а католики, посредствомъ интригъ, взятокъ, угрозъ и пользуясь ослабленіемъ гнета, обходили упомянутые законы, которые вдобавокъ ко всему нерѣдко противорѣчили одинъ другому и не достигали цѣли вслѣдствіе своей нелѣпости. Во время этихъ періодическихъ послабленій католики являлись въ роли адвокатовъ, купцовъ, землевладѣльцевъ; возобновлялись монастыри, снова звонили колокола католическихъ церквей, снова устраивались публичныя процессіи и пилигримства, страна наполнялась монахами, монахинями и нерегистрованными попами; архіепископы и епископы въ глазахъ правительства дѣлали свое дѣло, толпы дѣтей посѣщали католическія школы, всякій истый ирландецъ имѣлъ на всякій случай достаточный запасъ. Но каждый политическій переполохъ, каждый заговоръ папистовъ, возстаніе шотландцевъ въ пользу Стюартовъ, извѣстіе о высадкѣ въ Ирландію испанцевъ или французовъ возбуждали уснувшую энергію англичанъ; снова наставалъ терроръ; снова разрушались церкви,

изгонялись священники, исполнялись во всей своей строгости уголовные законы, пока все это опять не кончалось новымъ послабленіемъ до какого-нибудь повода къ возобновленію террора. Но ни та, ни другая система управленія не примиряла ирландцевъ съ ихъ властителями. Терроръ только усиливалъ ихъ патріотическій и религіозный фанатизмъ, доводившій ихъ до бѣшеныхъ, отчаянныхъ мятежей, а временемъ послабленій они пользовались для организаціи болѣе правильныхъ возстаній и болѣе систематической борьбы съ англичанами. Уголовные законы, какъ и управленіе силою оружія, достигли только того, что примиреніе ирландцевъ съ англійскимъ владычествомъ сдѣлалось невозможнымъ, а Ирландія обратилась въ язву, ослаблявшую британское государство. Поднимали ли свою голову Стюарты, замышляли ли войну съ Англіей испанцы или французы—Ирландія тотчасъ волновалась и спѣшила къ нимъ на помощь. Ирландцы толпами стремились въ чужія католическія страны, преимущественно во Францію, гдѣ изъ нихъ состояла извѣстная своею храбростью ирландская бригада, которая принудила одного англійскаго короля воскликнуть: «да будутъ прокляты законы, лишающіе меня такихъ подданныхъ!» Эти эмигранты были одними изъ главныхъ агитаторовъ и пособниковъ католическихъ государствъ противъ Англіи. Съ другой стороны, уголовные законы, разоряя Ирландію, ожесточая туземцевъ, развивали въ нихъ нравственные недостатки и пороки, неизбѣжные у народа, угнетеннаго въ продолженіе вѣковъ. У ирландцевъ выработалась та національная мораль, на основаніи которой они считаютъ дозволенными относительно англичанъ всякій обманъ, всякое преступленіе. «Эти законы—говорилъ Боркъ—самое ловкое и самое сильное орудіе угнетенія, которое когда-либо изобрѣталъ развратный геній человѣка для того, чтобы разорить, унизить, развратить народъ и заглушить въ немъ самые чистые источники человѣческой природы». Но при всей своей развратительности, уголовные законы не могли искоренить въ ирландцахъ всѣ хорошія черты ихъ характера и порожденнымъ ими порокамъ и недостаткамъ народа придали то же политическое направленіе, какое имѣли и его доблести.

III.

Уголовные законы, особенно въ XVIII столѣтіи, были не столько продуктомъ религіознаго фанатизма, сколько маскою совершенно мірскихъ, политическихъ расчетовъ англійской политики, суть которой заключалась въ стремленіи обогатить и усилить Англію на счетъ Ирландіи. «Эти законы—говоритъ Артуръ Юнгъ—направлены больше противъ имуществъ, чѣмъ противъ религіи католиковъ. По закону, напр., священникъ подлежитъ изгнанію за служеніе мессы, но ему дозволяютъ безнаказанно нарушать законъ. Пусть тотъ же священникъ накопитъ денегъ отъ своихъ мессъ—и онъ немедленно сдѣлается предметомъ законнаго преслѣдованія». То же самое дѣлалось и относительно землевладѣнія, торговли, промышленности, политики. Религіозные предлоги служили къ достиженію самыхъ мірскихъ, самыхъ корыстныхъ цѣлей.

Конфискованныя земли Ирландіи, какъ мы видѣли, перешли въ собственность протестантовъ англійскаго, а частью шотландскаго и ирландскаго происхожденія. Явились громадныя помѣстья, владѣльцы которыхъ попрежнему не жили въ нихъ, а предавались удовольствіямъ въ большихъ городахъ, въ Лондонѣ, Дублинѣ, за границей. Абсентеизмъ совершенно узаконился въ жизни и уже не возбуждалъ противъ себя легальныхъ преслѣдованій. Въ 1682 году абсентеистамъ принадлежало до 800,000 акровъ земли. Въ 1779 году, по вычисленію Юнга, они получали съ Ирландіи до 732,000 фунтовъ стерлинговъ. Ихъ земли плохо обрабатывались и разорялись управляющими. Большое количество земель, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, не воздѣлывалось и не приносило пользы ни имъ, ни народу, въ то время, какъ безземельные крестьяне нерѣдко тысячами погибали голодною смертью, дороги были покрыты нищими, а въ каждой хижинѣ былъ или мертвецъ, или умирающій. Правительство требовало, чтобы извѣстное количество акровъ въ каждомъ имѣніи было непремѣнно обработано, но неоднократныя повторенія этого требованія показываютъ, что оно плохо исполнялось. Выгодность скотоводческаго промысла на большихъ земляхъ заставляла крупныхъ собственниковъ бросать пашни и превращать ихъ въ пастбища, что въ XVI столѣтіи вызывало въ Англіи горькія жалобы Бэкона, Мура и другихъ мыслителей, видѣвшихъ, что «овцы сдѣлались источникомъ бѣдствій для Англіи и изгнали изъ страны земледѣліе». Такой же точно переворотъ совершился и въ Ирландіи; огромное количество земель было обращено изъ пашенъ въ пастбища, а жившіе обработкою ихъ крестьяне очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи, такъ какъ земледѣліе было единственнымъ, доступнымъ для нихъ, занятіемъ. Собственники старались сдавать свои земли крупнымъ фермерамъ, которые имѣли бы достаточно средствъ для постройки каменныхъ домовъ, безопасныхъ отъ поджоговъ, и для содержанія многочисленныхъ работниковъ, которые могли бы защищать фермы отъ нападеній враждебныхъ ирландцевъ. Земли поэтому были раздѣляемы на большіе участки, нерѣдко въ нѣсколько тысячъ акровъ каждый, и сдаваемы на продолжительные сроки. Но эти фермеры, не занимаясь сами обработкою всей земли, разбивали ее на мелкіе участки, сдавали ихъ ирландскимъ крестьянамъ и превращались въ откупщиковъ ренты, въ независимыхъ, праздныхъ джентльменовъ. Хотя долгосрочныя аренды были дозволены только протестантамъ, но и туземные ирландскіе аристократы имѣли возможность превращаться въ крупныхъ фермеровъ, обходя законъ разными путями или исполняя по наружности нѣкоторыя формальности, которыя да-

али имъ права протестантовъ. Въ XVIII вѣкѣ крупные фермеры этихъ двухъ сортовъ господствовали на всемъ пространствѣ трехъ южныхъ провинцій острова, и всѣ они, стремясь избавиться отъ заботъ крупнаго хозяйства, раздѣляли землю на мелкія аренды. Владѣлецъ каждой фермы, которую можно было раздробить на миніатюрные участки, дробилъ ее до послѣдней возможности, превращался въ ландлорда и жилъ на свою ренту. Сами крупные собственники, жившіе въ Дублинѣ, Лондонѣ или за границей, имѣли возможность получать аристократическое воспитаніе и цѣлаться красою англійскаго барства. Но помѣщики, жившіе въ ирландскихъ захолустьяхъ, крупные фермеры, ирландское джентри, по выраженію поклонника британской аристократіи, Фрауда, «причиняли стыдъ и позоръ сословію, къ которому они любили принадлежать». Невѣжественные, пьяные, сварливые, они проводили время въ оргіяхъ, въ псовыхъ охотахъ, въ ссорахъ и дракахъ между собой, и для поддержанія такой жизни доводили мелкихъ арендаторовъ до самаго бѣдственнаго положенія. Крупные фермеры или откупщики ренты старались постепенно возвышать ее какъ можно больше. Фарнейская территорія, напримѣръ, была раздѣлена въ 1692 году на два участка, изъ которыхъ каждый давалъ 1,313 фунтовъ стерлинговъ ренты; въ 1769 г. на одномъ изъ этихъ участковъ рента была возвышена до 3,000, а на другомъ до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. Если мелкій арендаторъ не хотѣлъ или не могъ возвысить своей платы за землю, то его сгоняли съ нея. И независимо отъ этого, сколько гнета и униженія вынуждены были сносить ирландскіе крестьяне отъ своихъ протестантскихъ помѣщиковъ! Вопреки закону, крупные землевладѣльцы имѣли въ своихъ владѣніяхъ тюрьмы, въ которыя и заключали, по своему произволу, людей низшаго класса. «Въ Ирландіи,—говоритъ Юнгъ, бывшій въ ней въ 1778 году, — владѣтель земли, занятой католическими земледѣльцами, есть совершенный деспотъ; въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ онъ не признаетъ другого правила, кромѣ своего произвола. Нѣтъ приказанія, котораго его слуга или земледѣлецъ осмѣлился бы не исполнить. Онъ требуетъ безусловной покорности и при малѣйшемъ ослушаніи безбоязненно употребляетъ бичъ и палку. Несчастный, который бы осмѣлился оказать хоть признакъ сопротивленія, былъ бы мгновенно повергнутъ и уничтоженъ подъ ударами. Такого рода убійства совершаются безъ опасенія суда присяжныхъ. Правда, такіе случаи теперь довольно рѣдки, потому что законъ сталъ смотрѣть на нихъ строже, но прежде они повторялись почти ежедневно».

Подавляя и преслѣдуя ирландскихъ католиковъ, Англія, какъ мы уже замѣчали, дѣйствовала подъ вліяніемъ не столько религіозныхъ мотивовъ, сколько своекорыстныхъ политическихъ расчетовъ. Если бы Ирландія не была католической, то система англійской политики относительно ея оставалась бы въ сущности тою же, какая мотивирована религіозными предлогами. Ирландія должна была обогащать Англію, а такъ какъ она постоянно бунтовала, то ее слѣдовало обезсилить и смирить бѣдностью. Мы уже говорили, что ирландскимъ католикамъ былъ закрытъ доступъ къ обширнымъ промышленнымъ и торговымъ занятіямъ, которыя всѣ были захвачены протестантами, что городскія корпораціи, состоявшія исключительно изъ протестантовъ, заправляли всею торговлею, промышленностью, владѣли богатствами, пользовались кредитомъ и вліяніемъ, устраняя отъ всѣхъ этихъ выгодъ католиковъ. Но Англія, не желавшая оставлять за католиками никакихъ земныхъ благъ, всегда косо смотрѣла на увеличеніе и развитіе ихъ даже въ рукахъ протестантскихъ жителей Ирландіи. Промышленный прогрессъ Ирландіи былъ одинаково страшенъ и ненавистенъ Англіи, исходилъ ли онъ отъ католиковъ или протестантовъ, и англійская торговая политика въ этомъ отношеніи почти одинаково давила тѣхъ и другихъ. Въ XVII вѣкѣ постепенно усиливавшійся вывозъ ирландскаго скота въ Англію былъ главнымъ источникомъ богатства Ирландіи. Но это было невыгодно англійскимъ землевладѣльцамъ, и вотъ актомъ 1663 года вывозъ скота изъ Ирландіи запрещенъ. До этого запрещенія торговля съ Англіей составляла цѣлыхъ $^3/_4$ всей ирландской торговли, а съ этого времени она не составляла уже и $^1/_4$. Въ то же время на Ирландію были распространены всѣ стѣснительныя мѣры навигаціоннаго акта, въ силу котораго Ирландія не могла ни отправлять въ колоніи своихъ, ни получать оттуда ихъ товаровъ иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ, черезъ англійскіе порты, посредствомъ англійскихъ купцовъ. Вся торговля Ирландіи съ Сѣверной Америкой была, такимъ образомъ, убита. Послѣ запрещенія вывозить скотъ ирландцы усиленно принялись за овцеводство, и шерстяныя мануфактуры ихъ, благодаря отличнымъ качествамъ шерсти, дешевизнѣ жизни, наплыву рабочихъ изъ Англіи, пріобрѣли скоро чрезвычайно важное значеніе и сдѣлались новымъ источникомъ богатства. Но англійскіе торговцы и промышленники не могли выносить столь убыточнаго и опаснаго для нихъ соперничества. Они громко требовали, чтобы «напомнить ирландцамъ, что они народъ завоеванный»; обѣ палаты парламента энергически просили короля о запрещеніи ирландской шерстяной торговли, и въ 1699 году эта торговля, а вмѣстѣ съ нею и шерстяныя мануфактуры Ирландіи получили смертельный ударъ въ актѣ запрещенія. Огромная масса народа обратилась въ нищихъ. Тысячи рабочихъ бѣжали за границу и въ Америку. Западные и южные округи почти обезлюдѣли, въ странѣ водворился хроническій голодъ, и, только благодаря сильному развитію контрабанды, гибельность этого національнаго бѣдствія была нѣсколько ослаблена. Въ Ирландіи начали развиваться полотняныя мануфактуры, но лишь только онѣ достигли важнаго значенія, какъ Англія уничтожила и ихъ, запретивъ вывозъ ирландскихъ полотенъ въ колоніи и обложивъ ввозимыя въ Англію такими пошлинами, которыя равнялись запрещенію. Точно также постепенно

запрещалось вывозить изъ Ирландіи пиво, солодъ, стекло, производство котораго начинало было развиваться, запрещалось и ввозить ихъ изъ другихъ странъ, кромѣ Англіи. Ирландія должна была заниматься исключительно земледѣліемъ и получать мануфактуры изъ Англіи,—таковъ смыслъ этихъ запретительныхъ законовъ, которые, по выраженію Кобдена, «напоминаютъ собою узкую и мелочную тиранніо лавочника надъ своимъ бѣднымъ конкурентомъ, а не мѣры болѣе благородныя народа-побѣдителя».

Ирландскій народъ, принужденный, такимъ образомъ, жить исключительно земледѣліемъ, лишенный своихъ земель и своихъ мануфактуръ, страдавшій подъ давленіемъ поземельной системы, на которую властители указывали ему, какъ на источникъ жизни и благосостоянія,—ирландскій народъ превратился въ массу нищихъ. Страна еще ранѣе была въ концѣ разоряема войнами и мятежами. Послѣ войнъ Елизаветы лѣтописи такъ описывали положеніе Ирландіи: «Страна, прежде богатая, плодородная, очень населенная, покрытая богатыми пастбищами, пашнями, садами, нынѣ сдѣлалась пустынна и безплодна. Она ничего не производитъ: нѣтъ болѣе жатвы на поляхъ, нѣтъ стадъ на пастбищахъ, нѣтъ птицъ въ воздухѣ, нѣтъ рыбы въ рѣкахъ». Послѣ мятежа 1641 года Ирландія была буквально усѣяна развалинами. «Эпидемія и голодъ—говоритъ одинъ изъ кромвелевскихъ офицеровъ—до того опустошили цѣлыя графства, что на протяженіи 20 или 30 миль не встрѣтишь никакого живого существа, ни человѣка, ни животнаго, ни птицы,—всѣ они мертвы или оставили эти опустошенныя мѣста». Въ мятежѣ этомъ погибло до 600,000 человѣкъ. Во время и послѣ подобныхъ смутъ, а также голода, эпидемій, народонаселеніе сильно уменьшалось, какъ вслѣдствіе естественной убыли, такъ и эмиграціи. Ирландцы все болѣе и болѣе выселялись на европейскій континентъ и въ Америку. И не одни только католики бѣжали съ несчастнаго острова: протестантскіе сектанты, пресвитеріане, пуритане, квакеры, притѣсняемые господствующей церковью, стремились въ Америку и устроялись тамъ въ вольныхъ общинахъ, развившихся впослѣдствіи въ великую республику. Страна пустѣла и попрежнему оставалась мало-культурною. Масса ирландцевъ въ половинѣ XVII вѣка не знала употребленія бѣлья, была покрыта грязью и насѣкомыми, жила въ землянкахъ вмѣстѣ со скотомъ, при паханіи земли привязывала плугъ къ хвосту лошади. Доходы страны при Генрихѣ VIII не превышали 4,000 ф. ст. въ годъ. Въ 1555—1565 годахъ управленіе Ирландіею стоило Англіи 255,000 ф. ст., въ числѣ которыхъ ирландскихъ денегъ было только 30,000. Елизавета истратила на Ирландію 86,000,000 франковъ—громадную сумму для того времени. Усмиреніе Ирландіи во время великаго мятежа 1641 года стоило 9,000,000 ф. ст. Въ 1707 году Ирландія не имѣла средствъ даже для содержанія войска, а долгъ въ 100,000 возбуждалъ въ ней серьезное безпокойство. Невѣжество народа равнялось его бѣдности. Католическія школы были запрещены, а англійскія возбуждали въ католикахъ одно только отвращеніе, такъ какъ онѣ служили орудіемъ протестантской пропаганды. Но и протестантскихъ школъ было мало — въ 1710 г. было только 30, а послѣ образованія народопросвѣтительной ассоціаціи въ 1719 году—130 школъ съ 3,000 учениковъ. Съ половины XVIII вѣка въ ремесленныя школы начали силою забирать католическихъ нищихъ и сиротъ обоего пола, воспитывать ихъ въ протестантскомъ духѣ и по окончаніи курса распоряжаться ими совершенно произвольно, отдавая ихъ въ подмастерья протестантскимъ ремесленникамъ. Ирландцы возмущались этими школами, тѣмъ болѣе что въ нихъ господствовали страшныя злоупотребленія, доходившія до того, что учителей не разъ публично сѣкли плетьми за растленіе учениць... Ирландцы, такимъ образомъ, оставались при своихъ немногихъ школахъ, а во время гоненій, когда приходилось закрывать и эти послѣднія, учились гдѣ-нибудь между развалинами или въ лѣсной чащѣ у своихъ жалкихъ учителей, профессія которыхъ была государственнымъ преступленіемъ. Культура и образованіе развивались только въ англійскихъ сферахъ. Дублинъ росъ и превращался въ европейскій большой городъ; ирландскіе ландлорды равнялись по своему свѣтскому образованію съ англійскими; протестантская провинція Ульстеръ была богаче всей остальной Ирландіи, въ которой если путешественникъ видѣлъ чистенькій городокъ, хорошо обработанныя земли, зажиточную ферму, то могъ быть увѣренъ, что они принадлежали англичанамъ; торговля и ремесла, превосходныя дороги, проложенныя въ XVIII вѣкѣ, театры, дворцы, дублинскій университетъ—все было создано протестантами и для протестантовъ, создано на деньги Ирландіи, которая, при своей бѣдности, при ужасающихъ дефицитахъ, вдобавокъ ко всему принуждена была еще платить на содержаніе англиканской церкви и пенсіи разнымъ особамъ.

Управленіе Ирландіей отличалось безпорядками и злоупотребленіями. Казнокрадство и взяточничество достигали ужасающихъ размѣровъ. Въ половинѣ XVIII вѣка, напр., муниципалитетъ и мэръ Дублина, пользуясь своею властью, совершенно произвольно арестовывали кого вздумается, выпускали на волю за деньги и эксплуатировали, какъ свои помѣстья, тюрьмы, торгуя въ нихъ водкой, взимая съ арестантовъ плату за входъ, за выходъ, за казенную пищу, за постель, не топя печей, моря заключенниковъ голодомъ въ смрадныхъ логовищахъ. Когда парламентъ возсталъ противъ этихъ безобразій, то въ 1732 году распорядились вмѣсто тюремнаго заключенія продавать арестантовъ колоніальнымъ плантаторамъ. Конституція и парламентъ не имѣли другого значенія, кромѣ отягощенія страны. Парламентъ управлялся англійскими министрами, масса католиковъ была безконтрольно подвластна ему, онъ состоялъ почти исключительно изъ послѣдователей высокой церкви, дис-

сентеры же попадали въ него очень рѣдко и въ ничтожномъ меньшинствѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка изъ 300 членовъ парламента 216 были представителями мѣстечекъ, созданныхъ Стюартами, и помѣстій, находившихся въ рукахъ немногихъ ландлордовъ; 200 депутатовъ выбирались какой нибудь сотней избирателей и безъ участія народа. Въ 1784 году лордъ Шеннонъ имѣлъ въ парламентѣ 16 своихъ представителей, фамилія Понсонби 14, Гильсборо 9, герцогъ Лейнстеръ 7. Въ томъ же году 130 членовъ зависѣли вполнѣ отъ правительства, будучи его чиновниками или пенсіонерами. Собственники мѣстечекъ, усердно поставлявшіе покорныхъ членовъ въ нижнюю палату, въ награду дѣлались пэрами, и такимъ образомъ вышло, что 53 пэра верхней палаты назначали 123 члена въ нижнюю палату. Вслѣдствіе абсентеизма ландлордовъ, верхнюю палату наполняли преимущественно епископы, а нижняя стояла совершенно внѣ народнаго контроля, такъ какъ обыкновенно одни и тѣ же депутаты засѣдали въ ней въ продолженіе цѣлаго царствованія, если только ихъ не распускалъ король. При Георгѣ II ирландскій парламентъ продолжался 33 года! Депутаты садились на скамьи оппозиціи для того только, чтобы получить подкупныя деньги. Въ 1769 году для проведенія одного важнаго для правительства билля было истрачено на подкупъ членовъ парламента до 1,000,000 ф. ст.... Въ 1767 году первые вельможи страны, наполнявшіе верхнюю палату, торговались съ виде-королемъ за свои голоса; одинъ просилъ сдѣлать его несмѣняемымъ лордомъ-судьей Ирландіи, другой соглашался оставить оппозицію, если двумъ его сыновьямъ дадутъ должности съ жалованьемъ по 500 ф. ст. въ годъ, и т. д. Въ 1759 году ирландскій канцлеръ казначейства вмѣстѣ съ однимъ членомъ парламента основали въ Дублинѣ частный банкъ, пустили въ оборотъ казенныя деньги, нажились какъ слѣдуетъ, а потомъ объявили себя несостоятельными!.. Въ теченіе пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ въ ирландскомъ парламентѣ не было ни одного даровитаго дѣятеля, ни одного замѣчательнаго оратора. Политическіе люди, адвокаты, медики, писатели—всѣ стремились въ Англію, оставляя Ирландію на произволъ ея продажнаго парламента.

IV.

Ирландскіе мятежи были періодическими взрывами народнаго недовольства, которое, выражаясь въ нихъ съ особенною силою, не переставало дѣйствовать и въ относительно мирное время. Борьба завоевателей съ побѣжденными не прекращалась ни на одно мгновеніе. Ирландцы, лишенные своихъ земель, торговли и промышленности, униженные безправіемъ, превратились въ закоренѣлыхъ ненавистниковъ всего англійскаго, у которыхъ убить, отравить, обворовать англичанина, изнасиловать англичанку, истребить или разграбить англійскую собственность считалось подвигами доблести и патріотизма. Какъ скоро дѣло касалось англичанъ, то пороки и добродѣтели народа дружно направлялись къ одной и той же цѣли. Сгоняемые съ своихъ земель, вытѣсняемые изъ центровъ англійской культуры, одичавшіе въ своихъ лѣсныхъ и горныхъ захолустьяхъ, среди постоянныхъ мятежей, междоусобицъ, разбоевъ, ирландцы всѣхъ классовъ принимали участіе въ непрерывной борьбѣ съ англичанами. Гонимое духовенство, терпѣвшее одинаковую участь съ народомъ, зависимое отъ него и находившееся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ, стояло во главѣ движеній. Ирландскіе фермеры и крестьяне, сыновья и внуки старинныхъ обезземеленныхъ ирландскихъ фамилій, люди, составлявшіе воинственныя банды ирландскихъ вождей, всѣ разоренные войнами, конфискаціями, уголовными законами,—всѣ были противъ англичанъ. Убійства англичанъ, сожженіе англійскихъ фермъ, угонъ скота и тому подобныя преступленія, постепенно усиливаясь, въ XVIII вѣкѣ начали принимать форму систематической, организованной борьбы. Зимой 1711 года въ Коннотѣ начали дѣйствовать банды вооруженныхъ людей въ бѣлыхъ рубашкахъ, истреблявшія по ночамъ скотъ протестантскихъ фермеровъ. Всюду появились прокламаціи, заявлявшія, что началась война противъ гуртовщиковъ скота, которая не кончится до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены всѣ ихъ гурты. Каждую ночь слышались ревъ убиваемаго скота, ружейные выстрѣлы и крики разбойниковъ, которые къ утру словно сквозь землю проваливались, и всѣ усилія открыть слѣды ихъ оставались напрасными. Въ Коннотѣ не осталось ни одного протестантскаго скотопромышленника: всѣ они были разорены и выселились. Когда же черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого одинъ лордъ снова вздумалъ заселить протестантами часть Коннота, то всѣ построенные для нихъ дома, амбары, сараи, скотскіе дворы вскорѣ же были попрежнему истреблены, а колонисты вытѣснены тѣми же таинственными разбойниками. Въ 1760 году во всѣхъ провинціяхъ Ирландіи появились организованныя банды такъ называемыхъ *бѣлыхъ парней* (whiteboys), носившихъ поверхъ платья бѣлыя рубашки. «Они—говоритъ Артуръ Юнгъ—рыскаютъ по странѣ, соединенные въ отряды, заставляютъ сельскихъ жителей давать клятву, что не выдадутъ ихъ, и принуждаютъ къ этой клятвѣ угрозами, которыя часто приводятъ въ исполненіе. Они выдаютъ себя за истребителей несправедливости, наказываютъ лицъ, спекулирующихъ землею или чрезмѣрно возвышающихъ арендную плату, заставляютъ хозяевъ облегчать положеніе работниковъ... Часто они сожигаютъ жилища и истребляютъ все движимое имущество своихъ враговъ. Совершаемыя ими варварства возмутительны». Бѣлые парни рѣдко воровали; они брали только оружіе для своей партіи. Организація ихъ была раскинута по всей странѣ. Каждый членъ ихъ общества обязывался, подъ страхомъ смертной казни, хранить тайну и безпрекословно исполнять данныя ему приказанія. Народъ былъ обложенъ налогомъ, который бѣлые парни собирали

для покупки оружія, веденія процессовъ, найма адвокатовъ, подкупа свидѣтелей и обезпеченія тѣхъ, которые спеціально занимались ихъ профессіей. У нихъ были правильныя собранія, постановленія которыхъ оглашались посредствомъ прокламацій и приводились въ исполненіе назначенными для того агентами. Если землевладѣлецъ чрезмѣрно возвышалъ арендную плату, то могъ быть увѣренъ, что чрезъ нѣсколько дней на дверяхъ его будетъ прибито такое объявленіе: «Симъ вы извѣщаетесь, что мы не будемъ болѣе терпѣть несправедливости, обязывающей платить аренду, возвышенную вдвое противъ надлежащаго. Кто не приметъ во вниманіе сего заявленія, будетъ наказанъ съ примѣрною строгостью. Подписано: *Мать Террея*». Если гдѣ-нибудь работники получали слишкомъ низкую задѣльную плату, являлся таинственный декретъ: «Начиная съ сегодня, ни одинъ рабочій не будетъ работать менѣе, чѣмъ за 10 шиллинговъ въ день. Горе тому, кто согласится работать за меньшую плату!» Или же повсюду появляются такія объявленія: «Долой десятины! долой десятины! долой десятины! Подумайте хорошенько о послѣдствіяхъ; если вы будете платить церковную десятину, то гробъ для васъ готовъ; останетесь-ли вы въ странѣ или покинете ее, ваша смерть неизбѣжна. Подписано: *капитанъ Рокъ*.—Гробъ» (*рисунокъ гроба*). Наказанія, налагавшіяся бѣлыми парнями, или преступленія, которыя они совершали надъ своими врагами, состояли въ убійствѣ, тѣлесномъ наказаніи, истребленіи собственности, въ похищеніи и изнасилованіи протестантскихъ дѣвицъ. Послѣднее, столь оригинальное преступленіе, въ половинѣ XVIII, вѣка приняло ужасающіе размѣры. Шайки ирландцевъ, въ числѣ которыхъ находились юноши первыхъ аристократическихъ фамилій страны, силою врывались въ дома, фермы и замки богатыхъ протестантовъ, захватывали дѣвушекъ, взбрасывали ихъ на сѣдла и мчали куда-нибудь въ глушь, гдѣ ихъ насиловали или вѣнчали при содѣйствіи католическаго попа. Подобныя умыканія и насильственные браки случались постоянно и поощрялись духовенствомъ, какъ одно изъ средствъ католической пропаганды. Нерѣдко случалось, что толпа вооруженныхъ ирландскихъ наѣздниковъ, среди бѣлаго дня, врывалась въ протестантскую церковь, захватывала всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, увозила ихъ, насиловала ихъ, а потомъ католическіе попы насильно же вѣнчали похищенныхъ съ похитителями. Виновники этихъ преступленій большею частію были аристократы и ловко увертывались отъ отвѣтственности. Что же касается плебейскихъ бѣлыхъ парней, то они не вѣнчались съ изнасилованными протестантками, а преслѣдованіе ихъ было положительно невозможно среди массы застращеннаго ими и враждебнаго англичанамъ народонаселенія. Судьи, присяжные, свидѣтели—всѣ или боялись разбойниковъ, или держали ихъ сторону. Едва только начинался какой-нибудь процессъ по дѣлу о бѣлыхъ парняхъ, какъ вся ассоціація ихъ приходила въ движеніе и пускала въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать дѣйствію закона. Появлялись прокламаціи, заявленія, что «каждый свидѣтель противъ бѣлыхъ парней будетъ наказанъ смертью», что и выполнялось часто даже прежде, чѣмъ свидѣтель могъ дать свои показанія передъ судомъ. Правительство принуждено было, ради безопасности свидѣтеля, садить его подъ стражу, но по окончаніи процесса ему все-таки предстояло или быть убитымъ, или навсегда бѣжать изъ Ирландіи.

Движеніе бѣлыхъ парней, вызванное вѣковою анархіей, бѣдностью и голодомъ, не было уже движеніемъ католическимъ. Ксендзы проклинали ихъ ассоціаціи и страдали отъ нихъ не меньше, чѣмъ англиканскіе пасторы. Они боролись противъ землевладѣльцевъ и фермеровъ, а большинство послѣднихъ были католики. Къ этому движенію присоединились въ 1764 и 1772 годахъ и протестантскіе крестьяне сѣверныхъ провинцій, сгоняемые съ своихъ участковъ, обремененные арендой и протестантской десятиной. «Такъ какъ южные бунтовщики были католики, — говоритъ лордъ Чарльмонтъ,—то протестанты воображали, что всѣ эти движенія произведены золотомъ и интригами Франціи. Но не таковы дѣйствительныя причины волненій. Этими причинами, очевидно, были бѣдность, угнетеніе и голодъ народа». Протестанты и католики, подъ одинаковымъ давленіемъ англійской системы, соединялись, и въ этихъ преступленіяхъ, и въ другихъ случаяхъ, для общей борьбы за свое существованіе. Англія запретила ирландскую торговлю, но, вопреки этимъ законамъ, вопреки таможнямъ и крейсерамъ, сторожившимъ берега острова, Ирландія продолжала тайно торговать съ иностранцами, преимущественно съ Франціей. Цѣлая нація вступила въ организованный союзъ противъ закона. Религіозныя различія были забыты, и сопротивленіе закону сдѣлалось связью, соединявшею католика съ протестантомъ, ирландскаго кельта съ англійскимъ колонистомъ, богатаго ландлорда, имѣвшаго тысячи овецъ, съ таможеннымъ надсмотрщикомъ, муниципальнаго чиновника, погреба котораго были наполнены контрабандными винами, съ судьей, которому тоже выгодно было кривить совѣстью при разборѣ контрабандныхъ дѣлъ. Вся промышленность и торговля страны приняли это незаконное направленіе, и выгодами ихъ пользовались даже сами вице-короли Ирландіи. Контрабандой занимались цѣлыя вооруженныя банды; они отправлялись на хорошо вооруженныхъ корабляхъ: контрабандисты смѣло выдерживали нападеніе таможенныхъ солдатъ, жестоко карали доносчиковъ, убивали чиновниковъ, не боявшихся исполнять относительно ихъ свои обязанности. Правительство не имѣло силъ для борьбы съ этой системой, поддерживавшей въ націи и безъ того уже сильныя противозаконныя чувства и заставлявшей ее отожествлять съ своими насущными интересами сопротивленіе закону. Кромѣ того, контрабандная торговля велась преимущественно съ врагами Англіи, французами, симпатіи къ которымъ у ирландцевъ вслѣдствіе

этого укрѣплялись и которые въ своихъ постоянныхъ секретныхъ сношеніяхъ съ островомъ поддерживали въ немъ всеобщій духъ недовольства. И не одни поземельныя стѣсненія, не одна только торговая политика болѣе и болѣе соединяли противъ Англіи всѣхъ жителей Ирландіи, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданій. Выше мы уже говорили, каково было положеніе такъ называемыхъ англо-ирландцевъ въ началѣ англійскаго владычества. Съ постепеннымъ возрастаніемъ числа ихъ ухудшалось и ихъ положеніе. Торговая система разоряла ихъ наравнѣ съ ирландцами. Чтобы парализовать политическую силу англо-ирландцевъ, Стюарты создали множество зависимыхъ отъ короны мѣстечекъ (boroghs), превратили въ города и муниципальныя корпораціи мѣста, состоявшія изъ нѣсколькихъ нищенскихъ коттеджей, парламентскіе представители которыхъ были совершенно въ рукахъ вице-короля. Недовольство, возбуждаемое въ англо-ирландцахъ подобными мѣрами, побуждало, въ свою очередь, англичанъ относиться къ нимъ съ такою же непріязнью, какъ и къ чистымъ ирландцамъ, подвергая ихъ одинаковому гнету съ послѣдними. Это повело къ постепенному сліянію партій. И католики, и протестанты начали склоняться къ взаимнымъ уступкамъ, вѣротерпимости, сознавать необходимость отмѣны уголовныхъ законовъ, парламентской реформы и т. д. Распространеніе образованія повело за собой развитіе политической мысли и литературы. Когда въ 1698 году ирландская шерстяная торговля была убита, другъ Локка, Молине, издалъ первое по времени замѣчательное произведеніе ирландской политической литературы, «Ирландское Дѣло», въ которомъ онъ доказывалъ, что Ирландія должна управляться сама собой и получать законы только отъ своего парламента. Книга была сожжена рукою палача, но духъ ея продолжалъ дѣйствовать. Въ Ирландіи формировалась политическая интеллигенція, выставившая нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ.

Въ ряду этихъ талантовъ первое мѣсто по времени и по достоинству принадлежитъ великому англо-ирландцу Джонатану Свифту, этому О'Коннелю XVIII вѣка.

Въ 1720 г. появились его первые ирландскіе памфлеты, въ которыхъ онъ самыми яркими красками обрисовывалъ бѣдствія своей страны и съ демонскою ироніей совѣтовалъ нищимъ ирландцамъ ѣсть своихъ дѣтей, описывая способы приготовленія различныхъ блюдъ изъ дѣтскаго мяса. Призывая ирландцевъ на защиту общаго національнаго дѣла, онъ доказывалъ, что Ирландія не поправится до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожигать всего привозимаго изъ Англіи, кромѣ людей и угля. Духовенство должно проповѣдывать объ этомъ съ церковныхъ каѳедръ. Вся нація должна соединиться для этого дѣла, для развитія туземной промышленности и изгнанія съ ирландскаго рынка какихъ бы то ни было товаровъ. Первый изъ этихъ памфлетовъ былъ схваченъ правительствомъ, а такъ какъ авторъ былъ неизвѣстенъ, то предали суду типографщика. Девять разъ присяжные выносили приговоръ «не виновенъ», и девять разъ судья отсылалъ ихъ назадъ, обсудить дѣло снова, но обвиненія все-таки не могъ добиться.

Въ 1723 году метресса короля, герцогиня Кендаль, нуждаясь въ деньгахъ, выхлопотала нѣкоему Вуду дозволеніе начеканить для Ирландіи новой монеты на 108,000 ф. ст. Отъ этой операціи Кендаль и Вудъ должны были получить барыша около 40,000 ф. ст. Вся Ирландія пришла въ волненіе, а Свифтъ началъ выпускать «Письма суконщика», подливавшія масло въ огонь. «Пускай—писалъ онъ—Вудъ съ шайкою своихъ мѣдниковъ и литейщиковъ перечеканиваетъ все въ монету, пока не останется въ странѣ стараго котла; пусть онъ чеканитъ старую кожу, табачныя трубки, глину, уличную грязь и дастъ этому какое угодно названіе,—мы не будемъ принимать его монеты. По его милости мы и то уже платимъ 3 шиллинга за то, что стоитъ 1. Всѣ мы въ опасности быть съѣденными заживо этимъ деспотикомъ, насъ готовится сожрать живыми крыса. Если Гэмденъ согласился скорѣе идти въ тюрьму, чѣмъ платить 5 шиллинговъ Карлу I, то я предпочитаю лучше быть повѣшеннымъ, чѣмъ подвергать все существо мое обложенію по произволу и капризу достопочтеннаго мистера Вуда». Въ четвертомъ письмѣ къ монетѣ Вуда Свифтъ присоединилъ всѣ угнетенія Ирландіи и кончилъ такимъ воззваніемъ къ своимъ соотечественникамъ: «средство освобожденія у васъ въ рукахъ; я уклонился немного отъ своего первоначальнаго предмета только для того, чтобы оживить тотъ духъ, который поднялся теперь между вами, чтобы двинуть его впередъ, чтобы вы увидѣли, наконецъ, что, по законамъ Бога, природы, народовъ и вашей собственной страны, вы такой же свободный народъ и должны быть такимъ-же свободнымъ народомъ, какъ и ваши братья въ Англіи». Вся Ирландія читала эти памфлеты и волновалась ими. Хотя всѣ знали, кто авторъ, но судить не смѣли, а книгопродавца присяжные оправдали. Волненіе усилилось до того, что правительство уничтожило патентъ Вуда. Послѣ этихъ писемъ Свифтъ пріобрѣлъ безграничное вліяніе на народъ. Вальполь хотѣлъ арестовать его, но его остановили вопросомъ: имѣетъ ли онъ въ своемъ распоряженіи 10,000 человѣкъ, необходимыхъ для произведенія ареста? Когда сержантъ Беттесвортъ, оскорбленный сатирою Свифта, угрожалъ поколотить его, народъ добровольно составилъ стражу для его защиты. Когда примасъ Боултеръ укорялъ его въ возбужденіи народа, то Свифтъ возразилъ: «если бы я для возбужденія поднялъ только одинъ палецъ, то васъ тотчасъ же растерзали бы въ клочки». «Онъ—говоритъ Лекки—первый научилъ ирландцевъ полагаться на самихъ себя. Онъ велъ ихъ къ побѣдѣ въ то время, когда вѣковое угнетеніе и паденіе энергіи лишили ихъ всякой надежды. Онъ далъ голосъ ихъ нѣмымъ страданіямъ и начерталъ путь

ихъ будущему прогрессу. Съ этого времени вопросы о свободѣ торговли и законодательной самостоятельности уже не оставляли умовъ ирландцевъ, а реформа 1779 г. и законодательная эманципація 1782 г. была развитіемъ идей Свифта. Уличныя баллады, каторыя онъ писалъ для развлеченія, простота и прозрачность его памфлетовъ, богатый юморъ распространяли его вліяніе въ самыхъ низшихъ классахъ. Однажды онъ подарилъ горничной денегъ на платье, непремѣнно изъ ирландской матеріи. Черезъ нѣсколько времени, на упрекъ, что она не исполнила его желанія, дѣвушка показала купленный ею томъ его сочиненій, говоря, что лучше этой «ирландской матеріи» она ничего не знаетъ».

Не одинъ Свифтъ былъ представителемъ новаго времени. Одновременно съ нимъ общественными вопросами Ирландіи занимался извѣстный Беркелэ, имѣвшій также важное вліяніе на развитіе ирландской политической мысли. Въ 1747 г. въ Дублинѣ началъ выходить «Журналъ Гражданина», печатавшій парламентскія пренія, обличавшій судебныя и административныя злоупотребленія, разрабатывавшій вопросы поземельный и торговый. Основателемъ и главнымъ публицистомъ этого журнала былъ Люкасъ, такъ смѣло писавшій о независимости Ирландіи и разоблачавшій англійскую политику, что въ 1749 г. былъ объявленъ ирландскимъ парламентомъ врагомъ отечества и бѣжалъ въ Англію. Возвратившись, онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Дублина и въ этой роли оживилъ парламентскую оппозицію, а своимъ журналомъ положилъ основаніе ирландской либеральной прессѣ. Въ то же время появился на парламентской сценѣ первый по времени великій ораторъ Ирландіи, Генри Флудъ, организовавшій въ парламентѣ сильную оппозицію, а за стѣнами его направившій общественное мнѣніе на парламентскую реформу, независимое управленіе Ирландіи, образованіе конституціонной милиціи, отмѣну уголовныхъ и торговыхъ законовъ.

Вѣкъ мятежниковъ въ старинномъ духѣ кончился; начинался вѣкъ Граттановъ и О'Коннелей.

V.

Вліяніе Свифта и другихъ публицистовъ Ирландіи значительно усилилось, когда Америка возстала противъ британской имперіи. Колоніи вооружились противъ тѣхъ же угнетеній, подъ давленіемъ которыхъ страдала и Ирландія, и это сходство отношеній повело къ сильному вліянію на ирландцевъ американскихъ идей. Въ англійскомъ парламентѣ не проходило ни одного пренія объ Америкѣ безъ того, чтобы не обратили вниманія на Ирландію. Съ одной стороны, сторонники правительства открыто заявляли, что Ирландію необходимо подчинить такому же управленію и обуздывать тѣми же средствами, какъ и колоніи. Съ другой стороны, члены оппозиціи, и между ними величайшіе ораторы Англіи, Бёркъ, Питтъ, Фоксъ, Шериданъ, предсказывали, что англійское владычество неизбѣжно ведетъ несчастную Ирландію къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ оно привело колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Даже въ продажномъ ирландскомъ парламентѣ нашлись люди, которые воспользовались американскими событіями для своихъ патріотическихъ цѣлей. Первый по времени ораторъ Ирландіи, Флудъ, въ это время былъ уже купленъ вице-королемъ, но его, еще болѣе замѣчательный, преемникъ Граттанъ горячо отстаивалъ интересы колоній и Ирландіи, поражая Флуда, который, «съ фразами на устахъ и съ подкупнымъ жалованьемъ въ карманѣ, борется противъ правъ Америки—этой единственной надежды Ирландіи». Въ высшихъ и среднихъ классахъ Ирландіи недовольство англійскимъ владычествомъ росло съ каждымъ днемъ и поддерживалось новыми стѣснительными постановленіями. Въ 1776 году ирландцамъ запрещено вывозить съѣстные припасы иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ; въ 1778 г. вовсе запрещенъ вывозъ въ Англію. Католики и протестанты, ирландцы и ирландскіе англичане соединились въ общемъ чувствѣ крайняго недовольства, которое искало выхода на пути, указанномъ американскими колонистами. Волненіе достигло высшей степени, когда Англія, воевавшая съ Америкой, Франціей и Испаніей, оказалась не въ силахъ даже защищать Ирландію отъ внѣшнихъ нападеній. Часть англійскихъ войскъ была отправлена въ Америку, и ирландскимъ берегамъ ежедневно угрожала высадка непріятеля. Тогда общества, возникшія по всему острову и отказывавшіяся отъ покупки какихъ бы то ни было англійскихъ товаровъ, чтобы добиться свободы торговли, начали быстро организоваться въ военные отряды. Національный энтузіазмъ охватилъ Ирландію; религіозная ненависть, племенное различіе, вѣковыя войны и междоусобицы—все было забыто. Всюду организовались отряды *волонтеровъ*, избирали начальниковъ, вооружались, составляли правила дисциплины, входили между собою въ сношенія и составили, наконецъ, общую «ассоціацію волонтеровъ» въ 60,000 человѣкъ, которая скоро достигла численности 100,000. Роль правительства въ этомъ дѣлѣ ограничивалась только раздачею оружія. Движеніе волонтеровъ было не что иное, какъ революція подъ легальной формой защиты отъ внѣшняго врага. Они составили изъ себя родъ военнаго парламента, который собирался разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ, постановлялъ рѣшенія, выражалъ порицанія правительству и подавалъ ему петиціи на концахъ своихъ штыковъ. Во главѣ волонтеровъ стояла родовая, денежная и умственная аристократія страны. Ихъ президентомъ былъ лордъ Чарльмонтъ; въ числѣ ихъ офицеровъ числились такіе ораторы, какъ Флудъ и Граттанъ. Благодаря подобнымъ вождямъ, движеніе это удержало форму мирнаго возстанія и не дошло до открытой войны съ Англіей, къ которой стремилась извѣстная партія волонтеровъ. Во главѣ этой партіи стоялъ не какой-нибудь мятежный ирландецъ, а чистокровный англичанинъ, пэръ Англіи, епи-

скопъ государственной церкви, графъ Бристольскій, епископъ деррейскій! Хорошо образованный, свободомыслящій, роскошный и тщеславный епископъ былъ въ сущности политическимъ авантюристомъ, и если бы ему удалось сдѣлаться президентомъ волонтеровъ, то война съ Англіей была бы неизбѣжна и Ирландія снова подверглась бы всѣмъ ужасамъ завоеванія. Но при всемъ томъ, что вожди движенія сумѣли удержать его въ границахъ мира, оно все-таки имѣло революціонный характеръ. Ихъ голоса за свободную торговлю и за отмѣну стѣснительныхъ законовъ раздавались все громче и громче. Ихъ пушки украшались грозною надписью: «свобода торговли или смерть!» Они требовали независимости ирландскаго парламента и эманципаціи католиковъ. «Какъ люди»,— говорятъ они въ одной изъ своихъ резолюцій,— какъ христіане и протестанты, мы желаемъ смягченія уголовныхъ законовъ, изданныхъ противъ нашихъ согражданъ, римскихъ католиковъ, и ждемъ отъ этой мѣры самыхъ счастливыхъ результатовъ для благосостоянія Ирландіи». Страна грозно волновалась, не нарушая общественнаго порядка, хотя въ сущности порядокъ этотъ былъ уже на краю пропасти, что хорошо понимали предводители парламентской оппозиціи, особенно Граттанъ и Борхъ. Послѣдній, говоря о положеніи страны, воскликнулъ, обращаясь къ министрамъ: «не говорите мнѣ о мирѣ: это не миръ, а война. Англія въ своихъ законахъ посѣяла драконовы зубы, и они взошли теперь вооруженными людьми». Соединенное давленіе волонтеровъ и парламентской оппозиціи было неотразимо, и Англія была принуждена уступить, подобно тому, какъ впослѣдствіи она соглашалась на реформы для Ирландіи всегда только наканунѣ междоусобной войны. Хотя англійскіе мануфактуристы единодушно возставали противъ свободной торговли, но, съ другой стороны, Ирландія требовала ея съ оружіемъ въ рукахъ, а ирландскій парламентъ поддерживалъ это требованіе, и въ 1780 г. торговля Ирландіи съ колоніями была объявлена свободною. Въ то же время началась постепенная отмѣна уголовныхъ законовъ. Ихъ отмѣняли подъ давленіемъ обстоятельствъ, точно такъ же, безъ плана и безъ метода, какъ и вводили прежде. Сначала (въ 1778 г.) дозволили католикамъ арендовать землю и дали имъ наслѣдственныя права наравнѣ съ протестантами; потомъ (въ 1782 г.) возстановили всѣ ихъ имущественныя права, отмѣнили запрещенія, лежавшія на духовенствѣ, учителяхъ и богослуженіи, дозволили носить оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ирландскіе судьи были сдѣланы несмѣняемыми, и на Ирландію распространенъ во всей своей широтѣ законъ о личной свободѣ (habeas corpus). Но этихъ уступокъ было мало; волонтеры хотѣли независимости, за нее же стоялъ и вождь парламентской оппозиціи, одинъ изъ величайшихъ ораторовъ Европы, Граттанъ. По иниціативѣ послѣдняго парламентъ обратился къ королю съ декларацією, въ которой онъ заявлялъ, что «его ирландскіе подданные — народъ свободный; что корона Ирландіи есть имперская корона, нераздѣльно соединенная съ короною Англіи связью, отъ которой зависятъ счастіе и интересъ обоихъ народовъ, но что Ирландія есть отдѣльное королевство, имѣющее свой парламентъ и свою законодательную власть; что никто въ мірѣ не въ правѣ предписывать законовъ этой націи, кромѣ короля, лордовъ и общинъ Ирландіи». Въ Англіи самыя противоположныя партіи сходились въ оппозиціи ирландской независимости, но угрожающее положеніе ста тысячъ ирландскихъ волонтеровъ, мятежи въ Дублинѣ, доходившіе до того, что бунтующая толпа врывалась въ парламентъ, настойчивость послѣдняго,—все заставляло Англію признать Ирландію самостоятельной. Въ 1782 г. былъ посланъ въ Дублинъ новый вице-король, герцогъ Портлэндъ, съ полномочіемъ уступить требованіямъ ирландцевъ, но только въ случаѣ крайней необходимости. Онъ постарался затянуть дѣло, но Граттанъ не согласился на отсрочку. Утромъ 16 апрѣля передъ зданіемъ парламента выстроились волонтерскіе полки; яркіе лучи солнца блестѣли на ихъ оружіи и на ихъ знаменахъ, а мимо рядовъ и среди восторженныхъ криковъ ихъ шелъ въ парламентъ Граттанъ, чтобы провозгласить тамъ независимость своей страны. Своею блестящею рѣчью онъ кончилъ шестивѣковую борьбу, въ которой было потрачено столько ума и пролито столько крови. Ораторъ съ восторгомъ привѣтствовалъ зарю ирландской свободы; онъ сознавалъ, что еще много нужно сдѣлать для благоденствія страны, но онъ надѣялся на ея силы, значеніе которыхъ она доказала настоящею побѣдой. «Я обращаюсь теперь къ свободному народу,—восклицалъ Граттанъ.—Это первая минута, въ которую вы, по прошествіи многихъ вѣковъ, можете назваться этимъ именемъ. Я такъ часто говорилъ о вашей свободѣ, что мнѣ уже нечего прибавлять къ сказанному, и я могу только удивляться тому, какъ вы неустанно шли впередъ до тѣхъ поръ, пока нація не напрягла всѣхъ своихъ силъ, чтобы совершить актъ самоосвобожденія. Я засталъ Ирландію стоящею на колѣняхъ; я наблюдалъ за ней съ отеческою заботливостью. Духъ Свифта, духъ Молине, вы побѣдили! Ирландія теперь нація. Я привѣтствую ее въ этой роли и, преклоняясь передъ нею, въ ея державномъ присутствіи говорю: да живешь ты во вѣки вѣковъ!» Ирландія была объявлена независимымъ королевствомъ, состоящимъ въ федераціи съ Англіей, и, по выраженію Бёрка, ирландцы получили въ 1782 г. свой 1688 годъ. Парламентъ вотировалъ Граттану національный подарокъ въ 100,000 ф. ст., но онъ отказался принять его, и только послѣ долгихъ настояній взялъ половину этой суммы, чтобы всецѣло посвятить себя политикѣ, отказавшись отъ адвокатуры, на доходы которой онъ жилъ до тѣхъ поръ.

Достигнувъ независимости, ирландскій парламентъ не сдѣлался представителемъ даже протестантскаго народонаселенія, не говоря уже о массѣ католиковъ, которые уже вовсе не имѣли по-

литическихъ правъ и жили подъ давленіемъ нѣкоторыхъ еще неотмѣненныхъ уголовныхъ законовъ. Независимый парламентъ состоялъ на содержаніи у Англіи, всегда имѣвшей за себя большинство, подкупленное пенсіями, должностями, титулами. «Система угнетенія кончилась, начала организоваться система развращенія», говорилъ Граттанъ, который однажды въ полномъ собраніи парламента воскликнулъ: «ну-ка, рѣшитесь отрицать эту продажность!»—и никто не рискнулъ противорѣчить ему. Сумма ирландскихъ пенсій, составлявшая въ 1756 г. 44,000, въ 1793 г. поднялась до 120,000 ф. ст. Рѣдкій вице-король оставлялъ Ирландію безъ того, чтобы, кромѣ пенсіоннаго фонда, не израсходовать для тѣхъ же цѣлей 200 или 300 тысячъ ф. ст. да не положить въ свой собственный карманъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ фунтовъ. «Продавая, по выраженію Граттана, прерогативы короны, чтобы покупать привилегіи націи», правители Ирландіи смотрѣли на нее, какъ на статью дохода. Вице-короли не жили въ Ирландіи, и ихъ замѣняли собой три лорда-судьи. Чтобы привлечь къ себѣ вліятельныхъ членовъ парламента, эти лорды отдавали въ ихъ распоряженіе всю администрацію,—раздачу пенсій, должностей и т. д. Управленіе Ирландіей, такимъ образомъ, сдавалось на подрядъ, и упомянутые дѣятели во всѣхъ тогдашнихъ актахъ называются *подрядчиками* (undertakers)!..

Парламентская реформа была въ то время однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ: о ней шли толки во Франціи, за нее боролись въ Англіи, въ важнѣйшихъ городахъ которой организовались реформатскія ассоціаціи, не замедлившія вступить въ сношенія съ ирландскими волонтерами. Въ 1783 г. волонтеры, соединенные въ *національномъ конвентѣ*, провозгласили необходимость парламентской реформы. Но они не могли уже дѣйствовать съ той же энергіей, какъ въ дѣлѣ независимости, такъ какъ ихъ раздѣлилъ на двѣ партіи вопросъ объ эманципаціи католиковъ. Лучшіе изъ протестантовъ, какъ въ паламентѣ, такъ и между волонтерами, даже нѣкоторыя лица изъ протестантскаго духовенства, хлопотали о полной равноправности католиковъ; но англійское правительство, парламентское большинство, особенно раболѣпные лорды и фанатическіе епископы верхней палаты были противъ реформы и эманципаціи, а половина волонтеровъ хотѣла реформы и уничтоженія остальныхъ уголовныхъ законовъ противъ католиковъ, но ни за что не соглашалась дать имъ избирательныя права. Билли о реформѣ проваливались одинъ за другимъ въ ирландскомъ парламентѣ, а страна волновалась все больше и больше. Католики, стоявшіе долго вдали отъ движенія, начали втягиваться въ него, соединялись съ волонтерами, организовали клубы и ассоціаціи, подавали петиціи о реформѣ и эманципаціи. Даже многіе англійскіе епископы проповѣдывали вѣротерпимость и защищали католиковъ въ парламентѣ. Литература XVIII в., повліявшая и на ирландское общество, значительно ослабила въ немъ религіозный фанатизмъ и развила чувство терпимости какъ въ протестантахъ, такъ и въ католикахъ; но, съ другой стороны, напоръ новыхъ идей и чувствъ привелъ въ сильное броженіе консервативные элементы. Католики волновались; въ разныхъ мѣстахъ острова вспыхивали бунты, ирландцы отказывались платить церковную десятину, совершали аграрныя преступленія противъ протестантскихъ землевладѣльцевъ. Въ 1785 г. протестанты начали составлять шайки «*дѣтей разсвѣта*» (peep-of-day boys), которыя нападали на католиковъ и преслѣдовали ихъ; католики, въ свою очередь, организовали отряды «защитниковъ», скоро перешедшіе изъ оборонительнаго состоянія въ наступательное. На сцену выходилъ народъ, на котораго до тѣхъ поръ не обращали вниманія ни правительство, ни волонтеры, ни лорды, ни политики въ родѣ Граттана. Всѣ волненія, вся политическая борьба, о которой мы говорили, всѣ эти вопросы о реформѣ парламента, объ его независимости отъ Англіи, объ эманципаціи католиковъ касались преимущественно поземельной аристократіи, духовенства да городского народонаселенія. Масса же народа оставалась чуждою политической жизни и только вліяла на нее посредствомъ аграрныхъ преступленій да бунтовъ противъ сборщиковъ церковной десятины.

Даже вліяніе французской революціи мало коснулось основного вопроса въ жизни ирландскаго народа—аграрнаго вопроса, хотя и сильно измѣнило характеръ политическихъ идей въ Ирландіи. Въ 1792 г. составляется клубъ *соединенныхъ ирландцевъ*, и вскорѣ затѣмъ въ эту организацію поступаютъ всѣ бывшіе волонтеры, которые теперь, подъ руководствомъ Тона, О'Коннора, Эммета и Мэкневина, устраняютъ изъ своей программы всѣ религіозныя различія, сливаютъ дѣло католиковъ съ дѣломъ протестантовъ и, придавъ ирландской политикѣ совершенно свѣтскій характеръ, дѣлаются служителями тѣхъ же идей, которыя волновали въ то время и Францію, и извѣстную часть народонаселенія Англіи. Соединенные ирландцы удержали военную организацію волонтеровъ, но цѣли ихъ были совершенно различны. Волонтеры организовались для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ, а соединенные ирландцы открыто симпатизировали французамъ и нетерпѣливо ждали высадки французскихъ войскъ, чтобы съ ихъ помощью сбросить съ себя англійское иго. Они стояли въ открытой враждѣ съ вигами и съ ихъ проектами постепенныхъ реформъ; «если намъ не дадутъ полной, абсолютной реформы, говорили они,—если правительство не измѣнитъ всей своей системы, то слѣдуетъ разорвать союзъ съ Англіей и, отдѣливъ Ирландію, отрубить, такимъ образомъ, у Британіи ея правую руку». Соединенные ирландцы вошли въ дѣятельныя сношенія съ французами, и вождь ихъ, Вольфъ Тонъ, заключилъ въ Парижѣ договоръ съ правительствомъ французской республики,

въ силу котораго генералъ Гошъ съ войсками долженъ былъ высадиться въ Ирландіи.

Между тѣмъ, независимо отъ движенія соединенныхъ ирландцевъ, ирландское джентри организовало католическую ассоціацію, которая начала всѣми силами работать въ пользу равноправности католиковъ. Междоусобная война была снова неизбѣжна, если бы только правительство не рѣшилось на существенныя уступки. Оно въ 1792 и 1793 г. открыло католикамъ доступъ къ адвокатурѣ и ко многимъ должностямъ, дало имъ право участвовать въ выборахъ, учить дѣтей въ католическихъ школахъ, жениться на протестанткахъ, отмѣнило всѣ законы, стѣснявшіе промышленность и вѣру католиковъ. Но этихъ уступокъ было мало, и страну могли успокоить только полная эманципація католиковъ, коренная реформа парламента, уничтоженіе церковной десятины и улучшеніе быта народной массы. Среди этого хаоса мнѣній, требованій и стремленій начата организоваться реакція. Связь ирландцевъ съ побѣдоносной Франціей и ужасы французской революціи заставили массу ирландскаго духовенства отстать отъ движенія, и страшный призракъ республики произвелъ расколъ даже въ самой средѣ соединенныхъ ирландцевъ, часть которыхъ тоже отдѣлилась отъ общаго дѣла. Въ 1793 году духовенство, высшіе классы Ирландіи и виги, съ Граттаномъ во главѣ, уже открыто дѣйствовали противъ всеобщей подачи голосовъ и другихъ принциповъ французской революціи, противъ которой въ англійскомъ парламентѣ гремѣлъ великій ирландецъ, Бёркъ, теперь уже старый и подкупленный для роли офиціальнаго оратора. Поворотъ мнѣній совершался быстро и достигъ высшей степени въ обществахъ оранжистовъ, которые, будучи противниками всякихъ реформъ, хотѣли держать островъ подъ исключительнымъ владычествомъ протестантской аристократіи и англиканской церкви. Они убивали и изгоняли католиковъ, сожигали ихъ жилища, опустошали цѣлыя католическія графства; католики отплачивали имъ той же монетой. Въ 1796 году Ирландія была объявлена на военномъ положеніи; жителей велѣно обезоружить, продажу оружія запретить, военныя организаціи, въ родѣ соединенныхъ ирландцевъ, распустить, клубы закрыть, митинговъ и собраній для обсужденія политическихъ дѣлъ не допускать. Вольфъ Тонъ, по порученію соединенныхъ ирландцевъ, постарался ускорить помощь французовъ, но три экспедиціи послѣднихъ въ 1796 и 1798 годахъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не удались, и возставшіе въ 1798 году ирландцы не могли получить отъ нихъ никакой помощи. Мятежники не имѣли ни систематическаго плана, ни даже единства цѣли, такъ какъ одни изъ нихъ стремились къ реформѣ, другіе къ революціи; пресвитеріане бились за республику, а католики за религіозную свободу. Послѣ многолѣтней ненависти другъ къ другу двухъ враждебныхъ партій и послѣ столкновенія ихъ начались жестокости съ той и другой стороны. Въ Векспордѣ, напр., возставшіе католики, овладѣвъ городомъ, начали ужасную рѣзню протестантовъ. Изъ толпы тотчасъ образовался трибуналъ, который, засѣдая на вексфордскомъ мосту, рѣшалъ вопросъ о жизни или смерти своихъ враговъ. Всѣ осужденные немедленно бросались въ рѣку. Это возстаніе и его усмиреніе стоили 70.000 человѣческихъ жизней. Вся страна была разорена и повергнута въ ужасъ католическимъ терроромъ. «Умы—писалъ лордъ Корнуэльсъ—находятся теперь въ такомъ состояніи, что ничто, кромѣ крови, не можетъ удовлетворить ихъ. Даже за моимъ столомъ, не смотря на мое нерасположеніе къ этому, только и разговора, что о вѣшаніи, разстрѣливаніи, сожженіи и т. д.; вѣсть объ убійствѣ какого нибудь-пастора производитъ величайшую радость во всѣхъ собесѣдникахъ». Въ самое короткое время было казнено двѣсти мятежниковъ; но это были первыя жертвы, только усиливавшія чувство мести*). Арестованныхъ подвергали ужаснымъ пыткамъ, чтобы вынудить сознаніе. Независимо отъ казней, тюрьмы были переполнены осужденными, а на площадяхъ наказывали плетьми другихъ осужденныхъ. Англійская армія разорила страну, истребила всѣ жатвы, подвергла Ирландію двухлѣтнему голоду и нанесла ей убытку болѣе, чѣмъ на 20,000,000 рублей. Англія же принуждена была содержать въ Ирландіи регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ 111,209 человѣкъ, которые ежегодно стоили ей около 32,000,000 рублей.

Около ста лѣтъ до этихъ событій англійское правительство лелѣяло мысль объ уничтоженіи ирландскаго парламента и о полномъ присоединеніи Ирландіи къ Англіи. Но въ обыкновенное, относительно мирное время осуществленіе этого плана было невозможно; теперь же, когда страна, послѣ возстанія 1798 года, была разорена и подавлена, серьезнаго сопротивленія присоединенію не предвидѣлось. Пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы подготовить успѣхъ биллю. Подкупленные адвокаты писали брошюры въ пользу союза; католиковъ соблазняли обѣщаніемъ эманципаціи, протестантамъ сулили расширеніе и под-

*) Предводитель возстанія, Вольфъ Тонъ, былъ также приговоренъ къ смерти, но зарѣзался въ тюрьмѣ. Незадолго передъ этимъ, взятый въ плѣнъ на французскомъ кораблѣ, онъ былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смертной казни, которая должна была совершиться немедленно. Замѣчательно, что президентъ дублинскаго королевскаго суда, лордъ Кильварденъ, среди всеобщаго волненія сохранилъ то чувство формальной справедливости, которымъ вообще отличаются англійскіе судьи. Вина Тона была очевидна, и онъ подлежалъ за нее смертной казни; но военный судъ не могъ судить его. Знаменитый патріотъ и адвокатъ Курранъ, узнавъ объ этомъ, является въ засѣданіе королевскаго суда и проситъ лорда Кильвардена объ освобожденіи незаконно осужденнаго Тона. Лордъ приказываетъ изготовить *habeas corpus*, но вслѣдствіе замѣчанія Курранъ, что, пока готовятъ этотъ актъ, Тона могутъ казнить, лордъ посылаетъ шерифа съ словеснымъ приказаніемъ главному военному судьѣ отсрочить казнь. Когда шерифъ вернулся и сказалъ: «судья говоритъ, что онъ можетъ повиноваться только маіору, а маіоръ—лорду Корнуэльсу», лордъ Кильварденъ всталъ и величественно воскликнулъ: «г. шерифъ, возьмите Вольфа Тона, арестуйте судью, арестуйте маіора и передайте генералу это распоряженіе!» Приказаніе было исполнено.

держку привилегій господствующей церкви, раздавали должности, сыпали деньгами, возводили въ перы. Всей этой махинаціей заправлялъ талантливый лордъ канцлеръ, Фицгиббонъ, который въ ирландскомъ парламентѣ открыто защищалъ систему подкупа, а въ англійскомъ—пытки мятежниковъ 1798 года. Билль былъ внесенъ въ парламентъ въ 1799 г., но былъ отвергнутъ большинствомъ 109 противъ 104 голосовъ. Начались новые хлопоты, чтобы провести его въ слѣдующемъ году. Членамъ парламента было роздано подкупныхъ денегъ 1,500,000 ф. ст.; на подкупы при выборахъ истрачено 1,275,000 ф. ст.; каждому изъ богатыхъ собственниковъ, заправлявшихъ выборами въ гнилыхъ мѣстечкахъ, было дано по 15,000, что составляло 1,260,000 фун. ст.; дворянскіе титуты, епископскіе жезлы и пребенды, пенсіи и синекуры, производства въ чины по арміи и флоту сыпались, какъ дождь. Лѣтомъ 1800 года билль былъ снова внесенъ въ парламентъ, который получилъ въ пользу его петиціи съ 7,000 подписей, а противъ него съ 700,000 подписей. Въ народѣ было возбуждено страшное негодованіе, а въ парламентѣ началась борьба на жизнь и на смерть. Палата общинъ, въ полномъ своемъ собраніи и биткомъ набитая, представляла одно изъ самыхъ величественныхъ зрѣлищъ, когда противъ подкупленнаго большинства честное и талантливое меньшинство начало отчаянную борьбу за независимость Ирландіи, когда растворились ея двери и серьезно больной Граттанъ былъ введенъ подъ руки двумя своими друзьями. Величіе дѣла оживило его; онъ не могъ стоять на ногахъ, говорилъ сидя, но говорилъ съ своимъ обычнымъ жаромъ и силою Рѣчь его длилась болѣе часа. «Вещь, которую хочетъ купить министерство, не можетъ быть продана: это—свобода цѣлой страны», сказалъ онъ въ заключеніе. Когда онъ кончилъ, то всѣ его друзья чувствовали, что если бы Ирландію можно было спасти краснорѣчіемъ, то Граттанъ спасъ бы ее. Но скоро всѣ надежды патріотовъ рушились. Они увидѣли, что союзъ неизбѣженъ, но все-таки не падали духомъ. «Я знаю,—говорилъ Гульдъ,—что министры будутъ имѣть успѣхъ, но я уйду отсюда не съ разбитымъ сердцемъ, ибо знаю, что правда въ концѣ концовъ восторжествуетъ. Народъ долженъ теперь покориться, потому что невозможно сопротивляться ста-двадцати-тысячной арміи; но наступитъ время, когда, какъ въ 1782 году, Англія будетъ слаба, а Ирландія достаточно сильна, чтобы возвратить себѣ свою свободу». «Конституція можетъ быть потеряна,—снова говорилъ Граттанъ,—но характеръ народа не можетъ быть потерянъ. Министры короны увидятъ наконецъ, что не такъ легко навсегда повергнуть ницъ древнюю и достославную націю посредствомъ государственнаго искусства, хоть и великаго, или посредствомъ развращенія, хотя и непобѣдимаго. Идея независимости возродится снова и съ удвоеннымъ жаромъ воодушевитъ страну. Законность—благородное, справедливое, плодотворное начало, но въ нашей странѣ законность, отдѣленная отъ свободы, не законность, а развращеніе. Союзъ—мудрая и основательная политическая мѣра; но союзъ безъ ирландскаго парламента есть союзъ безъ своего собственнаго принципа, безъ одинаковости положеній, есть нововведеніе, опасность, порабощеніе, а не союзъ. Слияніе—солидное государственное начало, необходимое для сохраненія свободы и британской имперіи; но безъ союза сердецъ, съ отдѣльнымъ управленіемъ и безъ отдѣльнаго парламента, слияніе есть разрушеніе, безчестіе, покореніе, а не слияніе. Но я все-таки не отчаяваюсь въ своей странѣ. Я вижу ее въ обморокѣ, но она не умерла. Хотя она и лежитъ въ гробѣ безпомощная и недвижимая, но на устахъ ея замѣтенъ духъ жизни, а на щекахъ—румянецъ красоты... И я останусь при ней съ вѣрою въ ея счастіе, съ вѣрою въ ея независимость, съ вѣрою въ нее, павшую!» Билль былъ принятъ большинствомъ 118 голосовъ противъ 73. Когда, послѣ голосованія, вице-король, лордъ Кастльри, предложилъ палатѣ дать обычное постановленіе о выполненіи билля, одинъ членъ воскликнулъ: «что касается меня, то я требую, чтобы билль былъ сожженъ!» на что другой депутатъ отвѣтилъ: «да, и сожженъ рукою палача!» Въ англійскомъ парламентѣ противъ билля безуспѣшно боролись Шериданъ, а въ верхней палатѣ лордъ Байронъ, назвавшій присоединеніе Ирландіи «союзомъ акулы съ своей жертвой». Но всякое сопротивленіе было напрасно, и 1 августа утвержденный королемъ билль сдѣлался закономъ; «Ирландія была продана», говорилъ народъ. Національный долгъ Ирландіи, составлявшій передъ союзомъ только $5^1/_2$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, уже въ 1801 г. возросъ до 23,000,000!

Союзъ повергъ всю страну на нѣкоторое время въ безсильное отчаяніе. Только часть уцѣлѣвшихъ отъ погрома 1798 г. соединенныхъ ирландцевъ, подъ руководствомъ Роберта Эммета, составила обширный заговоръ, чтобы возстать одновременно съ условленною высадкою французовъ въ августѣ 1803 года. Нѣсколько сотъ заговорщиковъ, съ Эмметомъ во главѣ, должны были овладѣть дублинскою цитаделью и тѣмъ дать сигналъ къ общему возстанію. Но они потерпѣли рѣшительную неудачу, вслѣдствіе чего масса не поднялась, а Эмметъ и генералъ Россель сложили свои головы на эшафотѣ.

VI.

Въ XVIII вѣкѣ, благодаря реформамъ и сильному интеллектуальному движенію, положеніе Ирландіи нѣсколько улучшилось; пища и вообще жизнь земледѣльца, совершенствовались, и народонаселеніе стало быстро увеличиваться. Въ 1712 г. въ Ирландіи было 2,000,000 жителей, число которыхъ возрастало очень медленно до 1767 г. (2,554,276 человѣкъ), но съ этого года размноженіе пошло быстро, и въ 1791 г. было уже 4,206,612 жителей. Распространеніе образованія, уничтоженіе деморализующаго вліянія уголовныхъ законовъ, дарованіе избирательныхъ правъ католикамъ, пара-

ментская школа политическаго образованія, театръ, столь популярный въ Ирландіи XVIII в., нѣсколько писателей и великихъ ораторовъ—все это содѣйствовало умственному развитію высшихъ и среднихъ классовъ общества. Союзъ съ Англіей утвердилъ въ Ирландіи всѣ политическія права и учрежденія конституціонной страны — независимость судей, судъ присяжныхъ, отвѣтственность чиновниковъ передъ судебной властью, право петицій, право сходокъ, неприкосновенность личности, прессы, ученія и т. д. Союзъ съ Англіей далъ сильный толчокъ развитію промышленности и торговли. Проложены новыя дороги, земледѣліе улучшилось, одежда, пища и жилища народа тоже стали получше, а доходы его съ 475,732 ф. въ 1800 г. поднялись въ 1829 г. уже до 1,979,780 ф. ст. Торговля съ Англіей развивалась такъ:

	въ 1801 г.	въ 1830 г.
привезено въ Ирландію на	3,270,350	7,048,963 ф. ст.
вывезено	3,537,725	8,531,355 ф. ст.

Въ частности привезено изъ Англіи:

	въ 1801 г.	въ 1825 г.	
бумажныхъ тканей	44,314	4,996,885	ярдовъ,
шерсти	147,028	1,112,774	фунт.
угля	315,345	738,453	тоннъ.

Въ 1806 г. Ирландія вывезла 3,611,236 ярдовъ полотна, въ 1830 г. 7,947,413 ярдовъ.

Англичане любятъ хвастать этими цифрами и хвалиться благодѣяніями, которыми они осыпали Ирландію. «Какое бы то ни было разумное требованіе ирландцевъ было выполняемо съ полною готовностью,—говоритъ Джервисъ.—Но никакія уступки, никакія благодѣянія не могли привлечь сердецъ ирландскаго народа. Напрасно тратились громадныя суммы на сооруженіе дорогъ въ горныхъ мѣстностяхъ, на осушку болотъ, на улучшеніе жилищъ и канальнаго судоходства».

Но могло ли и быть иначе?

Англія не сдѣлала ничего, чтобы ослабить вѣковую ненависть ирландцевъ и заставить ихъ забыть прошлое. Упомянутый прогрессъ приносилъ пользу только Англіи да высшимъ классамъ Ирландіи; что же касается массы народа, то, не смотря на нѣкоторыя наружныя улучшенія, положеніе ея постепенно ухудшалось. Система землевладѣнія, о которой мы будемъ говорить ниже, превратила ирландцевъ въ націю нищихъ, полунагихъ, невѣжественныхъ, голодныхъ, умиравшихъ съ голода. Страна имѣла земледѣльческій характеръ; въ ней вовсе не было средняго класса, а были только бѣдняки-плебеи да насажденная Англіей богатая и могущественная аристократія, которая большею частью не живетъ въ своихъ имѣніяхъ. «Ирландская аристократія, къ несчастію, никогда не боялась и никогда не надѣялась на подвластный ей народъ; опираясь на Англію, солдаты которой всегда были готовы къ ея услугамъ, она могла беззаботно предаваться произволу. Эта аристократія поддерживала въ Ирландіи на счетъ католиковъ англиканскую государственную церковь и, въ свою очередь, пользовалась поддержкою послѣдней. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Ирландіи считалось около 800,000 протестантовъ и для нихъ существовало 4 церковныхъ провинціи, 32 епархіи, 1,390 бенефицій и 2,450 приходовъ. Были цѣлыя епархіи, населенныя исключительно католиками, что однакожъ не мѣшало содержать въ нихъ полный штатъ англиканскаго духовенства. Въ 151 протестантскомъ приходѣ не было ни одного протестанта. Получая свои должности какъ синекуры, англиканскіе духовные сплошь и рядомъ не жили въ мѣстахъ своего мнимаго служенія. Въ 1830 году изъ 1,305 бенефиціантовъ 377 не жили въ своихъ приходахъ, а въ 1835 году было 500 бенефицій, въ которыхъ не жили ни пасторы, ни викаріи. Кромѣ церковной десятины, взимавшейся съ ирландцевъ, это духовенство съ 1800 г. стало получать отъ парламента ежегодно 782,061 ф. ст. Оно накопляло громадныя богатства и вело самую роскошную жизнь. Архіепископъ получалъ въ годъ жалованья до 100,000 рублей, епископъ отъ 75,000 до 25,000 р. Въ качествѣ аристократіи, это духовенство оказывало громадное вліяніе на управленіе страной, и множество принадлежавшихъ къ нему лицъ занимало въ то же время такія важныя должности, какъ, напр., мировыхъ судей. Въ рукахъ же духовенства сосредоточивалось все народное образованіе, и ирландцы попрежнему должны были или оставаться невѣждами, или же учиться въ протестантскихъ школахъ. Дублинскій университетъ существовалъ для протестантовъ и болѣе походилъ на духовную академію, чѣмъ на университетъ. Основанныя въ 1733 году мірскія школы для католиковъ сдѣлались орудіемъ протестантской пропаганды и потеряли всякую популярность. Съ 1733 по 1824 годъ изъ этихъ школъ вышло только 12,745 дѣтей, воспитаніе которыхъ стоило однакожъ 1,612,100 ф. ст.! Дѣти здѣсь не учились даже читать, а работали на своихъ учителей, которые обходились съ ними съ варварскою жестокостью. И за все это несчастные ирландскіе католики должны были содержать господствующую церковь, которая не имѣла никакихъ успѣховъ даже въ своей собственной миссіи, такъ какъ въ 1672 году протестанты относились къ католикамъ какъ 3:7, а въ XIX вѣкѣ уже какъ 3:12. Англиканская церковная десятина, непопулярная даже между протестантами, возбуждала въ ирландскихъ католикахъ страшную ненависть и была причиною постоянныхъ мятежей. Большею частію ее приходилось взыскивать посредствомъ силы. Ирландцы съ примѣрнымъ упорствомъ защищались отъ десятины, вели тяжбы по всѣмъ инстанціямъ и часто издерживали на процессы гораздо больше, чѣмъ числилось на нихъ церковной недоимки. Судъ, конечно, никогда не рѣшалъ въ пользу должника. «Истецъ распоряжался захватить скотъ его,—говоритъ Бомонъ,—но его не находятъ; онъ спрятанъ еще вчера. При помощи усиленныхъ розысковъ скотъ открываютъ; тогда собирается народъ и прогоняетъ сборщиковъ. Требуютъ полицейскую команду; но едва только она вступаетъ въ путь туда, куда ее звали, какъ сигналы на горахъ, условныя восклицанія,

звуки пастушьихъ роговъ даютъ знать всей окрестности о приближеніи военной силы; эти звуки раскатываются всюду эхомъ, всѣ деревни въ движеніи, хижины волнуются; каждому извѣстенъ сборный пунктъ. Туда бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, собираются, толкуютъ, совѣтуются, поощряютъ другъ друга къ сопротивленію; гудитъ набатъ; констэбли приближаются. Они пришли, и съ ихъ помощью судебные пристава, наконецъ, овладѣваютъ добычей. Но пока они описываютъ захваченные предметы, народъ воспламеняется; жалѣютъ несчастнаго, который подвергся этой конфискаціи; семья плачетъ, жена и дѣти ухватываются за предметы, забранные полиціей; слышится громкій говоръ о томъ, что причиною всѣхъ этихъ строгостей, этого несчастія, этого горя служитъ протестантское духовное лицо, богатѣющее на счетъ бѣднаго католическаго народа; раздаются крики ужаса; негодованіе и гнѣвъ усиливаются, слышится страшный ропотъ народной мести; буря быстро приближается. И вотъ въ одно мгновеніе агенты власти осыпаны градомъ ругательствъ, угрозъ, ударовъ... Тогда протестантскій пасторъ, онъ же и мѣстный мировой судья, появляется на сценѣ, читаетъ народу законъ о бунтахъ (the riot act) и приказываетъ констэблямъ стрѣлять въ народъ. Ему повинуются. Съ этого момента ярость толпы уже не знаетъ предѣловъ. Народъ, который считаютъ обезсиленнымъ и подавленнымъ, потому что онъ обезоруженъ, находитъ все-таки на землѣ, попираемой его ногами, оружіе, достаточно сильное, чтобы нанести вредъ непріятелю. Послѣ кратковременной свалки половина констэблей остается на мѣстѣ, убитая ударами камней, а другая половина ретируется, оставляя толпу, опьянѣвшую отъ успѣха и отъ своей кровавой побѣды». Иногда даже военными командами невозможно было собрать десятины. Въ 1831 году за католиками было церковной недоимки 104,000 ф. ст., и изъ этой суммы, послѣ многихъ побоищъ и кровопролитія, правительство могло взыскать только 12,000, истративъ на это взысканіе 15,000 ф. ст.! Иногда конфискуемые предметы католики отдавали безъ сопротивленія, но ихъ никто не покупалъ съ аукціона, а если кто изрѣдка осмѣливался купить, того убивали. Начали отправлять конфискованное въ Дублинъ, но его отбивали на дорогѣ. Начали эти поѣзды конвоировать войсками, вещи довозились до Дублина, но и здѣсь не находили ни одного покупателя. Тогда прибѣгли къ послѣднему средству: стали конфискованное имущество отправлять моремъ въ Англію; но и въ Ливерпулѣ ни одинъ англичанинъ не рисковалъ такой покупкой.

За исключеніемъ сѣвера Ирландіи, гдѣ народонаселеніе состоитъ изъ двухъ почти равныхъ половинъ, протестантской и католической, гдѣ народъ, какъ увидимъ ниже, относительно благоденствуетъ и распадется не на очень враждебные одинъ другому слои,—вся остальная Ирландія послѣ присоединенія, какъ и до него, представляла собою сплошной контрастъ протестантскаго богатства и католическаго нищенства. Масса землевладѣльцевъ состояла изъ протестантовъ, масса же несчастныхъ земледѣльцевъ была католическая. Хотя уголовные законы были уничтожены, хотя католики получили избирательныя права, но ихъ безправность далеко еще не была изглажена, и Ирландія продолжала существовать для протестантской аристократіи. Она имѣла въ парламентѣ только представителей протестантскихъ интересовъ, и обѣщаніе эманципаціи, данное католикамъ за поддержку союза, не было выполнено. Въ Дублинѣ сидѣлъ протестантскій вице-король, окруженный царскою пышностью и поддерживавшій интересы той ирландской аристократіи, которая продала страну Англіи и въ теченіе столѣтій управляла ею на основаніи легальной фикціи, что *въ Ирландіи нѣтъ католиковъ*. Всѣ полицейскія и судебныя мѣста были заняты протестантами; католиковъ старались не допускать даже въ составъ присяжныхъ, и рѣдко дозволяли имъ поступать въ корпорацію адвокатовъ. Судьи, присяжные, адвокаты большею частію были чужды подсудимымъ и по языку, и по національности, и по вѣрѣ, и по общественному положенію. Судебный процессъ поэтому представлялъ собою зрѣлище двухъ враждебныхъ лагерей—судей и подсудимаго; народъ всегда принималъ сторону послѣдняго, а судъ опирался на сочувствіе аристократіи, солдатъ и констэблей. Народъ питалъ ярую ненависть и къ суду, и къ закону, и къ ихъ представителямъ, которые не могли ни ограждать своей личной безопасности, ни исполнять своихъ постановленій безъ помощи вооруженной силы. Внутреннее самоуправленіе страны имѣло такой же характеръ, какъ и судъ. Вотъ, напр., большое жюри, которое рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду малаго жюри, управляетъ графствомъ и облагаетъ его налогами; члены его назначались шерифомъ изъ мѣстной аристократіи и служили интересамъ только протестантскихъ собственниковъ, взваливая на католиковъ всю тяжесть налоговъ и совершая такія злоупотребленія, которыя вошли въ Англіи въ пословицу. Тотъ же принципъ господствовалъ и въ городскихъ корпораціяхъ, имѣвшихъ свою верхнюю палату (board of aldermen) изъ болѣе крупныхъ и нижнюю (common council) изъ менѣе крупныхъ протестантскихъ собственниковъ. Члены этихъ городскихъ олигархическихъ управленій доходили до того, что избирали другъ друга, назначали себѣ преемниковъ, продавали сами себѣ городскія земли, присвоивали себѣ городскую казну. Католики почти вовсе не допускались въ эти корпораціи, олигархическая малочисленность которыхъ доходила до того, что въ богатомъ и многолюдномъ Бельфастѣ городская корпорація состояла изъ 15 человѣкъ, подъ властью которыхъ находилось все остальное городское народонаселеніе. Тотъ же олигархическій протестантскій характеръ носили и приходскія общины.

Такимъ образомъ, все существовало для протестантовъ, которые хотя и распадались на нѣсколь-

:о партій, но католики ко всѣмъ имъ относились іолѣе или менѣе враждебно. Партія оранжистовъ, келавшая такого же господства протестантовъ, какое существовало въ XVII в., состояла изъ людей крайне отсталыхъ, не останавливавшихся ни передъ преступленіемъ, ни передъ заговоромъ, и, въ случаѣ своего успѣха, не замедлила бы подвергнуть Ирландію всѣмъ ужасамъ средневѣковыхъ религіозныхъ гоненій. Партія торіевъ стояла за сохраненіе statu quo и противъ эманципаціи католиковъ; въ составъ ея входили высшая аристократія и англиканское духовенство. Партія виговъ, въ родѣ Гратгана и волонтеровъ, стремилась къ полной конституціонной свободѣ въ англійскомъ духѣ и къ религіозной равноправности. Наконецъ, радикальная партія—пресвитеріане, остатки соединенныхъ ирландцевъ, часть мелкихъ фермеровъ—сливалась съ ирландской демократической партіей и не меньше католиковъ была виновна въ аграрныхъ преступленіяхъ. Не смотря, однакожъ, на то, что нѣкоторыя протестантскія партіи имѣли много общаго съ католиками, между послѣдними и протестантами продолжались вообще старая вражда и прежняя раздѣльность, доходившія до матеріальной осязательности. Гостиницы, митинги, балы, обѣды, даже дороги, каналы и рѣки—все раздѣлялось на протестантское и католическое. Между завоевателями и побѣжденными существовала пропасть, и послѣдніе, какъ всегда бываетъ съ народомъ въ ихъ положеніи, составляли прежде всего одну, національную партію, которая заботилась лишь о томъ, чтобы «Ирландія принадлежала ирландцамъ и управлялась согласно съ ирландскими идеями». Но въ этой, по наружности единой партіи существовали такія же фракціи, какъ и между протестантами,—фракціи, которыя не замедлили бы стать во враждебныя отношенія другъ къ другу тотчасъ же по достиженіи общей національной цѣли. Старое туземное дворянство (old stock), воспитанное въ англійскомъ духѣ, стремилось къ самостоятельности и ненавидѣло протестантовъ, желая занять мѣсто и вступить въ права англійскихъ землевладѣльцевъ. Даже въ это время католическіе ландлорды относились къ народу не лучше протестантскихъ. Католическая буржуазія, начавшая развиваться послѣ отмѣны уголовныхъ законовъ, энергически боровшаяся за свободу торговли и промышленности и за эманципацію католиковъ, стояла ближе къ народу, чѣмъ old stock, хотя и не имѣла на массу сильнаго вліянія. Силы этой буржуазіи и стараго дворянства были ничтожны сравнительно съ силами народной партіи, обнимавшей всю массу націи. Въ продолженіе цѣлыхъ семи столѣтій народъ находилъ единственную нравственную опору и утѣшеніе въ своей церкви и ея духовенствѣ, которое пріобрѣло абсолютную власть надъ умами его. Въ другихъ странахъ католическое духовенство, имѣвшее одни интересы съ высшими классами, относилось къ народу свысока и католическое иго было самымъ невыносимымъ. Въ Ирландіи же духовенство было гонимо высшими классами, оно страдало вмѣстѣ съ народомъ, жило на счетъ народа, и интересы церкви сливались съ интересами народной массы. Хотя какъ увидимъ ниже, вліяніе духовенства оказалось рѣшительною помѣхою умственному развитію націи, но въ настоящее время мы обращаемъ вниманіе только на то, что духовенство поддерживало демократическій характеръ страны, было единственною властью, которую признавалъ и любилъ народъ и которая, руководя имъ, всегда соображалась съ его существенными интересами, покорялась его стремленіямъ, старалась быть демократическою. Духовенство принимало самое дѣятельное участіе въ политической жизни народа, руководило выборами, политическими обществами, устраивало манифестаціи, предписывало сопротивленіе сборщикамъ протестантской десятины, возбуждало народныя страсти и, въ случаѣ надобности, усмиряло ихъ однимъ своимъ словомъ. Въ сущности, Ирландія была завоеванной, но постоянно волнующейся страной, верховное управленіе которой сосредоточивалось въ левитскомъ сенатѣ.

VII.

Въ такомъ положеніи былъ несчастный «зеленый островъ» передъ той замѣчательной эпохой, исторія которой вполнѣ слилась съ біографіей одного человѣка, имѣвшаго полное право сказать о себѣ: «Ирландія—это я».

То былъ Даніель О'Коннель (родился 1775 г., умеръ 1847 г.), потомокъ древней ирландской фамиліи, игравшей немаловажную роль и извѣстной своими подвигами. То были не рыцарскіе подвиги континентальнаго барона, а отважныя предпріятія стариннаго ирландскаго аристократа, не походы въ Палестину для войны съ невѣрными, а борьба съ саксонскими завоевателями, не турниры, а контрабандная торговля, стычки съ таможенною стражей, участіе въ аграрныхъ преступленіяхъ. По странному совпаденію, гербъ этой фамиліи имѣлъ девизомъ «Oculus O'Connel Salus Hiberniae» (глазъ О'Коннеля—спасеніе Ирландіи), словно пророчество, которое вполнѣ сбылось, когда отъ этой фамиліи произошелъ тотъ, кого вся нація назвала своимъ освободителемъ... О'Коннель въ первый разъ выступилъ на общественное поприще въ роли адвоката. Когда парламентъ готовъ уже былъ продать Ирландію, когда задавленный народъ таилъ въ себѣ страшное негодованіе по поводу сдѣлки присоединенія, ирландскіе адвокаты собрались, подъ надзоромъ войска, въ зданіи дублинской биржи, чтобы протестовать противъ союза. Здѣсь-то О'Коннель произнесъ свою первую рѣчь, «содрагаясь отъ звуковъ своего собственнаго голоса», какъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи. Въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности онъ уже составилъ программу, выполненію которой была посвящена вся его жизнь: пробудить энергію и политическое самосознаніе народа, добиться эманципаціи католиковъ, возстановить ирландскій парламентъ, уничтожить въ Ирландіи господствующую церковь, водворить полное религіозное равенство, совершить парламентскую реформу, ввести свободу торговли,

всеобщую подачу голосовъ, тайную баллотировку, упразднить палату лордовъ. Для совершенія этого О'Коннель задумалъ приложить къ политикѣ силу католическаго духовенства, сдѣлать патеровъ правителями страны, а самому сдѣлаться главою и руководителемъ патеровъ. Самъ О'Коннель былъ искреннимъ католикомъ, любилъ ирландскую церковь, считая ее ковчегомъ спасенія для своей націи, уважалъ духовенство, судьбы котораго были такъ тѣсно связаны съ судьбами народа. Но при всемъ томъ въ немъ не было и тѣни католическаго ханжи. «Мы—ирландскіе католики, а не рабы Рима», говорилъ онъ: «сколько угодно обращайтесь въ Римъ за религіей, но отнюдь не за политикой». Самая трудная задача этого необыкновеннаго человѣка заключалась въ томъ, чтобы держать народъ въ состояніи конституціоннаго возбужденія до тѣхъ поръ, пока не будетъ выполнена его программа. Онъ хотѣлъ конституціонной войны, мира безъ малѣйшаго спокойствія, сопротивленія безъ насильственныхъ нарушеній закона. Онъ хотѣлъ сплотить всю націю въ одно общество, постоянно поддерживать ея грозное, взволнованное состояніе, но никогда не допускать до открытыхъ насильственныхъ столкновеній съ властью и учрежденіями, противъ которыхъ были направлены всѣ ея страсти. И О'Коннель выполнилъ эту, повидимому, невыполнимую задачу; мало того, что, по выраженію новѣйшаго историка Англіи, «онъ сумѣлъ стать на самой границѣ государственной измѣны, не выходя изъ предѣловъ права», онъ еще сумѣлъ помѣстить на этой границѣ и удерживать на ней въ продолженіе тридцати лѣтъ цѣлую націю. Одинъ изъ первыхъ законовѣдовъ и адвокатовъ своего времени, лучшій знатокъ своей страны и народа, О'Коннель былъ однимъ изъ величайшихъ ораторовъ новаго времени. «Онъ обладалъ голосомъ почти безпримѣрнаго совершенства,—говоритъ Лекки.—Своими пріятными и мелодическими звуками онъ наполнялъ самую обширную аудиторію, передавая въ то же время съ самою утонченною гибкостью малѣйшіе оттѣнки чувства». Онъ былъ одинаково силенъ какъ въ аргументаціи, такъ и въ способности дѣйствовать на чувство; его юморъ и остроуміе производили взрывы хохота, его сарказмы приводили слушателей въ бѣшенство, а чувствительность вызывала рыданія и слезы. Великій на трибунѣ адвоката и въ палатѣ общинъ, онъ былъ, однакожъ, преимущественно народнымъ ораторомъ. «Десятки тысячъ слушателей,—говоритъ тотъ же авторъ,—были подъ полною властью его волшебнаго голоса, заливались слезами или помирали со смѣху, пылали самымъ нетерпѣливымъ энтузіазмомъ негодованія, но всегда были сдерживаемы въ извѣстныхъ границахъ, такъ что на этихъ многолюдныхъ собраніяхъ никогда не случалось ни мятежныхъ или незаконныхъ дѣйствій, ни пьянства, ни безпорядковъ. Геній его въ дѣлѣ контроля и управленія былъ еще болѣе великъ, чѣмъ въ дѣлѣ возбужденія. Не было струны въ сердцѣ человѣческомъ, на которой бы не могъ играть онъ. Другіе ораторы изучали риторику, О'Коннель изучалъ человѣка». Идолъ народа, О'Коннель былъ страшилищемъ парламента, изящные джентльмены котораго въ особенности негодовали на рѣзкость его тона. Энергія и неутомимость О'Коннеля были изумительны: онъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ преніяхъ парламента, заправлялъ дѣлами и финансами учрежденнаго имъ патріотическаго общества, руководилъ выборами, искрещивалъ страну по всѣмъ направленіямъ, постоянно собиралъ митинги, сплошь и рядомъ говорилъ по нѣскольку рѣчей въ день, писалъ статьи въ газеты и т. д. Разсчитано, что въ теченіе года не проходило ни одного дня, который не былъ бы ознаменованъ рѣчью, газетной статьей, парламентскимъ преніемъ или письмомъ О'Коннеля. Правда, что съ такими громадными достоинствами въ немъ соединялись и крупные недостатки. Онъ любилъ свою власть надъ народомъ; получивъ хорошее воспитаніе во Франціи, онъ однакожъ отличался грубостью, притворствомъ, невѣжливостью, способностью быстро переходить отъ самой притворной лести къ самой ожесточенной брани. Но почти всѣ эти недостатки были недостатками ирландскаго крестьянина, и, аристократъ по происхожденію, О'Коннель съ этими недостатками былъ еще милѣе народу, чѣмъ былъ бы безъ нихъ. Народъ обожалъ его. На него были устремлены взоры всей Европы, и ненависть враговъ равнялась обожанію его поклонниковъ. «Никогда, вѣроятно, не бывало человѣка, котораго бы въ одно и то же время такъ любили и такъ ненавидѣли,—говоритъ Лекки,—и сомнительно, чтобы кто-нибудь другой изъ общественныхъ дѣятелей его времени былъ предметомъ столькихъ похвалъ и порицаній. Впрочемъ, послѣднихъ было гораздо больше. Въ продолженіе многихъ лѣтъ вся англійская пресса и значительная часть ирландской не переставали нападать на него. Всѣ политическія партіи Англіи были соединены враждою къ нему, а въ парламентѣ онъ одинъ выносилъ всѣ нападки государственныхъ людей и ораторовъ, имѣвшихъ самыя различныя политическія мнѣнія». Нѣ разъ эти столкновенія доходили до дуэлей. Въ 1815 г. О'Коннель убилъ на дуэли нѣкоего Д'Эстерре; въ томъ же году ему сдѣлалъ вызовъ Пиль, но этотъ поединокъ успѣли разстроить. Въ числѣ враговъ О'Коннеля было множество сильныхъ и очень даровитыхъ личностей; но и между друзьями его были люди весьма способные и полезные ему. Таковы были замѣчательный ораторъ и политическій дѣятель Ричардъ Шиль, знаменитый проповѣдникъ и организаторъ обществъ трезвости патеръ Матью и задушевный другъ О'Коннеля Томъ Стиль, протестантъ, но завзятый ирландецъ, энтузіастъ, человѣкъ кроткій, умѣвшій добрымъ словомъ своимъ усмирять самую разъяренную толпу. Употребивъ свое состояніе на военную экспедицію противъ испанскихъ карлистовъ, Стиль прожилъ всю свою остальную жизнь бѣднякомъ около О'Коннеля, будучи его фактотумомъ, тѣлохранителемъ, посломъ, тѣнью, кучеромъ,—всѣмъ, чѣмъ

угодно. Его любовь къ «руководителю и отцу отечества» была безгранична. «Если бы О'Коннель сказалъ мнѣ,—говоритъ онъ,—«сядь на мину, ее сейчасъ взорвутъ, и ты потеряешь жизнь, но это нужно для блага Ирландіи», то я не замедлилъ бы сдѣлать это».

Лишивъ Ирландію независимаго положенія, возбудивъ общее недовольство ея присоединеніемъ и не исполнивъ данныхъ обѣщаній относительно эманципаціи католиковъ, Англія, однакожъ, оставила Ирландіи всѣ средства для общественнаго развитія—свободу печати, сходокъ и ассоціацій, право петицій. Подавленіе мятежей 1798 и 1803 г., военное положеніе и отмѣна акта habeas corpus въ 1800, съ 1802 по 1805, съ 1807 по 1810, съ 1814 по 1817, съ 1822 по 1824 г. еще болѣе усиливали общее недовольство, проявленіями котораго они были вызываемы. Вопросъ объ эманципаціи католиковъ поднимался въ парламентѣ въ 1813, 1816, 1819, 1821, 1822, 1827 годахъ, но билли проваливались одинъ за другимъ, и это еще болѣе волновало умы ирландцевъ, которые настойчивѣе и настойчивѣе требовали эманципаціи, вмѣстѣ съ другими реформами, и даже расторженія (repeal) союза. Министры и парламентъ Англіи вели себя такъ, какъ будто нарочно желали придать ирландскому движенію самое крайнее направленіе. «Желая расторженія союза,—говоритъ О'Коннель въ 1813 г.,—я могу только радоваться, видя, какъ наши враги содѣйствуютъ достиженію этой великой цѣли. Да, они содѣйствуютъ неизбѣжному успѣху нашихъ желаній своею упорною враждою къ Ирландіи. Они оттягиваютъ эманципацію католиковъ, но щедро вознаграждаютъ насъ за это, подвигая впередъ дѣло возстановленія Ирландіи». Въ 1805 г. въ Ирландіи начали организоваться ассоціаціи расторженія союза. Въ 1806 г. снова начались аграрныя преступленія и мятежи противъ десятины. Въ то же время положено начало и католической ассоціаціи, цѣлью которой было распространеніе религіознаго образованія и достиженіе эманципаціи мирными, легальными средствами—петиціями, митингами и т. д. Для подавленія мятежей въ Ирландіи введено было осадное положеніе (1807—1810, 1814—1817 гг.), а для обузданія агитаціи въ пользу равноправности католиковъ католическая ассоціація была объявлена въ 1807 г. незаконною. Но она продолжала существовать и въ 1814 г. приняла названіе католическаго комитета, состоявшаго изъ католическихъ пэровъ, прелатовъ и выборныхъ представителей графствъ, по 10 отъ каждаго. Комитетъ тотчасъ же былъ объявленъ незаконнымъ и принялъ названіе конвенціи. Въ 1814 г. запретили и конвенцію, но уже въ 1823 г. мы видимъ католическую ассоціацію въ полной силѣ. Парламентъ распустилъ ее въ 1825 г., но она тотчасъ же организовалась вновь подъ именемъ національной ассоціаціи; потомъ она называлась всеобщей ассоціаціей, обществомъ предшественниковъ и т. д. О'Коннель отлично умѣлъ пользоваться своей адвокатской изворотливостью и знаніемъ законовъ для того, чтобы, постоянно измѣняя организацію и названіе этого общества, избавлять его отъ прежнихъ запрещеній, относившихся къ нѣсколько другой организаціи и другому названію. Главнымъ организаторомъ этой ассоціаціи, обнимавшей весь народъ, былъ тотъ же О'Коннель. Центральный комитетъ ассоціаціи, засѣдавшій открыто въ Дублинѣ и составленный изъ выборныхъ членовъ, регулярно собирался въ извѣстные сроки, обсуждалъ законы и правительственныя мѣры, велъ и обнародывалъ протоколы своихъ засѣданій, издавалъ постановленія, обязательныя для каждаго ирландца. Члены его избирались всеобщей подачей голосовъ, и онъ былъ въ сущности настоящимъ парламентомъ. Когда правительство объявило его незаконнымъ, то каждое собраніе его стало облекаться въ легальную форму частнаго митинга. Ассоціація взимала съ ирландцевъ правильный налогъ на общее національное дѣло и имѣла своихъ сборщиковъ податей. Когда налогъ этотъ былъ запрещенъ, то его стали уплачивать въ формѣ частныхъ пожертвованій и собирать подъ видомъ частныхъ подписокъ. Кромѣ этого налога, ассоціація собирала еще національное жалованье О'Коннелю, которое онъ тратилъ и на свое содержаніе, и на общественныя дѣла, и которое въ разные годы составляло отъ 13,000 до 26,000 фун. стерл.; О'Коннель руководилъ этой ассоціаціей, а она управляла всей Ирландіей. Она оказывала и нравственную, и матеріальную поддержку всѣмъ, кто не уплачивалъ десятины, въ особенности тѣмъ, кто, будучи въ состояніи уплатить ее, соглашался лучше идти въ тюрьму, чѣмъ платить. Нужно ли было подать петицію въ парламентъ, подогрѣть энергію народнаго движенія, тотчасъ же по волѣ ассоціаціи въ одинъ и тотъ же часъ въ каждой баронiи, въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ городѣ собирались митинги и дѣлали, что требовалось. Ассоціація при выборахъ составляла программы для кандидатовъ, рекомендовала ихъ народу, разъясняла ему его права и обязанности, нерѣдко запрещала на время выборовъ пьянство, и ни одной капли водки не было въ такихъ случаяхъ выпито на нихъ. Бѣдный ирландецъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за долги своему ландлорду, былъ освобожденъ имъ подъ условіемъ подать на выборахъ голосъ за торійскаго кандидата. Но когда онъ, поддавшись искушенію, явился въ избирательную залу, прибѣжала его жена и закричала ему: «опомнись, вспомни о своей душѣ и о свободѣ!» Фермеръ подалъ голосъ по совѣсти и вернулся въ тюрьму. Ассоціація, въ своемъ торжественномъ засѣданіи, наградила его жену серебряною медалью, на которой были выбиты ея собственныя слова: «вспомни о своей душѣ и о свободѣ». На однихъ выборахъ побитый кѣмъ-то ирландецъ жаловался другимъ, и на вопросъ: «почему ты не отвѣчалъ на удары ударами?»—сказалъ: «да я думалъ, что это запрещено ассоціаціей». Поддерживая «конституціонную инсуррекцію» и руководя ею, ассоціація и О'Коннель всегда были врагами тайныхъ обществъ и аграрныхъ преступленій, противодѣйствуя имъ всѣми средствами, какими только удобно было дѣйствовать въ ихъ положеніи.

«Совершающій преступленіе придаетъ силы врагу», говоритъ О'Коннель. Дѣятельность ассоціаціи далеко не ограничивалась агитаторской сферой; она основывала школы и благотворительныя заведенія, собирала налоги для нихъ, покровительствовала торговлѣ и промышленности и т. д.

Съ 1824 года ассоціація начала быстро расти и усиливаться, стремясь прежде всего къ равноправности католиковъ; для поддержки ея въ этомъ дѣлѣ организовались многочисленныя общества во Франціи, Германіи и Америкѣ. О'Коннель и Шиль носились по всей странѣ, воодушевляя народъ; всюду составлялись митинги, писались петиціи, агитировало духовенство. Въ 1828 г., когда вся Ирландія волновалась изъ конца въ конецъ, сдѣлалось вакантнымъ мѣсто депутата отъ графства Клэръ, и О'Коннель заявилъ себя кандидатомъ. къ общему изумленію всей Британіи, такъ какъ, въ качествѣ католика, онъ не имѣлъ на это никакого права. Всѣ силы духовенства и ассоціаціи были пущены для поддержки его кандидатуры. Съ каждой церковной каѳедры совѣтовали, убѣждали, умоляли католиковъ вотировать за «освободителя», а несговорчивымъ угрожали анаѳемой и вѣчной погибелью душъ ихъ. О'Коннелевскіе агитаторы дѣлали то же самое, хотя и въ другой формѣ. Стиль началъ свои операціи тѣмъ, что предложилъ дуэль каждому ландлорду, который вздумаетъ заправлять голосами своихъ фермеровъ. Съ другой стороны, вели не менѣе сильную агитацію ландлорды и протестанты; вся Англія волновалась «дерзостью» католиковъ, пасторы проклинали ихъ, оранжисты разжигали религіозный фанатизмъ, Питтъ и Каннингъ пустили въ ходъ все свое вліяніе; но О'Коннель побѣдилъ, былъ выбранъ, и не явился въ парламентъ только потому, что онъ былъ почти пустъ, такъ какъ сессія его кончалась. Ирландія торжествовала съ неописаннымъ восторгомъ свою первую побѣду, забитый народъ началъ сознавать свою силу и еще болѣе, чѣмъ прежде, обожать «освободителя». О'Коннель постарался довесть этотъ энтузіазмъ до высшей степени. Въ 1829 г., во избѣжаніе междоусобной войны, герцогъ Веллингтонъ внесъ билль объ эманципаціи католиковъ, который прошелъ въ парламентѣ не безъ борьбы, и сорока-шиллинговые арендаторы, поддержкѣ которыхъ, главнымъ образомъ, былъ обязанъ О'Коннель своимъ избраніемъ, были лишены права голоса. Эманципація далеко не удовлетворила ирландцевъ, которые были допущены въ парламентъ въ такомъ ограниченномъ числѣ, что не могли имѣть въ немъ никакого важнаго вліянія *). Они попрежнему должны были содержать протестантскую церковь; въ городскихъ корпораціяхъ, графствахъ, приходахъ они попрежнему оставались подъ давленіемъ протестантскаго меньшинства. Упраздненіе государственной церкви сдѣлалось вопросомъ дня; церковная десятина собиралась съ помощью штыковъ, но скоро и этимъ способомъ оказалось невозможнымъ собирать ее. За 1831 г правительство вынуждено было выдать духовенству, вмѣсто несобранной десятины, 60,000 фунтовъ ст., а въ слѣдующемъ году десятинная недоимка простиралась уже до 104,000 фунтовъ. Правительство рѣшилось само собирать ее, но оказалось, что издержки взиманія превышаютъ собранную сумму. Въ 1831 г. началось продолжительное возстаніе противъ десятины; убивали сборщиковъ, угрожали добровольнымъ плательщикамъ, сожигали фермы, истребляли пашни, избивали скотъ; въ 1832 г. подобныхъ преступленій было въ Ирландіи 9,000; однихъ только тайныхъ убійствъ было въ 1831 г. 247, въ 1832 г.—429, 1833 г.—387, 1834 г.—363; масса народа, средній классъ, даже часть аристократіи и все католическое духовенство участвовали въ движеніи. Военное положеніе 1833 и 1834 годовъ еще болѣе раздражало умы. Въ 1830 г. запрещенъ ввозъ оружія въ Ирландію, а въ 1834 г. запрещено имѣть его кому бы то ни было безъ дозволенія властей. Всѣ старанія ирландцевъ уничтожить десятину и упразднить государственную церковь встрѣчали почти единодушный отпоръ въ средѣ англійскаго общества, въ которомъ быстро размножались ложи оранжистовъ, имѣвшія своимъ главою герцога кумберлэндскаго, брата короля, а своимъ девизомъ — «церковь въ опасности; долой папство!» Въ Ирландіи оранжисты сплошь и рядомъ имѣли кровавыя столкновенія съ католиками, убивали даже дѣтей и женщинъ. Но ирландское волненіе все-таки было настолько сильно, что парламентъ вынужденъ былъ согласиться на нѣкоторыя уступки. Въ 1833 г. штаты господствующей церкви въ Ирландіи были сокращены, расходы уменьшены, многія должности упразднены,—тѣмъ дѣло и ограничилось. Доходы церкви все-таки простирались до 800,000 ф. ст.; одни только архіереи получали содержанія 60,000 фунтовъ ст. и жили съ царскою роскошью. Вотъ какъ одинъ путешественникъ описываетъ обстановку бѣднѣйшаго изъ архіепископовъ, кашельскаго. «Его дворецъ окруженъ прелестными садами; здѣсь собрано все, что можетъ услаждать чувства; клумбы прекрасныхъ цвѣтовъ перемѣшаны съ самыми рѣдкими кустарниками; тамъ и здѣсь самыя разнообразныя растенія; далѣе—уединенныя рощицы, издающія всевозможныя благоуханія; еще далѣе—чудныя скалы, а на вершинѣ ихъ древнія величественныя руины посреди лавровъ, акацій и лилій. Сюда идетъ изъ садовъ секретный ходъ, по которому святой пастырь шествуетъ въ это величественное уединеніе, гдѣ онъ размышляетъ о тлѣнности благъ міра сего». Вмѣ-

*) Въ верхней палатѣ:

Пэровъ Англіи	391
» Шотландіи . .	28
» Ирландіи . . .	16

Нижняя палата:

	жителей.	избирателей.	депутатовъ.
Англія на . . .	15,000,000	771,840	500
Шотландія . . .	2,620,000	47,772	53
Ирландія . . .	8,175,000	109,995	105

При пропорціональномъ равенствѣ должно было быть:

	избирателей.	депутатовъ.
Въ Шотландіи	141,500	82
» Ирландіи	420,000	256

сто упраздненія протестантской государственной церкви, англійское правительство хотѣло дать жалованье католическому духовенству Ирландіи, думая успокоить этимъ умы и разъединить духовенство съ народомъ. Но послѣдній возсталъ противъ этой мѣры, а духовенство съ достоинствомъ отказалось отъ такой сдѣлки. Между тѣмъ сборъ десятины сдѣлался совершенно невозможнымъ, и въ 1838 г. она была замѣнена поземельнымъ налогомъ, который хотя и взимался не съ крестьянъ, а съ ландлордовъ, но послѣдніе-то все-таки выжимали его съ своихъ фермеровъ. Понятно, что подобныя полумѣры не могли успокоить народа, который былъ сильно фанатизированъ и началъ развиваться умственно. Въ 1800 г. въ ирландскихъ школахъ было 200,000, а въ 1824 г. 456,000 учениковъ. Развившаяся въ Англіи буржуазія не противодѣйствовала образованію народа и готова была даже помогать ему. Въ 1831 и 1832 гг. была введена новая система свѣтскихъ школъ, не имѣвшихъ никакого сектаторскаго духа; въ 1845 г. основаны для ирландцевъ три свѣтскихъ же коллегіи; но даже эти вполнѣ цивилизаторскія предпріятія англійскаго правительства были встрѣчаемы католиками вполнѣ враждебно. Ирландское духовенство проклинало эти «безбожныя школы» и видѣло въ нихъ одну только прозелитскую затѣю протестантовъ, хотя то же самое правительство основало мэйнутскую католическую духовную семинарію. Даже самъ О'Коннель былъ противъ этихъ школъ, какъ и противъ англійской системы благотворительности. Не будучи сторонникомъ коренной аграрной реформы, противодѣйствуя даже той ирландской партіи, которая стремилась къ ней, ставя на первомъ планѣ политическое возрожденіе своей страны, О'Коннель хлопоталъ о расширеніи благотворительной системы, о правительственномъ покровительствѣ эмиграціи народа, объ ограниченіи національнаго ирландскаго порока, пьянства, посредствомъ обществъ трезвости. Въ виду ужасной нищеты ирландскаго народа, англичане въ тридцатыхъ годахъ открыли до сотни рабочихъ домовъ (workhouse) и ввели налогъ для бѣдныхъ. Но налогъ этотъ былъ принятъ, какъ новое отягощеніе. Начатая О'Коннелемъ въ 1838 г. агитація въ пользу церковной реформы не достигла своей цѣли, но зато хлопоты о реформѣ городскихъ общинъ увѣнчались успѣхомъ. Въ 1841 году англійская муниципальная реформа 1836 года была распространена на Ирландію; каждый городъ, имѣвшій болѣе 12,000 жителей, получилъ всѣ права самоуправленія, и католики получили возможность занять въ городскихъ корпораціяхъ должное мѣсто. О'Коннель былъ выбранъ лордомъ-меромъ города Дублина, совѣтъ котораго немедленно же послалъ въ парламентъ петицію о расторженіи союза съ Англіей.

Агитація въ пользу расторженія союза началась задолго до этого событія, и всѣ упомянутыя реформы были вынуждены у англійскаго парламента главнымъ образомъ этой агитаціей, которая не кончилась междоусобной войной только благодаря искуству и вліянію О'Коннеля. Мысль о расторженіи существовала еще до О'Коннеля, но онъ возвелъ ее въ политическій принципъ, онъ организовалъ «общество расторженія», онъ направилъ всѣ силы страны къ осуществленію своего завѣтнаго желанія видѣть Ирландію—

Великой, независимой и славной,
Первымъ цвѣткомъ на землѣ, лучшимъ перломъ морей *),

До О'Коннеля «расторженіе» увлекало собою только часть высшаго общества; онъ привилъ мысль о немъ массѣ всего народа, онъ воспользовался этой идеей, какъ средствомъ для политическаго и нравственнаго воспитанія народной массы. «Я понялъ,—говоритъ онъ,—что такой раздѣленный народъ, какъ ирландскій, не можетъ быть возрожденъ физическою властью,—это можно сдѣлать только посредствомъ моральной силы. Я довелъ крестьянъ до нравственной организаціи и полагаюсь на нихъ и на ихъ духовныхъ вождей. Я горжусь ими, это лучшій народъ въ мірѣ. Они сдѣлались нравственными, интеллигентными, они отстали отъ пьянства». Мы уже видѣли на примѣрѣ католической ассоціаціи, какъ сильна была нравственная организація, о которой говоритъ О'Коннель. Еще сильнѣе проявилась она въ «обществѣ расторженія» (repeal society), образовавшемся въ тридцатыхъ годахъ и обнимавшемъ собою почти всю націю. Центромъ общества былъ Дублинъ; оно имѣло свой правильный налогъ, взимавшійся особыми «агентами расторженія» (repeal wardens); одинъ только Дублинъ уплачивалъ въ годъ до 9,000 ф. ст. этого налога. Всѣ силы, средства и формы католической ассоціаціи перешли въ это общество, обладавшее такой силой и такимъ превосходнымъ устройствомъ, что англичане, презиравшіе до тѣхъ поръ ирландцевъ, устроили по образцу его свою знаменитую лигу противъ хлѣбныхъ законовъ. Весной 1834 г. О'Коннель внесъ въ парламентъ билль расторженія, и начались дебаты, продолжавшіеся девять ночей. Въ продолженіе шести часовъ «освободитель» излагалъ исторію преступленій, совершенныхъ Англіей надъ его отечествомъ, и доказывалъ выгодность для обѣихъ странъ федеральнаго союза, съ отдѣльными парламентами, при чемъ Ирландія сдѣлалась бы вѣрнымъ другомъ Англіи «въ счастіи и несчастіи, переставъ быть ея позоромъ, ея слабостью, ея опасностью». Билль былъ, конечно, отвергнутъ подавляющимъ большинствомъ 485 голосовъ, но въ то же время правительство сдѣлало заявленіе, что оно готовитъ для Ирландіи существенныя облегченія и реформы. О'Коннель убѣдилъ свою партію еще разъ испытать вѣрность обѣщаній и отложить агитацію расторженія на «шесть лѣтъ опыта» (6 years experiment). Вмѣсто исполненія обѣщаній, какъ мы уже видѣли, въ Ирландіи только замѣнили церковную десятину поземельнымъ налогомъ въ пользу той же церкви да реформировали городскія корпораціи. О'Кон-

*) «Great, glorious and free
First flower of the earth and first gem of the sea».

нель же крѣпко держалъ слово, рискуя потерять всю свою популярность, вооружался противъ тайныхъ обществъ. Шесть лѣтъ опыта прошли, и О'Коннель тотчасъ возобновилъ дѣятельность общества расторженія въ 1840 г. Для вербовки членовъ этого общества и его организаціи онъ изъѣздилъ по Ирландіи болѣе 5,000 англійскихъ миль, и число членовъ ассоціаціи возросло до 3,700,000 человѣкъ. Вся Ирландія какъ бы была покрыта сѣтью электрическихъ проволокъ, сосредоточивавшихся въ исполнительномъ совѣтѣ общества, въ Дублинѣ. «Зала этого совѣта,—говоритъ современникъ,—длинная и низкая, была уставлена столами и скамьями. Вокругъ средняго стола сидѣли горячо разсуждающіе люди, а въ передней половинѣ комнаты—человѣкъ богатырскаго сложенія, въ шляпѣ съ широкими полями; за нимъ стояло зеленое знамя Ирландіи съ золотою надписью: «расторженіе». На его усмотрѣніе предлагаются самые трудные вопросы; онъ рѣшаетъ недоразумѣнія, возникающія гдѣ-нибудь за сотни миль отъ него; ему передаются всѣ матеріалы для жалобъ, петицій и записокъ правительству. И онъ все рѣшаетъ съ волшебною быстротою, даетъ приказанія и совѣты, руководитъ всей страной, вноситъ систему въ движеніе, постоянно наблюдаетъ, чтобы никто не нарушалъ даже самаго маловажнаго закона. Никто не завидуетъ ему, потому что онъ стоитъ выше всякой конкуренціи». Къ орудіямъ, бывшимъ до тѣхъ поръ въ рукахъ О'Коннеля, въ это время прибавилось еще ново — газеты. Въ каждомъ ирландскомъ городѣ, вездѣ, гдѣ жили ирландцы, въ Англіи, Шотландіи, Америкѣ общество расторженія имѣло свои печатные органы. Въ 1846 г. въ Ирландіи было 106 газетъ, и большая часть ихъ стояла за repeal, особенно «Нація», основанная въ 1842 г., редакторъ которой, Деффи, вліялъ на народъ и своими статьями, и, еще болѣе, своими балладами, которыя съ 1845 по 1872 г. имѣли 38 изданій. Не менѣе популярны были и патріотическія баллады другого поэта, Девиса; это были ирландскія марсельезы. О'Коннель въ это время былъ на верху своей силы и славы, былъ, безспорно, первымъ человѣкомъ, на котораго устремлялись взоры всей Великобританіи. Ненависть къ нему англичанъ и особенно оранжистовъ была такъ велика, что нѣсколько разъ покушались на его жизнь, и О'Коннель выходилъ изъ дому не иначе, какъ съ конвоемъ волонтеровъ, которыхъ онъ называлъ своей полиціей. Зато въ Ирландіи онъ достигъ безпредѣльнаго могущества. Народъ, лорды меры и меры городовъ, муниципальныя корпораціи, духовенство—всѣ были за самостоятельность Ирландіи «подъ властью англійскаго госуларя, какъ короля Ирландіи, и съ ирландскимъ парламентомъ». О'Коннель составилъ уже проектъ выборовъ въ послѣдній и собиралъ деньги на постройку парламентскаго зданія. Монстръ-митинги 1844 года лучше всего выразили собою силу ирландскаго движенія. Не было ирландскаго графства, въ которомъ не собиралось бы митинга. 13 марта былъ митингъ въ 30,000 человѣкъ въ Тримѣ, 14 мая въ 100,000 въ Мюллингарѣ, 16 августа въ 300,000 чел. въ десяти миляхъ отъ Тора, а наканунѣ, вокругъ священнаго историческими воспоминаніями торскаго холма, на которомъ нѣкогда короновались короли Ирландіи, собрался митингъ въ 1,200,000 человѣкъ! Эти митинги собирались обыкновенно по воскресеньямъ, утромъ, на открытомъ воздухѣ, на какомъ-нибудь холмѣ. На разсвѣтѣ здѣсь уже можно было видѣть безчисленную толпу, разбитую на отдѣльныя кучки, стоявшія на колѣняхъ вокруъ своихъ священниковъ; съ сотни простыхъ алтарей поднимался ѳиміамный дымъ, и торжественная музыка мессы разносилась по вѣтру. О'Коннель стоялъ на платформѣ, окруженный духовенствомъ и приближеннѣйшими изъ своихъ послѣдователей. Передъ нимъ толпился безчисленный народъ, безъ всякаго шума, безпорядка, замѣшательства, организованный съ недосягаемымъ искусствомъ, проникнутый единодушнымъ энтузіазмомъ, управляемый умомъ одного человѣка. Правительство высылало на эти митинги войска, но они не встрѣчали здѣсь и тѣни безпорядковъ; только разъ толпа нечаянно опрокинула балаганъ старой торговки пряниками. Народъ встрѣчалъ О'Коннеля съ величайшимъ энтузіазмомъ; ему кланялись всѣ, какъ королю; пѣли національный гимнъ (God save the king), въ которомъ слово *король* было замѣнено словомъ *О'Коннель*; женщины, встрѣчая его на дорогѣ, падали на колѣни и со слезами призывали благословеніе неба на освободителя Ирландіи.

3 октября 1843 г. былъ назначенъ у Клонтарфа, около Дублина, митингъ, который своей многочисленностью долженъ былъ превосходить всѣ предшествующіе. На этомъ митингѣ народъ Ирландіи долженъ былъ составить петицію королевѣ о расторженіи союза. Въ то же время О'Коннель заявилъ, что онъ созоветъ въ Дублинѣ «совѣтъ трехсотъ», временной парламентъ, который, въ случаѣ отказа на петицію, приметъ на себя управленіе страной; а чтобы доказать способность Ирландіи къ самоуправленію, онъ учредилъ суды, тотчасъ пріобрѣвшіе общую популярность въ народѣ, который началъ обращаться съ своими дѣлами въ нихъ, а не въ королевскіе суды. Правительство узнало о митингѣ только наканунѣ, когда уже всѣ дороги были покрыты толпами, спѣшившими въ Клонтарфъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Предстояло столкновеніе войскъ съ народомъ, но О'Коннель убѣдилъ послѣдній покориться распоряженію, и толпы мирно разошлись по домамъ. Парламентъ разрѣшилъ судебное преслѣдованіе О'Коннеля. О'Коннель, сынъ его и нѣсколько товарищей были арестованы и преданы суду, который собрался только для формы, съ единственнымъ намѣреніемъ обвинить во что бы то ни стало. О'Коннеля приговорили къ годичному тюремному заключенію, къ штрафу въ 2,000 фунт. стерлинговъ и къ залогу въ 5,000 фунт., какъ гарантіи его хорошаго поведенія; его товарищи

были приговорены къ девятимѣсячному заключенію, къ штрафу въ 50 и залогу въ 1,000 ф. съ каждаго. О'Коннель аппелировалъ въ палату лордовъ и отправился въ тюрьму, передавъ президентство въ обществѣ расторженія знаменитому патріоту Смиту О'Бріену и увѣщевая ирландцевъ не нарушать спокойствія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его дѣло поступило на разсмотрѣніе палаты лордовъ, которую такъ оскорблялъ О'Коннель». Почти всѣ лорды были противъ О'Коннеля, и никто не сомнѣвался, что его аппеляція будетъ отвергнута. Но, по обычаю верхней палаты, дѣло его, какъ юридическое, должно было обсуждаться не всѣми пэрами, а только тѣми изъ нихъ, которые были извѣстны, какъ знаменитые юристы; ихъ рѣшеніе остальные лорды должны были только утвердить и признать за рѣшеніе всей палаты. Дѣло разсматривали пять лордовъ, и трое изъ нихъ подали мнѣніе въ пользу О'Коннеля. Вышелъ громадный скандалъ: та же самая палата, которая почти единогласно предала его суду, теперь оправдала его. Ирландія ликовала и волновалась до того, что угрожала возстаніемъ, но О'Коннель употребилъ все свое вліяніе, чтобы удержать ее отъ этой крайности. «Да, граждане,—говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—я сидѣлъ въ тюрьмѣ за васъ. Я страдалъ за отечество; я хотѣлъ бы еще страдать... Объявляю вамъ, что примиреніе невозможно и что мы добьемся расторженія союза. Но я долженъ еще разъ предупредить васъ противъ страшныхъ послѣдствій тайныхъ обществъ. Смотрите на меня. Развѣ я работаю секретно для успѣховъ моего дѣла, этого великаго дѣла, которое также и ваше, и всего человѣчества? Нѣтъ, я работаю при дневномъ свѣтѣ, передъ лицомъ всевидящаго Бога, и нѣтъ ничего тайнаго въ моихъ дѣйствіяхъ. Дѣйствуйте и вы такъ». Одна ирландская деревня оказала сопротивленіе власти, и О'Коннель, въ наказаніе за это, велѣлъ исключить ее изъ общества расторженія. О'Коннель надѣялся достичь своихъ цѣлей совершенно мирными средствами, и, по выраженію Лекки, «если бы во время его агитаціи началась война, если бы онъ прожилъ долѣе десятью годами, если бъ страшный голодъ не повергъ народа въ отчаяніе, — то кто можетъ утверждать, что его агитація не имѣла бы успѣха?»

Впрочемъ, вскорѣ же послѣ выхода изъ тюрьмы вліяніе О'Коннеля ослабѣло. Въ средѣ ирландцевъ впервые произошло серьезное раздѣленіе, благодаря развитію «молодой Ирландіи», во главѣ которой стояли О'Бріенъ и Мегиръ, юноша съ великимъ ораторскимъ талантомъ. Молодые ирландцы были, въ противоположность О'Коннелю, свободны отъ вліянія католицизма и стремились къ цѣли не мирнымъ путемъ, котораго такъ строго держался О'Коннель, а путемъ открытаго сопротивленія. Въ то же время нищета народа возрастала съ каждымъ днемъ, вызываемыя ею аграрныя преступленія усиливались, и, наконецъ, разразился надъ страной предсказанный О'Коннелемъ страшный голодъ 1846 г. Общество расторженія совершенно разстроилось, народъ пришелъ въ отчаяніе. О'Коннель палъ духомъ, былъ пораженъ страданіемъ мозга, поѣхалъ лѣчиться въ Италію и дорогою умеръ въ Генуѣ 15 мая 1847 г., 73 лѣтъ отъ роду. Каждый ирландецъ оплакивалъ его, какъ родного отца.

Хотя О'Коннель и не достигъ расторженія, но все-таки онъ принесъ неизмѣримую пользу Ирландіи, пробудивъ народъ и воспитавъ его для самостоятельной жизни, примиривъ съ его религіозностью чувство вѣротерпимости, развивъ въ немъ сознаніе собственной силы и достоинства и поставивъ въ этихъ отношеніяхъ нищихъ ирландцевъ впереди многихъ цивилизованныхъ націй. Черезъ годъ послѣ смерти О'Коннеля, партія молодой Ирландіи, подъ предводительствомъ О'Бріена, взялась за оружіе и начала революцію во имя «земли и свободы». И если это возстаніе не сдѣлалось поголовнымъ, то потому только, что страна была проникнута духомъ того, кого она называла отцомъ отечества. «Молодые ирландцы», разошедшіеся съ О'Коннелемъ еще при его жизни, въ 1848 г., подъ подъ вліяніемъ февральской революціи, отправили въ Парижъ О'Бріена съ другими депутатами просить временное правительство о помощи. Помощи этой они не получили, попытки увлечь «старую Ирландію» не удались вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, и все дѣло кончилось только незначительными вспышками.

VIII.

Экономическій прогрессъ Ирландіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія,—прогрессъ, которымъ гордятся англичане и о которомъ мы говорили выше,—былъ крайне одностороненъ. Зло, посѣянное семью вѣками, оставило глубокіе слѣды. Лѣса давно уже истреблены въ Ирландіи; земля, которая принадлежала нѣкогда народу, владѣвшему ею на общинномъ правѣ, путемъ частыхъ конфискацій и наслѣдственной передачи, перешла въ руки небольшого числа ландлордовъ англійскаго происхожденія. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Ирландіей владѣло только 8,000 собственниковъ, изъ которыхъ нѣсколькимъ сотнямъ человѣкъ принадлежало около $^2/_3$ всей ирландской земли. Между тѣмъ народу требовалось гораздо больше земли, и онъ началъ подвергаться болѣе сильнымъ стѣсненіямъ въ пользованіи ею, чѣмъ прежде. Относительное замиреніе страны и разведеніе картофеля, который, по своей дешевизнѣ, сдѣлался національной пищей ирландцевъ, имѣли своимъ результатомъ быстрое размноженіе народа. Въ Ирландіи жителей было:

Въ 1672 г.	1,320,000
» 1706 »	2,309,000
» 1792 »	4,088,000
» 1811 »	5,937,000
» 1821 »	6,801,000
» 1831 »	7,761,000

Въ 1834 г.	7,943,000
» 1841 »	8,175,000

А такъ какъ количество воздѣлываемой земли оставалось почти одно и то же, то земля, по мѣрѣ размноженія народа, $^{9}/_{10}$ котораго жило исключительно земледѣльческимъ трудомъ,—земля неизбѣжно должна была все болѣе и болѣе раздробляться на микроскопическіе участки. Чтобы увеличить доходность своихъ земель, ирландскіе ландлорды съ помощью англійскихъ издали законъ, воспрещавшій ввозъ чужестраннаго хлѣба (cornlaw). Законъ этотъ, поднявъ цѣны на хлѣбъ, увеличилъ доходы собственника, заставилъ земледѣльца питаться исключительно дешевымъ картофелемъ, а хлѣбъ сѣять только на продажу, для уплаты аренды. При этомъ масса нищихъ ирландцевъ могла снимать только самыя мелкія фермы, и вслѣдствіе усиленнаго спроса на нихъ, онѣ на 10 или 15% сдѣлались дороже крупныхъ. Хлѣбные законы довели Ирландію до ужаснаго состоянія. Высокія цѣны на хлѣбъ держались недолго, и, странно сказать, хорошіе урожаи сдѣлались народнымъ бѣдствіемъ! Вслѣдствіе урожаевъ, цѣны на хлѣбъ падали такъ низко, что земледѣльцы не имѣли сбыта для своего хлѣба или же продавали его такъ дешево, что не могли платить аренды. Произошелъ кризисъ 1815 г. Арендаторы не платили, откупщики, снимавшіе у ландлордовъ землю оптомъ, а потомъ раздававшіе ее отъ себя мелкими участками, разорились, и многіе изъ нихъ бѣжали; крупные землевладѣльцы понесли большіе убытки. Этотъ кризисъ повелъ за собой сильное и систематическое уменьшеніе количества пахотной земли. Ландлорды сочли выгоднымъ превратить пашни въ пастбища, чтобы откармливать на нихъ скотъ для англійскаго рынка. Для этого нужно было совершить *очистку* (clearing) помѣстій отъ фермеровъ, согнать ихъ съ земли, снести хижины и развести луга. Первый опытъ такой очистки en grand былъ сдѣланъ въ Ирландіи еще въ 1760 г., когда, въ видахъ выгодной продажи сыра и масла, начали сгонять фермеровъ и разводить вмѣсто нихъ скотъ. Затѣмъ, между 1815 и 1820 г., въ Шотландіи было очищено огромное имѣніе графини Сутерландъ, состоявшее изъ 400,000 гектаровъ земли. Разсказъ Сисмонди о томъ, какъ 15,000 жителей этого графства были согнаны съ своихъ земель, которыя потомъ превращены въ пастбища для барановъ, взволновалъ всю Европу. Результаты этой операціи оказались чрезвычайно выгодными, и ту же самую систему начали прилагать къ Ирландіи. Много помѣстій было очищено, но операція все-таки не могла достичь тѣхъ размѣровъ, въ какихъ ее предприняли ландлорды. Ирландцы оказали ей рѣшительное сопротивленіе; аграрныя преступленія увеличились. При всемъ томъ значительная часть земель была обращена въ пастбища, а оставшаяся подъ пашнями раздробилась еще на болѣе мелкіе участки, вслѣдствіе этой операціи и вслѣдствіе того, что народонаселеніе сильно прибывало. Чѣмъ бѣднѣе становился ирландскій народъ, тѣмъ сильнѣе плодился онъ. Человѣкъ, недошедшій до такого несчастнаго состоянія, хотя и бѣдный, напр., нѣмецкій крестьянинъ, прежде чѣмъ жениться, непремѣнно обзаводится чѣмъ-нибудь, хотя кроватью, столомъ да тремя парами бѣлья. Нищимъ же ирландцамъ не на что было обзаводиться, они женились тотчасъ по достиженіи половой зрѣлости и обильно плодились. Съ размноженіемъ семейства, ферма разбивалась на мелкіе участки, которые отецъ раздавалъ своимъ сыновьямъ. Каждый изъ послѣднихъ владѣлъ четырьмя или пятью акрами вмѣсто двадцати, которые обрабатывалъ отецъ ихъ; вмѣсто одной хижины, на фермѣ стояло теперь нѣсколько жалкихъ мазанокъ. Каждый изъ этихъ сыновей точно также раздѣлялъ свой участокъ между своими дѣтьми, и это постепенное раздробленіе земли доходило до того, что каждое семейство жило обработкою клочка земли въ $^{1}/_{2}$, $^{1}/_{4}$, даже случалось—въ $^{1}/_{16}$ акра!.. Въ 1784 г. ферма въ 208 акровъ была сдана одному арендатору, который раздробилъ ее между тремя своими сыновьями; а въ тридцатыхъ годахъ она была уже раздроблена между 26 родственными семействами. Земля въ 205 акровъ, отдававшаяся сначала двумъ фермерамъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія была уже раздѣлена на 422 участка! Такимъ образомъ, въ Ирландіи соединялись всѣ невыгоды обѣихъ крайностей—крупнаго землевладѣнія и мелкаго фермерства. Нѣсколько милліоновъ акровъ земли оставались пустыми и необработанными, а между тѣмъ 5 ирландцевъ должны были жить воздѣлываньемъ того же самаго количества земли, которое, при гораздо лучшей обработкѣ, кое-какъ удовлетворяло нужды только 2 англійскихъ земледѣльцевъ. Въ 1831 г. было:

	Земледѣльцевъ.	Акровъ обработанной земли.
Въ Великобрит. .	1,055,982	34,200,000
» Ирландіи. . .	1,131,715	14,600,000

Ландлорды попрежнему продолжали жить въ Англіи или за границей, предоставляя свои имѣнія произволу управляющихъ. Независимо отъ другихъ причинъ, поддерживавшихъ абсентеизмъ, онъ объяснялся еще результатами системы, гибельными для самихъ землевладѣльцевъ. Жить въ Ирландіи имъ было трудно и опасно, и епископъ Дойль, просвѣщенный другъ Ирландіи, говорилъ: «я не осуждаю абсентеистовъ; я самъ сдѣлался бы абсентеистомъ, если бы было можно». Отсутствующіе ландлорды вовсе не заботились объ улучшеніи своихъ имѣній, о которыхъ они знали только по наслышкѣ, и хлопотали только объ исправномъ полученіи арендной платы. Поэтому они сдавали свои земли на долгосрочный откупъ капиталистамъ (money lender), жившимъ также въ Англіи, а эти спекуляторы передавали ихъ, въ свою очередь, второстепеннымъ антрепренерамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *посредниковъ* (middlemen), которые раздавали ихъ уже мелкимъ фермерамъ, и послѣдніе, такимъ образомъ, кромѣ платы ландлорду, должны были еще упла-

чивать проценты откупщику-капиталисту за выданныя имъ землевладѣльцу деньги и барыши посреднику. Вдобавокъ ко всему, этихъ посредниковъ было по нѣскольку на каждой фермѣ. Землевладѣлецъ *А* сдавалъ свои 100 акровъ капиталисту *Б*, который отдавалъ ихъ посредникамъ *В* и *Г*, по 50 акровъ каждому, на 99 лѣтъ; *Г* отдавалъ свой участокъ *Д* и *Е*, на 31 годъ; *Е*, въ свою очередь, пускалъ на землю фермеровъ *Ж*, *З* и *К*, срокомъ на 7 лѣтъ, а послѣдніе ежегодно дѣлили свои участки между толпою арендаторовъ самаго низшаго разряда, которые, кромѣ аренды дѣйствительному собственнику, доставляли еще доходы всѣмъ упомянутымъ посредникамъ. Какъ собственники, такъ и посредники заботились объ одномъ увеличеніи своихъ доходовъ и выжимали изъ земли все, что можно было выжать. Аренды страшно поднимались въ цѣнѣ, благодаря чрезвычайной конкуренціи бѣдныхъ фермеровъ. Такъ, одно имѣніе въ 1656 г. давало ренты 700 ф. ст., а въ 1840-хъ годахъ 43,000 ф. ст. Въ Фарнеѣ рента поднялась съ 8,000 до 46,395 ф. ст., которые уплачивали 41,107 человѣкъ, жившихъ на пространствѣ 24,938 десятинъ. Произвольно возвышаемыя и доведенныя до чрезмѣрности ренты получили въ Ирландіи энергическое названіе *rack rents*. «Rack rent — говоритъ Сисмонди — обозначаетъ ренту, исторгаемую пыткой, и это названіе, невольно ужасающее насъ, очень выразительно: rack rent, дѣйствительно, плодъ пытки и зародышъ пытокъ». Рента, увеличиваемая ландлордами и посредниками, увеличивалась еще болѣе злоупотребленіями управляющихъ или агентовъ. Трэнчъ въ своей превосходной, но плохо переведенной на русскій языкъ книгѣ разсказываетъ, какъ предшествовавшій ему агентъ, управлявшій фарнейскимъ имѣніемъ, «для ровнаго счета заставлялъ доплачивать все, чего не хватало до шиллинга, и если аренда была 6 ф. 10 ш. 2 пенса, онъ поднималъ ее до 6 ф. 11 ш.» Народъ былъ доведенъ до отчаянія и требовалъ сбавки аренды. Тысячи фермеровъ, собравшись около замка, вызвали Трэнча и выразили ему свое желаніе. Трэнчъ, вставъ на стулъ, сказалъ имъ рѣчь, въ которой объяснилъ, что «ландлордъ пришелъ къ заключенію о ненужности сбавки арендной платы». Мертвое молчаніе отвѣтило мнѣ, говоритъ Трэнчъ, когда я окончилъ рѣчь. Его прервалъ громовой голосъ: «Такъ вы не хотите сбавить аренду?»—«Я уже передалъ вамъ отвѣтъ ландлорда».— «На колѣни, ребята», прогремѣлъ тотъ же голосъ, и, къ моему неописанному ужасу и изумленію, вся толпа разомъ упала на колѣни. Настало снова мертвое молчаніе. То было страшное зрѣлище. На головахъ всѣхъ были шляпы, въ рукахъ палки; одни опирались на нихъ, стоя на колѣняхъ, другіе потрясали ими, крѣпко сжавъ въ рукахъ. Униженное, умоляющее положеніе, въ которое ихъ поставила высшая сила, смѣшивалось съ страшнымъ, злобнымъ вызовомъ.—«Мы просимъ васъ на колѣняхъ во имя Бога добыть намъ сбавку аренды».— Я былъ сильно смущенъ. Я соскочилъ со стула, умолялъ ихъ встать, уговаривалъ ихъ, какъ могъ, и, совершенно подавленный этой сценой, хотѣлъ вернуться въ контору, чтобы передать все ландлорду. Но чуть я двинулся, толпа вскочила и окружила меня. Вдругъ раздался крикъ съ дальняго конца толпы: «давайте его сюда, давайте его сюда!» Въ одинъ мигъ я былъ подхваченъ и вынесенъ на узкую дорогу, которая вела къ Карримакроссу. Меня пихали и били, сбили шляпу, рвали платье... Отъ толчковъ и побоевъ я ослабѣлъ и просилъ остановиться и дать мнѣ вздохнуть. Я никогда не забуду этой минуты. Я былъ на большой дорогѣ. Я оглядѣлся кругомъ, ища глазами хотя одно дружеское лицо, но я искалъ напрасно. Холмы были покрыты народомъ. Длинная лента дороги была покрыта сплошной массой людей... Я чувствовалъ, что силы покидали меня. Я просилъ, чтобы меня подвели къ валу на краю дороги, и, опершись на него, сталъ лицомъ къ тѣмъ, которые должны были сдѣлаться моими убійцами.—«Я не могу идти дальше; зачѣмъ вы привели меня сюда?»—«Мы хотимъ сбавки аренды, обѣщаете ли вы ее намъ?»— «Чѣмъ же вы удовлетворитесь?» — «Мы не хотимъ платить болѣе половины настоящей аренды».—«Въ такомъ случаѣ нечего и толковать: я никогда не обѣщаю вамъ того!» — Наступило мертвое молчаніе. Я стоялъ обнаженный и избитый противъ нихъ. Они стояли противъ меня, стиснувъ въ рукахъ палки, готовые бить меня. Я смотрѣлъ на нихъ, а они на меня. Они колебались. Никто не хотѣлъ первымъ ударить меня... Тяжелая пауза продолжалась. Наконецъ, раздался прежній громовой голосъ: «назадъ, ребята; никто не тронетъ его, онъ все-таки хорошій человѣкъ!» Въ мигъ я былъ окруженъ толпой новыхъ лицъ, которыя подняли меня на плечи, достали мнѣ воды и понесли меня почти безъ чувствъ въ Лауфи... Вечеромъ меня отвезли домой».

Рента должна была быть совсѣмъ невыносимою, чтобы доводить народъ до подобныхъ отчаянныхъ вспышекъ. Кромѣ того, нанимая рабочихъ, собственники платили имъ не деньгами, а отводомъ небольшихъ земельныхъ участковъ, или, другими словами, мелкіе фермеры уплачивали аренду извѣстнымъ числомъ дней своего труда; но такъ какъ цѣнность труда опредѣлялась собственникомъ, то и выходило, что бѣдняки платили двойную аренду. Мало этого: получая пустую землю, фермеры обрабатывали и улучшали ее, рыли колодцы, проводили канавы, разводили сады, дѣлали изгороди и помѣщенія для скота, строили собѣ дома и мельницы, но, по закону, все это принадлежало не имъ, а ландлорду, и удаленный арендаторъ не имѣлъ никакого права на вознагражденіе за свой трудъ и израсходованный капиталъ. «Землевладѣлецъ,—говоритъ Лавелэ,—ничего не сдѣлалъ для производительности земли—и однако онъ получаетъ съ нея чистый доходъ; арен-

даторъ сдѣлалъ землю производительной—и умираетъ съ голода». Бароннія Джисгиль, помѣстье въ 30,000 акровъ, въ концѣ прошлаго столѣтія было сдано лордомъ Дигби 120 семействамъ въ долгосрочную аренду. Въпродолженіе двухъ поколѣній эти арендаторы работали безъ устали, возвели отличныя строенія, осушили землю и сдѣлали ее производительной. Но когда лордъ Дигби умеръ, то оказалось, что арендные контракты не имѣли никакой силы, арендаторы никакихъ правъ, а все, что создано ихъ трудомъ, принадлежало наслѣднику феодальнаго маіората. Улучшеніе фермъ разоряло арендаторовъ еще и съ другой стороны, независимо отъ потери плодовъ труда ихъ. Чѣмъ болѣе обстраивалъ и улучшалъ арендаторъ свою ферму, тѣмъ болѣе она пріобрѣтала цѣнности, тѣмъ выше собственникъ поднималъ аренду, тѣмъ больше долженъ былъ платить фермеръ за пользованіе тѣмъ, что создалъ онъ. Не желающій платить возвышенной аренды могъ убираться на всѣ четыре стороны, такъ какъ собственникъ имѣлъ право всегда прогнать его. Прежде ландлорды заключали съ арендаторами долгосрочные контракты, но послѣ кризиса 1815 г. этотъ обычай началъ выходить изъ употребленія, такъ какъ контракты были невыгодны землевладѣльцамъ, которые желали имѣть возможность произвольнаго возвышенія аренды и политическаго подчиненія себѣ фермеровъ, которые при О'Коннелѣ привыкли къ независимости на выборахъ и подавали голоса противъ своихъ ландлордовъ. Вслѣдствіе этого, землю начали сдавать не по контракту, а «по добровольному соглашенію» (tenancy at will), въ силу котораго ландлордъ имѣлъ право когда вздумается возвышать ренту, прогонять фермера и присвоять себѣ всѣ воздвигнутыя имъ постройки и сдѣланныя улучшенія. Впрочемъ, въ провинціи Ульстеръ и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ другихъ провинцій существуетъ съ древности обычное *право пользователя*—tenant right. Въ силу этого права, ландлордъ не имѣлъ права согнать фермера, пока тотъ платилъ аренду; никто не могъ нанять фермы, не заплативъ прежнему фермеру извѣстную сумму за пользованіе ею; отказывая фермеру, ландлордъ платилъ ему сумму за его tenant right и не могъ поднять аренды до такой суммы, которая поглощала бы стоимость tenant right'а. Благодаря этому обычаю, Ульстеръ благоденствовалъ, между тѣмъ какъ остальная Ирландія ужасно бѣдствовала вслѣдствіе необезпеченности пользованія землей, insecurity of tenure. На нищихъ фермерахъ скоплялись громадныя недоимки—и ихъ сгоняли съ земель; ландлорды желали увеличить свою ренту—и фермеровъ тоже сгоняли съ земель. Приказъ объ очищеніи фермы, какъ дамокловъ мечъ, висѣлъ надъ головою арендатора, которому послѣ изгнанія оставалось только или умирать съ голода, или бѣжать въ Америку, а въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ — арендовать худшую ферму и еще на худшихъ, чѣмъ прежде, условіяхъ. Эти приказы (notices of quit), это очищеніе фермъ были преступленіемъ, по словамъ Гладстона и лорда Дуферина, — воровствомъ, по выраженію Милля и Лесли. Во многихъ частяхъ Ирландіи *driver*, чиновникъ, предназначенный для отнятія скота у фермеровъ, не уплатившихъ аренды, и *process-server*, агентъ, облеченный властью изгонять арендаторовъ, служили необходимою принадлежностью каждаго помѣстья и получали хорошее жалованье. Но такъ какъ изгоняемые фермеры рѣдко уходили безъ сопротивленія, то на помощь упомянутымъ агентамъ часто требовались констэбли, солдаты и даже пушки. Аграрныя преступленія усиливались, и лучшіе изъ ландлордовъ (впрочемъ, весьма немногіе) нашли наконецъ выгоднымъ для себя очищать фермы отъ неплательщиковъ, доставляя имъ средства эмигрировать въ Америку. Но и на это соглашались не всѣ. Трэнчъ разсказываетъ по этому поводу одну очень характерную исторію. «Въ числѣ самыхъ упорныхъ и отчаянныхъ былъ Джо-Макъ-Ки. Онъ принадлежалъ къ пресвитеріанцамъ. Онъ снималъ большую ферму въ дикой мѣстности округа и не платилъ аренды цѣлыя пять лѣтъ. Частыя требованія платить деньги, вызовы въ судъ и другія повѣстки сыпались на него, но никто не рѣшался арестовать его. Онъ былъ силачъ, извѣстный своею храбростью и удалью, и хвалился тѣмъ, что никто въ мірѣ не возьметъ его въ плѣнъ... Первымъ моимъ шагомъ было добыть актъ для ареста его за долгъ и предложить 50 фунтовъ награды тому, кто арестуетъ его. Но я не нашелъ ни одного охотника». Трэнчъ отправился самъ убѣждать его сдать аренду и переселиться въ Америку. На замѣчаніе Трэнча, что онъ держитъ въ страхѣ весь околотокъ и никто не смѣетъ взять его, Макъ-Ки отвѣчалъ: «а почему они должны брать меня? или, что еще хуже, почему они должны отнимать мой маленькій участокъ земли? Я выстроилъ большую часть дома своими руками; посмотрите на огородъ,—продолжалъ онъ, открывая заднюю дверь, — я посадилъ каждый кустикъ, я снесъ каждый камень, я поставилъ каждый колъ изгороди; а меня травятъ теперь, чтобы я отдалъ имъ мой участокъ, и я отдамъ его только съ жизнью!» Онъ былъ сильно взволнованъ, онъ задыхался отъ гнѣва. Во время переговоровъ онъ имѣлъ подъ рукой страшный косарь, а Трэнчъ держалъ пару заряженныхъ пистолетовъ. Трэнчу удалось убѣдить Макъ-Ки; онъ сдалъ участокъ и черезъ мѣсяцъ умеръ съ горя. — Не смотря на сопротивленіе фермеровъ, частныя очистки земли производились довольно успѣшно. Съ 1838 по 1847 г. было согнано съ земель 713,970 фермеровъ.

Вычислено, что Ирландія можетъ прокормить больше 17,000,000 жителей, но совершенно безправное положеніе земледѣльца никогда не давало ему возможности развить какъ слѣдуетъ систему своего хозяйства, и, въ частности, необезпеченность пользованія землей была причиною, что фермеры старались не употреблять своего капитала на улучшеніе земледѣлія. Какъ только земледѣлецъ извлекъ изъ земли средства, необходи-

мыя для своего пропитанія, онъ старательно избѣгаетъ всякихъ улучшеній въ хозяйствѣ, ибо онъ боится, что плоды его трудолюбія будутъ похищены землевладѣльцемъ, который, по его мнѣнію, всегда слѣдитъ за увеличеніемъ производительности земли съ цѣлью немедленно возвысить ренту. Ирландскій земледѣлецъ, подобно египетскому феллаху, скорѣе закопаетъ свои деньги, чѣмъ употребитъ ихъ на земледѣліе. Ирландское земледѣліе съ незапамятныхъ временъ уже находится въ самомъ дурномъ положеніи. «Обыкновенный сѣвооборотъ состоитъ въ картофелѣ, пшеницѣ, овсѣ, которые садятъ и сѣютъ до тѣхъ поръ, пока земля совершенно истощится и даже продолжительный отдыхъ не въ состояніи возстановить ея производительной силы. Лонгфильдъ очень вѣрно описываетъ грустное зрѣлище, представляемое мелкой ирландской фермой. Уголокъ земли даетъ скудную жатву, отравленную плевелами, а остальная земли брошена и покрыта терновникомъ да шильникомъ. Въ промежутокъ времени между садкой картофеля и его сборомъ земледѣлецъ предается праздности. У него есть земли и руки, и онъ не умѣетъ употребить ихъ въ дѣло. Это не лѣнь; а невѣжество; у него нѣтъ ни знаній, ни преданій о хорошей земледѣльческой системѣ. Онъ гибнетъ въ самой ужасной нищетѣ, тогда какъ могъ бы (при другихъ условіяхъ) достигнуть нѣкотораго недовольства и превратить всю страну въ садъ». (Лавелэ). Земледѣлецъ не могъ и мечтать о пріобрѣтеніи въ собственность клочка земли уже по одному тому, что пошлинные расходы на покупку были чрезвычайно велики. Дурное состояніе земледѣлія невыгодно отзывалось и на ландлордахъ, которые, не употребляя ничего на улучшеніе земледѣлія, проматывая свои доходы, будучи стѣсняемы въ своемъ правѣ собственности маіоратомъ и субституціями, входили въ долги и во множествѣ закладывали свои имѣнія, которыя и поступали въ конкурсное управленіе, взимавшее съ него доходы въ пользу кредиторовъ. Въ 1829—1831 г. подъ залогъ имѣній ирландскимъ землевладѣльцамъ было выдано 2,448,000 ф. ст.

По свѣдѣніямъ 1833 г., въ Англіи 1,055,982 земледѣльца, обрабатывая 13,849,320 гектаровъ земли, получали продуктовъ на 4,000,500,000 франковъ, въ Ирландіи же 1,131,715 земледѣльцевъ отъ обработки 5,257,625 гектаровъ получали только на 900,000,000 франковъ, т.-е. ирландецъ получалъ въ 5 разъ меньше, чѣмъ англійскій земледѣлецъ. При этомъ изъ 900,000,000 франковъ, получавшихся отъ земледѣлія, болѣе 600,000,000 получали нѣсколько тысячъ ландлордовъ, а остальные 300,000,000 распредѣлялись на 6,500,000, что составляло въ годъ 47 франковъ (*11 рублей 75 коп.*), а въ день 12½ сантимовъ (3⅛ коп.) на каждаго жителя! Бѣдность страны была невообразимая. «У всѣхъ народовъ—писалъ тогда Бомонъ—есть нищіе, но цѣлый народъ нищихъ—явленіе, неизвѣстное до Ирландіи... Свободнаго ирландскаго земледѣльца невозможно сравнивать даже съ англійскимъ пролетаріемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самый жалкій изъ бѣдняковъ Англіи лучше ѣстъ и лучше одѣтъ, чѣмъ счастливѣйшій земледѣлецъ Ирландіи». Въ 1832 г. офиціальныя изслѣдованія показали, что бѣдность народа все увеличивается, «пища становится хуже и скуднѣе, болѣзни многочисленнѣе, голода чаще, чѣмъ когда-нибудь. Прежде земледѣлецъ прибавлялъ къ своему картофелю сколько-нибудь молока, теперь же онъ не ѣстъ ничего, кромѣ картофеля, да и то въ меньшемъ противъ прежняго количествѣ. При этомъ онъ вынужденъ употреблять самый дурной сортъ картофеля (the lumper), потому что онъ даетъ самый обильный урожай». Грановскій, кажется, замѣтилъ, что если бы картофель не сдѣлался національною пищею ирландцевъ, то исторія Ирландіи приняла бы другой оборотъ. Не отвергая важнаго вліянія пищи народа на ходъ его исторіи, мы думаемъ, что эта мысль совершенно ложна, что, наоборотъ, если бы исторія Ирландіи приняла другой оборотъ, то картофель не сдѣлался бы національною пищею ирландцевъ, пищею нищенской націи. Кромѣ своей малопитательности, картофель имѣетъ много другихъ недостатковъ: его трудно перевозить съ мѣста на мѣсто въ большихъ количествахъ, его невозможно сохранять, какъ хлѣбъ, на случай неурожайныхъ годовъ. Даже и этою дурною пищей ирландцы не могли пользоваться вдоволь. Одни ѣли три раза въ день, другіе два раза, болѣе несчастные только разъ въ день, но было много и такихъ, которые могли ѣсть лишь разъ въ два или три дня. Голодъ сдѣлался нормальнымъ явленіемъ въ Ирландіи; въ ней, по донесенію комиссіи 1835 г., было отъ 3 до 4 милліоновъ жителей, которымъ ежегодно угрожала голодная смерть. Когда эта комиссія спросила епископа Дойля о положеніи страны, онъ отвѣчалъ, что «народъ, по обыкновенію, умираетъ съ голода». Въ 1817 г. голодной лихорадкой болѣло 1,500,000 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 65,000 отъ недостатка питанія.

Не лучше пищи была и одежда ирландца. «Онъ —писалъ въ тридцатыхъ годахъ Бомонъ—вообще или нагъ, или покрытъ лохмотьями, передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе. Во многихъ хижинахъ только по два платья, что заставляетъ священниковъ служить въ воскресенье по нѣсколько обѣденъ. Одни, отстоявъ первую обѣдню и вернувшись домой, раздѣваются и передаютъ платье другимъ, которые и идутъ въ немъ ко второй обѣднѣ». Въ то же время Брайтъ говорилъ въ парламентѣ: «люди, за неимѣніемъ одежды, не могутъ выходить изъ своихъ лачугъ, между тѣмъ какъ другіе, благодаря той же причинѣ, не имѣютъ возможности выписываться изъ богадѣленъ. Мужчины носятъ женское платье, не имѣя возможности заработать на мужскую одежду. Нерѣдко можно встрѣтить мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сбившихся кучами подъ грудой жалкихъ лох-

мотьевъ; они лишены возможности подняться съ мѣста, такъ какъ на нихъ нѣтъ никакой одежды». (Избр. Рѣчи, 337).

Жилища массы ирландскихъ земледѣльцевъ состояли изъ кольевъ, переплетенныхъ древесными вѣтвями и смазанныхъ глиной; вмѣсто крыши набрасывалось нѣсколько пучковъ соломы; вмѣсто пола грязная, мокрая земля; дымъ очага нерѣдко не имѣлъ другого выхода, кромѣ дверей. Такія хижины считались неудобными даже для свиней, и лучшее мѣсто въ нихъ отводилось свиньѣ, которая откармливалась для уплаты аренды. Присутствіе свиньи въ хижинѣ не было однакожъ признакомъ крайней бѣдности: самые бѣдные фермеры жили безъ свиней... Бомонъ, путешествовавшій въ 1835 г., описываетъ одинъ приходъ въ графствѣ Майо. Изъ 11,761 жителей 9,837 не имѣли другихъ постелей, кромѣ соломы и травы; 7,531 не имѣли даже кроватей и спали на землѣ. Изъ 206 жителей одной изъ деревень прихода только у 39 было что-нибудь въ родѣ одѣяла; остальные спали безъ покрышки и по цѣлымъ ночамъ дрожали отъ холода, а многіе въ то же время страдали и отъ голода.

Нарушенія закона усиливались. Фермеры не платили аренды и не очищали фермъ. «Всѣ силы закона — разсказываетъ Трэнчъ — были призваны, чтобы подавить ихъ упорство. Однимъ послали приказъ очистить ферму, съ другими начали процессъ за неплатежъ аренды, и, сверхъ всѣхъ этихъ мѣръ, загонъ скота въ самыхъ широкихъ размѣрахъ былъ принятъ, какъ наиболѣе быстрая и дѣйствительная мѣра заставить платить аренду. «Крохоборы», «полицейскіе крючки», судебные пристава, сторожа и загонщики сполчились по требованію ландлорда на фермеровъ... Но фермеры зорко слѣдили за этими приготовленіями, которыя скоро стали извѣстны въ цѣломъ округѣ, и приняли мѣры, чтобы сдѣлать ихъ тщетными. Для этой цѣли они организовали систему *Молли Мэгайръ*. Эти Молли Мэгайръ были дюжими, расторопными молодцами, одѣтыми въ женскія платья; иные закрывали лица чернымъ крепомъ, другіе чернили себѣ глаза, ротъ и щеки женой пробкой самыми фантастическими узорами. Они въ такомъ видѣ нападали изъ-за угла на крохоборовъ, полицейскихъ крючковъ, сторожей, загонщиковъ или судебныхъ приставовъ и задавали имъ купанье въ болотѣ или самую немилосердную встрепку. Въ скоромъ времени Молли Мэгайръ сдѣлались ужасомъ всѣхъ служителей власти. Наконецъ, ни за какія деньги нельзя было найти ни крохоборовъ, ни полицейскихъ крючковъ, ни судебныхъ приставовъ, ни загонщиковъ для исполненія приказаній конторы, скрѣпленныхъ требованіями закона; никто не рѣшался стать лицомъ къ лицу съ безпокойными молодцами». Господствующею мыслью крестьянства въ то время—говоритъ Трэнчъ въ другомъ мѣстѣ—было, что *большая война* наступаетъ, и крестьяне готовились *взять оружіе*, какъ они говорили, и забирали оружіе всюду, гдѣ могли. Это повело къ сценамъ насилія и убійства. Многіе джентльмены лишились жизни, защищая свое оружіе, а иногда нападавшіе крестьяне были застрѣливаемы при своихъ попыткахъ захватить его... Мы обыкновенно брали съ собой оружіе и въ столовую, обѣдая съ пистолетами, лежавшими на столѣ, и ружьями, стоявшими у камина». Тайная организація была раскинута по всей странѣ, принимая разныя названія, въ родѣ *бѣлыхъ парней, молотильщиковъ, бѣлыхъ и черныхъ ногъ*, а чаще всего *оборванцевъ*, ribbonmen. Главною цѣлью оборванцевъ было обезпеченіе за фермерами постояннаго пользованія землей, которое въ послѣднее время нашло много парламентскихъ защитниковъ, но въ то время было провозглашаемо только на тайныхъ сходбищахъ риббонменовъ. Ихъ идеи и стремленія очень вѣрно и живо формулированы Бомономъ. «Мы живемъ одной только землей и должны крѣпко держаться за нее. Если собственникъ или агентъ приказываютъ намъ оставить ферму, мы останемся; предпишетъ сдѣлать это судъ—мы все-таки останемся; придетъ вооруженная сила, чтобы принудить насъ,—мы будемъ сопротивляться всѣми средствами... Всякій, кто непосредственно или посредственно содѣйствуетъ лишенію насъ фермъ, наказывается смертью»,—ландлордъ или его агенты, изгоняющіе фермера или чрезмѣрно возвышающіе аренду, лицо, арендовавшее землю изгнаннаго фермера или купившее съ аукціона вещи, взятыя за долгъ, и т. д. Кромѣ убійства, кодексъ риббонменовъ предписывалъ и другія преступленія—поджоги, истребленіе скота и пашенъ, даже насилованіе женщинъ, близкихъ къ лицамъ, на которыхъ сосредоточивалась ненависть оборванцевъ. Все это совершалось систематически, по формальнымъ рѣшеніямъ, составленнымъ въ тайныхъ собраніяхъ риббонменовъ. Вотъ какъ, напр., «судили» Трэнча. По всей окрестности были разосланы повѣстки самымъ дѣятельнымъ и надежнымъ изъ риббонменовъ собраться ночью въ опредѣленное мѣсто *судить Трэнча*. Они не ограничились законнымъ числомъ двѣнадцати (присяжныхъ) — ихъ собралось до пятнадцати человѣкъ. Предсѣдателемъ былъ хозяинъ фермы, человѣкъ, котораго я хорошо зналъ и который снималъ большой участокъ земли. Посреди просторнаго овина былъ поставленъ длинный столъ; вокругъ него разставлены скамьи и въ изобиліи припасена водка босоногой служанкой... Собраніе пило водку нѣсколько времени молча или переговариваясь шопотомъ. Когда всѣ довольно нагрузились, предсѣдатель, перескочивъ обычныя формальности обвиненія и допроса, даже вопросъ объ имени обвиняемаго, такъ какъ все это было хорошо извѣстно присяжнымъ, прервалъ молчаніе и громкимъ голосомъ сказалъ: «Итакъ, молодцы, кто изъ васъ можетъ что-нибудь сказать въ защиту его?» Настало короткое молчаніе; затѣмъ одинъ изъ заговорщиковъ сказалъ: «Онъ далъ мнѣ желѣзныя ворота къ фермѣ».—«Пусть твой скотъ свернетъ о нихъ себѣ шею».—«Онъ далъ черепицъ и досокъ по-

рыть мой домъ», сказалъ другой.—«Пусть крыша скорѣй сгніетъ и обвалится», отвѣчалъ президентъ.—«Онъ осушилъ мою землю», заявилъ третій.—«Пусть жатва сгніетъ въ глубинѣ ея», отвѣчалъ президентъ.—«Онъ далъ моему сосѣду вина для больного ребенка».—«Ребенокъ умеръ», отвѣчалъ президентъ. Всѣ снова умолкли.—«Виновенъ», произнесъ президентъ. «Молодцы, онъ долженъ умереть. Теперь кинемъ жребій, кому сдѣлать дѣло». Страшное предложеніе было встрѣчено колебаніемъ присяжныхъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «не зачѣмъ кидать жребій: люди которые сдѣлаютъ дѣло, здѣсь; они готовы и охотно идутъ на дѣло». Два убійцы были введены въ собраніе и поклялись умертвить Трэнча. Только благодаря своей чрезвычайной осторожности, Трэнчъ избѣжалъ смерти. Онъ не разставался съ оружіемъ, выѣзжалъ не иначе, какъ съ конвоемъ. «Я — говоритъ онъ — не выходилъ иначе, какъ держа въ рукахъ пистолеты, и едва какой-нибудь прохожій показывался на улицѣ, я кричалъ ему, чтобъ онъ не двигался съ мѣста, если хочетъ быть живымъ. Я не разъ такимъ образомъ перепугалъ совершенно невинныхъ людей, не знавшихъ ничего объ этомъ дѣлѣ. Цѣлый годъ меня травили, пока убійцы не потеряли терпѣнія, и, поклявшись, что на моей сторонѣ чертовское счастіе, рѣшились «отказаться» отъ меня и застрѣлить Пэдди Макъ Ардля, пристава». Другимъ представителямъ ландлордскихъ интересовъ и самимъ ландлордамъ приходилось жить въ такомъ же вооруженномъ и осадномъ положеніи, какъ Трэнчъ; но преступленія все-таки выполнялись съ успѣхомъ. Въ 1832 г. всѣхъ преступленій въ Ирландіи было 9,002; изъ нихъ убійствъ 242, грабежей 1,179, воровства со взломомъ 401, поджоговъ 568, избіеній скота 290, мятежей 203, незаконныхъ обысковъ 353, риббонменскихъ приговоровъ и предостереженій 2,094, поврежденій собственности 796, нападеній на дома 723, выстрѣловъ съ цѣлью убить 328, отнятія оружія 117 и т. д. Убійства совершались среди бѣлаго дня, среди толпы людей, но убійцы все-таки скрывались, никто не хотѣлъ быть свидѣтелемъ, а присяжные оправдывали преступниковъ, виновность которыхъ была несомнѣнно доказана. Судьи предлагали имъ снова обсудить дѣло, но они снова выносили оправдательный вердиктъ; тогда «спеціальная судебная комиссія», которая учреждается въ особенно важныхъ случаяхъ, передавала дѣло на обсужденіе другого состава присяжныхъ, но результатъ былъ тотъ же. Какъ великъ былъ въ Ирландіи процентъ оправданныхъ, можно видѣть изъ того, что въ 1845—1859 г. среднимъ числомъ въ годъ было:

	Арестованныхъ.	Осужденныхъ	Оправдан.	Изъ 100 осуждено.	Изъ 100 оправд.
Англія.	24,600	18,660	5,940	$75^2/_3$	$24^1/_3$
Шотландія.	3,945	2,982	963	$75^1/_2$	$24^1/_2$
Ирландія.	18,777	9,754	9,023	$52^1/_4$	$47^3/_4$
Въ частности, въ 1845 г. было:					
Въ Англіи	24,000	17,200	6,800	$71^3/_4$	$28^1/_4$
Въ Шотландіи	3,537	2,710	827	$76^3/_4$	$23^1/_4$
» Ирландіи	16,568	7,000	9,568	$42^1/_4$	$57^3/_4$

Въ послѣдующіе годы, 1846 — 50, когда въ Англіи и Шотландіи оправданныхъ было только 22 или 23%, въ Ирландіи ихъ было 53 или 54%. Разница громадная, объясняемая только тѣмъ, что ирландцы привыкли стоять въ отрицательныхъ отношеніяхъ къ закону и не считать аграрныя преступленія преступленіями. Къ тому же риббонмены наводили ужасъ и на свидѣтелей, и на присяжныхъ, угрожая имъ убійствомъ въ случаѣ, если бы они рѣшились дѣйствовать противъ подсудимыхъ. Рѣдко доводилось судьямъ пріобрѣтать свидѣтелей, которыхъ берегли подъ стражей и потомъ отправляли подъ секретомъ въ Новый Свѣтъ, давая деньги на проѣздъ и на покупку земли. Рѣдко удавалось узнать тайны риббонменовъ отъ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, которымъ обѣщали помилованіе. Риббонмены жестоко карали своихъ сочленовъ не только за измѣну, но и за менѣе важныя нарушенія ихъ устава. «Одинъ членъ этого общества,—разсказываетъ Сеньоръ,—провинившійся передъ нимъ, былъ потребованъ передъ его трибуналъ. Его домъ былъ окруженъ, и два бѣлыхъ парня повели его въ мѣсто суда. Онъ явился передъ судьями и былъ приговоренъ къ смерти. Но такъ какъ одинъ изъ судей защищалъ его и привелъ въ его пользу смягчающія обстоятельства, то смертную казнь замѣнили пожизненнымъ изгнаніемъ. Два члена общества проводили его до портоваго города, заплатили за его проѣздъ на кораблѣ, видѣли, какъ онъ уѣхалъ, и торжественно предостерегли его, что въ случаѣ возвращенія онъ будетъ застрѣленъ».

Въ то время, какъ совершались всѣ эти ужасы и волненія, происходили убійства, очищались помѣстья и ландлорды хлопотали о томъ, чтобы уменьшить народонаселеніе Ирландіи посредствомъ эмиграціи, надъ страной разразилось небывалое по своимъ размѣрамъ несчастіе, бывшее естественнымъ результатомъ аграрной системы.

Въ 1846 г. во многихъ мѣстахъ Европы и Америки появилась болѣзнь на картофелѣ, но хорошій урожай хлѣба спасъ эти страны отъ голода. Въ Ирландіи же, гдѣ хлѣбъ воздѣлывался только на продажу, для уплаты аренды, и гдѣ урожай его въ упомянутомъ году былъ превосходный, весь хлѣбъ былъ сбытъ въ Англію *). Между тѣмъ весной 1846 г. ирландцы съ ужасомъ увидѣли, что весь посѣянный ими картофель быстро гніетъ, наполняя всю атмосферу тяжелымъ, удушливымъ запахомъ. Картофель погибъ, оставшійся для по-

*) Съ 5 іюля 1845 по 5 января 1846 г. въ Англію было отпущено:

Пшеницы. . . .	223,116	квартеровъ
Ржи	66,863	»
Овса	703,314	»
Пшеничной муки .	605,917	»
Ржаной	452,144	»

Отпускъ продолжался и въ то время, когда уже былъ голодъ...

сѣва на слѣдующій годъ былъ съѣденъ, и насталъ всеобщій двухлѣтній голодъ. Мужчины, женщины, дѣти умирали всюду тысячами. Въ самый разгаръ голода, въ январѣ 1847 г., умирало отъ него 5,479 человѣкъ въ день, 228 въ часъ и 4 слишкомъ человѣка въ минуту! «Они—говоритъ очевидецъ Трэнчъ—умирали въ горныхъ долинахъ, они умирали на морскомъ берегу, они умирали на большихъ дорогахъ, они умирали на поляхъ, они брели въ города и умирали на улицахъ, они запирали двери своихъ хижинъ, ложились на кровати и умирали отъ голода у себя дома». Другой очевидецъ, пасторъ, такъ описываетъ жилища голодавшихъ, которыя онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ докторомъ. «Въ одномъ домѣ, куда мы вошли, врачъ пошелъ прямо въ темный уголъ и, ощупавъ постель, сказалъ: «здѣсь лежатъ шесть человѣкъ»; дѣйствительно, тутъ лежали отецъ, мать и четверо дѣтей, не имѣвшихъ силъ подняться съ постели. Меня всего болѣе поразилъ вопросъ, сдѣланный врачомъ этимъ несчастнымъ: «есть-ли здѣсь мертвые?» Не было ни одного мертвеца, но когда мы вышли, одинъ изъ нихъ умеръ... Въ четвертой хижинѣ, безъ двери, я видѣлъ умирающаго мужа, умирающую жену и мальчика, сидѣвшаго неподвижно съ лопнувшими отъ водяной ногами. Въ пятомъ домѣ я видѣлъ больного мужчину, отъ котораго шелъ особенно вонючій запахъ... Докторъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ погребеніи этого больного послѣ его смерти». Въ другомъ округѣ тотъ же пасторъ нашелъ въ одномъ домѣ мужа, жену и ребенка въ голодной лихорадкѣ. «У постели стояла кадушка воды. Четверо изъ членовъ семьи умерли .. Въ четвертомъ домѣ я увидѣлъ молодого человѣка; онъ стоналъ и былъ уже въ агоніи. Семья состояла изъ пяти членовъ. Всѣ были больны, всѣ они были распухши. Джентльмены, бывшіе со мной, сказали: «ни одинъ изъ нихъ не можетъ жить». Пятый домъ. Мы постучали. Никто не имѣлъ силы отворить. Двое маленькихъ дѣтей лежали на полу у огня, двое другихъ лежали блѣдные, какъ смерть... Седьмой домъ, Регона. Онъ умеръ, а жена его умирала; трое дѣтей умерло; жена страшно распухла... Грязь въ этихъ жилищахъ доходила до такой степени, какой я никогда не видалъ еще; навозъ кучами лежалъ не только передъ дверями хижинъ, но вплотную у самыхъ дверей, на нѣсколько футовъ выше порога жилищъ. Во многихъ хижинахъ солома была набросана на полу, и человѣческія существа жили,—я долженъ сказать это,—какъ свиньи, въ самой отвратительной грязи... Только самые богатые люди пользовались гробами. Въ каждой деревнѣ плотники завалены работой, и я часто встрѣчалъ по проселочнымъ дорогамъ женщинъ, несшихъ на спинѣ гробы или доски для гробовъ. Въ Гленгариѳѣ католическая капелла была обращена въ мастерскую для гробовъ... Въ Бентри я увидѣлъ въ одномъ углу улицы два гроба для бѣдныхъ; ихъ называли гробами съ отпускнымъ днемъ. Дно прикрѣпляется съ одной стороны петлями, съ другой крючкомъ и петлей. Въ такихъ гробахъ отвозили бѣдняковъ въ могилу или, вѣрнѣе сказать, въ огромную яму и сваливали туда тѣла. Но большую часть умиравшихъ отвозили въ могилу безъ гробовъ. Мертвецовъ хоронили въ ихъ жалкихъ лохмотьяхъ; часто и эти лохмотья снимали съ трупа, чтобы прикрыть еще живого. Въ Бемендехибѣ въ день моего пріѣзда везли въ телѣгѣ пять мертвыхъ тѣлъ, едва прикрытыхъ соломой. Тѣла лежали по цѣлымъ недѣлямъ непохороненныя въ поляхъ, тамъ, гдѣ застигла смерть; они оставались непохороненными въ домахъ, пока ихъ не съѣдали крысы и не приходилось, для отвращенія заразы, жечь дома съ трупами... Видѣли женщину съ корзиной за плечами, къ которой было прикрѣплено снаружи изогнутое мертвое тѣло ребенка... Встрѣтили отца, который еле передвигалъ ноги по большой дорогѣ; черезъ плечо у него была веревка, а къ ней привязано двое мертвыхъ дѣтей, которыхъ онъ тащилъ по землѣ до могилы... Могилы рылись въ канавахъ, въ углахъ полей и въ огородахъ за лачугами»...

«Великость бѣдствія—говоритъ Трэнчъ—парализовала всѣ усилія». По близости, гдѣ-нибудь въ сосѣднемъ округѣ, было много хлѣба, въ голодающемъ же округѣ были и деньги, но не было людей съ достаточною энергіей и властью, чтобы организовать борьбу съ голодомъ. «Народъ умиралъ, а вблизи было пищи въ изобиліи, было много денегъ для покупки ея, было множество рыбы въ морѣ по сосѣдству, но не было ни сѣтей, ни лодокъ для ловли и никого, кто бы могъ организовать самый простой способъ рыбной ловли; не было никого, кто бы имѣлъ настолько предусмотрительности, чтобы готовить припасы, ловить дичь, рыбу, перевезти хлѣбъ черезъ горы и сосредоточить въ одномъ мѣстѣ народъ и пищу». Въ самомъ началѣ голода правительство купило въ Америкѣ 100,000 четвертей пшеницы; открыло для голодающихъ всѣ военные хлѣбные магазины, съ ноября 1845 по февраль 1846 г. ассигновало вспоможеніе въ 852,000 ф. ст.; въ первые шесть мѣсяцевъ 1847 г. ввезло хлѣба на 8,764,000 ф. ст.; давало работу 700,000 человѣкъ, платя за нее до 776,000 ф. ст. въ мѣсяцъ, въ продолженіе года буквально кормило 3,000,000 голодающаго народа; школы были превращены въ богадѣльни, въ которыхъ питалось 176,000 дѣтей; 283 временныхъ больницы были наполнены больными; частная благотворительность развилась до громадныхъ размѣровъ; но ничто не помогало, и народъ продолжалъ умирать съ голода и отъ болѣзней, порожденныхъ голодомъ. «Правительство—говоритъ Трэнчъ—устроило общественныя работы, чтобы дать народонаселенію средства къ жизни. Дороги были взрыты и выровнены, холмы снесены, ямы закиданы, и полная плата уплачивалась за половину и четверть работы,—но народъ умиралъ съ голода. Кухни для раздачи похлебки были устроены, свободная торговля допущена въ извѣстной степени, маисъ рѣкой полился въ Ирландію, частная филантропія разрослась въ

громадномъ объемѣ, но народъ попрежнему умиралъ съ голода. Многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Ирландіи, потомки благороднѣйшихъ родовъ, какъ мужчины, такъ и женщины, лишились жизни или получили неизлѣчимыя болѣзни отъ усилій предотвратить страшное бѣдствіе,—но народъ попрежнему умиралъ съ голода. Мы дѣлали все, что могли, но всѣ наши усилія оказывались не болѣе, какъ капля масла, брошенная въ океанъ окружавшей насъ нищеты,—народъ попрежнему умиралъ голодною смертью».

По мѣстамъ голодъ и порожденныя имъ болѣзни продолжались до 1851 г. Голодъ погубилъ около 1,000,000 человѣкъ. Ирландцы массами бросились эмигрировать, преимущественно въ Америку. До какой степени голодъ усилилъ эмиграцію, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Изъ Ирландіи эмигрировало:

Въ	1841	году	16,000 человѣкъ.
»	1842	»	89,000 »
»	1843	»	37,000 »
»	1844	»	54,000 »
»	1845	»	74,000 »
»	1846	»	105,000 »
»	1847	»	214,000 »
»	1848	»	178,000 »
»	1849	»	214,000 »
»	1850	»	209,000 »
»	1852	»	220,000 »
»	1853	»	192,000 »
»	1854	»	150,000 »
»	1855	»	78,000 »
»	1856	»	90,000 »

Въ пять лѣтъ, предшествовавшія голоду, эмигрировало 270,000, а съ 1846 по 1861 г. 2,552,000 человѣкъ. Народонаселеніе Ирландіи съ 1841 по 1851 г. уменьшилось на 1,622,739 человѣкъ, и это уменьшеніе продолжается до настоящаго времени. Въ Ирландіи было:

	жителей.	семействъ.	обитаемыхъ домовъ.
Въ 1841 г...	8,175,000	1,472,787	1,328,839
» 1851 »...	6,551,000	1,204,319	1,046,223
» 1861 »...	5,764,000	1,429,218	993,233
» 1871 »...	5,402,000	— —	— —

Нищихъ, получавшихъ пособіе изъ благотворительныхъ учрежденій, было:

Въ 1844 г.	105,358	Въ 1849 г.	2,142,000
» 1845 »	114,205	» 1850 »	1,174,000
» 1846 »	250,000	» 1851 »	755,000
» 1847 »	417,000	» 1852 »	519,000
» 1848 »	2,043,000		

IX.

Голодъ 1846 г. произвелъ то, о чемъ безплодно мечтали англійскіе экономисты и чего напрасно добивались англійскіе ландлорды. Онъ «очистилъ» Ирландію отъ излишняго будто бы народонаселенія и положилъ начало сильной, непрерывной очисткѣ ея посредствомъ эмиграціи. Съ 1848 по 1864 г. переселившіеся ирландцы прислали своимъ соотечественникамъ около 13,000,000 ф. ст. За океаномъ возникла другая Ирландія, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ въ 1864 г. считалось *10,192,000* ирландцевъ. «Дѣти ирландскихъ эмигрантовъ — говоритъ Милль — получаютъ американское воспитаніе и быстро пріобщаются благъ высшей цивилизаціи. Черезъ двадцать или тридцать лѣтъ они въ нравственномъ отношеніи ничѣмъ уже не отличаются отъ американцевъ». Естественно, что всѣ симпатіи Ирландіи клонятся не къ Англіи, даже не къ Франціи, какъ прежде, а къ Америкѣ. «Вы помните,— говорилъ однажды въ парламентѣ Брайтъ,—что когда древнееврейскій пророкъ молился въ своемъ заточеніи, онъ молился съ открытымъ окномъ, обращеннымъ въ сторону Іерусалима. Вамъ извѣстно, что поклонники Магомета во время молитвъ обращаются лицомъ къ Меккѣ. Такъ и ирландскій крестьянинъ, прося себѣ пищи, свободы и благоденствія, устремляетъ свои взоры къ заходящему солнцу; страстные порывы его души перелетаютъ черезъ широкій океанъ, и весь онъ принадлежитъ мыслью великой республикѣ запада». Эмиграція болѣе и болѣе доказываетъ ему, что онъ способенъ къ такой же хорошей жизни и къ такому же совершенствованію, какъ и другіе народы. Онъ сознаетъ свои недостатки и ненавидитъ тѣ условія, которыми они развиты и поддерживаются, видя, какъ при другихъ условіяхъ эти недостатки исчезаютъ и измѣняется къ лучшему даже самый характеръ народа. Мы остановимся здѣсь нѣсколько времени на сравнительной характеристикѣ ирландцевъ въ Ирландіи и за границей.

Древніе ирландцы славились своимъ трудолюбіемъ, но англійское владычество совершенно изгладило изъ народнаго характера эту черту. Лѣность ирландцевъ вошла въ пословицу въ Англіи. «Ирландія лѣнива,—говорилъ Брайтъ въ 1848 г.,— поэтому она и умираетъ съ голода; Ирландія умираетъ съ голода, поэтому и бунтуетъ». Семьсотъ лѣтъ ирландцу доказывали, что онъ не долженъ быть богатымъ, что своимъ трудомъ онъ долженъ только обогащать другихъ, и вотъ онъ чувствуетъ теперь отвращеніе отъ этого труда. На долѣ фермера чаще больше плевелъ, чѣмъ хлѣба или картофеля. «Мы такъ бѣдны», отвѣчаетъ ирландецъ на упреки въ лѣни, которою онъ еще усиливаетъ свою бѣдность, и съ тупой апатіей продолжаетъ жить въ грязи, которая наполняетъ его хижину; у него нѣтъ энергіи даже настолько, чтобы выместь эту грязь. Вѣка притѣсненій отразились и на легко воспламеняющемся, порывчатомъ характерѣ народа и на его нравственныхъ правилахъ. «Ирландецъ—говоритъ Бомонъ — лѣнивъ, лживъ, невоздерженъ, сильно склоненъ къ насиліямъ... Иногда онъ не удовлетворяется поджогомъ, убійствомъ, а подвергаетъ свою жертву продолжительнымъ мученіямъ. Часто въ своей ярости онъ столько же несправедливъ, какъ и жестокъ, и мститъ личностямъ, вовсе невиновнымъ въ томъ злѣ, какое причинено ему... Иногда онъ насилуетъ

женъ и дочерей, чтобы ихъ позоромъ наказать ихъ мужей и отцовъ». Жестокій со слабыми, ирландецъ дѣлается льстивымъ и раболѣпнымъ передъ силою... Ложь и вѣроломство служатъ у него такими же орудіями, какъ и жестокость. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, сущность ирландскаго характера остается все-таки неиспорченною. «Несомнѣнно,—замѣчаетъ Трэнчъ,—что въ крови каждаго ирландца вмѣстѣ съ чуткой любовью къ справедливости обращается и способность къ возмущенію». Любовь къ справедливости, благодаря извѣстнымъ условіямъ, выражается въ формѣ ужасающихъ несправедливостей.

Но все сказанное нами относится только къ ирландцамъ, живущимъ въ отечествѣ. Тотъ же Брайтъ, который порицаетъ ирландца за лѣность, говоритъ: «Все можно сдѣлать изъ него, только не на его родинѣ. Пройдя американскую школу, онъ является такимъ же трудолюбивымъ, такимъ же самостоятельнымъ, такимъ же вѣрнымъ, такимъ же добрымъ гражданиномъ американской республики, какъ и всякій другой, родившійся въ предѣлахъ владѣній этого государства... Праздность ирландскаго народа не его вина. По большей части, это праздность вынужденная, такъ какъ извѣстно, что когда ирландцы являются въ Англію или эмигрируютъ въ Соединенные Штаты или въ колоніи, то они оказываются почти самымъ работящимъ народомъ въ свѣтѣ. Мы нанимаемъ ихъ въ Ланкашейрѣ и за хорошую плату они работаютъ такъ же хорошо, они такъ же достойны довѣрія, такъ же спокойны и расположены подчиняться закону, какъ и народъ нашей страны». «Ирландцы въ Америкѣ—говоритъ авторъ The Irish in America—постоянно развиваются, идутъ впередъ, улучшаютъ свое положеніе, и вообще, оставляя свое отечество, они очень много выигрываютъ. Во всѣхъ отрасляхъ жизни они замѣтны здѣсь,—какъ купцы, банкиры, фабриканты, адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, литераторы, ученые, артисты, учителя, воины, какъ люди, мудрые въ совѣтѣ и страшные въ битвѣ, какъ государственные мужи». Но и за границей не всѣ ирландцы исправляютъ свои національные недостатки, а только тѣ, которые попадаютъ въ лучшія условія, чѣмъ въ отечествѣ. Д-ръ Маколэ, новѣйшій наблюдатель ирландской жизни (Ireland in 1872, London, 1873), говоритъ по поводу этого: «Ирландское народонаселеніе Манчестера, Ливерпуля, Глазгова, Лондона и другихъ большихъ городовъ Англіи и Шотландіи доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ. Большею частію это люди трудолюбивые и почтенные... Но въ то же самое время во всѣхъ этихъ городахъ есть притоны нищеты и порока, въ которыхъ ирландскій характеръ проявляется со всѣми своими худшими чертами. Самые скверные кварталы обыкновенно тѣ, въ которыхъ живутъ ирландцы... Рабочій, который въ Ирландіи получаетъ 3 шиллинга въ день и проживаетъ ихъ, въ Англіи получаетъ 4 шиллинга, живетъ на 3 и пропиваетъ четвертый».

Таковы были результаты эмиграціи для эмигрантовъ. Что же сталось съ Ирландіей вслѣдствіе «очистки» ея посредствомъ голода и эмиграціи?

Англичане говорятъ, что эта очистка весьма благотворно отозвалась на развитіи Ирландіи, и если послѣдняя продолжаетъ еще бѣдствовать, то оттого только, что все еще страдаетъ избыткомъ народонаселенія, все еще недостаточно «очищена»...

Убыль 3,000,000 народа изъ 8,000,000 должна была произвесть громадный переворотъ въ экономической жизни страны; и англичане доказываютъ, что переворотъ этотъ совершился къ лучшему. Съ 1848 г. правительство облегчило продажу заложенныхъ недвижимыхъ имѣній, которыхъ и продано до 1859 г. на сумму 25,190,839 ф. ст. Такимъ образомъ, $^1/_5$ ирландской земли перешла отъ невѣжественныхъ, несостоятельныхъ и расточительныхъ ландлордовъ въ руки предпріимчивыхъ капиталистовъ, заботившихся о раціональной обработкѣ земли, которая распредѣлилась между большимъ числомъ владѣльцевъ: 3,000 имѣній, проданныхъ до 1858 г., были раздѣлены на 8,000. Вслѣдствіе этого, количество обработанныхъ земель съ 1841 по 1850 увеличилось съ 13,464,000 до 14,802,000 акровъ; поземельный доходъ, составлявшій въ 1841 г. 12,500,000, возвысился въ 1861 г. до 15,625,000 ф. ст. Въ 1841 г. въ Ирландіи было скота на 21,800,000, а въ 1861 г. на 41,700,000 ф. ст. Рабочая плата батракамъ, составлявшая въ 1841 г. 8—9 пенсовъ, поднялась до 1 шиллинга въ день. Вкладовъ въ ирландскіе банки было въ 1841 г. 6,250,000, а въ 1861 г. 15,625,000 ф. ст. Вслѣдствіе ежегоднаго ввоза 4,000,000 квартеровъ пшеницы и маиса, питаніе народа улучшилось не только качественно, но и количественно, такъ какъ число ртовъ уменьшилось. «Островъ—говоритъ Лавелэ — уже не представляетъ того однообразнаго характера разоренія, который такъ грустно поражалъ путешественника тридцать лѣтъ назадъ. Нѣкоторые землевладѣльцы произвели на свой счетъ необходимыя работы, другіе заключили со своими арендаторами долгосрочные контракты, которые позволили послѣднимъ привести въ надлежащій порядокъ свои фермы. Поэтому въ настоящее время вы видите рядомъ обнаженныя, необработанныя пространства земли съ несчастными мазанками, разбросанными тамъ и сямъ, и великолѣпныя помѣстья, населенныя счастливыми земледѣльцами». Въ послѣднее время въ особенности процвѣтаетъ провинція Ульстеръ, вслѣдствіе обезпеченности въ ней пользованія землей, о чемъ мы уже говорили. «Въ Ульстерѣ—говоритъ Ричардъ Адамсъ—земледѣліе совершенствуется, торговля процвѣтаетъ, голодъ почти неизвѣстенъ, народъ хорошо ѣстъ, хорошо одѣвается, живетъ въ хорошихъ домахъ и получаетъ хорошее воспитаніе. Ульстеръ единственная провинція, въ которой кипитъ промышленность, въ которой кирпичныя красныя трубы, такъ ненавистныя артисту, портятъ ландшафтъ. Ульстеръ обѣщаетъ скоро сдѣлаться Манчестеромъ въ промышленности и Ливер-

гулемъ въ торговлѣ». Въ умственномъ и нравственномъ развитіи народа также замѣтна перемѣна къ лучшему. Книжные магазины, типографіи, новыя книги размножаются. Въ 1846 г. въ Ирландіи было 106 газетъ, въ томъ числѣ 1 ежедневная; въ 1872 г. было уже 137 газетъ, изъ нихъ 19 ежедневныхъ. Нравы народа значительно смягчились. Оргій, сопровождавшихъ прежде похороны, и плакальщицъ, которыхъ нанимали для провожденія покойниковъ, теперь ужъ нѣтъ. Ярмарки и приходскіе праздники, на которыхъ въ старину было столько пьянства, дракъ, убійствъ, боксированья, сдѣлались гораздо спокойнѣе и приличнѣе. Дуэли, кулачный бой, поголовное пьянство со всевозможными безобразіями также значительно ослабѣли.

Но какъ ни замѣтенъ ирландскій прогрессъ, онъ все-таки непроченъ, а главное—крайне односторонень. Послѣ голода, продажи заложенныхъ имѣній и исчезновенія «посредниковъ», въ Ирландіи начали уменьшаться въ своемъ количествѣ мелкія фермы и въ ущербъ имъ умножаться среднія. Почти всѣ заложенныя имѣнія перешли или къ ландлордамъ, или къ капиталистамъ средней руки. Мелкихъ же фермеровъ выгоняли попрежнему, чтобы изъ соединенія нѣсколькихъ миніатюрныхъ арендъ сдѣлать одну средней руки. Въ одномъ только 1850 г. было согнано 75,000 фермеровъ. Въ одномъ имѣніи, въ графствѣ Клеръ, съ 1850 по 1869 г. было согнано 1,442 семейства. Въ 1866—68 г. было согнано около 4,500 фермеровъ. Мелкія фермы начали сильно уменьшаться въ своемъ числѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ таблицъ*):

	въ 1841 г.	въ 1861 г.	въ 1871 г.
Фермъ не болѣе 1 акра	н. ц.	40,080	44,448
» отъ 1 до 5 акровъ	310,436	85,461	74,809
» отъ 5 до 15 акровъ	252,799	183,931	171,383
» отъ 15 до 30 акровъ	79,342	141,252	138,647

По вычисленіямъ Маколэ, фермъ въ 1 акръ и менѣе съ 1841 по 1871 г. уменьшилось на 55%, фермъ въ 15—30 акровъ съ 1841 по 1861 г. увеличилось почти вдвое. Еще таблица:

	въ 1864 г.		въ 1871 г.	
	Число фермъ.	Пространство ихъ въ акрахъ.	Число фермъ.	Пространство ихъ въ акрахъ.
Фермъ не болѣе 1 акра	48,653	25,394	44,448	25,334
» отъ 1 до 5 акр. . . .	82,037	288,916	74,809	266,665
» отъ 5 до 15 акр. . . .	176,368	1,836,310	171,383	1,798,178
» отъ 15 до 30 акр. . . .	136,578	3,051,343	138,647	3,090,114
» отъ 30 до 50 акр. . . .	71,961	2,906,274	72,787	2,938,351
» отъ 50 до 100 акр. . . .	54,247	3,983,880	55,062	4,048,984

Такимъ образомъ, фермы менѣе 15 акровъ значительно уменьшились даже въ короткій промежутокъ между 1864 и 1871 гг., а фермы больше 15 акровъ умножились. Съ 1861 по 1871 г. первыхъ уменьшилось на 12,548. Дѣла, очевидно, идутъ къ тому, чтобы уничтожить мелкія аренды, въ особенности тѣ, которыя не превышаютъ 15 акровъ, заставить мелкихъ арендаторовъ выселиться или превратить ихъ въ батраковъ и передать всю землю въ руки крупныхъ арендаторовъ. «Сосредоточеніе хозяйствъ—говоритъ Марксъ—уничтожило главнымъ образомъ аренды, не превышающія 15 акровъ. Прежде всего должны исчезнуть онѣ. Это дастъ 307,058 «излишнихъ» арендаторовъ, считая же среднимъ числомъ ихъ семейства состоящими изъ 4 человѣкъ,—всего 1,228,232 ч. Дѣлая невѣроятно преувеличенное предположеніе что $^1/_4$ этихъ лицъ найдетъ себѣ занятіе въ странѣ по совершеніи земледѣльческаго переворота, мы все-таки получаемъ 921,174 лица, которые должны эмигрировать. Фермы, начиная съ 15 и не выше 100 акровъ, какъ уже давно извѣстно въ Англіи, слишкомъ малы для капиталистическаго земледѣлія, для овцеводства же представляютъ безконечно малыя величины. При такой же невѣроятно высокой смѣтѣ числа оставшихся, какая сдѣлана выше, должно выселиться, слѣдовательно, еще 788,761 ч., а всего 1,709,532 ч. А такъ какъ l'appetit vient en mangeant, то глаза рантьеровъ найдутъ, что Ирландія и съ $3^1/_2$ милліонами жителей слишкомъ бѣдствуетъ, а бѣдствуетъ оттого, что чрезмѣрно населена, и потому народонаселеніе ея должно еще болѣе уменьшиться, чтобы она могла, наконецъ, выполнить свое истинное призваніе—быть англійской овчарней и пастбищемъ». Впрочемъ, въ настоящее время мелкіе и средніе арендаторы (обрабатывающіе не больше 100 акровъ) все еще имѣютъ въ своихъ рукахъ $^8/_{10}$ ирландской земли, которая раздѣлена между 9,000 собственниковъ.

Часть согнанныхъ съ земель мелкихъ фермеровъ, не эмигрировавшихъ въ Америку, поступила въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ, а масса превратилась въ жалкихъ земледѣльческихъ батраковъ. «Они—говоритъ Милль—живутъ въ величайшей бѣдности. Задѣльная плата, правда, значительно возвысилась, но въ то же время значительно возвысилась и стоимость содержанія, такъ что номинальное улучшеніе вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности». Независимо отъ положенія народной массы, о которомъ мы будемъ говорить ниже болѣе подробно, вышеприведенныя статистическія данныя относительно ирландскаго прогресса

*) Составлены по Лавелэ, К. Марксу и Маколэ; *н. ц.*—значитъ нѣтъ цифры.

далеко не подтверждаютъ тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаются изъ нихъ англійскими оптимистами. Количество обработанныхъ земель увеличивалось не долго и съ 1850 г. стало уменьшаться. Въ 1850 г. обработанныхъ земель было 14,802,581, а въ 1860 только 5,970,139 акровъ, затѣмъ 5,519,678 акровъ. Съ 1861 по 1865 г. количество земли, засѣянной хлѣбомъ, уменьшилось на 428,041, а засѣянной картофелемъ уменьшилось на 107,984 акра. Въ 1860—1863 гг. пространство воздѣланной земли уменьшилось на 400,000, а пространство пастбищъ увеличилось на 500,000 акровъ. Въ 1869 г. пашенъ уменьшилось еще на 164,000 акровъ. Въ 1866 г. изъ 20,815,460 акровъ всей земли было подъ пастбищами 10,004,244, а подъ пашнями только 5,520,568 акровъ *). Льну было добыто въ 1866 г. 819,825 центнеровъ, на 2,049,562 ф. ст.; въ 1870 г. — 615,500 центнеровъ, а въ 1871 г.—только 258,588 цент., на 727,481 ф. стерл. Всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ было въ 1859 г. на 39 милліоновъ ф. ст.; въ 1860 г.—на 34 м., въ 1862 г.—на 29 милл., въ 1863 г.—на 27 мил. ф. стерл. По таблицамъ Маркса (томъ I, стр. 603—606), въ 1860—1865 гг. изъ 619,811 лошадей убыло 72,358, рогатаго скота убыло 116,626, а прибыло только 146,608 овецъ да 28,819 свиней. Производительность земли, вслѣдствіе истощенія, также падаетъ. Система земледѣлія, улучшенная только по мѣстамъ, въ большей части имѣній остается въ прежнемъ плохомъ состояніи, и, по вычисленію Лаверня, необходимо 320,000,000 ф. ст., чтобы обработанную ирландскую землю довести до такого же совершенства, какимъ отличается земля другихъ цивилизованныхъ странъ!.. Въ 1847 г. пустыхъ, но способныхъ къ воздѣлыванью земель было 4,600,000 акровъ. Ихъ предлагали продать мелкими участками по 20—30 акровъ и, такимъ образомъ, создать крестьянъ-собственниковъ; но вмѣсто того, земли эти ушли подъ барановъ, хотя и въ настоящее время ихъ остается еще 1,000,000 акровъ. Въ одномъ, очень важномъ отношеніи ирландское земледѣліе послѣ 1847 года сдѣлало даже значительный шагъ назадъ. Голодъ 1846 года былъ слѣдствіемъ картофельнаго неурожая, и подобные голода будутъ угрожать странѣ до тѣхъ поръ, пока она не замѣнитъ хлѣбной пищей картофель, который нельзя запасать на случай неурожаевъ. Между тѣмъ Ирландія поступаетъ совершенно наоборотъ, увеличивая производство картофеля и уменьшая разведеніе пшеницы. Было посѣяно акровъ:

	пшеницы.	картофеля.
Въ 1847 г. . . .	743,000	284,000
» 1848 г. . . .	565,000	742,000
» 1852 г. . .	353,000	876,000
» 1856 г. . . .	529,000	1,104,000
» 1859 г. . . .	465,000	1,200,000
» 1861 г. . . .	406,000	1,133,000

Слѣдовательно, Ирландія распорядилась своими производительными силами не такъ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія голода, а такъ, чтобы въ случаѣ этого несчастія еще болѣе усилить его сравнительно съ 1846—1847 гг. Другой важный источникъ народнаго питанія и обезпеченія на случай неурожаевъ, рыбныя ловли, также падаютъ. На ирландскихъ морскихъ водахъ было:

	ирландскихъ судовъ.	рабочихъ.
Въ 1846 г.	19,883	113,073
» 1848 г.	19,652	81,717
» 1852 г.	11,789	58,789
» 1862 г.	11,590	50,220
» 1871 г.	8,999	38,629

Всѣ рыбныя ловли, вдобавокъ, монополизированы разными спекуляторами, а у народа нѣтъ для рыболовства ни судовъ, ни снастей. Мелкая торговля значительно уменьшилась. «Какъ ни мало индивидуальное потребленіе эмигрировавшихъ, — говоритъ Марксъ,—въ общемъ итогѣ прекращеніе его оставляетъ на внутреннемъ рынкѣ пробѣлъ, отражающійся главнымъ образомъ на мелочныхъ лавочникахъ и ремесленникахъ и вообще на мелкихъ промышленникахъ. Выселеніе каждой новой партіи обращаетъ часть мелкаго средняго класса въ пролетаріевъ». Это можно видѣть изъ уменьшенія доходовъ (кромѣ арендаторскихъ) ниже 100 ф. ст. О'Коннеръ Морисъ, путешествовавшій по Ирландіи въ 1869 г., свидѣтельствуетъ, что почти всѣ города значительно пали съ 1846 г., не смотря на блестящія наружныя улучшенія, которыя бросаются въ глаза особенно въ Дублинѣ, не смотря на страшно увеличившееся потребленіе предметовъ роскоши. «Въ немногихъ городахъ— говоритъ онъ—контрасты между бѣдностью и богатствомъ такъ рѣзки, какъ въ Дублинѣ». Къ тому же и наружные успѣхи цивилизаціи—доки, желѣзныя дороги, телеграфы и т. п.—произведены не столько ирландцами, сколько англійскими предпринимателями, въ пользу которыхъ и идутъ барыши, доставляемые ими.

За исключеніемъ немногочисленнаго контингента ландлордовъ и крупныхъ фермеровъ, масса народа попрежнему остается въ нищетѣ. «Богатые джентльмены и богатые фермеры, говоря вообще, чрезвычайно богаты, крестьяне же и земледѣльческіе работники чрезвычайно бѣдны», говоритъ О'Коннеръ Морисъ. Случаи голодной смерти бываютъ постоянно. Тифъ, черная оспа и другія эпидеміи не перестаютъ поражать народъ, вслѣдствіе дурного питанія и отвратительныхъ помѣщеній, въ которыхъ люди живутъ вмѣстѣ со свиньями, или «лошадь стоитъ въ одномъ углу хижины, а семья обѣдаетъ въ другомъ». Гораздо лучше земледѣльцевъ живутъ ирландскіе фабричные рабочіе, но посмотрите, какъ хороша и эта «лучшая» жизнь. «Во время моего послѣдняго обзора сѣвера Ирландіи,—говорилъ одинъ фабричный инспекторъ,—ме-

*) Писатели, доказывающіе прогрессъ Ирландіи, говорятъ, что въ 1841 г. пахотныхъ земель было 13,464,000 акровъ, а въ 1866 г.—15,549,000 акровъ (Jervis, p. 306). Но это просто недобросовѣстный фокусъ. *Способной къ воздѣлыванью* земли, arable land, въ Ирландіи, дѣйствительно, около 16,000,000 акровъ, но *воздѣланной* только около 5½ милліоновъ.

ня поразили старанія одного искуснаго ирландскаго рябочаго дать образованіе своимъ дѣтямъ, не смотря на самыя убогія средства. Я привожу его показанія буквально, какъ слышалъ отъ него самого. Что онъ дѣйствительно искусный работникъ, видно изъ того, что его употребляли при изготовленіи товаровъ для манчестерскаго рынка. «Я работаю съ 6 часовъ утра до 11 ночи, съ понедѣльника до пятницы, по субботамъ мы кончаемъ въ 6 часовъ вечера; 3 часа намъ дается на ѣду и отдыхъ. У меня пятеро дѣтей. Я получаю въ недѣлю 10 шиллинговъ 6 пенсовъ; жена моя также работаетъ и получаетъ въ недѣлю 5 шиллинговъ. Старшая, 12-лѣтняя дочь, смотритъ за домомъ; она наша кухарка и единственная помощница. Она приготовляетъ дѣтей въ школу. Жена моя вмѣстѣ со мною встаетъ и вмѣстѣ уходитъ. Дѣвочка, которая проходитъ мимо нашего дома, будитъ меня въ половинѣ 6-го часа. Передъ отправленіемъ на работу мы ничего не ѣдимъ. Двѣнадцатилѣтній ребенокъ смотритъ за младшими дѣтьми въ теченіе дня. Завтракаемъ мы въ 8 часовъ и для этого ходимъ домой; чай у насъ бываетъ разъ въ недѣлю; въ другіе же дни у насъ бываетъ каша, обыкновенно овсяная, а если есть возможность, то иногда и рисовая. Лѣтомъ мы собираемъ картофель, которымъ сами засѣваемъ клочокъ земли; когда же онъ выйдетъ, то принимаемся опять за кашу. Такъ идетъ изо дня въ день, въ праздникъ и въ будни, круглый годъ. По вечерамъ, послѣ дневной работы, я всегда страшно устаю. Немного мяса мы ѣдимъ въ исключительныхъ случаяхъ, но очень рѣдко. Трое нашихъ дѣтей посѣщаютъ школу, и мы платимъ за каждаго по 1 пенни въ недѣлю. Наемъ дома обходится въ недѣлю 9 пенсовъ, торфъ для топки составляетъ, по крайней мѣрѣ, 1 ш. 6 п. въ 2 недѣли». Каково же послѣ этого положеніе земледѣльческаго батрака, получающаго—самое большее—7 шиллинговъ въ недѣлю!.. Вотъ въ какомъ положеніи живетъ масса земледѣльцевъ, по свидѣтельству Реванса, секретаря комиссіи для изслѣдованія о бѣдныхъ (Irish poor law Enquiry Comission). «Каждое крестьянское семейство, не имѣющее достаточно земли для своего содержанія, поддерживаетъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ посредствомъ милостыни; понятно, что оно съ радостью ухватывается за каждый клочокъ земли, который можно взять въ аренду, не обращая вниманія ни на плодородность почвы, ни на возможность или невозможность платить ренту. Ренту, на которую соглашаются эти бѣдняки, они почти никогда не въ состояніи уплачивать; вслѣдствіе этого они немедленно же по снятіи земли дѣлаются должниками тѣхъ, у кого сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ всю сумму продуктовъ земли, за исключеніемъ извѣстнаго количества картофеля, необходимаго для ихъ пропитанія; но такъ какъ урожай рѣдко равенъ цѣнности обѣщанной ренты, то долгъ ихъ постоянно возрастаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже наибольшее количество продуктовъ, какое только можетъ дать ихъ земля, или какое, при своей системѣ земледѣлія, они могутъ добыть въ самое благопріятное для нихъ время, не можетъ окупить требуемой ренты. Слѣдовательно, если бы крестьянинъ и исполнялъ свои обязательства, данныя ландлорду,—что онъ рѣдко можетъ сдѣлать,—то самъ онъ все-таки не получитъ никакой выгоды отъ обработки земли и только заплатитъ землевладѣльцу за позволеніе обработать ее. На морскомъ берегу рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ ткачи часто платятъ въ видѣ ренты больше, чѣмъ стоятъ по рыночнымъ цѣнамъ всѣ продукты арендуемой ими земли. Можно предполагать, что при такихъ условіяхъ они жили бы лучше безъ земли. Но уловъ рыбы или запросъ на продукты ткацкихъ станковъ могутъ прекратиться на недѣлю или на двѣ, и, въ такомъ случаѣ, безъ земли они могутъ умереть съ голода. Впрочемъ, вся сумма аренды рѣдко уплачивается. Крестьянинъ постоянно остается въ долгу своему ландлорду; все его жалкое имущество—лохмотья, которыми прикрыты онъ и его семейство, два или три стула да нѣсколько горшковъ—не могутъ при продажѣ покрыть его вѣчнаго и постоянно возрастающаго долга. Большая часть крестьянъ въ долгу за годъ. Если когда-нибудь и выпадаетъ годъ чрезвычайно обильнаго урожая или, благодаря случайности, крестьянинъ пріобрѣтаетъ что-нибудь лишнее, его жизнь все-таки не улучшается; его пища не становится ни лучше, ни изобильнѣе; ни онъ, ни жена его, ни дѣти не могутъ завести себѣ новой одежды. Пріобрѣтенное должно идти кредитору, у котораго онъ арендуетъ землю; случайно добытая лишняя сумма даетъ ему только возможность заплатить долгъ и избавиться отъ изгнанія съ фермы». Этотъ несчастнѣйшій разрядъ фермеровъ, эти «хижинщики» (cottiers) находятся въ такомъ положеніи, что, по замѣчанію Милля, «они не могли бы жить, если бы ландлордъ вздумалъ когда-нибудь воспользоваться всѣми своими легальными правами».

Оптимисты утверждаютъ, что ирландскіе земледѣльцы должны пользоваться теперь гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ прежде, такъ какъ задѣльная плата постепенно возвышается. Но дѣло въ томъ, что въ такой же точно постепенности усиливается дороговизна жизни и поднимается цѣна ренты. Остальныя же условія, которыми обстановлена жизнь крестьянина, до послѣдняго времени не измѣнились ни въ чемъ существенномъ. Въ то время, какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ изъ 6 жителей 1 поземельный собственникъ, въ Ирландіи 1 поземельный собственникъ приходился болѣе, чѣмъ на 600 человѣкъ. Не смотря на то, что трудъ ирландскаго земледѣльца продолжается въ годъ отъ 135 до 200 дней, смотря по обстоятельствамъ, остальное же время остается у него незанятымъ, Ирландія все-таки существуетъ однимъ земледѣліемъ и, продавая Англіи свое сырье, деньги, полученныя за него, отдаетъ той же Англіи въ видѣ поземельной ренты и платы за мануфактуры, сдѣланныя изъ ирландскаго сырья. Земледѣльческій элементъ, находящійся подъ давленіемъ землевладѣльческаго, играетъ главную роль

а въ ирландскомъ самоуправленіи. Въ настоящее время считается:

	городскихъ избирателей.	сельскихъ избирателей.
Въ Англіи.....	1,250,019	801,109
» Шотландіи....	171,912	78,919
» Ирландіи.. ..	49,025	175,439

Арендаторы ирландскіе раздѣляются на два рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого разряда—капиталистовъ и крестьянъ-фермеровъ. Первые снимаютъ фермы, чтобы нажить барыши на капиталъ, затраченный на земледѣльческое предпріятіе, а вторые, чтобы какъ-нибудь прокормиться со своими семьями; первые договариваются съ ландлордами, какъ равная съ послѣдними экономическая сила, и всегда заключаютъ контракты на болѣе или менѣе продолжительные сроки; послѣдніе, подъ гнетомъ нужды, контрактовъ не заключаютъ, снимаютъ ферму на годъ, по «добровольному соглашенію» (at will). Само собою понятно, что ландлорды предпочитаютъ сдавать землю на послѣднемъ условіи. По даннымъ 1870 г., изъ 682,148 фермъ 20,217 находились въ рукахъ собственниковъ, 135,392 въ арендѣ по контракту и 526,539 въ арендѣ безъ всякихъ условій, на доброй волѣ собственника. Ландлордъ попрежнему сгонялъ такихъ арендаторовъ, когда только хотѣлъ, и это, по выраженію Гладстона, «поддерживало хроническій недугъ, подтачивающій ирландское общество». Право ландлордовъ на всѣ улучшенія, сдѣланныя арендаторомъ на фермѣ, упорно держалось и въ жизни, и въ юридической практикѣ. Если бы это право не умѣрялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстными опасеніями, барскою небрежностью, гуманнымъ чувствомъ, то невозможно измѣрить глубину несчастій, въ которую оно повергло бы ирландскихъ фермеровъ. Вотъ однажды О'Коннеръ Морисъ видитъ въ уединенномъ мѣстѣ отличный домъ съ тафельной крышей и спрашиваетъ арендатора, онъ ли построилъ этотъ домъ. «О, нѣтъ, сэръ,—отвѣчаетъ тотъ:—его выстроилъ мой предшественникъ; онъ теперь, бѣдный, въ Америкѣ». Потомъ онъ прибавляетъ, бросая вокругъ себя взгляды ненависти и злобы: «онъ долженъ былъ за годъ аренды 28 фунтовъ, а у него взяли домъ, который стоитъ 100 фунтовъ!» Лесли разсказываетъ слѣдующую исторію: «Маркизъ Томандъ никогда не безпокоилъ своихъ арендаторовъ, не возвышалъ ихъ ренты и дозволялъ имъ производить всѣ работы, необходимыя для земледѣльческихъ улучшеній. Питая къ нему полное довѣріе, фермеры возводили строенія, осушали земли, производили всякія улучшенія; но маркизъ умираетъ, и его имѣнье продается; тогда несчастные фермеры потеряли все. Я видѣлъ — говоритъ одинъ свидѣтель—несчастнаго земледѣльца, который собралъ все, что имѣлъ, для выкупа имъ самимъ созданныхъ предметовъ и, не успѣвъ въ этомъ, отправился въ Америку, затаивъ въ своемъ сердцѣ ненависть ко всему роду человѣческому». Очищеніе фермъ совершалось въ большихъ размѣрахъ вплоть до 1870 г. Около этого времени корреспондентъ «Англійской Иллюстраціи» писалъ, что «въ центральной Ирландіи вездѣ, въ годахъ, въ селахъ и вдоль дорогъ, вы встрѣчаете разоренныя хижины; но въ графствѣ Майо вы проѣзжаете цѣлые округа, совершенно лишенные народонаселенія въ послѣднія шесть лѣтъ. Это теперь просто пустыня, и не видно ни людей, ни домашняго скота на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно существовали сотни маленькихъ фермъ. Въ окрестностяхъ Балибега обширныя болота превращены въ плодородную землю цѣною постояннаго труда нѣсколькихъ поколѣній; однако не пощадили и этой земли, завоеванной столь тяжкимъ трудомъ; многіе изъ обработавшихъ ее земледѣльцевъ были изгнаны». Даже англійскіе судьи не стѣснялись гласно высказывать невыгодныя мнѣнія объ упомянутомъ правѣ ландлорда. Въ 1863 г. одинъ фермеръ, жалуясь на изгнаніе, заявлялъ, что онъ произвелъ на фермѣ такія улучшенія, которыя возвысили цѣнность ея на 900 ф. ст., а самъ онъ сдѣлался нищимъ. Судья отвѣчалъ: «бѣдный человѣкъ, вамъ невозможно помочь; правосудіе за васъ, но законъ противъ васъ!..»

Ненадежность пользованія землей и право ландлорда на улучшенія, сдѣланныя фермеромъ, были главною причиною ирландской нищеты. Гдѣ дѣйствовало упомянутое уже нами обычное *право пользователя* и земля сдавалась по контракту, тамъ не было и нищеты. Кучеръ Мориса справедливо замѣтилъ ему: «гдѣ вы видите довольство, тамъ, значитъ, существуетъ арендный контрактъ; гдѣ вы видите нищету, тамъ землевладѣлецъ въ немъ отказываетъ». «Прекрасныя строенія,—говоритъ Морисъ,—крытыя аспидомъ или черепицей, посреди хорошо обработанныхъ полей, хорошо откормленный скотъ и работники, чисто одѣтые, съ довольными лицами,—вотъ несомнѣнный признакъ, что земля сдана по контракту. Но вотъ рядомъ другая ферма: стоячая вода гніетъ, заражая воздухъ за неимѣніемъ стока. Нѣсколько полуразвалившихся хижинъ, подпертыхъ кольями, стоятъ посреди поросшихъ репейникомъ и сорными травами полей; чахлый скотъ свободно топчетъ ихъ, проходя черезъ поломанную изгородь. По дорогѣ навалены камни, которыхъ никто не потрудится прибрать. На скатѣ холма нѣсколько женщинъ въ лохмотьяхъ уныло роютъ лопатами поле для посѣва картофеля. Нищета ихъ дѣластъ еще болѣе мрачной эту картину запустѣнія».

Что же сдѣлала Англія для облегченія этой ужасающей нищеты? Она ввела налогъ въ пользу бѣдныхъ, стала собирать его съ милліоновъ нищихъ для содержанія нѣсколькихъ сотъ тысячъ другихъ нищихъ. Сборъ этотъ сдѣлался почти столь же ненавистенъ, какъ и протестантская десятина, и даже возбуждалъ мятежи. Въ 1858 г. налогъ этотъ составлялъ 413,000, а въ 1871 г. 685,000 ф. ст. Помогая немногимъ, онъ только усиливаетъ нищету остальныхъ.

Такимъ образомъ, поземельная система Ирландіи привела къ тому, что цѣлый 1,000,000 акровъ годныхъ къ воздѣлыванію земель не обра-

батывается, а изъ остальной земли около $^2/_3$ лежитъ подъ пастбищами и только около $^1/_3$ подъ пашнями. «Эта система—говоритъ Макъ Кэрти—сдѣлала ирландскаго крестьянина самымъ несчастнымъ земледѣльцемъ въ Европѣ. Господство ея привело къ застою торговли, паденію мануфактуръ, обѣднѣнію городовъ и недовольству народа».

X.

Всеобщее недовольство ирландскаго народа давно уже значительно измѣнило свой прежній характеръ религіозно-національной борьбы католическихъ кельтовъ съ саксонцами протестантскаго вѣроисповѣданія. Ирландскій вопросъ уже перешелъ въ соціально-политическій, и религіозныя отношенія занимаютъ въ немъ второстепенное мѣсто. Хотя до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Ирландіи почти всѣ землевладѣльцы протестанты, а всѣ фермеры и батраки католики, но вообще католическихъ ландлордовъ, а также фермеровъ и батраковъ протестантскаго вѣроисповѣданія довольно много. Послѣднимъ живется такъ же плохо, какъ и католикамъ ихъ положенія; что же касается католическихъ ландлордовъ, то «эти джентльмены—говоритъ Морисъ — въ большинствѣ случаевъ нисколько не популярнѣе ихъ протестантскихъ собратій и хозяйничаютъ въ своихъ имѣніяхъ на одинаковыхъ съ послѣдними основаніяхъ». Чистой ирландской расы тоже почти уже нѣтъ, и ирландская кровь сильно смѣшана съ англійскою, шотландскою, французскою. Чистые кельты занимаютъ только западный уголъ страны, населяя большую часть графствъ Керри и Клэръ и береговую полосу въ графствахъ Гальвей и Майо. Сѣверъ и восточный берегъ заселенъ потомками шотландскихъ, норманскихъ и англійскихъ колонистовъ, а центръ страны—ирландцами, смѣшанными съ англо-саксонцами и бельгійцами. Такимъ образомъ, ирландская національность изъ расовой формы перешла уже въ политическую, и народныя движенія приняли чисто-политическій характеръ. Главнымъ мотивомъ этихъ движеній служитъ все тотъ же злополучный аграрный вопросъ, этотъ гордіевъ узелъ, надъ завязываньемъ котораго трудились семь вѣковъ. Аграрныя преступленія продолжаются попрежнему, и замѣчательно, что аграріанизмъ особенно силенъ, между прочимъ, въ мѣстностяхъ, жители которыхъ или происходятъ отъ англичанъ, или имѣютъ въ своихъ жилахъ значительную примѣсь англійской крови, какъ, напр., въ Westmeath'ѣ. Ирландія все еще находится въ томъ несчастномъ, болѣзненномъ состояніи, по поводу котораго Синьоръ сказалъ: «въ Ирландіи два кодекса: одинъ, изданный парламентомъ и примѣняемый судьями, другой — составленный поселянами и исполняемый убійцами». Волненія, возбужденныя въ шестидесятыхъ годахъ усиленіемъ народныхъ нуждъ и сознаніемъ необходимости въ поземельной реформѣ, сопровождались и усиленіемъ аграрныхъ преступленій, которыхъ было:

Въ 1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.
88	123	160	767	1,329

Что эти преступленія гораздо слабѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ право пользователя и обезпеченное владѣніе землей, доказываетъ слѣдующая таблица по даннымъ 1861 г.:

	Число жителей.	Убійствъ.	Число убійствъ на 10,000 жителей.	Угрожающихъ писемъ.
Въ Ульстерѣ.	1,760,420	42	0,24	845.
Въ остальной Ирландіи .	3,702,695	235	0,63	2,731.

Аграрныя преступленія служатъ результатомъ извращенныхъ страстей народа. Положеніе этого народа было бы безнадежнымъ и отчаяннымъ, если бы онъ участвовалъ въ насущномъ вопросѣ своей жизни только такимъ преступнымъ образомъ. Но независимо отъ аграріанизма, ирландскій народъ сознаетъ свои нужды и работаетъ мыслью надъ ихъ удовлетвореніемъ. Тотчасъ послѣ голода 1846—47 г. въ провинціи Мюнстеръ, въ графствѣ Типперари, составилась изъ мелкихъ арендаторовъ и земледѣльцевъ «лига типперэрскихъ фермеровъ», которая и внесла въ свою программу, что «право ландлорда будетъ ограничено правомъ фермера. Ландлордъ будетъ получать свою ренту за землю, но фермеръ будетъ занимать эту землю на вѣчныя времена. Рента не будетъ больше назначаться произволомъ ландлорда или его агентовъ, но опытными присяжными или какимъ-нибудь трибуналомъ, положеніе котораго между ландлордомъ и фермеромъ было бы совершенно безпристрастно». О'Коннеръ Морисъ въ своемъ путешествіи убѣдился, что весь народъ, во всей Ирландіи, страстно, неудержимо, не допуская никакихъ возраженій, желаетъ правъ пользователя и *постояннаго владѣнія землей*, fixity of tenure (pages 25, 53, 65, 85, 313 и др.). Желаніе пользоваться землей по долгосрочнымъ контрактамъ существовало уже сотни лѣтъ назадъ и, не будучи удовлетворено, расширило свои требованія. Одинъ собственникъ замѣтилъ Морису, что «теперь уже слишкомъ поздно удовлетворять его; ландлорды предпочитали держать своихъ фермеровъ въ порабощеніи, и я боюсь, что фермеры давно уже настолько деморализированы и возбуждены, что не удовлетворятся уступкою долгосрочныхъ контрактовъ». Дѣйствительно, въ народѣ сильно уже развито стремленіе къ поземельной собственности и сознаніе права собственности. «Народъ Ирландіи—говоритъ Трэнчъ—положилъ въ это дѣло свою душу и готовъ драться до послѣдней капли крови, чтобы добыть себѣ снова старый законъ». Молодая партія ирландскаго католическаго духовенства поддерживаетъ и подогрѣваетъ эти стремленія. Народъ еще помнитъ о своемъ старомъ брегонскомъ правѣ, когда у него существовала сельская община. И хотя теперь она давно уже не владѣетъ землей, но остатки сельской общины сохраняются по мѣстамъ до настоящаго времени въ формѣ такъ называемаго joint tenancy,

общиннаго фермерства. Вотъ, напр., деревня изъ 100 семей снимаетъ у ландлорда 200 акровъ и раздѣляетъ ихъ по 2 акра на семью; если которая семья не въ состояніи платить аренды, то за нее платятъ остальныя. Поземельный вопросъ горячо обсуждался въ фермерскихъ клубахъ и на митингахъ, и народъ болѣе и болѣе проникался сознаніемъ своихъ нуждъ и правъ. Въ клубахъ эти обсужденія велись въ формѣ слѣдующихъ вопросовъ и отвѣтовъ. *В.* Слѣдуетъ ли примѣнить fixity of tenure (постоянное пользованіе) и къ мелкимъ фермамъ?—*О.* Да.—*В.* Даже къ коттеджу и огороду работниковъ?—*О.* Да.—*В.* Если работникъ не захочетъ работать и станетъ красть мой овесъ, то въ правѣ ли я прогнать его и взять другого?—*О.* Разумѣется; но вы не имѣете права отнять у него коттеджа и огорода.—*В.* Куда же я помѣщу новаго работника? мнѣ придется строить для него новый домъ?—*О.* Я полагаю, что такъ.—*В.* Если новый работникъ умретъ, я не имѣю права отнять его домъ у вдовы?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Такъ мнѣ придется строить третій домъ?—*О.* Да, придется».—Волненіе народа, возбужденное этими вопросами, возрастало до 1870 г. со дня на день. Просвѣщеннѣйшіе люди Ирландіи и Англіи начали требовать реформы и предлагать проекты. Дублинскій профессоръ Беттъ доказывалъ, что, наконецъ, необходимо «освободить рабовъ Ирландіи, давъ имъ аренды на срокъ не менѣе 60 лѣтъ за ренту, опредѣленную особой комиссіей экспертовъ. О'Брайанъ, главный шерифъ въ Лимерикѣ, писалъ, что «въ виду настоятельной необходимости, никакая жертва не должна казаться великою. Требованіе fixity of tenure—не утопія мечтателей соціалистовъ; она исходитъ изъ вѣрнаго сознанія настоящихъ причинъ упадка земледѣлія въ Ирландіи и нищеты ирландскаго народа». Джонъ Грей требовалъ распространенія на всю Ирландію ульстерскаго права пользованія. Брайтъ проектировалъ созданіе класса крестьянъ-собственниковъ при денежномъ пособіи правительства. Покойный Милль въ своей брошюрѣ (Ireland and England) выяснилъ, что неизбѣжный переворотъ можно предупредить только превращеніемъ фермеровъ въ собственниковъ. «Земля Ирландіи—говоритъ Милль—принадлежитъ народу этой страны. Лица, называющіяся ландлордами, по правиламъ нравственности и справедливости, имѣютъ право только на ренту... Нѣтъ необходимости лишать ландлордовъ даже одного фартинга изъ стоимости ихъ легальныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы настоящіе земледѣльцы могли сдѣлаться въ Ирландіи тѣмъ же, чѣмъ они дѣлаются въ Америкѣ,—собственниками земли, которую они воздѣлываютъ». Милль предлагалъ сдѣлать фермеровъ собственниками и обязать ихъ выплачивать ландлордамъ извѣстную аренду, гарантированную государствомъ. Въ родѣ этого же былъ проектъ и профессора Роджерса.

Одновременно съ этимъ движеніемъ страну волновали и всѣ другіе вопросы, созданные англійской политикой. Уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи сдѣлалось настоятельною необходимостью подъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Съ 1852 г. все болѣе и болѣе возрастало неудовольствіе противъ такъ называемыхъ національныхъ школъ въ Ирландіи, которыя снова сдѣлались орудіемъ протестантской пропаганды, равно какъ и рабочіе дома *). Множество католическихъ дѣтей, поступавшихъ въ эти дома, выходили изъ нихъ совращенными въ протестантство. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда національныя школы были чужды какой бы то ни было религіозной пропаганды, католическое духовенство возбуждало противъ нихъ народъ, какъ противъ «училищъ безбожія и нечестія». Недостатки фиктивнаго самоуправленія, благодаря которымъ ирландскіе члены парламента подавлялись англійскимъ большинствомъ, возбуждали еще большее недовольство, чѣмъ національныя школы. «Я самымъ положительнымъ образомъ объявляю, что существующее нынѣ ирландское представительство есть обманъ,—говорилъ Брайтъ въ парламентѣ.—Я думаю, что было бы гораздо лучше, если бы тамъ вовсе не было никакого представительства, такъ какъ тогда народъ не былъ бы вводимъ въ заблужденіе, что онъ имѣетъ представительное правленіе для защиты своихъ интересовъ. Число налоговъ, которые приходится народу платить для обезпеченія себѣ муниципальныхъ и парламентскихъ привилегій, такъ велико, что рѣшительно невозможно для представительныхъ корпорацій имѣть содержаніе, а для общественнаго мнѣнія (честнаго, дѣйствительнаго мнѣнія интеллигентныхъ классовъ Ирландіи) достигнуть приличной степени представительства въ великобританскомъ законодательствѣ... Вы сильно работали надъ этимъ ирландскимъ затрудненіемъ въ одну сессію за другою, и нѣкоторые изъ васъ почти изъ мальчиковъ сдѣлались сѣдовласыми старцами съ тѣхъ поръ, какъ оно въ первый разъ встрѣтилось вамъ на вашемъ законодательномъ поприщѣ; однакожъ ни древняя, ни средняя исторія не представляетъ зрѣлища столь унизительнаго, какъ то, какое представляетъ міру Ирландія, и нѣтъ ни одного англійскаго джентльмена, который—если только онъ переправлялся нынѣ черезъ каналъ—не желалъ бы избѣгать всякаго разговора съ иностранцами относительно положенія Ирландіи». О'коннелевская идея расторженія союза ожила въ Ирландіи съ новою силою. Партія «національстовъ», въ составъ которой входитъ туземная ирландская аристократія, ирландскіе торіи, заговорила о возстановленіи «ирландской справедливости», въ силу которой ирландская земля должна принадлежать ирландцамъ. Ирландія должна «управляться согласно съ ирландскими идеями» и имѣть свой парлаентъ.

*) Въ Ирландіи было:

	Національн. школъ.	Учениковъ въ нихъ.
Въ 1834 г.	789	107,042
» 1852 »	4,875	544,604
» 1859 »	5,496	806,510
» 1870 »	6,806	998,999
» 1871 »	6,914	1.021,700

Католики и протестанты дружно соединились для достиженія этой цѣли. Одинъ изъ вождей этого движенія, Геттъ, предполагаетъ удержать федеральную связь съ Англіей и учредить, кромѣ членовъ, засѣдающихъ въ англійскомъ парламентѣ, еще мѣстный ирландскій парламентъ изъ 300 депутатовъ въ Дублинѣ. Даже оранжисты не прочь пристать къ этой партіи, которая, эксплуатируя патріотическія стремленія народа, имѣетъ главною своею цѣлью перевесть землю отъ англичанъ въ руки ирландскихъ ландлордовъ и сквайровъ и, составивъ изъ себя главную силу мѣстнаго парламента, избавиться даже отъ тѣхъ умѣренныхъ аграрныхъ реформъ, какихъ можно ожидать отъ англійскаго правительства. Съ этой партіей соединилась католическо-республиканская партія, очень сильная въ Ирландіи и находящаяся подъ вліяніемъ духовенства, которое не перестаетъ поддерживать и раздувать, особенно посредствомъ своихъ школъ, національную ненависть къ Англіи. Книга для чтенія, напр., употребляемая въ католическихъ школахъ, содержитъ въ себѣ цѣлыхъ 23 разсказа изъ ирландской исторіи, описывающихъ тираннію англичанъ въ Ирландіи, Америкѣ и Индустанѣ. «Эти книги, говоритъ одинъ школьный инспекторъ,—самая дѣйствительная подготовка къ феніанизму, какую только можно найти». Наконецъ, духъ волонтеровъ 1782 г., соединенныхъ ирландцевъ 1798 и молодой Ирландіи 1848 г., подобно *фениксу*, возродился съ новою силою въ шестидесятыхъ годахъ въ организаціи *феніевъ*. Феніи, поддерживаемые сѣверо-американцами и проклинаемые патерами, состояли преимущественно изъ городскихъ жителей и стремились къ насильственному отторженію Ирландіи отъ Англіи. Какъ революціонеры и республиканцы, они не пользовались сочувствіемъ націоналистовъ; что же касается аграріанизма, то хотя феніанизмъ и имѣлъ одно съ нимъ начало, однакожъ фермеры и земледѣльцы, какъ классъ, не участвовали въ феніанскомъ движеніи; изъ 1,000 взятыхъ въ плѣнъ феніевъ только 10 на 100 принадлежали къ земледѣльческому классу и болѣе 50 на 100 были купцы, мелкіе торговцы, ремесленники, фабричные рабочіе. Но при всемъ томъ нельзя сказать, что земледѣльцы враждебно относились къ феніямъ; они даже смотрѣли на нихъ съ симпатіей и надеждою, хотя и энергически предостерегались патерами отъ союза съ ними. Если бы феніи имѣли какой-нибудь значительный успѣхъ, то масса крестьянъ, по всей вѣроятности, пристала бы къ нимъ. И наоборотъ, подавленіе феніевъ влекло за собой то, что феніанскія стремленія начали переходить въ аграріанизмъ. По мѣрѣ того, какъ слабѣли первыя, усиливался второй. Въ Ирландіи было:

	Въ 1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.
Политическихъ преступл.	813	836	126	63,	—
Аграрныхъ	88	123	160	767	1,329

Такъ волновалась Ирландія въ шестидесятыхъ годахъ, и Милль въ парламентскую сессію 1868 г. заявлялъ отъ лица компетентныхъ знатоковъ ирландскихъ дѣлъ, что положеніе ихъ «такъ опасно, какимъ не бывало еще никогда до сихъ поръ». Опасность эта не въ заговорѣ феніевъ, а въ томъ, что волненіе Ирландіи опирается на нѣсколько милліоновъ ирландцевъ, живущихъ въ Америкѣ. «Въ Америкѣ,—говорилъ Брайтъ на одномъ митингѣ 1867 г.,—существуетъ другая Ирландія, но Ирландія, не боящаяся англійскаго правительства, Ирландія, пылающая негодованіемъ на то, что представители ея называютъ бѣдствіемъ своей родины. Многіе изъ этихъ ирландцевъ люди способные, отчаянные; они привыкли къ оружію и крови въ теченіе страшной, жестокой междоусобной войны, и потому неудивительно, что, покончивъ съ этою войной, они обращаютъ свои практическія знанія на дѣло, которое считаютъ патріотическимъ. Если бы правительство Англіи было правительствомъ государственныхъ людей, то неужели оно допустило бы дѣла до такого положенія? Въ какомъ положеніи мы находимся? Весь образованный міръ указываетъ на насъ пальцами!».. Снова Ирландія была на военномъ положеніи; снова пошли въ ходъ «спеціальныя комиссіи», нѣчто въ родѣ военныхъ судовъ, снова англійская олигархія устами графа Дерби заявляла, что «только самыя суровыя репрессивныя мѣры» могутъ успокоить Ирландію. Суровыя мѣры, мало того, что только подливали масла въ огонь, онѣ еще были очень убыточны для Англіи. Для «обузданія» она принуждена содержать въ Ирландіи 25,000 солдатъ и 15,000 констэблей, да въ Канадѣ 15,000 солдатъ, чтобы защищать эту страну отъ американскихъ феніевъ. Эта дорогая пятидесяти пяти тысячная армія нѣсколько сдерживала,—да и то до поры до времени,—наружный порядокъ, но внутреннее броженіе возрастало съ такою силою, что Англія увидѣла, наконецъ, тотъ крайній предѣлъ, до котораго она всегда доводила свое упорство относительно Ирландіи и за которымъ были неизбѣжны междоусобная война, а во избѣжаніе ея—уступки со стороны Англіи.

XI.

Многіе ландлорды, епископы, чиновники, парламентскіе дѣятели, духовные ирландской господствующей церкви были такъ ослѣплены своими личными и сословными интересами, что далеко не сознавали опасности положенія дѣлъ. Малѣйшія реформы выставлялись ими страшилищами, подрывающими «священныя основы общества», а такіе умѣренные дѣятели, какъ покойный Милль,—опаснѣйшими новаторами, соціалистами, революціонерами. Ирландскій судья, Джеральдъ Фицгиббонъ, отъ имени консерваторовъ говорилъ въ заключеніи одной своей брошюры («The Land Difficulty of Ireland», 1868): «Одинъ генералъ передъ началомъ битвы сказалъ своимъ солдатамъ, указывая на непріятеля: «перебейте ихъ, или они перебьютъ васъ!» Государю, который желаетъ въ полной безопасности возсѣдать на древнемъ тро-

ѣ Англіи,—пэрамъ, которыхъ гордость заключается въ томъ, чтобы окружать этотъ тронъ, а олгъ—защищать его отъ самой отдаленной опасности, — всѣмъ, кто попрежнему желаетъ пользоваться благодѣяніями нашей трисоставной законодательной власти во всей ея конституціонной цѣлости,—я даю теперь краткій совѣтъ: сокрушите эту революціонную партію, которая такъ рушуетъ, и эту политику, которая разрушаетъ конституціонную свободу, или эта партія и эта политика сокрушатъ васъ самихъ!»

Но, не смотря на оппозицію, государственная церковь въ Ирландіи была уничтожена въ 1868 г., а въ 1870 г. министерство Гладстона, воспользовавшись трудными политическими обстоятельствами, провело свой поземельный билль. Этотъ пресловутый билль оказался ни болѣе, ни менѣе, какъ жалкой полумѣрой, не удовлетворившей никого. Только въ Ульстерѣ онъ узаконилъ обычное право пользователя. Онъ оставилъ за собственникомъ право изгонять фермера, но ограничилъ это право тѣмъ, что приказы объ изгнаніи (notices to quit) обложилъ пошлиной и обязалъ ландлорда платить изгоняемому за всѣ сдѣланныя имъ по фермѣ улучшенія. Это вознагражденіе фермеру обратно пропорціонально величинѣ аренды. Фермеръ, платящій 10 ф. ренты, получаетъ вознагражденіе, равное семилѣтней арендѣ,—70 ф. ст.; платящій отъ 10 до 50 ф. получаетъ вознагражденіе, равное пятилѣтней арендѣ, отъ 50 до 100—трехлѣтней, свыше 100 ф.—двухлѣтней. На это вознагражденіе не имѣютъ никакого права фермеры, отдающіе свои участки въ аренду или изгоняемые за неплатежъ ренты, хотя бы этотъ неплатежъ зависѣлъ отъ случайныхъ несчастій, неурожая, скотскаго падежа, торговаго кризиса и т. п. Кромѣ того, ландлордъ можетъ избавиться отъ обязанности вознагражденія, если онъ заключитъ съ фермеромъ контрактъ не менѣе, какъ на 31 годъ, но при этомъ, для огражденія мелкихъ арендаторовъ, всѣ контракты ниже 100 ф. ренты, въ которыхъ фермеры отказывались бы отъ вознагражденія, объявлены недѣйствительными.

Вотъ сущность новаго закона. Главное достоинство его въ томъ, что онъ ограничилъ право собственника на улучшенія, сдѣланныя фермеромъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ онъ вполнѣ несостоятеленъ. Онъ не обезпечилъ народу пользованія землей, онъ не защитилъ массу несчастныхъ земледѣльцевъ, которые не въ состояніи выплачивать аренды; онъ далъ лондлорду средство избавляться отъ обязанности вознагражденія, заключая съ фермеромъ контрактъ; онъ нисколько не улучшилъ положенія массы батраковъ, обязавъ только хозяевъ давать имъ по *полъ-акра земли да по хижинѣ*. А между тѣмъ, по свидѣтельству инспектора рабочихъ, «работники на фермахъ—люди, положеніе которыхъ наиболѣе бѣдственно въ этой странѣ, особенно тѣхъ, которые живутъ на фермахъ, какъ слуги. Вообще, они получаютъ самую низкую плату, самый скверный уголь и такую же пищу. Вслѣдствіе этого, въ нихъ развиваются презрѣніе къ жизни и отчаянность, которая дѣлаетъ ихъ готовыми орудіями преступленія или готовыми членами тайныхъ обществъ». Естественно, что билль, обманувъ надежды народа, не въ состояніи былъ утишить его недовольства. Многіе клубы фермеровъ протестовали противъ новаго закона; газеты и брошюры разбивали его въ пухъ и прахъ; партія націоналистовъ и духовенство до сихъ поръ пользуются этимъ случаемъ, чтобы возбуждать народъ противъ «обманщиковъ саксонцевъ». «Въ Ирландіи—говоритъ въ одной своей лекціи извѣстный историкъ Фраудъ — законъ еще не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Фермеръ можетъ быть вознагражденъ, если его протестантъ, но его все-таки могутъ протестантъ. Ландлордъ, желающій отдѣлаться отъ фермера, долженъ заплатить ему сумму аренды за нѣсколько лѣтъ, но я знаю ирландскихъ крестьянъ, которые такъ любятъ свои фермы, что не согласились бы оставить ихъ за вознагражденіе, равное даже столѣтней рентѣ». На одномъ митингѣ 1872 г. ораторъ-священникъ называлъ гладстоновскій законъ «нарушеніемъ правъ страны и той заповѣди, которая запрещаетъ присвоивать себѣ то, что принадлежитъ ближнему». На другомъ митингѣ, другой патеръ, называя новый законъ «пустяками, чепухой, позоромъ», говорилъ: «я вѣрю, что, съ помощью Божіей, фермеры воспользуются своею силою и въ каждомъ графствѣ зажгутъ пожаръ, который не потухнетъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ всѣ слѣды феодализма въ нашей странѣ. Они проведутъ въ парламентъ фермеровъ,—людей, у которыхъ вдесятеро больше мозга, чѣмъ у жирныхъ ландлордовъ, и создадутъ фонды для поддержки этихъ депутатовъ». Вотъ чувства и мысли, которыя возбудилъ гладстоновскій законъ... Аграрныя преступленія уменьшились, феніанизмъ подавленъ, но недовольство только скрылось внутрь, и ирландскій вопросъ только снова отложенъ до поры до времени... Идея расторженія крѣпнетъ и живетъ въ крови народа; она принята всѣми партіями, она проявляется въ самыхъ, повидимому, мирныхъ формахъ, напр., въ ирландской выставкѣ, бывшей въ Дублинѣ въ 1872 году. Исполнительный совѣтъ и комитетъ этой выставки, по выраженію Маколэ, были настоящимъ прообразомъ будущаго ирландскаго парламента. Ту же идею выражали собою всѣ отдѣлы выставки, особенно «національная портретная галлерея», въ которой противъ портретовъ англійскихъ правителей, въ родѣ Кромвеля и Вильгельма III, красовались сотни изображеній ирландскихъ знаменитостей. Тутъ были Робертъ Эммета, вождь соединенныхъ ирландцевъ, казненный въ 1798 году; Томасъ Мигеръ, одинъ изъ передовиковъ движенія 1848 года, изгнанный изъ отечества и служившій генераломъ сѣверной арміи во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ; Томасъ Дависъ, поэтъ Молодой Ирландіи. Тутъ были Фицджеральды, Пленкеты, Берклей, Боркъ, Гольдсмитъ, Каннингъ, Свифтъ, Шериданъ, Флудъ, Курранъ, Граттанъ, Шиль, О'Коннель, Томасъ Муръ и около сотни

другихъ ирландскихъ знаменитостей; тутъ были и представительницы ирландской красоты. «По своему историческому интересу,—говоритъ Маколэ,—эта портретная галлерея была настоящимъ національнымъ тріумфомъ, какого еще не видывала Ирландія». Англичане просто лицемѣрятъ, когда говорятъ, что Ирландія наслаждается миромъ и благоденствіемъ вслѣдствіе послѣднихъ реформъ. Докторъ Маколэ, не будучи ни другомъ Ирландіи, ни врагомъ англійскаго владычества здѣсь и внимательно изучавшій Ирландію въ 1872 г., говоритъ: «Рядомъ съ замѣтнымъ прогрессомъ здѣсь существуетъ масса бѣдности и нищенства, несчастій и недовольства, на которыя прогрессъ не имѣетъ никакого вліянія. Народъ, мирный и покорный въ этомъ году, въ слѣдующемъ можетъ снова возстать. Аграрныхъ преступленій мало, но очень возможно, что скоро потребуется во многихъ графствахъ введеніе осаднаго положенія. При всѣхъ своихъ естественныхъ достоинствахъ и живомъ умѣ, масса народа все еще заражена грубѣйшими суевѣріями и стоитъ такъ же низко, какъ жители наименѣе развитыхъ странъ южной Европы. Ирландія спокойна, но все-таки 1/5 британской арміи должна квартировать здѣсь, какъ въ непріятельской странѣ *). Ирландія развивается, однакожъ она все-таки остается затрудненіемъ и отчаяніемъ для государственныхъ людей Англіи».

Ирландскіе сепаратисты раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стремится къ безусловному отдѣленію отъ Англіи, а другая—къ расторженію союза въ смыслѣ О'Коннеля къ самоуправленію въ федераціи съ Англіей и Шотландіей. Успѣхъ первой партіи возможенъ только въ случаѣ ожесточенной и невыгодной для Англіи войны съ Соединенными Штатами; но даже этотъ успѣхъ можетъ быть только временнымъ и Англія не упуститъ воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы снова подчинить себѣ враждебную и опасную сосѣдку. Успѣхъ второй партіи, федерально-сепаратистской, несомнѣненъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, какъ несомнѣнно и рѣшеніе аграрнаго вопроса въ смыслѣ народныхъ требованій. Конечно, много силъ еще будетъ потрачено на замѣну теперешняго союза федеральнымъ, и еще болѣе силъ и времени должно пойти на рѣшеніе основного земельнаго вопроса. Коль скоро Ирландія достигнетъ самостоятельнаго управленія, теперешній, временной союзъ ея партій распадется. Націоналисты и оранжисты, съ одной стороны, и народная масса съ католическимъ духовенствомъ во главѣ, съ другой стороны,—неминуемо начнутъ внутреннюю борьбу за свои столь противоположные интересы. Стремленія народа и духовенства, конечно, восторжествуютъ, и тогда Ирландія, освобожденная отъ всѣхъ другихъ давленій, останется подъ однимъ, но самымъ безотраднымъ игомъ,—игомъ католическаго духовенства. Англія своею политикою нанесла Ирландіи, пожалуй, самый существенный вредъ тѣмъ, что своими религіозными гоненіями сдѣлала ирландцевъ чисто-клерикальнымъ народомъ. «Чѣмъ болѣе вы порождали въ Ирландіи причинъ къ неудовольствіямъ противъ королевскаго управленія,—говорилъ Брайтъ въ парламентѣ,—тѣмъ сильнѣе вы укрѣпляли власть Рима надъ народонаселеніемъ этого острова. Теперь я надѣюсь, что ни одинъ католическій членъ этой палаты не оскорбится, если я скажу, что, по моему мнѣнію, одно изъ величайшихъ бѣдствій міра составляетъ, то, что во многихъ странахъ цѣлые милліоны католическаго населенія въ своемъ образѣ дѣйствій и часто даже въ своей политикѣ подпадаютъ вліянію и направленію со стороны своихъ епископовъ и духовенства изъ самаго центра Рима. Я считаю это несчастіемъ и тормозомъ для свободы человѣчества». Дѣйствительно, Ирландіи гораздо легче будетъ достигнуть самоуправленія и порѣшить свой земельный вопросъ, чѣмъ освободиться изъ-подъ нравственнаго ига своихъ епископовъ и ксендзовъ, которыхъ она такъ любитъ и которымъ, по своему невѣжеству, подчиняется съ такою покорностью. Англичане совершенно справедливо говорятъ, что если бы Ирландія сдѣлалась самостоятельной, то патеры на долго истребили-бы въ ней всѣ зачатки научнаго развитія—этой основы прогресса и цивилизаціи. Но Англія сама виновата, запутавъ свои отношенія въ несчастной Ирландіи до того, что всѣмъ своимъ существеннымъ потребностямъ ирландцы удовлетворяютъ съ боя и въ то-же время упорно отвергаютъ несомнѣнно благодѣтельныя для нихъ мѣры, которыя предлагаются Англіей. Народъ въ этомъ случаѣ увлекается національною ненавистью; народъ ненавидитъ все англійское и боится всего англійскаго: timeo Danaos et dona ferentes... Но народомъ руководитъ духовенство, и въ этомъ случаѣ руководитъ имъ съ своекорыстными цѣлями касты. Духовенство, какъ мы уже говорили, всегда боролось противъ національныхъ школъ; когда въ эти школы проникала протестантская пропаганда, духовенство проклинало ихъ, какъ еретическія; въ послѣднее время эти школы сдѣлались совершенно чуждыми духа секты, но духовенство еще сильнѣе проклинаетъ ихъ, какъ «училища безбожія». Оно проклинаетъ и всѣ свѣтскія коллегіи, заведенныя въ Ирландіи правительствомъ, проклинаетъ и королевскій «еретическій» университетъ въ Дублинѣ. Министерство Гладстона давно уже ведетъ борьбу за преобразованіе ирландскихъ университетовъ, желая сдѣлать ихъ чисто-свѣтскими заведеніями и соглашаясь на уничтоженіе кафедръ не только теологіи, но даже этики, философіи и новѣйшей исторіи, какъ предметовъ, затрогивающихъ живую струну той или другой секты. Протестантскій дублинскій университетъ противится этому, желая сохранить свои исключительныя корпоративныя права, а католическое духовенство гремитъ проклятіями противъ такого «безбожнаго» плана. Билль не проходитъ, и Ирландія остается въ рукахъ патеровъ, которые просвѣщаютъ ее въ своихъ семинаріяхъ да

*) Кромѣ солдатъ, въ Ирландіи есть еще 13,968 констэблей; содержаніе ихъ, покрываемое наполовину мѣстными ирландскими средствами, состоитъ въ годъ около *6,000,000 рублей сер.* (952,282 ф. ст)!....

въ дублинскомъ католическомъ университетѣ, основанномъ по благословленію папы въ 1850 г. для противодѣйствія успѣхамъ протестантскаго и мірского образованія. Канцлеръ этого университета—кардиналъ; совѣтъ состоитъ изъ 4 архіепископовъ и 8 епископовъ. Въ 1866 и 1868 гг. духовенство требовало отъ правительства пособія для своего университета и при этомъ высказало всѣ свои стремленія относительно высшаго образованія. «Безопасность вѣры и нравственности въ университетѣ,—говорили епископы въ своей запискѣ правительству,—можетъ быть гарантирована только въ томъ случаѣ, если епископы будутъ членами университетскаго сената и за ними одними будетъ утверждено право, признаваемое католиками,—право авторитетнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ вѣры и нравственности. Это право принадлежитъ имъ, и только имъ однимъ... А такъ какъ вѣра и нравственность могутъ быть подрываемы инославными ученіями профессоровъ, лекторовъ и другихъ должностныхъ лицъ или введеніемъ въ университетскую программу вредныхъ книгъ, то для противодѣйствія такому злу епископы имѣютъ абсолютное право какъ относительно запрещенія такихъ книгъ, такъ и относительно отказа лицамъ, желающимъ занять каѳедру, и удаленія отъ должности профессоровъ, признанныхъ епископами опасными для вѣры и нравственности». Эти пожеланія давно уже осуществлены въ дублинскомъ католическомъ университетѣ, этомъ разсадникѣ ультрамонтанскаго изувѣрства. «Хорошо воспитанный католическій джентльменъ въ Ирландіи—исключеніе, и если вы встрѣтите такого, то онъ учился или въ дублинскомъ королевскомъ, или въ какомъ-нибудь иностранномъ университетѣ». Вообще, высшіе и средніе классы Ирландіи крайне невѣжественны сравнительно съ англійскими. «Образованіе, получаемое ими въ римско-католическихъ школахъ,—жалкое образованіе, и если они не дополняютъ его университетскимъ курсомъ, то скоро превращаются въ грубыхъ деревенскихъ сквайаровъ, не обладающихъ ни знаніями, ни независимостью характера». (Macolay). Въ первоначальныхъ католическихъ, а по мѣстамъ даже въ смѣшанныхъ или «національныхъ» школахъ патеры пользуются также безусловнымъ вліяніемъ. Почти все образованіе ограничивается здѣсь заучиваньемъ нѣсколькихъ молитвъ, безъ пониманія ихъ значенія. Какъ мало старается духовенство о религіозномъ образованіи, можно видѣть изъ того, напр., что ирландская библія была издана только два раза, въ 1685 и въ 1817 гг., а евангеліе въ 1681 и 1811 гг.!.. Въ послѣднее время ирландскій католицизмъ даже регрессируетъ. О'Коннель говорилъ: «Мы католики, но не рабы Рима», и той же идеи держалось духовенство его времени. Теперь же духовенство сдѣлалось ультрамонтанскимъ и покорно служитъ велѣніямъ непогрѣшимаго папы. Ультрамонтаны съ одной стороны и оранжисты съ другой—вотъ истинная язва Ирландіи..

Въ то время, какъ ксендзы, захватывая въ свои руки народное просвѣщеніе, затмеваютъ народный умъ, насчастный народъ привязывается къ нимъ болѣе и болѣе, видя, что они все готовы сдѣлать для него. Дѣйствительно, они много содѣйствовали уничтоженію уголовныхъ законовъ, эманципаціи католиковъ, парламентской реформѣ, свободѣ торговли; теперь они работаютъ въ пользу расторженія союза, правъ народа на землю, даже въ пользу ирландской республики; они служатъ народу, будучи въ то же время его владыками; они стараются свергнуть власть Англіи, но за тѣмъ только, чтобы, забравъ ее въ свои руки, снова сдѣлать Ирландію «островомъ святыхъ», какимъ была она во дни св. Патрика.

Впрочемъ, если бы они даже и вполнѣ достигли своей цѣли, то ихъ владычество, хотя и на долго задержитъ развитіе Ирландіи, все-таки не остановитъ его, какъ не остановило абсолютное господство патеровъ развитія Испаніи... Мало того, что Ирландія не можетъ быть совершенно изолирована отъ просвѣтительнаго вліянія Америки и Европы, ея жители и по собственной своей иниціативѣ должны рано или поздно измѣнить свои отношенія къ католическому духовенству. Преданность и любовь къ патерамъ вытекаютъ въ Ирландіи не столько изъ невѣжества и суевѣрія, сколько изъ исторической роли духовенства, которое столько страдало вмѣстѣ съ народомъ, жило для народа и шло впередъ во главѣ народа. Но такую роль оно играло благодаря только англійской политикѣ, и чѣмъ далѣе послѣдняя будетъ вліять на Ирландію или держаться своихъ старыхъ принциповъ, тѣмъ крѣпче будетъ утверждаться духовный авторитетъ. Но коль скоро духовенство, освободившись отъ всѣхъ другихъ соперниковъ, сдѣлается силою въ странѣ, изъ руководителя народа превратится въ его владыку, вмѣсто того, чтобы вести народъ впередъ, будетъ сдерживать его и подвигать назадъ,—тогда неминуемо должна возникнуть и оппозиція ему, тѣмъ болѣе, что элементы для такой оппозиціи уже давно есть въ протестантскомъ народонаселеніи Ирландіи. Мы говоримъ, конечно, не объ оранжистахъ-фанатикахъ, которые не перестаютъ до сихъ поръ нападать на католиковъ съ истинно-средневѣковымъ варварствомъ, мы говоримъ не о горячихъ приверженцахъ англиканской церкви, а о пресвитеріанахъ, пуританахъ и той массѣ образованныхъ протестантовъ, мысль которыхъ давно уже секуляризировалась и которые съ эпохи волонтеровъ и соединенныхъ ирландцевъ стараются идти рука объ руку съ либеральными католиками.

ЭДМУНДЪ БЁРКЪ *).

I.

Въ ноябрѣ 1688 г. на берегъ Англіи высадился избранный парламентомъ новый король Вильгельмъ. Шабашъ реставраціи кончился, революція совершилась; въ темную декабрьскую ночь, среди густого тумана, Іаковъ II, послѣдній англійскій государь «божіею милостью», бѣжалъ изъ вайтгольскаго дворца и на маленькомъ рыбачьемъ суднѣ переправился во Францію.

Правительственная система, павшая вмѣстѣ съ Іаковымъ, была крайнимъ обсолютизмомъ, стремившимся искоренить всѣ древне-англійскія вольности. Система эта гласила, что англійскіе короли пользуются своею властью «милостью божіею», что они даже получили эту власть посредствомъ законнаго унаслѣдованія по прямой линіи отъ Адама; что «Всевышній смотритъ на наслѣдственную неограниченную монархію съ особенною благосклонностью, какою не пользуется ни одна изъ остальныхъ формъ правленія; что право наслѣдства по порядку первородства есть божественное учрежденіе, предшествующее христіанству и даже моисееву закону, что никакая земная человѣческая власть, никакой законодательный парламентъ, никакая узурпація, хотя бы она длилась десять столѣтій, не могутъ лишить законнаго монарха свыше данныхъ ему правъ; что власть его необходима и всегда абсолютна; что законы, которыми въ Англіи ограничивается прерогатива короны, есть не что иное, какъ уступки, добровольно сдѣланныя монархомъ, и что онъ можетъ оставить или взять назадъ эти уступки во всякое время по своему благоусмотрѣнію; что парламентъ обязанъ своими правами одной только милости королевской; что всякій договоръ, заключаемый монархомъ съ подданными, есть только объявленіе его временной воли, а не контрактъ, связывающій навсегда обѣ стороны, не контрактъ, исполненія котораго можно требовать отъ короля во всякое время». Еще рельефнѣе выражаетъ эту доктрину одинъ изъ позднѣйшихъ абсолютистовъ Англіи. Царствующій государь есть существо, вооруженное высшею физическою силою отъ руки и съ согласія Провидѣнія; въ силу этого качества, онъ хозяинъ нашей собственности, властелинъ нашей жизни, источникъ чести, податель закона, передъ которымъ каждый подданный долженъ слагать съ себя волю и дѣйствовать по его желанію, —который, когда заблуждается, то заблуждается какъ человѣкъ, а не какъ государь, и отвѣчаетъ за это не передъ человѣкомъ, а передъ Богомъ». Съ революціи и изгнанія Стюартовъ короли Англіи принуждены были отказаться отъ притязаній на божественное происхожденіе своей власти и сдѣлались государями «волею народа». Королевство изъ учрежденія божественнаго превратилось въ человѣческое, и власть, лишившись санкціи сверхъестественнаго права должна была подчиниться законамъ. Революціонный принципъ, ограничивъ власть посредствомъ закона, въ томъ же самомъ законѣ далъ полную гарантію жизни, свободы и собственности каждаго гражданина. «Бѣднѣйшій человѣкъ—говорилъ нѣкогда старшій Питтъ—можетъ вооружить противъ себя всѣ силы природы; хижина его можетъ развалиться, ея кровля грозить паденіемъ, вѣтеръ можетъ дуть въ ея щели, надъ ней могутъ разыграться буря и непогода,— но она безопасна отъ короля Англіи; вся его власть разбивается о порогъ хижины». Революція утвердила верховныя права парламента, право выборовъ и петицій для гражданъ, право свободы сужденій для представителей націи, она лишила короля возможности содержать постоянную армію, возвышать подати и объявлять войну безъ согласія парламента, предоставивъ послѣднему опредѣлять сумму королевскаго жалованья; она улучшила судъ, много послужила дѣлу вѣротерпимости и гарантировала всѣ эти вольности свободою слова—драгоцѣннѣйшимъ и самымъ благодѣтельнымъ правомъ англичанина. «Дайте министрамъ—говоритъ великій англійскій ораторъ— деморализованную верхнюю палату, дайте имъ продажную палату общинъ, дайте имъ властолюбиваго и деспотическаго короля, дайте имъ пресмыкающійся дворъ, но оставьте намъ свободную печать,—и я вызываю ихъ хоть на волосъ нарушить вольности Англіи!» Революція не только обезпечила за страною свободу умственнаго развитія, но и сдѣлала очень много для популяризаціи знаній въ массѣ общества. Открывались школы, учреждались библіотеки, начали издаваться дешевыя народныя газеты и популярныя научныя сочиненія; народъ воспитывался для самоуправленія, а наука и литература Англіи поднялись до всемірнаго значенія.

Но при всемъ этомъ революція далеко не осуществила всей своей программы; она только положила основаніе англійской свободѣ и, предоставивъ будущимъ поколѣніямъ дальнѣйшее ея развитіе, оставила въ цѣлости множество такихъ законовъ и учрежденій, которые неминуемо должны были вступить въ отчаянную борьбу со свободой. Королевская власть, при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, могла подвергнуть величайшей опасности все зданіе конституціи. Уже при преемницѣ Вильгельма, Аннѣ, королевскій абсолютизмъ началъ сильно угрожать англійской свободѣ. Но, благодаря тому, что Анна была женщина крайне тупая, преданная пьянству и попала въ руки супруговъ Мальборо, стоявшихъ во главѣ вигской партіи,— гроза миновала. Послѣ ея смерти, къ величайшему счастью націи, англійскій престолъ въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ былъ занятъ двумя ганноверскими нѣмцами, которые были рѣшительно неспособны подвергать опасности конституцію и только по временамъ выражали свою безсильную досаду на то, что «въ Англіи королями не короли, а министры». Георгъ I не зналъ

*) English Premiers by J. Ch. Earl, 2 volumes, 1871.—The Works of E. Burke, 2 vol. 1864.—Life of E. Burke, by J. Prior. 1867.—Четыре Георга, Тэккерея.—Маколэ.—Bancroft.

ни слова по-англійски, не имѣлъ понятія ни о нравахъ, ни о законахъ, ни о конституціи Англіи, которую онъ не любилъ и считалъ ниже Ганновера. Окруженный постоянно нѣмцами, онъ проводилъ съ ними все время и поощрялъ ихъ какъ можно рачительнѣе наживаться англійскими деньгами, говоря: «на всѣхъ насъ хватитъ!» Любовницы, придворные, повара, конюхи, даже вывезенные изъ Германіи два негра короля—всѣ грабили и наживались. Георгъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы англійскіе министры не были взяточниками, и вообще смотрѣлъ на власть, какъ на источникъ дохода. Отъ министровъ онъ требовалъ одного—чтобы они защищали на континентѣ его ганноверскіе интересы, а во всемъ остальномъ предоставлялъ имъ полную свободу дѣйствій. Георгъ II былъ не умнѣе, но гораздо забавнѣе своего папаши. При своей тупости, маленькомъ ростѣ, красной и пучеглазой физіономіи, онъ любилъ разыгрывать только двѣ роли—грознаго воина и ловкаго соблазнителя. Онъ наморщивалъ брови, кидалъ сердитые взгляды, изрыгалъ самыя страшныя ругательства, но все это возбуждало не страхъ, а только смѣхъ. По примѣру родителя, онъ окружалъ себя любовницами, выбирая не только глупыхъ, но даже физически уродливыхъ женщинъ. Онъ приходилъ въ бѣшенство при видѣ книгъ, болѣе всего любилъ заниматься пересчитываньемъ своихъ денегъ, презиралъ Англію и утверждалъ, что англійскіе повара не умѣютъ готовить, англійскіе кучера править, что англійскія лошади хуже нѣмецкихъ, что англійское дворянство хуже ганноверскаго, что въ Англіи вовсе не умѣютъ порядочно воспитывать дѣтей.

Англичане не любили первыхъ двухъ Георговъ и, благодаря ихъ неспособности, постепенно привыкли смотрѣть на бездѣятельность королевской власти, какъ на естественный порядокъ вещей. Въ обществѣ образовалось понятіе, что страной долженъ управлять не король, а министры, отвѣтственные передъ парламентомъ. Георгамъ особенно не благоволили всѣ сторонники стараго порядка, всѣ торіи, все духовенство, ненавидѣвшее ихъ за равнодушіе къ интересамъ англиканской церкви. Реакціонеры продолжали уповать на Стюартовъ и интриговать въ пользу ихъ реставраціи. Ганноверская династія поэтому опиралась почти исключительно на прогрессивную партію виговъ, сорокапятилѣтнее управленіе которыхъ было очень благопріятно для англійскаго прогресса, а въ рукахъ великаго Питта-отца возвело Британію на небывалую степень могущества и славы. Но при всемъ томъ этотъ періодъ англійской исторіи былъ весьма опасенъ для народной свободы и для политическаго прогресса страны, вслѣдствіе того обстоятельства, что верховная власть, которой не могли удержать короли, перешла въ руки олигархіи. Революція не только не поколебала могущества англійской аристократіи, но даже до извѣстной степени возвысила послѣднюю въ глазахъ народа, такъ какъ она много сдѣлала для національной свободы. Безъ содѣйствія барововъ Англія не получила бы въ средніе вѣка великой хартіи, а революція 1688 г. не могла быть успѣшною безъ помощи дворянства. Старшій Питтъ говорилъ однажды въ палатѣ лордовъ: «вашимъ предкамъ, милорды, англійскимъ баронамъ, обязаны мы нашими законами, обязаны мы тѣмъ, что у насъ господствуетъ законъ. Добродѣтели ихъ были грубы и неразвиты, но велики и искренни. Ихъ умъ, подробно нравамъ, не отличался утонченностью, но у нихъ было достаточно мужества, чтобы отличить право отъ безправія, достаточно ума, чтобы отличить истину отъ лжи. Они понимали права человѣка и мужественно стояли за нихъ. Они заставили королей признать права народа; они не думали объ однихъ себѣ, они заботились о благѣ всего народа». Дѣйствительно, во время борьбы королей съ аристократіей, послѣдняя, желая привлечь на свою сторону народъ, обезпечивала за нимъ разныя права и вольности; но все-таки, въ концѣ концовъ, англійская конституція оказалась выгодною главнымъ образомъ дворянству и духовенству. Масса народа, постепенно доводимая до пролетаріата, не принимала никакого самостоятельнаго участія въ управленіи страной. Даже буржуазія не вполнѣ еще сравнялась въ политическихъ правахъ съ первыми двумя сословіями. Выборное право было привилегіей богатыхъ и знатныхъ и распредѣлялось съ чудовищною неравномѣрностью. Нѣкоторые изъ самыхъ важныхъ городовъ не имѣли представителей въ парламентѣ, а ничтожныя мѣстечки, зависимыя отъ лордовъ, имѣли ихъ даже не по одному каждое. Парламентъ былъ аристократической корпораціей, которая нерѣдко пыталась управлять страной такъ же произвольно и деспотически, какъ и короли. Лорды и общины совершенно поглощали собою народъ. Не только верхняя палата, состоявшая изъ пэровъ, но и нижняя были наполнены аристократами. Свобода личности, слова и совѣсти была утверждена конституціей, высшая власть сдѣлалась отвѣтственною передъ парламентомъ, но парламентъ не сдѣлался отвѣтственнымъ передъ націей и съ возмутительнымъ цинизмомъ торговалъ своими верховными правами. Кандидаты покупали голоса у избирателей и за пенсіи, хлѣбныя должности для себя или своихъ родственниковъ, за чистыя деньги и обѣщанія высокой протекціи продавали свои голоса министрамъ, устраивая сплошь и рядомъ фальшивыя оппозиціонныя тревоги и тѣмъ поднимая цѣну платы за поддержку министерской политики. Система парламентскихъ подкуповъ вошла въ такое всеобщее употребленіе, что ею не гнушались даже лучшіе люди XVIII в. «Всѣ эти люди имѣютъ свою цѣну», совершенно справедливо замѣтилъ однажды Р. Вальполь, указывая на членовъ парламента. Питтъ старшій, при всемъ своемъ личномъ отвращеніи къ этой торговлѣ, вынужденъ былъ смотрѣть на нее сквозь пальцы, когда въ ней съ наглостью мелкаго лавочника упражнялся его товарищъ по министерству, герцогъ Ньюкэстль. Подкупъ—по выраженію Питта младшаго—«росъ съ возрастаніемъ Англіи, усиливался съ ея усиленіемъ, толь-

ко не уменьшался съ ея умаленіемъ, не слабѣлъ съ ея ослабленіемъ». Къ подкупу прибѣгали не только такіе негодяи, какъ лордъ Бютъ, но и такіе друзья народа, какъ геніальный Фоксъ, бывшій однимъ изъ трехъ величайшихъ бойцовъ за англійскую свободу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже стоявшій выше и Питта старшаго, и Бёрка. Когда Фоксъ попалъ въ министерство, то его квартира превратилась въ настоящую биржу для покупки голосовъ. Одинъ за другимъ являлись къ нему въ кабинетъ члены палаты для секретныхъ переговоровъ, и каждый изъ нихъ уносилъ съ собою банковый билетъ самое меньшее въ 200 ф. ст. Въ одно только утро было уплачено такимъ образомъ продажнымъ представителямъ 25,000 ф. ст. Парламентъ вслѣдствіе этого былъ орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій, которыя постоянно боролись за власть и, овладѣвъ ею, посредствомъ парламента управляли и королемъ, и націей. Безконтрольное самовластіе парламента вполнѣ обезпечивалось тѣмъ, что его засѣданія были закрытыми и не печаталось подробныхъ отчетовъ объ его дѣятельности, такъ что избиратели не знали, за что и противъ чего вотируютъ уполномоченные ими представители. При этой олигархической анархіи, при этой остервенѣлой борьбѣ за право на добычу, доставляемую властью, люди группировались по партіямъ не столько на основаніи политическихъ принциповъ, сколько ради своихъ чисто-личныхъ и фамильныхъ расчетовъ. Они хотѣли только повелѣвать и устраивать свои домашнія дѣлишки, и при Георгѣ I партіи перемѣшались до того, что виги превратились въ торіевъ, а торіи въ виговъ! Тѣ и другіе увѣряли, что они вѣрны политическимъ принципамъ своихъ предковъ, а между тѣмъ «виги, которыхъ Сидней презиралъ бы, какъ рабовъ, вели смертельную борьбу съ торіями, которыхъ Джефрисъ перевѣшалъ бы, какъ республиканцевъ». (Маколэ). При этомъ большинство представителей власти отличалось недалекостью и неспособностью. Графъ Кларендонъ, напр., назначенный Анной правителемъ американскихъ колоній, вообразилъ себѣ, что, будучи намѣстникомъ *королевы*, онъ долженъ непремѣнно ходить въ женскомъ платьѣ, и во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ являлся не иначе, какъ въ юбкѣ! Когда у герцога Ньюкестля, перваго министра, побывалъ съ визитомъ алжирскій посланникъ, то замѣтилъ, что онъ болѣе «не удивляется преуспѣянію англійской націи, видя, что ею управляетъ совѣтъ сумасшедшихъ,—людей, которыхъ всѣ добрые мусульмане считаютъ вдохновленными свыше». Лордъ Бютъ былъ также недалекъ, но его сотоварищъ по министерству, канцлеръ казначейства, Дэшвудъ, былъ до того неспособенъ, что, какъ говорили тогда, «сумма изъ пяти цифръ была для него непроницаемой тайной». Вообще—говоритъ Маколэ—можно привести длинный списокъ государственныхъ канцлеровъ, не знавшихъ принциповъ толкованія закона, первыхъ лордовъ адмиралтейства, не понимавшихъ основаній навигаціи, министровъ колоній, которые не могли перечесть ихъ названій, лордовъ казначейства, которые не знали разницы между фондированнымъ и нефондированнымъ долгомъ, и секретарей индійскаго совѣта, не знавшихъ навѣрное, были ли мараты магометане или индусы». Эти бездарные, невѣжественные олигархи съ толпами своихъ прихвостней думали главнымъ образомъ о наживѣ и съ прожорливостью акулы поглощали каждый попадавшійся имъ лакомый кусокъ. Даже Фоксъ, самъ великій Фоксъ былъ нечистъ на руку,—до того была развратительна общественная обстановка, среди которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Продавались должности свѣтскія и церковныя, продавались права и привилегіи, чиновники богатѣли посредствомъ казнокрадства и взяточничества, а парламентъ, который покупалъ голоса избирателей и продавалъ свои голоса вмѣстѣ съ совѣстью тѣмъ, которые платили дороже, доходилъ до того, что при Георгѣ III покупалъ у городскихъ общинъ благодарственные себѣ адресы по 500 ф. ст. за штуку и предлагалъ Лондону за такой адресъ 14,000 ф., но столица не согласилась. Огромныя суммы, получаемыя сильными міра изъ разнообразныхъ источниковъ, тратились ими на самыя грубыя удовольствія. Пьянство было ужасное. Случалось, что члены парламента, упившіеся до безчувствія, валялись по улицамъ. Большинство отправлялось въ парламентъ, уже заложивши за галстукъ. Фоксъ, по словамъ г-жи Дюдефанъ, «былъ постоянно подъ хмѣлькомъ». Законъ, опасаясь ввѣрять жизнь человѣка отобѣдавшимъ джентльменамъ, еще при Вильгельмѣ постановилъ, что военный судъ можетъ произносить смертные приговоры только съ 6 часовъ утра до 2 пополудни. Георгъ IV, будучи еще принцемъ, прославился, какъ первостепенный пьяница; шесть бутылокъ бордосскаго послѣ обѣда производили едва замѣтную перемѣну въ физіономіи его высочества. Циническіе скандалы, развратныя оргіи, ссоры и драки, и цѣлые потоки отборной брани наполняли пьяную жизнь англійскихъ джентльменовъ. Азартныя игры были главнымъ удовольствіемъ государственныхъ и свѣтскихъ людей. Фоксъ проигралъ около $1^1/_2$ мил. руб. сер. Въ игорныхъ домахъ шулерничали даже пэры Англіи.

Деспотизмъ министровъ и парламента, не имѣя возможности разыграться въ полную свою волю надъ гражданами Англіи и членами государственной церкви, обрушивался всею своею тяжестью на иновѣрцевъ, Ирландію и колоніи. Вслѣдствіе противодѣйствія духовенства, Вильгельмъ Оранскій не могъ утвердить въ Англіи полной свободы вѣроисповѣданій. Вплоть до 1828 г. продолжали дѣйствовать акты Test и Corporation, въ силу которыхъ лица, вступающія въ какую-либо правительственную должность, должны были торжественно присягать королю и пріобщаться по обряду англиканской церкви. Этотъ духъ нетерпимости съ особенною свирѣпостью неистовствовалъ въ Ирландіи, вся земля которой посредствомъ конфискацій и другихъ подобныхъ насилій была захвачена англійской олигархіей, а несчастные

ирландскіе католики были обязаны содержать у себя ненавистную имъ государственную церковь. Разоривъ въ XVII вѣкѣ всю Ирландію и упитавъ почву ея католическою кровью, англійское правительство отдало страну въ собственность и въ управленіе своей аристократіи, ограничило избирательныя права католиковъ, лишило ихъ возможности быть судьями, адвокатами, прокурорами, присяжными, отняло у нихъ право голоса даже въ приходскихъ дѣлахъ. Католикъ не могъ жениться на протестанткѣ, и священникъ, повѣнчавшій такой бракъ, подлежалъ смертной казни черезъ повѣшеніе. У католиковъ не было своихъ школъ; они не могли быть частными учителями подъ страхомъ ссылки и даже смерти; ребенокъ, отосланный для воспитанія за границу, терялъ всѣ свои наслѣдственныя права, а его имущество дѣлилось между доносчикомъ и правительствомъ; ирландцамъ было запрещено употребленіе оружія; католическое богослуженіе стѣснено до крайности, а ирландская торговля совершенно подавлена законами, запрещавшими странѣ торговать съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ англичанъ. Свободные британцы были безчеловѣчными деспотами въ Ирландіи, но въ Индіи они были хищными звѣрями, и компанія англійскихъ торгашей свирѣпствовала въ этой обширной странѣ, какъ шайка самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. Управленіе Индустаномъ было основано на грабежѣ и разореніи народа ради обогащенія англійскихъ купцовъ и вельможъ, ради величія и славы Англіи.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на престолъ вступилъ Георгъ III, который для самыхъ требовательныхъ торіевъ могъ замѣнить собою Стюартовъ блаженной памяти. Это былъ уже не ганноверецъ, а вполнѣ англичанинъ; онъ былъ поумнѣе, по крайней мѣрѣ похитрѣе, отца и дѣда, не развратничалъ, жилъ прилично, даже въ его фигурѣ, физіономіи и пріемахъ не было тѣхъ смѣшныхъ и отталкивающихъ сторонъ, которыми отличались первые два короля ганноверской династіи. Его приверженность къ англиканской церкви привлекла на его сторону и духовенство, и всѣхъ вѣрныхъ чадъ его. «Не мудрено поэтому,—замѣчаетъ Маколэ,—что чувство преданности,—чувство, казавшееся столь же несогласнымъ съ вѣкомъ, какъ вѣра въ колдуновъ или обычай пилигримства,—начало оживать съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ. Торіи въ особенности, привыкшіе къ поклоненію королямъ и давно мучившіеся отъ неимѣнія предмета для обожанія, были такъ же довольны, какъ жрецы Аписа, когда этимъ послѣднимъ удавалось найти новое божество взамѣнъ того, которое умерло». Вдобавокъ ко всему, старое божество торіевъ, претендентъ-Стюартъ, дѣйствительно умеръ въ Италіи, а его ничтожный сынъ спился съ круга и влачилъ свою жалкую жизнь по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Между Георгомъ и церковью образовался тѣснѣйшій оборонительный и наступательный союзъ. «Божественное и неотъемлемое право короля сдѣлалось любимымъ предметомъ разсужденій, при чемъ совершенно забыли о несовмѣстимости такого ученія съ отношеніями царствующаго короля къ парламенту». (Campbell). «Слово *прерогатива* сдѣлалось самымъ модньмъ словомъ»,—говоритъ Горасъ Вальполь. Воспитанный въ понятіяхъ абсолютизма, Георгъ мечталъ возстановить павшую королевскую власть и считалъ себя способнымъ на такое дѣло. Скорбный умомъ, онъ обладалъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое еще поддерживала въ немъ его мать со своимъ любовникомъ лордомъ Бютомъ, имѣвшимъ и во время своего министерства, и въ отставкѣ сильное ретроградное вліяніе на короля. Лозунгомъ новаго правительства были: прерогатива короны и уничтоженіе всеобщей подкупности. Но никогда подкупъ не имѣлъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ въ это царствованіе, которое торжественно заявляло о безкорыстіи представителей власти. Подкупалъ король, подкупалъ Бютъ, подкупали всѣ другіе министры, и путемъ подкуповъ была составлена изъ продажныхъ сателлитовъ партія «друзей короля». Эти пресмыкающіеся политики, занимая прибыльныя и легкія должности, готовы были бороться съ кѣмъ угодно и противъ кого угодно за интересы короны, кормившей ихъ и защищавшей ихъ своимъ покровительствомъ. Они парализировали всякую дѣятельность министровъ, клонившуюся къ благу страны, и всѣми силами содѣйствовали каждой мѣрѣ, выгодной для усиленія королевской власти. Вдобавокъ ко всему и лордъ Бютъ, и его коронованная любовница, и друзья короля, и почти всѣ министры отличались такою же бездарностью, какъ и самъ Георгъ, обладавшій какимъ-то идіотскимъ отвращеніемъ ко всему великому и прекрасному. Онъ не любилъ даже Шекспира и его драмамъ предпочиталъ пошлые фарсы и площадные фокусы, помирая со смѣха при видѣ того, напримѣръ, какъ паяцъ глоталъ морковь или сосиски. Геніальныхъ политиковъ своего времени, двухъ Питтовъ, Бёрка и Фокса онъ ненавидѣлъ, какъ только могла ненавидѣть его злая душа. Изъ людей даровитыхъ онъ однажды допустилъ въ министерство Питта, но и то потому только, что Питтъ измѣнилъ своему прежнему направленію. «При такихъ обстоятельствахъ,—говоритъ Бёркъ,—вопросъ уже былъ не въ томъ, кто бы могъ лучше вести государственныя дѣла, но въ томъ, кто бы могъ взяться вести ихъ хоть какимъ-нибудь образомъ. Люди даровитые и безкорыстные не хотѣли принимать мѣстъ, на которыхъ имъ не дозволяли ни слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, ни проявлять правоту своихъ чувствъ». Гибельное вліяніе двора отразилось и на парламентѣ. До Георга III верхняя палата была положительно выше нижней по образованности, либерализму и независимости своихъ членовъ. Георгъ, возведши въ пэрское званіе множество лицъ, отличавшихся только богатствомъ да усердіемъ къ трону, совершенно уронилъ верхнюю палату и сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ своихъ реакціонныхъ затѣй. Впрочемъ, это имѣло впослѣд-

ствіи тотъ хорошій результатъ, что первенствующее значеніе вполнѣ перешло отъ лордовъ къ палатѣ общинъ.

При такомъ составѣ правительства, при дворѣ продолжали держаться старинные варварскіе обычаи; даже первые министры преклоняли свои колѣна предъ королемъ и лобзали его десницу. Страной правилъ фаворитъ, постоянно получавшій изъ королевскаго кошелька подачки отъ 40,000 до 95,000 ф. ст. Правительство явно высказывало свое стремленіе къ абсолютизму и поддерживало самыя позорныя злоупотребленія. Георгъ III, напр., всѣми силами старался поддерживать торговлю неграми и предписывалъ губернаторамъ Америки «подъ опасеніемъ его сильнѣйшей немилости не соглашаться ни на какой законъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи воспрещающій или стѣсняющій ввозъ рабовъ». Тотъ же Георгъ со всей своей компаніей, будучи заклятымъ врагомъ всякихъ нововведеній, всякаго народнаго права, косо смотрѣлъ на свободную печать, ждалъ только случая, чтобы обуздать ее, и сильно хлопоталъ объ искорененіи гласности парламентскихъ засѣданій. «Въ высшей степени необходимо,—писалъ онъ,—положить предѣлъ этому странному и противозаконному обыкновенію печатать пренія въ газетахъ. Не есть ли палата лордовъ лучшее мѣсто для суда надъ этими *злодѣями*?»

Все это производило сильное впечатлѣніе на общество. Въ то время, какъ реакціонная партія употребляла всѣ усилія, чтобы повернуть страну назадъ, въ Англіи совершалось то великое умственное движеніе, которое, перейдя потомъ во Францію, осѣменило міръ идеями великаго возрожденія. Въ Англіи возникали воскресныя школы, библіотеки, дешевые политическіе журналы, клубы и общества преній о политикѣ, а въ 1769 г. состоялся первый политическій митингъ. Общественное мнѣніе было возбуждено. Въ общемъ ропотѣ, въ парламентской оппозиціи, въ клубныхъ рѣчахъ, въ шумныхъ демонстраціяхъ народа, сожигавшаго изображенія Бюта и проклинавшаго его,—оно требовало перемѣны правительства. Министерство Бюта вышло въ отставку и замѣнилось министерствомъ Гренвиля, желавшаго, чтобы парламентъ могъ деспотически управлять королемъ и націей. Гренвиль былъ немногимъ лучше Бюта и началъ свою дѣятельность тѣмъ, что объявилъ войну печати. Членъ парламента и издатель «Сѣвернаго Британца» Уилксъ за свои статьи о правительствѣ былъ незаконно подвергнутъ обыску и посаженъ въ Тоуэръ. Судъ оправдалъ его, но раболѣпная палата исключила его изъ своихъ членовъ, осудила и приказала сжечь его сочиненія чрезъ палача. Народъ не допустилъ этого, а Уилксъ бѣжалъ на время во Францію. Началась многолѣтняя борьба между правительствомъ и обществомъ. Нѣсколько разъ палата исключала Уилкса, но его снова выбирали въ парламентъ; наконецъ палата дошла до того, что вмѣсто Уилкса самовольно назначила его соперника. Поднялась буря. Весь Лондонъ находился почти въ открытомъ возстаніи противъ правительства и въ торжественной депутаціи представилъ королю совершенно революціонный адресъ, угрожая правительству судьбою Стюартовъ. «Позвольте, государь, замѣтить,—говорилъ въ своей рѣчи королю лордъ-меръ,—что всякій, кто уже осмѣлился или впослѣдствіи осмѣлится посредствомъ коварныхъ совѣтовъ или внушеній отнять расположеніе в. в—ва у вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, есть врагъ лично в. в—ва и вашего семейства, нарушитель общественнаго мира и измѣнникъ нашей счастливой конституціи, учрежденной во время славной и необходимой революціи». Въ то же время начали одно за другимъ появляться зажигательныя «Письма Юніуса», анонимный авторъ которыхъ почти открыто призывалъ народъ къ возстанію. «Вы—говорилось въ нихъ правительству по поводу Уилкса—соединили противъ себя страну на защиту великаго конституціоннаго вопроса, отъ рѣшенія котораго безусловно зависитъ существованіе наше, какъ народа свободнаго... Мы не можемъ дальше обольщаться номинальными отличіями. Имя Стюартовъ само по себѣ только презрительно, но ихъ принципы дѣлаются страшными, какъ скоро они облекаются верховною властью. Государь, подражающій имъ въ своихъ поступкахъ, долженъ быть предупрежденъ ихъ примѣромъ; гордясь основательностью своихъ правъ на корону, онъ долженъ однако помнить, что какъ она пріобрѣтена посредствомъ одной революціи, такъ можетъ быть потеряна посредствомъ другой». «Если искренняя и, могу сказать, сильная ревность къ общественному благу имѣетъ вѣсъ въ вашихъ глазахъ,—говорилъ Юніусъ англійскому народу,—то я убѣждаю и заклинаю васъ не оставлять безъ рѣшительнаго и упорнаго сопротивленія ни одной нападки на ваше общественное устройство, какъ бы она ни казалась вамъ незначительной. Одинъ примѣръ производитъ другой; они быстро накопляются и становятся закономъ; что вчера было фактомъ, сегодня дѣлается доктриной. Будьте увѣрены, что законы, защищающіе насъ и наши гражданскія права, происходятъ изъ конституціи и съ ней должны пасть или процвѣтать. Я не сомнѣваюсь, что вы единодушно будете желать свободныхъ выборовъ и настаивать на вашемъ исключительномъ правѣ избирать своихъ представителей... Внушите своимъ дѣтямъ, что свобода прессы есть оплотъ всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ англичанина и что право присяжнаго суда высказывать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ общій приговоръ о винѣ или невинности есть существенная часть вашего государственнаго устройства, которая не должна быть ограничиваема судьями и подвергаема сомнѣнію законодателями. Власть короля, лордовъ и общинъ вовсе не есть власть произвольная. Они повѣренные, а не собственники государства. Мы даемъ имъ это положеніе».

Письма Юніуса, начавшія появляться въ ми-

нистерствованіе Гренвиля, не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Притязанія абсолютизма, борьба противъ печати, новые налоги, замышляемые правительствомъ,—все возбуждало страну и порождало оппозицію даже въ верхней палатѣ, въ которой лордъ Чатамъ говорилъ: «нигдѣ, милорды, тираннія не бываетъ столь страшною, какъ тамъ, гдѣ она присвоена и приводится въ дѣйствіе множествомъ тирановъ. Это не конституція, милорды, потому что, какъ всѣ мы знаемъ, главное правило конституціи состоитъ въ томъ, что подданный не долженъ былъ управляемъ произволомъ какого-либо одного лица или корпораціи, но извѣстными законами, на которые онъ далъ свое согласіе». Въ довершеніе смутъ Гренвиль со своей обычной недальновидностью рѣшился обложить налогами Америку, исполняя между тѣмъ желаніе короля и аристократіи, которая имѣла въ виду посредствомъ американскихъ денегъ облегчить тяжесть налоговъ, падавшихъ на ея собственныя имущества. Въ Америкѣ это возбудило всеобщее волненіе, грозившее перейти въ войну противъ метрополіи, — войну, которой боялась вся англійская буржуазія, торговавшая съ колоніями. Въ попыткѣ министерства обложить налогами англійскихъ подданныхъ безъ согласія на то ихъ представителей либералы справедливо указывали нарушеніе основного принципа британской конституціи. «Обложеніе сборами—говорилъ Питтъ—не принадлежитъ ни правительству, ни законодательной власти, — подати только добровольный даръ и уступка общинъ. Эта палата представляетъ общины Великобританіи,—слѣдовательно, когда мы въ ней даемъ и уступаемъ, то даемъ и уступаемъ нашу собственность; но можемъ ли мы давать и уступать собственность общинъ Америки? Это явная нелѣпость».

Американцы не покорились закону о гербовой пошлинѣ, и вслѣдъ за этимъ Гренвиль палъ. Министерство было поручено въ 1765 г. вигу Рокингему, хорошему знатоку лошадей, но плохому дѣльцу. Министерство Рокингема отмѣнило штемпельный налогъ съ Америки и пошлину съ сидроваго вина, возбуждавшую сильное неудовольствіе въ Англіи, объявило общую амнистію за американскіе безпорядки, запретило произвольные аресты и обыски, поощряло политическіе митинги, изгнало изъ практики подкупъ, не покупало голосовъ, не продавало должностей и пользовалось довѣріемъ страны, хотя существовало всего одинъ годъ.

Душою этого министерства былъ частный секретарь лорда Рокингема, Эдмундъ Бёркъ.

II.

Въ ряду великихъ умовъ XVIII вѣка Бёрку (род. въ 1730 году) принадлежитъ, безспорно, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Съ своей энциклопедической эрудиціей, съ своимъ всеобъемлющимъ талантомъ, онъ былъ рѣдкимъ явленіемъ даже въ свое время, столь богатое геніями. «Кругъ познаній, обнятыхъ его геніальнымъ умомъ, былъ громаденъ. Его могучая любознательность обложила данью всю природу и собрала богатства со всѣхъ царствъ творенія и всѣхъ областей искусства». (R. Hall). «Если бы я—говорилъ однажды Фоксъ въ палатѣ общинъ—положилъ съ одной стороны всѣ политическія знанія, какія я заимствовалъ изъ книгъ и пріобрѣлъ съ помощью науки, и все то, чему научило меня знакомство съ міромъ и мірскими дѣлами, а съ другой—сумму всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія я извлекъ изъ поучительной бесѣды съ моимъ достопочтеннымъ другомъ, то я не могъ бы рѣшить, которой изъ двухъ суммъ должно отдать предпочтеніе». Юристы отзывались о Бёркѣ, какъ о первостепенномъ философѣ-политикѣ; первые живописцы того времени считали его «лучшимъ знатокомъ въ картинахъ»; художники и эстетики преклонялись передъ нимъ, какъ передъ «однимъ изъ тѣхъ удивительно обширныхъ, вселенскихъ умовъ, которые способны обнять всѣ отрасли искусства, современнаго и древняго, національнаго и иностраннаго»; филологи говорили, что «чрезвычайно трудно найти человѣка, знающаго философію, исторію и происхожденіе языковъ или начала этимологическаго вывода лучше, чѣмъ Бёркъ»; послѣ первой бесѣды съ Бёркомъ основатель политической экономіи, Ад. Смитъ, сказалъ ему: «вы единственный человѣкъ, думающій объ этихъ предметахъ безъ предварительнаго сообщенія со мною точно такъ же, какъ я»; онъ былъ хорошо знакомъ съ классическими и новыми литературами, съ естественными науками, даже съ практикой сельскаго хозяйства. По дару слова и богатству воображенія онъ былъ рѣшительно первымъ изъ ораторовъ и усовершенствовалъ свой талантъ краснорѣчія подъ руководствомъ лучшаго актера своего времени. Его жизнь была жизнью непрерывнаго труда, изученій, хлопотъ, несокрушимой энергіи и пылкой страсти, съ которыми онъ преслѣдовалъ всѣ свои цѣли. Лучшій собесѣдникъ, вѣжливый джентльменъ, одинъ изъ самыхъ добродушныхъ и гуманныхъ людей своего времени, Эдмундъ Бёркъ при каждой несправедливости, лжи, интригѣ, наносившихъ вредъ общественнымъ интересамъ, исполнялся такого негодованія и начиналъ борьбу съ такою страстной энергіей, какъ будто защищалъ свою собственную жизнь. Гуманное общественное чувство было въ этомъ человѣкѣ могучею страстью, которой онъ жертвовалъ всѣми своими личными интересами. «Я знаю,—говорилъ онъ однажды въ парламентѣ,—я знаю карту Англіи не хуже, чѣмъ благородный лордъ или кто-нибудь другой, и знаю, что путь, которымъ я иду, не ведетъ къ возвышенію».

Общественная дѣятельность Бёрка началась небольшимъ анонимнымъ сочиненіемъ объ «естественномъ обществѣ», «Vindication of Natural Society», 1754, которое на первыхъ порахъ всѣ приписывали лорду Болингброку. Но это была только чрезвычайно искусная пародія на Болингброка, въ которой Бёркъ, съ болингброковскими пріемами

и его слогомъ, старался довести до абсурда его идеи. Въ томъ же году онъ издалъ «Философское изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ идей о возвышенномъ и прекрасномъ», ставшее на ряду съ первостепенными философскими произведеніями. Сдѣлавшись секретаремъ министра Рокингема, а потомъ членомъ парламента, Бёркъ всецѣло отдался политической дѣятельности и бодро бился за свободу вплоть до французской революціи. Его дѣятельность имѣла громадное значеніе для многихъ поколѣній. Въ соціальномъ отношеніи онъ не что иное, какъ либеральный буржуа, сынъ своего времени и своей коммерческой страны; но, какъ политикъ, онъ до сихъ поръ остается на той высотѣ, которой достигъ при жизни, благодаря своему могучему генію. Мы думаемъ, что въ обзорѣ его дѣятельности читатель найдетъ не мало поучительнаго для себя.

Въ 1765 г. Бёркъ вступилъ членомъ въ нижнюю палату, гдѣ сразу же обратилъ на себя всеобщее вниманіе и содѣйствовалъ проведенію тѣхъ мѣръ, которыми ознаменовалось управленіе Рокингема. Но уже въ 1766 г. Рокингемъ удалился, и старшій Питтъ, сдѣлавшійся теперь лордомъ Чатамомъ, взялся составить министерство изъ самыхъ разнородныхъ и большею частью негодныхъ людей. «Онъ—говоритъ Бёркъ—сложилъ зданіе, грубо отдѣланное и причудливо сложенное; здѣсь кусокъ чернаго камня, а подлѣ кусокъ бѣлаго; патріоты и царедворцы, друзья короля и республиканцы; виги и торіи, коварные друзья и открытые враги; на все это очень любопытно посмотрѣть, но въ высшей степени не безопасно прикасаться къ этому произведенію или вставать на него». Дѣйствительно, лордъ Чатамъ ничего не могъ сдѣлать путнаго со своими министрами, впалъ въ тяжкую душевную болѣзнь, перессорился со всѣми своими товарищами и надолго удалился отъ дѣлъ, хотя и продолжалъ все-таки числиться первымъ министромъ. «Не было ни одного принципа внѣшней, внутренней и колоніальной политики, дорогого сердцу Чатама, — говоритъ Маколэ,—котораго бы въ теченіе того времени, когда его духъ находился въ затменіи, не нарушило министерство, имъ же образованное».

Въ то время, какъ слава Питта падала все ниже и ниже, на политическомъ горизонтѣ поднималось быстро новое свѣтило. Въ 1769 г. Бёркъ издалъ разборъ гнусной книги о «Состояніи народа», написанной ради прославленія гренвилевскаго министерства. Рядомъ цифръ и фактическихъ доказательствъ, обнаружившихъ въ немъ самое скрупулезное знаніе дѣлъ, онъ разбилъ Гренвиля въ пухъ и прахъ. Въ слѣдующемъ, 1770 г., онъ издалъ одно изъ лучшихъ своихъ сочиненій—«Мысль о причинахъ нынѣшнихъ недовольствъ».

«Всѣ согласны,—говоритъ Бёркъ,—что правительство въ одно и то же время подвергается и презрѣнію, и угрозамъ; что законовъ вовсе не уважаютъ и не боятся; что ихъ бездѣйствіе служитъ предметомъ насмѣшекъ, а ихъ выполненіе возбуждаетъ омерзѣніе; что наши внѣшнія дѣла такъ же разстроены, какъ и внутреннія; что зависящія отъ насъ земли потеряли привязанность къ намъ и вышли изъ повиновенія; что мы не знаемъ, ни какъ удержать ихъ за собой, ни какъ привести въ покорность; что рознь и хаосъ въ управленіи, въ партіяхъ, въ семействахъ, въ парламентѣ, въ цѣломъ народѣ далеко превосходятъ собою безпорядки всѣхъ прежнихъ временъ. И такое положеніе вещей тѣмъ болѣе замѣчательно, что нація не подвергалась никакимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ, ни чумѣ, ни голоду, ни утѣснительнымъ налогамъ, ни безуспѣшной войнѣ». Сторонники правительства старались доказать, что причины всѣхъ этихъ безпорядковъ заключаются не въ законахъ, не во властяхъ, а въ томъ, что самъ народъ, «сдѣлавшись гордымъ, грубымъ и необузданнымъ», началъ потрясать всѣ основы государственной жизни. «Я,—отвѣчаетъ на это Бёркъ, — я не изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что народъ никогда не дѣлаетъ несправедливостей: онъ дѣлалъ ихъ такъ часто и такъ неистово, какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ нашей. Но я говорю, что во всѣхъ распряхъ между нимъ и его правителями предпочтеніе должно быть дано народу. Когда народное недовольство достигаетъ большой силы, то вполнѣ основательно можно утверждать и доказать, что есть какое-нибудь зло или въ самой конституціи, или въ поведеніи правительства. Народъ не имѣетъ никакого интереса въ безпорядкахъ. Если онъ поступаетъ несправедливо, то это его заблужденіе, а не преступленіе. Но далеко не такъ должно смотрѣть на дѣйствія представителей власти; намѣренно ли, по ошибкѣ ли, они, во всякомъ случаѣ, производятъ зло. «Революціи, совершающіяся въ большихъ государствахъ, порождаются не случаемъ и не капризомъ народовъ. Народъ возстаетъ вовсе не по желанію бунтовать, но вслѣдствіе невыносимыхъ страданій». Таковы слова великаго мужа (Сюлли), министра, ревностнаго защитника монархіи. Они относятся къ системѣ фаворитизма, принятой Генрихомъ III французскимъ, и къ ужаснымъ ея послѣдствіямъ. То, что говоритъ онъ о революціяхъ, вполнѣ относится и ко всякой большой тревогѣ.

«Со времени революціи не было слышно ни одного голоса противъ существованія парламента; для двора удобно имѣть что-нибудь, что̀ стоитъ между министрами и народомъ; народъ крѣпко держится за необходимость своего представительства, и палата общинъ сама стремится къ тому, чтобы имѣть какъ можно больше власти, потому что, чѣмъ она сильнѣе, тѣмъ дороже могутъ стоить ея голоса». Но одного существованія парламента недостаточно для свободы. «Власть короны, убитая и разрушенная, какъ прерогатива, поднялась снова — менѣе ненавидимая, но съ большею твердостью— подъ именемъ вліянія,—вліянія, которое въ тиши дѣлаетъ свое дѣло безъ шуму и безъ насилія и превращаетъ однако величайшихъ противниковъ власти въ ея произвольное орудіе, одинаково поль-

зуясь для своихъ корыстныхъ цѣлей счастіемъ и несчастіемъ страны. И это вліяніе короны со дня на день дѣлается опаснѣе. Фридрихъ, принцъ валлійскій, сковалъ эти планы, а сынъ его, Георгъ, все смѣлѣе и смѣлѣе выполняетъ ихъ. Главное средство состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить сословія другъ отъ друга; вельможъ и богатыхъ стращаютъ пугаломъ правленія черни, а народъ возбуждаютъ указаніями на аристократическую тираннію».

«Корона имѣетъ явное намѣреніе усилить себя на счетъ государственной власти. Приверженцы этой вредной новой системы называютъ себя *друзьями короля*, какъ-будто всѣ прочіе поддан-ные враги его... И не забавно ли, что *друзья короля* имѣютъ на это названіе не болѣе права, чѣмъ какой-нибудь помѣщикъ, проживающій въ Кумберлендѣ или Корнуэлѣ. Государь видитъ ихъ только тогда, когда они лобзаютъ его руку за должности, пенсіи и подарки, которые они выманиваютъ отъ его благосклонности». Занимая второстепенныя, но прибыльныя и вліятельныя должности, они образуютъ изъ себя тайное, безотвѣтственное правительство и заправляютъ всей администраціей, существующей для вида. «Система, которая проводитъ столь рѣзкое раздѣленіе между тайнымъ управленіемъ друзей короля и явнымъ управленіемъ министерства, называется обыкновенно *двойнымъ кабинетомъ*... Вотъ главная причина настоящаго народнаго движенія... Вотъ источникъ всѣхъ тѣхъ горькихъ водъ, которыя изъ сотенъ разнообразныхъ каналовъ мы пили до тѣхъ поръ, что готовы лопнуть. Корона создала систему, которая, не нарушая прямо буквы закона, противодѣйствуетъ духу цѣлой конституціи. Парламентъ обязанъ устранить это зло. Народъ свободнаго государства, такъ старательно заботящійся о томъ, чтобы его законы исходили изъ общаго согласія всѣхъ, не можетъ быть такъ безуменъ, чтобы поручать исполненіе этихъ законовъ людямъ неотвѣтственнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, до послѣдняго времени первой заботой парламента всегда было то, чтобы не давать правительству пособій до тѣхъ поръ, пока власть не поступитъ въ руки министерства, которое пользуется довѣріемъ парламента и народа. Потому что важнѣйшая часть нашей конституціи есть именно та, что народъ, имѣющій черезъ своихъ депутатовъ и лордовъ законодательную власть, подчиняется надзору посредствомъ отрицательнаго права короля, а король, имѣющій право выбора и назначенія лицъ исполнительной власти, подчиняется надзору посредствомъ отрицательнаго права народа, т. е. посредствомъ отказа въ парламентскихъ пособіяхъ. Если взаимный этотъ надзоръ прекращается, то вся конституція погибла»... Въ частности, «палата общинъ представляетъ собою *контроль*, выходящій непосредственно изъ народа... Сила, духъ и сущность ея состоятъ въ томъ, что она служитъ выраженіемъ чувствъ націи. Она установлена не для контроля *надъ* народомъ, какъ недавно проповѣдывала это доктрина, отличающаяся самыми вредными тенденціями. Она должна быть контролемъ *отъ* народа. Палата общинъ никогда не имѣла назначенія поддерживать спокойствіе и покорность. Слѣдить бодрымъ и ревнивымъ взоромъ за исполнительною и судебною властью; ревностно заботиться объ общественной казнѣ, быть вполнѣ доступною и внимательною къ желаніямъ народа,—таковы ея дѣйствительныя обязанности. Но палата общинъ, подносящая адресы, и нація, подающая прошенія; палата общинъ, преисполненная довѣрія, между тѣмъ какъ народъ погруженъ въ отчаяніе; палата общинъ, идущая рука-объ-руку съ министрами, на которыхъ народъ смотритъ съ крайнимъ отвращеніемъ; палата, вотирующая благодарность въ то время, какъ общественное мнѣніе требуетъ преданія суду; палата, которая во всѣхъ распряхъ между народомъ и правительствомъ предпочитаетъ дѣйствовать противъ народа, которая наказываетъ народъ за всѣ безпорядки, но отказывается изслѣдовать то, что возбуждало ихъ,—это неестественное, чудовищное состояніе дѣлъ при нашей конституціи. Подобное собраніе можетъ быть великимъ, мудрымъ, почтеннымъ сенатомъ, но никоимъ образомъ не можетъ быть палатою общинъ, служащею народному дѣлу».

Подобное превращеніе парламента изъ контроля *отъ* народа въ контроль *надъ* народомъ совершенно извратило назначеніе парламента. «Испорченъ бываетъ и отступаетъ отъ своего назначенія всякій парламентъ—во-первыхъ, когда онъ поддерживаетъ безразлично всѣхъ министровъ, потому что этимъ онъ уничтожаетъ свою цѣль контроля; а во-вторыхъ, когда онъ противится свободнымъ выборамъ, потому что этимъ онъ подкапываетъ свободное полномочіе, которое даетъ палатѣ общинъ ея существованіе. Въ послѣднее время парламентъ не разъ совершалъ обѣ эти ошибки. Не только каждый министръ, кто бы онъ ни былъ, съ увѣренностью распоряжается большинствомъ для всѣхъ своихъ мѣръ, но въ послѣднемъ засѣданіи друзья короля сдѣлали наглую попытку измѣнить даже самое избирательное право. Палатѣ общинъ хотѣли сообщить власть и право исключать по собственному произволу извѣстныя сословія и лицъ, которыя-бы ей не понравились, и принимать вмѣсто нихъ другія, которыя не были бы избраны ни посредствомъ большинства, ни посредствомъ какого-нибудь признаннаго закона. Уилксъ обнаружилъ сильную оппозицію придворной интригѣ и сдѣлался предметомъ ненависти двора и всеобщей любви народа. Ожесточенное преслѣдованіе его придворной партіей и упорное покровительство ему народа тотчасъ сдѣлались не вопросомъ объ одномъ человѣкѣ, но состязаніемъ двухъ партій. Придворная интрига хотѣла создать прецедентъ, доказывающій, что *расположеніе народа не даетъ даже народнымъ любимцамъ и уполномоченнымъ такой вѣрной опоры, какъ расположеніе двора*. Упорное сопротивленіе каждому незаконному дѣйствію власти; духъ независимости, доходящій до нѣкоторой степени энтузіаз-

ма; пытливое расположеніе къ изслѣдованію и смѣлое желаніе къ разоблаченію каждаго безобразія и каждой ошибки правительства,—таковы качества, требуемыя отъ лица, избираемаго въ палату общинъ при дѣйствительно народныхъ выборахъ; равнодушный и пассивный характеръ, наклонность хорошо думать обо всѣхъ дѣйствіяхъ представителей власти и жить съ ними во взаимной пріязни, расположенность къ тому, чтобы скорѣе благопріятствовать каждому усиленію власти, чѣмъ какой-бы то ни было вольности народа,—таковы качества, неблагопріятныя для кандидата въ члены парламента... Но палата общинъ допустила не только измѣненіе, а даже совершенно извращеніе этого принципа. Въ то время, какъ всѣ проступки, совершенные ради усиленія власти, были смягчаемы и, наконецъ, прощаемы, всѣ сильныя проявленія свободнаго духа, имѣвшія цѣлью или пріобрѣтеніе любви народа, или же защиту народныхъ правъ и привилегій, наказывались не только со всею буквальною строгостью закона, но и произвольно-административнымъ порядкомъ. Популярность сдѣлалась если и не прямо уголовно наказуемою, то и, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени опасною. Расположеніе народа можетъ даже лишить права быть его представителемъ! Оппозиція власти затворила двери палаты общинъ одному человѣку, угодничество же и раболѣпіе никому!.. Конечно, никто изъ живущихъ теперь людей не вѣритъ, чтобы Уилькесъ былъ наказанъ за безнравственность своихъ сочиненій *),—эта безнравственность была только предлогомъ, чтобы отнять у народа единственнаго любимца его, виновнаго въ благородныхъ стремленіяхъ, хотя и омрачаемыхъ пороками, въ непоколебимой твердости, въ рѣшительномъ, неутомимомъ и упорномъ сопротивленіи деспотизму».

Вопросъ, возбужденный дѣломъ Уилькса, касается всего народа; это вопросъ о томъ, «долженъ ли быть запятнанъ человѣкъ, осмѣлившійся оспаривать существующую власть, и въ состояніи ли народъ защищать отъ подобной несправедливости друзей и поборниковъ своихъ правъ и вольностей? Народъ, оставляющій эту власть, оставляетъ самого себя. Гдѣ же потомъ найдетъ онъ защитниковъ своей свободы? Всѣ чины парламента, стоящіе на сторонѣ двора, утопаютъ въ богатствѣ и пышности, имѣютъ много случаевъ пріобрѣсти себѣ расположеніе и приверженцевъ въ народѣ, посредствомъ раздачи денегъ и разнаго рода покровительствъ. Члены же оппозиціи находятся совершенно въ другомъ положеніи. Такимъ образомъ, если народъ не можетъ облегчить ихъ тяжелыхъ обязанностей и предохранить ихъ отъ безпрестанныхъ заботъ и оскорбленій, то эти обязанности становятся дѣломъ невыполнимымъ. И что сдѣлается, наконецъ, при такихъ обстоятельствахъ изъ самаго парламента? Можетъ ли палата общинъ быть контролемъ для другихъ вѣтвей управленія, когда она сама не контролируется своими избирателями и когда права этихъ избирателей могутъ быть уничтожены или нарушены самой палатой? Если сама палата вмѣшивается въ избирательное право, то она уже не исходитъ больше изъ народа, а стоитъ надъ нимъ и составляетъ свободную, совершенно независимую власть.

«Эти ужасные безпорядки должны быть остановлены, если парламенту и конституціи не суждено сдѣлаться чистымъ вздоромъ и мишурой. Какъ самое удобно средство для этого предлагаютъ по большей части сократить продолжительность парламента и удалить изъ него всѣхъ государственныхъ чиновниковъ или, по крайней мѣрѣ, большую часть ихъ. Я, съ своей стороны, мало довѣряю и трехлѣтнему сроку парламента, и биллю противъ государственныхъ чиновниковъ. Главнымъ дѣломъ и необходимѣйшимъ основаніемъ для каждаго проекта улучшенія остается возстановленіе свободнаго избирательнаго права и, послѣ этого возстановленія выборовъ, постоянное и внимательное наблюденіе народа за поведеніемъ отдѣльныхъ членовъ парламента. Подача ихъ голосовъ должна быть объявляема публично. Если посредствомъ этого народъ дѣйствительно заявитъ себя основою и главой парламента, то парламентъ самъ собою возвратится къ своему естественному назначенію. Онъ отброситъ отъ себя всю ложную мишуру незаконной власти, какъ клеймо рабства, онъ не потерпитъ, чтобы правительственная власть поручалась людямъ не пользующимся довѣріемъ народа и общественнаго мнѣнія; вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ правительства, онъ снова сдѣлается его контролемъ. И этимъ снова востановится правильное отношеніе, состоящее въ томъ, что министерство отвѣтственно передъ палатой общинъ, а палата общинъ передъ народомъ».

Но для достиженія этого необходимо парализировать тѣ вредные результаты, которые произвела во всемъ народѣ коварная политика друзей короля. Эта разрушительная система постаралась разстроить всѣ честные, почтенные и полезные союзы въ королевствѣ. Эта интрига съ большимъ успѣхомъ пропагандировала доктрину, приписывающую имъ характеръ измѣны. Доктрина гласитъ, что всѣ политическіе союзы по самой природѣ своей имѣютъ цѣлью возмущеніе, а поэтому должны быть разсѣеваемы и разрушаемы. Такое рѣшеніе было торжественно заявлено главою придворной партіи, самимъ графомъ Бютомъ, въ рѣчи его въ 1766 г. Нисколько не удивительно, что подобныя личности дѣлаютъ подобныя заявленія. Что союзъ и возмущеніе термины равнозначущіе, это всегда заботливо проповѣдывали всѣ неконституціонные государственные люди. Дѣйствительно, если люди соединяются, то они легко и скоро сообщаютъ другъ другу тревожное настроеніе при видѣ каждаго худого намѣренія. Они могутъ изслѣдовать его въ общемъ совѣтѣ и воспротивиться ему соединенною силою. Но когда они раздѣлены, не имѣютъ согласія,

*) Предлогомъ къ осужденію Уилькса и къ сожженію его сочиненій было его скандалезное стихотвореніе о женщинѣ, котораго онъ даже не распространялъ въ публикѣ.

порядка или дисциплины, сообщеніе между ними невѣрное, совѣтъ труденъ, а сопротивленіе неосуществимо. Поэтому необходимо, чтобы въ самомъ народѣ организовалась правильная оппозиція произволу. «Когда дурные интриганы соединяются между собой, то и хорошіе также должны ассоціироваться, въ противномъ случаѣ они, одинъ за однимъ, падутъ никѣмъ неоплаканною жертвою безславной борьбы»... Самъ народъ долженъ вступиться въ дѣло; въ противномъ же случаѣ «современное положеніе вещей будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до неистовой междоусобицы или все не погрузится въ мертвый покой деспотизма».

Таково существенное содержаніе книги, которая до настоящаго времени служитъ обязательною программою для каждаго истаго вига. Въ ней, какъ и во всѣхъ своихъ другихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ, Бёркъ является преимущественно практикомъ, который, пользуясь данными условіями жизни, старается сдѣлать все возможное ради пользы народа. Онъ слѣдуетъ не отвлеченнымъ выводамъ философіи, не принципамъ права, а мнѣніямъ и желаніямъ народа. «Мудрость гражданская или политическая—говоритъ онъ—не можетъ быть очерчена никакими неизмѣнными чертами. Сущность ея не подлежитъ точному опредѣленію. Политика должна примѣняться не къ человѣческимъ умствованіямъ, а къ человѣческой природѣ. Народу стоитъ только высказать свои потребности въ общемъ и обширномъ смыслѣ, а мы—опытные художники или искусные рабочіе, обязанные придать этимъ желаніямъ совершенную форму и приспособить орудіе къ надлежащему употребленію. Народъ—это больной, высказывающій симптомы болѣзни, а мы узнаемъ, въ какомъ именно мѣстѣ находится недугъ, и умѣемъ лѣчить его сообразно съ правилами науки. Какъ ужасно было бы, если бы мы стали обращать свое искусство на зловредныя и рабскія ухищренія, съ тѣмъ, чтобы уклониться отъ нашей обязанности и обманомъ лишить тѣхъ, чьи интересы мы должны оберегать,—лишить предмета ихъ справедливыхъ ожиданій». «Слѣдовать общественному настроенію, а не насиловать его, давать направленіе, образъ, техническую форму и особую санкцію преобладающимъ воззрѣніямъ общества—таково истинное назначеніе законодательной власти». Бёркъ такъ крѣпко держался этого принципа, что въ 1772 г., по поводу одного билля о вывозѣ хлѣба, онъ сказалъ: «Въ настоящемъ случаѣ я полагаю пропустить этотъ билль, не потому, чтобы я одобрялъ такую мѣру саму по себѣ, но потому, что я считаю полезнымъ уступить духу времени. Народъ желаетъ этой мѣры и представители его не должны ему въ томъ отказывать. Впрочемъ, я не могу не высказать моего протеста противъ общихъ политическихъ началъ, на которыхъ билль основанъ, потому что я считаю ихъ весьма опасными». Поэтому одною изъ главныхъ заботъ Бёрка было доставить народу полную возможность свободно развивать и свободно высказывать свои мысли и чувства. Онъ уже въ самомъ началѣ своей парламентской дѣятельности заявилъ себя сторонникомъ полной свободы слова и въ рѣчи о преслѣдованіи пасквилей говорилъ палатѣ: «Я не понимаю тѣхъ, которые возстаютъ противъ всякаго нарушенія общественнаго спокойствія; я желаю, чтобы вездѣ слышался крикъ, гдѣ существуетъ злоупотребленіе. Пожарный набатъ въ полночь прерываетъ вашъ сонъ, но предохраняетъ васъ отъ опасности сгорѣть въ постели. Судебные процессы по дѣламъ о воровствѣ нарушаютъ спокойствіе графства, но служатъ къ охраненію собственности во всей провинціи».

При дальнѣйшемъ обзорѣ бёрковской дѣятельности мы будемъ имѣть много случаевъ поближе познакомиться съ его общими воззрѣніями на политику и парламентскую реформу, а теперь перейдемъ къ его участію въ американскомъ вопросѣ.

III.

«Отмѣна гербовой пошлины научила ли американцевъ повиновенію? Наша снисходительность внушила ли имъ чувство умѣренности? Въ то время, какъ они отвергаютъ нашу законную власть облагать ихъ пошлиною, должно ли согласиться на ихъ незаконное притязаніе и отмѣною закона отказаться отъ этой власти? Нѣтъ, приличнѣе всего пользоваться правомъ обложенія пошлиною именно въ то время, когда его отвергаютъ. Отсрочивать—значитъ уступать, и если не поддержать власти метрополіи теперь, то она въ сущности будетъ навсегда потеряна. О совершенной отмѣнѣ нельзя думать до тѣхъ поръ, *пока Америка не упадетъ къ ногамъ нашимъ*».

Такова была программа лорда Норта, ставшаго во главѣ министерства въ 1770 г. Онъ, будучи сторонникомъ абсолютизма, рѣшился удержать незначительную пошлину на чай, чтобы только укрѣпить верховное право короля надъ его непокорными подданными и право метрополіи надъ колоніями. Георгъ III, злѣйшій врагъ американцевъ, хотѣлъ во что бы то ни стало выбить изъ нихъ бунтовской духъ и тѣмъ дать поучительный урокъ для своихъ подданныхъ въ Англіи. Его дружно поддерживали въ этомъ намѣреніи всѣ враги свободы, всѣ королевскіе друзья, всѣ торіи, все англиканское духовенство. «Торіи,—писалъ Бёркъ Фоксу въ 1777 г.,—торіи вообще полагаютъ, что все ихъ могущество и значеніе зависитъ отъ успѣха въ этомъ американскомъ дѣлѣ. Духовенство съ удивительнымъ жаромъ предается ему, а какую силу имѣютъ торіи, когда они дѣйствуютъ въ полномъ составѣ и заодно съ естественною главою своею, королевскою властью, и еще возбуждаются духовенствомъ,—этого никто не можетъ знать лучше васъ». Попытка подчинить американцевъ закону о налогахъ вызвала сопротивленіе во всей Америкѣ. Колоніи возстали противъ тиранніи и въ 1774 г. началась война, въ которой войска Англіи терпѣли пораженія и покрывались позоромъ. «Британія—писалъ Франклинъ — убила 150 янки въ эту кампанію и

истратила на это 3,000,000 фунтовъ, т.-е. по 30,000 ф. на голову. Въ то же самое время въ Америкѣ родилось 60,000 дѣтей, — разсчитайте-ке, сколько понадобится времени и денегъ, чтобы убить насъ всѣхъ!» Англія покупала за большія цѣны подданныхъ герцога Брауншвейгскаго, ландграфа и принца гессенъ-кассельскихъ и посылала ихъ истреблять американцевъ, а въ смѣтѣ расходовъ на войну, представленной правительствомъ парламенту, была статья на пріобрѣтеніе «пяти гроссовъ ножей для скальпированія». Но всѣ усилія покорить колоніи были безуспѣшны и въ самой Англіи дѣло американцевъ находило многихъ защитниковъ. Вслѣдствіе американскихъ волненій, Ливерпуль, Бристоль, Лидсъ, Манчестеръ почти разорились; ихъ фабриканты обанкротились, а рабочіе остались безъ работы и безъ куска хлѣба. Англійскіе купцы имѣли на американцахъ 4,000,000 ф. долга, а война стоила Англіи громадныхъ суммъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ буржуазія была рѣшительно противъ политики правительства и требовала примиренія съ Америкой. Къ тому же стремилась и оппозиція въ парламентѣ, руководимая Питтомъ старшимъ, Бёркомъ и Фоксомъ. Всѣ честные друзья свободы стояли за дѣло колоній, понимая, что американская война должна рѣшить участь обѣихъ странъ, что побѣда королевской партіи въ колоніяхъ неизбѣжно поведетъ за собой побѣду ея надъ конституціей во всей Англіи. Поэтому-то Фоксъ вмѣстѣ со многими другими желалъ, чтобы побѣда осталась за американцами. Поэтому-то Питтъ старшій радовался, что Америка успѣшно борется съ Англіей. «Я очень радъ, что Америка устояла,—говорилъ онъ:—три милліона людей, настолько заглушившихъ въ себѣ чувство свободы, чтобы добровольно сносить рабство, могли бы сдѣлаться пригоднымъ орудіемъ для обращенія въ рабство и остальныхъ. Духъ нынѣшняго возмущенія въ Америкѣ противъ вашихъ налоговъ есть тотъ же самый, который въ Англіи противился корабельной подати, это тотъ самый духъ, который тогда поднялъ на ноги всю Англію и биллемъ о правахъ пересоздалъ конституцію. Этотъ славный духъ виговъ одушевляетъ въ Америкѣ три милліона людей, предпочитающихъ бѣдность со свободою раззолоченнымъ цѣпямъ и позорному богатству; защищая свои права, они умрутъ какъ люди и притомъ какъ люди свободные. Какъ англичанинъ по рожденію и принципамъ, я признаю за американцами верховное и неотчуждаемое право на ихъ собственность, а этимъ правомъ оправдывается защита ихъ до послѣдней крайности». Питтъ доказывалъ, что война не можетъ быть успѣшна, а способъ веденія ея покрываетъ Англію позоромъ. «Милорды, вы не можете завоевать Америку; мы будемъ принуждены наконецъ отказаться отъ нея; откажемся же теперь, когда мы можемъ сдѣлать это безъ принужденія. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ непремѣнно уничтожить насильственныя и стѣснительныя постановленія; они должны быть отмѣнены, вы отмѣните ихъ, я ручаюсь въ этомъ моей честью; вы принуждены будете наконецъ отмѣнить ихъ, ручаюсь въ этомъ моимъ добрымъ именемъ; пусть считаютъ меня идіотомъ, если въ концѣ концовъ они не будутъ отмѣнены!.. Умножайте, сколько хотите, ваши издержки, напрягайте ваши силы, собирайте и посылайте какія угодно подкрѣпленія, которыя можете занять или купить, входите въ сдѣлки и торгуйтесь съ каждымъ жалкимъ нѣмецкимъ князькомъ, который продаетъ и посылаетъ своихъ подданныхъ на убой въ пользу иностранныхъ государей,—всѣ ваши старанія окажутся напрасными и безсильными, безсильными вдвойнѣ—вслѣдствіе наемной помощи, на которую вы опираетесь, и потому еще, что помощь эта раздражаетъ до непримиримой ненависти души вашихъ враговъ. Какъ напустить на нихъ наемныхъ хищниковъ и грабителей, обречь ихъ и ихъ владѣнія въ жертву оплаченнаго вами хищничества! О, если бъ я былъ американцемъ, а не англичаниномъ, то не положилъ бы оружія, пока хотя одинъ иностранный батальонъ оставался бы на территоріи моей родины. Никогда, никогда, никогда! Но, милорды, каковъ же долженъ быть человѣкъ, который, въ довершеніе постыдныхъ и злодѣйскихъ дѣйствій нашей арміи, осмѣлился дозволить присоединеніе къ нашему оружію томагаука и скальпировальнаго ножа дикарей! Допустить въ цивилизованный союзъ свирѣпаго и безчеловѣчнаго дикаря, натравить на наши колоніи, на нашихъ родственниковъ, нашихъ прежнихъ друзей безжалостнаго каннибала, жаждущаго крови мужчинъ, женщинъ, дѣтей; опустошить ихъ страну, предать запустѣнію ихъ жилища, искоренить ихъ племя, ихъ имя, при помощи дикой воинственности этихъ адскихъ псовъ! Милорды, такія вопіющія крайности громко взываютъ о возмездіи и наказаніи. Это нарушеніе конституціи. Я полагаю, что это противозаконно». Питтъ требовалъ мира съ Америкой. «Пусть Англія—говорилъ онъ—приметъ роль доброй и снисходительной матери. Можетъ настать время, когда эта мать будетъ нуждаться во всѣхъ тѣхъ пособіяхъ, какія получаются отъ благодарныхъ и привязанныхъ дѣтей. Благоденствіе Англіи, милорды, всегда было величайшею радостью, при всѣхъ перемѣнахъ моей судьбы было мнѣ отраднѣйшимъ утѣшеніемъ. Если рука Провидѣнія не позволитъ мнѣ принести мою бѣдную и слабую помощь въ день ея бѣдствія, то всегда молитва моя будетъ за ея счастіе. Долгота дней да будетъ одесную ея, богатства и честь ошую ея! Да будутъ пути ея—пути радости и всѣ стези ея—стези мира!»

Такъ умирающій Питтъ, приносимый въ парламентъ завернутымъ въ фланель и на носилкахъ, боролся въ верхней палатѣ за американское дѣло, пока среди его послѣдней рѣчи не сразилъ его апоплексическій ударъ. Въ это время въ палатѣ общинъ съ такою же силою и съ такимъ же блескомъ, какъ Питтъ, ораторствовалъ Бёркъ. Его первыя рѣчи въ 1766 г. за отмѣну гербовой пошлины съ Америки наполнили удивленіемъ всю столицу, и Питтъ указывалъ на него, какъ на величайшаго оратора. Правда, что его краснорѣчіе подчасъ переходило въ напыщенную риторику, его манеры нерѣдко отзывались

театральностью, его рѣчи продолжались обыкновенно по нѣсколько часовъ и часто были наполнены множествомъ цитатъ и цѣлыми рядами цифръ, которыя онъ безъ малѣйшей ошибки приводилъ на память, но все-таки его ораторскій геній имѣлъ неодолимое обаяніе даже на его враговъ. Знаніемъ же дѣлъ, о которыхъ говорилъ Бёркъ, онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ такъ ревностно и такъ долго занимался американскимъ вопросомъ, что люди вполнѣ компетентные видѣли въ немъ «человѣка, который знаетъ Америку гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные члены парламента, вмѣстѣ взятые». Въ своей рѣчи 1774 г. онъ подробно разбираетъ весь ходъ американскаго вопроса и указываетъ столько нелѣпостей, противорѣчій, несообразностей въ дѣятельности министерства, что послѣднее оказывается совершенно неспособнымъ «къ веденію большихъ дѣлъ». Что же касается послѣдняго налога, то «это налогъ софистовъ, налогъ педантовъ, налогъ раздора, налогъ войны и мятежа, налогъ, приносящій взимателямъ все, что угодно, кромѣ пользы». Уничтоживши значительную часть пошлины на чай, понизивъ ее съ шиллинга то трехъ пенсовъ, этимъ самымъ только раздражили американцевъ. «Никто, конечно, не сомнѣвается, что прибыль, доставляемая чайной торговлей, можетъ вынести налогъ въ три пенса. Но никакая прибыль не потерпитъ трехъ пенсовъ, не потерпитъ даже одного пенни, когда всѣ чувства людей возмущены и два милліона народа рѣшились не платить налога. А эти чувства колонистовъ были нѣкогда чувствованіями Великобританіи. Они были чувствованіями Гэмпдена, когда съ него потребовали налогъ въ 20 шиллинговъ. Ужели 20 шиллинговъ разорили бы Гэмпдена? конечно, нѣтъ; но уплата даже половины этой суммы, на томъ основаніи, въ силу котораго требовали ее, сдѣлала бы его рабомъ»... «Во всякомъ случаѣ, до окончанія этой сессіи вамъ необходимо принять ту или другую систему. Думаете ли вы обложить Америку податями и извлекать изъ нея прибыльный доходъ? Если такъ, то выскажите это; поименуйте, опредѣлите, обозначьте этотъ доходъ; установите его количество, обозначьте его цѣли, и воюйте, когда вамъ будетъ за что воевать; умерщвляйте и грабьте, бейте и завладѣвайте; но не разыгрывайте роли сумасшедшихъ и убійцъ, свирѣпыхъ, мстительныхъ, кровожадныхъ мучителей, дѣйствующихъ безъ опредѣленной цѣли. Но да руководятъ вами лучшія внушенія! Возвратитесь, возвратитесь къ вашимъ собственнымъ принципамъ, ищите мира и найдете его, предоставьте Америкѣ самой облагать себя налогами. Я не вхожу здѣсь въ различіе правъ и не пытаюсь опредѣлять обязанностей. Я не вдаюсь въ эти метафизическія различія; я ненавижу самый звукъ ихъ. Оставьте американцевъ на прежнемъ положеніи, и всѣ эти различія, порожденныя нашимъ несчастнымъ столкновеніемъ, исчезнутъ вмѣстѣ съ нимъ навсегда. Они и мы, ихъ и наши предки были счастливы при такой системѣ. Пусть же исчезнетъ навсегда самая память обо всѣхъ дѣйствіяхъ, противныхъ этому доброму старому порядку. Не давите американцевъ налогами,—вы не дѣлали этого съ самаго начала, и пусть это послужитъ вамъ основаніемъ необложенія. Но если, по своей неумѣренности, неблагоразумію, злополучности вы будете заниматься софизмами и отравлять самый источникъ управленія, настаивая на ненавистныхъ управляемымъ утонченныхъ дедукціяхъ и послѣдствіяхъ безпредѣльной, неограниченной природы верховной власти, то этимъ вы только заставите ихъ подвергнуть опасности саму верховную власть. Если верховная власть и ихъ свобода не могутъ быть примирены, то что останется имъ дѣлать? Они бросятъ вамъ въ лицо вашу верховную власть! Никого нельзя обратить въ рабство аргументами. Пусть несогласные со мною джентльмены призовутъ на помощь всю свою ловкость; пусть лучшій изъ нихъ встанетъ и скажетъ мнѣ, какой это свободой обладаютъ американцы и какого клейма рабства не носятъ они, когда вся ихъ собственность и промышленность стѣснены всевозможными путами, какіе вы только можете придумать для коммерціи, и въ то же время изъ нихъ дѣлаютъ вьючныхъ лошадей для всякаго налога, какому вамъ только заблагоразсудится подвергнуть ихъ, не дѣлая имъ ни малѣйшей уступки. Въ то время, какъ они несутъ иго безграничной монополіи, вы хотите наложить на нихъ еще иго безграничнаго налога. Англичанинъ въ Америкѣ сознаетъ, что это рабство и что съ этимъ *легальнымъ* рабствомъ не могутъ примириться ни его чувства, ни его умъ.

«Говорившій недавно благородный лордъ выразился, что американцы наши дѣти, а какъ могутъ дѣти возставать противъ родителей. Онъ говорилъ, что если они несвободны въ своемъ теперешнемъ положеніи, то несвободна и Англія, потому что Манчестеръ и другіе значительные города не имѣютъ представителей въ парламентѣ. Такимъ образомъ, потому, что нѣкоторые города въ Англіи не имѣютъ представителей, Америка не должна вовсе имѣть ихъ! Американцы «наши дѣти»; но когда дѣти просятъ хлѣба, вѣдь мы не подаемъ имъ камня. Колоніи желаютъ уподобиться своей матери и съ сыновнимъ сходствомъ воспріять прекрасный образъ британской свободы,—ужели мы повернемся къ нимъ срамными частями своей конституціи, дадимъ имъ нашу слабость для ихъ силы, наше безславіе для ихъ славы, и ярмо рабства, отъ котораго мы не можемъ избавиться, предложимъ имъ вмѣсто ихъ свободы? Въ такомъ случаѣ, задайтесь вопросомъ, будутъ ли они довольны такимъ рабскимъ положеніемъ? Если нѣтъ, то посмотрите на результаты. Размыслите, какъ вы будете управлять народомъ, который думаетъ, что онъ долженъ быть свободенъ, и видитъ, что онъ несвободенъ? Ваша система не даетъ никакого дохода, она не производитъ ничего, кромѣ ненависти, безпорядковъ, неповиновенія... И пока вы не вернетесь къ прежней системѣ, до тѣхъ поръ не будетъ мира для Англіи».

Въ сессію слѣдующаго, 1775 года, въ парла-

ментъ былъ внесенъ билль о примиреніи съ колоніями. Рѣчь Бёрка, сказанная по этому поводу, стоитъ того, чтобы остановиться на ней подольше.

«Предлагается миръ,—говорилъ онъ,—не миръ посредствомъ войны, не миръ, проведенный чрезъ лабиринтъ интригъ и безконечныхъ переговоровъ, не миръ, устроенный юридическимъ рѣшеніемъ запутанныхъ вопросовъ; это простой миръ, миръ, желаемый въ духѣ мира, и основанный на чисто-мирныхъ началахъ. Я предлагаю, устранивъ причину раздора и возстановивъ прежнее дружественное довѣріе колоній къ метрополіи, дать существенное удовлетвореніе вашимъ народамъ, примирить ихъ другъ съ другомъ однимъ и тѣмъ же актомъ и узами того же самаго интереса, который миритъ ихъ съ британскимъ управленіемъ... Послѣ всего, что мы испытали, хотимъ ли мы или нѣтъ, но мы должны управлять Америкой сообразно съ ея природою и съ обстоятельствами, а не по нашимъ собственнымъ измышленіямъ, не по абстрактнымъ идеямъ права, не по какимъ бы то ни было общимъ теоріямъ управленія, обращаться къ которымъ въ нашемъ настоящемъ положеніи—значитъ заниматься чистѣйшей ерундой. Я постараюсь здѣсь изобразить современное состояніе Америки.

«Жителей въ колоніяхъ считается 2,000,000. Выше или ниже эта цифра дѣйствительной—это не имѣетъ большого значенія. Сила, съ которою народонаселеніе увеличивается въ этой части міра, такъ велика, что вы можете опредѣлять численность жителей какими угодно высокими цифрами,—и пока будетъ продолжаться вашъ споръ, преувеличеніе уже исчезнетъ. Между тѣмъ какъ мы теряемъ время на споры о способѣ управленія двумя милліонами, къ нимъ прибавится еще милліонъ жителей. Но народонаселеніе этой страны, великое и сильно возрастающее народонаселеніе, не имѣетъ однакожъ столько значенія, какъ если разсматривать его въ связи съ другими обстоятельствами. Торговля нашихъ колоній развивается несравненно сильнѣе народонаселенія. Въ 1704 г. Англія вывозила въ колоніи товаровъ на 569,000 ф., а въ 1772 г. на 6,022,122 ф. ст. Такимъ образомъ, торговля усилилась въ двѣнадцать разъ. Но это еще не все. Въ 1772 г. въ однѣ только колоніи вывозилось на сумму, равную вывозу изъ Англіи во всѣ страны, вмѣстѣ съ колоніями, въ 1704 г. Всякое разсужденіе о нашихъ отношеніяхъ къ колоніямъ слабо, шатко и софистично, если оно не основано на этомъ обстоятельствѣ... Колоніальное земледѣліе въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что, кромѣ удовлетворенія потребностямъ постоянно возрастающей туземной массы, оно уже нѣсколько лѣтъ назадъ давало возможность вывозить хлѣба болѣе чѣмъ на 1,000,000 ф. Въ началѣ настоящаго столѣтія нѣкоторыя колоніи получали хлѣбъ изъ метрополіи. Прошло нѣсколько времени—и Старый Свѣтъ началъ питаться хлѣбомъ Новаго. Недостатокъ продовольствія, который испытывали мы, превратился бы въ опустошительный голодъ, если бы это дитя не поднесло къ устамъ истощенной матери своей груди, полной юношескаго изобилія. Что же касается колоніальныхъ богатствъ, извлекаемыхъ изъ моря посредствомъ рыболовства, то они возбуждаютъ вашу зависть, а духъ предпріимчивости, руководящій этимъ промысломъ, долженъ, думаю, внушать вамъ удивленіе и почтеніе. Ни жары экватора, ни ужасная зима полюсовъ—ничто не роняетъ духа американцевъ. Въ то время, какъ одни изъ нихъ спускаютъ свой линь и мечутъ гарпунъ у береговъ Африки, другіе мчатся по меридіану и преслѣдуютъ свою гигантскую добычу вдоль береговъ Бразиліи. Нѣтъ моря, когораго бы не волновали ихъ рыболовы; нѣтъ климата, который не былъ бы свидѣтелемъ ихъ трудовъ. Ни стойкость Голландіи, ни дѣятельность Франціи, ни искусное и твердое благоразуміе англійскихъ предпринимателей никогда не доводили этой опасной и трудной промышленности до тѣхъ размѣровъ, до какихъ расширилъ ее этотъ молодой народъ. Когда я смотрю на все это, когда я знаю, что колоніи почти ничѣмъ не обязаны нашимъ заботамъ и что онѣ выросли до своего настоящаго счастливаго положенія не потому, чтобы состояли подъ опекой бдительнаго и во все вникающаго правительства, а потому, что, благодаря мудрой и спасительной невнимательности послѣдняго, ихъ благородная природа могла идти по свойственному ей пути къ усовершенствованію,—когда я размышляю объ этихъ результатахъ, когда я вижу, какъ полезны они были намъ, то я чувствую, что вся гордость силы падаетъ и вся увѣренность въ мудрости человѣческихъ соображеній исчезаетъ во мнѣ. Моя суровость смягчается. Я прощаю духу свободы.

«Но, говорятъ, Америка драгоцѣнный предметъ, она стоитъ, чтобы сражаться за нее. Конечно, такъ, если бы только завоеваніе народа было лучшимъ средствомъ привлечь его къ себѣ. Я же предпочитаю силѣ болѣе благоразумныя средства; я считаю силу не отвратительнымъ, но слабымъ орудіемъ для удержанія въ выгодномъ и подчиненномъ союзѣ съ нами народа столь многочисленнаго, дѣятельнаго, даровитаго и такъ быстро развивающагося, какъ американцы. Во-первыхъ, позвольте мнѣ замѣтить, что польза силы можетъ быть только *временною*. Народъ можно покорить, но это отнюдь не устранитъ необходимости покорять его снова, а нельзя управлять націей, которую приходится постоянно завоевывать. Во-вторыхъ, дѣйствіе силы *неблагонадежно*. Ужасъ не всегда бываетъ результатомъ силы, а вооруженное состояніе еще не побѣда. Если вы не будете имѣть успѣха, то останетесь безъ рессурсовъ, ибо, при неудачѣ примирительныхъ мѣръ, остается еще сила, но при неудачѣ силы нѣтъ уже никакой надежды на примиреніе. Далѣе, употребляя силу, вы портите тотъ предметъ, который желаете сохранить посредствомъ ея... Наконецъ, мы никогда не прибѣгали къ опыту управленія колоніями посредствомъ силы. Ихъ величіе и ихъ полезность обязаны своимъ развитіемъ совершенно противоположной системѣ. Наше прежнее снисхожденіе къ нимъ было, говорятъ, ошибкою. Пускай и такъ; но мы знаемъ, что наша ошибка болѣе сносна, чѣмъ наше покушеніе исправить

ее, а нашъ грѣхъ былъ спасительнѣе нашего раскаянія.

«Самый характеръ американскаго народа говоритъ въ пользу моего предложенія еще больше, чѣмъ его численность и промышленность. Преобладающею чертою этого характера, которая опредѣляетъ и отмѣчаетъ всѣ остальныя его стороны, служитъ любовь къ свободѣ. Гордый духъ свободы въ англійскихъ колоніяхъ, вѣроятно, сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ міра. Народъ этихъ колоній происходитъ отъ англичанъ. Англія же такая нація, которая, надѣюсь, еще до сихъ поръ уважаетъ, а нѣкогда обожала свою свободу. Колонисты эмигрировали отъ васъ въ то именно время, когда этотъ духъ наиболѣе господствовалъ. Поэтому они не только преданы свободѣ, но свободѣ, проникнутой англійскими идеями и основанной на англійскихъ принципахъ. Отвлеченной свободы нѣтъ, какъ нѣтъ и другихъ абстракцій. Свобода обитаетъ въ какомънибудь осязаемомъ объектѣ, и каждый народъ создаетъ себѣ извѣстный любимый предметъ, который по преимуществу дѣлается критеріемъ его счастія. Вы знаете, что великія столкновенія за свободу въ нашей странѣ возникали съ древнѣйшихъ временъ изъ-за вопроса о налогахъ. Надъ этимъ вопросомъ у насъ работали самые даровитые писатели, самые краснорѣчивые ораторы, за него сражались и страдали величайшіе умы. Цѣною неимовѣрныхъ трудовъ они возвели на степень основного принципа то правило, что въ монархіяхъ народъ долженъ имѣть дѣйствительное право соглашаться или не соглашаться на уступку своихъ денегъ въ видѣ налоговъ, и что, въ противномъ случаѣ, не можетъ существовать и тѣни свободы. Колоніи вмѣстѣ со своей кровью получили отъ васъ эти идеи и принципы. Ихъ любовь къ свободѣ, какъ и у васъ, сосредоточивается на этомъ спеціальномъ пунктѣ обложенія податями. Свобода можетъ быть гарантирована или подвергнута опасности въ двадцати другихъ отношеніяхъ, не возбуждая въ нихъ большой радости или чрезмѣрной тревоги. Но въ этомъ пунктѣ онѣ ощущаютъ ея пульсъ, и, смотря потому, какъ бьется онъ, онѣ находятъ себя больными или здоровыми. Я не буду разсуждать, правы или неправы онѣ, прилагая къ своимъ дѣламъ ваши принципы, хотя нужно замѣтить, что нельзя превращать въ монополію теоремы и выводы. Но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что онѣ прилагаютъ ваши принципы къ себѣ, а вашъ способъ управленія ими — вслѣдствіе снисходительности или безпечности, мудрости или ошибки — утвердилъ ихъ въ той мысли, что и онѣ, вмѣстѣ съ вами, имѣютъ интересъ въ этихъ общихъ принципахъ. Въ этой мысли ихъ поддерживала и самая форма ихъ провинціальныхъ и законодательныхъ собраній... Народное представительство въ колоніяхъ популярно въ высшей степени, и это участіе народа въ своемъ управленіи внушаетъ ему сильное отвращеніе ко всему, что можетъ лишить его такого существеннаго значенія.

«Одною изъ главныхъ причинъ свободнаго духа колонистовъ является ихъ религія. Они держатся протестантскаго вѣроисповѣданія, которое болѣе всѣхъ другихъ противно безпрекословной покорности ума. Это вѣроисповѣданіе не только благопріятно для свободы, но и основано на ней. Всякій протестантизмъ, даже самый спокойный и пассивный, есть родъ раскола (dissent). Но религія, преобладающая въ нашихъ сѣверныхъ колоніяхъ, есть крайнее выраженіе принципа сопротивленія; это самый раскольническій расколъ и самый протестантскій протестантизмъ. Эта религія распадается на множество сектъ, которыя сходятся между собою только въ общеніи духа свободы, и преобладаетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ до такой степени, что англиканская церковь, не смотря на свои легальныя права, въ сущности является незначительной сектой, къ которой принадлежитъ не болѣе десятой части народонаселенія. Колонисты оставили Англію въ то время, когда этотъ духъ свободы былъ силенъ въ диссентерахъ, а въ эмигрантахъ онъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ комъ бы то ни было. Къ тому же потокъ иностранцевъ, постоянно стремившійся въ эти колоніи, большею частію состоялъ изъ людей также недовольныхъ учрежденіями своихъ странъ, — людей, обладавшихъ такимъ же направленіемъ и характеромъ, какъ и тотъ народъ, съ которымъ они смѣшивались... Правда, что въ южныхъ колоніяхъ преобладаетъ англиканская церковь. Но вліянію ея достаточно противодѣйствуетъ другое обстоятельство, благопріятное для духа свободы. Въ Виргиніи и Каролинахъ колонисты владѣютъ множествомъ рабовъ. А при рабствѣ люди свободные вездѣ гордятся своей свободою и ревниво оберегаютъ ее. Свобода для нихъ составляетъ родъ ранга и привилегіи. Я не считаю подобнаго чувства нравственнымъ, но я не могу искажать природы человѣка. Фактъ вѣренъ, и жители южныхъ колоній привязаны къ свободѣ еще болѣе, чѣмъ народъ сѣверныхъ. Таковы были и всѣ классическія государства; таковы были наши готическіе предки, таковы были въ наши дни поляки и таковы всѣ тѣ господа рабовъ, которые сами не бываютъ рабами. Въ подобномъ народѣ надменность господства, соединяясь съ духомъ свободы, укрѣпляетъ его и дѣлаетъ непреоборимымъ.

«Позвольте мнѣ упомянуть еще объ обстоятельствѣ, далеко не маловажномъ въ дѣлѣ развитія колоній и усиленія этого непокорнаго духа. Я говорю объ ихъ просвѣщеніи. Нигдѣ въ мірѣ право не служитъ такимъ всеобщимъ предметомъ изученія, какъ здѣсь. Корпорація юристовъ здѣсь многочисленна и могущественна и стоитъ во главѣ большей части провинцій. Большинство посланныхъ на конгрессъ депутатовъ состояло изъ юристовъ. Всѣ грамотные люди стараются пріобрѣсть хоть какія-нибудь свѣдѣнія въ правѣ. Послѣ богословскихъ сочиненій въ колоніи болѣе всего вывозится юридическихъ книгъ. Комментаріи Блэкстона расходятся въ Америкѣ почти такъ же сильно, какъ въ Англіи. Генералъ Гэджъ утверждаетъ, что весь народъ въ его губернаторствѣ состоитъ изъ юристовъ

или изъ людей хоть что-нибудь да смыслящихъ въ правѣ. А занятіе юриспруденціей дѣлаетъ людей догадливыми, проницательными, ловкими, готовыми къ нападенію, способными къ защитѣ, богатыми рессурсами борьбы. Въ другихъ странахъ народъ менѣе развитый судитъ объ извѣстномъ дурномъ принципѣ въ управленіи только тогда, когда узнаетъ на опытѣ его вредныя послѣдствія; здѣсь же народъ предугадываетъ зло и судитъ объ его вредоносности по его принципу. Онъ узнаетъ дурную правительственную мѣру на далекомъ разстояніи и чувствуетъ приближеніе тиранніи по ея заразительному дыханію.

«Послѣдняя причина этого непокорнаго духа въ колоніяхъ не менѣе могущественна, чѣмъ остальныя, ибо она глубоко залегаетъ въ естественномъ устройствѣ вещей. Три тысячи миль океана лежатъ между нами и ими. Катятся волны и проходятъ мѣсяцы между отдачею приказанія и его исполненіемъ, а невозможность быстраго истолкованія какого-нибудь одного пункта можетъ потрясти цѣлую систему... Такова участь всѣхъ обширныхъ государствъ, въ которыхъ дѣйствіе власти неизбѣжно ослабляется на окраинахъ. Такъ постановила природа... Таковъ непреложный, вѣчный законъ для обширныхъ государствъ.

....«Отъ всѣхъ упомянутыхъ причинъ развился гордый духъ свободы. Онъ росъ съ возрастаніемъ народа въ вашихъ колоніяхъ, усиливался съ усиленіемъ ихъ богатства, и, столкнувшись съ властью Англіи, хотя и законною, но непримиримою съ какими бы то ни было идеями свободы, а тѣмъ болѣе съ американскими,—зажегъ то пламя, которое готово поглотить насъ... Вопросъ вовсе не въ томъ, заслуживаетъ ли этотъ духъ похвалы или порицанія, но скажите, ради Бога, что намъ дѣлать съ нимъ?...» Настоящая система ведетъ за собой только анархію и ожесточеніе. «Доказывая, что американцы не имѣютъ никакого права на свои вольности, мы ежедневно стараемся подрывать тѣ принципы, которые предохраняютъ весь духъ нашихъ собственныхъ вольностей. Доказывая, что американцы не должны быть свободными, мы должны унижать значеніе самой свободы, и въ распрѣ съ ними мы не можемъ достигнуть малѣйшаго успѣха, не нападая на тѣ самые принципы и не оскорбляя тѣхъ самыхъ чувствъ, за которые наши предки проливали кровь свою»... Остается избрать одинъ изъ слѣдующихъ путей: «или измѣнить этотъ духъ, или преслѣдовать его уголовными мѣрами, или примириться съ нимъ, какъ съ необходимостью»...

Для искорененія свободнаго духа предлагается много мѣръ. «Такъ какъ сильное размноженіе народа въ колоніяхъ, очевидно, служитъ одною изъ причинъ ихъ сопротивленія, то въ послѣднюю сессію въ обѣихъ палатахъ люди вліятельные предлагали, и выслушивались не безъ рукоплесканій, для устраненія этого зла прекратить раздачу земель... Но если вы сдѣлаете это, то народъ будетъ занимать земли своевольно, какъ онъ уже и занимаетъ ихъ во многихъ мѣстахъ. Не можете же вы содержать гарнизоны въ каждой части этихъ пустынь. Если вы выгоните народъ изъ одной мѣстности, онъ со своими табунами и стадами немедленно займетъ другую. Нѣкоторые колонисты уже живутъ въ совершенно изолированныхъ поселеніяхъ. Они уже достигли вершинъ апалачскихъ горъ и имѣютъ передъ собой необозримую, обширную, богатую равнину въ 500 миль ширины. Они будутъ кочевать по ней безъ всякихъ стѣсненій; они перемѣнятъ свои нравы на другіе, сообразные съ ихъ жизнью; они скоро забудутъ правительство, отнявшее у нихъ ихъ собственность: они превратятся въ орды англійскихъ татаръ и, высылая на ваши беззащитныя границы свою храбрую и непобѣдимую конницу, сдѣлаются повелителями вашихъ губернаторовъ и вашихъ совѣтниковъ, вашихъ сборщиковъ податей и вашихъ контролеровъ и всѣхъ соединенныхъ съ ними рабовъ ихъ. Таково будетъ, и будетъ въ непродолжительномъ времени, послѣдствіе попытки запретить, какъ преступленіе, и преслѣдовать, какъ зло, заповѣдь и благословеніе Промысла «плодиться и размножаться». Таковъ будетъ счастливый результатъ сохранять для жительства дикихъ звѣрей эту землю, которую Господь отдалъ всѣмъ сынамъ человѣческимъ.

«Гораздо удобнѣе было бы разорить колоніи вообще и въ частности остановить развитіе ихъ морской предпріимчивости. Мы уже заявили свое расположеніе къ подобнаго рода системѣ, считая себя соперниками нашихъ колоній и будучи убѣждены, что съ помощью этого средства мы получимъ все, что потеряютъ онѣ». Можетъ быть, колоніи и не въ состояніи будутъ сопротивляться силѣ Англіи. «Но когда я знаю, что мы держали колоніи не для чего иного, какъ для того, чтобы онѣ были выгодны намъ, то моему бѣдному разумѣнію кажется немного нелѣпымъ дѣлать ихъ невыгодными для насъ, чтобы только держать ихъ въ повиновеніи! Вѣдь это не что иное, какъ старая и уже отвергнутая система тиранніи истощать своихъ подданныхъ для приведенія ихъ въ рабское состояніе. Но вспомните, что если ваша система разоренія и удастся, то природа не перестанетъ отъ этого производить своимъ обычнымъ порядкомъ, что ненависть къ вамъ будетъ возрастать вмѣстѣ съ бѣдностью и что въ судьбѣ всѣхъ государствъ случаются такіе критическіе моменты, когда тѣ, которые слишкомъ слабы для содѣйствія вашему преуспѣянію, оказываются довольно сильными для того, чтобы помочь вашему полному паденію.

«Я думаю, что никакое человѣческое искусство не въ состояніи измѣнить духа и характера, которые господствуютъ въ нашихъ колоніяхъ. Мы не можемъ сдѣлать подлога въ родословной этого гордаго народа и убѣдить его, что онъ не происходитъ отъ націи, въ жилахъ которой течетъ кровь свободы. Языкъ, на которомъ вы будете разсказывать имъ эту сказку, изобличитъ васъ во лжи и ваша рѣчь выдастъ васъ. Англичанинъ—самое неспособное существо на землѣ для того, чтобы убѣ-

дить другого англичанина обратиться въ рабство. Я думаю, что мы такъ же не въ состояніи измѣнить ихъ республиканскую религію, какъ и свободное происхожденіе. Инквизиція и драгонады вышли изъ моды даже въ Старомъ Свѣтѣ, и невозможно надѣяться на дѣйствительность ихъ въ Новомъ. Образованіе американцевъ такъ же неизмѣнимо, какъ и ихъ религія. Вы не можете убѣдить ихъ сжечь свои книги, посвященныя любознательной наукѣ, изгнать своихъ юристовъ или отказаться отъ выбора въ законодательныя собранія лицъ наиболѣе знакомыхъ съ ихъ правами и вольностями. Не менѣе непрактично помышлять о совершенномъ уничтоженіи этихъ народныхъ собраній, въ которыхъ засѣдаютъ упомянутые законники. Войско, посредствомъ котораго мы будемъ управлять вмѣсто нихъ, будетъ для насъ несравненно убыточнѣе, гораздо недѣйствительнѣе, и, можетъ быть, въ концѣ концовъ дойдетъ до того, что даже и его трудно будетъ удерживать въ повиновеніи.

«Относительно аристократическаго духа Виргиніи и вообще южныхъ колоній предлагалось обуздать его, объявивъ общее освобожденіе рабовъ. Но рабы часто бываютъ привязаны къ своимъ господамъ. Иногда рабовъ такъ же трудно убѣдить быть свободными, какъ и уговорить свободныхъ людей обратиться въ рабство. И, болтая объ освобожденіи, ужели мы не понимаемъ, что американскіе рабовладѣльцы также могутъ дать его и вооружить своихъ рабовъ на защиту свободы? Къ подобной мѣрѣ не однажды прибѣгали, и не безъ успѣха, другіе народы въ критическіе моменты своей жизни. Да и самые рабы, эти несчастные черные люди, ужели они безъ малѣйшаго подозрѣнія отнесутся къ дарованію свободы той самой націей, которая продала ихъ настоящимъ ихъ владѣльцамъ! Любопытно будетъ видѣть какого-нибудь гвинейскаго капитана, который публикуетъ въ одно и то же время и свою прокламацію о свободѣ, и свое объявленіе о продажѣ рабовъ!..

«Но предположимъ, что всѣ эти моральныя трудности преодолѣны. Остается еще океанъ. Вы не въ состояніи его высушить, и пока онъ будетъ покоиться на своемъ настоящемъ ложѣ, то до тѣхъ поръ будутъ дѣйствовать всѣ причины, которыя ослабляютъ власть по мѣрѣ разстоянія...

«Остается преслѣдовать этотъ духъ въ его проявленіяхъ, какъ уголовное преступленіе... Но слишкомъ глупо и педантично прилагать обыкновенныя идеи уголовнаго права къ такимъ великимъ народнымъ столкновеніямъ. Я не понимаю, какъ можно начинать судебное преслѣдованіе цѣлаго народа. Я недостаточно созрѣлъ для того, чтобы допускать судебные приговоры надъ самыми важными общественными учрежденіями, облеченными обязанностями величайшей важности и достоинства и заботящимися, въ силу того же основанія, какъ и я, о благосостояніи своихъ согражданъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что для людей разсудительныхъ это несправедливо, для людей честныхъ—непристойно, для сердецъ, проникнутыхъ гуманностью, жестоко и безчеловѣчно... Я не могу представить себѣ ничего неблагоразумнѣе тѣхъ отношеній, когда высшая власть утверждаетъ, что отрицается весь авторитетъ ея, если, противъ ея желанія или распоряженій, просятъ о какой-нибудь вольности,—тотчасъ провозглашаютъ о мятежѣ, бьютъ тревогу и объявляютъ провинившіяся провинціи въ осадномъ положеніи!... Не значитъ ли это внушать провинціямъ, что правительство, въ глазахъ котораго желаніе свободы равнозначительно государственной измѣнѣ, есть такое правительство, покорность которому равносильна рабству?... Да, мы должны серьезно и хладнокровно разсудить, чего достигли мы всѣми нашими угрозами, которыя были многочисленны и ужасны? Что выиграли мы своими карательными законами, которыхъ издавалось много и которые были жестоки? Подвинулись ли мы хотя на шагъ къ своей цѣли,ославъ въ колоніи войско? Уменьшились ли безпорядки? Нисколько.

«Если, такимъ образомъ, уничтожить причинъ американскаго духа свободы невозможно и если идея уголовнаго преслѣдованія его невыполнима и въ высшей степени нецѣлесообразна, то остается одно—примириться съ этимъ духомъ, какъ съ необходимостью, или, если вамъ угодно, подчиниться ему, какъ необходимому злу... Колоніи жалуются, что онѣ лишены отличительной черты и печати британской свободы, что ихъ облагаетъ налогами тотъ парламентъ, въ которомъ онѣ не имѣютъ своихъ представителей. Если вы желаете удовлетворить ихъ вполнѣ, то вы должны удовлетворить этой жалобѣ. Если вы думаете примириться съ народомъ, то дайте ему то, чего проситъ онъ»... Предлагается отмѣнить всѣ законы, вызвавшіе возстаніе, дать полную самостоятельность національнымъ собраніямъ колоній и предоставить имъ самимъ облагать себя налогами. «Это будетъ узами, легкими, какъ воздухъ, но крѣпкими, какъ желѣзо. Пусть колоніи всегда считаютъ свои гражданскія права соединенными съ вашимъ управленіемъ, и никакая земная сила не будетъ въ состояніи вырвать ихъ изъ такого союза».

«Рѣчь о примиреніи съ Америкой», которую мы сейчасъ изложили въ сокращенномъ видѣ, упрочила славу Бёрка, какъ великаго оратора и государственнаго человѣка. «Читайте эту рѣчь днемъ, и размышляйте о ней ночью,—говорилъ въ парламентѣ Фоксъ,—перечитывайте ее снова и снова, изучайте ее, внѣдрите ее въ своихъ умахъ, напечатлѣйте ее въ своихъ сердцахъ, — она убѣдитъ васъ, что истинное народное представительство есть лучшее средство противъ всякаго зла». Въ сокращенномъ изложеніи эта рѣчь, какъ и всѣ рѣчи Бёрка, теряетъ многое. Но кто прочтетъ ее всю, тому, дѣйствительно, захочется перечитать ее снова и снова. Бёркъ, понимая, что ни краснорѣчіе, ни самые убѣдительные доводы отвлеченныхъ теорій не въ состояніи отклонить кого бы то ни было отъ дѣйствій, приносящихъ непосредственный личный или корпоративный интересъ, становится на со-

вершенно практическую почву и разсматриваетъ всѣ дѣйствія и планы съ точки зрѣнія полезности. Онъ ненавидитъ теоріи политиковъ и юристовъ, потому что эти мнимые теоретики упражняются только въ томъ, чтобы посредствомъ утонченныхъ выводовъ и софизмовъ окружить ореоломъ истины свои корыстные планы. Цѣлью политики должна быть не истина, а польза,—вотъ существенный смыслъ всей дѣятельности Берка. Во имя этой-то общенародной пользы онъ и требовалъ примиренія съ колоніями, доказывая, что всѣ противоположныя дѣйствія наносятъ существенный вредъ всей англійской націи. Въ своемъ «Письмѣ къ бристольскимъ шерифамъ» (1777 г.) онъ разъясняетъ вредное вліяніе войны на умы и нравы самой Англіи. Война пріучаетъ къ деспотизму и миритъ съ нимъ. «Война съ Америкой производитъ много такихъ золъ, которыя отличаютъ ее отъ всякой другой войны. Она не только извратила нашу политику и разъединила нашу имперію, но и совершенно совратила съ пути духъ нашего права и нашего законодательства. Мы воюемъ съ колоніями не однимъ только оружіемъ, но и законами. А такъ какъ враждебность и право не весьма-то солидарныя идеи, то каждый шагъ нашъ въ этомъ дѣлѣ сопровождается попираніемъ какого-нибудь правила справедливости или извѣстнаго основного принципа мудраго управленія... Если бы принципы подобныхъ дѣйствій прежде всего осуществлялись на почвѣ Англіи, то, вѣроятно, они потеряли бы всякую силу при первомъ же своемъ проявленіи. Но будучи удалены отъ насъ лично, они пустили корни въ нашихъ законахъ, и наше потомство вкуситъ плоды ихъ. Но это еще не худшая бѣда, что вслѣдствіе несстественнаго раздора повреждены наши *законы*. Если *нравы* при этомъ остаются цѣлыми, то они исправятъ пороки права. Но мы съ сожалѣніемъ должны сознаться, что въ большинствѣ послѣднихъ судебныхъ дѣлъ можно было замѣтить только весьма мало слѣдовъ благородства, гуманности и достоинства ума, которыя прежде характеризовали націю. Война пріостанавливаетъ дѣйствіе правилъ нравственной обязанности, а что не дѣйствуетъ въ продолженіе долгаго времени, то подвергается опасности вовсе выйти изъ употребленія. Гражданскія войны глубже всего поражаютъ нравы націи. Онѣ портятъ политику народа, развращаютъ его нравственность, искореняютъ даже естественную любовь къ равенству и справедливости. Въ то время, какъ мы пріучаемся смотрѣть враждебно на извѣстную часть нашихъ согражданъ, для насъ постепенно дѣлается менѣе дорогою и вся совокупность нашего народа»... Горячка гражданскихъ междоусобицъ производитъ даже такое затменіе умовъ, что произведенному ими злу начинаютъ радоваться, какъ благу. «Ничто, конечно, не возбуждаетъ такого сожалѣнія въ людяхъ, помнящихъ цвѣтущіе дни нашего государства, какъ зрѣлище безумной радости, которой предаются извѣстнаго сорта люди посреди того позорища нашихъ дѣяній и подвиговъ, которое возбуждаетъ презрѣніе Европы. Мы низвели свою родину до рабской зависимости отъ ея сосѣдей; сдѣлали то, что она вступаетъ въ дружественные союзы, которымъ не вѣритъ, жалуется на обиды, отомщать которыя не смѣетъ, она безполезна для своихъ союзниковъ, надменна съ своими подданными и покорна своимъ врагамъ: въ то время, какъ либеральное правительство этой свободной націи поддерживается наемнымъ оружіемъ нѣмецкихъ крестьянъ и вассаловъ, три милліона подданныхъ Великобританіи ищутъ въ оружіи Франціи защиты своихъ англійскихъ вольностей!»... Англію ведутъ по пути къ погибели и деспотизму. И кто ведетъ?—невѣжи, руководимые только своими необузданными страстями. «Самая бѣдная тварь, пресмыкающаяся по землѣ и желающая спастись отъ несправедливости и угнетенія, достойна всякаго уваженія передъ лицомъ Бога и человѣка. Но я не могу представить себѣ какого-нибудь другого существа подъ небомъ, болѣе ненавистнаго и гнуснаго, чѣмъ безсильное, безпомощное созданіе, безъ гражданской мудрости и безъ военныхъ способностей, достигающее власти только благодаря своему раболѣпству, надутое чванствомъ и гордостью, требующее битвъ, въ которыхъ само не сражается, стремящееся къ тиранніи, осуществить которой она не въ состояніи, и совершенно удовлетворяющееся тѣмъ, что, будучи само ничтожнымъ и жалкимъ, дѣлаетъ другихъ презрѣнными и подлыми»... Королевская партія, доведшая дѣла до такого безотраднаго положенія, встрѣтила въ обществѣ довольно сильную поддержку со стороны торіевъ и духовенства. Но эти сторонники королевской политики оказались на дѣлѣ такими же своекорыстными, ничтожными интриганами, какъ и «друзья короля». «Въ подаваемыхъ ими адресахъ (о подавленіи мятежа) они жертвовали своими личностями, а на дѣлѣ ограничивались тѣмъ, что нанимали нѣмцевъ. Они обѣщали свои богатства, а закладывали свою страну. Они пользуются всѣми заслугами волонтеровъ, не рискуя своими особами не учавствуя въ тяжести военныхъ расходовъ. Когда же безчувственная рука чужестранной солдатчины льетъ, какъ воду, родственную имъ кровь, они ликуютъ и торжествуютъ, какъ будто самолично совершили какой-нибудь замѣчательный подвигъ... Все это болѣе и болѣе отучаетъ умы отъ нашихъ природныхъ убѣжденій... Свобода подвергается опасности, сдѣлавшись непопулярною въ Англіи. Сражаясь за воображаемую власть, мы начинаемъ вырабатывать въ себѣ духъ господства и теряемъ любовь къ честному равенству. Принципы отцовъ нашихъ сдѣлались подозрительными для насъ, потому что мы видимъ, какъ они одушевляютъ сопротивленіе нашихъ дѣтей. Ошибки, проистекающія отъ изобилія свободы, кажутся намъ несравненно отвратительнѣе тѣхъ гнусныхъ пороковъ, которые порождаются окрѣпшимъ рабствомъ. Малѣйшее сопротивленіе власти въ нашихъ глазахъ становится болѣе непростительнымъ, чѣмъ величайшія злоупотребленія власти. Вся ненависть къ постоянной арміи превращается въ какую-то суевѣрную панику. Весь позоръ призыва иностран-

цевъ и дикарей на помощь къ гражданской войнѣ исчезаетъ. Мы дѣлаемся равнодушными къ тѣмъ неизбѣжнымъ лично для насъ послѣдствіямъ, которыя вытекаютъ изъ плана управлять половиной государства посредствомъ меча, да еще наемнаго. Мы научились думать, что желаніе господства надъ нашими земляками есть любовь къ нашей родинѣ; что ненавидящіе гражданскую войну склонны къ мятежу, что дружественныя и примирительныя добродѣтели кротости, умѣренности и снисходительности къ правамъ людей, зависящихъ отъ нашего государства, есть не что иное, какъ родъ государственной измѣны!..»

Читатель видитъ, что хотя рѣчи Бёрка за Америку не заключаютъ въ себѣ ничего теоретическаго и всецѣло посвящены рѣшенію отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ, но при всемъ томъ, и въ своей общей идеѣ, и въ своихъ подробностяхъ онѣ въ высшей степени поучительны для нашего времени, такъ часто страдающаго отъ системъ и политиковъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ съ такимъ умомъ разоблачалъ Бёркъ. Его предсказанія вполнѣ оправдались: Америка завоевала свою независимость, англійская торговля была почти уничтожена, вся промышленность пришла въ разстройство, англійское имя покрылось позоромъ, государство нажило долгъ въ 140,000,000 ф. ст. и лишилось самыхъ обширныхъ и драгоцѣнныхъ колоній въ мірѣ. Но если бы королевской партіи удалось подчинить Америку военному деспотизму, то, говоритъ Бёркъ, совершенное разстройство нашихъ финансовъ было бы далеко не худшимъ изъ послѣдствій этой побѣды. «Эта власть сдѣлалась бы удобнѣйшимъ, сильнѣйшимъ и самымъ надежнымъ орудіемъ для ниспроверженія и здѣсь нашей свободы». Даже обезсиленная неудачной борьбой съ американцами, реакціонная партія все-таки не оставляла своей прежней губительной и коварной политики. Для этихъ «благонамѣренныхъ» членовъ англійскаго общества весь вопросъ жизни заключался въ упроченіи такихъ порядковъ, которые бы обезпечивали за ними свободу и безнаказанность ихъ хищническихъ и противозаконныхъ дѣйствій. Они держали колоніи, чтобы обирать ихъ. Лишившись колоній, они продолжали грабить Индустанъ, разорять Ирландію, расхищать государственное казначейство, подкапывать конституцію, подавлять всякое свободное общественное движеніе. Но, какъ увидимъ далѣе, каждое изъ этихъ дѣйствій встрѣчало мощнаго противника и безжалостнаго обличителя въ Эдмундѣ Бёркѣ, пока его геніальный умъ не помрачился и не былъ увлеченъ мутнымъ общественнымъ потокомъ въ отчаянную борьбу противъ принциповъ, лучшимъ защитникомъ которыхъ онъ былъ прежде.

IV.

Бёркъ былъ адвокатомъ угнетенныхъ націй. Съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ той же энергіей, съ какими онъ противодѣйствовалъ притѣсненію Америки, онъ старался ослабить и эксплуатацію Индіи тѣми же англичанами. Въ продолженіе двадцати лѣтъ Бёркъ разоблачалъ своекорыстную политику остъ-индской компаніи и преслѣдовалъ генералъ-губернатора Гэстингса, этого «генералъ-капитана несправедливости». Въ то же время горячее участіе возбуждало въ немъ его отечество, Ирландія, страдавшая своимъ старымъ недугомъ подъ игомъ уголовныхъ и торговыхъ законовъ *). Бёркъ защищалъ ирландское дѣло такъ усердно, что возбудилъ сильное неудовольствіе въ своихъ бристольскихъ избирателяхъ. Онъ объяснилъ имъ, какъ вредна для самой Англіи ирландская политика, какъ она подрываетъ ея могущество, какъ нелѣпо «преслѣдовать цѣлую націю», какъ безнравственно поддерживать свое владычество шайками наемныхъ сыщиковъ. «Джентльмены,—говорилъ онъ бристольцамъ:—дурные законы—худшій видъ тиранніи. Въ такой странѣ, какъ Англія, они хуже всего на свѣтѣ, гораздо хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они обращаютъ во зло даже самую мудрость и глубокій смыслъ другихъ нашихъ учрежденій. По очень понятнымъ причинамъ вы не можете полагаться на правительство, которое самопроизвольно распоряжается каждымъ изъ вашихъ законовъ. Впрочемъ, какъ бы ни было дурно правительство, но, практикуя свою произвольную власть, оно всегда будетъ различать обстоятельства и людей: оно обыкновенно оставляетъ въ покоѣ тѣхъ, кто не мѣшаетъ его благосостоянію. Наемный же исполнитель закона не дѣлаетъ никакого различія. При такой системѣ управленія, народъ не только зависитъ отъ произвола правительства, но и отъ произвола каждаго отдѣльнаго лица; имъ распоряжается, какъ хочетъ, не только вся община, но и каждая часть ея, и, какъ обыкновенно бываетъ, самые дурные и безпощадные люди тѣ, доброй волѣ которыхъ онъ предоставленъ. Въ такомъ ненормальномъ состояніи люди не только дрожатъ отъ насупившихся бровей суроваго правителя, но боятся самаго вида его. Сѣмена разложенія таятся во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, во всѣхъ соціальныхъ привычкахъ... Всѣ средства, данныя Провидѣніемъ для того, чтобы сдѣлать жизнь безопасной и спокойной, обращаются въ орудія террора и мученій»...

Односторонніе взгляды бристольскихъ торгашей, стоявшихъ за подавленіе ирландской торговли и промышленности, выводили Бёрка изъ себя. «Не говорите мнѣ о купцѣ,—воскликнулъ онъ однажды:—купецъ одинъ и тотъ же во всемъ мірѣ: золото—его богъ, бухгалтерская книга—его библія, конторка—его алтарь, биржа—его церковь, и онъ не вѣритъ ни въ кого, кромѣ своего банкира». Въ 1780 г. Бёркъ отказался быть представителемъ Бристоля и былъ выбранъ депутатомъ отъ Мальтона. Но дѣятельное сочувствіе Ирландіи причинило Бёрку еще болѣе серьезныя непріятности, чѣмъ его столкновеніе съ бристольскими избирателями. Бла-

*) См. выше «Судьбы Ирландіи».

годаря своей вѣротерпимости и заботамъ объ облегченіи участи ирландскихъ католиковъ, онъ прослылъ у ярыхъ протестантовъ іезуитомъ, врагомъ отечества, измѣнникомъ. Когда лѣтомъ 1780 г. фанатики возстали въ Лондонѣ подъ предводительствомъ полусумасшедшаго лорда Гордона, зажгли городъ, разрушали костелы и тюрьмы, истребляли католиковъ, нападали даже на парламентъ,—жизнь Бёрка находилась въ опасности, но онъ спасся въ домѣ одного изъ своихъ друзей.

Угнетая Индію, злоупотребляя своей властью въ Ирландіи, стараясь поработить Америку, англійское правительство въ то же время покровительствовало самому худшему виду рабства—охотѣ за неграми и ихъ продажѣ колоніальнымъ плантаторамъ. Георгъ III открыто покровительствовалъ невольничеству и, по выраженію Банкрофта, въ то время, какъ судебныя мѣста рѣшили, «что всякій рабъ становится свободнымъ, какъ только ступитъ на англійскую землю, король англійскій противился прогрессу человѣчества и представлялъ собою опору торговли рабами». Бёркъ стоялъ за уничтоженіе невольничества и работорговли, которая «начинается безчеловѣчною войною, сопровождаемою неслыханными жестокостями, продолжается во время переѣзда черезъ океанъ самымъ тяжкимъ заключеніемъ, кончается вѣчною каторгою, безнадежнымъ рабствомъ и является столь ужаснымъ промысломъ, что въ защиту ея нельзя привести ни одного сколько-нибудь состоятельнаго аргумента». Бёркъ возмущался жестокостью англійскаго уголовнаго кодекса и настаивалъ на преобразованіи его; онъ стоялъ за отмѣну варварскихъ законовъ о несостоятельности, вооружался противъ пожизненности солдатской службы, нападалъ на право судей въ процессахъ по дѣламъ печати рѣшать вопросъ о виновности, предоставляя присяжнымъ только вопросъ о фактѣ изданія, требовалъ существенныхъ финансовыхъ реформъ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ Бёркъ стоялъ далеко впереди своихъ современниковъ, и реформы, которыхъ онъ требовалъ, были совершены долго спустя послѣ его смерти.

Мы остановимся здѣсь на его рѣчи о финансовыхъ преобразованіяхъ, въ которыхъ онъ развилъ общій планъ экономической реформы, осуществившейся вполнѣ только во времена Кобдена и Роберта Пиля. Нападая на частное и офиціальное хищничество въ финансовой системѣ Англіи, онъ старался убѣдить своихъ современниковъ въ томъ, что развращающее вліяніе этой системы разоряетъ страну и убиваетъ ея производительныя силы. «Мы,—говорилъ онъ, обращаясь къ парламенту,—имѣемъ нѣкоторыя офиціальныя должности, съ которыми соединяется дѣйствительная служба, но у насъ много и такихъ офиціальныхъ мѣстъ, которыя оплачиваются дорогимъ жалованьемъ, не принося обществу ни малѣйшей пользы. У насъ есть такія офиціальныя положенія, которыя существуютъ только для публичной выставки. Въ нашихъ законахъ и учрежденіяхъ есть много такихъ нелѣпыхъ формальностей, которыя обходятся столь же дорого народу, сколько безполезны ему въ самой сущности». Возставая противъ продажности общественныхъ должностей, произвольной раздачи мѣстъ и привилегированныхъ положеній, онъ резюмируетъ свои требованія въ слѣдующемъ видѣ: «Во-первыхъ, всѣ судебныя должности, оплачиваемыя такъ дорого и ведущія не столько къ правосудію, сколько къ угнетенію и систематическому подкупу, должны быть уничтожены. Во-вторыхъ, всѣ государственныя владѣнія, установленныя не столько для увеличенія доходовъ, сколько съ цѣлію притѣсненія, деморализаціи и подчиненія тѣхъ, кто содержится на ихъ счетъ, должны быть проданы; этого требуетъ какъ экономическій принципъ, такъ и уваженіе къ политической свободѣ. Въ-третьихъ, всѣ офиціальныя должности, которыя болѣе обременяютъ, чѣмъ приносятъ выгоды государству, и которыя могутъ быть упрощены и соединены въ одно цѣлое, въ первомъ случаѣ должны быть упразднены, а въ послѣднемъ — преобразованы. Въ-четвертыхъ, всѣ должностныя мѣста, парализующія общій контроль финансовой системы, должны быть рѣшительно уничтожены. Министръ, помимо котораго могутъ дѣлаться расходы, никогда не можетъ поручиться ни за равновѣсіе бюджета, ни за предполагаемыя имъ сбереженія. Въ-пятыхъ, необходимо установить самый точный и правильный порядокъ въ выдачѣ денегъ; это уничтожитъ пристрастіе въ раздачѣ наградъ и будетъ служить оцѣнкой и вознагражденіемъ служебныхъ обязанностей не по личнымъ нуждамъ каждаго чиновника, а по степени пользы или справедливости его заслугъ. Въ-шестыхъ, необходимо поставить каждое учрежденіе и каждую отдѣльную часть учрежденія въ совершенную извѣстность относительно денежныхъ расходовъ; это составляетъ душу всякаго порядка и добраго управленія. Въ-седьмыхъ, всѣ второстепенныя казначейскія кассы, какъ питомники дурного финансоваго управленія, выжимающія въ свою пользу столько денегъ, сколько могутъ, и расходующія ихъ такъ, какъ только хотятъ, должны быть закрыты. Онѣ-то и вносятъ безпорядокъ въ распоряженіе общественными суммами и возбуждаютъ подозрѣніе правительства даже больше того, чѣмъ злоупотребляютъ его довѣріемъ».

«Вотъ тѣ принципы, на авторитетѣ и вліяніи которыхъ я хотѣлъ бы основать свой реформаціонный планъ. Я вовсе не желаю измѣнять того, къ чему нельзя примѣнить этихъ принциповъ вполнѣ или только отчасти. Экономически-устроенная конституція служитъ базисомъ для экономической администраціи».

«На первомъ планѣ у насъ стоитъ верховная юрисдикція. Въ этомъ отношеніи я долженъ замѣтить, что, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на наше обширное королевство, оно покажется каждому наблюдателю совершенно цѣльнымъ, единымъ и твердымъ связующимъ звеномъ подъ монархическимъ началомъ. Повидимому, всѣ второстепенныя развѣтвленія судебной власти есть не что иное, какъ лучи, истекающіе изъ одного центра. Но это кажется такъ только на первый взглядъ; наблюдая же болѣе внимательно, мы увидимъ, что въ

этой системѣ господствуютъ полнѣйшій хаосъ и неурядица. Въ строгомъ смыслѣ, у насъ нѣтъ монархическаго единства. Какъ въ періодъ владычества саксовъ Англія была *гептархіей*, такъ теперь она представляетъ *пентархію*. Она дѣлится на пять различныхъ управленій, кромѣ верховнаго центра. Все различіе отъ стараго саксонскаго режима только въ томъ, что чисто-внѣшнія, такъ сказать парадныя проявленія власти, ради поддержанія наружнаго единства, перенесены отъ разныхъ частей государства на верховнаго правителя его; такимъ образомъ нашъ монархъ представляетъ собою на этой парадной эстрадѣ не только главныя, но и всѣ второстепенныя части пьесы. Онъ вездѣ, но на самомъ дѣлѣ нигдѣ. Перейдите вотъ этотъ ручей, и вы теряете изъ виду короля Англіи... Идите на сѣверъ, и тамъ вы увидите его превращеннымъ въ герцога Ланкастерскаго; обратитесь къ западной сторонѣ этого сѣвера, и тамъ онъ является вамъ подъ скромнымъ титуломъ графа Честерскаго; еще нѣсколько миль дальше—и графъ Честерскій исчезаетъ изъ виду, а король представляется передъ вами въ новомъ видѣ графа Ланкастерскаго палатината. Если вы перейдете за горный хребетъ Эджекомба, онъ опять въ новомъ инкогнито, съ титуломъ герцога Корнуэльскаго. Такимъ образомъ, вы, утомленные этимъ арлекинскимъ разнообразіемъ, безконечно радуетесь, когда возвращаетесь къ его собственному величію, въ его простомъ, незамаскированномъ и естественномъ положеніи дѣйствительнаго монарха Англіи.

«Въ каждой изъ этихъ пяти частей, съ различными титулами и институтами, во всѣхъ этихъ герцогствахъ, графствахъ, палатинатахъ есть свое финансовое управленіе, свои расходы и бюджеты, съ преобладающимъ вліяніемъ, съ своимъ особеннымъ государственнымъ механизмомъ, съ своей особенной юрисдикціей... Корнуэль лучшая часть изъ нихъ, но когда вы сравните его расходы съ приходомъ, то увидите, что онъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Палатинатъ Ланкастерскій, какъ я имѣю основаніе полагать, въ общемъ итогѣ, за четыре года, не доставилъ англійскому казначейству и четырехъ тысячъ фунтовъ ежегоднаго взноса. Что же касается Уэльса и графства Честерскаго, то они едва ли доставляютъ что-нибудь. А между тѣмъ каждый казначей будетъ утверждать, что доходы этихъ провинцій расходуются наидобросовѣстнѣйшимъ образомъ».

Тотъ же хаосъ, ту же систему эксплуатаціи денежныхъ средствъ страны Бёркъ видѣлъ и въ отдѣльныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Каждое изъ нихъ старалось захватить какъ можно больше суммъ и какъ можно меньше употребить ихъ на общее дѣло. Создавалось ли какое-нибудь новое министерство, при немъ учреждалась особая касса, и министръ съ К° старался истребовать на свое управленіе громадныя суммы, которыми онъ распоряжался почти безотчетно. Особенно дорого обходилось Англіи содержаніе такъ называемыхъ *дядюшкиныхъ должностей*. Это были такія теплыя мѣстечки, на которыя опредѣлялись друзья, родственники и разные протеже высшихъ сановниковъ. Въ новой должности не было никакой надобности, но она создавалась для того, чтобы опредѣлить на нее какого-нибудь племянника лорда или промотавшагося джентльмена, которому хотѣлъ помочь его высокородный покровитель. Эти дядюшкины должности возросли до такой степени, что въ концѣ прошлаго столѣтія, по мнѣнію Фокса, можно было бы уничтожить въ одномъ Лондонѣ до 30,000 безполезныхъ мѣстъ и употребить этотъ легіонъ праздныхъ чиновниковъ на что-нибудь годное для страны. Какъ Индія была отдана на расхищеніе младшимъ сыновьямъ англійскихъ аристократическихъ фамилій, связанныхъ закономъ маіоратнаго наслѣдства, такъ и государственный бюджетъ былъ предоставленъ на расхищеніе дядюшкиныхъ должностей. «А между тѣмъ,—говоритъ Бёркъ,—эти народныя крохи, питающія тунеядцевъ, эти деньги, собираемыя съ бѣднаго углекопа и фермера, съ честнаго торговца и художника, однимъ доставляютъ пріятную и роскошную, но совершенно безполезную жизнь, а другимъ угрожаютъ періодическимъ голодомъ. Народъ оплачиваетъ эти непроизводительные расходы своимъ тяжелымъ трудомъ, своей страшной нищетой, и я не увѣренъ, чтобы мой слабый голосъ въ защиту его не былъ здѣсь перетолкованъ въ смыслѣ оскорбленія величества,—такъ далека отъ насъ всякая справедливость, когда намъ напоминаютъ о безпорядочномъ распоряженіи нашими финансами. Я знаю, что въ Англіи на сто семействъ только одно можетъ научить своихъ дѣтей читать и писать; всѣ мы знаемъ, что у насъ въ большихъ промышленныхъ городахъ на цѣлыя тысячи населенія нѣтъ ни одной школы, а между тѣмъ мы находимъ десятки и сотни милліоновъ на веденіе безполезнѣйшихъ войнъ, на содержаніе никому и ни на что ненужныхъ должностей, на безчисленное множество такихъ предпріятій, которыя умный и практическій хозяинъ назвалъ бы плодомъ не разума, а болѣзненной фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать эту разорительную и кляузную судебную процедуру, которая оплачивается тысячами, благодаря тѣмъ нелѣпымъ формальностямъ, которыми она загромождена? И какое же это правосудіе, доступное лишь богатому и невозможное для бѣднаго? Чтобы отстоять нѣсколько вершковъ земли, отнимаемой у бѣднаго фермера, ему надо истратить на веденіе процесса въ десять разъ больше, чѣмъ стоитъ вся его земля. И эти тучные представители правосудія, эти почтенные парики и мантіи, украшающіе нашихъ адвокатовъ, обходятся народу дороже, чѣмъ бѣдствіе, постигающее его въ неурожаѣ, пожарахъ и наводненіяхъ. Поэтому я спрашиваю васъ, имѣю ли я право требовать преобразованія нашихъ судебныхъ учрежденій, упраздненія безполезныхъ должностей? Если управленіе страной стоитъ такъ дорого народу, то пусть же, по крайней мѣрѣ, оно соотвѣтствуетъ своимъ достоинствомъ дорогой цѣнѣ. Но такъ ли это? Допустило ли бы хорошее управленіе отложиться отъ Англіи Америкѣ? Вовлекло ли бы оно насъ въ ужасную войну, стоившую намъ такого же позора въ глазахъ свѣта, какъ и опустоше-

ie нашей казны? Могло ли бы оно отдать Индію ъ руки такого хищника, какъ Уэрренъ Гэстингсъ, Ирландію оставить на произволъ судьбы? Нѣтъ, орого стоющее правительство должно лучше поступать, лучше предвидѣть, больше знать и честнѣе управлять страной. Въ противномъ случаѣ оно не стоитъ и шиллинга»...

«Теперь я прошу вашего особеннаго вниманія и въ то же время снисхожденія, почтенные лорды;— снисхожденіи я прошу потому, что дѣло очень близко касается васъ, вашихъ фамильныхъ правъ и привилегій, вашихъ старинныхъ прерогативъ и не менѣе старыхъ злоупотребленій, освященныхъ обычаемъ и закономъ. Я знаю отчасти по опыту, какъ неудобно задѣвать интересы господствующаго класса, идти противъ господствующаго общественнаго мнѣнія; но я рѣшаюсь на это, увѣренный, что меня выслушаютъ тѣ благородные люди, которые, кромѣ своихъ привилегій, умѣютъ понимать и сочувствовать общему благу. Притомъ въ настоящемъ случаѣ я говорю не однимъ высокообразованнымъ и богатымъ лордамъ, но всей странѣ, всѣмъ, кто можетъ меня слышать и понимать. Кромѣ *золотой* Англіи, которой удивляется весь свѣтъ, есть еще другая Англія, сермяжная, бѣдная, невѣжественная, вѣчно работающая и постоянно голодная. Это Англія—безземельная, не имѣющая права считать своимъ даже тотъ клочокъ земли, который она обработываетъ, поливаетъ своимъ потомъ и удобряетъ костями своихъ предковъ... Кто не знаетъ,—и однакожъ всѣ умѣютъ молчать въ этомъ случаѣ,—что страшное, закоренѣлое зло нашей конституціи заключается въ обезземеленіи англійскаго народа. Въ немъ, въ этомъ обезземеленіи, скрывается источникъ величайшихъ несправедливостей и злоупотребленій, которыя грозятъ намъ въ будущемъ неизбѣжными потрясеніями, а въ настоящемъ кладутъ пятно на добрую славу Англіи. Давно уже въ стѣнахъ этого парламента раздаются одинокіе и скромные голоса противъ нашей крупной поземельной собственности, какъ послѣдняго остатка отъ феодальнаго безправія. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое, какъ не безправіе, какъ не продолжающееся насиліе кулачной расправы завоевателя, что это такое, какъ не худшее рабство изъ всѣхъ его видовъ—обезземеленіе народа и захватъ всей территоріи, со всѣми ея естественными богатствами, ничтожной горстью людей? Съ одной стороны нѣсколько лордовъ-землевладѣльцевъ, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ всѣ наши экономическія средства, а съ другой—масса населенія, не имѣющаго, что называется, ни кола, ни двора, не обезпеченная въ самыхъ насущныхъ своихъ нуждахъ и существующая только благодаря милости крупныхъ землевладѣльцевъ. И если бъ они могли составить единодушный заговоръ и сказать этой обезземеленной массѣ: «мы не даемъ тебѣ больше земли для обработки ея и прокормленія твоихъ дѣтей», то нѣсколько милліоновъ англійскаго населенія вдругъ остались бы безъ куска хлѣба, безъ пріюта, жалкими нищими и бродягами. Въ ихъ распоряженіи было бы одно море, чтобы сѣсть на корабли и отправиться въ пустыни Австраліи или на берега Америки. Законъ не защищаетъ ихъ; парламентъ противъ нихъ; подкупленная пресса молчитъ, когда дѣло касается ихъ интересовъ, и никто не видитъ или, лучше, не хочетъ видѣть въ этомъ глубокоразвращающемъ положеніи ни опасности, ни несправедливости. Всѣ однакожъ чувствуютъ, что такой порядокъ вещей не можетъ быть названъ нормальнымъ. Создать поголовный пролетаріатъ, отнять у народа его неотъемлемое право на существованіе, на землю, пріобрѣтенную его трудами,— это значитъ вести постоянную внутреннюю войну, безъ надежды на миръ и побѣду; это значитъ раздувать постоянно тлѣющее пламя революціи, вносить дисгармонію и вѣчный разладъ во всѣ отправленія государственнаго организма. Что искажаетъ и запутываетъ нашу финансовую систему, какъ не поземельная собственность, покоющаяся столько вѣковъ на безправіи завоевателя? Что создало нашу гибельную систему налоговъ, поражающихъ въ самомъ источникѣ производительныя силы Англіи? Что вызвало на свѣтъ эту кляузную и недоступную народу юрисдикцію, это дорого оплачиваемое правосудіе, всегда готовое обвинить бѣднаго и оправдать богатаго? Опять та же поземельная собственность. А эти нескончаемыя столкновенія землевладѣльцевъ и ихъ арендаторовъ съ безземельнымъ пролетаріатомъ. Все это плодъ той же поземельной собственности, о которую, какъ о подводную скалу, разбиваются всѣ лучшія административныя, законодательныя и политическія преобразованія. Когда, въ эпохи народныхъ бѣдствій, какъ-то голода и экономическихъ потрясеній, эти милліоны обезземеленнаго населенія кричатъ намъ, своимъ представителямъ: «хлѣба! хлѣба!»—мы кладемъ руку на конституціонный кодексъ и клянемся, что хлѣба нѣтъ, что вся земля, съ ея разнообразными произведеніями, принадлежитъ не намъ, а нѣсколькимъ богатѣйшимъ лордамъ. Мы лицемѣримъ передъ Богомъ, передъ міромъ, передъ самими собой, благодаря этой ложной и своекорыстной системѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пока она существуетъ, нашъ политическій прогрессъ невозможенъ, наше могущество будетъ чистымъ призракомъ и рано или поздно мы или наши потомки убѣдятся, что истинные наши враги не по ту сторону канала, не за океаномъ, а дома, около насъ, въ самомъ сердцѣ нашей страны; это враги столько же многочисленные, какъ и непримиримые, пока мы не постараемся примириться съ ними. Еще недавно была высказана мысль въ этомъ почтенномъ собраніи, что управлять страной, раздѣленной на два враждебные лагеря, не только трудно, но и опасно. Какъ бы ни были дальновидны наши государственные люди, но кто же изъ нихъ возьмется предсказать, когда эта опасность наступитъ, когда кризисъ застанетъ насъ врасплохъ? Мы только что потеряли лучшія свои колоніи въ Америкѣ, потеряли ихъ съ величайшими пожертвованіями и, скажу болѣе, съ горькимъ позоромъ для англійскаго имени; но кто же изъ нашихъ мудрецовъ предвидѣлъ эту страшную катастрофу? Напротивъ,

многіе ли изъ нихъ, въ самый разгаръ войны и ея бѣдствій, понимали сущность дѣла и значеніе потери? Напротивъ, не они ли до послѣдней минуты держались того мнѣнія, что Англія должна бороться до истощенія своихъ послѣднихъ силъ? Кому же теперь неизвѣстно, чѣмъ все это кончилось? Точно такъ же нечаянно и непредвидѣнно можетъ застать насъ и поземельный кризисъ. Когда разразится гроза, поздно будетъ думать о предупредительныхъ мѣрахъ. Не то правительство мудро, которое плетется позади своего народа, руководствуясь только насущными его нуждами, а то, которое можетъ предугадывать, какъ искусный кормчій, предстоящія бури и опасные подводные рифы. Я далекъ отъ того, чтобы брать на себя роль пророка или рѣшителя этого серьезнѣйшаго вопроса; еще менѣе я вѣрю въ его немедленное разрѣшеніе, но я убѣжденъ, что на обязанности нашего поколѣнія лежитъ разъясненіе его и приготовленіе къ будущей реформѣ; я настаиваю только на томъ, что закрывать глаза на такую внутреннюю язву, разъѣдающую все тѣло Англіи, недостойно ни мудраго правительства, ни хорошаго общества. Кто то сказалъ здѣсь изъ почтенныхъ лордовъ, что намъ нѣтъ дѣла до того, что будетъ занимать нашихъ потомковъ; но этотъ лордъ, очевидно, думаетъ по числамъ прошлогодняго календаря и смотритъ въ будущее не дальше завтрашняго обѣда. Такіе совѣтники уже не разъ губили и болѣе сильныя правительства и ставили государства на краю пропасти. Я не преувеличу, если скажу, что такіе совѣтники—худшіе изъ нашихъ враговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы избѣжали бы многихъ народныхъ бѣдствій, если бы не слушали такихъ совѣтовъ и умѣли бы читать свою исторію не только въ прошломъ, но и въ будущемъ. Я напомню при этомъ одинъ случай и надѣюсь, что въ этомъ напоминаніи никто не усмотритъ намѣреннаго укора высокоуважаемому собранію, въ которомъ я имѣю честь засѣдать. Бѣдствія и народныя волненія, раздирающія бѣдную Ирландію, давно уже тревожатъ насъ, возмущаютъ нашу совѣсть, какъ мы ни стараемся заглушить ее,—и лучшіе изъ государственныхъ людей горячо желали бы закрыть эту кровавую рану, которая заражаетъ насъ всѣхъ. Теперь эту рану залѣчить не легко, но было время, когда наши предки могли предвидѣть ее и не открывать; для этого имъ стоило только послушать не тѣхъ, которые думаютъ по прошлогоднему календарю, а тѣхъ, которые оцѣниваютъ великія событія на основаніи не только настоящихъ, но и будущихъ судебъ Англіи. Будемъ же благоразумны прежде, чѣмъ опасность наступила, и справедливы не по необходимости, а по чувству долга и по разуму!»

Такимъ образомъ, Бёркъ предложилъ билль за лучшую организацію гражданскихъ учрежденій и нѣкоторыхъ общественныхъ должностей, за ограниченіе наградъ и пенсіоновъ, за уничтоженіе разныхъ безполезныхъ, ненужныхъ, но дорого оплачиваемыхъ мѣстъ, за такую финансовую реформу, которая бы строго размѣряла денежныя траты, по всѣмъ отраслямъ управленія, съ общественными нуждами,—иначе говоря, Бёркъ требовалъ, чтобы *личное* управленіе финансами страны было замѣнено *общественнымъ*». Далѣе онъ требовалъ отмѣны тѣхъ старыхъ и ненавистныхъ привилегій, которыя подкапываютъ въ самомъ корнѣ экономическія силы страны. «Я увѣренъ,—заключаетъ онъ свою рѣчь,—что нѣтъ человѣка, который бы такъ пламенно былъ приверженъ къ правамъ и преимуществамъ нашего парламента, особенно къ его неотъемлемому праву наблюдать и контролировать финансовое управленіе, какъ я. Но я также убѣжденъ и въ томъ, что лорды ни въ какомъ случаѣ и никакого права не имѣютъ на произвольное распоряженіе народнымъ кошелькомъ. Я никогда не думалъ оспаривать у нихъ власти провѣрки, исправленія и преслѣдованія злоупотребленій казенными суммами; но мы самую палату лордовъ считаемъ безполезнымъ учрежденіемъ. Такъ думали наши отцы назадъ тому столѣтіе; такъ думаютъ многіе изъ насъ и теперь. Все бремя предполагаемой реформы лежитъ *на насъ*, и мы не хотѣли бы обманывать надеждъ націи, которая кое-чего лучшаго ожидаетъ для себя отъ нашей честности. Если не всѣ одинаково сознаютъ эту обязанность, лежащую на насъ, то будьте увѣрены, что всѣ одинаково ожидаютъ исполненія реформы. Почтенное молчаніе тѣхъ, которые разсчитываютъ на вашу добрую волю, такъ же грозно должно дѣйствовать на васъ, какъ и крики тѣхъ, которые требуютъ вашего служенія странѣ, какъ своего права... А требуютъ этого именно тѣ, которые вполнѣ принадлежатъ народу, которые желаютъ возвратить васъ къ вашему *собственному* долгу, къ вашимъ обязанностямъ и чести, поставить васъ въ совершенно спокойное, твердое и безобидное положеніе. Вѣдь нельзя не признаться, что мы сами виноваты въ томъ, что англійскій народъ ропщетъ. Намъ надо очистить себя отъ тѣхъ людей, которые если не набрасываютъ на насъ тѣнь неблаговидныхъ поступковъ, то не дѣлаютъ намъ и особенной чести; намъ нужно устранить изъ своего поведенія все, что увеличиваетъ народное недовѣріе и возбуждаетъ его справедливое негодованіе; мы должны съ полнымъ презрѣніемъ отбросить отъ себя всѣ эти пустыя и эфемерныя выраженія любви, на которыя мы такъ падки, всѣ эти предметы роскоши, браслеты, табакерки, миніатюрныя живописныя вещицы, великолѣпныя куафюры, всѣ эти цацы и брелоки, которые служатъ признакомъ нашего нравственнаго упадка и останутся памятникомъ нашего позора. Дайте намъ возможность возвратиться къ нашимъ лучшимъ предпріятіямъ законнымъ порядкомъ—и всѣ эти распри и кляузы окончатся полнымъ миролюбіемъ; дайте возможность парламенту быть не представителемъ личныхъ и карманныхъ интересовъ извѣстнаго сословія, а интересовъ всего народа. Барьеръ, отдѣляющій насъ отъ націи, столько же противоестественный, сколько и задерживающій нашу дѣятельность. Однимъ словомъ, мы должны вплотную слиться съ народомъ и жить одною съ нимъ жизнію. Если мы будемъ относиться съ уваженіемъ къ себѣ, то и весь міръ будетъ уважать насъ. Въ настоящій же

оментъ все волнуется, негодуетъ, омрачается, какъ звнѣ, такъ и внутри страны; но эта буря расчититъ атмосферу, и плодотворный свѣтъ снова озаитъ насъ... Я увѣренъ искренно, что эти чувства душевляютъ насъ всѣхъ, и я желалъ бы, чтобы, ока еще можно думать и дѣйствовать, эти чувства е охладились въ насъ, и мы приступили бы прямо искренно къ осуществленію предложенной мною пасительной реформы».

Финансовые проекты Бёрка не были приняты, но когда въ 1782 г. онъ сдѣлался главнымъ военнымъ казначеемъ въ министерствѣ Рокингама, онъ отчасти успѣлъ осуществить свои планы и произвелъ сокращеніе даже въ собственномъ своемъ жалованьѣ.

V.

XVIII вѣкъ съ его треволненіями, съ его великой революціей погубилъ не только много жизней, но и много умовъ. Сумасшествія замѣтно увеличились численно, особенно въ средѣ людей государственныхъ. Въ Англіи, гдѣ политическая борьба хотя и не дошла до открытаго междоусобія, но тѣмъ не менѣе была сильна и упорна,—въ Англіи горькой участи психическаго разстройства подверглись три самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятеля. Питтъ старшій одно время сходилъ съ ума; Георгъ III провелъ въ сумасшествіи послѣдніе годы своей жизни; не уцѣлѣлъ и Бёркъ. Революціонный терроръ ужасалъ его и возбуждалъ въ немъ отвращеніе къ французскому перевороту. Въ это самое время умеръ его нѣжно-любимый сынъ, въ которомъ онъ видѣлъ преемника своей славы. «Жизнь моя идетъ обратнымъ порядкомъ,—писалъ онъ послѣ этого удара.—Тѣ, которые должны были наслѣдовать мнѣ, умерли прежде меня. Тѣ, которымъ слѣдовало быть для меня потомствомъ, заняли мѣсто предковъ. Буря сразила меня, и я палъ, подобно одному изъ старыхъ дубовъ, разбросанныхъ вокругъ меня послѣднимъ ураганомъ. Я лишенъ всего, чѣмъ красовался, я вырванъ съ корнями и лежу, поверженный, на землѣ». Въ декабрѣ 1788 г. Бёркъ произнесъ въ парламентѣ рѣчь, поразившую всѣхъ своей странностью, и кончилъ ее «совсѣмъ какъ помѣшанный». Онъ началъ оскорблять своихъ лучшихъ друзей и разрывалъ съ ними всякую связь, коль скоро замѣчалъ ихъ сочувствіе къ Франціи. Въ 1791 г. въ парламентѣ давнишній другъ его, Фоксъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ политическіе принципы, провозглашенные французами, а Бёркъ проклиналъ ихъ. Фоксъ со слезами на глазахъ замѣтилъ, что, съ перемѣною мнѣній своего друга, онъ надѣется, по крайней мѣрѣ, не лишиться его дружбы; но Бёркъ грубо отвѣчалъ, что онъ жертвуетъ чести даже дружбою. Въ тотъ же вечеръ, возвращаясь домой съ однимъ другомъ въ каретѣ послѣдняго, Бёркъ, до тѣхъ поръ крайне вѣжливый, былъ взбѣшенъ симпатіями своего друга до того, что потребовалъ, чтобы его немедленно выпустили изъ экипажа среди ночи и при проливномъ дождѣ, такъ какъ онъ считалъ оскорбительнымъ для себя сидѣть подлѣ человѣка, расположеннаго къ революціонному движенію французовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ («Размышленія о французской революціи», «Письма о цареубійственномъ мирѣ» и др.) и въ своихъ рѣчахъ Бёркъ доходилъ до неистовства, сыпалъ проклятіями, искажалъ факты, чернилъ благороднѣйшихъ людей, въ родѣ Кондорсе и Лафайета, которыхъ онъ называлъ «злодѣями», фанатиками атеизма» и т. д. Всѣ остальные французы были для него «націей убійцъ, кровожадными атеистами, шайкой разбойниковъ, гнуснѣйшимъ народомъ въ мірѣ» и т. д. Франція—это «замокъ людоѣдовъ, адъ, республика убійцъ»; правительство ея состоитъ изъ «самыхъ грязныхъ, низкихъ, подлыхъ и гнусныхъ, крючкотворцевъ», національное собраніе—изъ «безбожниковъ» и т. д. Францію слѣдуетъ предать забвенію, необходимо прекратить всякія сношенія съ нею, ее слѣдуетъ стереть съ лица земли. Съ той же изумительной энергіей, съ какой онъ преслѣдовалъ нѣкогда Гэстингса, Бёркъ проповѣдывалъ теперь крестовый походъ противъ Франціи, цѣлью котораго должно быть «совершенное истребленіе отчаяннаго скопища людей, произведшихъ это своеволіе. «Война—говорилъ Бёркъ—должна быть ведена упорно до тѣхъ поръ, пока не достигнется эта цѣль; «она должна быть долгою войною; я настаиваю на этомъ и желаю, чтобы слова мои были замѣчены,—*долгою войною*». Но внѣшнею войною онъ не ограничивался, требуя, чтобы основою всей политики Англіи былъ сдѣланъ «принципъ безусловной вражды къ французской государственной системѣ, *внутри государства и внѣ его*.

Эти рѣчи Бёрка и его послѣднія сочиненія доставили ему славу перваго борца за старый порядокъ. Екатерина II и другіе государи осыпали его самыми лестными комплиментами, Людовикъ XVI переводилъ его «Размышленія» на французскій языкъ, а Георгъ III, раньше такъ ненавидѣвшій этого человѣка, теперь пожелалъ сблизиться съ нимъ и назначилъ ему пенсію. Благородный, свободолюбивый Бёркъ сдѣлался слугою реакціи, которая возникла подъ вліяніемъ ужаса, объявшаго англійскихъ консерваторовъ при громовыхъ раскатахъ революціи и ея отголоскахъ въ Англіи. Питтъ младшій шелъ противъ принциповъ своего покойнаго отца, Бёркъ вооружался противъ своихъ собственныхъ принциповъ, за которые онъ боролся въ лучшую эпоху своей жизни. Ирландія была въ открытомъ возстаніи, въ Англіи всѣ либеральные и прогрессивные люди готовы были до послѣднихъ силъ защищать конституціонную свободу, которую, пользуясь обстоятельствами, хотѣла подавить правительственная партія. Либеральныхъ писателей преслѣдовали, ссылали, сажали въ тюрьмы; публичные митинги разгонялись и запрещались; библіотеки были стѣснены до крайности; «всякій домъ, комната или мѣсто,—говорилъ законъ,—которые будутъ открыты или употребляемы, какъ мѣсто собранія для чтенія книгъ, брошюръ, газетъ или другихъ изданій, должны быть признаны *за развратный домъ*, и содержатель долженъ быть наказанъ, какъ того требуетъ законъ

о содержаніи развратныхъ домовъ». Habeas corpus былъ то и дѣло отмѣняемъ; всѣ публичныя мѣста были наполнены шпіонами, по доносамъ которыхъ Питтъ арестовывалъ множество людей, противозаконно держалъ ихъ въ крѣпости, потомъ выпускалъ, или, предавая суду, назначалъ присяжныхъ по выбору. По мѣрѣ того, какъ реакція ожесточалась, сопротивленіе ей общества усиливалось, и дѣла принимали чрезвычайно тревожный оборотъ. «Я—писалъ Фоксъ въ 1793 г.—совершенно убѣжденъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ или это правительство будетъ совершенно абсолютнымъ, или произойдутъ такого рода смуты, которыхъ нужно столько же опасаться, какъ и самого деспотизма». Въ 1795 году Фоксъ заявилъ въ парламентѣ, что если предлагаемые постыдные билли и будутъ утверждены вопреки волѣ націи и выполнены во всей ихъ строгости, и «если бы нація спросила моего мнѣнія о томъ, должна ли она повиноваться подобнымъ законамъ, то я бы отвѣтилъ, что это повиновеніе уже не составляетъ вопроса нравственнаго долга и обязанности, а только практическаго расчета. Дѣйствительно, это былъ бы случай такой крайности, которая одна только можетъ оправдать сопротивленіе правительству, и вопросъ былъ бы только въ томъ, можно ли разсчитывать на успѣхъ сопротивленія». Къ счастію, Англія до открытой борьбы не дошла. Масса англійскаго общества оказалась столь выдержанною въ политическомъ отношеніи, что парализовала стремленія крайней реакціонной партіи, и черезъ тридцать лѣтъ доставила побѣду дѣлу реформы.

Бёркъ умеръ въ 1797 г. Странная судьба этого человѣка. Въ первый періодъ своей дѣятельности онъ былъ передовымъ представителемъ прогрессивныхъ идей, и хотя его гуманныя и просвѣщенныя стремленія не осуществились при его жизни, но все-таки онъ имѣлъ большое вліяніе на политическое развитіе общества и подготовилъ реформы настоящаго вѣка. Пораженный ужасами революціи, Бёркъ вооружился противъ тѣхъ самыхъ идей, которыя онъ такъ еще недавно пропагандировалъ, и хотя его умъ въ это время уже помрачился, но все еще сохранилъ настолько силы, что Бёркъ сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей консервативной партіи и началъ истреблять то, что онъ нѣкогда сѣялъ. Бёркъ перваго періода сдѣлался классическимъ политикомъ для прогрессистовъ, Бёркъ второго періода до сихъ поръ остается классикомъ для консерваторовъ. Но его рѣчи и сочиненія перваго періода несравненно сильнѣе и талантливѣе послѣднихъ. Рѣчи объ Америкѣ, объ Остъ-Индіи, о Гэстингсѣ и экономической реформѣ ставятъ Бёрка на ряду съ величайшими ораторами новой исторіи. И мы довольны будемъ, если наше изложеніе дастъ читателю хотя нѣкоторое понятіе о силѣ этого таланта.

ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ВЪ АНГЛІИ.

(The Newspaper Press, its Origin, Progress and Present Position. By James Grant. 2 volumes. London. 1871).

I.

Періодическая печать—одно изъ величайшихъ созданій новѣйшей цивилизаціи, одинъ изъ главныхъ двигателей всемірнаго прогресса. Она просвѣщаетъ массы, возбуждаетъ и поддерживаетъ ихъ мыслительную дѣятельность, объединяетъ партіи и народы, дѣлаетъ читателя участникомъ и свидѣтелемъ всемірной человѣческой жизни и дѣятельности. Всѣ отправленія народной жизни тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ журналистикой, и газета служитъ такою же потребностью образованнаго человѣка, какъ пища и воздухъ. Недавно въ прусскомъ парламентѣ, по поводу конфискаціи нумеровъ нѣсколькихъ берлинскихъ газетъ, одинъ депутатъ совершенно основательно замѣтилъ, что по отношенію къ читателямъ конфискація точно такое же тяжкое лишеніе, какъ отнятіе обѣда или завтрака. Торговля, промышленность, наука, искусство, политика—все это въ настоящее время живетъ и дышитъ журналами, которые служатъ такими же необходимыми *органами* общественнаго тѣла, какъ глаза, уши и языкъ въ отдѣльномъ организмѣ. Трудно представить себѣ, какой безпорядокъ, какой хаосъ, какое смятеніе водворилось-бы на землѣ, если бы какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ прекратились вдругъ всѣ газеты и журналы!

Само собою понятно, что наши слова относятся къ періодической печати цѣлаго міра и въ особенности къ журналамъ передовыхъ и развитыхъ странъ. Народы варварскіе и невѣжественные живутъ безъ журналистики. Однообразная, стоячая, какъ болото, ихъ жизнь не нуждается въ періодической печати, какъ мертвый не нуждается въ живыхъ впечатлѣніяхъ. Интересы такой жизни такъ ничтожны и мелочны, монотонный и рутинный ходъ ея такъ медленно и апатично совершается, что общество мало или вовсе не интересуется настоящимъ, всего менѣе всматривается въ будущее и, обыкновенно, живетъ однимъ прошедшимъ... Въ Китаѣ, гдѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ издается придворная пекинская газета, прекращеніе ея не принесло бы особеннаго вреда населенію и не было бы большимъ бѣдствіемъ для поднебесной имперіи. Но чѣмъ болѣе развивается народъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ настоятельную потребность въ возбужденіи своей мысли, въ наблюденіи событій, совершающихся вокругъ него и въ цѣломъ мірѣ, тѣмъ болѣе періодическая печать становится однимъ изъ существенныхъ отправленій его жизни, а потому тѣмъ болѣе онъ заботится объ ея благосостояніи и процвѣтаніи.

Характеръ, степень, развитія и вліятельности печати вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру и степени развитія народа. Въ неподвижномъ Китаѣ существуетъ только однѣ официальныя газеты, только одни органы правительства. Въ Римѣ также состав-

лялись «Ежедневные Акты» (Acta Diurna) о военныхъ дѣлахъ и разсылались въ провинціальныя войска; впослѣдствіи въ нихъ стали помѣщать извѣстія о разныхъ происшествіяхъ въ Римѣ, торжествахъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, замѣчательныхъ явленіяхъ природы. Послѣ паденія Рима, періодическія изданія являются впервые въ половинѣ XVI в. въ Венеціи, гдѣ они и получаютъ названіе *газеты*, по имени той мелкой монеты, за которую онѣ продавались. Газеты быстро начали пріобрѣтать такую популярность въ Венеціи, что правительство испугалось ихъ распространенія и долгое время не дозволяло печатать ихъ, а допускало только письменное изданіе. То же самое было и въ Германіи, гдѣ первыя газеты появились въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ. Въ Англіи первыя газеты появляются въ началѣ XVII столѣтія и большинство ихъ носитъ странныя названія, какъ, напримѣръ: «Шотландскій Голубь», «Парламентскій Коршунъ», «Секретная Сова», «Человѣкъ на Лунѣ» и т. д. Сначала всѣ эти изданія выходили въ рукописяхъ, и первая печатная газета, «Еженедѣльныя Новости», была основана въ 1622 г. Число этихъ первоначальныхъ газетъ далеко превышало запросъ на нихъ, такъ что многія изданія жили только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже недѣль; были и такія, которыя прекращались на первомъ же нумерѣ. Вслѣдствіе малочисленности подписчиковъ, журналисты старались ловить ихъ на перебой, и всякая газета вела ожесточенную войну со всѣми другими, осыпая ихъ всевозможною бранью, обвиняя во лжи и превознося до небесъ достовѣрность и интересъ извѣстій, сообщаемыхъ ею. Но недостатокъ подписчиковъ не долго затруднялъ издателей. Запросъ на газеты постепенно возрасталъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число ихъ. Въ 1660 году въ Лондонѣ издавалось уже до 12 газетъ, а въ 1688 году больше 70.

Первыя газеты удовлетворяли, главнымъ образомъ, обыденному, житейскому любопытству общества, тому любопытству, которое въ нашихъ полудикихъ селахъ и городишкахъ порождаетъ столько сплетенъ. Въ этихъ изданіяхъ не было ни направленія, ни руководящихъ статей; это были только періодическіе сборники извѣстій, интересныхъ для тогдашняго общества. О характерѣ этихъ извѣстій читатель можетъ судить по слѣдующимъ извлеченіямъ. Въ 1642 году «Морской Меркурій» сообщалъ «истинный разсказъ о чудесномъ появленіи на рѣкѣ Темзѣ человѣка-рыбы съ мушкетомъ въ одной рукѣ и съ просьбой въ другой,—разсказъ, достовѣрно переданный шестью моряками, которые сами видѣли это чудовище и говорили съ нимъ». Въ 1563 г. газеты извѣщали о «морской дѣвѣ», проплывшей мимо Гринвича, и подробно описывали ея наружность. Самыми интересными извѣстіями изъ дѣйствительной жизни были придворныя новости. Еще до появленія газетъ разные лорды и значительные джентльмены имѣли въ Лондонѣ своихъ агентовъ, которые за извѣстное вознагражденіе доставляли имъ ежедневно извѣстія о придворной жизни и правительственной дѣятельности. Газеты были тѣмъ же для массы публики, чѣмъ были письма упомянутыхъ корреспондентовъ для важныхъ господъ. Но матеріяловъ для наполненія газетныхъ листовъ было такъ мало, что они выходили очень рѣдко и притомъ въ неопредѣленные сроки, большею частію раза два въ мѣсяцъ. Если извѣстій не доставало на цѣлый листъ, то для наполненія его печатали главу изъ библіи [1]). Частныя объявленія появляются еще въ то время, когда газеты выходили въ рукописи. Издатели оставляли въ каждомъ нумерѣ пустое мѣсто, на которомъ купившій газету читатель могъ помѣщать свои новости или объявленія и потомъ передавать или продавать этотъ нумеръ другимъ. Объявленія о газетахъ дѣлались въ такомъ тонѣ: «Если какой-нибудь джентльменъ желаетъ обязать своего корреспондента или друга, живущихъ не въ столицѣ, сообщеніемъ извѣстій объ общественныхъ дѣлахъ, то онъ можетъ получить эти извѣстія за столько-то, тамъ-то и отъ того-то, на листѣ прекрасной бумаги, половина котораго оставлена бѣлою, чтобы на ней можно было писать о своихъ домашнихъ дѣлахъ или сообщать новости дня».

При тѣхъ сильныхъ умственныхъ и общественныхъ движеніяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ совершались въ англійскомъ обществѣ, газеты не могли долго оставаться только однимъ средствомъ для удовлетворенія любопытства. Общество увидало ихъ пользу и постаралось превратить ихъ въ орудія для достиженія своихъ цѣлей. Купцы и промышленники помѣщали въ нихъ объявленія и посредствомъ ихъ привлекали покупателей. Духовенство начало издавать свой органъ, «Церковный Меркурій, или Сіонскія Новости». Медики основали «Медицинскій Меркурій, Высшее Исцѣленіе для Нашихъ Больныхъ Временъ». Появились газеты, спеціально посвященные литературѣ и мореплаванію. Люди, стоявшіе во главѣ общественныхъ движеній, вскорѣ же послѣ перваго появленія газетъ начали писать въ нихъ о политическихъ сюжетахъ и приготовлять націю къ тому перевороту, который положилъ основу свободы и величія современной Англіи. Таковы были, напримѣръ, Даніель Дефо и Мильтонъ. Гласность, какъ ни была она невинна въ первое время журнальной прессы, и безцеремонныя замѣчанія газетчиковъ о лицахъ и событіяхъ создали юной прессѣ множество враговъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ даже нѣкоторыхъ передовыхъ людей того времени, напримѣръ, Бенъ-Джонсона. Еще болѣе вражды и ненависти къ себѣ возбуждали газеты въ тѣхъ людяхъ и корпораціяхъ, которые считали себя властителями страны, а свои кабинеты—недоступными

[1]) «Times» иногда дѣлаетъ это до сихъ поръ. Во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ извѣстно, не принято оставлять пустого мѣста на листахъ, и *на затычку*, какъ выражаются типографщики, непремѣнно что-нибудь помѣщается; въ журналахъ большею частію помѣщаются стихи. Въ одной русской газетѣ, редакторъ которой былъ примѣрнымъ лѣнтяемъ и никогда не заботился о приготовленіи *затычекъ*, типографія обыкновенно помѣщала на затычку постоянно хранившійся въ ней наборъ замѣтки подъ заглавіемъ: «*Еще дитя, съѣденное свиньею*».

для обыкновенныхъ смертныхъ святилищами, въ которыхъ они совершали политическія таинства. Правда, что тогдашнія газеты не помѣщали даже извѣстій о засѣданіяхъ парламента, и продажность всѣхъ почти безъ исключенія газетчиковъ доходила до послѣднихъ предѣловъ безсовѣстности, но, при всемъ томъ, писатели, въ родѣ Мильтона и Дефо, своею неподкупною честностью и своимъ пламеннымъ желаніемъ служить дѣлу англійской свободы постоянно возбуждали противъ себя и противъ журналовъ ожесточенныя правительственныя гоненія. При Кромвелѣ журналистика вздохнула свободно. Но лишь только возсѣлъ на престолъ Карлъ II, какъ, не думая долго, однимъ почеркомъ пера уничтожилъ всю періодическую печать и дозволилъ издавать одну офиціальную «Лондонскую Газету», которая сообщала подданнымъ его величества о нѣкоторыхъ иностранныхъ событіяхъ, о пожарахъ, пѣтушьихъ бояхъ, печатала королевскіе манифесты, адресы вѣрноподданныхъ торіевъ и т. п. Изданіе частныхъ газетъ впослѣдствіи было допущено но не иначе, какъ съ особаго королевскаго разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Періодическая пресса становилась общественною силою, и помѣщичье правительство Карла принимало строжайшія мѣры для подавленія этой силы. Газеты были отданы подъ надзоръ журналиста Роджера Летранджа, который долгое время торговалъ либерализмомъ въ своихъ изданіяхъ, былъ горячимъ поборникомъ свободы слова, просидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ и четыре года въ Ньюгетѣ приговореннымъ къ смертной казни. Перебѣжавъ на сторону реставрированнаго короля и получивъ мѣсто главнаго инспектора надъ періодическими изданіями, онъ объявилъ имъ въ своей газетѣ, что имъ пощады не будетъ. За непозволительную, по его мнѣнію, статью онъ преслѣдовалъ и наказывалъ и автора, и редактора, и поставщика бумаги, и словолитчика, доставившаго шрифтъ, наборщиковъ, плотниковъ—всѣхъ, кто посредственно или непосредственно участвовалъ въ изданіи и распространеніи газеты. За проступки и преступленія по дѣламъ печати тогда существовали безчеловѣчныя, ужасныя наказанія, какія только могъ выдумать самый безцеремонный деспотизмъ,—смертная казнь, изувѣченіе, тюремное заключеніе, изгнаніе, выставка къ позорному столбу, выставка подъ висѣлицей, наказаніе палками, биченіе, каторжная работа въ рудникахъ, штрафы до 10,000 ф. ст. и т. д. Но Летранджу было мало этихъ наказаній и онъ измышлялъ новыя... Не смотря на усиленныя преслѣдованія и жестокія наказанія, во все время реставраціи находилось не мало друзей свободы, которые во имя ея безстрашно подвергались мученіямъ, шли подъ кнутъ, въ тюрьму и подъ висѣлицу, но все-таки не измѣняли своимъ убѣжденіямъ и утверждали въ обществѣ тѣ свободныя традиціи, которыя сдѣлались силой и гордостью англійской печати. Но общее положеніе газетной прессы все-таки сильно ухудшилось. Число лондонскихъ газетъ уменьшилось съ шестидесяти до двадцати. Многія изъ нихъ начали колебаться и прислуживаться, не смотря на то, что такое поведеніе возбуждало въ публикѣ негодованіе. Тонъ газетъ значительно понизился, и содержаніе ихъ сдѣлалось далеко не такъ интереснымъ и серьезнымъ, какъ было при Кромвелѣ. Нѣкоторыя извѣстія тогдашнихъ газетъ чрезвычайно характеристичны для общества реставраціи, для этого грубаго, невѣжественнаго, развратнаго общества, старавшагося искоренить послѣдніе остатки англійской свободы. Кулачные и пѣтушиные бои, постоянные скандалы, драки, грабежи, объявленія Карла II объ отысканіи его украденной собаченки, побои извѣстныхъ писателей, наносимые имъ на улицѣ людьми враждебныхъ имъ партій,—вотъ что составляло содержаніе тогдашней прессы. Дѣятельность парламента оставалась тайною для читающей публики. Зато личность короля доводилась до апоѳеоза, и газеты не упускали случая извѣщать о чудесныхъ проявленіяхъ той почіющей на немъ божественной силы, которую Карлъ II приписывалъ себѣ, какъ непремѣнную прерогативу. Вмѣстѣ со множествомъ объявленій разныхъ медицинскихъ шарлатановъ, въ газетахъ помѣщались объявленія Карла II, въ которыхъ онъ извѣщалъ своихъ вѣрноподданныхъ, что можетъ исцѣлять ихъ отъ свирѣпствовавшей тогда оспы однимъ только прикосновеніемъ своей королевской руки. Впрочемъ, это дѣлалъ не одинъ Карлъ II, а также и нѣкоторые изъ послѣдующихъ королей. Въ молитвенникѣ, напечатанномъ при королевѣ Аннѣ, англійское духовенство санкціонировало это вѣрованіе въ чудодѣйственную королевскую силу. Даже лучшіе медики того времени посылали толпы своихъ паціентовъ во дворецъ для принятія исцѣленія отъ руки короля.

II.

Въ теченіе XVIII и начала XIX вѣка газетная пресса быстро развивается и пріобрѣтаетъ то важное значеніе, какое она имѣетъ въ настоящее время. Въ 1702 году появилась первая ежедневная газета. Въ 1753 г. въ Англіи, имѣвшей тогда 6,186,336 жителей, выходило въ годъ 7,411,757 нумеровъ періодическихъ изданій, а черезъ тридцать лѣтъ это число возросло до 13,000,000. Распространенность газетъ имѣла сильное воспитательное вліяніе на общество, пропагандируя въ немъ знанія и прогрессивныя идеи, возбуждая мысль и давая ей солидные матеріалы для дѣятельности. Даже заклятый врагъ журналовъ, д-ръ Джонсонъ, все-таки признавалъ громадное значеніе газетъ и говорилъ, что «эти историки минуты, презираемые составителями объемистыхъ сочиненій, необходимы для націи. Для насъ, получающихъ новости каждое утро и каждый вечеръ и снабжаемыхъ изо дня въ день матеріалами для бесѣды, трудно понять, какъ можетъ существовать человѣкъ безъ газеты или что можетъ интересовать общество въ тѣхъ обширныхъ областяхъ земли, которыя не имѣютъ ни хроникъ, ни магазиновъ, ни газетъ, ни журналовъ, ни вечернихъ почтъ. Всѣ иностранцы замѣчаютъ, что знанія массы народа гораздо выше въ Англіи, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. И

этимъ превосходствомъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны тѣмъ ручейкамъ знаній, которые непрерывно струятся между нами и изъ которыхъ каждый можетъ пользоваться». Въ газетахъ участвовали лучшіе писатели своего времени—Стиль, Аддисонъ, Болингброкъ, Свифтъ, Бёркъ, Кольриджъ и др. Исторія газетной прессы этого времени въ высшей степени поучительна. Журналисты съ упорною настойчивостью добиваются расширенія сферы дѣятельности для печати и дѣлаютъ ее однимъ изъ главныхъ факторовъ общественнаго прогресса. Они цѣною многихъ усилій получаютъ доступъ въ парламентъ и регулярно начинаютъ извѣщать страну о дѣятельности палатъ, которыя до тѣхъ поръ скрывались отъ общества, и съ этою цѣлью даже ввели въ обычай засѣдать по ночамъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія въ газетахъ появляются первыя, очень краткія и сухія извѣстія о засѣданіяхъ парламента. Репортеры передавали эти извѣстія съ такою осторожностью, что не только имена парламентскихъ членовъ обозначали лишь однѣми начальными буквами, но даже палату лордовъ называли не иначе, какъ *п. л—въ*, а палату общинъ—*п. о—нг*!.. Не смотря на это, парламентъ испугался такой гласности, объявилъ ее въ 1729 г. нарушеніемъ своихъ привилегій и постановилъ подвергать «жесточайшимъ наказаніямъ» всѣхъ виновныхъ въ обнародованіи извѣстій объ его засѣданіяхъ. Но настойчивое желаніе общества знать о дѣятельности своихъ представителей и правителей было такъ сильно, что для удовлетворенія ему, не смотря ни на какія запрещенія, журналисты постоянно проникали въ залу засѣданій, подслушивали у ея дверей, собирали окольными путями свѣдѣнія о парламентскихъ засѣданіяхъ и удовлетворяли любопытству публики. Парламентъ то и дѣло обращалъ на это вниманіе и угрожалъ тяжкими карами нарушителямъ своей привилегіи засѣдать по ночамъ и измѣнять дѣлу того народа, представителемъ котораго онъ былъ. Редакторъ одного журнала, Кевъ, употреблявшій всевозможныя уловки, чтобы присутствовать на парламентскихъ засѣданіяхъ или, по крайней мѣрѣ, подслушивать, что говорилось на нихъ, во избѣжаніе отвѣтственности, объяснялъ читателямъ, что передаваемыя имъ извѣстія касаются воображаемаго парламента въ странѣ лиллипутовъ. Но въ 1747 г. его и издателя «Лондонскаго Магазина», Астлея, арестовали и предали суду за обнародованіе дѣла одного лорда, судившагося своими пэрами по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Кевъ и Астлей, впрочемъ, не особенно пострадали: имъ сдѣлали строгій выговоръ, присудили къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, заставили раскаяться въ своемъ поведеніи, испросить прощеніе лордовъ и дать обязательство не нарушать впредь парламентской привилегіи. Вскорѣ затѣмъ оба эти издателя возобновили свою репортерскую дѣятельность, при чемъ Астлей, говоря о парламентѣ, называлъ его римскимъ сенатомъ и всѣмъ членамъ его давалъ латинскія прозвища. Въ виду подобныхъ дѣйствій журналистики, парламентъ то и дѣло угрожалъ ей «жесточайшими наказаніями», но ни однажды не осмѣлился прибѣгнуть къ жестокости, опасаясь общества, которое ревностно стояло за журнальную гласность. Онъ привлекалъ журналистовъ къ суду, но ограничивался тѣмъ, что дѣлалъ имъ выговоры, налагалъ денежные штрафы и заставлялъ ихъ испрашивать прощеніе, стоя на колѣняхъ. Палата лордовъ сплошь и рядомъ предавала журналистовъ суду и налагала на нихъ большіе штрафы за то, что они въ своихъ газетахъ дерзали «упоминать имена ея членовъ!» Но журналисты были безстрашны и честно служили своему дѣлу. Однажды, въ половинѣ прошлаго вѣка, парламентъ вздумалъ было показать примѣръ строгости на редакторѣ «Лондонской Вечерней Почты», предалъ его суду и приказалъ арестовать. Но лордъ-мэръ призналъ этотъ арестъ незаконнымъ и освободилъ редактора. Палата общинъ взбѣсилась по поводу такого непризнанія ея власти, и не было тѣхъ ужасныхъ наказаній, которыми бы не угрожали лорду-мэру члены ея во время продолжительныхъ и бурныхъ преній, возбужденныхъ этимъ казусомъ. Но въ концѣ концовъ палата все-таки вынуждена была покориться общественному мнѣнію, и газетная публикація парламентскихъ преній была допущена безусловно и навсегда, хотя и не санкціонирована положительнымъ закономъ.

Тѣмъ же путемъ многолѣтней упорной борьбы англійская журналистика завоевала себѣ и всѣ другія льготы. Мы уже говорили, что съ самаго начала реставраціи прессу старались запугать, обезсилить и, что еще хуже, обезсмыслить посредствомъ жестокихъ наказаній. Эта суровая опека, эти преслѣдованія позорятъ собою почти всю исторію XVIII вѣка. Сколько выстрадалъ за свои сатиры и политическія статьи одинъ только Дефо: его бросали въ тюрьму, его съ веревкою на шеѣ выставляли къ позорному столбу, но, сидя въ тюрьмѣ, онъ составлялъ новые памфлеты, а стоя у позорнаго столба, задумывалъ новыя сатиры. Еще болѣе, чѣмъ Дефо, вынесъ наказаній редакторъ «Наблюдателя», Джонъ Тетчинъ. Извѣстный своими жестокостями и злодѣяніями судья Джефрейзъ приговорилъ его за статью о Монмутѣ къ бичеванію въ нѣсколькихъ городахъ западной Англіи. Наказаніе было столь ужасно, что Тетчинъ предпочиталъ ему смертную казнь; но напрасно умолялъ онъ Джефрейза разомъ покончить съ нимъ, отославъ на висѣлицу; его нещадно сѣкли въ нѣсколькихъ городахъ западной Англіи. Извѣстный Стиль за двѣ «возмутительныя» газетныя статьи, въ которыхъ онъ «изображалъ въ превратномъ видѣ характеръ ея величества и нападалъ на поведеніе администраціи», былъ присужденъ къ позорному изгнанію изъ палаты общинъ. Впослѣдствіи тому же наказанію былъ подвергнутъ депутатъ Уилькесъ, который въ «Сѣверномъ Британцѣ» за 1763 годъ смѣло напалъ на все тогдашнее правительство. Издатель, типографщикъ и редакторъ газеты были арестованы, но судъ освободилъ Уилькса, признавъ, что членъ парламента не можетъ подлежать аре-

сту за свои памфлеты. Король и продажный олигархическій парламентъ не захотѣли уступить общественному мнѣнію, съ негодованіемъ относившемуся къ преслѣдованію Уилькса; его статьи были сожжены рукою палача, а самъ онъ изгнанъ изъ палаты общинъ и объявленъ лишеннымъ покровительства законовъ. Но графство Мидльсексъ и Лондонъ нѣсколько разъ выбирали его своимъ парламентскимъ депутатомъ, и общественное движеніе, возбужденное его дѣломъ, много содѣйствовало утвержденію независимости англійской печати. Писателей перестали уже сѣчь, уродовать и подвергать другимъ безчеловѣчнымъ наказаніямъ, какъ это было въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Общество стояло за журналистику и постепенно обезпечивало за нею возможность свободнаго развитія. Нерѣдко случалось, что суды оправдывали писателей отъ самыхъ серьезныхъ обвиненій, возбужденныхъ правительствомъ. Послѣднее постепенно пріучалось къ терпимости, хотя по временамъ развертывало всѣ свои силы для преслѣдованія періодическихъ изданій. Во все царствованіе Георга III политическіе журналы подвергались самымъ ожесточеннымъ, непрерывнымъ гоненіямъ, и не было тогда ни одного смѣлаго и честнаго издателя газеты, который не посидѣлъ бы въ тюрьмѣ, не заплатилъ бы штрафа, не испыталъ бы удовольствія быть привязаннымъ къ позорному столбу. Но преслѣдованія все-таки постепенно слабѣли и окончательно потеряли характеръ насилія послѣ того, какъ въ 1792 г. былъ утвержденъ предложенный Фоксомъ законъ, предоставлявшій присяжнымъ право рѣшать всѣ вопросы относительно характера и публикаціи преслѣдуемыхъ сочиненій. Общество въ лицѣ своихъ присяжныхъ присвоило себѣ свое законное право судить тѣхъ, которыхъ прежде преслѣдовала власть подъ предлогомъ общественной безопасности, но для своихъ корыстныхъ корпоративныхъ или личныхъ цѣлей. У офиціальныхъ враговъ независимой прессы остались въ рукахъ только одни косвенныя средства для ея обузданія, которыми нерѣдко и пользовались съ большимъ успѣхомъ. Такъ, напр., въ началѣ настоящаго столѣтія газета «Times», отличавшаяся смѣлостью и независимостью, въ продолженіе многихъ лѣтъ подвергалась всевозможнымъ косвеннымъ притѣсненіямъ, какія только могла выдумать тогдашняя администрація.

Къ числу этихъ косвенныхъ средствъ относились налоги, отъ которыхъ англійская журналистика освободилась только въ послѣднее время. Въ 1701 г. каждый нумеръ газеты былъ обложенъ таксою въ 1 пенни, между тѣмъ какъ большая часть газетъ продавалась по полпенни за нумеръ; налогъ вдвое превышалъ стоимость облагаемаго предмета! Кромѣ того, за каждое объявленіе, помѣщенное въ газетѣ, ея издатель былъ обязанъ вносить въ казну 1 шиллингъ. Но эта фискальная мѣра возбудила такое неудовольствіе въ обществѣ, что ее принуждены были оставить. Въ 1712 г. газеты, смотря по объему ихъ нумеровъ, были подвергнуты налогу отъ полпенни до 1 пенни. Налогъ былъ такъ тяжелъ, что многія изданія прекратились тотчасъ же, а другія вскорѣ. Въ день изданія этого закона Аддисонъ писалъ въ «Зрителѣ»: «сегодня, вѣроятно, многіе превосходные писатели въ послѣдній разъ печатаютъ свои сочиненія. Я боюсь, что только немногіе изъ нашихъ еженедѣльныхъ историковъ могутъ существовать подъ тяжестью этого налога», установленнаго для подавленія «бунтовскихъ газетъ», какъ выразилась королева Анна. Издатели должны были или прекратить всѣ свои журналы, или издавать ихъ безъ штемпеля. Число безштемпельныхъ изданій увеличилось до того, что въ 1743 г. правительство распорядилось хватать и заключать въ тюрьму всѣхъ уличныхъ продавцевъ ихъ, давая 20 шиллинговъ вознагражденія каждому доносчику, который укажетъ полиціи на такого продавца. Большинство газетъ прекратилось. Эти налоги то понижались, то возвышались, смотря по расположенію правительства къ печати. Въ 1815 г. они были установлены въ размѣрѣ 4 пенсовъ. Но постепенно усиливавшаяся популярность газетъ и быстрое возрастаніе числа подписчиковъ значительно парализировали убійственность налоговъ, и цѣль ихъ не была достигнута.

Очень рано въ исторіи газетной прессы умные ретрограды и консерваторы поняли, что съ либеральною печатью успѣшнѣе всего можно бороться посредствомъ печати-же. Это повело къ основанію офиціозныхъ газетъ. Писатели искренно убѣжденные и писатели продажные составили изъ себя консервативно-литературную клику, исторія которой полна примѣровъ продажности и возмутительныхъ подвиговъ журнальныхъ спекуляторовъ, мѣнявшихъ свои убѣжденія съ каждою перемѣною въ высшихъ правительственныхъ сферахъ (Grant, I, 154, 156, 161, 212, 315, 350 и др.).

Но ни жестокія наказанія, ни штрафы, ни налоги, ни офиціозная печать не могли остановить развитія прогрессивной, оппозиціонной прессы. Въ самыя тяжкія времена гоненій на журналистику существовали изданія и печатались статьи вполнѣ либеральныя. Таковъ былъ, напр., въ началѣ XVIII в. «Craftsman», журналъ, издававшійся Амгерстомъ и имѣвшій до 2,000 подписчиковъ. Въ половинѣ того же вѣка огромною репутаціей пользовался «Мидльсекскій журналъ», смѣло и искусно проводившій идеи о всеобщей подачѣ голосовъ, ежегодныхъ парламентахъ и т. д. Недостатка въ подобныхъ газетахъ никогда не было, и, служа постоянно народному дѣлу, онѣ нерѣдко ознаменовывали себя такими дѣйствіями, которыя навсегда останутся въ памяти англичанъ, какъ безсмертные подвиги. Въ 1770 г. Георгъ III выразилъ съ трона порицаніе адресу, который былъ поданъ ему гражданскими властями Лондона. Обиженные этимъ и воодушевленные патріотизмомъ, они составили другой адресъ, въ которомъ просили объ отставкѣ министровъ и распущеніи парламента. Во главѣ городской депутаціи, лордъ-мэръ Бекфордъ прочелъ наизусть этотъ адресъ королю. Какъ и слѣдовало ожидать, депутація по-

лучила не совсѣмъ-то вѣжливый отказъ. Предчувствуя этотъ отказъ и предугадавъ его содержаніе, редакторъ «Public Advertiser'a», Тукъ, наставилъ Бекфорда, какъ и что отвѣчать на него. Но лордъ-мэръ сконфузился, позабылъ приготовленную имъ по мысли Тука рѣчь и не сказалъ ни слова. Встрѣтивъ его возвращающимся съ этой аудіенціи и узнавъ о неудачѣ, Тукъ воскликнулъ: «все-таки ваша рѣчь должна появиться въ газетахъ, и я напишу ее за васъ!» На завтра же въ газетахъ была напечатана сильная оппозиціонная рѣчь, которую будто бы лордъ-мэръ Бекфордъ произнесъ въ отвѣтъ на королевскій отказъ просьбамъ депутаціи. Эти рѣчь имѣла такое важное значеніе, что благодарный Лондонъ воздвигъ въ память Бекфорда прекрасную статую. Другой примѣръ важнаго общественнаго значенія прессы представляетъ собою слѣдующій случай изъ начала настоящаго столѣтія. Въ Лондонѣ хотѣли выбрать лордъ-мэромъ Альдермана Гармера, собственника одного очень непопулярнаго журнала. Выборъ этотъ навѣрно состоялся-бы, если бы въ дѣло не вмѣшалась «Times», которая въ цѣломъ рядѣ своихъ передовыхъ статей разъяснила и Лондону, и всей Англіи всю непригодность Гармера и то пагубное вліяніе на общественныя дѣла, какое оказалъ бы онъ въ качествѣ лорда-мэра. Выборы не состоялись, и «Times» заслужила всеобщую благодарность за свою энергію и спасительное вліяніе. Случаями, подобными сейчасъ приведеннымъ нами, полна исторія англійской журналистики, которая въ самыя тяжелыя времена не переставала служить обществу, а общество, въ свою очередь, цѣня ея существенныя услуги и понимая ея громадное благотворное значеніе, никогда не отказывало ей въ существенной поддержкѣ. Благодаря такой тѣсной связи періодической прессы съ обществомъ, первая достигла вполнѣ самостоятельнаго, независимаго положенія.

Всѣ эти блага дались не даромъ. Кромѣ офиціальныхъ преслѣдованій, прежніе журналисты вынесли на своихъ плечахъ столько гнета и несчастій, что невольно изумляешься ихъ стойкости. Общество не сразу привыкло къ гласному газетному слову, и каждый газетчикъ возбуждалъ во многихъ страхъ и ненависть, особенно въ томъ случаѣ, если онъ былъ честнымъ человѣкомъ. Писатели и партіи, затронутые журналистомъ, никогда не прощали ему. Дѣло доходило до личныхъ оскорбленій и уличныхъ побоевъ. Журналисты-соперники вызывали его на дуэль и ежедневно осыпали въ своихъ изданіяхъ площадною бранью. Матеріальное положеніе было вообще не блестящее. Старинный издатель нерѣдко совмѣщалъ въ своемъ лицѣ обязанности редактора, репортера и типографщика. Сплошь и рядомъ онъ совершенно разорялся на тѣ процессы, которые начинало противъ него правительство.

Нравы журналистовъ прежняго времени вовсе не имѣли той чинной сдержанности, какою они отличаются въ современной Англіи. Полемика ихъ состояла большею частію въ площадной брани. «Дуракъ», «козелъ», «пучеглазая собака», «пьяница» — вотъ какими прозвищами они постоянно честили другъ друга. Не щадили и женщинъ. Собственницу «Странствующаго Шпіона» соперники ея осыпали самою неприличною бранью, говоря, напр., что «ея чистота состоитъ только въ ея бѣльѣ», что она потаскуха и т. д. Ссоры между писателями возникали иногда изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, и они доѣзжали другъ друга самыми забавными способами. Кольриджъ, напр., то и дѣло намекалъ на выпавшіе зубы Мэкинтоша и тѣмъ доводилъ послѣдняго до бѣшенства. Подобная полемика довольно часто оканчивалась дуэлями, и ей посвящалось въ газетахъ уже слишкомъ много мѣста, въ ущербъ ихъ серьезному содержанію. Многія изданія, впрочемъ, мало заботились о послѣднемъ, наполняя свои столбцы стихотвореніями или пошлѣйшими извѣстіями о жизни столичной аристократіи. Вотъ нѣсколько подобныхъ выдержекъ изъ газетъ за первые годы настоящаго столѣтія. «Маленькія миссъ Гипсъ, что на Пикадилли, начали учиться на фортепьяно. — Новая коляска мистера Даша служитъ гордостью Лонгъ Акра и завистью Гайдъ-Парка. — Высшему свѣту, конечно, причинитъ большую печаль извѣстіе, что мистриссъ Трапсъ порѣзала свой мизинецъ. — Второй сынъ лэди Денсъ началъ читать басни Эзопа», и т. п. Впрочемъ, нужно замѣтить, что лучшія газеты, и въ томъ числѣ «Times», не только не занимались подобными сплетнями, но даже постоянно подсмѣивались надъ пошлостями британскаго барства и занимались всегда предметами болѣе серьезными, чѣмъ жизнь большихъ господъ.

III.

Въ началѣ настоящаго столѣтія запросъ на газеты такъ увеличился, что нерѣдко не успѣвали печатать достаточнаго количества экземпляровъ. Усовершенствованіе типографскихъ средствъ сдѣлалось настоятельною необходимостью, и Вальтеры, наслѣдственные издатели «Times», истратили на это дѣло около 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1814 г. «Times» уже начала печататься на паровомъ станкѣ, вошедшемъ вскорѣ во всеобщее употребленіе. Свобода политической прессы уже водворилась въ жизни, и газетамъ оставалось сбросить съ себя только послѣднее ярмо налоговъ. Началась знаменитая борьба за ихъ отмѣну,—борьба, начатая не издателями, а публикой, читателями, требованія которыхъ были такъ серьезны и настоятельны, что парламентъ въ 1836 г. вынужденъ былъ понизить штемпельную пошлину съ 4 пенсовъ до 1 пенни. Число безштемпельныхъ изданій возросло до того, что съ 1832 по 1834 г. правительство посадило въ тюрьмы не меньше 500 человѣкъ, виновныхъ въ ихъ продажѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ газетъ, отличавшіяся крайнимъ либерализмомъ, расходились въ количествѣ 100,000 экземпляровъ и возбуждали серьезное безпокойство во всѣхъ консерваторахъ. Особенно замѣчатель-

нымъ изъ этихъ журналовъ былъ «Попечитель Бѣднаго Человѣка», издававшійся талантливымъ, смѣлымъ и неутомимымъ Гетерингтономъ. Преслѣдованія правительства только увеличивали популярность и число читателей этого изданія. Вся полиція была поставлена на ноги и рыскала день и ночь по всему Лондону, стараясь захватить Гетерингтона и открыть типографію «Попечителя». Гетерингтонъ, скрываясь отъ полиціи, печатая и распространяя свою газету, просто издѣвался надъ блюстителями порядка, расхаживалъ по Лондону въ чужихъ костюмахъ и бесѣдовалъ съ полисменами, которымъ было поручено арестовать его. Между тѣмъ «Попечитель» былъ преданъ суду, и присяжные оправдали его. Подобнымъ же образомъ распространялись и преслѣдовались больше 700 другихъ безштемпельныхъ радикальныхъ изданій. Лишь только кончилась «эта битва за отмѣну налоговъ» (the Battle of the Unstamped), какъ возникли двѣ многолюдныя ассоціаціи, рѣшившіяся преслѣдовать ту же самую цѣль. Съ 1850 г. это движеніе усиливалось со дня на день, и 4 августа 1853 г. палата общинъ принуждена была отмѣнить пошлину съ газетныхъ объявленій, а въ іюнѣ 1855 г. былъ уничтоженъ и штемпельный газетный налогъ. Оставался еще налогъ на бумагу, отмѣненный только въ парламентскую сессію 1861 года.

Введеніе парового книгопечатанія и отмѣна налоговъ быстро увеличили число подписчиковъ на журналы. Въ настоящее время «Daily Telegraph» расходится ежедневно въ количествѣ 170,000 экземпляровъ, «Standart» 140,000 экз., «Daily News» 90,000, «Times» 70,000, «Echo» 80,000 и т. д. Въ экстренныхъ случаяхъ расходъ значительно увеличивается; «Times», напр., раскупается иногда отъ 90 до 110 тысячъ экземпляровъ въ день. Всѣхъ же ежедневныхъ лондонскихъ журналовъ продается въ годъ больше 150,000,000 экземпляровъ. Особенно интересные нумера выходятъ двумя, даже тремя изданіями въ день.

Изданіе хорошей газеты стоитъ громадныхъ суммъ. На одни только предварительныя рекламы и объявленія о новомъ изданіи затрачивается до 5,000 фунтовъ стерлинговъ. «Times» на усовершенствованіе своей типографіи издержала до 100 тысячъ фунтовъ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ теперь газетъ, «Daily News», въ первыя десять лѣтъ своего изданія понесла убытку не менѣе 200,000 ф. ст., т.-е. 1,260,000 руб. сер. Изданіе большихъ газетъ, поэтому, доступно только однимъ капиталистамъ или акціонернымъ компаніямъ. Впрочемъ, недостаточному издателю помогаютъ нерѣдко своими субсидіями лица и корпораціи, считающія его журналъ полезнымъ для своего дѣла. Цѣна газетъ большею частью отъ 2 пенсовъ до 1 пенни, т.-е. приблизительно отъ 5 до $2^1/_2$ коп. за нумеръ. Дешевыя газеты стоятъ полпенни. Но низкость цѣны вознаграждается количествомъ подписчиковъ. «Times», занимающая по своей распространенности въ числѣ ежедневныхъ газетъ четвертое мѣсто, имѣетъ въ годъ валового дохода не менѣе 460,000 ф. ст., т.-е. около 3 милліоновъ рублей сер.! Впрочемъ, главный доходъ Times'а получается съ объявленій, которыхъ въ одномъ нумерѣ этой газеты помѣщается нерѣдко до 4,000 и болѣе. Свѣдѣнія о количествѣ чистаго дохода, приносимаго «Times'омъ», всегда составляли секретъ. Другія же распространенныя газеты даютъ издателямъ чистаго барыша 15, 20, 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. почти до 200,000 р. сер. въ годъ.

Первая забота издателя—сдѣлать свою газету популярною и наловить какъ можно больше покупателей. Англійскіе редакторы и издатели мастера на это, но далеко не въ такой степени, какъ ихъ братья по ту сторону Атлантики. Англійскій редакторъ, напр., довольствуется тѣмъ, что объявитъ въ числѣ статей, содержащихся въ извѣстномъ нумерѣ, извѣстіе о какомъ-нибудь ужасномъ событіи, напр., объ убійствѣ или несчастіи на желѣзной дорогѣ. Американскій же издатель подберетъ такое множество ужасныхъ происшествій, что можно подумать, что уже близится кончина міра, передъ которою, какъ извѣстно, братъ возстанетъ на брата, сынъ на отца и т. д. Англичанинъ ведетъ себя сдержанно и соблюдаетъ приличія даже въ ловлѣ подписчиковъ; американскій же издатель не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы только пустить въ ходъ свою газету. Самая распространенная въ Америкѣ газета, «New-York Herald», была основана Гордономъ Беннетомъ съ капиталомъ въ 100 фунтовъ; редакція помѣщалась въ бѣдномъ подвалѣ, въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ города. Чтобы привлечь на себя вниманіе, Беннетъ началъ въ своей газетѣ осыпать постоянною грубѣйшею бранью всѣхъ другихъ издателей; но его газетка была такъ мизерна, а брань такъ пошла, что ни одно изданіе не отвѣчало ему. Беннетъ усилилъ свою руготню и въ то же время объявилъ, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не выйдетъ на дуэль. Генералъ Веббъ, издатель «Нью-Іоркскаго Курьера», встрѣтивъ Бенетта на улицѣ, отдулъ его бичомъ. Свидѣтелями этой сцены были только немногіе; но на слѣдующее же утро публика увидѣла въ объявленіи о содержаніи беннетовской газеты напечатанныя громадными литерами слова: «Мистеръ Джемсъ Гордонъ Беннетъ, публично отдутый бичомъ». Въ своемъ отчетѣ объ этомъ событіи Беннетъ восхвалялъ свое великодушіе, благодаря которому онъ, мужчина сильный и здоровый, не уничтожилъ маленькаго генерала Вебба. Нумеръ «Herald'а» разошелся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Беннетъ, усилилъ свою брань и нападки на редакторовъ, и его газета начала расходиться больше и больше. Черезъ нѣсколько дней было выставлено новое объявленіе: «м-ръ Джемсъ Гордонъ Беннетъ, побитый во второй разъ». Подписка увеличивалась, а побои, задаваемые редактору, время отъ времени повторялись, о чемъ «Herald» тотчасъ же доводилъ до свѣдѣнія публики подъ заглавіемъ: «Еще побои, нанесенные м-ру Гордону Беннету». Поддѣлываясь подъ всѣ вкусы, угождая всѣмъ направленіямъ, Беннетъ довель число под-

писчиковъ «Herald'a» до 100,000 и сдѣлался капиталистомъ.

Въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу издатели и сотрудники англійскихъ газетъ также очень сдержанны. Ихъ полемика никогда не доходитъ до площадныхъ оскорбленій, никогда не ведетъ за собой ни дракъ, ни убійствъ, ни дуэлей, какъ мы это видимъ въ Испаніи, Франціи и особенно въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ редакторы разныхъ изданій ведутъ остервенѣлую борьбу между собою не только на бумагѣ, но и при каждой встрѣчѣ. Не проходитъ мѣсяца безъ какого-нибудь серьезнаго казуса, въ родѣ убійства, дуэли, драки. Одинъ статистикъ вычислилъ, что американскіе редакторы чаще умираютъ насильственною смертью чѣмъ офицеры въ послѣднюю войну Сѣвера съ Югомъ. Вотъ, напр., какъ оканчивали свою жизнь всѣ редакторы виксбургской газеты «Sentinel». «Д-ръ Гогенъ принялъ редакцію «Sentinel'я» въ 1837 г. имѣлъ дуэль съ издателемъ «Вига», участвовалъ во многихъ уличныхъ дракахъ и въ одной изъ нихъ былъ убитъ Адамсомъ. Его помощникъ, Партриджъ, умеръ отъ желтой лихорадки въ 1849 г. Д-ръ Галль, слѣдующій редакторъ, имѣлъ множество дуэлей и на одной изъ нихъ былъ смертельно раненъ. Преемникъ его, Реганъ, былъ убитъ Гаметомъ, редакторомъ «Вига». Уальтеръ Гикки, участвовавшій въ нѣсколькихъ кулачныхъ бояхъ на улицахъ и получившій нѣсколько ранъ, убилъ д-ра Гекклина и вскорѣ послѣ этого былъ самъ убитъ. Слѣдующій редакторъ, Джонъ Леверингъ, былъ засаженъ въ тюрьму. Его преемникъ, Дженкинсъ, желая стяжать безсмертіе въ уличной дракѣ съ м-ромъ Краббе, былъ убитъ послѣднимъ, который кончилъ свою жизнь точно такимъ же образомъ. Джонсъ, принявшій послѣ него редакцію, утопился. Преемникъ его, Рэй, небузданно предававшійся кулачнымъ боямъ на улицахъ, въ одномъ изъ нихъ былъ убитъ своимъ бухгалтеромъ».

Въ этомъ отношеніи жизнь англійскихъ издателей и редакторовъ гораздо безопаснѣе и спокойнѣе. Но отношенія редакторовъ къ собственникамъ или издателямъ журналовъ далеко не завидны. Редакторъ—наемникъ издателя или компаніи издателей, которые сплошь и рядомъ не смыслятъ въ газетномъ дѣлѣ ни уха, ни рыла. Честному редактору чрезвычайно трудно вести газету какъ слѣдуетъ, по его убѣжденіямъ, и въ то же время ладить съ издателемъ. Вдобавокъ къ своимъ непрерывнымъ и хлопотливымъ трудамъ, редакторъ долженъ еще выдерживать постоянныя столкновенія съ хозяиномъ, и, по компетентному свидѣтельству мистера Гранта, положеніе редактора, вслѣдствіе этого, до того невыносимо, «что способно сокрушить какую угодно энергію». «Я знаю многихъ редакторовъ ежедневныхъ газетъ, которые, находя свое положеніе совершенно нестерпимымъ, искали утѣшенія своихъ печалей въ такомъ неумѣренномъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, что сдѣлались настоящими пьяницами. Я зналъ другихъ, которые, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, тронулись въ разсудкѣ. Въ одномъ случаѣ дѣло кончилось самоубійствомъ» (II, 435). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Лондонѣ издавалась обществомъ акціонеровъ газета, посвященная главнымъ образомъ интересамъ того класса, къ которому принадлежали ея хозяева. Чтобы сдѣлать ее болѣе популярною, управлявшій ею комитетъ двѣнадцати «приказалъ» редактору расширить программу и сдѣлать газету общеинтересною. Относительно же направленія не было дано никакихъ инструкцій, да комитетъ и не могъ дать ихъ, потому что состоялъ не только изъ джентльменовъ самыхъ разнообразныхъ направленій, но и изъ невѣждъ безъ всякаго направленія. Редакторъ вслѣдствіе этого никакъ не могъ угодить комитету и вынужденъ былъ выдерживать постоянныя непріятныя столкновенія то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ его членовъ. Комитетъ наконецъ принялся составлять программу, но вышла одна разноголосица, кончившаяся тѣмъ, что редактору было приказано вести газету *во всѣхъ направленіяхъ*, чтобы угодить всѣмъ партіямъ! Сегодня онъ долженъ былъ защищать торіевъ, завтра виговъ, на третій день ораторствовать за дѣло радикальной партіи и т. д. Газета просуществовала полѣ этого не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Изданіе газеты лежитъ главнымъ образомъ на первомъ редакторѣ, который просматриваетъ и сортируетъ статьи, переписывается съ сотрудниками, принимаетъ лицъ, имѣющихъ дѣло до редакціи, даетъ тонъ и направленіе всему изданію. Онъ отвѣчаетъ и передъ публикой, и передъ издателемъ за все содержаніе газеты, даже за самыя ничтожныя опечатки. Большинство редакторовъ ежедневныхъ газетъ такъ завалено работой, что остается въ редакціяхъ почти цѣлый день и ложится спать въ три часа ночи. Среднимъ числомъ редакторъ получаетъ около 1,000 ф. въ годъ.

Каждый редакторъ имѣетъ одного или нѣсколькихъ помощниковъ, которые выбираютъ изъ газетъ болѣе интересныя извѣстія, сокращаютъ, распространяютъ ихъ, пригоняютъ ихъ къ своей точкѣ зрѣнія. Къ этому же разряду принадлежитъ и иностранный редакторъ, выбирающій и редактирующій иностранныя извѣстія изъ заграничныхъ газетъ, и собиратель театральныхъ и музыкальныхъ новостей.

Затѣмъ слѣдуютъ корректоры, изъ которыхъ каждый получаетъ отъ 16 до 20 гиней, т.-е. 105—132 руб. сер. въ мѣсяцъ. Корректоры—это настоящіе мученики своего дѣла. Круглый годъ они читаютъ корректурные листы съ 7—8 часовъ вечера до 3—4 утра, читаютъ, ни на минуту не отрываясь отъ дѣла, при газовомъ освѣщеніи, въ душной, жаркой, маленькой комнатѣ; большинство ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ подобной жизни теряетъ здоровье и преждевременно сходитъ въ могилу. Среднимъ числомъ англійскій корректоръ живетъ только 45 лѣтъ. За малѣйшую просмотрѣнную имъ опечатку или ошибку онъ можетъ лишиться своего мѣста.

Хотя санитарное положеніе типографскихъ ра-

бочихъ гораздо лучше, чѣмъ положеніе корректоровъ, но жаркія и душныя отъ газа комнаты, въ которыхъ работаютъ они, все-таки чрезвычайно вредно отзываются на ихъ здоровьѣ. Главный наборщикъ получаетъ въ мѣсяцъ отъ 20 до 28 гиней, т.-е. 132—190 р., остальные—около 80 р. каждый. Ежедневная газета имѣетъ обыкновенно двѣ паровыя машины,—одну изъ нихъ на запасъ, на случай порчи другой.

Наконецъ, въ подвалѣ, въ постоянно сырой и душной атмосферѣ живетъ «чортъ», смачивающій бумагу для типографіи.

Первое мѣсто въ ряду сотрудниковъ принадлежитъ составителямъ передовыхъ статей, плата за которыя достигаетъ иногда до большихъ размѣровъ, особенно въ «Times». Но самая большая плата получается «спеціальными корреспондентами», которые посылаются для точнаго и подробнаго собиранія извѣстій о ходѣ войнъ, революцій, важныхъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Спеціальный корреспондентъ не живетъ на одномъ мѣстѣ, а рыскаетъ всюду; онъ слѣдуетъ за арміей, переѣзжаетъ съ одного поля сраженія на другое, посѣщаетъ лазареты, слѣдитъ за настроеніемъ умовъ въ городахъ и деревняхъ, наблюдаетъ все, что только можетъ увидѣть, проникаетъ во всѣ тайны, какія только можетъ открыть. Жизнь его исполнена опасностей и приключеній. Въ послѣднюю войну спеціальные корреспонденты то и дѣло подвергались подозрѣніямъ въ шпіонствѣ, арестамъ, тюремному заключенію, опасности быть разстрѣлянными. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе ранены. Всѣ расходы, какіе только ни сдѣлаетъ спеціальный корреспондентъ на свое содержаніе, путешествіе, собираніе свѣдѣній, редакція принимаетъ на себя, и кромѣ того платитъ ему жалованья отъ 50 до 160 ф. ст. въ мѣсяцъ. Во время крымской войны спеціальныя корреспонденціи стоили «Times'у» до 6,000 ф. ст.

За спеціальными корреспондентами слѣдуютъ «собственные корреспонденты», живущіе въ разныхъ городахъ Европы и Америки и сообщающіе газетамъ свои извѣстія по почтѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ по телеграфу. Эти корреспонденты нерѣдко успѣваютъ проникать въ тайны самыхъ важныхъ дѣлъ и оказываютъ обществу чрезвычайныя услуги своими сообщеніями. Такъ, напр., въ 1840 г. парижскій корреспондентъ «Times'а, О'Рейли, открылъ самый важный коммерческій заговоръ, какой только извѣстенъ въ лѣтописяхъ меркантильнаго міра,—заговоръ, имѣвшій цѣлью, посредствомъ мошеннической махинаціи, обмануть главныя банкирскія фирмы не менѣе, какъ на 1,000,000 ф. ст. Корреспондентъ указалъ всѣ нити заговора и даже имена нѣкоторыхъ соучастниковъ и сдѣлалъ невозможнымъ успѣхъ этого предпріятія. Въ настоящее время богатствомъ важныхъ внутреннихъ извѣстій о разныхъ дѣлахъ церкви и государства, хранимыхъ обыкновенно въ глубочайшемъ секретѣ, особенно отличается газета «Record». Нерѣдко она немедленно передаетъ даже содержаніе тайныхъ разговоровъ въ кабинетѣ королевы.

Телеграфическія депеши составляютъ первую необходимую принадлежность газеты. Въ важныхъ случаяхъ цѣлые столбцы газетъ состоятъ изъ одного какого-нибудь извѣстія, переданнаго по телеграфу. Во время послѣдней революціи въ Парижѣ «Daily News» получала подробнѣйшія телеграфическія извѣстія о томъ, что дѣлалось во французской столицѣ. Шесть шотландскихъ газетъ имѣютъ свои телеграфическія проволоки, соединяющія съ Лондономъ ихъ редакціи. Въ одну изъ послѣднихъ сессій парламента эдинбургскій «Scotsman» въ одну ночь получилъ по телеграфу полный отчетъ о парламентскомъ засѣданіи, и къ утру онъ уже былъ напечатанъ, занявъ 18 столбцовъ убористаго шрифта!

Газетные репортеры и стенографы бываютъ на всѣхъ замѣчательныхъ засѣданіяхъ суда, на торжествахъ и митингахъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Въ прежнее время, когда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, для поѣздокъ репортеровъ въ провинцію и обратно большія газеты выставляли по всей дорогѣ свѣжихъ перемѣнныхъ лошадей, для скорѣйшаго полученія репортерскихъ отчетовъ. Иногда съ этими репортерами случаются забавные казусы, напоминающіе собою времена Бенъ-Джонсона, который, репортерствуя въ парламентѣ и передавая на память замѣчательныя рѣчи ораторовъ, обыкновенно самъ сочинялъ ихъ къ вящшей славѣ этихъ ораторовъ. Вотъ одна довольно курьезная исторія. Покойный лордъ Пальмерстонъ въ теченіе многихъ лѣтъ при своихъ выборахъ депутатомъ отъ Тайвертона встрѣчалъ обыкновенно сильную оппозицію со стороны одного мясника, человѣка простого, но съ бойкимъ и злымъ языкомъ. Его рѣчи забавляли всю Англію и интересовали ее даже больше, чѣмъ разглагольствованія самого Пальмерстона. Передъ биллемъ о реформѣ три репортера отправились на эти выборы на свой счетъ, надѣясь съ барышомъ окупить издержки посредствомъ своего отчета о рѣчахъ мясника и Пальмерстона. Но мясникъ по болѣзни не явился на выборы, которые, не встрѣтивъ никакой оппозиціи, окончились безъ рѣчей. Пальмерстонъ только поблагодарилъ избирателей за оказанную ему честь и съ двумя своими друзьями удалился въ отель. Митингъ разошелся. Несчастные репортеры были въ отчаяніи: имъ приходилось возвращаться въ Лондонъ безъ отчета. Посовѣтовавшись между собою, они отправились къ Пальмерстону, тотчасъ же получили аудіенцію и объяснили ему свое горестное положеніе, прося его помочь имъ въ такомъ несчастіи. Лордъ съ своей обычной любезностью спросилъ, чѣмъ же онъ можетъ служить имъ.—«Не будете ли вы столь добры, не скажете ли теперь какую-нибудь рѣчь», отвѣчали репортеры.—«Но какъ же это?.. Вѣдь здѣсь только двое моихъ друзей!»—«И трое насъ, ваше лордство», отвѣчали репортеры.—«Хорошо; но о

чемъ же я буду говорить,— я рѣшительно не знаю!» Репортеры предложили ему говорить о готовившемся биллѣ реформы. И Пальмерстонъ, еще плохо знакомый съ этимъ вопросомъ, началъ говорить. Говорилъ, говорилъ, и наговорилъ такую кучу общихъ фразъ, что репортеры остались очень довольны размѣрами своего отчета, который на завтра же былъ напечатанъ въ газетахъ, которыя тотчасъ же начали глубокомысленно разсуждать въ своихъ передовыхъ статьяхъ о тайвертонскомъ митингѣ и замѣчательной рѣчи лорда Пальмерстона.

Парламентъ—главное поле дѣятельности репортеровъ, которыхъ каждая газета имѣетъ нѣсколько. У «Times» 19 парламентскихъ репортеровъ. Репортеръ получаетъ жалованья около 20 фунтовъ въ мѣсяцъ, а работая для двухъ или трехъ газетъ, получаетъ столько же съ каждой.

Отмѣтчики, называемые Penny-a-Liners, потому что они прежде получали по пенни за строчку,— собираютъ по городу извѣстія о судебныхъ казусахъ, самоубійствахъ, пожарахъ, митингахъ и всякихъ мало-мальски выдающихся событіяхъ. Отмѣтчикъ цѣлый день рыскаетъ по городу, какъ собака, и получаетъ за свои извѣстія $1^1/_2$ пенса за строчку, а такъ какъ онъ эти извѣстія передаетъ не въ одну, а въ нѣсколько газетъ, то зарабатываетъ въ мѣсяцъ до 12 фунтовъ. Впрочемъ, плата видоизмѣняется сообразно съ важностью сообщаемыхъ извѣстій. За «ужасную катастрофу», напр., платятъ полгинеи, т.-е. 3 р. 30 к. Поэтому отмѣтчики и стараются главнымъ образомъ описать какое-нибудь ужасное событіе. Одинъ изъ нихъ, желая раньше всѣхъ своихъ собратій сообщать свѣдѣнія о пожарахъ, поселился въ пожарномъ депо и являлся на каждый пожаръ вмѣстѣ съ пожарною командою. Чтобы не тратить много времени на составленіе отчетовъ, онъ приготовилъ запасъ варіантовъ описаній пожарныхъ случаевъ, оставивъ въ нихъ пробѣлы для обозначенія мѣста пожара, размѣровъ причиненнаго имъ вреда и т. д. Всѣ другіе отмѣтчики принуждены были уступить ему монопольную эксплуатацію лондонскихъ пожаровъ.

Таковы организаціи, которыя ежедневно составляютъ и разсылаютъ по бѣлу свѣту сотни тысячъ своихъ изданій, о размѣрѣ которыхъ вовсе нельзя судить по величинѣ нашихъ газетъ. Если всѣ строки одного нумера «Times'a» расположить по одной линіи, то она составила бы болѣе 494 миль 1,500 ярдовъ; эта линія заняла бы собою все разстояніе отъ Лондона до Парижа и потомъ обратно отъ Парижа до Кентербери. Что же касается нравственной силы и вліянія, то наши газетчики должны окончательно стушеваться передъ англійскими. Послѣднихъ мы вовсе не считаемъ ни самоотверженными патріотами, ни безкорыстными служителями идеи; это промышленники, но въ самомъ большинствѣ промышленники честные, которые не марающъ себя ни литературнымъ шулерствомъ, ни инсинуаціями, ни циническими выходками уличной проститутки. Газета «Times», напр., никогда не помѣщаетъ у себя объявленій, которыя она считаетъ мошенническими или шарлатанскими. Во время желѣзнодорожной маніи она получала громадные доходы отъ объявленій по желѣзнодорожнымъ операціямъ, но ничто не могло подкупить ее, и въ своихъ передовыхъ статьяхъ она постоянно вооружалась противъ этого пагубнаго увлеченія. Во время какого угодно судебнаго процесса, напр., ни одна англійская газета не позволитъ себѣ никакихъ разсужденій объ этомъ процессѣ, которыя могли бы въ томъ или другомъ смыслѣ повліять на приговоръ присяжныхъ. Конечно, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ свободная журналистика Англіи представляетъ примѣры безсовѣстной торговли направленіемъ и корыстнаго служенія дѣлу вредныхъ партій, но въ общемъ хорѣ своемъ, по справедливому замѣчанію Гранта, она представляетъ громадную прогрессивную силу, которой «предстоитъ еще много бороться съ невѣжествомъ, суевѣріемъ и варварствомъ, но окончательная побѣда которой несомнѣнна». Посредствомъ соединенныхъ усилій журналистики и общества, первая умѣла высвободиться изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ она находилась въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, она сдѣлалась свободною сама и вмѣстѣ съ тѣмъ встала на стражѣ свободы націи. Свободная англійская пресса—любимое чадо свободнаго народа, который родилъ и воспиталъ ее. Независимо отъ всѣхъ другихъ благъ, доставляемыхъ націи періодическою печатью, мы должны указать на непрерывность мирнаго англійскаго прогресса съ тѣхъ поръ, какъ журналистика успѣла утвердиться въ своемъ настоящемъ положеніи. Благодаря ей главнымъ образомъ, развитіе Англіи идетъ безъ тѣхъ революціонныхъ потрясеній и насильственныхъ кризисовъ, которые такъ часты въ странахъ, не обезпечившихъ за своею прессою и за своею политическою мыслью той полной независимости, которою справедливо гордится Англія...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ предлагаемыхъ читателю этюдовъ первые два, относящіеся къ исторіи реакцій, взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Послѣдніе же четыре этюда изъ исторіи Сибири, повидимому, не имѣютъ съ первыми ничего общаго, но въ сущности, и тѣ, и другіе проникнуты одной идеей, занимаются одними и тѣми же проявленіями народной жизни. Они посвящены изображенію той системы злоупотребленій, которая, опираясь на невѣжественную, неразвитую массу, преслѣдуетъ одни только сословные или корпоративные интересы, задерживая прогрессивное развитіе народа и воспитывая его въ понятіяхъ и чувствахъ традиціоннаго консерватизма. Изъ четырехъ послѣднихъ этюдовъ читатель увидитъ результаты осуществленія тѣхъ ретроградныхъ принциповъ, исторіи которыхъ посвящены два первыхъ этюда.

Всѣ этюды были уже напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Дѣлѣ». Для настоящаго изданія они исправлены и значительно дополнены *).

Авторъ.

1872 г.

РУССКІЯ РЕАКЦІИ.

Со времени Петра I, оторвавшаго Россію отъ Востока и придвинувшаго ее къ Западу, русская исторія представляетъ рядъ прогрессивныхъ движеній, постоянно прерываемыхъ болѣе или менѣе продолжительными и сильными реакціями. Реакціонную силу всегда представляло то огромное большинство, которое было недовольно реформами Петра, которое боялось всякихъ нововведеній, какъ чего-то враждебнаго своимъ личнымъ интересамъ,—тупое и самодовольное большинство, подозрительно смотрѣвшее на всякую прогрессивную мѣру. Это упорное противодѣйствіе прогрессивнымъ началамъ было не столько результатомъ теоретической мысли, вооружавшейся противъ крайностей и переходившей въ противоположную крайность, сколько слѣдствіемъ явной и скрытой ненависти къ этому порядку вещей, который нарушалъ пассивное состояніе невѣжественной массы и эксплуатирующей ее партіи крѣпостниковъ. Теорія въ подобныхъ случаяхъ только оправдывала и санкціонировала практику, набрасывая на ея неблаговидности покровъ фальшивой справедливости и разумности.

Значительное количество вновь изданныхъ матеріаловъ по исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій даетъ намъ нѣкоторую возможность познакомиться съ характеромъ, интригами и тенденціями нашихъ реакціонеровъ со времени Петра I.

I.

1698—1725 г.

Сближеніе съ Европой Россіи, коснѣвшей подъ давленіемъ своей византійско-азіатской культуры, началось задолго до Петра, но это сближеніе было крайне медленное и одностороннее, въ родѣ того, какое происходитъ въ настоящее время въ Китаѣ, Японіи, Персіи, Турціи. Геній Петра поставилъ себѣ цѣлью ускорить это сближеніе и сдѣлать его всестороннимъ. Сонная, апатичная, зараженная азіатскою косностью Русь почувствовала удары молота по своей головѣ, наносимые гигантскою рукою реформатора,—и началась всенародная страда преобразованія. Работа шла быстро, какъ не шла она на Руси ни прежде, ни послѣ того, но все-таки была медленною для Петра, не знавшаго усталости, знакомаго съ энергіей и предпріимчивостью европейцевъ. Медленность была для него преступленіемъ. «Губернаторы наши зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ», писалъ онъ однажды, угрожая на будущее время «уже не словами, а руками со оными поступать». Подобныя угрозы рѣдко не приводились въ исполненіе, и не одни губернаторы, а даже особы повыше ихъ знакомились съ прочностью извѣстной дубинки царя-плотника. Но дубинка была еще однимъ изъ самыхъ легкихъ наказаній за медлительность. Вотъ, наприм., Петръ велитъ оберъ-президенту главнаго магистрата поспѣшить устройствомъ въ Петербургѣ цеховъ и магистрата. «А ежели сихъ двухъ дѣлъ не учините въ пять мѣсяцевъ или въ пол-

*) Съ этого отдѣльнаго изданія 1872 г., въ двухъ томахъ, «Этюды» перепечатаны безъ перемѣнъ и въ настоящемъ изданіи.

года, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете посланы въ работу каторжную». Ускоряя дѣло преобразованія, желая перестроить по новому образцу всю народную жизнь, начиная съ государственныхъ учрежденій и кончая мельчайшими подробностями частнаго быта и промышленности, Петръ довелъ господствовавшую тогда систему регламентаціи до послѣднихъ границъ. Всѣ должны были жить и работать не такъ, какъ прежде, а по новому, какъ предписано царскими указами: ослушникамъ—наказаніе. Въ концѣ 1715 г., напр., Петръ издалъ слѣдующій указъ: «Понеже юфть, которая употребляется на обувь, весьма негодна къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, расползывается, и вода проходитъ, того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года; послѣ чего если кто будетъ дѣлать юфть попрежнему, тотъ будетъ сосланъ въ каторгу и лишенъ всего имѣнія».

Поставивъ себѣ цѣлью сдѣлать изъ Россіи сильное европейское государство, Петръ весь отдался этой цѣли, и для достиженія ея жертвовалъ всѣмъ, даже самимъ собою. Идея государственной пользы, понимаемая въ духѣ того времени и осуществляемая сообразно съ русскими обстоятельствами, заставила Петра поддерживать крѣпостное право. Славянофилы укоряютъ его за это, умалчивая о томъ, что въ петровское время объ освобожденіи крестьянъ не думали даже и въ Европѣ, и что допетровская Русь успѣла сдѣлать крѣпостное право основою государства,—основою, къ которой не посмѣла прикоснуться даже такая желѣзная рука, какъ Петра I.

Главною сословною силою древней Руси былъ тотъ классъ, который впослѣдствіи получилъ названіе дворянства. Это не аристократія въ европейскомъ значеніи этого слова, не раса побѣдителей, привилегіи которой основаны на породѣ, а только служилое сословіе, какъ уже видно изъ самаго названія. Дворянство образовалось изъ *дворни*, изъ придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Даже дворовые люди намѣстниковъ, будучи рабами, назывались иногда *дворянами*, а въ Малороссіи дворня старшинъ и шляхетства носила названіе *дворянъ* даже въ XVIII в. (Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 4; Сергѣевичъ, Вѣче и Князь, 354). Самые древніе аристократическіе роды произошли отъ *побѣжденныхъ* удѣльныхъ князей отъ выходцевъ литовскихъ, нѣмецкихъ, монгольскихъ, татарскихъ, отъ лицъ, *пожалованныхъ* царскою милостью. Составляя *дворню* владѣльца московскаго, они не могли имѣть того значенія, какимъ пользовались аристократы Европы. Европейскіе аристократы считались *пэрами*, т.-е. равными между собою; а король былъ среди ихъ, какъ первый между равными; наши же бары назывались и были въ дѣйствительности *холопами великаго государя*. Но историческія условія дали возможность этимъ *холопамъ* государя превратиться въ *господъ* народа. Члены этого сословія вмѣстѣ съ зависимыми отъ нихъ людьми составляли военную силу государства, занимали всѣ важныя должности и были опорою московскаго трона. Вмѣсто жалованья имъ давались помѣстья; если помѣщикъ плохо исполнялъ службу или вовсе не исполнялъ ея, то у него убавляли помѣстной земли или совсѣмъ отнимали ее. Массы простого народа, побуждаемыя страшною нищетою и необходимостью имѣть въ тѣ грубыя времена надежнаго покровителя, впадали въ кабалу и другія формы зависимости отъ знати. Въ XV и XVI в. годовой доходъ крестьянина простирался отъ 1 р. до 4 р., и половину этой суммы онъ отдавалъ въ видѣ налоговъ. Чтобы не умереть съ голоду, онъ шелъ въ кабалу и рабство. Нищета до такой степени усилила предложеніе рабовъ, что при Иванѣ III рабъ стоилъ 1 рубль, т.-е. столько же, сколько стоила лошадь, а при Иванѣ IV—3 р. (Хлѣбниковъ, О вліяніи общ. на организ. государства, 20, 47, 51, 66). Но такимъ порабощеніемъ массъ и привилегіями первостепеннаго сословія притязанія дворянства не ограничивались. Въ лицѣ своихъ древнихъ и знаменитыхъ фамилій оно стремилось къ олигархіи и хотѣло раздѣлить съ самодержавіемъ государственную власть, что ему не разъ и удавалось, напр., въ правленіе Елены и по смерти ея до совершеннолѣтія Ивана Грознаго. При чемъ бары не упускали случая набить свой карманъ самымъ непристойнымъ образомъ, они, напр., воровали изъ дворца серебряную посуду и перечеканивали на ней вензеля на свое имя (Курбскій, 182). Ужасными казнями и неимовѣрными жестокостями Иванъ хотѣлъ задушить олигархическую интригу и завѣщалъ своимъ преемникамъ устремить всѣ усилія на борьбу съ притязаніями боярства. Но едва только умеръ Грозный, какъ боярскія партіи начали бороться за обладаніе государствомъ, которое и досталось временщику Годунову, правившему отъ имени Ѳеодора Ивановича. Началось крѣпостное порабощеніе народа. Митрополитъ Даніилъ первый испросилъ прикрѣпленіе къ землѣ своихъ крестьянъ (Акты Ист. I, № 215) Борисъ, угодничая боярамъ, прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ, сдѣлалъ патріарха своимъ орудіемъ и такимъ образомъ расчистилъ себѣ дорогу къ трону, на которой онъ избранъ своими сторонниками, составившими «земскій соборъ». Борисъ отстоялъ свою власть отъ ограниченія, котораго требовали бояре, и послѣдніе сдѣлались его врагами. Деспотизмъ Годунова, закрѣпощеніе крестьянъ, предоставленныхъ произволу помѣщиковъ, законъ, въ силу котораго свободный человѣкъ, добровольно прослужившій у господина полгода, дѣлался его холопомъ, разореніе страны, ужасный голодъ—были послѣдствіями олигархической интриги, приготовившими смутное время. Россія независимо отъ своего распаденія на областныя части, сохранявшія нѣкоторые остатки прежней самобытности, распалась еще на два враждебныхъ лагеря. Въ одномъ стали—дворянство, стремившееся къ окончательному развитію крѣпостного права

къ олигархіи, духовенство, имѣвшее общіе съ дворянствомъ крѣпостные интересы, наконецъ всѣ «лучшіе и середніе люди», купцы, зажиточные промышленники и т. д.; въ другомъ лагерѣ собиралось все бѣдное и угнетенное,—крестьяне, разные бѣглецы, инородцы и массы воинственнаго казацкаго пролетаріата. Олигархическія стремленія бояръ въ это время выразились въ полной силѣ. Бояре утверждаютъ на престолѣ Ѳеодора Борисовича и обманываютъ провинціи, будто бы онъ избранъ земскимъ соборомъ. Боярская партія Шуйскихъ свергаетъ и убиваетъ Лжедимитрія, выбираетъ Василія Шуйскаго, и Россію вторично обманываютъ насчетъ избранія посредствомъ земскаго собора. Свергаютъ Шуйскаго, правленіе страною беретъ на себя временное боярское правительство. Королевичъ Владиславъ призывается на царство также всею землею, хотя выборные не съѣзжались и не могли съѣзжаться въ Москву. Власть Владислава и въ дѣлахъ управленія, и въ дѣлахъ законодательства была ограничена боярами, которые, между прочимъ, обязали его поддерживать подкрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Между тѣмъ, массы народа приходили въ окончательное истощеніе, страдая отъ боярскихъ дружинъ, отъ поляковъ, отъ шведовъ, отъ междоусобицъ, отъ казаковъ, отъ голода. Самое существованіе Россіи, какъ независимаго государства, находилось въ опасности. Народъ, такъ долго бывшій игрушкою въ рукахъ самозванцевъ и разныхъ другихъ пройдохъ, началъ оставлять свои домашнія распри и соединяться съ высшими классами для спасенія отечества. Руководители движенія, въ родѣ Ляпунова, призывая чернь подъ свои знамена, имѣли смѣлость обѣщать ей и жалованье, и волю. Но народная громада, спасшая отечество, не въ силахъ была спасти своей свободы. Въ смутное время раздача помѣстій страшно увеличилась; раздавали всѣ—и Лжедимитрій, и Василій, и Тушинскій самозванецъ, и король Сигизмундъ, и даже провинціальные воеводы. Когда же началось народное движеніе, спасшее Россію, и во главѣ его стало дворянство вмѣстѣ съ духовенствомъ, то и этотъ величій актъ нашей исторіи сопровождался сильнымъ расхищеніемъ родной земли и порабощеніемъ спасавшаго ее народа. Подъ Москвою, куда должна была собираться русская земля, дворянство выбрало тріумвиратъ изъ кн. Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго; этотъ тріумвиратъ, ограниченный думою дворянъ и дѣтей боярскихъ, правя страною, раздавалъ помѣстья всѣмъ, кому попало, и принялъ мѣры противъ крестьянскихъ переходовъ отъ владѣльца къ владѣльцу. Поляки изгнаны, смуты утихли, начались выборы царя «всею землею» и борьба боярскихъ партій за корону,—борьба, кончившаяся выборомъ юноши Михаила Романова, надѣясь на молодость и неопытность котораго, бояре думали захватить власть въ свои руки. «Выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ», писалъ Шереметьевъ къ Голицыну (Костомаровъ, т. VI, ст. 294). И есть извѣстіе, что самодержавіе Михаила было ограничено боярскою записью. Извѣстіе это, впрочемъ, не вполнѣ достовѣрно. Какъ бы то ни было, но при Михаилѣ и Алексѣѣ бояре имѣли огромное вліяніе на управленіе государствомъ, и развитіе крѣпостного права пошло ускореннымъ шагомъ. Раздача помѣстій усилилась; сроки давности, лишавшіе помѣщиковъ права на бѣглецовъ, постепенно увеличиваясь, были наконецъ вовсе уничтожены; по настоянію бояръ и особенно своего любимца Матвѣева, Алексѣй дозволилъ продажу и мѣну крестьянъ отдѣльно отъ земли; крестьяне въ сущности сравнялись съ холопами. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ бояре хотѣли раздѣлить между собою Россію на наслѣдственныя намѣстничества, новгородское, казанское, астраханское и др., съ тѣмъ, чтобъ быть тамъ намѣстниками «великороднымъ боярамъ вѣчно и титлы имъ тѣхъ царствъ, кто гдѣ будетъ, имѣти и писатися: боляринъ и намѣстникъ князь имя рекъ всего царства казанскаго или всего царства сибирскаго и проч., такожде и митрополитомъ, — митрополитъ новгородскій и всего поморья» и т. д. Этотъ замыселъ не удался (Замысловскій, Царств. Ѳедора Ал., т. I), но дворянство отчасти было вознаграждено за неудачу усиленнымъ развитіемъ крѣпостной системы. Развитіе крѣпостничества сопровождалось реакціей во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Чаша народныхъ бѣдствій снова переполнилась. Вспыхнулъ бунтъ Разина, этого полудикаго утописта, мечтавшаго «сожечь всѣ дѣла у государя, избить всѣхъ бояръ, и дворянъ и начальныхъ людей и сдѣлать всѣхъ равными». Крѣпостничество одержало новую побѣду и ко времени Петра дошло до того, что, по словамъ самаго преобразователя, помѣщики третировали крестьянъ, «какъ скотовъ».

Такъ развивалось крѣпостное право до Петра, который воспользовался имъ, какъ однимъ изъ орудій для своихъ реформъ. Схватившись всѣми силами за развитіе промышленности, онъ учреждалъ фабрики и заводы и приписывалъ къ нимъ крестьянъ, создавая такимъ образомъ новый многочисленный классъ заводскихъ крѣпостныхъ людей. Преслѣдуя идею поголовнаго всеобщаго служенія государству, чувствуя постоянный недостатокъ какъ въ денежныхъ средствахъ, такъ и въ рабочихъ рукахъ, Петръ не могъ оставить въ прежнемъ положеніи той громадной массы народа, которая подъ именемъ вольныхъ государевыхъ гулящихъ людей, никуда неприписанная, бродила по всей Россіи и жила вольнонаемнымъ трудомъ. Петръ постарался уничтожить этотъ классъ, постановивъ, чтобы всѣ гуляющіе люди шли или въ военную службу, или къ владѣльцамъ въ холопы, «а безъ служебъ никто бъ не шатались, а ежели кто таковыхъ впредь гдѣ поймаетъ, и оные будутъ сосланы въ галерную работу». Введенная Петромъ ревизія сравняла всѣ степени крѣпостной зависимости, поставивъ въ одинъ разрядъ крестьянъ и бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, кабальниковъ и полныхъ холоповъ. Сборъ податей легъ на помѣщиковъ, и владѣлецъ совершенно заслонилъ крестьянина отъ государства: онъ вносилъ за принадлежащія ему души подати, ставилъ требуемое число рекрутъ и затѣмъ поступалъ съ крестьянами,

ъкъ ему хотѣлось. Народъ бѣжалъ въ отда-нныя украины и за границу. Строго пре-ѣдуя побѣги и наказывая крестьянъ, возста-вшихъ противъ помѣщиковъ, Петръ старался) возможности ограничить произволъ послѣднихъ. омѣщиковъ, разоряющихъ своихъ рабовъ, онъ ѣлъ лишать управленія деревнями и передавать хъ родственникамъ. Онъ хотѣлъ прекратить и родажу людей, «какъ скотовъ», но, сознавая всю рудность выполненія этой мѣры, онъ въ томъ же казѣ говорилъ: «а ежели невозможно будетъ того овсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали ѣлыми фамиліями, а не врознь». Жестокое обра-ценіе помѣщиковъ съ крестьянами наказывалось, оль скоро дѣлалось извѣстно царю. Въ 1721 г., апр., Василій Головинъ посланъ на 10 лѣтъ въ аторгу за то, что билъ человѣка своего и тотъ отъ побоевъ умеръ. Независимо отъ подобныхъ мѣръ, которыя, конечно, мало приносили крестья-намъ существенной пользы, Петръ предоставилъ крѣпостнымъ людямъ нѣкоторыя льготы, впослѣд-ствіи совершенно отнятыя у нихъ. При немъ всѣ крѣпостные могли добровольно поступать въ воен-ную службу и тѣмъ избавляться отъ господской неволи. Крестьянинъ имѣлъ право вести торговлю, содержать заводы и записываться въ посадъ, толь-ко обязывался уплачивать оброкъ своему владѣльцу и при томъ оброкъ не по богатству, а наравнѣ съ другими крестьянами. Крѣпостной крестьянинъ могъ вступать въ подряды съ казною и съ частными лицами. Владѣльцы не имѣли права суда надъ своими людьми.

Мысль о свободѣ крестьянъ не умирала и въ царствованіе Петра. «Просимъ и молимъ и умиль-но вопіемъ»,—писали Петру крестьяне: — «да тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Садому и Гомору отраднѣе было. На семъ на-шемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ станутъ воз-бранять, чтобъ намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ мучиться; яко львы челюстями своими пожираютъ и яко зміи ехидные, разсвирѣпя, на-прасно попираютъ, и якоже волци свирѣпіи біютъ насъ, яко немилостивіи пилаты; великій государь, смилуйся, пожалуй!... Другъ народа, Посошковъ, писалъ: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые влад-ѣльцы; прямой ихъ владѣтель россійскій само-держецъ, а они владѣютъ временно. Того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но над-лежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не ни-щими, понеже крестьянское богатство—богатство царственное». Петръ, конечно, самъ понималъ это не хуже Посошкова; онъ, какъ видно изъ нѣко-торыхъ его указовъ, понималъ это дѣло даже гораздо основательнѣе Посошкова, сознавая не-возможность уничтожить помѣщичьи злоупотреб-ленія до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать крѣпостное право. Но, закрѣпостивъ дворянъ на государственную службу, Петръ по необходимости долженъ былъ поддерживать и закрѣпощеніе кре-стьянъ дворянству. Дворянинъ владѣлъ землею и людьми, но зато онъ былъ обязанъ служить государству безсрочно; онъ поступалъ на службу, какъ простой рекрутъ, и только службою дости-галъ чиновъ. Неявка дворянина на службу была воз-ведена на степень самаго крупнаго преступленія; законъ преслѣдовалъ ее смертною казнью, шель-мованіемъ, конфискаціей имущества. Въ 1722 г. Петръ объявилъ укрывающихся отъ службы дво-рянъ даже внѣ закона: «ежели кто таковыхъ огра-бить, ранитъ или что у нихъ отниметъ, а ежели и до смерти убьетъ, о таковыхъ челобитья не принимать, а движимое и недвижимое имѣніе будутъ отписаны на насъ безповоротно». Тяжкая повинность службы вооружала противъ Петра большую часть дворянства, и, не смотря на всѣ строгости, помѣщики упорно отстаивали за собой привилегію тунеядства и лежебокости. «Въ тако-вомъ ослушаньи»—говоритъ Посошковъ—«многіе дворяне уже состарились, а на службѣ одною ногою не бывали», отлеживаясь въ своихъ деревен-скихъ берлогахъ, деспотствуя надъ крестьянами и нагоняя страхъ на сосѣдей, «яко львы». Та-ковъ былъ, напр., дворянинъ Пустошкинъ. «Какія посылки жестокія по него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого да-рами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юрод-ство и въ озеро по бороду залѣзетъ». Это отвра-щеніе къ труду, эта вѣками воспитанная на-клонность къ праздной, бездѣльной жизни на чужой счетъ были свойствами огромнаго боль-шинства людей того поколѣнія, которое было при-звано Петромъ къ дѣлу преобразованія. Къ та-кимъ людямъ принадлежалъ даже самъ наслѣд-никъ престола. Отвращеніе отъ труда въ царе-вичѣ Алексѣѣ было сильно. Однажды Петръ хо-тѣлъ заставить уже взрослаго Алексѣя дѣлать какіе-то чертежи. Царевичъ, чтобы отвертѣться отъ этой работы и скрыть свое неумѣнье, рѣ-шился испортить руку, выстрѣливъ изъ писто-лета въ свою правую ладонь, словно рекрутъ, который—

Пальцы рубитъ, зубы рветъ
Въ службу царскую нейдетъ!

Отбывая всѣми способами отъ службы, дворяне однакожъ не прочь были пристроиваться къ при-быльнымъ и легкимъ занятіямъ. «У дѣлъ»—гово-ритъ Посошковъ—«многое множество такихъ брыз-галъ, что могъ бы одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ, забившись къ какому-нибудь дѣлу наживочному, живетъ себѣ да наживаетъ пожитки, а бѣдные дворяне служатъ лѣтъ по 20 и по 30». Но такихъ «сущихъ тунеядцевъ» было все-таки не очень много сравнительно съ общимъ числомъ дворянъ, которыхъ правительству удава-лось приволочь на службу, да и самое укрыватель-ство отъ службы сопряжено было съ большими расходами на взятки губернаторамъ, воеводамъ, фи-скаламъ. Для привлеченія дворянъ на службу Петръ не ограничивался одними наказаніями укры-вавшихся отъ нея, но указомъ 1714 г. постановилъ, чтобы недвижимое дворянское имущество не дѣ-

лось между наслѣдниками, а поступало къ одному изъ нихъ. При такомъ порядкѣ наслѣдованія—объяснялъ Петръ—дѣти, не получившія недвижимаго имущества, «не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть». При этомъ царь имѣлъ еще въ виду и пользу крѣпостныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ всегда ухудшается по мѣрѣ раздробленія большихъ помѣстій. Служба требовала знаній, и Петръ началъ заводить школы, набирать въ нихъ учениковъ, посылать дворянъ учиться въ Европу. Въ 1714 г. онъ послалъ «во всѣ губерніи по нѣсколько человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобы учить дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи, и положилъ штрафъ такой, что невольно будетъ жениться, пока сему не выучатся». Эта новая повинность ученья была для благороднаго шляхетства не менѣе тяжелою, чѣмъ всѣ другія. Учениковъ приходилось набирать силою, какъ рекрутовъ, и помѣщики относились къ ученью съ такою же непріязнью, какъ крестьяне къ рекрутчинѣ. «Лѣта 1712»—разсказываетъ, напр., Василій Головинъ—«Его царское величество изволилъ опредѣлить малолѣтнихъ дворянъ за море, въ Голландію, для морской навигацкой науки въ числѣ которыхъ за море *и я, грѣшникъ, въ первое мое несчастіе опредѣленъ*». Не менѣе возмущалось дворянство и тѣми мѣрами реформатора, въ силу которыхъ оно было уравнено на службѣ со всѣми другими сословіями. Людямъ самаго низкаго происхожденія заслуга открывала дорогу къ дворянству, и чинъ, пріобрѣтенный службою, поставленъ выше привилегій касты. Многіе изъ главныхъ помощниковъ Петра происходили изъ низшихъ сословій. Съ этимъ чванное, полудикое барство помириться никакъ не могло, тѣмъ болѣе, что дворяне, вслѣдствіе своей неспособности, были оттѣсняемы на задній планъ, а дѣлами управляли худородные Меншиковы, Шафировы, Ягужинскіе. Служба перестала быть выраженіемъ родовыхъ отличій, и дворянство вытѣснялось бюрократіей. Объ олигархическихъ происках, о временщичествѣ при Петрѣ нечего было и думать.

Если дворянство имѣло много причинъ быть недовольнымъ реформою, то еще болѣе имѣло ихъ духовенство, вліяніе котораго въ древней Россіи было громадно. Даже Иванъ Грозный не малое время находился подъ безусловною властью извѣстнаго попа Сильвестра, не только правившаго государствомъ, но и регулировавшаго каждый шагъ царя, опредѣлявшаго для него и количество пищи, и одежду, и часы сна, и время интимныхъ свиданій съ женою. Свою власть, по словамъ Ивана, онъ основывалъ на «запугиваньи совѣсти дѣтскими страшилищами». Иванъ освободился изъ-подъ этой опеки и сдѣлался отъявленнымъ врагомъ клерикаловъ. «Священство»—пишетъ онъ Курбскому—«не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи поповъ». Иванъ не только держалъ духовенство въ рукахъ, не только собралъ съ него по случаю ливонской войны около 2,000,000 рублей, но и принялъ мѣры къ ограниченію церковныхъ имуществъ и привилегій. Однакожъ мысль объ отобраніи церковныхъ имуществъ была не безопасна для свѣтской власти, и попытка секуляризаціи, затѣянная Лжедимитріемъ, только ускорила его паденіе. Во все продолженіе XVII в. дѣятельность свѣтской власти относительно духовенства состояла только въ незначительныхъ ограниченіяхъ его привилегій. Въ этомъ столѣтіи нерѣдко высказывалась даже мысль, что «патріархъ есть второй царь, перваго царя большій». Въ лицѣ Никона клерикальныя притязанія достигли высшей степени и хотя потерпѣли пораженіе, но далеко не окончательное. Вліяніе духовенства отражалось на всей жизни. Государственная церковь окончательно сформировалась, принципъ нетерпимости введенъ въ законы, религіозное разномысліе сдѣлано преступленіемъ, расколъ отожествленъ съ государственною измѣною; казни и гоненія раскольниковъ дошли до того, что въ правленіе Софьи велѣно драть кнутомъ даже тѣхъ, которые «отъ неразумія или по малолѣтству стояли въ упрямствѣ въ новоисправленныхъ книгахъ», даже всѣхъ православныхъ, доставлявшихъ раскольникамъ пищу, питье и проч.! Враждебно относясь и къ обычаямъ западной жизни, и къ западному искусству, и къ «лженименному разуму» западной науки, духовенство ревниво охраняло цѣлость древне-русской культуры и не переставало проповѣдывать пассивность разума. «Братіе, не высокоумствуйте! Аще кто ти речетъ: вѣси ли философію? и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ». «Учися держати умъ; высочайшаго не ищи, глубочайшаго не испытуй, но елико ти предано, сіе содержи». Европейская цивилизація, «лженименный разумъ» и терпимость, вводимые реформою, были не только могучими соперниками клерикальнаго авторитета, но и врагами мірскихъ привилегій духовенства. Бороться противъ реформы было изъ-за чего. Духовенству принадлежала духовная власть надъ умами царей и народа, ему же принадлежала весьма значительная часть государственной территоріи и около 1,000,000 крѣпостныхъ крестьянъ; его доходы равнялись половинѣ государственныхъ доходовъ; въ его рукахъ сосредоточивалась значительная часть торговли и промышленности, и «монахи были самыми богатыми купцами въ странѣ», по словамъ Флетчера.

При Петрѣ дѣла пошли не такъ. Петръ уничтожилъ патріаршество, замѣнивъ его синодской коллегіей, хотѣлъ секуляризировать церковныя имущества, не стѣснялся брать изъ монастырей крупныя суммы на государственныя нужды; въ его царствованіе съ одной только троицкой лавры взято 229,000 рублей, 2,000 червонцевъ, 1,000 ефимковъ да отписано 4,412 крестьянскихъ дворовъ. Противъ монастырей приняты строгія мѣры. Указывая на чистоту жизни первыхъ отшельниковъ, Петръ писалъ, что монахи тогда «монастыри въ пустыняхъ имѣли и такимъ же правиломъ, яко и уединенные, жили, не требуя трудами другихъ туне насыщати-

. Когда же нѣкоторые греческіе императоры ижить начали, а особенно ихъ жены, тогда нѣоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри ке въ самыхъ городахъ строить испросили и де ежной помощи требовали; еще же горше яко не рудитися, но трудами другихъ туне питатися востѣли, къ чему императоры весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и ароду стяжали... Сія гангрена и у насъ зѣло было аспространяться начала подъ защищеніемъ единоластниковъ церковныхъ, но ихъ въ умѣренности ержали прежніе владѣтели, которыхъ Господь Богъ акъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ. Іогутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить? но сего весьма климатъ сѣверной нашей траны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или ужихъ весьма пропитаться не могутъ... Большая часть ихъ тунеядцы суть и бѣгутъ въ монастыри, абы даромъ хлѣбъ ѣсть». Изгнавъ изъ монастырей множество постоянно проживавшихъ тамъ мірянъ, затруднивъ поступленіе въ монахи, Петръ заставилъ монастыри заниматься ремеслами и хлѣбопашествомъ, превратилъ ихъ въ богадѣльни для нищихъ, больныхъ и инвалидовъ: многіе женскіе монастыри сдѣланы воспитательными домами для сиротъ и найденышей, которыхъ монахини обязывались содержать «въ чистотѣ хорошей» и обучать грамотѣ. Изъ монастырей монахинямъ велѣно быть неисходными, а если случится большая нужда выйти, то отпускать ихъ по билету часа на два или на три. Такъ какъ въ монастыряхъ во множествѣ фабриковались пасквили на Петра и фанатическія прокламаціи противъ его реформы, то монахамъ и монахинямъ запрещено имѣть въ кельяхъ чернила и бумагу,—писать должны въ трапезѣ, подъ надзоромъ начальства. Не менѣе строгія мѣры предпринимались и противъ бѣлаго духовенства; его дѣтей силою отбирали въ школы; безмѣстныхъ, праздношатавшихся поповъ царь велѣлъ штрафовать чѣмъ-нибудь «тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы, дабы и прочіе страхъ имѣли»; лишнія часовни запечатывались; ложныя чудеса, пророчества, фальшивыя чудотворныя иконы и другіе подобные обманы жестоко преслѣдовались. Въ 1721 г., напр. «въ Новгородѣ одинъ дьячекъ объявилъ, что въ сонномъ видѣніи явились ему два архіерея, нѣсколько бояръ и образъ тихвинской Богородицы, стоявшій въ его церкви, передъ которымъ пѣли молебенъ, какъ передъ чудотворнымъ; ночью онъ такъ накадилъ въ церкви, что поутру священникъ нашелъ ее полною «благоуханія», что и приводилось дьячкомъ въ доказательство чуда. Дьячка приговорили «въ Новѣгородѣ при той церкви, въ которой онъ затѣйное чудо учинилъ, для показанія всѣмъ тамошнимъ обывателямъ, сжечь»,—и сожгли. Невѣжество, порочность и клерикальныя наклонности духовенства встрѣчали въ Петрѣ нещаднаго гонителя и насмѣшника. Еще въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ учредилъ «сумасброднѣйшій, всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ,» настоятелемъ котораго сдѣланъ Зотовъ съ титуломъ «князь-папы, всешутѣйшаго отца Аникиты, пресбургскаго, кокуйскаго и всеяузскаго патріарха.» Въ 1715 г. съ шумными, потѣшными церемоніями Петръ женилъ Зотова на старухѣ Пашковой. При пушечной пальбѣ, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, въ петропавловской церкви семидесятилѣтній Зотовъ и его шестидесятилѣтняя невѣста, оба въ полныхъ кардинальскихъ облаченіяхъ, были обвѣнчаны девяностолѣтнимъ священникомъ. Толпы народа сопровождали эту процессію со смѣхомъ и криками: «патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!» Зотовъ вскорѣ умеръ отъ пьянства. Петръ обратился къ своему шутовскому кесарю, Ромодановскому, со слѣдующимъ письмомъ. «Великій государь, князь-кесарь! Извѣстно вашему величеству, что отецъ вашъ и богомолецъ, великій князь-папа, всешутѣйшій Аникита отъ житія сего отыде и нашъ сумасброднѣйшій соборъ оставя безглавенъ. Того ради просимъ ваше величество призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ бахусоподражательнаго отца». Ромодановскій назначилъ старика Бутурлина, а Петръ женилъ его на вдовой патріаршѣ Зотовой, отпраздновавъ ихъ свадьбу съ новыми потѣхами. Во время этихъ празднествъ князь-папа и кардиналы переправлялись черезъ Неву на плоту изъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ и составлявшихъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, шесть паръ. На каждой бочкѣ было поставлено по ушату, а на каждомъ ушатѣ сидѣлъ кардиналъ. Впереди, на бочкахъ же плылъ огромный котелъ съ пивомъ, а въ пивѣ плавалъ всешутѣйшій князь-папа, котораго повертывалъ своимъ трезубцомъ Нептунъ, сидѣвшій впереди котла. Всѣ эти сатирическія выходки не мало создавали враговъ Петру. Уничтоженіе патріаршества, мѣры противъ монастырей, духовный регламентъ со своими обличеніями и нововведеніями—все это возмущало древне-русскія души церковниковъ. Не менѣе была непріятна и извѣстная вѣротерпимость Петра. До чего доходила нетерпимость даже у мірянъ его времени, можно видѣть изъ слѣдующаго письма Толстова, русскаго посла въ Константинополѣ. «Молодой подъячій Тимоѳей, познакомившись съ турками, вздумалъ обусурманиться. Богъ помогъ мнѣ объ этомъ свѣдать. Я призвалъ его тайно и началъ ему говорить, а онъ мнѣ прямо объявилъ, что хочетъ обусурманиться. Я его заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью *онъ выпилъ рюмку вина и умеръ*; такъ его Богъ сохранилъ отъ бѣды»... Петръ же былъ индифферентенъ. «Совѣсти человѣческой—писалъ онъ—приневоливать не желаю; но предоставляю каждому на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей», обѣщаясь «крѣпко смотрѣть, чтобы никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ». Раскольники свободно вздохнули въ началѣ царствованія Петра. Но вслѣдствіе того, что многіе изъ нихъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, относились враждебно къ реформатору и его дѣламъ, а особенно вслѣдствіе того

что Петра не переставали убѣждать въ политической зловредности раскольниковъ, онъ вооружился противъ нихъ, а расколъ провозгласилъ его антихристомъ. Раскольники вполнѣ сходились съ духовенствомъ въ своихъ антипатіяхъ къ Петру, къ его мнимому еретичеству, къ его реформаторской дѣятельности. Бритье бородъ, куренье табаку, дружба съ иностранцами, равнодушіе къ обрядамъ, приверженность къ наукѣ, вѣра въ силу разума—всѣмъ этимъ Петръ возмущалъ ревнителей старины, какъ православныхъ, такъ и сектантовъ.

Невѣжественная и суевѣрная нація, гордившаяся своею вѣрою, кичившаяся своими побѣдами надъ азіатами, изолированная отъ Европы, считала себя первымъ народомъ въ подсолнечной, новымъ Израилемъ, а своего царя—земнымъ божествомъ, самымъ сильнымъ властителемъ въ мірѣ. «Нашъ цезарь побольше вашихъ цезарей будетъ, а каждый попъ у его царскаго величества,—что вашъ папа», говорили однажды бояре австрійскимъ посламъ. Иностранцы считались исчадіями ада, погаными еретиками, а ихъ науки, искусства, ихъ цивилизація—дѣломъ сатаны. Постепенное усиленіе европейскаго вліянія возбуждало остервенѣлое негодованіе даже въ самыхъ образованныхъ людяхъ XVII в., какъ, напр., въ Крижаничѣ. И даже тогда, когда необходимость заставила привлекать европейцевъ въ Россію, русскіе дѣлали это съ проклятіемъ и бранью на поганыхъ еретиковъ. Въ 1661 г. послѣдовалъ слѣдующій секретный, впослѣдствіи уничтоженный, указъ царя Алексѣя. «Учали на Москву и во всякіе наши царя и великаго князя града многіе еретики и разные нѣмецкіе люди приходити и стали просить они нашея царскія службы; и мы, государь и великій князь всея Россіи, собрали мы наши архіепископы, епископы, архимандриты и іереи на думу и положили мы на томъ съ думными людьми ихъ *б....скихъ дѣтищъ*, еретиковъ и всякихъ нѣмцовъ на воеводства не посылать и къ воеводствамъ не опре дѣлять, а быть имъ, *б....скимъ дѣтищамъ*, только на Москвѣ и записыватися имъ по черной сотнѣ, а въ службу нашу царскую вступать имъ, *ворамъ*, въ ратную, и то по нуждѣ» (Р. Стар. III, 393; Р. Архивъ, 1871, 1249).

При Петрѣ дѣла пошли иначе. Самъ царь превратился въ нѣмца, а нѣмцы сдѣлались первыми членами общества, учителями, командирами. Національное тщеславіе и религіозная нетерпимость были жестоко уязвлены.

Старовѣро-церковническая оппозиція находила себѣ друзей и среди дворянства, и среди купечества, и среди крестьянъ. Такая страда преобразованія истощала всѣ сословія. Государственные доходы при Петрѣ возвысилось съ 3 до 10 съ лишнимъ милліоновъ, а натуральныя повинности увеличились несравненно болѣе. Не одинъ милліонъ народа погибъ отъ голода, казней, войнъ, болѣзней, государственныхъ работъ. 100,000 человѣкъ умерло при постройкѣ одного только Петербурга. Воровства, разбои, пожары, бунты и усмиренія ихъ, побѣги и погони за бѣглыми, преслѣдованія раскольниковъ, разоренія отъ солдатчины, несносные правежи—все порождало вѣру въ пришествіе антихриста и облекало народное недовольство въ форму религіознаго фанатизма. Въ народѣ ходили самые дикіе разсказы о царѣ. Монахи, пустынники, кликуши, подъячіе, солдаты, люди всѣхъ классовъ общества видѣли видѣнія, пророчествовали, разсказывали, что Петръ еретикъ, антихристъ, губитель вѣры. Эта пропаганда въ формѣ проповѣдей, частныхъ бесѣдъ, прокламацій, пасквилей шла и въ городахъ, и въ селахъ, и въ церквахъ; и на базарной площади, и въ острогахъ, и въ кабакахъ. Стрѣлецкіе бунты были только прелюдіей послѣдующихъ народныхъ волненій, заговоровъ, покушеній на жизнь реформатора. Какія мелочи могли только возбуждать къ бунту взволнованный народъ, показываетъ слѣдующій случай. Когда введеніе нѣмецкаго платья, брадобритія и европейскихъ обычаевъ раздражило суевѣровъ въ высшей степени, прошла страшная молва, что царь со своими приближенными кланяется языческимъ истуканамъ и заставляетъ всѣхъ приносить имъ жертвы. Поводъ къ этой молвѣ подали и поддерживали ее невиданные до тѣхъ поръ на Руси болваны съ человѣческими физіономіями, на которыхъ иностранцы и русскіе бары вѣсили свои накладные волосы, чтобы они не мялись. Прошелъ этотъ слухъ, и въ астраханскомъ краѣ вспыхнулъ бунтъ. Астраханцы, «многое время терпѣвъ и посовѣтовавъ между собою, рѣшили стоять и умирать за вѣру Христову, противъ брадобритія, и табаку, и нѣмецкаго платья, мужского и женскаго, чтобы вѣры не отбыть и болванамъ не покланяться и напрасною смертью вѣчно не умереть».

Большинство духовенства и боярства пѣло въ унисонъ съ простонародьемъ, вооружаясь противъ реформы Петра, считая его нечестивцемъ, подрывающимъ всѣ священныя основы общества. Самый умѣренный изъ противниковъ реформы, Стефанъ Яворскій, и тотъ однажды разразился проповѣдью, въ которой говорилъ понятными для всѣхъ намеками, что бѣдствія, постигшія Россію, посылаются въ наказаніе за безчисленные и великіе грѣхи «человѣка законопреступнаго» (Петра), который «ломаетъ, сокрушаетъ и разоряетъ законъ Божій, не соблюдаетъ постовъ» и т. д. Мѣры противъ духовенства, разводъ съ женою, бритье бороды, куреніе табаку—все шло въ обвиненіе Петра. Но болѣе, чѣмъ бритвой и трубкой, возмущались стараніями государя о введеніи наукъ. Особенное неистовство возбуждали въ суевѣрныхъ фанатикахъ переводившіяся тогда физическія и естественно-историческія книги. Ревнители старины усердно прочитывали ихъ съ предвзятымъ убѣжденіемъ въ ихъ богопротивности, и русская литература еще въ колыбели была окружена литературными доносчиками. Хотя при Петрѣ подобные доносы не могли имѣть большого значенія, но они принесли свои плоды въ послѣдующую эпоху. Да нельзя сказать, чтобы и самъ Петръ вовсе не подчинялся вліянію подобныхъ инсинуацій и реакціонныхъ желаній

большинства, которыя, между прочимъ, совершенно измѣнили его отношенія къ раскольникамъ и заставили его подчинить всю духовную литературу предварительной цензурѣ синода. Однакожъ системой запугиванья нельзя было вовсе поворотить на реакціонную дорогу величайшаго и честнѣйшаго изъ государей новой исторіи. Но если система запугиванья не дѣйствовала на умнаго Петра, то ею можно было терроризировать невѣжественное, тупое, полудикое русское общество. Соціальныхъ пугалъ тогда еще не было, но ихъ съ отличнымъ успѣхомъ замѣняли суевѣрные призраки, созданные фантазіей народа, и гдѣ впослѣдствіи пускали въ ходъ *фармазона, якобинца, нигилиста*, тамъ при Петрѣ пугали *еретикомъ* и *антихристомъ*. Страхъ ереси и антихриста служилъ надежнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціонеровъ. Самымъ крупнымъ выраженіемъ поднимавшейся реакціи служила партія царевича Алексѣя. Апатичный, набожный, безусловно преданный духовенству, Алексѣй былъ надеждою всѣхъ реакціонеровъ, которые, пользуясь его слабостями и недостатками, сдѣлали изъ него орудіе своихъ стремленій. Духовнику своему онъ далъ клятву его, «отца своего духовнаго, за ангела Божія почитать, и за апостола имѣть, и за судію дѣлъ своихъ и во всемъ его слушать». Сторонники Алексѣя и его приближенные не упускали случая воспитывать въ немъ ненависть къ отцу и къ его реформамъ. «Они»,—говорилъ Алексѣй на слѣдствіи,—«видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и съ чернцами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, въ томъ мнѣ не токмо не претили, но и сами со мною тожъ охотно дѣлали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыклъ ихъ слушать и бояться, и всегда имъ угодное дѣлать, а они меня больше отводили отъ отца моего и утѣшали вышеупомянутыми забавами; и по малу не токмо дѣла воинскія и прочія отца моего дѣла, и самая особа его зѣло мнѣ омерзѣла». Алексѣй умеръ подъ кнутомъ, и его партія присмирѣла, но не надолго. Смерть царевича, породившая множество легендъ и толковъ, еще болѣе усилила ненависть къ Петру.

Стрѣлецкіе и другіе бунты, реакціонныя смуты, заговоры, прокламаціи, пасквили, фанатическія проповѣди вели за собою полицейскій терроръ. Мы не будемъ здѣсь заниматься этими постоянными казнями, пытками, кнутами, висѣлицами и тому подобными жестокостями, въ которыхъ виноватъ не Петръ, а породившее его время. Порицатели этихъ мѣръ забываютъ, что они были и до Петра, что реформа была *переворотомъ* въ полномъ значеніи этого слова, что терроръ служилъ реформѣ, идеѣ, а не личнымъ корыстнымъ расчетамъ реформатора. Побѣда реакціонной партіи была бы ознаменована не меньшими жестокостями; даже слабодушный царевичъ Алексѣй похвалялся, что всѣ близкіе къ Петру люди будутъ сидѣть на кольяхъ. Обстоятельства и инсинуаторы сдѣлали Петра подозрительнымъ: онъ далъ самое широкое развитіе сыскной полицейской системѣ, и тайная канцелярія работала въ его царствованіе больше, чѣмъ любое изъ присутственныхъ мѣстъ. Страсть къ доносамъ, бывшая одною изъ самыхъ крупныхъ язвъ древней Россіи, искусственно поддерживалась въ видахъ государственной пользы и приносила громадный вредъ. Доносъ окончательно превратился въ промыселъ, въ орудіе интриги и личной мести. «Подлые люди»,—пишетъ де-Геннинъ,—«если имъ не будетъ 10 копѣекъ на водку, вскрикиваютъ «*слово и дѣло*», и обвиняемый въ оковахъ везется на допросъ». Служа орудіемъ наживы, доносъ въ то же время служилъ и средствомъ для достиженія реакціонныхъ цѣлей. Неопредѣленное понятіе о государственномъ преступленіи было расширено донельзя. Бранное слово пьянаго мужика, безсмысленная болтовня выжившей изъ ума старухи, каждая сплетня о высшихъ персонахъ—все было преступленіемъ. На какой низкой степени стояли тогда юридическія понятія, можно видѣть уже изъ одного того, что, по воинскому артикулу, «когда кто пьянъ напьется и во пьянствѣ своемъ что злаго учинитъ, тогда тотъ не только, чтобъ въ томъ извиненьемъ прощеніе получилъ, но вящею жестокостью наказанъ быть имѣетъ». Какъ легко было тогда сдѣлаться политическимъ преступникомъ, показываетъ слѣдующій случай. Попъ Автонасьевъ получилъ изъ Кіева отъ своего шурина въ подарокъ портретъ Меншикова. Разъ послѣ вечерни попадью его зазвала къ себѣ въ гости знакомая торговка и дала ей листъ, на которомъ были нарисованы видѣнные на небѣ «нѣкоторые знаки». Попу что-то вздумалось срисовать эти знаки, и, вѣроятно, за неимѣніемъ бумаги, онъ нарисовалъ ихъ на оборотѣ меншиковскаго портрета. Какіе-то драгуны донесли объ этомъ. Попа арестовали, привезли въ Петербургъ, и началось политическое дѣло «о изображеніи на персонѣ его княжей свѣтлости нѣкоторыхъ противныхъ знаковъ»!...

Реакціонные элементы при Петрѣ были такъ сильны, что многіе иностранные наблюдатели предсказывали полную гибель всего сдѣланнаго царемъ, лишь только онъ сойдетъ въ могилу. Петръ умеръ, не назначивъ наслѣдника и съ горькимъ сознаніемъ, что изъ всѣхъ его «птенцовъ» нѣтъ почти ни одного честнаго человѣка.

Смерть Петра вызвала на ясный Божій свѣтъ всѣ темныя реакціонныя силы.

II.

1725—1761 г.

Событія, совершившіяся со времени Петра до воцаренія Екатерины II, теперь уже допущены до свѣдѣнія публики даже въ дѣтскихъ книжкахъ, напр., въ «Чтеніяхъ изъ русской исторіи» г. Щебальскаго. Не разсказывая о нихъ подробно, мы попытаемся, въ связи съ нашимъ предметомъ, представить главныя черты реакціонныхъ стремленій этой эпохи.

Закона о престолонаслѣдіи не было; и «бѣдная

Россія», по выраженію Щербатова, «яко вотчина или какого приватнаго человѣка имѣніе», переходила въ руки то одной, то другой изъ партій, боровшихся за власть и за право пожиранія этого огромнаго пирога, начиненнаго милліонами людей». Въ гвардіи не только офицеры, но и солдаты были изъ дворянъ; извѣстная партія набирала себѣ изъ гвардейцевъ достаточное число сторонниковъ, захватывала власть и возвѣщала Россіи объ этомъ событіи. Кромѣ совершившихся переворотовъ, многіе не удались, многіе заговоры были открыты заблаговременно, многіе антрепренеры сложили свои головы подъ топоромъ палача или погибли въ Сибири. Каждый изъ властолюбцевъ преслѣдовалъ свои личные интересы и заключалъ союзъ съ другими, подобными себѣ искателями счастія. Такія компаніи никоимъ образомъ не могутъ быть названы политическими партіями въ строгомъ смыслѣ, — онѣ были партіями личными или фамильными и мало чѣмъ отличались одна отъ другой. Всѣ эти партіи можно раздѣлить только на двѣ категоріи; одни, напр., Меншиковъ, Прокоповичъ, Екатерина I, Остерманъ и другіе птенцы покойнаго преобразователя держались молодыхъ традицій реформы; другіе, преимущественно люди старинныхъ боярскихъ фамилій, напр., Долгорукіе, болѣе склонялись къ московской сторонѣ и старались по возможности разрушить дѣло Петра. Но какъ тѣ, такъ и другіе имѣли въ виду преимущественно личныя выгоды, государственными дѣлами занимались мало, и поэтому ихъ политическое различіе не имѣетъ большой важности. Борьба же, происходившая въ партіяхъ каждой изъ упомянутыхъ категорій, сводится положительно на одни только личные своекорыстные расчеты и притязанія, которые простирались такъ далеко, что не разъ временщики и бояре задумывали даже формально овладѣть престоломъ. Меншиковъ безусловно управлялъ государствомъ при Екатеринѣ I, Екатерина умерла, старо-русская партія оказалась сильнѣе «птенцовъ», на престолъ возведенъ Петръ II. Меншиковъ перешелъ на сторону побѣдителей и чуть было не женилъ молодого государя на своей дочери. Меншиковъ палъ, государя окружили Долгорукіе, увезли его въ Москву и, преднамѣренно удаляя его отъ дѣлъ, проводя съ нимъ все время на охотѣ, на пирахъ и въ забавахъ, совершенно преждевременныхъ для мальчика, они обручили его съ своею дочерью. Смерть Петра разстроила свадьбу, но не разстроила долгоруковскихъ замысловъ. Долгорукіе задумали возвести на престолъ невѣсту покойнаго и, когда Петръ еще не умеръ, составили объ этомъ съ его подложною подписью завѣщаніе. Обстоятельства помѣшали имъ. Но если ни Меншикову, ни Долгорукимъ, ни Бирону не удалось формально утвердить за собою власть, то фактически ею владѣли многіе временщики, тѣ же, напр., Меншиковъ и Бирон. Нерѣдко любимцы пользовались этой властью, даже не занимая никакой офиціальной должности. Таковъ былъ, напр., Иванъ Шуваловъ, завѣдывавшій всѣми отраслями управленія; когда ему случалось заболѣть, то останавливались всѣ дѣла. Таковъ былъ еврей Липманъ, который при Биронѣ, можно сказать, управлялъ имперіей (Марк. Шетарди, Пекарскаго, 52). Временщики и фавориты, пользуясь своимъ всемогуществомъ, дѣлали, что хотѣли. «Они, по выраженію Пушкина, не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно». (Библ. Зап., 1859, 131).

Понятно, что за фаворъ должна была идти такая же ожесточенная борьба, какъ и за власть временщика, какъ и за должности. У каждаго фаворита или претендента на фаворъ была своя партія изъ родственниковъ и другихъ сторонниковъ, которые возвышались и падали вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ одинъ характеристическій эпизодъ изъ борьбы за фаворъ при Елисаветѣ. Бестужевъ, желая устранить Шувалова и его партію, подыскалъ восемнадцатилѣтняго красавца Бекетова, доставилъ ему доступъ ко двору и средства на обзаведеніе самымъ роскошнымъ платьемъ. Бекетовъ обратилъ на себя вниманіе. Но шуваловская партія знала свое дѣло. Графъ Петръ Ивановичъ вкрался въ довѣренность юнаго Бекетова, выхвалялъ его красоту и для сохраненія всегдашней свѣжести лица далъ ему притиранье, отъ котораго вся физіономія Бекетова покрылась угрями и сыпью, и Бекетовъ былъ удаленъ, какъ человѣкъ зазорнаго поведенія. (XVIII вѣкъ, II, 474, 481).

Временщики и любимцы представляли собою личную власть; но тотчасъ же по смерти Петра противъ этого начала возстаетъ олигархическій принципъ въ лицѣ Долгорукихъ, Голицыныхъ и другихъ боярскихъ фамилій. При Екатеринѣ управленіе государствомъ сосредоточивалось въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, но послѣднимъ командовалъ Меншиковъ Екатерина умираетъ. Члены верховнаго совѣта, сенатъ, синодъ, маіоры гвардіи и президенты комиссій собираются для избранія преемника умирающей императрицѣ. Партія царевича Петра беретъ верхъ. Голштинскій посланникъ Бассевичъ составляетъ отъ имени Екатерины завѣщаніе, которое Меншиковъ даетъ вмѣсто императрицы подписать цесаревнѣ Елисаветѣ. Екатерина умираетъ; читаютъ завѣщаніе, подписанное *собственною ея величества рукою*; оказывается, что до совершеннолѣтія Петра власть передается верховному совѣту изъ девяти членовъ и что императору рекомендуется жениться на дочери Меншикова. «Въ верховномъ совѣтѣ» — сказано въ завѣщаніи — «дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ». Однакожъ Меншиковъ, взявшій подъ свою деспотическую опеку одиннадцатилѣтняго Петра, управлялъ попрежнему самовластно. Но скоро «погибе и прейде слава сего прегордаго Голіаѳа», какъ выражается одинъ современникъ; Меншиковъ палъ, и власть перешла къ семейству Дол-

горукихъ. До сихъ поръ олигархическія притязанія сводились на личности, и верховная власть тайнаго совѣта подчинялась вліянію временщиковъ или любимцевъ. Но со смертью Петра II олигархія является уже въ болѣе сильномъ и болѣе опредѣленномъ видѣ, чему она обязана, главнымъ образомъ, своимъ знакомствомъ съ аристократическими идеями и учрежденіями Запада, особенно Швеціи. Когда верховный совѣтъ, сенатъ, синодъ и генералитетъ рѣшили избрать въ императрицы герцогиню курляндскую Анну Ивановну, то было составлено нѣсколько проектовъ, которые всѣ клонились къ тому, чтобы соединить верховную власть въ рукахъ старыхъ боярскихъ фамилій, устранивъ отъ нея мелкое дворянство и всѣ другія сословія. Составлены были «пункты, чтобы не быть самодержавствію», и верховники предложили Аннѣ престолъ на слѣдующихъ условіяхъ:

«Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ нетокмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя вѣры; такожде, по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся верховный тайный совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ согласія онаго 1) ни съ кѣмъ войны не начинать, 2) миру не заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать; 4) въ знатные чины выше полковничья ранга не жаловать, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго совѣта; 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской».

Эта олигархическая программа тайно была послана въ Митаву, и Анна подписала ее. Но сенатъ, синодъ, генералитетъ и мелкое дворянство были противъ верховниковъ. «Кто можетъ поручиться»,—говорила эта оппозиція,—«что вмѣсто одного самодержца, мы не получимъ столько же тирановъ, сколько въ совѣтѣ членовъ, и что не очутимся во сто разъ тягчайшемъ рабствѣ отъ ихъ притѣсненій? Мы не имѣемъ твердыхъ законовъ, которыми былъ бы ограниченъ этотъ верховный совѣтъ; если верховники могутъ создавать законы, то могутъ также ежеминутно и нарушать ихъ, и Россія сдѣлается вертепомъ разбойниковъ». Недовольство было сильно, и когда фельдмаршалъ Долгорукій хотѣлъ взять съ преображенской гвардіи присягу въ вѣрности императрицѣ и вмѣстѣ верховному совѣту, то гвардейцы объявили, что они переломаютъ ему ноги, если онъ будетъ настаивать на своемъ требованіи, и Долгорукій принужденъ былъ измѣнить форму присяги. Недовольные раздѣлялись на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна разсчитывала по своимъ личнымъ видамъ на возстановленіе самодержавія. Къ этой партіи, между прочимъ, принадлежали Прокоповичъ и Ягужинскій. Ягужинскій сначала горячо стоялъ за ограниченіе власти; «батюшки», — говорилъ онъ верховникамъ,—«прибавьте намъ какъ можно больше воли». Но не попавъ въ члены совѣта, Ягужинскій тотчасъ перешелъ на сторону Анны и секретно написалъ ей въ Митаву, чтобы она не стѣснялась подписать хартію, что ей помогутъ уничтожить ее. Другая партія, самая многочисленная и самая опасная для верховниковъ, состояла изъ высшихъ чиновъ и дворянства. Но эта партія не имѣла единства. Одни требовали, чтобы число членовъ верховнаго совѣта увеличить до 15 человѣкъ, «а выбирать ихъ обществомъ генералитету военному и статскому и шляхетству». Другіе настаивали, чтобы «учредить вышнее правительство изъ 21 персоны, и дабы оное множествомъ дѣлъ не отягчить, для отправленія прочихъ дѣлъ учредить сенатъ въ 11 персонахъ; въ вышнее правительство, въ сенатъ, въ губернаторы и въ президенты коллегій кандидатовъ выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству». Верховники принуждены были сдѣлать нѣсколько важныхъ уступокъ требованіямъ этой партіи. Они заявили, что при новыхъ порядкахъ «архіереи и іереи почтеніе имѣть будутъ. Въ сенатъ, коллегіи, канцеляріи и прочія управленія будутъ избираться члены изъ фамильныхъ людей, и все шляхетство будетъ содержано, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи, а особливо старыя и знатныя фамиліи будутъ имѣть преимущества, получать ранги и къ дѣламъ будутъ опредѣлены по ихъ достоинству. Шляхетство въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять. Людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ», а приказныхъ производить не иначе, какъ съ согласія общества, т.-е. шляхетства же. Уничтожить конфискацію. «Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ него всякія обиды и въ податяхъ облегчать. Крестьянъ въ податяхъ сколько можно облегчать. Резиденцію правительства изъ Москвы въ другое мѣсто никуда не переносить». Послѣдній пунктъ объясняется тѣмъ, что большинство верховниковъ и ихъ партизановъ жило въ Москвѣ, и для большаго успѣха реакціи еще при Петрѣ II Петербургъ былъ оставленъ, такъ какъ въ Москвѣ бояре находили болѣе подходящую для своихъ затѣй почву.

Анна, прибывъ въ Москву, тотчасъ окружила себя прображенцами и кавалергардами. Народъ присягнулъ государынѣ и *отечеству*, подъ которымъ разумѣлся верховный совѣтъ. Верховники «о государынѣ такъ положили, что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію. Ей опредѣлили на годъ 100,000 р., и тѣмъ ей можно довольной быть, а сверхъ того, неповинна она брать себѣ ничего. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ свойственниковъ своихъ

не держать и другихъ ко двору никого не брать, развѣ кого ей позволитъ верховный совѣтъ». Да и монархическая-то власть оставлена лишь на первое время,—«только помазка по губамъ». Такъ писалъ одинъ изъ сторонниковъ переворота. Нѣкоторые дѣйствительно мечтали объ олигархической республикѣ! Верховники совершенно изолировали Анну отъ всякихъ сношеній съ ея приверженцами и «остро наблюдали» за нею. Но сношенія устроились черезъ жившихъ при Аннѣ женщинъ. 800 человѣкъ изъ сената, генералитета и дворянства явились къ Аннѣ съ просьбою уничтожить «пункты», составленные верховниками, и возстановить самодержавіе съ дарованіемъ вольностей, главныя основанія которыхъ приведены уже нами выше. Но гвардейцы и другіе сторонники Анны настаивали на полномъ самодержавіи. «Вооруженные солтаты и чиновное дворянство»—говоритъ Германъ—«доставили Аннѣ побѣду надъ гордою знатью. Императрица готова была на крайнія мѣры, и войскамъ уже розданы патроны, чтобы стрѣлять въ непокорныхъ». Состряпанная верховниками хартія торжественно разодрана, и Анна провозглашена самодержицею.

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Растерзавши хирографъ подложный,
И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада,
И тѣмъ стала Россія весела и рада!

Такъ радовались съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ пособники переворота. Верховники же были одержимы совершенно противоположными чувствами. «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными», говорили они. Противъ нихъ начато гоненіе, и болѣе всѣхъ досталось Долгорукимъ. Какія цѣли преслѣдовались членами верховнаго совѣта, можно видѣть, напр., изъ того, что Алексѣй и Иванъ Долгорукіе совершенно обобрали сокровища дворца—драгоцѣнные камни, серебро, украшенія, деньги, мебель, экипажи, охотничьи принадлежности, даже церковную утварь! (Русск. Арх., 1866 г., 1—17; Соловьевъ, XIX, 241—291, и др.).

Къ счастью Россіи, затѣянный верховниками олигархическій переворотъ не удался, но олигархическія тенденціи не умирали. Независимо отъ временщиковъ и фаворитовъ, власть принадлежала еще тому же верховному совѣту, названному кабинетомъ, въ составъ котораго вошли на первый разъ Головкинъ, Черкасскій и Остерманъ.

Само собою понятно, что при описанныхъ порядкахъ привилегіи дворянства должны были постепенно расширяться. Число крѣпостныхъ и помѣщиковъ безпрерывно возрастало. Каждый временщикъ, каждый любимецъ, каждый пособникъ переворота, каждый крупный чиновникъ—всѣ получали крестьянъ. У Меншикова было 100,000 крестьянъ, у Долгорукихъ 80,000, Разумовскіе, Бироны, Шуваловы, Голицыны и многіе другіе также считали своихъ крестьянъ десятками тысячъ; Елисавета, вступивъ на престолъ, роздала около 14,000 крестьянъ однимъ только помогавшимъ ей гвардейцамъ. Потомственные дворяне и лица, дослужившіеся до оберъ-офицерскихъ ранговъ, получили право владѣть крестьянами, даже не имѣя собственной земли. Лицамъ другихъ сословій запрещено имѣть крестьянъ, но зато дозволено «покупать и на товары вымѣнивать» инородцевъ. Кабальные люди вмѣстѣ съ своими дѣтьми окончательно превращены въ холоповъ. Существовавшее при Петрѣ право крѣпостныхъ людей избавляться отъ неволи добровольнымъ поступленіемъ въ военную службу было отнято у нихъ; такихъ волонтеровъ жестоко били кнутомъ, батогами, плетьми, а послѣ наказанія однихъ ссылали въ каторгу навѣчно, другихъ возвращали помѣщикамъ. Боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ запрещено пріобрѣтать недвижимыя имѣнія какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ; крестьяне лишены права владѣть фабриками, вступать въ подряды и откупа, обязываться векселями и поручительствомъ, а указомъ 1741 г., какъ настоящіе безличные рабы, они даже исключены изъ присяги на вѣрноподданство. Помѣщики получили право продавать своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, также ссылать ихъ въ Сибирь съ зачетомъ отъ казны въ рекруты. При продажѣ людей законъ уже допускалъ продавать однихъ членовъ семейства отдѣльно отъ другихъ. Хворыхъ, старыхъ, вообще неспособныхъ людей помѣщикъ могъ отпускать на волю, т.-е. прогонять отъ себя на всѣ четыре стороны. Подати, слѣдующія за проданныхъ, сосланныхъ и прогнанныхъ, раскладывались на всѣхъ оставшихся крестьянъ. Взысканіе податей и недоимокъ посредствомъ военныхъ командъ сдѣлалось явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Произволъ помѣщика не зналъ границъ, и правительство не противодѣйствовало ему ни въ чемъ. Вся жизнь крестьянина до малѣйшихъ мелочей поставлена была въ зависимость отъ господина. Артемій Волынскій въ наказѣ управителю своихъ имѣній предписываетъ «по вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отчего онъ обѣднѣлъ, и ежели не отъ лѣности и не отъ пьянства, такихъ ссужать хлѣбомъ въ долгъ. Также, хотя, которые отъ своего непотребства и лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать, однакожъ съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ ѣсть неповадно было. Буде же и затѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ, то такихъ брать въ работу на мой дворъ и кормить мѣсячиною, невѣянымъ хлѣбомъ, и чтобъ онъ былъ въ непрестанной работѣ». Татищевъ, передовой человѣкъ и одинъ изъ самыхъ гуманныхъ помѣщиковъ того времени, въ своихъ запискахъ идетъ еще дальше Волынскаго. Каждый крѣпостной крестьянинъ долженъ имѣть, по его мнѣнію, 2 лошади, 2 быка, 5 коровъ, 10 овецъ, 2 свиньи, 2 пары гусей, 10 куръ, «посуду цѣнинную, блюда, тарелки, ножи, вилки, оловянныя ложки, солонки, стаканы, скатерти и проч. А кто всего вышеписаннаго въ домѣ своемъ имѣть не будетъ, таковыхъ отдавать другому въ батраки безъ платы, который за него будетъ платить всякую подать и землею его владѣть, а его, лѣнивца, имѣть работникомъ».

Усиленіе крѣпостного права вело за собою не мало безпорядковъ и смутъ. Въ 1729 г. распущенъ былъ подложный манифестъ о дарованіи разныхъ льготъ кабальнымъ людямъ, которыхъ тогда превратили въ холоповъ. Въ 1757 году помѣщики тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ жаловались, что крестьяне большими толпами бѣгутъ за Волгу, гдѣ будто бы для принятія ихъ опредѣленъ какой-то маіоръ Парубучъ. Въ разныхъ мѣстахъ то и дѣло вспыхивали бунты противъ помѣщиковъ, для усмиренія которыхъ посылались войска и чиновники.

Хотя во все продолженіе разсматриваемаго періода дворянство напрасно хлопотало избавиться отъ обязательной службы; хотя строгіе законы Петра противъ *нытчиковъ* подтверждались новыми, не менѣе строгими указами, но de facto и въ этомъ отношеніи дворянство пріобрѣло значительныя льготы. Анна Іоанновна опредѣлила срокъ обязательной службы дворянина: прослуживъ 25 лѣтъ, онъ могъ выйти въ отставку. Укрываться же и отбояриваться отъ службы въ эту эпоху было несравненно легче, чѣмъ при Петрѣ. Въ это же время вошло въ обыкновеніе записывать дѣтей вельможъ на службу не только въ малолѣтствѣ, но даже въ пеленкахъ; достигши совершеннолѣтія, они уже имѣли право на отставку! Но полной, закономъ признанной привилегіи ничегонедѣланья благородное шляхетство еще не получало.

Послабленіе дворянству относительно службы сопровождалось прекращеніемъ въ высшихъ сферахъ всякой напряженной дѣятельности, кипѣвшей при Петрѣ. Со смерти преобразователя и почти вплоть до воцаренія Екатерины II мы видимъ рядъ переворотовъ, интригъ, розысковъ и казней, баловъ, маскарадовъ, оргій, но не видимъ почти никакой государственной дѣятельности. По общему отзыву жившихъ тогда въ Россіи иностранцевъ, никто въ это время не хотѣлъ, что называется, ударить пальцъ о палецъ, и этотъ отзывъ признается справедливымъ даже такими благонамѣренными историками, какъ г. Щебальскій. «Россія»—пишетъ одинъ иностранный посланникъ—«похожа на корабль, кормчій и матросы котораго покоятся глубокимъ сномъ». «Единственное, на что здѣсь обращено вниманіе»,—доноситъ другой,—«это очищеніе казначейства». «Въ боярскихъ дворцахъ только и дѣлаютъ, что день и ночь веселятся на всѣ руки. Дѣлами совершенно не занимаются. Самые даровитые и важные люди бросаютъ ихъ». «Я рискую прослыть за лгуна»,—пишетъ въ 1726 г. одинъ посланникъ,—«когда я опишу образъ жизни русскаго двора. Кто могъ бы подумать, что онъ цѣлыя ночи проводитъ въ ужасномъ пьянствѣ и расходится не раньше 5 или 7 часовъ утра. Болѣе о дѣлахъ не заботятся. Все страдаетъ и погибаетъ». (Сборн. Русск. Ист. Общ., III, 439 и др.). При Петрѣ II это дошло до того, что иностранные посланники заявляли, что они будутъ ходатайствовать объ отозваніи ихъ изъ Россіи, въ которой имъ дѣлать рѣшительно нечего. Двадцатидвухлѣтняя правительница Анна Леопольдовна до того ненавидѣла всякую дѣятельность, что, коль скоро ей начинали говорить о дѣлахъ, лицо ея принимало утомленно-разсѣянное выраженіе и искажалось зѣвотой. Лѣнь ея была такъ сильна, что она цѣлые дни проводила нечесанною. Также вяло шли дѣла во всей остальной Россіи. Вездѣ и во всемъ преобладали только одни узко-эгоистичные, самые мелкіе расчеты. Посланники иностранныхъ державъ нерѣдко дѣйствовали у насъ, какъ дома, вмѣшиваясь даже въ перевороты: маркизъ Шетарди, напримѣръ, помогалъ восшествію на престолъ Елисаветы. Россія потеряла политическое значеніе, пріобрѣтенное ею при Петрѣ, и ее не разъ впутывали въ такіе войны и союзы, которые не приносили ей ничего, кромѣ вреда. Въ семилѣтнюю войну мы ввязались потому только, что Фридрихъ Великій обругалъ кой-кого... Иностранные дипломаты на перебой покупали союзъ Россіи. При Екатеринѣ I всѣ вліятельные при дворѣ люди получали иностранныя пенсіи. Меншиковъ получалъ отъ шведскаго правительства, готовившагося къ войнѣ съ Россіей, и сообщалъ ему все, что говорилось и дѣлалось въ верховномъ совѣтѣ. При Аннѣ «вѣнскій дворъ совершенно закупилъ русскій пенсіонами, подарками, титулами и дѣлалъ въ немъ, что хотѣлъ» (Де-Лиріа). При Елисаветѣ и Лестокъ, и Бестужевъ состояли на жалованьѣ иностранныхъ кабинетовъ. Союзъ Россіи продавался тому, кто больше давалъ или кто лучше умѣлъ интриговать въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. Не только о народныхъ, но даже о чисто правительственныхъ интересахъ при этомъ не было и рѣчи; дѣлами ворочали личныя выгоды и страсти, и флюгеръ русской политики постоянно вертѣлся изъ стороны въ сторону. Война, начатая вслѣдствіе личной вражды Елисаветы къ Фридриху, прекращается тотчасъ послѣ ея смерти вслѣдствіе раболѣпной преданности Фридриху новаго императора Петра III, который, будучи наслѣдникомъ, сообщалъ королю всѣ извѣстія и рѣшенія относительно русскихъ военныхъ дѣйствій противъ него... Немаловажною статьею дохода для нашихъ государственныхъ людей была тогда Курляндія. Выборы въ герцоги курляндскіе зависѣли отъ Россіи, и разные кандидаты постоянно осаждали русское правительство просьбами объ опредѣленіи ихъ «ко испражненному герцогскому стулу», какъ было принято выражаться въ то время. Въ числѣ этихъ кандидатовъ бывали и русскіе временщики—Меншиковъ, не имѣвшій успѣха, и Бирономъ, сдѣлавшійся герцогомъ; но большинство кандидатовъ принадлежало къ сословію второстепенныхъ иностранныхъ принцевъ, бродившихъ безъ дѣла по Европѣ и искавшихъ теплыхъ мѣстечекъ. Послѣ ссылки Бирона, русскій дворъ, разными интригами, склоненъ былъ въ пользу опредѣленія, «ко испражненному герцогскому стулу», саксонскаго принца Карла. Любопытны тѣ основанія, въ силу которыхъ принцъ считалъ себя въ правѣ владѣть Курляндіей. Повѣренный его, генералъ Лашеналь, объяснялъ русскому правительству, что принцъ не имѣетъ «достаточно дохода,

чѣмъ бы прилично съ честію, достоинствомъ и природою своею себя безбѣдно содержать могъ; что онъ не имѣетъ надежды, чтобы при нынѣшнемъ состояніи король, его родитель, могъ собою учинить ему какую-нибудь помощь и едва опредѣленную ему пенсію 22,000 талеровъ на годъ выдавать; что, въ разсужденіи многочисленной королевской фамиліи и неимущаго состоянія, не можно ему чаять, а еще того меньше по справедливости отъ короля требовать какого-либо полезнаго для него основанія (établissement) и опредѣленія». Поэтому, «пріемля прибѣжище къ природному и всѣмъ извѣстному милосердію и щедрости ея имп. велич.», онъ проситъ, «чтобъ ея и. в. соизволила его въ Курляндіи герцогомъ учинить или какой-другой этаблисементъ ему доставить, а между тѣмъ великодушно опредѣлить на его содержаніе пенсіонъ» (стр. 65). При помощи русскихъ и не смотря на противодѣйствія курляндцевъ, «испражненный стулъ» достался Карлу. Но тѣ же русскіе агенты, которые при Елисаветѣ содѣйствовали утвержденію въ Курляндіи Карла, по воцареніи Петра должны были разрушать все, сдѣланное ими, и по волѣ государя стараться объ избраніи въ курляндскіе герцоги дяди императора, Георга Людвига гольштейнъ-готторпскаго, который, по его собственнымъ словамъ, «изъ гольштейнъ-готторпскаго дома одинъ такой несчастливый принцъ былъ, который ни маетностей, ни удѣлу никакого не имѣлъ и принужденъ былъ, яко простой партикулярный человѣкъ, черезъ 26 лѣтъ искать въ военной службѣ пропитанія своего». Русскій агентъ въ Курляндіи, Симолинъ, началъ дѣйствовать въ пользу Георга. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ ему приходилось формировать третью партію и агитировать въ пользу третьяго претендента. Воцареніе Екатерины положило конецъ этой скандальной и безтолковой комедіи (Щебальскій, Полит. сист. Петра III, 145 и др.).

Внутреннія дѣла были также въ самомъ грустномъ состояніи. Полная апатія въ администраціи, совершенное истощеніе финансовъ, всеобщая бѣдность, воровство и разбои пожирали Россію, и никто не думалъ о поправленіи зла. Сенатъ, распоряжаясь казенными деньгами, какъ собственными, не зналъ даже суммы государственныхъ доходовъ, не зналъ даже числа городовъ, не имѣлъ у себя ни реестра городовъ, ни карты имперіи (Р. Арх., 1865, 490). Собиралось нѣсколько законодательныхъ комиссій для составленія свода законовъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха. Подобно тому, какъ въ допетровской Россіи члены боярской думы сидѣли, уставя тупо брады свои въ землю, подобно тому, какъ на земскихъ соборахъ невѣжественные и раболѣпные представители невѣжественнаго и рабскаго народа не были въ состояніи что-нибудь сдѣлать въ пользу его, такъ и члены этихъ законодательныхъ собраній оказывались вполнѣ достойными представителями полудикаго русскаго общества XVIII вѣка. Необходимость новыхъ законовъ была сознана еще Петромъ I при самомъ началѣ его реформъ. Петръ хотѣлъ удовлетворить этой необходимости бюрократическимъ способомъ, поручивъ въ 1700 г. боярамъ составить новое уложеніе. «Бояре приказали печатное уложеніе 1649 г. изъ переплета рознять по главамъ и къ дѣлу новоуложенной книги списать на списки въ тетради въ палатѣ». Но и эту чисто-механическую работу, исполненную почти одними писцами, бояре едва могли довести до конца. Бумагу, чернила и свѣчи они потребовали изъ разныхъ приказовъ, но приказы отказали имъ; Петра въ Москвѣ не было, и бояре, ссылаясь на неимѣніе бумаги, чернилъ и сальныхъ свѣчъ, постарались затянуть дѣло и тянули его до тѣхъ поръ, пока изъ членовъ комиссіи осталось въ ней только двое. При Екатеринѣ I дѣло возобновили, и «дабы уложенье при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны». Но и это своего рода законодательное собраніе оказалось на дѣлѣ совершенно негоднымъ; всѣ предварительныя работы были взвалены на оберъ секретарей, которые должны были окончить въ 1726 г. подъ страхомъ лишенія жалованья. И оберъ-секретари не могли ничего подѣлать! Остерманъ предложилъ поручить составленіе законовъ профессору Врентиштейну, мужу «науки высокой». Верховный совѣтъ принялъ это предложеніе къ свѣдѣнію. Верховный тайный совѣтъ, правившій государствомъ отъ имени Петра II, понялъ невозможность составить уложеніе посредствомъ комитета изъ чиновниковъ и учредилъ законодательную комиссію изъ выборныхъ. Онъ предписалъ выслать въ Москву, безъ всякаго отлагательства, къ 1 сентября 1728 г. «за выборомъ отъ шляхетства изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ». Наступилъ сентябрь, но изъ «добрыхъ и знающихъ людей» въ Москву явилась самая незначительная часть. Выбранные депутаты отбивались отъ поѣздки въ Москву руками и ногами, сознавая свою положительную неспособность къ законодательному дѣлу и, по тогдашнему дворянскому обыкновенію, боясь всякой службы; сенатъ настаивалъ на высылкѣ депутатовъ, а воеводы и губернскія канцеляріи доносили сенату, что сдѣлать это не такъ легко, какъ ему кажется. За новгородскимъ депутатомъ Скобельцынымъ три раза посылали въ уѣздъ солдатъ, но Скобельцынъ все-таки не ѣхалъ въ Новгородъ. Тогда послали за нимъ въ четвертый разъ солдатъ съ подъячимъ, приказавъ, въ случаѣ его укрывательства, взять его жену и привести въ Новгородъ подъ карауломъ, а если и она укроется, то «движимое и недвижимое имѣніе ихъ взять на государя». Скобельцынъ струсилъ, сдался и подъ конвоемъ отправленъ въ Москву сочинять законы. Псковскій депутатъ, Ушаковъ, бѣжалъ, многіе другіе скрывались, но ихъ ловили и высылали за карауломъ. За это укрывательство отдувались ихъ крестьяне и дворовые люди, которыхъ велѣно держать подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока ихъ

господа не явятся въ сенатъ. До какой степени простиралось въ провинціи непониманіе дѣла, для котораго велѣно было выбирать и посылать въ Москву депутатовъ, видно уже изъ одного того обстоятельства, что воеводы дѣлали выборнымъ «смотръ», словно рекрутамъ, и забраковывали *глухихъ*, *хромыхъ*, *старыхъ* и *дряхлыхъ*, считая ихъ къ «предположенному дѣлу неспособными». Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1728 и первыхъ 1729 г. кое-какъ успѣли притащить въ Москву всѣхъ депутатовъ, но уже въ маѣ ихъ велѣно распустить по домамъ, такъ какъ всѣ они оказались къ употребленію негодными. И выборное начало не вывезло! Но, можетъ быть, это избиратели намѣренно вредили, пославъ въ законодательную комиссію что ни на есть глупыхъ и невѣжественныхъ дворянъ, думали руководители дѣла, не хотѣвшіе вѣрить, чтобы въ Россіи вовсе не было свѣдущихъ и умныхъ людей, годныхъ для составленія законовъ. Предписано выбрать другихъ депутатовъ, «знатныхъ и добрыхъ», по два человѣка изъ губерніи; но выборы ихъ предоставлены уже не дворянству, а губернаторамъ. Губернаторы никого не прислали! Въ царствованіе императрицы Анны снова повелѣвается «начатое Уложеніе немедленно окончить и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ людей, выбравъ изъ шляхетства, духовныхъ и купечества». Осенью 1730 г. выборные съѣхались, но уже въ концѣ того же года ихъ отпустили во-свояси, увидѣвъ, что никакого толку отъ нихъ не добьешься. Въ чиновничью законодательную комиссію прибавили новыхъ членовъ для *окончанія* уложенія, которое и «оканчивалось» въ продолженіе тридцати шести лѣтъ, вплоть до извѣстной екатерининской комиссіи, но не только не кончено, а, кажется, не было даже и начато. Временщики, заправлявшіе дѣлами, боярскія партіи, боровшіяся одна съ другою и тормозившія общій ходъ дѣлъ, иностранные посланники, посредствомъ денегъ нерѣдко пріобрѣтавшіе вліяніе въ Россіи, какъ дома, реакціонеры, желавшіе погубить дѣло Петра, Бирономъ со своими клевретами, страшныя злоупотребленія, господство беззаконія и произвола, владычество боярщины, быстрое чередованіе правительственныхъ лицъ,—все это неблагопріятно дѣйствовало на законодательныя предпріятія. Никакого свода составить не сумѣли, и въ законодательствѣ попрежнему остался хаосъ, столь благопріятный для царившаго въ русской жизни произвола. Отдѣльныя законодательныя мѣры имѣли чисто-реакціонный характеръ. Начатки городского самоуправленія, данные Петромъ, уничтожены; «для защиты» горожанъ, для сбора податей и для того, чтобы «уѣзднымъ людямъ было *страшнѣе*», какъ выразилась Екатерина I, возстановлены воеводы, по настоянію Меншикова, извлекавшаго изъ опредѣленія ихъ громадныя суммы. Баллотированіе офицеровъ своими товарищами отмѣнено. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ администраціи и законодательствѣ реакціонеры дѣйствовали не очень настойчиво; энергическихъ мѣръ никакихъ не предпринималось; но такъ какъ ничего почти не дѣлалось для дальнѣйшаго развитія реформъ, то дѣла сами собой поворачивали на старый допетровскій ладъ. Ненависть къ иностранцамъ, усиленная еще деспотизмомъ жестокаго Бирона, вела за собой напряженіе тѣхъ ложно-патріотическихъ чувствъ, которыми пользовались разные пройдохи для своихъ корыстныхъ цѣлей. При Петрѣ II флотъ и Петербургъ были брошены, столица перенесена въ полуазіатскую Москву, и верховники обязали Анну не переносить никуда изъ Москвы своей резиденціи. Москва тогда была центромъ реакціи. Окруженная имѣніями значительныхъ боярскихъ фамилій, пропитанная древне-русскими традиціями, она украшалась жительствомъ всѣхъ недовольныхъ дѣлами коронованнаго великаго плотника «Количество дворянъ, живущихъ въ Москвѣ»,—пишетъ одинъ тогдашній путешественникъ,—«невѣроятно. Русскихъ вельможъ весьма немного въ Петербургѣ. Освободившись отъ службы, они всѣ переѣзжаютъ въ Москву. Петербургъ не представляетъ ни одного примѣра этихъ колосовъ великолѣпія и азіатской пышности». Реакціонность московской атмосферы отлично понимали даже всѣ иностранные посланники и всѣми мѣрами старались о перенесеніи столицы обратно въ Петербургъ, такъ какъ европейскимъ государствамъ каждому хотѣлось во время тогдашнихъ войнъ быть въ союзѣ съ Россіей, но послѣдняя не могла быть сильнымъ союзникомъ въ томъ случаѣ, если бы московскіе псевдо-патріоты погубили всѣ преобразовательныя начинанія Петра.

Духовенство, задѣтое въ самыхъ живыхъ своихъ интересахъ Петромъ Великимъ, послѣ его смерти начало дѣйствовать успѣшнѣе. Многія ограниченія, наложенныя на него Петромъ, пали сами собою, а вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ отложенъ въ долгій ящикъ. Но для духовенства этого было мало, оно хотѣло рѣшительнаго возвращенія къ допетровской старинѣ; причина этого недовольства и клерикальныя притязанія резюмированы въ доносахъ Абрамова: Онъ доносилъ еще Петру Великому,—что «еретики, Ѳеодосій Яновскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій и прочіе ихъ единомышленники», подрываютъ священныя основы русскаго общества. Но Петръ мало обращалъ вниманія на эти штуки. Когда воцарилась Анна и, желая угодить духовенству, объявила, что въ церковномъ отношеніи новое правительство обращается къ старинѣ допетровской, Абрамовъ возобновилъ свою дѣятельность. Онъ доказывалъ что духовный регламентъ исполненъ ересей, что сподвижники покойнаго преобразователя, «обольстя государя, начали поносить древнее благочестіе; тетрадками, книжечками и словесно старались вводить злочестивое ученіе, явно начали посты св. разорять, покаяніе и умерщвленіе плоти выставлять баснословіемъ, безженство и самовольное убожествовъ смѣхъ обращать, дѣвство представлять дѣломъ невозможнымъ, стали вездѣ осматривать и перебирать св. мощи, ломать часовни, уничтожать чудотворные образа и т. д. Въ поданной Аннѣ запискѣ «объ управленіи имперіей» Абрамовъ на-

стаивалъ не только возстановить патріаршество, но даже чтобы правительство «во всемъ съ патріархомъ сносилось и о лучшей пользѣ промышляло, чтобъ духовенство въ древнее ввесть благочестіе и доброе состояніе. И всѣ гражданскіе уставы и указы съ нимъ разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ Божіимъ и церковными уставами и съ преданіями церковными, и буде которые несогласны, тѣ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго закона и церковнаго разума». Но для малочисленныхъ духовныхъ новаго образца, и особенно для умнѣйшаго изъ нихъ Ѳеофана Прокоповича, борьба противъ клерикаловъ была вопросомъ жизни или смерти, а въ самодержавіи они имѣли сильнаго союзника, который только въ самой крайности могъ согласиться на возстановленіе патріаршества. И вотъ Ѳеофанъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства,—интригу, доносъ, пытки, кнуты, ссылку,—чтобы погубить противниковъ. Клерикалы присмирѣли, тѣмъ болѣе, что скоро началась бироновщина.

Но если духовенству не удалось возстановить патріарха, то удалось освободиться отъ многихъ петровскихъ стѣсненій, реставрировать обязательное благочестіе въ древне-русскомъ духѣ, возстановить свой прежній авторитетъ. Проклиная иностранцевъ, противодѣйствуя успѣхамъ насажденнаго Петромъ «лжеименнаго разума», реакціонное духовенство успѣло даже дворцовую жизнь повернуть на старо-московскій ладъ. Особенно силою пользовалось духовенство при Елисаветѣ, воцареніе которой сопровождалось шумными демонстраціями проповѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ, напр., что Россія была нивою, на которой появились многіе плевелы — «порожденія ехиднины, изгрызающія утробу матери своей, Россіи, чужестранцы, пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, правовѣрія ругатели», «эмиссары дьявольскіе», «человѣкоядныя птицы, кумиры златые, которымъ приносили жертвы, какъ болванамъ». «Въ ихъ желѣзное время неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла». Они не молились ни Богородицѣ, ни св. угодникамъ, знаменіемъ креста гнушались, въ св. посты жрали мясо, существованію геены не вѣрили, православіе совсѣмъ искоренить хотѣли. Неправосудіе, казнокрадство, взяточничество — все это приписывалось этимъ еретикамъ, въ особенности же «евнуху, еретику хитрокозненному, окаянному Симону Волхову, хромому и душею, и совѣстію и ногами» Остерману, который былъ не только несравненно умнѣе, но даже и честнѣе всѣхъ природныхъ русскихъ дѣятелей того времени. Суевѣрная и нисколько необразованная Елисавета оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Екатерина II разсказываетъ, что «Елисавета была окружена богомольцами и ханжами, и при ней необходимо было быть тѣмъ или другимъ, чтобы хоть сколько-нибудь стоять на виду». Даже канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, чтобы замаскировать передъ государыней свой либерализмъ относительно постовъ, долженъ былъ купить у константинопольскаго патріарха «разрѣшительную на мясоястіе грамоту, по причинѣ всегдашней болѣзни и неусыпности». Бестужевъ же, сдѣлавшись лучшимъ другомъ Алексѣя Разумовскаго и желая упрочить чрезъ него свое вліяніе при дворѣ, дѣйствовалъ посредствомъ духовныхъ на совѣсть государыни. Алексѣй Разумовскій, честнѣйшій изъ временщиковъ XVIII в., по справедливому замѣчанію г. Васильчикова, служилъ однакожъ орудіемъ для лицъ, прикрывавшихъ подъ рясой благочестія свои реакціонныя стремленія, цѣлью которыхъ было не преуспѣяніе вѣры, а достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла». Онъ, по свидѣтельству князя Шаховскаго, «св. синода членами особливо благосклоненъ былъ и неотрицательно по ихъ домогательствамъ всевозможныя у Ея Величества предстательства и заступленія употреблялъ, а духовенство въ свою очередь оказало ему важную услугу, убѣдивъ Елисавету обвѣнчаться съ нимъ».

Подъ вліяніемъ духовенства, при Елисаветѣ учреждено множество миссій въ казанскомъ краѣ, въ Сибири, Камчаткѣ, на Кавказѣ. Но дѣло распространенія христіанства было запятнано дѣйствіями миссіонеровъ, которые, за немногими исключеніями, преслѣдовали только свои личныя цѣли. Возмутительные подвиги казанской «новокрещенской конторы» описаны нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», а миссіонерскую дѣятельность въ Сибири обрисовываетъ въ немногихъ словахъ князь Щербатовъ, говоря, что «инородцы на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ своихъ жалуются, кои только грабить и мучить ихъ пріѣзжаютъ». Подобнымъ же характеромъ отличались и отношенія къ раскольникамъ, какъ это засвидѣтельствовано даже указомъ тогдашняго правительства. Еще Петръ I поддался реакціонному давленію и началъ преслѣдовать раскольниковъ, которыхъ при немъ и жгли, и казнили, и ссылали въ каторгу впредь до обращенія. Но Петръ преслѣдовалъ ихъ изъ политическихъ, а не изъ религіозныхъ видовъ. Петръ всегда былъ вѣротерпимцемъ, а въ слѣдовавшую за нимъ эпоху реакціи иновѣрцевъ начали преслѣдовать уже исключительно за ихъ религіозное разномысліе и, случалось, сожигали людей за совращеніе и отступленіе отъ православія. Вопросъ о допущеніи евреевъ въ Россію рѣшенъ отрицательно.

«Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли», писала по этому поводу Елисавета. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей XVIII в., д-ръ Санхецъ за свое жидовство былъ устраненъ изъ академіи наукъ и изгнанъ изъ Россіи (Р. Арх., 1870, 281).

Страхъ и запугиванье всегда были орудіями реакціи; у насъ въ Россіи эта система также извѣстна съ древности и съ успѣхомъ употреблялась въ послѣпетровскую эпоху. Клерикалы и пустосвяты попрежнему старались основать свое вліяніе «на запугиваньи совѣсти дѣтскими страшилищами», какъ выражался о нихъ Иванъ Грозный. Временщики, фавориты, разные крупные чиновники также старались каждый создать какъ можно болѣе воображаемыхъ напастей, угрожающихъ правительству и, выставивъ себя спасителями его, сдѣлаться для него необходимыми, и затѣмъ погубить всѣхъ своихъ враговъ подъ предлогомъ измѣны. Артемій

Волынскій въ своей запискѣ, поданной Аннѣ, говоритъ, что всѣ подобные «безсовѣстные льстецы и безполезные отечеству своему тунеядцы» о томъ только и стараются, «чтобы приводить государей въ сомнѣніе, чтобы никому вѣрить не изволили, а всѣ бы подозрѣніемъ огорчены были; дѣла, которыя за самую бездѣлицу почитать можно, они стараются какъ наибольше расширять и всякія изъ того приключенія толковать, а иначе прямо не изъяснить, и персону свою печальными и ужасными минами показывать, дабы государю тѣмъ больше безпокойства и сомнѣнія придать, а потомъ себя къ поправленію того дѣла рекомендовать и у государя въ кредитъ наибольшій себя привести». Такъ шли дѣла и при Екатеринѣ I, и при Петрѣ II, и при Аннѣ, и при регентахъ, и при Елисаветѣ. Такъ дѣйствовалъ при Аннѣ, напр., Ѳеофанъ Прокоповичъ. Пугая государыню бунтами и революціями, онъ истреблялъ своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ всѣхъ министровъ. Подобную же роль игралъ при Елисаветѣ Шуваловъ. «Безпрестанные недуги ослабили нервы императрицы. Этимъ ловко воспользовался Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь государыни, увѣрялъ ее, что она окружена тайными недоброжелателями, готовыми на всякое преступленіе, и наконецъ ему удалось вполнѣ убѣдить императрицу въ томъ, что одинъ онъ въ состояніи оградить ее отъ дѣйствія скрытыхъ враговъ». (XVII вѣкъ, III, 515).

Въ эту бурную эпоху переворотовъ не мало было дѣйствительныхъ заговоровъ, нагонявшихъ страхъ; но этотъ страхъ усиливали еще искусственно, создавая небывалыя преступленія и пользуясь ими для усиленія терроризаціи или для погубленія своихъ враговъ. Такъ погубили, напр., Волынскаго, казненнаго въ 1740 г., который при всѣхъ своихъ порокахъ и злоупотребленіяхъ былъ не только не хуже всѣхъ своихъ враговъ, но даже неизмѣримо выше ихъ своимъ умомъ и образованіемъ. Волынскій обвиненъ въ небываломъ заговорѣ, и въ вину ему поставлено, между прочимъ, имѣніе у себя книгъ Юста Липсія и Макіавели. Дѣло это такъ возмутительно, что подало Екатеринѣ II поводъ къ слѣдующему завѣщанію. «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю въ обязанность читать сіе Волынскаго дѣло, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра». Но такихъ «беззаконныхъ примѣровъ» въ то смутное время было множество. По всей Россіи гремѣло страшное «слово и дѣло», промыселъ доноса развился до ужасныхъ размѣровъ, каждая мелочь выставлялась или государственнымъ преступленіемъ или доказательствомъ какой-то таинственной, всеобъемлющей интриги. Этимъ происками и замысламъ враговъ приписывались даже столь обычные въ Россіи пожары, которые всегда служили въ рукахъ безчестныхъ пройдохъ отличнымъ орудіемъ для терроризаціи и направленія толпы на извѣстный путь. При Иванѣ Грозномъ, напримѣръ, послѣ пожаровъ 1547 г., бояре внушили царю и черни, что Москву сожгли чародѣйствомъ Глинскіе,—и Глинскіе погибли. Ужасные пожары при Аннѣ Ивановнѣ, опустошавшіе Москву, Петербургъ, Выборгъ, Ярославль, приписывались тайнымъ агентамъ мнимаго революціонера Артемія Волынскаго. Тогдашніе сплетники,—эти прародители нѣкоторыхъ нынѣшнихъ публицистовъ, — объясняли пожары даже болѣе нелѣпыми причинами, относили ихъ къ происками *«турецкой интриги»*. (Рус. Арх., 1866, стр. 1369). Практика тайной канцеляріи, ея провинціальныхъ агентовъ и волонтеровъ-доносчиковъ возрастала съ каждымъ днемъ. Пьяную болтовню мужика въ кабакѣ, разглагольствія монаха съ какой-нибудь старой бабой, обыкновенное частное письмо—все дѣлали государственнымъ преступленіемъ. Даже полуграмотные писцы и рукоприкладчики за неумышленныя описки въ императорскомъ титулѣ вплоть до царствованія Елисаветы отсылалась для слѣдствія въ тайную канцелярію!.. Однажды, въ деревнѣ Прапорщиковой, западной Сибири, крестьянка Иванова, укоряя ссыльную дѣвку Петрову за промыселъ развратомъ, сказала ей: «у васъ, у ссыльныхъ, деньги дешевы—вы монетой и г... подтираете». Петрова объявила на Иванову *слово и дѣло*, и началось политическое слѣдствіе объ оскорбленіи монеты! Доносы развились гораздо сильнѣе, чѣмъ при Петрѣ, «и поелику ремесло сіе»— говоритъ Минихъ—«отверзало путь какъ къ милости, такъ и богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились служить къ тому орудіемъ». (Марк. Шетарди, Пекарскаго, 290). «Здѣсь»—пишетъ французскій посланникъ—«невозможно имѣть, какъ въ другихъ мѣстахъ, частную переписку. Видятъ даже глубину души, подсматриваютъ за дѣйствіями каждаго, распечатываютъ всѣ письма, и ничтожная новость рождаетъ сильныя подозрѣнія. Шпіоны, которыхъ держатъ въ кабакахъ, хватаютъ и уводятъ въ тюрьму всѣхъ, кто, забывшись или въ опьяненіи, осмѣлится произнесть хоть малѣйшій намекъ». (Ibid., 289, 148). За арестомъ же въ большинствѣ случаевъ слѣдовала пытка, за пыткою признаніе, за признаніемъ казнь, кнутъ, вырѣзываніе ноздрей, вырѣзываніе языка, пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ или ссылка, жестокая ссылка, часто безъ суда, по одному только ордеру какого-нибудь Меншикова или Бирона.

Положеніе политическихъ ссыльныхъ было ужасное. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, приставъ, караулившій графа де-Санти, сосланнаго въ усть-вилюйское зимовье на пустынномъ сѣверѣ якутской области. «Живемъ мы,—онъ, Сантій, я и караульные солдаты,—въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая. А находимся съ нимъ, Сантіемъ, во всеконечной нуждѣ, печки у насъ нѣтъ, и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ напечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ, и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны. А колодникъ Сантій весьма дряхлъ и всегда въ бо-

лѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ». Обращеніе съ политическими ссыльными было самое жестокое; Долгорукіе, напримѣръ, получили въ Березовѣ 15 розогъ за игру въ горохъ. За простое сочувствіе къ политическимъ опальнымъ, за самыя невинныя сношенія съ ними людей драли кнутомъ, вырывали ноздри, ссылали. Когда Ивашкинъ, перенесшій въ Сибири ужасныя мученія за нѣсколько пьяныхъ словъ объ Елисаветѣ, во время пересылки въ Сибирь заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ рапортовалъ о невозможности везти его дальше Иркутска, то врачъ Вакеманъ не рѣшился помочь ему, хотя и нашелъ, что онъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и имѣетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ. Множество опальниковъ умирало въ ссылкѣ, многихъ, отправленныхъ подъ вымышленными именами или просто безъ именъ, какъ водилось тогда, при амнистіи Екатерины II никакъ не могли отыскать, многіе погибали нравственно. Сколько народа, сколько силъ и дарованій погублено такимъ образомъ! Вѣдь, по словамъ «Тобольскаго Лѣтописца», въ теченіе десяти лѣтъ по ноябрь 1740 г. въ одну только Сибирь и однихъ только дворянъ и чиновниковъ сослано 20,000 человѣкъ... Страхъ царилъ надъ умами правителей до такой степени, что даже трупъ политическаго преступника казался подозрительнымъ. Сосланный при Екатеринѣ I Ѳеодосій Яновскій, заключенный пожизненно и неисходно въ одной изъ тюремъ архангельской губерніи, умеръ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, какъ его запечатали въ тюремной кельѣ. Его похоронили; но тайная канцелярія велѣла, вырывъ трупъ изъ земли, «учинить анатомію, изъ Ѳедосова тѣла внутренности вынуть, а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ подъ конвоемъ, съ подтвержденіемъ, якобы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами». Трупъ отправленъ, но около Каргополя его встрѣтилъ кабинетскій курьеръ и осмотрѣвъ—«не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ, чего не явилось» — похоронилъ его.

При Петрѣ были такія же гоненія, доносы, казни, ссылки, но это сводилось тогда къ великой идеѣ реформы; въ послѣпетровскую же эпоху терроризація была только средствомъ борьбы за добычу и результатомъ страха, который всецѣло господствуетъ надъ умами при такихъ порядкахъ.

Великое дѣло народнаго образованія, начатое Петромъ, не могло въ эту эпоху идти по тому же направленію, какое далъ ему реформаторъ. «Цѣль русскаго двора»—писалъ въ 1738 г. французскій агентъ—«бросать пыль въ глаза цѣлой Европѣ. Цѣль двора достигнута, если въ Европѣ говорятъ, что Россія богата». Съ этой-то цѣлью основываютъ и содержатъ заведенія математическія и астрономическія, «совершенно пренебрегая народными школами, находящимися въ упадкѣ». (Марк. Шетарди, 21). Но и основанныхъ въ этотъ періодъ времени академіи наукъ и московскомъ университетѣ дѣла шли плохо. «Весь плодъ, какой эта академія принесла въ 28 лѣтъ»,—пишетъ Манштейнъ,—«состоитъ только въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь по петербургскому полуденнику, могутъ читать на своемъ языкѣ вѣдомости и нѣсколько пріобщниковъ академіи сдѣлались довольно искусными въ математикѣ и философіи, чтобы заслужить жалованье отъ 600 до 800 р. Что же касается русскихъ, то очень мало еще находится столь ученыхъ, чтобы могли заступить профессорскія мѣста». Усилившаяся въ это время непріязнь къ иностранцамъ какъ нельзя болѣе вредила успѣхамъ академіи, положивъ начало почти столѣтней борьбѣ русскихъ академиковъ съ нѣмецкими. «Почти всѣ ученые тамъ люди»—писалъ Волчковъ—«наиболѣе упражняются въ безпрестанныхъ ссорахъ и враждахъ за мнимое свое преимущество въ наукахъ». Русскіе ученики успѣвали крайне плохо; въ этомъ видѣли «*нѣмецкую интригу*», и академикъ Шумахеръ попалъ подъ слѣдствіе за то, между прочимъ, что въ 18 лѣтъ не сдѣлалъ ни одного профессора изъ русскихъ, а «выбранныхъ по указу изъ московскихъ училищъ учениковъ, что ни лучшихъ и остроумныхъ богослововъ и философовъ, порицалъ негодными и непонятными»; что онъ «установленіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти г. и. Петра В. испровергъ и тщался злоумышленно науки искоренить и супостатамъ отечества россійскаго, нѣмцамъ, всѣ академическія тайны сообщалъ». (Чтенія, 1860, III, 60 и др.). Отстаивая такъ ревностно народный элементъ въ академіи, объ образованіи народа не только не заботились, но даже предумѣренно препятствовали ему. Въ утвержденномъ проектѣ объ учрежденіи московскаго университета было постановлено, что «крѣпостныхъ людей нельзя принимать ни въ университетъ, ни въ гимназію, потому что науки почитаются благородными занятіями и не терпятъ принужденія; для различія дворянъ отъ разночинцевъ предписано учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ» (Ж. М. Н. Пр. 1865 г., X, прилож., 57). Въ проектѣ объ учрежденіи батуринскаго университета высказалась та же сословная тенденція. «Понеже науки по справедливости между благороднѣйшими упражненіями считаются и не терпятъ никакого принужденія, того ради, какъ въ семинарію при университетѣ, такъ и въ университетъ не принимать никакихъ крѣпостныхъ людей».

Между тѣмъ, тупая ненависть гасильниковъ къ дѣлу разума получила силу, какой она не имѣла и не могла имѣть при Петрѣ. Гнусный промыселъ литературныхъ доносовъ началъ развиваться больше и больше, и благодаря ему, тогдашняя литературная полемика иногда оканчивалась въ застѣнкахъ тайной канцеляріи. Такъ, напримѣръ, Абрамовъ доносилъ на переводчиковъ сочиненій Гюйгенса и Фонтенеля. «Изъ гюйгенсовой и фонтенелевой печатныхъ книжицъ сатанинское коварство явно суть видимо. Въ нихъ же о сотвореніи міра напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихъ лживыхъ боговъ именами. Землю же, съ Коперникомъ, около солнца обращающу-

юся и звѣзды многія толькими же солнцами быти и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ оныхъ глобусахъ таковымъ же землямъ, якоже и наша, быти научаютъ; и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, якоже и на нашей землѣ, быти утверждаютъ; и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыка, и дѣтородные уды, и рожденіе и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И тако на каждыхъ глобусныхъ земляхъ собственныя вездѣ солнцы и луны быти утверждаютъ и множественное ихъ число исчисляютъ: и на нихъ земли съ жители, звѣри, и гады, и пажити такожде, яко и на нашей землѣ, все быти научаютъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ вспоминаютъ; якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителямъ и всей твари дастъ; и тако вкрадчися, хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звѣздѣ книжищи авторъ написалъ еще: егда 25,000 лѣтъ пройдетъ, паки полярная звѣзда на тое же мѣсто пріидетъ, идѣ же нынѣ стоитъ. И прочая басенные, атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныхъ книжищахъ разсѣваютъ, и самихъ ихъ (т. е. авторовъ) въ почтенныхъ достоинствахъ и во властѣхъ быти попускаютъ. Прилично заградить ихъ нечестивыя уста». (Пекарскій, Наука и литер при П. В. I, 511). Вся почтенная дѣятельность извѣстнаго историка, академика и отца русской журналистики, Миллера, сопровождалась подобными доносами. Тредьяковскій напр., доносилъ на него за напечатаніе оды, въ которой этотъ бездарный піита «по ревности и вѣрѣ своей къ истинному слову Божію, въ священномъ писаніи вѣщающему, покорно донося», указывая ложь на псаломника и богопротивность, состоящія въ томъ, что авторъ разсуждалъ о множествѣ міровъ и безконечности вселенной. Крекшинъ обвинялъ Миллера въ государственномъ преступленіи за то, что въ одной изъ своихъ рукописей онъ сдѣлалъ много выписокъ, оскорбительныхъ для русскихъ царей и императоровъ. Ломоносовъ и другіе академики долго привязывались къ нему за то, что въ своей сибирской исторіи онъ упомянулъ о разбойничествахъ завоевателей Сибири. Его преслѣдовали за то, что въ своей рѣчи о происхожденіи русскаго народа «онъ ни одного случая не показалъ къ славѣ россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ. А напослѣдокъ, удивленія достойно, употребилъ экспрессію, что скандинавы побѣдоноснымъ своимъ оружіемъ благополучно себѣ Россію покорили». Вслѣдствіе подобныхъ обвиненій, Миллера тѣснили, оскорбляли, обыскивали, даже подвергали домашнему аресту. (Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, I, 343, 347, 360). Не менѣе страдалъ отъ доносовъ и другой знаменитый дѣятель того времени, Ломоносовъ. Его гимнъ бородѣ, напр., поднялъ противъ него цѣлую бурю, хотя въ этомъ гимнѣ, мѣтившемъ преимущественно на раскольниковъ, не было ничего особенно возмутительнаго и самые рѣзкіе стихи были слѣдующіе:

Борода предорогая,
Жаль, что ты не крещена,
И что тѣла часть срамна
Тѣмъ тебѣ предпочтена....
Дураки, врали, пролазы
Были бъ безъ нея безглазы;
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ,—
Ею цѣлъ и здравъ ихъ зракъ!...
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О, завѣса мнѣній ложныхъ!...

Тредьяковскій доносилъ, что авторъ гимна «явилъ безбожное свое намѣреніе и желаніе, чтобъ обругать христіанское ученіе и таинства вѣрѣ нашея»; что «сей безбожный сумасбродъ, пьяница, негодный ярыга, ходя по разнымъ домамъ и компаніямъ, въ разговоры употребляетъ всякія насмѣшки и ругательства благочестивому закону нашему, презираетъ уставы онаго, и все то ни во что вмѣняетъ, что добрые люди, родившіеся въ христіанствѣ, за святое и спасительное почитаютъ; онъ безъ разбору на весь духовный чинъ вездѣ, какъ песъ, лаетъ». На Ломоносова посыпалось столько самыхъ безсовѣстныхъ обвиненій, самыхъ наглыхъ ругательствъ, поднялось столько голосовъ, требовавшихъ наказанія этого «преступника», что даже Сумароковъ, не смотря на свое соперничество съ нимъ, счелъ долгомъ вступиться за него.

«Пронесся *слухъ*, хотятъ кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
Безбожника сего всемѣстно проклинаютъ,
И беззаконіе его всѣ люди знаютъ:
Неизрѣченный вредъ закону и бѣда—
Обругана совсѣмъ честная борода!..

Такъ писалъ Сумароковъ, потѣшаясь надъ ужаснымъ переполохомъ, поднятымъ Ломоносовскимъ гимномъ. Переполохъ и негодованіе на автора были до того сильны, что синодъ взошелъ къ императрицѣ съ особымъ докладомъ по этому поводу. «Въ недавнемъ времени» — говоритъ докладъ — «проявились въ народѣ пашквильные стихи, подписанные *гимнъ бородѣ*, въ которыхъ недовольно того, что тотъ пашквилянтъ, подъ видомъ, якобы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства, генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ, но и тайну св. крещенія богопротивно обругалъ и чрезъ названіе бороды ложныхъ мнѣній завѣсою, всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ... Того ради, синодъ всенижайше проситъ, чтобъ В. И. В., яко Богомъ данная и истинная церкви и вѣры святой и духовному чину защитница, всемилостивѣйше указать соизволили, таковые соблазнительные и ругательные пашквили истребить и публично сжечь и впредь то чинить запретить, а означеннаго Ломоносова, для надлежащаго увѣщанія и исправленія, въ синодъ отослать» (Библіогр. Записки, 1859 г., 463—475; Чтенія, 1865, I, 60). Ломоносовъ, впрочемъ, избавился отъ такой бѣды... Ли-

тературныя ищейки зорко слѣдили не только за малочисленными произведеніями русской младенческой литературы, но и за всѣмъ, что печаталось о Россіи за границей. Появится только въ Европѣ какая-нибудь книжка о Россіи, чуждая раболѣпной офиціозности, — тотчасъ нашимъ посланникамъ предписывается стараться о томъ, «чтобы оное бездѣльное изданіе, яко предосудительный пасквильный либель, не только опровержено и конфисковано было, но и онаго авторъ за таковую его безстыдную и злостную продерзость чувствительно и жестоко наказанъ былъ». (Библ. Зап., 1859, 550). Въ 1757 году синодъ доносилъ императрицѣ, что въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ академіей, «нетокмо многочестнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые переводы и сочиненія находятся, многія, а индѣ и безчисленныя мѣры быти утверждающія, что и св. писанію и вѣрѣ христіанской крайне противно есть и многимъ неутвержденнымъ причину къ натурализму и безбожію подаетъ. Того ради, всеподданнѣйше о семъ донося, падаемъ къ стопамъ В. И. В., запретить и вездѣ въ имперіи публиковать, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ св. противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался». (Чтенія, 1867, I, 7). Подобные ходатайства и доносы литературныхъ сыщиковъ имѣли полный успѣхъ. Многія книги, изданныя при Петрѣ, отбирались и сожигались. При Аннѣ Ивановнѣ старались изъять изъ обращенія по всей имперіи «Введеніе въ Исторію Европейскихъ Государствъ» Пуффендорфа. При той же Аннѣ Волынскому поставлено въ вину имѣніе у себя сочиненій Юста Липсія и Макіавелли. Въ 1737 г. библіотека кн. Голицына, судившагося между прочимъ за «богомерзкое» мнѣніе, что «совѣсть надлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго»,—библіотека, состоявшая изъ 6,000 иностранныхъ и русскихъ книгъ, была конфискована съ повелѣніемъ отобрать изъ нея и истребить всѣ вредныя книги ея, въ особенности же «Махіавелевы и Бокалиновы» (Б. З., 1861, 319). Въ 1742 г. нышелъ даже указъ, чтобы всѣ книги, напечатанныя въ предыдущія царствованія, представлять въ синодъ и въ академію наукъ для надлежащаго исправленія, а въ 1750 г. запрещенъ ввозъ иностранныхъ книгъ въ Россію. Рядомъ указовъ была создана строгая цензурная опека; всѣ книги гражданскаго и духовнаго содержанія просматривались въ академіи наукъ, въ типографіяхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 1751 г. введена цензура для газетъ. Въ 1759 г. по поводу самаго невиннаго стихотворенія въ честь одной танцовщицы, напечатаннаго въ миллеровскомъ журналѣ, установлена для него предварительная цензура. Программа издававшихся Миллеромъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» была до того ограничена, что изъ нея исключены не только статьи богословскія, критическія и такія, которыми могъ кто-нибудь оскорбиться, но и постановлено, чтобы «изъ высокихъ наукъ, яко-то: изъ астрономическихъ наблюденій и исчисленій, изъ физики, математическими вычетами изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія совершеннаго самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ книжки не вносить». Юную русскую мысль вязали, жали и давили со всѣхъ сторонъ, направляя ее преимущественно на тонъ панегирика и другихъ подобныхъ услугъ. Достаточно припомнить, что въ это время наши писатели, профессора, академики обязаны были между прочимъ потѣшать публику во время общественныхъ и придворныхъ празднествъ, писать оды и потѣшныя стихи, приготовлять иллюминаціи, вензеля, фейерверки. Русская литература этого времени до того была проникнута хвалебнымъ раболѣпіемъ, что представителемъ ея въ этомъ отношеніи должно считать Тредьяковскаго въ тотъ моментъ его жизни, когда онъ, держа надъ головой свою оду, черезъ длинный дворцовый залъ ползетъ на колѣняхъ къ Аннѣ, на колѣняхъ же читаетъ ей свой панегирикъ, и въ награду, по его собственнымъ словамъ, «жалуется всемилостивѣйшей оплеушиной»...

Среди этого реакціоннаго хаоса невольно привлекаетъ на себя вниманіе замѣчательная личность Ломоносова, который въ эту эпоху реакціи и бездѣлья энергично поддерживалъ просвѣтительное дѣло Петра, блистательно защищая права науки и разума и будучи «первымъ русскимъ университетомъ». Много нравственныхъ недостатковъ было у Ломоносова, но и въ нравственномъ отношеніи не можетъ не возбуждать нашего сочувствія этотъ геніальный крестьянинъ, который среди общества, насквозь пропитаннаго раболѣпіемъ, смѣло заявляетъ о себѣ: «нетокмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога!» Впрочемъ, и Ломоносовъ не совсѣмъ былъ вѣренъ традиціямъ обожаемаго имъ Петра и не совсѣмъ свободенъ отъ реакціонныхъ вліяній своего времени: въ его борьбѣ съ нѣмцами, далеко не безкорыстной, довольно ясно проглядываетъ то направленіе, которое впослѣдствіи получило названіе славянофильства.

III.

1762—1796 г.

Шестимѣсячное царствованіе Петра III задѣло нѣсколько самыхъ существенныхъ вопросовъ русской жизни, и въ этомъ отношеніи его можно считать прелюдіей екатерининскаго вѣка. Идеаломъ Петра былъ Фридрихъ Великій, и этимъ только можно объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ реформъ страннаго государя, старавшагося во всемъ подражать Фридриху.

Петръ даровалъ всѣмъ раскольникамъ полную амнистію и свободу вѣры, остановилъ всѣ гоненія противъ нихъ и велѣлъ назначить къ раскольничьимъ обществамъ особыхъ попечителей для защиты ихъ отъ православнаго духовенства. Хлысты и скопцы провозгласили его за это Христомъ, а православное духовенство вознегодовало.

Еще болѣе либеральною, болѣе благодѣтельною мѣрою было уничтоженіе тайной канцеляріи, бывшей въ теченіе полувѣка страшилищемъ народа. Всѣ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію этого инквизиціоннаго трибунала, велѣно разсматривать и рѣшать въ сенатѣ; «ненавистное израженіе *слово и дѣло*» вовсе запрещено, а доносы по политическимъ дѣламъ приказано подавать въ обыкновенныя судебныя мѣста.

Духовенство, не благоволившее къ Петру за его терпимость и убѣжденное въ его неправославіи, еще болѣе возмутилось указомъ 21 марта 1762 г., которымъ отобраны отъ церквей и монастырей всѣ крестьяне и вся земля, которую они обработывали, отдана имъ въ собственность.

Съ этими мѣрами мало гармонировалъ манифестъ 18 февраля 1762 г., которымъ «на вѣчныя времена и въ потомственные роды пожалована всему благородному россійскому дворянству вольность и свобода». Дворянинъ могъ служить и не служить, выѣзжать въ другія государства, поступать на иностранную службу.

«Вольность дворянства» необходимо вела за собою окончательное порабощеніе крестьянъ. Прежде государство давало крестьянъ помѣщику и дозволяло ему владѣть ими только за службу; когда послѣдняя обязанность была снята, крестьяне превратились въ полную собственность своихъ владѣльцевъ. Дворянство съ восторгомъ приняло манифестъ Петра. Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи сооружить ему золотую статую. Піиты воспѣвали императора за то, что онъ «Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство»; московскіе дворяне черезъ своего депутата приносили ему «нижайшія и рабскія благодаренія», благородныя души крѣпостниковъ были наполнены радостью...

Но дарованная дворянству вольность, освобожденіе монастырскихъ и церковныхъ крѣпостныхъ, а также запрещеніе покупать къ фабрикамъ и заводамъ деревни,—все это возбудило надежды крестьянства на свободу. Въ губерніяхъ московской, тверской, смоленской, казанской и на уральскихъ заводахъ вспыхнули крестьянскіе бунты, которые пришлось усмирять войсками и пушками. Крестьянамъ объявлено, что о свободѣ нечего и думать, а помѣщикамъ дана не только полицейская, но и судебная власть въ деревняхъ, и военныя команды обязаны наказывать крестьянъ по одному лишь требованію ихъ владѣльцевъ.

Дворянство, такимъ образомъ, получило не только полную *вольность*, но и совершенную *своевольность*.

Между тѣмъ 28 іюня 1762 г., Екатерина, скакавшая изъ Петергофа въ Петербургъ и провозглашенная здѣсь императрицею, въ мужскомъ военномъ мундирѣ, верхомъ на лошади, съ саблею наголо повела войска на Ораніенбаумъ, гдѣ сидѣлъ Петръ со своими голштинцами. Императоръ отрекся отъ престола и черезъ семь дней умеръ въ Ропшѣ... Разсказавъ въ манифестѣ объ обстоятельствахъ своего воцаренія, осудивъ Петра III за пренебреженіе всѣхъ законовъ государственныхъ, за безполезныя войны, за истощеніе казны, за неправославность, Екатерина откровенно заявила, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляетъ ее всѣми силами стараться о поправленіи государственныхъ дѣлъ, о пріобрѣтеніи любви подданныхъ, объ искорененіи причинъ, возбуждавшихъ неудовольствія противъ ея мужа и ведшихъ за собою его устраненіе отъ престола.

Дѣйствіе указовъ о вольности дворянской и объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ было пріостановлено, чтобы успокоить волненіе низшихъ классовъ и недовольство духовенства. Но отмѣна указа о монастырскихъ крестьянахъ возбудила во многихъ мѣстахъ сильные бунты, и вслѣдствіе этого, въ маѣ 1763 г., законъ Петра III былъ возстановленъ, крестьяне освобождены, а болѣе всѣхъ протестовавшій противъ этого ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, по суду синода, разстриженъ и подъ именемъ *Андрея Враля* посланъ въ Ревель на вѣчное заточеніе.

Подтвердивъ указъ Петра объ уничтоженіи тайной канцеляріи, Екатерина не разъ торжественно заявляла, что она считаетъ своимъ первымъ долгомъ искоренить «язву неправды и лихоимства», ограничить произволъ правителей, поправить экономическія дѣла государства, принять всѣ мѣры для развитія торговли и «къ облегченію народному» издать прочные и человѣколюбивые законы, поднять уровень народнаго образованія, ограничить деспотизмъ помѣщиковъ, ввести порядокъ въ администрацію и т. д. Со свойственнымъ ей тактомъ и умомъ Екатерина II поняла, что дѣло, начатое Петромъ I, нельзя остановить, и потому она, послѣ цѣлаго ряда реакцій и государственныхъ интригъ, явилась представительницей идей Петра Великаго. Она не мало сдѣлала для Россіи,—припомнимъ только ея заботы о народномъ образованіи, о развитіи промышленности и литературы, о законодательствѣ, о внесеніи порядка въ хаосъ администраціи; припомнимъ ея борьбу противъ ханжества, суевѣрія, жестокостей и пытокъ, ея вѣротерпимость, дарованіе льготъ раскольникамъ и т. д. Теоретическій либерализмъ государыни шелъ еще дальше. Другъ Вольтера, Дидро и д'Аламбера, поклонница Беккаріа, Екатерина въ этомъ отношеніи стояла на ряду съ самыми передовыми людьми своего вѣка, и ея «Наказъ» былъ запрещенъ во Франціи, какъ возмутительная, подрывающая «священныя основы общества» книга... Безграничное самолюбіе было одною изъ главнѣйшихъ пружинъ дѣятельности Екатерины; она хотѣла быть не только самымъ могущественнымъ изъ государей, но и самымъ образованнымъ, самымъ передовымъ изъ коронованныхъ лицъ. Ей хотѣлось затмить славу Петра Великаго. Но, равняясь съ Петромъ страстностью своей натуры, Екатерина не обладала ни его непреклонной энергіей, ни его беззавѣтною преданностью идеѣ. На первомъ планѣ у нея всегда стояли личные интересы, а государственная дѣятельность служила ей прежде всего средствомъ для славы и для упроченія своего положенія. Люди, окружавшіе тронъ ея,

были отраженіемъ ея собственныхъ качествъ и недостатковъ, и никто лучше не могъ руководить государственными дѣятелями этой эпохи.

Нужно однако замѣтить, что, дѣлая и сочиняя такъ много для внѣшняго блеска, для шума и славы, Екатерина никогда не прочь осуществлять свои либеральныя идеи, если только онѣ не шли въ разрѣзъ съ интересами ея положенія. Но при этомъ она дѣйствовала не такъ рѣшительно, какъ Петръ I, а болѣе практически, или обходила встрѣчавшіяся препятствія, или, видя невозможность выполненія своей мысли, подчинялась ходу обстоятельствъ.

Первая половина царствованія Екатерины была періодомъ усиленной умственной дѣятельности. Академія наукъ, московскій университетъ, вновь открытыя учебныя заведенія, ученыя экспедиціи, поѣздки русскихъ за границу и ихъ занятія въ иностранныхъ университетахъ, просвѣтительная дѣятельность Новикова и его друзей, развитіе журналистики, призванной помогать правительству въ его реформахъ, оживленіе литературы, переводъ на русскій языкъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній европейскаго ума,—все это не могло не отозваться самымъ благотворнымъ образомъ на умственномъ развитіи общества. Реноме свободнаго мыслителя было самымъ желательнымъ титуломъ порядочнаго русскаго человѣка. Правда, весь этотъ либерализмъ былъ наружнымъ лакомъ, и М. Димитріевъ, желавшій написать екатерининскому вѣку панегирикъ, а вмѣсто того сочинившій что-то въ родѣ сатиры, справедливо, хотя и съ неумѣстнымъ восторгомъ, восклицаетъ, что—

Здѣсь пріютъ послѣдній славы
Вѣкъ минувшій находилъ,
И подъ сѣнію державы,
Философствуя, шутилъ...

Дѣйствительно, большинство *шутило* и забавлялось гуманными идеями XVIII вѣка. Но были люди, къ которымъ вполнѣ прививались научныя и гуманныя идеи Запада, у которыхъ слово не расходилось съ дѣломъ и теоретическій либерализмъ переходилъ въ практику. Таковъ былъ, напримѣръ, Радищевъ.

Переносясь на русскую практическую почву, либеральная мысль съ перваго же шага наталкивалась на одну изъ основъ тогдашняго государства, на крѣпостное право. Сама Екатерина не прочь была отдѣлаться отъ этой язвы, очень хорошо понимая не только весь вредъ ея для государственнаго организма, но и то, что въ рабствѣ крестьянъ заключается роковая причина ужасныхъ смутъ, періодически потрясавшихъ Россію, и постояннаго колебанія ея между реакціей и прогрессомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ оберъ-прокурору кн. Вяземскому, она, вооружаясь противъ «несноснаго и жестокаго ига» помѣщиковъ, увеличиваемаго еще нѣкоторыми распоряженіями сената, говоритъ, что при такихъ порядкахъ «бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ... Всякая малость можетъ привесть крестьянъ въ отчаяніе... Прошу быть весьма осторожну, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокостей и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противъ нашей воли сами оную (т.-е. волю) возьмутъ рано или поздно». (XVIII вѣкъ, III, 390).

Но положеніе Екатерины въ этомъ вопросѣ было самое критическое. Взошедши на тронъ при помощи дворянства, будучи окружена богатѣйшими помѣщиками государства, она опасалась приступить къ дѣлу прямо и рѣшительно, а начала постепенно приготовлять къ нему общественное мнѣніе, стараясь въ то же время измѣрить силы враговъ эманципаціи. Въ журналистикѣ была допущена нѣкоторая, весьма, впрочемъ, слабая, пропаганда противъ крѣпостничества. Въ 1766 г., по мысли и съ участіемъ Екатерины и гр. Орлова, вольно-экономическое общество предложило премію за лучшее рѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Премію получилъ иностранецъ Беарде Делабей, который хотя и рѣшаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ и яркими красками рисуетъ ужасы рабства, но въ то же время настаиваетъ, что вдругъ освобождать «рабовъ» нельзя, а «нужно пріуготовить ихъ къ принятію вольности прежде, нежели дана имъ будетъ какая-нибудь собственность». Въ такомъ же умѣренномъ смыслѣ рѣшалъ вопросъ и образованный русскій законовѣдъ того времени, Полѣновъ. Доказывая, что «къ одобренію и поправленію крестьянства» необходимо дать ему право поземельной собственности, что «конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно», такъ какъ порождаетъ бунты и смуты, Полѣновъ самыми мрачными чертами обрисовываетъ положеніе крестьянъ, «которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства... Поистинѣ сказать, сколь много должны мы быть обязаны такимъ людямъ, которые, будучи всегда готовы на защищеніе отечества, проливаютъ за него кровь свою, которые, избавляя прочихъ отъ тяжкихъ трудовъ и безпокойствій, питаютъ ихъ изобильно, которые, не имѣя сами почти ничего, снабдѣваютъ другихъ такъ щедро, которые во все время своей жизни, не видя сами себѣ никакой отрады, единственно упражняются въ пріумноженіи посторонней пользы; однимъ словомъ, наша жизнь, наша безопасность, всѣ наши выгоды состоятъ въ ихъ власти и неразрушеннымъ союзомъ совокуплены съ ихъ состояніемъ. Но мы, позабывъ всѣ сіи великія благодѣянія, вмѣсто почтенія платимъ презрѣніемъ, вмѣсто благодаренія воздаемъ обиды, вмѣсто попеченія ничего, кромѣ разоренія, не видно». Полѣновъ предлагалъ: куплю-продажу людей «неотмѣнно уничтожить», обезпечить за крестьянами полныя права движимой и недвижимой собственности, обязательныя работы на помѣщика «учредить такъ, чтобы крестьянинъ одинъ день въ недѣлю работалъ на своего господина, а въ прочіе на себя». «Просвѣтить народъ ученіемъ, сохранить его здравіе, наставить при помощи здраваго нравоученія на путь добродѣтельной жизни—главные должны быть законовъ предметы». Для этого Полѣновъ считалъ не-

обходимымъ завести всюду школы, лѣкарей, аптеки. Проектъ Полѣнова въ очень многомъ сходенъ съ положеніемъ 19 февраля (Р. Арх., 1865, стр. 510—541).

Но немного было тогда въ Россіи людей, подобныхъ Полѣнову, и вопросъ, предложенный Екатериной и экономическимъ обществомъ, возбудилъ въ большинствѣ одно только чувство негодованія и раздраженія противъ посягателей на «священное право собственности». Какъ отстаивали крѣпостники свои «священныя права», можетъ показать слѣдующая записка, присланная однимъ помѣщикомъ въ экономическое общество по поводу вышеупомянутой преміи:

«Понеже сдѣлана въ прошломъ 1766 г. амблематъ, т.-е. задачи: рѣшить, что полезнѣе ради поселянъ, быть ли имъ обладателями одного движимаго имѣнія или недвижимаго къ пользѣ государства, на что всепокорно доношу и нижайше прошу двѣ причины мнѣ зачесть въ отпущеніе:

1) Опоздалъ я вышерѣченный амблематъ рѣшить за болѣзнію моею, что я пролежалъ весь прошлый годъ жестокой лихорадкой.

2) Штиль мой, т.-е. композиція не очень исправна, идеографіи во ономъ композическомъ штилѣ не имѣется. Того для прошу смотрѣть на мое мнѣніе, а не на композицію, понеже я человѣкъ не грамотикальный и никакихъ исторій отъ роду не читывалъ...»

«3) При свободѣ крестьяне будутъ огурничать еще больше, какъ нынѣ, и на обширной россійской землѣ будутъ переходить съ мѣста на мѣсто, дѣлая помѣшательство въ государственныхъ сборахъ, а за моремъ, у неправославныхъ христіанъ, за грѣхи ихъ, по числу людей земли имѣется весьма малая толика, такъ что каждый крестьянинъ радъ тому, что отжухарится».

«4) У крестьянъ съ помѣщиками, если бы крестьяне были на заморскомъ основаніи, была бы тяжба безконечная, и ихъ сіятельства фельдмаршалы и фельдцейхмейстеры, командующіе славною россійскою арміей, были бы принуждены на огурщиковъ бить челомъ комиссарамъ...»

«5) Изъ крестьянъ помѣщики научаютъ не только камардинству, но и столярству и партесному пѣнію; того ради, ежели бы поселяне по заморскому отъ господъ зависѣли, такъ бы у иного помѣщика некому было и студено искрошить, а не только сдѣлать какой фракасей, т.-е. поливай, или супа, т.-е. похлебки, или паштета, т.-е. пирога. А за моремъ фракасейскихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь».

«6) Какъ наша Россія многонародна столько будетъ, какъ Галанское королевство, попы наши такъ грамотны будутъ, какъ попы иноземческіе, дворяне—такіе астрономы, какъ англинскіе и французскіе, а крестьяне будутъ знать букварь, и слѣдовательно, будутъ совѣстнѣй и больше будутъ повиноваться страху Божію и чаще будутъ ходить въ церкви, нежели въ питейные дома, не будутъ на Волгѣ разбивать струговъ, и наша чернь о мастерствахъ заморскихъ лучшее понятіе получитъ, умнѣе станетъ, тогда можно будетъ имъ, крестьянамъ, быть на заморскомъ основаніи. А сіе мое композическое сочиненіе—сущая, неложная правда!» (Р. Арх., 1870 г., 288—291).

Мысли этого нелѣпаго «композическаго» сочинителя раздѣляли даже образованнѣйшіе люди того времени, напр., Сумароковъ, писавшій Екатеринѣ, что крестьяне не созрѣли еще до освобожденія, которое должно повергнуть страну въ анархію. «Гдѣ же брать деньги, когда крестьяне будутъ свободны?» Не видѣлъ онъ никакой надобности и въ томъ, чтобы учить «подлый народъ», а совѣтовалъ государынѣ лучше награждать знаменитыхъ писателей, т. е. его, Сумарокова. Точно такими же доводами отстаивала крѣпостное право и кн. Дашкова въ своемъ разговорѣ съ Дидро. «Свобода безъ образованія непремѣнно вызоветъ безначаліе и смуту. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщенны, тогда они сдѣлаются достойными свободы, потому что будутъ умѣть пользоваться ею, не вредя своимъ согражданамъ и не нарушая необходимой во всякомъ цивилизованномъ обществѣ подчиненности». (XVIII в., I, 271). Одинъ изъ самыхъ мыслящихъ людей того времени, Болтинъ, пишетъ: «не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ пособія и облегченія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; *прежде должно учинить свободными души рабовъ*, какъ говоритъ Руссо, *а потомъ уже тѣла*... Не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться... Та же самая вольность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другого будетъ руководствомъ къ несчастію, къ погибели. Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ; германская не сдѣлаетъ ихъ состоянія лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голоду, а англійская низвергнетъ ихъ въ бездну... Все благоразуміе въ томъ должно состоять, чтобы не прежде имъ даровать свободу, какъ научаихъ познать ея цѣну и какъ надлежитъ ею пользоваться». Неизвѣстный авторъ «Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ», размышленія, сдѣлавшагося чѣмъ-то въ родѣ символа для нашихъ крѣпостниковъ, напр., для Карамзина, говоритъ еще рѣшительнѣе противъ эманципаціи, приводя противъ нея, между прочимъ, слѣдующіе аргументы. «Если мы возьмемъ физическое положеніе страны нашей, то увидимъ, что холодный климатъ, возбраняющій дѣйствія транспираціи, а проницательнымъ своимъ воздухомъ сжимающій наши жилы, побуждаетъ насъ къ принятію болѣе пищи, нежели въ полуденныхъ климатахъ; а сіе производитъ многокровіе и дѣлаетъ характеры наши сангвиническими; довольно же всѣмъ извѣстно, что сангвиническій характеръ есть *характеръ наглый и стремительный* въ предпріятіяхъ своихъ, которыя безъ дальняго размышленія

и начинаютъ; а если по роду жизни примѣшается къ одному флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее состояніе суровости и злопамятства... По сему извѣстному характеру да разсудитъ каждый, легко ли таковыхъ поселянъ, учиня ихъ свободными, общими законами задержать!.. Флегматическій характеръ производится отъ застоя движенія крови въ зимніе мѣсяцы и отъ недостатка движенія тѣла, также отъ самыхъ топленыхъ покоевъ, въ коихъ густота воздуха приводитъ въ ослабленіе наши члены, къ лѣности и къ увальчивости насъ склонными чинитъ: при свободѣ же крестьянъ не умножатся ли сіи характеристическіе пороки?.. Россійскій народъ, по ослабленіи надъ нимъ начальства, впадаетъ въ безпрерывную лѣность, ибо точно примѣчено, гдѣ менѣе съ крестьянъ берутъ оброка, т.-е. менѣе побужденія имъ промышлять себѣ прибыль, тамъ они бѣднѣе становятся и болѣе впадаютъ въ лѣность». (Чтенія, 1861 г., III).

Такимъ образомъ и дикіе, тупоумные помѣщики, и самые образованные люди сходились между собою въ томъ мнѣніи, что безъ крѣпостного права никакъ не можетъ существовать то, по выраженію Державина, «росско множество дворянъ», среди котораго постоянно—

Герои славные бываютъ,
Собою царство подпираютъ.

Свои корыстные расчеты поборники крѣпостничества прикрывали, какъ уже видѣлъ читатель, той идеей, что Россія не созрѣла еще до свободы, что къ ней не приложима свобода западная, что у насъ если и должна быть свобода, то своя, особенная. Они выѣзжали на той же псевдонаціональной идеѣ, которою впослѣдствіи пользовались Карамзинъ, Шишковъ, Булгаринъ, Гречъ и которую въ наши дни съ такимъ успѣхомъ эксплуатируетъ архистратигъ «Московскихъ Вѣдомостей» со своими усердными прихвостнями, въ родѣ «Зари», «Голоса» и имъ подобныхъ стражей «*порядка*» и агентовъ умопомраченія.

Одновременно съ возбужденіемъ крестьянскаго вопроса Екатерина затѣяла другое, еще болѣе либеральное предпріятіе,—законодательную комиссію изъ выборныхъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій. Все, что было въ Европѣ умнаго, либеральнаго, образованнаго, разразилось рукоплесканіями «Семирамидѣ Сѣвера». Цѣлью этой комиссіи было то же самое составленіе законовъ, о которомъ такъ долго и такъ напрасно хлопотали во всѣ предыдущія царствованія. Депутаты должны были заявить о «нуждахъ и чувствительныхъ недостаткахъ народа» и совершить подготовительныя работы для новаго уложенія, которое окончательно разсматриваться должно было въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Другою, не менѣе важною цѣлью Екатерины было узнать духъ, направленіе и силу разныхъ сословій, отыскать въ нихъ наиболѣе прочную опору для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, примѣрить свой чисто-теоретическій либерализмъ къ дѣйствительнымъ отношеніямъ русской жизни. Сама Екатерина говоритъ, что комиссія «подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ мы дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны». Но эти «свѣтъ и свѣдѣнія» шли въ разрѣзъ съ общенародною пользою и наносили роковой ударъ прогрессивному стремленію. Ея «Наказъ» пугалъ многихъ своею прогрессивностію и былъ совершенно непонятенъ для большинства. Екатерина разсказываетъ, что когда депутаты съѣхались въ Москву въ 1767 г., то она «назначила разныхъ персонъ, дабы выслушать наказъ. Тутъ, при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарывать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что было написано мною, помарали, и остался наказъ, яко оный напечатанъ». Но и очищенный строгою цензурой, наказъ все таки не гармонировалъ съ направленіемъ большинства депутатовъ, «умы которыхъ»—по справедливому замѣчанію Бибикова—«не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу». Представители духовенства, напр., въ своихъ возраженіяхъ на наказъ, протестовали противъ его нападокъ на *суровыя казни*, доказывая, что даже и добрый государь обязанъ употреблять ихъ; просили объ ограниченіи свободы слова, объ уголовномъ преслѣдованіи еретичества и богохульства, замѣчали о важности преступленія оскорбленія величества (Снигиревъ, Жизнь м. Платона, I, 119—121).

Въ комиссію созывались депутаты со всей имперіи; по одному депутату отъ сената, синода и каждой коллегіи, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ каждаго города, отъ однодворцевъ каждой провинціи, отъ пахатныхъ солдатъ и другихъ служилыхъ людей каждой провинціи, отъ государственныхъ крестьянъ каждой провинціи, отъ инородцевъ каждой провинціи, отъ каждаго изъ казачьихъ войскъ. Депутатъ снабжался отъ своихъ избирателей полномочіемъ и инструкціей или наказомъ. Начались выборы и составленіе наказовъ. Въ Петербургѣ городское общество выбрало все лицъ знатныхъ и сановниковъ, и уже генералъ-полиціймейстеръ «не въ указъ предложилъ» ему выбрать въ повѣренные «людей способныхъ и знающихъ городскія нужды изъ всякаго званія». Въ Москвѣ выбирали тоже преимущественно знать, и тамошній генералъ-полиціймейстеръ также обратилъ вниманіе избирателей на эту ошибку. Впрочемъ, выборы, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, кончались скоро, и конвоя для высылки депутатовъ, какъ это было при Петрѣ II, не потребовалось. Дворянскіе выборы заканчивались обычнымъ «прошу покорно откушать», балами, фейерверками, пушечною пальбою. (Сб. Ист. О., I, 26 и др.). Гораздо больше хлопотъ доставило обывателямъ составленіе наказовъ. Во многихъ уѣздахъ изъ дворянъ не находилось никого, способнаго на такое мудреное дѣло, и потому наказы иногда буквально списывались съ наказовъ другихъ уѣздовъ, въ которыхъ грамотные люди водились (стр. XXVII, 245, 296 и др.). Нѣкоторыя дворянскія общества, напр., ярославское уѣздное, даже въ самыхъ на-

казахъ чистосердечно признавалось въ своей неприготовленности къ законодательному дѣлу и прямо ссылалось на «*свое скудоуміе*» (стр. 305). Дворянство юрьево-польскаго уѣзда, списавъ введеніе въ наказъ, составленный шуйскимъ дворянствомъ, и заявивъ, что оно «неточію всѣмъ довольно, но и не по достоинству своему пожаловано», продолжаетъ: «что же касается до представленій объ общихъ нуждахъ и неодстаткахъ, и на оное всеподданнѣйше донести, что за недовольнымъ числомъ насъ, бывшихъ нынѣ въ собраніи, *а особливо по скудоумію нашему, представить не можемъ*»; затѣмъ, опять выписка изъ шуйскаго наказа: «а какъ и объ ономъ, такъ и о всемъ, и что касается до узаконенія и возстановленія государственныхъ правъ, то все предаемъ въ высочайшее ея императ. величества матернее цѣломудренное разсмотрѣніе и соизволеніе» (стр. 318). Изъ подписей подъ наказами видно, что очень значительная часть дворянъ состояла изъ людей совершенно безграмотныхъ; изъ 139 человѣкъ, подписавшихся подъ наказомъ михайловскаго уѣзда, за 81 безграмотнаго подписались другіе; изъ 64 судиславскихъ выборныхъ 13 оказались безграмотными; подъ наказами калужскаго и медынскаго уѣздовъ обозначено 26 дворянъ, изъ нихъ 10 безграмотныхъ (стр. 279, 281, 295). Въ отдаленныхъ провинціяхъ выборы депутатовъ и составленіе наказовъ были еще безтолковѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ центральныхъ. Когда, напр., указъ о присылкѣ депутата былъ полученъ въ Енисейскѣ, то обыватели сильно струсили, вообразивъ почему-то, что можетъ постичь опала и депутата и тѣхъ, кто подпишетъ данную ему инструкцію. И выбрали они депутатомъ дворянина Степана Самойлова, котораго терпѣть не могли. Самойловъ отказывается, пишетъ обывателямъ, что они навязываютъ ему это бремя единственно по злобѣ на него. Обыватели настаиваютъ. Самойловъ кое-какъ соглашается и проситъ составить для него инструкцію и статистическое описаніе Енисейска. Составили никуда негодное описаніе, которое Самойловъ возвратилъ имъ, прося передѣлать и добавить его. Кое-какъ, при помощи Самойлова же, передѣлали и дополнили описаніе. Готова была и инструкція, но подписывать ее *всѣ боялись*, а Самойловъ боялся ѣхать съ неподписанной инструкціей *). Онъ укорялъ членовъ магистрата за то, что, не подписывая инструкціи, они поступаютъ нечестно, желая погубить его одного, а самимъ остаться въ сторонѣ. Подписали наконецъ и инструкцію. Самойловъ проситъ денегъ на дорогу, на прожитіе въ Москвѣ и на обратный путь; магистратъ отваливаетъ на все это 100 руб. Какъ ни просилъ Самойловъ о прибавкѣ, какъ убѣдительно не представлялъ онъ о недостаточности ассигнованной суммы, магистратъ не прибавилъ ни копѣйки *).

30 іюля 1767 г. открыта комиссія. «Отъ васъ» — говорилъ депутатамъ отъ лица государыни кн. Голицынъ—«отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ» (стр. 39). Маршалъ комиссіи тоже заявлялъ, что «премудрая наша обладательница созываетъ собраніе сіе для устроенія любезному отечеству таковаго благополучія, каковое только смертнымъ вмѣстимо быть можетъ!» Но самыя розовыя надежды высказывались Екатериною въ наказѣ: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства, былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» Все либеральное въ Европѣ было также въ восторгѣ отъ этого «законодательнаго собранія» и отъ гуманной идеи созвавшей его царицы.

Въ наказахъ депутатамъ дворянство многихъ уѣздовъ заявляло желаніе воздвигнуть государынѣ «приличный монументъ» (стр. 17, 61, 233 и др.). Но депутаты почему-то оставили этотъ монументъ въ сторонѣ, а начали свою дѣятельность тѣмъ, что положили поднести Екатеринѣ титулъ «Великой Премудрой Матери Отечества». Екатерина отказалась принять титулъ Великой. Она даже разсердилась на такую неумѣстную услужливость и сказала кому-то о депутатахъ: «я призвала ихъ составлять законы, а они, вмѣсто того, дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ!»

Въ депутатскихъ наказахъ и въ преніяхъ комиссіи обнаружилось все убожество русской общественной мысли. Вы не найдете здѣсь ни одной идеи, ни одного требованія, которыя выражали бы собою какую-нибудь общенародную или общегосударственную нужду. Мало того, что каждое сословіе стоитъ, какъ умѣетъ, за свои интересы и за увеличеніе своихъ привилегій, — каждая провинція, каждый городъ стремятся къ какой-нибудь монополіи, къ какому нибудь преимуществу надъ сосѣдомъ.

Инородцы жалуются на крестьянъ, стѣсняющихъ ихъ въ земляхъ и промыслахъ, на тяжесть повинностей, «на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ, кои токмо грабить и мучить ихъ пріѣзжаютъ». Многіе изъ депутатовъ отъ коллегій и отъ дворянъ стараются доказать, что все это неправда, и инородческіе депутаты умолкаютъ.

Въ требованіяхъ и жалобахъ государственныхъ крестьянъ рѣзко бросается въ глаза тотъ жалкій партикуляризмъ, которымъ не только у насъ, но и въ Европѣ всегда отличалась крестьянская жизнь. Всѣ крестьяне ходатайствуютъ о своихъ мелкихъ чисто мѣстныхъ нуждахъ; гдѣ мало лѣса—о лѣсѣ, гдѣ мало земли—о землѣ, гдѣ особен-

*) Боязливость нѣкоторыхъ депутатовъ была просто изумительна. При общемъ представленіи государынѣ одинъ изъ нихъ перетрусилъ до того, что упалъ въ обморокъ и... у него разстроился желудокъ до такой степени, что онъ «впалъ въ дѣтскую слабость» (Р. Стар., III, 785).

*) Изъ документовъ, сообщенныхъ мнѣ Н. С. Самойловымъ.

по тяжки подводныя и другія повинности — объ облегченіи ихъ и т. д. (стр. 81, 103, 104, 87, 92, 267 и др.). Словомъ, всѣ требованія чисто мѣстныя, частныя, и среди ихъ какъ-то особенно пріятно встрѣтить почти единогласное заявленіе крестьянъ о томъ, что необходимо измѣнить существовавшіе тогда судебные порядки и вмѣсто ихъ ввести мѣстные словестные суды (стр. XX и др.). Въ преніяхъ крестьянскіе депутаты отстаивали свои требованія не хуже другихъ, хотя при этомъ и высказывались подчасъ черезчуръ ужъ наивныя мнѣнія, въ родѣ того, что, «если ловлю дозволить во всякое время, то звѣрей и птицъ не убавится, а если запретить, то не прибавится, потому что уменьшеніе и умноженіе состоитъ во власти всемогущаго Бога» (стр. 77).

Крестьянскіе депутаты имѣли противъ себя большинство депутатовъ всѣхъ другихъ корпорацій. Крестьяне просятъ лѣса, депутаты чиновники вооружаются противъ этого требованія (стр. 82). Жители исетской провинціи жалуются на притѣсненія и вымогательства поповъ,—одинъ дворянскій депутатъ тотчасъ заподозрѣваетъ ихъ въ раскольничьей интригѣ (стр. 88). Крестьяне жалуются на тяжесть заводской работы, депутатъ бергъ-коллегіи доказываетъ, что «ее нельзя принять за отягощеніе» (стр. 88). Крестьяне вопіютъ на невыносимость податей и повинностей, на свое нищенство, просятъ облегченія. Дворянскіе депутаты негодуютъ на такую дерзость, доказываютъ, что крестьяне лгутъ, что все это народъ «лѣнивый, утопленный (?) и упорный»; одинъ дворянскій депутатъ подалъ въ комиссію свое письменное мнѣніе, наполненное такою бранью, что его принуждены были оштрафовать (стр. 72—76, 80, 89, 99, 108 и др.). Нѣкоторые дворянскіе депутаты представляли даже, чтобы запасные хлѣбные магазины крестьянъ уничтожить вовсе, а налоги съ достаточныхъ крестьянъ увеличить до 25% съ ихъ дохода (стр. 76, 78). По мнѣнію дворянъ, увеличеніе крестьянскихъ податей и налоговъ «не только не произведетъ ни малѣйшаго отягощенія, но и послужитъ еще къ лучшему и прилежнѣйшему земледѣльчеству» (стр. 74, 91).

Крестьянство имѣло сильныхъ недруговъ въ горожанахъ, купцахъ и фабрикантахъ, которые не только держали его въ тяжкой кабалѣ (стр. 107), но и стремились лишить всѣхъ выгодныхъ промысловъ. Рабовладѣльческій инстинктъ заражалъ тогда собою всѣ сословія; даже пахотные солдаты и разночинцы ходатайствовали о дозволеніи имъ покупать «людей и крестьянъ» (стр. 133, 276); купечество шло еще дальше и, сознавая свою денежную силу, стремилось ко всевозможнымъ монополіямъ и привилегіямъ. Но при этомъ оно сплошь и рядомъ проявляло такое умственное убожество, что само же роняло всякое значеніе своихъ требованій, нисколько не обобщая ихъ; каждый городъ хотѣлъ жить и наживаться не только на счетъ крестьянъ, но и на счетъ другихъ городовъ. Вотъ, напр., содержаніе наказа енисейскаго городского общества *). Енисейцы просятъ себѣ монополію торговли въ енисейскомъ и туруханскомъ краяхъ; жалуются, что иногородніе куппы, пріѣзжая въ эти мѣстности для торговли, отбиваютъ у нихъ кусокъ хлѣба. Они просятъ воспретить имъ закономъ торговать здѣсь и съ каждаго иногороднаго торговца за нарушеніе этого закона брать штрафъ въ пользу города. Просятъ предоставить имъ монополію воднаго сообщенія между Иркутскомъ и Енисейскомъ (болѣе 1,500 верстъ), запретивъ иркутскимъ купцамъ сплавлять по Ангарѣ товары въ своихъ судахъ. Буде же кто станетъ сплавлять, то съ каждаго иркутскаго судна брать штрафъ въ пользу города. Просятъ предоставить имъ монополію винокуренія и виноторговли. Просятъ о введеніи въ енисейскомъ краѣ крѣпостного права, о дозволеніи имъ пріобрѣтать земли и для заселенія ихъ покупать крестьянъ въ Россіи и въ Сибири. Просятъ объ юридическомъ признаніи кабалы дѣтей, и безъ того свирѣпствовавшей въ Сибири. Въ Енисейскѣ тогда было множество дѣтей, которыхъ родители высылали на улицу за сборомъ милостыни. Купцы просятъ отдавать имъ этихъ праздношатающихся ребятъ на воспитаніе, и въ уплату за него заставлять ихъ служить своимъ воспитателямъ. Купечество особенно вооружалось противъ крестьянской торговли сельскими продуктами, ходатайствуя о запрещеніи крестьянамъ продавать что бы то ни было не купцамъ и не оптомъ, а въ розницу и не въ купеческія руки (стр. 94, 99, 102, 110, 130 и др.). Депутатъ отъ города Тихвина предложилъ даже оградить это запрещеніе тяжкими карательными мѣрами: у крестьянина, осмѣлившагося торговать, конфисковать весь товаръ, «а съ тѣхъ которые у него непозволительнымъ образомъ что купятъ, брать по 1,000 рублей пени, одну половину въ казну, а другую доносителю; тѣхъ же, которые не въ состояніи будутъ заплатить сію пеню, *наказывать плетьми*». Кромѣ того, необходимо запретить крестьянамъ служить у купцовъ въ работникахъ и приказчикахъ, такъ какъ это пріохочиваетъ ихъ къ торговлѣ (стр. 122). Не мало и другихъ монополій просили себѣ городскія общества, напр., купцы астраханской губерніи ходатайствовали объ утвержденіи за ними монополіи рыбныхъ промысловъ (стр. 120—121). Многія городскія общества хлопотали о запрещеніи крестьянамъ заниматься какими бы то ни было ремеслами и о предоставленіи этихъ ремеслъ въ монополію городовъ (стр. 126, 136 и др.).

Требованія дворянства были гораздо обширнѣе и настойчивѣе, чѣмъ требованія другихъ сословій и корпорацій. Со времени Петра II, когда дворянскихъ депутатовъ приходилось силою вынимать изъ ихъ помѣстій и препровождать въ законодательную комиссію подъ конвоемъ, прошло уже сорокъ лѣтъ, и въ этотъ періодъ дворянство не только постигло свои сословные интересы, не только начало стремиться къ составленію изъ себя прочной корпораціи, но и нѣсколько просвѣтилось подъ вліяніемъ литературы и своихъ столкновеній съ европейской аристократіей. Въ комиссіи почти одни только дворянскіе депутаты и ходатайствовали объ

*) По рукописнымъ документамъ Н. С. Самойлова.

усиленіи средствъ для образованія юношества, жалуясь на недостатокъ учителей и училищъ (стр. 172, 231, 289). Впрочемъ, это стремленіе къ образованію основывалось не на какихъ-нибудь высшихъ расчетахъ, а единственно на томъ, что государство щедро награждаетъ образованнаго человѣка и даетъ ему предпочтеніе передъ необразованнымъ. Образованіе дѣлалось силою, и дворянство хотѣло монополизировать себѣ эту силу, хлопоча объ открытіи училищъ для «благороднаго юношества». Что же казается степени образованія дворянскихъ депутатовъ, бывшихъ въ комиссіи, то хотя за исключеніемъ Щербатова, Бибикова и другихъ немногихъ, это были все люди неразвитые невѣжественные, но изъ ихъ рѣчей все-таки замѣтно, что многіе изъ нихъ или слыхали, или читывали кое-что о разныхъ государственныхъ теоріяхъ, бывшихъ въ ходу на Западѣ. Этими-то, на лету схваченными, чужими мыслями дворяне подкрѣпляли свои крѣпостническія притязанія, свои эгоистическія требованія. Большинство депутатовъ доказывало, что дворянство есть душа народа, жизненная сила страны; что гдѣ «есть дворяне, тамъ есть и ихъ подданные; гдѣ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры и, слѣдовательно, богатство; а гдѣ есть богатство, тамъ рождаются науки и художества» (стр. 160); словомъ, крѣпостное право есть основа цивилизаціи! Далѣе, почти всѣ дворянскіе депутаты старались выяснить комиссіи заимствованную изъ Европы доктрину о благородствѣ и «добродѣтели» дворянской породы. «Дворянство отъ чести происходитъ и честью держится». Предки дворянъ получали это званіе за то, что были «совершенно добродѣтельны, въ воинскихъ дѣлахъ искусны, въ статскихъ—правосудны и некорыстолюбивы, показывали отмѣнную остроту и примѣрное великодушіе» (стр. 150, 153, 171, 180 и др.) На эти разглагольствованія дворянъ одинъ изъ депутатовъ замѣтилъ, что всѣ «благородныя фамиліи даже самыя древнія, все-таки произошли когда-нибудь отъ обыкновенныхъ смертныхъ». Это замѣчаніе подняло бурю. «Съ крайнимъ движеніемъ духа» поднялся кн. Михайло Щербатовъ: «Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго!... Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги!» и т. д. Почти всѣ дворянскіе депутаты подали свой голосъ за мнѣніе Щербатова (стр. 193). Дворянство, отстаивая съ такою горячностью свою сословную «добродѣтель» и «честь», вооружилось противъ постоянно входившаго въ его сословіе новаго, чиновнаго дворянства. Петръ I, какъ извѣстно, даровалъ дворянскія права всѣмъ лицамъ, получившимъ оберъ-офицерскій чинъ, обращалъ вниманіе на личныя заслуги и способности чиновниковъ, а не на ихъ родовую знатность, предписалъ дворянамъ, какой бы то ни было фамиліи, отдавать честь и первое мѣсто оберъ-офицеру и т. д. Почти всѣ, сколько-нибудь замѣчательные люди XVIII в. происходили изъ низшаго или средняго сословій и, благодаря случаю или своимъ способностямъ, возвышались до первыхъ степеней въ государствѣ. Полудержавный властелинъ Меньшиковъ былъ изъ пирожниковъ, Шафировъ—изъ бѣдныхъ евреевъ, Скавронскій—изъ крестьянъ, Завадовскій и Потемкинъ — изъ поповичей, Павелъ Ягужинскій—сынъ лютеранскаго кистера, Чоглоковъ, Черкасовъ, Шепелевъ—тоже «темнаго происхожденія», Разумовскій—пастухъ, Турчаниновъ — еврей и т. д. Все это было обидно для «чести» дворянства, и въ комиссіи оно единодушно настаивало на томъ, чтобы дворянское званіе не давалось каждому лицу, дослужившемуся до извѣстныхъ чиновъ. Чиновное дворянство защищало свои права на это званіе и указывало на свои заслуги (стр. 186, 200, 214), но дворянство столбовое крѣпко держалось за свои притязанія и громогласно заявляло, что оно самою «природою» назначено для того, чтобы повелѣвать и командовать (стр. 206); что дворянинъ долженъ имѣть исключительныя преимущества на всѣ почетныя должности; многіе предлагали не только въ оберъ-офицерскій, но даже въ сержантскій чинъ производить однихъ лишь дворянъ, предоставивъ другимъ сословіямъ всѣ низшія степени государственной службы. Нѣкоторые ораторы, напр., Щербатовъ, старались при этомъ блеснуть своеюначитанностью, ссылаясь и на исторію разныхъ народовъ, и на римскихъ патриціевъ, и на Варрона, и на Пуффендорфа. Но зато многіе другіе обнаруживали при этомъ не только положительное неумѣнье говорить публично и логически развивать свою мысль, но даже непониманіе того, что они говорили сами.

Стараясь о томъ, «дабы всѣ сословія россійской имперіи были между собою раздѣлены и чтобы каждое изъ нихъ знаніемъ своихъ правъ содѣйствовало общему благополучію» (стр. 97), дворянство хлопотало составить изъ себя замкнутую и организованную корпорацію со своимъ самоуправленіемъ. Оно просило дозволить дворянамъ періодически собираться въ уѣздномъ городѣ и разсуждать о своихъ нуждахъ, выбирать предводителей дворянства и депутатовъ, которые бы защищали дворянскіе интересы въ присутственныхъ мѣстахъ: на содержаніе же этого управленія взимать сборъ со всѣхъ земель уѣзда, какъ съ государственныхъ, такъ и съ помѣщичьихъ (стр. 237, 256—258, 477). Далѣе, дворянство ходатайствовало объ учрежденіи дворянскихъ опекъ (стр. 290), и о предоставленіи ему выбирать изъ своей среды всѣхъ лицъ уѣзднаго управленія—становыхъ комиссаровъ, ландратовъ, исправниковъ (стр. 230, 239, 246). Просили также, чтобы во всякомъ уѣздѣ, «для спокойствія и распорядку земскаго», учредить земскіе суды изъ дворянъ, опредѣляемыхъ по выбору, и съ предоставленіемъ имъ права безаппелляціоннаго рѣшенія (стр. 247, 249). Въ городскіе суды, «къ воеводамъ въ товарищи, вмѣсто находящихся нынѣ при нихъ асессоровъ, дозволить дворянамъ выбирать изъ со-

братій своихъ добросовѣстныхъ и безпорочныхъ людей» (стр. 307). Нѣкоторые предлагали даже, чтобы и словесные суды, объ учрежденіи которыхъ ходатайствовали крестьяне для разбора своихъ маловажныхъ дѣлъ, также состояли изъ дворянъ (стр. 95). Дворянинъ долженъ быть неподсуднымъ ни воеводской канцеляріи, ни кому другому, кромѣ дворянъ своего уѣзда (стр. 250, 460). Напротивъ воеводское управленіе должно зависѣть отъ дворянства, которому, во имя общаго блага, необходимо предоставить выборъ изъ своей среды воеводъ и ихъ товарищей (стр. 266, 282, 283). При этомъ нѣкоторыя дворянскія общества ходатайствовали, чтобы въ секретари городскихъ канцелярій опредѣлять чиновныхъ людей, «того ради, когда оные, за секретаря правящіе, не будутъ имѣть оберъ-офицерскихъ чиновъ, то отъ своихъ воеводъ будутъ имѣть больше страха, ибо воевода можетъ такового, не имѣющаго офицерскаго ранга за его по дѣламъ лѣность и неисправность, штрафовать палкою и сажать въ желѣза, и чрезъ то въ дѣлахъ скорѣе успѣхъ быть можетъ» (стр. 331).

Это стремленіе къ сословному преобладанію и къ упроченію своей матеріальной силы посредствомъ привилегій и исключительныхъ правъ было господствующею чертою XVIII вѣка. Дворянство шло во главѣ кастическихъ стремленій. Оно не только хлопотало о расширеніи своей власти и значеніи въ іерархическомъ государственномъ строѣ, но и о матеріальныхъ выгодахъ въ ущербъ народу. Оно добивалось ни болѣе, ни менѣе, «чтобы всякаго рода хлѣбный промыселъ и что земля ни произращаетъ, *все то привилегировать одному только дворянству* и земледѣльцамъ, чтобы они тѣмъ торгомъ промышляли, а другіе бы никто не пользовались, а пользовались бы уже тогда, когда отъ дворянина купятъ» (стр. 465). Мало этого, дворянство просило даровать ему исключительную привилегію *на все фабричное производство* или, по крайней мѣрѣ, на «фабрики, сочиняющіяся (sic) изо льна и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ экономическихъ произращеній!» (стр. 192, 301 и др.). Нѣкоторыя дворянскія общества ходатайствовали еще о дозволеніи помѣщикамъ торговать солью (стр. 465) и объ отдачѣ имъ на откупъ питейныхъ сельскихъ домовъ (стр. 303). Дворянство указывало также на свое исконное право «пользоваться винною сидкою» и горько жаловалось на указъ 1765 г., которымъ «дворянству въ города вино и водку съ собою брать и возить запрещено. По сему дворянство, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бываютъ покупать водку и вино многимъ съ противными и съ непристойными спеціями и запахомъ; почему дворянство по характерамъ ихъ принуждено видѣть въ томъ себѣ недостатокъ». Просятъ объ отмѣнѣ упомянутаго указа и о дозволеніи «сидки вина каждому помѣщику по достатку» (стр. 301, 351). Ходатайствуя о многихъ другихъ привилегіяхъ, наприм., о свободѣ отъ постойной повинности, объ избавленіи отъ пытокъ и смертной казни (стр. 259, 289), дворяне не забывали и своихъ семейныхъ отношеній. Они представляли, что такъ какъ родители «надъ дѣтьми своими данною отъ Бога и ея императорскимъ величествомъ властью неоспоримое имѣютъ *обселюдство*» (т. е. «абсолютство»), то раздѣлъ наслѣдства должно вполнѣ предоставить родительской власти, дабы дѣти, «въ ожиданіи къ полученію себѣ достойнаго награжденія, родителямъ своимъ никакихъ противностей не оказывали» (стр. 227, 369, 370). Не забывали попросить и объ ограниченіи «непостоянныхъ» женъ (стр. 338).

Изъ 565 депутатовъ не нашлось ни одного, который бы затронулъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, и только козловскій депутатъ Григорій Коробьинъ, артиллерійскій поручикъ, попытался доказать необходимость улучшенія ихъ быта. Объясняя причины постоянныхъ крестьянскихъ побѣговъ, на которые жаловались всѣ помѣщики, Коробьинъ говоритъ, что дворяне положительно разоряютъ своихъ крестьянъ не только чрезмѣрными налогами и работами, но и отнятіемъ у нихъ всякой собственности. Поэтому Коробьинъ признавалъ на нужное ограничить власть помѣщиковъ надъ имуществомъ крестьянъ, а власть надъ личностью оставить попрежнему. Изъ 21 голоса, поданнаго за это мнѣніе, 18 были противъ него и только 3 за него (стр. XXII—XXIII). И нужно удивляться, что нашлись еще такіе смѣльчаки, которые рискнули подать голосъ за крѣпостныхъ рабовъ. Есть извѣстіе, что дворянскіе депутаты замышляли убить перваго, осмѣлившагося говорить въ комиссіи объ освобожденіи крестьянъ...

Впрочемъ, независимо отъ этого, нѣкоторые дворяне хлопотали объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, напр., о сложеніи съ нихъ подушной подати и о замѣнѣ ея другими налогами, о нестѣсненіи крестьянской торговли сельскими продуктами (стр. 264, 309). Но при этомъ, помѣщики заботились собственно не о крестьянахъ, а о самихъ себѣ, такъ какъ каждое облегченіе со стороны государства крѣпостныхъ людей должно давать соотвѣтственную выгоду ихъ владѣльцу. Большинство помѣщиковъ не могло возвыситься даже и до этого рабовладѣльческаго расчета. Оно хлопотало только о томъ, какъ бы побольше эксплуатировать крестьянина. Помѣщики просили затруднить крестьянамъ доступъ въ купеческое званіе (стр. 311) и воспретить имъ записываться въ цехи, «потому что люди, обученные разнымъ ремесламъ отъ помѣщиковъ, для собственной своей надобности и часто съ большими расходами, могутъ навсегда отъ нихъ отойти и тѣмъ принести помѣщикамъ немалый убытокъ» (стр. 122, 125, 127). Затягивая свою вѣчную пѣсню о лѣности мужика, дворянство ходатайствовало, чтобы «великое число праздничныхъ дней было сколько можно сокращено, и лѣность столько безчестною сдѣлана была, сколько она дѣйствительно вредительна» (стр. 315). Съ особенною силою напирали помѣщики на принятіе строжайшихъ мѣръ противъ бѣглыхъ, которыхъ въ то время было множество, вслѣдствіе угнетенія и коренного разоренія крестьянства. «Ежели въ деревнѣ будутъ приняты

мужского и женскаго пола бѣглые люди безъ вѣдома приказчика, то приказчикамъ и старостамъ, въ силу указа 1754 г., наказаніе чинить, да кромѣ того крестьянъ изъ каждаго двора старшаго одного наказывать, сѣчь плетьми» (стр. 117, 335, 336, 374). Кромѣ побѣговъ, разореніе народа вело за собой чрезвычайное усиленіе воровства, разбоевъ, убійствъ. И вотъ депутаты ходатайствуютъ объ изданіи «строжайшихъ законовъ», о возстановленіи смертной казни, объ усиленіи пытокъ, уже ограниченныхъ Екатериною (стр. 286, 377 и др.). Трусливая рабовладѣльческая мысль и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, хотѣла сдѣлать страхъ основаніемъ своего господства.

Изъ мѣръ, предложенныхъ дворянствомъ относительно общегосударственныхъ нуждъ, нѣтъ почти ни одной, которая бы не поражала своею дикостью Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ предложеній.

Такъ какъ бани часто причиняютъ пожары, то слѣдуетъ «вовсе запретить ихъ имѣть въ городѣ, кромѣ какъ достаточнымъ людямъ» (стр. 125).

Такъ какъ раскольники «толкуютъ законъ нашъ по своему хотѣнію»,то депутаты «о обращеніи и соединеніи таковыхъ, яко скотовъ заблудшихъ, во едину святую соборную церковь просятъ». Въ случаѣ же невозможности этого, просятъ «оныхъ богопротивныхъ, св. церковью нетерпимыхъ раскольниковъ *вовсе истребить*» (стр. 375—377).

«Если дворянинъ дворянина обезчеститъ словомъ или побьетъ, то таковому обидчику, по обличеніи при собраніи дворянъ, предъ судомъ, учинить то же черезъ профоса или канцелярскаго служителя» (стр. 388, 468).

Но при всей дикости подобныхъ предложеній, дворянскіе депутаты въ комиссіи дѣйствовали не только настойчивѣе, но и раціональнѣе другихъ депутатовъ. Дворянство сумѣло возвыситься до общихъ нуждъ своего сословія и, стремясь къ рѣшительному преобладанію въ государствѣ, клало въ основу его прочную сословную организацію. Оно заявило въ комиссіи свою силу и свои кастическія стремленія, и оказало сильное давленіе на правительство. Реакціонныя притязанія дворянъ и ихъ представителей въ комиссіи не остались безъ результата. Вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ отложенъ въ долгій ящикъ, а дворянству предоставлена полная возможность для развитія своихъ сословныхъ привилегій; жалованною грамотою 1785 г. узаконена за ними «вольность», дарованная ему Петромъ III, отмѣнена обязательная служба и вмѣстѣ съ тѣмъ, поземельная собственность, имѣвшая значеніе царскаго жалованья за службу, отдана дворянству въ полную частную собственность вмѣстѣ съ крестьянами.

Державинъ совершенно справедливо замѣчаетъ объ Екатеринѣ, что «она царствовала политично, наблюдая свои выгоды или поблажая вельможамъ, дабы не раздражить ихъ и противъ себя не поставить» (Записки, 345). Она, по своимъ расчетамъ, поддерживала и развивала крѣпостное право даже въ либеральный періодъ своей дѣятельности, а во вторую половину царствованія, послѣ комиссіи, она рѣшительно перешла на сторону крѣпостниковъ и торжественно провозгласила себя «первою помѣщицею» въ государствѣ.

Крѣпостники винили Екатерину за то, что она содѣйствовала поднятію и въ литературѣ, и въ комиссіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ. «Въ комиссіи неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ гг. депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые, по разъѣздѣ своемъ, сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли». (Чтенія, 1861, III, 98). Подъ вліяніемъ усилившейся крѣпостнической агитаціи, правительство въ своихъ узаконеніяхъ гораздо смѣлѣе, чѣмъ прежде, пошло по крѣпостной дорогѣ. Въ 1767 г. изданъ указъ, предписывавшій крестьянамъ слушаться и безпрекословно повиноваться помѣщикамъ и объявлявшій, что никакой воли имъ не будетъ; указъ этотъ велѣно ежегодно читать по церквамъ въ храмовые праздники. Всѣ прежнія права помѣщиковъ подтверждены, и они получили еще нѣсколько новыхъ, — ссылать крѣпостныхъ «за дерзости» въ Сибирь на поселеніе и въ каторжную работу на толикое время, насколько помѣщики похотятъ», и т. д. Въ первое время своего царствованія Екатерина охотно принимала прошенія и жалобы какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ частныхъ лицъ вообще. Но, по настоянію своихъ вельможъ, она скоро прекратила «таковой непорядокъ» и возобновила законъ о неподачѣ прошеній самому государю (Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 482). Крестьянамъ были запрещены всякія жалобы на своихъ господъ. «А буде которые люди и крестьяне»—говорилъ сенатъ въ своемъ указѣ—«на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки императрицы подавать отважатся, то какъ челобитчики, такъ и сочинители ихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ и сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты». (Полн. Собр. Зак., № 12,966). Этотъ указъ дѣятельно приводился въ исполненіе. Между тѣмъ, Екатерина хорошо знала, какія жестокости творятся помѣщиками, и въ первые годы царствованія она показала на Салтычихѣ, какъ слѣдуетъ относиться къ самоуправству помѣщиковъ. Салтычиха, помѣщица, имѣвшая 600 душъ, въ продолженіе десяти лѣтъ своими истязаніями отправила на тотъ свѣтъ 139 человѣкъ своихъ крестьянъ, преимущественно женщинъ, навлекавшихъ на себя гнѣвъ госпожи нечистымъ мытьемъ платья или половъ. Въ числѣ забитыхъ и засѣченныхъ были дѣвочки лѣтъ 11 и 12. Преданіе говоритъ даже, что Салтычиха употребляла себѣ на жаркое вмѣсто слад-

каго мяса женскія груди. Екатерина велѣла посадить ее въ темную подземную тюрьму на всю жизнь (Р. Арх., 1865, 642). Но это былъ почти единственный примѣръ строгости противъ помѣщиковъ, и самый законъ, запрещая жаловаться на нихъ, гарантировалъ ихъ произволъ и самодурство. Если же какъ-нибудь злодѣяніе дворянина раскрывалось, то его наказывали слегка. Въ 1772 г. генеральша фонъ-Эттингеръ засѣкла до смерти своего крестьянина, и императрица утвердила сенатскій приговоръ,—посадить ея превосходительство въ тюрьму на 1 мѣсяцъ. (П. С. З., № 13,758). И правительство, вооружаясь иногда противъ помѣщичьихъ злоупотребленій, въ большинствѣ случаевъ — скажемъ словами Бѣляева— «ограничивалось однимъ убѣжденіемъ, проповѣдью, какъ будто не имѣло права дѣйствовать въ формахъ принудительнаго закона и какъ будто признавало за помѣщиками право такихъ поступковъ, которые само же нравственно порицало, какъ безчеловѣчные». (Крестьяне на Руси, стр. 311). Помѣщики были совершенно испотачены и превращались въ такихъ деспотовъ, какихъ рѣдко встрѣтишь даже въ глубокой Африкѣ. Какой-нибудь дикій звѣрь, въ родѣ Куролесова, сплошь и рядомъ дѣлалъ изъ своего помѣстья чистый адъ,

> Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
> Глухой, протяжный гулъ подавленныхъ страданій,
> И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой душилъ,
> Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

Крестьяне страдали невыносимо. Въ русскихъ помѣстьяхъ не стояли висѣлицы, какъ на дворянскихъ имѣніяхъ западнаго края (Р. Арх., 1869, 921), но зато были цѣлые арсеналы кошекъ, плетей, кнутовъ, палокъ, колодокъ и другихъ орудій истязанія. Злодѣйства Салтычихи были далеко не исключеніями; помѣщики не казнили своихъ крестьянъ, зато сплошь и рядомъ засѣкали ихъ. Тѣлесное истязаніе рабовъ было однимъ изъ главныхъ занятій и развлеченій грубаго деревенскаго дворянина. Вогъ что, напр., разсказываетъ въ совихъ запискахъ Даниловъ о своей родственницѣ-вдовѣ, у которой онъ жилъ. «Охотница великая была кушать щи съ бараниной: какъ скоро примется свои щи любимыя кушать, то кухарку притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать. Это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту». Сама Екатерина считала крѣпостное право «несноснымъ и жестокимъ игомъ». Имущество крестьянина, его личность, невинность дѣвушки, даже самая жизнь крѣпостного находились во власти помѣщика. Торговля людьми дошла до самаго возмутительнаго безобразія, крѣпостныхъ людей вмѣстѣ со скотомъ выводили для продажи на ярмарки; случалось, что дворяне за одну собаку давали двухъ мужиковъ. (Бѣляевъ, 320; Мордовцевъ, Самозванцы, I, 131). Въ столичныхъ «Вѣдомостяхъ» того времени встрѣчаются постоянно такія объявленія. «Нѣкто продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 л. парикмахера, да сверхъ того 4 кровати, перины и прочій домашній скарбъ». — «Продается малой 17 лѣтъ и мебель».—«Продается 20 лѣтъ *собою видная* дѣвка».—«Продаются малосольная осетрина, 7 сивыхъ мериновъ и мужъ съ женою», и т. д. Крѣпостныхъ не только продавали, но и проигрывали въ карты, платили ими долги, давали взятки, платили врачамъ за лѣченіе. (Ром.-Славатинскій, Дворянство, 339—341). Человѣкъ былъ такимъ же товаромъ, какъ и скотина. «Рабство — говоритъ аббатъ Шаппъ — разрушило въ Россіи всѣ естественныя права; человѣкъ здѣсь— товаръ, иногда продаваемый по ничтожной цѣнѣ; часто изъ объятій матери вырываютъ дѣтей для того, чтобы продавать ихъ лицамъ, преданнымъ разврату». (XVIII вѣкъ, IV, 409). Невыносимые оброки разоряли крестьянъ въ корень, и большинство помѣщиковъ, не понимая собственныхъ выгодъ, слѣдовало упоминаемому у Посошкова правилу: «крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу догола».

Пользуясь de facto безграничною властью надъ своими крестьянами, помѣщики зазнавались до того, что нерѣдко не обращали вниманія и на правительство, корча изъ себя нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ феодаловъ. Губернаторы и воеводы, «боясь изъ страха знатныхъ людей», трепетали передъ ними, и трепетали не безъ основанія. Случалось даже, что помѣщикъ, поссорившись съ мѣстнымъ правителемъ, и со своими вооруженными людьми шелъ въ походъ на него и осаждалъ городъ. Въ концѣ царствованія Екатерины II воронежскій помѣщикъ, гр. Девіеръ, перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему по дѣлу земскій судъ. (Р.-Славатинскій, 351; Р. Арх., 1865; Побѣдоносцевъ въ «Р. Вѣстникѣ», т. XVI). Естественно, что воспитанные въ такихъ правилахъ бары и случайные люди, попавшіе въ большіе господа, коль скоро получали власть надъ уѣздомъ, губерніей, имперіей, то начинали третировать ихъ, какъ свою наслѣдственную вотчину. Крѣпостническіе принципы проникли во всѣ отправленія народной жизни; крѣпостной произволъ и крѣпостная зависимость были всюду—и въ судахъ, и въ администраціи, и въ школѣ, и въ литературѣ. Политическая мысль, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, кромѣ Радищева, разработывала идеалъ тѣхъ же порядковъ, основанныхъ на крѣпостной зависимости и на командирскомъ значеніи сословія помѣщиковъ. Признавая множество злоупотребленій, сопряженныхъ съ этими порядками, ихъ хотѣли исправить развитіемъ дворянскаго образованія и водвореніемъ добродѣтели въ средѣ благороднаго шляхетства. Эту мысль проповѣдывали и Щербатовъ, и Державинъ, и Фонвизинъ, и другіе. Дворянство, подъ вліяніемъ европейской аристократіи и развитія крѣпостного права, окончательно отдалилось отъ народа. Дворяне сдѣлались людьми *благородными*, «верховными главами, сынами крови свѣтлородной», по выраженію Державина, а остальной народъ — *подлымъ*. Дикое, барское презрѣніе къ народу заражало собой даже лучшихъ людей того вре-

лени. Сумароковъ, напр., отличалъ совѣсть господскую отъ совѣсти холопской и думалъ, что «низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ», на что сама Екатерина замѣтила: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи». Фонвизинъ однихъ только дворянъ считалъ *честными*, а остальныхъ—*тварями*, рожденными *служить*, а *не господствовать*. (Р. Славатинскій, 76; «Русск. Вѣстн.», т. XXXV). Крѣпостное право, такимъ образомъ, заражало собою всѣ отправленія народной жизни, оно разоряло, оно порабощало, оно убивало тѣло, убивало умъ, развращало сердце, подавляло народное развитіе въ самомъ его источникѣ.

Къ разъѣдавшей Россію язвѣ крѣпостного права присоединилось еще безчисленное множество другихъ золъ. Постоянные рекрутскіе наборы лишали страну лучшихъ производительныхъ силъ ея; по вычисленію кн. Щербатова съ 1718 по 1768 г. съ одной только Великороссіи «взято 1,132,000 рекрутъ, т.-е. 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно, не меньше третьяго изъ работниковъ». Сборы, повинности, баснословное взяточничество, самое наглое казнокрадство, чисто азіатское неправосудіе, воровства и разбои, болѣзни и голодъ—все это, по признанію офиціальныхъ актовъ самаго правительства, водворяло въ Россіи нищету, анархію, всеобщее недовольство. Раскольники, солдаты, крестьяне, инородцы, каторжные, семинаристы — все нищее, голодное, озлобленное составляло многочисленныя бѣглыя шайки, разносившія всюду огонь, смерть, опустошеніе, ужасъ. Противъ разбойниковъ принимались ужасныя мѣры; 12,000 шпицрутеновъ было однимъ изъ обыкновенныхъ наказаній; атамана Заметаева, дѣйствовавшаго по всему Поволжью отъ Саратова до моря, велѣно бить нещадно кнутомъ во всѣхъ мѣстахъ, куда только проникла слава Заметаева и заходила его шайка. (Мордовцевъ, II, 68). Но всѣ эти жестокости не вели ни къ чему, а военныя команды, посылаемыя для сыска, искорененія и наказанія воровъ и разбойниковъ, дѣйствовали немногимъ лучше послѣднихъ, нападая на правыхъ и виноватыхъ. Въ тѣсной связи съ разбоями стояли крестьянскіе движенія и бунты, шедшіе черезъ все царствованіе Екатерины. Крестьяне то тамъ, то здѣсь поднимались противъ помѣщиковъ и ждали свободы, волнуясь разными слухами и подложными манифестами. Такъ, напр., въ 1764 г. былъ распространенъ фальшивый высочайшій указъ, начинавшійся словами: «время уже настало, чтобы лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ», и проч. (П. С. З.; № 12,313). При этомъ, по тогдашнему обыкновенію, начальство нерѣдко дѣлало *бунтомъ* самое невинное событіе крестьянской жизни. По свидѣтельству самой Екатерины, были «такіе начальники, которые слово *бунтъ* употребляли тамъ, гдѣ его признаковъ нѣтъ, отчего только излишняя тревога и всякое злоупотребленіе происходили». (Р. Арх., 1867, 512). Самозванцы росли, какъ грибы, и Петры III-и то и дѣло появлялись не только въ разныхъ концахъ Россіи, но даже за границей, въ Черногоріи. Самозванство сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ промысла, на который человѣкъ пускался иногда «безъ дальняго замысла, въ пьянствѣ, съ дурости». (Мордовц., II, 96). Жестоко карали самозванцевъ и ихъ послѣдователей; даже женщинъ, за одни только разговоры о самозванцахъ «во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію—учиня публичное съ барабаннымъ боемъ жестокое плетьми наказаніе и подрѣзавъ платье, яко нетерпимыхъ въ обществѣ, черезъ профосовъ выгоняли загородъ метлами» (id., 94).

Непрестанные крестьянскіе бунты, самозванство, разбои, казачество, расколъ—все это соединилось наконецъ въ одно и разразилось пугачовщиной, во время которой, какъ и въ Смутное время, какъ и при Стенькѣ Разинѣ, Россія снова распалась на два лагеря: въ одномъ стояла бунтующая чернь, въ другомъ дворянство и служилые люди, желавшіе сохранить крѣпостное право. Начался, по выраженію Державина, «прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ», началась народная революція, цѣлью которой, по понятіямъ современниковъ, были истребленіе дворянства и превращеніе всей Россіи въ мужицкое царство. (Зап. о жизни Бибикова).

Извѣстно, какихъ трудовъ и усилій стоило усмиреніе пугачовщины, какими звѣрствами, какимъ истребленіемъ людей и хозяйствъ сопровождались дѣйствія обѣихъ сторонъ. Всюду—казни, экзекуціи, гонка сквозь строй, висѣлицы, голодъ, пожары, тюрьмы, переполненныя арестантами, умирающими отъ тѣсноты и голода; тысячи народа, идущаго по канату на каторгу и въ ссылку; если кто изъ этихъ колодниковъ оказывалъ «хотя малѣйшее беззаконіе», то «такого, яко уже недостойнаго совсѣмъ жить, кололи» (Мордовцевъ, I, 197, 212). Помѣщики ревностно разыскивали бунтовщиковъ, жестоко наказывали ихъ сами или представляли въ канцеляріи съ просьбою «о наказаніи кнутомъ и плетьми и объ отнятіи членовъ, т.-е. ушей, а если достойны будутъ, то и о лишеніи живота». (Р. Арх., 1868 г., стр. 1864). Власти даже и безъ подобныхъ просьбъ были безчеловѣчны къ бунтовщикамъ, подвергая ихъ самымъ мучительнымъ казнямъ. «Эти казни невѣроятны»,—говоритъ Пушкинъ. Однихъ растыкивали по кольямъ, другихъ вѣшали ребрами на крюки, нѣкоторыхъ четвертовали, «остальныхъ *прощали*, отрѣзавъ имъ носы и уши» (Б. Зап. 1859, 179).

Пугачовщина не только разорила Россію, подвергнувъ ее всѣмъ ужасамъ нищеты и голода, но и послужила мотивомъ для усиленія реакціи. Мало того, что всѣ рыцари крѣпостничества, обуянные страхомъ, начали кричать и проповѣдывать о необходимости для «подлаго народа» ежовыхъ рукавицъ и самой строгой опеки, пугачовщину старались приписать даже вліянію иностранныхъ происковъ! Графъ Орловъ, Вольтеръ, сама императрица были не прочь думать, что пугачовщина затѣяна

французскими агентами; другіе подозрѣвали тутъ интригу какой-нибудь придворной партіи (Щебальскій, Пугачовщина, 7, 92). Пугачовщина породила въ высшихъ сферахъ крайнюю подозрительность и дала матеріалъ для системы запугиванья,—системы, окончательно вошедшей въ силу подъ шумъ грозныхъ событій французской революціи. Екатерина еще до революціи отвергла всѣ политическія стремленія энциклопедистовъ, какъ «разрушительныя утопіи». Когда въ 1773 г. Дидро, посѣтившій императрицу, развивалъ ей основныя мысли свои о свободѣ и правахъ народа, то Екатерина, считавшая все это *мальчишествомъ* и *несбыточными теоріями*, отвѣчала ему: «со всѣми вашими великими правилами хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній; вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ; я же, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги». (XVIII вѣкъ, I, 289). Когда же «несбыточныя теоріи» начали осуществляться на практикѣ, когда началась французская революція, то Екатерина окончательно отказалась отъ очень многихъ своихъ прежнихъ либеральныхъ увлеченій и открыто объявила себя защитницею всего стараго порядка. «Мы не должны—говорила она—предавать добродѣтельнаго короля въ жертву варваровъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергнетъ опасности всѣ другія монархіи. Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить». Получивъ извѣстіе о казни Людовика XVI, Екатерина даже заболѣла, слегла въ постель и два дня никого къ себѣ не принимала. Раздраженіе противъ «варварства французовъ» доходило у нея до того, что она выражала желаніе «совершенно уничтожить даже самое названіе *французы!*» Въ то же время она дала указъ сенату о прекращеніи сношеній съ Франціей и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ обоего пола французовъ, которые не принесутъ присяги по образцу, приложенному при указѣ, и не отрекутся отъ республики (Зап. Храповицкаго; Грибовск., 48). Ненависть къ новымъ порядкамъ и боязнь якобинской интриги, ревностно поддерживаемыя французскими эмигрантами и домашними реакціонерами, быстро заражали собою все общество. Началась остервенѣлая руготня французовъ, въ родѣ того, напр., что «Мирабоа не единой, но многіе висѣльницы достоинъ». Въ самыхъ невинныхъ вещахъ видѣли какія-то «вылазки» и «французскій ядъ» или «предложенія, уничтожающія законы, и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена» (Храповицк., 226). Всюду грезились якобинцы, и генералъ-адъютантъ Пассекъ, услышавъ сплетню, что французскіе демагоги разослали въ разныя страны своихъ агентовъ для умерщвленія государей, удвоилъ караулы при всѣхъ входахъ во дворецъ (Грибовск., 51). Екатерина усилила дѣятельность тайнаго полицейскаго надзора, но розыски отечественныхъ якобинцевъ кончались иногда весьма комически. «Императрица — разсказываетъ кн. Голицынъ— призвала петербургскаго оберъ-полиціймейстера Рылѣева и сказала ему, что во Франціи есть партія якобинцевъ, которые ходятъ въ красныхъ шапкахъ, и чтобы онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли въ Петербургѣ такихъ же. Рылѣевъ вышелъ изъ дворца и ѣдетъ разъ по адмиралтейской площади, на которой въ третьемъ этажѣ жилъ отставной генералъ; этотъ генералъ въ халатѣ и въ красномъ колпакѣ сидѣлъ у окна. Рылѣевъ остановился, пошелъ къ нему и велѣлъ ему ѣхать съ нимъ во дворецъ. Старикъ испугался, но поѣхалъ». Рылѣевъ представилъ императрицѣ пойманнаго имъ *якобинца*, арестованнаго, какъ объяснялъ онъ государынѣ, за то, что онъ сидѣлъ въ красномъ колпакѣ. Императрица разбранила Рылѣева, а генералу удвоила пенсію. (Р. Арх., 1869, 638).

Не менѣе страху и подозрительности нагоняло сильное распространеніе масонства и другихъ мистическихъ доктринъ и обществъ. Масонство было и прежде противно императрицѣ своими бреднями, своею оппозиціей наукѣ; теперь же она сдѣлалась его открытымъ врагомъ, тѣмъ болѣе, что оно было сильно заподозрѣно въ Германіи, гдѣ подъ маскою преслѣдованія иллюминатства было начато самое остервенѣлое гоненіе противъ всѣхъ свѣтлыхъ взглядовъ и благородныхъ стремленій общества. Въ невѣжественной же Россіи было еще хуже; слова *фармазонъ* и *волтерьянецъ*, проникшія даже въ народную массу, нагоняли несравненно болѣе ужаса и тупоумнаго негодованія, чѣмъ въ послѣднее время изобрѣтенное на смѣну имъ слово *нигилистъ*. Общество считало масоновъ «отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и т. п.» (Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти, 49; Записки Державн., 25). Хотя масонская филантропія была совершенно безвредна, хотя масонскій мистицизмъ былъ положительною реакціей либеральнымъ доктринамъ запада, а піетизмъ масоновъ боролся съ невѣріемъ и равнодушіемъ къ религіи; но люди, понимавшіе все это, не могли простить свободнымъ каменщикамъ ихъ идеи равенства и особенно ихъ мыслей о свободѣ крестьянъ. Каждое слово, каждое дѣйствіе, мало-мальски направленныя къ общенародной пользѣ, возбуждали доносы и обвиненія въ фармазонствѣ. Даже губернаторы и намѣстники, защищавшіе иногда угнетаемыхъ крестьянъ, обвинялись въ масонствѣ (Р. Арх., 1865, 884), подобно тому, какъ въ наши дни провозглашали нигилистами нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ.

Страхъ крестьянскихъ волненій и новой пугачовщины былъ также однимъ изъ главныхъ мотивовъ реакціи. Къ этому присоединялись еще заговоры, напримѣръ, попытка офицера Мировича освободить изъ Шлиссельбурга и возвести на престолъ Ивана Антоновича, заговоръ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, притязанія неизвѣстной авантюристки, которая

была похищена гр. Орловымъ изъ Ливорно и умерла въ петропавловской крѣпости, и т. д. Все это нагоняло страхъ, вселяло подозрительность, заставляло серьезно относиться даже къ бабьимъ сплетнямъ и толкамъ черни. Въ 1763 г. изданъ указъ «о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій». (П. С. 3., № 12,003). Въ Москвѣ и въ Петербургѣ то и дѣло сожигались черезъ палачей разные «пасквили», а державшіе ихъ у себя лица ссылались въ Нерчинскъ. (П. С. 3., № 12,089; 12,313, 12,890). Въ 1785 г. участницы въ распространеніи карикатуръ и пасквилей, фрейлина Эльмитъ и мадамъ Дивова, были даже высѣчены домашнимъ образомъ. (Р. Арх., 1865, 442). Екатерина въ своихъ письмахъ губернаторамъ и намѣстникамъ постоянно рекомендуетъ имъ слѣдить за политическими толками и сплетнями и немедленно прекращать ихъ. «Прошу васъ»,—пишетъ, напримѣръ, она въ Москву кн. Волконскому—«прошу васъ, чтобы вы держались моего правила, т.-е. не пропускать вракъ безъ изслѣдованія. Какъ нынѣ въ Москвѣ вранья безъ конца и безъ счету, того для, если вы усмотрите, что сіи врали не унимаются, прикажите враля-другого высѣчь плетьми публично, сказавъ въ сентенціи, что то дѣлается для воздержанія вралей отъ вранья». (XVIII вѣкъ, I, 63).

Всѣ упомянутые страхи, большею частію ложные и поддерживаемые реакціонерами, заставили Екатерину возстановить тайную канцелярію, противъ которой она такъ вооружалась въ началѣ своего царствованія. На сцену выступилъ знаменитый Шишковскій, при каждой встрѣчѣ съ которымъ Потемкинъ спрашивалъ его: «каково кнутобойничаешь?» — «Помаленьку, ваша свѣтлость, помаленьку-съ»,—отвѣчалъ обыкновенно Шишковскій. Этотъ Шишковскій иногда собственноручно пыталъ и наказывалъ знатныхъ арестантовъ; въ рукахъ его бывали даже дамы. (Р. Арх., 1866, 264). Случалось, что этотъ кнутобоецъ со своей командой расхаживалъ по частнымъ домамъ и сѣкъ хозяевъ, виноватыхъ въ какой-нибудь либеральной болтовнѣ. Сѣти тайнаго надзора были раскинуты всюду, и запрещенное Екатериной *слово и дѣло* воскресло, только въ новой формѣ. Еще въ началѣ своего царствованія, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи, Екатерина завѣряла «точно — своимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе» (П. С. 3., № 11,687), теперь же это средство вошло въ прежнюю свою силу. Въ Петербургѣ надъ полиціей была еще полиція въ лицѣ жившей при дворѣ шутихи Матрены Даниловны, черезъ которую Екатерина знала все, что дѣлается въ городѣ. (Р. Арх., 1869, 639). То и дѣло предписывала она столичной и провинціальной полиціи «наисекретнѣйшимъ и безпримѣтнымъ образомъ наблюдать» за такими-то, выслать туда-то такого-то, «подъ видомъ контрабанды» обыскать такихъ-то, «осмотрѣть» такія-то письма, «отобрать, подъ видомъ таможеннаго осмотра, всѣ имѣющіяся» у такихъ-то «бумаги и письма, и по освидѣтельствованіи оныхъ извѣстнымъ способомъ въ почтамтѣ, буде въ нихъ ничего сумнительнаго не найдется, доставя намъ списки, подлинныя имъ возвратить и самихъ ихъ отпустить въ путь имъ предлежащій, а въ противномъ случаѣ всѣ бумаги намъ представить съ нарочнымъ, а путешественниковъ, подъ предлогомъ утайки или же провоза вещей, законами запрещенныхъ, задержать впредь до указа». (Р. Арх., 1864, 426, 455; XVIII вѣкъ, I, 96, 391, 395).

Все это придало новыя силы воспитанной у насъ вѣками ябедѣ. Доносъ попрежнему сталъ орудіемъ личныхъ или корпоративныхъ расчетовъ, средствомъ для отличія. Все было можно возвести на степень государственнаго преступленія. «Нерѣдко правиломъ пріемлется»,—говоритъ Радищевъ,—«что даже противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тѣсняющая духъ и разумъ и на мѣсто величія, водворяющая робость, рабство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя». (XVIII в., II, 303). Съ какими натяжками сочинялись государственныя преступленія, показываетъ дѣло Новикова и его друзей. Они были мистики, филантропы и, по свидѣтельству митрополита Платона, примѣрные христіане; чтеніе публичныхъ лекцій, изданіе книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, доставленіе средствъ жизни бѣднымъ университетскимъ студентамъ и отправка ихъ въ заграничные университеты, вспомоществованіе крестьянамъ, изданіе журналовъ, особенно сатирическихъ—вотъ незабвенныя заслуги Новикова, Шварца и ихъ сотрудниковъ. Но эти благородные дѣятели осмѣливались мечтать о свободѣ крестьянъ, но они толковали о какомъ-то равенствѣ, но новиковская сатира дерзостно хлестала пороки и тупоуміе общества, но масонскія ложи вооружали противъ себя духовенство, но издаваемыя Новиковымъ книги разсѣвали измышленія «лжеименнаго разума»,—и эти люди сдѣлались государственными измѣнниками, злодѣями, атеистами, даже мазуриками!.. Для арестованія Новикова былъ посланъ въ его деревню цѣлый эскадронъ гусаръ. Когда его привезли въ Москву, то Прозоровскій началъ допросы тѣмъ, что, указывая на одну изъ изданныхъ Новиковымъ книгъ нравственнаго содержанія, въ которой внизу страницъ находились обычныя краткія ссылки на главы и мѣста библіи, сказалъ: «вотъ тутъ-то, подъ этими знаками и скрываются ваши зловредныя разсужденія. Все это разберутъ и узнаютъ ваши умыслы!» (Русск. Вѣстн., т. XI, 572). Понятно, что съ такими нелѣпыми вопросами Прозоровскій немногое могъ открыть изъ «адскихъ замысловъ тонкаго плута» Новикова, хотя есть извѣстіе, что онъ подвергалъ его пыткѣ. Новиковъ былъ отправленъ въ Петербургъ, къ Шишковскому.

Вотъ нѣкоторыя изъ вопросовъ, заданныхъ Новикову, и взведенныхъ на него обвиненій.

«Предлагалъ ты сборищу (т.-е. масонскому обществу), чтобы составить комитетъ для перевода (религіозныхъ) системъ древнихъ народовъ и богослуженія; а какъ въ Россіи богослуженіе и обряды уже установлены, то засимъ никакое богослуженіе и обряды, а паче египетскіе и жидовскіе, кои на ева-

геліи не основаны, терпимы быть не могутъ», то, слѣдовательно, переводомъ упомянутыхъ системъ масоны хотѣли развращать ученіе россійской церкви».

Масонское общество, назвавшееся *орденомъ*, подало поводъ къ разспросамъ, какой такой *орденъ носятъ масоны?* «Объ орденѣ хотя и говорятъ, что у нихъ никакого ордена не возлагаютъ, но сіе сказано неправда, потому что изъ бумагъ ихъ видно, что они называютъ его святымъ и дѣлаютъ ему присягу съ ужасною клятвою, а скрываютъ о ношеніи онаго потому, чтобъ избѣгнуть за самовольное его ношеніе законнаго осужденія!..»

Новикову поставлено въ вину, что вся его дѣятельность «клонилась *къ благополучію людей*, т.-е. равенству.» Поставлено въ вину, что съ просьбою о наученіи его закону Божію онъ прибѣгалъ «къ невѣдомому человѣку Рейхелю, а не къ россійскимъ пастырямъ, конечно, просвѣщеннымъ и свѣдущимъ законъ Божій». Сношенія масоновъ со своими магистрами, принцами брауншвейгскимъ и кассельскимъ, было выставляемо въ такомъ видѣ, что они, «будучи подданными самодержицѣ, нарушили свои обязательства государю и государству» и вступили въ иностранное подданство! Мало того, Новиковъ оказался «грабителемъ и мошенникомъ». Самъ онъ показалъ, что въ четыре года барыша (отъ книжной торговли) получилъ 150,000 руб., «*а изъ сего довольно ясно*, какъ онъ продажею книгъ *грабилъ публику*, а потому можно ли его благонамѣреннымъ и непорочнымъ назвать!» Изъ одного того, что нѣкто Походяшинъ далъ новиковскому обществу 50,000 р., было выведено, «что Походяшинъ имъ (Новиковымъ) *коварно обольщенъ и обманутъ*, ибо 50,000 р. таковому, каковъ есть Новиковъ, повѣрить, да еще безъ всякаго обязательства, никакъ, кажется, невозможно!» Главное же обвиненіе новиковцевъ основывалось на томъ обстоятельствѣ, что великій князь Павелъ, заинтересовавшись обществомъ, познакомился съ однимъ изъ его членовъ, который и доставилъ ему нѣсколько масонскихъ книгъ. Изъ этого вывели, что они, какъ «совершенные іезуиты», всѣ положенія которыхъ о равенствѣ направлены противъ «персоны государевой», хотѣли завлечь въ свое общество «*персону*», т.-е. Павла, «чтобы привести конецъ злому своему намѣренію и сдѣлать хуже, чѣмъ съ французскимъ кралемъ» (Людовикомъ XVI); Екатерина же была настроена такъ, что видѣла въ этомъ умыселъ возвести Павла на престолъ (Сборн. Р. Историч. Общ., II, 99—140). Какъ обходились съ арестованными, показываетъ исторія студента Невзорова. Онъ не хотѣлъ отвѣчать Шишковскому безъ присутствія университетскаго депутата или «командира» университета. «Наконецъ, сказано ему, Невзорову, было, что если онъ отвѣтствовать не будетъ, то яко ослушникъ власти, по повелѣнію ея императ. велич., будетъ сѣченъ...» Невзоровъ сошелъ съ ума; всюду грезились ему «шпіоны и іезуиты, кои мучатъ его составами Каліостро, горючими матеріями». Онъ переведенъ въ сумасшедшій домъ, изъ котораго освобожденъ уже при Павлѣ (id., 142, 144).

Въ родѣ же новиковскаго было и дѣло Радищева, напечатавшаго свою извѣстную книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», въ которой онъ болѣе всего нападалъ на крѣпостное право. Дѣло началось по доносу Державина. Екатерина увидѣла въ этой книгѣ «разсѣваніе французской заразы», нашла, что «авторъ мартинистъ, бунтовщикъ, хуже Пугачова; хвалитъ Франклина, какъ начинщика и себя такимъ же представляетъ». (Зап. Храповиц.). Радищевъ отданъ Шишковскому, который довелъ его до того, что онъ въ своихъ отвѣтахъ показывалъ: писалъ книгу «по сумасбродству своему»; на помѣщиковъ клеветалъ, ибо «у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ-либо»; на цензуру нападалъ по глупости; «чтобы прослыть писателемъ и заслужить гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали, издалъ эту книгу, относительно которой понялъ теперь самъ, какими гнусными, дерзкими и развратными выраженіями наполнена она». (Чтенія, 1865, III). Сенатъ приговорилъ его къ смерти; императрица помиловала десятилѣтнею ссылкою въ Илимскъ. Новикову досталось хуже: его посадили на 15 лѣтъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Радищевъ былъ первымъ представителемъ у насъ идей XVIII вѣка. Освобожденіе крестьянъ было его завѣтною мечтою. Набросанныя имъ возмутительныя картины крѣпостного права и мысли о свободѣ крестьянъ—лучшія мѣста въ его «Путешествіи». Свободу печати онъ понималъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ не взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому да дается судъ по формѣ, Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія—не преступленія... Запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей... Для того-то вольность мыслей имъ страшна... Но если власть не на туманѣ мнѣнія возсѣдаетъ, если престолъ ея основанъ на искренности, на истинной любви общаго блага, не утвердится ли онъ болѣе, когда основаніе его будетъ явно? Буде власть шествуетъ стезей ей назначенною, то не возмутится она отъ пустого звука клеветы. Но горе ей, если въ несправедливости своей она гонитъ правду!.. Ни въ Греціи, ни въ Римѣ, нигдѣ не находимъ примѣра, чтобы избранъ былъ судія мысли, чтобы кто дерзнулъ сказать: у меня просите дозволенія, если хотите отверзать уста ваши на велерѣчіе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все, что безъ нашего клейма явилось въ свѣтъ, объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтеніе»—продолжаетъ Радищевъ—было сдѣлано «католическими священнослужителями, которые были всегда изобрѣтателями оковъ, которыми въ разныя времена отягчался разумъ человѣческій; они подстригали ему крылья, да не обратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ... Цензура была современна инквизиціи. Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы, изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ

своему могуществу, на продолженіе невѣжества и мрака во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродныя ему оковы суевѣрія... Постыдное монашеско изобрѣтеніе трепещущей власти принято повсемѣстно, укоренено и почитается надежною преградою заблужденія». Преклоняясь предъ идеаломъ свободы, Радищевъ доказываетъ нищету жившихъ тогда въ русскомъ обществѣ идеаловъ *внѣшняго порядка и тишины, роскоши* и *военной славы*. «Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы. Сто невольниковъ, пригвожденныхъ къ стѣнамъ корабля, веслами въ пути своемъ двигаемаго, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе! Они желали бы промѣнять жизнь на кончину, но и ту имъ оспариваютъ... Итакъ, да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердце согражданъ Если въ нихъ найдемъ спокойствіе и миръ, тогда поистинѣ можно сказать: се блаженны!.. Общественная роскошь, напр., «огромность зданій, безполезныхъ обществу, есть явное доказательство его порабощенія»... «Въ славѣ завоеваній—звукъ, гремленіе, надутось и истощеніе!... Плодъ завоеванія—убійства и ненависть»... («Путешествіе», предисловіе Антоновича къ шлоссеровской исторіи XVIII вѣка, стр. XXX—XXXVII).

Въ самую либеральную пору екатерининскаго царствованія литература далеко не пользовалась тою свободою слова, которой такъ боялась партія крѣпостниковъ и реакціонеровъ. Если можнотакъ выразиться, то литература состояла при Екатеринѣ «по особымъ порученіямъ» и императрица пользовалась ею для проведенія своихъ реформъ. Обличать, охуждать, бить можно было только то, что преслѣдовалось правительствомъ,—никакъ не болѣе. Нападать на недостатки и злоупотребленія можно было только заднимъ числомъ. «Прежде было все худо; нынѣ, къ изумленію міра, все исправляется и идетъ къ лучшему»—вотъ общая тема и тогдашнихъ офиціальныхъ актовъ, и литературныхъ произведеній. Знаменитая сатира екатерининскаго вѣка поневолѣ позолочивалась лестью и окуривалась ѳиміамомъ панегирика. Но и подслащенная такимъ образомъ сатира возбуждала сильное негодованіе въ обществѣ, и Новикову замѣчали, что онъ «не въ свои де сани садится, зачиная писать сатиры на придворныхъ господъ, бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая де смѣлость не что иное есть, какъ дерзновеніе». При этомъ намекали даже, что автора могутъ «послать потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія», т.-е. Сибири. Къ концу царствованія сатира совершенно замолкла, и вся почти литература превратилась въ панегирикъ, воспѣвавшій, главнымъ образомъ, какъ Екатерина, выражаясь словами Державина,—

Стамбулу бороду ерошитъ,
На Таврѣ ѣздить чехардой,
Задать Берлину перцу хочетъ, и т. д.

Въ началѣ екатерининскаго царствованія у насъ были переведены сочиненія почти всѣхъ замѣчательныхъ французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII и XVIII в. в.,—Вольтера, д'Аржанса, Вольнея, Гельвеція, Гоббса, Даламбера, Дидро, Локка, Рейналя, Ж. Ж. Руссо, Гуго Гроція, Кондильяка, Мабли, Пенна, Свифта, Юма и др. Эти переводы встрѣчали многочисленныхъ противниковъ. Всѣ эти «книги суть самыя зловредныя», писалъ императрицѣ митрополитъ Платонъ. «Сіи гнусныя и юродивыя порожденія такъ называемыхъ энциклопедистовъ слѣдуетъ исторгать, какъ пагубные плевелы между добрыми сѣменами». (Русск. Вѣстн., XI, 567). И бывшая поклонница, покровительница и другъ энциклопедистовъ начала «исторгать»... «Слышно»,—писала Екатерина,—«что въ академіи наукъ продаютъ книги противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ, противъ націи, которыя *во всемъ свѣтѣ запрещены* (!), какъ, напр., Эмиліи Руссовы, Меморіи Петра III, письма жидовскія по французскому и много другихъ подобныхъ (XVIII в., III, 392)... Вольныя типографіи закрыты, при таможняхъ учреждены цензурныя управленія для просмотра иностранныхъ книгъ и газетъ, усилена цензура внутренняя. До чего была стѣснена печать, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1784 г. за напечатаніе въ «Московск. Вѣдомостяхъ» неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена Екатерина была крайне раздражена этимъ и велѣла конфисковать листы «Вѣдомостей». «Давъ покровительство наше сему ордену»—писала она,—«не можемъ дозволить, чтобъ отъ кого либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было». Капнистовская комедія «Ябеда», дозволенная даже при Павлѣ, не могла быть издана при Екатеринѣ. Въ 1793 г. разразилась гроза надъ Княжнинымъ за его трагедію «Вадимъ»; авторъ не попалъ въ руки Шишковскому только благодаря своей смерти Гр. Салтыковъ нашелъ въ этой трагедіи много предосудительнаго и донесъ императрицѣ. Началось слѣдствіе, къ которому были привлечены даже дѣти покойнаго автора. Трагедію повелѣно изъять изъ обращенія и уничтожить «съ осторожностью и безъ огласки, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія». (Рус. Стар., III, 732). Между тѣмъ, вся «опасность» этой піесы состояла въ томъ, что Вадимъ говоритъ и борется противъ самодержавныхъ замысловъ Рюрика. Къ этому нужно прибавить, что самыя рѣзкія выраженія въ трагедіи, въ родѣ, напр.,—«самодержавна власть все нынѣ пожираетъ», или—

«Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ,
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ извращенъ?»

были далеко не самыми рѣзкими въ тогдашней литературѣ, въ которой совершенно безнаказанно проходили и не такія фразы *).

*) Таковы, напр., стихи въ трагедіи Николаева «Сорена и Замиръ».

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ,

Даже Державинъ чуть-чуть избавился отъ Шишковскаго, которому уже было поручено допросить его по поводу «якобинскихъ стиховъ», оказавшихся переложеніемъ 18-го псалма *).

При такомъ умонастроеніи общества мѣры императрицы относительно народнаго образованія не могли не подчиниться реакціонному духу времени. Объ образованіи народа нечего было и думать. Его старались воспитывать въ чувствахъ зависимости, и дворянство объ этомъ разсуждало такъ. «Прежде всего надлежитъ стараться, чтобы земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они трудятся не для одной только своей пользы, но обязаны быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ, а притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнію. Они исполняютъ по волѣ повелителя все, что до ихъ должности принадлежитъ и ни въ какихъ случаяхъ невозможностью не отрекаются, и изъ сего видно, до чего можно довести людей чрезъ порядокъ и внушеніемъ приличныхъ до званія ихъ мыслей». Даже одинъ изъ самыхъ образованныхъ помѣщиковъ XVIII в., Рычковъ, ставившій русское простонародье, за его невѣжество, ниже татаръ, требуетъ, чтобы «только наиболѣе понятныхъ и надежныхъ мальчиковъ обучать грамотѣ и то столько, чтобы въ деревнѣ, имѣющей 100 душъ, писать умѣющихъ крестьянъ болѣе 2 или 3 человѣкъ не было, ибо примѣчается, что изъ такихъ людей научившіеся писать знаніе свое нерѣдко во зло употребляютъ». (Щаповъ, 86, 87). Подобныхъ же мыслей подъ конецъ своего царствованія держалась и сама Екатерина. «Черни не должно давать образованія», — писала она одному изъ дѣятелей по части народнаго просвѣщенія,—«ибо если она будетъ знать столько же, сколько я и вы, то не будетъ повиноваться намъ въ такой степени, какъ повинуется теперь». (Scherr, Blücher und Seine Zeit, I, 53). Доступъ простонародья въ высшія учебныя заведенія былъ крайне затрудненъ тѣмъ, что при поступленіи въ университетъ требовалось непремѣнно предоставленіе свидѣтельства о правѣ на законную свободу и объ исключеніи изъ подушнаго оклада. Въ среднихъ и низшихъ заведеніяхъ дворянство старалось, по крайней мѣрѣ, совершенно изолировать своихъ дѣтей отъ дѣтей разночинцевъ и крѣпостныхъ людей; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оно не отдавало даже своихъ дѣтей въ народныя училища. При учрежденіи казанской гимназіи было положено, что «дѣти дворянъ и разночинцевъ должны различаться по форменной одеждѣ; въ классахъ сидѣть дворянамъ за особливымъ отъ разночинцевъ столомъ, обѣдъ и ужинъ, а также и постели имѣть въ особливыхъ комнатахъ, наблюдая, сколь возможно пристойности, въ отличіе ихъ благороднаго происхожденія». (Ж. М. Н. Пр., 1865, X, 57, 127). Самый характеръ общественнаго образованія получилъ односторонній оттѣнокъ. Усилія тогдашней педагогіи были направлены не на развитіе разума, не на распространеніе реальныхъ знаній, какъ при Петрѣ, а на развитіе добродѣтели и «изящнаго сердца».

Изъ направляемаго такимъ образомъ просвѣщенія старались сдѣлать оплотъ противъ «французской заразы», и въ этомъ стремленіи сходились всѣ враждебныя партіи. Объ этомъ хлопотали и духовенство, и раскаявшіеся въ своемъ либерализмѣ дворяне, въ родѣ Фонвизина, и масоны. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской волѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій», восклицаетъ сотрудникъ Новикова, Невзоровъ.

Русская печать представляла революцію дѣломъ какихъ-то полудикихъ разбойниковъ, стремившихся къ грабежу, убійствамъ и анархіи, какихъ-то мазуриковъ, увлекавшихъ за собою глупую чернь на всевозможныя преступленія. Когда, напр., по предложенію Мирабо, національное собраніе назначило трауръ по смерти Франклина, «Московскія Вѣдомости» (1790 г., № 57), сообщивъ объ этомъ, продолжаютъ: «Притомъ,—говорилъ графъ Мирабо, мы довольно уже переносили трауровъ по знаменитымъ особамъ, а теперь время налагать оные по кончинѣ героевъ человѣчества. Подъ сими послѣдними, безъ сомнѣнія, гр. Мирабо разумѣетъ тѣхъ *злодѣевъ рода человѣческаго*, которые, разрушая должное къ верховной власти повиновеніе, имѣютъ цѣлью не благоденствіе народовъ, но свое собственно обогащеніе и возвышеніе или перехожденіе отъ философскихъ умствованій къ набиванію кармановъ деньгами. Таковъ былъ Франклинъ, таковъ, безъ сомнѣнія, и гр. Мирабо со всѣмъ своимъ причетомъ, въ національномъ собраніи засѣдающимъ. Они оставляютъ отечество свое въ бѣдствіи, а наслѣдниковъ своихъ богатствъ, измѣною пріобрѣтенныхъ, въ благоденствіи». Мало этого, — «Московскія Вѣдомости» уличали членовъ законодательнаго собранія даже въ томъ, что они дѣлали свои безсмертныя постановленія «*въ пьяномъ видѣ*». Нѣкто изъ членовъ, примѣчая, что почти всѣ законодательныя головы обременены спиртовыми парами, воспользовался симъ случаемъ къ вовлеченію ихъ въ постыдное французамъ безуміе. Онъ предлагалъ всѣ титулы герцоговъ, графовъ, маркизовъ и вообще тѣ званія, коими первостепенное дворянство отличается, уничтожить и предать забвенію» (№ 58). Точно въ такомъ же тонѣ писали и «С.-Петербург-

---

Льзя ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца»...
(«Русск. Вѣстникъ», 1860, IV, 639).

*) Вотъ самые рѣзкіе изъ этихъ стиховъ:

Возсталъ всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
«Щадить неправедныхъ и злыхъ!..»
—Не внемлютъ, видятъ и не знаютъ,
Покрыты мздою очеса,
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса!..
Воскресни Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!..

скія Вѣдомости».—«Въ противность всѣмъ существованіямъ, которыя его христіанское величество изъявилъ въ объявленіяхъ своихъ, адское нѣкое сонмище людей, сотрясшихъ съ себя бразду вѣры и нравовъ, позабывшихъ человѣчество, стыдъ, потерявшихъ уваженіе къ довѣренности и законамъ, и которыхъ Франція стыдится называть своими сынами... приступило къ тюльерійскому дворцу, обиталищу добродѣтельнѣйшаго монарха», и произошла битва. Но зачѣмъ «сіи разбойники приступали къ обиталищу добродѣтельнѣйшаго монарха» — объ этомъ ни слова! Далѣе разсказывается, что король «съ высокою своею супругою и двумя дѣтьми» цѣлый день провелъ въ національномъ собраніи, которое и провозгласило его низложеніе. Потомъ снова начинается площадная брань. «Клеветы, воровства, убійства, святотатства, изгнаніе всенародныхъ нравовъ, безстыдные умыслы противъ цѣломудрія, звѣрское насиліе смутившихъ кротость пола—все то адское оное сходбище якобинцевъ произвело въ дѣйство» (1792, № 73). О казни Людовика было сообщено только коротенькое извѣстіе, что «лишенъ жизни милосердый и справедливый государь, который пользою народа своего занимался, даровавъ ему безчисленныя выгоды и благоденствія; и въ неисчетныя бѣдствія повержено на долгое время государство, которое раздираемо будетъ всѣми казнями, свыше посылаемыми на богоотступныхъ» (1793, № 12). Послѣ подобнаго же извѣстія о казни королевы, Франція вовсе перестала существовать для русской читающей публики, которая знала только, что эта страна погибаетъ отъ злодѣяній безбожныхъ возмутителей и что духъ послѣднихъ проникъ уже въ Россію, обнаруживаясь здѣсь въ такихъ возмутительныхъ идеяхъ, какъ мысль объ освобожденіи крестьянъ, и въ такихъ злодѣйскихъ сочиненіяхъ, какъ книга Радищева. За неимѣніемъ и невозможностью другой періодической прессы, кромѣ офиціальной или офиціозной, русское общество получало о революціи совершенно одностороннее представленіе, видѣло въ ней только рядъ злодѣяній, будто бы порожденныхъ безбожными писателями, и не имѣло никакого понятія о существенной сторонѣ этого переворота, которымъ начиналась новая эра въ исторіи человѣчества. Подъ казенной выправкой русская политическая мысль получила крайнее реакціонное направленіе, которое опиралось на старинные московско-византійскіе идеалы и гарантировалось искусственно поддерживаемымъ политическимъ невѣжествомъ массы.

Эта боязнь французской заразы была не что иное, какъ рѣшительная реакція европеизму и началамъ петровскихъ реформъ. Модный европейскій либерализмъ и увлеченіе западомъ оказались горькими ошибками, отъ которыхъ не только нужно предохранять средніе и низшіе классы, но необходимо освободиться и высшимъ. Либерализмъ и «мода на умы», какъ выражались тогда, были игрушками занимательными и пикантными, но опасными. Тягостныя воспоминанія о преобладаніи съ Петра иностранцевъ надъ русскими, борьба съ ними во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, предпочтеніе, всюду оказывавшееся иностранцамъ, начиная съ арміи и кончая кухнею, наконецъ пренебреженіе иностранцевъ къ «русскимъ варварамъ» и ихъ похвальбы тѣмъ, что Петръ просвѣтилъ «москвитянъ» посредствомъ ихъ,—все это содѣйствовало упомянутой реакціи и выдвигало на сцену славянофильскій патріотизмъ. Сама Екатерина, Бецкій, кн. Дашкова, Фонвизинъ, Щербатовъ, Болтинъ, Державинъ—всѣ болѣе или менѣе отрицательно относились къ реформамъ Петра, и хотя это дѣлалось иногда для того только, чтобы повторять на разные лады ходячій тогда комплиментъ государынѣ—

«Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина—душу»,—

но антипетровское направленіе все-таки въ весьма сильной степени овладѣло людьми того времени. Петръ хотѣлъ, какъ можно скорѣе, сдѣлать изъ Россіи европейскую страну и вести ее на ряду съ Европой; Екатерина же, особенно въ концѣ своего царствованія, отреклась отъ великой идеи Петра, считая опасными всѣ «поспѣшныя и преждевременныя реформы», «противныя умоначертанію націи». «*Не созрѣли*», «*непримѣнимо къ Россіи*», эти столь хорошо знакомыя намъ фразы были изобрѣтены еще въ то время. Реформа Петра, по мнѣнію Щербатова, развратила русскіе нравы, «истребила мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги», т.-е. прислуживанье; «искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести; роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста». Болтинъ шелъ еще дальше и открыто стоялъ за допетровскую Русь. «До Петра русскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ»,—говоритъ онъ,—«твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ имѣлъ собственный свой характеръ, суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но прямой, честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство». Этою же славянофильскою любовью къ старинѣ былъ одержимъ и Новиковъ, который, издавая свою «Вивліоѳику», надѣялся найти полное сочувствіе въ людяхъ, которые, не будучи «заражены Франціею, съ великимъ любопытствомъ будутъ читать описанія обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся, съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою». Это славянофильничанье заразило и такъ называемую «изящную словесность». Напр., въ драмѣ Богдановича «Славяне» Александръ Македонскій бесѣдуетъ съ русской огородницей Потапьевной, восхищается «добронравіемъ, простотою, вѣрностью славянъ и ставитъ эти добродѣтели выше «аѳинской премудрости», превознося славянъ насчетъ *аѳинянъ*, подъ которыми авторъ разумѣлъ французовъ. Изображеніе

древне-русскихъ доблестей и опроверженію «клеветъ иностранцевъ на допетровскую Россію Екатерина посвятила свои «Записки касательно Россійской Исторіи» и многія мѣста въ своемъ «Антидотѣ», полемическомъ сочиненіи, написанномъ противъ извѣстнаго путешественника аббата Шаппа. Въ этомъ сочиненіи сознательная патріотическая ложь достигаетъ изумительныхъ размѣровъ. Напр., «у насъ есть сенатъ, имѣющій тѣ же права, что и парламенты». «Въ Россіи никто не ѣстъ каши съ конопляным масломъ», и утверждая это, аббатъ безсовѣстно клевещетъ, желая доказать нашу бѣдность. «Мало есть государствъ, въ которыхъ законъ уважался бы настолько, какъ у насъ». «*Въ числѣ русскихъ генераловъ до сихъ поръ никто не встрѣчалъ слабоумнаго!..*» И такимъ образомъ, каждое невыгодное свѣдѣніе о Россіи, сообщенное аббатомъ, Екатерина опровергаетъ, нисколько не стѣсняясь ни истиною, ни своими убѣжденіями. (XVIII вѣкъ, IV, 242, 264, 290, 299, 424 и др.). Да, не въ одной Германіи «толки о національной вѣрности, благочестіи, объ естественномъ историческомъ развитіи государства начинались каждый разъ, какъ только нужно было противодѣйствовать либеральнымъ теоріямъ» (Шерръ, Ист. цивилиз. въ Герм., 563)... Наше славянофильство не разъ играло ту же ретроградную роль, и еще при Екатеринѣ оно провозгласило, что Западъ гніетъ, что мы, русскіе, величайшій народъ въ подсолнечной. Фонвизинъ, напр., остался недоволенъ всѣмъ, что онъ ни видѣлъ во Франціи, Германіи, Италіи. «Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ»—писалъ онъ—«вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начинаетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его въ должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что въ нашемъ отечествѣ можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой странѣ». «Въ Германіи во всемъ генерально хуже нашего; у насъ все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы. Итальянская жизнь, въ которой весьма много свинства», хуже даже нѣмецкой, а ужъ не только нашей. Словомъ, «если здѣсь (на Западѣ) прежде насъ начали жить, то мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent!» (Галаховъ, Ист. русск. словесн., I, 544).

Эти славянофильскія похвалы были только отдѣломъ того панегирическаго концерта, которымъ въ вѣкъ Екатерины занималась почти вся образованная и пишущая Россія. Державинъ громогласно заявляетъ о себѣ—

Одинъ есть Богъ, одинъ Державинъ,
Одна мнѣ рифма—древній Навинъ,
Что солнца бѣгъ остановилъ!...

Сумароковъ находитъ ,въ Европѣ равнаго себѣ писателя только въ Вольтерѣ. «Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. До чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, того я одинъ однимъ перомъ достигнуть могъ. Авторъ въ Россіи—я одинъ». «Быть адвокатомъ Мельпомены и Таліи, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, пристойнѣе всѣхъ г. Вольтеру и мнѣ», и т. д. Если такъ восхваляли себя, то въ похвалахъ другимъ были рѣшительно необузданны. Вся поэзія состояла изъ одъ и придворныхъ панегириковъ, и ѳиміамный дымъ похвалъ, наполняя атмосферу, не только скрывалъ всѣ бѣдствія, недостатки и уродливости жизни, но даже представлялъ ихъ зрителю совершенно въ превратномъ видѣ, въ обманчивыхъ размѣрахъ и краскахъ иллюзіи. Главнымъ предметомъ прославленія служила «богоподобная царица», которой льстили до того, что, по собственному ея признанію, «ей дѣлалось тошно»; Вяземскій, напр., «премудрость ея нетокмо ровнялъ, но и превозвышалъ надъ Божіей». Она не могла ступить шагу, чтобы не услышать самаго раболѣпнаго панегирика. «Построитъ ли кто домъ»—говоритъ Щербатовъ—«на данныя отъ нея деньги или на ворованныя, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на иллюминаціи пишетъ: «*твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая*»; или подписываетъ на домѣ: «*щедротами великія Екатерины*», забывая припомнить: «*но разореніемъ Россіи*»; или давая праздники ей, дѣлаетъ сады, нечаянныя представленія, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющіе». (Р. Стар., III, 680). До какой степени простиралась эта раболѣпная лесть, лучше всего показываютъ всѣмъ извѣстныя оды Державина. Самое ничтожное дѣйствіе императрицы выставлялось панегиристами, какъ величайшій подвигъ, возносящій Россію на вершину благополучія. Напр., указомъ 1786 г. Екатерина въ прошеніяхъ къ ней велѣла подписываться не *рабомъ*, какъ было до той поры, а *вѣрноподданнымъ*. Посмотрите же, какую радость возбудилъ этотъ пустякъ въ казенныхъ душахъ и какія неизмѣримо благотворные результаты должны были истечь отъ него, по словамъ одописца Капниста.

«Теперь, о радость несказанна,
О день свѣтляе всѣхъ побѣдъ!
Царица, небомъ ниспослана,
Неволи тяжки узы рветъ.
Россія, ты свободна нынѣ!
Ликуй во вѣкъ; въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена...
Обиліе рѣкой польется
И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой!»

Льстивость этой оды такъ безгранична, что ее можно бы принять за насмѣшку, если бы вся литература того времени не была исполнена подобной же, ничѣмъ не стѣсняющейся хвалебной лжи.

Къ концу XVIII вѣка тщеславіе, бывшее главною страстью эпохи, нашло себѣ достаточную пищу въ блестящихъ подвигахъ арміи, въ раздѣлѣ Польши, въ пріобрѣтеніи Крыма, въ радужныхъ мечтаніяхъ о завоеваніи Кавказа и объ изгнаніи турокъ изъ Европы. «Громъ побѣды раздавался, храбрый Россъ торжествовалъ», панегиристы бряцали на своихъ казенныхъ лирахъ, Россія благоденствовала, и даже дикари, покрытые «шерстью, рыбьей чешуей, одѣтые листьемъ и корою»,

«Сошедшися къ ея престолу
«И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
«По желтосмуглымъ лицамъ долу
«Струили токи слезъ изъ глазъ!» (Державинъ).

Подъ «громъ побѣдъ» и разглагольствія о національныхъ добродѣтеляхъ система бюрократическаго хищничества развивалась до ужасающихъ размѣровъ. «Непомѣрная роскошь»,—говоритъ гр. Воронцовъ, — «послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва ли уже не желали въ 1796 г. скорой перемѣны, которая по естественной кончинѣ сей государыни и воспослѣдовала». (Чт. въ Общ. Ист. и Древн., 1859, I, 96). По этой части подвизался особенно всемогущій «великолѣпный князь Тавриды», «а на него глядя»—замѣчаетъ гр. Воронцовъ—«и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащеніе людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рѣдкій не находилъ для себя выгоднымъ по тѣмъ же слѣдамъ идти» (id., 100). Одинъ рекрутскій наборъ съ женами рекрутскими былъ «весь, какъ Потемкинымъ, такъ креатурами и любимцами его разворованъ», и женатые рекруты поселены въ ихъ имѣніяхъ. (Р. А. 1864, 692). Однажды изъ государственнаго банка было похищено 600,000 р. директорами Завадовскимъ и Зайцовымъ и кассиромъ Кельбергомъ, которые «вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку бриллiантовъ, дабы, продавъ ихъ императрицѣ съ барышомъ, взнести въ казну забранныя суммы и сверхъ того имѣть себѣ прибытокъ». Докладъ объ этомъ злоупотребленіи «по самую кончину государыни пролежалъ у нея въ кабинетѣ нерѣшеннымъ, а по воцареніи Павла Безбородко съ Трощинскимъ такъ смастерили сіе воровское дѣло, что Зайцову и прочимъ, будто за напрасное претерпѣніе, даны въ награжденіе деревни». (Зап. Держ., 378). Въ другой разъ было расхищено до 2,000,000 р., которые банкиръ Сутерландъ получалъ изъ государственнаго казначейства для перевода за границу и, вмѣсто того, раздавалъ вельможамъ—Потемкину, Безбородко, Остерману, Вяземскому, Маркову, Великому Князю. Одинъ Потемкинъ взялъ 800,000 р., которые Екатерина велѣла отнести на счетъ казначейства, «извинивъ, что онъ многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги» (id, 337). Тѣ же послѣдствія реакціоннаго движенія обнаружились и въ провинціихъ, особенно послѣ того, какъ съ учрежденіемъ о губерніяхъ число чиновниковъ увеличилось противъ прежняго въ нѣсколько разъ, а въ лицѣ намѣстниковъ провинціальная администрація получила такое полновластіе. Взяточничество, казнокрадство, вымогательства, притѣсненія сектантовъ были обыкновеннымъ источникомъ обогащенія. Кстати приведемъ здѣсь одинъ примѣръ, какъ относились къ сектантамъ въ этотъ пресловутый вѣкъ вѣротерпимости, человѣчности, въ эту эпоху разглагольствій о чести, добродѣтели и «изящномъ сердцѣ». Въ 1792 г. въ южной Россіи началось судебное преслѣдованіе духоборцовъ, и екатеринославскій губернаторъ писалъ по этому случаю, что «*весь, зараженные иконоборствомъ, не заслуживаютъ человѣколюбія*», такъ какъ ересь эта особенно «опасна и лакома для послѣдователей» тѣмъ, что «*образъ жизни духоборцовъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ, и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, а спасеніе они чаютъ только отъ благихъ дѣлъ*». Духоборцы приговорены къ сожженію, но помилованы ссылкою въ Сибирь. (Р. Арх. 1865, 818). Это преслѣдованіе людей за то, что «образъ ихъ жизни основанъ на честнѣйшихъ правилахъ», отлично характеризуетъ тогдашнюю администрацію.

Громадные расходы на войны, на иностранныя дѣла, на затѣи роскошной жизни, на путешествія, постоянныя выдачи денежныхъ наградъ разнымъ сановникамъ—все это въ конецъ истощило государственное казначейство. Прибѣгли къ выпуску ассигнацій, курсъ которыхъ постепенно падалъ, и наконецъ ассигнаціонный рубль стоилъ только 68 коп. Въ 1788 г.—разсказываетъ Щербатовъ—оказался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ. «Банкъ прекратилъ уплаты, заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого не пускать на дворъ». Въ нѣкоторыхъ городахъ ассигнацію мѣняли на мѣдь съ уплатою 13, даже 20 коп. промѣна съ рубля. (Щербатовъ, въ Отеч. Записк., т. CXXVII, 416). Такое разстройство финансовъ было тѣмъ знаменательнѣе, что государственные доходы при Екатеринѣ увеличились съ 20 до 50 милліоновъ р. въ годъ. Для увеличенія доходовъ прибѣгали нерѣдко и къ такимъ мѣрамъ, которыя были радикально противоположны духу «Наказа», и прибѣгали еще въ первый, либеральный періодъ царствованія. Въ 1764 г. раскольники, освобожденные Петромъ III отъ двойного подушнаго оклада, были снова подвергнуты ему. Въ 1765 г. началось усиленное покровительство винному откупу. Откупщикамъ предоставлено «столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько и гдѣ сами похотятъ... Такъ какъ отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось подлой безчестно. то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы, яко на домахъ, подъ Нашимъ защищеніемъ находящихся. Откупщики обнадеживаются монаршимъ покровительствомъ, и служба ихъ признается казенною, а они именуются коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги». (П. С. З., № 12,445). Въ Москвѣ и Петербургѣ сумма виннаго сбора, составлявшая при Елисаветѣ 700,000 р., въ 1785 г. простиралась уже

до 10,000,000 р.! Въ лицѣ откупщиковъ въ Россіи водворилась корпорація, не только разорявшая и развращавшая страну, но сдѣлавшаяся одною изъ главныхъ силъ ретроградной интриги.

Рекрутскіе наборы, подати и повинности, всевозможныя злоупотребленія, чума и пугачовщина, усиленная раздача земель помѣщикамъ, не помышлявшимъ объ ихъ воздѣлываніи, своевольство крѣпостниковъ, разбои, неумѣренный отпускъ хлѣба за границу и истребленіе его винокуренными заводами,—все это довело страну до положительной нищеты, до такого ужаснаго голода, при которомъ то и дѣло приходилось судить людей «*за грабежъ хлѣба*», вырѣзывать имъ ноздри, бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь. (Р. Арх., 881). Въ московской губерніи въ 1760 г. четверть ржи стоила 86 коп., въ 1763 г. 95 коп., 1773 г.—2 р. 19 к., въ 1787 г. 7 р.! Сообразно съ этимъ поднимались цѣны и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, такъ что въ 1785 и 1786 г. «даже сыскать хлѣба было негдѣ; люди ѣли листъ, сѣно, мохъ и съ голоду помирали, а вызябшій весь хлѣбъ въ зиму съ 1786 на 1787 г. въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставлялъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю». (Кн. Щербатовъ). Въ ярославскомъ генералъ-губернаторствѣ люди питались пихтовою корою и умирали съ голода. (Р. Арх., 1865, 884). Въ Литвѣ, «между тѣмъ, какъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность», во многихъ деревняхъ невозможно было найти куска хлѣба. (Зап. Мертваго, 134). «Нынѣ»,—писалъ въ 1788 г. кн. Щербатовъ,—«когда большая часть государства съ голоду помираетъ и когда монета, ходящая въ государствѣ, до крайности возвысилась цѣною, кажется, что на все сіе правительство наихолоднѣйшимъ духомъ смотритъ. Московская, калужская, тульская, казанская, бѣлогородская, тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже недостаетъ, ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по 4 рубля покупаютъ. И никакого распоряженія донынѣ не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа, для прокормленія того народа, который составляетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самую роскошь... Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и нетокмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣтши себѣ деньги, хотя мякиною жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, останавливаютъ проѣзжающія кареты; содрогшіе отъ холода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада имѣютъ и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ, и случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ. А правительство глухо и слѣпо и нечувствительно на сіе является». (От. Зап., CXXVII, 415; Чтенія, 1860, I).

Въ это самое время Екатерина совершала знаменитое путешествіе въ Крымъ, изумившее своимъ блескомъ всю Европу. Начальство позаботилось удалить съ ея глазъ все нечистое, бѣдное, голодное, особенно многочисленныя толпы нищихъ. Было предписано, чтобы, какъ всѣ другіе обыватели, такъ и крестьяне, ожидали государыню «въ лучшей ихъ одеждѣ, а особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ, наблюдая, чтобъ отнюдь никого въ раздранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было». Дорогу дѣвки должны «усыпать цвѣтами, а прочіе изъявлять свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями». Строжайше предписывалось также наблюдать полнѣйшую чистоту и нарядность во всемъ, а особенно, чтобы «не явились таковые продерзкіе, которые прошенія свои подавати будутъ самой Ея И. В.» (XVIII в., I, 306—313). Вездѣ по дорогѣ, гдѣ предположены были дневки, въ наскоро построенныхъ дворцахъ или въ старыхъ, но передѣланныхъ и роскошно украшенныхъ зданіяхъ были торжественныя, великолѣпныя встрѣчи, праздники, балы, фейерверки и т. д. Въ Полтавѣ войско, раздѣленное на двѣ арміи, представило полтавскую битву. По берегамъ Днѣпра были выставлены въ отдаленіи *фальшивыя деревни* изъ декорацій, паслись стада, ликовалъ народъ. Въ Херсонѣ императрица въѣхала въ тріумфальные ворота съ надписью: *дорога въ Византію*. Каждый день былъ ознаменованъ раздачею брилліантовъ и другихъ наградъ. Вся дорога по ночамъ иллюминовалась верстъ на десять въ обѣ стороны. «Сначала горѣли лѣса на горахъ»,—говоритъ принцъ де-Линь,—«потомъ мелкіе кустарники свѣтились; по приближеніи же нашемъ, все пылало». (Р. Арх., 1865, 623 и др.). Во время этого-то путешествія Георгій Конисскій и сказалъ Екатеринѣ свою знаменитую привѣтственную рѣчь: «оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается,—наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ!..»

Въ царствованіе Екатерины, такимъ образомъ окончательно утвердились тѣ государственные порядки, которые держались вплоть до 19 февраля 1861 г. Крѣпостное право сдѣлалось одною изъ «священныхъ основъ», а дворянство первымъ, командирскимъ сословіемъ. Олигархическіе замыслы его не удались; оно попрежнему осталось служилой корпораціей, постоянно пополняемой новыми членами, которые жаловались высочайшею милостью, возводились въ это званіе изъ низшихъ сословій и скоро дѣлались самыми богатыми, самыми сильными представителями нашей аристократіи. Въ XVIII в., какъ и въ древней Россіи, дворянство образовывалось преимущественно изъ «дворни», изъ придворныхъ чиновъ. Пирожникъ Меншиковъ, еврей Шафировъ, сынъ понамаря Ягужинскій,

пастухъ Разумовскій, конюхъ Возжинскій, Тепловъ — сынъ архіерейскаго истопника, Сиверсъ изъ лакеевъ и т. д. Елисавета пожаловала дворянство всѣмъ солдатамъ преображенской роты, возведшей ее на престолъ. Между дворянами екатерининскаго времени мы видимъ «двора Ея И. В. отставныхъ лакеевъ», «ѣздовыхъ конюховъ», «дворцовыхъ конюховъ», «стремянныхъ конюховъ, «абшитованныхъ придворныхъ пѣвчихъ». Самая аристократическая малороссійская фамилія Закревскихъ происходитъ отъ закройщика, женатаго на второй сестрѣ Разумовскаго; а знатнѣйшая малорусская фамилія прошлаго в., Будлянскіе,—отъ ткача, женатаго на другой сестрѣ Разумовскаго. (Ром.-Слават., 28, 505, 522 и др.). Кромѣ того, огромная масса дворянства, особенно въ западныхъ губерніяхъ и за Кавказомъ, составлялась, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, посредствомъ фальшивой приписки къ этому званію, при помощи подложныхъ документовъ, которыхъ въ Могилевѣ и Бердичевѣ фабриковалось такое множество, что они продавались по 1 р. (id., 50—58). Сословіе, сформированное изъ такихъ элементовъ, не могло сложиться въ прочную корпорацію съ политическою силою, тѣмъ болѣе, что введенный петровскою табелью о рангахъ принципъ личной заслуги государю совершенно стѣснялъ развитіе аристократическаго родового принципа. Дворянство и при Екатеринѣ осталось такимъ же служилымъ сословіемъ, какимъ оно было и при Петрѣ, только служба его была чрезвычайно облегчена, и изъ военнаго вѣдомства оно причислено въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Иностранныхъ наблюдателей всегда поражала эта служебная роль русскаго дворянства; «въ Россіи нѣтъ джентльменовъ»,—говоритъ одинъ изъ нихъ, — «а есть только маіоры, капитаны, асессоры и регистраторы». Коксъ удивляется, что у насъ «благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности; что старшіе сыновья важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ не имѣютъ никакихъ правъ въ силу своего рожденія, какъ пэры Англіи и Франціи, гранды Испаніи; что значеніе аристократической фамиліи упадаетъ со смертью ея главы; что наслѣдственный титулъ князя, графа или барона ничего не значитъ безъ должности, безъ службы военной или гражданской». Но при всемъ томъ, это служилое сословіе было все-таки силою, въ немъ всегда бродили олигархическіе замыслы, оно было главною опорою центральной власти, съ интересами которой сходились его собственные интересы, и вслѣдствіе этого, центральная власть, ограничивая крайнія притязанія дворянства, создавала изъ него служебную аристократію, охраняя для нея крѣпостное право, безъ котораго не могла бы существовать и эта служебная аристократія. Екатерина завершила дѣло своихъ предшественниковъ и превратила Россію не въ аристократическое, а въ крѣпостническое государство; дворянинъ получилъ полновластіе надъ крестьянами, но самъ въ свою очередь долженъ былъ состоять въ абсолютной зависимости отъ верховной власти.

Если сравнить вѣкъ Екатерины съ эпохою 1726—1761 годовъ, то, конечно, результатъ будетъ благопріятенъ для ея времени. Ея умъ, таланты, образованность не подлежатъ сомнѣнію и имѣли свою долю вліянія на исторію русскаго прогресса. Но, независимо отъ всѣхъ личныхъ недостатковъ и условій, въ которыя она была поставлена своимъ положеніемъ, Екатерина должна была подчиниться тѣмъ ретроградымъ вліяніямъ, которыя такъ сильно дѣйствовали въ предыдущую эпоху и казались государынѣ лучшею опорою для упроченія ея власти. Эти вліянія дѣйствовали частію въ формѣ искренне-реакціонныхъ стремленій, но преимущественно въ формѣ той системы интригъ, которая, служа личнымъ или корпоративнымъ интересамъ, водворяетъ въ государствѣ міръ обворожительныхъ иллюзій и ужасныхъ призраковъ, режимъ напрасной боязливости, недоразумѣній, недовѣрчивости, колебаній, сбивчивости и насильственнаго застоя въ народномъ развитіи. До Екатерины ретрограды дѣйствовали гораздо болѣе въ личныхъ, чѣмъ въ корпоративныхъ интересахъ; при Екатеринѣ же ретроградно-корпоративный элементъ значительно развился и усилился введеніемъ въ составъ государства помѣщиковъ присоединенныхъ отъ Польши провинцій и чрезвычайнымъ умноженіемъ русскихъ помѣщиковъ. Въ продолженіе своего царствованія Екатерина раздарила въ крѣпостную зависимость до 2,000,000 крестьянъ, а тѣмъ значительно увеличила богатство и силу дворянской корпораціи. Противостоять этой силѣ Екатерина не могла изъ одной уже своей личной безопасности. Если бы Екатерина обладала волею и умомъ Петра, то она навѣрно освободила бы крестьянъ, а ея «Наказъ» не остался бы мертвою буквою и чисто-литературнымъ памятникомъ. Конечно, освобожденіе крестьянъ вызвало бы также сильную реакцію, которая создала бы свои страхи, устроила бы свои призраки, чтобы замедлить ходъ дальнѣйшаго развитія народа и удержать за ретроградными корпораціями хоть какія-нибудь изъ выгодъ и привилегій, несовмѣстимыхъ съ условіями той жизни, путь къ которой проложился бы освобожденіемъ крестьянъ. Могло случиться даже, что и въ томъ пунктѣ, изъ котораго вышла бы инициатива освобожденія и другихъ подобныхъ реформъ, произошло бы такое же попятное движеніе, и реакція была бы не менѣе сильна, чѣмъ была она при Екатеринѣ, но вслѣдъ за этою реакціей необходимо должны были слѣдовать другія реформы, не менѣе существенныя и важныя, чѣмъ крестьянская. Крѣпостное право и при Екатеринѣ, и при Александрѣ I было подводнымъ камнемъ для правильнаго развитія народной жизни. Можно ли было думать о какихъ-нибудь либеральныхъ учрежденіяхъ, о непрерывности интеллектуальнаго развитія страны, о развитіи общественно-утилитарной литературы, когда все это, и либеральныя учрежденія, и интеллектуальное развитіе, мало-мальски независимая литература еще въ пеленкахъ начали бы выражать свою вражду къ крѣпостничеству. Пока существовало послѣднее, пока и сила привилегій, и сила богатствъ, и сила образованія сосредоточива-

лись въ рукахъ одного сословія, стремившагося если не къ олигархіи, то, по крайней мѣрѣ, къ сохраненію существующаго statu quo,—до тѣхъ поръ общественный организмъ долженъ былъ подвергаться жесточайшимъ, непрерывнымъ страданіямъ перемежающейся лихорадки либеральныхъ увлеченій и реакціоннаго застоя.

IV.

1796—1801.

Жизнь высшаго общества въ царствованіе Екатерины была жизнь развеселая. Праздники, балы, маскарады, спектакли, литературные вечера, шумныя оргіи, сплошное волокитство, азартная игра—кутежъ напропалую, до совершеннаго разоренія, до полнаго истощенія физическихъ силъ. Дѣла были заброшены или предоставлены секретарямъ и подьячимъ; изъ арміи исчезла всякая дисциплина; красивенькіе офицерики и молодые генералики упражнялись больше на паркетахъ и въ будуарахъ, чѣмъ на плацъ-парадѣ, а караульные офицеры въ халатахъ хаживали съ своихъ постовъ въ лѣсъ за грибами.

Между тѣмъ, какъ роль этого фривольнаго и изнѣженнаго поколѣнія вмѣстѣ съ жизнью государыни близилась къ концу, въ Гатчинѣ, при дворѣ наслѣдника, готовилось выступить на сцену совершенно другое поколѣніе, поколѣніе суровыхъ служакъ, прошедшихъ черезъ огонь и воду и мѣдныя трубы, требовательныхъ и безпощадно-строгихъ къ подчиненнымъ и въ то же время безсловесно покорныхъ и исполнительныхъ до машинообразности по отношенію къ начальству. Здѣсь рокотали барабаны, производились маневры, воспитывались артисты фронтового искусства; здѣсь командовали и шагали, приказывали и рапортовали, дѣлали смотры и приготовлялись къ смотрамъ, надѣялись на лучшее будущее и бранили изнѣженный Петербургъ.

Скоропостижная смерть Екатерины въ одинъ мигъ произвела въ зимнемъ дворцѣ и во всей столицѣ изумительную перемѣну, такъ что можно было подумать, что это творится не въ дѣйствительной жизни, а въ какомъ-нибудь фантастическомъ балетѣ. «Тотчасъ во дворцѣ все пріяло другой видъ; загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». (Державин., Записки, 389). Пошла переборка и уничтоженіе всего екатерининскаго; разбирали, запечатывали, сожигали ея бумаги; устраняли ея дѣятелей; искореняли утвердившіеся при ней обычаи. Это преслѣдованіе всего екатерининскаго простиралось до того, что въ Одессѣ велѣно было остановить всѣ постройки, отчего тамъ совершенно прекратилась торговля. (Грибовскій, 71). Памятникъ, воздвигнутый въ Херсонѣ Потемкину, велѣно уничтожить, склепъ, въ которомъ похороненъ былъ онъ, засыпать «такъ, какъ бы его никогда не бывало», а самый прахъ князя, вынувъ изъ этого склепа, «безъ дальнѣйшей огласки», закопать гдѣ-нибудь въ неизвѣстномъ мѣстѣ, «въ особо вырытую яму». (Р. Арх., 1867, 207—215).

Такова была увертюра новаго царствованія, о которомъ въ нашей публики носятся довольно подробныя понятія, хотя до самаго послѣдняго времени въ русской печати не появлялось объ этой эпохѣ никакихъ существенныхъ свѣдѣній. Печать молчала, а устное преданіе переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ, и Россія давнымъ-давно уже знаетъ гораздо больше того, что̀ дозволено передавать ей посредствомъ типографскаго станка только въ послѣднія семь-восемь лѣтъ... Но при всемъ томъ, что публика знаетъ изъ преданія множество подробностей, анекдотовъ, случаевъ, курьезовъ объ этомъ мрачномъ времени, цѣлостнаго представленія о немъ все-таки нѣтъ. Въ настоящей главѣ мы хотимъ дать читателю нѣкоторое понятіе объ этой эпохѣ исключительно по тѣмъ даннымъ, какія обнародованы уже въ русской печати... Мы даже не беремъ на себя оцѣнки этого времени, а ограничиваемся только сводомъ нѣкоторыхъ дозволенныхъ у насъ извѣстій о немъ.

Натура Павла была крайне впечатлительная. Его набожность доходила до экстаза. Долго послѣ его смерти можно было видѣть мѣста, на которыхъ онъ молился на колѣняхъ, молился съ рыданіями и обливаясь слезами: паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ. (Р. Арх., 1869, 1877). Онъ, несомнѣнно, любилъ справедливость и старался заботиться о благѣ народа; онъ желалъ быть отцомъ своихъ подданныхъ; у него былъ идеалъ, объ осуществленіи котораго онъ хлопоталъ всю свою жизнь,—идеалъ справедливаго, заботливаго, во все вникающаго правителя, въ родѣ Гарунъ-Аль-Рашида. Но при этомъ, у него не было никакихъ твердыхъ раціональныхъ принциповъ, и онъ руководился въ своихъ поступкахъ не идеями, а чувствами и страстями, характеръ и направленіе которыхъ могли у него ежеминутно измѣняться. Онъ то и дѣло переходилъ отъ радости къ печали, отъ добродушія къ неистовому гнѣву, отъ тихаго спокойствія къ самому буйному раздраженію. Болѣзненность его натуры доходила до галлюцинацій. Враждебныя отношенія къ матери, тягостныя воспоминанія о судьбѣ отца, система запугиваній, водворившаяся послѣ французской революціи, собственное его мистическое умонастроеніе—все это содѣйствовало развитію въ немъ той чрезвычайной боязливой подозрительности, которая неблагопріятно отзывалась на всемъ и на всѣхъ, даже и на всѣхъ членахъ его собственной семьи. Невыдержанности его характера вполнѣ соотвѣтствовала нецѣльность и невыдержанность его умственнаго развитія. Съ идеаломъ патріархальнаго царя въ немъ жила самая мелочная подражательность Фридриху Великому; считая себя вполнѣ православнымъ, онъ увлекался католичествомъ и іезуитами; ненавидя все французское, онъ былъ всею душою преданъ французской аристократіи и проникся совершенно ея духомъ; затѣвая громадныя войны въ одно время, въ другое онъ ненавидѣлъ ихъ, и, чтобы положить конецъ этой братоубійственной рѣзнѣ, совершенно серьезно вызывалъ черезъ газеты Наполеона на дуэль въ Гамбургѣ. (Р. Арх., 1869, 1923).

Главною заботою Павла было преобразованіе арміи по гатчинскому образцу. Никогда, нигдѣ военная дисциплина не доходила до такихъ крайностей, какъ въ павловской Россіи. Прежде всего войска были очищены отъ негоднаго екатерининскаго офицерства. При Екатеринѣ поблажка дворянамъ простиралась до того, что на службу записывали даже грудныхъ ребятъ; «отыскивались и такіе, которые записывали и совсѣмъ еще не родившихся и получали на нихъ паспорты съ оставленными для имени пустыми мѣстами». Эти младенцы производились въ чины и спокойно жили дома. Павелъ потянулъ всѣхъ ихъ на смотръ въ Петербургъ. «Всѣ большія дороги были усѣяны кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотръ къ государю своихъ малютокъ». (Р. Арх., 1864, 710, 716). Мелюзга была выгнана изъ службы, а взрослые дворянчики запряжены въ гатчинское ярмо. «Перемѣна была произведена преужасная», говоритъ Болотовъ. Почти цѣлые дни, начиная съ пяти или съ шести часовъ утра, и въ жары, и въ жестокіе морозы, и въ ненастье, всѣ, начиная съ императора и великихъ князей и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, несли тяжкую службу. Офицерамъ запрещено было носить плащи, шинели, шубы, калоши, ходить безъ шпаги. За малѣйшее отступленіе отъ правилъ слѣдовало жестокое наказаніе. Однажды государь встрѣтилъ генерала, который шелъ куда-то въ гости, а денщикъ несъ за нимъ его саблю. Павелъ тутъ же, на улицѣ, приказалъ имъ переодѣться въ платье одинъ другого,—денщикъ попалъ въ генералы, а генералъ — въ солдаты. Одинъ гвардейскій офицеръ попался государю въ шубѣ. «Государю крайне было сіе неугодно, и онъ приказалъ бывшимъ за нимъ снять съ него шубу и отдать случившемуся тутъ въ близости будочнику. «Возьми ее себѣ», сказалъ государь. (Р. Арх., 1864, 673). «Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ—говоритъ генералъ Саблуковъ—офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали на караулѣ, то имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки... Изъ 132 офицеровъ, состоявшихъ въ полку въ 1799 г., лишь я да еще одинъ остались въ немъ до смерти императора». (Р. Арх., 1869, 1903)... Отъ жестокой дисциплины не только солдаты и офицеры, но даже кадеты страдали до такой степени, что прибѣгали къ самоубійству (ид., 165). Зато дисциплина была доведена до идеальнаго совершенства. Одинъ гусарскій ротмистръ пришелъ со своимъ эскадрономъ на дневку въ деревню и, пообѣдавъ у помѣщика, сѣлъ за карты. Входитъ вахмистръ и рапортуетъ, что продажное сѣно есть только у одного жида, но онъ не отдаетъ его дешевле столькихъ-то копѣекъ. «Ну, дѣлать нечего, не оставаться же безъ сѣна; возьми да жида повѣсь», сказалъ шутя подкутившій ротмистръ. Вахмистръ буквально исполнилъ его приказаніе. Началось дѣло, и Павелъ рѣшилъ его такъ: «ротмистръ такой-то за глупыя и незаконныя приказанія разжалывается въ рядовые; а рядовому такому-то возвращается чинъ ротмистра, съ производствомъ въ маіоры, за введеніе такой отличной субординаціи во ввѣренной ему командѣ, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно». (Р. Стар., III, 788).

Такую же строгую дисциплину, такой же порядокъ государь старался ввести и въ гражданскую службу. Онъ заставилъ чиновниковъ заниматься дѣлами, отъ чего они отвыкли при Екатеринѣ, и работать въ присутственныхъ мѣстахъ цѣлые дни. Иногда запиралъ сенаторовъ въ присутствіи и не приказывалъ выпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не кончатъ извѣстнаго дѣла. Онъ вставалъ въ пять часовъ, и въ это время дворецъ, министры, городъ—всѣ должны быть на ногахъ, и каждый дѣлать свое дѣло. Онъ ложился въ восемь, и въ это время огни во всей столицѣ должны быть потушены; ослушниковъ высылали съ фельдъегерями. Одописецъ Руссовъ (XVIII вѣкъ, IV) восторгается этими порядками, этою напряженною дѣятельностью, небывалою при Екатеринѣ —

Ты далъ гульбѣ и дѣлу пору,
Вельможамъ показалъ Аврору,
Велѣлъ, чтобъ въ пять часовъ былъ день,
Въ отставку чисту выгналъ лѣнь!...

Какія бы то ни было приказанія должны были исполняться и исполняться немедленно. Все обширное пространство имперіи оглашалось неумолкаемымъ звономъ колокольчиковъ и стукомъ колесъ кибитокъ, въ которыхъ сотни фельдъегерей и курьеровъ развозили во всѣ концы приказанія и ссылаемыхъ и свозили въ столицу рапорты и арестованныхъ. Самое ничтожное событіе навлекало иногда на администрацію гнѣвъ и немилость. Въ Ярославлѣ одинъ пьяный чиновникъ шелъ по мосту, упалъ въ воду и утонулъ. «Узнавъ объ этомъ, императоръ разгнѣвался, сдѣлалъ невыгодное заключеніе объ ярославскихъ чиновникахъ и въ собственноручномъ рескриптѣ заявилъ губернатору крайнее свое неудовольствіе». (Р. Арх., 1870, 296). Онъ ревностно старался наполнять администрацію людьми честными. На смотру во Владимірѣ ему понравился командиръ батальона Латышевъ, и онъ тутъ же назначилъ его губернаторомъ въ Вятку. Латышевъ на колѣняхъ доложилъ, что такая должность ему не подъ силу, что онъ даже плохо читаетъ печатное, а писать, кромѣ своего чина и фамиліи, ничего не умѣетъ. Императоръ отвѣчалъ: «чего не достанетъ у тебя со стороны грамотности, съ избыткомъ вознаградится твоею честностью, а для грамоты я дамъ тебѣ хорошаго прокурора», и тутъ же назначилъ прокурора изъ грамотныхъ. (XVIII вѣкъ, IV, 473). Малѣйшая несправедливость, малѣйшее притѣсненіе народа выводили Павла изъ себя. Когда онъ путешествовалъ по нижегородской губерніи, то крестьяне, согнанные для поправки дорогъ, пожаловались ему на исправника, который замучилъ ихъ этой работой. «Государь страшно вспылилъ.—«Гдѣ исправникъ? подать его сюда!» Исправникъ явился. «Повѣсить его сейчасъ... повѣсить на первой соснѣ!..» Только благодаря просьбамъ

крестьянъ, смертная казнь была отмѣнена. (Р. Арх., 1869, 168). Подобный же случай былъ съ однимъ помѣщикомъ въ западныхъ губерніяхъ. Понятно, что начальство употребляло всевозможныя усилія, чтобы не допускать до государя жалобъ на себя. Просьбы государь бралъ себѣ только самыя важныя, а остальныя поручалъ разсмотрѣть кому-нибудь, и это разсматриванье кончалось тѣмъ, что помѣщичьихъ крестьянъ, жаловавшихся на господъ, наказывали въ полиціи палками и розгами, а солдатъ, просившихъ на командировъ, гоняли сквозь строй. (XVIII вѣкъ, IV, 469). Наклонность къ самому нелицемѣрному правосудію довела Павла до возстановленія тѣлесныхъ наказаній для привилегированныхъ сословій. Онъ, выражаясь словами его панегириста,—

Назначилъ вору и воришку
Одну награду и безъ лишку,
Одинъ нелицемѣрный кнутъ...

Стараясь о благѣ народа, Павелъ хотѣлъ оградить его отъ купеческой эксплуатаціи, понижалъ цѣны на хлѣбъ, запрещалъ продавать другіе товары выше извѣстной цѣны, слѣдилъ за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ, горько жаловался, что «купцы его не любятъ, потому что обманываютъ его подданныхъ, не имѣютъ къ нимъ ни малѣйшаго человѣколюбія». (Р. Арх., 1864, 652—655).

Не шло, чтобъ сѣно вмѣсто чаю
И вмѣсто кофію овесъ,
По времени, по урожаю,
Всему далъ цѣну ты и вѣсъ,—

пѣлъ Руссовъ по поводу этихъ распоряженій.

Павелъ преслѣдовалъ роскошь, закрывалъ магазины модъ, гналъ пьянство и азартную игру, вооружился противъ трактировъ. Онъ велѣлъ брать подъ стражу всѣхъ, «кто упражняется въ игрѣ, законами воспрещенной; стараться всѣ недозволенныя карточныя игры и зерни въ самоскорѣйшемъ времени истребить и для того умножить бдѣніе по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя только быть могутъ». (Р. Стар., II, 516). Заѣзжаетъ онъ, напр., въ трактиръ, наиболѣе посѣщаемый гвардейцами, разспрашиваетъ въ подробности о цѣнахъ продаваемаго и, возмутившись высокостью ихъ, «въ тотъ же день черезъ квартальныхъ приказываетъ всѣ заготовленные въ семъ трактирѣ напитки обобрать и, чего они стоятъ, заплатить, бутылки всѣ перебить и трактиръ сей уничтожить, дабы и другимъ неповадно было такъ нагло молодыхъ людей ограблять и столь безсовѣстнымъ образомъ принуждать ихъ платить себѣ за все тройную или четверную цѣну». (Р. Арх., 1864, 777).

Ненависть къ французамъ и любовь къ фронтовому однообразію заставили Павла до мелочей регулировать платье, обувь, число запрягаемыхъ въ экипажъ лошадей, форму шляпъ и другія принадлежности всѣхъ частныхъ лицъ. Подъ страхомъ ареста и наказанія запрещалось «всѣмъ ношеніе фраковъ, а позволялось имѣть нѣмецкое платье съ одинакимъ стоячимъ воротникомъ не болѣе, какъ въ $^3/_4$ вершка; а обшлага имѣть того же цвѣту, какъ и воротники; запрещалось носить всякаго рода жилеты; не носить башмаковъ съ лентами, а имѣть оные съ пряжками; не увертывать шею безмѣрно платками, галстухами или косынками, а повязывать оные приличнымъ образомъ безъ излишней толстоты». «Торгующіе шитыми фраками, жилетами, короткими шнурками, отворотами сапоговъ и съ ленточками башмаками, чтобы отнюдь оныхъ въ продажу не употребляли, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія». Нарушителей этихъ правилъ, осмѣливавшихся «ходить въ круглой шляпѣ, во фракѣ, и сею неблагопристройною одеждою ясно изображавшихъ развратное свое поведеніе», исключали изъ службы, даже ссылали. (Р. Стар., II, 517, 518, 522 и др.). При встрѣчѣ съ императоромъ всѣ экипажи останавливались, мужчины выходили изъ нихъ и преклоняли колѣно, дамы дѣлали реверансъ.

Императоръ часто ѣздилъ по городу, надзирая за порядкомъ и замѣчая всѣ отступленія отъ изданныхъ имъ правилъ. Встрѣчъ съ нимъ по возможности избѣгали. Однажды встрѣтилась ему карета, и на ступенькѣ показалась дѣлавшая реверансъ дама, горбатая спереди и сзади. Фигура ея очень не понравилась. Навели справки, кто это. Оказалась польская графиня, ожидавшая рѣшенія своего процесса въ сенатѣ. Генералъ-прокуроръ не выпустилъ сенаторовъ изъ присутствія, пока они не окончили дѣла въ тотъ же день, а назавтра графиня выслана изъ столицы. (Р. Арх., 1866, 1319).

Находились люди, которыхъ не стѣсняла всеобъемлющая распорядительность государя, и которые вмѣстѣ съ Болотовымъ и Руссовымъ даже восхищались ею. Послѣдній при этомъ случаѣ восклицаетъ:

Не трудно составлять законы,
Но трудно силу онымъ дать,
И въ исполненіи препоны
На самомъ мѣстѣ прерывать!...

Однакожъ и составленіе законовъ оказалось дѣломъ не легкимъ; составленная Павломъ законодательная комиссія, которой поручено было какъ можно скорѣе составить три книги законовъ—гражданскихъ, уголовныхъ и *казенныхъ (sic!)*, натворила много, но при Александрѣ всѣ ея работы брошены, какъ негодныя. (Р. Арх., 1869, 1632). Случалось, что выходили законодательные акты, узаконявшіе нѣсколько совершенно противоположныхъ одно другому дѣйствій. Однажды коллегія коммерціи подала докладъ о внутреннемъ судоходствѣ, состоявшій изъ трехъ различныхъ мнѣній. Надъ всѣми тремя мнѣніями было надписано *быть по сему;* указъ такъ и напечатанъ, и публикованъ (Державинъ, 411), и такъ впослѣдствіи внесенъ въ полное собраніе законовъ...

Преслѣдуя роскошь, французскія моды, гражданскіе браки, вольность нравовъ и всѣ виды разврата, государь строго слѣдилъ за исполненіемъ его подданными всѣхъ православныхъ обязанностей. (Р. Арх., 1864, 748). Всѣмъ католикамъ, жившимъ въ Россіи, онъ также приказалъ во всей точности

исполнять обряды своей церкви; каждый изъ нихъ былъ обязанъ исповѣдываться и пріобщаться ежегодно, если не хотѣлъ показаться въ глазахъ правительства бунтовщикомъ, а патерамъ предписано причащать только достойныхъ, прочихъ же не допускать до таинства. (Морошкинъ, Іезуиты, I, 392). Слово и печать были окончательно обузданы, какъ главныя орудія безбожнаго и революціоннаго духа. «Голосъ нечестія и вольнодумства совершенно затихъ при гласѣ мудрой строгости Павла». (Р. Арх., 1868, 1338). Русскимъ запрещено ѣздить въ чужіе края; привозъ изъ-за границы не только книгъ, но даже нотъ вовсе запрещенъ; исключеніе было сдѣлано только для книгъ *на тунгусскомъ языкѣ!* Строжайше предписывалось всюду «сильнѣйше наблюдать, дабы отнюдь не было никакихъ сочиненій, кои могли бы или нарушать общее благосостояніе или наносить тому вредъ, стараясь, ежели бы гдѣ оказались оные, тотчасъ изслѣдуя, черезъ кого они произошли, виновныхъ взять подъ караулъ и доносить съ нарочными; а сочиненія таковыя и самыя отъ нихъ послѣдствія истреблять». (Р. Стар., III, 633). И хотя въ то время въ Россіи литература была упразднена, если можно такъ выразиться, но все-таки двумъ писателямъ досталось. Извѣстный Коцебу былъ схваченъ на границѣ, при самомъ въѣздѣ своемъ въ Россію, и сосланъ въ Сибирь, безъ всякаго объясненія причинъ, а въ сущности за то, что какая-то изъ его пьесъ не понравилась Павлу. (Р. Арх., 1870, 1961). Впрочемъ, онъ вскорѣ же возвращенъ и вошелъ въ милость. Другой случай приключился съ Капнистомъ, «Ябеда» котораго, запрещенная при Екатеринѣ, была дозволена при Павлѣ и поставлена на сцену. Чиновничество взбѣсилось; на автора посыпались доносы, какъ на якобинца и порицателя «монаршей власти». Павелъ тотчасъ же велѣлъ сослать Капниста въ Сибирь. Это было утромъ. Послѣ обѣда гнѣвъ государя остылъ. Вечеромъ онъ велѣлъ поставить «Ябеду» на эрмитажномъ театрѣ, и послѣ перваго же акта послалъ въ догонку за Капнистомъ фельдъегеря и щедро наградилъ автора «Ябеды» за его непріятное путешествіе. (Библ. Зап., 1859, 47). Дѣло доходило до того, что преслѣдованію подвергались не только мысли, но даже слова. Въ 1797 г. вышло знаменитое повелѣніе «объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими»:

Слова отмѣняемыя.	Взамѣнъ ихъ повелѣно употреблять:
Обозрѣніе	Осмотрѣніе.
Врачъ	Лѣкарь.
Выполненіе	Исполненіе.
Пособіе	Помощь.
Преслѣдованіе	Посланный въ погоню.
Сержантъ	Унтеръ-офицеръ, хотя и прежде отставленъ.
Общество	Этого слова совсѣмъ не писать.
Отечество	Государство.
Стража	Караулъ.

И т. д. (Р. Ст., III, 533).

Подъ вліяніемъ страха якобинцевъ, вслѣдствіе болѣзненной подозрительности и запугиваній іезуитовъ (Морошкинъ, I, 392), Павелъ зорко слѣдилъ за всѣми жившими въ Россіи иностранцами, заставляя ихъ отрекаться отъ новыхъ, послѣ-революціонныхъ правительствъ и присягать, что они «непричастны ни дѣломъ, ни мыслію правиламъ безбожнымъ и возмутительнымъ, во Франціи и въ ея окружностяхъ введеннымъ». (П. С. З. № 18.467). Иностранцы боялись Россіи болѣе, чѣмъ когда-либо...

Въ началѣ царствованія Павелъ возвратилъ изъ ссылки, освободилъ изъ крѣпости, обласкалъ, наградилъ многихъ лицъ, пострадавшихъ при его матери, между прочимъ, Новикова.

«И отъ замерзшихъ хинскихъ стѣнъ,
Отъ странъ холодныхъ, отдаленныхъ,
Возвзвалъ супруговъ разлученныхъ,
Языкамъ плѣннымъ отдалъ плѣнъ...»

Но это были *екатерининскіе* ссыльные, и ихъ помиловано далеко не столько, сколько вскорѣ же оказалось замѣстителей. Доносы усилились соразмѣрно съ подозрительностью, а число ссылокъ почти уравнялось съ количествомъ доносовъ. Ссылали безъ объясненія причинъ и въ мѣста, извѣстныя однимъ только конвоировавшимъ фельдъегерямъ. Извѣстный Ермоловъ былъ очень друженъ въ Смоленскѣ съ богачомъ Каховскимъ, на котораго, по личной злобѣ и корысти, сдѣлалъ ложный доносъ губернаторъ Тредьяковскій, наслѣдовавшій шпіонскую добродѣтель отъ своего отца, пресловутаго піиты. Каховскій со всѣми своими близкими знакомыми былъ заложенъ въ крѣпость, будто бы за анти-правительственные замыслы, имѣніе его продано съ аукціона, и изъ вырученной суммы Тредьяковскій укралъ 15,000 р. Ермолова за то только, что бывалъ у Каховскаго, арестовали на квартирѣ, наглухо заколотивъ ея окна, затѣмъ, свозивъ его въ Калугу на допросы къ Линденеру, освободили. Черезъ пятнадцать дней за нимъ снова является фельдъегерь; его везутъ въ Петербургъ, садятъ въ Петропавловскую, въ алексѣевскій равелинъ подъ водой, держатъ три недѣли подъ жестокимъ арестомъ и затѣмъ ссылаютъ въ костромскую губернію (Чтенія, 1863, IV, 217—220). Нѣкто въ провинціи что-то взболтнулъ о курносыхъ. Является фельдъегерь; везутъ его въ Петербургъ, въ тайную, гдѣ его и посѣкли. «Бѣдный старикъ послѣ того былъ такъ напуганъ, что если заслышитъ, бывало, колокольчикъ, такъ и затрясется и побѣднѣетъ. Все ему казалось, что фельдъегерь ѣдетъ взять его». (Р. Арх., 1869, 168). Многіе доносы поднимали ужасную бурю въ душѣ Павла, но, къ чести его природы, нужно сказать, что даже въ этихъ случаяхъ, послѣ первыхъ порывовъ гнѣва, онъ бывалъ до того склоненъ къ помилованью, что пропускалъ безъ послѣдствій даже самовольную отмѣну своихъ приказаній, чего въ другихъ случаяхъ онъ не потерпѣлъ бы ни подъ какимъ видомъ. Однажды ему сдѣлали совершенно ложный доносъ, что старый дворянинъ N поносилъ его самыми дерзкими словами.—«Сквозь строй!»—Тщетно ко-

мендантъ Свѣчинъ, обязанный исполнить экзекуцію, умолялъ Павла отдать N подъ судъ, въ полной увѣренности въ его невинности и оправданіи судомъ. «Какъ скоро онъ пріѣхалъ на мѣсто экзекуціи, раздался звукъ барабана, и двое солдатъ привели, поддерживая подъ руки, приговореннаго. Старикъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, черты его осунулись, взоръ выражалъ невыносимую тоску. Свѣчинъ взглянулъ на него и не вспомнилъ себя. «Именемъ императора я прощаю», промолвилъ, не переводя духа, комендантъ. Узнавъ объ этомъ, Павелъ не сказалъ ни слова; тѣмъ и кончилось дѣло. (Р. Арх., 1871, 1535). Легко тогда было погубить, сослать, посадить въ крѣпость, отдать въ солдаты кого угодно... Является во дворецъ іезуитъ Груберъ, и на вопросъ, «что новаго, о чемъ говорятъ въ городѣ», отвѣчаетъ: «смѣются надъ указами, которые ваше величество дали въ нашу пользу».—«Кто смѣетъ это дѣлать?» Груберъ подаетъ списокъ 27 лицъ.—«Арестовать и сослать всѣхъ ихъ!» (Морошкинъ, I, 403). Вмѣсто ссылки употреблялся иногда только страхъ ссылки: фельдъегерская тройка подъѣдетъ къ квартирѣ да и стоитъ нѣсколько дней; лошадей перемѣняютъ каждые два часа, а хозяинъ жди да трепещи; потомъ, попугавъ достаточно, тройка уѣзжаетъ, оставивъ въ покоѣ перепуганнаго хозяина. (Р. Арх., 1866, 1325).

Исполненный величайшею ненавистью къ новому французскому духу, Павелъ весь былъ проникнутъ духомъ старой Франціи; онъ покровительствовалъ эмигрантамъ и іезуитамъ, онъ былъ командоромъ католическаго ордена мальтійскихъ рыцарей, онъ во время своего путешествія по Европѣ совершенно подчинился понятіямъ и традиціямъ дряхлой аристократіи. Не менѣе, чѣмъ на Павла, эта аристократія имѣла вліянія и на тогдашнее наше дворянство. «Маркизы и жентильомы доброй старой Франціи»,—говоритъ историкъ русскаго дворянства,—«которымъ не по сердцу пришлась молодая, возрожденная великими принципами 1789 года Франція, толпами нахлынули въ Россію и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прилежнѣйшихъ адептовъ. Лигитимисткая эмиграція была сильна не только принципами, но и количественно: Павелъ въ 1797 г. принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ 3 полковъ пѣхоты, 2 конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ коихъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентильомовъ самыхъ аристократическихъ фамилій, ополчавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien regime'а въ чужой странѣ, эти полки, шефами которыхъ были принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ де-Берри, Дюкъ д'Энгіенъ, расквартированы были во Владимірѣ, въ Луцкѣ, Ковелѣ и разносили по русской землѣ феодальныя и кастическія воззрѣнія французскаго стариннаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 г. вся французская земля». (Ром.-Славатинскій, 67). Императоръ первый подчинялся этимъ чуждымъ и отжившимъ понятіямъ. Заявивъ въ своемъ манифестѣ, что крестьянамъ не будетъ никакой воли, и повелѣвъ со всею строгостью преслѣдовать всякую мысль, всякое стремленіе къ свободѣ (П. С. З., № 17,730), Павелъ имѣлъ намѣреніе обратить всѣхъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость, такъ какъ «помѣщики лучшіе полицеймейстеры въ государствѣ». (Р. Арх., 1866, 1309). Никогда раздача крестьянъ въ частную собственность не достигала такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ при Павлѣ; считаютъ не менѣе *3,000,000 душъ*, обращенныхъ имъ въ крѣпостную зависимость! Всѣхъ, даже архіереевъ жаловали крестьянами (Р.-Слават., 156). О томъ, какъ производились эти пожалованія, можно судить по слѣдующему случаю. «Одинъ малороссійскій дворянинъ хорошей фамиліи имѣлъ дѣло въ геральдіи о внесеніи его въ родословную книгу и рѣшился лично подать прошеніе императору о прибавкѣ къ его гербу девиза: «помяну имя твое въ роды родовъ». Прошеніе, по тогдашнему обычаю, онъ подалъ, ставши на колѣна. Павелъ прочелъ просьбу, она ему понравилась, и онъ сказалъ: «100 душъ!» Проситель отъ страха и радости упалъ ницъ. «Мало?» сказалъ императоръ,—«такъ 200 душъ». Но тотъ, ничего не понимая, продолжалъ лежать. «Мало?» повторилъ государь,—«300 душъ»; «мало?—400»; «мало?—500»; «мало?!—ни одной!...» (Р. Арх., 1868, 1074).

Изображая изъ себя отца имперіи, Павелъ съ той же патріархальной точки смотрѣлъ и на помѣщичью власть, стараясь, впрочемъ, нѣсколько удерживать ее отъ злоупотребленій. Онъ запретилъ въ Малороссіи продавать крестьянъ безъ земли и постановилъ закономъ, чтобы помѣщики не заставляли мужиковъ работать въ праздники, а въ будни, чтобы крестьяне работали на барина только три дня въ недѣлю, а остальные три дня на себя (П. С. З., № 17,909 и 18,706).

Крестьянъ на тяжку призрилъ долю,
На потъ ихъ съ кровію воззрѣлъ,
Воззрѣлъ—и далъ имъ полну волю
Свободнымъ въ праздникъ быть отъ цѣлъ;
Разсѣкъ на части ихъ недѣли,
Чтобъ три дня барину потѣли,
А три дня жали свой загонъ;
Дѣтей и сирыхъ бы кормили,
А въ праздникъ слушать бы ходили
Святой, божественный законъ!...

Нечего и говорить, что эти восторги одописца были совершенно напрасны, и добрыя желанія государя оградить крестьянъ отъ господской тиранніи не достигали цѣли. Между тѣмъ, крестьяне встрѣтили новое царствованіе съ полною надеждою на освобожденіе. Между ними пронеслись слухи, что свобода уже дана, но дворянство скрываетъ ее. Начались волненія и бунты, разливавшіеся по губерніямъ вологодской, олонецкой, орловской, московской, псковской, новгородской, новгородъ-сѣверской, ярославской, нижегородской, пензенской, калужской, костромской, тульской, минской. Во многихъ мѣстахъ во главѣ этихъ движеній стали сельскіе попы и приводили крестьянъ къ присягѣ «въ единодушномъ до смерти стояніи». Во многихъ мѣстахъ эти народныя движенія вовсе не были *бунтами*, а только совершенно мирными демонстра-

ціями, которыя если и превращались въ бунты, то благодаря единственно помѣщикамъ и послаблявшему имъ начальству. Вотъ какъ, напр., произошелъ *бунтъ* въ имѣніи вологодскаго помѣщика, масона Поздѣева. Его крестьяне, доведенные до самой крайней нищеты и отчаянія, начали составлять прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ слѣдующимъ образомъ описывали свое поистинѣ ужасное положеніе и свой *бунтъ*. «Онъ, Поздѣевъ, бралъ съ насъ оброки да еще отъ нашей вотчины въ Москву, въ топорную работу, человѣкъ по 9 и болѣе, да въ тѣ же годы и въ нашей вотчинѣ строенія господскаго было немалое число, т.-е. городскіе домы для пріѣзду его. Да въ нашей же вотчинѣ приказалъ построить заводъ стеклянный; да въ то жъ самое время, какъ заводъ строили, онъ, господинъ нашъ, разорилъ цѣлое селеніе, жителей поселилъ въ другія селенія, а на той деревнѣ приказалъ построить житные дворы и избы, а поля приказалъ пахать на себя, равно жъ и покосы: да и въ другихъ мѣстахъ приказалъ надѣлать усадебъ немалое число... Да онъ же, сверхъ оныхъ работъ, на стеклянный заводъ нарядилъ съ каждаго человѣка мужчинъ на каждый годъ по 30 саженъ дровъ да по 30 четвертей золы. Мы, покамѣстъ были въ силахъ и люди были всѣ на вотчинѣ, такъ мы оные уроки всѣ и отправляли. Но какъ онъ, господинъ нашъ, свезъ въ другія мѣста 15 человѣкъ мужского пола, да многихъ продалъ въ рекруты, да многіе отъ таковыхъ несносныхъ работъ и отъ тягчайшаго наказанія разбѣжались, отчего въ нашей вотчинѣ и стало великое умаленіе, а онъ, господинъ нашъ, наложилъ на насъ уроки тягчае первыхъ, а мы оныхъ уроковъ уже выработать никакимъ способомъ не можемъ, за то каждую недѣлю работныхъ людей сѣчетъ онъ немилосердно.— Минувшаго 31 декабря 1796 г. прибылъ онъ на стеклянный заводъ и намъ сталъ головы обривать, и при немъ были пучки палокъ и кнутья, и хотѣлъ всѣхъ пересѣчь. И мы поклонилися и прочь отъ него отошли, только сказали ему, что «мы изъ силъ своихъ вышли и вашихъ уроковъ сработать не можемъ, потому что даже хлѣба для пропитанія не имѣемъ, также одежды и обутковъ на насъ нѣту, а всегда съ женами нашими на вашей господской работѣ день и ночь работаемъ, отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только-только, какъ маленькіе ребята наши, ходя въ міръ, напросятъ и насъ питаютъ». И поклонившись ему, прочь отъ него отошли». Явился кадниковскій исправникъ усмирять *бунтовщиковъ*, заперъ ихъ въ церкви, привелъ къ присягѣ и, окруживъ командою съ обнаженными тесаками и заряженными ружьями, перевязалъ ихъ и изъ церкви повелъ драть къ господскому дому. Они развязали другъ друга и разбѣжались. Поздѣевъ поднялъ тревогу и просилъ въ свое имѣніе цѣлый полкъ, донося, что между крестьянами бушуетъ «иллюминантическій духъ безначальства и независимости, распространившійся по всей Европѣ; что поэтому къ нему необходимо прислать въ скорѣйшемъ времени ужъ если не полкъ, «то хотя одинъ баталіонъ»; что «спокойство здѣшняго края требуетъ такого экзекутнаго духа, каковъ есть государевъ».

Для усмиренія волненій во всѣхъ губерніяхъ были приняты самыя энергическія мѣры, и главное начальство надъ войсками поручено фельдмаршалу Репнину.

Началась настоящая компанія.

Ряжскій полкъ нападаетъ на мѣстечко Радогощу, стрѣляетъ изъ пушекъ въ толпу непокорныхъ помѣщицѣ крестьянъ, поджигаетъ село въ двухъ мѣстахъ и обращаетъ его въ пепелъ. Бунтовщики покорились и наказаны, какъ слѣдуетъ.

На село Брасово, орловской губерніи, вслѣдствіе отказа крестьянъ повиноваться помѣщику, фельдмаршалъ объявилъ формальный «походъ», давъ подробную диспозицію, составивъ планъ компаніи и велѣвъ дѣлать поджоги не иначе, какъ по «особенному и точному его на сіе повелѣнію». Одержана полная, блистательная побѣда, о которой фельдмаршалъ писалъ такъ. «Село Брасова съ деревнями крестьянъ г. генералъ-лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, высочайшею властью установленному, и помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту Его И. В., отъ 29 января сего 1797 г., и за ихъ упорственное сопротивленіе войскамъ Его И. В.,—наказаны силою оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; а тѣла ихъ, справедливо погибшія отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія, общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму съ надписью, для всегдашняго омерзительнаго презрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что «тутъ лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечомъ, по закону Божію и государеву»; наконецъ домы ихъ истреблены до основанія, такъ что и остатковъ оныхъ не видно».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военачальники, не найдя никого изъ бунтовщиковъ, ограничивались только тѣмъ, что «пересѣкали кнутьями ихъ женъ и средняго возраста дѣтей и, въ страхъ другихъ», поджигали строенія (Р. Арх., 1869, 525—577).

«Иллюминантическій духъ», такимъ образомъ, былъ выженъ огнемъ, выбитъ штыками, картечью, пулями и кнутами. Крестьяне перестали быть «якобинцами». Ужасъ придавилъ ихъ.

«И былъ страхъ великій по всей землѣ».

Но трепетали не одни крестьяне,—трепетало все. Настроеніе общества было самое мрачное... Императоръ, въ качествѣ великаго магистра и покровителя мальтійскаго ордена, объявилъ войну Англіи и далъ приказъ донскому войску идти на завоеваніе Индустана... Въ столицѣ ходили самые невѣроятные слухи, въ родѣ того, напримѣръ, что государь шьетъ себѣ архіерейское облаченіе и хочетъ священнодѣйствовать. (Р. Арх., 1868, стр. 1329)... Все было мрачно, но мрачнѣе всѣхъ выглядывалъ михайловскій дворецъ, эта «уродливая масса красноватыхъ камней, окруженная рвами и подъемными мостами,

грозящая двадцатью новыми бронзовыми пушками двадцатифунтоваго колибра». (Р. А., 1870 г., стр. 971)... «Дипломатическій корпусъ»—разсказываетъ генералъ Саблуковъ—«прекратилъ свои обычные пріемы; большаячасть домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые держали, что называется, table ouverte, измѣнили свой образъ жизни. Дворъ, запертый въ михайловскомъ замкѣ, охраняемомъ, какъ средневѣковая крѣпость, велъ жизнь весьма скучную и одинокую. Императоръ уже не выѣзжалъ, какъ дѣлывалъ онъ это прежде, и единственныя его прогулки ограничивались тѣмъ,что называлось «третьимъ лѣтнимъ садомъ», куда не допускался никто, кромѣ его самого, императрицы и ихъ ближайшей свиты». (Р. А., 1869, 1932).

Утромъ 12 марта 1801 г. по Петербургу пролетѣло извѣстіе, что ночью императоръ умеръ «отъ апоплексическаго удара»....

V.

1801—1825 г.

I.

Русская прогрессивная мысль, подавленная во вторую половину екатерининскаго царствованія, ожила снова въ кратковременное царствованіе Павла. Екатерининская реакція, вызванная страхомъ освобожденія крестьянъ, страхомъ пугачовщины и сугубымъ страхомъ французской революціи, находила себѣ полное сочувствіе и сильную поддержку во всѣхъ общественныхъ сферахъ, интересамъ которыхъ она служила. Павловское же продолженіе ея отозвалось рѣшительно на всѣхъ, и реакціонеры естественно превращались въ либераловъ. «Въ сіе царствованіе ужаса»,—говоритъ Карамзинъ,—«по мнѣнію иностранцевъ, россіяне боялись даже и мыслить,—нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ, общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервененіе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности». (Пыпинъ, Очерки общ. движенія при Александрѣ I). Европейскія либеральныя традиціи въ самое мрачное время имѣли у насъ представителей, въ родѣ Радищева; самъ наслѣдникъ престола, юноша Александръ, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ ихъ; не мало русскихъ училось тогда въ заграничныхъ университетахъ, и идеи XVIII вѣка, не смотря на всѣ опасности, продолжали обращаться. При Павлѣ былъ запрещенъ ввозъ въ Россію какихъ бы то ни было иностранныхъ книгъ, «равномѣрно и музыки», т.-е. нотъ, исключеніе было сдѣлано только для книгъ *«на тунгусскомъ языкѣ»* (!?). Но даже и эта мѣра не достигала своей цѣли. «Въ Петербургѣ и въ Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или не задолго до него. Такъ какъ идти на такой рискъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для самыхъ пикантныхъ вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханною смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика». (Storch).

Неожиданное извѣстіе о воцареніи Александра произвело въ обществѣ взрывъ радостнаго энтузіазма, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ современники *). Общество вздохнуло свободно. Тайная канцелярія уничтожена; до 12,000 человѣкъ возвращены изъ ссылки и получили прежнія права; петропавловская крѣпость освобождена отъ арестантовъ, и посѣщавшій ее вмѣстѣ съ императоромъ Ермоловъ написалъ на воротахъ ея: «свободна отъ постоя»; политическія преступленія велѣно судить обыкновеннымъ судомъ; ввозъ иностранныхъ книгъ дозволенъ,—наступило время прогрессивныхъ надеждъ, увлеченій и общественнаго одушевленія. Молодой императоръ стоялъ во главѣ этого движенія. Воспитанникъ и другъ благороднаго швейцарца Лагарпа, онъ былъ проникнутъ самыми гуманными чувствами, самыми либеральными идеями и честными стремленіями. «Его мнѣнія»—говоритъ другъ его Чарторыжскій—«были мнѣнія юноши 1789 г., который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія единственною сообразною съ желаніями и правами человѣчества... Онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи... Онъ сознавался, что ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французской революціей; что всѣ его желанія за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы, что онъ оплакивалъ ея паденіе» и т. д., и т. д. (Р. Арх., 1871, 700, 707). Александръ искренно желалъ освободить крестьянъ и дать государству такія свободныя учрежденія, которыя гарантировали бы его благосостояніе и развитіе. Его тяготила собственная власть, онъ не любилъ ни пышности, ни придворной обстановки; его деликатная скромность и гуманность простирались до того, что онъ просилъ прощенія у камердинера за сдѣланный ему сгоряча жесткій выговоръ. При такихъ наклонностяхъ, онъ мечталъ, совершивъ въ Россіи радикальныя реформы, отречься отъ престола и, поселившись гдѣ-нибудь въ уединеніи на берегахъ Рейна, наслаждаться издали созерцаніемъ плодовъ своего великаго подвига. Тотъ же либеральный энтузіазмъ, который, по выраженію Фарнгагена фонъ-Энзе, въ императорѣ Александрѣ напоминалъ «прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи», болѣе

*) Обстоятельства воцаренія Александра еще не выяснены до сихъ поръ. Если справедливы свидѣтельства современниковъ, то ему былъ предложенъ конституціонный актъ, но онъ отвергъ это предложеніе... (Пыпинъ)

или менѣе проявлялся и во всѣхъ передовыхъ людяхъ того времени, особенно же въ друзьяхъ императора—Чарторижскомъ, Строгановѣ, Парротѣ, Новосильцевѣ. Еще болѣе эти либеральныя увлеченія, эти возвышенныя чувства волновали собою сердца учащейся молодежи. Въ студенческомъ кругу, по словамъ С. Аксакова, бывшаго тогда студентомъ, «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и неприметно для него освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его не затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу». Вѣра въ свѣтлую будущность народа, ненависть ко злу, безкорыстные и самоотверженные порывы къ гражданской дѣятельности, восторженныя пѣсни, въ родѣ извѣстнаго пушкинскаго посланія къ Чаадаеву—

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы,—

все это живо напоминаетъ собою другое славное время—начало нынѣшняго царствованія.

Либеральный энтузіазмъ императора и его сотрудниковъ, открыто заявившій себя съ первыхъ же дней царствованія, выразился въ учрежденіи неофиціальнаго комитета, который въ шутку называли «комитетомъ общественнаго благоденствія», какимъ онъ, дѣйствительно, и казался реакціонерамъ, видѣвшимъ въ немъ что-то революціонное. Въ этомъ комитетѣ участвовали императоръ, Чарторижскій, Строгановъ, Мордвиновъ, Новосильцевъ, Воронцовъ, Лагарпъ. Цѣлью комитета была совершенная перестройка «безобразнаго зданія государства» и «ограниченіе произвола нашего правленія», какъ выражался государь. Вопросы, поднятые въ комитетѣ, обсуждались свободно всѣми его членами, но какъ иниціатива вопросовъ, такъ и окончательное ихъ рѣшеніе почти всегда принадлежали самому императору. При своихъ либеральныхъ мнѣніяхъ, при своей любви къ свободѣ, Александръ обладалъ настойчивостью, доходившею до упрямства, и нерѣдко на практикѣ вооружался противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, передъ которыми онъ совершенно искренно преклонялся въ теоріи. Онъ всегда желалъ освобожденія крестьянъ. Но когда въ 1803 г. лифляндскій сеймъ постановилъ освободить крестьянъ, то императоръ отвергъ это постановленіе. Въ 1816 г. богатѣйшіе помѣщики петербургской губерніи черезъ депутацію ходатайствовали о томъ же передъ Александромъ, но онъ, отклонивъ это ходатайство, съ неудовольствіемъ сказалъ депутатамъ: «предоставьте мнѣ самому издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ». (Богдановичъ, I, 90, 129; Gervinus, франц. переводъ, V, 269). Онъ желалъ реформъ, но хотѣлъ, чтобы онѣ истекали главнымъ образомъ отъ его воли и совершались такъ, какъ онъ считалъ разумнымъ и необходимымъ. Поэтому, всѣ реформаторскіе планы его царствованія, всѣ ихъ достоинства, недостатки, неудачи должны быть приписаны главнымъ образомъ Александру, хотя въ развитіи и выполненіи ихъ принимали самое дѣятельное участіе его друзья, составлявшіе комитетъ общественнаго благоденствія, а впослѣдствіи Сперанскій. Эти сотрудники были вполнѣ достойными помощниками государя, но въ то же время обладали и крупными недостатками. Трактуя объ искорененіи злоупотребленій, о необходимости радикальныхъ реформъ въ государственномъ строѣ, о независимости суда, составляя проектъ свободныхъ учрежденій въ родѣ англійскихъ, проектъ той «Конституціи», которую г. Богдановичъ называетъ «Уложеніемъ»,—эти реформаторы относились болѣе или менѣе равнодушно къ основному вопросу русской жизни, къ освобожденію крестьянъ Новосильцевъ былъ противъ освобожденія. Лагарпъ не только никогда не говорилъ объ его неизбѣжности, но даже не соглашался съ тѣми прогрессистами, которые настаивали на его необходимости и полной возможности. Не лучше относились къ этому вопросу Мордвиновъ и многіе другіе либералы, хотя всѣ они говорили объ «улучшеніи быта крѣпостныхъ людей». Императоръ, Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были рѣшительными сторонниками освобожденія, но только двое послѣднихъ смотрѣли на это дѣло вполнѣ серьезно и готовы были дѣйствовать съ неутомимой энергіей. Чарторижскій доказывалъ, что «право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдуетъ ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его». То же самое говорилъ и Строгановъ, убѣждая своихъ робкихъ сотрудниковъ, что освобожденіе крестьянъ не можетъ дать повода ни къ какому «опасному волненію», что дворянство рѣшительно неспособно ни къ какой серьезной оппозиціи. «Что такое наше дворянство?» говорилъ онъ. «Дворянство составилось у насъ изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службою, не получившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и, въ отношеніи къ своему духу, наиболѣе тупое; вотъ приблизительная картина большей части нашего сельскаго дворянства... Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, исполнялась съ изумительною точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія». Строгановъ весьма основательно доказывалъ, что «если въ этомъ дѣлѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія». Императоръ же и большинство его сотрудниковъ смотрѣли на дѣло иначе. Одному вельможѣ, просив-

шему Александра о пожалованіи имѣніемъ, онъ писалъ: «большая часть крестьянъ въ Россіи—рабы; считаю лишнимъ распространяться объ униженіи человѣчества и несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ, и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность». И хотя Александръ всегда твердо держался этого правила, но онъ далеко не былъ столь же твердымъ въ выполненіи своей завѣтной мысли объ освобожденіи крестьянъ. Александръ и его сотрудники опасались серьезныхъ противодѣйствій со стороны помѣщиковъ, въ средѣ которыхъ слухи объ освободительныхъ намѣреніяхъ государя дѣйствительно порождали страхъ и неудовольствіе; они опасались еще и того, что «внезапное ограниченіе помѣщичьей власти можетъ подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ безпорядкамъ». Эта нерѣшительность, эта борьба между страхомъ и желаніемъ освобожденія парализировали всѣ хорошія намѣренія реформаторовъ и нерѣдко внушали имъ планы, ничтожность которыхъ можетъ быть объяснена только этимъ обстоятельствомъ. Желая, напримѣръ, хоть сколько-нибудь улучшить несчастное положеніе крестьянъ, комитетъ дошелъ до мысли дозволить покупать земли тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными; а государь хотѣлъ дозволить имъ и мѣщанамъ вмѣстѣ съ землею покупать и крестьянъ, но съ тѣмъ, «чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись условіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію». (Ковалевскій, 27; Богдановичъ, I, Прилож., 42, 46, 49—53). Боязливость реформаторовъ была причиною, что по крестьянскому вопросу въ царствованіе Александра сдѣлано было очень мало, хотя до самаго конца царствованія въ государѣ не умирало желаніе уничтожить крѣпостное право, а въ лучшихъ людяхъ тогдашняго общества господствовало убѣжденіе, что крестьянское дѣло имѣетъ первостепенное значеніе и что, пока оно не рѣшится, до тѣхъ поръ должны отодвинуться передъ нимъ на задній планъ всѣ вопросы о внутреннихъ преобразованіяхъ. Извѣстный нѣмецкій патріотъ и прусскій министръ Штейнъ, имѣвшій большое вліяніе въ высшихъ сферахъ русскаго общества, главнымъ и необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и богатства русскаго народа считалъ освобожденіе крестьянъ «съ полной поземельной собственностью и личной свободой, хотя подъ полицейскимъ и судебнымъ надзоромъ дворянства». (Пыпинъ). Въ самомъ русскомъ обществѣ, во все продолженіе александровскаго царствованія, поднималось не мало голосовъ противъ язвы крѣпостного права,—голосовъ, требованія которыхъ были до того умѣренны, что выполненіе ихъ не могло угрожать никакою опасностью государственному порядку со стороны помѣщиковъ. Такова была, напр., записка, поданная въ 1818 г. императору извѣстнымъ впослѣдствіи Канкринымъ, который, изображая экономическій и нравственный вредъ крѣпостного права, считалъ однакожъ «несправедливымъ, неосторожнымъ и невозможнымъ отпустить разомъ крестьянъ на волю» и проектировалъ постепенное освобожденіе ихъ, окончательнымъ срокомъ котораго назначалъ 1880 годъ (Р. Арх., 1865, 542—552). Извѣстный дѣятель, Николай Тургеневъ, считалъ освобожденіе крестьянъ также главнымъ вопросомъ русской общественной жизни. Онъ освободилъ всѣхъ своихъ крестьянъ и былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ эманципаціи. Но такія гуманныя стремленія, принадлежавшія отдѣльнымъ свѣтлымъ личностямъ, подобнымъ Тургеневу, встрѣчали противодѣйствіе со стороны огромнаго большинства... Державинъ, Лопухинъ, Карамзинъ, Каразинъ и все дворянство, за немногими исключеніями, были противъ освобожденія и употребляли всѣ усилія на борьбу съ идеей эманципаціи. Вышедшая въ 1811 г. книга гр. Стройновскаго о крѣпостномъ правѣ подняла бурю, и извѣстный дѣлецъ Екатерины, В. Поповъ, писалъ государю: «Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія. Подобныя внушенія были всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи умы не созрѣли еще къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго дара вольности: умствованія о ней воспалительны, а слѣдствія злоупотребленія ею ужасны». Государь съ негодованіемъ отвергъ совѣты Попова (Р. Арх., 1864, 782). Однимъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ рабства былъ извѣстный гр. Ростопчинъ, который доказывалъ, что рабство существовало въ Россіи еще въ X в., что на немъ основаны и величіе, и порядокъ государства, что «въ умахъ съ здравымъ разсудкомъ свобода значитъ бѣдствіе»; что это «слово *свобода* столько же опасно для человѣка и для общества, какъ прекрасные на взглядъ плоды, содержащіе въ себѣ жестокій ядъ»; что освобожденіе ввергнетъ страну въ жестокую анархію; что крестьяне благоденствуютъ подъ властью помѣщиковъ; что «ни одинъ честный и добродѣтельный человѣкъ не захочетъ *отказаться добровольно отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ людей, подъ защитою его живущихъ*», т.-е. отъ права владѣть крестьянами. (Чтенія, 1860, III, 203—217). «Дѣло идетъ»—восклицалъ этотъ крѣпостной тузъ—«о цѣлости нашей и всего потомства нашего!.. о цѣлости государства!.. о бытіи или небытіи Россіи!..» Въ толкахъ о вольности крестьянъ онъ указывалъ польскую интригу и революціонный замыселъ. (Чтенія, 1859, II, 37—42). Много было подобныхъ адвокатовъ рабства, но рѣчи и памфлеты ихъ не всегда оставались безъ отвѣтовъ. Вотъ что отвѣчалъ, напр., этимъ адвокатамъ одинъ неизвѣстный «россіянинъ». «Описываемый вами дворянинъ не есть защитникъ престола; онъ рабъ, готовый ради личныхъ выгодъ исполнить все хорошее и худое; онъ не ищетъ ничего, кромѣ удовлетворенія своихъ страстей и желаній; онъ служитъ ради единой пользы своей, въ «законномъ» невѣжествѣ своемъ, не признавая правъ человѣческихъ...» «Ваше «патріархальное правленіе» никуда не годится. Хорошъ тотъ патріархъ, который покупаетъ, торгуетъ, продаетъ себѣ подобныхъ, мѣняетъ людей на со-

бакъ, на лошадей; закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги; вопреки волѣ ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти, расторгаетъ браки и часто, весьма часто удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти! Довольно!.. Упаси, Боже, отъ таковыхъ патріарховъ. Въ Африкѣ и Америкѣ начинаютъ чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное; а мы, россіяне, христіане именемъ, въ нѣдрахъ отечества нашего имѣемъ защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной власти!.. Благодареніе тому, кто слѣпцамъ открываетъ глаза, кто невольникамъ оковы расторгаетъ; хвала и тому, кто добровольно слагаетъ съ себя власть незаконную!» (id., 43—50). Такимъ образомъ, не смотря на всѣ противодѣйствія, вопли и запугиванья крѣпостниковъ, идея крестьянской эманципаціи, въ царствованіе Александра, увлекала болѣе и болѣе передовые умы и становилась общественною силою, на которую надежно могли опереться реформаторы, если бы они были болѣе рѣшительны и менѣе робѣли передъ фантастическими призраками ожесточенной помѣщичьей реакціи. То обстоятельство, что въ проектированныхъ «комитетомъ общественнаго благоденствія» свободныхъ учрежденіяхъ крестьянскій вопросъ обходился молчаніемъ, какъ это можно видѣть изъ плана реформы, составленнаго Новосильцевымъ,—кажется намъ непростительной политической ошибкой. Въ планѣ государственныхъ преобразованій, который впослѣдствіи былъ составленъ Сперанскимъ и о которомъ мы будемъ говорить ниже, крестьянскій вопросъ также остался неразсмотрѣннымъ. Правда,—говоритъ Тургеневъ,—«цѣлый проектъ организаціи имперіи показывалъ, что крѣпостное право не могло найти въ ней мѣста; но, вступая въ подробности о многихъ другихъ вопросахъ гражданскаго и политическаго устройства, Сперанскій, кажется, хотѣлъ избѣгать этого». Такая робкая осторожность только вредила дѣлу, тѣмъ болѣе, что во все продолженіе царствованія страхъ мысли о свободѣ крестьянъ не переставалъ поддерживаться отдѣльными распоряженіями правительства, выражавшими его постоянное желаніе эманципаціи. Есть извѣстіе, что ко дню коронаціи былъ уже приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ,—манифестъ, обнародованіе котораго было отмѣнено. (Р. Арх., 1867 года, стр. 1675). Это было только началомъ тревожнаго страха для крѣпостниковъ, который постоянно поддерживался вѣрными и невѣрными слухами объ эманципаторскихъ стремленіяхъ государя и его сотрудниковъ. Слухи эти подтверждались тѣмъ, что государь старался ограничить жестокій произволъ помѣщиковъ, преслѣдовалъ тѣхъ изъ нихъ, о жестокостяхъ которыхъ крестьяне доводили до его свѣдѣнія, устранялъ ихъ отъ управленія помѣстьями и ссылалъ въ монастыри на покаяніе. (Русск. Старина, 1870 г., I, 46—49). Онъ запретилъ продажу людей безъ земли, эту «постыдную торговлю, ни съ человѣчествомъ, ни съ законами несовмѣстную», хотя эта торговля и продолжала существовать во все его царствованіе. Въ 1803 г. состоялся указъ объ отпущеніи крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы по иниціативѣ С. Румянцева, который представлялъ государю, что это будетъ первымъ шагомъ «къ постепенному уничтоженію и самаго рабства, которое не иное что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе». Въ продолженіе александровскаго царствованія въ вольные хлѣбопашцы выкупились болѣе 47,000 крѣпостныхъ людей. (Р.-Славатинскій, Дворянство, 380, 540). Личное освобожденіе крестьянъ остзейскихъ губерній еще болѣе встревожило русскихъ помѣщиковъ. И всѣ эти одиночныя, робкія, принимаемыя въ разное время мѣры производили въ крѣпостникахъ по крайней мѣрѣ столько же переполоха, сколько было бы его и при полномъ освобожденіи, совершенномъ разомъ.

Та же самая робость, которая такъ вредила крестьянскому дѣлу и которою ловко пользовались ретроградные агитаторы, тормозила и всю дѣятельность реформаторовъ. Этою робостью, этою нерѣшительностью отличалось большинство членовъ комитета общественнаго благосостоянія. Они слишкомъ уже чутко прислушивались къ ретроградному общественному мнѣнію, думая, «что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять общепринятыя убѣжденія изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію». Это доводило реформаторовъ до того, что они съ непонятною для нашего времени заботливостью занимались иногда чистѣйшими пустяками. Такъ, напр., въ комитетѣ долго обсуждался вопросъ, какъ назвать вѣдомство народнаго просвѣщенія—«министерствомъ общественнаго *образованія* или *воспитанія*? Гр. Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово *воспитаніе*, потому что оно менѣе громко, и напротивъ того, слово «*образованіе*» *поведетъ къ ложнымъ толкамъ* по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно!..» Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, утвердили названіе: «министерство народнаго просвѣщенія». (Богдан., I, Прил., 51, 86). Гр. Строгановъ отлично сознавалъ всю неосновательность и вредъ этой робкой нерѣшительности, когда писалъ Новосильцеву: «*мы* иногда, вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы дѣлать; изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое». (Пыпинъ). Слово *мы* относится здѣсь къ Александру, но тою же самою вялостью и трусливостью отличались и всѣ его сотрудники по комитету.

Комитетъ окончилъ свою дѣятельность въ концѣ 1803 г., не сдѣлавъ ничего существеннаго. Съ 1806 г. либеральные друзья императора постепенно устраняются отъ дѣлъ, но либеральные планы все-таки не покидаютъ его. Наступаетъ пора дѣятельности Сперанскаго, о которомъ въ нашемъ обществѣ ходятъ смутныя и превратныя понятія. О немъ судятъ только по тому, что онъ сдѣлалъ, и на основаніи этого считаютъ его не больше, какъ организаторомъ русской бюрократіи, между тѣмъ какъ все сдѣланное Сперанскимъ было только приго-

товленіемъ къ основной государственной реформѣ, планъ которой былъ составленъ имъ по иниціативѣ и при дѣятельномъ содѣйствіи самого императора. Въ концѣ 1809 г. должно было приступить къ постепенному выполненію плана, срокомъ котораго онъ полагалъ 1 сентября 1811 года, надѣясь, что тогда «Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится». Хотя этотъ планъ Сперанскаго былъ мало извѣстенъ въ публикѣ, хотя въ строгомъ смыслѣ онъ былъ только развитіемъ завѣтныхъ идей императора и самого составителя, хотя онъ мало имѣлъ вліянія на развитіе общественной мысли, но все-таки его основные принципы были въ то же время и принципами всѣхъ передовыхъ людей тогдашняго общества, которые желали того же самаго, чего желали императоръ и его талантливый статсъ-секретарь.

Сперанскій доказываетъ, что въ Россіи давно уже чувствуется необходимость создать правильный порядокъ государственнаго устройства и поставить законъ выше всякой власти, которая должна быть только его исполнителемъ. Эта необходимость чувствовалась уже во времена Алексѣя Михайловича, когда «во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали нужнымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образованнѣйшую часть народа, и испрашивать для принимаемыхъ мѣръ благословеніе патріарха». «Во внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I, нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ дорогу и свободѣ; не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что имѣлъ инстинктъ цивилизаціи». При вступленіи на престолъ Анны, оказалось, что вопросъ о «политическомъ бытіи» живетъ и развивается въ обществѣ. При Екатеринѣ II «все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣхамъ свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ для предупрежденія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли,—все это Екатерина употребила при устройствѣ комиссіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этого собранія составленъ былъ наказъ, заключавшій въ себѣ сводъ лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе гарантіями свободы, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе». Попытка оказалась преждевременной. Упомянувъ о павловскихъ законахъ, о престолонаслѣдіи и объ ограниченіи обязательной работы крѣпостныхъ тремя днями въ недѣлю,—объ александровскихъ указахъ, дозволявшихъ всѣмъ свободнымъ сословіямъ владѣть землею, учреждавшихъ классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и министерства, съ отвѣтственностью министровъ, о «мѣрахъ, принятыхъ въ Лифляндіи, какъ опытѣ и примѣрѣ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ»,—Сперанскій заключаетъ, что «Россія, не смотря на свое абсолютное правленіе, очевидно идетъ къ свободѣ». Обращаясь затѣмъ къ тогдашнему состоянію государства, Сперанскій пишетъ: «Всѣ жалуются на смѣшеніе, какое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средство улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Къ чему служатъ законы, опредѣляющіе права собственности каждаго, когда эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ, но можно ли хорошо устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита, гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло бы обезпечивать его прочность! Жалуются на медленность, съ какой распространяются просвѣщеніе и промышленность, но гдѣ принципъ, который могъ бы оживотворить ихъ! Къ чему стараться просвѣщать раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другого дѣйствія, кромѣ того, что оно заставитъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія!.. Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ, и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другого правленія, желаніемъ, пожалуй, неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ... Все это доказываетъ, что существующая система правленія не соотвѣтствуетъ болѣе состоянію общественнаго мнѣнія, и что пришло время замѣнить эту систему другою».

Сперанскій критиковалъ эту систему очень смѣло, потому что государь держался тѣхъ же самыхъ мнѣній. Указывая на хаосъ, царившій въ законахъ, Сперанскій касался самаго существеннаго зла, крѣпостного рабства, этихъ «отношеній милліоновъ людей, составляющихъ полезнѣйшую часть населенія, къ горсти тунеядцевъ, которые присвоили, Богъ знаетъ почему и какъ, всѣ права, всѣ привилегіи». Но «что такое само дворянство, когда личность всякаго дворянина, его собственность, его честь, все, наконецъ, зависятъ не отъ закона, а только отъ воли абсолютнаго властителя?.. Развѣ послѣдній не имѣетъ надъ дворянами той же самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными?.. Вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это—рабы верховной власти и рабы землевладѣльцовъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ; въ дѣйствительности, въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ. Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію,—это тѣ отношенія, въ которыя поставлены между собой эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коро-

нѣ... Престолъ представляется всегда крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ»... При разбираемой системѣ,—доказываетъ реформаторъ,—«правительство должно отказаться: 1) отъ всякой мысли имѣть твердые и прочные законы, потому что подъ такимъ правленіемъ они невозможны; 2) отъ всякихъ усилій въ пользу народнаго образованія, потому что, давая образованіе массѣ народа, нельзя было бы не повредить абсолютному правленію и не вызвать къ волненію и неповиновенію; 3) отъ всякихъ усовершенствованій національной промышленности...; 4) отъ всякаго возвышенія національнаго характера.., такъ какъ рабъ не можетъ имѣть національнаго характера...; 5) отъ всякаго замѣтнаго увеличенія національнаго богатства...; 6) тѣмъ болѣе еще надо отказаться отъ улучшенія положенія низшаго класса народа: плодъ его трудовъ будетъ всегда истребленъ роскошью высшаго класса».

Послѣ разсужденія о разныхъ формахъ правленія, реформаторъ кладетъ въ основу своихъ преобразованій слѣдующіе выводы. «1) Никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны... 2) всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и законно до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія»... «Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа... Власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа... Силы народа бываютъ всегда больше силъ правительства... но онѣ часто бываютъ парализованы 1) отъ незнанія народомъ его правъ; 2) отъ различія интересовъ и недостатка связи между отдѣльными лицами. Распаденіе народа на различныя сословія можетъ считаться причиной всякаго абсолютнаго правленія. Deviде, ut imperes! Первый шагъ, который нужно сдѣлать для ограниченія абсолютной власти, это положить конецъ раздорамъ, существующимъ между различными сословіями и состояніями, соединить ихъ всѣ, чтобы уравновѣсить силу правительства». Но, стараясь о равенствѣ всѣхъ гражданъ, говоря объ уничтоженіи крѣпостного рабства, Сперанскій для упроченія въ Россіи конституціи предполагалъ реформировать аристократію на англійскій образецъ и учредить маіоратъ.

Высшимъ учрежденіемъ этой русской конституціи долженъ быть государственный совѣтъ, который по внѣшней своей формѣ устроенъ такъ, какъ и предполагалось въ проектѣ. Законодательная власть принадлежала государственной думѣ, составленной изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій, избираемыхъ въ губернскихъ собраніяхъ. Законы вообще предлагаются правительствомъ, обсуждаются думой и утверждаются императоромъ. За государственной думой слѣдуютъ также составленныя изъ выборныхъ депутатовъ думы губернскія уѣздныя и, наконецъ, волостныя. Принципъ самоуправленія предполагалось ввести въ государственную жизнь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Высшая судебная инстанція—сенатъ, члены котораго назначаются государственной думой и при которомъ составляются изъ членовъ государственнаго совѣта верховный судъ для дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ министровъ, генералъ-губернаторовъ и т. д. Засѣданія сената публичны, и его рѣшенія печатаются. Въ судахъ губернскомъ, уѣздномъ и волостномъ вводится институтъ присяжныхъ. Въ администраціи высшую инстанцію образуетъ министерство съ отвѣтственнымъ министромъ. Большая часть административныхъ должностей выборныя. (Пыпинъ., Очерки обществ. движ. при Алекс. I, глава III; Tourgueneff, La Russie et les Russes).

Таковы основныя черты знаменитаго проекта, о которомъ самъ Сперанскій писалъ, что онъ въ сущности своей не представлялъ ничего новаго, а служилъ только систематическимъ развитіемъ идей, занимавшихъ императора съ 1801 года. Но, когда пришлось приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе, Сперанскій вынужденъ былъ выполнить проектъ по частямъ, постепенно. «Важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Приведено было дѣйствіе лишь то, что Сперанскій считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша». (Корфъ, Жизнь Сперанскаго). Такъ былъ основанъ государственный совѣтъ, о которомъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ писалъ императору: «тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ нашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается только начало». Въ высочайшемъ манифестѣ объ основаніи совѣта дѣлались, впрочемъ, весьма прозрачные намеки на его предполагаемое значеніе. Въ манифестѣ этомъ,—говоритъ біографъ Сперанскаго, Корфъ,—«Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды*; совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями;* впервые всенародно выражено сознаніе, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ неукоснительно требуетъ *разсмотрѣнія и опредѣленія;* впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ преобразованій государственныхъ долженъ состоять *въ утвержденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣнныхъ основаніяхъ закона;* наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ*, носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ уотройствѣ. «Манифестъ, кромѣ того, заявивъ о приготовляемомъ изданіи гражданскаго Уложенія, обѣщалъ «по примѣрамъ древняго нашего законодательства (вѣроятно, земскихъ соборовъ и екатерининской комиссіи), назначить порядокъ, коимъ уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избранныйшихъ сословій имѣетъ быть уважено* и достигнетъ своего совершенства». (Пыпинъ; Полн. Собр. Зак., № 24,064). Другою изъ выполненныхъ реформъ было преобразованіе

министерствъ, цѣлью котораго Сперанскій считалъ между прочимъ устраненіе недостатка настоящей отвѣтственности министровъ. Затѣянное преобразованіе сената было отложено на неопредѣленное время, какъ и выполненіе другихъ частей плана Сперанскаго, хотя государь почти до послѣднихъ лѣтъ своей жизни думалъ осуществить свою завѣтную мысль, о чемъ и заявлялъ въ 1818 г. передъ цѣлой Европой въ своей рѣчи при открытіи польскаго сейма.

Такимъ образомъ, ни одна изъ коренныхъ реформъ, которыя были задуманы государемъ и къ которымъ вполнѣ сочувственно относилось прогрессивное меньшинство общества, не была выполнена. Но при всемъ томъ, во все почти продолженіе царствованія правительствомъ принимались многія мѣры, изъ коихъ нѣкоторыя уже указаны нами, клонившіяся къ искорененію разныхъ золъ и поддерживавшія энергію прогрессивной мысли въ обществѣ. Литература получила значительное облегченіе, открыты частныя типографіи, возстановлена екатерининская грамота, данная городамъ, основаны губернскія гимназіи и пять новыхъ университетовъ, уничтожена судебная пытка, провозглашенъ принципъ вѣротерпимости, значительно смягчена прежняя суровая военная дисциплина, введенъ кое-какой порядокъ въ управленіе финансами и т. д., и т. д. Прогрессивная часть общества относилась ко всему этому съ самымъ дѣятельнымъ сочувствіемъ, которое выразилось, напр., въ небывалыхъ до той поры громадныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ на дѣло народнаго образованія. Война 1812 г. и заграничные походы слѣдующихъ годовъ произвели небывалое возбужденіе либеральной мысли, особенно между военною молодежью. «Толчокъ, который дали умамъ только что совершившіяся событія»,—разсказываетъ Н. И. Тургеневъ,—«или, вѣрнѣе, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. Прогрессивныя идеи начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ за границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда»... Въ Россіи появилась рукописная литература—«довольно много произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію». Политическіе и общественные вопросы, волновавшіе тогда Европу, увлекали собою молодежь. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили, въ общественномъ мѣстѣ или частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній... Правительство не только не противилось направленію, какое принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества». Рабство крестьянъ возбуждало къ себѣ болѣе и болѣе отвращенія въ порядочныхъ людяхъ, и лучшіе изъ нихъ начали уже сознавать необходимость освобожденія крестьянъ съ землею. Сами крестьяне ждали свободы, какъ награды за свои подвиги при изгнаніи врага. На просвѣщеніе народа было обращено особенное вниманіе и правительствомъ, и обществомъ. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Перми, Вологдѣ, Болховѣ, Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильнѣ и во множествѣ другихъ мѣстъ заводились и шли съ успѣхомъ ланкастерскія школы. Особенно благотворное вліяніе имѣли онѣ въ войскахъ, которыя въ это время значительно измѣнили къ лучшему свой характеръ и бытъ, постепенно гуманизируясь подъ вліяніемъ своихъ образованныхъ начальниковъ. «По возвращеніи войскъ изъ-за границы,—говоритъ Тургеневъ,—дисциплина стала измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже, въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени». Молодежь безкорыстно увлекалась гуманизирующею и просвѣтительною дѣятельностью, къ которой мы еще возвратимся въ концѣ своего очерка. Но эта дѣятельность, наравнѣ съ реформаторскою дѣятельностью и либеральными планами правительства, во все продолженіе царствованія, встрѣчала на своемъ пути столько препятствій и тормозовъ, столько противодѣйствія со стороны ретроградной массы, столько интригъ и козней, клеветъ и инсинуацій, что подъ конецъ эпохи естественно перешла въ такую форму, въ которой только и возможно было ея существованіе подъ ожесточеннымъ напоромъ постепенно усиливавшихся враговъ.

А враговъ этихъ былъ легіонъ.

II.

Невѣжественная масса, отупѣвшая среди однообразной, неподвижной жизни, всегда походитъ на Дарью Петровну Коробочку. Всякое событіе, выходящее изъ ряда окружающихъ ее обыденныхъ явленій, непріятно волнуетъ ея апатичную натуру и пугаетъ ея слабый умъ. Въ эпоху Александра эта консервативная масса, зараженная мистицизмомъ, который такъ располагаетъ къ боязливости и отучаетъ отъ логическаго мышленія, была еще трусливѣе, чѣмъ нынѣ. Она вполнѣ вѣрила въ справедливость древне-русскаго изреченія, что «которое царство начнетъ переставливать свои обычаи, и то царство не долго стоитъ». Этотъ старовѣрческій консерватизмъ во многихъ личностяхъ имѣлъ совершенно безкорыстный характеръ; такія личности относились ко всѣмъ нововведеніямъ съ такою же искреннею непріязнью, какъ и раскольники къ церковнымъ «новшествамъ». Подобно митрополиту Гавріилу, они слѣдовали правилу, что «*перевороты никогда не нужны*; лучше жить твердо, не взирая ни на какія другія прихоти». (Р. Арх., 1864, 615). Но эти искренніе консерваторы никогда не служатъ главнымъ и передовымъ отрядомъ реак-

ціонной толпы и терпѣливо подчиняются побѣдившей прогрессивной партіи. Во главѣ реакціи почти всегда стоятъ интриганы, которые борются противъ прогресса во имя своихъ личныхъ интересовъ, во имя своихъ узкихъ корыстныхъ цѣлей. Такъ было и при Александрѣ. Каждая либеральная мѣра, каждый слухъ о реформаторскихъ планахъ правительства нагоняли страхъ на извѣстнаго сорта людей, такъ хорошо жившихъ въ омутѣ той соціальной анархіи, которую хотѣло искоренить правительство. Проекты государственныхъ реформъ, задуманныхъ императоромъ и приготовляемыхъ сначала комитетомъ общественнаго благосостоянія, а потомъ Сперанскимъ, были, конечно, не понутру всѣмъ, чей произволъ они угрожали уничтожить, чьи темныя дѣла должны были при нихъ вынырнуть на свѣтъ Божій и подвергнуться общественному контролю, чьи грѣшные и безгрѣшные доходы должны были сократиться или даже вовсе прекратиться при выборномъ самоуправленіи, гласности, судѣ присяжныхъ. Поэтому-то, напримѣръ, «преобразованіе высшихъ государственныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ усиліями Сперанскаго *уменьшить расходы* по всѣмъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества».(Богданов., III, 16). Самъ Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ къ императору выяснилъ это своекорыстіе мотивовъ, руководившихъ ретроградами. Для избавленія государства отъ банкротства,—писалъ онъ,—надлежало, между прочимъ, «сократить и привести въ порядокъ издержки; а здѣсь-то неудобство и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе и въ концѣ всего ожидать еще ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому нравиться сей порядокъ вещей!» Точно также и всѣ другія либеральныя намѣренія и преобразованія задѣвали чьи-нибудь интересы, обижали самолюбіе, пугали, и тѣмъ плодили враговъ реформы. Государь, напримѣръ, не любившій роскоши и называвшій полотерами тѣхъ придворныхъ, которые служили только для внѣшняго блеска выходовъ и баловъ, постановилъ уволить изъ нихъ въ отставку всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не поступятъ на какую-нибудь дѣйствительную военную или гражданскую службу. Какой ропотъ поднялся изъ-за этого! «Говорили, будто бы императоръ, возбуждая въ своихъ подданныхъ идеи о равенствѣ, уничтожаетъ сохранившійся у насъ дотолѣ призракъ аристократіи и стремится къ водворенію въ Россіи такого же порядка, какой существуетъ въ Турціи», и т. п. (Богд., III, 18). Другой указъ о службѣ, въ составленіи котораго, кромѣ Сперанскаго, участвовалъ и гр. Завадовскій, надѣлалъ еще болѣе шума. 6 августа 1809 года было постановлено, что для полученія чиновъ коллежскаго асессора и статскаго совѣтника необходимо представлять свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса, или выдержаніи экзамена. Вся бюрократія, вся ретроградная дворянская партія, съ Карамзинымъ во главѣ, возстали противъ этой мѣры; нѣкоторые прозрѣвали въ ней даже какую-то коварную «семинарскую интригу», посредствомъ которой Сперанскій думалъ будто бы, оттѣснивъ отъ управленія дворянъ и чиновниковъ, отдать Россію въ руки семинаристовъ, которыхъ тогда въ университетахъ было очень много!.. За шесть лѣтъ до этого разыгралась подобная же исторія, имѣвшая въ себѣ не мало комизма. Въ 1803 г. сенату представленъ былъ военнымъ министромъ Вязмитиновымъ указъ о томъ, чтобы, согласно постановленіямъ Петра III и Екатерины II, не увольнять въ отставку изъ военной службы раньше двѣнадцати лѣтъ тѣхъ дворянъ, которые до этого срока не получили офицерскаго чина. Въ сенатѣ и въ средѣ дворянства, особенно московскаго, указъ этотъ произвелъ страшный переполохъ. За него стояли Вязмитиновъ и Державинъ, противъ него говорилъ и дѣйствовалъ съ особенной энергіей сенаторъ гр. Потоцкій. Державинъ объяснялъ эту дворянскую оппозицію вліяніемъ польской интриги; «это поляки хотятъ разорить нашу военную силу, дабы, изнѣживъ дворянство, сдѣлать его неспособнымъ къ военной службѣ, а слѣдовательно и къ защитѣ отечества». Оппозиція же провидѣла тутъ интригу «крапивнаго сѣмени», которое хочетъ стать на мѣсто дворянства. «Когда—разсказываетъ Державинъ—мнѣніе гр. Потоцкаго дошло въ Москву, то тамъ знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло его съ восхищеніемъ, такъ что въ многолюдныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили за здоровье гр. Потоцкаго, почитая его покровителемъ россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія, а глупѣйшія или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дерьмомъ для поруганія».(Записки Держав., 466). Въ честь же гр. Потоцкаго была написана громкая ода (Р. Арх., 1869 г., стр. 1377—1380), авторъ которой говорилъ, обращаясь къ «приказному роду, гнилому въ корню», что не онъ защищалъ, спасалъ и возвеличивалъ Россію, а дворяне. Въ этой одѣ находится и слѣдующая выходка противъ Сперанскаго, начинавшаго уже тогда обращать на себя вниманіе—

«Тебѣ ль, изъ праха извлеченну,
Тебѣ ль, писецъ, чернильный вранъ,
Забывъ породу униженну,
Судить о жребіи дворянъ,—
Дворянъ—отечества подпоры!
Страшись теперь возвесть къ намъ взоры!
Падешь съ наружной высоты,
Превращеньемъ общимъ наградишься,
Съ толпою подлою смѣсишься
И будешь червь ползущій ты!..»

Независимо отъ сословныхъ корпоративныхъ интересовъ, реакціонная оппозиція мотивировалась еще и чисто-личными расчетами. Люди стараго покроя на всѣхъ ступеняхъ государственной іерар-

хіи оттѣснялись на задній планъ людьми образованными сообразно съ духомъ времени. Какіе-нибудь Балашовы и «безъ лести преданные» Аракчеевы никогда не могли достигнуть того, чего хотѣли, если рядомъ съ ними, или даже впереди ихъ стояли Строгановы и Сперанскіе. То же самое было и въ болѣе низкихъ правительственныхъ сферахъ. Но самымъ сильнымъ мотивомъ реакціоннаго недовольства былъ, какъ и всегда, крестьянскій вопросъ, возбуждавшій негодованіе и страхъ какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ бюрократіи, для которой существованіе крѣпостного права было очень выгодно. Каждая правительственная мѣра, напоминавшая о завѣтной мечтѣ императора, производила переполохъ въ обществѣ, какъ, напримѣръ, упомянутый уже нами законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который, по объясненію «великаго» поэта и крѣпостника Державина, «выдумалъ Румянцевъ изъ подлой трусости угодить государю, стакнувшись напередъ съ якобинскою шайкою Чарторижскихъ, Новосильцевыхъ и прочихъ». (Записки, 485). Достаточно было государю въ рѣчи при открытіи варшавскаго сейма намекнуть о своемъ желаніи ввести свободныя учрежденія во всей имперіи, чтобы взволновать все общество страхомъ предстоявшаго будто бы освобожденія крестьянъ. «Вамъ, — писалъ Сперанскій Столыпину, — безъ сомнѣнія, извѣстны всѣ припадки страха и уныніе, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда (въ Пензу). И хотя теперь все здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе ручаться невозможно... Опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается... Если помѣщики ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что-либо другое тутъ видѣть!.. Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно; но всякому понятно». (Р. Арх., 1869, 1697). Такимъ образомъ, боялись не только освобожденія крестьянъ, но и того фантастическаго возстанія ихъ, которое будто бы должна была повлечь за собою эманципація. Мистическое умонастроеніе общества было хорошею почвой для подобныхъ нелѣпыхъ страховъ. Типомъ тогдашняго крѣпостника, постоянно раздраженнаго и озлобленнаго на нарушенія его «священныхъ правъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно боявшагося какъ освобожденія крестьянъ, такъ и ихъ предполагаемаго возстанія, можетъ служить извѣстный гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, у котораго упомянутое душевное состояніе перешло въ сумасшествіе. Этотъ Мамоновъ, по поводу возникшаго дѣла объ его жестокостяхъ, писалъ московскому генералъ-губернатору: «крѣпостныхъ людей, которые у меня въ домѣ, я не перестану наказывать тѣлесно, когда, по усмотрѣнію моему, окажутся они того достойными, ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ россійскаго государства, и это право передано намъ отъ предковъ нашихъ... Что же касается до мѣщанина Аѳанасьева, то я скажу вамъ, м. г., что я подобныхъ ему мѣщанъ никогда иначе и не наказываю, какъ палками и плетьми и сажаніемъ въ колодки и кандалы въ страхъ и въ обузданіе наглецамъ»... Наказаніе Дмитріевъ-Мамоновъ считаетъ «политическимъ правиломъ, особливо касающимся до выгодъ и до правъ россійскихъ дворянъ и до ихъ личной безопасности въ домахъ ихъ и въ деревняхъ». Занятый постоянно мыслью объ этой «личной безопасности», онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ своемъ имѣніи совершеннымъ невидимкою, прятался отъ всѣхъ, даже отъ прислуги; кушанье и платье ему приносили и оставляли въ пустой комнатѣ. Днемъ онъ составлялъ чертежи и планы каменныхъ укрѣпленій, которыя онъ затѣялъ въ своемъ имѣніи ради той же «личной безопасности», а ночью, когда всѣ спали, ходилъ осматривать работы. (Р. Арх., 1867, 962—968).

Реакція, возбуждаемая нарушеніемъ сословныхъ и личныхъ интересовъ, находила себѣ удобную почву въ той массѣ общества, которая, обладая внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія, составляла, по справедливому замѣчанію г-жи Сталь, такую сферу, въ которой «нельзя ничему научиться нельзя развивать своихъ способностей и въ которой люди не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ... Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ, и въ такомъ обществѣ образованіе ни къ чему не требуется. У націи есть энергія и величіе, но порядка и образованности часто еще не достаетъ и въ правительствѣ, и въ частной жизни». Сталь удивляется, что всѣ дворяне служатъ, и ихъ образованіе кончается обыкновенно въ пятнадцать лѣтъ. Образовательныя средства были скудны, да и тѣми пользовались немногіе. «Университеты—писалъ въ 1804 г. Евгеній Болховитиновъ —едва дышатъ, ни учить, ни учиться некому. У насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ 10 продолженія (т.-е. съ приготовительнымъ ученьемъ). Кто же будетъ дожидаться конца его». (Пып.; Р. Арх., 1870, 838). Русская литература того времени, находившаяся еще въ пеленкахъ, не могла давать обществу никакого серьезнаго образованія, да и сами представители ея мало чѣмъ возвышались надъ уровнемъ окружавшаго ихъ общества. Мы увидимъ ниже, напр., какъ низко по своему развитію стоялъ Карамзинъ. Въ массѣ тогдашнихъ писателей мы не видимъ ни солиднаго образованія, ни какой бы то ни было серьезной общественной мысли. Литераторы раздѣлялись на два главныхъ лагеря. Все старое, дряхлое, консервативное группировалось около Шишкова и составляло *Бесѣду Любителей Русскаго Слова*, засѣданія которой посѣщались архіереями, министрами, генералами въ полной формѣ, дамами въ бальныхъ костюмахъ. Эти господа славянофильничали и блюли чистоту русскаго языка отъ нововведеній. Все было здѣсь чинно, парадно, солидно и чрезвычайно скучно. Писатели новой школы, боровшейся съ Шишковымъ

и К°, составили шутовское общество «Арзамасъ» и посвящали ему значительную часть своего времени, забавляясь въ немъ игрой въ остроуміе, смѣшными фарсами, безцѣльнымъ литературнымъ гаерствомъ да пожираніемъ арзамасскихъ гусей, запиваемыхъ шампанскимъ. Карамзинъ былъ полнымъ ихъ авторитетомъ. Генералъ Орловъ, вступившій въ «Арзамасъ» членомъ, «произнесъ серьезную рѣчь, въ которой онъ указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками», разсказываетъ Тургеневъ. «Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе». Но «обратиться къ предметамъ серьезнымъ» арзамасцы были не въ силахъ, и—говоритъ другой ихъ современникъ, Вигель,—«Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ».

III.

Масса общества была такъ пуста и безсодержательна, что г-жа Сталь, говоря о нетвердости его принциповъ, которые «не установились хорошенько въ головахъ русскихъ», и о всегдашнемъ сильномъ вліяніи правительства на направленіе умовъ, замѣчаетъ, что «съ перемѣной царствованія могутъ перемѣниться всѣ понятія обо всѣхъ предметахъ». Умная наблюдательница нисколько не ошиблась въ этомъ отношеніи, но перемѣна понятій послѣдовала въ легкомысленной массѣ общества еще до наступленія новаго царствованія. Всѣ реакціонныя европейскія движенія проникали къ намъ и находили для себя отличную почву въ русскомъ барствѣ. Іезуиты начинали хозяйничать у насъ, какъ дома, и одинъ изъ даровитѣйшихъ и самыхъ фанатическихъ апостоловъ реакціи, Жозефъ де-Местръ, былъ оракуломъ многихъ петербургскихъ салоновъ. Бары и барыни переходили въ католичество, увлекались всевозможными мистическими шарлатанствами, составляли, подобно Татариновой, даже хлыстовскія общества. Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ вѣялъ духъ самаго закоренѣлаго обскурантизма, поддерживаемый сверхъ того сильнымъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ, выгнанныхъ съ родины великимъ переворотомъ и спѣшившихъ въ распростертыя объятія нашего гостепріимнаго барства. Между эмигрантами были и люди хорошо образованные, люди, дышавшіе злобой дней своихъ, но масса ихъ принадлежала къ старому порядку. Подъ вліяніемъ этой эмиграціи наша аристократія вырабатывала окончательно свой типъ (Р.-Славатинскій, 67). Крѣпостное право и дворянская грамота получали новыя доказательства своей священности изъ устъ компетентныхъ софистовъ въ родѣ де-Местра, который убѣждалъ правительство поддерживать всѣми силами патріархальный строй русской жизни, ограничить образованіе и литературу, запретить преподаваніе естественныхъ наукъ и т. д. Эмигранты много содѣйствовали теоретическому выясненію и формулированію мыслей нашихъ крѣпостниковъ и другихъ ретроградовъ. Тѣ же эмигранты главнымъ образомъ распространяли въ обществѣ самыя превратныя понятія о великихъ событіяхъ конца XVIII вѣка и пускали въ ходъ ту систему запугиванья политическими призраками, которая принесла столь горькіе плоды во всѣхъ европейскихъ странахъ послѣ 1815 г. Во всѣхъ проявленіяхъ прогрессивной мысли, во всѣхъ честныхъ стремленіяхъ шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ средневѣковыми предразсудками и кастальными интересами, эти апостолы реакціи указывали приближеніе всеобщей революціонной бури, сочиняя чудовищные миѳы о происках иллюминатовъ, о комплотахъ якобинцевъ, о всемірномъ революціонномъ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью «ниспроверженіе алтарей и троновъ». Послѣ 1815 г. эта пропаганда еще болѣе усилилась подъ вліяніемъ Меттерниха и другихъ дѣятелей всеобщей европейской реакціи.

Умственное убожество и путаница понятій въ тогдашнемъ обществѣ простирались до того, что тѣ же самые люди, которые подчинялись вліянію іезуитовъ и легитимисткихъ реакціонеровъ, слѣдовательно вліянію европейцевъ и преимущественно французовъ, тѣ же самые люди мирили свое умонастроеніе съ самыми нелѣпыми славянофильскими увлеченіями, съ самою слѣпою ненавистью ко всему иностранному. Славянофильство еще при Екатеринѣ выступало въ качествѣ ретроградной доктрины, которая во имя ложно понятаго принципа народности, во имя квасного патріотизма, начала противодѣйствовать вліянію «французской заразы», какъ выражались тогда. Блестящая военная исторія екатерининскаго времени значительно усилила этотъ патріотизмъ, который такъ рельефно выразился въ напыщенныхъ одахъ Державина и К°. Неудачи нашихъ военныхъ столкновеній съ Наполеономъ и завоевательныя намѣренія послѣдняго еще задолго до 1812 г. развили въ обществѣ сильную ненависть ко Франціи. Неудачныя войны, еще болѣе неудачный тильзитскій миръ «на Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, произвели самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное, какъ признаніе его надъ собой власти». (Вигель; Богдан, II, 313). Эта патріотическая непріязнь къ французамъ поддерживалась и литературой, и правительствомъ. Ив. Дмитріевъ разсказываетъ, напр., какъ въ 1806 г. губернаторамъ предписывалось подъ рукою убѣждать дворянъ въ необходимости земскаго войска; всюду были разосланы сенаторы для возбужденія въ дворянскихъ собраніяхъ патріотическихъ чувствъ и довѣрія къ правительству, а синоду предписывалось «объ устроеніи благочестиваго негодованія противу врага». (Взглядъ на мою жизнь, 153). Но и независимо отъ этого, патріотическій энтузіазмъ и фанатическая ненависть къ французамъ росли все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія грозы 1812 г. Ужасныя бѣдствія, предшествовавшія этой эпохѣ,—голодъ, страшные пожары, превратившіе въ пепелъ множество городовъ

появленіе кометы, преувеличенные слухи о грозящемъ нашествіи «двадцати народовъ», слухи о намѣреніи Наполеона освободить русскихъ крестьянъ, миѳъ о Наполеонѣ, какъ объ антихристѣ,—все это повергало страну въ хаосъ всевозможныхъ страховъ, всеобщей подозрительности, патріотическаго одушевленія и самой необузданной ненависти къ иностранцамъ *). Патріоты постоянно твердили вмѣстѣ съ Лопухинымъ, что «главное искусство россійской политики должно состоять въ томъ, чтобы сколь возможно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ». (Записки 153). Съ особенною яростью нападали на галломанію Ростопчинъ, Шишковъ и Глинка, выставляя вредъ французскаго воспитанія, издѣваясь надъ французскими модами и обычаями, доказывая нравственное и умственное превосходство русскаго народа надъ европейцами во всѣхъ отношеніяхъ. преклоняясь предъ нимъ, какъ передъ «избранникомъ Божіимъ и сосудомъ его благодати», приравнивая мнѣнія боярина Матвѣева къ философіи Локка, а Кормчую къ Солону, Шатобріану и Монтескье. До какихъ нелѣпостей доходилъ, напр., Шишковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго его письма, писаннаго въ 1813 г. «Вы знаете, какъ господа «Вѣстники» и «Меркуріи» противъ меня, возставали... Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество. Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда я долженъ былъ поневолѣ воздерживаться, но теперь *я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы* и громко имъ сказалъ: *вотъ чего вы хотѣли!*» Такимъ образомъ, журналисты, издѣвавшіеся надъ невѣжественнымъ филологическомъ патріотизмомъ Шишкова, желавшаго сдѣлать литературнымъ и разговорнымъ языкомъ испорченное имъ церковнославянское нарѣчіе,—хотѣли сожженія Москвы!.. Этимъ патріотическимъ умонастроеніемъ пользовались для борьбы противъ всѣхъ реформъ и нововведеній. Такъ, напр., Трощинскій, разсматривавшій проектъ гражданскаго уложенія Сперанскаго и найдя сходство его съ кодексомъ Наполеона, видитъ въ этомъ величайшую опасность для Россіи, опасность «гибельныхъ переворотовъ французскаго королевства!..» «Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами *отъ ужасной революціонной пропаганды!* Какъ можетъ ревнительный россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ *безбожнѣйшаго властелина!* Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и самомъ алтарѣ, совершились, какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!» Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ эта галлофобія была совершенно искреннею, но зато у нѣкоторыхъ представителей ея она имѣла въ себѣ много напускного лицемѣрія. Ростопчинъ, напр., столь извѣстный у насъ за самаго русскаго, по замѣчанію Морошкина, «будучи ярымъ ненавистникомъ всего французскаго, въ то же время поощрялъ худшую форму галломаніи и писалъ панегирики іезуитскому пансіону аббата Николя». (Р. Арх., 1871, 178; Пыпинъ; Морошкинъ, Іезуиты, II, 112 и др.). Даже въ патріотическихъ движеніяхъ 1812 года мы встрѣчаемъ множество самыхъ возмутительныхъ явленій, прикрывавшихся массою патріотизма. Въ то самое время, напр., какъ Россія была, повидимому, на краю гибели, русскіе разоряли и грабили Москву наравнѣ съ французами. (Р. Арх., 1866, 554, 701, 705; 1869 г., 1434 и др.), а пензенскіе дворяне, командовавшіе земскимъ ополченіемъ, тратили на себя его деньги и довели ополченцевъ своими злоупотребленіями до открытаго бунта. (Вигель; Ром.-Славатинскій, 208). Народъ, спасая Россію, думалъ, что въ награду за это спасеніе онъ получитъ свободу отъ крѣпостного ига; но величіе его подвига ни на волосъ не измѣнило его судьбы... «Дворянство»—говоритъ его историкъ — «исчисляло капли своей крови, проливаемой за отечество, записывало приношенія свои отечеству. Но кто исчислялъ цѣлые потоки крови, проливаемой народомъ, кто записывалъ тѣ лепты вдовицы, которыя народъ приносилъ отечеству? Дворянство жертвовало своими крестьянами, крестьяне своею жизнью. Дворянство, для увѣковѣчія услугъ, принесенныхъ въ отечественную войну, украшено бронзовою на владимірской лентѣ медалью, «крѣпости духа его сообразною» (П. С. З., № 25, 671), ратники изъ крѣпостныхъ крестьянъ, за свою желѣзную стойкость противъ врага, возвращались въ первобытное крѣпостное состояніе, выгонялись на барщину съ крестомъ на шапкѣ». (Р.-Славатинскій, 206). Мало этого,—патріотическимъ умонастроеніемъ народа и общества, ненавистью къ французамъ постарались, какъ увидимъ ниже воспользоваться для сохраненія крѣпостного рабства и для подавленія того патріотизма, который, возставая на внѣшнихъ враговъ, съ неменьшею силою вооружался противъ многочисленныхъ внутреннихъ золъ, ревностно охраняемыхъ лжепатріотами извѣстнаго сорта...

*) Мистицизмъ и суевѣріе овладѣвали тогда умами даже государственныхъ людей. Адмиралъ Шишковъ, напр., увидѣлъ однажды два облака, «изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака, другое похоже было на дракона. Они сближались одно съ другимъ» и, наконецъ, драконъ исчезъ; «казалось, ракъ побѣдилъ дракона. Долго размышлялъ я, кто въ эту войну будетъ ракъ и кто драконъ? напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что *ракъ* означалъ *Россію*, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы *р*, и эта мысль утѣшала меня». (Краткія записки Шишкова, 33).

IV.

Изъ предыдущей главы мы видѣли, какова была умственная атмосфера, въ которой прогрессивнымъ дѣятелямъ предстояло выдержать натискъ консервативной партіи. Мы остановимся на двухъ представителяхъ задерживающаго направленія, на Карамзинѣ и Каразинѣ.

Во время своей либеральной молодости Карамзинъ не имѣлъ никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, какъ это довольно обстоятельно доказываетъ г. Пыпинъ въ своей книгѣ; его либерализмъ ограничивался фразой и даже въ это время «великій» исторіографъ былъ пламеннымъ адвокатомъ крѣпостничества. Деистъ, космополитъ, поклонникъ европейской цивилизаціи, «республиканецъ по чувствамъ», глава литературной партіи, боровшейся съ славянофильской лигою Шишкова, Карамзинъ бросилъ всѣ эти завиральныя идеи, когда увидѣлъ, что играть ими не безопасно, какъ для себя, такъ и для тѣхъ традицій, на защиту которыхъ влекли его и личные расчеты, и сословныя тенденціи. Нравственная личность этого человѣка далеко не такъ привлекательна, какъ ее до сихъ поръ рисуютъ его поклонники. Стоитъ только прочесть его переписку, и вы увидите, какъ этотъ слезоточивый авторъ «Бѣдной Лизы» съ грубымъ равнодушіемъ торгуетъ и мѣняется своими крѣпостными людьми, вы увидите, сколько угодливости и искательности въ этомъ человѣкѣ, который говорилъ: «я презираю современныхъ либераловъ; я люблю только ту свободу, которой не можетъ отнять у меня никакой тиранъ». Стараясь поставить себя выше всѣхъ партій, Карамзинъ былъ оракуломъ самой отсталой партіи; уличая другихъ въ неискренности, онъ былъ гораздо менѣе искреннимъ, чѣмъ его противники, уже по одному тому, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ его консервативной пропаганды было охраненіе крѣпостного права. «Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты!—восклицаетъ онъ,—чего вы хотите? Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью?.. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ, демократы, либералисты хотятъ новаго *безпорядка*, ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ». Послѣ этого оставалось думать, что только защитники крѣпостного права совершенно безкорыстны и искренни, и не имѣютъ въ виду никакихъ личныхъ выгодъ!..

Чего желала, что думала и къ чему стремилась консервативная масса, обо всемъ этомъ можетъ дать понятіе «Записка о старой и новой Россіи», которая была въ 1811 г. представлена Карамзинымъ императору и которую панегиристы исторіографа до сихъ поръ считаютъ «важнѣйшимъ государственнымъ сочиненіемъ». Въ этой Запискѣ прежде всего поражаетъ васъ недостатокъ той правдивости и искренности, за который Карамзинъ упрекалъ всѣхъ своихъ противниковъ. Для доказательства своей мысли «великій» исторіографъ не останавливается ни передъ чѣмъ. Онъ говоритъ, напр., что «въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже *не менѣе нынѣшней*»; что въ половинѣ XI столѣтія она была «не только обширнымъ, но *и самымъ образованнымъ государствомъ*»; что народъ былъ вполнѣ доволенъ московскими порядками; что «библіотеки царская и митрополитская могли быть предметомъ зависти для иныхъ европейцевъ», и т. д. Вооружаясь противъ намѣренія составить гражданскій кодексъ, Карамзинъ заранѣе портовывается окончательно и утверждаетъ, что «*гражданскихъ правъ не было и нѣтъ въ Россіи*. У насъ только *политическія* или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права, общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ». Подобныя нелѣпости и вопіющія противорѣчія, въ которыхъ постоянно путается Карамзинъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, умный и образованный, можно «объяснить только однимъ движеніемъ раздраженной страсти», какъ выражается баронъ Корфъ,—страсти, въ припадкѣ которой была составлена Записка.

Цѣлью Записки было доказать, что все величіе, вся судьба Россіи зависитъ отъ развитія и силы самодержавія, что, поэтому, всѣ реформы въ европейскомъ духѣ приносятъ Россіи вредъ и что для полнаго ея благоденствія ей необходимы только «патріархальная власть» да «добродѣтель». Читатель, конечно, понимаетъ, какими «гражданскими добродѣтелями» восторгается Карамзинъ въ русскомъ и особенно въ древне-русскомъ народѣ... Это «добродѣтель» азіатской косности и патріотическаго тщеславія. «Имя *русскаго*—говоритъ Карамзинъ—имѣетъ ли теперь для насъ ту силу непсповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, даже въ царствованіе Михаила и сына его, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь—первое государство. Пусть назовутъ то *заблужденіемъ*, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ его! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли мы похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*; спрашиваю, кому легче покорить Россію — невѣрнымъ или братьямъ, т.-е. кому бы она, по всей вѣроятности, долженствовала болѣе противиться?» Вооружаясь противъ реформы Петра, противъ постепеннаго паденія «гражданскихъ добродѣтелей», противъ отступленія отъ древне-русскихъ идеаловъ и порядковъ, Карамзинъ вооружается противъ всѣхъ реформъ и либеральныхъ начинаній александровскаго царствованія. Въ проектахъ коренныхъ преобразованій, задуманныхъ государемъ и его сотрудниками, онъ видитъ неминуемую гибель для Россіи, которая и можетъ существовать только на московско-византійскихъ началахъ. «Оставимъ мудрствованія ученическія—восклицаетъ онъ

—и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать злоупотребленія власти: да царствуетъ добродѣтельно, да пріучаетъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? страхомъ—возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія»... Кто вѣритъ провидѣнію, да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго! Снесемъ его, какъ бурю, землетрясеніе, язву, — феномены страшные, но рѣдкіе, ибо мы въ теченіе девяти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ... Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія государей!.. Да устрашаютъ и государей для спокойствія народа!..» «Наше правленіе есть отеческое, патріархальное», и тотъ же *страхъ*, который долженъ гарантировать страну отъ злоупотребленій власти, долженъ быть и самымъ главнымъ орудіемъ власти, такъ какъ «страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ». «Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви», и пусть каждый начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ. «Не должно позволять, чтобы кто-нибудь въ Россіи *смѣлъ торжественно представлять лицо недовольнаго*... Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью; скажите имъ слово на ухо, они лежатъ у ногъ вашихъ!..» Главная задача власти «искать людей» на мѣста министровъ и особенно губернаторовъ,—«мужей, знаменитыхъ разумомъ и честію». Стоитъ только найти 50 хорошихъ губернаторовъ да облечь ихъ такимъ же полновластіемъ, какимъ пользовались екатерининскіе намѣстники, и все пойдетъ отлично, злоупотребленія искоренятся, промышленность зацвѣтетъ и т. д. Кромѣ губернаторовъ надо еще хорошихъ священниковъ; «безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ». Во главѣ управленія должно стоять дворянство, которое представляетъ собою «не отдѣлъ монаршей власти, но главное необходимое орудіе, двигающее составъ государственный». «Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ». Духовенству также нужно предоставить побольше значенія и допустить синодъ вмѣстѣ съ сенатомъ для выслушиванья новыхъ законовъ, для принятія ихъ въ свое хранилище и обнародованія, «*разумѣется*, безъ всякаго противорѣчія»... Итакъ, «дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей,—вотъ основаніе россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ». Все управленіе должно носить семейный, патріархальный характеръ, поэтому гласность и контроль общественнаго мнѣнія никоимъ образомъ не допускаются. Даже недостойныхъ чиновниковъ слѣдуетъ удалять «*безъ шума, тихо и скромно*. Худой министръ есть ошибка государева; должно исправлять подобныя ошибки, но *скрытно*, чтобы народъ имѣлъ довѣренность».

Нападая на александровскія реформы съ раздраженіемъ и рѣзкостью, Карамзинъ унижался до самыхъ жалкихъ выходокъ и бросалъ грязью въ самыя свѣтлыя дѣла. Такъ, напр., назвавъ составленный Сперанскимъ проектъ уложенія переводомъ наполеоновскаго кодекса, онъ намекаетъ на то, что это—предуготовительная мѣра для подчиненія Россіи «желѣзному скипетру сего завоевателя» и что Сперанскій—якобинецъ. «Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами!..» Не даромъ одинъ изъ новѣйшихъ панегиристовъ Карамзина выражаетъ мысль, что, «можетъ быть, и ссылка Сперанскаго, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ «Запискою.» Но если это предположеніе и несправедливо, то все-таки на памяти Карамзина навсегда осталось два не менѣе черныхъ пятна—его нападки на заботы и мѣры тогдашняго правительства относительно народнаго образованія и его защита крѣпостного права. Упрекая правительство за трату «милліоновъ для образованія университетовъ, гимназій и школъ», Карамзинъ говоритъ, что отъ этой траты «видимъ болѣе убытковъ для казны, нежели пользы для отечества». Онъ даже доказываетъ, что высшее образованіе намъ вовсе не ко двору, что «у насъ нѣтъ охотниковъ до высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли; наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ, наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ». Нагородивъ подобной ерунды, Карамзинъ проектируетъ образованіе «ученаго состоянія» посредствомъ увеличенія штата казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ изъ людей бѣдныхъ, подобно тому, какъ еще въ «Вѣстникѣ Европы» онъ совѣтовалъ приготовлять воспитателей юношества и ученыхъ изъ «мѣщанскихъ дѣтей», такъ какъ у дворянъ есть болѣе почетная профессія, — «дворяне служатъ». «Строить же и покупать дома для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ—значитъ пускать пыль въ глаза». И это говорилъ человѣкъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разливался цѣлыми потоками сладенькихъ фразъ въ честь свободы, разума и образованности!.. Не менѣе жалка и защита его крѣпостного права, начало котораго онъ относитъ къ IX вѣку, утверждая, что крестьяне никогда не владѣли землею, которая есть неотъемлемая собственность дворянства, что уничтоженіе крѣпостного права было бы вопіющею несправедливостью, что «*для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ*

не во время свободу», которая даже и самимъ-то крестьянамъ принесетъ одинъ вредъ *). Онъ отстаивалъ даже продажу и покупку рекрутъ, эту торговлю людьми, принимавшую часто характеръ самаго неблаговиднаго промысла, отстаивалъ потому, что этотъ промыселъ выгоденъ небогатымъ владѣльцамъ, которые иначе «лишились бы средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества». Въ заключеніе Карамзинъ говоритъ «доброму монарху»: «государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (*положимъ*, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ указовъ!»

Мнѣнія Карамзина были только отголоскомъ мнѣній ретроградной массы. Но высказываемыя и развиваемыя такимъ авторитетомъ, они получали гораздо болѣе силы и значенія, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они выходили изъ головы какого-нибудь полудикаго степного помѣщика, хотя послѣдній относительно этого вопроса въ сущности стоялъ нисколько не ниже «великаго историіографа», проповѣдывавшаго полную пассивность политической мысли, доказывавшаго, что «*всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло*», защищавшаго систему владычества посредствомъ страха. И хотя записка Карамзина была вовсе неизвѣстна публикѣ, но она имѣла сильное вліяніе на государя, а изложенныя въ ней мысли Карамзинъ проводилъ въ общество посредствомъ устной и печатной пропаганды, встрѣчая полное сочувствіе со стороны всѣхъ защитниковъ старой системы рабства и застоя, со стороны всѣхъ людей, видѣвшихъ въ крѣпостной зависимости и въ общественной неподвижности «священныя основы» государства.

Другимъ типическимъ представителемъ консервативныхъ элементовъ того времени является Карамзинъ, о которомъ въ послѣднее время издано не мало очень интересныхъ матеріаловъ **), и котораго Воейковъ въ своемъ «Сумасшедшемъ Домѣ» аттестовалъ такъ—

Вотъ въ передней рабъ—писатель,
Карамзинъ—хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель...
Взглянемъ, что маракетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Лесть и брань властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акаеистъ всѣмъ святымъ ***).

При вступленіи на престолъ Александра, Карамзинъ, помѣщикъ харьковской губерніи, подалъ ему записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Александръ полюбилъ его, и три съ половиною года награждалъ его особенною милостью и довѣріемъ, пользуясь его совѣтами и употребляя его на нѣкоторыя секретныя порученія. Даже послѣ того, какъ государь отдалилъ его отъ себя, Карамзинъ не переставалъ имѣть вліяніе, писалъ Александру письма, составлялъ проекты, сочинилъ «Альфу и Омегу», родъ политическаго катехизиса для русскаго царя, подавалъ свои мнѣнія министрамъ, губернаторамъ и дворянскимъ собраніямъ, и покушался было продолжать эту роль всеобщаго совѣтника даже въ царствованіе Николая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ простой помѣщикъ стоялъ выше «великаго историіографа». Высказывалъ ли когда-нибудь послѣдній такія мысли, говорилъ ли онъ хотя когда-нибудь такимъ языкомъ, какъ Карамзинъ въ первомъ своемъ письмѣ къ Александру! «Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ (государь) изобрѣтать для умноженія мнимыхъ доходовъ, но приметъ мѣры къ уменьшенію издержекъ... Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи: уменьшитъ дворъ свой; изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ... Онъ ограничитъ суетную любоздательность: сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не художества онъ призоветъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ, но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ... Самыя художества не будетъ онъ покровительствовать, съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестью, но дѣйствительно ободритъ ихъ, умноживъ общее благосостояніе и разрѣшивъ узы ума и талантовъ». И хотя всѣ эти мысли крайне наивны, хотя въ головѣ у Карамзина подобные принципы совершенно перепутывались съ другими, противоположными, и весь этотъ сумбуръ, такъ ѣдко охарактеризованный Воейковымъ, имѣлъ чисто реакціонный характеръ, но этотъ забавный доморощенный политикъ былъ все-таки выше Карамзина. Въ то время, какъ послѣдній вооружался противъ «убыточныхъ» заботъ о народномъ образованіи, Карамзинъ самъ дѣятельно работалъ надъ тѣмъ, что такъ не нравилось «великому историіографу». Онъ участвовалъ въ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія, въ пересмотрѣ уставовъ академій и университетовъ, въ основаніи харьковскаго университета на деньги, пожертвованныя по его настоянію мѣстнымъ дворянствомъ и купечествомъ и т. д. Отъ литературы и ученыхъ обществъ Карамзинъ требовалъ, чтобы они пропагандировали полезныя знанія и дѣйствовали на развитіе общественнаго мнѣнія, а не ограничивались тѣмъ, чтобы «преподавать шарады на *горахъ*, соблазнительныя элегіи и стишки въ аль-

*) Панегиристы «великаго историіографа» до настоящаго времени не перестаютъ защищать даже крѣпостническія измышленія его. Вотъ что четыре года назадъ писалъ Погодинъ: «Многія замѣчанія Карамзина остаются вѣрными и требуютъ до сихъ поръ вниманія: освобожденные и надѣленные землею крестьяне *не могутъ быть предоставлены себѣ*, особенно при неограниченномъ распространеніи кабаковъ и имѣютъ *нужду въ ближайшемъ надзорѣ и руководствѣ*» (т.-е. въ надзорѣ и руководствѣ помѣщиковъ).

**) См. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1861 г. кн. III, отд. V, стр. 98—210; Русск. Старина, 1870 г., т. II, с 307—313; 532—566; 1871 г., т. I, с. 16—38; 326—366; II, 68 и др.

***) Во многихъ спискахъ Воейковскаго «Сумасшедшаго Дома» вмѣсто *Каразинъ* ошибочно поставлено *Карамзинъ*.

бомы, преподавать, не стыдясь называться *соревнователями просвѣщенія*!» Каразинъ хотѣлъ, чтобы правительство устремило всѣ свои усилія на распространеніе народнаго образованія и воспитанія народа въ духѣ той политической системы, которую онъ отстаивалъ. «Христіанская монархическая система не должна быть тайною для кого бы то ни было, не исключая послѣдней черни, но она должна быть велегласно проповѣдуема на улицахъ, на площадяхъ, въ церквахъ, на всѣхъ народныхъ сборищахъ». Онъ предлагалъ составить и распространять въ народѣ политическій катехизисъ, составленный изъ правилъ въ родѣ слѣдующихъ: «На свѣтѣ невозможно всѣмъ быть равнымъ... Гдѣ двое должны жить вмѣстѣ, то уже надобно, чтобы одинъ изъ нихъ былъ старшій, а безъ того добру не бывать!.. Вотъ одинъ сумасшедшій народъ вздумалъ было погубить и царя, и вельможъ, и помѣщиковъ, своихъ благодѣтелей. Что же вышло? Онъ отступился отъ Бога, пролилъ море крови» и т. д. Подобно Рычкову, Мартынову и другимъ крѣпостникамъ, Каразинъ доказывалъ необходимость образованія даже помѣщичьихъ крестьянъ, но не ради ихъ умственнаго развитія, а, напротивъ, для воспитанія въ нихъ чувствъ пассивности и рабской зависимости *). Образованіе собственныхъ своихъ крестьянъ Каразинъ устроилъ такъ. «Предметы обученія совершенно усвоены ограниченному кругу зрѣнія земледѣльца, даже преподаются они такимъ образомъ, *что, представляя назначеніе учениковъ* (т.-е. крѣпостную неволю) *самымъ благословеннымъ и уваженія достойнымъ, они не производятъ въ ихъ сердцахъ другихъ желаній*». Мысли Каразина о характерѣ и воспитательномъ значеніи народнаго образованія скоро получили самое широкое примѣненіе въ жизни...

Каразинъ рекомендовалъ правительству воспользоваться образованіемъ народа для борьбы съ духомъ времени, съ тѣмъ разрушительнымъ духомъ невѣрія и революціонныхъ происковъ, который, по его словамъ, потрясалъ всѣ основы русскаго государства. «Великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ»,— писалъ онъ государю въ 1820 г.—Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, «*и день онъ яко тать пріидетъ*!» Конечно, годъ, два, можетъ быть и болѣе еще протянется. Но для того-то я теперь и пишу, для того-то и отваживаю всего себя. Моя участь должна быть—или ссылка за Байкалъ, пока еще ссылать можно, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать уже не стану!» *) Для того, чтобы правительство могло всегда знать «систематическимъ образомъ подлинное внутреннее положеніе государства» и держать въ своихъ рукахъ нити общественныхъ движеній, Каразинъ предлагалъ учрежденіе *статистическаго департамента*». Да не подумаетъ читатель, что онъ заботился о статистикѣ, нѣтъ, онъ хотѣлъ только «*подъ предлогомъ статистическихъ обозрѣній* открыть тысячи обстоятельствъ, происшествій и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству **). Но для предотвращенія бѣды, такой «статистики» недостаточно. «Насъ спасти можетъ единственно немедленное употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства», «приближеніе къ нему государя, окруженіе себя болѣе и болѣе природными россіянами, имѣющими большую недвижимую собственность, и отцами семействъ, составленіе постоянной системы, совершенно согласной съ нравственностью и монархическими началами». Въ сущности Каразинъ хотѣлъ такого же преобладанія дворянства, какъ и Карамзинъ, и вмѣсто контроля общественныхъ учрежденій, подобно исторіографу, также предлагалъ контроль «государственнаго мнѣнія», представляемаго нѣсколькими дворянами изъ каждой губерніи. Въ столицѣ нужно «учредить средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, *ни въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами*. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема на каждомъ его шагѣ образомъ приличнымъ *и мало извѣстнымъ народу*». Хорошо «общественное мнѣніе!...» Каразинъ доказываетъ, что въ этихъ его мнѣніяхъ нѣтъ ничего конституціоннаго. «Всякое понятіе о репрезентаціи, восходящей отъ народа, совершенно противно духу религіи, которая громко гласитъ: «нѣсть власть, аще не отъ Бога»... Политическія начала наши основываются не на парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей,—на библіи. Цари наши не суть репрезентанты народа (мечтаніе нелѣпое!), но репрезентанты того, который «владѣетъ царствами и ему же хощетъ даетъ». Въ нашей системѣ каждый

*) Пнинъ въ 1804 г. писалъ, что для каждаго сословія должна быть особая программа образованія, а «земледѣльцевъ довлѣетъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механики, скотоводству, обработкѣ полей». Мартыновъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» тоже доказывалъ, что крестьянину слѣдуетъ давать одни только необходимыя практическія свѣдѣнія,— какъ, напр., поправить соху и т. п.; «не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Науки, свободныя художества и всѣ наставленія, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ не приличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ!» (Цятковскій, Журнал. при Алекс. I, «Дѣло», 1868 г.).

*) «Очень знаю и чувствую», — замѣчаетъ при этомъ подъ чертой Каразинъ,—«что сіе мѣсто можно обратить на смѣхъ... Но должно смотрѣть на чувства тому, кто ихъ имѣетъ!..»

**) При этомъ Каразинъ старался, чтобы государь «удостоилъ его *скромнаго* (!!) мѣста директора сего департамента». «Гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени *доносчика*», онъ въ то же время указывалъ на Каподистрія, какъ на «агента чужестранныхъ тайныхъ обществъ», а въ запискѣ «объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи» обращалъ вниманіе «на небывалое у насъ республиканское оныхъ направленіе. (Р. Ст., II, 535, 547).

ленъ великой лѣстницы существъ представляетъ для подчиненныхъ себѣ то первообразное лицо, которое его на чреду поставило... Государь,—сіе средоточіе подчиненности и порядка, приводящее собою постепенно все въ движеніе, озаряющее все,—есть уже послѣдній видимый предметъ всеобщаго почитанія; но гіерархическая нить, скрываясь отъ бренныхъ нашихъ очей, идетъ далѣе; она оканчивается тамъ, у престола Монарха міровъ».

Монархическій принципъ, по мнѣнію Каразина, долженъ проникать собою всю общественную жизнь. Онъ удивляется, что есть «люди, которые, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, отвергаютъ оную въ малыхъ, изъ которыхъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя!... Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія. Помѣщики для благосостоянія селеній столько же нужны, *сколько монархи для подданныхъ вообще*». Придерживаясь идеи стариннаго служебнаго значенія помѣщика, Каразинъ доказываетъ, что онъ «есть природный покровитель крестьянъ, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, словомъ, онъ есть ихъ *генералъ-губернаторъ* въ маломъ видѣ». Эта мысль о необходимости помѣщиковъ для управленія народомъ принадлежитъ не Каразину, а всѣмъ тогдашнимъ сторонникамъ крѣпостной зависимости. Павелъ I, какъ извѣстно, хотѣлъ отдать всѣхъ крестьянъ помѣщикамъ, считая послѣднихъ «лучшими полицеймейстерами въ государствѣ». Безъ этихъ «генералъ-губернаторовъ», по мнѣнію Каразина, «простолюдинъ едва можетъ и въ самыхъ счастливыхъ климатахъ пріобрѣсти самое необходимое для своего существованія и для удовлетворенія государственнымъ повинностямъ». Разглагольствуя о невозможности и неразумности освобожденія крестьянъ, объ его несправедливости и опасности для государственнаго порядка, стараясь запугать друзей освобожденія, Каразинъ, подобно всѣмъ крѣпостникамъ, доказывалъ, что мнѣнія о жестокости и тиранніи рабовладѣльцевъ есть не что иное, какъ вымыслы неблагонамѣренныхъ людей. Нападая въ своей запискѣ о Польшѣ на «страшный произволъ пановъ» и требуя его прекращенія, т.-е. отмѣны рабства польскихъ крестьянъ, Каразинъ говоритъ, что у насъ подобнаго произвола вовсе нѣтъ. Кромѣ рѣдкихъ случаевъ, подвергаемыхъ уголовнымъ наказаніямъ, никогда не было и не могло быть ничего подобнаго въ отношеніяхъ (русскихъ) помѣщиковъ къ крестьянамъ: и барщина, и оброкъ полагаются закономъ, какъ вознагражденіе за пользованіе землею, принадлежащею помѣщикамъ. Слова *батюшка и братецъ* обычные съ поконъ вѣка зовы съ той и другой стороны и т. д. Относительно того псевдопатріотизма, на который такъ падки всѣ реакціонеры, Каразинъ такъ же яръ, какъ и великій «исторіографъ». «Имперія (твоя)»—пишетъ онъ царю—«не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ! Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единаго языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами». Главное достоинство ея заключается въ томъ, что она можетъ жить «совершенно независимо», совершенно изолировано отъ другихъ странъ; «она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ океаномъ или странами, столько же неприступными, какъ и онъ». Она населена народомъ, который нравственно «менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденъ». Эта обѣтованная земля, въ которую «придутъ нѣкогда искать у насъ отечества» люди гніющаго запада!... Понятно, что такая первостепенная страна, населенная такимъ избраннымъ народомъ, не нуждается въ политическихъ урокахъ Европы. Все въ ней должно быть самородно и самобытно, и счастіе ея несомнѣнно, если только добродѣтельные подданные будутъ управляться добродѣтельными, патріархальными представителями власти, отцами-помѣщиками, отцами-полицеймейстерами и т. д...

Карамзинъ и Каразинъ были не столько самостоятельными оригинальными дѣятелями, сколько органами ретроградной массы, такими же представителями ея, какъ Аракчеевы, Ростопчины, Шишковы и т. д. Мы уже указывали выше на тѣ мотивы, которые руководили этою массою въ ея противодѣйствіяхъ прогрессивнымъ дѣйствіямъ. Прибавимъ къ этому, что главнѣйшимъ изъ упомянутыхъ мотивовъ реакціи, какъ и въ предыдущія эпохи исторіи, оставалось желаніе сохранить крѣпостное право, паденіе котораго было неизбѣжнымъ при тѣхъ реформахъ, которыя были совершены или задуманы Александромъ и его сотрудниками. Многіе ретрограды и консерваторы примирились бы съ реформаторами или прогрессистами, если бы они видѣли, что и при реформахъ крестьяне останутся въ такой же зависимости, а помѣщики въ такой же силѣ, какъ и прежде. Но такое предположеніе было бы нелѣпостью; равнымъ образомъ нелѣпо было бы предполагать, что масса общества отнесется сочувственно къ преобразованіямъ и прогрессивнымъ идеямъ. Борьба двухъ направленій, двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, изъ которыхъ послѣдній существовалъ еще только въ головахъ передовыхъ людей, а первый имѣлъ уже многовѣковую исторію,—борьба была неизбѣжна. И она началась, постепенно усиливаясь, по мѣрѣ того, какъ обстоятельства придавали все болѣе и болѣе силы реакціонерамъ.

Главнымъ орудіемъ въ рукахъ ретроградовъ была обычная система запугиванья. Идея о крестьянской свободѣ, проекты Сперанскаго, распространеніе масонства и мистическихъ сектъ, якобинцы и вольтерьянцы, поляки и французская революція—все

это сводилось къ одному, къ фантастической всемірно-революціонной интригѣ, охватившей будто бы уже и Россію. Карамзинъ, Каразинъ, Ростопчинъ, Шишковъ, гр. де-Местръ, бывшій сардинскимъ посланникомъ въ Петербургѣ—всѣ били тревогу и кричали, что Россія въ опасности отъ коварныхъ замысловъ внутреннихъ враговъ, къ которымъ они причисляли всѣхъ, кто имъ не нравился. Въ первую половину этой эпохи ретрограды еще дѣйствовали осторожно; интриги ихъ были не въ силахъ подорвать дѣло реформы, хотя и въ это время ихъ реакціонныя стремленія сильно тормозили работу преобразователей, робѣвшихъ передъ ихъ массою. Жертвою ихъ угрозъ палъ Радищевъ. Возвращенный Александромъ изъ ссылки и работавшій въ комиссіи законовъ, Радищевъ представилъ дѣльную программу преобразованій, въ которой требовалось: 1) равенство всѣхъ передъ закономъ и отмѣна тѣлеснаго наказанія; 2) уничтоженіе табели о рангахъ; 3) отмѣна пристрастныхъ допросовъ и введеніе гласнаго суда съ присяжными; 4) полная вѣротерпимость и свобода совѣсти; 5) свобода прессы; 6) освобожденіе крестьянъ и 7) замѣна подушной подати поземельною. Радищеву намекнули о вторичномъ путешествіи въ Сибирь, изъ которой онъ только что вернулся. Испуганный Радищевъ отравился...

У ретроградовъ были связаны руки, пока дѣйствовалъ Сперанскій. Одиночное положеніе этого человѣка на верху государственной лѣстницы и рядомъ съ представителемъ враждебной ему партіи, съ Аракчеевымъ, не обѣщало для него ничего хорошаго. Сперанскій и Аракчеевъ—это два противоположные полюса. «Одинъ съ обширнымъ образованіемъ, съ умомъ, на лету схватывающимъ идеи и слова Александра и излагающимъ ихъ въ прекрасной формѣ на бумагѣ, съ манерами вкрадчивыми, льстивыми безъ униженія, съ побужденіями возвышенными, со страстями благородными, скитающійся въ отчаяніи въ лѣсу по смерти своей нѣжной и милой Элизы. Другой—нрава крутого, сердца жестокаго, неумолимаго, любовникъ чудовищной Настасьи, который по смерти ея тоже приходитъ въ отчаяніе, но выражаетъ его иначе—истязаніями бѣдныхъ крестьянъ Грузина, мало образованный, не умѣющій написать дневного приказа безъ грамматическихъ ошибокъ; самая наружность его скорѣе могла отталкивать, чѣмъ привязывать къ себѣ. Одинъ въ пылкомъ воображеніи своемъ хотѣлъ создать для Россіи храмъ славы, въ который бы могъ внести свое, окруженное блескомъ имя; другой строилъ для нея казарму и ставилъ у дверей фельдфебеля, чтобы легче было наблюдать за нею». (Ковалевскій, 152). У Аракчеева была сильная партія, сильная поддержка; Сперанскій же былъ одинъ и разсчитывалъ только на расположеніе и довѣріе государя. Но изучившій послѣдняго съ дѣтства, Аракчеевъ оказался сильнѣе Сперанскаго даже и въ этомъ отношеніи и своими хитростями пріобрѣлъ безграничное довѣріе государя добродушнаго, но становившагося все болѣе и болѣе подозрительнымъ въ виду тѣхъ призраковъ, которые показывались волшебнымъ фонаремъ европейской и русской реакціи. Всѣ ретроградныя силы были противъ Сперанскаго; его ненавидѣли за расположеніе къ нему Александра, за его реформы, за мысль объ освобожденіи крестьянъ, за дозволеніе къ печати книги Стройновскаго объ отмѣнѣ крѣпостного права, за законъ о чинахъ, за то презрѣніе, какое онъ питалъ къ окружающей его толпѣ, и т. д. Долго велась интрига противъ Сперанскаго. Въ обществѣ и въ правительственной сферѣ, въ частныхъ бесѣдахъ, въ памфлетахъ, въ нашептываніяхъ кому слѣдуетъ его обвиняли въ преднамѣренномъ разстройствѣ финансовъ и всего государственнаго управленія, въ намѣреніи совершить государственный переворотъ, въ измѣнѣ отечеству, въ преступномъ пристрастіи къ Франціи, въ замыслѣ предать Россію Наполеону и т. д. Каждый шагъ его возбуждалъ подозрѣніе. Сперанскій любилъ тереться между народомъ для наблюденія его нравовъ, заходилъ иногда и въ трактиры, и въ кабаки. Явное дѣло, что онъ хочетъ бунтовать народъ!.. Сперанскій вымѣниваетъ ассигнаціи на золото и серебро для приданаго своей дочери, изъ опасенія, что ассигнаціи могутъ упасть въ цѣнѣ. Онъ, очевидно, хочетъ бѣжать за границу!.. Когда насталъ канунъ двѣнадцатаго года, когда умы дошли до высшей степени болѣзненной возбужденности, когда ненависть ко всему французскому обуяла общество и подозрительная боязливость вражескихъ замысловъ ежедневно создавала новые и новые страхи,—клевета и инсинуаціи противъ Сперанскаго получили силу и увлекли Александра. Какую ненависть возбуждалъ къ себѣ этотъ реформаторъ и какъ вѣрили въ справедливость сыпавшихся на него обвиненій, можно видѣть по слѣдующему отрывку изъ дневника Булгакова. «1812 г., марта 22.—Открытъ въ Петербургѣ заговоръ, состоявшій въ томъ, чтобы предать Россію французамъ. Бездѣльникъ Сперанскій и Магницкій арестованы... Какъ не сдѣлать примѣрнаго наказанія,—Сперанскаго не повѣсить! О, извергъ! чудовище! неблагодарная, подлая тварь! Ты не былъ достоинъ званія россійскаго дворянина! Оттого-то ты и гналъ ихъ!» Далѣе Булгаковъ перечисляетъ дѣйствія «разрушительнаго генія Сперанскаго», несомнѣнно доказывающія его измѣну. «1) Онъ открылъ государственную тайну, объявилъ манифестомъ 650,000,000 ассигнацій. 2) Составилъ (государственный) совѣтъ изъ сорока человѣкъ: вещь безразсудная и не имѣющая примѣра. 3) Позволилъ напечатаніе Стройновскаго сочиненія. 4) Преградилъ дворянству путь къ чинамъ асессора и статскаго совѣтника и проч., и проч.» (Р. Арх., 1867, стр. 1367). Только вмѣшательство извѣстнаго друга Александра, дерптскаго профессора Паррота, спасло Сперанскаго отъ смертной казни, на которую хотѣлъ осудить его государь въ сильномъ порывѣ перваго негодованія. (Богдановичъ, III, 193). Даже въ народной массѣ успѣли возбудить такую сильную ненависть къ этому «измѣннику», что когда Сперанскій съ мѣста своей ссылки, изъ Нижняго-Новгорода, поѣхалъ взглянуть на макарьевскую ярмарку, то здѣсь, въ го-

стиномъ дворѣ едва не былъ убитъ разъяреннымъ народомъ. Французскіе плѣнные не принимали милостыни отъ этого «измѣнника», а крестьяне на родинѣ Сперанскаго хотѣли разметать домъ его зятя. (Р. А., 1871, 1191). Подъ предлогомъ удаленія его отъ шедшаго въ Россію Наполеона, его перевели въ Пермь. «Вѣсть о неожиданной отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго—говоритъ одинъ современникъ—громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость». (Воспом. Вигеля, IV, 21, 22). «Русскіе ретрограды и иностранные іезуиты, въ родѣ де-Местра, участвовавшіе вмѣстѣ съ первыми въ низверженіи Сперанскаго, торжествовали и занимали мѣста, до которыхъ прежде не допускало ихъ вліяніе реформатора». (Морошкинъ, II, 505—507). Сдѣлавъ Сперанскаго «измѣнникомъ», начали преслѣдовать почему-нибудь непріятныхъ лицъ, строча на нихъ доносы въ родѣ слѣдующаго: «будучи въ тѣсной связи съ предателемъ Сперанскимъ, можетъ имѣть онъ и тайныя сношенія съ Наполеономъ», и т. д. (Вигель, IV, 85).

Паденіе Сперанскаго развязало руки врагамъ прогрессивной общественной мысли. Нашествіе французовъ, военныя неудачи, взятіе и пожаръ Москвы,—все это развило самую болѣзненную подозрительность въ народѣ, которою піонеры реакціи не замедлили воспользоваться. Всѣхъ подозрѣвали въ измѣнѣ. Въ Москвѣ—въ этомъ всегдашнемъ центрѣ политическихъ сплетенъ и ретроградныхъ интригъ— «доходили даже до того, что крѣпостники видѣли въ войнѣ 1812 г. ловушку для себя, думая, что самъ Александръ заключилъ съ Наполеономъ договоръ, чтобы впустить его въ Россію для низложенія дворянства и освобожденія крестьянъ». (Морошкинъ, II, 503)!... Всѣ противники крѣпостного права провозглашались врагами отечества по одному уже тому, что у Наполеона дѣйствительно была мысль воспользоваться для своихъ завоевательныхъ цѣлей освобожденіемъ рабовъ. Престарѣлый Новиковъ и Ключаревъ, жившіе около Москвы, навлекли на себя подозрѣніе однимъ тѣмъ, что принимали къ себѣ французскихъ раненыхъ, а въ перехваченной корреспонденціи Новикова со знакомыми возбудило подозрѣніе то обстоятельство, что «въ сихъ письмахъ *выраженія просты чрезвычайно*, такъ что *подозрѣвать можно*, что оныя должны быть тѣми особенно толкованы, кои ключъ загадки сей имѣютъ!..» (Р. Арх., 1866, 693). Жить было не безопасно, особенно въ Москвѣ, подъ владычествомъ страшнаго Ростопчина. Юноша Верещагинъ, имѣвшій возможность читать иностранныя газеты до ихъ просмотра цензурой, перевелъ изъ нихъ прокламацію Наполеона, изданную имъ предъ вторженіемъ въ Россію, и показалъ этотъ переводъ нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей. Его арестовали. Ростопчинъ вывелъ его на крыльцо своего дома, объявилъ собравшемуся народу, что онъ измѣнникъ, велѣлъ солдатамъ рубить его саблями, а затѣмъ полуживого Верещагина бросили толпѣ, которая и добила его; трепещущій трупъ привязали за ноги къ лошадиному хвосту, и чернь съ дикимъ ревомъ поволокла его по улицамъ. Дѣло мертваго Верещагина поступило въ сенатъ, который присудилъ его къ 25 ударамъ кнута и къ вѣчной каторгѣ. (Р. Арх., 1869 г., стр. 1445; 1870 г., стр. 519; Чтенія въ О. И. и Д., 1966, IV, 245).

Страсть къ доносамъ, поиски за измѣною, нелѣпыя обвиненія въ интригѣ доходили до послѣдней крайности. Изъ Москвы доносили даже на Карамзина, что «сочиненія его исполнены вольнодумческаго и якобиническаго яда»; что «онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сійесы или въ первые консулы,—это здѣсь всѣ знаютъ». (Чтенія, 1858, II, отд. V, 186). Самый умѣренный либерализмъ былъ не безопасенъ. Даже Уваровъ въ концѣ 1813 г. писалъ Штейну, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія онъ не можетъ держаться на избранномъ имъ пути, «не жертвуя честью, мнѣніями, благосостояніемъ». «Не подумайте,—говоритъ онъ,—что въ моихъ словахъ есть какое-нибудь преувеличеніе... Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т. е. огня, который не жжетъ. Другіе,—и это большая часть,—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш... (Шиллера?) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно долго выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуешь каждую минуту скомпрометировать себя или стать органомъ всякихъ нелѣпостей». (Р. А., 1871, 130). Вскорѣ окончательно восторжествовала реакція. Вліяніе европейской реакціи, создавшей столько страховъ, выдумавшей столько заговоровъ, отразилось и на Россіи. Меттерниха убѣдилъ и безъ того уже подозрительнаго Александра, что духъ всеобщей революціи проникъ всюду и что Россіи предстоитъ отъ него опасность, одинаковая со всѣми европейскими государствами. У насъ ретрограды, подобные Фотію, распускали самые нелѣпые слухи, въ родѣ того, напр., что въ 1817 г. составлено было покушеніе на жизнь Александра I, но намѣреніе сіе отложено. *О семъ публиковано* (!!) въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» слѣдующими словами: тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножомъ, да молится: Господи, даруй сердцу моему терпѣніе! Будемъ, братья, ждать, пока Господь на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на избіеніе вааловыхъ жрецовъ». (Чтенія, 1868, I, V, 263). Въ 1818 г. случилась семеновская исторія, убѣдившая Александра въ справедливости ретроградныхъ инсинуацій. Любимый полкъ государя, семеновскій, въ которомъ и солдаты, и офицеры отличались развитостью и примѣрнымъ поведеніемъ, въ которомъ не было и рѣчи о тѣлесныхъ наказаніяхъ, офи-

церы были съ солдатами на *вы* и т. д., вдругъ, какъ будто случайно, былъ отданъ подъ команду грубому Шварцу. Онъ своими безчеловѣчными жестокостями довелъ солдатъ до того, что они потребовали смѣны его. Это было выставлено *бунтомъ*, и «взбунтовавшійся» полкъ весь былъ арестованъ. Александръ, бывшій тогда на конгрессѣ въ Троппау, подъ вліяніемъ Меттерниха, увидѣлъ причину «бунта» не въ жестокостяхъ Шварца, а въ проискахъ тайныхъ обществъ и во вліяніи ланкастерскихъ школъ, процвѣтавшихъ въ полку. (Ковалевскій, 139; Р. Старина, 1870, I, 63). Созданные реакціей страхи какъ нельзя болѣе гармонировали съ господствовавшимъ въ обществѣ мистическимъ умонастроеніемъ. То было время масонства и всевозможныхъ сектъ, время духовидцевъ и пророковъ, піэтистовъ и шарлатановъ, ханжей и фанатиковъ, время, которому платили дань многіе изъ лучшихъ людей общества, напр., Пушкинъ со своею вѣрою въ ворожбу, предчувствія, примѣты, или Сперанскій со своими мистическими бреднями. Для высшаго нравственнаго усовершенствованія Сперанскій считалъ вѣрнымъ средствомъ слѣдующій пріемъ: сѣсть въ самомъ отдаленномъ углу своей комнаты, «скрестить руки подъ грудью и устремить взоры на пупокъ»; въ этомъ положеніи человѣкъ погружается въ благочестивое самозабвеніе и видитъ какой-то «*свѣтъ Фавора*»—техническій терминъ, замѣчаетъ въ скобкахъ Сперанскій. (Р. Арх. 1870, 194). Самъ Александръ во всю свою жизнь былъ мистикомъ, онъ молился съ квакерами о наитіи духа, проводилъ цѣлые вечера со Сперанскимъ въ мистическихъ бесѣдахъ, увлекался каждымъ проявленіемъ искренняго піэтизма; въ бѣдствіяхъ 1812 года, въ неимѣніи у себя дѣтей, въ петербургскомъ наводненіи,—во всемъ видѣлъ онъ таинственную десницу, каравшую Россію за его грѣхи. Но въ немъ, какъ и въ Сперанскомъ, мистическое благочестіе чуждое всякой религіозной формальности, долго мирилось съ его политическимъ либерализмомъ; но въ концѣ концовъ мистицизмъ все-таки повредилъ Александру. Онъ довелъ его до священнаго союза, довелъ до того, что онъ увлекся г-жею Крюднеръ и началъ вѣрить Фотію. Съ Александромъ случилось то же, что и съ массою тогдашняго общества, для котораго мистицизмъ замѣнилъ собою философію и въ которомъ піэтистическая филантропія нерѣдко уживалась со стремленіями къ прогрессивной гражданской дѣятельности. Мистическимъ умонастроеніемъ общества ловко воспользовались реакціонеры и сдѣлали его своимъ орудіемъ въ борьбѣ противъ прогрессивныхъ движеній. Когда система запугиванья возымѣла дѣйствіе, когда Александръ весь отдался европейской политикѣ когда управленіе внутренними дѣлами сосредоточилось въ рукахъ Аракчеева, когда вмѣсто Строганова, Чарторижскаго, Новосильцева, Лагарпа, Каподистріи, Сперанскаго на сцену полѣзли Стурдза, Шишковъ, Фотій, Магницкій, Руничъ,—тогда самая мысль о реформахъ сдѣлалась опасною, тогда насталъ періодъ обскурантизма.

V.

Еще до паденія Сперанскаго и до псевдопатріотическихъ агитацій, сопровождавшихъ войну 1812 г., дѣло общественнаго развитія встрѣтило сильнаго врага въ томъ мистицизмѣ, который, какъ мы уже говорили, царилъ тогда надъ умами, и въ происках европейскихъ реакціонеровъ, имѣвшихъ громадное вліяніе у насъ. Въ Европѣ совершался тогда безобразный шабашъ реакціи; всѣ честные люди, всѣ друзья народа, всѣ великія идеи, пущенныя въ ходъ XVIII вѣкомъ, подвергались самымъ остервенѣлымъ гоненіямъ отъ представителей стараго порядка, возвратившихся послѣ революціоннаго погрома на свои пепелища. Клевета, инсинуація, запугиванье революціонными призраками были главными орудіями европейскихъ реакціонеровъ; тѣми же самыми орудіями они начали дѣйствовать и у насъ непосредственно и посредственно, стараясь привлечь русское правительство къ своей лигѣ. Россія, игравшая тогда первостепенную, почти диктаторскую роль, въ сущности была только служительницею меттерниховской политики. Апостолы реакціи запугивали революціей и Александра, и русское общество, встрѣчая полное сочувствіе въ средѣ нашего барства, желавшаго во что бы то ни стало задушить всѣ невыгодныя для него либеральныя идеи и реформаторскія начинанія. Какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи іезуиты разнаго рода, и духовные, и свѣтскіе, были авангардомъ реакціоннаго легіона. Утвердившись въ Россіи при Екатеринѣ и Павлѣ, въ царствованіе Александра орденъ Іисуса еще болѣе усилился у насъ, имѣя вліяніе на первыхъ сановниковъ государства, содѣйствуя паденію Сперанскаго, совращая въ латинство пустоголовыхъ барынь, воспитывая въ своемъ духѣ аристократическое молодое поколѣніе, владѣя тысячами русскихъ крестьянъ и загребая въ свои карманы кучи русскихъ денегъ. Представителемъ этой европейской реакціи у насъ былъ графъ Жозефъ де-Местръ, посланникъ эксъ-короля сардинскаго, фанатическій апостолъ невѣжества и деспотизма, талантливѣйшій агитаторъ реакціонной лиги, Вольтеръ наизнанку, какъ нѣкоторые называютъ его. Въ своихъ пламенныхъ памфлетахъ онъ проповѣдывалъ о возстановленіи папскаго, королевскаго и феодальнаго деспотизма, о полномъ порабощеніи народовъ и объ усиленной охранѣ этихъ священныхъ порядковъ посредствомъ палача, котораго онъ считаетъ представителемъ Божественнаго правосудія на землѣ, котораго званіе священно, потому что всякое величіе, всякая власть, всякое повиновеніе покоятся на немъ (Soirées de St.-Petersbourg, ed. 1854, 39—42). Въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ для русскихъ представителей власти, де-Местръ проводилъ тѣ же самыя идеи, приноравляя ихъ къ русскимъ отношеніямъ. «Въ Россіи крѣпостное рабство» — говоритъ онъ—«существуетъ потому, что оно въ ней необходимо, и императоръ не можетъ царствовать безъ него... Каждый помѣщикъ или, лучше сказать, каждый дворянинъ есть настоящій представитель власти, родъ гражданскаго

правителя, управляющій своими землями и снабженный всей необходимой властью, чтобы подавлять безпорядочные порывы индивидуальной воли. Если эта власть будетъ уничтожена, то какую же силу поставитъ государь на ея мѣсто для сохраненія порядка? Законы, скажутъ; но это именно самая слабая сторона въ великой имперіи... Къ довершенію несчастія, Россія одна изъ древнихъ и новыхъ націй отказываетъ общественному спокойствію въ смертной казни, и на это обстоятельство должно быть обращено большое вниманіе»... Освобожденіе неминуемо поведетъ за собой волненіе умовъ и возстаніе. Поэтому должно «стѣснять освобожденіе и вовсе не благопріятствовать ему какимънибудь закономъ, потому что всякій законъ, сдѣланный въ этомъ смыслѣ, былъ бы *смертеленъ*». Вмѣсто пагубнаго для государства освобожденія крестьянъ, правительству слѣдуетъ усиливать и обогащать дворянство, которымъ держится всякое государство.

Вооружаясь противъ заботъ русскаго правительства о народномъ образованіи, противъ университетовъ и лицеевъ, вообще противъ всей системы воспитанія, не состоящей подъ контролемъ духовенства, де-Местръ доказываетъ, что университеты «угрожаютъ Россіи ужаснымъ зломъ, которое приближается быстрыми шагами подъ покрываломъ науки». Онъ совѣтовалъ бросить «пагубную идею соединенія въ одну корпорацію обученіе всѣмъ наукамъ» и вмѣсто того занять юношество усиленнымъ изученіемъ *классическихъ языковъ*... «*Наука внушаетъ самомнѣніе*. Тотъ, кто сказалъ это, сказалъ не простую церковную фразу: это весьма философскія слова, и государи должны помнить ихъ. Старшая дочь науки есть гордость. Эта гордость безгранична и нигдѣ не можетъ выносить второго мѣста. Она гнѣвается въ особенности на дворянство, которое ее заслоняетъ, и она вездѣ старается лишить дворянство его мѣста, потому что дворянство управляетъ, а она хочетъ управлять имъ сама... Наука постоянно подвергаетъ государство опасности, постоянно стремясь доставить государственныя должности людямъ ничтожнымъ, безъ имени и богатства... Государство *военное*,—а Россія въ особенности такое государство,—исключаетъ науку, какъ кругъ исключаетъ квадратъ... Мнѣ кажется, что одно размышленіе должно совершенно *успокоить* русское правительство по предмету науки; именно то, что при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда всѣ націи находятся въ соприкосновеніи черезъ посредство типографій, наука можетъ считаться огнемъ, который неизбѣжно охватитъ Россію, если русскій способенъ къ возгаранію»... Особенно вооружался де-Местръ противъ естествознанія. «Библіи—писалъ онъ — совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ набивать молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ здѣсь по рукамъ печатная брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій; этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ путей ему»... Русское правительство, ради собственныхъ своихъ интересовъ, должно «стѣснять науку разными способами, а именно: 1) не объявлля ея необходимой вообще, ни для какихъ должностей гражданскихъ или военныхъ; 2) требуя только познаній, существенно необходимыхъ для извѣстныхъ должностей, напр. математики для инженеровъ и т. п.; 3) *уничтожая всякое публичное преподаваніе* свѣдѣній, которыя могутъ быть предоставлены вкусу и средствамъ каждаго частнаго человѣка, какъ, напримѣръ, *исторія, географія, метафизика, мораль, политика, торговля и проч.*; 4) никоимъ образомъ не оказывая покровительства распространенію знаній въ низшихъ слояхъ народа, и даже стѣсняя (не надо только, чтобы это было замѣтно) всякое предпріятіе этого рода, какое могло бы быть придумано незнающей или вредной ревностью».

«Ни одинъ государь не подвергался такой опасности, какъ императоръ Россіи: ужасная секта, проходящая теперь по Европѣ, можетъ быть сравнена съ ядовитымъ растеніемъ, которое становится еще ядовитѣе, по мѣрѣ того, какъ его пересаживаютъ»... Это иллюминаты. «Иллюминатство заключило союзъ со всѣми сектами, потому что во всѣхъ ихъ есть нѣчто для него нужное; она соединяется съ янсенистами противъ папы, съ якобинцами противъ королей и съ евреями противъ христіанства вообще». Въ Россіи оно дѣйствуетъ посредствомъ протестантскихъ проповѣдниковъ, нѣмецкихъ профессоровъ, разныхъ сектантовъ и евреевъ. Противъ послѣднихъ, т.-е. противъ русскихъ жидковъ, графъ-іезуитъ проповѣдуетъ ни больше, ни меньше, какъ крестовый походъ съ содѣйствіемъ полиціи, ибо «все заставляетъ думать, что ихъ деньги, ихъ ненависть и ихъ таланты находятся въ распоряженіи великихъ заговорщиковъ». Донося на протестантскія мнѣнія нѣмецкихъ проповѣдниковъ въ Россіи, инсинуируя на русское духовенство, которое «*скоро будетъ совершенно совращено* въ протестантство, если на это не обратятъ вниманіе», де-Местръ настаиваетъ, чтобы правительство всѣми мѣрами «замедляло царство науки и присоединило бы къ верховной власти могущественнаго союзника во власти церковной». И хотя онъ хлопоталъ главнымъ образомъ объ іезуитахъ и католичествѣ, но въ то же время, со своимъ обычнымъ тактомъ, старался и о поднятіи авторитета православнаго духовенства, надѣясь встрѣтить въ немъ союзника противъ науки и свободы и притомъ такого союзника, соперничество съ которымъ было менѣе опасно для іезуитскихъ замысловъ, чѣмъ борьба съ наукой и либеральными идеями. Онъ совѣтовалъ всячески содѣйствовать сближенію православія съ католичествомъ, ибо и то и другое проповѣдуютъ одно — «вѣру и покорность» (Quatre Chapitres sur la Russie, par le comte J. de Maistre; «Современникъ», т. CXII; Ж. Мин. Нар. Пр., 1865, X).

Де-Местръ былъ только однимъ изъ многочи-

сленныхъ проводниковъ къ намъ европейской реакціи, только однимъ изъ наставниковъ и руководителей нашихъ реакціонеровъ. Русскіе ретрограды обыкновенно укоряютъ нашихъ прогрессистовъ въ ребяческой подражательности Западу, но если разсмотрѣть безпристрастно исторію общественныхъ идей въ Россіи, то излишество подражательности оказывается не на сторонѣ прогрессистовъ, а на сторонѣ ихъ противниковъ, и притомъ подражательности старческой, тупой, машинообразной. Возьмите хоть тѣхъ же реакціонеровъ александровской эпохи, и вы увидите въ нихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мало способныхъ учениковъ европейскихъ ретроградовъ, въ родѣ де-Местра, который имѣлъ вліяніе и на представителей нашего барства, и на министра Разумовскаго, и на самого Александра, который увлекался его докладными записками и говорилъ: «я знаю, что онъ мыслитъ хорошо и къ намъ привязанъ». (Морошкинъ, II, 501). Магницкій выработалъ изъ себя такого же іезуита, какъ и де-Местръ, и его сочиненія были почти перифразомъ памфлетовъ послѣдняго. Таковъ же былъ и Стурдза. Когда министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался Голицынъ, то министерство наполнилось подобными іезуитами и мистиками, въ родѣ Магницкаго, Рунича, Лаваля, Фитингова и Берсгейма, и черезъ двухъ послѣднихъ подчинилось даже вліянію извѣстной баронессы Крюднеръ. Началась увертюра реакціи. Добродушный Голицынъ, поклонникъ всевозможныхъ мистическихъ сектъ, даже хлыстовщины, покровительствовалъ всѣмъ имъ и старался вести дѣло народнаго просвѣщенія «въ духѣ священнаго союза.» Ханжи и пустосвяты, всевозможные религіозные шарлатаны и сумасброды, іезуиты и хлысты, масоны и раскольники развернулись совершенно свободно. Литература превратилась въ «цѣлое море душеспасительныхъ книгъ», какъ выражался Невзоровъ. Самыми либеральными дѣйствіями этого министерства были допущеніе извѣстной вѣротерпимости и учрежденіе библейскихъ обществъ, которыя возникали всюду во множествѣ, распространяя библію на всевозможныхъ языкахъ и объединяя въ этомъ дѣлѣ людей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Но терпимость къ религіямъ соединялась съ крайнею нетерпимостью къ наукѣ и разуму, которые были заподозрѣны въ томъ, что ведутъ къ «разрушенію алтарей и троновъ». Самые свободомыслящіе и самые гуманные изъ этихъ мистиковъ, масоны, даже и тѣ питали заклятую вражду къ свободной мысли, цѣль которой—«отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и налуваться гордостью самолюбія»; не менѣе сильную вражду питали они и къ политическимъ идеямъ XVIII вѣка, «предметъ которыхъ былъ заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству». (Зап. Лопухина, 21). Объ остальныхъ мистикахъ и піэтистахъ и говорить нечего: всѣ они враждовали другъ съ другомъ, но въ то же время всѣхъ ихъ объединяла вражда къ наукѣ и разуму. Старовѣры, въ родѣ Шишкова, пѣли въ унисонъ съ іезуитомъ де-Местромъ, а всевозможные сектанты совершенно сходились въ этомъ отношеніи со своими ярыми гонителями, въ родѣ Фотія. «Сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи поколебалось. Стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ. Доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, т. е. все». (Сухомлиновъ). Въ университетахъ учреждены каѳедры теологіи. Всѣ науки преподавать въ крайнемъ мистическомъ направленіи. Профессора, отличавшіеся хотя какимъ-нибудь свободомысліемъ, терпѣли гоненія и высылались за границу. Начали хлопотать о насажденіи въ Россіи классицизма, объ учрежденіи общества Латинскаго, лицея и пританея, о томъ, чтобы изученіе древностей россійскихъ соединить съ изученіемъ древностей греческихъ, римскихъ и *египетскихъ!*.. Изъ гимназическаго курса исключены технологія, коммерческія науки, политическая экономія, всеобщая и русская статистика и начальный курсъ философіи изящныхъ наукъ, а вмѣсто того усилено преподаваніе классическихъ языковъ. Изъ программы уѣздныхъ училищъ исключены начала естественной исторіи и технологіи. Ученый комитетъ, совершавшій эти реформы, руководствовался самыми обскурантными правилами, которымъ могъ позавидовать даже и де-Местръ. «Въ преподаваніи законодательства», напр., онъ допускалъ «тѣ токмо книги, кои не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры и не противорѣчатъ практическому христіанству». Далѣе, онъ обязанъ былъ, «разсматривая употребительныя книги по части естественной исторіи, отстранять отъ системы преподаванія всѣ суетныя догадки о происхожденіи и превращеніяхъ земного шара», и т. д., и т. д. Книгъ запрещено комитетомъ множество,—логика Лодія, метафизика Лубкина, естественное право Куницына, «о должностяхъ человѣка и гражданина, изданная для народныхъ училищъ въ 1783 г. и до того благонамѣренная, что запрещеніе ея считалъ безуміемъ самъ Шишковъ. Даже офиціальный органъ главнаго правленія училищъ «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» комитетъ предлагалъ вывести изъ употребленія, какъ «книгу опасную по нѣкоторымъ ея статьямъ». И почеркъ, и содержаніе прежнихъ прописей были отмѣнены, изъ нихъ исключены были всѣ нравственно-философскіе афоризмы, такъ какъ «комитетъ желалъ и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностью христіанскою». (Сухомлиновъ; Богдановичъ, V, 450—454). Вмѣстѣ съ учебными заведеніями стра-

дала и литература, цензурный надзоръ за которою былъ порученъ министерству полиціи. Говорить объ освобожденіи крестьянъ, о вредѣ откуповъ и о другихъ сколько-нибудь важныхъ внутреннихъ отношеніяхъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Литературные сыщики чуть не въ каждой свѣтской книжонкѣ указывали замыселъ къ ниспроверженію алтарей и троновъ». Промыселъ литературныхъ доносовъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія. Шишковъ, напр., ратовавшій за славянскій языкъ, инсинуировалъ на своихъ противниковъ, что они сроду не бывали ни у заутрени, ни у обѣдни, и въ ихъ защитѣ новѣйшаго литературнаго языка указывалъ злостный умыселъ «отвлечь умъ и сердце каждаго отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности». (М. Дмитріевъ, 73, 74). Въ 1809 г. на петрозаводскомъ театрѣ поставлена была одна опера, передѣланная изъ извѣстной Энеиды Котляревскаго. Директоръ училищъ, въ припадкѣ благонамѣренности, донесъ высшему петербургскому начальству о зловредности и «подозрительности» этого новаго сочиненія, заключавшихся, по его собственнымъ словамъ, въ томъ, что всѣмъ дѣйствующимъ въ пьесѣ лицамъ «сообщено постыдное пристрастіе къ пьянству, праздности и безпечности», что влюбленная царица Дидона, унижая свой санъ, «чувствуетъ, какъ обыкновенная женщина, говоритъ, какъ женщина, низкою страстью упоенная, на тронѣ позволяетъ обувать себя и слушаетъ русскія сказки», а въ заключеніе пляшетъ на сценѣ и т. д. Все это директоръ считалъ вреднымъ «чистой нравственности, духу правленія и просвѣщенія». (Р. Арх., 1870, 954—959). Доносчики не щадили никого. Мало того, что доносили на Карамзина, какъ на якобинца, «метящаго въ Сійесы или въ первые консулы, «*доносили даже послѣ его смерти*,—и Филарета, будущаго митрополита московскаго, обвиняли въ намѣреніи подорвать православіе, въ пропагандѣ невѣрія и въ принадлежности къ зловредному тайному обществу. (Чтенія, 1868, I, отд. V, 265)!.. Магницкій доносилъ даже на великаго князя Николая Павловича! Чѣмъ мотивировались эти доносы и къ какимъ послѣдствіямъ могли вести они, показываетъ слѣдующій случай съ извѣстнымъ мистикомъ и обскурантомъ Лабзинымъ. Состоя вице-президентомъ академіи художествъ, Лабзинъ не соглашался на предложеніе президента Оленина принять Гурьева въ почетные члены академіи, какъ человѣка, не имѣющаго на то никакого права. Олениъ настаивалъ, говоря, что Гурьевъ близокъ къ государю. Разгоряченный споромъ Лабзинъ сказалъ: «если такъ, то я вмѣсто Гурьева укажу вамъ на человѣка, который къ нему еще ближе.»—«Кто же это»?—«Илья кучеръ», отвѣчалъ Лабзинъ. Изъ этого состряпали надлежащій доносъ, и Лабзина сослали въ Сенгилей. (Р. Арх., 1866, 837). Поэтъ Мещевскій за самые невинные стихи попалъ въ Сибирь; Пушкина едва могли спасти отъ заключенія въ Соловецкій монастырь, и онъ отдѣлался только ссылкою въ южную Россію. На Воейкова за его знаменитую сатиру посыпался также цѣлый градъ доносовъ, и отъ ссылки его избавило одно только заступничество Карамзина. (Колбасинъ, Литерат. дѣятели, 257). Доносъ, отвергнутый официально въ началѣ царствованія, снова вошелъ въ силу, благодаря постепенно усиливавшейся подозрительности государя, прибѣгнувшаго наконецъ къ развитію системы тайно-полицейскаго надзора. (Богдановичъ, V, 449). Дошли наконецъ до того, что стали читать на почтѣ частную корреспонденцію. (Записки Мертваго, 248)...

Донося на людей, съ неменьшимъ усердіемъ и съ такою же наглостью доносили на цѣлыя учрежденія и направленія. Всякое проявленіе прогрессивной мысли возбуждало самыя нелѣпыя инсинуаціи. Ланкастерскія школы, при самомъ учрежденіи которыхъ Стурдза писалъ уже, что ихъ «можно назвать мечомъ обоюдо-острымъ, спасительнымъ въ рукахъ благочестія, но опаснымъ и пагубнымъ, когда владѣетъ ими духъ киченія и безвѣрія, столь непреоборимо распространяющійся въ смутныя времена наши»,—ланкастерскія школы были заподозрѣны, какъ средство для распространенія вольнодумства и мятежа, и постепенно пали. (Р. Арх., 1869, 601; Пыпинъ). Въ литературѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ мистическихъ сектахъ,—всюду указывали вліяніе пагубнаго духа времени, который «вездѣ, въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ гг. министровъ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ находитъ защиту и покровительство». (Зап. Шишкова, 108, 109). Главнымъ сѣдалищемъ этого духа считались германскіе университеты, а за ними и русскіе. «Доколѣ по окровавленной Европѣ, —писалъ Магницкій,—какъ орды дикихъ, устремились народы просвѣщенные одинъ на другого; доколѣ лилась кровь рѣками и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разрушеній,—духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, являются изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ. Рѣдѣетъ завѣса, его окружающая... Слово человѣческое есть проводникъ адской силы, книгопечатаніе — орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ юношеству тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ». По этимъ инсинуаціямъ, въ которыхъ участвовали и оракулъ петербургскихъ салоновъ, гр. де-Местръ, и бывшій поклонникъ революціи, двоедушный и невѣжественный Магницкій, старовѣръ Шишковъ и всѣ другіе члены реакціонной лиги,—по этимъ инсинуаціямъ естественныя науки, физика и математика оказались орудіями дьявола, порожденіями ада, распро-

страняющими духъ невѣрія и безбожія, а науки политическія, даже статистика—пропагандою революціи. Съ особенною яростью нападали реакціонеры на естественное право. «Наука естественнаго права,—писалъ Магницкій, — безъ которой обходился древній Римъ, будучи королевствомъ, республикой и имперіей, и не менѣе того, оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія, безъ которой обходилась Франція въ теченіе 800 лѣтъ, безъ которой обходятся и нынѣ всѣ университеты Англіи и Италіи,—наука естественнаго права, сія метафизика правъ, не сопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ сѣверной Германіи. Она всегда была опасна, но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ называемый чистый разумъ, который вопросилъ истину Божію—что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда наука права естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видѣли въ революціи французской на самомъ дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго откровенія, ибо не опровергаетъ его, но проходитъ въ молчаніи, начинается съ предположенія, что его никогда небыло, исторгаетъ изъ руки Божіей начальное звено златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ хаосъ своихъ лжемудрствованій и, наконецъ, отвергаетъ алтарь Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ царей, властямъ и таинству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія»... «Можетъ ли быть сія наука безвредной?» спрашиваетъ Магницкій, и вмѣсто отвѣта указываетъ на результаты ея въ исторіи XVII и XVIII столѣтій, когда «сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія перемѣною значенія и подмѣною словъ и отъ сего непремѣннаго и какъ бы литературнаго подкопа алтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны; кровавая шайка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху», и т. д. (Чтенія, 1859, IV, 157—159). Подобныя инсинуаціи, въ которыхъ крайнее невѣжество соперничаетъ съ личнымъ своекорыстіемъ и которыя такъ напоминаютъ собой измышленія знаменитыхъ московскихъ публицистовъ нашего времени,—подобныя инсинуаціи градомъ сыпались со всѣхъ сторонъ и на направленія, и на людей, почему-нибудь непріятныхъ легіону Магницкихъ. Занятія философіей, напр., особенно кантовской, возбуждали самыя ярыя нападки на себя. «Кантовой философіи»,—доносилъ архіепископъ Ѳеофилактъ, — «цѣль есть двоякая: испроверженіе христіанства и замѣщеніе онаго совершеннымъ безбожіемъ... Кантова философія въ Германіи славилась не болѣе двадцати лѣтъ. Не смотря на сію краткость времени, столько вреда отъ нея послѣдовало, что и религія, и политика противъ нея вооружились и заставили многихъ профессоровъ, закрывши каѳедры кантова ученія, удалиться изъ Германіи въ Россію». (Чтенія, 1859, II, 124). Благородный врагъ іезуитовъ, петербургскій профессоръ Фесслеръ, подвергся гоненіямъ, будучи заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и иллюминатствѣ. Въ 1816 г. изгнанъ за границу профессоръ харьковскаго университета Шадъ за то, что придерживался философіи Шеллинга. Въ 1820 г. подвергся преслѣдованію, какъ проводникъ революціонныхъ началъ и послѣдователь Марата, профессоръ Куницынъ, а его книга «Естественное Право» была запрещена. Точно такимъ же образомъ обвинялись въ безбожіи и терпѣли гоненіе профессоръ Буле, «вытѣсненный изъ московскаго университета, Парротъ, господствующій въ Дерптѣ, Якоби, заразившій харьковскій университетъ», Срезневскій, будто бы руководствовавшійся «духомъ, весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія», и т. д., и т. д. Въ 1821 г. разразилась гроза надъ профессорами петербургскаго университета, которыхъ попечитель Руничъ обвинялъ въ безбожіи, революціонерствѣ, государственной измѣнѣ, «маратизмѣ и робеспьеризмѣ», и во время университетскаго суда надъ ними, осыпалъ ихъ всевозможными оскорбленіями, кричалъ, какъ на мальчишекъ, ругалъ «мошенниками», «поджигателями», «бунтовщиками», «невѣждами», «глупцами». Основаніемъ всѣхъ этихъ наглыхъ обвиненій служили руководства, по которымъ читали профессора и которыя были изданы или одобрены главнымъ правленіемъ училищъ. Не смотря на послѣднее обстоятельство, Руничъ нисколько не стѣснялся въ своихъ обвиненіяхъ и съ яростью кричалъ: «что книга напечатана и одобрена отъ правительства, это вамъ не оправданіе; тогда было время, а теперь другое; моя ревность все преодолѣетъ. *Горе книгамъ*, а особенно одобреннымъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ!..» Оскорбляя и унижая профессоровъ, Руничъ внушалъ имъ, что «правительство очень милостиво, позволяя подобнымъ преступникамъ свободно являться передъ судомъ, вмѣсто того, чтобы между жандармами съ голыми палашами заставить ихъ за налоемъ писать отвѣты». Галичъ за свою исторію философіи, невинную до того, что она считалась вполнѣ благонамѣренною даже въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, былъ обвиненъ въ безбожіи. «Вы —говорилъ ему Руничъ —явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой, церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга св. Духу». Угрозами, что онъ будетъ объявленъ сумасшедшимъ, Галича заставили дать письменное отреченіе отъ его «грѣховъ» и заблужденій и потребовали отъ него обязательство «издать вновь исторію философскихъ системъ и въ оной торжественно описать свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименномъ разумѣ основаннаго». Профессоръ Германъ обвинялся въ пропагандѣ революціонныхъ идей за то, что доказывалъ вредъ чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій и между прочимъ говорилъ въ своихъ лекціяхъ: «русскій крестьянинъ отличается нравственностью весьма хорошею и бережливостью, неизвѣстною народамъ, живущимъ подъ желѣзнымъ игомъ рабства». По-

ɔбными же возмутительными натяжками отличались и всѣ другія обвиненія. (Чтенія, 1862, III, 179—205). Профессоръ Плисовъ описалъ этотъ возмутительный судъ въ особой запискѣ, которая разошлась въ публикѣ. Его начали преслѣдовать, отобравъ ученическія записки объ естественномъ правѣ, которое онъ преподавалъ въ гимназіи. По разсмотрѣніи этихъ тетрадокъ, Руничъ донесъ о нихъ министру: «Хотя въ тетрадкахъ Плисова не найдено ничего предосудительнаго, но это самое и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, ибо при устномъ преподаваніи могъ прибавлять, что ему вздумается». Плисовъ былъ уволенъ отъ должности. Другіе профессора тоже вышли изъ университета, а Руничъ получилъ за свои подвиги Владиміра 2-й степени *). Это «важнѣйшее», по выраженію Рунича, дѣло вполнѣ характеризуетъ всю его дѣятельность въ должности попечителя петербургскаго учебнаго округа. Онъ выставлялъ себя какимъ-то архистратигомъ русской благонамѣренности и хвастался своимъ безкорыстнымъ служеніемъ ей. «Злой духъ,—фразерствовалъ этотъ народный просвѣтитель изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи,—злой духъ носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка. Счастливымъ почту себя, если вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова!...» Этотъ шарлатанъ вскорѣ погубилъ самъ себя. При перестройкѣ университетскаго дома, онъ исходатайствовалъ у министра позволеніе производить работы не съ подрядовъ, а хозяйственнымъ образомъ, и получивъ 1,300,000 руб. ассигн., отдѣлалъ свою квартиру, построилъ отхожія мѣста и прекратилъ постройку *за недостаткомъ суммъ*... Его выгнали изъ службы. (Р. Арх., 1871, 1263—1265).

Казанскій университетъ постигла еще болѣе горькая участь, чѣмъ петербургскій. Въ 1819 г. министръ Голицынъ, получивъ свѣдѣнія о дурномъ его состояніи, послалъ на ревизію его Магницкаго. Магницкій, бывшій сначала ярымъ поклонникомъ революціи, потомъ другомъ и помощникомъ Сперанскаго, а послѣ своей ссылки одновременно съ послѣднимъ, превратившійся въ закоренѣлаго обскуранта, прислуживавшій Голицыну и въ то же время подкапывавшійся подъ него вмѣстѣ съ Шишковымъ, Фотіемъ и К°, — Магницкій, этотъ Булгаринъ своего времени, принялся за дѣло искорененія вреднаго духа съ такою ревностью, что привелъ въ ужасъ даже многихъ обскурантовъ. Онъ нашелъ въ университетѣ много безпорядковъ и злоупотребленій, особенно въ хозяйственномъ отношеніи, и не замедлилъ все это приписать «духу вольнодумствa и лжемудрія, проникшему въ его стѣны». (Ѳеоктистовъ, 64). Нагнавъ страху на всѣхъ профессоровъ, «выбросивъ изъ библіотеки сочиненія Вольтера», истребивъ въ ней всѣ вредныя, по его мнѣнію, книги, присудивъ къ сожженію почти всю библіотеку гимназіи, Магницкій представилъ высшему начальству о необходимости «*публичнаго разрушенія*» казанскаго университета (id., 40, 48, 86). Но смѣлый проектъ его не пошелъ въ ходъ; его назначили казанскимъ попечителемъ, и онъ вскорѣ превратилъ несчастный университетъ во что-то въ родѣ монастыря и вмѣстѣ казармы. Подобравъ благонамѣренныхъ профессоровъ и воспитателей, Магницкій далъ имъ инструкцію, отступать отъ которой они не должны были въ своихъ лекціяхъ. Философію велѣно читать такъ, чтобы убѣдить слушателей, что «все, несогласное съ разумомъ св. писанія, есть заблужденіе и ложь и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо». Для большаго напечатлѣнія этой истины въ умахъ студентовъ и профессоровъ, надъ каѳедрой былъ написанъ текстъ о тщетѣ и вредности злохудожной философской премудрости. Студентамъ медицины предписывалось постоянно твердить, что «искусство врачеванія безъ духа христіанской любви есть ремесло само по себѣ столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная». «Профессоръ физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія окружающихъ насъ чудесъ». «Красоты языка славянскаго и критическій разборъ священныхъ писателей должны быть главными занятіями профессора россійской словесности. Величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія покажетъ онъ въ библіи и докажетъ сравненіемъ съ нею лучшихъ авторовъ ея надъ всѣми ими превосходство». Преподаватель всемірной исторіи долженъ доказывать, что «все то, что въ языческой исторіи называется великостью и добродѣтелью, есть только высочайшая степень гордости человѣческой и ничто передъ величіемъ христіанскимъ». «Профессоръ исторіи россійской покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства». Преподаватель политическихъ наукъ долженъ прежде всего внушать студентамъ чувства покорности и повиновенія и «съ отвращеніемъ указывать на правила Макіавелли и Гоббса». «Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, что священная власть монарховъ исходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое, есть выраженіе воли Вышняго». (Сборникъ Постановленій по мин. нар. просвѣщ., I, 1199—1220). Магницкій долго хлопоталъ объ уничтоженіи въ университетахъ каѳедры естественнаго права, которому онъ приписывалъ «всѣ революціи и противодѣйствіе Англіи священному союзу». «Врагу

*) Если Руничу и не удалось погубить профессоровъ, то потому только, что онъ своимъ преслѣдованіемъ возбудилъ негодованіе даже въ такихъ сферахъ, въ какихъ навѣрное не ожидалъ. Когда послѣ своего подвига онъ явился къ великимъ князьямъ, то Николай Павловичъ благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который теперь могъ посвящать все свое время инженерному училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько подобныхъ человѣкъ, чтобы у себя съ пользою употребить ихъ на службѣ. (Р. Арх., 1871, 1264).

Божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло сіе отъ каѳедры Куницына до потрясеній Неаполя, Мадрида, Турина, Лиссабона, отъ одной строки профессора до 200,000 штыковъ, до государствъ, обливаемыхъ кровью». Доказывая необходимость запрещенія естественнаго права, Магницкій указывалъ на примѣръ Франціи, гдѣ будто бы правительство не допускало преподаванія этой науки и философіи, и, не смотря на то, что по офиціальнымъ справкамъ это оказалось чистѣйшею ложью, онъ все-таки не переставалъ утверждать, что философія изгнана изъ французскихъ университетовъ, ссылаясь на «имѣющуюся у него газету, въ которой сіе положительно сказано». Естественное право запрещено не было, и Магницкій реформировалъ преподаваніе его въ теолого-полемическомъ духѣ, хвастаясь въ одной изъ своихъ рѣчей, что подъ его руководствомъ студенты «твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе насчетъ славнѣйшихъ его апостоловъ». Въ какомъ духѣ шло преподаваніе наукъ, можетъ показать слѣдующій отрывокъ изъ лекціи профессора Никольскаго, который доходилъ до того, что совершенно серьезно защищалъ магію и кабалистику. «Въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напр., какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома математики: всякая величина равна самой себѣ; главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что единый въ первоначальномъ словѣ своего всемогущества равенъ самому себѣ. Въ геометріи треугольникъ есть самый первый и простѣйшій видъ; св. церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всей твари. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая боговъ и человѣковъ, соединившаго горнее съ дальнимъ, небесное съ земнымъ». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что при Голицынѣ преподаваніе всѣхъ наукъ въ университетахъ шло въ томъ же самомъ направленіи, которое водворялъ въ Казани Магницкій. Въ кіевскомъ университетѣ, напр., профессоръ химіи въ теоретической части излагалъ трактаты «о шестомъ невидимомъ началѣ,—душѣ, гдѣ изслѣдовалъ качества души и говорилъ объ «органическомъ духѣ». (Шульгинъ, Ист. Кіев. Ун., 141). Въ московскомъ университетѣ профессоръ анатоміи долженъ былъ «отъ изслѣдованія чудной связи въ частяхъ препаратовъ нашего бреннаго тѣла и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни возноспть умы слушателей ко всеблагому творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его безпредѣльномъ величіи». Хотѣли даже уничтожить анатомическіе театры и запретить скелеты, такъ какъ «превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ»!.. (Сухомлиновъ).

Магницкій заботился не столько объ образованіи, сколько о добродѣтельномъ поведеніи студентовъ. «Директоръ университета,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ,—обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, внушаетъ имъ елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна... Смиренномудріе, терпѣніе, любовь сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращеніе». «Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность... Посему необходимо, чтобы воспитанники университета постоянно имѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей и чтобы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказываемо». Студентовъ было велѣно даже пріучать къ дѣламъ милосердія, къ подачѣ милостыни и т. п. Университетъ превращенъ въ настоящій монастырь. Вотъ, напр., программа торжественнаго университетскаго акта. «Послѣ обѣдни и молебна пропоютъ *Днесь благодать св. Духа насъ собра*; профессоръ прочтетъ о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ *Боже царя храни*; студентъ прочтетъ о золотосодержащихъ пескахъ; пропоютъ *Колъ славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*; студентъ прочтетъ о необходимомъ соединеніи со внутреннимъ Богопочитаніемъ наружнаго; пропоютъ *Слава въ вышнихъ Богу*; ректоръ произнесетъ слово о достойности и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ *Господи, силою твоею возвеселится царь*». Чтеніе библіи, молитвы, благочестивыя бесѣды занимали большую часть времени студентовъ, находившихся подъ надзоромъ многочисленныхъ надзирателей. Не только посѣщать знакомыхъ въ городѣ, но даже переходить изъ одного этажа университета въ другой не дозволялось безъ билета отъ инспектора. Ночью спальни охранялись часовыми, которые вплоть до утра расхаживали по коридорамъ. Строгости простирались до того, что даже профессора въ своихъ квартирахъ держали водку въ какомъ-нибудь секретномъ мѣстѣ и прежде, чѣмъ выпить рюмку, ставили къ дверямъ караульнаго, который могъ бы предупредить ихъ о внезапномъ приходѣ начальства. «Прислушиваясь къ малѣйшему стуку и безпрестанно, оглядываясь, преступникъ дерзалъ ключомъ, привѣшаннымъ у пояса, отворять шкафъ, гдѣ въ секретной глубинѣ хранилось ужасное зелье. У одного изъ ученыхъ мужей, которому прописали вино въ микстурѣ, былъ директоромъ, внезапно посѣтившимъ его, запечатанъ сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ запретное питье. Медикъ, осмѣлившійся прописать такое лѣкарство, равно какъ и паціентъ его остались на замѣчаніи. На торжественныхъ университетскихъ обѣдахъ и въ иное время пили тосты не шампанскимъ, а медомъ». Проступки студентовъ карались жестоко: доходило до того, что Магницкій безъ суда и приговора отдавалъ ихъ въ солдаты. Тягчайшимъ изъ домашнихъ наказаній былъ арестъ въ *ком-*

натъ уединенія, дверь и окно которой имѣли желѣзныя рѣшетки, надъ входомъ—надпись изъ св. писанія, на одной стѣнѣ — распятіе, а на другой — изображеніе страшнаго суда. Заключенные назывались грѣшниками, и во все продолженіе ихъ ареста о нихъ приносились общія молитвы. Арестанта одѣвали иногда въ «рубашку, порты, лапти и кафтанъ мужичьи»; его ежедневно посѣщалъ и усовѣщевалъ, какъ преступника, духовникъ, и только послѣ того, какъ послѣдній доносилъ, что виновный раскаялся и «по исповѣди удостоенъ св. причащенія», онъ освобождался и присоединялся къ обществу вѣрныхъ. (Ѳеоктистовъ, 94—100; Лажечниковъ, въ «Русск. Вѣстн.», 1866, I).

Дерптскій профессоръ Парротъ, по поводу реформъ Магницкаго, предсказывалъ Александру, что «по внѣшности университетъ сохранитъ порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности». Оно такъ и вышло; но только въ началѣ николаевскаго царствованія было обращено вниманіе на печальные результаты дѣятельности Магницкаго, который, вмѣстѣ съ другими членами управленія, по ревизіи 1826 года, оказался между прочимъ виновнымъ въ незаконномъ присвоеніи казенныхъ суммъ. (Ѳеоктистовъ, 214—217), подобно другому архистратигу русской благонамѣренности, петербургскому попечителю Руничу, который тоже оказался казнокрадомъ *).

Принципы Магницкаго распространялись болѣе или менѣе на всѣ учебныя заведенія. Въ 1822 г. запрещено принимать въ дерптскій университетъ студентовъ иностранныхъ университетовъ. (Сборн. Пост., I, 1521). Въ слѣдующемъ году запрещено отправлять юношество въ иностранные университеты, «содѣлавшіеся театромъ разнаго рода неустройствъ, и гдѣ молодые люди получаютъ понятія, самыя противныя религіи и нравственности» (id., стр. 1541). Харьковскимъ студентамъ запрещено ходить въ театръ, ибо «молодые люди, оставаясь въ университетахъ не болѣе трехъ лѣтъ, не имѣютъ времени заниматься театрами» (id., стр. 1600). Петербургскій университетъ въ 1821 г. былъ вполнѣ подчиненъ правиламъ, составленнымъ Магницкимъ для казанскаго университета (id., 1474). Ректоръ и профессора послѣдняго по этому случаю поздравляли петербургскій университетъ торжественнымъ посланіемъ, отлично характеризующимъ умонастроеніе жалкихъ пособниковъ Магницкаго. «Совѣтъ казанскаго университета имѣетъ честь привѣтствовать симъ императорскій с.-петербургскій университетъ, въ духѣ братской любви, съ распространеніемъ на него инструкціи директору и ректору казанскаго университета тою же высочайшею самодержавною властью христолюбивѣйшаго государя, побѣдителя, просвѣтителя и нѣжнаго отца своихъ вѣрноподданныхъ, растворяющаго судъ съ милосердіемъ, который для блага истиннаго просвѣщенія, на христіанскомъ благочестіи основаннаго, даровалъ ихъ 17 января 1820 г. казанскому университету, познающему на самомъ дѣлѣ спасительное ихъ вліяніе въ просвѣщеніи къ ученію и житію древнихъ св. отецъ и апостоловъ, у которыхъ сердца и души согрѣваются и оживотворяются Духомъ Святымъ быть едино, всероссійскихъ благочестивыхъ князей и государей великихъ, іерарховъ и святителей, которые при всемъ своемъ просвѣщеніи, смиренно полагали вѣнцы и митры свои и съ благоговѣйнымъ страхомъ и любовію преклоняли колѣни, умъ и сердце предъ престоломъ Сущаго, Иже бѣ, и Грядущаго, Отца свѣтовъ, Агнца, заколеннаго отъ сложенія міра, искупившаго ихъ честною кровію своею, сотворившаго цари и іереи, и воздавали Ему Единому всю честь, славу, хвалу и благодареніе». (Р. Арх., 1871, 1729).

Дѣячки Магницкаго дѣйствовали не въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ; посредствомъ цензурнаго карандаша они оказывали невыносимое давленіе и на литературу, въ которой запрещалось разсуждать не только о крѣпостномъ правѣ, откупахъ, важныхъ внутреннихъ событіяхъ, не только устранялась перепечатка рѣчей и дебатовъ въ европейскихъ парламентахъ, но не допускались даже сужденія о театрахъ,—сужденія, «которыя позволительны только тогда, когда бы театры и актеры зависѣли отъ частнаго содержателя, а не находились въ службѣ его величества». Прогрессивная литература подвергалась до того нелѣпымъ доносамъ, что даже возмущеніе крестьянъ херсонскаго помѣщика Кочубея, было приписано вліянію одной, помѣщенной въ «Историческомъ Журналѣ» статьи, въ которой самымъ умѣреннымъ тономъ говорилось о крѣпостномъ правѣ. (Пятковскій, Журналистика при Алекс. I). Даже адмиралъ Шишковъ возмущался иногда гасильническою ревностью цензуры; доходившею до глупости. Онъ разсказываетъ, напр., слѣдующій анекдотъ. Въ стихахъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ,
Что въ мірѣ, гдѣ смерть и *рокъ*—цари!

Цензору показалось возмутительнымъ слово *рокъ*, онъ вычеркнулъ его, и послѣдній стихъ, вслѣдствіе этого, получилъ дѣйствительно возмутительный смыслъ:

Что въ мірѣ, гдѣ смерть и цари! (Р. А., 1865, стр. 1114).

Цензурныя неистовства того времени до того интересны и поучительны, что мы остановимся на нихъ подольше, пользуясь превосходными «Матеріалами для исторіи русской цензуры», помѣщен-

*) Выгнанный изъ службы Магницкій жилъ сначала въ Одессѣ, потомъ былъ высланъ отсюда въ Херсонъ за доносъ на генералъ-губернатора кн. Воронцова. Потомъ, въ Ревелѣ, онъ писалъ статьи въ журналъ «Радугу», «наблюдая просвѣщеніе, т.-е. направленіе наукъ и литературы по духу времени»; инсинуируя на всякое проявленіе независимой мысли; доказывая, что «духъ невѣрія распространяетъ владычество свое на всѣ науки и литературу». Философія попрежнему навлекала на себя его самыя злостныя нападки. *Холодно-богохульная* въ Англіи, *затѣйливо-ругательная* во Франціи, *грубо-чувственная* въ Испаніи, *теософо-иллюминатская* въ Германіи, «философія» всегда и вездѣ «разрушительна»; она доводитъ человѣка до того, что онъ дѣлается «*бунтовщикомъ противъ всякой власти, отъ Бога установленной*». (Р. Арх., 1867, 1692, 1699). Страсть къ доносу вошла у этого человѣка въ плоть и кровь...

ными въ Бесѣдахъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (1871 г., выпускъ III).

Въ 1819 г. Гречъ помѣстилъ въ своемъ «Сынѣ Отечества» разборъ академической грамматики, указавъ въ ней многіе недостатки и ошибки, доходившіе до полнѣйшей безсмыслицы; напр., во всѣхъ трехъ изданіяхъ этой грамматики былъ напечатанъ слѣдующій афоризмъ: «*безразсудная расточительность бываетъ слѣдствіемъ нищеты*». Академія возмутилась такою продерзостью журналиста и «въ собраніи своемъ сдѣлала себѣ три вопроса. *1-й вопросъ*: должна ли академія на сію брань дѣлать свои возраженія?» Общимъ мнѣніемъ членовъ рѣшено: «россійская императорская академія, учрежденная для наблюденія пользъ языка и словесности, не можетъ, безъ униженія достоинства своего, входить въ состязаніе съ издателемъ журнала, а особливо, когда видитъ въ немъ дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно.» На «*2-й вопросъ*: должна ли академія промолчать?» общее мнѣніе было слѣдующее: «академіи не остается конечно, ничего, какъ молчаніе». На «*3-й вопросъ*: имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіей книгахъ извѣщать публику со своими объ нихъ сужденіями и оцѣнкою?» академія единогласно отвѣчала, что такого права они не имѣютъ, что «издатель Сына Отечества присвоилъ самъ себѣ это право, и подлежитъ (за это) суду правительства». Президентъ академіи Шишковъ отнесся къ министру Голицыну съ подробнымъ описаніемъ обстоятельствъ дѣла объ оскорбленіи Гречемъ академіи, оскорбленіи, состоявшемъ въ «хулахъ, браняхъ, укоризнахъ, насмѣшкахъ и *восклицаніяхъ*...» Всѣ эти «хулы и брани» состояли только въ томъ, что рецензентъ называлъ правила и ошибки академической грамматики «*неосновательными, сбивчивыми, несообразными, забавными* и пр.» «Если и впредь журналисты»,—писалъ Шишковъ,—«будутъ въ правѣ объ издаваемыхъ академіей книгахъ возвѣщать публикѣ со своими необузданными толками, то ей не останется ничего другого, какъ не издавать ничего, дабы не подвергать себя стыду быть предъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго браненой и молчать». Голицынъ сдѣлалъ цензурѣ строгій выговоръ, сообщивъ, что впредь за помѣщеніе подобныхъ отзывовъ объ академическихъ изданіяхъ издатель подвергнетъ себя отвѣтственности, а журналъ его будетъ запрещенъ.

Въ 1822 г. цензоръ не пропустилъ балладу Жуковскаго «Ивановъ вечеръ», напечатанную потомъ подъ заглавіемъ «Смальгольмскій замокъ». Жуковскій жаловался министру. Голицынъ отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, который нашелъ поступокъ цензора совершенно справедливымъ и не пропустилъ баллады по слѣдующимъ соображеніямъ.

«*Во-первыхъ*, удержаное въ русскомъ переводѣ самое названіе сего стихотворенія, *Ивановъ вечеръ*, можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь греко-россійской церкви обыкли хранить ко дню сего праздника, и г. переводчикомъ называемаго «великимъ днемъ»,—между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими передъ святымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противоположность между названіемъ баллады и самымъ ея содержаніемъ тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день (въ іюнѣ и августѣ) обыкновенно бываетъ постъ по уставу греко-россійской церкви».

«*Во-вторыхъ*, описаніе соблазнительныхъ дѣйствій, особливо явленій убитаго рыцаря... можетъ болѣе разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ и малопросвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ».

«*Въ-третьихъ*, баллада эта безъ историческихъ примѣчаній темна.

«*Въ-четвертыхъ*, для многихъ читателей покажется удивительнымъ и даже неприличнымъ то, что въ шотландской простонародной пѣснѣ, въ суевѣрномъ разсказѣ о явленіяхъ мертвеца, въ соблазнительномъ съ нимъ разговорѣ невѣрной жены дѣлаются весьма некстати обращенія къ творцу, кресту, великому иванову дню, представляются священникъ, монахи, панихида, поминки, часовня съ такою малою разборчивостью, что русскій читатель невольно подумаетъ, что ему хотятъ представить разсказываемое происшествіе случившимся, или по крайней мѣрѣ могущимъ случиться въ Россіи... Наконецъ,—

«*Въ-пятыхъ*, развязка всей пьесы не имѣетъ той силы, какую хотѣлъ бы найти въ ней читатель и какой дѣйствительно требуетъ великость пороковъ и преступленій, описываемыхъ здѣсь съ такой подробностью. Послѣ впечатлѣній, сдѣланныхъ надъ читателемъ представленною ему картиною соблазнительной жизни трехъ лицъ (выбранныхъ изъ людей высшаго состоянія), читатель не видитъ сокрушеній преступной жены, сдѣлавшей несчастнымъ вмѣстѣ и своего мужа, и любовника, и себя; не находитъ сильнаго раскаянія въ мужѣ, который отъ ревности и свирѣпства сдѣлался убійцей одного своего врага и желалъ открыть другихъ подобныхъ враговъ... О состояніи ихъ въ монастырскихъ стѣнахъ упомянуто холодно, съ равнодушіемъ», и т. д.

Вообще тогда цензура требовала, чтобы авторы не оставляли порока безъ наказанія. Драма Автушкевича «Увѣнчанная добродѣтель» была запрещена главнымъ образомъ за «несообразность съ отечественными постановленіями окончанія пьесы, гдѣ самыя узнанныя и доказанныя злодѣйства остаются безъ должнаго наказанія...»

Въ 1823 г. были запрещены «Стансы къ Элизѣ» Олина, переведенные изъ Вальтеръ-Скотта. Мы приведемъ здѣсь изъ нихъ нѣсколько особенно «возмутительныхъ» стиховъ вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ цензурнаго комитета.

«Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить».

Замѣчаніе. «Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна того, чтобы улыбку ея называть *небесною*».

«Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня *вниманья всей вселенной*!»

Замѣч. «Сильно сказано; къ тому жъ во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно».

«О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный близъ тебя къ блаженству пріучаться!»

Замѣч. «Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобъ быть всегда со своей любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно пріучаться только близъ евангелія, а не близъ женщины».

«У ногъ твоихъ для пѣсней лиру строить».

Замѣч. Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины".

Цензурный комитетъ, разсматривавшій это дѣло по жалобѣ Олина и «узнавъ изъ собственнаго его объясненія, что подразумѣваемая имъ въ заглавіи пьесы Элиза была *ни жена, ни невѣста, ни родственница автора*, а идеалъ любовницы, долженъ былъ таковое стихотвореніе по самому предмету его признать эротическимъ, или сладострастнымъ. Содержаніе пьесы отвѣчаетъ надписанію ея: она дышитъ одною нѣгою чувственности и страстію любви, сверхъ того заключаетъ двусмысленныя и непристойныя обращенія молодого автора къ своей любовницѣ». «Чтеніе *Стансовъ* г. Олина»—писалъ комитетъ — «могло возбудить въ читателяхъ, особливо молодыхъ, нечистыя чувствованія, которыя запрещаются 7-ю заповѣдью и осуждаются Спасителемъ въ евангеліи св. Матѳея, гл. 5, ст. 28. Такое чтеніе должно было произвесть большой соблазнъ особенно въ страстную недѣлю, въ которую авторъ могъ уже сіи коротенькіе стихи распустить по полученіи позволенія цензуры на напечатаніе ихъ; а извѣстно, какъ строго запрещены въ словѣ Божіемъ соблазны... Между тѣмъ, г. Олинъ распространилъ въ публикѣ слѣдующія примѣчанія: «Гг. цензора, сказавъ, что вся эта пьеса и грѣшна, и соблазнительна, спросили меня, къ кому она писана: къ женщинѣ или къ дѣвицѣ, къ ближайшей родственницѣ или къ посторонней, говоря, что это имъ необходимо нужно знать, потому что по многимъ стихамъ видно, что будто бы съ этой особой я имѣлъ тѣсную связь; я отвѣчалъ имъ, что на будущей недѣлѣ стану говѣть и исповѣдываться и тогда покаюсь священнику въ грѣхахъ моихъ; но какъ цензура не есть исповѣдная, а цензора не попы, то и не нахожу никакой нужды объясняться съ ними по сему предмету». Изъ сего любопытнаго примѣчанія г. Олина довольно видно, что Стансы къ Элизѣ онъ самъ признавалъ нескромнымъ чтеніемъ и что онъ представлялъ ихъ въ цензуру точно въ великій постъ». (Бесѣды, III, 6—47).

По этимъ примѣрамъ читатель можетъ судить, подъ какимъ давленіемъ находилась тогда несчастная русская мысль. Даже отступленія отъ принятыхъ правилъ правописанія считались недозволительною вольностью. Въ 1821 г. по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ ней буквы ъ, «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей слѣдовало быть по общимъ правиламъ россійскаго языка», высочайше повелѣно наблюдать цензорамъ, чтобы впредь отнюдь не было допускаемо подобныхъ отступленій отъ общихъ правилъ отечественнаго языка!..

Не легко было мысли, и въ то же время не безопасно было высказывать свои мысли. Преслѣдованія начинались даже по поводу одного представленія въ цензуру сочиненій, которыя признавались цензоромъ возмутительными. Цензоръ представилъ однажды Шишкову на разсмотрѣніе стихи Мещевскаго: «Посланіе къ артельнымъ друзьямъ». Въ нихъ говорилось между прочимъ:

.... часъ пробьетъ; услышимъ мы
Отечества призванье,—
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье.
Сплетенные рука съ рукой
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны.

Шишковъ нашелъ, что эти стихи «возмутительны противъ вѣры и правительства». «Слово: *артельные друзья* само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е. къ неизвѣстному, или тайному обществу... Стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію. Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: «*друзья артельщики*» (можетъ быть, нарочно не сказано: «товарищи», дабы подъ словомъ «артельщики» разумѣть и *солдатъ*)... А что между тѣмъ затѣваетъ артель сія?... Разрушить всякое общество, истребить всякую вѣру и правительство!» Давши такую волю своей фантазіи, находившейся въ болѣзненномъ состояніи политической бѣлой горячки, адмиралъ призвалъ къ себѣ журналиста Воейкова а и приструнилъ его. «Какъ ты смѣлъ такіе стихи принять съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ?» Воейковъ перетрусилъ и отвѣчалъ глупостью, что «не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ».—«Кто такой Мещевскій и гдѣ онъ живетъ?» Къ счастію для автора, онъ въ это время лежалъ уже въ могилѣ (Зап. Шишкова, 101—103) *).

Положеніе литературы было ужасное. Пушкинъ въ своихъ посланіяхъ къ цензору справедливо замѣчаетъ, что подобныхъ стѣсненій никогда не бывало при Екатеринѣ, что такъ дѣла шли только въ слѣдовавшую за смертью эпоху,—

Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать

Этихъ реакціонныхъ неистовствъ, какъ цензурныхъ, такъ и другихъ, отнюдь нельзя считать само-

*) Мещевскій еще до этой исторіи за подобные же «возмутительные» стихи былъ сосланъ въ Сибирь.

дурствомъ заблуждавшихся и невѣжественныхъ людей. Въ нихъ слишкомъ замѣтны нити интриги, устремленной къ поддержанію отжившихъ порядковъ и къ захвату власти ретроградной партіей. Это хорошо понимали и нѣкоторые современники, и Уваровъ писалъ, что «друзья мрака присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы *захватить власть и подкопать порядокъ* въ самомъ основаніи, они утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ то же время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона... Они—искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти и встревожить всѣ умы». Эта интрига яснѣе всего обнаружилась въ исторіи паденія голицынскаго министерства. Другъ Александра, Голицынъ былъ неудобенъ для Аракчеева, и противъ него устремились соединенныя усилія самого Аракчеева, сдѣланнаго по его настоянію петербургскимъ митрополитомъ Серафима, адмирала Шишкова, извѣстнаго архимандрита Фотія, его другини, графини Орловой-Чесменской и т. д. Всѣ дѣйствія и учрежденія Голицына, даже библейское общество, состоявшее подъ особеннымъ покровительствомъ государя, обвинялись въ иллюминатствѣ, невѣріи, пропагандѣ разрушительныхъ идей. Эти обвиненія подробно развиты въ обширной «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи» (Р. Арх., 1868, стр. 1329—1391),—запискѣ, служащей прототипомъ передовыхъ статей современныхъ намъ «Московскихъ Вѣдомостей». Начиная со времени Петра Великаго и причисляя къ врагамъ, ищущимъ погубить Россію, всѣхъ иновѣрцевъ, масоновъ, вольтерьянцевъ, русскихъ раскольниковъ, членовъ библейскаго общества и т. д., авторъ говоритъ, что «самыя ужасныя ковы къ погубленію Россіи враги ея устроили въ царствованіе Александра I,—ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость, на удивленіе самому аду... Да, самимъ адомъ придуманы и всѣ мѣры, которыя устроены къ тому, чтобы погубить могущественную Россію». Совѣтъ иллюминатовъ, «содѣйствуя дозволенію свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, распространенію книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства, преподаванію зловреднаго ученія въ университетахъ и умноженію библейскихъ обществъ, ископалъ глубокій ровъ между алтаремъ и тономъ Россіи, чтобы вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія, и тронъ самодержавія». Доказывая безнравственность, безбожность, революціонность разныхъ мистическихъ книгъ, изданныхъ при Голицынѣ, авторъ объясняетъ зловредность библейскихъ обществъ тѣмъ, что «враги церкви и отечества, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, *продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ*»; что «библію можно видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и въ переднихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы; божественная книга уничижена до послѣдней степени!..» Главнымъ орудіемъ этой адской интриги «совѣтъ иллюминатовъ» избралъ князя Голицына, доставивъ ему должности оберъ-прокурора синода, министра просвѣщенія и президента библейскихъ обществъ; а «дабы онъ имѣлъ возможность содѣйствовать всѣмъ тайнымъ сношеніямъ иностранныхъ враговъ Россіи и русскихъ съ иностранными и свободно разсылать переписки враговъ Россіи во всѣ мѣста Россіи, ему же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ». Всѣ измышленія и инсинуаціи автора «Записки» выдуманы были не имъ, а принадлежали всѣмъ членамъ той партіи, одинъ изъ органовъ которой онъ былъ. Успѣхамъ этой партіи много содѣйствовалъ выставленный ею кандидатъ на мѣсто Голицына, благочестивый адмиралъ Шишковъ. Плохой морякъ, плохой государственный человѣкъ, закоренѣлый старовѣръ, считавшій опаснымъ человѣкомъ даже Карамзина и прозрѣвавшій революціонный духъ даже въ попыткахъ обновить литературный языкъ, Шишковъ былъ крайнимъ славянофиломъ и самымъ яростнымъ ненавистникомъ западной цивилизаціи. Онъ былъ убѣжденъ, что все св. писаніе, вся литургія и церковный уставъ были написаны первоначально на языкѣ славянскомъ; «отъ вѣрованій въ боговдохновенность писанія перешелъ онъ къ увѣренности въ боговдохновенности самаго церковно-славянскаго языка». Народъ русскій былъ для него «избранникомъ Бога, сосудомъ его благодати», а самодержавіе—божественнымъ правомъ. Для счастія Россіи онъ считалъ совершенно достаточнымъ, если она останется всецѣло вѣрною церковному языку, самодержавію и древнимъ народнымъ обычаямъ, замаливая усердно продолженіе особой милости Божіей, избравшей ее предпочтительно передъ всѣми націями. (Р. Арх., 1871, 175—178). Шишковъ былъ довольно близокъ къ государю и не упускалъ случая повліять какъ на него, такъ и на другихъ представителей власти. Онъ постоянно и говорилъ, и писалъ противъ свободы слова и мысли даже въ тѣхъ ничтожныхъ размѣрахъ, въ какихъ эта свобода допускалась у насъ. «Слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ... При малѣйшемъ нерадѣніи блюстителей нравовъ, оно обезоруживаетъ ихъ строгость, смягчаетъ суровость, исторгаетъ ласки у гнѣва, похвалы у ненависти и безобоязненно, тысячами путей течетъ распространять языкъ страстей и лжи, который чѣмъ больше заразитъ умовъ, тѣмъ громче, дерзостнѣе и безстыднѣе становится. Прошедшій вѣкъ, названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бдѣніе правительствъ породилъ и возлелѣялъ сей духъ безбожія и злонравія, сей духъ, истребленіемъ и убійствами дышащій, отъ котораго потрясаются правительства потухаетъ свѣтъ вѣры, умолкаетъ законъ, гибнетъ власть, водворяется, свирѣпствуетъ шумное буйство, а добродѣтель, труды, науки, художества, утопаютъ въ потокахъ крови... Поборники по злочестіи, служившіе подъ знаменами его, основавъ тайное ученіе свое на безбожіи, на разрушеніи вѣры, престоловъ, чести, вѣрности, знали, какимъ сред-

ствомъ успѣшнѣе дойти до сего могутъ, и потому съ великимъ жаромъ защищали (и нынѣ защищаютъ) вольность книгопечатанія подъ предлогомъ такъ называемой ими свободы ума, но въ самомъ дѣлѣ свободы страстей и безумія». Нападая на вредное направленіе тогдашней литературы, Шишковъ приводилъ въ примѣръ цензурнаго послабленія выдержки изъ печатныхъ книгъ, въ родѣ слѣдующей: «щекотаніе есть тѣлесное ощущеніе, подобное ощущенію тренія или зуда. Они могутъ быть пріятными или непріятными. Дѣйствіе щекотанія есть смѣхъ, который можетъ быть соединенъ также съ пріятнымъ или непріятнымъ ощущеніемъ, смотря по тому, полезно ли жизни соединенное съ тѣмъ движеніе или нѣтъ». Сдѣлавъ нѣсколько подобныхъ выдержекъ и «обращая на нихъ вниманіе государственнаго совѣта», Шишковъ убѣждаетъ его въ зловредности всѣхъ подобныхъ сочиненій, которыя, не научая никакой добродѣтели, только затупляютъ умъ юношей и тѣмъ приготовляютъ его къ уловленію въ сѣти той ложной мудрости, цѣль которой—разрушеніе алтарей и троновъ!... Такъ писалъ Шишковъ въ 1815 г., доказывая государственному совѣту необходимость обуздать профессоровъ и писателей. Въ 1822 г., при разсмотрѣніи въ совѣтѣ возбужденнаго Руничемъ дѣла о петербургскихъ профессорахъ, онъ снова указывалъ на зловредность европейской науки и на вредоносность свободы слова, порождающей разныя «худости, служащія къ воспламененію умовъ и распространенію заблужденій». «Давно извѣстно,—писалъ онъ,—что нѣмецкіе профессора стараются затмевать ясность наукъ, примѣшивая къ нимъ непонятныя начала, изложенныя невразумительными словами и мыслями, дабы подъ видомъ глубокой, скрывающейся въ нихъ мудрости внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе и долговременнѣе получать отъ нихъ плату за свои уроки. Сія, на корыстолюбіи основанная хитрость, помрачая природный умъ и здравый разсудокъ, повела ихъ по кривому пути самолюбія, позволяя каждому созидать и утверждать собственныя свои мечтанія. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ пошли новыя выдумки, новый образъ мыслей; все стало позволительно, законы повиновенія и нравственности потеряли силу свою, и чего прежде никто не терпѣлъ, то сдѣлалось черезъ частое употребленіе и чтеніе въ книгахъ весьма общимъ и обыкновеннымъ. Дерзость мыслей свергла съ себя оковы и наложила ихъ на свободу правды и ума, дабы они не препятствовали ей укореняться». (Р. Арх., 1865, 1097—1116). Причину всѣхъ мятежей, революцій, цареубійствъ, безбожія наивный адмиралъ видѣлъ единственно въ слабости цензуры!.. Въ непонятномъ для него философскомъ языкѣ тогдашнихъ ученыхъ онъ прозрѣвалъ орудіе революціонной интриги! Въ библейскихъ обществахъ онъ указывалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ замыселъ «истребить правовѣріе, возмутить отечество, произвесть въ немъ междоусобія и бунты... и составить изъ всего рода человѣческаго одну общую республику!...» Переводъ библіи на русскій языкъ былъ для него величайшей профанаціей писанія, кощунствомъ, богохульствомъ, дѣломъ дьявола! При этомъ, невѣжество этого «просвѣщеннаго мореплавателя» было такъ велико, что онъ смѣшивалъ библейскія общества съ масонскими ложами. (Записки Шишкова, 65, 70, 72 и др.)! Адмиралъ жилъ въ мірѣ революціонныхъ призраковъ; во всемъ,—даже въ *наводненіяхъ*, въ пожарахъ, въ частыхъ воровствахъ, грабежахъ и убійствахъ, въ суевѣрныхъ толкахъ черни и въ городскихъ сплетняхъ,—вездѣ грезилась ему коварная революціонная интрига *). Онъ билъ тревогу, агитировалъ въ пользу обузданія мысли и слова и въ то же время отстаивалъ главный интересъ своей партіи— крѣпостное право. «Будь прямой русскій царь», писалъ онъ Александру. — «Возвысь дворянъ, ограду твоего престола! Будь отецъ народу, но не давай возмущать себя преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство!» (id., 78, 101).

Таковъ былъ соперникъ Голицына и одинъ изъ главныхъ агитаторовъ реакціонной партіи.

Главнымъ орудіемъ этой партіи былъ избранъ архимандритъ Фотій, ведшій себя такъ, что слухи объ его пророческихъ видѣніяхъ, чудесахъ, подвижничествѣ пріобрѣтали полную вѣру въ аристократическихъ кружкахъ, особенно среди барынь, которыя преклонялись передъ нимъ, какъ передъ какимъ-нибудь фетишемъ, исполняя каждый его капризъ. Фотій самъ хвастался своими мнимыми чудесами, тѣмъ, напр., что силою своихъ молитвъ онъ исцѣлилъ безплодіе жены своего брата, исцѣлялъ бѣсноватыхъ своими заклинаніями, чудеснымъ образомъ обратилъ въ православіе раскольническаго писателя есаула Котельникова, которому, въ то время, какъ онъ гнилъ въ тюрьмѣ, были даны за его обращеніе свобода и 1,000 рублей, но который, тотчасъ по возвращеніи на Донъ, сочинилъ, по выраженію Шишкова, «злѣйшую книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили его обращенію». (Чтенія, 1869, III, 189; Зап. Шишкова, 77). Этотъ самозванный чудотворецъ, льстившій Аракчееву, величавшій его «защитникомъ вѣры и отечества», а Филарета врагомъ православія и членомъ тайнаго общества, дѣлавшій видъ, что увѣщеваетъ Голицына отрѣчься отъ заблужденій и положить конецъ посѣянному имъ злу, предававшій его публично анаѳемѣ и всюду разглашавшій, что «черезъ троякое министерство въ однѣхъ рукахъ всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро расплываются, что въ ужасъ многихъ при-

*) По поводу, напр., петербургскаго наводненія онъ дѣлаетъ слѣдующую поучительную выписку изъ одного французскаго ретроградного памфлета. «Мы желаемъ Россіи, чтобъ она почувствовала, что разлитіе рѣкъ ея не есть самое большое бѣдствіе, котораго она страшиться долженствуетъ; что ученія, разрушающія всѣ общественныя связи, влекутъ за собою несравненно величайшую пагубу, и *что прежде размышленія о спасеніи себя отъ морскихъ опустошеній*, нужно ей ополчиться противъ хищной руки гордой философіи; *сперва пусть ей поставятъ оплотъ, и потомъ примемся за удержаніе въ предѣлахъ Невы*». (Зап. Шишкова, 90).

водятъ»,—этотъ самозванный чудотворецъ, интригуя противъ добродушнаго и суевѣрнаго Голицына, въ то же время увѣрялъ его въ своей дружбѣ и старался обезоружить страхомъ своей чудодѣйственной силы. «Знай, что я по власти, мнѣ данной,—писалъ онъ министру,—твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я Божій слуга: подыми же ты руку на меня, и узришь, что или *земля васъ пожретъ вскорѣ или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ!*» (Р. Арх., 1870, 1160.) Въ союзѣ съ Аракчеевымъ, Шишковымъ, Магницкимъ и другими ретроградами, со своимъ реноме святости, Фотій былъ силенъ, но все-таки нуждался въ помощи какого-нибудь духовнаго сановника, а первенствующій членъ синода, митрополитъ Амвросій, былъ лицомъ не подходящимъ. Его постарались удалить. Амвросій сшилъ себѣ для водосвятія въ крещенье саккосъ, подолъ и рукава котораго были опушены горностаемъ съ мантій, покрывавшихъ при похоронахъ тѣла великихъ княженъ Маріи и Елисаветы. На Амвросія донесли государю, что онъ служилъ «въ царскомъ платьѣ», и его уволили. Опредѣленнаго на его мѣсто Михаила заставили разными средствами хлопотать объ отставкѣ; а затѣмъ митрополитомъ былъ назначенъ Серафимъ, «мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу Божію». (Богданов., VI, 389—391). Съ его помощью Фотій могъ дѣйствовать вполнѣ успѣшно. Еще раньше онъ сдѣлался уже извѣстнымъ государю, и въ 1822—1825 гг. пять разъ бесѣдовалъ съ нимъ въ зимнемъ дворцѣ. (Чтенія, 1868, I, 265, 267, 273; Ковалевскій, 148). Вотъ какъ описываетъ самъ Фотій первое изъ этихъ посѣщеній. Серафимъ посовѣтовался съ епископомъ Владиміромъ о томъ, вызывать ли Фотія въ Петербургъ на ратоборство противъ «столповъ вражіихъ». Владиміръ отвѣчалъ утвердительно, предсказывая, что «потрясется весь градъ св. Петра отъ него», о. Фотія. Пріѣхалъ Фотій и началъ сговариваться о своемъ «подвигѣ» съ кѣмъ слѣдуетъ, и въ то же время «каждодневно бывалъ званъ на бесѣду о Господѣ то къ тѣмъ, то къ другимъ боярамъ и боярынямъ; все слово и дѣло было направляемо къ настоящей цѣли, како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособіе». Сговорившись и получивъ нѣсколько указаній свыше, «да течетъ на предлежащій подвигъ», Фотій потекъ и «на коняхъ дщери духовныя дѣвицы Анны (Орловой-Чесменской) пріѣхалъ ко дворцу цареву. Исшедъ изъ колесницы, шелъ по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тьмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ; но ежели оныя, видя крестное знаменіе, избѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, то Господь предъ лицомъ царя дастъ ему благодать». Вышелъ государь. «Я же, не обращая на него вниманія, смотрю, гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ залахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя, усмотрѣлъ назади у прага образъ въ углу, обратился и трижды знаменался, поклонясь, и предсталъ передъ царемъ». Александръ «цѣловалъ усердно десницу мою» и пригласилъ садиться. «Я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣлъ и царя перекрестилъ». Началась бесѣда. «Часто я себя знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ». Фотій хвалилъ Серафима и убѣждалъ государя въ томъ, что «враги церкви святой и царства весьма усиливаются, зловѣріе и соблазны явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ св. вѣрѣ Христовой и царству всему. Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступить». Государь былъ убѣжденъ и тронутъ святою ревностью Фотія. (Р. Арх., 1869, 937—942). Кромѣ личныхъ бесѣдъ, вліяніе Фотія еще болѣе поддерживалось посредствомъ писемъ, въ которыхъ онъ прямо указывалъ на голицынское министерство, какъ на средоточіе всевозможныхъ золъ и опасностей. «На вопросъ твой,—писалъ Фотій государю,—*какъ пособить, чтобы остановить революцію?*—молился я Господу Богу, *и вотъ что открыто*, только дѣлать немедленно: способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другіе два отнять отъ извѣстной особы; 2) библейское общество уничтожить; 3) синоду быть попрежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фесслера выгнать и методистовъ выгнать. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я тебѣ возвѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ». (Чтенія, 1868, I, 271). Подобныхъ увѣщаній, внушеній и откровеній для сверженія добродушнаго и искренняго мистика Голицына оказалось недостаточно. Устроена была слѣдующая штука Въ типографіи Греча и Края печаталась мистическая книга пастора Госнера объ евангеліи отъ Матвѣя. Въ этой книгѣ ретрограды нашли много возмутительнаго; посредствомъ обмана завладѣли корректурными листами книги, успѣли убѣдить кого слѣдуетъ въ зловредности какъ этой невинной книжонки, такъ и министерства, дозволяющаго подобныя изданія. Магницкій, Фотій, Аракчеевъ, Орлова-Чесменская настояли, чтобы митрополитъ Серафимъ лично представилъ госнеровскую книгу государю и убѣдилъ бы его въ крайней неблагонамѣренности голицынскаго министерства. Митрополитъ долго не соглашался; «три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ, до кареты проводили его Павловъ, Фотій и Орлова и своими руками усадили его въ нее; Павловъ, захлопнувъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобъ онъ не останавливался до Зимняго дворца, и крикнулъ: «пошелъ!» Прибавляютъ, что Магницкій ѣхалъ на дрожкахъ вслѣдъ за каретою, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу». Митрополитъ, явившись къ импера-

тору, «снялъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и сказалъ: «не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ в. в. царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и св. синоду возвратятся прежнія права его, что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся». Убѣдивъ императора въ зловредности госнеровской книги, Серафимъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Поднявъ и подавая ему клобукъ, государь сказалъ: «примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены». Госнеръ высланъ за границу, книга его конфискована и сожжена въ Александро-Невской лаврѣ, а цензоръ, переводчикъ и содержатель типографіи преданы суду. (Р. Арх., 1868 г., стр. 1368, 1387, 1390, 1405).

Въ маѣ 1824 г. Голицынъ смѣненъ, а Шишковъ, сдѣлавшись, по выраженію Карамзина, «министромъ народнаго затменія», тотчасъ принялъ всѣ мѣры «къ тихому и скорому потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно иное». (Записки, стр. 1). Началось усиленное запугиванье революціей, началось явное и тайное «строгое наблюденіе: непреподаются ли гдѣ въ университетахъ, гимназіяхъ, народныхъ училищахъ и пансіонахъ подъ видомъ наукъ какія-либо вредныя ученія, не разсѣваются ли гдѣ въ свѣтской словесности подобныя же мысли и сужденія; не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя таковыхъ новизнъ?» Литература была окончательно придавлена, почти въ каждомъ учебномъ заведеніи появился свой Магницкій, а Шишковъ все былъ недоволенъ, все жаловался на Александра, что онъ не облекаетъ его неограниченнымъ полновластіемъ для искорененія зла, разочаровывался въ своихъ силахъ, видя на каждомъ шагу препятствія со стороны разрушительнаго духа времени, представителей котораго онъ указывалъ всюду—въ синодѣ, въ сенатѣ, въ государственномъ совѣтѣ, при дворѣ. «Часъ отъ часу болѣе усматривалъ я»,— пишетъ онъ,— «что не имѣю ни средствъ, ни возможности поставить преграды сему, широко развившемуся и безпрепятственно текущему злу» (id., 66, 87, 104). Ревность Шишкова была безпредѣльна, но его тенденціи отличались такою крайностью, что встрѣчали противодѣйствіе даже въ реакціонныхъ слояхъ общества, и адмиралъ россійскаго просвѣщенія горько плакалъ о томъ, что не можетъ командовать своимъ министерскимъ кораблемъ какъ слѣдуетъ подъ дуновеніями противнаго и тлетворнаго духа времени.

Еще задолго до вступленія въ министерство Шишкова, во главѣ управленія сталъ Аракчеевъ. Гатчинскій служака, грубый, невѣжественный, крайне жестокій, Аракчеевъ началъ свою карьеру при Павлѣ. Александръ, будучи наслѣдникомъ высказывалъ положительное отвращеніе къ этому «гатчинскому капралу»; но когда онъ сдѣлался императоромъ, то капралъ сумѣлъ влѣзть къ нему не только въ милость, но даже въ дружбу. Нѣкоторыми своими заслугами по преобразованію арміи и артиллеріи, своимъ мнимымъ безкорыстіемъ, а главное, своею хитрою угодливостью царю и постоянною лестью, искусно скрытыми подъ маской искренней привязанности друга,, «безъ лести преданнаго», Аракчеевъ совершенно околдовалъ Александра, довѣрявшагося ему во всемъ. Онъ, не стѣсняясь, говорилъ въ минуты неудовольствій на императора, сдѣлавшаго что-нибудь не по его желанію: «я скажу государю—или отпустите меня отъ должности, или извольте подписывать, а я буду править». (Мертваго). «У Аракчеева всегда былъ запасъ бѣлыхъ листовъ, подписанныхъ уже государемъ, на которыхъ всемогущій временщикъ и давалъ свои «высочайшіе», указы». (Богдановичъ). Аракчеевъ, не занимая никакого важнаго поста, сдѣлался въ сущности первымъ министромъ и одинъ докладывалъ дѣла по всѣмъ министерствамъ. Съ четырехъ часовъ ночи начинали къ нему съѣзжаться министры и другіе сановники и должны были терпѣливо ждать въ передней, пока онъ не потребуетъ ихъ поочередно въ свой кабинетъ. (Богдан., V, 121). И въ средѣ простого народа, и во всѣхъ классахъ общества онъ возбуждалъ сильную, единодушную ненависть къ себѣ. Онъ зналъ это и боялся. «Онъ всегда былъ окруженъ стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи сряду на одной кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою, которая была его любовницею, и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ обязанъ былъ пробовать всякое кушанье, прежде чѣмъ онъ его касался». (Р. Арх., 1869, 1899).

Имя Аракчеева тѣсно связано съ военными поселеніями, о которыхъ въ послѣднее время изданы довольно интересные матеріалы (у Богдановича къ V и VI т.; Бунтъ военныхъ поселянъ, 1870; Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія, 1871).

VI.

Китайскій императоръ и знаменитый полководецъ Юй, жившій въ III в. до Р. Х., издалъ слѣдующее повелѣніе: «Чтобы истребить въ войскѣ духъ насилія, вредный для службы, пагубный для нравственности и постыдный для правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ, прекратить и наборы рекрутъ, отягощающіе подданныхъ, повелѣваю—поженить всѣхъ солдатъ и слить ихъ состояніе съ состояніемъ гражданскимъ и сельскимъ; водворить ихт съ семействами на особыхъ земляхъ и устроить въ нихъ въ полной силѣ хозяйственную и нравственную жизнь, чтобы каждый изъ нихъ, защищая отечество, защищалъ тѣмъ самымъ и свою собственность, а умирая съ оружіемъ въ рукахъ, помнилъ, что онъ оставляетъ отца, мать, жену и дѣтей своихъ въ совершенномъ спокойствіи». Мы не знаемъ, что вышло изъ этого учрежденія, но надо предполагать, что полководцу Юю не удалось превратить мирныхъ китайцевъ въ хорошихъ воиновъ, тѣмъ болѣе, что для воспитанія въ военныхъ поселянахъ воинственности не было принято никакихъ надлежащихъ мѣръ.

Самый удачный опытъ такого воспитанія былъ

сдѣланъ въ Спартѣ, окончательная организація которой приписывается Ликургу. Общество, жившее трудами рабовъ своихъ, было устроено такъ, чтобы каждый гражданинъ развивался въ сильнаго, отважнаго, искуснаго воина, слѣпо покорнаго дисциплинѣ, не подчиненнаго никакимъ человѣческимъ страстямъ и чувствованіямъ, кромѣ искусственно развитаго сознанія своего долга.

Давно уже доказано, что россійская земля можетъ рождать «собственныхъ Невтоновъ и гордыхъ разумомъ Платоновъ». У насъ были не только свои Колумбы — Шелеховы, свои Вольтеры — Сумароковы, свои Фридрихи Великіе—Петры III, но былъ также и свой Юй, свой Ликургъ,—графъ Аракчеевъ, этотъ отецъ россійской барабанной цивилизаціи, возымѣвшій геніальную мысль превратить отечество въ казарму, а россіянъ —въ спартанцевъ. Мысль геніальная тѣмъ болѣе, что невѣжественный графъ, не умѣвшій написать безъ грамматическихъ ошибокъ даже дневного приказа, не зналъ, конечно, ничего о китайскомъ императорѣ Юѣ и не имѣлъ понятія о спартанской конституціи. До всего дошелъ онъ собственнымъ умомъ, хотя нужно замѣтить, что идея военныхъ поселеній и планъ спартанизаціи россіянъ существовали еще до Аракчеева. Еще въ царствованіе Екатерины, въ Гатчинѣ, при дворѣ наслѣдника думали о томъ, чтобы опоясать Россію цѣпью военныхъ колоній, и хотя Павелъ не приступалъ къ выполненію этой мысли, но зато при немъ всѣ войска были поставлены на чисто спартанскую ногу и великое искусство фронта доведено до идеальнаго совершенства. Въ этой-то школѣ воспитался и выслужился генералъ Аракчеевъ, жестокій педантъ, величайшій интриганъ и самолюбецъ, прикидывавшійся честнымъ и прямодушнымъ простякомъ, деспотъ въ душѣ, человѣкъ безъ сердца и безъ всякихъ дарованій, вылѣзшій въ люди благодаря одной только своей изворотливости. При Павлѣ, какъ сказано выше, Александръ питалъ къ этому «гатчинскому капралу» сильное отвращеніе, естественное отвращеніе добродушнаго юноши и пламеннаго друга человѣчества къ невѣжественному, грубому солдату. Но впослѣдствіи своимъ безкорыстіемъ, нѣкоторыми своими заслугами по преобразованію арміи, а главное—своимъ самоуниженнымъ преклоненіемъ передъ личностью государя, своею поитворною привязанностью къ нему, своею постоянною лестью, искусно прикрытою любовью вѣрно-педданнаго друга, «безъ лести преданнаго»,—Аракчаевъ положительно околдовалъ государя и, не занимая никакой особенно важной должности, сдѣлался фактически правителемъ государства. Министры униженно толпились съ докладами въ его пріемной, терпѣливо ожидая дозволенія предстать передъ грубаго временщика, у котораго всегда были бѣлые листы, подписанные императоромъ. (Богд., V, 120, 361). Послѣ паденія Сперанскаго, послѣ того, какъ въ государственныхъ дѣлахъ насталъ рѣшительный реакціонный переломъ, Аракчеевъ сдѣлался всемогущимъ и возбуждалъ къ себѣ ненависть во всѣхъ классахъ общества, трепетавшаго подъ его желѣзною рукою. Эта ненависть, прикрытая наружнымъ раболѣпствомъ, была такъ сильна, что иногда прорывалась наружу въ самой рѣзкой формѣ, какъ, напр., въ стихотвореніи «Къ временщику», переведенному изъ Персія и напечатанному въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года.

Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй! и т. д.

Реакціонная партія, во главѣ которой стоялъ Аракчеевъ, стѣснивъ литературу и науку, охранивъ на время крѣпостное право отъ замысловъ эманципаторовъ, задавивъ идею коренныхъ государственныхъ реформъ, сознавала необходимость сильной арміи, какъ для внѣшняго величія Россіи, такъ и для охраненія «законнаго порядка» внутри государства. Разстройство государственныхъ финансовъ заставляло по возможности экономничать при производствѣ предположенной военной реформы, а примѣръ прусскаго ландвера и русскихъ казачьихъ войскъ указывалъ на возможность созданія дешевой арміи, въ которой обязанности солдата соединялись бы съ дѣятельностью земледѣльца и посредствомъ которой можно было бы, водворивъ въ народѣ военную дисциплину, воспитать въ немъ чувства преданности и безпрекословнаго повиновенія. Самъ Александръ сдѣлался горячимъ сторонникомъ нововведенія; онъ видѣлъ въ немъ отличное средство для улучшенія солдатскаго и крестьянскаго быта, для поднятія уровня не только матеріальнаго благосостоянія, но даже и умственнаго развитія народа. Аракчеевъ отлично умѣлъ играть на этой струнѣ александровскаго сердца и рисовалъ императору утопическую картину благосостоянія Россіи, преобразованной по гатчинскому образцу. Вмѣсто армяковъ—мундиры, вмѣсто избъ форменные домики, вытянутые въ линію, вмѣсто волостныхъ правленій—штабы, вмѣсто бѣдности—всеобщее довольство, вмѣсто безпорядковъ — строгая дисциплина; граждане по командѣ встаютъ, по командѣ ложатся спать, по командѣ ѣдятъ, по командѣ работаютъ; фельдфебеля и унтеръ-офицеры ведутъ народъ по пути усовершенствованій, и всероссійская жизнь течетъ ровно и спокойно подъ неумолкаемый звукъ барабановъ. Въ проектированной имъ системѣ россійскій Ликургъ видѣлъ, кромѣ того, надежное орудіе для борьбы съ идеями и замыслами либераловъ, которымъ онъ имѣлъ полное основаніе говорить словами Скалозуба:

Я вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ,
Онъ въ двѣ шеренги васъ построитъ,
А пикнете,—такъ мигомъ успокоитъ!...

Посредствомъ военныхъ поселеній въ государствѣ вводилось что-то въ родѣ постояннаго осаднаго положенія. Владычество крѣпостниковъ и бюрократовъ получало сильную и дешевую защиту.

Аракчеевская утопія, положительно невыполнимая въ государствѣ цивилизованныхъ, могла казаться выполнимою въ тогдашней Россіи, которая не разъ уже подвергалась подобнымъ экспериментамъ. При Павлѣ, напр., въ духѣ котораго былъ

воспитанъ Аракчеевъ, система опеки и военной дисциплины была доведена до крайности. Россіяне обязаны были въ опредѣленные часы вставать, въ опредѣленные часы гасить огни и ложиться спать; платье, обувь, экипажи, упряжь—все было до мелочей регламентировано указами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русскую жизнь старались ввести суровые и простые спартанскіе нравы. Магазины модъ и трактиры преслѣдовались и закрывались; служилымъ людямъ запрещено носить калоши, теплыя пальто и шинели; тѣлесныя наказанія возстановлены для привилегированныхъ сословій и, по выраженію тогдашняго одописца, всѣмъ россіянамъ сталъ угрожать одинъ символъ правосудія,—

Одинъ нелицемѣрный кнутъ..

Дисциплина и слѣпое повиновеніе доведены до идеальнаго совершенства *).

Ликургъ, при введеніи въ Спартѣ своей конституціи, встрѣтилъ довольно сильное сопротивленіе, и ему даже выкололи одинъ глазъ. Въ россійскомъ же государствѣ, привыкшемъ уже въ теченіе своей тысячелѣтней жизни подвергаться всевозможнымъ государственнымъ экспериментамъ, новѣйшій Ликургъ, Аракчеевъ ,не только сохранилъ невредимыми оба глаза, но даже не встрѣтилъ никакой серьезной оппозиціи своему утопическому плану. «Государство, это—казарма», сказалъ онъ, и властною рукою началъ строить казармы для мирныхъ обывателей.

Центромъ военныхъ поселеній была избрана новгородская губернія, населенная раскольниками и отличавшаяся безпокойнымъ духомъ до такой степени, что даже монахи Рдѣйскаго монастыря выходили на дорогу для ночного промысла. Затѣмъ поселенія быстро начали возникать въ губерніяхъ петербургской, могилевской, слободско-украинской, и къ концу александровскаго царствованія корпусъ военныхъ поселеній состоялъ изъ 138 баталіоновъ, 240 эскадроновъ, 32 фурштадтскихъ ротъ, 2 саперныхъ ротъ и 2 ротъ охтенскаго порохового завода. Поселенные солдаты получали ослѣдлость, надѣлялись отъ казны землею, домами, земледѣльческими орудіями, скотомъ, упряжью. Они должны были быть проникнуты мыслію, «что земледѣльческія и всѣ прочія по хозяйству занятія, по важности и отвѣтственности, равны какъ бы службѣ во фронтѣ; а добронравное обхожденіе въ кругу своего семейства служило какъ бы порукою передъ начальствомъ въ хорошихъ качествахъ. Посему солдатъ долженъ быть попечительный отецъ дѣтей и родственниковъ, добрый мужъ и надежный другъ и сотоварищъ», и т. д. Солдаты назначались въ поселенія преимущественно женатые, и Аракчеевъ старательно собиралъ и свозилъ къ мужьямъ солдатокъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Крестьяне или «коренные жители» также обращались въ военныхъ поселянъ, подчинялись военному начальству, служили во фронтѣ дѣйствующихъ войскъ или резервовъ. Всѣ дѣти ихъ считались военными кантонистами, учились въ школахъ и съ 12-лѣтняго возраста поступали на службу. При общемъ ужасѣ жителей, поселяемая команда входила въ селеніе и начинала водворять въ немъ унтеръ-офицерскую цивилизацію, которая во многихъ мѣстахъ встрѣчала энергическое сопротивленіе со стороны крестьянъ, особенно въ новгородской губерніи. Деревню Ясеневу семеновскій полкъ блокировалъ мирнымъ способомъ цѣлыя шесть недѣль. Крестьяне, оттѣсненные къ послѣдней избѣ, измученные холодомъ и голодомъ, вынуждены были наконецъ покориться. Цырюльники тотчасъ же начали брить и стричь ихъ, подъ жалобный вой крестьянокъ. Въ другихъ селеніяхъ крестьяне упорствовали гораздо сильнѣе: одни умирали подъ палками и розгами, не желая разставаться со своими бородами; другіе же, наказанные и закованные въ цѣпи, отправлялись въ оренбургскій край, какъ преступники. Послѣ того, какъ волосы были острижены, а бороды обриты, поселянъ начали одѣвать въ форменные сюртуки и камзолы, въ шапки и рейтузы; мундиры же надѣвались ими только на смотрахъ и «общественныхъ работахъ»!.. Вмѣстѣ съ этими внѣшними перемѣнами производились радикальныя реформы и всего внутренняго быта. Военныя поселенія формировались изъ казенныхъ деревень и имѣній, насильно отнимаемыхъ у помѣщиковъ. Съ поступленіемъ города Чугуева въ округъ военнаго поселенія, 135 человѣкъ харьковскихъ и зміевскихъ купцовъ и мѣщанъ, жившихъ постоянно въ Чугуевѣ, имѣвшихъ здѣсь торговлю, лавки, сады, дома, были изгнаны изъ города и принуждены распродать за безцѣнокъ все свое имущество. За дома имъ выплачивалось $^3/_5$ оцѣночной суммы, а земли и сады присоединялись къ военнымъ поселеніямъ безмездно. «Задача привести военныя поселенія въ образцовое состояніе по внѣшнему виду была нелегка и тяжелымъ гнетомъ падала на многихъ. Не щадились для этого ни труды, ни привычки, ни даже собственность. Не понравился крестьянскій домъ—ломаютъ его; стоитъ онъ не въ линію съ другими—сносятъ его на другое мѣсто. Въ особенности частная собственность страдала въ видахъ уничтоженія черезполосности земель, занимаемыхъ военными поселеніями». (Гр. Аракчеевъ, 138). Еще безцеремоннѣе, чѣмъ съ помѣщиками, поступали съ крестьянами, отнимая у нихъ для поселеній луга, пашни, лѣса и воды. Завладѣвъ такимъ образомъ землями и одѣвъ всѣхъ крестьянъ въ форменный костюмъ, россійскій Ликургъ началъ строить форменныя избы, форменные этапы и станціонные дома, форменныя церкви, трехъэтажные штабы, казармы, магазины, гауптвахты, пороховые погреба, лѣсопильные заводы, мельницы, оружейныя мастерскія, мосты и т. д. Онъ устроилъ пароходство по Волхову; онъ осушалъ болота и пролагалъ дороги по мѣстамъ, которыя до тѣхъ поръ считались не доступными. Крестьяне и поселяне были обременены работами, изъ которыхъ однѣ производились совершенно безплатно, а другія за самое ничтожное, да къ тому же и дурно выплачиваемое вознагражденіе. Потомъ и слезами

*) См. стр. 127, 128.

была полита обстройка военныхъ поселеній, зато по внѣшности они получили образцовый, однообразный видъ: чистыя улицы, освѣщаемыя ночью фонарями, опрятные домики, выстроенные во фронтъ и по одинаковому плану, просторные дворы, подстриженныя деревья въ садахъ, форменная мебель, обязательная для всѣхъ, окрашенные дикою краскою шкафы, двуспальныя кровати, большіе и малые лари, рукомойники, крынки съ молокомъ и сметаною, содержимыя по инструкціи,—все отличалось по наружности чистотой и дисциплиной.

Внутренній бытъ поселянъ былъ подвергнутъ точно такой же регламентаціи, какъ и ихъ внѣшняя житейская обстановка. Аракчеевъ хотѣлъ уровнять всѣхъ военныхъ поселянъ въ матеріальномъ отношеніи не только по ихъ земельнымъ участкамъ, но и по всѣмъ другимъ хозяйственнымъ условіямъ. Бѣднѣйшіе получали на первый разъ отъ казны все, чего имъ недоставало по табели имуществъ, утвержденной 2 февраля 1819 г., «дабы и самый бѣдный изъ коренныхъ жителей имѣлъ одинаковую возможность улучшать свое состояніе и благоденствовать въ званіи военнаго поселянина-хозяина». Коренные жители раздѣлялись на роты, капральства и десятки; дома ихъ и они сами имѣли нумера, подъ которыми значились въ спискахъ. «Люди, отданные на службу въ округа военнаго поселенія,—говорятъ *Правила*,—прежде поступленія коренныхъ жителей въ военные поселяне и по переводѣ въ поселенный полкъ помѣщенные въ составъ поселеннаго батальона, найдя свое хозяйство сбереженнымъ женою или родственниками, вступаютъ въ права свои и живутъ въ домахъ собственныхъ. Вновь водворенные хозяева изъ старыхъ солдатъ, между выстройкою казенныхъ домовъ, размѣщаются въ старые дома тѣхъ изъ коренныхъ жителей, кои имѣютъ малыя семейства или у коихъ есть двѣ избы. Одинокіе хозяева, составляющіе сводное семейство, помѣщаются преимущественно съ тѣми хозяевами, кои имѣютъ малое семейство. Въ домахъ, казною построенныхъ, размѣщеніе производится такимъ образомъ, чтобы люди одного семейства или одного содружества, имѣющіе или желающіе имѣть совокупное жительство, непремѣнно были вмѣстѣ въ одномъ домѣ, а не въ разныхъ домахъ, развѣ семейство будетъ превосходить мѣру опредѣленнаго въ домѣ помѣщенія. Ежели семейство состоитъ изъ четырехъ обмундированныхъ хозяевъ, напримѣръ, изъ отца, двухъ его сыновей и зятя, то одно оно можетъ занять цѣлый домъ для своего помѣщенія. Ежели семейство будетъ состоять изъ трехъ обмундированныхъ хозяевъ, напр., изъ отца и двухъ его сыновей, или изъ двухъ братьевъ и шурина, то ежели къ сему семейству принадлежитъ поселенный унтеръ-офицеръ, оно равнымъ образомъ можетъ занять цѣлый домъ для своего помѣщенія, но ежели унтеръ-офицера въ семействѣ не будетъ, то четвертый хозяинъ помѣщается съ ними, хотя изъ постороннихъ. Ежели семейство состоитъ изъ двухъ только обмундированныхъ хозяевъ, то таковое помѣщается въ одной половинѣ дома, а другое занимаетъ другую». Каждый изъ неспособныхъ къ службѣ коренныхъ жителей можетъ назначить вмѣсто себя хозяиномъ своего сына, послѣ чего однакожъ онъ «не перемѣняетъ ни своего вида, ни своихъ упражненій. Онъ остается необмундированнымъ въ своей одеждѣ, живетъ спокойно и, бывъ свободенъ отъ всѣхъ обязанностей и общественныхъ работъ, занимается единственно управленіемъ хозяйства». Сироты, вдовы, увѣчные, больные пристраивались или къ своимъ родственникамъ, или въ услуженіе къ поселянамъ, или же въ казенныя богадѣльни. Домашняя и семейная жизнь была регулирована до мелочей: мытье половъ и молитвы, уходъ за коровой и время обѣда,—все должно было дѣлаться извѣстнымъ образомъ и въ извѣстное время. Даже браки устраивались по военному артикулу. Составляли списки всѣмъ, кому пришла пора жениться и выходить замужъ. Въ назначенный день собирали тѣхъ и другихъ, опускали въ одну шапку билетики съ именами жениховъ, а въ другую—съ именами невѣстъ, и по жребію женили молодежь. Беременныя бабы не смѣли разрѣшаться дома, а должны были являться для этого въ штабъ, къ повивальной бабкѣ! Жизнь текла ровно, машинообразно; пьянство строго преслѣдовалось, какъ преслѣдовалось всякое малѣйшее отступленіе отъ правилъ. Офицеры обязаны были собираться на общій обѣдъ въ полковые и батальонные штабы; неявлявшихся подвергали штрафу; казенные дилижансы привозили и отвозили офицеровъ; на этихъ обѣдахъ предписывалось соблюдать строгую умѣренность; дозволялось покупать вино, но «шампанскаго—ни въ какомъ случаѣ». Иногда къ этимъ спартанскимъ обѣдамъ являлся самъ графъ, но садился всегда за особымъ столомъ; тарелка съ кушаньемъ, назначаемая имъ кому-нибудь изъ присутствующихъ, считалась знакомъ особой милости грознаго повелителя военныхъ поселеній.

Фронтовая служба, обязательныя работы и хозяйственныя занятія отнимали все время поселянъ. Сегодня цѣлый день ученье, завтра смотръ, на третій день поселянинъ работаетъ цѣлый день въ полѣ, къ вечеру его выгоняютъ чистить улицу, а ночью онъ долженъ бѣлить избу или подновлять перегородку и т. д. Работа страдная, поощряемая крѣпкою бранью, розгами и палками. И пусть бы эта работа улучшала хоть сколько-нибудь матеріальное положеніе поселянъ, а то весь ихъ трудъ пропадалъ совершенно даромъ, и сотни тысячъ людей работали безсознательно, въ пользу какой-то утопической идеи, попавшей въ голову Аракчеева. Онъ хвастался, что, благодаря его спартанской системѣ, бытъ народа значительно улучшился; что крестьяне освободились отъ грабежей земской полиціи, что для нихъ исправлены дороги, куплены заводскіе жеребцы, наняты повивальныя бабки и т. д. Въ дѣйствительности же всѣ эти улучшенія существовали только на бумагѣ; какъ матеріальное, такъ и нравственное положеніе поселянъ значительно ухудшилось. Ихъ земли, лѣса и воды были обрѣзаны; значительная часть ихъ времени отнята на казен-

ныя работы или на безполезныя занятія, въ родѣ фронтовой шагистики; поселяемые солдаты размѣщались по домамъ поселянъ, которые обязаны были доставлять имъ приварокъ, овесъ, сѣно, солому. Содержаніе этихъ обязательныхъ нахлѣбниковъ было крайне разорительно для поселямъ и очерь выгодно для казны. Еще болѣе разорительны и отяготительны были казенныя работы, на которыя часто выгонялись не только мужчины, но и женщины, и которыя производились, не смотря ни на какую погоду: канавы рылись въ трескучіе морозы, полотна дорогъ усыпались пескомъ подъ проливными дождями, чтобы скорѣе выровнять мѣстность, выжигали строевые лѣса. Частные наниматели платили тогда за рабочій день до 1 рубля, а военнымъ поселянамъ казна назначала только 25 коп., да и тѣ обращались частію на улучшеніе пищи работниковъ, частію въ артельную кассу. Иногда казна отдавала своихъ поселянъ для работы помѣщикамъ, и послѣдніе платили имъ до 1 р. въ день, но изъ этихъ денегъ работники получали только 25 к., а остальныя 75 к. поступали въ общія суммы военныхъ поселеній, ибо, по мнѣнію Аракчеева, «несправедливо было бы людямъ однихъ баталіоновъ предоставить выгоду бо́льшую, нежели другихъ, когда тѣми и другими отправляются работы въ равной мѣрѣ». За 1,000 кирпичей вольнымъ работникамъ платилось 8 р., а солдатамъ поселянамъ 2 р.; за теску камня первымъ отъ 50 до 80 р., а послѣднимъ только 5 р. 90 к. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, какъ мы уже говорили, многія работы исполнялись безплатно крестьянами и поселянами, «взамѣнъ выгодъ, кои имъ предоставлены», т.-е. въ уплату за заводскаго жеребца, приходившагося на 2,000 хозяйствъ, за повивальную бабку, за наслажденіе видомъ подстриженныхъ деревьевъ въ садахъ и за всю шпицрутенную опеку начальства...

Жизнь въ военныхъ поселеніяхъ была крѣпостнымъ рабствомъ. Даже офицерамъ приходилось невтерпежъ. Ихъ силою удерживали на службѣ, не выпуская въ отставку, ихъ жестоко преслѣдовали за каждый самовольный или непонравившійся начальству шагъ; ихъ морили на гауптвахтахъ, ни за что, ни про что предавали военному суду, приговаривали къ каторгѣ и «къ лишенію живота», а потомъ миловали заключеніемъ въ крѣпости или отдачею въ солдаты. Слѣдователи и судьи дѣлали все, что было имъ приказано. Офицеровъ не только ругали, но и били по щекамъ, стригли и брили на барабанѣ передъ полкомъ; вообще съ ними обращались такъ грубо и жестоко, что они, подобно простымъ солдатамъ, даже бѣгали изъ полковъ. Жизнь солдатъ, крестьянъ и кантонистовъ, стариковъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ была также невыносима; каждый деньпредвидѣлись экзекуціи, и многихъ засѣкали, гоняя сквозь строй. Самоубійства страшно усилились, и въ офиціальныхъ рапортахъ ихъ значилось больше всего въ числѣ «происшествій». Начальство почти всегда приписывало ихъ «неизвѣстной причинѣ». Большое число самоубійствъ посредствомъ утопленія объяснялось обыкновенно «неосторожностью»; причину смерти застрѣлившихся относили къ умопомѣшательству, вынутыхъ изъ петли обвиняли въ пьянствѣ и жестоко наказывали за него. Иногда самоубійцы оставляли записки, изъ которыхъ въ одной, напр., говорилось, что побужденіемъ къ самоубійству служила «невыносимость здѣшней жизни», т.-е., жизни въ военныхъ поселеніяхъ. Кромѣ самоубійствъ, въ вѣдомостяхъ показывалось множество случаевъ внезапной смерти «отъ апоплексическаго удара», т.-е. отъ палокъ, плетей и розогъ. Еще хуже дѣйствовали изнурительныя работы, на которыхъ умирало до $^1/_{10}$ работавшихъ.

Жестокость эта порождала отчаяніе и уныніе; произволъ велъ къ интригамъ, шпіонству и лицемѣрію. «Баталіонные командиры»—говоритъ Панаевъ—«старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, не разбирали средствъ и были покорны даже противу присяги и совѣсти. Шпіонство, съ одной стороны, и побужденіе нижнихъ чиновъ къ доносамъ на ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, съ другой,—совершенно ослабляли всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе всегда спрашивали солдатъ о претензіяхъ: не употребляютъ ли ихъ въ праздники и не изнурительны ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали подъ военный судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась, и начальникъ отдавался подъ судъ. Жестокости и строгости было много, но дисциплины не было; войска были деморализованы начальствомъ, а начальники, съ своей стороны, получая свыше приказанія, кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли эти приказанія не прямо отъ себя, а старались внушить солдатамъ, что если бы не было приказано, то они не стали бы мучить людей. Военное начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работу и по праздникамъ», и т. д. Большинство офицеровъ было изъ бурбоновъ, грубые, невѣжественные, жестокіе, не стѣснявшіеся никакими нравственными принципами, пользовались ради личной наживы всѣмъ, что попадалось подъ руку. Аракчеевъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не былъ ни взяточникомъ, ни казнокрадомъ. Большинство же его подчиненныхъ грабило и казну, и поселянъ. Поживиться было изъ чего. Съ 1818 по 1823 г. на военныя поселенія изъ разныхъ источниковъ поступило 28.940,000 р., изъ которыхъ на устройство поселеній издержано 13.798,000 р. Личный трудъ поселянъ, стоившій гораздо болѣе этихъ милліоновъ и безконтрольно заправляемый командирами, давалъ послѣднимъ несравненно больше доходовъ, чѣмъ казенные сундуки. Поселянамъ давали несравненно меньше, а работать заставляли ихъ несравненно больше, чѣмъ слѣдовало по положенію; излишекъ поступалъ въ карманы отцовъ-команди-

ровъ. Отъ фельдфебеля до генерала всѣ считали имущество поселянъ своею собственностью. Даже самъ Аракчеевъ въ офиціальныхъ бумагахъ признавался, что онъ находилъ въ поселеніяхъ дурную пищу, скверную одежду, поселянъ, совершенно истощенныхъ излишнимъ трудомъ, громадныя растраты казенныхъ суммъ и т. д. Но Аракчеевъ выставлялъ это частными, случайными злоупотребленіями и употреблялъ всѣ средства, чтобы доказать процвѣтаніе военныхъ поселеній.

Онъ постоянно доносилъ государю, что въ поселеніяхъ «все благополучно, тихо и спокойно», что поселяне благословляютъ свою участь, что даже по ихъ наружности можно убѣдиться въ степени ихъ благосостоянія,—все это «люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ». Для прославленія своихъ дѣлъ и для доказательства, что въ поселеніяхъ процвѣтаютъ не только матеріально благосостояніе, но даже и науки, Аракчеевъ основалъ журналъ—«Семидневный листокъ военнаго поселенія, учебнаго баталіона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка». Полуграмотные кантонисты, безграмотные писаря, невѣжественные офицеры въ прозѣ и стихахъ начали прославлять въ этомъ изданіи геній и подвиги графа, старавшагося будто бы о «распространеніи въ любезномъ отечествѣ нашемъ корня наукъ и познаній, столь необходимыхъ для благоустроеннаго государства, которому оружіе доставляетъ свободу и независимость, науки же—улучшеніе и возвышенность чувствъ». Цѣль журнала, по объясненію одного изъ его сотрудниковъ, состояла въ томъ, чтобы цивилизовать поселянъ—

«Во тьмѣ чтобъ видѣть ясно свѣтъ,
Чтобъ въ немъ науки, чести, славы,
Чтобъ благочестье, кротки нравы
Цвѣли, какъ розы-кринъ весной».

Въ «Пѣснѣ русскаго солдата при начатіи селенія войскъ» солдатъ восторгается своимъ блаженнымъ состояніемъ и поетъ:

«Государь, всѣмъ землю давши,
Намъ построилъ и домы;
Ружья въ руки только взявши,
Въ дворъ ступай да и живи.
Лошадей, коровъ тамъ сыщешь,
Какъ пришелъ, даютъ тебѣ,
И все нужное увидишь,
Все найдешь ты тамъ себѣ.
Ты хозяинъ тогда воленъ,
Не въ курной стоишь избѣ,
Право, будешь всѣмъ доволенъ,
Что тутъ думать, братъ, тебѣ?
Мы хозяюшекъ найдемъ тамъ,
Коль захочешь для себя,
Такъ объ чемъ, друзья, тужить намъ,
Живъ, сударушекъ любя!..»

Не одни только подчиненные сочинители прославляли графа. Все трепетало передъ грознымъ Аракчеевымъ, и хвалы ему расточались даже съ церковныхъ каѳедръ. Угодничество простиралось до того, что, когда была убита его любовница, то въ надгробномъ словѣ архимандритъ Фотій утѣшалъ безутѣшно скорбѣвшаго Аракчеева тѣмъ, что покойница будетъ причтена на небесахъ «къ сонму великомученицъ» *). Протоіерей Малиновскій, при встрѣчѣ въ Грузинѣ царя, уподоблялъ военныя поселенія водвореню евреевъ Іисусомъ Навиномъ «на обѣтованной землѣ». Но нечего удивляться льстивости какого-нибудь попа, когда даже первые сановники государства, вопреки собственному убѣжденію, превозносили до небесъ ненавистное учрежденіе и презираемаго ими гатчинскаго капрала. Въ отчетѣ за 1824 г. графъ выставлялся «великимъ геніемъ, который въ три мѣсяца измѣнилъ въ крестьянскомъ населеніи прежніе буйные нравы, пороки и самые даже порывы къ дурнымъ и вреднымъ наклонностямъ». Генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ Аракчееву, что «всѣ вообще въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенство въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходитъ всякое воображеніе. Иностранцы не опомнятся еще отъ зрѣлища для нихъ неожиданнаго». Графъ Кочубей признавался Аракчееву и докладывалъ государю, что въ сравненіи съ военными поселеніями, не принадлежащія къ нимъ земли представляются «какою-то варварскою страной». Даже самъ Сперанскій, возвратившись изъ своей почетной сибирской ссылки, унизился до того, что написалъ хвалебную брошюру «О военныхъ поселеніяхъ». При такихъ обстоятельствахъ и при полной довѣренности государя, Аракчееву нетрудно было убѣдить послѣдняго въ процвѣтаніи своей каторжной Спарты. Когда Александръ ѣздилъ по поселеніямъ, то были приняты всѣ мѣры, чтобы обворожить его. На столахъ въ обѣденное время онъ находилъ хорошіе щи, квасъ и жареныхъ поросятъ; полы въ домахъ были будто новые, потому что крестьянъ обязывали застилать ихъ въ будни рогожами. Все это было самымъ наглымъ обманомъ. Жареный поросенокъ былъ одинъ на все поселеніе, пока императоръ улицею переходилъ изъ избы въ избу, поросенокъ въ то же вре-

*) Настасья убита дворовыми людьми, выведенными изъ терпѣнія ея неимовѣрными жестокостями. Аракчеевъ приписывалъ это интригѣ враговъ общественнаго порядка! «Легко можетъ быть,—писалъ онъ Александру,—сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу, батюшка, волю». Александръ также предписывалъ новгородскому губернатору, «чтобы старался дойти всѣми мѣрами: не было ли какихъ тайныхъ направленій и подущеній». Такимъ образомъ, изъ самаго обыкновеннаго случая было сдѣлано государственное происшествіе! Губернаторъ, слѣдователи и судьи повели дѣло возмутительнымъ образомъ, захватывали невинныхъ, пытали ихъ, прописывали имъ по 175, 125, 90 кнутовъ, ссылали въ Сибирь безъ разбору! Исправникъ Лялинъ и засѣдатель Мусинъ-Пушкинъ подверглись строгому преслѣдованію и преданы суду «за умышленное ходатайство за преступницу Константинову», за то, что, видя ее беременною, они требовали отсрочки ея наказанія кнутомъ. При Николаѣ это дѣло было пересмотрѣно, большинство осужденныхъ и наказанныхъ найдено невинными, а губернаторъ и другіе раболѣпные исполнители жестокой мести Аракчеева отданы подъ судъ. (Русск. Стар., 1871, IX).

мя задворками переносился со стола на столъ въ другіе дома...

Но народъ смотрѣлъ на военныя поселенія иначе; они возбуждали въ немъ ужасъ; отправлялись депутаціи и составлялись прошенія «о защитѣ крещенаго народа отъ Аракчеева». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители силою противились введенію у себя аракчеевщины; для обращенія въ поселянъ бугскихъ казаковъ, напр., потребовались одинъ пѣхотный и два кавалерійскихъ полка съ четырьмя пушками. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было поселеній, крестьяне боялись подвергнуться участи военныхъ поселянъ. Посѣщеніе государемъ дальнихъ губерній внушало сомнѣнія и страхъ вслѣдствіе разнесшихся слуховъ, будто бы «онъ осматриваетъ мѣста, предназначенныя для военныхъ поселеній». Отвращеніе народа къ военнымъ поселеніямъ Аракчеевъ объяснялъ государю глупостью крестьянъ и интригою враговъ общественнаго порядка, которые снились ему повсюду. Фотій называлъ графа «защитникомъ вѣры и отечества», и его сіятельство самъ выставлялъ себя архистратигомъ земли русской, а свои поселенія—надежнѣйшею опорою алтаря и трона и вмѣстѣ съ тѣмъ залогомъ будущаго благоденствія россіянъ. Онъ зналъ, что солдаты и поселяне ненавидятъ его, онъ зналъ, что въ поселеніяхъ то и дѣло вспыхиваютъ бунты, что его спартанцы доходятъ до отчаянія, что крестьяне готовы сдѣлать все, чтобы только избавиться отъ его власти. Но, къ несчастію, онъ обладалъ двумя свойствами, которыя, будучи соединены въ одной и той же личности, всегда дѣлаютъ ее вредной для общества,—онъ обладалъ скорбной головой и желѣзной энергіей.

Порядокъ, благонамѣренность и безопасность государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ были, по мнѣнію ретроградовъ, водворены, но подъ наружнымъ покровомъ ихъ совершались ужасныя вещи, о которыхъ частію зналъ, частію не зналъ императоръ. Крѣпостное право свирѣпствовало попрежнему, и, по заявленію самого Александра, помѣщичьи крестьяне были разоряемы до того, что не имѣли никакой собственности. Торговля людьми безъ земли шла своимъ чередомъ, не смотря на запрещеніе государя, который воображалъ, что ея нѣтъ. «Между тѣмъ»,—пишетъ Тургеневъ,—«противъ оконъ императора, въ петербургской гражданской палатѣ, человѣческая плоть продавалась по рѣшеніямъ властей, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей поодиночкѣ давно запрещена». Безпорядки и злоупотребленія, взяточничество и казнокрадство, жестокости и насилія были всеобщими, и Александръ не находилъ средствъ для ихъ уменьшенія. Онъ говорилъ однажды королю прусскому, что король и онъ самъ «окружены негодяями», что онъ «многихъ прогонялъ, но на ихъ мѣсто являлись такіе же», что измѣнить этого невозможно. Милорадовичъ доказалъ даже продажность сената, а государь говаривалъ, что чиновники украли бы у него флотъ, если бы только знали, куда его дѣвать. (Ром.-Слават., 329; Богдан., IV, 565—586; Varnhagen; Gervinus). Что дѣлалось въ провинціяхъ, показываетъ извѣстное тринадцатилѣтнее управленіе Сибирью генералъ-губернатора Пестеля и его друга Трескина, ознаменованное административными злодѣяніями, рѣдкими даже въ сибирской исторіи. Во внѣшней политикѣ подчиненіе планамъ Меттерниха, ретроградное вліяніе на дѣла Европы и въ особенности противодѣйствіе освобожденію Греціи, вмѣстѣ съ печальнымъ ходомъ внутреннихъ дѣлъ, безпокоили и смущали всѣхъ людей, искренно преданныхъ общественному благу.

Но офиціальные и офиціозные представители времени, хотя и били тревогу по поводу самыхъ ничтожныхъ прогрессивныхъ движеній, коль скоро заходилъ вопросъ о созданномъ ими порядкѣ, противорѣча себѣ, думали и говорили, что все обстоитъ благополучно. «Въ то время»,—писалъ Шишковъ,—«когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребывало и всегда пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя среди неустройствъ Европы тишина не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, чѣмъ всѣ другіе народы?... Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?...»

VII.

Выше мы уже говорили о томъ, какъ въ первую половину царствованія и особенно послѣ войнъ 1812—1815 гг. либеральныя идеи овладѣли умами образованныхъ людей. Реакціонное движеніе, боровшееся съ этими идеями, хотя значительно стѣсняло и ихъ развитіе, и ихъ распространеніе, но было не въ силахъ остановить ни того, ни другого. Въ литературѣ, даже въ періодъ самаго ожесточеннаго цензурнаго давленія, все-таки работала самостоятельная мысль, хлопотавшая объ общественномъ развитіи. Въ 1818 г., напр., вышелъ «Опытъ теоріи налоговъ» Тургенева, въ которомъ авторъ критически разбиралъ финансовые порядки въ Россіи и въ другихъ странахъ, указывалъ на необходимость реформъ и гласности, на вредъ крѣпостного рабства. «Благо устроенное государство», писалъ онъ, «не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа. Роскошь дворянъ въ Россіи доказываетъ только то, что они имѣютъ крѣпостныхъ крестьянъ, коихъ силами и способностями, а равно и капиталами они по своему произволенію располагать могутъ. И потому роскошь въ Россіи болѣе печалитъ внимательнаго наблюдателя, нежели въ иностранныхъ государствахъ». Тургеневъ доказываетъ нелѣпость крѣпостническихъ опасеній, представлявшихъ неизбѣжность народныхъ смутъ послѣ дарованія крестьянамъ свободы. «Пусть сіи люди (т.-е. крѣпостники) заглянутъ въ исторію», гово-

ритъ онъ. «Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія?..» (Пыпинъ; Опытъ Тургенева, 134 и др.). Книга Тургенева была не единственнымъ трудомъ по части общественныхъ наукъ. Профессоръ Куницынъ въ своихъ лекціяхъ и въ своемъ сочиненіи объ «Естественномъ правѣ» проводилъ въ общество новыя для него политическія понятія о свободѣ, равенствѣ, о представительномъ правленіи и т. д. Арсеньевъ и нѣкоторые другіе профессора дѣйствовали въ томъ же направленіи. Въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ муравьевскомъ училищѣ колонновожатыхъ и въ царскосельскомъ лицеѣ, молодежь съ солиднымъ образованіемъ получала превосходное нравственное развитіе, котораго не могли остановить никакія репрессивныя мѣры. Когда въ 1818 г. вышла Исторія Карамзина, то среди всеобщихъ восторговъ, возбужденныхъ громадностью труда и талантомъ автора, раздалось множество голосовъ недовольнаго ею молодого поколѣнія, которое уже не могло удовлетвориться исключительною и натянутою тенденціей историка. «Даже молодой Пушкинъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ Карамзину, выразилъ общее настроеніе окружавшей его молодежи въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе», назвавъ трудъ историіографа апологіей кнута. (Карамзинъ, Погодина, II, 204). Н. Муравьевъ, въ своемъ разборѣ Исторіи, доказывалъ, что она проповѣдуетъ «*нравственный сонъ квіэтизма*. Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ: добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствами, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, не пища чувствительности, не забавы праздности составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ». (Пыпинъ; Погодинъ, 198—203). Въ поэзіи въ это время также проявилось гражданское направленіе, представителемъ котораго былъ Рылѣевъ. Его «Думы» и пѣсни имѣли большой успѣхъ. Первымъ изъ его напечатанныхъ стихотвореній была сатира «Къ временщику», помѣщенная въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. и начинавшаяся стихами:

«Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ,
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ! и т. д.

Всѣ узнали во «Временщикѣ» Аракчеева. «Нельзя представить—разсказываетъ современникъ—изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какими поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему, но туча пронеслась мимо». Пушкинъ въ это время еще либеральничалъ, и его стихотворенія, писанныя не для печати, расходились и заучивались наизусть съ невообразимою быстротою, и имѣли большое вліяніе на развитіе у насъ гражданскаго чувства. Таково, напр., его стихотвореніе «Уединеніе», окончаніе котораго впервые напечатано въ Россіи только въ 1870 г. (Изд. Исакова, т. I, стр. 205—207).

«На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ...
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!..

Особенный успѣхъ имѣли эпиграммы Пушкина на Голицына, Аракчеева, Фотія и т. д. Съ благороднымъ негодованіемъ онъ клеймилъ эту эпоху,—

Когда святой отецъ,
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угоду Господу, себѣ во утѣшенье
Усердно заглушать старался просвѣщенье,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой Кавелинъ дурачокъ,
Крститель Галича, Магницкаго дьячокъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты несчастныя науки...
(Т. I, стр. 318).

Эпиграммами занимался, впрочемъ, не одинъ Пушкинъ, а всѣ, кто могъ; въ нихъ высказывалось общественное мнѣніе и негодованіе на реакціонеровъ; посредствомъ писемъ они распространялись по всей Россіи. Всѣ мракоборцы и гасильники, всѣ доморощенные философы-реакціонеры, всѣ невѣжественные ученые, всѣ руководители реакціонной лиги казнились общественнымъ мнѣніемъ при помощи этихъ эпиграммъ. По настоящему, всѣ эти господа должны были бы найти себѣ приличное помѣщеніе въ «Домѣ Сумасшедшихъ» Воейкова, но авторъ не рѣшился на это и въ своей знаменитой, имѣвшей необыкновенный успѣхъ сатирѣ занялся только представителями ученаго и литературнаго міра. Тутъ и Кавелинъ, пособникъ Рунича, публично сожигавшій вольнодумныя книги, тутъ и Руничъ, попечитель петербургскаго университета, объятый сумасшедшимъ страхомъ оттого, что—

Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Галлеръ сердце обольстилъ,

Кантомъ бредятъ даже дѣти,
Деннеръ нравы развратилъ...

Вмѣстѣ съ ними и ихъ достойный сотоварищъ, Соколовъ—

Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ *осударь*,
Академіи *рассейской*
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ;
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ. (Колбасинъ, 256—258).

Сатирическое направленіе литературы, хотя и сдавленное цензурною опекою, было очень полезно для поддержки оппозиціоннаго духа, не мирившагося съ крѣпостническо-барабанной цивилизаціей Аракчеевыхъ и со старовѣрческой системой Шишковыхъ. Но отрицательнымъ либерализмомъ, распространеннымъ во всѣхъ образованныхъ слояхъ общества, дѣло не ограничивалось. Мы уже видѣли, что дѣятели первой половины царствованія, Строгановъ, Чарторижскій, Сперанскій и др., сознательно стремились къ новымъ порядкамъ, къ перестройкѣ «безобразнаго зданія имперіи», къ «ограниченію произвола нашего правленія», какъ выражался государь, стоявшій во главѣ этой партіи. Мысль объ освобожденіи крестьянъ и о конституціи не умирала въ душѣ Александра почти вплоть до его смерти. Когда г-жа Сталь сказала ему комплиментъ: «вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, а ваша совѣсть — ея гарантія», то государь отвѣчалъ ей: «если бы это было и такъ, я все-таки былъ бы только счастливою случайностью». Въ періодъ войнъ противъ Наполеона и на вѣнскомъ конгрессѣ Александръ былъ рѣшительнымъ адвокатомъ конституціоннаго правленія, которое онъ ввелъ въ царствѣ польскомъ. Явившись впервые на варшавскомъ сеймѣ въ качествѣ конституціоннаго короля, онъ въ своей рѣчи торжественно заявилъ, что «спасительное вліяніе (конституціонной) организаціи онъ надѣется распространить на всѣ страны, которыя провидѣніе ввѣрило его заботамъ». Богдановичъ, V, Прилож., 78). Онъ далъ конституцію Финляндіи. Проектъ общерусской конституціи также составлялся въ это время. (Пыпинъ). Польская конституція и варшавская рѣчь сильно подѣйствовали на образованную часть общества. «Варшавскія новости»—пишетъ въ 1818 г. Карамзинъ къ Дмитріеву— «сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ, начинаютъ и писать». Конституціонныя идеи были очень распространены въ обществѣ. Въ 1818 г., одновременно съ варшавской рѣчью, малороссійскій генералъ-губернаторъ Репнинъ, при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Полтавѣ и Черниговѣ, также говорилъ рѣчь, впослѣдствіи очень распространенную въ публикѣ, въ которой, ссылаясь на торжественно высказанную волю государя, онъ предлагалъ дворянству цѣлую конституціонную программу. (Бесѣды въ О. Л. Р. Сл., III, 22). Въ дворянскихъ собраніяхъ также проявлялись конституціонныя наклонности. (Чтенія, 1859, III, 47).

Но при всей распространенности и даже официальной поддержкѣ упомянутыхъ идей, онѣ расплывались въ хаосѣ спутанныхъ понятій, царившихъ въ обществѣ, и мало мирились съ той дѣйствительной системой, которую поддерживали ихъ сторонники. Для насъ едва понятно, какъ одно и то лицо могло мечтать о введеніи конституціи и въ то же время облекать безграничною властью какого-нибудь Аракчеева; какъ люди могли соединять съ защитой крѣпостного рабства стремленіе къ конституціонной свободѣ; какъ Растопчинъ, заклятый врагъ представительнаго правленія, доказывавшій спасительность власти не только монарха, но даже монаршей метрессы, по поводу дарованія конституціи полякамъ, кричалъ и вопилъ, что въ высшей степени несправедливо давать свободныя учрежденія побѣжденнымъ и обходить своихъ природныхъ подданныхъ. Изъ этой путаницы не могло, конечно, выйти существеннаго толка. Прогрессивныя понятія волновали общество, умы возбуждались, а дѣйствительная жизнь между тѣмъ была въ рукахъ Аракчеевыхъ. Каждый официальный прогрессивный шагъ отличался нерѣшительностью и дѣлался съ заднею мыслью объ отступленіи. Опытъ съ польской конституціей, напр., рѣшительно не удался. Давали конституцію, а не могли примириться съ существованіемъ оппозиціи. Съ самаго же начала возникли недоразумѣнія и неудовольствія, а въ 1821 г. намѣстникъ царства, Константинъ, уже писалъ: «Слава Богу, въ этой странѣ все можетъ идти безъ согласія камеръ; онѣ дѣлали лишь глупости, и ихъ притомъ и оставили; а такъ какъ созываютъ лишь черезъ два года и то лишь на мѣсяцъ, изъ котораго нужно вычесть дни открытія и закрытія, дни выбора комитетовъ и чтенія отчета, и затѣмъ четыре или пять воскресеній, два-три праздника, то всего останется 15 или 18 дней для того, чтобы шумѣть, и можно оставить имъ это маленькое удовольствіе, ибо, какъ только оканчивается сеймъ, всѣ мои милые соправители возвращаются къ тому опредѣленному положенію, въ которомъ не шутятъ съ бунтовщиками и съ людьми, производящими безпорядки». (Р. Арх., 1870, 418). Путаница въ принципахъ была страшная. Либеральныя идеи съ одной стороны возбуждались и поддерживались, а съ другой—преслѣдовались. Рядомъ съ либеральными дѣйствіями совершались радикально-противоположныя имъ. Своими конституціонными стремленіями государь возбуждалъ надежды молодежи и тревожилъ реакціонеровъ, и въ то же время своимъ противодѣйствіемъ освобожденію Греціи порождалъ крайнее недовольство и въ прогрессистахъ и реакціонерахъ, и въ духовенствѣ, и во всемъ обществѣ. Нерѣшительность его характера, мистицизмъ, подозрительность постепенно усиливались. До какой степени онъ сдѣлался неискреннимъ, можно видѣть изъ разсказа Шишкова. Въ сенатѣ судился цензоръ Поповъ за пропускъ книги пастора Госнера. Въ глазахъ Шишкова и нѣкоторыхъ сенаторовъ Поповъ былъ человѣкъ вредный и государственный преступникъ, равно какъ и защищавшій его се-

наторъ Муравьевъ. Въ мнѣніи Муравьева Шишковъ видѣлъ что-то бунтовское, и государь вполнѣ соглашается съ нимъ, но въ то же время «тихимъ образомъ призывалъ онъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ сенатѣ голосъ»!.. (Зап. Шишкова, 107). И онъ поступалъ такъ очень часто. Въ войнѣ 1812 года, въ неимѣніи у себя дѣтей, въ петербургскомъ наводненіи,— во всемъ видѣлъ онъ Божіе наказаніе за свои грѣхи: воспоминаніе о событіи, непосредственно предшествовавшемъ его воцаренію, отравляло всю его жизнь. (Varnhagen, Blätter). Онъ каялся и молился; страшась общественныхъ движеній, совершавшихся тогда въ Россіи, онъ вполнѣ сознавалъ, что они въ значительной степени вызваны имъ же самимъ. Всѣ его идеалы были разбиты, и, отправляясь въ Таганрогъ, онъ уже умеръ нравственно. Онъ мечталъ раньше облагодѣтельствовать Россію коренными реформами и, отказавшись отъ престола, наслаждаться издали созерцаніемъ счастія своего свободнаго и просвѣщеннаго отечества; а на дѣлѣ вышло, что, не совершивъ и сотой доли задуманнаго, оставивъ Россію въ рукахъ Аракчеева, онъ уѣзжаетъ умирать въ Таганрогъ и здѣсь, на смертномъ одрѣ, получаетъ окончательный ударъ въ извѣстіи о томъ, что, опираясь на его имя, его любимый другъ, по случаю убійства своей любовницы, засѣкаетъ до смерти совершенно невинныхъ людей... Его гуманное сердце было совсѣмъ разбито этимъ извѣстіемъ. Менѣе горькую, но подобную же судьбу испытали и всѣ его прежніе сотрудники. Строгановъ, Чарторижскій, Новосильцевъ были не у дѣлъ; Сперанскій совершенно «исправился» въ своей ссылкѣ, палъ нравственно и угодничалъ передъ Аракчеевымъ. Объ общественномъ развитіи офиціальнымъ путемъ пока нечего было и думать.

Но заглушался только его шумъ, а само оно не останавливалось.

Литература была поставлена въ такое положеніе, что гласное печатное обсужденіе вопросовъ, волновавшихъ умы, было невозможно въ требуемой степени, и эти вопросы разрѣшались, помимо литературы, въ тѣхъ прогрессивныхъ кружкахъ, которые начали повсюду возникать послѣ 1815 г. Не довольствуясь піэтистической филантропіей масонства и библейскихъ обществъ, эти кружки съ перваго же раза приняли практическое направленіе. Ихъ члены заботились о грамотности, заводили ланкастерскія школы, хлопотали о смягченіи жестокой военной дисциплины, развивали солдатъ. «Эти благородныя души,—говоритъ Тургеневъ,— которыя впослѣдствіи хотѣли цѣною всѣхъ жертвъ пробудить свое несчастное отечество отъ закоснѣнія, въ какомъ оно было погружено... Ревностно заботились о томъ, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества; ихъ первыя размышленія кончились проклятіями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокостей военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти молодые люди, презирая всѣ выгоды своего общественнаго положенія, богатства, предпочитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора или развлеченіямъ и пріятностямъ путешествія... Что сталось съ ними, праведное небо!.. Надо имѣть вѣру во что-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотверженіе кончаются такимъ несчастьемъ и такими бѣдствіями». (Пыпинъ; Tourgueneff, II, 511—514). Нѣкоторые поступали на незначительныя гражданскія должности, съ цѣлью служить примѣромъ безкорыстія и справедливости. Таковы были Пущинъ и Рылѣевъ. Даже Гречъ говоритъ о послѣднемъ: «онъ служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей». (Р. Вѣстн., 1868, VI, 377). Нѣкоторые посвящали всѣ свои заботы, все свое время улучшенію крестьянскаго быта, освобождали своихъ крѣпостныхъ, какъ, напр., Якушкинъ. (Р. Арх., 1870, 1658). На направленіе этихъ людей имѣлъ сильное вліяніе «Союзъ добродѣтели», — нѣмецкое патріотическое общество, существовавшее съ вѣдома правительства. Прогрессисты начали организоваться въ такія же общества и тоже съ вѣдома, хотя и безъ офиціальнаго дозволенія правительства, которое — говоритъ Тургеневъ — «въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, такъ было расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить о содѣйствіи правительства. Только опасеніе, что ихъ намѣренія будутъ истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора». Александръ однакожъ зналъ обо всемъ и вплоть до смерти не трогалъ обществъ, которыя долго руководились вполнѣ легальными стремленіями и имѣли совершенно мирный характеръ. Между кружками сначала не было никакой связи, кромѣ нравственной, состоявшей въ желаніи дѣйствовать въ пользу общественнаго развитія. До какой степени были невинны въ политическомъ отношеніи эти кружки, можно видѣть изъ разсказа Якушкина объ офицерской артели въ семеновскомъ полку. «Человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, кому по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали вслухъ иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ». Первою попыткою дать этимъ кружкамъ какую-нибудь правильную организацію было основаніе «Союза благоденствія», по образцу нѣмецкаго Tugendbund'a. У либераловъ, входившихъ въ этотъ союзъ, политическія цѣли стояли на второмъ планѣ, они не желали производить никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ государственномъ порядкѣ и, надѣясь, что всѣ реформы будутъ произведены правительствомъ, хотѣли только помогать его либеральнымъ планамъ и содѣйствовать осуществленію либеральныхъ идей, такъ явно покровительствуемыхъ правительствомъ въ первую половину царствованія.

Цѣль Союза была выражена въ уставѣ его слѣдующимъ образомъ: «способствовать правительству къ приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство, безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ не можетъ довольно успѣшно приводить въ дѣйствіе мѣры, имъ принимаемыя». Желаніе ввести и утвердить въ Россіи представительное правленіе также не имѣло въ себѣ ничего противозаконнаго, и одновременно съ членами Союза къ тому же стремился самъ императоръ. (Богдан., VI, 419). По словамъ извѣстнаго офиціальнаго «Донесенія» по дѣлу декабристовъ, уставъ Союза заключался въ слѣдующихъ правилахъ: «Авторы устава объявляли именемъ основателей Союза, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, которое, не смотря на свое могущество, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться втайнѣ только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти. Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли. Въ *первой* отрасли предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе; она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, а также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй*—умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, а также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей* отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по судебной части и по выборамъ дворянства, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того, наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ». Къ Союзу и образовавшимся изъ него впослѣдствіи обществамъ принадлежало большинство образованныхъ людей. «Члены тайнаго общества—говоритъ одинъ современникъ — ничѣмъ не отличались отъ другихъ; въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ». «Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико, что его рѣшенія считались *мнѣніемъ общимъ*», пишетъ Гречъ. (Пыпинъ, Зап. Якушкина, Гречъ въ Русск. Вѣстн. 1868 г.). По словамъ самаго «Донесенія», послѣ 14 декабря привлечено къ отвѣтственности только наиболѣе виновное меньшинство лицъ, причастныхъ къ дѣлу, «и если бы сослать *всѣхъ*, которые желали перемѣнъ и предавались всякимъ мечтаніямъ и предположеніямъ», —говоритъ Гречъ—«то не нашлось бы мѣста въ Сибири». Къ обществу такъ или иначе принадлежали всѣ образованные люди и всѣ необразованные, состоявшіе подъ ихъ вліяніемъ. На адмиралтейской площади 14 декабря была только ничтожная часть либераловъ. Арестованы были тысячи, но слѣдственная комиссія вынуждена была прекратить аресты, потому что имъ конца не предвидѣлось, потому что приходилось арестовать всѣхъ. (Varnhagen's Blätter, IV, 12, 13, 16, 25, 27). Множество людей, не принадлежавшихъ къ обществу, держалось того же самаго направленія, напр., Грибоѣдовъ и Пушкинъ, который вполнѣ откровенно признался Николаю I, что непремѣнно вышелъ бы 14 декабря на площадь, если бы только въ это время былъ въ Петербургѣ. (Р. Архивъ). Пробудившаяся общественная мысль увлекала всѣхъ. Общество не имѣло пока въ себѣ ничего противоправительственнаго, не было даже тайнымъ въ строгомъ значеніи этого слова; оно было создано однимъ патріотизмомъ, просвѣтленнымъ европейскою мыслью. «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка» —говоритъ одинъ современникъ—«отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо насчетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка». (Р. Арх., 1870, 1634). Однакожъ «будущій историкъ», въ лицѣ генерала Богдановича, вполнѣ удовлетворился этимъ приговоромъ и объясняетъ дѣятельность Пестеля, Бестужева и другихъ ихъ товарищей властолюбіемъ, неудовольствіемъ на невозможность составить карьеру, даже злостью на правительство за то, напр., что человѣка переводили изъ одного полка въ другой, и недовольный этимъ, онъ становился революціонеромъ. (Богдановичъ, VI, 424, 444, 451). Но—говоритъ г. Свистуновъ—не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что эти люди подвергались неминуемой потерѣ всѣхъ преимуществъ, какими пользовались вслѣдствіе положенія своего въ обществѣ; поэтому ни въ корысти, ни въ честолюбіи они оподозрѣны быть не могутъ. Лишь пламенная любовь къ отечеству и желаніе возвеличить его, доставивъ ему всѣ блага свободы, могутъ объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью. При несоразмѣрности способовъ съ предназначаемою цѣлью, люди практическіе въ правѣ назвать такое громадное предпрія-

тіе безразсудной мечтой, но чистоту намѣреній не имѣютъ основанія оспаривать». (Р. Арх., 1870, 1643). Достаточно припомнить, что большинство членовъ общества, — Трубецкіе, Волконскіе, Муравьевы и др., по своему общественному положенію, богатству, способностямъ, чинамъ, молодости могли навѣрняка разсчитывать на самую блестящую карьеру при существующемъ порядкѣ и поэтому не могли рисковать собой изъ расчетовъ честолюбія. Полковникъ Пестель болѣе всѣхъ другихъ подвергается упрекамъ въ честолюбивыхъ замыслахъ; но передъ нимъ лежала такая свѣтлая будущность, его карьера была до того обезпечена, что въ офиціальномъ мірѣ его считали способнымъ быть и хорошимъ министромъ, и отличнымъ главнокомандующимъ (idem, 1644). Даже враги этой партіи признаютъ за ней чистоту побужденій. Даже Гречъ, писавшій свои записки съ единственною цѣлью втоптать въ грязь и опозорить память этихъ людей, такъ отзывается о нихъ: «пламенные молодые люди возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми они разумѣли *владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстіе и честность въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій,* подтачивающихъ древо русскаго величія. Составилось общество, основанное, казалось, на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшихъ цѣлью: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія, поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства». Въ другомъ мѣстѣ, ругая эту «*сволочь*», эту «*шайку безтолковыхъ людей*», Гречъ желаетъ уколоть ихъ тѣмъ, что «возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли». (Пыпинъ; Р. Вѣстн., 1868, VI, 372). Укоризна, достойная всякой похвалы!..

«Союзъ Благоденствія оказался вскорѣ недостигающимъ своихъ цѣлей и закрылся самъ собою въ 1821 году; но большинство входившихъ въ него членовъ не оставило своихъ плановъ, только въ ихъ дѣятельности произошелъ переломъ. Безотрадная дѣйствительность разочаровала ихъ; они ясно видѣли, что дѣйствовать открыто въ пользу своихъ идей нѣтъ никакой возможности; они были лишены даже послѣдняго утѣшенія — возможности высказываться печатно. Имъ предстояло или отказаться навсегда отъ своихъ убѣжденій, чувствованій, привычекъ, надеждъ, отъ самихъ себя, переломить свою нравственную природу, перевоспитать ее совершенно въ другомъ духѣ, или же обособиться отъ общества и жить своею жизнью. Первое было невозможно, и вышло послѣднее. Они болѣе и болѣе замыкались въ своихъ кружкахъ, превращавшихся изъ явныхъ въ тайныя общества. Запрещеніе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ указомъ 1822 г. еще болѣе усилило изолированность этихъ обществъ, для преслѣдованія которыхъ не предпринималось однакожъ никакихъ мѣръ, и архистратиги легальной безопасности, въ родѣ Шишкова, какъ будто даже игнорировали эти кружки, ожесточенно преслѣдуя въ то же время разныя вздорныя секты, библейскія общества и людей, вовсе безопасныхъ для того дѣла, которому служили эти стражи стараго порядка. Дѣйствительность болѣе и болѣе раздражала ихъ, болѣе и болѣе волновала ихъ чувство, возбуждала непріязнь, отнимала всякую надежду на улучшеніе обыкновенными способами. Въ слѣдственныхъ показаніяхъ декабристовъ довольно хорошо выясняется тотъ путь, какимъ они, превратившись изъ мирныхъ патріотовъ въ революціонеровъ, дошли до рѣшеній, которыя окончательно погубили ихъ.

Вотъ, напр., основатель общества Соединенныхъ Славянъ, подпоручикъ Борисовъ. Чтеніе греческой и римской исторіи и біографій великихъ мужей развило въ немъ любовь къ свободѣ. Дѣйствительныя отношенія русской жизни, особенно же несчастное положеніе солдатъ еще болѣе развили въ немъ это стремленіе къ свободѣ и недовольство настоящими порядками. Въ 1819 г. командиръ той роты, въ которой служилъ Борисовъ, наказалъ при всей командѣ палками трехъ солдатъ. «Я былъ до того пораженъ этой экзекуціей,—говоритъ Борисовъ,—что тагда же далъ себѣ слово уничтожить такія наказанія, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Желаніе быть полезнымъ человѣчеству занимало меня всегда, и я, положивъ себѣ за правило искать истину, думалъ найти ее въ мнѣніяхъ, меня погубившихъ». (Богдановъ., VI, 479).

Вотъ Батенковъ. «Зрѣлище военныхъ поселеній и западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія и самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ,—все располагало (его), съ одной стороны, не любить существующій порядокъ, а съ другой—думать, что революція близка и неизбѣжна» (id., 436).

В. Кюхельбеккеръ говоритъ, что главною причиною его недовольства и революціоннаго направленія была страшная деморализація народа, которую онъ считалъ результатомъ его рабства. «Эта причина была для меня одна изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій, народъ—первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, по радушію, мягкосердію, остроумію, незлопамятозлобію, ему предъ всѣми свойственными, я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ и, быть можетъ, опадетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Да отпуститъ мнѣ Богъ за скорбь сію часть прегрѣшеній моихъ, а милосердый царь—часть заблужденій моихъ, въ которыя вовлекла меня слѣпая, можетъ быть, но безпредѣльная любовь къ отечеству! Другою причиною моего неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала, ...сіе до невѣроятія тягостное стѣсненіе». (id., 412).

Одинъ изъ главныхъ вождей декабристовъ, Пестель разсказываетъ о себѣ, что онъ серьезно занимался исторіей и политическими науками. «Сна-

чала я занимался ими безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ лишь желаніемъ быть когда-нибудь полезнымъ слугою государю и отечеству. Потомъ началъ разсуждать: соблюдены ли въ устройствѣ нашего управленія начала политическихъ наукъ, при чемъ, не касаясь верховной власти, размышлялъ о министерствахъ, мѣстныхъ начальствахъ и прочихъ учрежденіяхъ. Находя въ нихъ много несообразнаго съ правилами политическихъ наукъ, я сталъ обдумывать, какими учрежденіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или улучшены; обращалъ я также мысли на положеніе народа, при чемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, истинное положеніе народа укрывающею. Къ этому стали присоединяться другія мысли и разные слышанные мною толки, какъ-то: о преимуществахъ присоединенныхъ областей надъ коренными русскими, о военныхъ поселеніяхъ, объ упадкѣ торговли, промышленности и общественнаго богатства въ Россіи, о несправедливости и подкупности нашихъ судовъ и нѣкоторыхъ другихъ властей, о тягости военной службы для солдатъ и многихъ подобныхъ предметахъ, составлявшихъ общую картину народнаго неблагоденствія. Тогда сталъ возникать во мнѣ внутренній ропотъ противъ правительства... Тогда начали во мнѣ рождаться конституціонныя монархическія и революціонныя идеи: послѣднія были очень слабы и темны, но мало-по-малу сдѣлались опредѣлительнѣе и сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ развивало во мнѣ эти понятія. Ужасныя событія французской революціи заставляли меня искать средствъ къ избѣжанію подобныхъ бѣдствій, что впослѣдствіи внушило мнѣ мысль о необходимости временнаго правленія и дало поводъ ко всегдашнимъ моимъ толкамъ о предупрежденіи всякаго междоусобія. Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей перешелъ я къ республиканскому, преимущественно по слѣдующимъ убѣжденіямъ: французское сочиненіе де-Траси подѣйствовало на меня очень сильно: оно убѣдило меня въ томъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, ежели его санъ наслѣдственъ, непремѣнно ведетъ къ деспотизму. Съ другой стороны, всѣ газеты и политическія сочиненія такъ заманчиво представляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, приписывая сіе ихъ государственному устройству, что тамъ думалъ я видѣть явное доказательство превосходства республиканскихъ учрежденій... Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и послѣдующее жалкое ея существованіе; я сравнивалъ славу Рима во дни республики съ его плачевною долею при императорахъ. Исторія Великаго Новгорода также утверждала меня въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни лишь покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что̀ пожелаетъ, и въ семъ отношеніи я предпочитаю самодержавіе такимъ конституціямъ, ибо въ самодержавномъ правительствѣ неограниченность власти всѣмъ видна, между тѣмъ, какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ существуетъ та же неограниченность, и хотя тамъ медленнѣе дѣйствуетъ, однако зато и худое не можетъ скоро исправить... Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самого монарха, какъ въ Англіи, что онѣ составляютъ главное препятствіе государственному благоденствію и могутъ быть устранены однимъ лишь республиканскимъ строемъ правленія. Происшествія въ Неаполѣ, Испаніи и Португаліи также оказали на меня большое вліяніе. Я находилъ въ нихъ неоспоримыя доказательства непрочности конституціонныхъ монархій и достаточныя причины недовѣрчивости народовъ къ истинному согласію монарховъ на принимаемыя ими конституціи... Все это сдѣлало меня республиканцемъ» (id., 446—449).

Такимъ образомъ, вліяніе европейской политической мысли давало либеральное направленіе нашей молодежи, а безотрадная дѣйствительность и вліяніе революціонныхъ движеній, вызванныхъ въ Европѣ неистовствами реакціи, направляло это движеніе на путь, враждебный существующимъ порядкамъ. Со своими идеями, чувствами, надеждами, со своими независимыми характерами, со всѣмъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, шедшимъ рѣшительно въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, люди, входившіе въ составъ упомянутыхъ обществъ, мало-по-малу вырабатывали въ себѣ болѣе или менѣе революціонный характеръ. Необходимо однако замѣтить, что и въ этомъ новомъ фазисѣ своего развитія тайныя общества хотя и получили болѣе тревожный и раздражительный характеръ, чѣмъ прежде, но крутыя мѣры все-таки не входили въ ихъ планы, а злоба и раздраженіе выражались только на словахъ и служили проявленіями взволнованнаго чувства въ частныхъ бесѣдахъ, безъ всякаго твердаго рѣшенія систематически прилагать ихъ къ дѣлу. Стремленія обществъ также не шли черезчуръ далеко и были только повтореніемъ реформаторскихъ желаній самого государя, Строганова, Сперанскаго, желаній и принциповъ, которые въ началѣ царствованія высказывались только въ царскомъ кабинетѣ, увлекали только императора и его друзей—сотрудниковъ, а подъ конецъ царствованія сдѣлались общимъ достояніемъ всего образованнаго меньшинства. Въ программу упомянутыхъ обществъ входили: освобожденіе крестьянъ, новое уложеніе, реформа судопроизводства, преобразованіе арміи, уничтоженіе военныхъ поселеній, свобода печати, торговли и промышленности, представительное правленіе. Даже, по словамъ слѣдственнаго «Донесенія», члены обществъ и въ это время

готовы были, въ случаѣ совершенія государемъ такъ долго занимавшихъ его реформъ, быть его «*вѣрными приверженниками и оберегателями*». Подобно Сперанскому и Новосильцеву, нѣкоторые изъ нихъ составляли проекты основныхъ государственныхъ реформъ,—проекты, вовсе не имѣвшіе того значенія, какое имъ до сихъ поръ приписывали. Это были только «*опыты* конституціоннаго законодательства, предпринятые для возбужденія изысканій по сей отрасли нравственныхъ наукъ»,—professions de foi ихъ авторовъ; нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, напр., пестелевскій, мало имѣли общаго съ практическими планами ихъ составителей и, самое большее — служили только программами будущихъ политическихъ партій. «Русская Правда» Пестеля и «Конституція» Н. М. Муравьева были не что иное, какъ опыты, свидѣтельствующіе объ ихъ убѣжденіяхъ и задушевныхъ стремленіяхъ. Они возбуждали въ слушателяхъ желаніе ближе познакомиться съ политическими вопросами и служили поводомъ къ преніямъ по этому предмету, но нисколько не предрѣшали будущности Россіи, судьба коей зависѣла отъ Земской Думы, которую предполагалось созвать». (Р. А., 1870, 1639). Монархическая конституціонная форма правленія, единство государства съ развитіемъ областного самоуправленія, цензъ для избирателей и избираемыхъ—вотъ общія основы этихъ проектовъ (id., 1640; Пыпинъ). Для осуществленія своихъ замысловъ, члены тайныхъ обществъ, основательно разсчитывавшіе на силу арміи, не выработали еще никакого опредѣленнаго плана; все дѣло ограничивалось преимущественно словами да идеями; финалъ ихъ исторіи придалъ имъ окраску, какой въ сущности они не имѣли и какой при другихъ обстоятельствахъ никогда не получили бы. Смерть Александра была неожиданнымъ ударомъ, произведшимъ страшный переполохъ во всѣхъ сферахъ и въ частности въ тайныхъ обществахъ. Отступленіе назадъ для нихъ было уже невозможно; для движенія впередъ у нихъ не было ни общаго плана, ни сосредоточенія силъ, а между тѣмъ событія вынуждали дѣйствовать, и такимъ образомъ вышло импровизированное возстаніе 14 декабря въ Петербургѣ да подобная же попытка на югѣ Россіи...

Такъ кончилась эпоха, въ которой отъ начала до конца все дышитъ трагизмомъ. Жизнь каждаго изъ помянутыхъ сейчасъ людей—трагедія. Не ту ли же трагедію видимъ мы въ жизни Радищева, Сперанскаго и другихъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени, особенно въ жизни самого Александра, этого симпатичнѣйшаго изъ государей XIX вѣка. Исполненный гуманныхъ намѣреній, преданный возвышеннымъ идеаламъ, мечтавшій облагодѣтельствовать свой народъ, онъ умираетъ съ разбитымъ сердцемъ, что не былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть. Вслѣдъ за государемъ, стоявшимъ сначала во главѣ прогрессивнаго движенія, удаляется изъ общественной жизни или совершенно стушевывается въ ней цѣлое поколѣніе, воспитанное тѣми же идеями, которыми былъ проникнутъ и государь, служившее тому же дѣлу, которое и онъ считалъ цѣлью своей жизни,—дѣлу общественнаго развитія. Борьба принциповъ кончилась полною побѣдою консервативной стороны, сильной своимъ подавляющимъ большинствомъ, которое отвлекло Александра отъ его реформаторскихъ намѣреній и, овладѣвъ ходомъ дѣлъ, такъ стѣснило свободное и открытое развитіе народившейся прогрессивной силы, что послѣдняя, будучи дѣйствительною силою и находясь поэтому въ невозможности остановиться въ своемъ движеніи, пошла по пути нежелательному не только для ея противниковъ, но даже и для ея сторонниковъ. Представители этой силы были увлечены потокомъ обстоятельствъ къ дѣлу, о которомъ многіе изъ нихъ даже и не думали въ то время, когда, полные идеалистическихъ надеждъ и упованій на реформы, они вступали на поприще общественной дѣятельности, беззавѣтно посвящая ей всю свою жизнь. Развязка, созданная системою ретроградовъ, охранявшихъ крѣпостное право и другія подобныя институціи, дала охранителямъ сильное, хотя и фальшивое доказательство справедливости тѣхъ тревогъ и опасеній, на основаніи которыхъ получили возможность дѣйствовать Шишковы, Магницкіе, Растопчины, Аракчеевы. Если бы всѣ подобные стражи стараго порядка удерживались въ почтительномъ отдаленіи, какъ это было въ началѣ царствованія, если бы прогрессивной мысли дана была возможность свободнаго развитія, если бы государь и его друзья-реформаторы могли осуществить свои задушевныя идеи, то общественное развитіе пошло бы здравымъ, легальнымъ и совершенно мирнымъ путемъ, и всѣ молодыя силы, потраченныя даромъ, пошли бы на практическую дѣятельность. Неестественность соціальныхъ условій повела къ совершенно другимъ результатамъ, и въ исторіи общественнаго развитія насталъ тридцатилѣтній перерывъ, по окончаніи котораго, впрочемъ, идеи двадцатыхъ годовъ—о свободѣ крестьянъ, о гласномъ судѣ и т. д.—воскресли съ новою силою и немедленно начали переходить въ житейскую практику. Ихъ осуществленіе было только отсрочено, не смотря на всѣ усилія вовсе искоренить ихъ. О послѣднемъ могли мечтать только люди, вовсе незнакомые съ исторіей и съ условіями общественнаго развитія, люди въ родѣ добродушнаго чудака Шишкова, который не шутя видѣлъ революціонное чудище въ библейскихъ обществахъ и въ нелѣпыхъ доктринахъ разныхъ мистиковъ. Но шишковскою искренностью отличались немногіе, и масса людей, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи съ адмираломъ, била тревогу только для того, чтобы распространить панику и, воспользовавшись ею, помѣшать реформамъ, отстоять крѣпостное право, сохранить откупа и т. д. О будущемъ, о возможности или невозможности увѣковѣченія этихъ порядковъ масса вовсе не думала да и не умѣла думать; она старалась только о себѣ и, стѣснивъ естественныя отправленія общественнаго организма, подвергла его жестокому лихорадочному кризису, за которымъ слѣдовалъ долголѣтній, тяжелый и мучительный сонъ. Но все-таки, дѣти и внуки пользились того, что успѣли отстоять ихъ отцы и дѣды. Идеи, кото-

рыя подвергались тогда всевозможнымъ гоненіямъ, до того развились и усилились, что получили официальную санкцію. Александровская эпоха и создавшее ее поколѣніе все-таки сдѣлали свое дѣло, открывъ собою новый періодъ общественнаго развитія, которое совершается на нашихъ глазахъ и будетъ продолжаться впредь, какъ бы ни противодѣйствовали ему разные Магницкіе и Каразины нашего времени...

VI.

1825—1861.

I.

Говорить объ этомъ періодѣ подробно мы не имѣемъ никакой возможности и по недостатку источниковъ, и по другимъ обстоятельствамъ. Мы ограничимся только ходомъ крестьянскаго вопроса да общими замѣтками о положеніи внутреннихъ дѣлъ *).

Полная побѣда консервативныхъ элементовъ отняла всякую возможность гласнаго обсужденія вопроса о крѣпостномъ правѣ, которое сдѣлалось неприкосновенною основою общества. Но эта неприкосновенность была призрачная. При восшествіи Николая, какъ и при всякомъ воцареніи, крестьяне ждали свободы; во все продолженіе его царствованія, не смотря на всевозможныя препятствія и рискъ, крестьяне все-таки жаловались государю и министрамъ на своихъ помѣщиковъ; въ одномъ только 1852 г. число такихъ жалобъ, дошедшихъ по назначенію, простиралось до 60; крѣпостные постоянно разбѣгались отъ своихъ господъ во всѣ стороны; множество прибѣгало къ самоубійству, какъ единственному средству для полнаго освобожденія; не проходило года, чтобы въ разныхъ губерніяхъ крестьяне не убивали своихъ помѣщиковъ, иногда и съ ихъ семействами, не увѣчили, не обворовывали ихъ, не поджигали ихъ домовъ; крестьянскіе бунты, постепенно усиливаясь, шли чрезъ все николаевское царствованіе. Волненія начались еще въ 1826 г., по поводу разнесшихся въ народѣ слуховъ объ освобожденіи, и происходили въ губерніяхъ: кіевской, костромской, ярославской, вологодской, псковской, владимірской, смоленской, курской, пермской. Причиною волненій, даже по свидѣтельству властей, были обременительныя работы и жестокости помѣщиковъ. Не смотря на всевозможныя строгости, на военные суды, на усмиреніе посредствомъ войскъ, волненія продолжались и въ два слѣдующихъ года; «духъ буйства и своевольства распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія губернскаго начальства не имѣли никакого дѣйствія». Въ 1830 г. —новые бунты, при которыхъ военные суды приговаривали виновныхъ къ такимъ жестокимъ наказаніямъ, что государь поручилъ губернаторамъ смягчать ихъ приговоры. Въ 1843 г. бунты въ 11 губерніяхъ, при чемъ въ оренбургской возстало до 40,000 крестьянъ, и для усмиренія ихъ послано 10,000 солдатъ при 10 орудіяхъ; а въ пермской губерніи бунтовщики разбили одну военную команду и были усмирены только другою. Въ 1845 г. бунты въ 13 губерніяхъ; въ 1846 г.—въ 10 губ.; въ 1847 г.—въ 20 губ.; въ 1848 г.—въ 22 губ.; въ 1849 г.—въ 15 губ.; въ 1851 г.—въ 22 губ.; въ 1853 г.—въ 33 губ., и т. д. (Роман.-Славатинскій, 366 и др.; Варадиновъ, Ист. Министерства Вн. Дѣлъ.)

Хотя никакого гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса не допускалось, но само правительство дѣятельно занималось имъ въ кабинетной тишинѣ. Ни при одномъ изъ предшествовавшихъ государей не было принято столько отдѣльныхъ мѣръ къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, какъ при Николаѣ; никогда прежде не отбиралось подъ опеку столько дворянскихъ имѣній, какъ при немъ; въ 1836 г. состояло подъ опекой за расточительность, жестокое обращеніе съ крестьянами и недоимки 262 имѣнія; въ 1838 г.—203 имѣнія,— 140 за жестокое обращеніе съ крестьянами и 63 за мотовство и распутство. Николай Павловичъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ существеннаго улучшенія быта крестьянъ, и вскорѣ же послѣ манифеста 12 мая 1826 г., объяснявшаго крестьянамъ неосновательность ихъ надеждъ на свободу, былъ основанъ дѣйствовавшій до 1830 г. секретный комитетъ для пересмотра всѣхъ основныхъ учрежденій имперіи, между прочимъ и крѣпостного права. Выработанный имъ планъ реформъ былъ найденъ неудобнымъ для осуществленія, вслѣдствіе іюльской революціи, возстанія Польши и оппозиціи со стороны Константина Павловича. Въ 1839 г. учрежденъ *второй* секретный комитетъ для пересмотра александровскаго закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Затѣмъ слѣдовали 3-й, 4-й, 5-й и 6-й секретные комитеты объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Шестой комитетъ закрылся вслѣдствіе европейскихъ волненій 1848—1849 годовъ. Ни въ одномъ изъ этихъ комитетовъ, ни въ одномъ изъ поступившихъ въ нихъ проектовъ не предполагалось полнаго освобожденія крестьянъ. Но и умѣренное желаніе правительства улучшить положеніе крѣпостныхъ и ограничить власть помѣщиковъ возбуждала крайнее неудовольствіе и сильное противодѣйствіе въ массѣ крѣпостниковъ, которые не переставали запугивать призраками крестьянскихъ волненій; вопіяли о посягательствѣ на свои священныя права и доказывали, что Россія еще не созрѣла для свободы. Вотъ что, напр., писалъ въ 1849 г. одинъ изъ нихъ: «Невѣжество крестьянъ, ихъ суевѣріе, закоснѣлость и непреодолимая привязанность къ старымъ обычаямъ дѣлаютъ ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденія въ законоположеніяхъ и къ сознанію неприложнаго долга гражданской зависимости... Время, смягчивъ просвѣщеніемъ нравы дворянства, изглаживаетъ уже и слѣды прежняго ихъ обращенія съ крѣпостными людьми... но крестьяне вообще все еще остаются въ томъ же грубомъ невѣжественномъ со-

*) Рекомендуемъ читателю довольно мѣткую характеристику этого времени въ статьяхъ Пыпина, «Вѣстникъ Европы», 1871, V, IX.

стояніи, въ томъ же мракѣ, сквозь который не проникаютъ благотворные лучи просвѣщенія; вѣра ихъ — суевѣріе; исполненіе обязанностей — слѣдствіе привычки, страха и зависимости; нравственность требуетъ строгаго надзора и направленія, особенно, если крестьянинъ опредѣляетъ себя ремеслу или промышленности внѣ земледѣлія: это послѣднее порождаетъ нерѣдко развратъ, своеволіе и неповиновеніе власти. Кто же можетъ предотвратить всѣ эти уклоненія отъ порядка и добрыхъ нравовъ, какъ не помѣщикъ, имѣющій ближайшій надзоръ за всѣмъ бытомъ простолюдина?» (Р.-Славатинскій, 389 — 394; Варадиновъ; Чтенія, 1863 г., кн. I).

Улучшая бытъ крѣпостныхъ крестьянъ и стремясь къ переводу ихъ въ «обязанные», правительство въ то же время поддерживало значеніе дворянства, какъ первостепеннаго сословія, развивало систему дворянскихъ и аристократическихъ учебныхъ заведеній, давало дворянамъ преобладаніе въ мѣстной и усиливало ихъ значеніе въ государственной службѣ, повышало чиновныя степени, дающія права потомственнаго дворянства, и т. д.

Еще болѣе старалось правительство о поднятіи значенія чиновничества. Для искорененія произвола и хаоса, царствовавшихъ въ судахъ и въ администраціи, былъ составленъ Сводъ Законовъ, введенный въ дѣйствіе, не смотря на то, что въ высшихъ общественныхъ сферахъ и въ государственномъ совѣтѣ большинство было противъ этой реформы, ограничивавшей столь выгодный для оппонентовъ произволъ. Издавъ сводъ, утвердивъ имъ систему всеобщей бюрократической опеки, правительство дѣятельно заботилось объ искорененіи взяточничества и другихъ злоупотребленій безконтрольнаго чиновничества, къ проступкамъ и несправедливостямъ котораго оно относилось съ такою примѣрною строгостью, о какой и не думали во вторую половину предыдущаго царствованія, когда подъ мощнымъ покровительствомъ Аракчеева и К° произволъ и злоупотребленія администраціи не знали никакой узды. Одною изъ главныхъ причинъ учрежденія корпуса жандармовъ было желаніе защитить народъ отъ чиновничьихъ злоупотребленій и «рядомъ съ полиціей карательной создать полицію покровительственную». (Р. Арх., 1870, 1728). Осуществивъ свои идеалы дисциплины и порядка, правительство, при помощи Канкрина, довело разстроенные финансы наши до такого блестящаго состоянія, въ какомъ они не находились тогда ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Поощряя торговлю, промышленность науки и искусства, оно было прогрессивнѣе правительства аракчеевской эпохи однимъ уже тѣмъ, что вмѣсто Шишкова министромъ просвѣщенія былъ сдѣланъ Уваровъ; Магницкіе, Руничи, Фотіи и самъ Аракчеевъ попали подъ опалу; заводились сельскія школы, городскія библіотеки, основывались ученыя общества, археографическая комиссія, снаряжались ученыя экспедиціи и т. д. Пушкинъ возвращенъ изъ ссылки; лучшія произведенія его и Гоголя, которыя никоимъ образомъ не могли бы быть напечатаны въ предыдущую эпоху, были дозволяемы къ печати самимъ государемъ. Внѣшнее могущество Россіи достигло до небывалой силы.

Но при всемъ этомъ, въ русскомъ обществѣ произошелъ нравственный переломъ вслѣдствіе рѣшительной побѣды консервативныхъ элементовъ. Развитіе прогрессивной мысли было задержано вслѣдствіе серьезныхъ опасеній, возбужденныхъ многими обстоятельствами, особенно ужасной исторіей 14 декабря. Мы уже выяснили, насколько могли, дѣйствительныя причины этого болѣзненнаго кризиса, погубившаго цѣлое поколѣніе. Но этихъ причинъ консерваторы не видѣли, а попрежнему продолжали указывать ихъ въ тѣхъ же явленіяхъ, на которыя съ такою злобою напирали разные Магницкіе и Руничи. Шишковъ, напр., остававшійся еще нѣкоторое время министромъ, въ своихъ офиціальныхъ письмахъ и докладахъ подробно развивалъ эти воззрѣнія на внутреннія дѣла, укоренившіяся въ большинствѣ общества. «Небывалые никогда прежде у насъ произвольные толки о вѣрѣ, о свободѣ, о правительствѣ умножили секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и въ сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ правительства. Все сіе не догадками однѣми, но самыми происшествіями подтверждается. Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе вольнодумства и безвѣрія не только въ свѣтскихъ, но даже въ духовныхъ лицахъ, до такой степени развратившихся, что нѣкоторые изъ нихъ, при чтеніи въ церквахъ указа, подтвердившаго о крѣпостной зависимости, ободряли прихожанъ своихъ не повиноваться законной власти и многія подобныя тому неистовства проповѣдывали (??). Видимъ, *чего прежде не было* (?!!!), частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ упорнымъ требованіемъ вольности, которая, по ихъ понятіямъ, состоитъ *въ тунеядствѣ и необузданности* (!!!). Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее декабря 14 число, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чиновныхъ, въ князьяхъ и дворянахъ и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остротою ума и свѣтскими пріятностями, открылось, говорю, такое, основанное на заблужденіяхъ и *безвѣріи* (??) *) преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда примѣра». (Зап. Шишк., 123). Несчастная исторія эксплуатировалась всѣми, кому было выгодно пользоваться для своихъ интересовъ произведеннымъ ею впечатлѣніемъ. Мысль о свободѣ крестьянъ крѣпостники старались заглушить, какъ мысль самую преступную, которая будто бы легко можетъ довесть до повторенія 14 декабря. Одного того обстоятельства, что къ тайному обществу принадлежало много писателей, было достаточно, чтобы подать поводъ къ ожесточеннымъ

*) Нужно вспомнить, что почти всѣ декабристы были вѣрующими, а многіе изъ нихъ отличались самою глубокою религіозностью.

нападкамъ на литературу, въ которой Шишковъ и ему подобные видѣли причину зла. «Вотъ что надѣлали ваши поэты», говорилъ послѣ 14 декабря Жуковскому одинъ генералъ, на что Жуковскій довольно остроумно отвѣчалъ ему: «скажите лучше, ваши эполеты, ваше п—во!..» Ретроградная агитація однакожъ не оказывала на высшія сферы такого вліянія, какое желалось разными Шишковыми. Но тревожное состояніе умовъ все-таки поддерживалось рядомъ событій, вводившихъ въ недоразумѣніе относительно ихъ значенія въ дѣлѣ русскаго общественнаго развитія. Цѣлый рядъ крестьянскихъ бунтовъ, вызвавшихся крѣпостнымъ правомъ, возстаніе Польши. бунтъ военныхъ поселянъ, іюльская революція во Франціи, такъ называемый бабій бунтъ въ Севастополѣ, холерное возмущеніе въ Петербургѣ, картофельные бунты въ разныхъ мѣстахъ, постоянные революціонные происки поляковъ, бунты крестьянъ остзейскихъ, обширный заговоръ политическихъ преступниковъ въ западной Сибири, общество Петрашевскаго, наконецъ февральская революція и вызванныя ею революціонныя вспышки во всей Европѣ,—все это въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ поддерживало тѣ печальныя недоразумѣнія, которыя были такъ выгодны защитникамъ крѣпостного права, откуповъ, стараго судопроизводства и т. д. Польскія и европейскія волненія вовсе не отражались, да и не могли отражаться на русской жизни, а всѣ чисто русскіе бунты и движенія были вполнѣ чужды какихъ бы то ни было революціонныхъ происковъ и либеральныхъ вліяній. Мы остановимся здѣсь на холерномъ возмущеніи въ Петербургѣ и на бунтѣ военныхъ поселянъ.

Относительно холернаго бунта достаточно будетъ привести здѣсь выдержки изъ письма Жуковскаго. «Петербургское народонаселеніе, испуганное распоряженіями, по необходимости принятыми для того, чтобы остановить развитіе холеры, а *можетъ быть, и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми* (!!!) и, во всякомъ случаѣ, побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ. Напослѣдокъ, на одной изъ петербургскихъ площадей собралась толпа тысячъ въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по домамъ, изъ которыхъ они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются войска, и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ трепетѣ; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ... Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою въ 20—25 тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ... Вотъ слова, имъ произнесенныя: «Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ,—они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца. Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ, вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе, зараза. Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе; всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало быть, вы жалуетесь на меня, ну, вотъ я, здѣсь! И я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные, я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ вамъ не будетъ никакой жалости. Теперь расходитесь!.. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено убійство. Молитесь Богу!» При этихъ словахъ онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, а народъ тихо расходится... И съ этой минуты все пришло въ порядокъ». (Р. Арх., 1866, 343—346).

Характеръ бунта ясенъ изъ одного этого письма, но даже самъ Жуковскій, подъ вліяніемъ умонастроенія той среды, въ которой онъ вращался, не прочь былъ предполагать тутъ подстрекательства *«злонамѣренныхъ людей»*...

Бунтъ военныхъ поселянъ былъ естественнымъ результатомъ угнетавшей ихъ аракчеевщины.

II.

Исторія военныхъ поселеній есть исторія бунтовъ, которые начавшись съ первыхъ же лѣтъ, закончились катастрофой 1831 года. Въ 1817 г. волновалось бугское казачье войско, которое, будучи обращено въ поселеніе, лишалось своихъ старинныхъ казачьихъ правъ. Въ 1818 г. начались безпорядки въ новгородскихъ поселеніяхъ и въ бугской уланской дивизіи. Въ послѣдней ожидали проѣзда государя, и поселяне, не смотря на всевозможныя противодѣйствія начальства, хотѣли встрѣтить царя съ хлѣбомъ-солью и обратиться къ нему съ просьбами и жалобами. Это называлось тогда *бунтомъ*, и военный судъ раздѣлался съ бунтовщиками. Лѣтомъ 1819 г. начались болѣе серьезные безпорядки въ полкахъ чугуевскомъ, таганрогскомъ и въ Харьковѣ. Поселяне отказывались отъ работъ и шумѣли. Никакія увѣщанія не помогали. «Не хотимъ военнаго поселенія», кричали солдаты, женщины и дѣти. «Не хотимъ военнаго поселенія, оно не иное что, какъ служба графу Аракчееву, а не государю; а Аракчееву

скажите, что мы приняли непремѣнно рѣшительныя мѣры истребить его и знаемъ навѣрное, что съ концомъ его разрушатся и военныя поселенія». 2,000 человѣкъ было арестовано. Изъ нихъ 275 военный судъ приговорилъ «къ лишенію живота», но Аракчеевъ, освободивъ ихъ отъ скорой смертной казни, подъ видомъ помилованія, осудилъ на медленную и мучительную, назначивъ по 12,000 шпицрутеновъ каждому и приказавъ начать экзекуцію съ 40, считавшихся наиболѣе виновными.

18 августа 1819 г. въ окрестностяхъ Чугуева совершалась ужасная развязка этой исторіи. Лучи восходящаго солнца, багровые отъ дыма, наполнявшаго воздухъ, бросали свой кровавый свѣтъ на чугуевскую равнину и на выстроенные по ней полки, на тысячи солдатъ, вооруженныхъ палками. Бьютъ барабаны, свистятъ шпицрутены, раздаются вопли истязуемыхъ, которыхъ водятъ по зеленымъ улицамъ; кровь ручьями течетъ съ нихъ, мясо виситъ клочьями, обнажаются кости, а командиры, заправляющіе экзекуціей, все кричатъ: «крѣпче, крѣпче»... Солдаты усердствуютъ такъ, что у нѣкоторыхъ дѣлается вывихъ лопатки. «Ожесточеніе преступниковъ, по словамъ самого Аракчеева, было до такой степени, что изъ 40 человѣкъ только 3, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія—они на мѣстѣ же прощены, а прочіе 37 чел. наказаны. Но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно. По окончаніи сего наказанія спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каятся ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство; но какъ они единогласно сіе отвергли, то снова забили барабаны, снова засвистѣли шпицрутены, снова начали умирать подъ ними люди.

Въ своемъ донесеніи Александру Аракчеевъ писалъ, что «причиною возмущенія была *слабость начальства* и негодованіе разныхъ чиновниковъ, изъ г. Чугуева выселяемыхъ»!..

Чугуевская и другія расправы съ недовольными поселянами нагоняли на нихъ ужасъ, но не искореняли недовольства, которое, затаившись подъ наружною покорностью, ждало только повода къ взрыву. Александръ умеръ, Аракчеевъ сошелъ со сцены, а поселенія продолжали существовать попрежнему. Въ 1826 г. одно офиціальное лицо письменно совѣтовало Николаю уничтожить ихъ. Поселенія, говорилось въ этой запискѣ, совершенно разорили народъ. «Коренные жители изъ зажиточныхъ крестьянъ сдѣлались убогими; дѣйствующіе солдаты, изъ которыхъ многіе проливали кровь свою за отечество, суть батраки хозяевъ, безъ женъ, безъ собственности. Они несутъ всѣ бремя строевой службы и, сверхъ сего, изнуряются безъ всякой платы различными работами. Рабочіе баталіоны замучены, и начальники ихъ не стыдятся удерживать у нихъ часть заработанныхъ кровавымъ потомъ денегъ... Въ политическомъ отношеніи военныя поселенія есть предпріятіе опасное. Ибо можно ли равнодушно видѣть цѣлыя селенія вооруженныя, состоящіемъ своимъ недовольныя и подъ командою офицеровъ угнетенныхъ,—видѣть все сіе у воротъ столицы и спать спокойно!.. Если провидѣніе и благословитъ Васъ, всемилостивѣйшій государь, не испытать бѣдственныхъ послѣдствій, отъ поселеній произойти долженствующихъ, то неминуемо августѣйшему наслѣднику вашему предоставлены будутъ если не бѣдствія, то затруднительнѣйшее положеніе».

Предсказаніе сбылось скоро. Лѣто 1831 года было ужасное лѣто: сильные жары, засуха, лѣсные пожары и дымъ отъ нихъ, наполнявшій воздухъ и застилавшій солнце, преслѣдованія новгородскихъ раскольниковъ, появленіе холеры—все возбуждало умы и доводило ихъ до того болѣзненнаго состоянія, до того эпидемическаго помѣшательства, которое обнаруживается во всѣхъ движеніяхъ народной массы. Холера, впервые появившаяся въ Россіи, всюду нагоняла паническій ужасъ и волновала народъ; она произвела бабій бунтъ въ Севастополѣ и возмущеніе въ Петербургѣ. Грозная, неизвѣстная эпидемія породила много суевѣрныхъ видѣній и нелѣпыхъ слуховъ. Увѣряли, что холера ходитъ въ полночь по улицамъ въ видѣ страшной женщины, одѣтой въ саванъ, которая посылаетъ смерть въ каждый домъ, къ которому подойдетъ. Поэтому, на многихъ домахъ вывѣшивались доски съ надписью: «дома нѣтъ», или приклеивался псаломъ: «Живый въ помощи Бога небеснаго». Разсказывали также, что холера показывается, особенно по утрамъ и вечерамъ, на рѣкахъ въ видѣ темнаго облака, и если кто черпалъ съ этимъ облакомъ воду, то всѣ пившіе ее непремѣнно умирали холерными припадками. Большинство же вовсе не вѣрило болѣзни, а толковало объ отравѣ. Не только простолюдины, но и люди «образованные» приписывали холерную смерть польской интригѣ; крестьяне больше и больше подозрѣвали «господъ», военные поселяне и солдаты—свое начальство; многіе купцы и мѣщане также вѣрили въ господскую отраву. Увѣряли, что ядъ разсыпанъ по хлѣбнымъ полямъ, лѣсамъ, колодцамъ, улицамъ, бульварамъ, что имъ отравлены рѣки и колодцы; купоросное масло, разосланное для лѣченія скота отъ сибирской язвы, известь и сѣрная кислота, раздававшіяся какъ предупредительныя средства отъ холеры, еще болѣе поддерживали нелѣпые слухи, что народъ отравляютъ. Неблагоразумное распоряженіе начальства военныхъ поселеній о приготовленіи гробовъ и могилъ для будущихъ холерныхъ покойниковъ окончательно подтвердило несомнѣнность отравы. Строгость предупредительныхъ мѣръ выводила народъ изъ себя. Въ казармахъ курили такъ, что невозможно было дышать. На одномъ изъ карантиновъ какого-то проѣзжаго семинариста закурили до смерти. Карантинныя линіи, вмѣсто того, чтобы пересѣкать путь холерѣ, двигавшейся отъ востока къ западу, были протянуты совершенно параллельно съ путемъ, и не достигая поэтому своей цѣли, совершенно стѣсняли народъ въ его хозяйственныхъ занятіяхъ. За сѣномъ, за дровами, за снопами крестьяне выѣзжали

свободно изъ деревни: но на обратномъ пути ихъ непремѣнно останавливали; сѣно, дрова и проч. раскладывались и на шестахъ передавались черезъ заставу; такимъ же способомъ перепускали экипажи, лошадей и даже людей. Сельскимъ жителямъ было запрещено употреблять въ пищу кислое, соленое, рыбу и сырые плоды; выбранные дворянствомъ особые смотрители заявили при этомъ такую ревность къ дѣлу, что заставляли крестьянъ буквально голодать, выливая ихъ квасъ, выбрасывая рѣдьку и капусту, сожигая возы съ рыбой и т. д. При этомъ, конечно, не обходилось безъ злоупотребленій. Одинъ смотритель, помѣщикъ 50 душъ, требовалъ, чтобы у каждаго крестьянина была непремѣнно перцовка, и разъѣзжая по деревнямъ, пьянствовалъ напропалую, истребляя это зелье, приготовленное отъ холеры. Холерные комитеты были сочтены народомъ за общество отравителей.

При такомъ болѣзненномъ настроеніи умовъ, достаточно было самого пустого случая, чтобы возбудить народное волненіе въ разныхъ мѣстахъ,—въ Новгородѣ, Старой Русѣ, Холмѣ. Въ Старой Русѣ бунтовщики разгромили аптеку, заставивъ аптекаря перепробовать лѣкарства изъ всѣхъ банокъ и склянокъ, что стоило ему жизни; засѣкли до смерти полицеймейстера Манжоса и трупъ его, привязанный къ хвосту разъяренной лошади, мыкали по улицамъ; убивъ генерала Мевеса, даже лошадь его мучили до тѣхъ поръ, пока та не издохла. Бунтъ одновременно вспыхнулъ во всѣхъ округахъ поселеній; у бунтовщиковъ были списки всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ они положили перебить за отравленіе народа и за измѣну государю. Всюду гремѣлъ набатъ и раскатывались неистовые крики мятежа; вооруженные ружьями, саблями, дрекольями бунтовщики обыскивали дома, штабы, церкви, стараясь найти отраву, захватывали офицеровъ, лѣкарей, чиновниковъ, священниковъ, засѣкали ихъ до смерти, вколачивали гвозди въ пятки, убивали, пытали вынуждали письменныя признанія въ отравѣ. Попытки усмирить ихъ были напрасны, и войска, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, переходили на сторону мятежниковъ или отказывались драться съ ними. Убитыхъ складывали въ кучи, отмѣчали по спискамъ и нерѣдко приходили повѣрять, не сохранилъ ли кто признаковъ жизни. Поселяне не щадили даже своихъ любимыхъ начальниковъ и, умерщвляя ихъ, говорили съ сожалѣніемъ: «на то воля царя!...» Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ не вѣрили слухамъ объ отравѣ; «для дураковъ ядъ да холера,—говорилъ одинъ старикъ инженеру Панаеву,—а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго, козьяго племени не было!» Но масса совершенно чистосердечно вѣрила въ отраву и истребляла все, что ненавидѣла, думая, что исполняетъ царскую волю. Бунтъ былъ взрывомъ отчаяннаго озлобленія, накопившагося въ продолженіе годовъ; бунтовщики, считая своихъ командировъ отравителями и притѣснителями народа, думали, что, по царскому правосудію, они, какъ измѣнники, подлежатъ смерти и, въ порывѣ необузданнаго мщенія, сами взялись за исполненіе этого правосудія. Они послали въ Петербургъ депутацію съ донесеніемъ о совершенныхъ ими казняхъ и съ жалобами, надѣясь, что царь приметъ депутатовъ милостиво и поблагодаритъ ихъ. Царь принялъ ихъ грозно, и бунтовщики совершенно растерялись, обманувшись въ своихъ надеждахъ. Еще до этого, послѣ того, какъ месть ихъ была удовлетворена кровью, когда вмѣсто утихшей страсти въ нихъ началъ говорить разсудокъ, они пришли въ нерѣшительное состояніе, не знали, что дѣлать безъ начальства, и назначили себѣ командировъ изъ офицеровъ, которыхъ пощадили потому, что не ненавидѣли. Отчаяніе раскаяніе, угрызенія совѣсти, какое-то отупѣніе, страхъ казней начали сильнѣе и сильнѣе волновать поселянъ послѣ того, какъ они узнали о грозномъ пріѣздѣ императора. Бунтъ началъ утихать самъ собой. Постороннія войска занимали поселенія. Командующіе распускали слухи, что убитые поселянами являются многимъ во снѣ, ходятъ и ѣздятъ по улицамъ, а ночью надъ ихъ могилами виднѣется свѣтъ. Суевѣріе еще болѣе поддерживало нервное разстройство растерявшихся, мятежниковъ. Пріѣхалъ архіерей, чтобы служить панихиду по убиднымъ. «Вы»—говорилъ онъ поселянамъ—«будете подобны листу, отъ малаго дыханія вѣтра трепещущему,—и чего недоставало къ благополучію вашему? неужели наскучило вамъ въ тишинѣ мірской трудиться и собственными руками пріобрѣтать себѣ благосостояніе? Какое черезъ это утѣшеніе бываетъ! Самъ Господь сказалъ — въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. А вы возлюбили пуще праздность! Вспомните попеченіе и труды, изливаемые на васъ покойнымъ и симъ государемъ, какъ равно и начальниками! А что досель было у васъ? Шинки, развратъ, занимались пьянствомъ, лѣнивствомъ!» Архіерейская проповѣдь взволновала поселянъ. «Какой вздоръ говоритъ, снять бы съ него шапку да надѣть колпакъ»; «пропала наша правда, нѣтъ ее, видно, на землѣ», говорили они. Но ихъ энергія была уже надломлена и, при совершенной растерянности массы, даже самые буйные агитаторы не могли ничего подѣлать. Всѣ ждали царскаго пріѣзда. Пріѣхалъ Николай. На колѣняхъ, со страхомъ и съ нѣкоторою надеждою встрѣтили его присмирѣвшіе бунтовщики. Разсказавъ имъ о холерѣ, постаравшись выяснить имъ ихъ преступность, государь потребовалъ, чтобы выдали виновныхъ. «Но поселяне молчали», разсказываетъ Панаевъ. «Я, стоя въ рядахъ поселянъ, услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: «а что, братцы, государь ли это, полно? не изъ нихъ ли переряженецъ?» Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха, и, кажется, государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ», а только старался довести ихъ до раскаянія. Священники и нарочно командированные монахи начали проповѣдь покаянія; поселянъ заставили говѣть и исповѣдываться; дѣлались крестные ходы, пѣлись панихиды по убитымъ во время бунта. Между тѣмъ, шли аресты, аресты и аресты; про-

изводилось слѣдствіе, насталъ военный судъ. Генералъ Скобелевъ самъ предложилъ себя для производства наказаній. Военныя поселенія были наказаны почти поголовно шпицрутенами, кнутами и розгами. Многіе были наказаны на смерть. «Наказанія» — разсказываетъ священникъ Воиновъ — «производились частію въ Новгородѣ, частію въ штабахъ округовъ, на мѣстахъ преступленій, при сборѣ всѣхъ поселянъ и ихъ семействъ. Сцена на плацу во время наказаній была шумна и ужасна. Удары кнута и бичеваніе шпицрутенами съ воплемъ и стономъ бичуемыхъ раздавались по штабу, но крикъ кантонистовъ и визгъ женщинъ подъ розгами заглушалъ и покрывалъ все. Поселянкамъ казалось, какъ онѣ увѣряли впослѣдствіи, что грѣхи ихъ изъ-подъ ударовъ вылетали изъ тѣла и поднимались въ видѣ брызжущаго пара. Призванный въ госпитальныя палаты для пріобщенія наказанныхъ св. тайнами, я былъ свидѣтелемъ другой страшной сцены: отъ стона и вида обнаженныхъ частей наказанныхъ причетникъ мой растерялся и оставилъ меня одного подавать наказаннымъ разную помощь. Палаты наполнялись глухимъ стономъ; трогательны и поразительны были обращенія ко мнѣ раскаявшихся. Иной взывалъ съ жалкимъ воплемъ и рыданіемъ: «батюшка, не послушали мы вашей молитвы»; иные клялись и дополняли на духу безъ утайки признаніе въ томъ, въ чемъ не были уличены и не признавались на допросѣ. Наконецъ изнемогъ и я, и послалъ смѣнить себя младшимъ священникомъ». Многіе умерли во время или послѣ наказанія; тысячи были сосланы въ Сибирь и въ арестантскія роты; выслужившіе свой срокъ уволены въ отставку на родину. Въ штабахъ помѣщены гвардейскіе полки. Тишина и уныніе водворились въ поселеніяхъ. Въ 1832 г. военные поселенцы были обращены въ пахотныхъ солдатъ и обложены оброкомъ. Въ началѣ настоящаго царствованія были уничтожены послѣдніе слѣды аракчеевской Спарты.

Черезъ три года послѣ возмущенія, умиралъ въ своемъ Грузинѣ графъ Аракчеевъ, спасшійся во время бунта бѣгствомъ. Для дворни, для бывшихъ при немъ офицеровъ, для всѣхъ къ нему близкихъ кончина его была праздникомъ, и у положеннаго на столъ его трупа подчиненные его съ громкими возгласами радости, даже со стаканами шампанскаго въ рукахъ, праздновали смерть ненавистнаго человѣка.

Всеобщая ненависть обезсмертила Аракчеева и аракчеевщину; но эта ненависть мало имѣетъ въ себѣ разумнаго; это ненависть къ личности и дѣламъ ея, а не ненависть къ принципу, представителемъ котораго былъ Аракчеевъ, не раціональная вражда къ тѣмъ условіямъ, которыя порождаютъ подобныхъ дѣятелей и даютъ имъ возможность выдѣлывать надъ людьми такіе эксперименты, какъ, напр., отученіе ихъ отъ пищи или превращеніе ихъ въ автоматовъ, управляемыхъ фельдфебелемъ. Военныя поселенія были только самымъ крупнымъ изъ подобныхъ государственныхъ экспериментовъ, которые повторялись чуть не на каждой страницѣ нашей исторіи и возможность которыхъ устранится только съ полнымъ развитіемъ общественной иниціативы.

Опасенія, постоянно возбуждаемыя европейскими революціями, достигли высшей степени въ 1848 году. Объ ихъ характерѣ, направленіи, тенденціяхъ даютъ отличное понятіе доведенныя въ 1848 г. до высочайшаго свѣдѣнія «Мысли, возбужденныя современными событіями въ Европѣ», неизвѣстнаго автора. Эти «Мысли» можно сравнить съ запискою Карамзина, такъ какъ онѣ были органомъ консервативнаго общественнаго мнѣнія, которое въ крайнихъ своихъ представителяхъ шло даже дальше автора мыслей, доказывая, напр., необходимость закрыть всѣ университеты и т. п. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если приведемъ подробныя выдержки изъ этихъ «Мыслей».

«Тревожное состояніе полуміра въ настоящее время возбуждаетъ тяжелые вопросы... Гдѣ предѣлы этой заразѣ духа, болѣе смертоносной, чѣмъ холера и чума, этимъ попыткамъ безумія мечтателей и замысламъ закоснѣлыхъ злодѣевъ ниспровергнуть всюду порядокъ, возмутить всѣ страсти человѣческія и перепутать всѣ права, обязанности и отношенія народовъ, правительствъ и лицъ? Какая охранная цѣпь стражи можетъ воспрепятствовать теченію этой заразы духа? Какъ удержать на границѣ Россіи отголоски соблазнительнаго ученія о волѣ, равенствѣ и братствѣ? Правда, смыслъ этихъ обольстительныхъ словъ уже разгаданъ во Франціи: это грабежъ, убійства и самоуправство слѣпой толпы, уничтоженіе узъ семейнаго быта и права собственности, труда и заслугъ, установленіе преимуществъ праздности, буйства и безстыдства...»

Доказывая, что сѣмена этой заразы посѣяны уже и на русской почвѣ, авторъ принимается прежде всего за боровшіяся тогда между собою литературныя школы западниковъ и славянофиловъ... «Когда они (славянофилы) шумятъ: зачѣмъ Петербургъ—Петербургъ, а не Петроградъ, и т. п., тогда они или смѣшны, или идутъ къ одной цѣли съ западниками, къ безсильному желанію переиначить все въ Россіи, къ желанію, однакожъ внушаемому пламенною, хотя и неразумною любовью къ отечеству... Потому-то западники и опасны своимъ безусловнымъ поклоненіемъ Европѣ. Забывая, что въ Россіи прежде всего надо быть русскимъ, они плѣняются всѣми новыми мыслями нѣмецкихъ и французскихъ писателей и, представляя заблужденія свои толпѣ, увлекаютъ за собою безотчетно молодежь, всегда пылкую и неопытную».

«Вотъ первыя сѣмена заграничной заразы. Къ нимъ можно присоединить большое еще пристрастіе у насъ къ учителямъ, наставникамъ, дядькамъ, нянькамъ, даже управителямъ, поварамъ, горничнымъ, портнымъ и портнихамъ и т. п. изъ иностранцевъ и иностранокъ...»

...«Можно принять такія мѣры:

«*А. Относительно мудрствованій Запада.* Установить преподаваніе нравственно-христіан-

кой философіи во всѣхъ университетахъ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на тѣхъ началахъ и тѣмъ же порядкомъ, какъ преподаютъ богословіе и философію въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ...

«*Б. Касательно чужеземцевъ.* 1) Запретить держать въ русскихъ домахъ иностранцевъ и иностранокъ... 2) Не желающихъ (вступить въ подданство) чужестранцевъ всѣхъ, кромѣ банкировъ, выслать за границу... 3) ...Всѣхъ праздношатающихся по Россіи съ органами, учеными собаками, обезьянами и т. п., равно бродягъ-разносчиковъ мелочныхъ товаровъ: духовъ, помады, сѣрныхъ и фосфорныхъ спичекъ и т. д., также выслать и впредь не впускать. Желающихъ же изъ нихъ остаться поселить въ существующихъ колоніяхъ южнаго края, а малолѣтнихъ сиротъ опредѣлить въ кантонисты»...

«Какъ большая часть зашедшихъ къ намъ иностранцевъ, такъ и собственно русскіе побродяги, нищіе, составляютъ уже опасный зародышъ пролетаріевъ... Если же присоединить къ нимъ шатающихся безъ занятія вольноотпущенниковъ, отставныхъ солдатъ и солдатокъ, мѣщанъ, ихъ вдовъ и сиротъ, изгнанныхъ изъ службы или отставленныхъ безъ пенсіи военныхъ и статскихъ офицеровъ, чиновниковъ, почтовыхъ смотрителей, курьеровъ и т. д., съ ихъ женами, вдовами, сиротами, заштатныхъ церковно-служителей и также вдовъ и сиротъ ихъ, священническихъ и дьяковскихъ, наконецъ, воспитанниковъ и воспитанницъ воспитательныхъ домовъ, студентовъ недворянскаго происхожденія, и семинаристовъ, остающихся безъ назначенія, — то можно сказать, что у насъ уже образовалось tiers-état... Итакъ, мы имѣемъ уже *павперизмъ*, *пролетаріевъ* и *тьерсъ-эта*, т.-е. всѣ гибельныя сѣмена неустройствъ, отчаянной рѣшимости на самоуправство и готовности къ междоусобіямъ».

«Къ облегченію городовъ отъ этой язвы можно бы: 1) Всѣхъ неосѣдлыхъ и не имѣющихъ ремесла вольноотпущенниковъ, мѣщанъ, отставныхъ солдатъ, заштатныхъ священно- и церковно-служителей, здоровыхъ нищихъ и бродягъ, съ женами и дѣтьми, поселить, подобно, какъ были опыты поселенія отставныхъ солдатъ при Екатеринѣ II... 2) Семинаристамъ, остающимся въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ выпуска изъ семинаріи безъ назначенія по духовному вѣдомству, предоставлять избраніе рода жизни: приписаться ли къ городскому обществу, съ его согласія, войти ли въ военную службу, водвориться среди казачьихъ и линейныхъ войскъ. 3) Студентамъ недворянскаго происхожденія наравнѣ съ семинаристами, съ дѣтьми купцовъ и почетныхъ гражданъ, почетныхъ личныхъ дворянъ и вообще разночинцевъ, впредь воспретить вступленіе въ государственную службу... Студентовъ, которые не посвятятъ себя ученой или врачебной службѣ, или оставятъ ученое поприще, не достигши степени магистра, оставить въ томъ сословіи, къ которому принадлежали до поступленія своего въ университеты съ правомъ, впрочемъ, входить въ полки, на правахъ вольноопредѣляющихся, и водворяться среди казачьихъ и линейныхъ войскъ... 4) Засимъ прекратить право на пріобрѣтеніе чиновъ и вступленіе въ государственную службу, присвоенное воспитанникамъ разныхъ, не собственно для дворянъ учрежденныхъ, учебныхъ заведеній: гимназій, коммерческихъ училищъ и всѣхъ возможныхъ школъ, институтовъ и т. д. Эти преимущества оставить только питомцамъ ихъ изъ дворянъ...»

«Говоря о русскихъ пролетаріяхъ, нельзя умолчать объ одномъ изъ притоновъ ихъ, раскольничьихъ скитахъ»... Здѣсь предлагаются строгія мѣры противъ раскольниковъ: штрафовать, брать въ солдаты, ссылать на поселеніе; «изъ дѣтей-сиротъ годныхъ опредѣлять въ кантонисты, а неспособныхъ и дѣвочекъ—по монастырямъ»... «Раскольничьи общины тѣмъ болѣе требуютъ строгаго, тайнаго, непрестаннаго надзора, что онѣ основаны иногда на тѣхъ же началахъ, какія проповѣдуютъ въ Европѣ *коммунисты*...»

«Просвѣщеніе, какъ и человѣколюбіе, необходимо для блага народовъ. Это неоспоримо. Однакожъ есть степени просвѣщенія, есть предѣлы и человѣколюбію. Много у насъ теперь толкуютъ о всемірной грамотности, хотятъ особенно просвѣтить крестьянскихъ дѣвочекъ, и ужъ начали сочинять для мужиковъ повѣсти!... Мысль западная: Эме Мартель давно уже издалъ книгу «о воспитаніи матерей», въ которой, разумѣется, много философскихъ пошлостей и нехристіанскихъ выходокъ... Не говоря уже о невозможности засадить за указку и перо нѣсколько милліоновъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и малыхъ, если допустить мысль, что рано ли, поздно ли вся Россія примется читать, гдѣ повѣсти, гдѣ часословъ, а гдѣ писать пустится всякую всячину, кто же будетъ воздѣлывать землю, проводить пути сообщенія, воздвигать зданія, добывать металлы и минералы, работать на промыслахъ и заводахъ и т. п.? Какъ найти довольно времени и на вседневные труды и на чтеніе?..»

Главнымъ оплотомъ противъ волненій авторъ считаетъ аристократію и находитъ въ Россіи всѣ условія, благопріятныя для ея развитія. «Остается только приподнять нѣсколько упавшее дворянство, закрывъ легкіе пути къ достиженію этого званія недворянамъ; возстановить обмельчавшіе роды князей и бояръ, ограничивъ раздробленіе владѣльческихъ имѣній... словомъ, возсоздать вельможество или столбовое дворянство. Оно потому и называется искони *столбовымъ*, что дворяне коренные столбы престола, на которыхъ онъ почіетъ и зиждетъ. Это—сила силы! Это двигатели въ рукахъ двигателя! Это драгоцѣнный алмазъ въ вѣнцѣ порфирородныхъ на Руси!..»

Авторъ говоритъ, что въ его проектѣ—спасеніе отечества, и что если его «Мысли» осуществятся, «то смѣло можно сказать, что Россія, при всеобщей любви къ отечеству ея обитателей, при вѣчной вѣрности своихъ войскъ, при благотворномъ на простой народъ вліяніи православной церкви и

духовенства, просвѣщеннаго смиреномудріемъ св. евангелія, пребудетъ многіе вѣки страхомъ и завистью чуждыхъ ей народовъ».

Въ заключеніи авторъ выставляетъ еще одинъ ужасный революціонный призракъ бунтовской силы, которая «растетъ и воспитывается въ самомъ сердцѣ многолюдныхъ столицъ, важнѣйшихъ крѣпостей и губернскихъ городовъ: это арестантскія роты и исправительныя отдѣленія при баталіонахъ внутренней стражи... Это почти *то же, что народныя во Франціи ремесленныя или рабочія* (т.-е. знаменитыя національныя мастерскія февральской революціи!!!), въ которыхъ расписаны люди по-ротно, по-батальонно и по бригадамъ»... (Чтенія, 1865 г., кн. I, отд. V, стр. 227—243).

Хотя эти «Мысли» и не могли имѣть большого общественнаго вліянія, но мы считаемъ ихъ все-таки чрезвычайно важнымъ доктриномъ, такъ какъ въ нихъ съ полнотою и опредѣленностью выражены идеи и стремленія консервативной массы того времени. Въ извѣстныхъ сферахъ общества тогда говорили то же самое, что и этотъ «мыслитель», и дѣйствовали именно въ его духѣ. Смѣшно, напр., читать его мнѣнія о политическихъ переворотахъ Европы, но вѣдь того же самаго мнѣнія держались и многіе тогдашніе представители русскаго ума, Гоголь, Жуковскій, отчасти даже Пушкинъ и Лермонтовъ. Вспомните, что послѣдній видѣлъ въ великой революціи только безобразную анархію и говорилъ французскому народу—

«Ты жалокъ потому, что вѣра, слава, геній,
Все, все, великое, священное земли,
Съ насмѣшкой грубою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли!
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя, отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча!..»

Жуковскій въ событіяхъ 1848 г. видѣлъ одно только «низведеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ-нибудь его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго *скотства*». (Сочиненія, XI, 351). Желаніе автора изолировать Россію отъ европейскихъ вліяній было однимъ изъ главныхъ стремленій эпохи. Но, стараясь о развитіи народныхъ началъ, будучи въ сущности совершенно славянофильскою, эта эпоха, вмѣстѣ съ авторомъ «Мыслей», относилась къ славянофильской школѣ съ такимъ же недовѣріемъ и строгою подозрительностью, какъ и къ расколу. Доходило до того, что, заботливо сортируя раскольничьи секры на вредныя и менѣе вредныя, отнесли къ нимъ и славянофиловъ, только долго затруднялись, къ кому ихъ причислить, къ поповцамъ или безпоповцамъ, наконецъ рѣшили, что они «болѣе подобны безпоповцамъ»... Наконецъ эта постоянная заботливость автора объ искорененіи заразы духа посредствомъ отдачи въ солдаты семинаристовъ, студентовъ и т. д. тоже чрезвычайно характеристична для его времени, къ которому принадлежалъ грибоѣдовскій Скалозубъ, угрожавшій молодежи—

Я вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ;
Онъ въ двѣ шеренги васъ построитъ,
А пикнете,—такъ мигомъ успокоитъ!..

Относительно университетовъ авторъ «Мыслей» былъ еще довольно либераленъ, если сравнить его съ тѣми, которые хлопотали о совершенномъ уничтоженіи университетовъ, объ окончательномъ стѣсненіи среднихъ заведеній, на что отчасти намекаетъ тотъ же незабвенный полковникъ Скалозубъ:

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій,
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два,—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій!..

Вся система описываемой эпохи, подобно вышеизложеннымъ «Мыслямъ» автора, сводилась къ принципу *народности*, подъ которою разумѣлось неизмѣнное сохраненіе существующаго statu quo. Это statu quo считалось естественнымъ проявленіемъ національнаго духа; оно освѣщалось десятью прошедшими вѣками исторіи; въ сохраненіи его видѣли единственное спасеніе Россіи отъ тѣхъ болѣзней, которыя будто бы окончательно погубили Западъ. Для достиженія этихъ цѣлей система держалась всеобъемлющей бюрократической опеки надъ народною жизнью. Строгія государственныя доктрины, возникшія въ Европѣ, какъ противодѣйствіе революціоннымъ броженіямъ, прилагались въ Россіи къ дѣлу полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣмъ теченіемъ народной жизни управляли канцеляріи, планы и дѣйствія которыхъ сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Общество спало безмятежнымъ сномъ. Система *народности* менѣе всего допускала самодѣятельность *народа*, масса котораго находилась къ тому же въ крѣпостной неволѣ. При этомъ, система *народности*, поднявъ до такой высоты бюрократію, по странному противорѣчію допускала въ ней то господство «*нѣмцевъ*», которое бросалось въ глаза даже въ то время. Главною заботою этой *народной* политики было образованіе многочисленной и сильной арміи, на которую уходили и большая часть государственныхъ доходовъ, и лучшія молодыя силы народа. Въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ и въ кадетскихъ корпусахъ юношество спеціально воспитывалось для военной службы, сущность которой состояла въ строжайшей дисциплинѣ и плацпарадной выправкѣ. Послѣднею увлекались до того, что прилагали къ военной службѣ эстетическую теорію искусства для искусства, и многіе утверждали, что «война только портитъ солдата». Военныя формы и военный духъ постепенно распространялись на всѣ гражданскія учрежденія; многія чисто гражданскія вѣдомства получили совершенно чуждый имъ военный характеръ, напр., лѣсное, межевое, горное, путей сообщенія. Военно-судныя комиссіи по уголовнымъ дѣламъ вошли въ частое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже въ постоянное употребленіе, напр., въ Сибири комиссіи по пріисковымъ дѣламъ. Военная служба предпочиталась гражданской, и на гражданскія должности—губернаторовъ, городничихъ,

попечителей учебныхъ округовъ и т. д.,—назначались преимущественно военные. Общество чувствовало къ военнымъ какое-то особое благоговѣніе, даже женщины:

Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки!..

Обаяніе военной славой и внѣшнимъ могуществомъ Россіи было всеобщее и вполнѣ удовлетворяло національное тщеславіе. Каждый русскій вмѣстѣ съ Пушкинымъ гордился тѣмъ, что Европа трепещетъ милліона русскихъ штыковъ и что, дѣйствительно, выйдетъ очень страшно, когда—

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля,
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Возстанетъ русская земля.

Военныя сочиненія, напр., творенія Михайловскаго-Данилевскаго, разсказы Скобелева, повѣствованія о чудесахъ русской храбрости—составляли любимое чтеніе публики, а разводы, парады, ученья, маневры служили однимъ изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ.

Народное просвѣщеніе во всю эпоху велось въ духѣ упомянутой офиціальной народности. И мистикъ Шишковъ, и европейски образованный классикъ Уваровъ, и Ширинскій-Шихматовъ—всѣ они платили усердную дань этому направленію и твердо держались его въ дѣлѣ народнаго образованія, стараясь «о водвореніи по всему пространству имперіи воспитанія, согласнаго съ духомъ нашихъ учрежденій, и о предохраненіи юныхъ сердецъ отъ впечатлѣній, противныхъ вѣрѣ, нравственности и *народному нашему чувству*». Университеты возбуждали подозрительность и опасенія. «Дисциплина внутренняя признавалась главнымъ ручательствомъ благосостоянія университетовъ, которые подвергались непрерывному и самому дѣятельному надзору». «Привести образованіе отечества къ закону государственнаго единства, обнять въ этомъ образованіи коренное племя русское и вмѣстѣ съ нимъ племена разныхъ языковъ и вѣръ, связанныя съ нимъ союзомъ государственнымъ; основать образованіе русскаго народа на тѣхъ коренныхъ началахъ, которыя опредѣляются его исторіей; передавать блага всемірнаго просвѣщенія отечеству, устраняя вредъ и зло; посылать даровитыхъ юношей во всѣ концы просвѣщенной Европы, строго наблюдая за тѣмъ, чтобы они, какъ пчелы, сосали только медъ съ цвѣтовъ всемірнаго образованія; воздвигать училищныя зданія во всей красотѣ, обширности и величіи, соотвѣтственно могуществу, славѣ и пространству того государства, гдѣ они воздвигнуты; въ другомъ отношеніи, противодѣйствуя матеріализму Запада, освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія Божіимъ престоломъ, крестомъ и молитвою,—вотъ задачи, которыя рѣшались въ теченіе тридцати лѣтъ въ исторіи образованія нашего отечества», говоритъ Шевыревъ (Инструкц. министра отъ 27 мая 1833; Шевыр., Ист. Москов. Универс., 468; Щаповъ, 54). Вмѣстѣ съ тѣмъ прилагались самыя дѣятельныя заботы о томъ, чтобы дворянское юношество получало воспитаніе отдѣльное отъ прочихъ сословій; учреждались кадетскіе корпуса, благородные пансіоны при гимназіяхъ, дворянскіе институты и училища, дѣвичьи благородные институты,—все это большею частью на счетъ крѣпостныхъ крестьянъ. При Уваровѣ въ гимназіяхъ для воспитанниковъ изъ дворянъ былъ даже особый костюмъ, а въ классахъ отдѣльныя благородныя скамьи. (Р.-Славатинскій, 84—87). Образованіе дѣтей низшихъ сословій было ограничено. Въ 1827 г. ихъ воспрещено принимать въ университеты, такъ какъ «предметы обученія и самые способы преподаванія должны быть по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предначертаніемъ обучающихся, и чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, получалъ познанія, наиболѣе для него нужныя, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться». Какъ въ университетахъ, такъ и во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ могли обучаться только лица свободныхъ состояній. (Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., ч. CXXI, отд. II, с. 160). Утвердилось офиціальное мнѣніе, что «высшее образованіе для низшихъ слоевъ народа безполезно, составляетъ роскошь для нихъ, выводитъ ихъ изъ круга ихъ первобытнаго состоянія безъ выгоды для себя и для государства». Въ 1845 г. въ докладѣ министра говорилось: «имѣя въ виду, что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается, очевидно, умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, я нахожу необходимымъ, не столько для увеличенія суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій—возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Плата возвышена съ 5 до 30, 40 и 50 р.). Министръ думалъ, что «неблагонадежное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію» крайне вредно и опасно для государства. Онъ утверждалъ, что это образованіе должно принадлежать дворянамъ, «какъ потомкамъ древняго рыцарства», «тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми неспокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей». (Щаповъ, 84—85; Журн. Мин. Нар. Просв., 1865 г.). Въ 1847 г. уничтоженъ разрядъ университетскихъ вольнослушателей. Число студентовъ ограничено комплектомъ. Поговаривали даже о закрытіи университетовъ. «Высшая власть»—говоритъ г. Пыпинъ — «подозрительно смотрѣла на университетскую жизнь; попечители округовъ, почти всегда назначавшіеся изъ лицъ, по прежней

службѣ совершенно чуждыхъ учебному вѣдомству, почти всегда раздѣляли эту подозрительность, не имѣли ни интереса, ни пониманія въ дѣлѣ просвѣщенія и главнымъ образомъ видѣли свое дѣло въ полицейскомъ присмотрѣ. Недостатокъ умственнаго и нравственнаго простора не могъ не стѣснять образовательной дѣятельности университетовъ; онъ дѣйствовалъ подавляющимъ образомъ, очень часто превращалъ профессуру въ простое отправленіе ученаго промысла и подвергалъ тяжелому испытанію ревность и энергію лучшихъ людей... Для примѣра довольно вспомнить, какъ тяжело было Грановскому; это былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей, какіе только были у насъ въ то время, одинъ изъ избранныхъ умовъ, стоявшихъ во главѣ нашей образованности, человѣкъ самыхъ спокойныхъ политическихъ убѣжденій, умѣренность которыхъ стала даже поводомъ раздора съ нѣкоторыми изъ его друзей, человѣкъ, пользовавшійся большою популярностью и уваженіемъ въ образованномъ обществѣ,—и все это однако не спасло его отъ подозрѣній, притѣсненій и полицейскаго надзора». (Вѣстн. Европы, 1871 г., IX, 318).

Наукѣ въ это время покровительствовали, но только въ томъ случаѣ, если она служила той же офиціальной доктринѣ народности. Съ другой стороны, на философію, политическую экономію, новѣйшую исторію смотрѣли чрезвычайно подозрительно и даже враждебно. Философію въ университетахъ было поручено читать священникамъ. По русской исторіи сочиненіе Карамзина сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ алкорана, и его всѣми мѣрами старались возвести на степень національной святыни. Цѣлые отдѣлы исторіи напр., дворцовые перевороты XVIII вѣка, смерть царевича Алексѣя, 14 декабря 1825 г.—запрещены были для публики, а архивныя свѣдѣнія о нихъ хранились въ глубочайшей тайнѣ. «Прошедшее Россіи удивительно, ея настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что только можетъ представить себѣ самое смѣлое воображеніе,—вотъ точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на русскую исторію и писать ее». Такъ говорилъ покойный гр. Бенкендорфъ, и его слова можно считать офиціальной программой, которой въ точности слѣдовали тогдашніе историки,—Устряловы, Шевыревы, Погодины, Зотовы и др. Шевыревъ, напр., восторгался тѣмъ, что видѣлъ въ русской исторіи постепенное «*приниженіе*» человѣческой личности!..

Для огражденія страны отъ европейскихъ идей были приняты всевозможныя мѣры. Строгости иностранной цензуры простирались до того, что многія великія научныя открытія, сдѣланныя въ Европѣ въ это время (напр., теорія Ляйеля) допущены къ свѣдѣнію русскихъ только въ настоящее царствованіе. Запрещено воспитывать русское юношество за границей. Дѣятельность иностранныхъ учителей поставлена въ самыя тѣсныя рамки. Выѣздъ русскихъ за границу стѣсненъ до крайности. Въ 1834 г. срокъ дозволеннаго пребыванія за границей опредѣленъ для дворянъ не болѣе 5, а для недворянъ—не болѣе 3 лѣтъ; въ 1851 г. для первыхъ 3, а для послѣднихъ 2 года, а за заграничный паспортъ положено взимать по 250 р. за каждое полугодіе. Начиная съ 1825 г. русская политическая мысль очутилась въ совершенно изолированномъ положеніи, въ которомъ обществу было неизвѣстно, что дѣлается въ Европѣ. Событія іюльской революціи, напр., представлялись русскими газетами въ такомъ извращенномъ и крайне сокращенномъ видѣ, какъ будто король великодушно отказался отъ престола, утвердилъ регентомъ герцога орлеанскаго, созвалъ палаты и обѣщалъ принять дальнѣйшія мѣры. Всѣ эти королевскія распоряженія исполняются, и регентъ какъ будто доноситъ объ этомъ королю, который совершенно свободно удаляется отъ дѣлъ; онъ можетъ безпрепятственно остаться во Франціи, но «думаютъ, что онъ рѣшится оставить Францію». Наконецъ, король и его фамилія *рѣшили* выѣхать, и «августѣйшіе путешественники» изволили отбыть на корабли, а регентъ надѣлъ на себя корону. (Предисловіе Антоновича къ шлоссеровской Исторіи XVIII в., стр. LXIII—LXV). Изъ-за чего совершились всѣ эти перемѣны, какой въ нихъ смыслъ, почему «Парижъ сдѣлался позорищемъ бѣдственныхъ происшествій» — все это оставалось неизвѣстнымъ русскому читателю. Точно въ такомъ же превратномъ и безтолковомъ видѣ русская печать изображала и событія 1848 года. Въ Парижѣ взбунтовался народъ, самъ не понимая изъ-за чего, какъ писалъ Гречъ, потому только, что «злодѣи-радикалы, имѣющіе въ виду нарушеніе всякаго порядка, подстрекали, подкупали, поили глупую чернь—орудіе ихъ сатанинскихъ замысловъ» («Сѣв. Пчела» 1848 г., № 43); король, какъ и въ 1830 г., добровольно отказался отъ престола, и не бѣжалъ, а «поспѣшно уѣхалъ» изъ Франціи. О нѣмецкихъ революціяхъ сообщались еще болѣе отрывочныя и безтолковыя свѣдѣнія, въ такомъ родѣ: «цензура уничтожена; тисненіе объявлено свободнымъ; король созвалъ государственные чины; произошли безпорядки» и т. п. Откуда явилась такая щедрость правительствъ на «свободу тисненія» и на «представительныя уложенія» и вслѣдствіе чего возникали всюду безпорядки—оставалось рѣшительно непонятнымъ. Вся исторія *безпорядковъ* представлялась газетами въ такомъ видѣ, что читатель никакъ не могъ дойти до мысли о великомъ, всемірномъ значеніи этихъ *безпорядковъ*. Только высочайшій манифестъ отъ 14 марта 1848 г. давалъ понять, что въ Европѣ творится что-то далеко не шуточное. «Послѣ благословеній долголѣтняго мира, Западъ Европы *внезапно* взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства. Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе сообщились скоро сопредѣльной Германіи и разливались повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ; разрушительный потокъ сей коснулся наконецъ и союзныхъ намъ имперіи австрійской и королевства прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи

воемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всевышняго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ русскихъ. Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя, что древній нашъ возгласъ—за вѣру, царя и отечество—и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Обществу однако не объяснялось, кто «дерзалъ угрожать Россіи», и ему все-таки оставалось неизвѣстнымъ, что творится въ Европѣ. Да оно нисколько и не интересовалось этимъ. По свидѣтельству Панаева, даже «литераторовъ не интересовали никакія политическія европейскія событія. Никто изъ нихъ никогда и не заглядывалъ въ иностранныя газеты». Русская печать твердила одно, что Западъ погибаетъ, и пользовалась этимъ случаемъ для развитія въ обществѣ славянофильскихъ чувствъ въ духѣ официальной доктрины. «Съ благоговѣніемъ смотрю теперь на нашу Россію», писалось въ «Сѣверной Пчелѣ» 1848 г. (№ 57). «На своемъ неприступномъ для внѣшняго врага Востокѣ возвышается она теперь надъ взволнованною Европою, какъ ковчегъ, хранящій въ себѣ зародышъ новаго міра, надъ волнами потопа, поглотившаго древній... Мы стоимъ отъ всего въ сторонѣ... Мы будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія, не ботъ, прикрѣпленный къ кораблю европейскому, а крѣпкій русскій корабль перваго ранга» (id., стр. LXIV—LXXI; Воспоминанія Панаева).

Литература находилась подъ строжайшей опекой. На всю Россію существовала только одна частная газета, да и та была допущена потому только, что находилась въ рукахъ знаменитыхъ друзей, Булгарина и Греча. Цензура, по выраженію Глинки, была *чугунная*. Положеніе литературы смягчалось только оплошностями цензоровъ да покровительствомъ государя, безъ котораго не могли бы быть напечатаны лучшія произведенія Гоголя. «Мертвыя Души» съ величайшимъ трудомъ получили разрѣшеніе. Предсѣдатель цензурнаго комитета не пропускалъ ихъ уже за одно заглавіе, «ибо душа бываетъ безсмертна». Считали невозможнымъ пропустить даже слова: «ревизская душа», «Предпріятіе Чичикова»—говорили цензора—«есть уже уголовное преступленіе; авторъ вотъ выставилъ его теперь, другіе и пойдутъ брать примѣръ да покупать мертвыя души». Другіе же стояли на томъ, что «цѣна, которую даетъ Чичиковъ, два съ полтиной за душу, возмущаетъ душу; этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить». (Русск. Арх., 1866, 768). Одно время хотѣли было даже запретить *уже извѣстныя всѣмъ наизусть* тѣ басни Крылова, въ которыхъ дѣйствуютъ *цари животныхъ*, львы и орлы. Только генералъ Дуббельтъ отстоялъ произведенія баснописца. «Горе отъ ума», быстро разошедшееся въ рукописяхъ по всей Россіи, было напечатано только черезъ десять лѣтъ послѣ своего сочиненія въ крайне обдерганномъ и обезображенномъ видѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ цензура долго не пропускала самой невинной исторической статьи Путятина о генералѣ Муравьевѣ и основанномъ имъ при Александрѣ I училищѣ колонновожатыхъ. Наконецъ, при помощи сильной протекціи, статью пропустили въ «Современникѣ», но за исключеніемъ одного возмутительнаго мѣста, въ которомъ было сказано, что въ программу училища входило преподаваніе *интеграловъ и дифференціаловъ*; цензура вычеркнула эти слова и поставила вмѣсто нихъ: «*продолженіе чистой математики*!..» Дѣло въ томъ, что въ это время въ академіи генеральнаго штаба не преподавалось интеграловъ и дифференціаловъ, и цензура опасалась, какъ бы читатели не дошли до вредной мысли, что программа муравьевскаго училища была обширнѣе академической программы!.. (Бесѣды въ Общ. Люб. Р. Сл. 1871, вып. III.). Во время венгерской войны въ «Русскомъ Инвалидѣ» запрещалось называть австрійцевъ *непріятелемъ* относительно венгерскихъ войскъ и упоминать о храбрости послѣднихъ. (Р. Старина, II, 416). Имя Бѣлинскаго было запрещено!.. О французской революціи можно было говорить не иначе, какъ выставляя ее рядомъ злодѣяній и сумасбродствъ, совершенныхъ безбожными разбойниками. Когда Полевой, разбирая въ своемъ «Телеграфѣ» 1831 г. глупую брошюру «Горе отъ ума, производящаго всеобщій революціонный духъ», осмѣлился указать на истинныя причины революціи и на ея историческое значеніе, то тотчасъ получилъ слѣдующее строгое предостереженіе. «Позвольте, м. г., вамъ замѣтить, что это не литература, а совершенное разсужденіе о высшей политикѣ! Я не столько удивляюсь, что цензура пропустила такія вредныя сужденія, какъ удивляюсь тому, что столь умный человѣкъ, какъ вы, пишетъ такія нелѣпости!.. Писатель съ вашими дарованіями принесетъ много пользы государству, если онъ дастъ перу своему направленіе благомыслящее, успокаивающее страсти, а не возжигающее оныя. Я надѣюсь, что вы съ благоразумiемъ примете мое предостереженіе и что впредь не поставите меня въ непріятную обязанность дѣлать невыгодныя замѣчанія насчетъ сочиненій вашихъ». (Р. Арх., 1866, 1754). Даже такіе невинные сочинители, какъ Несторъ Кукольникъ, сплошь и рядомъ получали письменныя и неписьменныя внушенія въ томъ же родѣ; напр.: «Несторъ Васильевичъ! Историческій разсказъ «Сержантъ» обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону дворянина и хорошую его дворового человѣка... Какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ перомъ, какъ вы, м. г., убивать время на занятія васъ недостойныя и на составленіе статей до такой степени ничтожныхъ!.. А потому, не благоугодно ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ пера-

танія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей, какъ нынѣ, снисходительности, подвергнуться можете». (Р. Стар., III, 793). А взысканія-то бывали нерѣдки и нешуточны, какъ можно видѣть, напр., изъ чаадаевской исторіи или ссылки Полежаева. Въ одномъ альманахѣ была напечатана элегія Серафимы Тепловой на смерть юноши, въ которой было сказано, что *волны бьютъ въ его гробницу*. Тотчасъ порѣшили, что подъ юношей подразумѣвается кто-нибудь изъ декабристовъ, а подъ гробницею—Петропавловская крѣпость; пропустившаго элегію цензора Глинку посадили на гауптвахту на двѣ недѣли!... Трагедія Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» весьма понравилась государю; а Полевой, вѣроятно, не зная этого, напечаталъ въ «Телеграфѣ» разборъ этой трагедіи и доказывалъ ея недостатки. Журналъ за это запретили,—

«Рука Всевышняго» два чуда совершила:
«Отечество спасла
«И Полевого погубила!» (М. Дмитріевъ, 109).

«Юрій Милославскій» Загоскина очень понравился всѣмъ въ высшихъ сферахъ; но Булгаринъ, видѣвшій въ немъ соперника своему «Дмитрію Самозванцу», обругалъ его, а Воейковъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» вступился за Загоскина и обругалъ Булгарина. Велѣно прекратить эту перебранку; но лицо, сообщившее это приказаніе, передало его не точно, сказавъ, что не должно называть противниковъ по имени. Булгаринъ настрочилъ новую статейку противъ Воейкова, не назвавъ въ ней Загоскина. И отправили на гауптвахту Воейкова и Булгарина за ихъ полемику, а Греча за то, что «не удерживалъ Булгарина». (Р. Стар., IV, 503). Когда умеръ Гоголь, то въ офиціальномъ мірѣ были очень недовольны вниманіемъ общества къ его памяти и особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что московскій генералъ-губернаторъ въ полной парадной формѣ присутствовалъ на похоронахъ. Въ печати было запрещено упоминать даже имя Гоголя. Но Тургеневъ написалъ по поводу его смерти небольшую замѣтку и назвалъ въ ней Гоголя великимъ человѣкомъ; петербургская цензура не пропустила; но московскій попечитель Назимовъ разрѣшилъ напечатать ее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». За напечатаніе съ разрѣшенія московской цензуры недозволенной петербургскою цензурою этой невинной замѣтки, Тургеневъ «былъ посаженъ подъ арестъ въ части на мѣсяцъ (первые 24 часа провелъ въ *сибиркѣ*), а потомъ отправленъ на жительство въ деревню». (Сочиненія Тургенева, т. I, стр. LXXIX).

Естественно, что при такихъ условіяхъ масса литераторовъ и ученыхъ стала на сторонѣ официальной доктрины, частію по искренному убѣжденію, какъ, напр., Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ, а большею частію по расчету. Все твердило о зловредности гніющаго Запада, объ особенной даровитости и добродѣтеляхъ русскаго народа, о непобѣдимости русской арміи, о томъ, что «Россія—шестая часть свѣта», какъ выражался тогда Краевскій, и т. д., и т. д. Это патріотическое умонастроеніе выражалось подчасъ въ самыхъ комическихъ выходкахъ, въ отращиваньи бородъ, въ ношеніи рубахи поверхъ штановъ и т. п. К. Аксаковъ со слезами на глазахъ и съ проклятіями гніющему Западу топитъ въ Москвѣ-рѣкѣ свой фракъ (Воспоминанія И. И. Панаева); Гоголь тоже проклинаетъ фракъ и выражаетъ рѣшительное желаніе смѣнить его на патріотическій кафтанъ. (Библ. Зап., 1859, 104); Воейковъ поднимаетъ горестный плачъ на всю Россію о томъ, что честь русскаго имени и народная гордость жестоко оскорблены тѣмъ, что на одной изъ петербургскихъ скачекъ англійскій скакунъ опередилъ донскую кобылу (Колбасинъ, 265); Загоскинъ хвастаетъ передъ иностранцами своей *русской* физической силой и гордится тѣмъ, что побораетъ жидконогихъ европейцевъ, и т. д. Та же самая напыщенность и неестественная аффектированность заражали собой и искусство; драмы Кукольника, повѣсти Марлинскаго, стихи Бенедиктова, картины Брюлова, дикія завыванія на театральныхъ подмосткахъ Каратыгина,—все это сводилось къ одной общей чертѣ того времени,—къ ходульному величію. Нѣтъ спора, что у многихъ, напр., у славянофиловъ, идея національнаго величія имѣла вполнѣ искренній характеръ; но зато многіе другіе безчестно пользовались ею для постороннихъ и неблаговидныхъ цѣлей. Представителемъ этой ярой клики лжепатріотовъ былъ тотъ, кого такъ мѣтко характеризовалъ Пушкинъ:

«Онъ съ татариномъ татаринъ,
Онъ съ евреемъ самъ еврей,
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ лакей».

Булгаринъ, измѣнившій Польшѣ для Россіи, потомъ измѣнившій Россіи для Франціи, измѣнившій декабристамъ, постоянно измѣнявшій своимъ лучшимъ друзьямъ,—Булгаринъ въ своей привилегированной «Сѣверной Пчелѣ» распинался за все русское и бранилъ Европу съ наглостью, которая могла поспорить только съ невѣжествомъ его почитателей. Вмѣстѣ съ нимъ подвизался и его другъ Гречъ. Подобно позднѣйшимъ сіамскимъ близнецамъ нашей литературы, Каткову и Леонтьеву, эти публицисты превратили литературный доносъ въ настоящій промыселъ и бросали во всякаго, кто не нравился имъ, обвиненіемъ въ измѣнѣ національности. То же самое дѣлали и многіе другіе. Въ разгаръ борьбы славянофиловъ съ западниками первые, въ лицѣ своего поэта Языкова, нападали на послѣднихъ съ остервенѣлою яростью и наускивали на нихъ общественное мнѣніе, какъ на «измѣнниковъ отечеству». Вотъ какъ, между прочимъ, честилъ западниковъ Языковъ:

«Вы людъ заносчивый и дерзкій,
Вы опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!..
Умолкнетъ ваша рѣчь пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ;
Крѣпка, надежна Русь святая
И русскій Богъ еще великъ!

Исторія Чаадаева показываетъ, что навлечь на себя подобное обвиненіе было далеко не безопасно. Въ своей статьѣ, напечатанной въ «Телескопѣ» Надеждина, Чаадаевъ доказывалъ, что Россія, развившись своеобразно и независимо отъ Европы, принявъ вѣру изъ Византіи, которая сама была тогда въ состояніи упадка и растленія, не въ состояніи усвоить себѣ всецѣло благъ европейской цивилизаціи. Въ обществѣ, особенно московскомъ, статья эта произвела взрывъ негодованія, вызваннаго не столько воззрѣніемъ автора на православіе, сколько его упреками современной Россіи и нападками на высшее общество. Начались доносы. Извѣстный Вигель, представляя петербургскому митрополиту Серафиму книжку «Телескопа» съ чаадаевской статьей, писалъ ему съ чувствомъ офиціально-патріотическаго раздраженія: «Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіе вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности... Сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи, отъ православныхъ родителей, и имя его есть Чаадаевъ (надо замѣтить, что статья не была подписана). Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видно (!!!). Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ». Доносы возымѣли дѣйствіе. Цензоръ «Телескопа» выгнанъ изъ службы и лишенъ профессорскаго мѣста, издатель Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, а Чаадаева велѣно считать сумасшедшимъ и приказано лѣчить. (Р. Арх., 1868, 985—987; Р. Стар., I, 162—164).

Условія умственной дѣятельности отзывались на писателяхъ чрезвычайно неблагопріятно. Преждевременная смерть Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Веневитинова, Бѣлинскаго, Грановскаго, Станкевича, сумасшествіе Гоголя, Батюшкова, Жуковскаго *), наконецъ нравственное паденіе столь многихъ писателей,—все это были печальные результаты извѣстныхъ условій. Пушкинъ совершенно измѣнился, сдѣлался крайнимъ консерваторомъ и безусловнымъ поклонникомъ Карамзина во всемъ, даже въ воззрѣніи на крестьянскій вопросъ. Его статьи о необходимости цензуры и о книгѣ Радищева, его хвалебныя пѣсни, дышавшія сознательною лестью, его усилія втереться въ тѣ сферы, которыя погубили его и нравственно, и физически,—все это были признаки времени, которое подчиняло себѣ даже такого человѣка, какъ Пушкинъ, который дошелъ до того, что началъ отзываться съ пренебреженіемъ о Западѣ и его цивилизаціи. «Государство безъ полномощнаго монарха»—говоритъ онъ—«автоматъ; много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина! Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ». Гоголь пошелъ еще дальше и, погрузившись въ мистицизмъ, видѣлъ идеалъ общественнаго устройства въ древней Палестинѣ. (Р. Арх., 1866, 1733—1737). Онъ проповѣдывалъ самый узкій эгоизмъ, убивающій всякое общественное чувство. «Ваши слова»,—отвѣчаетъ онъ въ 1846 г. одной графинѣ,—«что каждый думаетъ только о спасеніи личныхъ выгодъ, о сохраненіи собственной пользы, точно какъ на полѣ сраженія, sauve qui peut—дѣйствительно справедливы; такъ оно теперь дѣйствительно есть; *такъ быть должно; такъ повелѣлъ Богъ, чтобы оно было. Всякъ долженъ думать теперь о себѣ, именно о своемъ собственномъ спасеніи*» (ib., 1744). Тотъ же самый квіэтизмъ проповѣдали и Жуковскій, и Крыловъ, и Кирѣевскій, и всѣ другіе представители консервативной партіи.

«Не разсуждай, не хлопочи,
Безумство ищетъ, глупость судитъ;
Дневныя раны сномъ лѣчи,
А завтра быть тому, что будетъ,—

такова въ сущности была мораль, вытекавшая изъ ихъ доктрины.

Старые дѣятели, такимъ образомъ, сворачивали на указанную дорогу, и нѣкоторые изъ нихъ доходили до полнаго нравственнаго паденія, какъ, напр., Воейковъ и Полевой. Послѣдняго довели до того, что онъ началъ писать хвалебныя рецензіи даже на глупые романы Штевена на томъ основаніи, что авторъ ихъ служилъ частнымъ приставомъ. (Воспом. Панаева).

Новые дѣятели,—Бѣлинскій, Грановскій, Рулье, Тургеневъ — находились въ самомъ незавидномъ положеніи...

Доктрина офиціальной народности одержала полную побѣду. Идея о непримѣнимости къ Россіи западной цивилизаціи выставлялась противъ всѣхъ улучшеній, которыя могли быть заимствованы съ Запада, даже противъ желѣзныхъ дорогъ. Даже такіе люди, какъ Плетневъ, доказывали, что желѣзныя дороги непримѣнимы въ Россіи. (Р. Арх., 1869, 333). Свобода печати, судъ присяжныхъ, освобожденіе крестьянъ, самоуправленіе оказывались еще менѣе примѣнимыми...

Общество спало глубокимъ сномъ, раздѣленное на сословія и погруженное въ свои мелкіе, личные интересы. Въ одномъ концѣ Россіи не знали, что дѣлается въ другомъ. Крѣпостное право и откупа, бюрократія, описанная Гоголемъ и Щедринымъ, офицерство и солдатство, изображенныя Чужбинскимъ и другими, бурсы, воспѣтыя Помяловскимъ, и т. д., и т. д.,—все это достаточно извѣстно, чтобы распространяться о немъ.

Иногда, впрочемъ, и до этого общества проникало вліяніе европейскихъ движеній, и общество начинало проявлять свой либерализмъ въ такихъ же комическихъ формахъ, въ какихъ выражались и славянофильскія бредни о народности постнаго масла и о ношеніи русской рубахи поверхъ штановъ. Серьезныхъ общественныхъ движеній не было во всю эпоху, о которой идетъ рѣчь, но все-таки европейскія

*) Жуковскій въ послѣдніе дни своей жизни вполнѣ увѣровалъ въ духовъ и привидѣнія и жилъ въ ихъ сферѣ.

событія отражались на столичномъ обществѣ и породили здѣсь очень оригинальную игру въ конституцію. Мы говоримъ о петербургскомъ Обществѣ Посѣщенія Бѣдныхъ, которое было основано въ 1846 г. и къ которому принадлежали почти всѣ писатели, большая часть аристократовъ, богачей, гвардейцевъ, знаменитыхъ докторовъ. «Всю прелесть засѣданій общества составляли формы, цѣликомъ перенесенныя изъ западныхъ палатъ»; тутъ вносились билли, говорились рѣчи, шли парламентскія пренія; былъ свой центръ, своя правая и «самая ярая оппозиція, олицетворявшаяся въ А. А. Краевскомъ и др.». Эта игра въ парламентаризмъ и то обстоятельство, что на попеченіи общества состояло до 15,000 семей, заставили смотрѣть на него очень подозрительно, хотя подозрѣвать тутъ рѣшительно было нечего. Въ 1848 г. это общество присоединено къ императорскому человѣколюбивому, а потомъ вовсе уничтожено. (Р. Арх., 1869, 1005—1046). Русское общество того времени походило на школу, состоящую подъ строжайшей опекой; если оно по временамъ и выражало свое неудовольствіе на послѣднюю, то выражало его тоже на школьническій манеръ. Но и подобныя школьническія выходки влекли за собой серьезныя послѣдствія для виновныхъ. Преслѣдовались даже театральныя демонстраціи. Однажды,—разсказываетъ М. Дмитріевъ,—«въ московскомъ театрѣ не понравилась зрителямъ какая-то актриса. Многіе зашумѣли, зашикали, затопали. Это дошло до Петербурга. Приказано было всѣхъ посадить подъ арестъ,—кого на гауптвахту, кого просто въ полицію. Посадили человѣкъ двадцать, между прочимъ гр. Потемкина» и нѣкоего смиреннѣйшаго человѣка Сибилева. «Москва раскричалась: лица были извѣстныя. Въ Петербургѣ немножко струсили, и всѣхъ велѣно было выпустить. Мало этого: государь самъ пріѣхалъ въ Москву посгладить впечатлѣніе... Между тѣмъ, въ Москвѣ вышла карикатура, представляющая лица всѣхъ, посаженныхъ подъ арестъ, и впереди ихъ смиренный Сибилевъ съ надписью—*глава заговора*». (Мелочи, 112). Эта исторія очень характеристична для того времени, когда даже шиканье въ театрѣ было преступленіемъ и нетерпимымъ либерализмомъ, когда боялись и подобныхъ демонстрацій и въ то же время опасались самаго ничтожнаго неудовольствія, въ родѣ того, которое было порождено въ Москвѣ арестомъ упомянутыхъ двадцати человѣкъ... Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ разсказываетъ, что даже на пирушки, устроявшіяся гдѣ-нибудь въ частномъ домѣ литераторами, являлась для надзора полиція и сидѣла въ передней, хотя на этихъ пирушкахъ не было ничего, кромѣ пьянства да, пожалуй, еще трепака, въ который пускались подгулявшіе сочинители.

Такъ шли дѣла до 1853 г., когда европейскій миръ былъ нарушенъ. Россія съ патріотическимъ энтузіазмомъ, съ гордою вѣрою въ свою непобѣдимость и въ свои громадныя силы, съ героизмомъ, изумлявшимъ враговъ, пошла на бой, готовясь къ такому же тріумфу, какой выпалъ ей на долю въ 1812—1815 г., издѣваясь надъ враждебной Европой и обѣщаясь показать ей,—

Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ!

Система, воспитывавшая столько времени эту національную гордость, опиравшуюся на громадную армію, развернула всѣ свои силы.

Насталъ періодъ разочарованій. Государственное зданіе, поддерживаемое исключительно ретроградными элементами, оказалось негоднымъ даже для войны, которая была одною изъ самыхъ главныхъ цѣлей системы, господствовавшей съ 1815 года.

Освобожденіе крестьянъ сдѣлалось необходимостью, которая одна только и могла предохранить государство отъ постепеннаго паденія.

Начались реформы.

Россія переживала тогда славные дни, полные разумной жизни, свѣтлыхъ надеждъ, благородныхъ увлеченій. И наше молодое поколѣніе, преждевременно старѣющееся теперь по разнымъ уголкамъ любезнаго отечества, а тогда состоявшее изъ дѣтей и юношей, готовилось вступить въ жизнь, полное вѣры въ свѣтлое будущее.

Музы, воодушевлявшія впослѣдствіи Катковыхъ, Скарятиныхъ, Крестовскихъ и Писемскихъ, молчали. Вся эта клика съ искусственнымъ жаромъ подтягивала общему хору тогдашней литературы, оказавшей великія заслуги дѣлу развитія русской общественной мысли.

Но въ тогдашнемъ либерализмѣ, въ тогдашнихъ прогрессивныхъ увлеченіяхъ было столько фальшивыхъ нотъ, что опытный наблюдатель легко могъ предвидѣть, что за прогрессистами скрывается другая партія, ждущая только удобнаго случая, чтобы выступить на сцену подъ знаменами «Вѣсти» и «Московскихъ Вѣдомостей». Время не замедлило оправдать эти предчувствія. Читатель, конечно, знаетъ, что теперь говорятъ и пишутъ всѣ эти господа; и если онъ сравнитъ ихъ рѣчи и писанія съ тѣмъ, что мы сообщимъ изъ обширнаго сборника матеріаловъ, собранныхъ г. Скребницкимъ (Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II, IV тома, Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868), то отвѣты получатся у него сами собой.

Вслѣдъ за адресами, посредствомъ которыхъ дворянство разныхъ губерній *ходатайствовало* объ уничтоженіи крѣпостного права, правительство начало получать записки и проекты по крестьянскому вопросу. Большинство составителей этихъ проектовъ хлопотало, чтобы эманципація совершилась на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для помѣщиковъ. Многіе даже прямо высказывались противъ освобожденія, какъ это можно видѣть изъ однихъ уже заглавій ихъ проектовъ; напр., «записка *Неизвѣстнаго* противъ освобожденія крестьянъ»; «нѣсколько мыслей о средствахъ улучшить положеніе сословія дворянъ-помѣщиковъ», *Беклемишева*; «записка колл. сов. *Баранова* о пользѣ крѣпостного права и необходимости нѣкоторыхъ только измѣненій въ ономъ»; «Записки *Будберга и-Безобразова* о вредномъ направленіи современ-

ной литературы»; «записка о сохраненіи помѣщичьей власти», *Семенова*; «письмо кн. *Шаховского* о ненадѣленіи крестьянъ землею»; «записка *Клементьева* о вредѣ выкупа поземельной собственности», и т. д. (Скребицкій, I, 926—943). Редакціонныя комиссіи убѣдились изъ множества разсмотрѣнныхъ ими проектовъ и мнѣній, что извѣстныя лица «продолжаютъ поддерживать мнѣніе, прямо противорѣчащее высочайше указаннымъ началамъ и клонящееся, въ той или другой формѣ, къ освобожденію крестьянъ безъ земли, къ постепенному водворенію между крестьянами полной безземельности и вмѣстѣ съ нею новой, хотя уже не юридической, но не менѣе дѣйствительной матеріальной зависимости, истекающей изъ крайней нужды» (стр. XCIII—XCIV). Огромное большинство губернскихъ комитетовъ и ихъ депутатовъ стремилось къ тому же. Для рѣшенія вопроса ставили такую дилемму: правительство должно или выкупить земли для освобожденныхъ крестьянъ или же освободить ихъ безъ земли (стр. 302); но такъ какъ необходимой для выкупа громадной суммы взять неоткуда, то остается прибѣгнуть къ освобожденію безземельному или, какъ впослѣдствіи выражались Скарятины и Катковы, «*освободить крестьянъ отъ земли*». Сорокъ членовъ второго приглашенія, составлявшіе ядро помѣщичьей оппозиціи, единогласно заявляли, что «свободный выборъ мѣста жительства и занятій, вольный наемъ земли и свобода договоровъ о работѣ составляютъ такое обезпеченіе, какого не даетъ крестьянамъ земля помѣщика» (стр. 159). Признавая за помѣщиками безусловное право собственности, депутаты отъ губернскихъ комитетовъ горячо протестовали противъ какихъ бы то ни было ограниченій этого права, предположенныхъ правительствомъ для поземельнаго обезпеченія крестьянъ. Выработанныя редакціонными комиссіями правила крестьянскаго надѣла помѣщичья оппозиція считала порожденіемъ коммунизма, ведущимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ революціи. «Это споліація помѣщичьихъ правъ, носящая на себѣ начало революціонное»; «неминуемымъ послѣдствіемъ ея будутъ нескончаемыя требованія всѣхъ классовъ, ненависть одного сословія къ другому и безпрерывныя волненія» (стр. 145). Это насильственный захватъ чужой собственности, это споліація въ пользу крестьянъ земель дворянства, «которое возникло изъ народа, всегда звалось и всегда было *кормильцемъ и отцомъ его*» (стр. 152). Это «*увлеченіе ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенною Европою*. (II, 329). Это насиліе, «вымогательство» (стр. 881). Предвосхищая такимъ образомъ у Каткова и К° систему запугиванья красными призраками, адвокаты крѣпостничества предсказывали для Россіи всевозможныя бѣдствія отъ закона о надѣленіи крестьянъ частью помѣщичьей земли. «Первымъ послѣдствіемъ такого закона,—заявляли сорокъ членовъ второго приглашенія,—были бы взаимныя неудовольствія, несогласія и борьба двухъ сословій; вторымъ послѣдствіемъ—развитіе общаго недовѣрія; третьимъ—общее потрясеніе и смѣшеніе понятій о правѣ собственности, о справедливости и законности; четвертымъ—привычка ожидать и требовать обезпеченія потребностей посредствомъ распоряженій правительства, и, наконецъ, пятымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—всеобщій упадокъ дѣятельности и остановка въ развитіи промышленности». (I, 165). Когда же эманципація совершилась, то изображенію всѣхъ этихъ ужасовъ, отъ нея будто бы проистекшихъ, посвятили свою дѣятельность гг. Скарятины, которые проповѣдуютъ то же самое, что и ихъ предтечи, только съ меньшею откровенностью и съ большею лживостью. Ни отъ Скарятиныхъ, ни отъ Катковыхъ мы никогда не слышали такихъ откровенныхъ замѣчаній, какъ, напр., отъ сорока членовъ второго приглашенія. Они прямо заявляли, что «чѣмъ стѣснительнѣе будетъ для помѣщика новое Положеніе, тѣмъ болѣе оно представитъ ему побужденій, случаевъ и даже поводовъ къ обезземеленію и притѣсненію крестьянъ» (стр. 167). Явное дѣло, что Скарятины лгутъ, утверждая, будто бы горестное положеніе освобожденныхъ крестьянъ зависитъ отъ эманципаціи, а не отъ тѣхъ противодѣйствій ей, не отъ тѣхъ огрэниченій, на которыя намекали сорокъ членовъ второго приглашенія.

Адвокатамъ крѣпостничества хотѣлось свести всю реформу только на «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ». «Дворяне, отказавшись единодушно отъ права на личный трудъ крестьянина, принесли въ жертву милліоны для блага отечества». «Естественно ихъ стремленіе, принося значительныя жертвы, не видѣть себя и семействъ своихъ обнищавшими, и вѣкового своего значенія, какъ передового земледѣльческаго сословія, униженнымъ въ глазахъ народа и выставленнымъ въ ложномъ свѣтѣ передъ исторіей» (стр. 171, 329). Заявлялось даже, что дворянство, воспитанное крѣпостнымъ правомъ, безъ него и существовать не можетъ, если оно будетъ уничтожено со всѣми вытекающими изъ него привилегіями. «Право владѣть населенными имѣніями составляетъ одну изъ отличительныхъ, существеннѣйшихъ привилегій дворянства; *оно не сумѣетъ* употребить съ пользою иначе своихъ капиталовъ, потому что воспитаніе, обычай служить и другія условія жизни дворянъ не представляютъ для того благопріятныхъ данныхъ». Нѣкоторые депутаты доходили даже до такой откровенности. что высказывали опасеніе относительно молодого поколѣнія дворянъ, «*рожденнаго въ роскоши*» и, вслѣдствіе эманципаціи, имѣющей поставить его въ болѣе скромную жизненную обстановку, долженствующаго превратиться въ «нравственныхъ пролетаріевъ, для существованія которыхъ нужны силою взятая чужая собственность и чужое счастье!» (I, 247; II, 564)... Какъ видите, современные крѣпостники не далеко ушли отъ помѣщиковъ XVIII в., которые, вооружаясь противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ, вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Дашковой старались поразить сторонниковъ эманципаціи вопросомъ, повидимому, неразрѣшимымъ для нихъ: «гдѣ же будемъ брать деньги, если освободятъ крестьянъ?...» И у тогдашнихъ, и

у теперешнихъ крѣпостниковъ мы видимъ тѣ же тенденціи, тоже стремленіе запугать освободителей крестьянства призраками анархіи и волненій; то же желаніе выставить помѣщичье сословіе «душою», «отцомъ и кормильцемъ народа», который не можетъ жить безъ его благодѣтельной опеки, безъ «нравственнаго обаянія и благоразумнаго вліянія, какое имѣютъ на крестьянъ помѣщики». (I, 246). Вовсе освободить крестьянъ изъ-подъ власти «*образованнѣйшаго*» сословія въ государствѣ и «дать разомъ широкое самоуправленіе мужичку, который лучше умѣетъ повиноваться, чѣмъ начальствовать, не только преждевременно, но и *опасно*». Волостное самоуправленіе—начало совершенно революціонное, республиканское, и члены второго приглашенія «съ трудомъ могли вообразить крѣпостное населеніе Россіи, распредѣленнымъ на *десять тысячъ какихъ-то республикъ*, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи!» (576, 813, 876). Да, десять тысячъ республикъ дѣло не шуточное, и отъ нихъ можно ожидать только одной анархіи да окончательнаго одичанія россіянъ, ибо еще безсмертный Карамзинъ сказалъ, что народы дикіе любятъ свободу, народы же образованные предпочитаютъ крѣпкую власть надъ собою. Крестьянское самоуправленіе сильно «тревожило поземельную собственность, которая чувствовала себя беззащитною на случай смятеній и безпорядковъ». Будущее представлялось алармистамъ въ такомъ неблагопріятномъ видѣ, что, по словамъ ихъ, «помѣщикамъ сколько-нибудь значительныхъ имѣній приходилось держать *цѣлую гвардію караульщиковъ добрыхъ и несонливыхъ*, и притомъ, организованныхъ въ артели, т. е., какъ говорятъ французы, амбригадированныхъ и дисциплинированныхъ» (I, 670; II, 746; III, 196).

Чтобы избѣжать этихъ ужасовъ и опасностей въ будущемъ, слѣдовало освободить крестьянъ безъ земли и старые крѣпостные порядки замѣнить на новые, болѣе мягкіе, хотя въ сущности совершенно одинаковые.

«Управленіе народомъ и соединенные съ нимъ судъ и расправу слѣдуетъ поручить не бездомнымъ скитальцамъ, пріѣзжающимъ на кормленіе», а «помѣстному дворянству, просвѣщенному болѣе всѣхъ сословій». За нимъ слѣдуетъ оставить «*по крайней мѣрѣ* (!!) ту власть, которую представляли собою, до наступленія принудительнаго выкупа, въ Германіи гершафтъ, въ Англіи—шерифы, въ Царствѣ Польскомъ—общинныя войтовства, въ прибалтійскихъ губерніяхъ — дворовое управленіе» (I, 351, 400; IV, 871). Но это было еще скромное требованіе, сравнительно съ вотчинною похотливостью большинства, не знавшею никакихъ границъ.

Оставляя за собою вотчинное право на всѣ свои земли, даже на крестьянскіе надѣлы, требуя съ крестьянъ за пользованіе послѣдними личной или денежной платы, помѣщики хотѣли оставить за собою столько крупныхъ привилегій, что совокупность ихъ составила бы то же крѣпостное право, только въ измѣненномъ нѣсколько видѣ. Помѣщикъ имѣетъ право вмѣшиваться даже въ семейныя дѣла крестьянъ, напр., въ раздѣлы крестьянскаго семейства, *въ смѣну главы семейства* и замѣщеніе его другимъ благонадежнымъ лицомъ; выходъ крестьянокъ замужъ совершается съ дозволенія помѣщика; костромской комитетъ «въ видахъ нравственнаго обороченія» (?!) за уклоненіе отъ брака дѣвицъ, молодыхъ бездѣтныхъ вдовъ и мужчинъ «требовалъ даже взимать съ нихъ ежегодный штрафъ отъ 3 до 10 руб.» (I, 12—15); переходъ крестьянъ въ другія сословія и общества цѣлыми обществами и селеніями безусловно воспретить; частные переходы могутъ состояться только съ дозволенія помѣщика, при чемъ нѣкоторые комитеты требовали съ выходящаго извѣстной выкупной суммы (86, 99, 104). Право крестьянъ заявлять жалобы и иски противъ помѣщиковъ распространялось только на время, слѣдующее за объявленіемъ положенія, а доносы и жалобы по всѣмъ лѣламъ, бывшимъ до введенія временно-обязательнаго состоянія, кромѣ дѣлъ объ измѣнѣ и покушеніи на жизнь государя, безусловно запрещались, подъ страхомъ наказанія (74). Оставляя за собою исключительныя права «на всемъ пространствѣ своихъ помѣстій, не исключая и крестьянскихъ усадьбъ», учреждать заводы и фабрики, торги и ярмарки, курить вино, строить кабаки, пристани, плотины и мельницы, стрѣлять дичь и ловить рыбу, открывать торговыя заведенія,—помѣщики отвергали право крестьянъ на всѣ эти промыслы и занятія, если только они будутъ производиться не на землѣ, пріобрѣтенной крестьянами въ полную собственность. Большинство комитетовъ запрещало даже крестьянамъ заводить какія бы то ни было производства, «отъ которыхъ можетъ произойти опасность отъ огня или порча воздуха и воды и вообще какой-либо вредъ для жителей селенія» (I, 65; II, 983, 985). На основаніи такого правила, помѣщикъ могъ бы заправлять промышленнымъ и фабричнымъ производствомъ крестьянъ, какъ ему угодно Нѣкоторые комитеты прямо требовали, чтобы помѣщику были предоставлены управленіе хозяйствомъ земель, какъ находящихся въ его непосредственномъ распоряженіи, такъ и отведенныхъ крестьянамъ, и «регуляція отведенныхъ крестьянамъ усадьбъ и поземельныхъ участковъ, т.-е. надѣлъ, ограниченіе и замѣнъ оныхъ» (I, 176). Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ промышленныхъ привилегій, помѣщики выговаривали себѣ «право безъ записки въ гильдію продавать оптомъ и отправлять черезъ таможни и заставы собственныя свои издѣлія и произведенія, исключительное право на устройство постоялыхъ дворовъ и гостиницъ на всемъ пространствѣ имѣній, право проводить дороги, рыть канавы и рвы, устраивать перевозы, право на минеральныя богатства какъ на поверхности земли, такъ и въ нѣдрахъ ея (при чемъ къ минеральнымъ богатствамъ отнесенъ и *торфъ*), право ловить рыбу удочкою, которое, «при всемъ своемъ

идиллическомъ характерѣ», все-таки важно и священно (265—282). Доходили до того, что, уступая крестьянамъ ихъ дворишки и домишки, оставляли за собою исключительное право на всѣ улицы, переулки и площади!.. Какъ населенныя имѣнія, такъ и всѣ упомянутыя права помѣщикъ можетъ отдавать «въ наемъ, арендное или откупное содержаніе» (180). Ему «слѣдуетъ безусловно дозволить принудительное переселеніе крестьянъ» въ другія мѣстности (II, 945). Нѣкоторые комитеты до того распространяли объемъ крестьянскихъ повинностей помѣщику, что даже обязывали мужиковъ участвовать попрежнему на барскихъ охотахъ, или, по выраженію минскаго комитета, «содѣйствовать помѣщикамъ, по ихъ требованіямъ, для истребленія хищныхъ звѣрей» (III, 167). По частнымъ искамъ помѣщика противъ крестьянина, въ случаѣ несостоятельности послѣдняго, все его движимое и недвижимое имущество отвѣчаетъ за долгъ; по мнѣнію сорока членовъ второго приглашенія, строгія взысканія по частнымъ искамъ должны благодѣтельно отзываться на экономическомъ благосостояніи крестьянъ, заставляя ихъ быть «полезными и дѣятельными членами общества»!.. (I, 82). Вѣроятно, для усугубленія и вящшаго поддержанія той же «полезности и дѣятельности» губернскіе комитеты и ихъ депутаты изобрѣли ту систему безконечныхъ штрафовъ въ пользу помѣщика, посредствомъ которой они думали вознаградить послѣдняго за его лишенія. За невзносъ оброка въ срокъ и за просрочку въ выполненіи натуральной повинности—штрафъ; за лѣность—сажать въ тюрьму отъ 1 дня до 2 мѣсяцевъ и подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ розгами и даже *палками*. Для взысканія недоимокъ помѣщикъ имѣетъ право назначать крестьянъ на работы, отдавать ихъ въ наемную работу, конфисковать ихъ хлѣбъ, сдавать ихъ въ рекруты и возмещать недоимки черезъ продажу рекрутскихъ квитанцій, переводить оброчныхъ на барщину, а барщинныхъ на оброкъ, лишать ихъ поземельнаго надѣла, не выдавать паспортовъ на заработки, конфисковать все имущество, сдавать неплательщиковъ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, и т. д., и т. д. (III, 520—529, 575, 1062, 1063). Дворовыхъ помѣщикъ также имѣетъ право подвергать и тѣлеснымъ наказаніямъ, и денежнымъ штрафамъ; за грубость, нахальство, буйство, умышленное причиненіе вреда и т. п. заключать подъ арестъ на хлѣбъ и на воду, сдавать въ рекруты, содержать въ смирительныхъ домахъ, арестантскихъ ротахъ и «другихъ заведеніяхъ» (IV, 107, 109). «Чтобы крестьяне, поставленные въ новое положеніе, не уклонились въ крайность и, руководясь ложнымъ убѣжденіемъ, что всякія отношенія ихъ къ помѣщику прекратились, не дозволили себѣ дерзкихъ выходокъ противъ бывшаго своего владѣльца, необходимо удержать за помѣщикомъ власть, за наносимыя ему оскорбленія, распоряжаться лично, безъ участія сельской расправы» (I, 609).

По требованію казанскаго комитета, «вліяніе и власть помѣщика должны были оставаться почти тѣми же, какими были они и въ крѣпостномъ быту». Къ тому же стремились и другіе комитеты, стараясь, чтобы дворянство стало во главѣ управленія народомъ, который будто бы «не отвергаетъ неоспоримаго права дворянъ участвовать въ управленіи и, не смотря на неистовыя выходки поборниковъ извѣстной пропаганды, принявшихъ на себя личину любви къ Россіи и рѣзко напоминающихъ сословныя нападки 1789 г., сознаетъ высокое значеніе дворянъ, какъ самаго твердаго оплота престола и государственнаго порядка» (610, 611 и др.).

Помѣщикъ, имѣніе котораго составляетъ цѣлую волость, долженъ быть начальникомъ ея, а въ разнопомѣстныхъ волостяхъ на эту должность назначается одинъ изъ помѣщиковъ волости, выбираемый дворянствомъ цѣлаго уѣзда; надъ отдѣльными же селеніями должны властвовать сельскіе начальники изъ дворянъ. Власть начальника необъятна: ей подчинены и душа и тѣло не только крестьянъ, но и всѣхъ жителей сельскаго общества. Начальникъ утверждаетъ приговоры сельскаго общества или кладетъ на нихъ свое veto; онъ собираетъ и распускаетъ мірскіе сходы, утверждаетъ, удаляетъ и во всемъ контролируетъ сельскихъ должностныхъ лицъ, изгоняетъ изъ общества вредныхъ членовъ и принимаетъ новыхъ; ему подчинены всѣ дѣйствія мірского схода, сельской управы и должностныхъ лицъ; «онъ есть безусловный распорядитель въ обществѣ по части хозяйственно-административной»; «въ немъ сосредоточиваются всѣ полицейскія распоряженія». Онъ выдаетъ паспорты и виды на жительство, ловитъ бродягъ и преступниковъ, наблюдаетъ за посторонними лицами всякаго званія, временно или постоянно живущими въ его волости; всякаго нарушителя общественнаго спокойствія и порядка, не смотря на его званіе и должность, равно лицъ развратнаго и буйнаго поведенія или не снабженныхъ узаконенными видами, онъ можетъ выслать изъ общества или передать въ распоряженіе мѣстной земской полиціи, содержа до того времени подъ арестомъ не долѣе 3 дней», т.-е., можетъ изгонять изъ волости и сажать въ чижовку всякаго, кого захочетъ!.. «Крестьяне состоятъ въ полномъ повиновеніи у начальника общества и исполняютъ всѣ его законныя требованія». «Въ случаѣ общаго нарушенія спокойствія и порядка, онъ обращается къ содѣйствію правительственной власти»... Онъ старается прекращать пьянство, буйство, распутство, наблюдаетъ за поведеніемъ крестьянъ; «уклоняющихся отъ исполненія *религіозныхъ обязанностей*, *нарушающихъ нравственныя правила* (!!), предающихся праздности и пьянству, нарушающихъ общественный порядокъ, виновныхъ въ грубости, безчинствѣ, ослушаніи и во всѣхъ вообще проступкахъ и преступленіяхъ, не подвергающихъ лишенію правъ состоянія и направленныхъ противъ личности начальника общества, его собственности и семейства, противъ членовъ того же общества или противъ посторон-

нихъ лицъ,—онъ имѣетъ право отсылать для наказанія въ распоряженіе мірского схода или сельской управы» или же «*распоряжаться лично*», т.-е. сѣчь розгами, штрафовать деньгами, сажать въ чижовку. Начальникъ внушаетъ крестьянамъ «преданность къ вѣрѣ», предлагая обществу мѣры къ утвержденію ея, повиновеніе законамъ, привязанность къ труду, чувство согласія и взаимной помощи». Онъ покровитель крестьянъ и ихъ ходатай передъ правительствомъ. Наблюдая за сохраненіемъ и употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, онъ «не отвѣчаетъ ни за ихъ цѣлость, ни за ихъ употребленіе», и т. д., и т. д. (I, 437—458, 587—619, 814, 831).

Пользованіе всѣми этими и другими привилегіями дворянство считало «новою жертвою нравственною, приносимою въ пополненіе матеріальныхъ пожертвованій»!.. (611) Имъ руководили только любовь къ отечеству и забота о благѣ народа...

Не всѣ, впрочемъ, депутаты и комитеты отстаивали эти привилегіи съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, при которыхъ они не могли видѣть, что возстановленіе крѣпостного права въ другой формѣ хотя и возможно, но не можетъ быть прочнымъ, и что дворянство, въ видахъ собственныхъ же своихъ интересовъ должно навсегда проститься съ этой институціей и выступить на другой путь дѣятельности. Просвѣщенное меньшинство дворянъ просило распространенія реальнаго образованія, свободы печати (IV, 585, 808), гласнаго суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгаго раздѣленія властей и самоуправленія обществъ (I, 793). Но даже почти всѣ подобныя требованія, сопровождавшіяся шумихою либеральныхъ фразъ, все-таки клонились къ тому, чтобы проектируемые порядки самоуправленія и децентрализаціи удовлетворяли преимущественно сословнымъ интересамъ дворянства, которое хотѣло на всѣхъ ступеняхъ управленія играть такую же роль, какую играетъ оно въ земскихъ учрежденіяхъ, созданіе которыхъ и было результатомъ упомянутыхъ требованій (765—781). Ограничивая самоуправленіе одними только хозяйственно-административными задачами и ставя во главѣ его дворянство, если не de jure, то de facto, крѣпостники-либералы имѣли прежде всего въ виду экономическую поддержку своего сословія, которое, вліяя на весь ходъ народно-хозяйственныхъ дѣлъ, могло бы такимъ образомъ если не вознаградить себя за потери, сопряженныя съ эманципаціей, то, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить и облегчить ихъ хотя на первое время, а тамъ—что будетъ, то будетъ... И самыя либеральныя изъ этихъ либеральныхъ стремленій имѣли цѣлью перемѣстить помѣщичьи привилегіи въ другія формы, болѣе сообразныя съ духомъ времени, чѣмъ форма крѣпостного рабовладѣльчества. Во главѣ этихъ стремленій стоялъ тогда «Русскій Вѣстникъ», пропагандировавшій у насъ «свободныя учрежденія» Англіи и этимъ, главнымъ образомъ, обязанный своему тогдашнему успѣху въ публикѣ, такъ какъ «просвѣщеннѣйшая» часть ея, одержимая вотчинною похотливостію, видѣла въ такой пропагандѣ поддержку для своихъ исключительныхъ, сословныхъ тенденцій, прикрытыхъ маскою либерализма. Англоманія г. Чичерина, украшавшаго въ то время своими широковѣщательными диссертаціями «Наше Время» и «Вѣсть», теперь въ малѣ скончавшуюся, всего лучше характеризуютъ качество той англоманіи, которую прельщали только вотчинныя привилегіи и первостепенная политическая роль британскаго дворянства. Эта задняя мысль упомянутыхъ либераловъ видна была во всемъ ихъ поведеніи, во время работъ по крестьянскому вопросу. Человѣкъ, напр., пишетъ записку «о вредномъ направленіи современной литературы» и въ то же время трактуетъ о широкомъ развитіи въ Россіи началъ самоуправленія!.. И большинство депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ заявляло либеральныя требованія только послѣ предварительной неудачной защиты своихъ чисто-крѣпостническихъ тенденцій. Отвергая, напр., крестьянское самоуправленіе и доказывая его опасность, приходя въ ужасъ отъ учрежденія «10,000 республикъ», т.-е, волостей, эти господа въ то же время заявляли, что самоуправленіе съ дворянствомъ во главѣ слѣдуетъ распространить на всѣ сословія государства... «Не мытьемъ, такъ катаньемъ все таки возьмемъ свое!..»

Конечно, и въ губернскихъ комитетахъ, и въ средѣ ихъ депутатовъ, вызванныхъ въ Петербургъ, были люди, не желавшіе возстановленія крѣпостной зависимости крестьянъ и стремившіяся къ тому, чтобы эманципація была завершена цѣлымъ рядомъ существенныхъ реформъ; но эти люди составляли ничтожное меньшинство, къ которому приставало большинство съ заднею мыслью воспользоваться ихъ либеральными тенденціями для своихъ узкихъ и отсталыхъ поползновеній. Такими-то кознями, интригами, запугиваньями была встрѣчена великая реформа нашего времени, положившая краеугольный камень въ основу зданія русской свободы. Громадное большинство общества смотрѣло на освобожденіе крестьянъ съ точки зрѣнія своихъ карманныхъ интересовъ. Крѣпостныя привычки и весь складъ мыслей, сложившійся подъ вліяніемъ ихъ, убивали всякое общественное стремленіе въ зародышѣ. Каждое сословіе, замкнутое въ своемъ неподвижномъ statu quo, только и думало, что о своемъ исключительномъ положеніи, о своихъ привилегіяхъ, и кто былъ силенъ, тотъ добивался этого открыто, а кто слабъ и угнетенъ, тотъ извивался, хитрилъ и подличалъ. Эта разрозненность, эта вѣками привитая отупѣлость были главнымъ зломъ, порожденнымъ крѣпостной системой и солидарными съ ней порядками. Съ паденіемъ системы многіе, понятно, остались при тѣхъ же понятіяхъ и привычкахъ, и, гдѣ можно было, обѣими руками ухватились за старую реакцію, тащившую назадъ...

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ О НѢМЦАХЪ*).

I.

Грустную картину представляла изъ себя Германія XVIII вѣка. Раздѣленная на множество крупныхъ и мелкихъ государствъ, безгласная и безправная, опутанная интригами и бюрократіей, разоряемая и продаваемая, она спала такимъ глубокимъ и самодовольнымъ сномъ, который могло нарушить, по выраженію Берне, развѣ только одно землетрясеніе.

Послѣ реформаціи и народнаго движенія, вызваннаго вліяніемъ ея на общественное мнѣніе и въ лицѣ Мюнцера давшаго генеральное сраженіе грубому феодальному порядку, Германія, побѣжденная и измученная изувѣрскими войнами, опять надолго заснула. Мюнцеръ погибъ, а съ нимъ погибла и великая мысль его. Народъ попрежнему сдѣлался орудіемъ политической и религіозной эксплуатаціи, и не было того произвола, того рабства, котораго бы онъ не вынесъ.

Такъ продолжалось дѣло до конца XVIII вѣка, когда въ самомъ воздухѣ стали носиться новыя идеи, новыя гуманныя стремленія, новыя потребности лучшей общественной жизни. Это общеевропейское движеніе коснулось и Германіи.

Нѣсколько государственныхъ дѣятелей пытались было произвести необходимыя реформы, но реакція дворянства, духовенства и бюрократіи оказалась сильнѣе прогрессивныхъ стремленій нѣмецкаго общества и тѣхъ немногихъ правителей, которые хотѣли идти въ уровень съ вѣкомъ. Таковъ былъ, напр., Іосифъ фонъ-Брейтенбахъ, курфюрстъ-архіепископъ майнцскій (1763—1774). Онъ поднялъ до высокой степени матеріальное благосостояніе и народное образованіе своей страны, ненавидѣлъ іезуитовъ, преслѣдовалъ развратъ духовенства, старался искоренять суевѣрія, запретилъ продажу мощей, амулетовъ и индульгенцій, ввелъ въ учебныя заведенія философію Лейбница и Вольфа и т. д. Но эта свѣтлая личность была бѣльмомъ на глазу высшаго сословія Майнца, и въ 1774 г. архіепископъ внезапно заболѣлъ и умеръ, поѣвъ супа, который былъ отравленъ іезуитами. Вся его реформаціонная дѣятельность погибла. Въ Пруссіи король-философъ, Фридрихъ II, объявившій при своемъ воцареніи, что главною задачею своей жизни онъ ставитъ борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, просвѣщеніе умовъ, смягченіе нравовъ, былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ миссіонеровъ науки, разума и вѣротерпимости въ своемъ отечествѣ. Поднявъ Пруссію до степени первостепеннаго государства въ Европѣ, Фридрихъ реформировалъ ея законы, улучшилъ военное устройство содѣйствовалъ развитію земледѣлія, промышленности и торговли, допустилъ свободу рѣчи и прессы. И хотя при всемъ этомъ Фридрихъ былъ до того деспотиченъ, что, по выраженію Альфіери, прусское королевство тогдашняго времени, «съ его тысячами наемныхъ сателлитовъ, этой единственной опорой самовластія, было одной огромной, непрерывной гауптвахтой, а Берлинъ большой казармой, внушающей отвращеніе»,—но никто не рѣшится отнять у этого государя великихъ заслугъ цивилизатора своей страны. Самый деспотизмъ Фридриха естественно объясняется характеромъ того апатичнаго общества, въ средѣ котораго ему довелось дѣйствовать. «Пруссаки—писалъ лордъ Мальмесбюри—вообще бѣдны, тщеславны, невѣжественны и безнравственны. Въ тщеславіи своемъ, они воображаютъ видѣть собственное величіе въ величіи своего монарха. Невѣжество заглушаетъ въ нихъ всякое понятіе о свободѣ и о возможности сопротивленія насилію. Отсутствіе нравственности дѣлаетъ ихъ готовыми орудіями для исполненія какихъ бы то ни было приказаній. Они никогда не размышляютъ, насколько справедливы эти приказанія». Понятны послѣ этого предсмертныя слова Фридриха, что онъ «усталъ царствовать надъ рабами». Реформаторская дѣятельность Фридриха II кончилась вмѣстѣ съ его жизнію, а затѣмъ дѣла пошли даже хуже, чѣмъ шли они прежде. Въ Австріи умственное и общественное движеніе XVIII вѣка произвело «деспотичнаго, какъ солнце», императора Іосифа II. Это былъ честнѣйшій изъ государей своего времени и своими нравственными правилами могъ бы служить поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ тогдашнихъ вѣнценосцевъ. Онъ уменьшилъ на половину придворный штатъ своей матери и вмѣсто 6 милліоновъ, расходуемыхъ ежегодно на содержаніе двора, назначилъ только 500,000 талеровъ. Онъ не держалъ любовницъ, какъ это дѣлали всѣ тогдашніе государи, и никогда не игралъ въ карты, на томъ основаніи, что «государь проигрываетъ деньги своихъ подданныхъ». «Онъ—говоритъ Шерръ—уважалъ то, что дѣйствительно достойно уваженія въ народѣ», и презиралъ (конечно, безъ всякаго ущерба своей власти) жалкую фикцію олимпійскаго господства милостью Божіей. «Безсмысленно думать,—писалъ Іосифъ II въ одномъ изъ своихъ манифестовъ,—что земля принадлежала властямъ прежде, чѣмъ явились подданные, и что эти власти уступили имъ часть своей собственности на извѣстныхъ условіяхъ. Развѣ власти не умерли бы съ голода, если бы некому было обработывать землю?» Онъ ввелъ свободу прессы, гражданскую равноправность протестантовъ съ католиками, уничтожилъ крѣпостное право, реформировалъ гражданское и уголовное законодательства, распространилъ на всѣхъ гражданъ обязанность нести госу-

*) *Scherr*, Blücher, seine Zeit und sein Leben, 3 Bänd., 1865.—*Springer*, Geschichte Oesterreichs seit dem wiener Frieden 1809, 2 B., 1863—1865.— *Varnhagen von Ense*, Blätter aus der preussischen Geschichte, 5 B., 1868—1869. — *Ilse*, Geschichte der politischen, Untersuchungen welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1869 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind, 1860.—*Шерръ*, Исторія цивилизаціи въ Германіи, 1869.—*Берне*, Сочиненія. 2 т., 1870.—*Шерръ*, Комедія всемірной исторіи, 1870.—*Gervinus*, Histoire du XIX Siécle, 22 vol., *и др.*

дарственныя тягости, значительно поднялъ народное образованіе, ограничилъ власть церкви, уничтожилъ 700 монастырей и т. д. Эти реформы и централизаціонная дѣятельность императора, желавшаго объединить разнородныя земли своего государства, создали ему множество враговъ, особенно среди дворянства и духовенства, которые и приготовили ему преждевременную могилу.

Вслѣдъ за эпохою упомянутыхъ реформаторовъ въ Германіи настаетъ періодъ глухой и темной реакціи. Умныхъ и просвѣщенныхъ властителей смѣняютъ вялые правители, служащіе игрушками въ рукахъ феодальныхъ партій. Пруссія изъ государства европейски-просвѣщеннаго, какимъ хотѣлъ сдѣлать ее Фридрихъ II, снова превратилась въ феодально-грубое и отсталое государство. «Этотъ долговязый герой въ штиблетахъ, по выраженію Гейне, эта чопорная, лицемѣрная, ханжествующая Пруссія», пожираемая и развращаемая феодальными паразитами, разлагалась заживо и постепенно умирала отъ внутренняго истощенія, подобно всей остальной Германіи. Особенно плохо дѣла шли въ Австріи, императоръ которой былъ главою «священно-римской имперіи нѣмецкой націи». При ничтожномъ преемникѣ Іосифа, Леопольдѣ II, дворянство австрійскихъ земель поспѣшило возстановить многія изъ своихъ привилегій, нарушенныхъ Іосифомъ, и употребило всѣ усилія, чтобы погубить брошенныя имъ сѣмена прогресса. Эта реакція съ особенною силою выразилась на провинціальныхъ сеймахъ. Ландтаги явно стремились къ возстановленію крѣпостного права и другихъ сословныхъ привилегій, уничтоженныхъ Іосифомъ, къ отмѣнѣ законовъ, обязывавшихъ всѣхъ гражданъ къ несенію государственныхъ тягостей, къ лишенію правъ, данныхъ евреямъ, протестантамъ и свободнымъ мыслителямъ, къ дарованію духовенству прежней его силы, къ введенію строгой цензуры и т. д. Помѣщичій и католическизувѣрскій духъ явно былъ замѣтенъ во всѣхъ этихъ требованіяхъ, хотя онъ и прикрывался маскою чешскаго и венгерскаго патріотизма. Въ своихъ столкновеніяхъ съ этою реакціонною оппозиціей, прикрытой плащомъ сепаратическаго и конституціоннаго либерализма, австрійское правительство могло дѣйствовать двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, продолжая дѣло Іосифа, оно могло значительно ослабить и дворянскую оппозицію, и духъ сепаратизма, уничтоживъ всѣ феодальныя привилегіи, заботясь проимущественно о свободѣ и благосостояніи народныхъ массъ и ограждая ихъ отъ всякихъ хищническихъ притязаній аристократіи. Но идти по этому пути, значило воспитывать народъ для самостоятельной жизни и разрушать режимъ личнаго или корпоративнаго самоуправства. Между тѣмъ полное возстановленіе феодальнаго крѣпостничества было невозможно даже и въ томъ случаѣ, если бы оно не грозило вызвать энергическое сопротивленіе со стороны освобожденныхъ крестьянъ. Возвращая дворянству всѣ его старыя привилегіи, австрійскій абсолютизмъ самъ бы приготовилъ сильнаго соперника себѣ и опаснаго помощника сепаративнымъ стремленіямъ Венгріи и Богеміи. Оставался третій путь дѣйствій: признавая дворянство опорою трона и сдерживая какъ конституціонныя, такъ и сепаратистическія стремленія его, направлять весь ходъ государственныхъ дѣлъ къ выгодамъ дворянской корпораціи и, не лишая крестьянъ окончательно всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими льготъ, ограничить послѣднія такъ, чтобы ихъ свободное состояніе было только новою формою уничтоженныхъ Іосифомъ подневольныхъ отношеній къ аристократіи. Слѣдуя такой системѣ, предумышленно поддерживая въ государствѣ разрозненность сословныхъ интересовъ и вражду между крестьянами и дворянствомъ, прикидываясь попеременно защитникомъ то той, то другой стороны, надѣляя дворянство выгодными привилегіями и въ то же время поддерживая въ массахъ народа вѣру въ правительственную помощь, центральная власть могла бы пользоваться для своихъ выгодъ то той, то другой стороной, смотря по обстоятельствамъ. Австрійское правительство приняло именно такую систему дѣйствій и, поблажая реакціоннымъ стремленіямъ дворянства и духовенства, сумѣло водворить въ государствѣ такіе порядки, что одно названіе Австріи надолго сдѣлалось ненавистнымъ для каждаго порядочнаго нѣмца. Основанію и поддержкѣ этихъ порядковъ много содѣйствовали страхъ, наведенный французской революціей, и система запугиванья общества мнимыми интригами «якобинцевъ», какъ называли тогда всѣхъ людей съ прогрессивнымъ образомъ мыслей. «Какъ прежде іезуитамъ, — говоритъ Шпрингеръ,—такъ теперь либераламъ приписывались самые несбыточные планы и выдумывались самыя нелѣпыя сказки о степени ихъ вліянія и распространенія». Мало понятное для большинства австрійцевъ названіе *якобинецъ* послужило удобнымъ орудіемъ для реакціонной интриги. Венгерскіе магнаты, хлопотавшіе о конституціи, члены оппозиціи на рейхстагѣ, юноши, читавшіе запрещенныя книги или увлекавшіеся теоретическими принципами французской революціи, члены тайныхъ обществъ, не имѣвшихъ никакого политическаго характера, каждый честный писатель, каждый чиновникъ, имѣвшій дерзость защищать права и интересъ народа, каждый обыватель, не преклонявшій своей головы передъ авторитетомъ католическаго попа,—всѣ обвинялись въ якобинствѣ, всѣ преслѣдовались съ тою утонченною жестокостью, съ какою вплоть до послѣдняго времени Австрія карала своихъ добрыхъ гражданъ, какъ «политическихъ преступниковъ». И кто только не былъ имъ въ глазахъ тогдашняго австрійскаго правительства! Даже извѣстный покрой штановъ и толстый галстукъ навлекали на носителей ихъ серьезное подозрѣніе въ революціонныхъ замыслахъ. Организованная при Леопольдѣ II тайная полиція, по выраженію Шпрингера, играла въ государствѣ роль провидѣнія. Поощреніе доносовъ въ конецъ развращало общественную нравственность. Всѣ отрасли народной жизни были отданы подъ надзоръ сы-

скныхъ канцелярій. Школы подчинены духовенству. Въ 1801 году цензура поручена полицейской власти; въ 1803 г. учреждена цензурная комиссія для строжайшаго пересмотра всѣхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ при Іосифѣ II; она запретила болѣе 2,500 книгъ, напечатанныхъ въ Австріи. Застой въ промышленности и торговлѣ и разореніе народныхъ массъ вели за собою голодъ, страшную дороговизну и разстройство финансовъ. Ни введеніе новыхъ налоговъ, ни ревностное взысканіе недоимокъ, ни многочисленныя преобразовательныя комиссіи, посредствомъ которыхъ правительство думало поправить дѣла, преднамѣренно удаляя въ то же время всякую мысль о какой бы то ни было существенной реформѣ,—ничто не помогало. Реакціонерно-юнкерская партія имѣла даже наглость воспользоваться разстройствомъ народнаго хозяйства и всеобщею дороговизною для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ крестьянской реформы. Чешское дворянство, напримѣръ, сваливало на освобожденіе крестьянъ всю вину экономическихъ бѣдствій страны, доказывая, что причина дороговизны лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что освобожденные крестьяне слишкомъ ужъ зазнались, а причина скудости хлѣбныхъ запасовъ—въ природной лѣности глупаго мужика, неспособнаго безъ помѣщичьяго надзора ни къ какой дѣятельности! Въ этомъ хаосѣ реакціонной анархіи австрійское правительство, какъ и правительства всей остальной Германіи, опирались главнымъ образомъ на полицію и военную силу. «Грубая, ограниченная солдатчина—говоритъ Шерръ—считалась единственною опорою власти и привилегій высокомѣрнаго дворянства и нетерпимаго духовенства... Поэтому старались систематически расширять пропасть, отдѣлявшую военныхъ отъ массы гражданъ. Едва прикрытую безнаказанностью нарочно поощряли солдатскую грубость. Офицеры совершали безнаказанно чуть не убійства и позволяли себѣ выдѣлывать надъ беззащитными гражданами такія штуки, терпѣливо сносить которыя могло только нѣмецкое добродушіе». Но годныя для поддержанія реакціонныхъ стремленій внутри государствъ, эти войска совершенно негодились для защиты отечества отъ его дѣйствительныхъ враговъ. Неразсчетливое управленіе, разоряя страну, лишало ее богатства, этого перваго условія для успѣшнаго веденія войны. Оно деморализировало и офицеровъ, и солдатъ, лишенныхъ всякихъ гражданскихъ доблестей, превращенныхъ въ ходячія машины, служившихъ начальству, а не отечеству, воевавшихъ по приказу и не понимавшихъ, за что и противъ чего они сражаются. Офицерство, состоявшее почти исключительно изъ пустого и невѣжественнаго юнкерства, смотрѣвшаго на службу, какъ на доходную статью и на знакъ своего отличія,—офицерство это было вполнѣ достойно тѣхъ несчастныхъ солдатъ, которые вербовались насильно и которыхъ заставляли служить розгами, шпицрутенами и страхомъ разстрѣлянія. Реакціонная партія, вытѣснивъ честныхъ, способныхъ и образованныхъ людей изъ гражданской службы, вытѣснила ихъ и изъ военной, наполнивъ ту и другую такими друзьями отечества, съ невѣжествомъ и бездарностью которыхъ могла поспорить только ихъ безнравственность. Естественно, что весь контингентъ правительственныхъ агентовъ состоялъ изъ людей сомнительной честности и ума. Подавляя всякую самодѣятельность общества, лишая его всякой надежды на улучшеніе дѣлъ, нѣмецкія реакціи подавляли въ народѣ и въ арміяхъ и довѣріе къ правительству, и патріотическое чувство, столь необходимыя для успѣховъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Народъ оставался тѣмъ болѣе равнодушнымъ къ войнамъ, что эти войны затѣвались правительствами изъ-за ихъ личныхъ расчетовъ и приносили народу только одно разореніе. Люди развитые и всѣ великіе представители нѣмецкаго генія, и Кантъ, и Шиллеръ, и Гете, и Гегель, такъ мало находили привлекательнаго въ окружавшихъ ихъ порядкахъ, что патріотическое чувство вовсе не волновало ихъ сердца. «Я—говорилъ Лессингъ—не имѣю никакого понятія о любви къ отечеству, и она кажется мнѣ одною только героическою слабостью, безъ которой я охотно обхожусь». При подобныхъ порядкахъ возможенъ только одинъ казенный патріотизмъ чиновниковъ, получающихъ за него плату. Это понимало даже австрійское правительство и, приготовляясь къ войнѣ съ Наполеономъ, рѣшилось подкупить народное чувство своимъ двусмысленнымъ либерализмомъ, объявляя, что оно идетъ сражаться во имя свободы и блага народовъ!..

Но ничто уже не могло спасти Германіи, которая вслѣдъ за коалиціонными войнами съ новорожденной французской республикой была вовлечена въ борьбу съ геніальнымъ солдатомъ, рѣшившимся «вымести европейскій соръ» своей желѣзной метлой.

Подъ напоромъ наполеоновскихъ армій гибли, какъ мухи, несчастныя нѣмецкія войска, разваливались, какъ старые, сгнившіе домишки, германскія государства, повелители которыхъ превращались въ раболѣпныхъ прислужниковъ новѣйшаго Аттилы. Особенно постыдную роль играли при этомъ правительства Рейнскаго союза, «которыя изъ-за титула королевства, великаго герцогства, изъ-за позволенія завладѣть жалкими лохмотьями свободы, остававшимися еще у ихъ подданныхъ отъ всего ихъ наслѣдственнаго достоянія, изъ-за полученія права разыгрывать роль независимыхъ хозяевъ въ своихъ префектурахъ, — продавали Наполеону свои владѣнія и помогали ему угнетать ихъ собственныхъ соотечественниковъ и уничтожать Пруссію, которая защищала ихъ отъ Австріи, и Австрію, вассалами которой они были». (Берне). Такую же жалкую роль играли въ эту трудную для Германіи годину и всѣ остальныя нѣмецкія правительства, безумно разсчитывавшія на сильную поддержку аристократіи, которая выдавала себя за самую надежную опору престоловъ. Даже въ то самое время, какъ наполеоновская гроза готова уже была разразиться надъ Германіей, нѣмецкое дворянство и нѣмецкіе государи не дѣлали ничего

серьезнаго для защиты отечества,—да и что могъ сдѣлать серьезнаго этотъ исхудалый народъ, совершенно выродившійся вслѣдствіе своей вѣковой пригнетенной жизни! Въ виду самого врага и грозной опасности, прусское высшее общество развратничало, кутило напропалую и своею безпутною роскошью въ конецъ разоряло страну. «Гнилое государство безцѣльно блуждало изъ стороны въ сторону подъ управленіемъ грязной троицы—Гаугвица, Ломбарда и Лукезини. Напрасно принцъ Людвигъ предсказывалъ, что Пруссія не устоитъ противъ силы Франціи, что она падетъ безъ помощи, можетъ быть, даже безъ чести. Его пророчество исполнилось. Несчастная разрозненность Германіи, дѣлавшая возможнымъ злорадство Пруссіи во время аустерлицкаго пораженія Австріи, пала тяжелымъ гнетомъ на самую Пруссію. Наполеонъ не могъ надивиться быстротѣ и легкости своихъ побѣдъ въ походѣ 1806 г., разрушившемъ монархію Фридриха Великаго. «Пруссаки еще глупѣе австрійцевъ», говорилъ онъ. Подлая трусость, съ которой знатные прусскіе генералы, почти безъ выстрѣла, сдавали сильнѣйшія крѣпости королевства во власть враговъ, показала, какую ненадежную опору для трона составляла въ минуты опасности гордая феодальная аристократія». (Шерръ). Пруссія по тильзитскому миру лишилась половины своей территоріи, да и другую-то половину Наполеонъ оставилъ за королемъ только «изъ уваженія къ императору всероссійскому». У Австріи по вѣнскому трактату 1809 г. было отнято 2,000 кв. миль земли, 3,500,000 жителей и она была совершенно отрѣзана отъ моря. Нѣмецкія клячи были припряжены къ побѣдной колесницѣ завоевателя и поволокли ее въ походъ противъ Россіи.

Нѣмецкія дѣла были доведены до того, что не только народъ плохо поддерживалъ въ борьбѣ съ Франціей свои правительства, которымъ онъ не довѣрялъ и не сочувствовалъ, но многіе даже радовались политическому паденію своего отечества, видя въ иностранномъ завоеваніи единственное средство для своего возрожденія и прогресса. Когда, напр., ключъ священной римско-германской имперіи, Майнцъ, былъ отданъ французамъ, то Герресъ въ своемъ журналѣ разразился цѣлымъ градомъ злорадныхъ насмѣшекъ. «Неприкосновенность имперіи разрушена! Граждане, Майнцъ нашъ! Да здравствуетъ французская республика! 30 декабря 1797 г., въ день передачи Майнца, въ 3 часа пополудни, въ Регенсбургѣ скончалась тихо и спокойно священная римская имперія, тяжелой памяти, имѣя отъ роду 955 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ, 28 дней. Смерть послѣдовала отъ общаго разслабленія и удара. Боже мой, почему это гнѣвъ твой обратился прежде всего на это добродушное существо? Оно такъ безвредно и спокойно паслось на пажитяхъ отцовъ своихъ, такъ покорно давало стричь себя по десяти разъ въ годъ, было постоянно такъ же тихо и терпѣливо, какъ то презрѣнное длинноухое животное, которое бѣсится и лягается только тогда, когда рѣзвые мальчишки вздумаютъ засунуть ему въ уши трутъ или помазать задъ терпентиномъ».

Наполеоновскій погромъ былъ именно тѣмъ землетрясеніемъ, которое могло разбудить Германію; онъ открылъ ей глаза на глубокія язвы, разъѣдавшія страну. Сверженіе наполеоновскаго ига и внутренняя нѣмецкая свобода, гарантированная хорошими политическими учрежденіями, скоро сдѣлались завѣтною мечтою нѣмцевъ. Пробужденіе общества выразилось въ основаніи союзовъ, цѣлью которыхъ были не только изгнаніе французовъ и внутреннія реформы, но также физическое и нравственное развитіе народа, такъ долго изнывавшаго подъ давленіемъ всеоступляющаго и всеразвращающаго деспотизма. По всей Германіи возникли многочисленныя гимнастическія общества (Turnengesellschaften), цѣлью которыхъ было не только развитіе тѣлесной силы и ловкости, но также пробужденіе общественныхъ и національныхъ чувствъ, подавленіе обособляющаго сословнаго духа, пріученіе юношества къ самостоятельной дѣятельности. Янъ, знаменитый руководитель этихъ обществъ, напрявлялъ ихъ прямо къ тому, чтобы «возстановить нѣмецкое отечество и возродить народъ, душа, воля и дѣятельная сила котораго были подавлены рабствомъ». Того же направленія держался и Союзъ Добродѣтели, имѣвшій многочисленныхъ членовъ во всѣхъ классахъ общества. «Цѣль союза,—говоритъ его уставъ, утвержденный правительствомъ,—цѣль союза есть исправленіе нравственности и развитіе благосостоянія прусскаго и всего нѣмецкаго народа соединенными и общими трудами безупречныхъ людей. Средства союза—слово, письмо и примѣръ». Французы заставили прусскаго короля запретить это общество, но королевское запрещеніе было только пустою формальностью, и союзъ совершенно благополучно продолжалъ свою патріотическую дѣятельность и приготовилъ для Германіи лучшихъ героевъ войны за освобожденіе и лучшихъ дѣятелей на поприщѣ внутреннихъ реформъ. Благородное одушевленіе, охватившее собою нѣмецкое общество, увлекло не только литературу, но даже и философію. Знаменитыя «Рѣчи къ нѣмецкому народу», которыя Фихте произносилъ въ Берлинѣ подъ звуки барабановъ французскаго гарнизона, имѣли громадное вліяніе на пробужденіе національнаго чувства и на развитіе общественнаго самосознанія.

Германія пробуждалась и будила своихъ правителей, которые, особенно въ Пруссіи, волей-неволей принуждены были подчиниться всеобщему настроенію. Прусская королева Луиза писала своему отцу: «я все болѣе и болѣе прихожу къ сознанію, что все случилось именно такъ, какъ должно было случиться. Божественное провидѣніе ясно ведетъ міръ на новые пути; настаетъ новый строй жизни, ибо старый отжилъ свое время и падаетъ подъ тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, мы не пошли за новымъ вѣкомъ, имъ созданнымъ, и вѣкъ обогналъ насъ». Въ Пруссіи, отставшей даже отъ Австріи, наступила эпоха замѣчательныхъ реформъ, руководителемъ которыхъ явился извѣстный Штейнъ. Въ войскахъ

было уничтожено варварское наказаніе палками, по возможности ограниченъ прежній грубый характеръ солдатчины, отмѣнена привилегія дворянъ на званіе офицеровъ, обязанность военной службы распространена на всѣхъ гражданъ, въ системѣ ландвера и ландштурма дана государству возможность быстро собирать въ нужное время многочисленную и сильную армію. Гражданскія реформы Штейна обнимали собою всю государственную жизнь. «Все нужно передѣлать заново,—говорилъ онъ.—Всѣ граждане должны имѣть одинаковыя права и обязанности. Всѣ должны быть лично свободными. Пріобрѣтеніе поземельной собственности въ государствѣ должно быть доступно каждому. Судъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи». Съ особенною энергіей нападалъ Штейнъ на бюрократію. «Правительства, основанныя на личномъ произволѣ, портятъ характеръ народа,—говорилъ онъ,—удаляя его отъ общественныхъ дѣлъ и поручая его интересы толпѣ корыстолюбивыхъ чиновниковъ». Онъ всѣми силами стремился къ развитію народнаго самоуправленія и хотѣлъ «посредствомъ литературы и воспитанія поддерживать здоровое и сильное общественное мнѣніе». Конечною же цѣлью штейновскихъ реформъ было объединеніе всего нѣмецкаго народа посредствомъ общихъ для націи представительныхъ учрежденій. И хотя въ концѣ 1808 г. Штейнъ, по приказанію Наполеона, былъ удаленъ отъ управленія, но, не смотря ни на французовъ, ни на яростное противодѣйствіе дворянъ и бюрократовъ, ему удалось все-таки совершить нѣсколько реформъ первостепенной важности. Крѣпостная зависимость крестьянъ была окончательно отмѣнена, и вмѣстѣ съ нею уничтожена крупная поземельная аристократія; право землевладѣнія распространено и на крестьянъ, и на бюргеровъ. Города получили новое устройство, основанное на началахъ общиннаго самоуправленія. Коронныя земли были пущены въ продажу. Во всѣхъ этихъ и другихъ реформахъ Штейну принадлежитъ не только заслуга ихъ иниціативы, но и заслуга исполненія, при которомъ онъ долженъ былъ бороться съ противодѣйствіемъ не только юнкерской и бюрократической партіи, но и самого короля. «Въ дѣлѣ обновленія государственной организаціи и администраціи—говоритъ Гервинусъ—король, только уступая неизбѣжной необходимости, шелъ шагъ за шагомъ; тутъ дѣйствовало не свободное желаніе духа, а пассивное малодушіе; потому и дѣятельность прекратилась, какъ только облегчился вынуждающій гнетъ... Какъ только, съ отставкою Штейна, кончилось тяготѣніе принциповъ надъ королемъ, правительство отложило всю реформу, какъ дѣло несвоевременное». Но вскорѣ оказалось, что совершенно повернуть на старую дорогу пока еще невозможно, тѣмъ болѣе, что съ часу на часъ угрожала война съ французами. И началась та жалкая система колебаній и двусмысленныхъ распоряженій, которая въ концѣ концовъ и привела къ полной реакціи. Преемникъ Штейна, Гарденбергъ, убѣждалъ правительство, что государство должно или погибнуть, или взять за основаніе своей внутренней политики демократическіе принципы французской революціи. Гарденбергъ обложилъ налогами дворянство и королевскіе домены, конфисковалъ церковныя имѣнія и назначилъ ихъ вмѣстѣ съ коронными на погашеніе государственныхъ долговъ, уничтожилъ цехи и доставилъ промышленности полную свободу; отдалъ крестьянамъ въ собственность всѣ дворы и земли, которыми они владѣли до тѣхъ поръ только на правѣ пользованія, установилъ выкупъ работъ и свободу отчужденія поземельной собственности; наконецъ, Гарденбергъ задумалъ отмѣнить и послѣдній остатокъ крѣпостного права, вотчинную судебно-полицейскую власть помѣщиковъ, но это ему окончательно неудалось вслѣдствіе противодѣйствія короля и дворянства. Реакціонеры уже и въ это время подкапывались подъ неоконченное еще зданіе реформъ и готовы были бы разрушить его каждую минуту, но предстояла война за независимость и реформы пока были необходимы для того, чтобы поднять и увлечь народъ въ битву «за свободу». И не только въ Пруссіи, гдѣ уже были совершены столь важныя реформы, но даже въ такихъ государствахъ Германіи, гдѣ застой царилъ во всей своей неприкосновенности, когда пробилъ часъ войны за освобожденіе, наперерывъ начали обѣщать народу множество такихъ льготъ и вольностей, самая мысль о которыхъ считалась до той поры государственнымъ преступленіемъ. Народъ повѣрилъ. Самые умѣренные люди твердо надѣялись, что война 1813 г., освободивъ Германію отъ французовъ, водворитъ въ ней внутреннюю свободу и такія конституціонныя учрежденія, которыя, объединивъ нѣмецкую націю, дадутъ ей возможность быстраго и успѣшнаго развитія. И народъ съ героическою отвагою всталъ и пошелъ отстаивать свою національную независимость, надѣясь впослѣдствіи пріобрѣсти и внутреннюю свободу. Патріотическій энтузіазмъ, охватившій Германію, былъ такъ силенъ, что растрогалъ даже безчувственное сердце того геніальнаго человѣка, который совмѣщалъ въ себѣ достоинства царя поэзіи съ должностью придворнаго лакея. Даже Гете увлекся немного и обмолвился въ своемъ «Пробужденіе Эпименида»: «возстаньте, братья, освободите міръ! Кометы указываютъ вамъ, что великій часъ насталъ. Разорвите сѣти тирановъ и вырвитесь на свободу».

Французы изгнаны изъ Германіи, народъ спасъ страну, чуть не погибшую отъ своихъ неспособныхъ и мелко-эгоистическихъ правителей. Парижъ взятъ союзниками, имперія разрушена. Наполеонъ обезоруженъ изгнаніемъ. За эпохой великой революціи настала эпоха *великой реакціи*, великой по своему безобразію и по тому убійственному мраку, въ который она погрузила Европу. Всѣ розовыя надежды наивнаго Михеля разлетѣлись въ прахъ, всѣ данныя ему обѣщанія были нарушены.

II.

Для многихъ государствъ наполеоновскій погромъ имѣлъ цивилизующее значеніе. Онъ поко-

лебалъ вѣками освященную рутину, вводя въ покоренныхъ странахъ французскіе законы и учрежденія и прививая къ побѣжденнымъ тѣ плодотворныя идеи, которыя были результатомъ движенія XVIII вѣка. Даже самый деспотизмъ Наполеона и его намѣстниковъ былъ ничѣмъ не хуже деспотизма многихъ правителей Германіи, не заботившихся о какомъ бы то ни было измѣненіи разъ установившагося порядка. И если бы народныя массы, удаленныя отъ образованія и отъ участія въ общественной жизни, не были лишены всякаго политическаго смысла, то войны за освобожденіе Европы отъ Наполеона приняли бы болѣе разумное направленіе и довершили бы дѣло внѣшняго освобожденія внутренней свободой государствъ. Но народы, воспитанные въ чувствахъ того національнаго эгоизма, который, прикрываясь патріотической массой, ставитъ честь, достоинство и благоденствіе націи въ одной только ея внѣшней самостоятельности и даже въ тиранніи надъ другими націями,—народы вовсе не обладали тѣмъ истиннымъ патріотизмомъ, который ищетъ своей опоры прежде всего во внутреннемъ благоденствіи и развитіи общества. И какъ легко всѣ сторонники старыхъ порядковъ, разрушенныхъ новымъ движеніемъ, воспользовались псевдопатріотическими инстинктами народовъ для того, чтобы реставрировать полунизверженную систему! Патріотическая ненависть къ французамъ, направленная реакціонерами, разстроила все, что они принесли съ собою благодѣтельнаго, и возстановила все, что они разрушили вреднаго. Она доходила до того, что, напр., въ Папской Области было уничтожено, какъ французское учрежденіе, ночное освѣщеніе городскихъ улицъ, прекращено оспопрививаніе, разорены заведенныя французами рисовыя пашни! Въ Сардиніи выбрасывали въ канцеляріяхъ изъ оконъ французскія вещи, а въ туринскомъ ботаническомъ саду вырывали растенія, посаженныя французами. Мостъ черезъ По, начатый Наполеономъ, хотѣли взорвать; не давали паспортовъ для проѣзда по наполеоновской дорогѣ черезъ Монсени; Фр. Массимино не дозволили открыть музыкальную школу потому только, что просьба объ этомъ была написана имъ на французскій образецъ. Какъ легко было среди такого хаоса патріотическихъ галлюцинацій возстановлять отечественный режимъ произвола и насилія! Тотъ же порядокъ начался и во Франціи со времени реставраціи. Все, что казалось прогрессивнымъ, подвергалось сильному гоненію со стороны этихъ реакціонеровъ, озлобленныхъ отъ голода и униженія, которымъ они подвергались во время изгнанія, и пылавшихъ чувствомъ мести ко всѣмъ виновникамъ, участникамъ и пособникамъ переворота, разстроившаго ихъ жизнь. Во Франціи насталъ періодъ реакціоннаго терроризма, періодъ жестокихъ преслѣдованій, совершаемыхъ надъ личностями, заподозрѣнными реставрированными Бурбонами. Въ Италіи не удовольствовались даже и судебными приговорами, истребляющими по приказанію власти всѣхъ неправившихся ей лицъ; правительства начали организовать здѣсь тайныя общества убійцъ; такъ въ Неаполѣ былъ основанъ союзъ кальдераріевъ, въ Римѣ—католическо-апостольское общество санфедистовъ, которые обязывались клятвою убивать всѣхъ либераловъ безъ различія сословія, пола и возраста. Привилегіи дворянства, пагубная власть и всеобщая опека католической церкви, произволъ бюрократій, средневѣковые законы и судопроизводство, безчеловѣчныя наказанія, система всесторонней эксплуатаціи народа въ пользу кутившихъ напропалую высшихъ классовъ, даже наряды и шутовскія манеры XVIII вѣка, даже произношеніе въ носъ, которое почему-то считалось признакомъ легитимности и религіозности,—все востановлялось съ такою мелочною вѣрностью старинѣ, что, казалось, все пережитое и реформированное будетъ вырвано съ корнемъ. Когда, напр., сардинскій король, который, по его собственному признанію, спокойно проспалъ все время французскаго владычества, снова сѣлъ на престолѣ отцовъ своихъ, окруженный дворянами, чиновниками, патерами и солдатами, которые всѣ осаждали его просьбами и требованіями о возстановленіи прежнихъ правъ и привилегій, о наградѣ за свои лишенія, то правительство совершенно растерялось и не знало, какъ удовлетворить желаніямъ реставраціи. Графъ Черрути рѣшился помочь королю, указалъ ему на альманахъ Пальмоверди 1798 года и посовѣтовалъ возстановить всѣ поименованныя тамъ должности и достоинства вмѣстѣ съ лицами, занимавшими ихъ въ то время. Затѣмъ королевскій эдиктъ отмѣнилъ огуломъ всѣ французскіе законы и учрежденія, не перечисливъ даже ихъ и предписавъ соблюденіе однихъ только «королевскихъ учрежденій 1770 г.», ввелъ старое варварское законодательство и нелѣпое судоустройство, возстановилъ колесованіе и четвертованіе преступниковъ, возвращалъ заповѣдныя имѣнія, маіораты, феодальныя привилегіи, уничтожалъ долговыя обязательства дворянъ, возобновлялъ десятинную подать, монастыри и духовныя общества, лишалъ правъ всѣхъ некатоликовъ, объявлялъ прелюбодѣяніемъ всѣ гражданскіе браки, уничтожалъ всѣ прежніе судебные приговоры, подвергая ихъ произвольному перерѣшенію, и т. д. Католическій монахъ снова сдѣлался всесильнымъ, а народное просвѣщеніе поручено было полицейскому сыщику, кавалеру Сеска, который въ одномъ только Туринѣ выгналъ изъ службы двадцать пять талантливѣйшихъ профессоровъ за то единственно, что они получили свои мѣста во время французскаго владычества. И при всемъ этомъ, сардинская реставрація была еще мягче реставраціи во многихъ другихъ государствахъ. Слабыя попытки прогрессивной партіи противодѣйствовать этому безобразію кончались неудачно и подавали правителямъ поводъ къ новымъ жестокостямъ. До чего простиралось безуміе реставраціи, можно видѣть изъ сочиненій апостоловъ ея, Бональда, де-Местра и др. Европу хотѣли вернуть къ среднимъ вѣкамъ и возстановить въ ней такіе порядки, при кото-

рыхъ церковь абсолютно владычествовала бы надъ государствомъ, государи были бы верховными собственниками своихъ земель и подданныхъ, дворяне пользовались бы всѣми своими стариннымi привилегіями, крестьяне находились бы подъ «отеческой» властью дворянъ, а палачи были бы первыми охранителями всѣхъ этихъ «священныхъ основъ общества».

Германія, такъ далеко отставшая отъ Европы въ дѣлѣ соціальныхъ преобразованій, пошла наряду съ ней въ дѣлѣ реставраціи. Всѣ высшіе классы хлопотали о возстановленіи своихъ прежнихъ привилегій, нарушенныхъ реформами Іосифа, Фридриха, Штейна и другихъ, — дворяне о своихъ крѣпостническихъ правахъ, чиновники—о бюрократическомъ произволѣ, разные барышники—о монополіяхъ, полицейскіе—о расширеніи круга своей дѣятельности, духовенство — объ офиціальной обязательности своего авторитета и о стѣсненіи свободнаго анализа мысли. Полчище реакціонеровъ было громадно, ихъ похотливость при видѣ добычи—необузданна. Тогдашніе иностранные и туземные наблюдатели германской жизни не находятъ красокъ достаточно мрачныхъ для характеристики юнкерской партіи, «этихъ дворянъ, никогда ничему не учившихся,—шулеровъ, фокусниковъ, лошадиныхъ барышниковъ, способныхъ только своимъ гаеровскимъ искусствомъ морочить крестьянъ на ярмаркѣ», какъ выражается о нихъ Гейне. Клеймо бездарности давно уже легло на эту феодальную расу, выродившуюся вслѣдствіе вѣковой, отупляющей праздности, отвращенія отъ умственныхъ занятій и всевозможныхъ насилій надъ низшими классами. Ограниченіе феодальныхъ привилегій и освобожденіе крестьянъ еще болѣе развратило эту касту, не привыкшую къ самостоятельной жизни посредствомъ своего труда. Разстройство дворянскихъ хозяйствъ, вслѣдствіе войны и крестьянской реформы, сильно увеличило число подлоговъ, мошенничествъ, кражъ и другихъ преступленій противъ собственности, совершаемыхъ дворянами. Въ Берлинѣ, напр., дворяне не только силою забирали товары въ кредитъ и не платили своихъ долговъ, но даже знатныя дамы, разъѣзжая по магазинамъ за покупками, воровали при этомъ разныя вещи и попадались! Университетскій судья въ Дрезденѣ, Краузе, укралъ у легаціонссекретаря Кюстера штаны. Люди знатные, офицеры гвардіи, писали къ разнымъ особамъ, къ банкирамъ, даже къ принцамъ, безымянныя письма, въ которыхъ угрожали смертью, если они не принесутъ въ извѣстное мѣсто и въ извѣстное время требуемое количество денегъ. И аристократія громко защищала подобныхъ негодяевъ, считая поступки ихъ «легкомысленными шалостями молодежи». Прусскій посланникъ въ Брюсселѣ, графъ фонъ-Шляденъ, былъ уличенъ въ шулерствѣ. Такіе факты вовсе не были исключеніями. Упадокъ нравственныхъ силъ и гражданской чести чувствовался на каждомъ шагу; эта искусственно развитая потребность праздной жизни на чужой счетъ доводила дворянство и до воровства, и до шулерства, и до казнокрадства, которымъ, какъ увидимъ ниже, такъ ревностно занимались даже первостепенные государственные дѣятели того времени. Роскошная обстановка, пиры и банкеты, трата на любовницъ—все это требовало большихъ расходовъ, которые далеко не покрывались приходами, и промотавшаяся, но жадная до эпикурейскихъ наслажденій, аристократія прибѣгала, для удовлетворенія ихъ, къ самымъ неблаговиднымъ средствамъ. Потомки гордыхъ феодальныхъ бароновъ превращались въ мелкихъ мазуриковъ, торговавшихъ и словомъ, и честію. Гейне доказывалъ, что «постоянно третій человѣкъ изъ благороднаго общества—или игрокъ, или не имѣющій отечества наемникъ, или мошенникъ, или сводникъ своей собственной супруги, или супругъ своего жокея, или всесвѣтный шпіонъ, или иной какой благородный негодяй». Фарнгагенъ фонъ-Энзе передаетъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько характеристическихъ случаевъ, рисующихъ тогдашнее берлинское общество. Такъ, напр., однажды офицеры затащили къ себѣ одну дѣвушку изъ почтеннаго семейства и хотѣли ее изнасиловать; она выскочила въ окно и расшиблась чуть не до смерти. Вообще, все высшее общество, всѣ государственные дѣятели этой мрачной эпохи ставили единственною цѣлью своей жизни чувственныя наслажденія, доходившія до отвратительнаго цинизма. Вотъ какъ описываетъ одинъ, достойный полнаго довѣрія современникъ нравы высшаго берлинскаго общества: «Кутежи военнаго сословія развиты здѣсь до высшей утонченности. Офицеры, и прежде вполнѣ преданные праздности и чуждые научныхъ занятій, перещеголяли всѣхъ въ искусствѣ наслаждаться. Эти привилегированные нарушители порядка попираютъ ногами все—религію, супружескую вѣрность, всѣ добродѣтели семейной жизни. Жены у нихъ считаются общимъ достояніемъ. Они ихъ продаютъ, мѣняютъ, увозятъ другъ у друга. Женщины до того испорчены, что даже знатныя дамы привлекаютъ къ себѣ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ высшаго круга и соблазняютъ ихъ. Часто цѣлый кружокъ развратныхъ аристократокъ складывается вмѣстѣ и нанимаетъ меблированную квартиру, куда являются ихъ любовники, чтобы тамъ, ничѣмъ не стѣсняясь, справлять вакханаліи и оргіи, которыя бы изумили своимъ цинизмомъ даже регента Франціи. Такъ какъ Берлинъ составляетъ центръ общественной жизни, изъ котораго распространяется на провинцію все, и злое, и хорошее, то испорченность столицы постепенно сообщались всей странѣ». Австрійская аристократія была еще хуже прусской. Невѣжество и праздная жизнь были особеннымi привилегіями этого сословія. И хотя дворяне постоянно путешествовали по Европѣ, хотя венгерскіе магнаты прикидывались даже англоманами, но вліяніе Европы ограничивалось только внѣшнею стороною жизни и выражалось лишь въ томъ, что полудикіе бары заводили жокеевъ и конюшни на англійскій образецъ. А между тѣмъ гордость ихъ и изолированность отъ другихъ классовъ общества были такъ велики, что даже самъ Меттернихъ считалъ это однимъ изъ

величайшихъ золъ своей имперіи. До чего доходила эта надменность невѣжественныхъ баръ, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1826 г. прусское министерство перетревожилось тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени войны за освобожденіе, развился пагубный обычай и дворянскихъ и бюргерскихъ дѣвушекъ титуловать одинаково «барышня», Fräulein. Всѣ министры подавали свои мнѣнія по столь важному вопросу, а берлинское дворянство хлопотало изо всѣхъ силъ, чтобы посредствомъ королевскаго ордера воспретить титуловать дворянскихъ дочерей Fräulein, а бюргерскихъ demoiselle!

Такъ ничтожно было нѣмецкое юнкерство, выродившееся изъ феодальной аристократіи и овладѣвшее въ періодъ реставраціи ходомъ государственныхъ дѣлъ. Ничтожно было оно въ своей массѣ, ничтожно и въ тѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, которымъ оно поручило «спасеніе отечества» и водвореніе въ немъ «законнаго порядка». Мы остановимся здѣсь на характеристикѣ главнѣйшихъ изъ этихъ личностей.

Лишенный всякой оригинальности ума и характера и глубоко ненавидѣвшій эти свойства въ другихъ людяхъ, императоръ Францъ былъ консерваторомъ до мозга костей, окружалъ себя самыми ограниченными людьми. Всѣ его политическіе принципы сводились на безусловное охраненіе старыхъ порядковъ. «Держитесь старины,—говорилъ онъ въ своей рѣчи профессорамъ лайбахскаго ліцея,—потому что старое хорошо и отцы наши благоденствовали при немъ, почему же не благоденствовать и намъ? Теперь бродятъ новыя идеи, которыхъ я никакъ не могу одобрить, никогда не одобрю. Берегитесь ихъ и держитесь положительнаго, ибо мнѣ нужны не ученые, а честные бюргеры; таковыхъ вы и обязаны приготовлять изъ юношей. Кто служитъ мнѣ, тотъ долженъ учиться лишь тому, что я повелѣваю. Кто не можетъ этого сдѣлать или подходитъ ко мнѣ съ новыми идеями, тотъ можетъ убираться, а иначе я самъ удалю его». Эгоистической и бездушной натурѣ Франца были глубоко противны всѣ движенія мысли и чувства; онъ ненавидѣлъ въ особенности студентовъ, ученыхъ и литераторовъ; «къ чему столько поповъ, адвокатовъ, лѣкарей», съ досадою говаривалъ онъ, сознавая невозможность уничтожить ихъ однимъ почеркомъ своего державнаго пера. Всякая мысль о необходимости какой-нибудь самой незначительной перемѣны въ порядкахъ австрійской имперіи ужасала его и одно слово *конституція* приводило его въ бѣшенство. Однажды онъ простудился, и лейбъ-медикъ Штифтъ сказалъ, что это ничего не значитъ, такъ какъ у его величества хорошая конституція. «Какая тамъ конституція!—закричалъ разгнѣванный императоръ,—что вы за чушь порете, Штифтъ! Смотрите, чтобы я больше не слышалъ отъ васъ *этого* слова. Скажите, крѣпкая натура, хорошая комплекція или тамъ какъ ее... А хорошей конституціи, пріятель, не бываетъ. У меня нѣтъ конституціи, и я не хочу ея, не хочу». Онъ, выражаясь словами Гервинуса, «своимъ острымъ чутьемъ угадывалъ все, что могло способствовать развитію обновляющаго политическаго духа: каждая свободная школа, каждое толкованіе религіозныхъ истинъ, философія и исторія, литература и ученость, малѣйшее сомнѣніе въ непогрѣшимости его правленія—все это было ненавистно ему». Всякое проявленіе либеральнаго духа онъ преслѣдовалъ съ жестокостью, и его обожатели хвастались при этомъ, что «въ Австріи живо порѣшаютъ со всякою новизной». Преисполненный сознанія своей непогрѣшимости, проникнутый цезарскимъ высокомѣріемъ, вѣрившій въ восторженную любовь къ себѣ подданныхъ и въ то, что въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи все дѣлается по его державной волѣ, онъ упивался своимъ величіемъ и съ большимъ удовольствіемъ дозволялъ воскуривать себѣ такой ѳиміамъ, отъ котораго было бы тошно каждому неиспорченному человѣку. Его въ глаза называли «земнымъ богомъ», а піита Эйпельдауеръ пѣлъ, что онъ, подобно Христу, пострадавшему за грѣхи всего міра, былъ посланъ провидѣніемъ спасти Европу, пострадать за нее, искупить всѣ ея прегрѣшенія, избавить міръ отъ узъ сатанинскихъ и «*воскреснуть* во славѣ и блескѣ, какъ Христосъ, Господь нашъ!..» *). Считая государственный порядокъ Австріи совершеннѣйшимъ и разумнѣйшимъ подъ луною механизмомъ, Францъ считалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ подмастерьями, а самъ разыгрывалъ роль главнаго машиниста и съ усердіемъ бюрократа занимался ежедневно государственными дѣлами, но занимался единственно отъ скуки, какъ отъ той же скуки онъ вырѣзывалъ бумажныя фигурки для тѣней, приготовлялъ транспаранты, дѣлалъ игрушки. Корыстолюбіе одолѣвало его; его капиталъ былъ громаденъ; всѣ французскія контрибуціи, всѣ остатки отъ государственныхъ доходовъ поступали въ его собственную шкатулку, а потомъ онъ ихъ давалъ за хорошіе проценты въ долгъ государственному казначейству. Въ началѣ царствованія Францъ сжигалъ всѣ анонимные доносы, но потомъ—говоритъ Гормайръ—«они сдѣлались драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ его кабинета». Въ немъ постепенно развивались боязливость и подозрительность, которыя ревностно поддерживались и направлялись Меттернихомъ и другими безсовѣстными реакціонерами. Вся имперія была отдана подъ надзоръ тайной полиціи, главное управленіе которой находилось въ рукахъ самого Франца. Даже члены его собственнаго семейства были подъ надзоромъ, напр., эрцгерцогъ Карлъ, слова котораго подслушивались и замки сламывались въ стѣнахъ собственнаго его дома. Чтеніе доносовъ и распечатанныхъ на почтѣ писемъ сдѣлалось главнымъ и любимѣйшимъ его занятіемъ, а наиболѣе искусные по этой части люди — его

*) Die Sünden von Europa abzubüssen
Warst Du bestimmt durch zwanzig Jahr,
Du hast allein für Alle leiden müssen,
Weil Alles von Dir g'wichen war.
Jetzt bist Du aber glorreich auferstanden
Voll Glanz, wie Christus, unser Herr;
Du hast die Welt erlöst von Satans Banden
Und ziehst jetzt in Dein Reich, wie Er!..

лучшими друзьями и совѣтниками. Не смотря однакожъ на все это, императоръ пользовался любовью своихъ подданныхъ, и они, въ свою очередь, вѣрили въ отеческую любовь къ нимъ императора. Эта вѣра оправдалась. Когда въ 1835 г. разнеслась вѣсть о смерти Франца, наивные австрійцы вообразили, что покойникъ долженъ завѣщать народу накопленные имъ милліоны. И велико было ихъ разочарованіе, когда въ 14 § завѣщанія, который одинъ только и былъ обнародованъ, императоръ завѣщалъ имъ только «*свою любовь!..*»

Главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ личнаго произвола Франца былъ князь Меттернихъ. Лучшій ученикъ Талейрана, свѣтскій любезникъ, салонный болтунъ, отчаянный развратникъ и мотъ, реакціонеръ и человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, Меттернихъ былъ воплощеніемъ всѣхъ недостатковъ современной ему аристократіи. Не обладая ни талантами, ни знаніями, онъ въ совершенствѣ изучилъ одно только искусство интриги и съ помощью ея обдѣлывалъ важныя дѣла. Для своихъ дипломатическихъ затѣй онъ пользовался всѣмъ безъ разбора, даже своими многочисленными любовницами. Зная слабость Меттерниха къ женскому полу, противники его не разъ задумывали поддѣть его на эту удочку. Такъ, въ бытность его австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Наполеонъ, замѣтивъ его ухаживанье за своей сестрой Каролиной, началъ поддерживать эти отношенія, убѣждая сестру «позаняться этимъ щеголемъ, потому что онъ нуженъ теперь». У Меттерниха не было даже твердыхъ политическихъ убѣжденій, и онъ готовъ былъ еженедѣльно мѣнять ихъ, соображаясь съ обстоятельствами. Онъ велъ за разъ переговоры со всѣми партіями, стараясь всѣхъ обмануть и оставляя за собою лазейки, черезъ которыя онъ отступалъ, коль скоро находилъ выгоднымъ измѣнить своимъ союзникамъ. Спекулируя всѣмъ на свѣтѣ, Меттернихъ продавалъ себя каждому, распространяя свою нравственную заразу на всѣхъ, кого ему только удавалось захватить въ свои дипломатическія объятія. Отъ неаполитанскаго короля онъ получалъ 60,000 въ годъ; отъ Россіи 75,000 въ годъ; герцогъ нассаускій подарилъ ему Іоганнисбергъ, король виртембергскій—Оксенгаузенъ и т. д. Безцеремонность Меттерниха была такъ велика, что возмущала собою даже тогдашнихъ дипломатовъ; Наполеонъ презиралъ его и однажды даже чуть было не далъ ему плюхи, а императоръ Александръ отказывался одно время вести переговоры съ такимъ господиномъ, о чемъ и заявилъ сердечному другу Меттерниха, императору Францу. Во внутреннихъ дѣлахъ Австріи тридцатилѣтнее царствованіе Меттерниха было ознаменовано ужасными злоупотребленіями. Этотъ великій визирь, не довольствуясь взятками и пенсіонами, получаемыми отъ иностранныхъ государей, проматывалъ австрійскую казну, какъ свою собственную, и на однѣ только полицейскія и дипломатическія издержки истратилъ 13.000.000. Онъ жилъ съ восточною пышностью. Будучи первымъ другомъ своего императора, онъ сумѣлъ захватить въ свои руки всѣ нити европейской дипломатіи и руководить политикою иностранныхъ государствъ, особенно германскихъ. Бездарные дѣятели европейской реакціи стушевывались передъ этой олицетворенной интригой, и многіе изъ нихъ считали его даже геніемъ. Онъ успѣлъ овладѣть всѣми пружинами реакціонной интриги и, вполнѣ удовлетворяя господствующему направленію эпохи, наживалъ и прокучивалъ милліоны, наслаждаясь ролью «спасителя» Европы и вершителя судебъ Германіи.

Но этотъ вершитель судебъ Германіи находился въ рукахъ у своего гнуснаго лакея, Фридриха Генца. Корыстолюбіемъ, продажностью, страстью къ чувственнымъ наслажденіямъ и положительнымъ отсутствіемъ нравственныхъ правилъ и убѣжденій Генцъ равнялся своему барину, дарованіями же далеко превосходилъ его. Въ началѣ своей литературно-политической дѣятельности Генцъ былъ поклонникомъ французской революціи; но, протершись въ общество большихъ господъ, которымъ не могло нравиться его революціонное направленіе, и заручившись значительною субсидіей отъ графа Шуленбургъ-Кенерта, онъ началъ громить французскую революцію, насколько хватило у него силъ. Но онъ все-таки остался либераломъ, превратившись въ аристократическаго конституціоналиста, преклоняясь передъ свободными учрежденіями Англіи, проповѣдуя о народномъ самоуправленіи, объ отвѣтственности министровъ, о правахъ парламента, гласности, свободѣ прессы и т. д. Большіе господа ласкали Генца, ухаживали за нимъ, и онъ, который еще въ юности называлъ себя «слабымъ, безумнымъ и легковѣрнымъ поклонникомъ житейскаго шума», всецѣло погрузился въ великосвѣтскую жизнь, съ ея мотовствомъ, роскошью, волокитствомъ, картежною игрой. Искусственныя потребности Генца постепенно возрастали, его доходы безумно проматывались, долги увеличивались до огромной суммы. Генцъ совершенно промотался и находился въ отчаяніи, когда англійское и австрійское правительства предложили ему купить его «бойкое перо». «Бойкое перо» съ радостью продало себя англичанамъ, но, промотавъ англійскія гинеи, оно снова продало себя Австріи и въ 1803 году переселилось въ Вѣну. Для бездарныхъ реакціонеровъ талантъ Генца былъ настоящимъ кладомъ. Онъ защищалъ и оправдывалъ реакцію, вооружался противъ всѣхъ проявленій свободы, отстаивалъ строгую цензуру и строчилъ литературные доносы на «демагоговъ». Будучи секретаремъ на конгрессахъ лайбахскомъ, карлсбадскомъ, вѣнскомъ, онъ составлялъ и обработывалъ здѣсь тѣ несчастныя постановленія, которыми реакція хотѣла задушить пробуждавшуюся политическую и умственную жизнь Германіи. Генцъ руководилъ и Меттернихомъ; они были до того солидарны между собою, что послѣдняго называли въ шутку *оберъ-Генцомъ*, а перваго *унтеръ-Меттернихомъ*. Генцъ былъ мыслительною машиною Меттерниха, и послѣдній безъ него никогда не пріобрѣлъ бы той незаслуженной славы, которою онъ пользовался, благодаря своему талантливому секретарю, отъ котораго онъ

принужденъ былъ выносить всевозможныя грубости. Генцъ обходился съ нимъ, какъ съ тупымъ и невѣжественнымъ ученикомъ. «Это не годится,—кричалъ онъ на министра:—вѣдь я уже говорилъ вамъ, какъ это нужно сдѣлать; я не понимаю, какъ вы можете такъ поступать, зная уже мое мнѣніе!» «Что это такое?—выговаривалъ онъ Меттерниху по другому поводу:—неужели растолковывать вамъ каждую мелочь? это никуда не годится; это нелѣпо!» Цѣлью всей жизни Генца, цѣлью всѣхъ его стремленій были деньги да роскошь и развратъ, на которые онъ тратилъ все, что не пріобрѣталъ. Кромѣ австрійскаго жалованья, у него было много побочныхъ доходовъ. На вѣнскомъ конгрессѣ онъ получилъ въ видѣ субсидій и взятокъ по 300 дукатовъ съ каждаго двора, 5,000 дукатовъ съ франкфуртскихъ евреевъ, всего же больше 30,000 талеровъ. Въ 1814 г. его годовой доходъ простирался уже до 14,000 дукатовъ, кромѣ экстраординарныхъ пріобрѣтеній. Безнравственность Генца доходила до возмутительнаго цинизма, и онъ нисколько не старался скрывать ее. Чувствуя, что ему нѣтъ возврата въ общество порядочныхъ людей, злобствуя на либераловъ за ненависть, презрѣніе и оскорбленія, которыми они награждали его, Генцъ мстилъ имъ, работая на пользу реакціи, и, по собственному его признанію, «дьявольски радовался, что такъ называемыя великія дѣла кончились такъ комично». Но ни эта радость, ни чувственныя наслажденія, которымъ такъ неудержимо предавался Генцъ, не могли задушить въ немъ страха и подозрительности, отравлявшихъ его жизнь. Зная, какую ненависть возбудилъ онъ къ себѣ въ представителяхъ прогрессивнаго направленія, этотъ Іуда трепеталъ при одномъ словѣ «якобинецъ». Постоянно запугивая власть и общество доносами и выдумками о несуществовавшей въ Германіи «демагогической интригѣ», онъ самъ наконецъ сталъ вѣрить въ эту интригу и дошелъ до болѣзненной трусливости, которая развилась съ особенною силою послѣ того, какъ вслѣдъ за убійствомъ Коцебу Генцъ получилъ письмо, угрожавшее ему смертью. Мрачная физіономія, смѣлая и рѣшительная походка, большая борода, усы и бакенбарды внушительныхъ размѣровъ — все пугало его, всюду грезились ему «интрига», измѣна, отрава, кинжалы студентовъ. Онъ жилъ въ мірѣ ужасныхъ призраковъ и ради собственной безопасности ревностно поддерживалъ дѣло реакціонной партіи, будучи въ то же время глубоко убѣжденъ въ непрочности и безуспѣшности своего дѣла.

Таковы были главные представители реакціи, сгруппировавшіе около себя цѣлый легіонъ подобныхъ себѣ креатуръ.

Когда эта клика захватила въ свои руки дѣла Европы, началась эпоха мрачнаго застоя.

III.

Призывая народы къ войнѣ противъ Наполеона, нѣмецкія правительства торжественно обѣщали дать имъ свободныя учрежденія и устроить внутреннія дѣла согласно съ новымъ духомъ времени. Такія же обѣщанія давались и касательно международныхъ отношеній. Между прочимъ было обѣщано, что «націи съ этихъ поръ будутъ взаимно уважать свою независимость, что ни одно политическое зданіе не воздвигнется на развалинахъ государствъ, прежде бывшихъ независимыми, что цѣль войны и мира состоитъ въ томъ, чтобы защищать права, свободу и независимость народовъ».

Но когда опасность миновала, обѣщанія были забыты, и реакція вошла въ свою обычную колею. Всѣ были рады, что возвращается доброе старое время! Съ колокольнымъ звономъ, съ музыкой, съ веселыми пѣснями, съ благодарственными молебнами, при торжественныхъ звукахъ *Te Deum*, съ громомъ пушекъ, съ ослѣпительными иллюминаціями и фейерверками, съ танцами и оргіями старая, беззубая, рабовладѣльческая Европа праздновала свою побѣду надъ революціей. Главное празднество было устроено на берегахъ Дуная. Государь и министры, попы и дипломаты, актеры и шпіоны, фигляры и философы, повара и проститутки, банкиры и наголодавшіеся въ изгнаніяхъ бары, герои послѣднихъ войнъ и оставленные за штатомъ маленькія величества, проповѣдники мистическихъ бредней и мастера государственныхъ проектовъ, карточные игроки и литературные мазурики—всѣ стремились въ Богоспасаемый градъ Вѣну. И былъ здѣсь пиръ великій, шумный, блистательный пиръ реакціонеровъ. А между тѣмъ, среди этихъ пировъ и банкетовъ слышались вовсе не праздничные стоны и жалобы народа. Австрійскія провинціи разорены; нѣтъ хлѣба, нѣтъ скота, нѣтъ денегъ; въ однихъ мѣстахъ голодъ, въ другихъ тифозная эпидемія, и всюду страшная дороговизна, нищенство; въ Трансильваніи нѣсколько тысячъ народа погибаетъ голодною смертью; 50,000 инвалидовъ побирается по міру; имперія потрясена случившимся за три года до того государственнымъ банкротствомъ. Но стоитъ ли заботиться о такихъ пустякахъ! И никто не заботится, а императоръ Францъ тратитъ на угощеніе своихъ дорогихъ гостей 30,000,000 гульденовъ и потомъ собираетъ ихъ съ народа посредствомъ военныхъ командъ. «Всѣ великіе результаты конгресса—пишетъ въ своемъ дневникѣ Ностицъ—въ концѣ концовъ сводятся на ту же торговлю человѣческими душами, которая преобладала на аугсбургскихъ и регенсбургскихъ конференціяхъ, когда люневильская медіатизація раздѣляла страну по кусочкамъ. Все это ничѣмъ не лучше того, что дѣлалъ Наполеонъ». «Всѣ вращаются въ той же дилеммѣ своекорыстія, черствости и ограниченности. Дурные и посредственные министры заправляютъ безнравственной политикой и, не обращая никакого вниманія на народъ, мѣрятъ все на свой дрянной аршинъ». «Настало время ничтожества, время посредственностей,—писалъ Штейнъ,—всѣ они вылѣзаютъ впередъ и занимаютъ свои старыя мѣста; тѣ же, кто всѣмъ жертвовалъ для дѣла, забыты и устранены».

Данныя въ минуту опасности обѣщанія были нарушены. Вліятельные члены конгресса заботи-

лись только объ одномъ усиленіи своихъ государствъ посредствомъ захвата земель и подданныхъ. Австрія захватила себѣ Тироль, Зальцбургъ, Ломбардію, Венецію, сдѣлалась владычицею Адріатическаго моря и законодательницею всей Италіи. Вездѣ, въ завоеванныхъ земляхъ, она разводила своихъ чиновниковъ, своихъ грубыхъ солдатъ, своихъ шпіоновъ. При занятіи въ 1814 г. Ломбардіи и Венеціи, императоръ обѣщалъ этимъ странамъ конституцію, но вскорѣ же ломбардцамъ было объявлено, что они обязаны безусловно повиноваться своимъ новымъ повелителямъ, а въ 1816 г. Меттернихъ возвѣстилъ, что «императоръ желаетъ искоренить духъ итальянскаго якобинства и даровать Италіи миръ». Въ томъ же году Австрія обязала неаполитанское правительство не совершать никакихъ существенныхъ реформъ безъ австрійскаго соизволенія. Безграничный, опьяняющій деспотизмъ австрійцевъ надолго утвердился въ Италіи, и тупые, невѣжественные слуги Франца и Меттерниха дошли до полнаго сумасбродства, вообразивъ, что они могутъ германизировать эту великую страну! Примѣръ Италіи показалъ, чего нужно ожидать Германіи подъ давленіемъ Австріи и Пруссіи. Вмѣсто обѣщанной народу конституціи вѣнскій конгрессъ далъ нѣмцамъ Союзный Актъ, въ силу котораго нѣмецкій союзъ являлся «соединеніемъ государей и свободныхъ городовъ, въ которомъ, кромѣ императора австрійскаго и короля прусскаго, принимаютъ участіе 4 короля, 8 великихъ герцоговъ, 9 герцоговъ, 11 князей и 4 вольныхъ города». Цѣлью союза было прежде всего подчиненіе мелкихъ государствъ крупнымъ и внѣшняя безопаспость, а потомъ, «*охрана внутренней безопасности Германіи*», т.-е. возстановленіе и поддержка старыхъ порядковъ и борьба противъ народныхъ стремленій къ внутреннимъ реформамъ. Основнымъ закономъ союза поставленъ принципъ неподвижности. Но такъ какъ реакціонеры чувствовали себя еще не совсѣмъ твердыми на ногахъ, то полное осуществленіе ихъ предначертаній было отложено до болѣе благопріятнаго случая. Въ союзномъ актѣ, поэтому, были снова *обѣщаны* свобода прессы и конституція. Но эти обѣщанія давались съ заднею мыслію никогда не исполнять ихъ, хотя въ южно-германскихъ государствахъ, въ Нассау, Баваріи, Баденѣ, Виртембергѣ, конституціонное устройство было введено немедленно, къ ужасу всѣхъ крайнихъ реакціонеровъ, особенно австрійскихъ и прусскихъ. Въ другихъ государствахъ конституціонное устройство замѣняли собою земскія собранія (Provinzialstände). Но эти собранія не имѣли никакого самостоятельнаго государственнаго значенія и приносили выгоды только одному заправлявшему ими дворянству. Южногерманскія конституціи, вслѣдствіе преобладанія того же дворянства, вслѣдствіе раздора партій, неумѣренныхъ притязаній государей и бюрократіи, а особенно, вслѣдствіе ожесточенной борьбы противъ нихъ Австріи и Пруссіи, также оказались вскорѣ мыльными пузырями, не удовлетворявшими даже самымъ скромнымъ требованіямъ либеральныхъ патріотовъ. Это было совершенно въ порядкѣ вещей. Силы реакціонеровъ значительно превосходили силы прогрессистовъ. Во главѣ первыхъ стоялъ австрійско-прусскій военный произволъ, упоенный своими побѣдами надъ Наполеономъ. Для него невыносима была самая мысль о свободныхъ учрежденіяхъ. Даже въ конституціонныхъ государствахъ правительства не скрывали своей ненависти къ народному представительству, и герцогъ веймарскій объявилъ членамъ палатъ, чтобъ народъ не смѣлъ ничего просить всею массою; «какъ бы ни былъ я склоненъ изъявить на то или другое дѣло свое согласіе, но никогда не исполню того, чего будутъ просить у меня многіе, а тѣмъ болѣе всѣ». Главною пособницею этого порядка вещей была бюрократія. Духовенство находилось также подъ его вліяніемъ. Возвративъ духовенству многія права и привилегіи, утраченныя имъ вслѣдствіе іосифовскихъ реформъ, австрійское правительство сдѣлало его своимъ сильнымъ союзникомъ въ борьбѣ противъ гражданской свободы и просвѣщенія. Духовенство протестантское отличалось еще большимъ сервилизмомъ, чѣмъ католическое, и вмѣстѣ съ послѣднимъ стремилось захватить въ свои руки умственное воспитаніе народа и положить предѣлъ свободному развитію разума. Такой же компромиссъ былъ заключенъ съ дворянствомъ, которое, будучи вынуждено отказаться отъ своихъ притязаній на полную феодальную самостоятельность, обязалось поддерживать королевскую власть, но съ тѣмъ, чтобы быть самому верховнымъ, командирскимъ сословіемъ въ государствѣ. Дворянство хотѣло удержать или возвратить себѣ все, что можно было удержать или возвратить изъ его средневѣковыхъ привилегій. Дворянство заправляло ходомъ дѣлъ, вся реакціонная интрига была направлена въ его пользу, и даже гордый аристократъ Штейнъ жаловался, что на вѣнскомъ конгрессѣ слишкомъ много заботятся о дворянствѣ и нисколько о народѣ. Раздраженное освобожденіемъ крестьянъ въ Австріи, Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, дворянство хотѣло вознаградить себя за это лишеніе другими преимуществами, возстановить обязательный трудъ крестьянъ, управлять страной и въ своихъ помѣстьяхъ, и на земскихъ собраніяхъ, занимать первыя мѣста и въ арміи, и въ гражданскомъ управленіи, избавиться изъ-подъ власти законовъ, общихъ для всѣхъ другихъ сословій, имѣть свой отдѣльный судъ, не подлежать ни податямъ, ни повинностямъ, ни даже личному задержанію за долги и т. д. Въ тѣхъ же мѣстахъ Германіи, гдѣ крѣпостное право еще существовало, дворянство и государи устремляли всѣ свои усилія на поддержаніе этой «священной основы общества». Когда, напр., на мекленбургскомъ сеймѣ одинъ депутатъ, не дворянинъ, подалъ записку объ уничтоженіи крѣпостного права, то великій герцогъ Стрѣлицкій запретилъ ему «такія дерзкія глупости», а когда онъ повторилъ свое представленіе, въ сеймѣ было предложено исключить его изъ депутатовъ. И хотя въ Мекленбургѣ крѣпостное право было уничтожено только въ 1820 г., но крестьяне, какъ это было

почти во всей Германіи, освобождены безъ земли, къ вящей выгодѣ благороднаго дворянства, которое, удержавъ за собою свои земли, пользовалось обстоятельствами, чтобы устроить ихъ на счетъ разореннаго народа. Въ Пруссіи, напримѣръ, Фридрихъ-Вильгельмъ III выдалъ дворянамъ болѣе 20,000,000 талеровъ «на устройство упавшихъ помѣстій». Словомъ, дворянство хотѣло попрежнему жить на счетъ народа. Стремленія эти хорошо выразилъ въ своихъ сочиненіяхъ продажный писака д-ръ Бенценбергъ, проповѣдывавшій, что «кто не придаетъ важности породѣ, тотъ санкюлотъ, что только землевладѣльцы составляютъ государство, и что они, ни мало не медля, должны всѣхъ якобинцевъ и бездомовниковъ устранить отъ всякаго участія въ политическихъ правахъ, а если понадобится, то и *немножечко поубивать!..*»

На сторонѣ реакціоннаго направленія были и представители капитала. Банкиры и цари биржи, Ротшильды, Берингъ, Лабуше и др., начинаютъ играть въ дѣлахъ Европы роль державъ и оказывать на рѣшенія конгрессовъ и кабинетовъ столь же сильное вліяніе, какъ короли и министры.

Противъ этой лиги всѣ другія сословія были безсильны. Невѣжественное крестьянство играло, по обыкновенію, пассивную роль, по временамъ лишь заявляя свои страданія посредствомъ мѣстныхъ бунтовъ, которые навлекали на него только новыя несчастія, притѣсненія и лишенія. Городское сословіе было лишено всякаго духа свободы и политической предпріимчивости. Когда въ 1817 г. изъ Гессена и Дармштадта была распространена петиція о германской конституціи, то люди, руководившіе этимъ дѣломъ, едва отваживались разсчитывать, что по всей Германіи можно будетъ собрать 1,000 подписей, но даже въ этой своей надеждѣ они обманулись до такой степени, что принуждены были вовсе бросить это дѣло.

За свободу и развитіе народа стояла одна только интеллигенція края,—люди, получившіе солидное образованіе, герои войны за независимость, члены Союза Добродѣтели и гимнастическихъ обществъ, многіе профессора, ученые, литераторы, большинство университетской молодежи. Духъ общественной самодѣятельности, возбужденный въ войну за независимость и поддерживаемый либеральными движеніями за границей, не умиралъ въ этихъ людяхъ. Они хотѣли получить то, что такъ торжественно обѣщали имъ всѣ правительства. Они желали единства Германіи, народнаго представительства, уничтоженія остатковъ крѣпостного права, свободы слова, равенства всѣхъ передъ закономъ, гласнаго суда, отвѣтственности министровъ, отчетности въ государственныхъ финансахъ. Всѣ эти люди хотѣли того же, чего за нѣсколько лѣтъ хотѣли или показали, что хотѣли сами нѣмецкія правительства и что въ то самое время обѣщалъ, хотя въ крайне общихъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, нѣмецкій союзный актъ.

Въ этихъ либеральныхъ стремленіяхъ не было ничего крайняго и разрушительнаго, они были совершенно законны, такъ какъ инициатива ихъ принадлежала самимъ правительствамъ и союзный актъ обѣщалъ удовлетворить имъ. Реакціонеры, поэтому, не рѣшались прямо преслѣдовать прогрессистовъ, хотя и рады были, по совѣту д-ра Бенценберга, «немножечко поубивать» либераловъ. Нужно было устроить такъ, чтобы выставить прогрессистовъ какъ людей крайне опасныхъ для обществъ, а ихъ идеи—какъ вздорныя, утопическія, разрушительныя теоріи. Напугавъ общество красными призраками, нужно было выступить его спасителемъ противъ внутреннихъ враговъ: тогда уже можно было «*и немножечко поубивать*», и совершенно покончить съ либеральными идеями и со страстью къ ненавистнымъ конституціямъ, на которыхъ, по выраженію императора Франца, помѣшался весь міръ.

Интрига началась литературными доносами. Наемные писаки и полицейскіе литераторы въ родѣ Генца, вооружаясь клеветой и находясь подъ казенною защитою, начали указывать проявленія революціоннаго духа во всѣхъ прогрессивныхъ кружкахъ, въ каждой лекціи либеральнаго профессора, въ каждой студенческой сходкѣ или университетской демонстраціи, даже въ бородахъ, толстыхъ палкахъ и платьѣ, которыя вошли тогда въ моду между университетскою молодежью. Студентъ, членъ Союза Добродѣтели или гимнастическаго общества у этихъ сикофантовъ значило то же, что измѣнникъ, а благородныхъ героевъ войны за освобожденіе они не стѣсняясь называли «якобинцами». Все, что было честнаго, живого, прогрессивнаго въ Германіи,—все это подвергалось самой возмутительной клеветѣ Генца, Ярке, Шмальца и другихъ литературныхъ сыщиковъ, которые дѣйствовали тѣмъ болѣе безцеремонно, что нѣкоторыя правительства запрещали всякую литературную полемику противъ нихъ. Такая клевета, официальная поддержка ложныхъ доносовъ, строгости противъ университетовъ и очевидное для всѣхъ намѣреніе правительствъ водворить въ Германіи старый, феодальный порядокъ,—все это крайне раздражало и возмущало прогрессистовъ, особенно впечатлительную университетскую молодежь. Либералы громко высказывали свое негодованіе на вѣроломство разныхъ Меттерниховъ, просили обѣщаннаго, и хотя во всемъ этомъ не было ничего опаснаго и революціоннаго, но полицейская литература пользовалась этимъ, какъ матеріаломъ для своихъ клеветъ и инсинуацій. Съ особеннымъ успѣхомъ воспользовались реакціонеры праздникомъ въ честь реформаціи и лейпцигской битвы, устроеннымъ іенскими студентами съ разрѣшенія правительства въ Вартбургѣ 18 октября 1817 г. На этотъ праздникъ собралось со всей Германіи до 500 молодыхъ людей, профессоровъ, литераторовъ. Праздникъ начался и кончился духовными пѣснями, заключился мессою и конфирмаціей присутствовавшихъ. Пѣлись невинные гимны, говорились рѣчи, исполненныя «благочестивыхъ и боголюбивыхъ словъ»; ораторы вооружались противъ космополитизма, подражанія французамъ, сластолюбія и себялюбія; хотя при этомъ нѣкоторые ораторствовали противъ нѣмец-

кихъ государей, нарушившихъ свои обѣщанія, но и это было въ сущности совершенно мирною и ни для кого неопасною выходкою, какую тогда можно было встрѣтить въ каждомъ университетскомъ городѣ. Въ заключеніе праздника, подражая тому, какъ Лютеръ сжегъ буллу, въ знакъ своей «злобной ненависти ко всѣмъ злымъ и подлымъ людямъ въ отечествѣ», студенты сожгли на кострѣ нѣсколько «позорныхъ сочиненій», писанныхъ противъ буршей, Союза Добродѣтели, гимнастическихъ обществъ, «Нѣмецкую исторію», Коцебу, «Кодексъ жандармеріи» прусскаго полицейскаго сыщика Кампца, доносы Шмальца и т. д. Вся эта исторія, бывшая невинною шуткою студентовъ, которые уже не одно столѣтіе устрояли и не такія еще демонстраціи,—вся эта исторія, благодаря интригѣ нѣмецкой полиціи и литературнымъ доносамъ, переполошила не только всю Германію, но даже всю Европу! Генцъ, Шмальцъ, Коцебу, Кампцъ, даже самъ Штейнъ не жалѣли мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить вартбургскій праздникъ въ самомъ ужасномъ видѣ, а участвовавшихъ на немъ юношей представить кровожадными революціонерами и свирѣпыми разрушителями алтарей и троновъ. Кампцъ написалъ по этому поводу цѣлую книгу, въ которой, жалуясь на «одичалыхъ профессоровъ и совращенныхъ ими студентовъ», находилъ упомянутое ауто-да-фе преступнѣйшимъ дѣломъ и предлагалъ сожигать еретическія книги вмѣстѣ съ ихъ авторами, подвергнувъ этому опыту прежде всего «публичныхъ учителей и комедіантовъ», напитывающихъ молодежь ядомъ своихъ демагогическихъ принциповъ. Громче и громче начали раздаваться голоса реакціонеровъ о необходимости строгой опеки надъ университетами, литературой и журналистикой, объ усиленіи охранительныхъ началахъ. Конституціонныя движенія въ южной Германіи давали новый матеріалъ для той системы запугиванья, которую приняли теперь австрійское, прусское и др. нѣмецкія правительства. Меттернихъ офиціально говорилъ уже о революціонной интригѣ, которая будто бы раскидываетъ свои сѣти по всей Европѣ, проявляясь въ Германіи въ такихъ, напр., событіяхъ, какъ вартбургскій праздникъ и конституціонныя движенія въ южныхъ государствахъ. Раздраженіе прогрессистовъ росло, поддерживаемое стѣсненіемъ печати, литературными доносами, полицейскими преслѣдованіями. Особенную ненависть ихъ навлекали на себя русскій публицистъ Стурдза, напоминающій собою Аскоченскаго, и Коцебу, слѣдившій по порученію русскаго правительства за умственнымъ и общественнымъ движеніемъ Германіи. Экзальтированный студентъ Зандъ убилъ Коцебу въ мартѣ 1819 г. Вслѣдъ за этимъ въ Швальбахѣ молодой аптекарь Ленингъ сдѣлалъ неудачную попытку умертвить ненавистнаго административнаго президента фонъ-Ибелля. Около того же времени въ Парижѣ сѣдельникъ Лувель закололъ герцога Берріскаго. И хотя всѣ эти убійства были одиночными преступленіями политическихъ фанатиковъ, дѣйствовавшихъ совершенно самостоятельно, что доказано и производившимися надъ ними слѣдствіями, но напуганное общество видѣло въ нихъ только проявленія всеобщаго революціоннаго заговора, а полиція старалась еще болѣе нагнать страху на перепугавшихся обывателей. Этотъ страхъ поддерживался и усиливался народными волненіями въ Дармштадтѣ, революціоннымъ броженіемъ въ Испаніи и Италіи, и особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что вслѣдъ за убійствомъ Коцебу разныя лица начали получать письма, угрожавшія имъ смертью. Неизвѣстно, кто писалъ эти письма, но скоро было офиціально доказано, что въ составленіи и разсылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ была виновна *полиція*, воспользовавшаяся ими для терроризаціи общественнаго мнѣнія. Такъ, напр., разослалъ государямъ нѣсколько такихъ угрожающихъ писемъ фонъ-Мангеръ, директоръ полиціи въ Касселѣ; но вслѣдствіе своего излишняго усердія и неосторожности, этотъ баринъ попался, былъ для виду присужденъ къ пожизненному тюремному заключенію и въ скорости помилованъ. (Varnhagen, III, 120). Наказывать его было не за что, потому что то же самое дѣлали и вся нѣмецкая полиція, и всѣ наемные писаки, и всѣ реакціонеры. Поднялся страшный гвалтъ о какомъ-то всемірномъ заговорѣ, къ которому будто бы принадлежали Зандъ, Ленингъ и Лувель; преступленія этихъ людей выставлялись, какъ неизбѣжные результаты принциповъ, вызвавшихъ къ жизни конституціонныя идеи, Союзъ Добродѣтели, общества буршей и гимнастовъ. «Всюду интрига, измѣна,—кричали реакціонеры, — нужно спасать отечество посредствомъ охранительныхъ мѣръ». Этимъ «спасителямъ отечества» много помогли въ ихъ дѣлѣ либеральныя движенія за границей и въ особенности революціонныя волненія въ Италіи.

Грубая, тупая реакція всюду возбуждала революціонное броженіе, которое, при своей слабости, только содѣйствовало усиленію реакціонныхъ мѣръ и тиранніи. Но нигдѣ реакціонный деспотизмъ не доходилъ до такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ Италіи, порабощенной австрійцами. Отданная въ руки нѣмецкихъ чиновниковъ, ненавидѣвшихъ и угнетавшихъ все итальянское, эта прекрасная страна скоро была доведена до нищенства, вслѣдствіе конскрипцій, тяжелыхъ податей и повинностей, административныхъ грабежей и паденія промышленности, задавленной австрійскою опекой. Надъ школой, наукой, литературой, надъ домашней жизнью гражданъ,—надъ всѣмъ тяготѣла желѣзная рука нѣмецкой полиціи. Австрійцы хотѣли германизировать Италію и перевоспитать ее на свой ладъ; одно уже это намѣреніе вызывало негодованіе въ душѣ каждаго итальянца, которому народный учебникъ «Объ обязанностяхъ подданныхъ» внушалъ съ малолѣтства, что австрійскаго императора слѣдуетъ чтить, какъ отца и мать, и относиться къ нему, какъ вѣрный слуга къ господину, потому что онъ господинъ своихъ подданныхъ, имѣющій «*полное право располагать ихъ имуществомъ и жизнью*». Горячка свободы волновала итальянцевъ. Въ Неаполѣ произошла революція. Въ Венеціи, Пьемонтѣ, въ Римѣ, въ Ломбардіи патріоты волновались; демонстраціи и прокламаціи нагоняли страхъ

на австрійское правительство, которое еще болѣе тревожилось преувеличенными извѣстіями своихъ агентовъ о силѣ и распространенности тайныхъ обществъ карбонаріевъ. Система тайной полиціи была доведена до неслыханныхъ размѣровъ. Шпіонамъ дозволялись всякія беззаконія и неистовства, а главный начальникъ ихъ, кавалеръ Торрезани, вмѣшивался рѣшительно во всѣ дѣла администраціи и старался укрѣпиться на своемъ мѣстѣ посредствомъ преувеличенныхъ доносовъ. Для надзора за шпіонами была устроена особая полиція графомъ Паста, разорившимся игрокомъ и воромъ. Въ Италіи происходило то же, что и въ остальныхъ частяхъ имперіи, гдѣ тайная полиція, со времени назначенія ея директоромъ ненавистнаго графа Сѣдльницкаго, по выраженію Меттерниха, «тѣсно соединилась съ политикой и даже въ нѣкоторомъ родѣ владычествовала надъ этой послѣдней». Итальянскими волненіями пользовались, какъ орудіемъ для австрійской и общенѣмецкой реакціи. Преслѣдуя, арестуя, казня и подвергая пожизненному тюремному заключенію карбонаріевъ и другихъ итальянскихъ патріотовъ, австрійское правительство завѣдомо лгало, ставя этихъ людей, желавшихъ только освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, въ тѣсную связь съ революціонерами Франціи, Швейцаріи и др. странъ. Желая запугать европейское общество, оно всюду указывало на «итальянскую интригу» и происки карбонаріевъ. Въ нѣмецкихъ студенческихъ демонстраціяхъ, въ либеральныхъ лекціяхъ профессоровъ и сочиненіяхъ литераторовъ, въ сепаратизмѣ венгерскихъ дворянъ, въ крестьянскихъ бунтахъ противъ помѣщиковъ, даже въ вѣнскомъ ученомъ обществѣ, въ статутахъ котораго полиція нашла сходство съ принципами франкмасонства,—всюду, по официальнымъ и официознымъ завѣреніямъ, дѣйствовала коварная «итальянская интрига».

Созданные полиціей и разукрашенные наемною литературой призраки «всемірнаго заговора», «нѣмецкихъ демагоговъ» и «итальянской интриги», терроризировавъ общественное мнѣніе, развязали руки реакціонерамъ, которые, подъ предлогомъ спасенія отечества, начали выдѣлывать тѣ ужасныя вещи, которыя неминуемо вели къ антиправительственнымъ движеніямъ 1830 и къ революціонному взрыву 1848 г.

IV.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, какъ вартбургскій праздникъ, убійство Коцебу и герцога Беррійскаго, покушеніе на жизнь фонъ-Ибелля и революціонныя движенія въ Италіи дали возможность полиціи и наемной литературѣ запугивать общество призраками какой-то всесвѣтной революціи, нѣмецкихъ «демагоговъ» и «итальянской интриги». Лишь только были пущены въ ходъ пріемы реакціонныхъ происковъ, какъ люди, понимающіе смыслъ обстоятельствъ, тотчасъ увидѣли, что реакціонеры побѣдятъ. При первомъ же извѣстіи объ убійствѣ Коцебу, прусскій министръ Гарденбергъ воскликнулъ: «ну, теперь конституція невозможна!» Начались аресты, обыски, преслѣдованія. Подъ предлогомъ отысканія нитей «демагогическаго заговора» и «итальянской интриги» въ Пруссіи обыскивали, арестовывали, подвергали слѣдствію всѣхъ друзей конституціи, членовъ Союза Добродѣтели и гимнастическихъ обществъ, всѣхъ лицъ, не нравившихся реакціонерамъ. Даже чиновники министра Гарденберга, хлопотавшаго о конституціи, даже такіе благонамѣреннѣйшіе изъ благонамѣренныхъ людей, какъ Эйхгорнъ и генералъ Гнейзенау, подвергались полицейскимъ преслѣдованіямъ и терпѣли гоненіе. Съ такою же ревностью дѣйствовала и австрійская полиція. Нѣмецкіе студенты, иностранцы, особенно швейцарцы и итальянцы, профессора, лучшіе австрійскіе писатели, Грильпарцеръ, Кастелли, Цедлицъ, всѣ подвергались аресту или высылались за границу имперіи.

Но это была только увертюра реакціоннаго террора.

Тотчасъ же послѣ убійства Коцебу, по иниціативѣ императора Франца, въ Карлсбадѣ собрались представители нѣмецкихъ государствъ для разсужденій о мѣрахъ, необходимыхъ для «водворенія порядка». Карлсбадскія постановленія 1819 г., рѣшенія конгрессовъ—вѣнскаго 1820, троппаускаго, лайбахскаго и веронскаго 1821—1822 годовъ—были торжествомъ реакціи, и Генцъ приписывалъ имъ большее значеніе, чѣмъ побѣдѣ надъ Наполеономъ. Введена цензура, университеты и всѣ учебныя заведенія отданы подъ строжайшій надзоръ полиціи, приняты дѣятельныя мѣры къ предотвращенію конституціонныхъ реформъ, установлено право вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ съ цѣлью искорененія въ нихъ либеральнаго духа и т. д. Эти постановленія и ихъ результаты будутъ разсмотрѣны ниже; теперь же обратимся къ той системѣ, которую употребили упомянутые конгрессы для успѣшнѣйшаго проведенія своихъ реакціонныхъ мѣръ. Для устрашенія общественнаго мнѣнія, для того, чтобы «немножечко поубивать» прогрессистовъ, какъ выражался докторъ Бенценбергъ, и дать Австріи возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ, въ Карлсбадѣ было рѣшено учредить въ Майнцѣ центральную слѣдственную комиссію изъ семи членовъ, поручивъ ей «по возможности точное разслѣдованіе открытой во многихъ государствахъ злонамѣренной интриги, происхожденія и развитія направленныхъ противъ существующаго порядка вещей бунтовскихъ замысловъ и демагогическихъ союзовъ, на которые уже имѣются или въ продолженіе изслѣдованія будутъ получены хоть какія-нибудь указанія». Комиссіи дано право арестовывать по всей Германіи и привозить въ Майнцъ всѣхъ подозрительныхъ людей. Всякое вліяніе союзнаго сейма на работы комиссіи, всякій контроль надъ нею были устранены, и въ сущности она являлась австрійскимъ присутственнымъ мѣстомъ, посредствомъ котораго меттерниховцы давили на бундестагъ и на всѣ нѣмецкія правительства. Генцъ называлъ эту комиссію средствомъ для сохраненія единства Германіи, оплотомъ противъ мнѣнія, будто бы Гер-

манія не имѣетъ общаго государственнаго существованія, словомъ, замѣною общенѣмецкой конституціи! Не смотря на негодованіе и протестъ всѣхъ порядочныхъ людей и нѣкоторыхъ южногерманскихъ правительствъ, въ 1819 г. комиссія была уже составлена изъ членовъ отъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Бадена, Гессена и Нассау. Эти достопочтенные господа начали свою дѣятельность вопросомъ о прогонныхъ и суточныхъ деньгахъ и, получивъ ихъ въ желаемомъ количествѣ, приступили къ дѣлу. Но, не смотря на все ихъ усердіе, они не могли найти подходящаго дѣла! Самъ Меттернихъ, предлагая въ Карлсбадѣ учредить слѣдственную комиссію, выражалъ сомнѣніе въ томъ, найдется ли «много такихъ виновныхъ, которые достойны тяжелыхъ наказаній». Да и не одинъ Меттернихъ, а всѣ разсудительные люди, реакціонеры и прогрессисты, понимали, что въ Германіи нѣтъ никакой «демагогической интриги» и что комиссіи поручалось не *открыть*, а *сочинить* ее... Но комиссія болѣе года не могла ничего даже выдумать и сочинить, а впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ ея официальное заявленіе, что до учрежденія комиссіи и въ первый годъ ея существованія въ Германіи вовсе не было никакихъ революціонныхъ заговоровъ и демагогическихъ интригъ! (Ilse). А между тѣмъ, комиссію основали и держали подъ предлогомъ ужаснаго заговора, распространеннаго по всей Германіи. Не только прогрессисты, но даже честные люди изъ консерваторовъ понимали и говорили, что если и существуетъ ужасный заговоръ, то прежде всего онъ выражается въ существованіи майнцской комиссіи и клонится къ ниспроверженію всѣхъ священныхъ основъ цивилизованнаго общества въ пользу реакціонной лиги. Правительства Виртемберга, Бадена, Кургессена, Гессена, Люксембурга, обоихъ Мекленбурговъ энергически требовали, чтобы или упразднить комиссію, или представить сейму отчетъ объ ея открытіяхъ, которыя бы доказывали необходимость ея дальнѣйшаго существованія. Охота на прогрессистовъ, затѣянная реакціонерами, на первый разъ оказалась неудачною, и комиссію хотѣли было уже закрыть, когда начавшіяся съ января 1820 г. революціонныя потрясенія въ южной Европѣ дали новый матеріалъ для запугиванія нѣмцевъ краснымъ призракомъ «интриги», и существованіе комиссіи было продолжено.

Между тѣмъ полиція и наемная литература продолжали терроризировать правительства и общества независимо отъ майнцской комиссіи, поддерживая тѣмъ самымъ существованіе послѣдней. Выше мы уже разсказывали, какъ директоръ кассельской полиціи, фонъ-Мангеръ, разсылалъ государямъ письма, будто бы писанныя революціонерами и угрожавшія имъ смертью. Той же системы запугиванья держались и всѣ другія полиціи вмѣстѣ съ состоявшими на ихъ содержаніи литературными сикофантами. Пустивъ въ ходъ иностранное слово «демагогъ», не имѣвшее въ Германіи никакого опредѣленнаго значенія, реакціонеры начали клеймить этимъ прозвищемъ всѣхъ, кто почему-нибудь не нравился имъ. Родился миѳъ о «демагогахъ» и ихъ «интригѣ». (Umtriebe). Демагоги, по этому миѳу, были распространены по всей Европѣ и соединенными силами работали для ниспроверженія существующаго порядка. Всѣ германскіе прогрессисты принадлежали къ той ужасной лигѣ, и полицейскіе сыщики всюду указывали признаки ея пагубной дѣятельности. Итальянскіе карбонаріи, испанскіе кортесы и революціонеры, французская оппозиція и Бенжаменъ Констанъ, англійскіе чартисты—все это валилось въ одну безобразную кучу вмѣстѣ съ инсинуаціями на нѣмецкихъ прогрессистовъ и окрещивалось названіемъ демагогической интриги. Къ этой «интригѣ» приплетали всѣхъ, кого было нужно погубить вслѣдствіе расчетовъ реакціонной партіи или даже просто по личной ненависти. Всѣ бурши, всѣ профессора, всѣ члены Союза Добродѣтели и гимнастическихъ обществъ, все благородное поколѣніе героевъ войны за освобожденіе поголовно обвинялись въ «демагогической интригѣ» и назывались *якобинцами*. Австрійское правительство утверждало даже, что «всѣ прусскіе чиновники—революціонеры». Министры Штейнъ, Гарденбергъ, Эйхгорнъ, Савиньи, Гумбольдтъ, Ансильонъ и др. были подъ тайнымъ надзоромъ полиціи, какъ люди крайне опасные. Святоша Шлейермахеръ считался «злѣйшимъ демагогомъ», и на его проповѣди посылались обыкновенно шпіоны. Прусскую армію считали наполненною демагогами и карбонарами, а введенный Штейномъ ландверъ—войскомъ мятежниковъ. Стараясь объ уничтоженіи ландвера, реакціонеры отводили ему для королевскихъ смотровъ такую неудобную мѣстность, на которой ландверцы не могли отличиться своимъ знаніемъ фронтовой службы и тѣмъ навлекали на себя неудовольствіе его величества. Даже принцы вносились въ списки неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи людей, а король виртембергскій считался главою карбонаровъ и нѣмецкихъ демагоговъ!.. (Varnhagen). Австрійская же полиція—говоритъ Шпрингеръ—«недовѣряла цѣлому народу, подозрѣвала собственныхъ чиновниковъ и считала армію небезопасною отъ революціонныхъ увлеченій. Цѣлый экспедиціонный корпусъ, посланный въ Неаполь въ 1821 г., былъ отданъ подъ надзоръ полиціи... Честолюбіе и корысть доводили полицію до безобразныхъ преувеличеній. Она не только обманывала и вводила въ заблужденіе правительство, но даже потѣшалась надъ нимъ». Система тайныхъ доносовъ дошла до послѣдней крайности. По всей Германіи были учреждены особые агенты, слѣдившіе за «духомъ» общества и даже не скрывавшіе своего ремесла. Существовалъ цѣлый отрядъ литературныхъ доносчиковъ. Всѣ начальники обязывались имѣть тайный надзоръ за своими офицерами. Страсть къ доносамъ развращала все общество, и гибельные слѣды ея во многихъ мѣстахъ нисколько не изгладились даже въ настоящее время *). Ложные доносы оставались со-

*) Вотъ, напр., прокламація генералъ-губернатора хорвато-славонской границы, изданная въ 1869 г.: «Гибельный обычай доносовъ такъ глубоко коренится во ввѣренномъ мнѣ округѣ, что остается только съ сокрушеніемъ

вершенно безнаказанными, и доносъ проникъ во всѣ слои общества. Газета доносила на газету, чиновникъ на чиновника, профессора на студентовъ, студенты на профессоровъ, офицеры на командировъ, командиры на офицеровъ, полиція же на всѣхъ. Доносъ сдѣлался орудіемъ личной мести. Бездарный, но протежируемый прусскимъ королемъ композиторъ Спонтини, напр., доносилъ, какъ на «якобинцевъ», на всѣхъ, кто не признавалъ въ немъ музыкальнаго таланта и осмѣливался критиковать его нелѣпыя оперы Полицейскій надзоръ проникалъ до сокровенныхъ тайнъ домашней жизни. Узнаетъ, напр., полиція, что одинъ учитель гимназіи разсказывалъ своимъ сыновьямъ, какъ совершаются народные выборы въ конституціонныхъ государствахъ, и тотчасъ доноситъ на него, какъ на демагога, воспитывающаго такихъ же демагоговъ и въ своихъ сыновьяхъ. Частная корреспонденція всюду распечатывалась и читалась полиціей, а въ Австріи даже самимъ императоромъ. Распечатывались письма министровъ, и самъ Генцъ признавался, что о важныхъ дѣлахъ невозможно писать по почтѣ. Извѣстный историкъ Нибуръ, бывшій посланникомъ въ Римѣ, жаловался прусскому правительству, что тайная полиція распечатываетъ и осматриваетъ его офиціальную дипломатическую переписку.

Полицейская система запугиванья возбуждала въ прогрессистахъ негодованіе, смущала людей наивныхъ страхомъ демагогической интриги и радовала крайнихъ реакціонеровъ, видѣвшихъ въ ней отличное средство для мести и поживы. Майнцская слѣдственная комиссія продолжала существовать вплоть до 1827 г., по временамъ только удостоивая сеймъ и публику извѣстіями о ходѣ своихъ дѣяній. Тысячи людей обыскивались, арестовывались, подвергались слѣдствію по обвиненіямъ ихъ въ «государственныхъ преступленіяхъ», которыхъ они не совершали, и томились въ тюрьмахъ цѣлые годы. Берне говоритъ, что если бы въ современной ему Германіи было сдѣлано какое-нибудь очень серьезное преступленіе, «то преступника судили бы до конца его жизни изъ желанія выслѣдить «*нить заговора*», и выслѣживали бы ее такъ долго, залѣзали бы такъ глубоко, отыскивая самые скрытые корни «*духа времени*», что прежде, чѣмъ слѣдователи вернулись бы съ конца свѣта, отъ антиподовъ, куда совершалось путешествіе для отысканія соучастниковъ преступленія,—цѣлое поколѣніе людей успѣло бы совершенно вымереть. Милліоны нѣмцевъ приводились бы на очную ставку, весь народъ заносили бы въ судебные протоколы. Припомните Занда; онъ совершилъ свое преступленіе почти открыто, выбѣжалъ съ окровавленнымъ кинжаломъ на улицу и въ ту же минуту во всемъ сознался,—а его, не смотря на страшную рану и болѣзнь, продержали въ тюрьмѣ цѣлый годъ! Въ то время желали впутать въ это дѣло всѣхъ патріотовъ и заклеймить именами убійцъ благороднѣйшихъ людей! Точно также поступала и майнцская комиссія. Она была обязана отнести къ «демагогическимъ происканъ» всѣ прогрессивно-патріотическія движенія нѣмцевъ и начала арестовывать встрѣчнаго и поперечнаго. Аресты производились часто по доносамъ, которые сама же комиссія сплошь и рядомъ признавала «недостойными вниманія», какъ, напримѣръ, доносы надворнаго совѣтника Янке; но чаще всего аресты совершались безъ всякихъ поводовъ для обвиненія, по одному только подозрѣнію или произволу полиціи. Набравши достаточное число арестованныхъ, комиссія иногда не подвергала ихъ допросамъ въ теченіе цѣлаго года, а потомъ начинала вытягивать изъ нихъ «нити заговора», доводя несчастныхъ до сознанія и «чистосердечнаго раскаянія» посредствомъ утонченныхъ пытокъ,—одиночнаго заключенія, нескончаемыхъ мучительныхъ допросовъ, угрозъ и обѣщаній помилованія въ случаѣ «раскаянія»,—обѣщаній, которыя почти никогда не исполнялись. И хотя, по сознанію комиссіи, множество арестованныхъ представляло «печальное зрѣлище наглаго отпирательства, которое служитъ плодомъ ученій, проповѣдуемыхъ въ сочиненіяхъ и лекціяхъ» (!), но не мало подсудимыхъ доводилось и до «чистосердечнаго раскаянія». Эти слабодушные люди доводились комиссіей до полнаго нравственнаго паденія, и чтобы избавиться отъ желѣзныхъ лапъ майнцскихъ инквизиторовъ, клеветали, доносили, плакали, каялись и давали комиссіи такія показанія, какія ей было угодно имѣть. Такъ, напримѣръ, арестованный по дѣлу студента Либера, студентъ Клеменъ доносилъ на Либера, какъ на своего искусителя и подстрекателя; Клеменъ заявлялъ, что главная причина революціонной «интриги», «основное зло, лежитъ въ томъ политическомъ направленіи, которое со времени учрежденія буршествъ приняла жизнь учащейся молодежи», которая вмѣсто спокойнаго занятія «наукою, особенно классической древностью, вмѣсто того, чтобы учиться и развиваться посредствомъ уваженія и любви къ существующему порядку, бросилась въ совершенно чужую для нея сферу». Признаніе Клемена—это довольно объемистый доносъ на профессоровъ и студентовъ, на буршества и гимнастическія общества, на газеты и журналы... Заручившись подобными доносами, комиссія на основаніи ихъ обвиняла несознавшихся арестантовъ и дѣлала изъ нихъ государственныхъ преступниковъ. «Коль скоро—говоритъ Берне—на голову нѣмецкаго юриста обрушивается вопросъ о государственномъ преступленіи, онъ поражается какъ бы апоплексическимъ ударомъ, всѣ его умственныя способности ослабѣваютъ, и онъ впадаетъ въ состояніе несовершеннолѣтія и страннаго идіотизма». Это вполнѣ приложимо къ инквизиторамъ, засѣдавшимъ въ Майнцѣ. Изъ дѣлъ комиссіи видно, что на основаніи доносовъ, *ничьмъ*

сердца думать о состояніи народной нравственности. Потому я и обращаюсь къ гг. полковымъ командирамъ, городскимъ головамъ и прочимъ гражданскимъ властямъ съ просьбой противодѣйствовать всѣми средствами убѣжденія и поученія этому въ высшей степени печальному явленію, объясняя народу всю гнусность тайныхъ доносовъ, *и проч.*

недоказанныхъ и даже признанныхъ ложными самой комиссіей, она обвиняла людей и цѣлыя общества въ «демагогическихъ происках».

Комиссія эта привлекла къ дѣлу не только живыхъ, но и мертвыхъ. Розыскивая «нити демагогической интриги», она прослѣдила ихъ вплоть до 1806 г. и въ своемъ докладѣ, представленномъ нѣмецкимъ правительствамъ въ 1827 г., обвинила въ интригѣ все, что было съ 1806 г. живого, мыслящаго и прогрессивнаго въ Германіи. Фихте, Штейнъ, Арндтъ, гимнастическія общества, Союзъ Добродѣтели, университеты, герои войны 1813 г.— всѣ оказались или руководителями, или участниками демагогической интриги, которая будто бы съ 1819 г. охватила собою Германію. Въ сущности же комиссія не открыла и не могла открыть никакой «интриги». Живыхъ, какъ и мертвыхъ, она обвиняла въ революціонныхъ происках за такія дѣйствія, *слова и мнѣнія*, которыя не содержали въ себѣ ничего революціоннаго и выражали только мирное желаніе нѣмцевъ имѣть тѣ реформы, которыя наканунѣ реакціи такъ торжественно обѣщали имъ всѣ правительства,—свободу печати, гласное судопроизводство, отвѣтственность министровъ, отчетность въ государственныхъ фанансахъ, равенство передъ закономъ. Понадобилось отмѣнить обѣщаніе и не давать этихъ реформъ, и вотъ—даже разговоры о нихъ были отнесены къ разряду государственныхъ преступленій! Кружки добрыхъ и честныхъ гражданъ, мирно обмѣнивавшихся своими мыслями «объ учрежденіяхъ общественной жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуумовъ, о государственномъ устройствѣ и политической жизни народовъ», выставлены тайными обществами злостныхъ демагоговъ. А между тѣмъ, тѣхъ же самыхъ мыслей держалось множество лицъ, которыхъ комиссія не трогала, потому что эти лица, не отказываясь отъ своихъ мнѣній, старались примѣниться къ существующему порядку и не высказывали своихъ мыслей и чувствъ съ такимъ увлеченіемъ и рѣзкостью, какъ люди болѣе пылкаго темперамента. Арестованные нерѣдко показывали, что они были знакомы или бесѣдовали съ такими-то и такими-то высокопоставленными лицами, которыя вполнѣ раздѣляли ихъ убѣжденія, но этихъ показаній комиссія вовсе не помѣщала въ своихъ отчетахъ, въ которые только случайно попало показаніе студента Либера. Этотъ «государственный преступникъ» былъ однажды въ гостяхъ у генерала Пфюля, излагалъ передъ нимъ свои «возмутительныя» идеи и разстался съ нимъ, тронутый до глубины души, что «такой высокопоставленный чиновникъ» раздѣляетъ всѣ его убѣжденія. (Ilse). Чтобы показать читателю, подъ какими предлогами люди арестовывались и судились тогда за «государственныя преступленія», мы приведемъ нѣсколько случаевъ изъ мемуаровъ Фарнгагена фонъ-Энзе. Нѣкто Михаэлисъ арестованъ за то, что въ одномъ *частномъ* письмѣ, посланномъ къ его знакомымъ. онъ назвалъ прусскаго канцлера *скотиной*. Студентъ Ульрихъ признанъ «опаснымъ въ государственномъ отношеніи потому, что его мысли стояли въ противорѣчіи съ откровенной религіей». Одинъ полковой командиръ сказалъ своимъ солдатамъ: «вы солдаты не одного только короля, но и отечества»; офицеры донесли на него, и онъ былъ выгнанъ изъ службы. Тайный совѣтникъ Клюберъ былъ также выгнанъ изъ службы и отданъ подъ слѣдствіе за то, что въ своей книгѣ о государственномъ правѣ онъ высказывалъ мысль, что государство продолжаетъ существовать даже въ томъ случаѣ, если государь падетъ или погибнетъ. Между тѣмъ та же самая мысль высказывалась и въ твореніяхъ Кампца, главнаго охотника на демагоговъ, и т. д.

Такъ майнцская комиссія сочиняла и распространяла миѳы о «демагогической интригѣ» и старалась выставить революціонерами всѣхъ порядочныхъ людей. Но, запугивая общество въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ красными призраками, комиссія пришла только къ тому, что сама опровергла свои выдумки объ «интригѣ», показывая тѣмъ, что преслѣдованіе «демагоговъ» было не что иное, какъ безчестныя продѣлки реакціонной клики. По сознанію комиссіи, въ первый годъ ея существованія въ Германіи не было никакихъ революціонныхъ «происковъ». (Ilse). Изъ доклада комиссіи 1822 г. оказывается, что *всѣ* захваченныя ею лица послѣ допросовъ были освобождены, и даже офицеръ, отданный подъ военный судъ за прокламаціи, оправданъ по суду. Наконецъ, въ общемъ докладѣ 1827 года, обозрѣвая всю свою дѣятельность, комиссія приходитъ къ заключенію, что «по результатамъ слѣдственныхъ розысковъ всѣ союзныя правительства могутъ вполнѣ убѣдиться въ непоколебимой вѣрности своихъ подданныхъ. Честному и открытому характеру нѣмцевъ противно стремиться путемъ несправедливости и насилія къ мнимымъ правамъ и воображаемымъ благамъ. и это придаетъ намъ увѣренность, что ложь и обманъ долго еще не найдутъ себѣ мѣста въ Германіи». Комиссія зарапортовалась даже до того, что начала утверждать, будто бы въ Германіи революціонныхъ попытокъ не только нѣтъ, но даже и не было «въ теченіе многихъ столѣтій!» Но для чего же, въ такомъ случаѣ, существовала комиссія, для чего разбивалась жизнь сотенъ арестованныхъ, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они горячо любили свое отечество? Ужели всѣ эти полицейскія неистовства клонились только къ тому, чтобы доказать «непоколебимую благонамѣренность» нѣмцевъ? Комиссія отвѣчаетъ, что она боролась не противъ существующей уже революціи, а противъ «извѣстныхъ идей», которыя со временемъ могутъ довести до революціи! Майнцская комиссія, а вмѣстѣ съ нею и полицейская литература, хотя и сознавались, что преслѣдуемые ими нѣмецкіе демагоги не что иное, какъ молодые мечтатели, не имѣющіе даже опредѣленныхъ тенденцій и сами по себѣ люди совершенно безвредные, особенно въ виду испытанной вѣками вѣрноподданности нѣмецкаго народа; но безвредные сами по себѣ, они вредны, какъ орудіе «интриги», заправляющей ихъ дѣйствіями. Центромъ этой интриги майнцская ко-

миссія считала какой-то Comité-Directeur европейскихъ революцій. Когда, такимъ образомъ, охотники на «демагоговъ» не могли уже поддерживать своей прежней лжи объ ихъ опасности и вынуждены были признаться, что между ними нѣтъ ни одного ужаснаго революціонера, то начали запугивать какими-то таинственными руководителями демагогической интриги, руководителями, приготовляющими изъ нѣмецкой молодежи поколѣніе Робеспьеровъ, Мара и Лувелей. Самую же молодежь наемная литература стала забрасывать грязью всевозможныхъ клеветъ и насмѣшекъ. Извѣстный историкъ Раумеръ, напримѣръ, описавъ свой визитъ О'Коннелю, тотчасъ начинаетъ издѣваться «надъ маленькими демагогами, сидящими въ Кепеникѣ и другихъ нѣмецкихъ крѣпостяхъ, и говоритъ, что всѣ они—карлики и жалкія творенья въ сравненіи съ великимъ агитаторомъ. «Какъ будто,—восклицаетъ по этому поводу Берне,—какъ будто въ Пруссіи защитнику народа позволятъ дорости до О'Коннеля! Какъ будто, если бы въ Пруссіи какимъ-нибудь чудомъ О'Коннель вышелъ изъ-подъ земли совсѣмъ готовый, его не привязали бы къ рогамъ мѣсяца! Да, г. фонъ-Раумеръ издѣвается надъ несчастными нѣмецкими юношами, проводящими лучшіе годы своей жизни въ тюрьмѣ за то, что они произнесли или написали слово *свобода!* Онъ издѣвается надъ ними за то, что они не сдѣлались О'Коннелями! Какимъ именемъ назвать такой гнусный поступокъ? Я могъ бы назвать его прусскимъ, но это было бы далеко недостаточно».

Многихъ арестованныхъ освобождали безъ всякихъ наказаній, но зато томили подъ слѣдственнымъ арестомъ, продолжавшимся иногда на нѣсколько лѣтъ; другихъ ссылали «на время, какъ неудобныхъ», административнымъ порядкомъ; третьихъ подвергали уголовнымъ наказаніямъ, очень строгимъ сравнительно съ наказаніями за политическіе проступки въ передовыхъ государствахъ Европы и довольно легкимъ сравнительно съ наказаніями, употребительными въ государствахъ нецивилизованныхъ. Шварцъ, напримѣръ, «за участіе въ тайномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью ниспроверженіе существующихъ государственныхъ порядковъ Германіи», присужденъ къ строгому аресту на 3 мѣсяца; Фолленіусъ за покушеніе на государственную измѣну» приговоренъ къ тюремному заключенію на 10 лѣтъ; Асверусъ «за участіе въ тайномъ обществѣ, имѣвшемъ, *вѣроятно* (!!), измѣнническіе планы»,—въ крѣпость на 6 лѣтъ; Баадеръ, «*вслѣдствіе навлеченнаго имъ на себя сильнаго подозрѣнія* (!!) въ основаніи тайнаго измѣннического общества»—къ заключенію въ крѣпости на 6 лѣтъ. Студенты, кричавшіе на берлинскихъ улицахъ *ура* въ честь испанскихъ революціонеровъ и конституціи, посажены на хлѣбъ и на воду на 4 мѣсяца. Вообще, прусскій король за «революціонные происки» не наказывалъ тяжелѣе, какъ шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. (Varnhagen). Зато усердствовали другія правительства Союза, особенно австрійское. «Оно томило государственныхъ преступниковъ строгимъ и долговременнымъ арестомъ во время слѣдствія, наслаждалось ихъ страданіями, мучило ихъ неизвѣстностью объ ожидающей ихъ участи; ихъ *изъ милости* присуждали къ строжайшему тюремному заключенію въ Шпильбергѣ, изъ котораго они выходили тѣнями, лишенными всѣхъ жизненныхъ соковъ». (Springer). Какъ содержали въ Австріи политическихъ преступниковъ, показываетъ слѣдующій разсказъ, заимствованный Берне изъ «Courrier Français»: «Одинъ молодой итальянецъ, Маронелли, былъ обвиненъ за письмо, написанное имъ своему брату, молодому доктору, возвратившемуся изъ Греціи, гдѣ онъ помогалъ эллинамъ своими медицинскими познаніями и искусствомъ. Тайная полиція Милана увидѣла въ этомъ выраженіе скрытаго подъ символическою формою желанія свободы. Молодого патріота арестовали, судили и, единственно на основаніи этого письма, приговорили къ смерти. Но противъ такого приговора возстали даже судьи; смертную казнь они замѣнили двадцатилѣтнимъ строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Маронелли и четырехъ его друзей отвозятъ въ крѣпость Брюннъ, куда вскорѣ послѣ того сажаютъ еще двадцать итальянскихъ патріотовъ. Тюрьма биткомъ набита, и начальство рѣшаетъ, что самаго младшаго изъ преступниковъ надо препроводить въ подвалъ. Здѣсь, на сырой землѣ, въ совершенномъ одиночествѣ, не видя живого лица, Маронелли проводитъ цѣлый годъ. Онъ былъ уже близокъ къ смерти, когда одинъ изъ его несчастныхъ товарищей умеръ. Маронелли перевели на очистившееся мѣсто. Теперь онъ видитъ подлѣ себя людей, но физическія страданія его не прекратились. Ледяной холодъ пронизываетъ его насквозь; отвратительная пища совершенно разрушаетъ его здоровье; члены его деревенѣютъ; лѣвая нога, плотно сдавленная тяжелымъ кольцомъ, къ которому привѣшена двадцатифунтовая цѣпь, страшно пухнетъ; скоро обнаруживается антоновъ огонь: приходится отрѣзать ногу! Но губернаторъ, небрежно взвѣшивая на рукѣ эту больную ногу, распухшее мясо которой совершенно закрыло желѣзное кольцо, говоритъ съ холоднымъ равнодушіемъ: «къ намъ прислали преступника съ двумя ногами, и мы не можемъ сдать его съ одной только ногой». Приходится писать въ Вѣну и просить о милостивомъ разрѣшеніи операціи, которую всякое промедленіе можетъ сдѣлать смертельною. Отвѣтъ могъ бы получиться черезъ двадцать четыре часа, но онъ заставляетъ ждать себя ровно 14 дней. Наконецъ, операцію дѣлаютъ въ той тюрьмѣ, гдѣ несчастный провелъ страшныхъ 8 лѣтъ. Тюремный цырульникъ отрѣзываетъ сгнившую ногу выше колѣна, и черезъ нѣсколько времени послѣ этого Маронелли выпускаютъ на свободу. Онъ идетъ въ Римъ. Римъ не даетъ ему пріюта. Великій герцогъ флорентинскій позволяетъ ему жить въ своемъ государствѣ, но австрійскій посланникъ настаиваетъ на его изгнаніи. Маронелли нашелъ убѣжище во Франціи. Изъ 25 человѣкъ, раздѣлявшихъ тюремное заключеніе съ Маронелли, двое—виконты Орабони и Вилла—*умерли отъ голода*. Мы не преувеличиваемъ: все это—сущая истина. Приготовленный изъ сала

супъ, два крошечныхъ ломтика хлѣба и кусочекъ протухшаго мяса составляютъ единственную пищу заключенныхъ. Напрасно просили они, какъ милости, чтобы въ ихъ отвратительный супъ не клали, по крайней мѣрѣ, сала; имъ отвѣчали, что этимъ кормится отъ 200 до 300 каторжниковъ и что исключеній ни для кого нельзя дѣлать. Изъ денегъ, посылавшихся ихъ родственниками, они не получали ни гроша. Въ настоящее время (въ 1831 г.) въ Брюннѣ содержится еще девять итальянцевъ, въ томъ числѣ графъ Гонфалоньери, который, въ каждую годовщину произнесенія надъ нимъ судебнаго приговора, получаетъ двадцать пять палочныхъ ударовъ»... Подобными-то мѣрами думали привязать Италію къ Австріи и подавить всякое политическое развитіе нѣмецкаго народа!.. Доходили даже до того, что, не находя виновныхъ, наказывали огуломъ встрѣчнаго и поперечнаго. Въ 1826 г. въ Прагѣ одно студенческое движеніе обнаружило, повидимому, присутствіе тамъ германскаго университетскаго духа; такъ какъ нельзя было найти виновныхъ, то велѣно отдать въ солдаты безъ выслуги всѣхъ студентовъ, получившихъ за послѣднее время дурныя отмѣтки.

Такимъ образомъ сбывалось желаніе доктора Бенценберга «немножечко поубивать» прогрессистовъ.

V.

Подъ предлогомъ спасенія отечества отъ коварной демагогической интриги, реакціонеры не останавливались ни передъ какими мѣрами. Прежде всего они наложили свои гибельныя руки на университеты, на эту національную святыню, которую щадилъ даже Наполеонъ Въ силу карлсбадскихъ постановленій каждый университетъ былъ отданъ подъ особый надзоръ правительственнаго комиссара, бывшаго чѣмъ то въ родѣ надсмотрщика, судьи и слѣдователя. Профессоръ, нарушающій такъ называемыя общественное спокойствіе и порядокъ, увольнялся и не могъ быть принятъ ни въ какой другой университетъ. Въ 1822 г. въ Пруссіи министрамъ народнаго просвѣщенія и полиціи было предписано—безъ суда и слѣдствія удалять, какъ «недостойныхъ и негодныхъ людей», тѣхъ профессоровъ, «которые сочувствуютъ современнымъ заблужденіямъ или подвергались правительственнымъ мѣрамъ *за предполагаемое* или доказанное участіе въ демагогическихъ происках». Всякія студенческія тайныя общества и кружки запрещены; исключенный студентъ не можетъ быть принятъ ни въ какой другой университетъ; студентамъ запрещено носить старонѣмецкое платье, а въ нѣкоторыхъ университетахъ—даже бороды; въ Берлинѣ министерство цѣлую недѣлю занималось вопросомъ о студенческихъ сюртукахъ; студентовъ преслѣдовали за ношеніе сюртуковъ песочнаго цвѣта, подозрѣвая, что этотъ цвѣтъ служитъ выраженіемъ симпатіи къ убійцѣ Коцебу, Занду!.. (Sand—песокъ). Не мало находилось даже такихъ безумцевъ, которые, какъ это бывало и въ другихъ странахъ, требовали закрытія совсѣмъ университетовъ. (Varnhagen)... Реакціонный походъ противъ университетовъ, погубившій столько нѣмецкой молодежи, былъ не менѣе гибеленъ и для профессоровъ. Люденъ, Оценъ, Кизеръ, Фризъ, братья Велькеры и множество другихъ преподавателей выгонялись изъ службы, обыскивались, арестовывались, объявлялись государственными измѣнниками. Безсовѣстные слѣдователи долго мучили Арндта нелѣпыми допросами о сочиненіяхъ, писанныхъ имъ по порученію правительства, а государственная газета, приводя нѣкоторыя фразы изъ его бумагъ, на основаніи ихъ утверждала, что онъ измѣнникъ и злодѣй, готовый убивать даже духовныхъ; между тѣмъ эти фразы были написаны самимъ королемъ на поляхъ приказа о всенародномъ ополченіи, и Арндтъ только списалъ ихъ, какъ замѣчательныя слова короля! Основателя гимнастическихъ обществъ, Яна, преслѣдовали и мучили вплоть до 1840 г., публично оглашая его бандитомъ, содержа его подъ арестомъ въ кандалахъ, обвиняя даже въ попыткѣ убить Кампца, на основаніи доноса одного старика, *глухого и «экзальтированнаго почти до умопомышательства»*, который будто бы подслушалъ разговоръ Яна объ упомянутомъ покушеніи!..

Не менѣе строгой опекѣ были подчинены среднія и низшія учебныя заведенія, въ которыхъ, по словамъ Гете, «старались только о томъ, чтобы какъ можно раньше сдѣлать юношей смирными, изгнать изъ нихъ всякую естественность и оригинальность и въ концѣ концовъ превратить ихъ въ чистѣйшихъ филистеровъ». Дѣятельнѣе всѣхъ на этомъ поприщѣ отличилось австрійское министерство «затменія умовъ» (какъ справедливо всѣ честные люди называли тогдашнее австрійское министерство народнаго просвѣщенія), находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства и іезуитовъ. «Общій надзоръ за училищами былъ порученъ духовенству. Въ рукахъ законоучителей была школьная полиція: они имѣли открытое наблюденіе за нравственностью учениковъ и тайное—за нравственностью учителей. Заботливость государства о религіи, предписывавшая врачу напоминать больнымъ о принятіи св. тайнъ, чиновнику—посѣщать церковь, профессору—бывать у исповѣди, вступающимъ въ бракъ—выдерживать религіозный экзаменъ, даже пастуху, поступающему въ услуженіе—представлять религіозное свидѣтельство,—эта заботливость естественно болѣе всего обнаруживалась въ учебныхъ заведеніяхъ». (Гервинусъ). Придворная комиссія по дѣламъ народнаго просвѣщенія заправляла всей системой образованія и регулировала ее съ такой мелочною предупредительностью, какую можно встрѣтить развѣ только въ Китаѣ. Въ «новомъ постановленіи о школахъ», напр., она предписывала дѣтямъ, какъ приготовляться дома къ отправленію въ училище, какъ идти по улицѣ, какъ держать себя до и во время уроковъ, какъ сидѣть, какъ держать руки, какъ обращаться съ печкой, какъ ходить по лѣстницамъ и въ отхожее мѣсто, и т. д. Изъ учеб-

ной программы естественныя науки были изгнаны, а исторія, географія и языки преподавались въ самомъ сокращенномъ и безтолковомъ видѣ. Въ университетахъ вовсе не было философскаго факультета, а внесшій 20 талеровъ студентъ освобождался отъ изученія естествознанія и исторіи. Поступленіе въ иностранные университеты было строжайше запрещено. Иностранцы не могли быть даже домашними учителями, а дѣти ихъ принимались въ австрійскія заведенія только моложе 10 лѣтъ, да и то съ величайшими затрудненіями. Домашнимъ обученіемъ можно было заниматься только по выдержаніи особаго экзамена и съ дозволенія полиціи. При выборѣ казенныхъ учителей предписывалось обращать вниманіе прежде всего на ихъ политическія и религіозныя мнѣнія. Библіотекари обязаны были ежегодно доносить обо всѣхъ книгахъ, которыя брали учителя. Полное умственное затишье и тупой общественный индиферентизмъ были результатами такой системы народнаго образованія. «Благонамѣренность» торжествовала.

Карлсбадскими постановленіями всѣ періодическія изданія и книги, имѣющія менѣе 20 листовъ, были подчинены цензурѣ, строгости которой поддерживались и постепенно усиливались полицейскими распоряженіями. Журналистика была совершенно подавлена и доведена до ничтожества. «Всякій осторожный журналистъ—писалъ Берне въ 1819 г.—уже теперь старается запастись хорошими суррогатами, которыми онъ могъ бы подслащать чай и кофе своихъ читателей въ томъ случаѣ, если какимъ-нибудь новымъ тарифомъ на произведенія ума ввозъ обыкновеннаго сахара будетъ воспрещенъ. Осторожный журналистъ принимается теперь уже за солидныя науки. Онъ занимается астрономіей, за исключеніемъ кометъ, потому что онѣ служатъ предвѣстниками войны и народныхъ бѣдствій,—географіей, пропуская мѣста, гдѣ находятся минеральныя воды, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ собираются конгрессы,—алгеброй, но безъ включенія въ нее плюсовъ и минусовъ, ибо они подлежатъ вѣдѣнію финансоваго управленія,—психологіей, не пускаясь только въ ученіе о душѣ знатныхъ людей,—богословіемъ, за исключеніемъ вопроса о священномъ союзѣ,—юриспруденціей, выключая уголовное судопроизводство, относящееся къ обязанностямъ чиновниковъ,—философіей безъ всякаго ограниченія,—полезнымъ ученіемъ о клинообразномъ письмѣ, коническомъ сѣченіи и коренныхъ словахъ нѣмецкаго языка,—затѣмъ механикой, оптикой, этикой, реторикой, математикой, макробіотикой, динамикой, статикой, всевозможными *иками,* за исключеніемъ лишь политики, такъ какъ она принадлежитъ только правительству». Произволъ и невѣжество цензуры доходили до крайнихъ предѣловъ. Въ Вѣнѣ, напр., не было пропущено цензурою стихотвореніе Грилльпарцера на выздоровленіе австрійскаго наслѣднаго принца, потому что въ немъ говорилось слишкомъ много о сердечной добротѣ принца и мало объ его умѣ. Въ переводахъ шекспировскаго Лира не пропускалось никакихъ «неприличныхъ шутокъ», чтобы не выводить передъ публикой смѣшного короля. Въ «Разбойникахъ» Шиллера отецъ Мооръ былъ превращенъ цензурою въ *дядю;* «Донъ Карлосъ» дозволялся только съ исключеніемъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится объ его любви къ мачехѣ. Восклицаніе «*о, Боже*» допускалось только на придворномъ вѣнскомъ театрѣ, а на всѣхъ прочихъ его предписано замѣнять: «*о, небо*». Если въ романѣ цензоръ встрѣчалъ выраженіе: «у нея была бѣлая, пышная грудь», то зачеркивалъ его и писалъ: «спереди она была весьма хорошо сложена». Однажды прусскій король былъ очень огорченъ тѣмъ, что въ газетахъ говорятъ о Гете гораздо больше, чѣмъ о какомъ нибудь государѣ, и цензорамъ было предписано не пропускать впредь ни одной подобной статьи!... Даже сочиненія извѣстнаго гуманиста Гуттена были запрещены въ Пруссіи, а въ Австріи запрещены почти всѣ произведенія тогдашней французской литературы, даже сочиненія историка Тьерри, Гиббона, Макіавелли, Байрона, Бентама—словомъ, произведенія всѣхъ лучшихъ представителей европейской мысли или вовсе не допускались въ австрійской имперіи, или дозволялись, но въ крайне обдерганномъ и обезображенномъ видѣ. Даже древніе греческіе и латинскіе классики печатались не иначе, какъ съ исключеніемъ всѣхъ мѣстъ, напоминавшихъ о республикѣ.

Реакція, по словамъ Берне, раздѣлившая нѣмецкій народъ на два класса—шпіоновъ и шпіонствуемыхъ, распространила это раздѣленіе и на литературу. Съ этого времени одна часть ея стала исправлять полицейскія обязанности, надзирала за другою частью и преслѣдовала ее своими доносами. Вся либеральная журналистика была совершенно безоружна передъ этими литературными сыщиками, которымъ дозволялись всякія безобразія, всякая ложь; ее же лишали возможности не только нападать на сикофантовъ, но даже защищаться отъ ихъ клеветъ и инсинуацій. Эта диктатура, поддерживаемая произволомъ полиціи, налагала печать молчанія на всю либеральную литературу, отклоняя ученыхъ и литераторовъ отъ насущныхъ вопросовъ жизни и заставляя ихъ возноситься въ заоблачныя сферы «науки для науки», въ сферы, которыхъ не касался надзоръ полиціи. Этого мало. Кастрируя однихъ, реакція въ конецъ развращала другихъ посредствомъ подкупа. Благодаря деньгамъ, мѣстамъ и разнымъ отличіямъ, величайшіе люди Германіи, какъ, напр., Гете и Гегель, превращались въ угодниковъ, льстившихъ своимъ милостивцамъ, а второстепенные таланты, какъ Арндтъ, братья Шлегели, Генцъ, Стеффенсъ, мельчали до пошлости. «Они—говоритъ Берне—упали изъ царства солнечнаго свѣта и истины въ царство тьмы и безумія, изъ орловъ сдѣлались совами; чтобы не оставаться узниками, они сдѣлались тюремщиками и начали такъ гордо побрякивать своими ключами, какъ будто ими они отворили дверь истины, а не заперли ее; и тутъ пришли къ нимъ всѣ лицемѣры и дураки, и стали цѣловать ключи истины, и чтить добродѣтельныхъ ключарей». Продажность писателей доходила тогда

о полнѣйшаго цинизма; ею чуть не хвастались. Но, кромѣ этой продажности и цензурныхъ стѣсненій, реакціонному перевороту въ наукѣ и литературѣ содѣйствовало еще и то ужасное разочарованіе, которое послѣ революціи наступило съ реставраціей. Неутѣшительная дѣйствительность жизни заставляла людей отрываться отъ нея и уноситься фантазіей въ сферы всяческаго мистицизма и всевозможныхъ вымысловъ. Романтики увлекались средними вѣками и стремились къ возстановленію феодальной жизни. Іезуиты, въ родѣ Бональда и де-Местра, проповѣдывали реставрацію средневѣковаго католицизма. Шеллингъ училъ, что человѣчество значительно ухудшилось послѣ первобытной эпохи, когда въ жизни его принимали дѣятельное участіе высшія существа «изъ природы духовъ»; онъ превратилъ науку въ сумбуръ мистицизма, самыхъ фантастическихъ выдумокъ и нелѣпѣйшихъ аналогій. Фридрихъ Шлегель считалъ высшимъ идеаломъ для человѣчества сидячую праздность индуса, а въ прозябаніи наподобіе растенія видѣлъ совершеннѣйшую жизнь. Возвращеніе нѣмцевъ къ среднимъ вѣкамъ, полная солидарность папства и имперіи, возстановленіе рыцарства и феодализма, дворянскій сенатъ, единый для всей Германіи, — вотъ политическіе идеалы ренегата Шлегеля. Беллетристика и поэзія со своими чертями, привидѣніями и другою средневѣковою чепухой расчищали дорогу нелѣпымъ теоріямъ и шарлатанскимъ фокусамъ сомнамбулизма, месмеризма, магнетизма, находившимъ множество приверженцевъ въ высшихъ слояхъ общества. Французское вліяніе въ XVIII в., наполеоновское иго и освобожденіе отъ него породили партію германофиловъ, которые съ дикою ненавистью нападали на все иностранное, особенно на французское, считая нѣмцевъ избраннымъ народомъ, который можетъ быть счастливымъ только внѣ всякаго вліянія иностранныхъ цивилизацій. Нелѣпымъ патріотизмомъ германофиловъ ловко воспользовалась реакція и наемная литература, которыя, по выраженію Шерра, «всякій разъ, когда надо было противодѣйствовать либеральнымъ теоріямъ, начинали толковать о «нѣмецкой вѣрности и благочестіи», объ естественномъ историческомъ развитіи государства». «Властители,—писалъ Берне,—которые направляютъ общественное мнѣніе, нравственность и воспитаніе только къ своей собственной выгодѣ, никогда не считали добродѣтелью ту любовь къ отечеству, которая обращается противъ внутреннихъ враговъ; напротивъ, они признавали ее величайшимъ изъ всѣхъ пороковъ и строго наказывали, какъ измѣну отечеству. Они объявляли лучшими патріотами тѣхъ гражданъ, которые заботились только о себѣ и о своихъ семействахъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на страданія своихъ согражданъ и своего отечества. Они награждали только тотъ патріотизмъ, который возставалъ противъ внѣшнихъ враговъ, считали только его добродѣтелью, потому что онъ былъ полезенъ имъ, потому что онъ обезпечивалъ за ними власть и давалъ имъ возможность представлять врагомъ ихъ народа всякое чужеземное правительство, которое они собирались покорить». А тогдашняя Германія большею частію имѣла подобныхъ властителей. Что нѣмецкія правительства *предумышленно* пользовались упомянутымъ патріотизмомъ для достиженія реакціонныхъ цѣлей, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ одномъ дипломатическомъ прусскомъ документѣ того времени, напр., всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ совѣтуется «*притворяться ревностно содѣйствующими упроченію и развитію реформъ, которыя необходимо изъ-подъ руки подкапывать по возможности*, за исключеніемъ реформъ, относящихся къ военному устройству и къ положенію германскаго союза относительно иноземныхъ государствъ». Прогрессивную же партію, которая хлопочетъ о реформахъ, слѣдуетъ «подвергать въ ея принципахъ, образѣ дѣйствій и органахъ косвенному, но энергическому гласному обсужденію; при чемъ, *для подорванія довѣрія къ этимъ принципамъ и учрежденіямъ* было бы не трудно *задѣть въ разсудительныхъ и здравомыслящихъ нѣмцахъ національное тщеславіе, выставивъ это новое ученіе исходящимъ изъ враждебной націи и дѣйствующимъ въ иноземномъ духѣ*». Для этого слѣдуетъ принанять «талантливыхъ и благонамѣренныхъ писателей, предоставивъ имъ,—насколько личность каждаго изъ нихъ представляетъ вѣрную гарантію въ ихъ образѣ мыслей,—болѣе широкую свободу слова, не дѣлая однако вообще никакихъ существенныхъ измѣненій въ существующихъ цензурныхъ постановленіяхъ». (Берне, I, 79—81). И не одинъ русскій дипломатъ, сочинившій эту записку, а весьма многіе правительства, государственные люди, наемные литераторы думали точно также и старались депопулярнзировать конституціонное устройство, которое они выставляли иноземною выдумкою, неприложимою къ нѣмцамъ, и которое признавалъ кореннымъ нѣмецкимъ первый поклонникъ и проповѣдникъ его, Монтескье (Гервинусъ). Оказывалось, что всѣ нововведенія и реформы неприложимы къ Германіи, что для нея желательно и возможно только одно національное развитіе въ «чисто-нѣмецкомъ духѣ», т.-е. въ духѣ застоя, столь любезномъ для реакціонной лиги! Вотъ образчикъ дѣятельности этихъ псевдопатріотовъ. Однажды гессенскій сеймъ потребовалъ, чтобы произведено было на вѣчныя времена отдѣленіе имуществъ, принадлежащихъ курфирсту, отъ имуществъ, принадлежащихъ государству, и чтобы счеты по государственному хозяйству были представлены сейму. Гессенское правительство, совершенно сходясь въ этомъ случаѣ съ ганноверскимъ, объявило такія понятія о государственныхъ имуществахъ: «чужеземными растеніями, которыя никогда не акклиматизуются на германской почвѣ», и присвоило всѣ казенныя имущества (Kammergut) въ полную, неотчуждаемую собственность курфирста.

Возстановленіе стараго католичества, вслѣдствіе конкордатовъ католическихъ государствъ съ па-

пою, возобновленіе монастырей и привилегій духовенства, папская жандармерія іезуитовъ, фанатическая проповѣдь и шарлатанство патеровъ,—все это содѣйствовало развитію тѣхъ умственныхъ болѣзней, которыя въ началѣ настоящаго вѣка появились во всѣхъ странахъ Европы. Въ католической Германіи то и дѣло являлись чудеса и знаменія; умы волновались религіозными фантазіями; духовенство ловило рыбу въ мутной водѣ, поддерживая своею силою реакціонную лигу, преслѣдуя иновѣрцевъ, искореняя великія идеи, бывшія наслѣдіемъ XVIII вѣка, и, въ лицѣ бывшаго поклонника революціи, Герреса, защищая инквизицію и процессы вѣдьмъ. Въ то же время въ протестантской Германіи шла реакція піэтизма, съ ея фанатическою ненавистью ко всѣмъ иновѣрцамъ, съ ея порицаніемъ всякихъ удовольствій, съ ея мистицизмомъ, съ ея проповѣдью рабской покорности сильнымъ міра сего, съ ея отвращеніемъ отъ всякой науки, отъ всякаго свободнаго проявленія разума. Все это было на руку руководителямъ реакціи, и они умѣли пользоваться всѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Такъ, напр., въ Пруссіи Кампцъ и Альтенштейнъ поручили перешедшему въ католичество профессору и доносчику Ярке пересмотръ брачнаго законодательства. Ярке былъ выбранъ для этого дѣла потому, что онъ разыгрывалъ роль истаго австрійскаго реакціонера и фанатическаго религіанта. Прусскіе реакціонеры не удовольствовались своимъ протестантскимъ ретроградствомъ, а сочли за лучшее прихватить католическаго!.. Религіозные вопросы въ Пруссіи занимали въ особенности короля, который послѣ вѣнскаго конгресса совершенно уподобился византійскимъ императорамъ временъ паденія. Большую часть своего времени онъ посвящалъ церковнымъ дѣламъ; сочинялъ катехизисы, составлялъ новую литургію, хлопоталъ о введеніи ея, преслѣдовалъ непринимавшихъ ее пасторовъ. Высшее общество подражало своему властителю и ревностно заботилось о возвращеніи на путь истины заблудшихъ овецъ дома Израилева. Евреевъ нанимали креститься. Ихъ синагога въ Берлинѣ была закрыта по повѣленію короля, котораго напугали тѣмъ, что если дать евреямъ свободу богослуженія, то они сдѣлаются деистами, и тогда ни одного изъ нихъ уже нельзя будетъ обратить въ протестанство! Въ то же время въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, особенно во Франкфуртѣ евреевъ преслѣдовали и угнетали съ фанатизмомъ, достойнымъ среднихъ вѣковъ.

Наука, литература, журналистика, религія, патріотическія чувства—все эксплуатировалось реакціонерами. Не забыли и драматическаго искусства протежируя съ особеннымъ усердіемъ развитію оперы. «Изъ итальянскихъ донесеній кавалера Менца Меттерниху,—говоритъ Гервинусъ,—видно, что развитіе сенсуализма намѣренно поддерживалось въ Австріи, какъ существеннѣйшее средство для развлеченія неспокойныхъ умовъ. Для осуществленія этого плана нельзя было придумать ничего лучше этой музыкальной шумихи, которой древніе придавали, на ряду съ танцами, сномъ и пиршествами, значеніе забавы, располагавшей людей къ замѣнѣ серьезныхъ жизненныхъ интересовъ игрою и удовольствіями; она была для взрослыхъ дѣтей чѣмъ-то въ родѣ хлопушекъ Архотоса, которыя въ древности давались маленькимъ дѣтямъ для того, чтобы они ничего не ломали въ домѣ. Въ Италіи, гдѣ политическое нетерпѣніе обнаруживалось въ большей степени, люди мыслящіе уже тогда понимали значеніе этого усыпляющаго искуства». Въ Пруссіи король заботился объ оперѣ еще больше, чѣмъ австрійскіе правители, тратя на нее громадныя суммы, поддерживая бездарнаго композитора Спонтини и рачительно наблюдая за нравственностью пѣвицъ, которыхъ въ насмѣшку называли «духовнымъ гаремомъ» его величества.

Реакціонеры, такимъ образомъ, побѣдили, и не въ одной Австріи, не въ одной Пруссіи, а даже «въ вольныхъ городахъ» и государствахъ, имѣвшихъ конституцію. Застой въ дѣлахъ, преобладаніе феодальной партіи и клерикаловъ и произволъ бюрократіи царили также и въ конституціонныхъ государствахъ. «Наши нѣмецкія конституціи—говорилъ Берне—не что иное, какъ тюрьмы свободы; чтобы она не бѣгала по всей странѣ, ее запираютъ въ палаты». «Развѣ есть въ Германіи конституціонныя государства?» восклицаетъ этотъ замѣчательный публицистъ. «Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ представители народа *обязаны* утверждать бюджетъ, не смѣютъ разсуждать обо всемъ, о чемъ угодно, не смѣютъ обнародывать своихъ рѣчей, не смѣютъ печатать протоколовъ своихъ засѣданій? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ господствуетъ цензура и существуетъ закрытое судопроизводство? Развѣ конституціонно то государство, которое заточаетъ въ темницы тысячи цвѣтущихъ юношей только потому, что они любили свободу больше, чѣмъ это нужно было для ихъ правительствъ? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ отъ публики скрываютъ имена арестованныхъ, имена обвиненныхъ и свойство самыхъ преступленій,—въ которомъ сотнямъ людей, приговоренныхъ къ наказанію, составляется счетъ, словно на бойнѣ: убито столько-то быковъ, столько-то коровъ, столько-то барановъ, столько-то свиней. — такъ и здѣсь: приговорено къ наказанію столько-то теологовъ, столько-то юристовъ, столько-то медиковъ, столько-то офицеровъ! Развѣ конституціонно то государство, гдѣ женщину преслѣдуютъ судебнымъ порядкомъ *за высказанное ею участіе къ судьбѣ ея мужа, сидящаго въ тюрьмѣ*? Гдѣ мать принуждаютъ выдать полиціи письма, полученныя ею отъ ея бѣжавшаго сына? Гдѣ въ судъ приводятъ четырехлѣтняго ребенка съ цѣлью воспользоваться его невинностью и невѣдѣніемъ и выманить у него показаніе противъ его собственной матери? Развѣ конституціонно то государство, въ которомъ различныя правительства одной и той же страны заранѣе спорятъ между собою о правѣ завладѣнія и пользованія личностью бѣжавшихъ

патріотовъ, которыхъ снова можно поймать,—спорятъ о томъ, которому изъ этихъ правительствъ первому будетъ предоставлено право мучить этихъ пойманныхъ бѣглецовъ,— заключаютъ между собою договоръ, по которому это право получитъ тотъ, кто успѣетъ поймать прежде другихъ, и затѣмъ спѣшатъ абонироваться на бѣглецовъ заранѣе, точно на первое представленіе оперы!» Въ Пруссіи и Австріи съ ихъ провинціальными сеймами дѣла шли еще хуже. Здѣсь все дѣлалось феодальной партіей и для феодаловъ, чиновниками и для чиновниковъ. Не оправившись еще отъ наполеоновскаго ига и отъ войны за освобожденіе, народъ былъ въ концѣ; разоряемъ барщиной, податями повинностями, онъ голодалъ, и питался травами и кореньями умиралъ съ голода; число преступленій постепенно возрастало. (Varnhagen, Springer). Подати нерѣдко приходилось взыскивать съ крестьянъ посредствомъ военныхъ командъ; нерѣдко приходилось посредствомъ тѣхъ же командъ усмирять крестьянскіе бунты и заставлять поселянъ отбывать обязательныя работы въ пользу землевладѣльцевъ. Недоимки поглотили въ Нижней Австріи $^1/_5$ крестьянской поземельной собственности, въ Зальцбургской низменности—половину, въ горныхъ странахъ—всю! Сельское хозяйство въ продолженіе десятилѣтій находилось въ однѣхъ странахъ въ совершенномъ упадкѣ, въ другихъ,—на одной и той же, очень низкой степени развитія. Количество хлѣба, собиравшагося въ Богеміи, напр., только въ 1830 г. немного превысило то, какое собиралось прежде, начиная съ 1789 г., а скотоводство еще въ 1837 г. стояло на той же степени, какъ и въ 1805 г. Финансы болѣе и болѣе разстраивались, и государства впадали въ неоплатные долги, но безумное расточеніе казны не прекращалось. Казнокрадство было въ полномъ ходу.

Всѣ эти неустройства и злоупотребленія крайне невыгодно отозвались и на самихъ правительствахъ, заставляя ихъ изыскивать средства къ поправленію дѣлъ. Устроялись разные комитеты и комиссіи съ цѣлью реформъ. (Springer, Varnhagen). Но члены этихъ комитетовъ и комиссій только получали хорошее жалованье и ничего путнаго не дѣлали, да и не могли дѣлать, потому что правительства желали не существенныхъ реформъ, не поправки испорченнаго государственнаго механизма, а только самыхъ незначительныхъ перемѣнъ, которыя большею частію не улучшали, а только ухудшали положеніе. Такъ какъ чиновниковъ выбирали не по ихъ способностямъ и степени развитія, а только по степени ихъ политической благонадежности, такъ какъ всѣ лучшіе, честнѣйшіе люди Германіи были ненавистны реакціонной лигѣ и терпѣли гоненіе, то управленіе государственными дѣлами находилось въ рукахъ людей не только безнравственныхъ, но и положительно бездарныхъ. Фарнгагенъ фонъ-Энзе, котораго невозможно заподозрить въ пристрастіи, сообщаетъ поразительныя свѣдѣнія о тупости прусской бюрократіи. «Всѣ— пишетъ онъ — жалуются на недостатокъ способныхъ и «благонамѣренныхъ», т.-е. крайне-реакціонныхъ (ultraistischen) чиновниковъ»... «Президентъ полиціи, Эзебекъ, ничего не понимаетъ и едва умѣетъ писать»... «Прусскій посланникъ въ Гамбургѣ, графъ Гротъ, человѣкъ скудоумный, дуракъ»... «Прусскій дворъ и прусское высшее общество вездѣ бранятъ ужасно. Александръ Гумбольдтъ говоритъ, что во всей Европѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы этотъ кругъ былъ такъ бездаренъ, грубъ и невѣжественъ, какъ здѣсь». При этомъ, всѣ высшіе государственные дѣятели постоянно ссорились между собою, производя въ дѣлахъ невообразимую путаницу, картину которой оставилъ намъ одинъ современникъ, цитируемый у Гервинуса. «Основаніемъ борьбы въ министерствѣ была, конечно, разница политическихъ направленій, но противники столько лѣтъ боролись между собою изъ-за столькихъ мелочей и личностей, что вмѣсто партій вышли личныя котеріи, которыя грызлись между собою изъ-за чистыхъ пустяковъ. Одни притворялись сочувствующими духу времени, но только притворялись; другіе, хотѣвшіе сохранить или возвратить свои мѣста и привилегіи, прикрывали голый эгоизмъ пышными тряпками, которыя называли «высшимъ взглядомъ» и «глубокимъ соображеніемъ». Нелѣпости и непослѣдовательности—единственныя дѣти, которыя могутъ рождаться отъ такого правительства,—и нельзя было порицать тѣхъ людей, которые ждали пользы только въ томъ случаѣ, если будетъ отброшенъ «весь существующій хламъ», чтобы изъ хаоса родилось нѣчто новое». Каждое министерство тянуло дѣла въ свою сторону; королевскіе указы сплошь и рядомъ противорѣчили министерскимъ предписаніямъ: путаница во всемъ была страшная. Въ государственномъ совѣтѣ дебаты нерѣдко переходили въ площадную брань. При этомъ дѣла шли чрезвычайно медленно, выполненіе самыхъ необходимыхъ мѣръ сплошь и рядомъ затягивалось на цѣлые годы. Въ Саксоніи, напр., пересмотръ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, начатый еще въ 1777 г., не былъ оконченъ вплоть до 1830 г. «Никто не знаетъ, что будетъ дѣлаться,—пишетъ въ 1823 г. Фарнгагенъ,—всѣ только чего-то ожидаютъ; всякая дѣятельность остановилась; поговариваютъ даже, чтобы призвать какого-нибудь министра изъ-за границы». Вотъ до какой степени тупа была реакціонная лига! Она могла выставить только сыщиковъ, въ родѣ Кампца и Сѣдльницкаго литературныхъ доносчиковъ, въ родѣ Менцеля и Янке, пройдохъ въ родѣ Меттерниха, неспособныхъ судей и генераловъ, безжалостныхъ тюремщиковъ,—но ни одного талантливаго и честнаго человѣка. Она могла бороться со своими врагами не силою ума, а силою штыка, цѣпей, пули, не силою истины, а силою лжи и обмана. Она побѣдила, благодаря неразвитости и апатіи нѣмецкаго народа, среди котораго мало было гражданъ, и,—по выраженію одного писателя, — безчисленны были «лѣнивыя массы невѣждъ, управляемыя на манеръ животныхъ, которымъ даютъ извѣстное количество свѣта и воздуха, корма и питья, подстилки и покоя».

VI.

Побѣда реакціи никогда не бываетъ полною, и рано или поздно истина снова выходитъ на свѣтъ. Прогрессивныя идеи не умираютъ; вслѣдствіе реакціонныхъ преслѣдованій, онѣ только усиливаются и, если можно такъ выразиться, дѣлаются взрывчатыми. Реакція—это незаконная мать заговоровъ, тайныхъ обществъ, политическихъ утопій, бунтовъ и революцій. Новѣйшая исторія Германіи доказываетъ это несомнѣннымъ образомъ.

Реакція все болѣе и болѣе возбуждала недовольства даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые не очень-то заботились о реформахъ, и которые она запугивала демагогическими призраками. Обманъ постепенно раскрывался, и наконецъ дошло до того, что никто уже болѣе не вѣрилъ въ существованіе революціонной «интриги»! «Люди всѣхъ сословій,—пишетъ Фарнгагенъ,—пасторы, медики, офицеры, камергеры, купцы, чиновники, бюргеры говорятъ о розыскахъ «интриги» съ насмѣшкою, даже съ досадою и злобою, считая мнимые демагогическіе происки чистыми фантазіями, глупостями, даже положительною ложью, которая выдумана и поддерживается, чтобы, запугивая монарховъ, подчинять ихъ своекорыстнымъ намѣреніямъ министровъ и царедворцевъ». Если реакціонная интрига такъ возмущала собою людей постороннихъ, то понятно, какую бурю злобы и негодованія она должна была поднимать въ средѣ тѣхъ партій и кружковъ, надъ которыми главнымъ образомъ разражались всѣ ея козни и жестокости! Она сѣяла и воспитывала въ кружкахъ прогрессистовъ чувства ненависти и желаніе мести. Преслѣдуя каждую свободную политическую мысль, каждое проявленіе здраваго патріотизма, реакціонная интрига заставляла гласные политическіе кружки превращаться въ тайныя общества. Угнетая и запрещая союзы, не имѣвшіе никакого политическаго характера, она вызывала съ ихъ стороны протестъ и сама толкала ихъ на дорогу политической оппозиціи. Если бы нѣмецкія правительства сдержали свои обѣщанія, если бы въ Германіи введены были конституціонное устройство, свобода прессы, гласный судъ, отвѣтственность министровъ, то это совершенно удовлетворило бы «демагоговъ»; ихъ силы пошли бы на мирную и вполнѣ легальную государственную дѣятельность, и жизнь великой націи потекла бы ровнымъ потокомъ. Но мало того, что законныя и признанныя самими правительствами желанія прогрессистовъ были обмануты, эти желанія были выставлены еще разрушительными «демагогическими происками», а сами прогрессисты, эти мирные и благородные патріоты, даже не мечтавшіе о революціи, выданы за кровожадныхъ революціонеровъ, за убійцъ, враговъ общества. Эти клеветы, конечно, произвели радикальный переворотъ въ направленіи прогрессистовъ. Реакція довела этихъ людей до горькаго сознанія, что путемъ мирной пропаганды, путемъ слова и мысли невозможно добиться никакихъ существенныхъ реформъ. Оставался другой путь,—и дѣятельность прогрессистовъ приняла революціонное направленіе. При здоровомъ и свободномъ развитіи народа политическая мысль не покидаетъ практической почвы и не вырождается въ утопическія фантазіи; но если работа этой мысли стѣснена, если эта работа должна идти въ тайнѣ и не имѣть никакого практическаго характера, то естественно, что ея выводы во многомъ должны расходиться съ условіями, требованіями и средствами дѣйствительной жизни. Не свобода, а рабство, не прогрессъ, а реакція порождаютъ такъ называемыя политическія «утопіи». Въ желаніяхъ нѣмецкихъ прогрессистовъ получить вышеупомянутыя реформы и въ обѣщаніяхъ правительствъ дать ихъ не было ничего утопичнаго. Не было ничего утопичнаго и въ тѣхъ средствахъ, которыя употреблялись прогрессистами для достиженія своихъ цѣлей,—въ распространеніи образованія, въ литературной пропагандѣ, въ основаніи обществъ, имѣвшихъ цѣлью умственное, нравственное и политическое развитіе нѣмцевъ. Реакціонный терроръ заставилъ прогрессистовъ перемѣнить свои мнѣнія на такія, которыя дѣятели реакціи преслѣдовали, какъ «глупыя, несбыточныя утопіи». Реакціонный терроръ довелъ прогрессистовъ до мысли, что отъ нѣмецкихъ правительствъ нельзя ожидать чего-нибудь путнаго, что даже конституція была бы только метаморфозою прежняго произвола. Тотъ же реакціонный терроръ отнялъ у дѣятельности прогрессистовъ ея практическій характеръ и заставилъ ихъ взяться за средства совершенно утопическія. Патріоты начали составлять мизерные заговоры и фантастическіе планы радикальныхъ переворотовъ. Въ своей экзальтаціи они думали достигнуть великихъ результатовъ посредствомъ ничтожной кучки своихъ единомышленниковъ, воображая, что для произведенія всеобщаго взрыва въ Германіи необходима только одна воспламеняющая искра. Революціи южной Европы, польское возстаніе 1830 г. и въ особенности іюльская революція во Франціи отозвались и въ Германіи. Но и теперь все дѣло ограничивалось мечтами, планами, разговорами, митингами, литературною пропагандою. Самые ярые изъ патріотовъ мечтали, напр., овладѣть какою-нибудь крѣпостью, которая служила бы базисомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій предполагавшейся революціи. Одинъ изъ виртембергскихъ демагоговъ хотѣлъ во что бы то ни стало взволновать крестьянъ въ пользу великой нѣмецкой революціи; но, не смотря на всѣ его усилія, ему удалось завербовать только двухъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ піэтистъ, приставшій къ демагогу только вслѣдствіе увѣренности, что «передъ пришествіемъ антихриста должна произойти великая революція», а послѣ антихриста—наступитъ тысячелѣтнее царство благодати. Народъ не понималъ демагоговъ и оставался глухъ къ ихъ воззваніямъ. Поэтому, они были совершенно безопасны, и многіе изъ нихъ очень скоро и сами собою приходили къ сознанію невыполнимости своихъ плановъ. (Ilse). Случалось, что въ цѣломъ комплотѣ, мечтавшемъ о революціи, у одного только студента была пищаль и нѣсколько патроновъ! Питая совершенно неосновательныя надежды на сочувствіе народа, экзальти-

рованные патріоты воображали также, что ихъ сторону будутъ держать войска, въ особенности артиллерія. Большинство ихъ было убѣждено, что во главѣ движенія стоятъ извѣстные люди, напр., профессоръ Іорданъ, котораго и прочили въ президенты будущей республики. Разгоряченной фантазіи «демагоговъ» представлялись революціонерами и республиканцами всѣ лица, желавшія реформъ, всѣ недовольные правительствами,—а такихъ было множество во всѣхъ классахъ общества. Реакціонеры поспѣшили воспользоваться этою ошибкою и постарались зачислить въ революціонеры всѣхъ, кто былъ недоволенъ ихъ системою, всѣхъ, кто расходился съ ними въ политическихъ мнѣніяхъ, всѣхъ, кто разсуждалъ и говорилъ о необходимости реформъ. Снова начали подготовлять огромную охоту на «демагоговъ» и ждали только приличнаго повода, чтобы начать ее. Поводъ этотъ былъ данъ гамбахскимъ праздникомъ.

Въ то время, какъ въ Баваріи, не смотря на конституцію, злоупотребленія власти возбудили всеобщее недовольство, увеличиваемое еще вліяніемъ іюльской революціи, приверженцы правительственной системы вздумали отпраздновать 26 мая 1832 г. около развалинъ гамбахскаго замка годовщину баварской конституціи. Въ пику этой демонстраціи, прогрессисты устроили 27 мая въ Гамбахѣ же митингъ, на который, не смотря на всѣ противодѣйствія полиціи, собралось отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ,—множество студентовъ, литераторовъ, чиновниковъ, адвокатовъ, бюргеровъ. Митингомъ руководили редакторы либеральныхъ газетъ, Зибенпфейферъ и Виртъ. Большинство посѣтителей было привлечено на этотъ праздникъ однимъ только любопытствомъ. Тутъ были люди всевозможныхъ политическихъ партій, существовавшихъ тогда въ Германіи. Даже между главными ораторами митинга произошелъ разрывъ, потому что одни изъ нихъ увлекались германофильскою ненавистью ко всему французскому, между тѣмъ, какъ другіе держались идей, которыми Франція всегда осѣменяла европейскую почву. Весь либерализмъ митинга заключался въ общихъ фразахъ объ угнетеніи Германіи, въ рѣчахъ, нападавшихъ на злоупотребленія властей, но никогда не доходившихъ до революціонныхъ воззваній къ ниспроверженію существующихъ порядковъ. Поговорили нѣмцы и разошлись, и каждый мирно усѣлся подъ смоковницей своей.

Реакціонеры возликовали. «Гамбахскій праздникъ,— глубокомысленно замѣтилъ князь Меттернихъ,—если только имъ хорошо воспользоваться, можетъ сдѣлаться праздникомъ благонамѣренныхъ!» Въ виду будто бы приближающіеся революціи, въ виду такихъ «революціонныхъ» событій», какъ либеральная болтовня гамбахскихъ посѣтителей, союзный сеймъ, руководимый закоснѣлою въ реакціонныхъ козняхъ австропрусскою политикой, уже 28 іюня 1832 г. поспѣшилъ обнародовать свои новыя постановленія, приведшія въ негодованіе всѣхъ людей, непричастныхъ этой новой реакціонной интригѣ. Пресса, пользовавшаяся до сихъ поръ хотя нѣкоторой свободой, окончательно «обуздывалась». Представительныя собранія низведены на степень совѣщательныхъ. Сеймъ присвоилъ себѣ право силою подавлять во всѣхъ государствахъ союза, даже противъ воли ихъ правительствъ, какое бы то ни было прогрессивное движеніе.

Въ то же время въ Баваріи начался ожидаемый Меттернихомъ «праздникъ благонамѣренныхъ», и снова пошли въ ходъ совѣты д-ра Бенценберга «немножечко поубивать либераловъ». Баварское правительство объявило, что «если въ рейнскомъ округѣ недостаточно однихъ законовъ для обузданія безпокойной партіи, то оно пуститъ въ дѣло всю свою власть и всѣ средства, врученныя провидѣніемъ государю». Виртъ, Зибенпфейферъ и многіе другіе тотчасъ были арестованы; многіе бѣжали за границу; маршалъ Вреде и генералъ-маіоръ Горнъ заняли войсками рейнскій округъ. Съ мирными и безоружными жителями начали поступать, какъ съ бунтовщиками или непріятелемъ. Въ Цвейбрюкенѣ, напр., солдаты ни съ того, ни съ сего начали бросать каменьями въ публику, находившуюся въ садахъ и въ танцовальной залѣ. Одинъ купецъ, вышедшій къ солдатамъ, чтобы успокоить ихъ, былъ пораженъ сабельнымъ ударомъ въ голову. Напуганные этимъ убійствомъ бюргеры, похватали попавшіяся подъ руки палки, чтобы защищаться. Тогда солдаты сдѣлали полное нападеніе, и на мѣстѣ схватки осталось до 40 раненыхъ. По донесенію рейнскаго окружного ландрата, жители округа были доведены до отчаянія вслѣдствіе беззаконныхъ дѣйствій администраціи и солдатъ, постоянно нарушавшихъ личныя и имущественныя права гражданъ. Однакожъ этого было мало реакціонной лигѣ, и она выдумала еще новую штуку, все въ томъ же несчастномъ Гамбахѣ. Въ маѣ она распространила всюду объявленія о томъ, что администрація строжайше запрещаетъ повтореніе гамбахскаго праздника, хотя объ этомъ повтореніи никому и въ голову не приходило, тѣмъ болѣе, что всѣ главные участники праздника или сидѣли въ тюрьмѣ, или бѣжали за границу. Этимъ объявленіемъ реакціонная партія какъ бы намекала жителямъ, что въ Гамбахѣ затѣвается новый праздникъ. Въ то же время въ окрестностяхъ Гамбаха былъ расположенъ отрядъ войскъ изъ 48 эскадроновъ кавалеріи, нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты, со многими артиллерійскими орудіями. Всѣ эти войска были размѣщены по домамъ гражданъ, извѣстныхъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Праздника въ Гамбахѣ, разумѣется, никакого не состоялось, и 27 мая 1833 года на гамбахской горѣ были замѣтны только хозяева замка, принадлежавшагонѣсколькимъ владѣльцамъ, и толпы гуляющихъ, собравшихся вовсе не на митингъ. Все было мирно и тихо; не было ни рѣчей, ни пѣсенъ, никакихъ признаковъ политической сходки. Не смотря на это, генералъ Горнъ и маршалъ князь Вреде приказали войскамъ немедленно очистить гору отъ посѣтителей. Солдаты и жандармы напали на безоружныхъ и не предвидѣвшихъ никакой опасности гражданъ. Штыками, прикладами, саблями били и рубили они мужчинъ, женщинъ, стариковъ, дѣтей,

сталкивая и сгоняя ихъ съ горы и продолжая преслѣдовать ихъ даже подъ горою. Одинъ мальчикъ, продававшій на горѣ съѣстные припасы, былъ заколотъ штыкомъ; одинъ бюргеръ получилъ больше 20 ударовъ прикладомъ, 4 сабельныхъ раны на лицѣ и 2 раны штыкомъ; израненнаго его поволокли подъ гору, бросили въ тюрьму и только черезъ двое сутокъ дали ему постель и медицинскую помощь. Преслѣдованіе продолжалось на улицахъ Гамбаха и Нейштадта. По донесенію рейнскаго окружного ландрата, «солдаты съ опущенными штыками, съ обнаженными саблями рыскали по улицамъ, нападая на каждаго встрѣчнаго; женщины, дѣти, старики—всѣ падали подъ ихъ ударами. Одинъ восемнадцатилѣтній юноша былъ раненъ штыкомъ посреди улицы и тотчасъ умеръ. Другого бюргера застрѣлили сзади изъ ружья. Нѣсколько сотъ другихъ было ранено. Эта бойня продолжалась цѣлый день. Много было убитыхъ и нѣсколько сотъ раненыхъ бюргеровъ, но ни одинъ солдатъ не получилъ ни малѣйшаго поврежденія. И при этомъ,—доноситъ упомянутый ландратъ,—«ни одинъ бюргеръ не дозволилъ себѣ ни малѣйшаго оскорбленія солдату, ни одинъ бюргера не былъ вооруженъ!» Вся исторія, какъ писалъ королю одинъ общеуважаемый нейштадтскій чиновникъ, была устроена реакціонною «враждебною партіей», чтобы проучить либераловъ.

Но и этимъ дѣло не кончилось. Виртъ, Зибенпфейферъ, пасторъ Гохдерферъ и много другихъ лицъ цѣлый годъ томились въ крѣпости за участіе въ гамбахскомъ праздникѣ. Четверо изъ нихъ были приговорены къ смертной казни, девять—къ изгнанію. Для окончательнаго рѣшенія процесса были созваны ассизы въ крѣпости Ландау, гарнизонъ и пушки которой, по заявленію правительства, вполнѣ обезпечивали «общественный покой и порядокъ, необходимые для правильнаго рѣшенія дѣла». Но, не смотря на всѣ усилія власти, процессъ принялъ самое благопріятное для подсудимыхъ направленіе; послѣ первыхъ же засѣданій ассизовъ, для всѣхъ стало ясно, что они будутъ оправданы. Реакціонная клика пустила тогда въ ходъ новую интригу, чтобы заставить присяжныхъ вынести обвинительный приговоръ. Солдаты, которымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней выдавались деньги на пьянство, старались вывести изъ себя жителей разными выходками, придирками и дебоширствами, чтобы выставить ихъ волненіе результатомъ пагубной дѣятельности Вирта и другихъ подсудимыхъ. Одинъ бюргеръ, проходившій по своимъ дѣламъ мимо тюрьмы, въ которой сидѣли подсудимые, былъ арестованъ солдатами; на шумъ сбѣжались жители; солдаты напали на нихъ съ криками: «ахъ, вы, бюргерскія собаки»; «ужо, вотъ мы поотрубимъ головы проповѣдникамъ свободы!» Снова началась такая же бойня, какъ въ Гамбахѣ и Нейштадтѣ. Ее объяснили тѣмъ, что будто бы солдаты вынуждены были защищать тюрьму отъ друзей подсудимыхъ, желавшихъ освободить ихъ!.. Въ то же время былъ пущенъ слухъ, что присяжныхъ убьютъ, если они произнесутъ оправдательный вердиктъ. Но присяжные, не смотря на эту угрозу, равно и на то обстоятельство, что они были назначены правительствомъ изъ его приверженцевъ, все-таки оправдали подсудимыхъ отъ обвиненія въ попыткѣ произвести бунтъ. Реакціонная партія однакожъ не захотѣла разстаться со своими жертвами, и оправданные подсудимые были снова преданы, по другимъ обвиненіямъ, суду исправительной полиціи, которая и покарала почти всѣхъ, приговаривая, напр., за оскорбленіе дорожнаго сторожа на основаніи той статьи уголовнаго кодекса, по которой осуждались виновные въ оскорбленіи величества! За порицаніе правительственныхъ распоряженій полиція налагала наказаніе, какъ за личное оскорбленіе министра, и т. д. Талантливаго, и поэтому ненавистнаго реакціонерамъ, редактора Вирта посадили на три года въ смирительный домъ «и заставили, какъ выражается Берне, носить мундиръ воровъ и вязать чулки». Тюремное заключеніе такъ подѣйствовало на Вирта, что онъ превратился въ завзятаго филистера.

Въ то самое время, какъ въ Баваріи реакціонеры вызывали бунтъ, но не сумѣли вызвать его, въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи проявились хотя и вполнѣ революціонныя, но незначительныя движенія. Въ Виртембергѣ былъ открытъ военный заговоръ; во Франкфуртѣ 3 апрѣля 1833 г. совершилось неудачное возстаніе. Реакціонная лига, такимъ образомъ, довела положеніе дѣлъ до того, что призраки, которыми они запугивали государей и общество, начинали превращаться въ дѣйствительность. И хотя эта дѣйствительность далеко не была ужасною, хотя горсть экзальтированныхъ умовъ была совершенно безсильна, но реакціонеры не могли не воспользоваться упомянутыми случаями, чтобы, подъ предлогомъ спасенія отечества отъ небольшой кучки экзальтированныхъ людей, устранить выполненіе тѣхъ реформъ, которыя были обѣщаны двадцать лѣтъ назадъ и которыхъ теперь снова требовалъ духъ времени. Начались новые аресты, обыски, новый терроръ, и вмѣсто закрытой въ 1827 г. майнѣской комиссіи, въ іюнѣ 1833 г. открыта новая во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Хотя вся партія либераловъ еще осенью 1832 г. совершенно разошлась съ незначительной партіей демократовъ, отвергнувъ ихъ планы и отказавшись отъ всякаго участія въ тайныхъ обществахъ, но франкфуртская комиссія, повинуясь Меттерниху и другимъ руководителямъ реакціонной интриги, должна была смѣшать и отожествить съ фантазіями демократовъ не только стремленія либераловъ-практиковъ, но даже и такія совершенно одиночныя проявленія революціоннаго духа, какъ покушеніе на жизнь Луи-Филиппа въ 1835 г. (Ilse). Съ 1833 по 1842 г. было подвергнуто судебному преслѣдованію за «политическія преступленія» болѣе 1,800 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились лучшіе представители нѣмецкаго ума и такія литературныя свѣтила, какъ Гейне, Берне, Гуцковъ и др. «Многіе томились въ тюремномъ заключеніи цѣлые годы, и вообще подслѣдственный арестъ былъ гораздо тяжелѣе и продолжительнѣе окончатель-

наго наказанія, опредѣленнаго судомъ. Большинство этихъ политическихъ арестантовъ состояло изъ неопытныхъ юношей; и эти-то молодыя растенія, слишкомъ быстрое развитіе которыхъ, ускоряемое напряженною силою того времени, проявлялось больше въ словахъ, чѣмъ въ поступкахъ,— эти-то молодыя растенія перемѣщали изъ ихъ теплицъ въ тюрьмы, чтобы засушить ихъ здѣсь и потомъ снова пересадить въ гражданское общество. Но не всѣ перенесли эту процедуру. Многіе увяли во цвѣтѣ юности; у многихъ надломились силы; многіе впали въ тяжкую болѣзнь или неисцѣлимое сумасшествіе, многіе прибѣгли къ самоубійству, какъ къ послѣднему средству спасенія». (Rott. und Welckers Staatlexikon, XI, 806).

Что же открыла комиссія?

Она открыла нѣсколько тайныхъ обществъ. Этого и слѣдовало ожидать. «Тайныя общества,—говоритъ историкъ комиссіи Ильзе (мнѣніе котораго въ этомъ случаѣ имѣетъ особенный вѣсъ, такъ какъ, принадлежа къ консервативной партіи, онъ не сочувствуетъ ни тайнымъ обществамъ, ни тенденціямъ нѣмецкихъ революціонеровъ),—тайныя общества всегда возникаютъ и существуютъ тамъ, гдѣ или гнетъ власти подавляетъ всякое свободное движеніе въ народной жизни, всякую попытку свободной дѣятельности, или же гдѣ, вслѣдствіе прежнихъ политическихъ грѣховъ (совершены ли они государями или революціей), подорваны нравственныя основы націи. Въ Китаѣ, какъ извѣстно, тайныхъ обществъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, хотя за участіе въ нихъ и положена смертная казнь... И сколько благородныхъ юношей и мужей, съ истиннымъ энтузіазмомъ любящихъ свое отечество и способныхъ съ пользою служить ему, приносятъ себя въ жертву, присоединяясь къ тайнымъ обществамъ и обманываясь относительно ихъ силы, распространенности и конечной цѣли. Третируйте общественныя дѣла, какъ res publica, и тайныя общества исчезнутъ, какъ исчезаютъ тѣни ночи передъ солнечнымъ свѣтомъ!» Всѣ открытыя франкфуртской комиссіей тайныя общества—«Союзъ Юношей», «Нѣмецкій Союзъ Справедливости», «Молодая Германія» и др.—образовались подъ давленіемъ реакціи изъ обществъ и кружковъ не только явныхъ, но даже признанныхъ правительствами, изъ буршествъ, гимнастическихъ обществъ, «Союза Добродѣтели». Мы уже говорили выше, какъ слабы и незначительны были самыя радикальныя изъ этихъ обществъ, имѣвшія цѣлью сдѣлать революцію и основать нѣмецкую федеральную республику; но даже тенденціи и этихъ радикаловъ доходили до такой крайности вслѣдствіе гнета той же реакціи, которая породила и самыя тайныя общества. Эти радикалы отказались бы и отъ революціи, и отъ федеральной республики, если бы въ Германіи совершены были тѣ реформы, которыя обѣщаны были еще въ 1813 г. Въ сущности, эти радикалы требовали только свободы печати, всеобщаго права петицій, народнаго представительства, народной милиціи и объединенія всѣхъ государствъ союза посредствомъ одинаковыхъ конституцій и свободныхъ сообщеній между ними. (Ilse). Даже самъ Берне былъ конституціонистъ и могъ бы удовлетвориться такими учрежденіями, которымъ онъ завидовалъ въ люи-филипповской Франціи. Онъ съ негодованіемъ опровергалъ полицейскую клевету, будто бы всѣ нѣмецкіе либералы хотятъ перевернуть Германію вверхъ дномъ и основать республику. «Какимъ жалкимъ, неискуснымъ защитникомъ нынѣшняго положенія Германіи является Менцель, когда онъ утверждаетъ, что между этимъ положеніемъ и республикой нѣтъ ничего средняго,—писалъ Берне.— Тѣмъ хуже, если нѣтъ; тѣмъ хуже, если нѣмцамъ только и остается на выборъ: или переносить этотъ порядокъ вещей, или искать спасенія въ республикѣ!» Дѣятельность большинства либераловъ, въ томъ числѣ и родоначальниковъ «Молодой Германіи», Гейне и Берне, была чисто отрицательною дѣятельностью, направленною къ низпроверженію реакціонной тиранніи. Сама по себѣ это была мирная дѣятельность, это была литературная пропаганда гуманныхъ и демократическихъ идей. Правительство начало преслѣдовать ее, какъ «революціонную интригу», и она по необходимости приняла революціонное направленіе. Болѣе и болѣе стало появляться прокламацій, брошюръ, книгъ и газетныхъ статей, призывавшихъ народъ къ возстанію и дававшихъ столько работы франкфуртской комиссіи; но всѣ эти прокламаціи, всѣ эти брошюры, всѣ эти запальчивыя воззванія были не что иное, какъ та же оппозиціонная литература, которая въ странахъ свободныхъ существуетъ въ формѣ мирной пропаганды, а подъ гнетомъ реакціи ожесточается, доходитъ до раздраженія, проповѣдуетъ не мирное развитіе, а насильственный переворотъ. Большая часть открытыхъ комиссіей государственныхъ преступленій состояла въ сочиненіи и распространеніи прокламацій, часто невиннаго свойства, и брошюръ. Даже многія тайныя общества республиканцевъ, какъ, напримѣръ, «Общество Человѣческихъ Правъ», посвящали всю свою дѣятельность только такой пропагандѣ. (Ilse). Преслѣдуя эти революціонныя сочиненія, нѣмецкія правительства и франкфуртская комиссія относили къ одному разряду съ ними и всѣ лучшія произведенія тогдашней германской литературы, почти все, что писали Гейне, Берне, Гуцковъ, которые и судились, какъ революціонеры, наравнѣ съ членами тайныхъ обществъ. Точно такія же натяжки и преувеличенія дѣлала комиссія при изслѣдованіи дѣятельности тайныхъ обществъ. Такъ, напримѣръ, она совершенно ложно доказывала, что во главѣ гессенскаго тайнаго общества, приготовлявшагося сдѣлать революцію и провозгласить республику, стояли профессора Роттекъ, Велькеръ и Іорданъ; она причисляла къ тайнымъ обществамъ даже женщинъ, помогавшихъ политическимъ эмигрантамъ, и т. д. Тайнымъ же обществамъ она приписывала такое значеніе, какого они вовсе не имѣли, хотя по ея же собственнымъ документамъ видно, что эти общества были слабы и несостоятельны до такой степени, что члены ихъ совершенно расходились между собою, какъ относительно цѣли своей дѣятельности,

такъ и относительно средствъ. «Der deutsche Bund der Geächteten», напр., имѣлъ своею цѣлью основаніе германскаго единства, но члены его не имѣли никакого единаго, яснаго и опредѣленнаго плана относительно тѣхъ порядковъ, которые будутъ утверждены въ объединенной Германіи. Одни стремились къ республикѣ, другіе къ имперіи, при чемъ императорскую корону предназначали то тому, то другому изъ нѣмецкихъ государей. Одни думали достигнуть всего этого путемъ мирной пропаганды, развивъ посредствомъ ея политическое самосознаніе нѣмцевъ до такой степени, что всякое сопротивленіе со стороны реакціонныхъ правительствъ окажется невозможнымъ; другіе рекомендовали предложить государямъ добровольно отречься отъ своихъ правъ! Такая же юность, шаткость, неопредѣленность политической мысли замѣтна и во всѣхъ другихъ тайныхъ обществахъ. И если бы въ Германіи сдѣланы были либеральныя уступки духу времени, то, безъ сомнѣнія, всѣ эти общества исчезли бы сами собою. Реакціонный гнетъ не ослаблялъ, а только усиливалъ ихъ. До майнцской комиссіи не было, какъ мы уже видѣли, никакихъ «демагогическихъ происковъ»; майнцская комиссія и современный ей реакціонный терроръ создали ихъ. До майнцской комиссіи и въ ея время въ рядахъ «демагоговъ» находилась почти исключительно молодежь; реакція продолжала съ прежнею силою и довела до того, что франкфуртская комиссія имѣла дѣло уже не съ одними юношами, но и съ людьми почтенныхъ лѣтъ всякихъ сословій,—съ пасторами, чиновниками, купцами, пивоварами, сапожниками, трактирными половыми и т. д. Реакція сама плодитъ и усиливаетъ враговъ своихъ. Она начинаетъ запугиваньемъ общества красными призраками, потомъ своими регрессивными мѣрами заставляетъ эти призраки превращаться въ дѣйствительность, преувеличиваетъ размѣры и степень революціонности этой дѣйствительности и, наконецъ, до того запутывается въ своихъ собственныхъ козняхъ и сбивается съ толку, что теряетъ способность видѣть даже дѣйствительную опасность для себя, которая обыкновенно застигаетъ ее совершенно врасплохъ.

Духъ времени смягчаетъ нѣсколько даже и самую реакцію. Франкфуртская открытая судебная комиссія не дѣйствовала уже съ такимъ произволомъ и безцеремонностію, какъ тайная слѣдственная комиссія майнцская, въ приговорахъ которой могли встрѣчаться выраженія въ родѣ того, что «хотя такой-то и не сознается и противъ него нѣтъ доказанныхъ уликъ, но, принимая во вниманіе его упорное запирательство», и т. д. И хотя лица, привлеченныя къ отвѣтственности франкфуртской комиссіей, присуждались къ очень тяжелымъ наказаніямъ, но государи всегда смягчали ихъ въ своихъ конфирмаціяхъ. Такъ изъ 204 буршей, судившихся въ Берлинѣ, 39 было приговорено къ смертной казни, которую король замѣнилъ тюремнымъ заключеніемъ отъ тридцатилѣтняго до пожизненнаго. Даже въ Вѣнѣ смертную казнь замѣняли иногда только двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ Дармштадтѣ за распространеніе «возмутительныхъ сочиненій» приговаривали въ тюрьму на два мѣсяца, а за участіе «въ измѣнническихъ тайныхъ обществахъ» къ тюремному же заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ. Шестилѣтнее тюремное заключеніе было вообще высшею мѣрою наказанія. Вдобавокъ ко всему этому, правительства нерѣдко давали полныя амнистіи всѣмъ безъ исключенія лицамъ, осужденнымъ, судимымъ и даже находящимся подъ слѣдствіемъ за какія бы то ни было политическія преступленія. Такова была, напр., амнистія, данная прусскимъ королемъ 10 августа 1839 г. И хотя нѣмецкіе писатели глубоко негодуютъ на тогдашнюю реакціонную лигу, загубившую столько даровитыхъ и честныхъ людей, которыхъ она жестоко угнетала и преслѣдовала, хотя негодованіе нѣмцевъ и ихъ мнѣнія о жестокости реакціи справедливы, но, съ другой стороны, должно отдать нѣмецкимъ реакціонерамъ и ту справедливость, что они, при всей своей жестокости, никогда не доходили до такого звѣрства, до такого каннибальства, съ какими такъ называемыя «политическія преступленія» преслѣдовались, напримѣръ, хотя въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ. Нужно отдать нѣмецкимъ реакціямъ справедливость и за амнистіи, хотя для сознанія необходимости послѣднихъ требовалось немного ума, такъ какъ для всѣхъ было очевидно, что число политическихъ преступниковъ, постепенно увеличиваясь, грозитъ дойти до такой громадной цифры, что образуется въ государствѣ благонамѣренныхъ особое государство «бунтовщиковъ»...

Въ періодъ франкфуртской комиссіи, открытой въ 1833 и закрытой въ 1842 г., въ Германіи продолжала дѣйствовать прежняя реакціонная система управленія, съ прежнимъ гнетомъ надъ печатью, университетами, надо всею общественной жизнью, съ прежними злоупотребленіями. При полиціи попрежнему состояла «по особымъ политическимъ порученіямъ» наемная литература. Она обязана была прежде всего преслѣдовать и поражать нѣмецкихъ эмигрантовъ, которые, собираясь за границей, преимущественно въ Парижѣ, руководили отсюда мыслью передовой Германіи, будили и развивали ее, въ особенности Гейне и Берне. Наемная литература употребляла всѣ усилія, чтобы, очернивъ эмигрантовъ, подорвать ихъ авторитетъ въ Германіи; она изображала ихъ врагами отечества, пошляками, глупцами, людьми продажными. Такими же клеветами и пасквилями преслѣдовала она и всю нѣмецкую прогрессивную партію за ея политическія увлеченія, представляя людей этой партіи, съ одной стороны, слабоумными недорослями, съ другой — злодѣями, опасными для всего общественнаго порядка. По словамъ сикофантовъ, эти люди были образцами безнравственности и въ то же время невинными ребятами, увлеченными какою-то коварною интригой; ихъ идеи выставлялись, какъ глупыя утопіи и ребяческія бредни и въ то же

время, какъ ужасныя орудія переворота, болѣе страшныя, чѣмъ пули и бомбы; съ одной стороны эта литература потѣшалась надъ глупостью демагоговъ, которые, не замѣчая прирожденной благонамѣренности нѣмецкаго народа и желая революціонизировать его, уподоблялись глупцу, пробивающему своимъ лбомъ каменную стѣну; съ другой стороны, она же била въ набатъ и кричала объ опасности для отечества опытовъ упомянутаго глупца! Кромѣ подобныхъ пасквилей и нелѣпыхъ доносовъ, наемная литература попрежнему продолжала поддерживать германофильское суемудріе, трактуя, что всѣ либеральныя реформы вовсе неприложимы къ нѣмецкому народу, который представляетъ собою «нѣчто особенное» въ средѣ другихъ европейскихъ націй. «Да,—отвѣчалъ на это Берне,—народъ, который, не смотря на свою силу духа и на свободу духа, на свою здоровую натуру и чистоту нравовъ, никогда не могъ добиться того, что другіе народы сумѣли пріобрѣсть безъ силы духа, безъ свободы духа, безъ добродѣтели, наконецъ народъ, который не можетъ выйти изъ позорнѣйшаго несовершеннолѣтія и похожъ на идіота, боящагося привидѣній, или на ребенка, дрожащаго при видѣ розги,—такой народъ, дѣйствительно, *явленіе совершенно особенное!..*» Сикофанты доходили даже до такой нелѣпости, что всѣ политическія либеральныя идеи, ходившія въ Германіи, всѣ требованія реформъ, всю пропаганду нѣмецкихъ прогрессистовъ выдавали за происки *жидовской интриги*, такъ какъ во главѣ этой пропаганды стояли еврей Берне и еврей Гейне! Вотъ что, напр., писалъ объ этой *жидовской интригѣ* извѣстный ренегатъ Ярке. «Эти принципы никогда не могутъ творчески войти въ дѣйствительную жизнь; Германія никогда не можетъ сдѣлаться республикой по рисунку нынѣшнихъ соблазнителей народа; проповѣдуемыя ими свобода и равенство никогда не осуществятся даже при помощи силы террора. Мы склонны даже думать, что дерзновеннѣйшіе руководители пагубнаго направленія сами занимаются своимъ дѣломъ только какъ игрой въ высочайшія блага Германіи, что они лучше всякаго другого понимаютъ смертельную опасность этого образа дѣйствій и только для того продолжаютъ вести съ хитрымъ расчетомъ дѣло совращенія другихъ съ пути истины, чтобы великимъ всемірно-историческимъ переворотомъ отомстить за гнетъ и позоръ, переносившіеся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій народомъ, къ которому эти люди принадлежатъ по происхожденію, отъ нашего народа». Немногіе, впрочемъ, договаривались до такой ерунды, какъ гофратъ Ярке; большинство наемныхъ публицистовъ доказывало, что люди прогрессивной партіи совершенно оторвались отъ нѣмецкой почвы и совращаютъ Германію ненавистными идеями французскаго изобрѣтенія. «Напрасно,—отвѣчалъ имъ Гейне,—напрасно стремитесь вы уронить въ общественномъ мнѣніи друзей отчизны и ихъ принципы, обзывая эти послѣдніе французскимъ революціоннымъ ученіемъ, а первыхъ—французскою партіей въ Германіи. Вы всегда спекулируете на самое худшее въ нѣмецкомъ народѣ, на національную ненависть, на религіозные и политическіе предразсудки, а особенно на глупость. Но вы не знаете, что даже и Германію не надуешь теперь старыми штуками, что даже и нѣмцы замѣтили, что національная ненависть есть только средство для порабощенія одного народа другимъ. Вы не знаете, что теперь въ Европѣ нѣтъ болѣе націй, а существуетъ только двѣ партіи, аристократія и демократія. По настоящему вы бы должны называть насъ небесной партіей, а не французской, потому что это признаніе человѣческихъ правъ, на которомъ зиждется вся наша государственная наука, идетъ не изъ Франціи—(хотя оно тамъ громче и торжественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проповѣдуется) и не изъ Америки, откуда вывезъ его Лафайетъ: оно родилось въ небесахъ, въ этой вѣчной отчизнѣ Разума! Какъ ужасно должно быть для васъ это слово *Разумъ*! Вѣроятно, также ужасно, какъ и для вѣчныхъ враговъ его, клерикаловъ, царству которыхъ оно полагаетъ предѣлъ и которые въ минуту общей опасности вступаютъ съ вами въ союзъ!..» Нѣкоторые изъ литературныхъ наемниковъ притворялись даже либералами, совершенно соглашались съ мнѣніями прогрессистовъ въ теоріи, но осуществленіе ихъ на практикѣ признавали «рановременнымъ»: нѣмцы, дескать, еще не доросли до свободныхъ учрежденій, достигать которыхъ нужно постепенно, а не такъ, какъ того желаютъ либералы, которые «способны только отрицать и разрушать». «Эти господа,—говорилъ Берне.—постоянно уговариваютъ насъ, прежде чѣмъ разрушить ненавистное старое, возвести зданіе милаго новаго! А гдѣ намъ взять мѣста для постройки, когда прежній хламъ еще не вывезенъ, гдѣ взять строительнаго матеріала, когда нельзя начать рубки лѣса,—этой тайны они намъ не открываютъ».

Опираясь на свои штыки, на полицію и наемныхъ ученыхъ и публицистовъ, наслаждаясь настоящимъ и не заботясь о будущемъ, реакціонная лига продолжала благоденствовать, охотиться на демагоговъ и запугивать простоватыхъ бюргеровъ разными врагами общественнаго порядка. Твердо вѣруя въ прочность созданныхъ ими порядковъ, реакціонеры съ наглымъ безстыдствомъ проповѣдывали обывателямъ о спасительности своей опеки и о бдительности своихъ наемныхъ архистратиговъ, отгоняющихъ отъ народа всѣ дуновенія духа времени.

Мы будемъ горды, неприступны,
Къ вамъ не дойдетъ умовъ развратъ,—
Шпіоны наши неподкупны,
И полицейскіе не спятъ!..

Въ дѣйствительности же, реакціонеры находились въ страшномъ самообольщеніи, и вся ихъ система была гнилымъ зданіемъ, готовымъ развалиться при первомъ мало-мальски значительномъ взрывѣ. Волненія 1846 г. въ Галиціи и открытые здѣсь слѣды обширнаго польскаго заго-

вора до того потрясли эту систему и нагнали такого страха на правителей Австріи, что они прибѣгли къ средству, отъ котораго до сихъ поръ еще воздерживались, сознавая его опасность для самихъ себя. Австрійцы организовали возстаніе крестьянъ противъ неблагонамѣреннаго дворянства Галиціи. Достовѣрно извѣстно, что тарновскій окружной начальникъ выдавалъ крестьянамъ премію за каждаго плѣннаго дворянина; дозволялись подъ рукою даже самыя убійства. Со своими косами и вилами, съ топорами и дубинами крестьяне разграбили и выжгли тарновскій округъ, истребляя всѣ попавшіяся имъ дворянскія семейства.

Галиційская рѣзня 1846 г. была послѣдней крупной интригой реакціи. Въ Германіи вѣялъ уже вѣтерокъ, предвѣщавшій грозу 1848 года. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ реакціонная система вызвала бунты даже среди крестьянъ. По поводу одного изъ такихъ волненій Берне писалъ: «Богъ покаралъ наше правительство слѣпотою, и оно само идетъ на гибель. Оно обнаруживало ненависть и презрѣніе къ спокойнѣйшимъ и благонамѣреннѣйшимъ писателямъ; оно не хотѣло допустить, чтобы жалобы и желанія народа были обсуждаемы въ мирной рѣчи; такъ вотъ теперь пришли поселяне, теперь они начнутъ писать своими вилами, а мы посмотримъ, найдется ли цензоръ, который сумѣлъ бы не пропустить ихъ писанія!..»

Реакція принимала всевозможныя мѣры, пускала въ ходъ всякія интриги, хваталась за всякія средства, чтобы только остановить политическое развитіе Германіи, но результатомъ ея дѣятельности была революція...

Благодаря реакціи, нѣмецкая прогрессивная партія постепенно революціонизировалась и старалась революціонизировать общество. Благодаря той же реакціи, за границей, въ Англіи, Швейцаріи, Парижѣ составлялись изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ политическіе кружки, которые вели свою пропаганду въ Германіи и этимъ замѣняли въ ней отсутствіе свободной литературы. Запрещенныя сочиненія имѣли гораздо больше вліянія, чѣмъ имѣли бы они въ томъ случаѣ, если бы ничто не препятствовало открытому появленію и распространенію ихъ на нѣмецкой почвѣ. Въ самой Германіи потребность въ свободной литературѣ возрастала больше и больше, и такому настроенію общества невольно подчинялась и цензура. Не смотря на ея строгости, все-таки велась дѣятельная пропаганда конституціонныхъ идей, при чемъ важное вліяніе имѣлъ громадный, четырнадцатитомный Staatslexikon Роттека и Велькера. Политическія движенія за границей и иностранная политическая литература имѣли еще болѣе сильное вліяніе. Духъ скептицизма и критики постепенно овладѣвалъ обществомъ. Тягостная опека, лежавшая на учебныхъ заведеніяхъ, воспитывала въ молодежи чувства недовольства и отрицанія, которыя вовсе не ладили съ тѣмъ благонамѣреннымъ направленіемъ, которое старались привить юношамъ. Молодежь стала презирать казенную науку и предпочитать ей свободное самообученіе, которое доводило ее до политическаго самосознанія, хотя и не создавало хорошихъ практическихъ дѣятелей. Независимо отъ крайнихъ тенденцій молодого поколѣнія, политическая мысль пробуждалась и въ буржуазіи, и въ дворянствѣ. Дворянство Венгріи, Галиціи, Богеміи увидѣло наконецъ, что возстановленіе крѣпостного права и другихъ феодальныхъ привилегій невозможно, и что оно можетъ вознаградить себя только конституціоннымъ путемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ странахъ и въ Италіи росло національное движеніе, ослабить которое были не въ силахъ ни Меттерних, ни Сѣдльницкіе. Наконецъ дѣла дошли до такого напряженнаго состоянія, что достаточно было одной вѣсти о февральской революціи въ Парижѣ, чтобы поставить вверхъ дномъ всю реакціонную систему и водворить въ Германіи свободныя учрежденія. И что всего поучительнѣе, такъ это то, что нѣмецкія революціонныя движенія 1848 г. разразились нежданно-негадано для реакціонной лиги и, при всей своей слабости, привели въ такое замѣшательство реакціонеровъ, что послѣдніе, будучи не въ силахъ задушить революцію, уступили ей почти на всѣхъ пунктахъ.

Вотъ до чего довела реакціонная интрига! Мирныхъ прогрессистовъ она превратила въ революціонеровъ, породила заговоры, бунты, «утопіи». Запугивая общество красными призраками, она создала красную дѣйствительность и совершенно спасовала передъ ней, погибая отъ собственной трусости и находя утѣшеніе въ одной только надеждѣ на свое воскресеніе.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ эта надежда оправдалась, и реакція воскресла, досадуя на себя, что совершенно напрасно испугалась революціи до смерти. Гейне былъ совершенно правъ, когда говорилъ реакціонерамъ: «не бойтесь вы этихъ маленькихъ дураковъ, смущающихъ васъ иногда своими подозрительными шутками. Большой дуракъ спасетъ васъ отъ маленькихъ. Этотъ большой дуракъ очень великъ, колоссально великъ,—имя ему Нѣмецкій Народъ. Да, это величайшій дуракъ! Его пестрый кафтанъ состоитъ изъ 36 лоскутковъ; вмѣсто колокольчиковъ, къ его шапкѣ привѣшены настоящіе тяжелые церковные колокола, а въ рукѣ его огромная желѣзная палка. Но грудь его полна скорби; онъ только не хочетъ думать объ этой скорби. Потому-то онъ и выкидываетъ такія веселыя штуки и смѣется подчасъ, чтобы не плакать. Когда же страданія становятся слишкомъ жгучими и онъ не въ силахъ забыть ихъ,—онъ, какъ безумный, потрясаетъ головой и оглушаетъ себя набожнымъ звономъ колоколовъ, висящихъ на его шапкѣ. Если зайдетъ къ нему вѣрный другъ сочувственно потолковать съ нимъ объ его горѣ и сообща придумать противъ него какое-нибудь домашнее средство, онъ тотчасъ же приходитъ въ ярость и бьетъ друга своей желѣзной палкой. Онъ злѣйшій врагъ друзей своихъ и лучшій другъ своихъ враговъ. О, великій дуракъ всегда останется вамъ покорнымъ и вѣрнымъ! Онъ всегда будетъ развлекать вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками; каждый день будетъ въ угоду вамъ показывать свои

старые фокусы: балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлять сотни тысячъ солдатъ топтать ему брюхо... Но не боитесь ли вы, что дурака когда-нибудь утомятъ эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя всѣхъ вашихъ солдатъ или, расшутившись не въ мѣру, такъ придавитъ ваши собственныя головы своимъ мизинцомъ, что мозгъ брызнетъ у васъ до звѣздъ... Не бойтесь, я только шучу. Великій дуракъ пребудетъ вамъ вѣрноподданнически послушенъ, и если бъ маленькіе дураки захотѣли повредить вамъ, вамъ стоитъ только кивнуть головой —большой дуракъ тотчасъ убьетъ ихъ». (Гейне, изд. П. Вейнберга, VII, 26).

Переполохъ 1848 г. скоро кончился; конституціи остались только на бумагѣ, и хотя ни въ пятидесятыхъ, ни въ шестидесятыхъ годахъ въ Германіи не было уже такого реакціоннаго террора, какъ въ эпоху франкфуртской и майнцской комиссіей, хотя наука, университеты и литература, кромѣ политической, пользовались значительной свободой, хотя конституціонная *форма* утвердилась во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, но упомянутая реакція, нѣсколько смягченная, впрочемъ, продолжается и до сихъ поръ, и до сихъ поръ реакціонеры играютъ прежнюю комедію, благодаря наивности и невѣжеству «большого дурака», о которомъ говоритъ Гейне.

РАБСТВО ВЪ СИБИРИ.

I.

При столкновеніи двухъ враждебныхъ расъ на извѣстномъ географическомъ пространствѣ, обыкновенно происходитъ слѣдующее явленіе: раса высшая и болѣе сильная подчиняетъ своему господству болѣе слабую—или въ силу своего умственнаго и соціальнаго превосходства, или посредствомъ физическаго насилія и завоеванія. Въ первомъ случаѣ подчиненіе происходитъ безъ пролитія крови и опустошеній, неразлучныхъ съ войной; племя дикое и бѣдное мирно поддается вліянію цивилизованной расы, пользуясь благодѣяніями гуманнаго образа жизни, болѣе или менѣе свободныхъ учрежденій и высшаго умственнаго развитія. Въ этомъ случаѣ совершается постепенное сліяніе враждующихъ расъ, и чѣмъ выше цивилизація господствующаго племени, чѣмъ больше добра и счастія она можетъ дать племени бѣдному и слабому, тѣмъ вѣрнѣе обезпечивается мирное и безобидное подчиненіе ея чужеземному вліянію. Напротивъ, величайшимъ несчастіемъ и страданіями сопровождается тотъ фактъ, когда образованная и высшая раса подпадаетъ подъ господство варварскаго племени, не имѣющаго ничего дать своему покоренному народу, кромѣ рабства и насилія. Когда же приходятъ въ столкновеніе два племени, стоящія почти на одинаковой степени умственнаго и соціальнаго развитія, тогда господство одного надъ другимъ утверждается только въ силу физической борьбы, и побѣда остается на сторонѣ болѣе многочисленной или воинственной расы. Это кровавый путь господства, усѣянный костями и пепломъ истребляемаго племени.

Въ Сибири, какъ въ странѣ, завоеванной такими людьми, которые немногимъ были выше ея туземныхъ полудикихъ племенъ, побѣда господствующей расы была результатомъ войны и всѣхъ ея послѣдствій. Война и рабство шли рядомъ повсюду, гдѣ только соприкасались враждебныя населенія въ этой обширной странѣ. Русскіе явились въ Сибирь, какъ завоеватели, и, кромѣ оружія и эксплуатаціи, не могли ничего принести съ собою въ среду туземныхъ населеній, и потому рабство, существовавшее до нихъ, съ приходомъ ихъ еще болѣе усилилось. Обстоятельства временъ завоеванія, замиренія и колонизаціи этой страны вплоть до начала XIX в. заставляли сибиряка обращать инородца въ неволю, которая наконецъ должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ орудій подчиненія враждебныхъ племенъ. Конечно, если бы вмѣсто русскихъ въ Сибирь пришли люди болѣе развитые въ соціальномъ отношеніи, то они обошлись бы и безъ невольничества. Но тогдашніе русскіе, вскормленные молокомъ крѣпостного права, съ молодыхъ ногтей привыкшіе ко всякаго рода безобразнымъ насиліямъ и смотрѣвшіе на всѣхъ инородцевъ, какъ на еретиковъ и людей отверженныхъ, были сами рабами и нисколько не возмущались этимъ положеніемъ. А уважать человѣческое достоинство и свободу другихъ можетъ только тотъ человѣкъ, который самъ никогда не носилъ цѣпей рабства. Понятно, что если у завоевателей и колонизаторовъ Сибири не было такой нравственной силы, то они необходимо должны были водворять рабство вездѣ, гдѣ только ступала нога ихъ.

Прежде всего русскимъ нужны были женщины, и вотъ они обращаютъ въ рабство инородокъ, дѣлаютъ ихъ своими наложницами-женами и рабами-хозяйками. Еще патріархъ Филаретъ вооружался противъ того, что русскіе въ Сибири отнимаютъ у инородцевъ ихъ женъ и дочерей и живутъ съ ними, съ некрещенными и невѣнчанными, какъ съ женами. Но, не смотря на подобныя запрещенія, обычай брать въ жены и наложницы инородческихъ рабынь продолжалъ существовать вплоть до времени окончательнаго замиренія Сибири въ концѣ XVIII в. Покоряя немирныхъ или усмиряя бунтовавшихъ инородцевъ, русскіе обыкновенно брали въ полонъ ихъ женщинъ и раздѣляли съ ними свое ложе или продавали для этого другимъ. Такъ, напр., въ приенисейскихъ странахъ казаки похищали красавицъ качинскихъ, тубинскихъ, киргизскихъ и другихъ. Галкинъ овладѣваетъ женою кетскаго князя Теленеха; жена киргизского князя Ижинея также достается побѣдителю; дружина воеводы Дубенскаго захватываетъ женъ и дочерей бурятскихъ и т. д. Эти захваты инородческихъ женщинъ совершались не въ одно только военное время, а также и въ мирное. Воеводы, ихъ чиновники, казаки, стрѣльцы,—всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ, не только «имали къ себѣ» ихъ жен-

щинъ ради кратковременнаго блуднаго воровства, но часто завладѣвали ими вовсе, и, увозя съ собою, пользовались ими сами или продавали ихъ другимъ. Сладострастное и развращенное населеніе старинной Сибири съ самаго своего появленія въ этой странѣ водворило здѣсь обычай многоженства [1]). Женщинъ требовалось много, а русскихъ женщинъ было чрезвычайно мало, и сибиряки поневолѣ должны были составлять свои гаремы изъ инородокъ, захваченныхъ на войнѣ или просто отнятыхъ въ мирное время. Наложницъ было по нѣскольку даже у каждаго простого казака; онѣ сплошь и рядомъ продавались и закладывались рублей въ 10—20 [2]). При покореніи и первомъ заселеніи Камчатки, завоеватели пріобрѣли множество рабовъ, состоящихъ преимущественно изъ женщинъ, которыя были обязаны услаждать своихъ господъ въ качествѣ наложницъ [3]). То же самое дѣлали служилые люди всѣхъ другихъ мѣстностей Сибири. Доставать инородокъ было очень легко,—стоило только вооруженной партіи отправиться въ стойбище дикарей и, выбравъ тамъ молодыхъ женщинъ, увезти ихъ съ собою, а если бы этому вздумали сопротивляться ихъ мужья и родственники, то развѣ трудно было русскому человѣку усмирить ихъ пулей, саблей или просто кнутомъ! И вотъ, если русскому надоѣдала старая наложница, то онъ прогонялъ ее и добывалъ другую; если ему нужны были деньги, онъ часто продавалъ жену, а когда разживался средствами, то или покупалъ себѣ новую, или просто даромъ бралъ ее изъ инородческаго улуса; если онъ былъ человѣкъ практическій и если на мѣстѣ его жительства былъ сильный запросъ на женщинъ, то онъ набиралъ нѣсколько инородокъ и пускалъ ихъ въ торговый оборотъ. Такъ поступали даже простые, служилые и торговые люди, и само собою понятно, что воеводы и другіе значительные чиновники, самовластно царившіе въ трущобахъ отдаленной Сибири, могли имѣть гораздо больше наложницъ и вести болѣе обширную торговлю женщинами, чѣмъ подчиненные имъ люди. Дѣйствительно, историческіе акты полны свидѣтельствъ, что воеводы постоянно отнимали у инородцевъ ихъ женъ, дочерей, работниковъ, родственницъ и дѣлали ихъ своими наложницами или на время «имали ихъ къ себѣ на постель для блуднаго воровства». Эти женщины иногда дарились воеводамъ въ видѣ взятки торговыми и служилыми людьми; а чаще воеводы сами, или черезъ своихъ довѣренныхъ агентовъ, разнюхивали, гдѣ есть хорошенькая женщина, и воровали ее или отнимали открытою силою. Нѣкоторые изъ нихъ содержали цѣлые гаремы. Но воеводы не довольствовались захватомъ инородокъ для своей личной потребности, а набирали ихъ также и для продажи. Отнимая у инородцевъ женъ, дочерей и родственницъ, воеводы продавали ихъ для брака и наложничества русскимъ или инородцамъ же [1]), безсознательно подражая въ этомъ отношеніи королямъ Дагомеи, которые продаютъ своимъ подданнымъ въ жены рабынь, добытыхъ путемъ войны или покупки. Продажа женщинъ, какъ воеводами, такъ и людьми другихъ состояній, какъ ихъ мужьями и родственниками, такъ и ихъ господами, не прекращалась въ Сибири вплоть до конца прошедшаго столѣтія [2]). Цѣны этихъ продажныхъ женъ и наложницъ видоизмѣнялись, сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени, съ возрастомъ и достоинствомъ товара. Въ первое время русскаго владычества инородческая взрослая женщина стоила вообще отъ 10 до 20 рублей. Впрочемъ, цѣну какъ рабовъ, такъ и другихъ товаровъ, ходившихъ въ старинной Сибири, часто довольно трудно опредѣлить въ точности, ибо въ большинствѣ случаевъ товары мѣнялись, а не продавались на деньги. Вотъ, напр., въ Охотскѣ умеръ казакъ Алексѣй Константиновъ и оставилъ послѣ себя свою покупную наложницу, некрещенную дѣвку Лаврукъ. Ею завладѣлъ приказный Ярыжкинъ и продалъ ее тунгусу Кеванію за 10 соболей да 10 красныхъ лисицъ, а послѣдній перепродалъ ее другому тунгусу за 7 соболей, 4 пластины собольи и 10 красныхъ лисицъ [3]). Кромѣ взрослыхъ и способныхъ къ половому акту инородокъ, сибиряки покупали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возраста возмужалости, и уже тогда дѣлали ихъ своими наложницами, или же тотчасъ послѣ покупки растлевали ихъ; какъ во всякомъ сильно развращенномъ обществѣ, такъ и въ старинно-сибирскомъ, растленіе малолѣтнихъ было зломъ самымъ обыкновеннымъ. Цѣна упомянутыхъ дѣвочекъ была очень незначительна; въ березовскомъ краѣ, напр., семилѣтняя остячка стоила не дороже 20 копѣекъ; и это не было minimum'омъ цѣны! [4]).

Вмѣстѣ съ продажей женщинъ для брака и наложничества въ старинной Сибири существовалъ возмутительный обычай отдавать женщину на временное пользованіе, или въ кортомъ. Этотъ обычай былъ въ ходу и у русскихъ, и у инородцевъ; дикари, живущіе въ бывшихъ владѣніяхъ Россійско-Американской Компаніи, удержали его до сихъ поръ [5]). Если владѣлецъ инородки-наложницы уѣзжалъ куда-нибудь и не хотѣлъ или не могъ взять ее съ собою; если онъ нуждался въ деньгахъ, или просто она надоѣдала ему и онъ не хотѣлъ бросить ее даромъ,—то онъ предлагалъ ее желающему за извѣстную плату, на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго онъ могъ получить ее обратно [6]). Такія наложницы назывались тогда *кортомными дѣвками*. Отдача въ кортомъ была, конечно, очень выгодна для рабовладѣльцевъ, но

[1]) См. объ этомъ мои *Очерки нравовъ въ старинной Сибири*, Отечествен. Записки, 1867 г. Книжки 20—22.

[2]) Миллеръ, Исторія Сибири, ч. II, стр. 412 въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, 1764 г.

[3]) Крашенинниковъ, «Описаніе Камчатки», т. II, стр. 244.

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. VIII, стр. 69.

[2]) См. мои Очерки нравовъ въ старинной Сибири, Отечеств. Записки, 1867 г., кн. XX, стр. 684.

[3]) Доп. къ Акт. Ист., т. VII, стр. 286.

[4]) Словцовъ, т. II, стр. 91.

[5]) См. мою статью о Р.-А. Комп., газета «Очерки» 1863 г., № 58—61, и ниже, въ концѣ этого тома.

[6]) Миллеръ, т. II, стр. 412.

промыселъ публичнаго разврата былъ еще выгоднѣе. И вотъ рабовладѣльцы пускаютъ на этотъ промыселъ своихъ невольницъ, иногда даже формируютъ изъ нихъ цѣлые публичные притоны. Воеводы не разъ «отдавали помѣсячно безмужнихъ женъ на блудъ» и заводили дома терпимости [1]); невольницы-инородки составляли значительную часть населенія этихъ убѣжищъ разврата и, конечно, доставляли своимъ хозяевамъ немалые барыши.

Итакъ, закабаленіе инородокъ для наложничества и брака имѣло своею цѣлью не одно только удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, а также и коммерческій барышъ. Не говоря уже о торговлѣ женщинами, объ отдачѣ ихъ въ кортомъ и на промыселъ разврата, самое содержаніе женщины для наложничества также приносило существенныя выгоды рабовладѣльцу, доставляя ему разомъ и самку, и даровую работницу. Эти невольницы, вмѣстѣ съ другими рабами, составляли низшій, рабочій классъ старинной Сибири,—классъ, созданный экономической необходимостью. Проходя обширныя и пустынныя страны отъ Урала до водъ Тихаго океана, прочищая дороги, строя гати на вязкихъ, невысыхающихъ болотахъ, воздвигая крѣпости и острожки, доставляя изъ Россіи провіантъ и исполняя другія общественныя работы, русскіе пользовались въ обширныхъ размѣрахъ силами инородцевъ, сгоняя на работы цѣлые улусы этихъ *государственныхъ рабовъ*, на которыхъ лежали невыносимыя государственныя повинности. Но эти общественныя работы не въ такой сильной степени привлекали къ себѣ силы инородцевъ, какъ работы частныя; первыя, кромѣ инородцевъ, отправлялись еще множествомъ лицъ другихъ состояній и русскаго происхожденія: каторжниками, гулящими людьми и т. д. Для казенныхъ нуждъ почти всегда находилось довольно русскихъ работниковъ; для частно-хозяйственнаго труда ихъ было мало. Народонаселеніе старинной Сибири вело бродячую жизнь, искрещивая эту страну по всѣмъ направленіямъ, покоряя и усмиряя инородцевъ, извѣдывая новыя страны, охотясь за дорогими звѣрями и т. д. Почти всѣ русскія силы были отвлечены трудами завоеванія и звѣроловства. Люди, которые при другихъ обстоятельствахъ были бы домашними слугами и работниками, тогда ждали только перваго случая, чтобы присоединиться къ какой-нибудь завоевательной партіи, или, закинувъ за плечи винтовку, отправлялись въ далекую тайгу на добычу соболя и бѣлки. Прибавьте къ этому чрезвычайную малочисленность русскаго населенія Сибири, и вы поймете причину тѣхъ постоянныхъ жалобъ на недостатокъ прислуги и работниковъ, которыя слышатся во всѣ періоды сибирской исторіи. Между тѣмъ, въ старину рабочихъ рукъ требовалось сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, потому что, при чрезвычайной малочисленности рабочаго скота, особенно лошадей, работы, отправляемыя нынѣ посредствомъ животныхъ, когда совершались человѣческою силою. Купецъ, тапримѣръ, объѣзжалъ инородческія стойбища, разсѣянныя по обширной тайгѣ, не на лошадяхъ, а *нартною тягою*, т.-е. и самъ купецъ, и его товары возились на небольшихъ санкахъ, называемыхъ въ Сибири нартами, и, вмѣсто лошадей, эти нарты тянулись людьми. Посредствомъ нартной тяги передвигались иногда цѣлые обозы, и казенные, и частные; иногда тѣмъ же способомъ отправлялась почтовая гоньба на цѣлыя сотни верстъ. Кромѣ того, большой, главный трактъ Сибири, по неустройству дорогъ и малочисленности лошадей, былъ водный, и для сплава судовъ вверхъ по рѣкамъ употреблялись также люди, тянувшіе суда бичевой. Къ этому нужно прибавить еще домашнія работы, для которыхъ русскихъ работниковъ также было чрезвычайно мало. Гдѣ же могъ найти сибирякъ рабочія руки, какъ не въ инородческихъ улусахъ, и неужели могъ онъ держаться вольно-наемнаго труда, когда силами и личностью инородца онъ могъ пользоваться совершенно даромъ, обративъ его въ рабство!

Экономическая необходимость рабства и расположенность къ нему русскаго населенія Сибири были такъ сильны, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій законъ, повидимому, ограждавшій инородца отъ насилія, былъ принужденъ уступить самой жизни, и рабство было признано и получило съ этого времени особенно сильное, сравнительно съ предыдущимъ вѣкомъ, развитіе. Оба эти періода я разсмотрю отдѣльно, тѣмъ болѣе, что о послѣднемъ изъ нихъ я имѣю довольно данныхъ, притомъ большею частью новыхъ, между тѣмъ, какъ историческія свидѣтельства о невольничествѣ до XVIII вѣка очень недостаточны. И неполнота моего очерка кладетъ вину отнюдь не на мою небрежность въ изслѣдованіи источниковъ, а лишь на скудость послѣднихъ.

Мы уже сказали выше, что рабство есть неизбѣжный спутникъ войны. Покоряя инородцевъ «*въ вѣчное великому государю холопство*», обращая ихъ въ государственную кабалу, завоеватели захватывали обыкновенно много плѣнниковъ или *ясырей* и дѣлали ихъ своими личными рабами. Русскіе брали преимущественно женщинъ и дѣтей, такъ какъ мужчины или не давались живыми въ руки, или обращались въ бѣгство, бросая свои семейства на произволъ судьбы; да и пріучить къ рабству и ко всѣмъ, сопряженнымъ съ нимъ лишеніямъ было гораздо легче женщину и ребенка, чѣмъ взрослаго дикаря, привыкшаго къ извѣстной личной свободѣ, которая допускалась условіями его быта и которой онъ вовсе не могъ имѣть въ неволѣ у русскаго человѣка. Плѣнники забирались почти при каждомъ походѣ, и нерѣдко цѣлыми толпами. Такъ, въ 1596 г., во время похода на башкирцевъ, принадлежавшихъ къ уфимскому уѣзду, русскіе взяли много плѣнниковъ, нѣкоторые изъ нихъ были казнены, а большинство распродано въ рабство по сибирскимъ городамъ [1]). При походѣ енисейскаго воеводы Хрипунова въ бурят-

[1]) Акты Историч., т. IV, стр. 183.

[1]) Миллеръ, т. II, стр. 6.

скую землю въ 1628 г., его команда вывела въ Енисейскъ нѣсколько бурятскихъ плѣнниковъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, всего 21 человѣкъ. Въ то же время на бурятъ ходили красноярцы, и также вернулись домой съ бурятскими невольниками [1]). Томскіе и красноярскіе служилые, постоянно воевавшіе въ XVII вѣкѣ съ енисейскими киргизами, часто разоряли ихъ жилища, угоняли скотъ, а женъ и дѣтей уводили въ рабство [2]). Это продолжалось вплоть до XVIII столѣтія, когда калмыки выгнали киргизовъ съ верховьевъ Енисея. Въ 1704 г. на киргизовъ, кочевавшихъ на Божьихъ Озерахъ, ходилъ томскій казачій голова, Цицуринъ, съ командою въ 738 человѣкъ. Въ битвѣ съ казаками пало убитыми 113 киргизовъ и татаръ, а въ плѣнъ уведено 237 человѣкъ обоего пола [3]). Въ 1632 г. «Божіею милостью» тобольскіе и тарскіе служилые люди ходили на калмыковъ, побили ихъ и вернулись въ Тару съ плѣнными невольниками [4]). Въ 1680 г. сынъ боярскій, Леонтій Трифоновъ, ходилъ на немирныхъ тунгусовъ «и на бою взялъ онъ 10 робятъ мужескаго пола, да 20 дѣвокъ, да 10 бабъ [5]). Даже на отдаленныхъ берегахъ Амура, въ странѣ «свирѣпыхъ дауровъ», болѣе воинственныхъ и болѣе имѣвшихъ счастія въ борьбѣ съ русскими, послѣдніе захватывали множество плѣнниковъ. Походъ Хабарова, напримѣръ, былъ рядомъ побѣдъ надъ даурами, и почти при каждой битвѣ, почти при каждомъ нападеніи на инородческіе улусы русскіе хватали ясырей. Въ 1652 г.,«2 іюня,—пишетъ Хабаровъ,—подѣлавъ суды большія и малыя и прося у Бога милости, поплыли мы изъ Албасина» и черезъ два дня доплыли до юртъ, изъ которыхъ «даурскіе люди всѣ уѣхали, и мы лишь только схватили ясыря, даурскую бабу»... Взявъ, послѣ ожесточеннаго штурма, три укрѣпленія князей Олгемзы и Латодія, русскіе дауровъ въ пень порубили 641 человѣкъ, большихъ и малыхъ, а ясырю взято бабья поголовно старыхъ и молодыхъ, и дѣвокъ 243, да мелкаго ясырю, ребенковъ 118 человѣкъ». Въ улусахъ Балдачана и Толги «ясырей переимано 170, окромѣ малыхъ робятъ»... Плывя дальше, «проплыли 21 улусъ, а въ послѣднихъ улусахъ языковъ иныхъ имали, иныхъ рубили, и ясырь хватали. И на другой день плыли все улусами же до устья Шингала, и начали ясакъ прошать, и они намъ отказали и мы ясырь ихъ мужиковъ похватали и многихъ людей побили. И поплыли внизъ по Амуру, и, плывя два дня да ночь, всѣ улусы громили и людей побивали, и ясырь имали. И плыли семь дней отъ Шингалу,—все улусы большіе, юртъ по 70 и 80, и мы ихъ въ пень рубили, а женъ и дѣтей ихъ имали и скотъ», и т. д. Словомъ, хабаровцы нахватывали столько плѣнниковъ, что множество ихъ выпускали на волю даже безъ всякаго выкупа [1]). Часто русскіе съ такой рѣшительностью охотились за инородцами во время своихъ походовъ противъ нихъ, что это доводило дикарей до открытаго бунта. Такъ, захваты женъ и дѣтей енисейскихъ киргизовъ и обращеніе ихъ въ рабство были главною причиною того, что киргизы свергли принятое уже ими русское подданство и сдѣлались заклятыми врагами не только русскихъ, но даже и тѣхъ инородцевъ, которые мирно жили подъ ярмомъ воеводъ и казаковъ [2]). И нужно замѣтить, что военные походы и почти неразлучное съ ними захватываніе инородцевъ въ полонъ совершались не только противъ непокорныхъ или бунтовскихъ, но часто и противъ совершенно мирныхъ дикарей. За сборомъ ясака и за ясырями на однихъ и тѣхъ же инородцевъ, сплошь и рядомъ, набѣгали нѣсколько разныхъ партій изъ совершенно разныхъ городовъ. Вотъ, напр., къ котовскому князьку, Темсенеку, приходитъ казакъ, Михайло Шоринъ, за покупкой соболей, но Темсенекъ не имѣлъ продажныхъ, и Шоринъ ушелъ ни съ чѣмъ. Черезъ два мѣсяца атаманъ Галкинъ, вмѣстѣ съ Шоринымъ и другими казаками, напалъ на стойбище Темсенека, разграбилъ юрты, убилъ двадцать человѣкъ и увелъ много захваченныхъ плѣнниковъ, въ особенности женщинъ и дѣтей [3]). Или вотъ, на покорившихся уже русскимъ бурятъ приходятъ одна за другой партіи изъ разныхъ городовъ, и каждая партія, въ свою очередь, разоряетъ улусы, отгоняетъ скотъ, уводитъ въ полонъ женщинъ и дѣтей. Буряты перестали платить ясакъ и начали долгую, кровавую борьбу противъ завоевателей. Они говорили русскимъ: «отъ одного де государя приходятъ къ намъ двои люди, одни де верхоленскіе служилые люди подъ государеву царскую высокую руку приводили и ясакъ на государя брали, а другіе люди, отъ государя жъ пришедши на насъ войною, насъ побиваютъ, а женъ и дѣтей въ полонъ имаютъ,—и намъ какъ подъ государевой высокою рукою быть!» [4]) Открывая военныя дѣйствія противъ совершенно мирныхъ инородцевъ, русскіе тѣмъ съ большею безсастѣнчивостью и жестокостью дѣйствовали противъ возмутившихся или готовившихся къ бунту дикарей. Самый терминъ, которымъ обозначались эти дѣйствія, обрисовываютъ ихъ варварскій характеръ,—тогда говорили *не усмирять измѣнниковъ*, а большею частью—*искоренять измѣнниковъ*. Но искоренялись только мужчины, а женщины и дѣти уводились въ рабство. При многочисленности инородческихъ бунтовъ, при томъ обстоятельствѣ, что воеводы иногда сами сочиняли небывалые заговоры и бунты, съ цѣлью пріобрѣсть благовидный предлогъ для враждебныхъ дѣйствій противъ дикарей [5]), число инородцевъ, взятыхъ въ плѣнъ и обращенныхъ въ рабство, было очень значительно, особенно

---

[1]) Фишеръ, стр. 247—249.
[2]) Ibid., стр. 294.
[3]) Древности и достопамятности Сибири, въ «Сибирск. Вѣстникѣ» 1822 г.
[4]) А. И. т. III, стр. 314.
[5]) Д. къ А. И., т. VII, стр. 391.

[1]) Д. къ А. И., т. III, стр. 359—364.
[2]) Фишеръ, стр. 294.
[3]) Миллеръ, II, стр. 306.
[4]) Д. къ А. И., т. III, стр. 22—23.
[5]) См. напр. Д. къ А. И., т. IV, стр. 297—313.

въ XVIII столѣтіи, какъ мы это увидимъ во второй и четвертой главахъ настоящей статьи.

Кромѣ обращенія въ рабство плѣнниковъ, взятыхъ или во время покоренія немирныхъ племенъ, или при усмиреніи бунтовщиковъ, сибиряки всѣхъ сословій и состояній, начиная отъ воеводъ и кончая послѣднимъ купчишкой, захватывали для той же цѣли дикарей совершенно мирныхъ и ни въ какихъ бунтовскихъ замыслахъ невиноватыхъ. Во время своихъ разъѣздовъ по инородческимъ стойбищамъ или во время пріѣзда дикарей въ русскія поселенія, сибиряки отнимали у инородцевъ ихъ женщинъ, дѣтей и другихъ лицъ, которыхъ они желали обратить въ рабство. Въ актахъ того времени постоянно говорится, что въ Сибири разные служилые, торговые и промышленные люди «у инородцевъ насильствомъ женокъ, дѣвокъ и ребятъ имали и у себя держали» въ рабствѣ [1]). Въ березовскомъ краѣ, напр., ясачные сборщики захватывали инородцевъ и увозили ихъ съ собою подъ предлогомъ рекрутства или обученія въ школѣ и обращали ихъ въ рабство [2]). Въ Камчаткѣ и другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Сибири, у покоренныхъ инородцевъ казаки силою отбирали «довольное число женщинъ и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляли между собою, владѣли ими, какъ холопами. Для присмотра за холопами употребляли они своихъ невольницъ, ихъ холопей же, на которыхъ они, по прижитіи дѣтей, большею частію и женивались» [3]). Въ Томскѣ воеводы часто захватывали и держали въ неволѣ киргизовъ, пріѣзжавшихъ въ ихъ городъ съ торговыми цѣлями, для взноса ясака или для переговоровъ съ начальствомъ о своихъ дѣлахъ [4]). Якутскіе воеводы дѣлали то же самое съ якутами, забайкальскіе и иркутскіе съ бурятами, енисейскіе, тобольскіе и березовскіе съ самоѣдами, остяками и татарами. Личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда и ничѣмъ не была обезпечена отъ насильнаго захвата ихъ въ неволю. Мирно спятъ инородцы въ своихъ юртахъ около пылающихъ костровъ. Но вотъ начинается лай сторожевыхъ собакъ и слышны голоса подъѣзжающихъ людей. Одного русскаго звука достаточно, чтобы привести въ смятеніе и испугъ весь улусъ. Всѣ вскакиваютъ и торопливо готовятся къ пріему, хотя непрошенныхъ, но очень взыскательныхъ гостей; одни метутъ юрту, другіе готовятъ кушанье и постели, а дѣвушки, женщины и мальчики стараются куда-нибудь скрыться отъ ненасытныхъ взоровъ казаковъ. Войдя въ юрту, гости ставятъ въ ней все вверхъ дномъ, — отнимаютъ у дикарей мѣха, оленей, платье и т. д. И если только имъ нужны наложницы или рабы, то они отбираютъ у инородцевъ ихъ женщинъ и дѣтей и, связанныхъ, увозятъ ихъ съ собой. Еще большей опасности подвергались дикари во время своихъ пріѣздовъ въ города и остроги; захватить ихъ тутъ было гораздо легче, чѣмъ въ ихъ стойбищахъ, и не разъ случалось, что русскіе заманивали къ себѣ инородцевъ подъ предлогомъ мирныхъ цѣлей, грабили ихъ и захватывали въ неволю. На этихъ захваченныхъ рабовъ сибиряки составляли даже форменныя купчія, выставляя подложнаго продавца, будто бы уступившаго ихъ. Но большею частію такихъ фальшивыхъ формальностей вовсе не требовалось; въ тогдашней Сибири, въ силу круговой мошеннической поруки всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ обывателей, царило одно только право сильнаго, и захваченнаго въ рабство инородца русскій человѣкъ могъ держать до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ средства удерживать его въ неволѣ.

Разные способы военнаго и мирнаго захвата инородцевъ всегда были главнымъ средствомъ, доставлявшимъ Сибири ея невольниковъ. И замѣчательно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія русское законодательство положительно запрещало насильственное обращеніе инородцевъ въ рабство. Ясырей, которыхъ обращали въ неволю болѣе всего, законъ обыкновенно предписывалъ вносить въ росписи и предъявлять эти росписи вмѣстѣ съ самыми ясырями въ съѣзжей избѣ воеводъ [1]). Чтобы отъ выполненія этого правила сибиряки не могли уклониться, полагалось посылать особыхъ надсмотрщиковъ въ уѣзды и на дороги, ведущія изъ инородческихъ стойбищъ, чтобы у возвращавшихся отъ инородцевъ ясачныхъ сборщиковъ, торговыхъ и промышленныхъ людей переписывать всю рухлядь, «да у нихъ же переписывать ясыри мужского полу и женскаго, а переписавъ вмѣстѣ, имъ самимъ воеводѣ явиться и ясыри объявить» [2]). Эти явленные ясыри оставались, по закону, у захватившихъ ихъ лицъ только на время, а для законнаго закрѣпленія ихъ за собою, взявшіе ихъ въ плѣнъ должны были ходатайствовать передъ правительствомъ, подавъ просьбу на высочайшее имя. Но эти просьбы рѣдко подавались и еще рѣже исполнялись. Законъ прямо говорилъ, что если инородцы будутъ просить «полонянниковъ своихъ на выкупъ, и если полонянники не крещены, то тотъ полонъ велѣть сыскивать и на окупъ иноземцевъ отдавать, чтобъ сибирская земля не пустѣла и чтобъ ясачныхъ людей отъ государя не отгонять и тѣмъ не ожесточати» [3]). И обыкновенно бывало такъ, что плѣнниковъ разводили по разнымъ мѣстамъ, затѣмъ инородцы начинали хлопотать объ ихъ возвращеніи, и правительство предписало отобрать и возвратить плѣнниковъ, гдѣ бы и у кого бы они ни были. То же самое правило соблюдалось даже относительно полонянниковъ, взятыхъ у бунтовавшихъ, но потомъ принесшихъ повинную инородцевъ. Такъ, напр., въ 1638 г. служилые люди, посланные изъ Тары и Тобольска

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. III, стр. 353; А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 453; Д. къ А. И., т. III, стр. 315; т. VIII, № 69, и др.

[2]) Словцовъ, т. II, стр. 93.

[3]) Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки, т. II, стр. 244.

[4]) Фишеръ, стр. 294.

[1]) Д. къ А. И., т. III, стр. 26.

[2]) А. И., т. IV, стр. 519.

[3]) П. С. З., т. III, стр. 353; А. И. т. III, стр. 221; Д. къ А. И., г. II, стр. 273; т. IV, стр. 113 и др.

противъ возмутившихся калмыковъ, нахватали ясырей и привели ихъ въ Тару, изъ которой тобольскіе и тарскіе служилые люди и татары «продавали тотъ ясырь сибирскимъ служилымъ людямъ, которые шли отъ соляныхъ озеръ». Въ слѣдующемъ году калмыки принесли повинную и предложили обмѣнять находившійся въ Сибири ихъ ясырь на взятыхъ ими русскихъ плѣнниковъ. «И писано изъ Тобольска на Тару и въ иные сибирскіе города, а велѣно тотъ ясырь для размѣну сыскивать и учинити заказъ крѣпкой: у кого есть того погрому ясырь калмыцкій, и тѣ бъ люди тотъ ясырь являли, а у себя бъ того ясырю не таили и не крестили, и не продавали» [1]). Но этихъ постановленій въ Сибири почти вовсе не исполнялось. Служилые люди распродавали ясырей, покупатели развозили ихъ по разнымъ мѣстамъ Сибири и даже Россіи; приходилъ указъ объ освобожденіи плѣнниковъ и возвращеніи ихъ родичамъ, власти начинали разыскивать ихъ, но иногда дѣйствительно никакъ не могли найти, а иногда, будучи подкуплены рабовладѣльцами, скрывали рабовъ и доносили, что ихъ не найдено. Такъ, напр., въ 1652 г. красноярскій воевода Бунаковъ посылалъ войною на бурятъ красноярскихъ служилыхъ, которые на р. Окѣ погромили юрты бурята Долона и взяли въ полонъ его дочь. Въ то же время другая красноярская партія, бывшая подъ предводительствомъ сына Бунакова и состоявшая, кромѣ русскихъ, изъ разныхъ татаръ красноярскаго уѣзда, погромила бурятскіе улусы, а женщинъ и дѣтей увезла въ рабство. Когда буряты смирились, то енисейскій воевода, Пашковъ, предписывалъ красноярскому возвратить бурятамъ всѣхъ плѣнниковъ, особенно же Долонову дочь. Но красноярскій воевода донесъ, что Долоновой дочери нигдѣ не отыскано, а всѣхъ другихъ плѣнниковъ татары развезли по разнымъ землямъ [2]). Иногда, сдѣлавъ походъ и нахвативъ плѣнниковъ, русскіе, когда указъ требовалъ отъ нихъ возвращенія плѣнниковъ, шли въ отпоръ и отвѣчали, что никогда никакихъ ясырей они не полоняли. Такъ, въ 1596 г., во время похода на уфимскихъ башкирцевъ, тюменцы привели съ собою много плѣнниковъ и распродали ихъ въ рабство по сибирскимъ городамъ. Уфимскій воевода Нагой донесъ объ этомъ въ Москву; изъ Москвы велѣли тюменцамъ выдать плѣнниковъ, но тюменцы отъ всего отперлись [3]). Та же самая судьба постигла и тѣ указы, которыми запрещался захватъ мирныхъ инородцевъ и обращеніе ихъ въ рабство. Въ наказахъ воеводамъ Сибири постоянно повторяется, чтобы русскіе сибиряки не осмѣливались ясачныхъ иноземцевъ *имати* къ себѣ [4]). Это запрещеніе въ разныхъ варіаціяхъ повторяется въ теченіе всего XVII и даже въ началѣ XVIII в. А такъ какъ это зло продолжало существовать, не смотря на указы, то послѣдніе по временамъ нѣсколько измѣняли свою форму, предписывая не воздержаніе отъ захвата инородцевъ въ рабство, а освобожденіе захваченныхъ и закрѣпленныхъ уже невольниковъ. Такъ, въ высочайшемъ указѣ 31 мая 1733 года говорится: «въ отдаленныхъ нашихъ владѣніяхъ, въ Якутскомъ вѣдомствѣ и на Камчаткѣ, какъ отъ воеводъ, такъ и отъ ясачныхъ сборщиковъ, чинится ясачнымъ подданнымъ нашимъ отъ взятковъ многое раззореніе, наиначе же приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ и развозя продаютъ... Которые изъ этихъ ясачныхъ неволею побраны и распроданы, изъ тѣхъ, кои не приняли вѣры христіанской и не крещены, отпустить въ прежнія мѣста» [1]). Нужно замѣтить, что древне-русская ревность о православіи не позволяла и думать о возвращеніи въ родные улусы тѣхъ невольниковъ, которые во время плѣна приняли добровольно, или насильно русскую вѣру. Сначала вошло въ мѣстный обычай, а потомъ и въ законъ, возвращать инородцамъ только тѣхъ ясырей, которые не были крещены. По всей вѣроятности, въ созданіи этого правила участвовало не одно только благочестивое чувство христіанина, а также корыстный, совершенно оскорбительный для религіи, расчетъ рабовладѣльца; во всякомъ случаѣ, въ старинной Сибири пользовались этимъ правиломъ для того, чтобы укрѣпить въ рабской зависимости извѣстныхъ инородцевъ. Плѣнниковъ русскіе обыкновенно крестили, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ освобожденіе. *Крещеніе въ неволю* дикарей было чрезвычайно распространено въ Сибири, и долго считалось средствомъ, дающимъ крестителю полное право собственности на окрещеннаго имъ; крититель владѣлъ такимъ рабомъ, продавалъ его, оставлялъ въ наслѣдство по завѣщанію. Вотъ, напр., въ 1693 г. въ Нерчинскѣ передъ воеводою билъ челомъ государямъ казакъ, Васька Хамунъ, а въ челобитной его написано: «въ прошломъ де 200 (1692 г.) году нерчинскій пѣшій казакъ, Бориско Игнатьевъ, волею божею умре, а отходя сего свѣта, въ духовной своей написалъ *сына своего крестнаго мугальской породы*, Ваську Борисова, въ Троицкій монастырь на усть-Тунгуски рѣки». Хамунъ просилъ воеводу дать монастырю актъ на владѣніе этимъ мальчикомъ, и воевода писалъ монастырю въ заключеніи своей *памяти*. «какъ къ вамъ ея память придетъ, и новокрещенный Васька Борисовъ въ монастырь къ вамъ пріѣдетъ, и вамъ тѣмъ парнемъ, Ваською, владѣть по духовной и по сей памяти владѣть вѣчно невозбранно» [2]). И подобные акты совершались сплошь и рядомъ, въ то время, какъ изъ Москвы насылались законы, запрещавшіе «всякимъ людямъ» крестить инородцевъ, «чтобъ сибирская земля пространѣлась, а не пустѣла». Инородцевъ же, крестившихся въ неволѣ, велѣно было устраивать въ службу, «а женокъ и дѣвокъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, а у себя тѣхъ иноземцевъ крещеныхъ держать не велѣти» [3]).

[1]) А. И., т. III, стр. 314.
[2]) Д. къ А. И., т. VI, стр. 387.
[3]) Миллеръ, т. II, стр. 9; Фишеръ, стр. 221.
[4]) П. С. З. т. III, стр. 353.

[1]) П. С. З., т. IX, стр. 132.
[2]) А. И., т. V, стр. 378.
[3]) П. С. З., т. III, стр. 356; А. И., т. III, стр. 221, т. IV, стр. 453; Д. къ А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 113.

Подобно всѣмъ другимъ ограниченіямъ и запрещеніямъ невольничества, эти законы были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и почти вплоть до окончательнаго уничтоженія рабства, сибирякъ водилъ инородца къ купели крещенія и налагалъ при ней цѣпи рабства на окрещенныхъ имъ дикарей.

Наконецъ рабы пріобрѣтались путемъ закабаленія инородцевъ и путемъ торговли. Въ своихъ статьяхъ о нравахъ Сибири [1]), объ инородцахъ въ XIX вѣкѣ [2]) и о россійско-американской компаніи [3]), я, надѣюсь, съ достаточною ясностью показалъ, что народонаселеніе Сибири, съ самаго завоеванія ея русскими и вплоть до нашихъ дней, раздѣлялось въ экономическомъ отношеніи на два главныхъ класса, на рабскій классъ изъ невольниковъ и лицъ закабаленныхъ, классъ самый многочисленный и состоявшій преимущественно изъ инородцевъ, и на зажиточный классъ рабовладѣльцевъ-кабалителей. Большинство инородцевъ находится въ кабальной зависимости у русскаго народонаселенія; но въ настоящее время эта зависимость поддерживается только неумолимою экономическою необходимостью; прежде же, крѣпкія и безъ того, цѣпи экономической кабалы дополнялись еще юридическими актами, закрѣплявшими кабальниковъ въ неволѣ у ихъ кабалителей. Закабаленные такимъ образомъ инородцы встрѣчались въ старинной Сибири на каждомъ шагу и были еще многочисленнѣе, чѣмъ рабы въ тѣсномъ значеніи слова. Каждый голодъ, каждое разореніе отъ казачьяго погрома, каждый неуловъ звѣрей, каждая эпидемія, опустошавшая улусы дикарей, повергали сотни и тысячи послѣднихъ въ жалкую нищету и заставляли ихъ идти въ неволю къ русскимъ, продавая имъ свою свободу за кусокъ хлѣба. Законодательство вооружалось нѣсколько разъ противъ этого возмутительнаго обычая, созданнаго сибирскою жизнью. Такъ, напр., Петръ Великій, по просьбѣ митрополита Филовея, указомъ 29 іюля 1726 г. велѣлъ объявить по березовскому уѣзду, что всѣ новокрещенные, находящіеся въ кабальной зависимости у разныхъ хозяевъ, освобождаются, не смотря ни на какія крѣпости, и имъ положено выдать паспорты, чтобъ никому ихъ не кабалить и въ неволѣ не держать; если закабаленные отосланы въ Тобольскъ или въ другіе города и проданы, то въ самомъ скоромъ времени отыскать и освободить ихъ. По изслѣдованію оказалось въ одномъ только Березовѣ 50 человѣкъ обоего пола закабаленныхъ остяковъ [4]). Когда въ Сибирь отправлялась извѣстная ясачная комиссія Вульфа, то указъ 1745 г., объявляя объ этомъ по всей Сибири, говорилъ, что упомянутой комиссіи предписано устроить инородческія дѣла такъ, чтобы «впредь никоимъ образомъ съ здѣшняго народа новокрещенныхъ и некрещенныхъ инородцевъ подъ образомъ долговъ, нападками, подлогами и другими какими вымыслами никакихъ кабалъ не брали, а кто имѣетъ на нихъ такія кабалы или своеручныя письменныя обязательства, то таковыхъ долговъ съ нихъ не взыскивать, кромѣ тѣхъ, коими они по ихъ обыкновенію въ купечествѣ обязывались и по подлинному свидѣтельству явятся правильными, которымъ и быть въ своей силѣ, а впредь таковыхъ неправильныхъ писемъ на нихъ не писать, а буде кто впредь начнетъ имать на нихъ кабалы или другія какія письменныя неправдивыя обязательства, съ таковыми поступлено будетъ, яко съ преслушниками указовъ». То же самое повторялъ и манифестъ 1748 г., вторично объявлявшій о посылкѣ вульфовской комиссіи [1]). Само собою понятно, что эти мѣры освобождали лишь небольшое число кабальныхъ рабовъ, да и тѣ тотчасъ же принуждены были снова возвращаться въ кабальную зависимость. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, законодательство отказалось отъ своихъ безплодныхъ усилій уничтожить превращеніе инородцевъ въ рабство путемъ кабалы.

Та же вопіющая бѣдность, которая всегда заставляла инородца продавать русскому человѣку свою свободу и свое тѣло, принуждала его продавать своихъ дѣтей. Когда голодъ совершалъ свое смертоносное шествіе по инородческимъ стойбищамъ, опустошая юрты, истребляя скотъ, доводя дикарей до людоѣдства; когда казакъ дралъ съ инородца взятки и ясакъ, которыхъ ему заплатить было нечѣмъ; когда войско искореняло бунтующихъ инородцевъ, озаренное пламенемъ ихъ пылавшихъ улусовъ и обагренное ихъ измѣнническою кровью,—тогда инородцы запрягали своихъ послѣднихъ оленей и везли своихъ малютокъ на продажу въ ближайшее русское поселеніе. Въ Березовскомъ краѣ семилѣтнихъ остяцкихъ мальчиковъ продавали по 25 коп., а дѣвочекъ по 20 к. за штуку [2]). Но хотя за такую ничтожную цѣну довольно часто можно было покупать дѣтей почти во всѣхъ мѣстахъ Сибири, однакожъ болѣе обыкновенною цѣною рабовъ была гораздо высшая норма. Изъ одного архивнаго документа, котораго, къ сожалѣнію, я не могу процитировать, мнѣ извѣстно, что графъ Савва Владиславлевичъ Рагузинскій увезъ въ Россію двухъ якутенковъ, купленныхъ имъ за 9 рублей пара. Въ XVII же вѣкѣ въ восточной Сибири цѣна рабовъ-подростковъ была обыкновенно около 3 руб. за штуку. Вотъ, напримѣръ, 16-го октября 1680 г., передъ якутскаго воеводу Бибикова является казакъ Щербаковъ съ тремя тунгусенками, взятыми въ плѣнъ казакомъ Берсеневымъ, у котораго и купилъ ихъ Щербаковъ—восьмилѣтняго за 3 р., шестилѣтняго за 2 р. 50 к., а одиннадцатилѣтняго бывшіе въ походѣ казаки подарили Щербакову, какъ своему начальнику [3]). Понятно, что продаваемые самими инородцами рабы должны были стоить гораздо дешевле тѣхъ, которые продавались русскими работорговцами. Торговля рабами была очень развита

[1]) Отеч. Записки 1867 г., кн. XX—XXII.
[2]) Дѣло 1867 г., № VIII—X. См. ниже.
[3]) Газ. «Очерки» 1863 г., № 58—61. См. ниже.
[4]) Біографія Филовея, Лещинскаго, журналъ «Странникъ», 1863 г., № 1, стр. 12.

[1]) П. С. З., т. XII, стр. 452 и 881.
[2]) Словцовъ, т. II, стр. 91.
[3]) Д. къ А. И., т. VII, стр. 290.

въ Сибири и имѣла нѣсколько средоточныхъ пунктовъ. Для сѣверо-восточныхъ областей страны такимъ пунктомъ былъ Якутскъ, на рынокъ котораго часто вывозились рабы изъ Охотска, Камчатки, Анадыра, Гижиги, Зашиверска и колымскихъ зимовей. Иногда сюда водили такое множество рабовъ, что большинство ихъ принуждены были, за ненадобностью, отпускать на волю. Такъ, напримѣръ, послѣ экспедиціи Павлуцкаго въ Анадырскъ было выведено изъ чукотской земли множество невольницъ; многія изъ нихъ отпущены на волю, многія посланы въ Якутскъ, но всѣ онѣ погибли дорогой [1]). Для областей забайкальской, иркутской и енисейской средоточнымъ пунктомъ работорговли въ XVII вѣкѣ былъ Енисейскъ. Служилые люди возили сюда «съ Байкала братскихъ людей-полоняниковъ, мужской полъ и женской, и въ Енисейскѣ ихъ продавали торговымъ и промышленнымъ людямъ, которые, купивъ ихъ и заплативъ въ таможню, вывозили на Русь [2]). Не менѣе значительные рынки рабовъ существовали въ Томскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. На этихъ и на другихъ рынкахъ рабы покупались не только для Сибири, но даже и для вывоза въ Россію. Въ особенности чиновники, наѣзжавшіе въ Сибирь только на время, при своемъ возвращеніи за Уралъ, вывозили съ собою или высылали съ довѣренными набранныхъ ими въ Сибири рабовъ. Эта торговля, какъ и всѣ другія, относящіяся къ рабству, дѣла, совершались долго вопреки закону и указамъ высшаго правительства. «Воеводамъ и дьякамъ никакихъ ясачныхъ людей иноземцевъ никого не покупати и къ Москвѣ съ собою не возити и ни съ кѣмъ не посылати» [3]), постоянно твердили указы и наказы. Въ грамотахъ Михаила Ѳедоровича, посланныхъ въ Верхотурье, Березовъ и Ижму, предписывалось «таможеннымъ и заставнымъ головамъ на заставахъ того смотрѣти накрѣпко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы и дьяки и письменные головы и ихъ братья и дѣти и племянники и люди и дѣти боярскіе и сибирскіе служилые и торговые и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Руси, къ Москвѣ или въ иные которые города, и повезутъ съ собою сибирскихъ татаръ и остяковъ и ихъ женъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей осматривать и обыскивать накрѣпко; а у кого объявится ясырь, татаровя и остяки, и ихъ жены и дѣти, ребята и дѣвки, и имъ тотъ ясырь, которые взяты будутъ на Верхотурье и на Березовѣ, на Собской и на Обдорской заставахъ, отсылать въ Тобольскъ, а который ясырь возьмутъ на Ижемской заставѣ, и тотъ ясырь велѣно отсылать въ Пустоозеро, а оттуда отсылать въ Енисейскъ со служилыми людьми, съ кѣмъ пригоже; а крещеный ясырь мужской полъ велѣно верстать въ службу, кто въ какую статью пригодится, а некрещеныхъ татаръ и остяковъ строить въ ясакъ, а женки и дѣвки отдавать отцамъ ихъ и матерямъ и мужьямъ и роду и племени, а крещеныхъ женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей, за кого пригоже; а который ясырь взяты въ немирныхъ землицахъ, и тотъ ясырь держать въ Енисейскѣ на аманатскомъ дворѣ». Не смотря на эти указы, торговля рабами продолжала существовать, и воеводы, вмѣсто исполненія указовъ, въ которыхъ запрещалось торговать только татарами и остяками, начинали переписку о томъ, можно ли торговать рабами другихъ національностей? Енисейскій воевода, напримѣръ, выписавъ вышеупомянутый указъ, продолжаетъ: «и нынѣ привозятъ съ Байкала озера и съ Лены и изъ иныхъ землицъ полоняниковъ и продаютъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, которые, записавъ ихъ, вывозятъ изъ Енисейска на Русь: и тотъ ясырь пропускать ли или тѣхъ полоняниковъ по прежнему указу велѣть верстать крещеныхъ мужескаго пола въ службу, а женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей, а некрещеныхъ строить въ ясакъ?» Воевода просилъ объ этомъ указъ, и указъ отвѣчалъ ему: «ты плутаешь, описываешься о томъ не дѣломъ, прежніе наши указы сказываешь, а вновь указу просишь» [1]). Но всѣ эти строгости не вели ни къ чему: рабовъ безпрепятственно возили окольными дорогами, а хорошая взятка поднимала таможенный шлагбаумъ, и запрещенный товаръ благополучно выбывалъ въ Россію. Рабовъ отбирали только у тѣхъ торговцевъ, которые имѣли личности съ таможеннымъ начальствомъ, или не давали хорошей взятки. Воеводы же и другіе значительные чиновники, вывозившіе рабовъ, почти никогда не подвергались отбору невольниковъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если они выѣзжали изъ Сибири опальниками. Такъ, напримѣръ, когда иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ, казненный потомъ за взятки и тиранію, подвергшись уже опалѣ, вздумалъ выслать въ Москву 30 рабовъ, иногородцевъ, то 25 изъ нихъ были отобраны въ Тобольскѣ, а 5 въ Москвѣ [2]). Въ XVII же вѣкѣ законодательство сознало наконецъ безполезность своихъ запретительныхъ усилій, и работорговля была дозволена имъ. «Въ прошломъ во 132 (1624) году—говоритъ Уложеніе царя Алексѣя—посланъ указъ въ Сибирь и въ Астрахань: татаръ и татарченковъ мужескаго и женскаго полу всякимъ людемъ покупати и даромъ ни у кого имати и на Русь ни съ кѣмъ высылати не велѣно. А нынѣ государь Алексѣй Михайловичъ такихъ татаръ и татарченковъ въ Астрахани и въ Сибири покупати всякимъ людемъ попрежнему, опричь воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, которые у государевыхъ дѣлъ будутъ въ Сибири и въ Астрахани. И буде такихъ купленныхъ татаръ кто приведетъ къ кабальной записи или по купчей и по данной, и тѣхъ купленныхъ татаръ записывати въ книги рожей и примѣтами» [3]). Въ этой статьѣ Уложенія уже чуется вѣяніе XVIII вѣка—эпохи гуманной мысли и свободы для Запада и знаменательной эры развитія крѣпостничества и рабства для Россіи.

[1]) Словцовъ, т. II, стр. 476.
[2]) Д. къ А. И., т. III, стр. 223.
[3]) П. С. З., т. III, стр. 353.

[1]) Д. къ А. И., т. III, стр. 223.
[2]) П. С. З., т. IX, стр. 78.
[3]) Уложеніе, XX, § 117.

Отсутствіе въ старинной Сибири фабричной дѣятельности и неразвитость сельскаго хозяйства были причиною, что всѣ силы рабовъ были устремлены на хозяйственно-домашнія работы, на звѣрованье и передвиженіе товаровъ, припасовъ и людей. Рабы смотрѣли за хозяйствомъ, рубили дрова, косили сѣно, строили дома, ходили за скотомъ, промышляли въ тайгѣ звѣрей, собирали ягоды и кедровые орѣхи, тянули по рѣкамъ суда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за неимѣніемъ скота, рабовъ запрягали въ соху и пахали на нихъ землю. У богачей и знатныхъ чиновниковъ рабы служили еще для удовлетворенія ихъ азіатскаго чванства, составляя шайки домашней, ничего не дѣлающей челяди. Понятно, что положеніе рабовъ въ тогдашнемъ грубомъ, невѣжественномъ и глупомъ обществѣ было самое несчастное. Случалось, напримѣръ, что сибирякъ распарывалъ брюхо своей невольницѣ для того только, чтобы убѣдиться, съѣла ли она безъ его позволенія кусокъ рыбы! И рабамъ негдѣ было искать защиты отъ своихъ господъ. Имъ предстояло только два способа избавиться отъ господскаго деспотизма—или повѣситься, или бѣжать; но послѣднее было опасно.—пойманнаго бѣглеца ожидали жестокія наказанія.

II.

Если законодательная власть не имѣетъ силъ преодолѣть враждебныхъ элементовъ общественной жизни, то послѣдніе, рано или поздно, возьмутъ перевѣсъ надъ законодательствомъ и заставятъ его плясать подъ свою дудку. Это же самое мы видимъ въ исторіи сибирскаго рабства. Существуя долго вопреки законамъ, оно наконецъ вынудило у государственной власти полную санкцію себѣ. Первый шагъ къ этому былъ сдѣланъ еще Уложеніемъ Алексѣя; хотя въ XVIII столѣтіи противъ рабства вооружался Петръ Великій и Анна, въ своемъ указѣ, 31 мая 1733 года, но не больше какъ черезъ четыре года, та же императрица, въ своемъ указѣ, 16 ноября 1737 года, въ § 7-мъ постановила: «калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бываютъ и хозяевамъ достаются больше малолѣтніе, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать, безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, одною запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ». Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ крестить въ неволю покупныхъ инородцевъ[1]). То же право присвоило себѣ и государство. Въ 1742 г , по ходатайству оренбургскаго губернатора Неплюева, дозволено «у башкирцевъ дѣтей покупать не только партикулярнымъ людямъ, но и на казенный провіантъ мѣнять» [2]). Окрещенные на счетъ государства, инородцы становились его рабами и отдавались въ работу частнымъ людямъ, которые и платили за то въ казну. Но въ 1763 г. предписывалось «присылаемыхъ изъ Оренбурга и Сибири крещеныхъ азіатцевъ отсылать для водвореній въ дворцовыя волости казанской, астраханской и оренбургской губерній, а партикулярнымъ людямъ въ услуженіе за деньги болѣе ихъ не отдавать, а издерживаемыя на нихъ на про возъ и воспитаніе ихъ до Москвы казенныя деньги числить казеннымъ расходомъ безъ возврата» [1]). Когда ясачная комиссія Щербачева спрашивала у правительства, не слѣдуетъ ли отобрать у владѣльцевъ найденныхъ ею рабовъ-инородцевъ, то сенатъ отвѣчалъ, что они должны быть крѣпкими своимъ господамъ [2]). Главнымъ же основаніемъ сибирскаго рабства послужилъ законъ 9 января 1757 г., утвердившій слѣдующее представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ: «Привозимыхъ киргизами разныхъ націй плѣнниковъ, всякаго званія людямъ по недостатку въ Сибири такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть велѣно, покупать и на товары вымѣнивать, а потомъ и крестить не только воспрещать не подлежитъ, но еще пріохочивать къ тому надобно, для того, дабы лучшее стараніе было изъ магометанъ и идолопоклонниковъ приводить въ православный христіанскій законъ. Таковыхъ покупаемыхъ плѣнниковъ объявлять немедленно въ кр. Ямышевской и Семипалатинской командирамъ, описывая притомъ ихъ лѣта, ростъ и промѣты. А потомъ, какъ оные пообучатся россійскому языку, объявлять ихъ въ губернскихъ или воеводскихъ канцеляріяхъ и брать на нихъ владѣнныя записи. Всѣмъ у киргизъ-кайсаковъ покупаемымъ плѣнникамъ у такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть не велѣно, быть крѣпкими по смерть оныхъ покупателей». Что же касается сибирскихъ магометанъ, то имъ дозволялось имѣть рабовъ только своей вѣры.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка сибирское рабство было совершенно утверждено правительствомъ. Это вполнѣ гармонировало съ экономическими условіями и событіями тогдашней Сибири. Очищеніе южныхъ мѣстностей отъ енисейскихъ киргизовъ и джунгаровъ вело за собой сильное стремленіе народа на югъ изъ безпахотныхъ странъ холоднаго сѣвера; вмѣстѣ съ умноженіемъ сибирскихъ военныхъ силъ и народонаселенія, это обстоятельство содѣйствовало усиленію хлѣбопашества и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало потребность въ большемъ, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, количествѣ невольниковъ. А умноженіе чиновниковъ и вообще лицъ достаточныхъ и нѣсколько знакомыхъ съ лоскомъ европейской цивилизаціи усиливало ложную потребность въ многочисленной прислугѣ: ходъ событій вполнѣ содѣйствовалъ удовлетворенію этихъ потребностей. Инородческіе бунты въ сѣверо-восточной Сибири, бунты башкирцевъ, паленіе Джунгаріи и киргизскія дѣла доставляли въ это время сибирякамъ такое множество невольниковъ, что они даже съ излишкомъ

[1]) Словцовъ, т. II, стр. 18.
[2]) Архивъ главн. управл. западн. Сибири, дѣло № 54.

[1]) П. С. З., т. XVI, стр. 587 и 329.
[2]) Ibid., стр. 534.

удовлетворяли ихъ потребности. Мы не будемъ повторять здѣсь о другихъ способахъ пріобрѣтенія рабовъ, которые въ XVIII столѣтіи были тѣ же самые и носили тотъ же самый характеръ, что и въ XVII вѣкѣ; но мы разскажемъ нѣсколько эпизодовъ о военныхъ походахъ, доставлявшихъ взятыми во время ихъ плѣнниками самое большое количество рабовъ.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія всѣ инородцы сѣверо-восточной Сибири, доведенные до бѣшенаго неистовства злоупотребленіями тамошней администраціи, постоянно бунтовали и при малѣйшей возможности рѣзали русскихъ. Иркутская провинціальная канцелярія не разъ предписывала начальникамъ анадырскихъ, гижигинскихъ и другихъ военныхъ командъ инородцевъ «за ихъ непостоянство и замерзѣлыя издревле злодѣйства *всѣхъ побить и въ конецъ разорить, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей ихъ*» [1]). И хотя команды сѣверо-восточной Сибири тогда страдали отъ голода, цынги, безодежности, хотя онѣ нерѣдко ходили въ походы нагишомъ, и поэтому не могли истребить всѣхъ инородцевъ, однакожъ онѣ успѣли истребить весьма значительную часть ихъ. Нагіе казаки поджигали ихъ улусы, захватывали все имущество, а дѣтей, оставляя въ живыхъ, уводили въ рабство. Часто этихъ юныхъ невольниковъ накоплялось такъ много, что казаки ихъ отдавали даромъ участвовавшимъ съ ними въ походахъ служилымъ инородцамъ.

Вотъ, напримѣръ, въ 1751 г., капитанъ Шатиловъ съ командою идетъ въ Тайгуносъ «для призыву измѣнниковъ корякъ въ подданство и въ ясачный платежъ. И апрѣля 9-го, за противность ихъ, какъ они вѣрноподданныхъ ея и. в. народовъ непріятельски смертно побивали и въ конецъ разоряли, такими же мѣрами и они, измѣнники, сами побиты и вовсе искоренены, числомъ однихъ лучниковъ до 120 чел., кромѣ подростковъ и малыхъ ребятъ, а всѣхъ поголовно, большихъ и малыхъ, ста съ два и больше, и притомъ взято въ плѣнъ мужеска и женска полу 12 человѣкъ» [2]).

Или вотъ рапортъ [3]) сержантовъ Игнатьева и Бѣлобородова, ходившихъ съ командой для искорененія бунтующихъ коряковъ и другихъ инородцевъ сѣверо-восточной Сибири.

«4 августа Игнатьевъ погнался за коряками,—пишутъ они,—плывшими по морю на 21 байдарѣ въ Тайгуносу; коряки, видя, что ихъ нагоняютъ, поворотили къ *отрядущы* [4]); не допуская ихъ до него, Игнатьевъ, призывая Всемогущаго Бога въ помощь, началъ ихъ на водѣ штурмовать, а которые выбѣгали на берегъ, тѣхъ побивалъ сержантъ Бѣлобородовъ съ оленьими тунгусами. Сколько было побито, знать невозможно, потому что баталія происходила на водѣ, но, напримѣръ, по ихъ обращенію въ каждой байдарѣ бываетъ, кромѣ женскаго пола и малолѣтнихъ дѣтей, ихъ человѣкъ по 15 и по 20, а менѣе того мало бываетъ, и ежели въ показанныхъ 21 байдарѣ исчислять по примѣру хоша по 15, и того съ помощію Божіей побито съ 350 человѣкъ, а 21 байдара въ добычу получена, сухого рыбного корму около взято вязокъ близко до 1000, а въ каждой вязкѣ исчислить вѣсу по пуду, то имѣетъ быть 1000; а китовыхъ жировъ получено многое число», и т. д. Дальнѣйшія подробности рапорта выписывать не станемъ, онѣ всѣ похожи на приведенный отрывокъ. Сержанты убивали, брали въ плѣнъ, угоняли скотъ, жгли и разоряли жилища несчастныхъ коряковъ, рѣзали даже стариковъ и младенцевъ. Такимъ образомъ, кромѣ поименованныхъ выше, храбрыми сержантами убито 152 человѣка, взято въ плѣнъ и продано въ неволю 141 человѣкъ. Въ заключеніе своего рапорта ревностные исполнители приказаній начальства пишутъ: «И за таковую ихъ противъ непріятелей бунтовщиковъ и измѣнниковъ корякъ благополучность и поискъ служилые люди обѣщаніе положили на этой р. Гижигѣ построить церковь во имя архангела Михаила, и просятъ, чтобы истребовать, откуда надлежитъ, благословеніе, также и *антимосу*, и церковной утвари».

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія Сибирь волновали три башкирскихъ бунта. Пользуясь этими смутами, сосѣдніе съ башкирцами киргизы много захватывали ихъ въ плѣнъ, обращали въ рабство и сбывали часть ихъ въ Сибирь. Напримѣръ, послѣ усмиренія бунта 1755 г., 50,000 башкирцевъ перебѣжали въ киргизскую степь. Губернаторъ Неплюевъ объявилъ киргизамъ, что перебѣжчики съ своими женами и дѣтьми отдаются въ ихъ власть. Киргизы начали травить ихъ, какъ звѣрей, чтобы завладѣть ихъ семействами. Немногіе несчастные возвратились въ свои кочевья и разсказами объ этомъ взволновали всю Башкирію. Месть сдѣлалась священною обязанностію каждаго башкирца. Тысячами бросались они на киргизовъ, и долго лилась кровь этихъ народовъ, долго башкирцы уводились киргизами въ ихъ степи и держались тамъ въ жестокомъ рабствѣ [1]). Военные походы для усмиренія башкирцевъ также доставляли Сибири много рабовъ. Вотъ, напр., полковникъ Павлуцкій пишетъ, что онъ «бывалъ во многихъ партіяхъ и на бояхъ противъ непріятелей, тогда оказуемыхъ киргизъ-кайсаковъ и воровъ-башкирцевъ; въ 1736 г. былъ въ зимнемъ походѣ для искорененія бунтующихъ тогда воровъ-башкирцевъ, и въ томъ походѣ ихъ воровскихъ жилищъ разорили и пожгли деревень больше 100, въ полонъ взяли мужеска и женска полу съ 200, побили больше 300 человѣкъ».

«Въ 1740 г. былъ онъ, Павлуцкій, съ 1,519 человѣкъ командированъ для прекращенія вновь начавшагося тогда башкирскаго бунта. И ходили

---

[1]) Промеморія иркутской провинц. канцеляріи, 9-го іюля 1752 г.

[2]) Чтенія въ общ. ист. и древн., 1864 г., кн. III, отд. V, стр. 65.

[3]) См. «Нар. Бог.», 1863 г. № 219, моя ст. «Сибирскіе инородцы». См. ниже.

[4]) Скала, отдѣленная отъ берега небольшимъ проливомъ.

[1]) Мейеръ, Киргизская степь. Спб. 1865 г., стр. 14.

за Уралъ въ горы легкими партіями и чинили надъ оными бунтующими не малые поиски, и были въ той партіи марта съ 10 апрѣля по 21. Да вторично отъ Верхояицкой ходилъ онъ мая съ 22 въ легкую партію для поиску и искорененія вора Карасакала и его сообщниковъ. И во оной партіи имѣли съ ворами три сильныя сраженія, первое у озера Чебаркуля, гдѣ было больше 1000 кибитокъ, мая 25; второе 28 мая при р. Яикѣ и третье іюня 4 за Тоболомъ, на степи, близъ киргизскихъ кочевныхъ улусовъ. Онъ же, Павлуцкій, оставя при Тоболѣ съ секундъ-маіоромъ Беклемишевымъ команды на усталыхъ лошадяхъ съ 900 человѣкъ, а самъ, по ревности своей, отважа себя, выбралъ людей на лучшихъ лошадяхъ до 800 чел. и ходилъ за ворами самымъ скорымъ ходомъ за Тоболъ больше 100 верстъ, и чинили надъ ворами сильные поиски и имѣли сраженіе и побили ихъ больше 300, а въ полонъ взяли болѣе 200.

«А сверхъ того побито командою Павлуцкаго въ помянутыхъ трехъ мѣстахъ, также и въ другихъ легкихъ партіяхъ 1,630 человѣкъ, да въ полонъ взято 1,455 человѣкъ, изъ того числа на страхъ прочимъ ворамъ повѣшено 183 человѣка, отбито лошадей, коровъ и овецъ довольное число и не малое число деревень сожжено, воровскихъ разныхъ волостей 82, въ нихъ 689 дворовъ» [1]).

Другія партіи дѣйствовали противъ башкирцевъ также опустошительно. Башкирцевъ, обращенныхъ въ рабство, выводилось въ Сибирь такое множество, что ихъ покупали и закрѣпляли за собой даже простые крестьяне [2]).

Особенно же сильное развитіе сибирское рабство получило, благодаря паденію Джунгаріи и набѣгамъ русскихъ на киргизскую степь. Мы остановимся на этомъ подольше.

III.

Калмыки, составлявшіе часть сброднаго царства, извѣстнаго подъ именемъ Джунгаріи, были опасными и безпокойными сосѣдями Сибири въ теченіе XVII и XVIII столѣтія. Съ самаго начала XVII вѣка они не переставали тревожить сибирское населеніе, поднимая бунты между инородцами, осаждая города, сожигая деревни, вытаптывая засѣянныя пашни, отгоняя скотъ, истребляя и уводя въ плѣнъ беззащитныхъ жителей. Въ XVIII вѣкѣ эти набѣги ослабли,—у калмыковъ было много дѣла въ средней Азіи, а Сибирь значительно окрѣпла, возвела сплошную линію пограничныхъ пикетовъ и укрѣпленій, усилила свою милицію, а въ 1745 г. получила изъ Россіи пять регулярныхъ полковъ для обороны южной границы. Джунгары не рѣшались и не могли попрежнему воевать съ сибиряками, хотя и не оставляли своихъ притязаній на земли и инородцевъ южной Сибири, на пріиртышскія мѣстности, на Алтай съ его двоеданцами, на Барабинскую степь съ жившими по ней татарскими племенами. Они постоянно твердили петербургскому правительству и сибирскому начальству, что упомянутыя земли съ своими обитателями составляютъ исконную собственность ихъ хановъ и несправедливо заняты русскими. Каждый шагъ впередъ со стороны русскихъ, каждый приходъ новаго полка или привозъ новой пушки, каждое основаніе новой крѣпости производили въ Джунгаріи шумъ и подавали поводъ къ возобновленію ихъ пограничныхъ притязаній. Хотя до открытой войны между русскими и джунгарами никогда не доходило, но постоянныя хищническія нападенія съ той и другой стороны поддерживали пламенную вражду и сопровождались всѣми послѣдствіями грабежа и убійства. И трудно сказать, кто—калмыки или русскіе проявляли болѣе разбойничьихъ наклонностей и болѣе наносили вреда противной сторонѣ; кажется, что въ этомъ отношеніи сибиряки превосходили своихъ полудикихъ сосѣдей. Русскіе казаки, солдаты, драгуны, офицеры, мужики сдѣлали изъ грабежа калмыковъ родъ постояннаго промысла; подъ предлогомъ погони за джунгарскими ворами и разбойниками они очень часто вторгались въ калмыцкія земли, грабили улусы, убивали жителей, сожигали жилища, отгоняли скотъ, перехватывали переписку калмыцкихъ родоначальниковъ, «у бабъ обрѣзывали титьки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли».

Калмыки удивлялись хищническимъ наклонностямъ сибиряковъ и тому, что они грабятъ не только богатыхъ, но и нищихъ. «Вы и нищихъ обижаете»,—говорили они русскимъ,—«какъ поѣдутъ наши люди на соболиный промыселъ, то ихъ всегда около Колыванскихъ заводовъ грабятъ и обижаютъ» [1]). И, не смотря на всѣ старанія, калмыки никогда не могли вернуть изъ Сибири ни одной угнанной отъ нихъ овцы, ни одного уведеннаго въ неволю джунгара.

Набѣги русскихъ на калмыковъ не прекращались вплоть до самаго паденія Джунгаріи; въ Сибири тогда было уже довольно рабовъ, частію купленныхъ, а больше полоненныхъ отъ калмыковъ. Но самымъ цвѣтущимъ періодомъ сибирскаго невольничества было время паденія Джунгаріи,—этого событія, наполнившаго шумомъ большую половину Азіи.

Въ сентябрѣ 1745 г. умеръ Галданъ-Церенъ,—послѣдній изъ сильныхъ и воинственныхъ представителей Джунгаріи. Зная неспособность своего преемника и честолюбивые замыслы Россіи и Китая, онъ передъ смертью завѣщалъ хранить миръ съ этими двумя государствами, опасаясь, что его слабые преемники погубятъ еще неокрѣпшее царство. Но его дни были уже сочтены. Наслѣдникомъ Галдана былъ глупенькій и несовершеннолѣтній младшій сынъ его, Цебень Доржи, болѣе способный старшій братъ котораго не могъ быть ханомъ, какъ незаконнорожденный. Однакожъ многіе джунгары составили заговоръ съ цѣлью не допускать до престола глуповатаго и уже привыкшаго къ звѣрскому деспотизму мальчика; во главѣ этого заговора стоялъ одинъ изъ сильнѣйшихъ родоначальниковъ, Сеп-

[1]) Вѣдомость о полковникѣ Яковѣ Павлуцкомъ, коя сочинена сего 748 г., декабря 25 дня.

[2]) Словцовъ, II, 39.

[1]) Рапортъ Волкова, май 1748 г.

тень, предлагавшій власть старшему сыну Церена. Но заговоръ открыли, Септеня арестовали, «отняли отъ него честь, кормили съ собаками» и казнили бы жестокою смертью, если бы только онъ не отравился. Послѣ его смерти принялись за его дѣтей; «имъ выжгли глаза каленымъ желѣзомъ, чтобы свѣту не видѣли, и вмѣстѣ съ женою и дочерьми сослали въ городъ Аксу» [1]). Такое начало царствованія не предвѣщало ничего добраго. Окруживъ себя сильной стражей, Цебень Доржи началъ такъ самодурствовать, что этимъ возмутились даже привыкшіе къ деспотизму джунгары. «Зюнгарскій владѣлецъ—доносилъ сибирскому начальству одинъ бухарецъ—молодъ, 16-ти лѣтъ и къ правленію дѣлъ непонятенъ и неохотенъ и нравомъ весьма самобыченъ и дальняго разсужденія въ распорядкахъ ничего не имѣетъ, а болѣе въ охотахъ обращается съ молодыми людьми въ гуляньѣ» [2]). Одною изъ любимѣйшихъ его забавъ была охота на людей. Съ шайкою своихъ собутыльниковъ верхомъ на лошадяхъ и съ стаей собакъ рыскалъ онъ по улусамъ и травилъ собаками скотъ и людей. По ночамъ онъ врывался въ юрты своихъ подданныхъ, отнималъ у нихъ дочерей и родственницъ и, уводя домой, насиловалъ ихъ [3]). Всѣхъ лицъ, которыя были подозрительны или почему-нибудь не нравились ему, онъ арестовывалъ, рубилъ имъ головы, ссылалъ или морилъ голодною смертью въ душной земляной тюрьмѣ. Родоначальники рѣшились отравить его и передать власть его сестрѣ. Но заговоръ открытъ, 300 человѣкъ казнены, а сестра хана съ обрѣзанными косами сослана въ г. Аксу [4]). Наконецъ въ 1750 г. Цебень Доржи былъ свергнутъ и ослѣпленъ, а правленіе принялъ старшій, незаконнорожденный братъ его, Лама Доржи, имѣвшій сильнаго врага въ своемъ троюродномъ братѣ и одномъ изъ главныхъ родоначальниковъ Давацзи, который имѣлъ подъ своимъ непосредственнымъ управленіемъ до 10 00 семей. Давацзи имѣлъ притязанія на престолъ, но, встрѣтивъ въ этомъ сильнаго соперника въ даровитомъ и воинственномъ родоначальникѣ Амурсанѣ, онъ уговорился съ послѣднимъ свергнуть хана и раздѣлить Джунгарію между собой. Оба возмутились, но были разбиты и бѣжали къ киргизамъ. Давацзи упалъ духомъ. Но Амурсана, составившій планъ овладѣть посредствомъ его всѣмъ царствомъ, собралъ 1500 отборныхъ воиновъ, снабдилъ ихъ сушенымъ мясомъ, ночью перешелъ горы и, достигнувъ береговъ Или, умертвилъ хана посреди его лагеря. Но ханомъ былъ выбранъ Давацзи, и начался длинный рядъ кровавыхъ междоусобій между нимъ и Амурсаной, кончившійся сверженіемъ перваго и возшествіемъ на тронъ второго, при помощи китайской арміи. Амурсана, желая освободиться отъ китайскаго вліянія, поднялъ противъ китайцевъ разныя орды монголовъ и элютовъ, которые начали враждебныя дѣйствія противъ китайскихъ войскъ, занимавшихъ Джунгарію. Началась опустошительная война 1756—1757 г. [1]). Монголо-китайцы истребляли все, что имъ ни встрѣчалось живого,—убивали мужчинъ, насиловали и замучивали женщинъ, а дѣтямъ разбивали головы о камень или стѣну, сожигали жилища, рѣзали скотъ; они перебили до 1,000,000 калмыковъ. Къ этой рѣзнѣ присоединились еще внутреннія междоусобицы Джунгаріи. Амурсана, часто разбиваемый и преслѣдуемый китайцами, рыскалъ по странѣ съ шайкой своихъ приверженцевъ, нападалъ на улусы, уводилъ изъ нихъ на войну все мужское населеніе, а оставшіяся дома женщины и дѣти или умирали съ голоду, или погибали отъ непріятельскаго меча, или уводились въ неволю. Многочисленныя толпы разоренныхъ и голодныхъ калмыковъ, составляя разбойничьи банды, причиняли опустошенія не меньше китайцевъ. Киргизы на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, съ своими воинственными криками, какъ стаи хищныхъ птицъ, носились надъ этимъ необозримымъ побоищемъ и уводили въ неволю цѣлыя тысячи беззащитныхъ джунгаровъ. Вскорѣ въ странѣ воцарился голодъ, одни начали умирать голодною смертью, а другіе рѣзали людей и питались человѣческимъ мясомъ. За голодомъ шла оспа. Джунгарія была буквально усѣяна трупами, ея воды покраснѣли отъ пролитой человѣческой крови, а воздухъ былъ полонъ дыма отъ горѣвшихъ улусовъ, лѣсовъ и травъ. Все разрушено, все погибло, кромѣ одной только Галдановой кумирни, развалины которой до сихъ поръ можно видѣть при минеральныхъ водахъ, къ востоку отъ озера Алакуля.

Еще при самомъ началѣ описанныхъ дѣйствій множество калмыковъ увидѣло, что имъ предстоитъ только одно средство для спасенія—отдаться въ подданство Россіи. Самъ Амурсана думалъ объ этомъ, а инородцы Алтая хлопотали о томъ очень настоятельно. Еще осенью 1755 г. одиннадцать зайсановъ съ своими родами просили принять ихъ въ «подданство ея им-го в-ва и пропустить внутрь имперіи» [2]). Весною 1756 г., зайсанъ Омба съ 1000 семей просилъ принять его въ скорѣйшемъ времени или, по крайней мѣрѣ, дозволить ему кочевать на русской границѣ [3]). Черезъ нѣсколько дней явился на границу зайсанъ Номкы депутатомъ отъ двѣнадцати другихъ зайсановъ, просившихъ о подданствѣ и обѣщавшихъ, кромѣ платежа ясака, выставлять по требованію правительства до 2000 войска [4]). Черезъ нѣсколько дней полковнику де-Гарритъ привозятъ еще письмо отъ тѣхъ же зайсановъ: «дай намъ людей на обереженіе, обереги отъ злого времени въ нашей землѣ, гдѣ вамъ поглянется, строите

[illegible]

[illegible]

[illegible]

городъ. Нынѣ у насъ—бѣлый государь. Нашего бѣлаго государя полковникъ, пожалуйста поскорѣе,—со всѣми домами хотятъ увезти» [1]).

Когда же описанныя бѣдствія достигли своей высшей степени, тогда все, что имѣло ноги и могло двигаться, бросилось изъ Джунгаріи въ Сибирь.

Въ Сибирь стремились и большіе коши, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и гнавшіе съ собой громадные табуны скота. Впереди и по сторонамъ этихъ скопищъ ѣхало вооруженное мужское населеніе, а средину занимали стада, домашній скарбъ, женщины и дѣти, сидѣвшія на верблюдахъ и на скрипучихъ двухколесныхъ телѣгахъ. Эти величественные караваны двигались очень медленно по выгорѣвшимъ и усѣяннымъ трупами мѣстностямъ. Ихъ тревожили китайскія войска и киргизы, которые постоянно разбивали ихъ и принуждали идти обратно. Къ итимъ врагамъ присоединялись еще шайки джунгаровъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, питали заклятую вражду къ Россіи и не могли равнодушно видѣть бѣгство въ Сибирь своихъ соотечественниковъ. Эти шайки грабили и убивали изъ чѣжавшихъ къ русской границѣ всѣхъ, кого только онѣ могли ограбить или убить. Къ довершенію осего, оспа гналась по пятамъ этихъ каравановъ и заставляла ихъ бросать по дорогѣ похищенныя ею жертвы. Нѣкоторые коши даже поворачивали назадъ, полагая причину эпидеміи въ наносимомъ «съ россійской стороны» и нездоровомъ для нихъ воздухѣ.

Въ Сибирь стремились и небольшія партіи и одинокіе бѣглецы, питаясь травами, падалью и человѣческими трупами, днемъ скрываясь въ тайныхъ мѣстахъ отъ непріятеля, а ночью продолжая свой утомительный путь. Нѣкоторые изъ нихъ выходили на Иртышъ, дѣлали плоты и спускались на нихъ до русскихъ крѣпостей. Множество этихъ бѣглецовъ погибало отъ китайцевъ и увозилось въ плѣнъ киргизами. А разбойничьи калмыцкія шайки убивали ихъ для пищи и ѣли ихъ вареное мясо.

Въ Сибирь стремился и самъ ханъ павшаго царства—Амурсана.

Выбѣгавшихъ въ Сибирь было очень много, хотя мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить ихъ цифру даже приблизительно. Цѣлые коши, выходившіе на границу, состояли, какъ уже сказано, изъ нѣсколькихъ сотъ, даже тысячъ человѣкъ и пригоняли съ собой огромныя стада. Въ кошѣ Шерина было 1,156 кибитокъ, 5,223 человѣка, 12,310 головъ разнаго скота, 1,059 ружей и т. д. [2]) Съ Доржи Унжиномъ вышло за разъ въ Устькаменогорскъ 427 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 рабовъ [3]). 17 іюня 1757 г. въ Шульбинскій заводъ вышла партія въ 250 человѣкъ [4]). 20 мая 1758 года вышелъ лама, Лозанъ Дакши, и при немъ 270 калмыковъ, въ томъ числѣ 39 человѣкъ ламайскаго духовенства [1]). Много выбѣгало подобныхъ большихъ каравановъ, но еще болѣе выбѣгало немногочисленныхъ партій и одинокихъ эмигрантовъ. Почти въ теченіе трехъ лѣтъ по всему протяженію сибирско-джунгарской границы выходили въ русскія поселенія эти несчастные, пережившіе погромъ своего отечества. Хотя петербургское правительство предписывало «съ выходящими азіатами поступать съ ласковостью и ни малѣйшаго имъ озлобленія не чинить» [2]), но это не имѣло никакой дѣйствительной силы. Сначала велѣно было принимать всѣхъ; но въ октябрѣ 1758 г. ордеромъ генерала Фрауендорфа приказано выбѣгающихъ джунгаровъ въ форпосты и крѣпости не впускать до спросу, что они за люди, и если не пожелаютъ креститься, то отсылать отъ крѣпостей прочь, а если пожелаютъ, то принимать «какой бы націи кто ни былъ» [3]). Упомянутымъ допросамъ о происхожденіи и о джунгарскихъ дѣлахъ подвергались рѣшительно всѣ выходцы; эти допросы, для вынужденія правдивыхъ отвѣтовъ, часто сопровождались пыткою, состоявшею въ битьѣ несчастныхъ эмигрантовъ плетьми. Но это было запрещено, и пограничные командиры очень были опечалены такимъ запрещеніемъ, полагая, что «объ истинномъ намѣреніи выбѣгшихъ вывѣдать можно бы было», если бы не ордеръ Фрауендорфа, запрещавшій «распросъ таковыхъ съ пристрастіемъ» [4]).

Не трудно сказать, чего хотѣли джунгары, выбѣгая въ Сибирь, и трудно понять, какъ этого не знало сибирское начальство, настаивавшее на допросѣ бѣглецовъ съ пристрастіемъ! Джунгары искали спасенія отъ голодной смерти, киргизовъ и китайцевъ, и могли найти это спасеніе только въ Сибири.

Большинство выбѣгавшихъ были наги, босы и едва таскали ноги отъ голоднаго истощенія. Даже самъ повелитель Джунгаріи выбѣжалъ на русскую границу безъ штановъ, которые были сшиты ему только въ Омскѣ на казенный счетъ [5]). Его при-

[1]) Рапортъ де-Гаррига 22 февраля 1756 г.
[2]) Пограничныя Дѣла Омск. Архива, т. II, стр. 107.
[3]) Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 402.
[4]) Ibid., стр. 440.

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 670.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 440.
[3]) Погр. Дѣла, т. XL, стр. 459.
[4]) Ibid., стр. 163.
[5]) Когда Амурсана увидѣлъ, что ему не удержать за собой власти, то отправилъ въ Россію двухъ зайсановъ съ просьбою о подданствѣ. Ихъ арестовали въ Барнаулѣ; одного увезли въ Петербургъ на допросы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а другого велѣно уговаривать къ переселенію въ улусы волжскихъ торгоутовъ. Началась переписка (*Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 693*). Но Амурсана не могъ дождаться отвѣта и 30 іюня 1757 г. вышелъ къ Семипалатинску почти нагишомъ съ 8 калмыками и одной лошадью. Его отправили въ Омскъ. Въ Ямышевѣ онъ объявилъ, что «имѣетъ великую болѣзнь», а какъ по указамъ значилось, «что онъ человѣкъ надобный», то, «дабы не умеръ», полковникъ Девиленевъ оставилъ его въ Ямышевѣ. 31 іюля привезена жена его. Въ Омскѣ хану стало лучше, и въ новыхъ, сшитыхъ на казенный счетъ штанахъ, подъ именемъ «самосекретнѣйшаго азіанина», онъ отправленъ 9 августа въ Тару, куда прибылъ 12 числа. Здѣсь ему пожаловали по 50 к. въ сутки кормовыхъ и отвели «приличную его чести квартиру». Амурсана просилъ свиданія у полковника Лориха, и послѣдній согласился, но

дворные были также почти нагишомъ и «при наступившихъ холодныхъ росахъ безъ одежды терпѣли нужду и положеннымъ имъ отъ казны провіантомъ довольствовались съ нуждою» [1]). Многіе изъ выбѣгавшихъ отъ ранъ, холоду и голоду были такъ слабы, что не могли дойти до пограничныхъ поселеній нѣсколькихъ верстъ и оставались въ пустынѣ, дожидаясь смерти. За нѣкоторыми изъ нихъ изъ крѣпостей посылались люди, и ихъ вывозили въ пограничныя поселенія. Они были наги и такъ истощены голодомъ, что «даже доброю пищею ихъ возстановить было сумнительно[2])». Выбѣгшимъ полагалось казеннаго содержанія некрещеннымъ большимъ по 1 коп., а малымъ по 1 денежкѣ въ день, а крещеннымъ большимъ и малымъ по 3 деньги; ноенамъ по 10—20 коп., ламамъ по 5—10 коп. въ день [3]). Нежелавшимъ же креститься ничего не давалось. Но и тѣ, которымъ полагалось содержаніе, терпѣли жестокую нужду, потому что этого содержанія было недостаточно, да и оно доходило не все до калмыковъ, а часть его воровалась русскими распорядителями. Калмыки жаловались, что имъ «хотя и выдается ячмень, но за неимѣніемъ мяса и молока, а особенно соли, они претерпѣваютъ нужду, и оттого опухли и впаливъ болѣзни, а купить и вымѣнять не начто, да и ячменю не достаетъ, и оттого приходитъ слабость здоровья и отъ претерпѣннаго глада поправиться не могутъ» [4]). Пропитываться же работою у русскихъ они не могли, — «по природности ихъ и необычайности россійской работы» [5]). Многіе занимались воровствомъ и получали за то плети. Многіе задумывали бѣжать обратно, но зоркіе стражи ловили ихъ, угощали плетьми и бросали въ душныя тюрьмы, чтобы «они, по малоразсудному своему азіатскому обыкновенію, утечки не сдѣлали». И, вѣроятно, если бы калмыки имѣли припасы на дорогу, то большинство ихъ бѣжало бы во свояси. Русскіе понимали это и потому, между прочимъ, не допускали калмыковъ имѣть достаточное для прокормленія количество провіанта. Однажды одна калмычка донесла начальству, что калмыки провіантъ копятъ. Вслѣдствіе этого велѣно по всѣмъ крѣпостямъ колыванской и иртышской линіи произвесть въ калмыцкихъ кошахъ обыскъ *и отобрать провіантъ!* Но только въ кутанской отобрано у восемнадцати человѣкъ, у кого 1, у кого 4 четверика, во всѣхъ же другихъ крѣпостяхъ у калмыковъ излишняго хлѣба не оказалось, и обыскивавшіе ихъ офицеры доносили, что «тутъ не только лишку нѣтъ, но и до термину достать не уповательно» [1]). Были между этими эмигрантами люди достаточные, богатые скотомъ и разными цѣнными пожитками, имѣвшіе рабовъ; но по выходѣ на русскую границу, они принуждены были постепенно разставаться съ своимъ имуществомъ и быстро шли къ тому жалкому состоянію, въ которомъ страдало большинство ихъ земляковъ. За удовлетвореніе ихъ каждой просьбы, за выполненіе каждой обязанности относительно ихъ, пограничныя власти вымогали съ нихъ взятки и, не задумываясь, отнимали у несчастнаго калмыка даже его рабовъ, жену и дѣтей [2]). Подобные поборы носили подчасъ характеръ чистыхъ грабежей. Такъ, напр., въ 1757 г. бійскій регистраторъ Девятіяровскій, разъѣзжая по стойбищамъ вышедшихъ съ Бохоломъ калмыковъ, своими вымогательными побоями и угрозами навелъ на послѣднихъ такой страхъ, что они разбѣжались въ горы. Девятіяровскій обиралъ всѣхъ попадавшихся ему калмыковъ, у кого отнималъ скотъ, у кого мѣха, платье, парней и дѣвушекъ; всего награблено имъ, по словамъ старшины Бохола, на 761 рубль [3]).

Выше мы уже говорили, что казна выдавала содержаніе только однимъ желавшимъ креститься, а напослѣдокъ не желавшихъ принять русскую вѣру велѣно было даже вовсе не пускать въ Сибирь, отсылая ихъ обратно. Однакожъ до изданія послѣдняго распоряженія въ Сибирь было принято множество джунгаровъ, не хотѣвшихъ и слышать о перемѣнѣ религіи. Пограничные командиры, большею частію нѣмцы, сумѣли однакожъ окрестить множество калмыковъ, принуждая ихъ къ тому иногда подарками, а больше голодомъ, тюремнымъ заключеніемъ и другими, еще болѣе грубыми средствами. Нѣкоторые изъ приведенныхъ такимъ образомъ въ православіе пытались заявлять, что они «крещены усильно». Но послѣ сдѣланныхъ имъ приличныхъ вразумленій, они отказывались отъ упомянутаго заявленія и давали подписку, что сдѣлали его, «желая избыть христіанства, по замерзѣлому предъ симъ азіатскому закону» [4]). Впрочемъ, нѣкоторые самые упорные изъ нежелавшихъ креститься устояли на своемъ и не перемѣнили вѣры; а кромѣ того, нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ пограничные командиры не смѣли принуждать къ переходу въ православіе. Такъ относительно семейства Амурсаны полковникъ Девиленевъ доносилъ, что «по знатности ихъ крестить онъ смѣлости взять не имѣлъ» [5]). Крестившихся вѣнчали съ ихъ женами и заставляли ограничиваться одной женой. Нѣко-

---

почему-то не иначе, какъ въ 3 часа ночи. И хотя при этой аудіенціи ханъ просилъ только о томъ, чтобы его соединили съ его племянникомъ, однакожъ съ переводчика Дулѣпова, толмачившаго его слова Лориху, послѣдній взялъ подписку не разглашать этого разговора «*подъ страхомъ смертной казни*». 12 числа Амурсана отправленъ въ Тобольскъ въ вѣдѣніе тамошней *секретной комиссіи о заграничныхъ обращеніяхъ*. Въ инструкціи конвою предписывалось везти Амурсану такъ секретно, чтобы его никто и онъ никого не видалъ, и пріѣздъ въ Тобольскъ пригнать къ ночному времени. Вскорѣ Амурсана умеръ отъ оспы. Китайцы, проявлявшіе въ этихъ дѣлахъ подозрительность не меньше русскихъ, три раза требовали трупа Амурсаны, чтобы удостовѣриться въ его смерти. Такъ они боялись этого предпріимчиваго и честолюбиваго дикаря.

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 49.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.
[3]) Погр. Дѣла, т. XL, стр. 139.
[4]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 605.
[5]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 29.

[1]) Ibid., стр. 555.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.
[3]) Ibid., стр. 393.
[4]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 200.
[5]) Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 14.

торыя изъ обратившихся калмычекъ выходили замужъ за русскихъ.

Всѣхъ принятыхъ въ подданство калмыковъ было положено переселить на Волгу, къ тамошнимъ калмыцкимъ родамъ изъ племени торгоутовъ, которыхъ калмыки искони ненавидѣли. Это было для калмыковъ еще хуже крещенія: отъ соединенія съ торгоутами они упирались руками и ногами. Вышедшіе въ Россію двоеданцы (калмыки) разбѣгались отъ одного слуха о томъ, что ихъ поведутъ на соединеніе съ торгоутами. Потомъ этотъ планъ отмѣнили, какъ совершенно разорительный для двоеданцевъ, и рѣшили ихъ переселить во внутрь Сибири. И ихъ переселили бы, если бы компетентные въ этомъ дѣлѣ пограничные начальники не доказывали, что «ежели ихъ переселить, то, какъ уже дѣйствительно видимо было, что многіе приходящіе въ россійское подданство зенгорцы померли, и онымъ послѣдовать можетъ таковый же случай» [1]). Но джунгары не могли, подобно двоеданцамъ, отдѣлаться отъ переселенія на Волгу. Сотнями и тысячами отправляли ихъ туда черезъ Оренбургъ. Во время пути крещеннымъ калмыкамъ выдавалось по 3 коп. въ день. Ихъ сопровождалъ сильный конвой, которому предписывалось «смотрѣть, чтобъ калмыки утечки не сдѣлали; на верховыхъ лошадей не сажать, оружія и лошадей въ руки не давать, встрѣчи съ киргизами избѣгать, а если встрѣтятся, то говорить, что то не плѣнные, а тобольскіе старожилы и ѣдутъ по желанію своему въ Оренбургъ на поселеніе вмѣстѣ съ своими родственниками» [2]). При ихъ встрѣчахъ телѣги велѣно было закрывать рогожами, чтобъ «киргизы азіанъ не видѣли» [3]). Какъ ни многочисленны были нѣкоторыя изъ этихъ партій, но дорогою постепенно они еще болѣе увеличивались, принимая калмыковъ изо всѣхъ попутныхъ мѣстъ. Такъ, въ партіи маіора фонъ-Эндена, вышедшей изъ Бійска 28 іюня 1757 г., подъ конвоемъ 305 человѣкъ съ 2 пушками, было калмыковъ 2,284 человѣка. Отъ Бійска до Семипалатинска фонъ-Энденъ набралъ новыхъ джунгаръ и вышелъ изъ послѣдняго города съ 3,179 человѣками [4]). Впрочемъ, большая часть партій не была такъ многочисленна, а ограничивалась нѣсколькими сотнями человѣкъ. На дорогѣ калмыки терпѣли тотъ же голодъ и тѣ же стѣсненія, какъ и во время жительства въ крѣпостяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣвали бѣжать, но большую часть рѣшившихся на побѣгъ ловили и жестоко наказывали. Отъ голода и болѣзней множество умирало. Такъ, напр., въ упомянутой партіи фонъ-Эндена во время слѣдованія отъ Бійска до Ямышева умерло калмыковъ 274 челов. и отъ Ямышева до Омска умерло 214. Хорошо, значитъ, содержали и обращались съ ними! Впрочемъ, Щетневъ, провожавшій партію послѣ фонъ-Эндена, рапортуетъ, что такая смертность зависѣла не отъ начальства, а «отъ воли Божіей»; что калмыки мерли не отъ голоду, а отъ лихорадки и поносу, и что объ ихъ здоровьѣ начальство заботилось, ибо къ партіи былъ приставленъ «*въ должности лѣкарской подпрапорщикъ*» [1]).

Но оставимъ этихъ несчастныхъ и обратимся къ ихъ не менѣе несчастнымъ землякамъ, попадавшимъ въ неволю къ русскимъ.

Паденіе Джунгаріи имѣло самое сильное вліяніе на усиленіе сибирскаго рабства, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого паденія вышелъ въ 1737 г. уже упомянутый нами указъ императрицы Анны, 6 § котораго узаконилъ существованіе сибирскаго невольничества. Конечно, и безъ этого указа сибиряки сумѣли бы захватывать выбѣгавшихъ джунгаровъ въ рабство и удерживать ихъ за собою, не смотря на запрещеніе законовъ, но упомянутый указъ все-таки далъ сильный толчокъ усиленію сибирскаго невольничества. Со времени паденія Джунгаріи главнымъ мѣстомъ процвѣтанія рабства становится юго-западная Сибирь, по всей джунгарской и киргизской границѣ развивается обширная работорговля, главнымъ внутреннимъ рынкомъ которой дѣлается ирбитская ярмарка.

Выше мы видѣли, что большинство выбѣгавшихъ калмыковъ были жалкими нищими, умиравшими съ голода и не могшими пропитывать не только свое семейство, но даже и самихъ себя. И эти несчастные продавали русскимъ или даже отдавали даромъ своихъ родственниковъ, рабовъ, даже самихъ себя. Такъ въ Устькаменогорскѣ въ 1756 г. «вступившіе въ протекцію Ея Им-го Вел-ва урунхайскіе старшины Янканъ и Дархуръ вѣдомства своего мальчика и дѣвку, именуемыхъ Онгономъ и Жиргалъ Ебаковыхъ, по неимѣнію отца и матери и родственниковъ и по невозможности пропитать, подарили луцкаго полку капитану фонъ-Траубенбергу въ вѣчное услуженіе». По этой же самой причинѣ старшины подарили капитану Долгову мальчика, сержанту Ердыкееву бабу раненую съ сыномъ, а регистратору Девятіяровскому бабу съ двумя ранеными сыновьями; телецкій зайсанъ Менко подарилъ калмыченка поручику Степанову, также «по сиротству и по неимѣнію пропитанія» [2]). Однажды выѣхавшіе на границу калмыки объявили начальству, что недалеко въ горахъ остались отъ нихъ нѣсколько человѣкъ раненыхъ и малолѣтнихъ, «которые де по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды могутъ какъ гладомъ, такъ и отъ морозовъ безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые и померли, а они взять ихъ къ себѣ не желаютъ, потому что и своими людьми какъ пропитаться—знать не могутъ». Въ горы были посланы люди съ санями и привезли 20 изнемогшихъ отъ голода и ранъ калмыковъ. Изъ нихъ десять человѣкъ калмыцкіе старшины взяли себѣ, а десять раздарили русскимъ [3]). Большею частью эти подарки дѣлались лицамъ чиновнымъ и поэтому были взятками; такъ, напр., когда въ декабрѣ 1756 г. полковникъ де-

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 412.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 24.
[3]) Ibid., стр. 215.
[4]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 180, 228.

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 35.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 188.
[3]) Погр. Дѣла, т XXXVII, стр. 267.

Гаррига объѣзжалъ калмыцкіе коши, то старшины вали ему въ подарокъ дѣвку, чтобы онъ остадилъ ихъ при Шульбинскомъ заводѣ и не посылалъ бы на Волгу [1]). Часто чиновники, не дожидаясь добровольныхъ приношеній или не довольствуясь ими, силою отнимали у калмыковъ ихъ дѣтей и родственниковъ и обращали въ рабство. Такъ, напр., регистраторъ Девятіяровскій во время своего, уже упомянутаго нами грабежа въ калмыцкихъ кошахъ отнялъ, между прочимъ, мальчика и дѣвушку. Впрочемъ, когда на него калмыки пожаловались, то онъ отперся отъ насильнаго захвата этихъ ребятъ, говоря, что калмыки, по неимѣнію пищи, сами продали ему ихъ за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ [2]). Такъ по доносу выборнаго при таможнѣ Сары-ханова, капитанъ Траубенбергъ и другіе чины получали отъ калмыковъ «въ братейство» золото, серебро и жемчугъ и силой вымѣнивали себѣ въ холопство калмыковъ и калмычекъ [3]). Эти грабежи и поборы людьми были такъ обыкновенны, что каждый офицеръ, каждый чиновникъ, даже множество простыхъ солдатъ и казаковъ обзавелись въ это время многочисленною калмыцкою челядью.

Еще болѣе пріобрѣталось невольниковъ посредствомъ покупки. Число джунгаровъ, желавшихъ продать своихъ людей русскимъ или продаться самимъ въ неволю, постепенно возрастало, по мѣрѣ усиленія бѣдствій, положившихъ конецъ джунгарскому ханству. Вмѣстѣ съ умноженіемъ продавцевъ возросло и число законныхъ рабо-покупателей. Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ вымѣнивать и покупать калмыковъ, съ тѣмъ, чтобы обращать ихъ въ христіанство или перепродавать въ руки христіанъ, а «во мзду за окрещеніе оставлять крещенныхъ въ вѣчномъ услуженіи у покупателей-христіанъ». Тогда дворни чиновныхъ лицъ, купцовъ и посадскихъ наполнились «масками: то калмыцкими, то киргизскими», по заковыристому выраженію историка Сибири [4]). Нищіе родители продавали своихъ дѣтей, чтобы предохранить ихъ и себя отъ голодной смерти; мужья продавали женъ; родовые старшины продавали приставшихъ къ нимъ бездомныхъ скитальцевъ и сиротъ. Цѣны рабовъ разнообразились сообразно обстоятельствамъ продавцевъ и качествами продаваемыхъ. Хорошенькая и молоденькая калмычка, покупаемая для наложничества какому-нибудь сладострастному офицеру, стоила, конечно, дороже дряхлой старухи или слабаго ребенка. Такъ, напримѣръ, полковникъ фонъ-Энденъ купилъ подобную калмычку за 1 корову, 2 суконныхъ кафтана желтаго сукна, 1 портище и 2 конца китайки [5]). Высшими цѣнами за рабовъ можно принять цѣны, платившіяся калмыкамъ за рабовъ, *выкупавшихся* изъ ихъ неволи русскими или бухарцами. Такъ, напримѣръ, бухарецъ Шиховъ платилъ за такихъ рабовъ:

за бабу 40 лѣтъ	12 руб.
» бухарца 30 лѣтъ съ бабою тѣхъ же лѣтъ .	1 мерина, 1 жеребца да деньгами 16 руб.
» бурутку 7 лѣтъ . .	6 руб.
» бухарца 34 » . . .	12 »
» бухарца 12 » . . .	1 мерина да денегъ 1 руб.
» бухарку 12 » . . .	1 мерина да 2 желтыхъ зендени.
» киргизку 40 » . . .	1 мерина и денегъ 6 р.
» бухарца 40 » . . .	12 руб.
» бухарца 15 » . . .	12 »
» бурутку 16 » . . .	12 »
» бухарку 17 » . . .	12 »
» бухарца	1 кобылу, да 10 коп.
» дѣвку 25 лѣтъ . .	1 сѣрый сермяжный зипунъ.
» бухарца 13 лѣтъ . .	8 руб. [1]).

Это цѣны—чрезвычайно высокія по тогдашнему. Большинство покупаемыхъ рабовъ стоило гораздо дешевле; многіе калмыки продавались сами и продавали въ вѣчное холопство дѣтей только за одежду и пищу, которыя хозяинъ долженъ былъ доставлять имъ во время ихъ неволи. Но и это была еще не самая низкая цѣна; и въ то время, и послѣ калмыцкихъ ребятъ можно было купить копѣекъ по 10—15 за штуку или просто вымѣнять на незначительное количество пищи. Въ одномъ изъ городовъ западной Сибири до сихъ поръ живетъ одинъ купецъ калмыцкаго происхожденія, купленный въ дѣтствѣ за *лукошко ржаной муки*. И такая цѣна была не рѣдкою!

Кромѣ мирныхъ способовъ пріобрѣтенія рабовъ, и во время паденія Джунгаріи, и послѣ него, русскіе добывали ихъ посредствомъ военныхъ и разбойничьихъ дѣйствій противъ кочевавшихъ за сибирскою границею калмыковъ. Эти набѣги носили тотъ же варварскій характеръ, какъ и прежде. Офиціальною цѣлью ихъ были развѣдки «о джунгарскихъ обращеніяхъ» или поимки калмыцкихъ воровъ и мошенниковъ, тревожившихъ русскую границу; средствомъ для этихъ развѣдокъ была попрежнему пытка всѣхъ встрѣчныхъ калмыковъ. Вотъ, напр., въ 1757 г. отправляется за границу для развѣдокъ полковникъ де-Гаррига съ довольно сильнымъ военнымъ отрядомъ. Поймали одного калмыцкаго мальчика и начались допросы. Но на показаніяхъ калмыченка де-Гаррига «утвердиться не могъ» и началъ его пытать «со всякими смертельными пристрастками», отъ которыхъ калмыченокъ, «по малолѣтству», долженъ былъ сказать правду [2]). Возвращаясь изъ подобныхъ походовъ, русскіе приводили въ Сибирь не мало калмыцкихъ плѣнниковъ, обращавшихся въ рабство. Вотъ, напр., въ 1760 г. прапорщикъ Ширяевъ выступилъ изъ Чакырской

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 197.
[2]) Ibid.
[3]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.
[4]) Словцовъ, т. II, 17—18.
[5]) Погр. Дѣла, т. XXVII, стр. 232.

[1]) Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 46.
[2]) Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 482.

крѣпости вверхъ по Чарышу «для искорененія калмыковъ, яко сущихъ непріятелей». На устьѣ р. Карганъ онъ захватилъ двѣ кибитки, въ которыхъ было девять калмыковъ. Подъ плетьми начали допрашивать ихъ о другихъ калмыкахъ; они объявили, что 16 человѣкъ осталось сзади ихъ, но команда захватила тамъ только 3 ребятъ, остальные ушли на лыжахъ. Погнавшись за ними, команда нашла ихъ на высокой сопкѣ, но они отстрѣлялись. Самъ Ширяевъ съ 24 человѣками погнался за бѣжавшими въ Канъ калмыками, но калмыки, завидя его команду, взобрались на высокую сопку, на которой у нихъ еще прежде были складены каменныя защиты и бойницы для защиты отъ монголовъ и китайцевъ. Ширяевъ выбилъ ихъ оттуда, убивъ 4 чел. и полонивъ 8. Черезъ три дня онъ взялъ въ плѣнъ еще 14 человѣкъ [1]).

Такимъ образомъ, начиная съ половины XVIII столѣтія, Джунгарія сдѣлалась главнымъ источникомъ, доставлявшимъ Сибири рабовъ. И сибиряки получали изъ этой страны невольниковъ не только путемъ вышеописанныхъ непосредственныхъ сношеній съ джунгарами, но также и посредствомъ киргизовъ, которые вплоть до указа 1828 года были самыми дѣятельными поставщиками невольниковъ Сибири.

IV.

Киргизскій народъ, который составился изъ обломковъ чингисова царства и въ физіономіяхъ котораго можно найти всѣ переходы и оттѣнки изъ чистѣйшаго кавказскаго типа до типа совершенно монгольскаго,—киргизскій народъ былъ всегда тревожнымъ и опаснымъ сосѣдомъ Сибири. Но въ XVIII столѣтіи внутренніе раздоры киргизскихъ ордъ ослабили ихъ могущество и породили мысль о переходѣ въ русское подданство. Этотъ переходъ совершился въ 1730 г.; но русская власть въ киргизскихъ степяхъ около столѣтія оставалась только номинальною и была родомъ протектората надъ союзною націей. Тотъ же характеръ носили и пограничныя отношенія русскихъ къ киргизамъ. Опоясанная линіей укрѣпленій, Сибирь смотрѣла, и смотрѣла справедливо, на киргизовъ, какъ на орды разбойниковъ, ежеминутно готовыхъ двинуть воинственныя шайки своихъ наѣздниковъ на грабежъ русскихъ поселеній, на отгонъ скота и на уводъ сибиряковъ въ неволю. Киргизскіе набѣги и бунты не прекращались вплоть до половины XIX столѣтія. Киргизы отгоняли скотъ, жгли сѣно и деревни, вытаптывали пашни, уводили въ плѣнъ жителей. Они удачно пользовались для своихъ набѣговъ вьюгами, которыя заносятъ слѣды верховой ѣзды. Такъ, напр., въ 1743 г. они напали въ страдное время на деревню Безрукову и увели въ плѣнъ 26 человѣкъ [2]). Въ томъ же году изъ ишимскихъ слободъ они полонили 20 человѣкъ и 80 лошадей [3]). Въ 1755 г. киргизами разбитъ одинъ изъ ишимскихъ форпостовъ, при чемъ погибло нѣсколько драгунъ. Нападая на русскія поселенія, эти дикари не пропускали случая убить, ограбить или полонить русскихъ, ходившихъ за границу для разныхъ промысловъ, нтпр., для раскопки могильныхъ кургановъ [1]). Такъ дворовые люди дворянина Полстовалова, сбѣжавшіе въ понизовскіе сибирскіе города, дорогой взяты были въ плѣнъ киргизамъ [2]). Такъ, въ 1748 и 1749 гг. уведены киргизами въ неволю капралъ съ двумя женщинами, ѣхавшіе изъ Шульбинска въ Убинскъ. Изъ Подпускнаго станца киргизами былъ «украденъ» тобольскій служилый татаринъ Талаковъ и двѣ лошади [3]). Подобные набѣги повторялись постоянно. Въ 1783—1791 г. по линіи отъ Звѣриноголовска до Гурьева увезено въ плѣнъ киргизами 506 русскихъ [4]). Кромѣ русскихъ, киргизы зорили и полоняли разныхъ инородцевъ; въ ихъ улусахъ имѣлось «живущихъ башкирцевъ немалое число, также чувашъ и другихъ подданныхъ Ея Им—го Вел—ва, и имъ житье отъ кайсаковъ (было) весьма плохое» [5]). На киргизовъ, поэтому, смотрѣли въ Сибири такъ же подозрительно и враждебно, какъ и на джунгаровъ. Выѣзжать въ киргизскую степь русскимъ запрещалось, иногда подъ страхомъ смертной казни. Въ Сибири киргизовъ встрѣчали всегда съ такою же недовѣрчивостью, какъ и джунгаровъ. Когда, напр., въ 1754 г. киргизы, преслѣдуемые джунгарами, умоляли сибирское начальство пустить въ Сибирь, по крайней мѣрѣ, ихъ женъ и дѣтей, то эта просьба была совсѣмъ отвергнута, и беззащитныя семейства оставлены въ добычу калмыкамъ [6]). Та же самая система развѣдокъ и шпіонства, которая употреблялась относительно Джунгаріи, была пускаема въ ходъ и противъ киргизовъ. Русскіе лазутчики постоянно посѣщали киргизскіе улусы и доносили начальству «о тамошнихъ обращеніяхъ». Наблюдать и доносить дѣйствительно было о чемъ. Джунгары зорко слѣдили за отношеніями киргизовъ къ Россіи и старались, привлекши ихъ на свою сторону, пріобрѣсть въ нихъ сильныхъ союзниковъ противъ русскихъ. Намѣреніе киргизовъ вступить въ русское подданство иногда жестоко наказывалось калмыцкими ханами. Войска Галдана Церена прошли однажды съ огнемъ и мечомъ всю степь вплоть до Оренбурга. И русскіе основательно опасались, что джунгары могутъ поднять киргизовъ къ бунту и покорить ихъ своей власти. Очень частыя возмущенія и раздоры киргизскихъ ордъ поддерживали такое опасеніе. Киргизы принимали дѣятельное участіе въ башкирскомъ бунтѣ, и ихъ роды постоянно грабили и раззоряли другъ друга. Всѣ эти обстоятельства и жажда добычи вели за собою военные походы русскихъ, которые совершались подъ предлогомъ возвращенія воровскихъ вещей и плѣнныхъ, наказанія разбойниковъ и бун-

[1]) Погр. Дѣла, т. LII, стр 60.
[2]) Промем. Сибирск. Губерняск. канц., январь 1748 г.
[3]) Рапортъ вахмистра Черныхъ, 1745 г.

[1]) Словцовъ, т. II, стр. 423.
[2]) Рапортъ Павлуцкаго, октябрь 1747 г.
[3]) Письмо Киндермана къ Аблаю, май 1749 г.
[4]) Мейеръ, стр. 19.
[5]) Показанія казака Бордюгина, 11 мая 1745 г.
[6]) Словцовъ, т. II, стр. 423.

товщиковъ. Эти походы позорятъ собою всѣ сношенія сибиряковъ съ киргизами вплоть до половины настоящаго столѣтія. Эти походы, кромѣ поживы имуществами киргизовъ, доставляли Сибири довольно рабовъ-плѣнниковъ, а разоряя киргизовъ и доводя ихъ до безысходной нищеты, они заставляли ихъ страшно усиливать продажу людей въ русскую неволю.

Вотъ, напр., въ первыхъ числахъ ноября 1743 года, около Шульбинскаго завода, Семипалатинска и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ были замѣчены разъѣзжающіе киргизы. 5 ноября изъ Желѣзинской крѣпости былъ командированъ капралъ Вершининъ съ командою изъ 24 человѣкъ для присмотра непріятельскихъ людей и ихъ воровскихъ трактовъ. И отъ крѣпости въ 5 верстахъ напала на нихъ казачья орда, и сказывали тѣ непріятельскіе люди: «мы де мирные люди и ѣдемъ торговать въ Желѣзинскую крѣпость». И послѣ того они учинили съ нимъ, Вершининымъ, бой; и того бою было до ночи». Киргизы начали одолѣвать, и казаки просили изъ крѣпости сикурсу. На выручку ихъ посланъ былъ капралъ Пузинъ съ 42 челов. и 1 пушкой, но Пузинъ киргизовъ уже не засталъ и выслѣдить ихъ не могъ. Ноября 6 подъѣхали къ Желѣзинску два киргиза и захвачены въ крѣпость. Ноября 3 въ Семипалатинскѣ одинъ солдатъ объявилъ, что видѣлъ онъ за Иртышемъ «невѣдомо какихъ людей». Послана въ погоню команда изъ 30 человѣкъ, но она никого не нашла и только захватила въ плѣнъ одного киргиза. 8 ноября изъ Черлаковскаго форпоста сотникъ Дороховъ ѣздилъ съ казаками по степной сторонѣ для присмотра непріятельскихъ людей, и наѣхалъ онъ на 30 киргизовъ, «изъ оныхъ непріятельскихъ людей 2 человѣкъ поймали, а за остальными погнались». Въ помощь имъ изъ форпоста послано еще 31 человѣкъ. Дороховъ съ командою набѣжалъ на киргизскіе улусы, «и оныхъ мужеска полу бойцовъ человѣкъ 50 и отъ улусу верстахъ въ двухъ еще человѣкъ 20, и оныхъ улусахъ баталія была во второмъ часу ночи, и съ оной баталіи привезъ онъ, Дороховъ, 20 человѣкъ плѣнниковъ и скота многое число». По требованію Дорохова, командировано ему въ помощь для вторичнаго набѣга изъ Омска 117 человѣкъ, да изъ Черлакова 31 человѣкъ, «и, соединясь всѣ вообще, они 13 ноября въ степь отправились». Черезъ пять дней похода нашли они на киргизскіе улусы, «и изъ тѣхъ улусовъ черезъ огненное оружіе взято въ полонъ мужескаго и женскаго полу 42 человѣка, 790 лошадей и 22 верблюда. И тотъ полонъ за помощію Божіею выведенъ въ Омскую крѣпость, во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную взятую имъ добычу—*людей, лошадей и верблюдовъ—отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы впредь многіе вѣрноподданные охоту и не малую ревность имѣли.* А по справкѣ съ присланнымъ въ 1735 г. ея и—го в—ва указомъ, въ которомъ велѣно взятыхъ въ полонъ непріятельскихъ людей выростыхъ въ сибирскую губернскую канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ препровождать, а малолѣтнихъ мужеска и женска пола и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ взялъ, чтобъ служилые люди къ поиску непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли. И по силѣ онаго указа преднаписанные завоеванные мужескъ полъ молодые, а женскъ старыя и молодыя, такожъ верблюды и кони раздѣлены по тѣмъ, которые при взятьѣ той добычи были» [1]). Эти набѣги производились сибиряками такъ ревностно и безсовѣстно, что, по предложенію оренбургскаго начальства, въ главномъ вѣдѣніи котораго находились тогда киргизскія дѣла, правительство «повелѣло накрѣпко наблюдать, чтобъ прежде, пока объ ихъ киргизскихъ противныхъ и злыхъ противъ Россіи намѣреніяхъ подлинно не увѣдомлено будетъ, съ россійской стороны дѣйствъ не оказывать и войскамъ оныхъ не чинить». Оренбургская губернская канцелярія находила, что часто изъ захваченныхъ въ полонъ «измѣнниковъ киргизцевъ» за многими «не токмо винности, но и сомнѣнія никакого не видно, и ихъ задерживали безъ всякой причины»; военныя сибирскія партіи, по мнѣнію той же канцеляріи, ходили подъ киргизскіе улусы безъ нужды и дѣлали свои разбойничьи набѣги совершенно противозаконно. Но эти набѣги продолжались вплоть *до половины настоящаго вѣка.*

Такъ, напр., въ 1807 г. оренбургскіе киргизы ограбили Вали-Хана, и онъ просилъ защиты у сибирскаго начальства, которое и выслало въ степь 100 казаковъ. Они начали грабить встрѣчнаго и поперечнаго, и самъ Вали просилъ избавить его поскорѣе отъ такихъ защитниковъ. Такъ, въ 1842 г. знаменитый бунтовщикъ султанъ Кенисара въ своемъ рапортѣ, присланномъ оренбургскому начальству, подробно исчисляетъ обиды, нанесенныя ему сибирскимъ начальствомъ. Походы сибиряковъ въ степь онъ называетъ грабежами. Меня грабили—пишетъ онъ—по наговору султана Ямантая въ 1825, 1827, 1830, 1831, 1832, 1836 годахъ; потомъ опять грабили въ 1837 г. два раза, въ 1838 г. четыре раза, въ 1840 г. три раза [2]). Около того же времени ходилъ въ степь полковникъ Ѳедоръ Набоковъ; онъ прошелъ съ огнемъ и мечомъ и навелъ на киргизовъ такой страхъ, что даже до сихъ поръ они боятся проѣзжать мимо могилы этого *Чадыръ-Богатыря* (богатыря Ѳедора). Для возвращенія захваченныхъ сибиряками скота и киргизовъ, ихъ родичи и султаны употребляли всѣ усилія; но ихъ старанія почти никогда не имѣли успѣха. Большею частію русскіе отвѣчали, что полонъ можетъ быть возвращенъ киргизамъ только въ томъ случаѣ, если они, съ своей стороны, отдадутъ всѣхъ захваченныхъ ими русскихъ подданныхъ. Когда же сибирякамъ предписывалось возвратить награбленный у киргизовъ военными командами скотъ, то командиры рапортовали, что «нѣкоторые лошади и верблюды пали, другіе убѣжали въ степь,

[1]) Экстрактъ, 31 марта 1745 г., объ обидахъ, учиненныхъ киргизамъ.

[2]) Мейеръ, стр. 29 и 59.

иные проданы» [1]). Что же касается плѣнныхъ людей, то ихъ не возвращали обыкновенно подъ тѣмъ предлогомъ, что они окрещены. Вотъ что писалъ, напр., оренбургскій губернаторъ Неплюевъ начальнику сибирскихъ войскъ Киндерману: «что касается тѣхъ киргизъ-кайсаковъ, кои по поимкѣ въ разныя руки достались и въ православную вѣру приведены, слѣдственно, *какъ бы то сдѣлано ни было,* отпущать ихъ въ орду, яко крещеныхъ, невозможно, и такъ въ отговорку киргизъ-кайсакамъ другого резону нѣтъ, какъ только сей, что *по ихъ собственному желанію оное восприяли*, и по закону православному возвратить ихъ уже не можно, *да они и сами того не желаютъ* [2]). Дѣйствительною же причиною невозвращенія изъ Сибири киргизскихъ плѣнниковъ было то, что они обращались въ рабство, развозились по разнымъ мѣстамъ и часто поступали въ неволю къ тѣмъ самымъ чиновникамъ, у которыхъ киргизы хлопотали о возвращеніи плѣнниковъ. Такъ, напр., Аблай-султанъ особенно хлопоталъ о возвращеніи родственниковъ Алимбетъ-Батыря; но по справкѣ оказалось, что они были въ рабствѣ: «женка Хурумза у превосходительнаго генералъ-маіора и губернатора Сухарева, женка Аимъ и дочь ея дѣвка у полковника Вендейга, женка Сулуча у секретаря Карташева, и оныя уже окрещены» [3]).

Кромѣ полону, русскіе пріобрѣтали отъ киргизовъ рабовъ посредствомъ покупки. Эти невольники состояли главнымъ образомъ изъ калмыковъ, тысячи которыхъ томились въ киргизской неволѣ, особенно послѣ паденія Джунгаріи. Бѣжавшіе въ 1777 г. съ Волги калмыки доставили киргизамъ отличный случай увеличить число ихъ калмыцкихъ рабовъ. Бѣжавшіе калмыки «ошибкою трафили на великіе пески, отчего много оныхъ побросано; за упадкомъ лошадей и по нападенію киргизскаго Аблая-султана многіе разграблены ими (киргизами) и взяты въ плѣнъ весьма много вымѣняно оныхъ отъ киргизъ купечеству въ Россію» [4]). Продажа калмыковъ и другихъ націй киргизскихъ плѣнниковъ въ сибирскую неволю совершалась вплоть до конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и часто эти рабы стоили покупателю копѣекъ 10—20 штука или даже просто вымѣнивались за лукошко ржаной муки. Впрочемъ, эти рабы вывозились на сибирскую линію для продажи только въ голодные годы, «въ прочее время владѣльцы ихъ, имѣя способы удобно сбывать ихъ между собою и за цѣну высшую, чѣмъ россіянамъ, не продавали ихъ на линіи»... Положеніе этихъ рабовъ у киргизовъ было самое жалкое. «Находясь у киргизъ, они не знаютъ собственности и передаются отъ одного владѣльца къ другому, какъ обыкновенная въ частной жизни вещь, покупкою, мѣною и разными сдѣлками пріобрѣтаемая; часто они выводятся и ставятся *на байги* (конскіе бѣга) вмѣстѣ съ лошадьми и поступаютъ въ призъ отличившимся въ скачкѣ. Въ дѣлахъ судныхъ закономъ введено взыскивать съ обвиненныхъ штрафъ калмыками и скотомъ». Число этихъ невольниковъ въ началѣ XIX вѣка значительно уменьшилось у киргизовъ. «Причина тому очевидна. Киргизы, имѣя надъ калмыками неограниченную власть, весьма часто разлучаютъ мужа съ женой по своему произволу, отдавая ихъ въ разныя руки, или, какъ выгоднѣе, оставляя у себя одного, продаютъ другую постороннему владѣльцу или же удерживаютъ при себѣ въ наложницахъ, отчего мужчины большею частію холосты. Бракъ съ киргизкою не дозволенъ калмыкамъ, но если владѣлецъ, по снисходительности, и женитъ на ней невольника, то сей вступаетъ уже въ права, равныя киргизамъ, и освобождается отъ рабства» [1]). Въ голодные годы вмѣстѣ съ рабами киргизы продавали въ рабство своихъ дѣтей. Постоянныя междоусобія, деспотизмъ султановъ и хановъ, набѣги русскихъ командъ, частыя эпидеміи—все это разоряло киргизскій народъ и навлекало на него ужасныя бѣдствія. Тому же содѣйствовали и многія административныя мѣры. Напр., употреблялись всѣ средства, чтобы не дать киргизамъ сдѣлаться осѣдлыми земледѣльцами. Графъ Сухтеленъ сочинилъ теорію, что киргизы полезны Россіи, какъ кочевой народъ, какъ потребители нашего хлѣба и мануфактуръ, какъ производители кожъ и другого сырья; поэтому ихъ должно удерживать въ полудикомъ состояніи. Даже въ 1854 г. Перовскій сдѣлалъ пограничной комиссіи строгое замѣчаніе за то, что она не препятствовала киргизамъ строить за Ураломъ землянки [2]). Поэтому, при каждомъ неурожаѣ хлѣба въ русскихъ пограничныхъ мѣстахъ, киргизы умирали съ голода и для спасенія своей жизни продавали въ рабство своихъ дѣтей. «Въ началѣ XIX столѣтія—говоритъ Мейеръ—торгъ дѣтьми дошелъ до обширнѣйшихъ размѣровъ» [3]). Въ особенно бѣдственномъ положеніи киргизы находились съ 1811 по 1814 г., «когда они выѣзжали со своими дѣтьми на линію и тамъ мѣняли ихъ низкою цѣною на деньги, муку и скотъ. Къ открывшейся тогда въ степи заразѣ на скотъ присоединились глубокіе снѣга и гололедица, двѣ зимы сряду продолжавшіеся. Въ семъ состояніи тѣ изъ нихъ, кои не имѣли другого имущества, кромѣ скота, лишившись его, прибѣгли къ крайнему средству пропитанія своего, къ продажѣ дѣтей» [4]). Сперанскій въ своей запискѣ, поданной имъ въ государственный совѣтъ, замѣчаетъ объ этой работорговлѣ, что «дѣти калмыцкія и киргизскія, на сибирскую и оренбургскую линіи киргизами привозимыя, обыкновенно привозятся на мѣновые дворы и тамъ скупаются оптомъ или вымѣниваются на товаръ мѣщанами, кои симъ промысломъ занимаются. Цѣна ихъ на мѣстѣ обыкновенно отъ 10 до 25 р., рѣдко бываетъ выше. Промышленники содержатъ ихъ въ неволѣ и изнуреніи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда обыкновенно

[1]) Рап. Павлуцкаго, мартъ 1745.
[2]) Письмо Неплюева, 26 сентября 1745 г.
[3]) Рапортъ Павлуцкаго, сентябрь 1745 г.
[4]) Лѣтопись Андреева, рукопись 1789—1800 г., листъ 24.

[1]) Журналъ омскаго областного совѣта, 30 іюля 1826 г.
[2]) Мейеръ, стр. 47 и 72.
[3]) Ibid., стр. 27.
[4]) Журн. омск. обл. совѣта, 30 іюля 1826 г.

производится вымѣнъ до зимы. Въ декабрѣ и январѣ, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на ирбитскую ярмарку, въ февралѣ мѣсяцѣ бывающую, и тамъ продаютъ или обмѣниваютъ въ розницу купцамъ и мѣщанамъ, кои потомъ распродаютъ ихъ или обращаютъ въ подарокъ. Излишне описывать всѣ жестокости и страданія, съ симъ торгомъ сопряженныя» [1]).

V.

Мы говорили, что до половины XVIII в. рабство не могло развиться въ Сибири до очень обширныхъ размѣровъ, потому что рабы требовались только для домашнихъ работъ и служили орудіями передвиженія, подмогою лошадей. Съ этого же времени рабство значительно усиливается, и въ Сибири начинаетъ образовываться сословіе дворянъ-рабовладѣльцевъ. До этого времени дворянство сибирское было только призракомъ дворянства. Авторъ «Домовой Лѣтописи» справедливо замѣчаетъ, что «приходившіе изъ Россіи дворяне поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онымъ выгоднѣе быть казалось, почему и привилегіи дворянства своего растратили, такъ что, наблюдая свой покой, многіе уклонялись въ хлѣбопашество и разные звѣриные промыслы, а чрезъ то наложили на себя иго крестьянства, перешли въ подушный окладъ и въ духовенство и разныя степени жизни, перемѣняли и свою фамилію» [2]). Впрочемъ, нѣкоторые изъ россійскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, послѣ переселенія въ Сибирь, сохраняли свое званіе и назывались *сибирскими*. Потомъ многіе верстаны въ это званіе въ Сибири по царскимъ указамъ или властью воеводъ и позднѣе губернаторовъ, «за многотрудныя службы, осадное сидѣнье, голодное терпѣнье», а иногда за службу отца. Дѣти боярскія и сибирскіе дворяне получали особое жалованье, рублей по 5—25 въ годъ, по нѣсколку четвертей хлѣба и крупъ, по нѣсколько пудовъ соли и сѣнокосныя земли, бывшія наслѣдственными. Указомъ сената 1727 г. «съ дворянъ и дѣтей боярскихъ сибирской губерніи и съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы на мѣсто умершихъ—податей подушныхъ брать не велѣно». Но въ 1737 г. дѣти боярскія всѣ обращены военной коллегіей на службу и поставлены наравнѣ съ казаками [3]). Еще до этого времени нѣкоторые изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ пріобрѣтали себѣ вотчины, и въ Сибири появилось сословіе помѣщиковъ-вотчинниковъ. Въ числѣ ихъ было много казаковъ, купцовъ, приказныхъ, духовныхъ. Они селили на этихъ земляхъ рабовъ-инородцевъ, ссыльныхъ и бродягъ, которыхъ имъ удавалось записывать за собою. Противъ этого вооружался еще царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ [4]). Но въ XVIII в. усиленіе запроса на хлѣбъ вело за собой усиленіе хлѣбопашества, особенно въ южныхъ пограничныхъ мѣстахъ Сибири. Рабы, такимъ образомъ, начинали пріобрѣтать небывалую до тѣхъ поръ въ Сибири цѣну, какъ производители хлѣба. Люди, умѣющіе понимать смыслъ обстоятельствъ и извлекать изъ нихъ барыши, люди, имѣвшіе при томъ возможность владѣть рабами, обзаводились землей и начали воздѣлывать ее невольничьимъ трудомъ [1]). Мы имѣемъ въ рукахъ интересный дневникъ одного изъ этихъ рабовладѣльческихъ сельскихъ хозяевъ. Одинъ изъ предковъ Андреева, умершій въ 1739 г., купилъ въ 12 верстахъ отъ Тобольска деревню Этыкерову, «накупя людей и содержавъ оную, жизнь свою препровождалъ въ изобиліи». Сынъ его увеличилъ это рабовладѣльческое имущество тѣмъ, что, будучи израненъ въ башкирскую войну, онъ получилъ «башкирцевъ шесть человѣкъ въ вѣчное владѣніе, которые и поселены были въ деревнѣ, которую отецъ ему по духовной отказалъ». Упомянутая деревня вмѣстѣ съ рабами досталась автору лѣтописи. Живя безъ господскаго надзора, «не имѣвъ надъ собою смотрѣнія и не видя господъ», эти рабы, при ревизіи 1783 г., «взбунтовавъ, подавали челобитныя, называя себя вольными людьми .. Съ великимъ трудомъ приведя ихъ въ страхъ и показавъ, что есть господа, я отправилъ ихъ въ крѣпость Семипалатинскую съ капраломъ Кочевымъ»... Купивъ землю и мельницу, Андреевъ построилъ домъ руками своихъ рабовъ и снабдилъ ихъ лошадьми, скотомъ рогатымъ, баранами, свиньями, курами, дешевою посудою, хлѣбомъ. «Великаго стоило мнѣ труда приводить распутныхъ сихъ людей въ порядокъ»... «Накупилъ я лошадей, завелъ рогатаго скота, птицы, употребляя людей и лошадей къ ломкѣ и возкѣ соли и къ прочимъ случающимся подѣлкамъ, и весьма жизнь свою поправлять всякимъ заведеніемъ началъ, а сверхъ того, какъ для себя, такъ и для коменданта многія вещи крашивалъ, золочивалъ и разныя полезныя показывая услуги, и жизнь свою препровождалъ съ удовольствіемъ» [2]). Другіе рабовладѣльцы вели свои дѣла подобнымъ же образомъ. Понятно, что положеніе рабовъ было вообще чрезвычайно тяжкое. Задавленные работой, они постоянно страдали отъ палокъ, плетей и розогъ, раздававшихся щедро господами, «препровождавшими жизнь свою съ удовольствіемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія Сперанскаго, цѣна рабовъ, съ обращеніемъ ихъ силъ на производительный сельско-хозяйственный трудъ, поднялась до 25 рублей за мальчика. Развитіе сельскаго хозяйства придавало сибирскому рабству новыя силы. И по всей вѣроятности, если бы правительство не уничтожило рабства, если бы послѣднее просуществовало до развитія въ Сибири фабричной и золотой промышленности, то его размѣры значительно увеличились бы.

Но въ то время, какъ сибирскіе рабовладѣльцы

[1]) Указъ Сената Капцевичу, января 30, 1826 г.
[2]) Лѣтопись Андреева, листъ 7.
[3]) Этнографич. Сборникъ, выпускъ V, Словцовъ, т. II, прилож. 11—13.
[4]) Д. къ А. И., Ш, стр. 228.

[1]) Гагемейстеръ, Статистическое обозрѣніе Сибири, т. II, стр. 77.
[2]) Лѣтопись Андреева, листъ 9, 22, 28 и 29.

«препровождали жизнь свою съ удовольствіемъ», въ отдаленномъ Петербургѣ замышлялось уже освобожденіе невольниковъ. Первый ударъ невольничеству былъ нанесенъ высочайшимъ указомъ 23 мая 1808 г. Въ немъ говорилось:

а) Всѣмъ россійскимъ подданнымъ свободныхъ состояній покупать и вымѣнивать на линіи киргизскихъ дѣтей дозволяется, съ тѣмъ, чтобъ:

б) таковыя обоего пола, по достиженіи 25-лѣтняго возраста, всѣ безъ изъятія должны быть свободными;

в) всѣ, покупающіе или вымѣнивающіе ихъ, должны предъявлять о сей покупкѣ оренбургской пограничной комиссіи;

г) каждый купленный или вымѣненный невольникъ, по истеченіи 25-тилѣтняго возраста, какъ свободный, долженъ избрать состояніе по способности и произволенію;

д) право на владѣніе каждому покупателю дозволяется передавать, кому онъ пожелаетъ. Но по достиженіи 25-тилѣтняго возраста эти киргизы свободны и отъ новыхъ хозяевъ;

е) невольникъ, женившійся, по достиженіи имъ 25-тилѣтняго возраста, свободенъ съ женою и дѣтьми, хотя бы женился и на крѣпостной своего хозяина;

ж) правила сіи распространяются на всю сибирскую линію.

Рабовладѣльцы были ошеломлены этимъ указомъ, но не надолго. Тогдашняя Сибирь нисколько не была лучше Сибири XVII в., когда ставили ни во что царскіе указы, запрещавшіе невольничество. Той же судьбѣ подвергся сначала и указъ 1808 г. Его исполненіе зависѣло отъ чиновниковъ, которые были сами рабовладѣльцами и поэтому были заинтересованы въ поддержаніи невольничества. Рабовладѣльцы же, не бывшіе чиновниками, избавлялись отъ дѣйствія этого указа посредствомъ взятокъ. Между тѣмъ рабы, узнавъ о выходѣ упомянутаго указа, заволновались: покупали гербовую бумагу, нанимали сочинителей и переписчиковъ прошеній подавали просьбы о своемъ освобожденіи. Но рабовладѣльцы не дремали, и старались выводить изъ своихъ невольниковъ мысль о свободѣ посредствомъ палокъ и розогъ. Стоило только отослать такого раба при запискѣ въ полицію, или просто отвести его на свою конюшню, и ему задавали такую баню, что, пожалуй, и дѣйствительно выбивали всякую мысль объ освобожденіи. Такъ, напримѣръ, въ Омскѣ, коллежскій совѣтникъ Камаевъ своего раба, киргиза Александрова, «наказалъ при полиціи 200-ми лозъ, а послѣ сего ввергнулъ его въ тюремное заключеніе, гдѣ онъ находился больше мѣсяца, съ употребленіемъ на городовую работу». Вина Александрова состояла въ томъ, что онъ написалъ одному своему родственнику просьбу объ освобожденіи отъ рабства [1]).

Ищущимъ свободы невольникамъ доводилось часто получать за это двойное наказаніе—и отъ своихъ господъ, и по приговору того судебнаго мѣста, въ которомъ они ходатайствовали о своемъ освобожденіи. Высочайшимъ указомъ 23 апрѣля 1744 г. было постановлено, что «ежели кто изъ крещеныхъ калмыковъ и другихъ націй людей, безъ позволенія помѣщиковъ своихъ, у коихъ они, по силѣ указа 1737 г., живутъ, будутъ къ ревизіи приходить и проситься, не имѣя никакого письменнаго вида отъ тѣхъ своихъ помѣщиковъ, на волю, таковыхъ, за таковое своевольство, наказывая батогами, отсылать къ тѣмъ же помѣщикамъ и къ прочимъ». Основываясь на этомъ постановленіи, нѣкоторые суды, наприм., тобольскій магистратъ и уѣздный судъ, приговаривали къ наказанію батогами и къ отдачѣ рабовладѣльцамъ тѣхъ невольниковъ, которые, по указу 1808 г., имѣли полное право на освобожденіе [1]). Нѣкоторымъ отказывали въ освобожденіи на томъ основаніи, что указъ 1808 г. относится только къ купленнымъ и вымѣненнымъ невольникамъ, а просители, дескать, были сначала «завоеваны», а потомъ уже проданы! [2]). Часто суды или вовсе не принимали невольничьихъ просьбъ, или откладывали ихъ въ долгій ящикъ. Но скоро эти несправедливости сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, и сенатъ своимъ указомъ о прекращеніи ихъ и своими угрозами о жестокомъ наказаніи виновныхъ чиновниковъ, навелъ на нѣкоторыя присутственныя мѣста такой страхъ, что они начали освобождать рабовъ чрезвычайно скоро и безъ всякихъ формальностей. Омскіе дворяне жаловались, напр., что «омское областное правленіе, на основаніи указа 1808 г., только по собственнымъ своимъ резолюціямъ, безъ судебнаго производства и приговора, даетъ свободу находящимся у дворянъ въ услуженіи людямъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста»... «Такія дѣйствія омскаго областного правленія, по освобожденію достигшихъ 25-ти лѣтъ невольниковъ, и поселили въ умахъ легковѣрныхъ и склонныхъ къ праздности калмыковъ вольность; они всѣ уже готовы были искать оной и, ходатайствуя о томъ съ надеждою, выходили изъ повиновенія господъ своихъ и тѣмъ наносили общее неудовольствіе и невозвратный убытокъ» [3]). Между тѣмъ петербургское правительство показывало, что оно желаетъ идти въ этомъ дѣлѣ даже далѣе указа 1808 г. Такъ, наприм., 8 февраля 1822 г. было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о выдачѣ 150 р. за каждаго освобождаемаго невольника его хозяину. 6 октября 1825 г. постановлено, что если невольникъ самъ не захочетъ уходить отъ своего господина, то можетъ оставаться у него не иначе, какъ только на правахъ вольнонаемнаго. Рабовладѣльцы пуще прежняго начали вопіять о попраніи своимъ «священныхъ правъ собственности». Въ Омскѣ, гдѣ однихъ только рабовладѣльцевъ-чиновниковъ было 31 человѣкъ, они

[1]) Дѣло объ освобожденіи невольниковъ, Арх. Главн. Управл. Западн. Сибири № 2301.

[1]) Дѣло объ ищущихъ вольности отъ рабства, Архивъ Главн Управл. Зап. Сибири, № 54.

[2]) Архивъ Главн. Управл. Западн. Сибири, дѣло № 2301.

[3]) Ibidem.

замыслили ходатайствовать объ оставленіи невольниковъ за ними. Долго толковали объ этомъ по домамъ, за чайкомъ и водочкой, наконецъ, въ іюнѣ 1825 г. рабовладѣльцы составили общее собраніе и избрали повѣреннаго, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя. Упомянувъ о произвольныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ по отбору невольниковъ, они въ упомянутомъ своемъ прошеніи продолжаютъ: «дѣйствіями сими омское дворянское сословіе, будучи озабоченнымъ даже до разстройства въ хозяйственности, опасается, чтобы напослѣдокъ не лишиться каждому всѣхъ рода сего людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, употребленной на пріобрѣтеніе, воспитаніе и обученіе ихъ собственности своей безъ возврата и не остаться вдругъ безъ всякой услуги, необходимой въ особенности для служащаго чиновника, — имѣло о томъ свое разсужденіе и, изложивъ оное за надлежащимъ подписаніемъ въ особомъ мнѣніи, поручило титулярному совѣтнику Яковлеву ходатайствовать у верховнаго правительства защиты и снисхожденія пребывающему въ Сибири дворянскому сословію, по уваженію нуждъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, въ отношеніи спокойнаго владѣнія калмыками съ происходящимъ отъ нихъ потомствомъ на основаніи коренныхъ законовъ, утверждавшихъ права сибирскихъ рабовладѣльцевъ» [1]). Указывая на юридическія основанія своихъ правъ, рабовладѣльцы стараются разжалобить правительство, разрисовывая передъ нимъ свое бѣдственное положеніе, до котораго необходимо должно довести ихъ освобожденіе рабовъ. «Чиновники, въ Сибири служащіе,—пишутъ они,—большею частью не имѣя возможности купить русскихъ крѣпостныхъ людей и надѣясь на допущенное указомъ 1757 г. право пріобрѣтать калмыковъ и владѣть ими вѣчно, только сихъ людей и имѣютъ, вымѣнивая на товаръ съ платежомъ пошлины и за владѣнную запись денегъ; воспитывая ихъ подобно дѣтямъ, обучали разнымъ ремесламъ съ большими издержками, и нѣкоторыхъ изъ нихъ женили на крѣпостныхъ дѣвкахъ, доставляя имъ все нужное къ содержанію, приготовляя ихъ быть для себя и самихъ ихъ полезными. Но они, по природной ихъ азіатской склонности, забывъ отеческое объ нихъ попеченіе, прилагаемое при воспитаніи, и заботы, по внушеніямъ неблагонамѣренныхъ людей, стараются избыть отъ услугъ... Съ распубликованія послѣдняго о семъ узаконеніи (ук. 1808 г.), вымѣнъ ихъ отъ киргизъ по сибирской линіи почти прекратился, ибо издержки, долженствующія употребляться на вымѣнъ калмыченка, обученіе его правиламъ христіанской вѣры, образу жизни и какому-нибудь ремеслу, на воспитаніе его и на одежду, напр., съ 7 до 25-тилѣтняго возраста, никакъ не могутъ вознаградиться отъ услуги лучшаго изъ калмыченковъ; а очень много и такихъ, кои почти ни къ чему не имѣютъ способности; найдутся еще и такіе, которые бываютъ покупаемы 24 лѣтъ отъ роду и не дешевле, какъ за 400 р. (?), кромѣ пошлинъ и прочихъ расходовъ. И ежели бы зналъ владѣлецъ, что таковой пріобрѣтаемый имъ человѣкъ будетъ свободенъ, то, безъ сомнѣнія, не рѣшился бы на вымѣнъ его, сопряженный съ напрасной тратой денегъ. При законѣ 1808 г. не далѣе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ уже до одного калмыка будутъ свободны, и чиновники въ Сибири, въ особенности же въ гражданской службѣ находящіеся, неминуемо потерпятъ въ услугѣ нужду, ибо въ здѣшнемъ краѣ сколько невозможно достать русскихъ крѣпостныхъ людей, столько же трудно имѣть и вольнонаемныхъ» [1]). Понятно, что ходатайство омскихъ рабовладѣльцевъ осталось безъ успѣха. Указы 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г. назначили срокъ для освобожденія всѣхъ невольниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретили впредь пріобрѣтать ихъ. Но, вѣроятно, сибирскіе рабовладѣльцы имѣли въ Петербургѣ сильную руку, по крайней мѣрѣ, сибирскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ держалъ ихъ сторону. И вмѣстѣ съ выходомъ упомянутаго закона объ эманципаціи невольниковъ было отдано два указа, которые вдохнули въ рабовладѣльцевъ надежду, что дѣло ихъ не совсѣмъ еще потеряно. Сенатъ, подтверждая указъ 13 февраля 1819 г., объявилъ, что «киргизы и калмыки доселѣ купленные состоятъ въ двухъ разныхъ положеніяхъ: одни суть, кои куплены до указа 1808 г., а другіе послѣ онаго; первые крѣпки пріобрѣтателямъ ихъ по жизни, вторые до 25-тилѣтняго возраста» [2]). Государственный же совѣтъ, соболѣзнуя о безпомощномъ состояніи дѣтей, продаваемыхъ киргизами изъ-за нищеты и голода, предписалъ сибирскому и оренбургскому начальству, «сообразивъ мѣстныя обстоятельства, положить способъ къ призрѣнію сихъ дѣтей, назначить на сіе потребную сумму, которая, по дешевизнѣ пріобрѣтенія, не можетъ быть значительною, размѣщать сихъ дѣтей по селеніямъ къ добрымъ и зажиточнымъ хозяевамъ, опредѣливъ за воспитаніе работные годы, по истеченіи коихъ они должны быть свободными» [3]). Омскій областный совѣтъ, понявъ, какую выгоду можно извлечь изъ этихъ указовъ, сообразилъ, что если азіатцы останутся въ кабалѣ у крестьянъ, то отъ нихъ можно будетъ брать для работы лицамъ другихъ сословій; совѣтъ положилъ между прочимъ: «къ покупкѣ и вымѣну дѣвочекъ, изъ рода киргизовъ или калмыковъ, пригласить всѣхъ безъ изъятія жителей линіи на собственные ихъ товары или деньги»; мѣстами вымѣна назначены Омскъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ; покупщикъ долженъ представлять купленныхъ имъ дѣтей мѣстному начальству, которое, сверхъ объявленной имъ покупной цѣны, будетъ выдавать покупщику награды 10 р. за каждаго представленнаго ребенка;

[1]) Т.-е. Соборное Уложеніе, гл. IX, § 117; указы 1737 г., ноября 16, § 6; 1744 г. апрѣля 23; 1745 г. іюля 5; 1754 г. мая 13, § 5; 1757 г. января 9; 1781 г. сентября 7; 1815 г. августа 11; Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, § 277.

[1]) Арх. Г. У. З. Сиб. 2301.

[2]) Высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта, 8 октября 1825 г.

[3]) Ук. сената Капцевичу, 30 января 1826 г.

«по вступленіи сихъ дѣтей въ казенное вѣдомство, размѣщать ихъ въ благонадежныя семейства, кои взять пожелаютъ на воспитаніе до замужества; сообразно примѣрамъ прежняго времени, совѣтъ полагаетъ, что каждую дѣвочку можно пріобрѣсть въ казенное вѣдомство отъ 2 до 7 лѣтъ за 40—80 р., отъ 7 до 12 лѣтъ за 80—120, а свыше 12 лѣтъ за 120—160 р.»!! Поэтому совѣтъ положилъ назначить слѣдующую плату за дѣтей:

	Мужск. пола.	Женск. пола.
менѣе 1 года . .	15 руб.	15 руб.
1 » . .	20 »	20 »
2 лѣтъ . .	25 »	25 »
3 » . .	35 »	30 »
4 » . .	50 »	35 »
5—7 » . .	70 »	55 »
7—9 » . .	90 »	70 »
9-12» . .	100 »	90 »

Свыше этого возраста дѣти не принимаются, ибо тогда они могутъ сами снискивать пропитаніе. За воспитаніе опредѣлить заработные годы, полагая оные съ пятнадцати-лѣтняго возраста по слѣдующему расчисленію:

Возрастъ дѣтей.	Число заработныхъ годовъ.
1 года и менѣе	9 лѣтъ.
2 » »	8½ »
3 » »	8 »
4 » »	7½ »
5 » »	7 »
6 » »	6½ »
7 » »	6 »
8 » »	5½ »
9 » »	5 »
10 » »	4½ »
11 » »	4 »
12 » »	3½ »

По отысканіи желающихъ взять себѣ на пропитаніе этихъ дѣтей, отправлять ихъ для размѣщенія по линіи по селеніямъ, подъ присмотромъ наемныхъ отъ казны служителей, на обывательскихъ подводахъ безъ прогонъ» [1]). Совѣтъ главнаго управленія прибавилъ къ этому, что желающимъ принять на воспитаніе этихъ дѣтей должно внушать, что «сверхъ той пользы, какую непремѣнно получатъ они, имѣя ихъ у себя столь долгое время въ работахъ, сдѣлаютъ еще богоугодное дѣло, потому что, приведя ихъ въ христіанскую вѣру и воспитавъ въ страхѣ Божіемъ, они присоединятъ ихъ къ христіанской церкви, а сіе доброе дѣло, какъ въ сей жизни обратитъ на ихъ домъ благословеніе Божіе, такъ и въ будущей не оставитъ ихъ безъ достодолжнаго вознагражденія. Эти дѣти обязаны служить хозяевамъ до 25 лѣтъ жизни; по достиженіи ими 18 лѣтъ, а дѣвочки 15 лѣтъ, имѣютъ право вступить въ бракъ. До приведенія же этихъ мѣръ въ исполненіе, положено собрать свѣдѣнія о числѣ лицъ, желающихъ взять упомянутыхъ дѣтей на воспитаніе [2]). Оказалось, что принять на воспитаніе азіатскихъ дѣтей обоего пола заявили свое желаніе крестьяне по Тобольской губерніи 237 человѣкъ, по Томской губерніи 3 человѣка въ Каинскомъ округѣ, до еще и въ Кузнецкомъ округѣ нѣсколько человѣкъ, по Омской области 338 человѣкъ [3]). Но множество крестьянъ, пользуясь трудомъ своихъ кабальниковъ, вовсе не имѣло нужды въ азіатскихъ дѣтяхъ. Вотъ, напр.. приговоръ крестьянъ Теплодубровской волости: «Взять киргизскихъ дѣтей себѣ на воспитаніе изъ нашего селенія желающихъ не имѣется, потому что по Теплодубровской волости имѣется русскихъ довольное число у бѣдственныхъ отцовъ семействъ мужескаго пола малолѣтнихъ дѣтей довольное число, отъ которыхъ имѣютъ зажиточные крестьяне дѣтей въ срочныхъ работахъ, и тѣмъ тѣ семейства бѣдственныя отъ прожиточныхъ пропитываются и уплатою податей облегчаются». Точно такіе же приговоры дали деревни: Шатасинская, Гузкина, Лапушная, Жартинская, Арлагунская, Курсинская, Степная, Сухменская, Батырева, Яровая, Чулашная, Глубокая и др. [2]).

Такимъ образомъ рабство пало. Даже проектъ закабаленія киргизскихъ дѣтей крестьянамъ не былъ осуществленъ, потому что дѣла киргизовъ поправились, и они перестали продавать дѣтей. Рабство осталось только въ преданіи, и отъ сибирскихъ стариковъ еще и теперь можно слышать сожалѣніе о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда ребенка можно было купить въ вѣчное владѣніе за какихъ-нибудь 14—20 коп.

Рабство пало, но не совсѣмъ; въ сущности уничтожилась только его особенная форма, а въ формѣ кабалы оно существуетъ въ Сибири до сегодня. Ходитъ душегубка-кабала по этой обширной землѣ, налагая свои цѣпи на каждаго встрѣчнаго инородца. Лишь только появится она въ извѣстной мѣстности, какъ всѣ эти многочисленные табуны и стада, эти воды съ ихъ рыбами и бобрами, эти лѣса—съ ихъ соболемъ и бѣлкою, даже самые инородцы, населяющіе эти улусы,—все это переходитъ въ наслѣдственную собственность кабалителя. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ этюдѣ.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ *).

I.

Положеніе инородцевъ до пріѣзда Сперанскаго.

Къ концу XVIII в. вся Сибирь была окончательно покорена и замирена. Періодъ броженія и по-

[1]) Журналъ омск. областн. сов., 30 іюня 1826 г.
[2]) Приказъ Главн. Упр. Зак. Сиб., 14 февр. 1826 г.

[1]) Рапортъ въ сенатъ генералъ-губернатора, 20 апрѣля 1829 г.
[2]) Арх. Главн. Упр. Зап. Сиб., № 2301.
*) Главными источниками при составленіи этого очерка мнѣ служили слѣдующіе архивные документы:
a) Дѣло о сибирской язвѣ и о горячкѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1813 г.
b) Дѣло о голодѣ и людоѣдствѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1816 г.

пытокъ свергнуть русское владычество кончился, и одинъ сибирскій піита XVIII в. могъ уже, не противорѣча истинѣ, восклицать:

Хоть населяютъ разны орды
Хребтовъ и горъ сибирскихъ скаты горды,
Но отъ Туры до острова Ильи
Живутъ они, какъ дѣти мирныя семьи!..

Но этотъ миръ требовалъ еще многихъ условій для благоденствія завоеванной страны.

Такимъ образомъ XIX столѣтіе принесло для Сибири миръ, но только миръ внѣшній; прекратились инородческія возстанія; сибирскія колоніи перестали уже опасаться нападеній со стороны покоренныхъ племенъ, но зато не было еще мира внутренняго, и Сибирь была гнѣздомъ тѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, которыя вели за собою ревизію и реформу Сперанскаго.

Двадцать лѣтъ, предшествовавшія реформѣ Сперанскаго, пріобрѣли полное право на печальную историческую извѣстность. Время управленія Селифонтова, Пестеля и Трескина было тяжелымъ временемъ для Сибири. Эти лица дѣлали, что хотѣли. Даже самые значительные обыватели не были избавлены отъ произвола упомянутыхъ администраторовъ. Откупщикъ Обходчиковъ былъ совершенно разоренъ и сосланъ въ каторгу. Генералъ Куткинъ за то только, что поспорилъ съ Пестелемъ, былъ лишенъ всего имущества, посаженъ подъ арестъ и умеръ въ заключеніи. Иркутскій архіерей Веніаминъ подвергался также притѣсненіямъ Трескина; онъ умеръ также подъ слѣдствіемъ, которымъ руководилъ самъ губернаторъ. Иркутскій вице-губернаторъ былъ обязанъ подавать Трескину калоши и шинель, и за малѣйшую неловкость губернаторъ осыпалъ его бранью. Совѣтникъ Корсаковъ былъ высланъ изъ Иркутска; всѣмъ властямъ Сибири было предписано не дозволять жить ему на одномъ мѣстѣ больше нѣсколькихъ дней и не выпускать за предѣлы Сибири. Въ Енисейскѣ городничій Куколевскій катался по улицамъ города въ экипажѣ, запряженномъ чиновниками, вина которыхъ состояла въ томъ, что они хотѣли хлопотать объ его смѣнѣ. Одинъ изъ начальниковъ Камчатки такъ управлялъ своею областью, что о немъ составилась поговорка: «на небѣ Богъ, въ Камчаткѣ Кохъ!».

Если такъ поступали съ русскими, даже съ значительными чиновниками, то можно себѣ представить, каково было положеніе инородцевъ, къ которымъ относились, какъ къ покоренному и, слѣдовательно, подневольному племени.

По окладу 1763 г. инородцы были обязаны платить умѣренную подать; но количество ея увеличивалось въ нѣсколько разъ такъ называемыми *поминками* и другими поборами въ пользу чиновныхъ лицъ. Земская полиція хозяйничала въ инородческихъ улусахъ какъ дома, и не одна только земская полиція! На этомъ поприщѣ ревностно подвизались и собственные родовые начальники инородцевъ. При Трескинѣ, напримѣръ, одно инородческое бурятское вѣдомство имѣло 100.000 р. въ годъ темныхъ доходовъ съ своихъ подчиненныхъ. Когда это злоупотребленіе открылось, изъ Иркутска былъ посланъ въ бурятскіе улусы слѣдователь, которому приказали взять съ бурятъ не менѣе 50.000 р.; онъ, конечно, не ослушался такого приказанія. Словомъ, «начальство того края,—какъ писалъ въ 1810 г. Головнинъ,—въ поступкахъ своихъ съ непросвѣщенными народами, приведенными въ подданство Россіи, не сообразовалось совершенно съ волею правительства. Голодные чиновники хотѣли быть не только сытыми, но и богатыми. И чего должно было ожидать отъ подобныхъ имъ людей въ странахъ, отдаленныхъ отъ высшаго правительства на многія тысячи верстъ, гдѣ они управляли народами, не имѣющими почти никакого понятія о законахъ и даже не знающими грамоты!»

Инородцы особенно сильно страдали отъ лежавшихъ на нихъ натуральныхъ повинностей. Они прокладывали дороги, строили мосты, гати, перевозы и т. д. Отвлекаемые часто на эти работы въ самое драгоцѣнное для нихъ время, многіе инородцы разорялись въ корень. Нѣкоторые изъ нихъ были вовсе непривычны и неспособны къ упомянутымъ работамъ, и начальство исполняло ихъ посредствомъ русскихъ работниковъ на счетъ инородцевъ. Такъ кругобакальскую дорогу Трескинъ прокладывалъ посредствомъ каторжниковъ, содержать которыхъ были обязаны буряты. Не имѣя для этого денегъ, они выгоняли на дорогу цѣлыя стада скота и продавали его за безцѣнокъ. Слѣдственными комиссіями, учрежденными въ 1819 г., раскрыто, что деньги, вырученныя отъ этой продажи, расходились по карманамъ чиновниковъ, а не на продовольствіе ссыльныхъ, что буряты входили въ страшные долги, что проценты съ этихъ долговъ простирались до *200 на 100!* Не менѣе страдали инородцы и отъ подводной гоньбы. Исправники, засѣдатели, сборщики податей, ученыя экспедиціи, миссіонеры, оспопрививатели, пріѣзжіе посторонніе чиновники—всѣ требовали подводъ! А не забудьте, что многіе инородцы живутъ въ холодныхъ и мрачныхъ тундрахъ, гдѣ часто одна станція стоитъ отъ другой на 200 верстъ, гдѣ пѣтъ дорогъ, а нужно ѣхать или по страшнымъ

---

c) Дѣло о злоупотребленіяхъ туруханскаго причта, 1820 г.

d) Дѣло высочайше учрежденной ясачной комиссіи 1820—1835 г., въ XIII томахъ.

e) Дѣло о продовольствіи березовскихъ инородцевъ, 1828 г.

f) Дѣло о намѣреніи остяковъ истребить русскихъ во время ярмарки въ Обдорскѣ, 1827 г.

g) Дѣло о злоупотребленіяхъ разныхъ лицъ Березовскаго округа, 1830 г.

h) Дѣло объ уступкѣ инородцами земель купцамъ, 1831—1883 г.

i) Дѣло объ уничтоженіи сифилиса въ Сибири, 1831—1840 г.

k) Дѣло объ учрежденіи инородческихъ управъ, 1836—1865 г.

l) Дѣло о введеніи образованія между инородцами, 1853—1865 г.

m) Записки о Нарымскомъ краѣ, *рукопись* г. О—ва (1865 г.).

сугробамъ снѣга, или по необозримому бололу; гдѣ царитъ зима и снѣжные ураганы ежечасно грозятъ погубить путника; гдѣ дороги такъ плохи, что ихъ проклинаетъ всякій, кто только разъ проѣхалъ по нимъ. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, можно ѣздить на собакахъ, запряженныхъ въ небольшія санки (*нарты*), такъ какъ тропинки, слывущія тамъ подъ именемъ дорогъ, чрезвычайно узки. Между тѣмъ начальникъ Камчатки Козловъ-Угреинъ разъѣзжалъ постоянно въ возкѣ со стеклами. Подъ возокъ запрягали не менѣе 50 собакъ, а камчадалы по всей дорогѣ вырубали лѣсъ, чтобы возокъ не завязъ. Эти разъѣзды были до того пагубны для собакъ, что все управленіе Козлова-Угреина народъ окрестилъ именемъ *собачьей оспы*. Всѣ мало-мальски значительные люди въ Сибири любили путешествовать. Это было чрезвычайно выгодно—инородцы даромъ давали подводы, инородцы даромъ кормили проѣзжающихъ; инородцы непремѣнно дарили каждаго рангованнаго человѣка, инородцевъ можно было спаивать виномъ и отнимать у нихъ соболей; съ инородцами можно было *сердцевать*, т.-е. притворившись сердечнымъ ихъ доброжелателемъ, выманивать у нихъ цѣнныя вещи!.. Да, тогда русскіе сибиряки любили путешествовать! Когда, напр., въ Камчаткѣ учредили областное управленіе и ввели туда батальонъ, то тамъ поселилось множество чиновниковъ и офицеровъ. Батальонъ размѣстили по разнымъ частямъ полуострова. И вотъ тутъ то разные чины начали разъѣзжать по Камчаткѣ подъ предлогомъ разныхъ смотровъ, свидѣтельствъ и проч., а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы вымѣнивать у камчадаловъ на водку соболей и лисицъ. «Мода путешествовать—пишетъ Головнинъ—отъ чиновниковъ распространилась даже на простыхъ подьячихъ и солдатъ, которые просились въ отпускъ, съ тѣмъ, чтобы промыслить для для себя и для собакъ корму, но, купивъ вина, ѣздили по острожкамъ и обманывали комчадаловъ. Я зналъ одного офицера, который отпускалъ изъ своей команды солдатъ въ отпускъ и давалъ имъ денегъ на покупку вина, за которыя бралъ проценты по два соболя съ 25 р.; очень вѣроятно, что и многіе такъ дѣлали». Да, многіе такъ дѣлали и не въ одной Камчаткѣ, а по всей Сибири. Вино лилось огненнымъ потокомъ по инородческимъ поселеніямъ, сожигая и инородческое богатство, и ихъ здоровую патріархальную нравственность. Инородецъ все отдаетъ за водку, онъ отдаетъ за нее даже свою свободу. И безсовѣстные торгаши пользовались этимъ; инородцы пропивались донага и за кратковременное удовольствіе платили продолжительными голодовками, питаясь падалью и толченою древесною корой. До этого ихъ доводила. впрочемъ, не одна виноторговля, но и всякая торговля. Доставляя инородцамъ постоянный кредитъ, спасая ихъ часто отъ голодной смерти, торговцы вовлекали ихъ въ неоплатные долги и для нескончаемой уплаты ихъ отбирали у инородца все, что онъ могъ добыть, оставляя ему лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы онъ не умеръ отъ голода, отъ холода и могъ на будущее время работать въ пользу своего эксплуататора. Головнинъ наглядно описываетъ, какъ производилась тогда торговля въ Камчаткѣ, и мы имѣемъ полное основаніе приложить его слова ко всей Сибири. «Всякій камчадалъ имѣетъ между купцами своего кредитора, у котораго во всякое время беретъ въ долгъ разныя бездѣлицы, не спрашивая о цѣнѣ ихъ; купецъ записываетъ въ свою книгу за всякую вещь десятерную цѣну, такъ что по книгамъ купца камчадалъ долженъ ему рублей 1.000 и болѣе, на самомъ же дѣлѣ и на 100 не будетъ. Когда купцы ѣздятъ по Камчаткѣ, то и спрашиваютъ камчадаловъ, помнятъ ли они долги свои?—Помнимъ, отвѣчаетъ камчадалъ.—А сколько ты мнѣ долженъ?—Почемъ мнѣ знать,—ты грамотный, посмотри въ книгу, она скажетъ!—Купецъ сказываетъ ему долгъ его въ сотняхъ или тысячахъ. «Знать, такъ,—отвѣчаетъ камчадалъ,—книга не солжетъ!» Но когда купецъ потребуетъ платы, то камчадалъ, жалуясь на худой промыселъ, предлагаетъ ему въ уплату соболей десятокъ и увѣряетъ божбою, что у него только и есть. Десять соболей купецъ цѣнитъ рублей въ 50—60, тогда какъ настоящая цѣна имъ на мѣстѣ рублей 150. Послѣ уплаты должникъ еще въ долгъ проситъ что-нибудь и получаетъ бездѣлицъ рублей на 10, которые въ книгу вносятся рублей на 100 и болѣе. Такимъ образомъ купецъ обманываетъ камчадаловъ, а камчадалы воображаютъ, что купца обманули... Въ нашу бытность (1809—1811) камчадалы должны были Россійско-американской компаніи 150,000 рублей. Долги эти ревизоры компанейскіе желали продать за 16,000 рублей. Но купецъ Мясниковъ, прежде самъ бывшій ревизоромъ, весьма хорошо зналъ, чего они стоятъ, и по совѣсти объявилъ, «что товары, розданные камчадаламъ на вышеупомянутую сумму, не стоятъ болѣ 11,000 рублей». Тотъ же путешественникъ приводитъ характеристическій примѣръ встрѣченнаго имъ кулака-промышленника. Это былъ зажиточный мѣщанинъ Смоленниковъ, жившій на р. Воровской. «Онъ нажилъ порядочный домикъ, который хорошо убранъ и снабженъ хорошею мебелью, посудою и всѣмъ нужнымъ въ домашнемъ быту. Пользуясь слабостью камчадаловъ, онъ продаетъ имъ крѣпкіе напитки за соболей и другихъ дорогихъ звѣрей по неумѣреннымъ цѣнамъ и тѣмъ приводитъ ихъ въ бѣдность. Сверхъ того, когда они имѣютъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ для себя и въ корму для собакъ, то онъ снабжаетъ ихъ тѣмъ и другимъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, а именно, чтобы они лѣтомъ работали на него извѣстное время, и тѣмъ получаетъ десятерной барышъ. Такимъ образомъ онъ получаетъ нужное ему количество сѣна для скота и множество рыбы, которую, выждавъ время голода, опять отдаетъ камчадаламъ на тѣхъ же условіяхъ». И это также можно было встрѣтить во всѣхъ уголкахъ Сибири. Такими-то способами всѣ инородческія богатства,—ихъ мѣха, олени, рыболовныя и лѣсныя дачи переходятъ въ руки торгашей и промышленниковъ; инородцы превращались въ ницихъ, въ рабовъ, въ кабальниковъ. И счастливы еще были инородцы,

если ихъ разоряли и закабаляли купцы и промышленники; инородцы, по крайней мѣрѣ, могли разсчитывать, что кабалители не дадутъ умереть имъ съ голода, поддержатъ ихъ существованіе. Но въ описываемое нами время большая часть торговли съ дикарями перешла въ руки чиновниковъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что купцы спаиваютъ инородцевъ водкой и выкупаютъ соболей, слѣдующихъ въ ясакъ, въѣздъ купцовъ въ инородческія стойбища былъ стѣсненъ необходимостью брать билетъ на этотъ въѣздъ. Многихъ купцовъ вовсе не пускали къ дикарямъ, а торговлю съ ними вели чиновники. Соединеніе въ одномъ лицѣ власти административной и торговой эксплуатаціи быстро разоряло инородца. Нажившись, чиновникъ уѣзжалъ, а до пріѣзда новаго такого же кредитора инородецъ могъ умереть голодною смертью. Продажа инородцамъ хлѣба частными торговцами въ это время почти вовсе пала, и цѣны на муку стояли ужасныя. Губернаторъ Трескинъ забилъ себѣ въ голову какъ можно возвысить цифру капитала, состоявшаго изъ 200,000 р. и назначеннаго для закупки хлѣба въ казенные магазины. Посредствомъ довѣренныхъ чиновниковъ, преимущественно исправниковъ, онъ скупалъ у крестьянъ огромное количество хлѣба, по возможно дешевымъ цѣнамъ и до начала другихъ казенныхъ закуповъ. Съ наступленіемъ ихъ, цѣны на хлѣбъ необыкновенно возвышались; часто и по высокимъ цѣнамъ невозможно было достать хлѣба. Тогда Трескинъ продавалъ закупленный имъ хлѣбъ въ казенныя мѣста по возвышенной цѣнѣ. Запасы хлѣба у крестьянъ были истощены; какъ купцы, такъ и потребители принуждены были покупать хлѣбъ изъ казны по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ. Трескинъ достигъ своей цѣли, въ нѣсколько лѣтъ капиталъ удвоился; запасные магазины были биткомъ набиты хлѣбомъ, а частная торговля совершенно подавлена. Эту торговлю убивала, кромѣ того, и самая система закупа хлѣба въ казну. Обязанные купить опредѣленное количество хлѣба, по опредѣленной цѣнѣ, чиновники-закупатели принуждены были всевозможными мѣрами стѣснять частную хлѣботорговлю, и тѣмъ быстро прокладывали въ инородческія стойбища путь опустошительному голоду.

Путемъ торговли и другими способами инородческое имущество переходило къ русскимъ. Инородцы бѣднѣли до того, что часто не имѣли возможности добыть себѣ другой пищи, кромѣ падали или толченой древесной коры. Иногда русскіе обыватели силой отнимали у нихъ все ихъ имущество, всѣ ихъ съѣстные припасы и тѣмъ подвергали ихъ всѣмъ ужасамъ голодовки въ пустынной тундрѣ. Такъ въ началѣ настоящаго столѣтія часто голодовали русскіе жители безхлѣбной Гижиги. Начальство распорядилось продовольствовать ихъ посредствомъ отгона скота у окрестныхъ инородцевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли по 10,000 оленей. По стопамъ начальства пошли и гижигинскіе обыватели; сотнями и тысячами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ отгонялись олени; наконецъ инородцы совершенно разорились и разбрелись въ разныя стороны: кто въ другіе округи—искать пропитанія, а кто въ пустыню—умирать голодною смертью. И подобныя разорительныя потери главнаго инородческаго богатства—скота постоянно поражали инородцевъ. Скотъ погибалъ отъ изнурительныхъ работъ, отъ подводной гоньбы, отъ безкормицы; скотъ погибалъ въ то же время отъ сибирской язвы и другихъ опустошительныхъ эпидемій. А потерялъ инородецъ свой скотъ—значитъ, онъ потерялъ все. Ему не на чемъ выѣхать на отдаленную охоту или рыбную ловлю, не на чемъ привести дровъ для отопленія своей юрты, нечего, въ случаѣ крайней необходимости, зарѣзать на пищу. И счастливъ онъ, если эта потеря не доведетъ его до голодной смерти! На Колымѣ, въ концѣ описываемаго нами періода, подохли всѣ собаки; вслѣдствіе этого охота и рыбная ловля сдѣлались вовсе безуспѣшными; жители голодовали и страдали отъ изнурительныхъ работъ, исправлявшихся прежде посредствомъ собакъ. Погибель этихъ несчастныхъ была бы неизбѣжною, если бы не остались въ живыхъ два щенка, которыхъ одна женщина вскормила своею грудью и отъ которыхъ пошло новое племя собакъ. Вмѣстѣ съ потерею скота, инородцевъ часто поражала неудача рыбной ловли и охоты, неурожай ягодъ и кедровыхъ орѣховъ. Если бы они не были нищими то, конечно, переносили бы какъ-нибудь эти трудныя времена; но при теперешнемъ ихъ положеніи весьма многимъ изъ нихъ предстояло одно—голодная смерть. Инородцы разсыпались по тайгѣ одинокими семействами; у большинства ихъ не было ни скота, ни пороха, не свинца; питаясь падалью, кореньями и древесною корой, многіе ихъ чихъ доходили до совершеннаго изнеможенія, умирали въ пустыни голодною смертію, и ихъ трупы дѣлались добычею голодныхъ волковъ. Конечно, не всѣ инородцы не были обезопасены отъ подобнаго положенія; голодная смерть не грозила, напр., торгующимъ инородцамъ Западной Сибири, полуосѣдлымъ якутамъ, съ ихъ значительнымъ скотоводствомъ, и въ особенности нѣкоторымъ родамъ бурятъ, занимавшимся земледѣліемъ. Кочующіе въ окрестностяхъ значительныхъ русскихъ городовъ и поселеній, требовавшихъ много хлѣба, буряты еще въ XVIII в. начали понимать выгоды земледѣлія. Въ описываемый нами періодъ правительство старалось поощрять это стремленіе бурятъ, а Трескинъ даже силою заставлялъ ихъ браться за соху. И крутыя мѣры Трескина имѣли благотворный результатъ; даже въ то время многіе буряты не только сами были обезопасены отъ голодной смерти, но даже продовольствовали своимъ хлѣбомъ русскихъ. Но если не всѣмъ инородцамъ грозилъ голодъ, то всѣхъ ихъ равно поражали болѣзни—тифъ, оспа, сифилисъ, цынга. Вымирали, какъ мы увидимъ въ концѣ этой статьи, цѣлыя племена; другія племена, до корня волосъ зараженныя сифилисомъ, навсегда теряли способность къ размноженію.

Въ подобныя времена, во времена эпидемій, го-

лода и голодной смерти между инородцами время отъ времени появлялось *людоѣдство*.

Г. Кривошапкинъ, въ своемъ «Описаніи Енисейскаго округа», ссылаясь на медика Яроцкаго, говоритъ, что на сѣверѣ Енисейской губерніи, въ холодной и безпріютной тундрѣ, существуетъ между инородцами особый родъ маніи—*жажда человѣческой крови*. И это говоритъ медикъ, и это говоритъ компетентный знатокъ Енисейскаго округа! .

По словамъ извѣстнаго знатока культуры Клемма, на низшихъ ступеняхъ культуры человѣкъ пожираетъ своего собрата только въ томъ случаѣ, если его побуждаетъ къ тому какая-нибудь сильная, необузданная страсть. Суевѣріе заставляетъ дикарей приносить въ умилостивительную жертву разгнѣванному божеству людей и съѣдать ихъ мясо, какъ и мясо другихъ жертвенныхъ животныхъ. То же заставляютъ ихъ дѣлать пламенная ненависть, кровавая родовая месть и желаніе всецѣло истреблять своего врага съ кожею и съ мясомъ его. Чаще же всего причиною людоѣдства бываетъ голодъ и весьма естественное стремленіе избѣжать голодной смерти; на крайнемъ сѣверѣ это почти единственная причина людоѣдства. Сѣверное людоѣдство отлично характеризуется старинной гренландской сагой. Одно семейство, говоритъ эта сага, въ своихъ странствованіяхъ по отдаленнымъ землямъ встрѣтило людей, которые въ случаѣ голода убивали дряхлыхъ стариковъ и питались ихъ трупами. Они съ большею охотою убивали этихъ безполезныхъ людей, чѣмъ своихъ полезныхъ собакъ. Подобные же факты можно встрѣтить и между инородцами Сибири. Не разъ умиравшіе съ голоду дикари убивали своихъ собратьевъ и съѣдали даже свои семейства. Извѣстія о людоѣдствѣ у инородцевъ, напр., у тунгусовъ, сообщались иногда даже въ русскихъ газетахъ (*Сѣверная Пчела, 18 января 1847 года*). Въ началѣ настоящаго столѣтія факты эти были очень нерѣдки. Мы хотимъ здѣсь разсказать о голодѣ и людоѣдствѣ въ Туруханскомъ краѣ въ 1815—1816 г. Изъ нашего разсказа читатель увидитъ ясно, насколько справедливъ г. Кривошапкинъ, указывая, какъ на причину сибирскаго людоѣдства, на какую-то таинственную «жажду человѣческой крови».

Кромѣ многочисленныхъ злоупотребленій, туруханскіе инородцы въ это время много страдали еще отъ безпорядочности податной системы. Переписанные въ 1763 г., они вплоть до ревизіи Сперанскаго принуждены были платить ясакъ по этой переписи. А между тѣмъ число ихъ съ 1763 г. значительно уменьшилось; въ нѣкоторыхъ волостяхъ отъ голода и болѣзней умерло цѣлыхъ $^3/_4$ инородческаго населенія, и оставшаяся $^1/_4$, при всей своей бѣдности, была принуждена платить ясакъ и за себя и за всѣхъ умершихъ, но числившихся еще по окладнымъ книгамъ, своихъ родичей. Это окончательно подрѣзало инородцевъ. Къ тому же, они часто въ это время имѣли неудачу въ своихъ звѣриныхъ промыслахъ, вслѣдствіе чего были принуждены питаться только пихтовою корою, воронами да падалью. Такая пища не столько поддерживала, сколько разрушала ихъ организмъ.

Стеченіе подобныхъ несчастій вело за собою частое повтореніе эпидемій и большую смертность. Такъ, въ 1813 г. въ Туруханскѣ начала свирѣпствовать эпидимическая горячка, отъ которой страдало цѣлыхъ двѣ трети городского населенія. Остяки, отправлявшіеся на звѣриныя ловли, имѣли нѣсколько хлѣба; но въ надеждѣ на счастливый уловъ дикихъ оленей, преимущественно употребляемыхъ ими въ пищу, и по крайней бѣдности, они за безцѣнокъ распродали всю эту муку тунгузамъ. Уловъ оленей не удался вовсе. Оборванные, истомленные, умиравшіе отъ голода остяки въ то же время были поражены горячкой. Эпидемія, по обыкновенію, навела на нихъ паническій страхъ и, не смотря на слабость ихъ изнуренныхъ силъ, заставила ихъ бѣжать въ село Монастырское. Но многіе не успѣли достигнуть этого селенія и умерли на дорогѣ, одни отъ голода, другіе отъ горячки. Пришедшіе же въ село Монастырское были спасены отъ голодной смерти частными людьми и начальствомъ.

Русское населеніе Туруханскаго края въ это время нисколько не было счастливѣе инородцевъ и не могло посредствомъ продажи хлѣба доставлять имъ пропитаніе. Хлѣбопашество въ Енисейскомъ и Туруханскомъ округахъ падало. Тягостная повинность исправленія дорогъ и мостовъ, обязательная безплатная поставка дровъ на винокуренный заводъ, поборы, отдача въ заработки лицъ, на которыхъ числились хотя малѣйшія недоимки, — все это разоряло поселянъ и заставляло ихъ бросать и земледѣліе, и свои дома. Лица, сосланныя въ эти мѣста за маловажныя преступленія, вмѣсто занятія земледѣліемъ или другими промыслами, были водворены по тракту отъ Енисейска до Туруханска и обязаны содержать здѣсь почтовую гоньбу. На каждой станціи было велѣно поселить по десяти семей, но вмѣсто того, при многихъ станціяхъ жило только по пяти и даже по два человѣка. Для проѣзда казаковъ и чиновниковъ, оленей и собакъ вовсе не было, а на лошадяхъ по тамашнимъ льдамъ и глубокимъ снѣгамъ ѣздить невозможно. Между тѣмъ проѣзжающіе требуютъ подводъ, и жившіе на станціяхъ люди были принуждены сами запрягаться вмѣсто оленей и тащить проѣзжающихъ лямкою верстъ по 80 и по 100. Голодъ, морозъ, изнуреніе преслѣдовали ихъ въ этомъ утомительномъ пути, изъ котораго они возвращались домой не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ.

Упадокъ земледѣлія велъ за собою упадокъ хлѣбной торговли и чрезвычайную дороговизну муки. Такъ, священникъ села Тазовскаго продавалъ муку по 10 р. пудъ; въ деревнѣ Лебедской пудъ стоилъ 12—15 р., на Подкаменной Тунгузкѣ—8 р.; въ Енисейскѣ же въ это время пудъ стоилъ отъ 30 до 50 коп. При такихъ цѣнахъ хлѣбъ могли покупать одни богачи; бѣдные же только могли разсчитывать на покупку его изъ казенныхъ магазиновъ. Но и въ нихъ муки было очень мало. Въ мѣстностяхъ, которыя должны были продовольствоваться изъ казенныхъ магазиновъ с. Тазовскаго

и Часовни, въ это время жило 400 инородцевъ муж. пола, кромѣ ихъ семей и русскихъ жителей, также не имѣвшихъ хлѣба. Между тѣмъ казеннаго хлѣба въ эти мѣста доставлялось только по 150, даже по 80 пудовъ въ годъ; на каждаго человѣка приходилось по 3 или по 4 фунта въ годъ! Въ другихъ казенныхъ магазинахъ, кромѣ инбатскаго, количество муки было также незначительно. Всѣ эти магазины были разбросаны на огромномъ пространствѣ, часто верстъ на 300, даже и на 800. Эта дальность разстоянія, особенно въ зимнее время, чрезвычайно затрудняла инородцевъ и русскихъ въ полученіи хлѣба изъ упомянутыхъ магазиновъ. За хлѣбомъ нужно было ходить за сотни верстъ на лыжахъ въ сильныя вьюги и жестокіе морозы, затѣмъ тащить на себѣ нарту съ 4—5 п. муки и дорогою ее же употреблять въ пищу. Не только инородцы, даже казаки, жившіе въ этомъ краѣ для надзора за поселенцами, принуждены были ходить за провіантомъ пѣшкомъ отъ 75 до 225 верстъ. Часто эти странники умирали на дорогѣ отъ изнуренія, голода или мороза. Мука въ казенныхъ магазинахъ стоила очень дорого; въ это время сибирское начальство всѣми мѣрами старалось объ умноженіи казеннаго запаснаго капитала и при продажѣ муки брало огромные проценты. Въ Туруханскомъ краѣ на пудъ муки бралось барыша отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 90 к. Къ тому же, мука эта продавалась на фальшивый безмѣнъ, съ примѣсью льду и песку. Смотрители хлѣбныхъ магазиновъ увеличивали и безъ того огромныя казенныя цѣны надбавкою въ свою пользу; продавали хлѣбъ только людямъ достаточнымъ и всячески старались о своемъ личномъ обогащеніи. На долю бѣдныхъ инородцевъ весьма мало выпадало хлѣба. Два енисейскихъ купца старались помочь имъ своею благотворительностью, и одинъ изъ нихъ пожертвовалъ для безплатной раздачи инородцамъ 500 пуд. муки; но почти вся эта мука была обращена въ собственность вахтеровъ. Инородцы получали ее, но получали по страшно дорогой цѣнѣ и съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ злоупотребленіями.

Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ присоединился еще трехлѣтній неуловъ звѣрей (1814—1816 г.). Инородцы и русскіе питались падалью и пихтовой корой. Умирало съ голоду много дикарей и русскихъ, жившихъ по берегамъ Енисея. Трупы умершихъ голодною смертью валялись по тундрѣ, особенно около селеній. Около самаго Туруханска валялось безъ погребенія много труповъ, оторванные члены которыхъ растаскивались собаками по улицамъ города; туруханскій стряпчій, обращавшій на это вниманіе городничаго, приложилъ при своемъ отношеніи къ нему руку и человѣческую голову, найденныя имъ на улицѣ. Но не однѣ собаки питались мясомъ этихъ мертвецовъ,— имъ кормились также и инородцы, а русскіе кое-какъ продовольствовались кореньями, пихтовою корою, кониною.

Наконецъ, голодъ въ тундрѣ достигъ высшей степени; люди начали убивать и пожирать людей.

Такъ два крещеныхъ остяка съ матерью, сестрою и двумя братьями въ началѣ 1816 года откочевали въ глубь тундры. Мать ихъ отправилась вмѣстѣ съ дочерью въ село Тазовское за хлѣбомъ и рыбою, но вернулась съ пустыми руками и безъ дочери, объявивъ своему семейству, что она дорогой умерла; по всей вѣроятности, мать съѣла свою дочь. Вскорѣ умеръ съ голоду одинъ изъ ея сыновей; семья нѣсколько дней питалась его мясомъ. Вышло это мясо, и снова голодная смерть начинаетъ угрожать несчастнымъ. Мать велѣла убить другого своего сына, съѣли и этого. И снова мучительный голодъ, и снова голодная смерть угрожаютъ несчастнымъ. Мать снова приказываетъ одному изъ оставшихся сыновей убить другого, и раздраженная его отказомъ, бросается на него съ ножомъ; но братья зарубили ее топоромъ и тѣломъ матери нѣсколько дней поддерживали свои слабыя силы. Они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей. Дорогою они наткнулись на тѣло остяка; съѣли его и, придя въ с. Тазовское, сами объявили обо всемъ, что сдѣлали, и отдались въ руки власти.

Въ это же время на р. Часолкѣ, въ 800 верстахъ отъ Тазовской церкви, кочевалъ остякъ съ женою, однимъ сыномъ и двумя дочерьми. Голодъ заставилъ родителей зарѣзать и съѣсть всѣхъ своихъ дѣтей и еще одного, встрѣтившагося имъ на дорогѣ остяка.

Подобныхъ случаевъ было много и въ другихъ мѣстахъ сѣверной украйны Енисейской губерніи, но въ руки власти попались только немногіе людоѣды. Закованные въ тяжелые кандалы, они были отосланы въ туруханскую тюрьму, въ которой они всѣ, кромѣ одного, и умерли, отъ дурного содержанія и обращенія съ ними, какъ доносилъ слѣдователь, аудиторъ Камаевъ.

Томскій губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Туруханскій край и который не обращалъ вниманія на положеніе его, донесъ по начальству «объ этомъ неслыханномъ злодѣяніи». Губернаторъ увѣрялъ, что причиною «злодѣянія былъ вовсе не недостатокъ въ хлѣбѣ, что казеннаго хлѣба достаточно для продовольствія инородцевъ, но что они, удалясь чрезмѣрно отъ запасовъ сихъ и не имѣя удачи въ промыслѣ звѣрей и рыбы, рѣшились *по жестокости нрава и невѣрію* на злодѣяніе, убѣждаясь притомъ сноенравіемъ, что дѣти есть ихъ собственность, которою они могутъ располагать по своей волѣ».

Въ указѣ командиру сибирскаго корпуса Глазенапу, Александръ I предписалъ произвести объ этомъ дѣлѣ точное слѣдствіе и «донести въ собственныя руки—не были ли доведены туруханскіе остяки до необходимости истреблять другъ друга упущеніемъ мѣстнаго начальства въ доставленіи имъ хлѣба?»

Глазенапъ послалъ на слѣдствіе аудитора Камаева, бумаги котораго служили намъ главнымъ источникомъ при изложеніи этого эпизода.

II.

РЕФОРМА СПЕРАНСКАГО И ЯСАЧНАЯ КОМИССІЯ 1828—1835 г.

До Сперанскаго всѣ сибирскіе инородцы стояли въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ юридическаго быта. Нося общее названіе *иновѣрцевъ*, или *ясачныхъ*, они платили небольшую подать по окладнымъ книгамъ 1763 года, давали большія взятки и отбывали столько земскихъ повинностей, сколько требовалось съ нихъ по обстоятельствамъ. Количество законныхъ и незаконныхъ поборовъ съ инородцевъ было громаднее. Большинство ихъ давно уже разорилось, и мы видѣли выше, какими ужасными послѣдствіями сопровождалось разореніе ихъ. Но не всѣ инородцы были брошены въ такое горестное положеніе; многіе изъ нихъ, благодаря осѣдлой жизни, хлѣбопашеству или торговымъ оборотамъ, пользовались выгодами гораздо лучшаго положенія. Такимъ образомъ, находясь на различныхъ степеняхъ благосостоянія, инородцы несли совершенно одинаковыя тягости, по крайней мѣрѣ de jure, потому что de facto количество податей, повинностей и другихъ поборовъ измѣнялось сообразно съ различными обстоятельствами. По закону, умиравшіе съ голода остяки и тунгусы должны были платить столько же податей и отбывать столько же повинностей, какъ и зажиточные тобольскіе татары или земледѣльцы-буряты. Это обратило на себя вниманіе Сперанскаго и Батенькова, служившаго тогда въ Восточной Сибири и составившаго для сибирскаго уложенія инородческій уставъ. Батеньковъ и Сперанскій сочли необходимымъ раздѣлить туземцовъ, которыхъ съ ихъ легкой руки стали называть *инородцами*,—на три разряда—*осѣдлыхъ*, *кочующихъ* и *бродячихъ*.

Къ осѣдлымъ, по сибирскому уложенію, принадлежатъ всѣ тѣ, которые ведутъ осѣдлый образъ жизни, т.-е. живутъ въ городахъ и селеніяхъ. Это, во-первыхъ, торговые бухарцы и ташкентцы, во-вторыхъ, осѣдлые земледѣльцы, какъ, напр. бухтарминскіе татары и нѣкоторые бійскіе и кузнецкіе инородцы; въ-третьихъ, малочисленные роды, живущіе смѣшанно съ русскими и, въ-четвертыхъ, инородцы, сыздавна живущіе въ русскихъ деревняхъ, въ качествѣ крестьянскихъ работниковъ. (*Инород. уст.* § 1, 2).

Сюда не причисляются тѣ инородцы, которые хотя и живутъ въ постоянныхъ шалашахъ и землянкахъ, но по образцу своей жизни и по роду своихъ промысловъ относятся къ разряду кочевыхъ (§ 9). Всѣ осѣдлые инородцы, какъ занимающіеся свойственными земледѣльцамъ промыслами, въ своихъ правахъ и обязанностяхъ *вполнѣ сравнены съ государственными крестьянами*, кромѣ одной рекрутчины (§ 17—23). Они дѣлятся на волости и на общихъ основаніяхъ выбираютъ своихъ волостныхъ властей (88, 89). Если же инородческія поселенія, по своей незначительности, не могутъ составить особой волости, то причисляются къ ближайшей русской, равнымъ образомъ и живущіе разсѣянно по русскимъ деревнямъ (§ 91—92). Уложеніе предписывало, чтобы устройство инородческаго быта на новыхъ основаніяхъ было окончено въ теченіе одного года.

Переводъ инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ и окончательное уравненіе ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ государственными крестьянами былъ оконченъ къ 1 января 1824 г. Все было сдѣлано чрезвычайно поспѣшно и тягостями осѣдлаго состоянія было обложено множество такихъ инородцевъ, которымъ эти тягости были совершенно не подъ силу. Когда въ 1828 г. ясачная комиссія спросила тобольскую казенную палату, какими соображеніями руководилось мѣстное начальство, переводя инородцевъ въ осѣдлые, то палата отвѣчала, что «этихъ свѣдѣній у нея нѣтъ». Комиссія обратилась съ этимъ вопросомъ къ губернатору, и онъ объяснилъ, что, «при раздѣленіи инородцевъ на разряды, *не было собираемо объ образѣ ихъ жизни никакихъ особенныхъ свѣдѣній*, ибо въ самомъ уставѣ объ инородцахъ сказано, кто изъ нихъ въ какой разрядъ поступить долженъ, да и распредѣленіе ихъ по разрядамъ и обложеніе податьми зависѣло не отъ благосостоянія ихъ, *а отъ образа жизни* и промышленности». Уже одно это странное противорѣчіе, заключающееся въ словахъ губернатора, показываетъ, что, переводя инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ, мѣстное начальство руководилось самыми поверхностными соображеніями, вовсе не задаваясь вопросомъ, въ состояніи ли эти инородцы уплачивать подати и отбывать повинности, сопряженныя съ переходомъ въ осѣдлое состояніе? Между тѣмъ, это былъ вопросъ первой важности, и если бы имъ занялись тогда какъ слѣдуетъ и рѣшили справедливо, то множество инородцевъ было бы спасено отъ разоренія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что главный упрекъ за поверхность соображеній, служившихъ основаніями для раздѣленія инородцевъ на разряды, долженъ пасть на головы Батенькова и Сперанскаго. Они должны были самымъ точнымъ образомъ обозначить тѣхъ инородцевъ, которыхъ надлежало перевесть въ разрядъ осѣдлыхъ, а главнымъ образомъ указать общія начала, которыми мѣстное начальство должно было руководствоваться при этомъ переводѣ. Ни того, ни другого уложеніе не указываетъ въ точности. Намъ даже кажется, что Батеньковъ и Сперанскій сами не имѣли яснаго и отчетливаго представленія о томъ, какихъ именно инородцевъ слѣдуетъ перевесть въ осѣдлые. Подробно перечисляя тѣхъ, которыхъ слѣдуетъ оставить въ кочевыхъ и бродячихъ, относительно осѣдлыхъ уложеніе ограничивается, какъ мы видѣли, самыми общими указаніями и при этомъ впадаетъ даже въ забавную ошибку, относя къ осѣдлымъ какихъ-то *бухтарминскихъ татаръ*,—племя, во все не существующее! Вѣроятно, уложеніе разумѣло подъ ними русскихъ колонистовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *каменщиковъ*. Далѣе уложеніе относитъ къ осѣдлымъ всѣхъ инородцевъ, живущихъ издавна въ работѣ у крестьянъ, т.-е. тѣхъ несчастныхъ пролетаріевъ, которые, разорившись, попали въ кабалу къ крестьянамъ и для которыхъ

даже прежнія подати и повинности были чрезвычайно тягостны. Наконецъ, уложеніе, при переводѣ инородцевъ въ осѣдлые, предписывало обращать вниманіе не на степень благосостоянія туземцевъ, а на образъ жизни, приближающій ихъ къ образу жизни русскихъ земледѣльцевъ. Это была самая крупная ошибка. Инородцы Тобольской губерніи, предназначенные къ переводу въ осѣдлые, по словамъ ясачной комиссіи, не могли удовлетворять требованіямъ осѣдлаго быта. «Въ разное время они продали и заложили русскимъ крестьянамъ и торгующимъ бухарцамъ многіе участки своихъ земель. Весьма рѣдкіе изъ нихъ занимались хлѣбопашествомъ; они мало предпринимали мѣръ и къ увеличенію скотоводства. Главное продовольствіе ихъ была рыба, а промыселъ—звѣрованье. Но съ нѣкотораго времени и рыбные, и звѣриные промыслы ихъ оскудѣли и изъ постоянныхъ сдѣлались только случайными». Ескалбинская волость, сдѣланная осѣдлою, хотя и вела осѣдлую жизнь, но вовсе не могла заниматься хлѣбопашествомъ, по причинѣ своей болотистой почвы, неспособной къ земледѣлію. Ескалбинцы питались рыболовствомъ, но и этотъ источникъ продовольствія прекратился, вслѣдствіе отбора въ казну четырехъ озеръ. И этихъ нищихъ ескалбинцевъ перевели въ осѣдлые! Точно также были переведены въ осѣдлые тарскіе татары. «Уплачивая подати и повинности,—писали они въ своемъ прошеніи,—мы не имѣемъ успѣха въ хлѣбопашествѣ, да и къ нему не сродны, а занимаемся рыбною ловлею около своего мѣста, да и то мало, для своего пропитанія, а скотоводство отъ большихъ нынѣ упадковъ никакъ развести не можно, почему и приходимъ въ немалое разореніе». Тобольскіе захребетные татары также считали себя «крайне обиженными и стѣсненными, вслѣдствіе обращенія ихъ въ государственные крестьяне». Въ такомъ же положеніи находились осѣдлые инородцы всѣхъ остальныхъ волостей. Такъ, инородцы Томскаго округа, обращенные въ 1824 г. въ осѣдлые, найдены ясачной комиссіей «въ совершенной бѣдности», въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ инородцы Тобольской губерніи. Они были такъ же бѣдны, какъ и кочевые инородцы, и сдѣланы осѣдлыми только потому, что мѣстное начальство, не входя въ серьезныя соображенія, строго держалось буквы 2-го § инородческаго устава. Въ особенности страшно ошиблись и составители уложенія и мѣстные начальники, переводя въ разрядъ осѣдлыхъ тѣхъ инородцевъ, которые издавна поселились въ деревняхъ для работы у крестьянъ или «живутъ смѣшанно съ россіянами». Большинство этихъ инородцевъ состояло буквально изъ нищихъ, которые закабалили себя крестьянамъ и, получая отъ нихъ скудное пропитаніе да дрянную одежду, работали на нихъ совершенно даромъ. Прежде крестьяне охотно уплачивали за нихъ подати, по ихъ незначительности; теперь же, съ увеличеніемъ податей, крестьяне или не хотѣли, или не могли платить двойные крестьянскіе оклады, и за себя, и за своего работника инородца. Между тѣмъ земская полиція требовала съ этихъ пролетаріевъ податныхъ и повинностныхъ взносовъ, заставляя ихъ лишаться остального своего имущества для уплаты части этихъ сборовъ, а за оставшуюся недоимку отдавали ихъ въ заработки. Съ какою непростительною небрежностью производился тогда переводъ въ осѣдлые инородцевъ этого разряда, показываютъ просьбы инородцевъ тридцати волостей тогурскаго отдѣленія. Изъ этихъ просьбъ видно, что нѣкоторые изъ инородцевъ «хотя и проживали издавна въ русскихъ селеніяхъ, но не по особеннымъ какимъ-либо видамъ, а единственно по бѣдности, изъ скудной заработной платы и даже часто изъ одного продовольствія хлѣбомъ, или, войдя случайно въ задолженіе у крестьянъ, по необходимости оставались въ домахъ ихъ работниками». Другіе «только въ лѣтнее время занимались работами въ русскихъ селеніяхъ, а съ наступленіемъ осени и въ продолженіе зимы занимались постоянно звѣриными промыслами въ дачахъ своихъ кочевыхъ волостей». Инородцы же Васюганской волости «никогда не проживали въ русскихъ селеніяхъ, но во время переписки 1823 г. кочевали въ отдаленныхъ мѣстахъ, на границахъ округовъ Тарскаго и Каинскаго». Остальные же инородцы, желая дѣлать опыты въ земледѣліи и не имѣя въ своихъ дачахъ способныхъ къ тому мѣстъ, переходили на крестьянскія земли и дѣйствительно занимались земледѣліемъ; одни, для этого, проживали въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ многіе годы, другіе, напротивъ, переходили изъ однихъ въ другія. Всѣ эти инородцы объясняли, что если они и оставили кочевья свои, то «единственно въ увѣренности, что чрезъ сіе не будутъ они отторгнуты отъ волостей своихъ», и что «они никогда бы себѣ не дозволили отдѣляться отъ прочихъ родовъ, если бы могли предвидѣть, что за вышесказанное бродяжество, по смыслу устава 1822 г., будутъ они лишены правъ тѣхъ кочевыхъ волостей, къ коимъ они принадлежали».

Вообще, выражаясь словами комиссіи, при обращеніи инородцевъ въ осѣдлые, «не были приняты въ соображеніе, съ одной стороны, бѣдность и нищета ихъ, съ другой стороны, важность налоговъ, съ новымъ званіемъ на нихъ падавшихъ».

Число инородцевъ, переведенныхъ въ 1824 г. въ осѣдлые, такъ распредѣлялось по сибирскимъ губерніямъ:

Въ Тобольской губ.:		
торгующихъ	1,129 м. п.	1,116 ж. п.
земледѣльцевъ	14,818 м. п.	13,556 ж. п.
Всего	15,947 м. п.	14,672 ж. п.

Въ Томской губ.:		
торгующихъ	168 м. п.	151 ж. п.
земледѣльцевъ	5,767 м. п.	5,209 ж. п.
Всего	5,935 м. п.	5,360 ж. п.
Въ Енисейской губ.:		
земледѣльцевъ	580 м. п.	610 ж. п.
Въ Иркутской (съ Забайкальемъ):		
земледѣльцевъ	8,191 м. п.	7,653 ж. п.
Въ Якутской области	11 м. п.	6 ж. п.
Всего въ Сибири	30,664 м. п.	28,301 ж. п.

Каково же было положеніе этихъ инородцевъ, зачисленныхъ въ государственные крестьяне.

До 1824 г. они уплачивали въ сложности около 1 р. 50 коп. съ души ясачной подати. Въ этомъ же году, съ переводомъ ихъ въ разрядъ осѣдлыхъ, количество подати разомъ было возвышено до 11 р. съ души да постольку же за умершихъ съ ревизіи 1816 г., престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Къ этому еще присоединились денежные сборы на земскія повинности, достигавшіе также значительныхъ размѣровъ. По расписанію 1824—1825 г. на земскія повинности взималось по округамъ Тюменскому, Ялуторовскому и Тобольскому по 6 р. 8 к. съ души, по Тарскому 4 р. 87 к., по волостямъ Есраибинской и Бабаянской по 3 р. 65 к. Всего же, круглымъ числомъ, инородцы Тобольской губерніи, по исчисленію ясачной комиссіи, вмѣсто прежнихъ *1 р. 50 к.*, должны были съ 1824 г. платить податей и земскихъ повинностей по *20 р.* съ души. Въ другихъ губерніяхъ количество сборовъ увеличивалось въ такой же степени. Такъ, напр., инородцы Томскаго округа обязаны были уплачивать *около 18 р.* съ души. Въ первый же годъ можно было бы понять, что инородцы не въ состояніи взносить такого количества налоговъ: недоимка равнялась цѣлой половинѣ сборовъ. Съ осѣдлыхъ инородцевъ Тобольской губ. по старому окладу слѣдовало въ годъ 15,977 р. 45 к. Если бы они остались на этомъ окладѣ, то съ 1824 по 1832 г. должны были бы уплатить *127,819 р.* По новому же окладу съ нихъ причиталось за эти восемь лѣтъ податей и денежной повинности 1.359,845 р. Инородцы смогли уплатить въ счетъ этой громадной суммы только 735,397 р. Слѣдовательно, къ 1832 г. въ недоимкѣ за ними состояло *624,648 р.* Въ такой же степени росли недоимки осѣдлыхъ инородцевъ другихъ округовъ. На осѣдлыхъ Томскаго округа къ 1831 г. недоимки было 121,181 р. На инородцахъ Орской волости къ 1833 г. состояло 2,042 р. Въ Бійскомъ округѣ къ 1832 г., недоимки было 9,985 р.—По изслѣдованіямъ ясачной комиссіи, главною причиною накопленія недоимки была крайняя несоразмѣрность налоговъ со степенью инородческаго благосостоянія; но были по мѣстамъ и другія причины. Въ Бійскомъ, напр., округѣ счеты по уплатѣ податей и повинностей велись крайне неисправно, и вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ волостяхъ числилось много лишней недоимки. Такъ, на инородцахъ кокшинскаго улуса, причисленныхъ къ русской Смоленской волости, числилось 3,648 р., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности состояло только 494 р., остальные же были записаны на нихъ волостными властями, желавшими свалить на нихъ недоимку, состоявшую на русскихъ обывателяхъ. На инородцахъ Бухтарминской в. было записано 1,540 р., слѣдовавшихъ со Смоленской же волости. Въ 1831 г. къ Смоленской волости приписано 34 новыхъ души и открыто незаписанныхъ въ ревизію 9 ч.; вслѣдствіе этого записано за разъ недоимки на всю волость 3,311 р., слѣдовавшихъ съ упомянутыхъ сорока трехъ человѣкъ. На нѣкоторыхъ волостяхъ другихъ округовъ также иногда записывалась недоимка, принадлежавшая вовсе не имъ. Причину этого комиссія видитъ въ спутанности дѣлъ, небрежности земской полиціи и наивной довѣрчивости инородцевъ.

Кромѣ упомянутыхъ денежныхъ сборовъ, инородцы должны были отбывать еще много натуральныхъ повинностей,—содержать обывательскую подводную гоньбу, исправлять дороги, строить мосты, гати и т. д. Въ Тобольской губ. въ 1824 г. велѣно было еще взимать земскія повинности за два года разомъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ этому присоединился неурожай и падежъ скота. Инородцы очутились въ самомъ горестномъ положеніи. Самый способъ взиманія податей и отбыванія натуральной повинности былъ сопряженъ съ пагубными строгостями и большими злоупотребленіями. Ясачная комиссія замѣчаетъ, что «земскіе чиновники Бійскаго и другихъ округовъ являлись къ инородцамъ не защитниками, но утѣснителями, такъ что одинъ уже слухъ о пріѣздѣ земскаго чиновника наводилъ на всѣхъ преждевременный страхъ». Вотъ, напр., осѣдлые инородцы бѣдной Ескалбинской волости издержали съ 1824 г. по 1831 г. 600 р. на одни только подарки казакамъ, ѣздившимъ за сборомъ податей и повинностей; «сверхъ того, они исправляли подъ деревней Сорокиной мостъ, стоящій 1,800 р., земскую подводную гоньбу наймомъ за 320 р. и находились въ 1825 г., въ страдное время, всѣ рабочіе дни, при исправленіи трактовой дороги, отчего лишились и послѣдняго достоянія своего». Отлично

рисуется разсматриваемый нами предметъ въ просьбѣ Государю тобольскихъ инородцевъ. «При введеніи въ исполненіе устава о сибирскихъ губерніяхъ, народъ ясачный неожиданно увидѣлъ себя обложеннымъ податьми, денежными и натуральными повинностями, наравнѣ съ государственными крестьянами. Строгія мѣры, принимаемыя мѣстными начальствами при взысканіи податей, довели цѣлыя волости до бѣдственнаго положенія. Народъ ясачный, побуждаемый такими мѣрами къ исполненію новыхъ обязанностей и желая избѣгнуть истязаній, продавалъ свой скотъ и имущество и впалъ въ совершенную нищету, которую довершило тобольское начальство. На содержаніе большихъ трактовыхъ дорогъ, устройство гатей, мостовъ и рѣчныхъ переправъ съ насъ было собрано въ 1824 — 1826 г. деньгами по 13 р. съ каждой души. И сверхъ оныхъ благоугодно было тобольскому губернскому начальству употребить ясачный народъ *почти поголовно* на работы для улучшенія дорогъ, мостовъ и переправъ, съ приготовленіемъ лѣсу, который, гдѣ онаго нѣтъ, покупался на счетъ волостей и селеній. Сверхъ того, народъ ясачный натурою наряжается къ исправленію земской и этапной подводной гоньбы, стоящей по найму значительныхъ суммъ». Нѣкоторыя волости отбывали даже *двойныя* земскія повинности, въ двухъ различныхъ округахъ. Такъ, инородцы Ачирской волости, жившіе въ Тюменскомъ округѣ, отбывали здѣсь натуральныя повинности; но они были причислены къ Ескалбинской волости Тобольскаго округа, ихъ заставляли отбывать повинности и по этой волости: они участвовали здѣсь въ подводной гоньбѣ, въ исправленіи дорогъ и мостовъ, въ содержаніи волостного правленія. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, гдѣ осѣдлые инородцы жили смѣшанно съ русскими, послѣдніе сильно эксплуатировали ихъ, взваливая на нихъ бо́льшую половину слѣдующихъ съ волости податей и повинностей. Это было замѣчено въ особенности въ Бійскомъ округѣ. Такъ, причисленные къ Смоленской волости инородцы жаловались, что отъ вмѣшательства во внутреннее ихъ управленіе русскихъ головъ и старостъ терпятъ они всегдашнія притѣсненія. Смоленское волостное правленіе раскладываетъ на нихъ подати и повинности за такихъ инородцевъ, коихъ они, просители, не только не знаютъ, но даже никогда о нихъ и не слыхали». Многіе инородцы, приписанные къ русскимъ волостямъ, жили отъ нихъ въ отдаленіи, а это чрезвычайно затрудняло ихъ въ отбываніи натуральной повинности. Такъ, инородцы, разсѣянные по восточной и западной сторонамъ Катуни, исправляли на станціи Иконниковой подводную гоньбу; «но такъ какъ селенія ихъ отстоятъ отъ Иконниковой на 100—150 в. и притомъ раздѣлены рѣками Катуней и Біей, затрудняющими отправленіе сей повинности, то въ народѣ ихъ, разсѣянномъ повсемѣстно, произошли такіи недоимки и неисправности, которыхъ никакъ невозможно поправить». Во всѣхъ другихъ инородческихъ волостяхъ Бійскаго округа, по словамъ ясачной комиссіи, «бѣдность осѣдлыхъ болѣе и болѣе увеличивается отъ усиленныхъ земскою полиціей сборовъ». Сами инородцы въ своихъ многочисленныхъ просьбахъ говорили то же самое и просили о дарованіи имъ льготъ въ податяхъ и повинностяхъ. И замѣчанія комиссіи, и инородческія просьбы равнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что взиманіе податей и отбываніе повинностей и во всѣхъ другихъ округахъ сопровождалось тѣми же результатами и носило тотъ же характеръ, какъ и въ округахъ Тобольской губерніи. Только о земской полиціи Томскаго округа ясачная комиссія замѣчаетъ, что она не отличалась дѣятельностью во взысканіи налоговъ. Земскіе чиновники, по увѣренію инородцевъ, нѣкоторыхъ волостей вовсе не посѣщали. Томскій исправникъ на требованіе ясачной комиссіи доставить ей маршрутъ для поѣздки въ Малокорковскую волость чистосердечно признался, что «мѣстопребываніе оной волости *ему неизвѣстно*, и только черезъ повтореніе требованія путь къ ней имъ указанъ». Но если не дѣйствовали исправники, то дѣйствовали казаки, посылаемые за сборомъ податей и повинностей; не даромъ же положеніе томскихъ инородцевъ комиссія нашла гораздо худшимъ, чѣмъ положеніе тобольскихъ. Здѣсь иногда заставляли осѣдлыхъ инородцевъ отбывать даже рекрутскую повинность, вопреки прямому закону Сибирскаго Уложенія.

Еще разорительнѣе податей и повинностей дѣйствовало на инородцевъ взысканіе недоимокъ, производившееся часто при помощи такихъ средствъ, которыя не только что не дозволялись, но прямо запрещались уложеніемъ. По словамъ отчета комиссіи, это взысканіе производилось только двумя способами: 1) публичной продажей домашняго скота и прочаго имущества и 2) принужденіемъ рубить дрова и строевой лѣсъ для продажи, а въ Тобольской губерніи этихъ должниковъ посылали еще на судахъ въ Коряковъ для перевоза соли. «Но сіи средства—замѣчаетъ комиссія—не могли быть вѣрными, ибо цѣны на дрова и по наймамъ на судахъ до того упали, что не могли уже вознаграждать труда, а ежегодное повтореніе публичной продажи имущества служило къ конечному разоренію инородцевъ. Между тѣмъ, успѣхи земледѣлія въ теченіе шести лѣтъ почти не примѣтны, тогда какъ единственно черезъ усиленіе сей промышленности имъ возможно было привести себя въ состояніе быть полезными себѣ и правительству».

При самомъ началѣ введенія инородческаго устава инородцы, сдѣланные осѣдлыми, начали хлопотать объ отмѣнѣ этого устава. Они заваливали своими просьбами и присутственныя мѣста, и генералъ-губернаторовъ, и сибирскій комитетъ, и ревизовавшихъ Сибирь сенаторовъ; нѣсколько просьбъ было подано даже Государю. Въ большинствѣ этихъ просьбъ объясняется тяжесть новаго положенія и непригодность его для инородческаго быта. Вотъ, напр., тобольскіе инородцы пишутъ, что уложеніемъ Сперанскаго «народъ ясачный отличенъ отъ таковаго же въ Сибири обитающаго кочеваго и бродячаго наименованіемъ осѣдлыхъ инородцевъ и

сопричисленъ къ крестьянамъ. Хотя сей ясачный народъ, кромѣ постоянныхъ жилищъ своихъ, весьма незначительнымъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ отъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ отличается, но ни въ образѣ жизни, ни въ промышленности звѣриной и рыбной, природою и воспитаніемъ внушенной, ни въ чемъ не разнствуетъ и пребываетъ въ неизмѣнномъ и первобытномъ состояніи... Народъ ясачный, доведенный до нищеты, повергается къ священнымъ стопамъ вашего величества съ умоленіемъ воззрѣть на страданія его милосерднымъ окомъ и всемилостивѣйше утвердить манифестъ, состоявшійся въ 15 день февраля 1763 г.» Инородцы Колыванскаго округа также объясняли въ своемъ прошеніи, что «новое положеніе не сообразно съ родомъ ихъ жизни и совершенно несвойственно самобѣднѣйшему ихъ положенію, которое до того простирается, что они не только не могутъ отбывать этихъ налоговъ, но съ великою нуждою и большимъ трудомъ сниски-ваютъ для себя дневное пропитаніе и самобѣднѣйшую одежду». Многіе инородцы, кромѣ того, ссылались въ своихъ просьбахъ на льготы, высочайше дарованныя ихъ предкамъ, и заявляли, что Уложеніе Сперанскаго нарушаетъ эти льготы и уничтожаетъ дарованныя имъ привилегіи. На этой юридической почвѣ стояли въ особенности тарскіе татары, торговые бухарцы, ташкентцы и другіе выходцы изъ Средней Азіи, принявшіе въ разное время русское подданство и за то награжденные привилегіями. Ходатайство объ отмѣнѣ новаго положенія, не достигая желанныхъ инородцами результатовъ, только содѣйствовало ихъ разоренію. На отправку въ губернскіе города или въ Петербургъ своихъ довѣренныхъ ходатаевъ, на ихъ содержаніе, на разные подарки лицамъ, могшимъ имѣть вліяніе на это дѣло,—инородцы тратили много денегъ, продавая для этого свои пожитки и входя въ долги. Говорятъ, что причина обѣдненія барабинцевъ была не столько во введеніи ихъ въ разрядъ осѣдлыхъ, сколько въ хлопотахъ о переводѣ ихъ обратно въ кочевые. Злоупотребители пользовались этими хлопотами инородцевъ и ихъ готовностью не жалѣть на это денегъ. Иногда сами довѣренные инородцевъ употребляли въ свою пользу значительныя суммы, данныя имъ на ходатайство по дѣлу. Иногда пользовались этими хлопотами для грубыхъ вымогательствъ. Такъ, въ 1835 г. инородцы Ашкиштымской волости жаловались на засѣдателя земскаго суда Затинщикова, который угрозами и побоями вымогалъ у нихъ въ подарокъ для себя 1,000 руб., и, получивъ въ число ихъ 400 р., объявилъ всему обществу, «чтобы они никакихъ податей никому не платили, съ обѣщаніемъ ходатайствовать объ избавленіи ихъ отъ оныхъ». Вся настойчивость инородческихъ хлопотъ, всѣ сопряженныя съ ними пожертвованія не привели ни къ чему. Сибирскій комитетъ въ своемъ журналѣ 20 декабря 1826 г. постановилъ слѣдующее: «1) Выгоды, коими нынѣ пользуются просители равны выгодамъ крестьянскаго и другихъ сословій, и поэтому нѣтъ никакой справедливости оставлять ихъ долѣе при платежѣ подати 1763 г., не имѣющей никакого равенства съ платимою русскими, находящимися въ сихъ же самыхъ условіяхъ. 2) Тѣми грамотами и указами, на кои ссылаются просители, не было имъ присвояемо никакихъ особенныхъ правъ, кромѣ свободы отъ рекрутства, которая подтверждена и указомъ 1822 г... Просьбы сіи сибирскій комитетъ *отвергаетъ*, а льготныя грамоты *уничтожаетъ*».

Перейдемъ теперь къ положенію инородцевъ кочевыхъ и бродячихъ.

Къ *кочующимъ* уложеніе отнесло кочевыхъ земледѣльцевъ, скотоводовъ и промышленниковъ, т.-е. бурятъ качинцевъ; часть инородцевъ бійскихъ и кузнецкихъ; сагайцевъ, нижнеудинскихъ, енисейскихъ, баргузинскихъ и киренскихъ тунгузовъ; якутовъ; нарымскихъ, березовскихъ и обскихъ остяковъ (§ 3). Къ *бродячимъ* отнесены инородцы охотскіе, гижигинскіе, камчатскіе, коряки, юкагиры, алеуты, карагасы, обдорскіе самоѣды, туруханскіе инородцы (§ 4). Каждое *кочевое* стойбище, состоящее изъ 15 семей, имѣетъ свое родовое управленіе, стойбища же меньшаго объема причисляются къ ближайшимъ управленіямъ; родовое управленіе состоитъ изъ старосты и одного или двухъ помощниковъ (§ 94—96), выбираемыхъ изъ лучшихъ родовичей. Всѣ дѣла въ родовыхъ управленіяхъ производятся словесно. Нѣсколько стойбищъ со своими родовыми управленіями подчиняются инородной управѣ, которая состоитъ изъ головы, двухъ выборныхъ и письмоводителя, если только есть средства для его содержанія (§ 101, 103—105). Инородныя управы относятся къ мѣстамъ земской полиціи и получаютъ ея предписанія. Многіе роды, соединяемые въ общую зависимость, имѣютъ свою степную думу. Она составляется изъ главнаго родоначальника, нѣсколькихъ выборныхъ засѣдателей и письмоводителя. Обязанности думы въ народоисчисленіи, въ раскладкѣ сборовъ, въ правильномъ учетѣ всѣхъ общественныхъ суммъ и имуществъ, въ распространеніи земледѣлія и народной промышленности и въ ходатайствѣ у высшаго начальства о пользѣ родовичей (§ 114, 117, 119). Инородныя управы, а гдѣ нѣтъ ихъ, то родовыя управленія непосредственно подчиняются земскимъ судамъ или отдѣльнымъ засѣдателямъ, а степныя думы—общимъ окружнымъ управленіямъ (§ 157—160). Старосты, помощники ихъ, головы выборные, засѣдатели степныхъ думъ, старосты на ярмаркахъ и главные родоначальники не получаютъ отъ своихъ родовичей никакого вознагражденія за свою общественную службу. Жалованье же письмоводителю составляется раскладкою съ родовичей. Тою же раскладкою составляются суммы на постройку или ремонтъ общественныхъ зданій, на содержаніе школъ и покупку канцелярскихъ припасовъ для управъ и степныхъ думъ. При смѣнѣ главнаго родоначальника новый утверждается въ своей должности генералъ-губернаторомъ, а старосты, выборныя головы и засѣдатели въ думахъ утверждаются губернаторомъ. Препятствіями къ утверж-

денію выбраннаго или наслѣдовавшаго извѣстную должность по родовому обычаю лица, считаются собственный отказъ его, негосласіе на выборъ его большинства родовичей или доказанное судомъ худое его поведеніе. Право удалять отъ должности лицъ, составляющихъ степное управленіе, принадлежитъ губернаторамъ, а главныхъ родоначальниковъ удаляетъ генералъ-губернаторъ. Причиною удаленія служитъ уголовное преступленіе, злоупотребленія по должности, просьба инородцевъ (§ 142, 144, 145—148, 150, 154, 157, 160). Кочующіе инородцы имѣютъ назначенныя каждому роду во владѣніе земли, которыя раздѣляются ими между собою совершенно самостоятельно по ихъ обычаямъ. Они могутъ совершенно свободно заниматься на своихъ земляхъ земледѣліемъ, скотоводствомъ или другими промыслами. Русскимъ весьма строго запрещается селиться на инородческихъ земляхъ; они, впрочемъ, могутъ снимать ихъ въ аренду у инородческихъ обществъ (§ 26—31). За кражу и другія менѣе важныя преступленія инородцы судятся по своимъ степнымъ законамъ и обычаямъ, каждому племени свойственнымъ, и только за возмущеніе, намѣренное убійство, грабежъ, насиліе, фабрикацію фальшивой монеты и кражу казеннаго или общественнаго имущества они судятся русскимъ судомъ, по уголовнымъ законамъ. Кочевые инородцы платятъ подати по особому положенію съ числа душъ, которое опредѣляется общей ревизіей. Губернаторы въ сентябрѣ мѣсяцѣ составляютъ для слѣдующаго года подробныя смѣты всѣхъ сборовъ, слѣдующихъ съ инородцевъ. Утвержденныя главнымъ управленіемъ, эти смѣты черезъ казенныя палаты разсылаются по степнымъ думамъ или родовымъ управленіямъ, которыя опредѣляютъ для каждой семьи степень участія въ этомъ сборѣ деньгами или звѣриными шкурами (§ 32—39, 306—310). Такъ составляются только смѣты податей и земскихъ повинностей, раскладка же внутреннихъ повинностей опредѣляется степною думою или общественнымъ приговоромъ инородцевъ. Родовое управленіе обязано озаботиться, чтобы къ опредѣленному въ законѣ сроку имѣть полное количество сбора деньгами или звѣриными шкурами. Земское начальство сбираетъ подати не непосредственно съ инородцевъ, а только посредствомъ родового управленія. Для облегченія живущихъ въ отдаленіи инородцевъ, сборы съ нихъ принимаются на ярмаркахъ или сугланахъ земскими чиновниками, посылаемыми туда, или благонадежными казаками. При взиманіи подати звѣриныя шкуры должны быть переводимы на денежный счетъ, по установленной таксѣ. Эта такса составляется на каждое трехлѣтіе губернскимъ начальствомъ и утверждается главнымъ управленіемъ. Рухлядь же особенно дорогая оцѣнивается въ общихъ окружныхъ управленіяхъ. Инородцы, кочующіе въ отдаленіи, могутъ взносить повинности и не тому начальству, какъ означено въ расписаніи, а ближайшему. Это въ особенности касается *бродячихъ* инородцевъ, которые могутъ сдавать свои подати въ другихъ уѣздахъ, даже и въ другихъ губерніяхъ, чѣмъ назначено въ расписаніи. Количество сборовъ можетъ быть различно для каждаго племени инородцевъ, по роду и размѣрамъ ихъ промысловъ (§ 331—338, 339, 366, 302). *Кочующіе* инородцы участвуютъ въ общихъ по губерніи повинностяхъ, кромѣ штемпельныхъ и гербовыхъ пошлинъ и рекрутчины; впрочемъ, инородческіе казачьи полки, учрежденные для содержанія пограничныхъ карауловъ, комплектуются попрежнему. Бродячіе инородцы освобождаются отъ всѣхъ денежныхъ земскихъ повинностей, равно какъ и инородцы, *не совершенно зависящіе* (напр., чаукчи); но послѣдніе, гдѣ есть такой обычай, обязаны несть особую старинную повинность—давать аманатовъ (§ 40—44, 62, 167). Относительно подводной повинности, всегда имѣвшей огромное вліяніе на судьбу сибирскихъ инородцевъ, уложеніе дало слѣдующее правило: надлежитъ вообще стараться, чтобы разъѣзды русскихъ властей по стойбищамъ инородцевъ были какъ можно рѣже, и никогда не требовать большого числа подводъ. Разъѣзды земскихъ чиновниковъ и казаковъ допускаются только для ревизіи управленія, для слѣдствія по сбору податей, для надзора за порядкомъ на ярмаркахъ. Впрочемъ, все-таки нужно замѣтить, что уложеніе допускаетъ довольно много разъѣздовъ; такъ, оно полагаетъ, что для одной только ревизіи управленія земское начальство можетъ посѣщать стойбища кочующихъ инородцевъ *шесть* разъ въ годъ, а бродячихъ однажды въ годъ. Кромѣ того, на кочующихъ инородцевъ ложится также содержаніе и исправленіе дорогъ, мостовъ и перевозовъ, въ мѣстахъ же мало или вовсе ненаселенныхъ русскими, напр., въ Охотскомъ краѣ, кочевые инородцы обязаны содержать и почтовыя станціи, получая пособія изъ общихъ земскихъ сборовъ (§ 236—238).

Предшествующее изложеніе устава о кочевыхъ и бродячихъ инородцахъ показываетъ, что реформа Сперанскаго коснулась ихъ довольно поверхностно и, во всякомъ случаѣ, не въ такой степени, какъ тѣхъ инородцевъ, которыхъ реформаторъ счелъ нужнымъ перевесть въ разрядъ осѣдлыхъ. Кочевые и бродячіе инородцы были оставлены при тѣхъ же податяхъ, при тѣхъ же вообще обязанностяхъ, какія были опредѣлены еще въ 1763 г. Щербачевымъ. Со времени Щербачева окладныя инородческія книги не пересматривались, и отъ этого въ сборѣ податей царили страшные и вредные для инородцевъ безпорядки. Роды, чрезвычайно увеличившіеся съ 1763 г., платили подать съ прежняго числа душъ; напротивъ, роды почти вовсе вымершіе платили и за всѣхъ своихъ умершихъ родовичей. Такъ, ясачная комиссія нашла въ Якутской области почти совершенно вымершимъ барагатскій родъ, который прежде былъ однимъ изъ многолюдныхъ и отъ котораго осталось въ живыхъ только *два человѣка*, и эти-то двое несчастныхъ обязаны были уплачивать полное количество податей, слѣдовавшихъ съ ихъ рода по окладной книгѣ 1763 г. Въ Туруханскомъ краѣ, по свидѣ-

тельству аудитора Камаева, съ 1763 по 1816 г. вымерло $^3/_4$ ясачныхъ плательщиковъ, и остальная четверть должна была взносить ясакъ также по ревизіи 1763 г. Подобные же факты повторялись и въ другихъ мѣстахъ, какъ увидимъ ниже. Хотя послѣ ревизіи Щербачева инородцы были переписываемы еще въ 1816—1817 г., но эта послѣдняя перепись не принесла пользы въ разсматриваемомъ нами случаѣ, потому что при этой переписи новыхъ накладныхъ книгъ не составлялось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и переписи вовсе не производилось: по словамъ ясачной комиссіи, нѣкоторые чиновники просто за-просто выписывали въ эту перепись цифры численности инородцевъ изъ ревизскихъ книгъ 1763 г., не измѣняя даже показанныхъ тамъ лѣтъ инородцевъ! Неравномѣрность въ распредѣленіи ясака между инородцами доходила до того, что одни платили двойной ясакъ, а другіе ничего не платили. Многіе инородцы сѣвера уклонились отъ взноса ясака, скрываясь отъ встрѣчи съ земской полиціей въ глубинѣ своихъ тундръ. Отъ этого и выходило, что слѣдуетъ собрать, напр., съ 1,000 человѣкъ, но земской полиціи попадаются только 500 человѣкъ и съ нихъ взимается ясакъ за полныя 1,000 душъ. Во многихъ инородческихъ волостяхъ, кромѣ того, въ счетъ обязательной платы ясака, вносились совершенно посторонніе поборы, не говоря уже о взяткахъ. Такъ, напр., 7-я калмыцкая дючина Бійскаго округа сверхъ ясака была обязана взносить еще надбавленныхъ на нее въ разное время подарочныхъ поборовъ на 376 р. На первую дючину надбавлено было такимъ же образомъ 85 р., на вторую 132 р., на третью 71 р., на четвертую 135 р. и т. д. Тяжесть ясачной повинности увеличивалась по мѣстамъ еще отдаленностью мѣстъ, назначенныхъ для взноса ясака. Такъ, инородцы волостей Мрасско-Шушерской, Штиберско-Шарагашевской, Казановой, Мрасско-Елейской и Мрасской жили на Сагайской степи Минусинскаго округа, а числились въ кузнецкомъ вѣдомствѣ, куда и должны были приносить свои подати, не смотря на то, что ихъ степь отдѣлена отъ Кузнецкаго округа множествомъ горъ, лѣсовъ и озеръ, дѣлающихъ сообщеніе чрезвычайно труднымъ. Такая запутанность произошла при открытіи Енисейской губерніи въ 1823 г. и продолжалась до окончанія дѣйствій ясачной комиссіи Такъ, сургутскіе инородцы, жившіе около г. Сургута, числились въ туруханскомъ вѣдомствѣ и были обязаны носить свой ясакъ на сборное около Туруханска мѣсто, по р. Тазу, употребляя на передній и обратный путь *не меньше четырехъ мѣсяцевъ*. Чрезъ таковую отлучку, писали они въ своемъ прошеніи, «мы лишаемся звѣриной и рыбной ловли, а семейства наши остаются безъ всякаго призрѣнія. А иногда во время распутицы и разлитія водъ, возвращаемся домой чрезъ полгода. И не запасаясь въ удобное время рыбою, съ семействами своими претерпѣваемъ голодъ». Поверхностное разграниченіе осѣдлыхъ отъ кочевыхъ и относительно послѣднихъ имѣло столь же вредныя послѣдствія, какъ и относительно первыхъ. Кочевыя платятъ ясакъ, т.-е. подать звѣремъ, и переводятся на денежный окладъ, коль скоро обратятся къ земледѣлію. Но такой переходъ совершается медленно. Остякъ, напр., бросивъ звѣрованье, долго еще не берется за соху, а живетъ рыбною ловлею или промысломъ такихъ звѣрей, которые нейдутъ въ ясакъ. Между тѣмъ какъ неосѣдлый онъ обязанъ взносить подать звѣремъ, покупая его дорогою цѣною у купцовъ или русскихъ звѣропромышленниковъ; такимъ образомъ онъ платитъ двойной, даже тройной ясакъ, ибо цѣна соболя въ частной продажѣ гораздо выше цѣны, по которой онъ принимается въ ясакъ. Такіе безпорядки во взиманіи податей очень вредно дѣйствовали на благосостояніе инородцевъ, которое подрывалось еще тяжестью земскихъ повинностей. Разсмотрѣніе процентнаго отношенія налоговъ къ степени инородческаго богатства лучше всего покажетъ намъ, какъ тяжелы были для инородцевъ эти налоги. Такъ, инородцы Отборской волости Березовскаго округа сбывали своихъ произведеній *) въ хорошій годъ на *46,000 р.*, а въ плохой на *28,000 р.* Въ выручкѣ этого сбыта у нихъ, какъ и у большинства инородцевъ, заключается *все* ихъ богатство, всѣ источники ихъ существованія. Подати же эти инородцы платили на 3,549 р., да отбывали подводной гоньбы на 2,500 р., всего значитъ платили *6,049 р.*, т.-е. 13—21% ихъ годового дохода. Волость Подгорно-Юганская сбывала въ хорошій годъ на 1,800 р., а въ плохой на 1,000 р., а платила податей на 274 р. и отбывала подводной гоньбы на 300 р., всего на *574 р.*, т -е. 31—57% своего годового дохода. Волость Котскіе-городки сбывала въ годъ 23,000—15,000 р., а уплачивала податей и повинностей на *6,049 р.*, т.-е. 27—42%. Всѣ же вообще девятнадцать волостей Березовскаго округа сбывали въ годъ на 134,000—84,000 р., а уплачивали податей на 11,599 р. и земскихъ повинностей 12,723 р., всего на *24,322 р.*, т.-е. 18 — 28% ихъ годового дохода.

Волость Верхне-Кондинская, Пелымскаго округа, сбывала въ годъ на 4,000—2,500 р., а уплачивала на подачи и повинности 564 р. да отбывала натуральной повинности на 320 р., всего 884 р., т.-е. 22—35% сбыта. Волость Лиственичная сбывала на 300—200 р., а уплачивала всѣхъ податей и повинностей на 117 р., т.-е. 39—58% сбыта. Волость Больше-Кондинская сбывала на 5,500—4,000 р., а уплачивала налоговъ на 1,165 р. т.-е. 21—29% сбыта. Всѣ же одиннадцать волостей Туринскаго округа вмѣстѣ сбывали въ годъ на 30—20,000 р., а уплачивали податей и земскихъ повинностей на 6,564 р., т.-е. 21—32% сбыта. Первая дючина Бійскаго округа сбывала въ хорошій годъ, обыкновенно приходившійся на три плохихъ года, на 15,000 и въ плохой годъ на 8,000 р., а уплачивала податей и

*) Нужно замѣтить, что инородцы сбываютъ почти все добытое ими, т.-е. эта цифра сбыта=цифрѣ имущества. Цифры взяты нами изъ таблицъ ясачной комиссіи и относятся къ 1828—1832 г.

повинностей на 356 р., т.-е. 2—4% сбыта. Волость Нижне-Кумандинская сбывала на 8—4,000 р., а уплачивала на 976 р., т. е. 12—24% сбыта. Всѣ же вмѣстѣ четырнадцать волостей Бійскаго округа сбывали въ хорошій годъ на 125,000 р., въ худой 62,000 р., а уплачивали на 5,926 р., т.-е. 4—9% сбыта. Кортульская волость, Томскаго округа, сбывала въ годъ на 5,000—2,500 р., а уплачивала податей и повинностей на 915 р., т.-е. 9—18% сбыта. Малочурубаровская волость сбывала на 2,500—1,500 р., а уплачивала на 438 р., т. е. 17—35% сбыта. Больше-Бангульская-Чулымская — остяцкая сбывали на 1,500—800 р., а уплачивали на 496 р., т.-е. 33—62% сбыта. Больше-Чурубаровская сбывала на 4—2,000 р., а уплачивала на 736 р., т.-е.9 —18%. Итоговъ за Томскій округъ мы не приводимъ, потому что въ таблицахъ комиссіи, которыми мы руководствуемся, не во всѣхъ волостяхъ кочевые отдѣлены отъ осѣдлыхъ.

При такомъ процентномъ отношеніи податей и повинностей къ степени инородческаго богатства, или, правильнѣе сказать, инородческой бѣдности, взиманіе этихъ налоговъ не могло быть успѣшнымъ. Накоплялись недоимки. Такъ, на четырехъ самыхъ бѣдныхъ и малочисленныхъ якутскихъ родахъ (мамяльскомъ, годниковскомъ, темирскомъ и барагатскомъ) состояло къ 1831 г. недоимки 5,406 р. За кочевыми инородцами Томскаго округа къ 1831 г. недоимокъ числилось 42,345 р. На кочевыхъ инородцахъ Каинскаго округа (2,477 ч. м. п.) недоимки въ 1833 г. было 25,021 р. Въ бійскомъ округѣ на 1,452 кочевыхъ инородца къ 1832 г. недоимки было 8,701 р. и такъ далѣе.

Тяжесть и неравномѣрность инородческихъ податей и повинностей, объ уменьшеніи которыхъ инородцы не переставали хлопотать, вели за собой уменьшеніе и инородческаго благосостоянія и количества уплачиваемаго ясака. По словамъ всеподданнѣйшаго доклада министровъ двора и финансовъ (1835 г.), уменьшенію ясака содѣйствовали также безпорядки, накопившіеся въ теченіе времени съ 1763 г. «Въ первые годы по обложеніи 1763 г. сборъ ясака рухлядью производился весьма успѣшно и въ кабинетъ былъ доставленъ въ знатномъ количествѣ и превосходной доброты. Но по мѣрѣ того, какъ торговыя цѣны на звѣря возвышались, сборъ ясака изъ года въ годъ уменьшался. Инородцы подъ предлогомъ неулова звѣря платили за оный деньгами по ничтожнымъ (опредѣленнымъ въ 1763 г.) цѣнамъ, а добытыя шкуры продавали торговцамъ, по цѣнамъ несравненно высшимъ. Вотъ причины, по которымъ платежъ ясака шкурами пришелъ въ совершенный упадокъ. Независимо отъ сего, платежъ ясака отъ убыли инородцевъ въ однихъ родахъ, отъ умноженія въ другихъ и отъ перемѣны образа жизни и промысловъ, сдѣлался крайне неуравнительнымъ и для нѣкоторыхъ родовъ совершенно разорительнымъ». Когда это было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, то Николай I велѣлъ сибирскому комитету учредить двѣ ясачныхъ комиссіи и послать одну изъ нихъ въ восточную, а другую въ западную Сибирь, для переписи инородцовъ и составленія для нихъ новыхъ окладныхъ книгъ. Дѣйствія ясачной комиссіи должны были касаться только инородцевъ внутреннихъ округовъ и не распространялись на чукчей и киргизовъ. Главною цѣлью комиссіи было обложеніе туземцевъ новою податью, а такъ какъ съ этимъ былъ связанъ вопросъ о принадлежности инородцевъ къ тому или другому разряду, то комиссія должна была еще разсмотрѣть: 1) чѣмъ руководилось мѣстное начальство при переводѣ инородцевъ въ разрядъ осѣдлыхъ; 2) разобрать просьбы инородцевъ на неправильность такого перевода и 3) предоставить окончательное рѣшеніе комиссіи относительно разрядовъ.

Западная комиссія открыла свои дѣйствія въ мартѣ, а восточная въ іюнѣ 1828 г. Занятія ихъ окончены совсѣмъ къ 1835 г.

Восточная комиссія обложила новою податью всѣхъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ Якутской области, Иркутской и Енисейской губерній. По счету комиссіи, инородцевъ оказалось 192,012 душъ. По прежнему обложенію они платили соболей 5,232, лисицъ 12,200, песцовъ 25, горностаевъ 604, бѣлокъ 16,997 на 52,100 р. 22½ к. да деньгами 69,975 р. 39 к., *всего на 122,075 р. 62 к.*

Комиссія же наложила на нихъ подати—соболей 2,165, лисицъ 451, песцовъ 2,496 горностаевъ 4,348, бѣлокъ 54,734—на 65,407 р. 32 к., да деньгами 385,721 р. 24 к., *всего на 451,128 р. 56 к.*

По переписи западной комиссіи, въ западной Сибири оказалось инородцевъ 29,095 душъ. Комиссія наложила на нихъ подати: соболей 1,294, лисицъ 1,034, выдру 1, колонковъ 1,840, песцовъ 2,394, горностаевъ 3,655, бѣлокъ 18,037, лосиныхъ кожъ 7—на 41,106 р. 8 к., да деньгами 18,288 р. 52 к., *всего на 59,394 р. 60 к.*

По старому же обложенію они платили разными шкурами на 16,003 р. 99 к., да деньгами 3,075 р. 21 к., *всего на 19,169 р. 20 к.*

Независимо отъ ясачныхъ комиссій обложены:

а) Начальникомъ Камчатки, Голенищевымъ, камчадалы и оленные коряки 1778 г., по старому обложенію они платили: соболей 611, лисицъ 940, бобровъ 18, *на 2,365 р.* По новому окладу: соболей 390, лисицъ 287, пыжиковъ 409, на *7,281 р. 25 к.*

b) Охотскимъ и гижигинскимъ исправникомъ инородцы Охотскаго края, 1,934 души. Они платили по старому окладу: соболей 412½, лисицъ 457½, бѣлокъ 622, пыжиковъ 7, парокъ 2, маутовъ 13, оленьихъ кожъ 6, денегъ 81 р. 33 к., *всего на 2,000 р. 50 к.* По новому же окладу: лисицъ 150, бѣлокъ 2,735, денегъ 640 р. 8 к.; *всего на 4,566 р. 58 к.* Тѣмъ же чиновникомъ переобложены инородцы Гижигинскаго края, 1,533 души По старому окладу они платили: соболей

41³/₄, лисицъ 647, бѣлокъ 481, парокъ 25, маутовъ 9, оленью кожу 1, денегъ 4 р. 49 к., *всего на 850 р. 19¹/₂ к.* По новому окладу: соболей 11, лисицъ 142, бѣлокъ 462, волковъ 2, песцовъ 33, пыжиковъ 4, оленьихъ кожъ 403, *всего на 2,792 р.*

Всего же въ Сибири найдено *кочевыхъ* и *бродячихъ* инородцевъ 226,452 души. По старому обложенію они платили всѣхъ податей на *146,460 р. 55 к.* По новому же окладу они были обязаны взносить на *525,162 р. 99 к.*

Изложивъ эти результаты дѣятельности ясачныхъ комиссій, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ дѣйствій въ частности.

Мы уже видѣли выше, что инородцы, сдѣланные осѣдлыми, настойчиво хлопотали о переводѣ ихъ на прежнее положеніе кочевыхъ. Ясачная комиссія западной Сибири была завалена инородческими просьбами объ этомъ предметѣ. Но комиссія не была уполномочена отмѣнять самый законъ Сперанскаго о разрядѣ осѣдлыхъ инородцевъ; она должна была только изслѣдовать, къ какому разряду должно отнести извѣстныхъ инородцевъ «по разуму устава 1822 г.»; она должна была только исправить ошибки, допущенныя мѣстнымъ начальствомъ при введеніи устава объ инородческихъ разрядахъ. Поэтому, комиссія нисколько не могла содѣйствовать исполненію завѣтныхъ желаній осѣдлыхъ инородцевъ—уничтоженію разряда осѣдлыхъ. Только нѣкоторыя волости, переведенныя въ осѣдлое состояніе не «по разуму устава», обращены комиссіей въ разрядъ кочевыхъ, но зато и нѣсколько кочевыхъ сдѣлано ею осѣдлыми. Такъ, Томскому округу изъ 47 кочевыхъ волостей 43 оставлены въ разрядѣ кочевыхъ, а 4—Малокарюковская, Малошегарская, Курчиковская, Курчиковская 1-я—переведены изъ кочевого разряда въ *осѣдлый*. Девять осѣдлыхъ волостей оставлены въ разрядѣ осѣдлыхъ; 389 инородцевъ, зачисленныхъ въ *осѣдлые* и разсѣянныхъ по 29 волостямъ, переведены въ *кочевые*. По Кузнецкому округу семнадцать кочевыхъ волостей оставлены въ томъ же разрядѣ; пять осѣдлыхъ волостей оставлены осѣдлыми. Семь кочевыхъ волостей каинскаго округа также переведены въ разрядъ осѣдлыхъ. При этомъ распредѣленіи на разряды, комиссія «имѣла въ виду главнѣйше географическое положеніе земель, занимаемыхъ инородцами; ибо, разсматривая осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ въ отношеніи къ ихъ промышленности, было бы трудно допустить какое-либо между ними различіе, такъ какъ они равно бѣдны; но мѣстное положеніе волостей, не смотря на общую нищету инородцевъ, даетъ явное преимущество однимъ передъ другими. Одни изъ нихъ расположены въ климатѣ умѣренномъ, въ мѣстахъ возвышенныхъ, способныхъ къ земледѣлію и окружены русскими селеніями, другіе хотя и не имѣютъ во владѣніи своемъ хлѣбопашныхъ полей, но, будучи расположены подъ самымъ губернскимъ городомъ, удобно могутъ замѣнить обработываніе полей другими способами промышленности въ губернскомъ городѣ; остальные же, будучи многочисленнѣе первыхъ, находятся или въ удаленіи отъ русскихъ селеній, или, примыкая къ нимъ съ одной стороны, расположены въ климатахъ суровыхъ, на мѣстахъ низкихъ, водопоемныхъ и даже болотныхъ. Руководствуясь симъ взглядомъ, не трудно будетъ опредѣлить предполагаемые разряды, ибо ясно, что въ однихъ изъ тѣхъ волостей инородцы, обладая лучшими мѣстными способами жизни, хотя бы въ настоящее время и оказались, по сродной имъ безпечности, не въ желаемомъ благосостояніи, но отъ нихъ самихъ и отъ попеченій мѣстнаго правительства будетъ зависѣть улучшеніе состоянія ихъ. Въ другихъ же мѣстахъ, напротивъ, по невыгодному положенію, нѣкоторыя еще волости долго не будутъ въ состояніи приближаться къ состоянію крестьянскому, и если такія, кои по физическому положенію земель, кажется, никогда этого и не достигнуть.

Впрочемъ, окончательно ужъ нищихъ инородцевъ комиссія не переводила въ осѣдлые, не смотря на выгодное мѣстоположеніе ихъ волостей. Такъ, комиссія нашла, что «хотя инородцы волостей Верхнетабаринской, Нижнетабаринской и Комутской по образу ихъ жизни и по качеству ихъ промысловъ близки уже къ крестьянскому состоянію, но по скудости тѣхъ промысловъ въ настоящее время, они не были въ состояніи взносить всѣхъ податей и повинностей, съ тѣмъ званіемъ сопряженныхъ». Поэтому комиссія рѣшила «оставить въ разрядѣ кочевыхъ до времени, когда способы ихъ будутъ усилены до возможности уплачивать крестьянскіе оклады».

Мы уже упоминали выше, что внутреннее волостное управленіе осѣдлыхъ инородцевъ находилось въ большемъ безпорядкѣ. Денежные счеты велись неисправно, недоимки одной волости записывались на другой, инородцы, приписанные къ русскимъ волостямъ, терпѣли различныя притѣсненія со стороны волостного начальства, хозяйство нѣкоторыхъ инородцевъ страдало отъ того, что ихъ селенія далеко отстояли отъ той волости, къ которой они были приписаны, и т. д. Комиссія старалась по возможности исправить эти безпорядки.

Поэтому она старалась по возможности концентрировать инородческія волости, а тѣхъ изъ инородцевъ, которыхъ неудобно было присоединить къ другимъ, у тѣхъ составляла отдѣльныя управленія, такъ какъ вся спутанность волостныхъ счетовъ происходила отъ разбросанности и передвиженій инородцевъ. Впрочемъ, на переводъ инородцевъ изъ одной волости въ другую комиссія рѣшалась только въ томъ случаѣ, если эти инородцы не имѣли на своемъ мѣстѣ жительства прочнаго, хозяйскаго обзаводства; въ противномъ случаѣ она считала такой переводъ «несогласнымъ съ справедливостью». Кромѣ того, комиссія старалась наблюдать, чтобы инородцы одной и той же волости не были разбиваемы на разные разряды, ибо 1) «сія такъ называемая волость у нихъ не иное что, какъ родъ или улусъ, составляющій, такъ сказать, одно семейство, управляемое собственными стар-

шинами, съ нѣкоторыми правами, основанными на коренныхъ обычаяхъ инородцевъ; и посему инородцы всего болѣе страшатся отдѣляться отъ своего рода и подпадать управленію русскихъ волостей, столь несогласному съ ихъ природными обычаями; 2) если во всей волости одно, два, три и рѣдко пять семействъ не столь бѣдны, какъ другія, то сіе еще не можетъ служить поводомъ къ отторженію ихъ отъ кочевыхъ волостей и лишенію правъ, тѣмъ волостямъ присвоенныхъ, за то только, что они были трудолюбивѣе другихъ».

Громадныя недоимки, числившіяся на осѣдлыхъ инородцахъ, необходимо должны были обратить на себя вниманіе комиссіи. Комиссія держалась вообще того мнѣнія, что недоимокъ прощать не слѣдуетъ, «такъ какъ разъ допущенное сложеніе недоимокъ укореняетъ въ плательщикахъ вредную надежду о возможныхъ повтореніяхъ сихъ случаевъ». Но въ то же время комиссія была убѣждена въ положительной невозможности взыскать эти недоимки: все, что можно было взыскать, уже было взыскано мѣстнымъ начальствомъ съ примѣрною строгостью. «Недоимки по волостямъ различны,—замѣчаетъ комиссія,—а такъ какъ способы жизни всѣхъ осѣдлыхъ инороцевъ почти одинаковы, то безошибочно можно заключить, что гдѣ больше взыскано недоимокъ, тамъ сильнѣе дѣйствовала полиція и болѣе потерпѣли инородцы». Поэтому комиссія ходатайствовала о сложеніи недоимокъ, «такъ какъ взыскать ихъ было невозможно, не доведя инородцевъ до совершеннаго разоренія». Недоимки, накопившіяся по 1 января 1832 г., были прощены, «по уваженію разстроеннаго состоянія инородцевъ отъ обременительной экзекуціи и другихъ, допущеннымъ мѣстнымъ начальствомъ, злоупотребленій», какъ сказано въ указѣ сената генералъ-губернатору Западной Сибири. Но и за такимъ важнымъ облегченіемъ, какъ сложеніе громадныхъ недоимокъ, осѣдлые инородцы все-таки были не въ состояніи платить всѣ подати и повинности по полному крестьянскому окладу. Комиссія поэтому признала необходимымъ переводить на полный крестьянскій окладъ не вдругъ, а постепенно, замѣчая, что только при этомъ условіи возможно оставить ихъ въ разрядѣ осѣдлыхъ. Поэтому осѣдлые инородцы Тобольской губерніи, по предположенію комиссіи, должны были въ продолженіе десяти лѣтъ (1840—1850) платить $^2/_3$ крестьянскаго оклада, съ 1 января 1850 г. полный окладъ. По земскимъ же повинностямъ комиссія записала этихъ туземцевъ въ четвертый разрядъ на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока мѣстное начальство сообразило, возможно ли перевесть ихъ въ высшій разрядъ? Для осѣдлыхъ инородцевъ Томской губерніи была опредѣлена $^1/_4$ подушныхъ и оброчныхъ податей, съ 1844 по 1854 г. велѣно взимать съ нихъ половинныя крестьянскія подати, а 1 января 1854 г. они переведены на полный окладъ.

Вотъ все, что сдѣлала комиссія для осѣдлыхъ инородцевъ.

Главною цѣлью дѣятельности комиссіи было составленіе окладныхъ книгъ для инородцевъ кочевыхъ и бродячихъ. Мы уже видѣли выше, что всѣ кочевые и бродячіе инородцы платили до комиссіи 146,460 р., а комиссіей эта подать увеличина до 525,163 руб. Для показанія процентнаго отношенія налоговъ къ степени инородческаго благосостоянія, мы предлагаемъ здѣсь читателю слѣдующія цифры:

Волость Обдорская при 1,991 ясачномъ плательщикѣ (мужчины 18—50 л.) обязана платить податей на 8,267 р., да отбывать натуральныхъ повинностей на 2,500 р.; *всего на 10,767 р.* До комиссіи эта волость уплачивала 13—20%, а послѣ комиссіи 23 — 38% своего ежегоднаго дохода (56—28 тыс. руб.).

Волость Котскіе-городки, при 832 плательщикахъ, по окладу комиссіи платитъ на 2,080 р. и отбываетъ натуральныхъ повинностей на 4,500 р.; *всего на 6,580 р.*, т.-е. 28—43% своего сбыта (13—15,000 р.).

Волость Подгорно-Юганская, при 82 ясачныхъ плательщикахъ, платитъ по окладу комиссіи податей 229 р., да отбываетъ натуральныхъ повинностей на 300 р., *всего на 529 р.*, т.-е. 28—52% сбыта (1,800—1000 р.)

Всѣ 19 волостей Березовскаго округа при 5,811 ясачныхъ плательщикахъ по окладу комиссіи должны платить податей на 20,212 р. и отбывать натуральныхъ повинностей на 12,723 р., *всего на 32,935 р.*, т.-е. 24—39% ихъ сбыта (134,000—84,000 р.).

Волость Верхне-Кондинская, Туринскаго округа, при 100 ясачныхъ плательщикахъ обязана платить податей на 425 р., на земскія повинности 404 р., да отбывать натуральной повинности на 320 р.; *всего на 1,419 р.*, т.-е. 28—45% сбыта (4,000—2,500 р.).

Волость Лиственичная при 11 ясачныхъ плательщикахъ платитъ податей на 35 р., на земскія повинности 63 р., да отбываетъ натурою на 20 р.; *всего на 118 р.*, т.-е. 39—59% сбыта.

Всѣ 11 волостей Туринскаго округа платятъ податей на 5,007 р., на земскія повинности 3,413 р., да отбываютъ натурою на 1,480 р.; *всего на 9,900 р.*, т.-е. 33—49% сбыта (30,000—20,000 руб.).

Первая дючина Бійскаго округа обязана платить податей 1,330 р. и земскихъ повинностей 356 р.; *всего 1,656 р.*, т.-е. 11—20% сбыта.

Волость Нижнекумандинская платитъ податей 657 р., земскихъ повинностей на 975 р.; *всего на 1,632 р.*, т.-е. 20—40% сбыта (8,000—4,000 руб.).

Всѣ же области Бійскаго округа платятъ податей на 10,660 р., на земскія повинности 5,926 руб.; *всего на 16,586 р.*, т.-е. 13—26% сбыта (125,000—62,500 р.).

Кортульская волость, Томскаго округа, платитъ податей на 400 р., земскихъ повинностей на 395 руб., натуральной повинности на 520 р.; *всего на*

1,315 р., т.-е. 26—52% годового сбыта (5,000—2,500 р.).

Малочурубаровская волость платитъ податей 189 р., земскихъ денежныхъ повинностей 208 р., натуральныхъ 430 р.; *всего на 862 р.*, т.-е. 33—55% сбыта (2,500 —1,500 р.).

Волость Большебайгульская-Чулымская-остяцкая платитъ податей 136 р., денежныхъ повинностей 184 р., натуральныхъ на 310 р.; *всего на 632 р.*, т.-е. 42—79% сбыта (150 р.—800 р.).

Читатель потрудится самъ сравнить сейчасъ приведенныя нами цифры налоговъ, положенныхъ комиссіей, съ выше данными нами цифрами налоговъ, платившихся до этой комиссіи. Читатель увидитъ, что при одномъ и томъ же числѣ плательщиковъ, и при одной и той же степени ихъ благосостоянія, количество налоговъ значительно увеличилось. Нужно еще замѣтить, что выставленныя нами цифры цѣнности ясака далеко ниже настоящихъ цѣнъ. Мѣха принимаются въ ясакъ не по той цѣнѣ, по которой они обращаются въ частной торговлѣ. Въ Березовскомъ краѣ, напр., соболь въ частной продажѣ стоитъ, смотря по его достоинству, отъ 12 до 20 р., а въ ясакъ тотъ же самый соболь принимается за 4 р. 50 к.—7 р. Въ Нарымскомъ краѣ лисица-бѣлодушка стоитъ отъ 7 до 9 р., а въ казну поступаетъ только за 2 р. 85 к., а соболь за 2 р. Кромѣ того количество ясака много увеличивается еще разными побочными обстоятельствами. Для пріема ясака существуютъ извѣстныя правила; мѣха, не подходящіе подъ эти правила, бракуются. Пріемщики, пользуясь этимъ, притѣсняютъ инородцевъ. Вотъ какъ описываетъ сборъ ясака г. О—въ въ своей рукописи о Нарымскомъ краѣ. «Въ началѣ мая всѣ инородцы съѣзжаются къ церквамъ для уплаты повинностей и хлѣбныхъ долговъ. Здѣсь происходитъ раскладка ясака; затѣмъ старшины, собравъ ясачнаго звѣря, отправляются въ Нарымъ сдавать ясакъ мѣстному засѣдателю. Старшины пріѣзжаютъ съ своими кандидатами, десятниками и расходчикомъ, который завѣдываетъ общественными деньгами и выдаетъ ихъ, куда слѣдуетъ, по приказанію старшины. Сдача ясака очень затруднительна для инородцевъ, особенно если взять во вниманіе, что ясачнаго звѣря принимаетъ не самъ засѣдатель, а знакомый съ этимъ дѣломъ пріемщикъ изъ казаковъ... Избѣжать всѣхъ недостатковъ мѣха, къ которымъ можно придраться при пріемѣ ясака, весьма трудно. Поэтому, остяку необходимо пріобрѣсть благоволеніе пріемщика, безъ чего послѣдній можетъ не найти ни одного звѣря, годнаго въ ясакъ. Дается взятка. Общественныя суммы, привезенныя инородцами, также не лежатъ спокойно. Старшины живутъ въ Нарымѣ съ ясакомъ по мѣсяцу и по два, или за отсутствіемъ засѣдателя, или за его недосугомъ. Часто случается, что старшина искушается зеленымъ виномъ, и во время его пьянства, у него съ квартиры обыватели воруютъ всѣ общественныя суммы. Въ такомъ случаѣ старшины обыкновенно прибѣгаютъ къ займамъ у нарымскихъ купцовъ. Обязательства составляются на цѣлую волость, и купцы берутъ огромные проценты, за 100 получаютъ 150». Выставленныя нами цифры стоимости земскихъ повинностей такъ же, какъ и цифры ясака, далеко ниже настоящихъ. Эти цифры не заключаютъ въ себѣ оцѣнки слѣдующихъ обстоятельствъ. Для отбыванія подводной повинности кочевые инородцы должны выходить на трактъ изъ своихъ отдаленныхъ кочевьевъ и потомъ снова возвращаться домой. Такимъ образомъ передній и обратный путь простирается иногда до 2,000 верстъ. Сколько стоятъ инородцу эти разъѣзды и потраченное на нихъ время?! Далѣе, отъ усиленной подводной гоньбы ломаются экипажи и падаетъ много скота. Сколько стоитъ это инородцу? Во время отсутствія его для отбыванія повинности, голодаетъ его семья, разстраивается его хозяйство, онъ пропускаетъ иногда удобное время охоты. Сколько стоитъ это инородцу? Наконецъ, правомъ безплатно разъѣзжать на инородцахъ, кромѣ чиновниковъ, лѣкарей, фельдшеровъ, вахтеровъ, миссіонеровъ, пользовались совершенно постороннія лица, напр., купцы, священники, дьячки, получившіе по кумовству бланки для разъѣздовъ. Да и послѣ комиссіи подводная повинность осталась такою же отяготительною, какою была и до нея. Она бываетъ иногда такъ тяжела, что выводитъ изъ себя даже смирнаго и робкаго березовскаго остяка. Случалось въ березовской тундрѣ, что везущіе чиновника инородцы останавливаются, обрѣзываютъ постромки у оленей и уѣзжаютъ на нихъ, оставивъ чиновника одного въ снѣжной пустынѣ, въ добычу волкамъ и жгучему морозу.

Большинство же сибирскихъ дикарей покорно несетъ разорительныя повинности и въ конецъ разоряется подъ ихъ нестерпимою тяжестью. Для обрисовки этого дѣла укажемъ на нѣкоторые факты. Такъ, напр., въ сороковыхъ годахъ тунгусы, кочевавшіе у залива Аянъ, въ числѣ 600 человѣкъ, были причислены къ Амгинской церкви, отстоящей отъ ихъ кочевья на 850 верстъ. Для исполненія христіанскихъ обязанностей они должны были отправляться на назначаемое выѣзжавшимъ изъ Якутска священникомъ мѣсто. Этотъ выѣздъ часто бывалъ во время рыбной ловли, когда тунгусы запасаются пищею на цѣлую зиму. Выѣзжая въ это время на назначаемое попомъ мѣсто, они не успѣвали заготовлять припасовъ на зиму и принуждены были терпѣть голодъ. Для священника тунгусы должны были приготовлять на Хахарскомъ урочищѣ два плота, на 15 лошадей каждый, а на Чумаканѣ десять лодокъ съ гребцами. То же было при разъѣздахъ лѣкаря съ фельдшеромъ для прививки оспы. Для пріобрѣтенія свинца и пороха тунгусы должны были выходить навстрѣчу ѣздившаго по округу исправника къ Нелькану, за 250 в. Если исправникъ выѣзжалъ лѣтомъ, то тунгусы, выѣзжая къ Нелькану, принуждены были бросать рыбную ловлю; если же выѣздъ исправника случался зимой, то, не имѣя ни оленей, ни собакъ, многіе не могли выѣзжать къ нему. Для сбора

ясака исправникъ ѣздилъ по стойбищамъ, имѣя съ собою по пяти и болѣе партъ, слѣдовательно, по 36—56 собакъ, которыхъ тунгусы должны были кормить собственными оленями. Въ сборѣ ясака не было ни системы, ни справедливости. Исправники брали ясакъ только съ тѣхъ тунгусовъ, которыхъ встрѣчали, и брали съ нихъ все количество, слѣдуемое съ рода. Кромѣ того, на тунгусовъ падала особенная повинность продовольствія осѣдлыхъ русскихъ жителей. При каждомъ неуловѣ рыбы, а слѣдовательно, при каждой голодовкѣ, обыватели Гижиги отгоняли у инородцевъ цѣлые табуны оленей. Начальство покровительствовало этому и отгоняло оленей и на свою долю. Дѣйствительность этихъ отгоновъ подтверждается офиціальными актами. Вотъ, напр., одинъ изъ многихъ случаевъ. Въ 1839 г. корякъ Кегылтыевъ кочевалъ на р. Таловкѣ. Пріѣхалъ лѣкарь Ивановъ и объявилъ ему, что по случаю голодовки въ Гижигѣ онъ долженъ прикочевать со своими оленями къ городу. Только по усиленымъ просьбамъ Кегылтыева ему дозволено вмѣсто Гижиги идти къ Паренгѣ, гдѣ взяли у него и тотчасъ угнали въ Гижигу всѣхъ оленей. Число оленей, отнятыхъ у инородцевъ русскими, было: въ 1816—1818 г. на 9,194 р., въ 1826—1828 г. на 5.707 р.; въ 1832 г. на 2,435 р.; въ 1840 г. на 2,060 р.; въ 1841—1843 г. на 2,990 р., и т. д. Все это было записано, какъ доброхотныя пожертвованія инородцевъ. Тунгусы-«жертвователи» окончательно разорились, и многіе изъ нихъ умерли съ голода.

Комиссія понимала, что новые налоги очень велики, а такъ какъ она собственнымъ опытомъ убѣдилась во всеобщей бѣдности кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, то, для успѣшнаго взиманія съ нихъ налоговъ на будущее время, она признала необходимымъ сложить съ нихъ недоимки, накопившіяся по 1 января 1834 г. Такъ какъ до комиссіи, вслѣдствіе небрежности и злоупотребленій земской полиціи, къ платежу податей были привлекаемы иногда люди, неспособные ни къ какой работѣ, то комиссія положила включить въ число плательщиковъ только мужчинъ 18—50 лѣтъ. Увѣчныхъ же комиссія положила не исключать изъ числа податныхъ плательщиковъ, по невозможности дѣлать имъ во всякое время освидѣтельствованіе. Комиссія старалась, кромѣ того, устроить родовое управленіе кочевыхъ инородцевъ по точному смыслу уложенія, ибо «могутъ ли съ успѣхомъ ими управлять родоначальники кочевыхъ волостей, сіи дикари, начальники только по имени!»

Устройство родовыхъ управъ у кочевыхъ и волостныхъ правленій у осѣдлыхъ инородцевъ было, впрочемъ, передано на долю мѣстныхъ начальствъ, такъ какъ это дѣло требовало не мало предварительной работы. Нужно было назначить мѣста, гдѣ быть управамъ, составить карту инородческихъ поселеній, приписать къ этимъ управамъ стойбища, убѣдить инородцевъ въ необходимости содержанія этихъ управленій и т. д. Но съ самаго начала эти планы начали разбиваться о вопіющую бѣдность инородцевъ и ихъ упорные отказы—содержать эти управленія. Такъ инородцы Орской волости, Колыванскаго округа, въ своемъ волостномъ приговорѣ (1831 г.) положили просить начальство объ оставленіи у нихъ прежняго старшинскаго управленія. Въ 1835 г. бійскій исправникъ доносилъ, что инородцы кокшинскаго улуса и Смоленской волости, «по малочисленности своей и разсѣянности по разнымъ губернскимъ, заводскимъ и инородческимъ деревнямъ и форпостамъ, равно и по бѣдному ихъ состоянію, не могутъ ни желать, ни предпринять учрежденія волостного управленія, требующаго на содержаніе его издержекъ, превышающихъ ихъ состояніе. Бо́льшая часть изъ нихъ такъ бѣдны, что не въ силахъ почти снискивать пропитанія, сколько отъ тѣсноты и неудобства земель, ими занимаемыхъ, столько и отъ непривычки нѣкоторыхъ къ полному крестьянскому хозяйству». Кузнецкій исправникъ писалъ, что «нѣкоторые изъ инородцевъ не желаютъ учреждать у себя волостныхъ управленій по совершенной бѣдности, другіе по бѣдности, происшедшей отъ неурожая въ прошлыхъ годахъ хлѣба и уплачиванья болѣе восьми лѣтъ податей и повинностей за умершія и престарѣлыя души». Подобные же приговоры составлялись и кочевыми инородцами. Томскій исправникъ доносилъ, что они «просятъ избавить ихъ отъ учрежденія у нихъ инородческихъ управъ, по ихъ бѣдности и малочисленности». О томъ же просили инородцы Каинскаго и другихъ округовъ. Само собою понятно, что мѣстное начальство должно было отказывать просителямъ и продолжать свое дѣло по устройству волостного и родового управленія инородцевъ. Но успѣха не было! Вотъ что говорится въ журналѣ томскаго губернскаго совѣта, 13 сентября *1865 г.*: «дѣло это по прошествіи *сорока лѣтъ* не приведено въ положительную ясность; оно не заключаетъ въ себѣ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать заключеніе о томъ, что и какъ слѣдуетъ учредить между инородцами. И эта весьма естественно. Мѣстное начальство, дѣлая распоряженія, не указывало способовъ, не давало средствъ исполнителямъ своихъ распоряженій... Всѣ сорокъ лѣтъ прошли въ одной сухой и совершенно безплодной перепискѣ. Собиратели статистическихъ данныхъ и составители картъ дѣйствовали крайне небрежно, и эти матеріалы никуда не годятся. Землемѣръ Маньковъ, напр., при описаніи инородцевъ Нарымскаго края, говоритъ, что все народонаселеніе его состоитъ изъ «бѣлыхъ и черныхъ калмыковъ, татаръ, телеутовъ и киргизъ!..» Губернскій совѣтъ рѣшилъ поэтому, «настоящую переписку, безрезультатно тянувшуюся сорокъ лѣтъ, обременительную для должностныхъ лицъ и совершенно безполезную для инородцевъ, прекратить и... начать дѣло снова!»

Нашъ очеркъ не былъ бы полнымъ, если бы мы не упомянули, что инородцы дѣйствовали не однимъ только легальнымъ путемъ для избавленія себя отъ подчиненія уставу Сперанскаго о разрядахъ. Нѣкоторые старались избавиться отъ этого устава посредствомъ бѣгства. Такъ, во время переобложе-

нія инородцевъ Восточной Сибири ясакомъ, остались необложенными 128 человѣкъ тунгусовъ, якутовъ и коряковъ, бѣжавшихъ отъ этой переписи. Такъ, въ 1827 году многіе инородцы Шуйской волости кузнецкаго округа, желая избавиться отъ обязанностей осѣдлаго состоянія, удалились въ Алтайскія горы. Бывали даже случаи бунтовскихъ замысловъ и покушеній. Въ 1827 г. тобольскій прокуроръ донесъ министру юстиціи, что остяки Березовскаго края составили заговоръ напасть на Обдорскъ во время ярмарки и перебить всѣхъ русскихъ. Это развѣдали управляющій обдорскимъ отдѣленіемъ и бывшій въ Березовѣ при ученой экспедиціи штурманъ Ивановъ. Губернаторъ, Бантышъ-Каменскій, самъ отправился въ Березовскій край для разслѣдованія этого дѣла. Хотя это разслѣдованіе и не доказало упомянутаго замысла, однако несомнѣнно, что онъ существовалъ. Нѣкоторые остяки высказывались русскимъ, что «если ихъ будутъ принуждать къ принятію христіанства, то они всѣхъ рускихъ перебьютъ во время ярмарки въ Обдорскѣ». Самоѣдскій старшина Пайголъ говорилъ губернатору: «всѣ самоѣды находятся въ страхѣ отъ слуховъ, будто хотятъ ихъ насильно крестить, чего они никакъ не желаютъ». О штурманѣ Ивановѣ, присланномъ для описанія острова Бѣлаго, самоѣды думали, что онъ присланъ для размежеванія ихъ земель, и что эти земли хотятъ отнять у нихъ. Самоѣды рѣшительно отказались давать Иванову подводы, говоря губернатору: «пускай снимутъ лучше съ насъ головы, а подводъ мы не дадимъ». Обдорскіе остяки убѣдительно просили губернатора избавить ихъ отъ платежа повинностей; они говорили, что «имѣютъ одинаковую жизнь и одинакіе промыслы съ самоѣдами, но сіи послѣдніе, пользуясь тѣми же землями и рѣками, какъ и остяки, избавлены отъ повинностей, а съ остяковъ оныхъ требуютъ». Хотя губернаторъ сумѣлъ на этотъ разъ успокоить дикарей, но ихъ бунтовскіе замыслы не прекратились и черезъ нѣсколько лѣтъ созрѣли уже до открытаго бунта. Это былъ бунтъ самоѣдовъ подъ предводительствомъ Ваули Піеттомина. Сначала Піеттоминъ съ своею шайкою долго бродилъ около Урала, занимаясь разбоями и отгономъ оленей. Въ 1839 г. онъ былъ схваченъ березовскою земскою полиціей, наказанъ плетьми и сосланъ въ самую отдаленную волость Сургутскаго поселенія. Но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Майри Ходакымъ. Занявшись снова разбоями, онъ въ то же время запасался разнымъ оружіемъ—луками, копьями, винтовками и большими ножами. Склонивъ на свою сторону самоѣдовъ, онъ обѣщалъ имъ, что *понизитъ цѣны на всѣ продаваемые купцами припасы, что вмѣсто взимаемаго въ казну ясака въ 2 песца онъ установитъ по одному* и будетъ повелителемъ всей сѣверней стороны Урала. Вскорѣ около него собралось 400 вооруженныхъ инородцевъ. Съ ними онъ отправился, въ январѣ 1841 г., на оленяхъ къ Обдорску. За сутки ѣзды до города, бунтовщики остановились и задерживали всѣхъ самоѣдовъ, ѣхавшихъ въ Обдорскъ на ярмарку и для взноса ясака. Піеттоминъ смѣнилъ въ то же время обдорскаго князька, назначивъ на его мѣсто остяка Муржана. Всѣ жители Обдорска были въ страхѣ. Исправникъ Скорняковъ, для разузнанія о числѣ и вооруженіи бунтовщиковъ, отправилъ къ нимъ мѣщанина Нечаевскаго, хорошо знакомаго и съ мѣстностью, и съ инородцами. Нечаевскій встрѣтилъ бунтовщиковъ за 150 в. отъ Обдорска и былъ ласково принятъ ими. Онъ сказалъ Піеттомину, что въ городѣ ничего не знаютъ объ его замыслахъ, и звалъ его къ себѣ въ гости. Шайка отправилась вмѣстѣ съ Нечаевскимъ на восьмидесяти нартахъ. За 25 верстъ до Обдорска имъ встрѣтился обдорскій князекъ; Піеттоминъ началъ его ругать и хотѣлъ бить бывшимъ при немъ оленьимъ рогомъ, но былъ удержанъ отъ этого Нечаевскимъ. Князекъ кланялся въ ноги Піеттомину, цѣловалъ у него руки и обѣщалъ ему дань. 14-го января вся шайка прибыла въ Обдорскъ, и Піеттоминъ остановился въ домѣ князька. Въ то время, какъ его угощали здѣсь, исправникъ съ казаками и торговцами напалъ на шайку и разогналъ ее. Потомъ схватили и самого Піеттомина. Шесть главныхъ виновниковъ были тотчасъ закованы въ кандалы и отправлены въ Березовъ. На слѣдственныхъ допросахъ открылось, что они были намѣрены ночью напасть на Обдорскъ, зажечь церковь и идти по домамъ колоть русскихъ, и, разграбивъ всѣ дома, уйти за рр. Тазъ и Енисей. Піеттоминъ и главные его соучастники сосланы въ Восточную Сибирь на каторгу.

Такимъ образомъ, уставъ Сперанскаго не привелъ сибирскихъ инородцевъ къ тому благосостоянію, которое, конечно, имѣлъ въ виду составитель этого устава. Впрочемъ, нѣкоторые изъ самымъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ въ описываемый нами періодъ достигли значительной степени благосостоянія, и поэтому неудобства устава оказали на нихъ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ на другихъ инородцевъ. Мы разумѣемъ здѣсь бурятъ и якутовъ. Буряты, живущіе въ окрестностяхъ Иркутска и другихъ значительныхъ русскихъ поселеній, еще въ XVIII в. начали обращаться къ земледѣлію. Уже во время путешествіи Георги (1772 г.) буряты начали заниматься земледѣліемъ. Вскорѣ послѣ Георги они сдѣлали въ этомъ отношеніи значительные успѣхи. Главный тайша хоринскаго рода въ концѣ XVIII в. въ особенности старался содѣйствовать перехода своего народца въ осѣдлое земледѣльческое состояніе. При немъ 1,200 бурятъ сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами и въ 1802 г. уже привезли въ Иркутскъ 15,000 пудовъ своей муки. Въ 1803 г. родоначальники двѣнадцати бурятскихъ колѣнъ Верхнеудинскаго округа также изъявили желаніе заняться земледѣліемъ, прося у правительства сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. По повелѣнію Александра I, имъ было выдано то и другое. Имъ также помогли въ этомъ дѣлѣ и ихъ соотечественники, хоринскіе земледѣльцы, снабдивъ ихъ скотомъ и сѣмянами. Въ инструкціи Селифантову, данной при назначеніи его

сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, предписывалось поощрять и поддерживать бурятское земледѣліе. И этотъ пунктъ инструкціи дѣятельно приводился въ исполненіе. Иркутскій губернаторъ Трескинъ даже силою заставлялъ бурятъ взяться за соху, и это едва ли не самое разумное изъ дѣйствій Трескина, такъ заклеймившаго свое имя передъ современниками и потомствомъ. Въ 1839 году буряты уже засѣвали хлѣбомъ 84,479 десятинъ, въ томъ числѣ хоринцы 21,400 дес. Въ настоящее время бурятское земледѣліе находится въ цвѣтущемъ состояніи. Буряты доставляютъ гораздо лучшій хлѣбъ, чѣмъ русскіе, благодаря тому, что они несравненно лучше русскихъ обрабатываютъ свои поля, орошая ихъ посредствомъ канавъ и удобряя, чего русскіе въ Сибири не дѣлаютъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ численныхъ данныхъ о современномъ состояніи бурятскаго земледѣлія; рукописныхъ офиціальныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ нѣтъ, а въ печатныхъ источникахъ этого не найти: даже въ такомъ изданіи, какъ географическій словарь Семенова, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, касающихся инородцевъ, приведены только цифры тридцатыхъ годовъ. Мы можемъ привести только двѣ численныхъ данныхъ. Въ Иркутскомъ округѣ земледѣліемъ занимается около 40,000 бурятъ мужского пола. Въ 1864 г. всего хлѣба въ Иркутской губерніи посѣяно 441,839 четвертей, снято 1.481,273 четверти; около $^1/_3$ этого хлѣба принадлежало инородцамъ. А въ Забайкальѣ, съ усиленіемъ запроса хлѣба на Амуръ, бурятское земледѣліе значительно усилилось. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ забайкальское областное правленіе въ 1857 г., буряты посѣяли хлѣба 19,344 четверти, а въ 1858 г. 33,971 четв. Благодаря такому успѣшному переходу къ земледѣлію, буряты въ настоящемъ столѣтіи пользовались несравненно лучшимъ положеніемъ, нежели какіе-нибудь другіе инородцы.

Якуты, какъ извѣстно, славятся своимъ скотоводствомъ, которое достаточно гарантируетъ ихъ отъ тѣхъ неудачъ въ промыслахъ, которые такъ часто поражаютъ другихъ инородцевъ и которые часто за собой ведутъ совершенное разореніе дикарей, даже голодную смерть. Кромѣ того, якуты не чужды и земледѣлія, не смотря на всю угрюмость окружающей ихъ природы. Еще въ 1839 году якуты намскаго улуса получали со своихъ пашенъ 1 четв. хлѣба, кангаласскаго улуса 238 четв., батурусскаго 317, борогонскаго 11, мегинскаго 198. Конечно, количество добываемаго хлѣба незначительно, но нужно вспомнить, что и у русскихъ жителей Якутской области земледѣліе находится въ жалкомъ положеніи. Благодаря своему скотоводству, якуты зажиточнѣе и счастливѣе всѣхъ другихъ инородцевъ сѣверовосточной Сибири. Якуты и буряты, какъ увидимъ ниже, размножаются чрезвычайно быстро, въ то время, какъ другіе инородцы, не пользующіеся такимъ же счастливымъ положеніемъ, или постепенно вымираютъ, или размножаются чрезвычайно медленно.

III.

Религіозное состояніе инородцевъ. Водвореніе между ними образованія. Общія замѣтки объ ихъ нравахъ.

Съ конца XVIII и въ особенности съ начала XIX в. въ Сибири вполнѣ утвердились буддизмъ и исламъ.

По словамъ буддійской миѳической легенды, распространеніе буддизма между шаманистами совершалось далеко не мирными средствами. Шакьямуни, говоритъ легенда, объявилъ себя противникомъ всѣхъ шамановъ и осудилъ ихъ на погибель. Будучи на одномъ состязаніи съ представителями *Черной вѣры*, Шакьямуни рѣшилъ ихъ участь однимъ мановеніемъ руки: едва коснулся онъ своего трона, земля потряслась, и раздался дикій голосъ, похожій на ревъ слона; явились изъ земли духи и начали поражать шамановъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ, но рѣка преградила имъ путь, и погибель ихъ сдѣлалась неизбѣжною. Изъ 600,000 уцѣлѣло только 200 шамановъ. То, что легенда приписываетъ Буддѣ, было совершено въ Сибири его фанатическими проповѣдниками, ламами. Въ XVIII в., они толпами проникали къ бурятамъ, истребляли шамановъ, строили свои капища и водворяли такимъ образомъ религію Будды. Сами буряты охотно обращались въ ту вѣру, которую исповѣдуютъ ихъ соотечественники монголы. Благодаря религіи, буряты входили все болѣе и болѣе въ тѣсныя сношенія съ Тибетомъ и Монголіей. Тамъ живутъ папы буддійскаго міра—Далай-Лама и Кутухта; оттуда привозятся идолы, священныя книги и засушенные экскременты Далай-Ламы, съ благоговѣніемъ вкушаемые буддистами; оттуда выходятъ ламы и хубилганы, т.-е. мужи, взошедшіе на степень божественности по очистительной лѣстницѣ метемпсихоза. Плотскимъ отечествомъ для бурята-буддиста служитъ Монголія, духовнымъ отечествомъ для него сдѣлался Тибетъ. Желая создать для буддизма новый центръ въ Сибири и тѣмъ по возможности предупредить вѣроятное выселеніе изъ нея бурятъ, правительство рѣшилось учредить въ Забайкальѣ особую высшую духовную власть для сибирскихъ буддистовъ. Въ 1764 г. Ширетуй цонгольскаго доцана на правомъ берегу Чикоя, былъ облеченъ упомянутою властью съ титуломъ *бандидо-хамболамы*. Это званіе оставалось за цонгольскимъ настоятелемъ до 1808 г., когда, послѣ продолжительной борьбы, оно перешло къ настоятелю гусиноозерскаго доцана, за которымъ и было утверждено правительствомъ. Хамбо-лама избирается сходкою при селегнинской степной думѣ изъ родоначальниковъ бурятскаго народа и изъ депутатовъ 34 буддійскихъ приходовъ. Избирается такимъ образомъ три кандидата, и достойнѣйшаго изъ нихъ генералъ-губернаторъ представлялъ на высочайшее утвержденіе. Прежде, при вступленіи въ свою должность, хамбо-лама давалъ присягу въ томъ, что онъ обязывается ревностно поддерживать и

распространять въ Россіи буддійскую вѣру; нынѣ эта странная присяга уничтожена. Хамбо-ламѣ принадлежитъ высшая власть надъ всѣми буддійскими монастырями Забайкалья, которыхъ прежде было утверждено правительствомъ 11, а по положенію 15 мая 1853 г.—34. Къ каждому доцану приписанъ церковный приходъ, въ которомъ ламы этого доцана обязаны за плату, конечно, совершать требы. Кромѣ этой платы за требы, ламы имѣютъ доходы отъ доброхотныхъ приношеній мірянъ и отъ продажи идоловъ, молитвъ, поясовъ и другихъ церковныхъ предметовъ по таксѣ, ежегодно утверждаемой военнымъ губернаторомъ Забайкальской области. Кромѣ того доцанамъ отведены такія прекрасныя и обширныя земли, какихъ не имѣютъ лучшіе православные монастыри въ Сибири. Къ гусиноозерскому доцану примежеваны 1,500 десятинъ, къ агинскому 1,400, цонгольскому и аларскому 1,200; самые незначительные доцаны имѣютъ по 350 десятинъ. Количество этой земли сообразуется съ числомъ штатнаго духовенства въ доцанѣ. На долю хамбо полагается 500 дес., на ширетуя 200, на ламу 60, на бандія 30, на ховарака 15 десятинъ. Денежные доходы доцана дѣлятся на 10 частей, изъ которыхъ $^1/_{10}$ поступаетъ хамбо-ламѣ, $^2/_{10}$ ширетуямъ, $^3/_{10}$ на содержаніе доцановъ, а остальныя $^4/_{10}$ дѣлятся между ламами и бандіями. Всѣ ламы освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, отъ всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей, даже отъ казачьей службы, если лама казачьяго происхожденія. Ламы болѣе другихъ сословій свободны отъ надзора русскихъ властей, потому что подчинены хамбо-ламѣ, который зависитъ непосредственно отъ генералъ-губернатора.

Благосклонное покровительство, оказанное буддизму въ Сибири, вело за собою его быстрое распространеніе въ этомъ краю. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., оказалось, что большинство бурятъ держатся шаманской вѣры, а у буддистовъ было только 11 доцановъ и 150 ламъ. Число это было утверждено комплектнымъ; но въ 1831 г. оказалось буддистовъ 85,000, а ламъ 3,514; въ 1848 г. буддистовъ—125,000, а ламъ—4,546. Правительство въ 1853 г. сочло необходимымъ нѣсколько ограничить такое быстрое распространеніе буддизма и въ особенности ограничить число тунеядцевъ—ламъ. Но положеніе 1853 г. остается далеко не достигающимъ своей цѣли, и ламы умѣютъ поддерживать тѣ безпорядки, для пресѣченія которыхъ было издано это положеніе.

По буддійскому ученію, ламы есть не что иное, какъ аскеты, не имѣющіе никакого отношенія къ мірянамъ; но у насъ въ Сибири ламы отличаются крайнею распущенностью и развращенностью. Ламы держатъ обыкновенно по нѣскольку наложницъ и незаконныхъ своихъ дѣтей держатъ при себѣ подъ именемъ племянниковъ. Къ этимъ незаконнымъ дѣтямъ переходятъ по наслѣдству самыя лучшія ламскія должности; ламское сословіе такимъ образомъ представляетъ собою родъ жреческой касты. Даже должность хамбо-ламы передается иногда по наслѣдству; послѣдній хамбо Чойванъ-Дорджи-Иши-Чжамсуевъ, замѣчательный своею глупостью и своимъ шестнадцатипудовымъ тѣломъ, былъ незаконный сынъ прежняго хамбо-ламы, имѣлъ много дѣтей и умеръ отъ излишняго угощенія на свадьбѣ своей дочери. Кромѣ своихъ родственниковъ ламы стараются увеличить силу и численность своего сословія посредствомъ вербовки въ число своихъ учениковъ дѣтей постороннихъ имъ бурятъ. Не смотря на запрещеніе начальства, они обрекаютъ въ духовное званіе множество дѣтей, часто при самомъ ихъ рожденіи. Своимъ нравственнымъ вліяніемъ на суевѣрныхъ прихожанъ, они заставляютъ ихъ отдавать въ это званіе своихъ дѣтей вслѣдствіе обѣтовъ, сдѣланныхъ для предотвращенія несчастія или устраненія болѣзней, угрожающихъ смертью имъ или скоту ихъ. Ламы берутъ къ себѣ мальчиковъ съ самаго малолѣтства, учатъ ихъ читать по-монгольски и по-тибетски и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ ихъ работать на себя. Этимъ пріобрѣтаютъ они огромное вліяніе въ семействахъ своихъ учениковъ. Сами ламы крайне невѣжественны, и все ихъ образованіе состоитъ въ одномъ умѣньи читать по-монгольски и по-тибетски, но читать безъ всякаго пониманія смысла. Многіе ламы—чистые атеисты, въ родѣ послѣдователей Конфуція; они не вѣрятъ ни въ Будду, ни въ три драгоцѣнности, ни въ спасительную силу экскрементовъ Далай-Ламы, книги свои считаютъ собраніемъ сказокъ и съ наглымъ безстыдствомъ признаются, что они поддерживаютъ свою вѣру только для глупой черни. Они стараются содержать народъ въ невѣжествѣ, лишеніяхъ и грязи кочевой жизни, изъ боязни, чтобы, полюбивши русское просвѣщеніе и удобства русской осѣдлой жизни, онъ не принялъ бы и русской вѣры. Они стараются поддержать въ нихъ сердечную привязанность къ Монголіи и Тибету, откуда приходятъ къ нимъ хубилганы, обирающіе ихъ до нитки ради своего высокаго сана. Пользуясь своимъ жреческимъ авторитетомъ, ламы угнетаютъ и разоряютъ бурятъ. Они воспользовались шаманскими суевѣріями бурятъ и обезобразили примѣсью ихъ чистое ученіе Будды, учредивъ многочисленныя *гурумы*, или требы, которыя есть нечто иное, какъ заимствованныя изъ шаманства отчитыванья, наговоры, жертвоприношенія и ворожба. Ламы—непремѣнные члены на родинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, при чемъ они пускаютъ въ ходъ все свое наглое шарлатантство, чтобы вытянуть послѣднюю овцу у бѣдняго бурята. Даже понынѣ случается, что послѣ смерти бурята ламы силою растаскиваютъ все его имущество, продаютъ даже его юрту, а его семейство пускаютъ по міру. Плата за похороны простирается до 80 и больше скотинъ; другія требы оплачиваются въ такой же степени. Можно себѣ послѣ этого представить, какъ вредно дѣйствуетъ на благосостояніе бурятъ ихъ духовное сословіе, и какъ эта каста шарлатановъ-грабителей задерживаетъ переходъ бурятскаго племени въ область высшей культуры.

Точно такое же вліяніе на судьбу инородцевъ

имѣетъ и магометанское духовенство. Въ XIX в. исламъ уже не претерпѣвалъ въ Сибири тѣхъ гоненій, которымъ онъ подвергался въ XVII и XVIII в. отъ тобольскихъ архіереевъ. И онъ утвердился въ Сибири, преимущественно въ Западной, также прочно, какъ буддизмъ въ Восточной. Въ 1851 г. въ Сибири было 188 мечетей, въ томъ числѣ 148 въ одной Тобольской губерніи; муллъ было 237. Поддерживая въ своихъ прихожанахъ религіозный фанатизмъ и суевѣріе, муллы также безцеремонно обираютъ магометанъ, какъ ламы буддистовъ, и тѣмъ много содѣйствуютъ обѣдненію инородцевъ. Невѣжественные, даже едва умѣющіе читать сибирскіе муллы держатъ въ такомъ же невѣжествѣ все магометанское населеніе, и соодержимыя при мечетяхъ школы приносятъ только денежную пользу самимъ муллламъ.

Ламы и муллы всегда противодѣйствовали своимъ нравственнымъ вліяніемъ на инородцевъ распространенію между ними христіанства. И реакція христіанству этихъ жрецовъ всегда была успѣшна потому что она встрѣчала полное сочувствіе со стороны инородцевъ. Всѣ инородцы Сибири, какъ буддисты и магометане, такъ и шаманисты, любятъ свою національность и боятся потерять ее, сдѣлавшись христіанами. Въ ихъ понятіяхъ слово *вѣра* вполнѣ синонимируетъ съ словомъ *культура*, и принять русскую вѣру для инородца значитъ то же, что сдѣлаться русскимъ, принять русскіе обычаи, устроить всю свою внѣшнюю обстановку по русскому образцу. И вотъ березовскіе самоѣды, защищавшіе въ XVIII в. свою вѣру и свою національность съ оружіемъ въ рукахъ, до сихъ поръ остались упорными шаманистами. Въ 1828 г. они готовы были даже взбунтоваться, вслѣдствіе распространенныхъ между ними ложныхъ слуховъ о намѣреніи начальства силою обратить ихъ къ христіанству. Обскіе остяки, по словамъ Кастрена, давно уже желаютъ поселиться по берегамъ Оби осѣдлыми рыболовными деревнями, но ихъ удерживаетъ отъ этого боязнь миссіонеровъ. И они раздробляются на отдѣльныя семейства, которыя изъ страха встрѣчи съ миссіонерами все болѣе и болѣе удаляются въ глубь лѣсовъ, окончательно разстроивая тѣмъ свое благосостояніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ съ Алтая (въ Archiv Ermann's) д-ръ Радловъ говоритъ, что основаніе алтайской миссіи встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны зайсановъ, и число новокрещенныхъ до сихъ поръ еще незначительно (около 3,000 ч.). Какъ въ каждомъ побѣжденномъ народѣ, такъ и у калмыковъ (говоритъ Радловъ) является противодѣйствіе господствующему племени. Калмыкъ боится утратить свою національность, сближаясь съ русскими, и потому всегда старается держать себя дальше отъ нихъ. Русскія колоніи обхватываютъ Алтай, и по многимъ уже рѣкамъ русскіе далеко проникли во внутренность страны. Каммыкъ бѣжитъ отъ нихъ, удаляется все дальше и дальше въ горы и постепенно бѣднѣетъ, лишаясь прекрасныхъ луговыхъ мѣстъ. Калмыкъ считаетъ миссію учрежденіемъ, воздвигнутымъ на его погибель; онъ удаляется отъ нея, насколько это возможно, крѣпко привязывается къ старымъ нравамъ и обычаямъ и смотритъ на перешедшихъ въ христіанство, какъ на отступниковъ». То же самое свидѣтельствуетъ относительно бурятъ начальникъ забайкальской миссіи, еп. Веніаминъ. «Крещенный бурятъ—пишетъ онъ—среди своихъ некрещеныхъ соотечественниковъ есть всегдашній мученикъ, и самая бдительная полиція не въ состояніи защитить его отъ притѣсненій его родовичей—язычниковъ». Буряты большіе индифферентисты. Случается, что буряту-шаманисту служитъ молебенъ лама; бурятъ молится, затѣмъ покупаетъ восковую свѣчу и идетъ молиться въ русскую церковь, а потомъ призываетъ къ себѣ шамана и приноситъ жертву своимъ идоламъ. Большинство бурятъ давно уже приняло бы христіанство, если бы отъ этого не удерживали ихъ нѣкоторыя, не касающіяся самаго христіанства побужденія, и прежде всего любовь къ своей національности. По словамъ протоіерея П. Громова, коряки, кочующіе около Тигиля, радушно встрѣчали миссіонеровъ; но на предложеніе креститься, они отвѣчали, что «боятся съ принятіемъ русской вѣры сдѣлаться такими же злыми и нечестными, какъ тигильскіе казаки». Чаукоцкій шаманъ Тнепа такъ отвѣчалъ на проповѣдь миссіонера Аргентова: «Вы—люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую и лошадей; мы люди чаукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чаукоцкую и оленей. Итакъ вы русскіе, вѣруйте по-русски и оставайтесь съ вашими лошадьми; а мы, чаукчи, будемъ вѣровать по-чаукоцки и останемся съ нашими оленями. Богъ же, присматривающій за всѣми вѣрами и всѣми народами, будетъ глядѣть съ неба и наблюдать—по-русски ли живутъ русскіе, по-чаукоцки ли—чаукчи». Другой чаукча говорилъ г. Аргентову: «Я былъ молодъ; русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, лаская дружбою; сопротивляться было нельзя, и я окрестился. Теперь я гляжу на былое иными глазами, стариковскими! Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ я на себѣ, видѣлъ и надъ другими, что, крестившись, люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся; да и самые люди переводятся, съ тѣхъ поръ, какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не по-людски. Въ старину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ наши умирали по-нашему. Нѣтъ, я не позволю никому креститься и самъ хочу умереть по-человѣчески». Когда кончилъ эту рѣчь старшина Ульвекъ, стоявшій тутъ молодой шаманъ, обратясь къ чаукчамъ, выразительно произнесъ: «не надобно!» а миссіонеру—«не хотимъ!» и вышелъ изъ шатра. Сынъ Ульвека говорилъ: «мы живы оленями, и безъ нихъ намъ нельзя быть живыми въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ не расположены, креститься не хотимъ»! Это убѣжденіе о гибельномъ вліяніи русской вѣры на экономическое благосостояніе сильно распространено между инородцами. На обращеніе въ христіанство они смотрятъ, какъ на переходъ къ нищетѣ. Поэтому нѣ-

которые изъ нихъ готовы употребить всѣ усилія, чтобы остаться христіанами. Дѣятельная оппозиція, съ цѣлью отстоять свою вѣру, случалась и въ настоящемъ вѣкѣ, такъ же, какъ и въ XVIII. Такъ, въ 1830-хъ годахъ сильно волновались жители сѣверной Камчатки, видя расширеніе дѣятельности тогдашней миссіи. Они говорили, что съ утвержденіемъ между ними русскаго духовенства уменьшатся звѣриные и рыбные промыслы, усилятся болѣзни. Волненіе принимало широкіе размѣры; инородцы замышляли силою противиться постройкѣ у нихъ церквей и пропагандѣ миссіонеровъ. Но строгія мѣры начальника Камчатки Голенищева положили конецъ этому волненію.

Кромѣ боязни потерять послѣ обращенія въ христіанство свою національность, инородцевъ удерживаетъ отъ обращенія еще убыточность новыхъ повинностей, сопряженныхъ съ принятіемъ православія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Томской губерніи, даже очень недавно крестившихся инородцевъ переводили въ разрядъ осѣдлыхъ или причисляли ихъ къ русскимъ селеніямъ, отчего увеличивались платимые ими налоги. Нѣкоторые изъ крестившихся инородцевъ были даже вносимы, вопреки закону, въ рекрутскіе списки. (*Журналъ томск. губ. правл. 20 марта 1854 г.*). Инородцевъ стѣсняютъ еще разныя церковныя повинности—плата за требы, обязательная служба при церквахъ старостами и трапезниками и т. п. На это жаловались и жалуются буряты. Алтайскій миссіонеръ Вербицкій говоритъ также, что «къ прежнимъ предлогамъ невыгоды принятія христіанства присоединяется еще новый: избраніе изъ кочевыхъ крещеныхъ инородцевъ трапезниковъ къ приходскимъ церквамъ, хотя приходы эти состоятъ и не изъ однихъ инородцевъ. Должность трапезника или сторожа для бѣднаго инородца весьма разорительна и обременительна. Она отрываетъ его отъ дома на цѣлый годъ, а семейство его повергаетъ въ совершенную нищету. Если же инородецъ по врожденной ему кочевой свободѣ найметъ за себя другого сторожа къ церкви, то этотъ наемъ или введетъ его въ тяжкіе долги, или лишитъ его послѣдней лошади». Разъѣзды миссіонеровъ увеличиваютъ и безъ того тяжкую подводную повинность; не малое отягощеніе составляютъ также такъ называемыя походныя церкви, изъ которыхъ двѣ существуютъ въ Якутской области и одна въ Туруханскомъ краѣ. Походная церковь объѣзжаетъ въ годъ пространство иногда въ нѣсколько сотъ, даже тысячъ верстъ; ее должны возить инородцы; подъ нее и подъ причтъ требуется много подводъ,—одна туруханская церковь вѣситъ 60 пудовъ. Инородцы стѣсняются также исполненіемъ многихъ церковныхъ обязанностей, несовмѣстныхъ съ ихъ бытомъ. Въ Березовскомъ краѣ, напр., время великаго поста самое удобное для ловли проточной рыбы; въ это время остякамъ необходимо идти по разнымъ протокамъ верстъ за 100 и болѣе отъ своихъ жилищъ. Но въ то же самое время духовенство настоятельно требуетъ остяковъ въ церковь на говѣніе, а въ случаѣ ихъ упорства, прибѣгаетъ къ немедленному и строгому содѣйствію земскаго начальства. Прежде остякъ молился даромъ, на родины и похороны денегъ не требовалось, теперь онъ живъ, а ему предлагаютъ купить заблаговременно покойническій вѣнчикъ. Суевѣрный остякъ отбивается руками и ногами: «я жить хочу, умирать нѣтъ!» и оканчиваетъ разговоръ о вѣрѣ заключеніемъ, что «русская вѣра дорога»! Подобнымъ же неудобствамъ подвержены инородцы-христіане и въ другихъ мѣстностяхъ. Прибавьте къ этому еще строгія притязанія со стороны духовенства за разныя церковныя проступки—за нехожденіе въ церковь, за несоблюденіе постовъ, рѣшительно несовмѣстныхъ съ инородческимъ бытомъ, за употребленіе въ пищу *поганыхъ* животныхъ — мышей, кротовъ, лошадей; прибавьте къ этому тѣ притѣсненія и поборы, которые инородцамъ случалось терпѣть отъ духовенства; прибавьте сюда безтактность отношеній къ новопросвѣщеннымъ, необразованность нѣкоторыхъ священнослужителей, не учившихся даже и въ семинаріяхъ; прибавьте необезпеченность жалованьемъ священниковъ отдаленныхъ инородческихъ приходовъ и естественное въ человѣкѣ желаніе нажиться,—и вы увидите, что принятіе христіанства дѣйствительно невыгодно для инородцевъ,—невыгодно тѣмъ болѣе, что обращеніе ихъ нерѣдко сопровождалось страшными притѣсненіями. Въ XVIII в. ихъ сплошь и рядомъ крестили огнемъ и мечомъ; а въ настоящемъ столѣтіи случалось, что миссіонеры сожигали буддійскіе храмы, заставляли креститься при помощи земской полиціи, которая не скупилась при этомъ на розги, и т. д., и т. д...

Однакожъ, при всѣхъ исчисленныхъ и другихъ препятствіяхъ, распространеніе христіанства въ XIX в. шло успѣшно, хотя далеко не въ такой степени, какъ въ XVIII в., когда одинъ Филоѳей Лещинскій окрестилъ 40,000 дикарей. Камчадалы уже всѣ теперь считаются крещеными. Въ Якутской области въ началѣ XIX столѣтія протоіерей Слѣпцовъ устроилъ походную церковь, ходилъ съ нею по всей области и «обратилъ не малое число тысячъ иновѣрцевъ». Дѣло Слѣпцова продолжали другіе миссіонеры, и уже къ 1851 г. въ Якутской области христіанъ-инородцевъ было 71,311 человѣкъ, т.-е. около половины всего инородческаго населенія области. Въ Иркутской губерніи и Забайкальѣ также обращено нѣсколько тысячъ бурятъ и тунгусовъ; въ 1823 г. здѣсь было инородцевъ-христіанъ 5,709 ч., а въ 1835 г.—12,334 ч. Въ Енисейской губерніи въ 1823 г.—15,560 ч., въ 1835 г.—19,812 ч., въ 1864 г.—34,288 ч. Въ Томской губерніи въ 1830 г. основана алтайская миссія; ею обращено около 3,000 ч., учреждено 8 миссіонерскихъ станцій, 11 церквей, 22 осѣдлыхъ поселенія и 10 школъ. Въ 1863 г. основана въ Алтаѣ улалинская женская община, составившаяся изъ новокрещеныхъ инородокъ, а въ настоящее время строится миссіонерскій монастырь при впаденіи Чулышмана въ Телецкое озеро. Въ 1823 г. въ Томской губерніи христіанъ-инородцевъ было 9,269 ч., а въ 1851 г.—13,325 ч. Въ Тобольской губерніи въ 1836 г., сдѣланъ миссіонерскимъ

дондинскій монастырь, и въ немъ открыта школа для десяти остяцкихъ мальчиковъ на казенномъ Кодержаніи. Въ Тобольской губерніи въ 1851 г. христіанъ-инородцевъ было 24,385 ч. Приведенныя нами цифры много говорятъ въ пользу успѣховъ христіанства между инородцами; но эти успѣхи чисто количественные, а не качественные.

Каждая религія при своемъ распространеніи между чуждыми ей народами сначала прививается къ нимъ только своею внѣшнею стороной. Пріобрѣтенные ею прозелиты примѣшиваютъ къ ней множество своихъ прежнихъ вѣрованій; часто даже перемѣняются только имена боговъ, а сами боги остаются совершенно тѣми же. Если народный разумъ не стоитъ на одной и той же степени развитія, а постепенно идетъ впередъ и совершенствуется, то онъ создаетъ, наконецъ, періодъ религіозной реформаціи и очищаетъ свою вѣру отъ упомянутой посторонней примѣси; въ противномъ же случаѣ, религія остается въ своей смѣшанной формѣ таковъ буддизмъ, который, вслѣдствіе сліянія съ народными вѣрованіями и обычаями азіатцевъ, принялъ форму ламаизма и окаменѣлъ въ ней. Та же исторія повторилась и при распространеніи христіанства. Язычники, вступая въ лоно церкви, долго еще оставались при своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и религія, которую они исповѣдывали подъ названіемъ христіанства, представляла изъ себя только пеструю смѣсь христіанства съ язычествомъ.

Распространеніе христіанства въ Сибири сопровождалось тѣми же результатами: водворялось и водворяется не чистое христіанство, а двоевѣріе.

Вести христіанскую пропаганду такъ, чтобы инородцы обращались въ православіе съ полнымъ убѣжденіемъ въ его достоинствахъ,—чрезвычайно трудно. Для этого нужно знать въ совершенствѣ нарѣчія инородцевъ, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, бытъ; нужно пріобрѣсть уваженіе и любовь туземцевъ, нужно дать имъ понять нравственное величіе христіанства. Это трудная дѣятельность, на нее способны не многіе... Въ Сибири же инородческіе приходы часто замѣщаются людьми, вовсе неспособными въ миссіонерской дѣятельности, иногда людьми, не окончившими курса даже въ уѣздномъ училищѣ. Между тѣмъ миссіонерская дѣятельность всегда была очень выгодна. Миссіонеръ, обратившій многихъ язычниковъ, получаетъ отъ начальства награды и, увеличивая число своихъ прихожанъ, увеличиваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ матеріальныя выгоды своей должности. Но для того, чтобы получить награду, для того, чтобы увеличить свои доходы посредствомъ увеличенія числа прихожанъ,—для этого достаточно одного номинальнаго обращенія.

Инородцы, съ своей стороны, обращаются въ христіанство большею частью также изъ-за выгодъ. Ихъ соблазняютъ трехлѣтняя льгота отъ податей и подарки отъ воспріемниковъ или миссіонеровъ. Обращеніе такого рода отлично характеризуется разсказомъ путешественника Матюшкина. Въ мѣстечкѣ Островномъ, во время пріѣзжа чаукчей на ярмарку, туда пріѣзжаетъ священникъ и обыкновенно креститъ нѣсколько чаукчей. Матюшкинъ, присутствовавшій при одномъ изъ такихъ крещеній, разсказываетъ, что одинъ чаукча согласился окреститься за нѣсколько фунтовъ табаку. Привели его въ часовню, гдѣ уже была готова бочка, замѣнявшая купель. Чаукчѣ предложили окунуться; но онъ началъ спорить, доказывая, что можно обойтись и безъ этого; «давай мой табакъ», твердилъ онъ. Только послѣ долгаго спора онъ рѣшился войти въ купель; но, окунувшись разъ, тотчасъ выскочилъ и, бѣгая по часовнѣ, кричалъ: «давай табакъ! мой табакъ!» Всѣ убѣжденія окунуться еще два раза не повели ни къ чему,—на нихъ чаукча отвѣчалъ одно: «давай табакъ!» Обращенный подобнымъ образомъ инородецъ хотя и пріобрѣтаетъ впослѣдствіи какія-нибудь понятія о христіанствѣ, но въ сущности остается все-таки язычникомъ. Березовскіе остяки, напр., давнымъ-давно уже всѣ обращены въ христіанство. Но Гоффманъ въ своемъ «Сѣверномъ Уралѣ» говоритъ, что они все-таки остаются язычниками, «продолжаютъ держаться старыхъ обычаевъ и, при появленіи незнакомыхъ людей, тотчасъ прячутъ своихъ идоловъ.» Начальникъ Тобольской губерніи въ своемъ отчетѣ о ревизіи Березовскаго края въ 1864 г. также говоритъ, что «христіанство хотя и распространено между ними, но распространено болѣе номинально. Инородцы остаются въ душѣ язычниками, попрежнему чествуютъ своихъ шамановъ, и между ними незамѣтно того благодѣтельнаго вліянія, какое христіанство имѣло на другіе народы». То же самое можно сказать о множествѣ бурятъ, числящихся православными. Кто потрудится заглянуть въ мою статью «О шаманствѣ въ Сибири» (*Зап. Географич. Общ. 1864 г. ч., II*), тотъ найдетъ тамъ нѣсколько бурятскихъ легендъ, въ которыхъ христіанскія вѣрованія бурятъ перемѣшаны съ огромною долею шаманскаго миѳологическаго элемента. Случалось даже, что сами миссіонеры поддерживали шаманство изъ корыстныхъ видовъ, напр., ворожили по-шамански, дѣлали предсказанія на шаманскій манеръ, и т. п. Къ этимъ двумъ элементамъ вѣрованій христіанствующихъ бурятъ часто присоединяется еще третій—элементъ русскихъ народныхъ суевѣрій, которыя прочно прививаются ко всѣмъ вообще инородцамъ Сибири. Не оставляя своихъ шаманскихъ вѣрованій, буряты не оставляютъ и шаманскихъ религіозныхъ обычаевъ. Они и шаманскія жертвы приносятъ, и продолжаютъ относиться къ шаманамъ съ полною вѣрою въ ихъ фамильярныя сношенія съ духами. Между якутами-христіанами, по свидѣтельству путешественниковъ, сохранилось также много шаманскихъ вѣрованій и шаманскихъ обычаевъ. Но болѣе всего недавно обнаружилось описываемое двоевѣріе между камчадалами, которыхъ давно уже считали хорошими христіанами и которые по своему характеру болѣе всѣхъ инородцевъ способны къ усвоенію себѣ христіанства. Въ 1847 г., по всему сѣверу Камчатки разнесся слухъ, что изъ глубины сѣвера ѣдетъ на оленяхъ камчадальскій національный богъ *Кутху*, что онъ надѣ-

ляетъ всѣхъ лучшими оленями, рыболовными сѣтями и другими подарками; куда ни приходитъ онъ, всюду исчезаетъ снѣгъ, являются цвѣты и зелень. Всѣ, и крещеные, и некрещеные инородцы, съ полною вѣрою и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали Кутху въ мартѣ 1848 г. Они бросали свою старую утварь, сѣти, оружіе; убивали своихъ лучшихъ оленей, часто безъ всякой надобности, и многіе поэтому вовсе лишились своихъ стадъ. Но Кутху не пришелъ!..

Главною причиною неуспѣховъ христіанства служитъ отсутствіе грамотности и образованія. Можно надѣяться, что съ новымъ уставомъ алтайской и забайкальской миссій вмѣстѣ съ вѣрою будетъ водворяться между инородцами и образованіе. Въ доказательство успѣшности такой пропаганды можно указать на дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, они прожили тамъ около двадцати лѣтъ; они завели монгольскую типографію, библіотеку, сдѣлали превосходный переводъ библіи на монгольскій языкъ, обучали бурятъ ремесламъ и обратили около 3,000 въ христіанство. Въ началѣ сороковыхъ годовъ они были, къ сожалѣнію, высланы изъ Сибири; одинъ изъ нихъ до настоящаго времени съ успѣхомъ подвизается на Зондскихъ островахъ.

Въ XVIII в. въ Сибири было основано много инородческихъ школъ, но ни одна изъ нихъ не дожила до настоящаго столѣтія; однѣ закрылись, вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ и учителей, а двѣнадцать камчатскихъ школъ были закрыты мѣстнымъ начальствомъ, сдѣлавшимъ это въ пику мѣстному духовенству. Школы пали и не возобновлялись болѣе. Новыхъ школъ для инородцевъ до самаго послѣдняго времени было основано очень мало. Только въ 1800 г. якутскій князецъ кангалайскаго улуса Шадринъ въ своемъ прошеніи на высочайшее имя просилъ учредить при якутскомъ монастырѣ школу для обученія якутскаго юношества. Синодъ опредѣлилъ открыть семинарію, въ которой преподавать русскую грамматику, катехизисъ, св. исторію, а учителями опредѣлить монаховъ. Въ эту семинарію начали поступать и нѣкоторые якуты, переходившіе, по окончаніи курса, въ духовное званіе. Въ иркутскую семинарію, въ иркутское и нерчинское духовныя уѣздныя училища также иногда, очень рѣдко впрочемъ, поступали буряты. Нѣсколько человѣкъ бурятъ были даже въ университетахъ, и въ томъ числѣ извѣстный ученый монголистъ Дорджи Банзаровъ. Но все это были частные факты, вовсе не имѣвшіе вліянія на умственное развитіе инородческихъ племенъ. Мало имѣли также значенія и тѣ инородческія школы, которыя основались при церквахъ инородческихъ приходовъ и при монастыряхъ Туруханскомъ и Кондинскомъ. Кажется, большая часть этихъ школъ существовала только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Въ описаніи Березовскаго края Абрамова говорится, что «въ Кондинскомъ монастырѣ и при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ съ 1843 по 1847 г. заведены *девять* инородческихъ школъ, въ которыхъ въ 1850 г. училось *71* остякъ, да въ русскихъ училищахъ *16* остяковъ». Кондинскій монастырь, нужно замѣтить, на содержаніе школы для 12 остяцкихъ мальчиковъ получаетъ въ годъ отъ казны 285 р. 75½ к. Въ другихъ книжкахъ, подобныхъ абрамовской, и въ офиціальныхъ отчетахъ состояніе инородческаго образованія въ Березовскомъ краѣ выражалось цифрами, подобными вышеприведеннымъ. Конечно, друзья народнаго просвѣщенія считали эти цифры незначительными, но все-таки они не могли не радоваться тому, что въ странѣ Ипербореевъ насаждено древо знанія, что оно растетъ и со временемъ принесетъ, конечно, хорошіе плоды. Но друзья просвѣщенія горько ошибались. Въ январѣ 1864 г. начальникъ Тобольской губерніи ѣздилъ по Березовскому краю и «былъ крайне пораженъ невѣжественнымъ состояніемъ инородцевъ. Не смотря на то, что тамъ давно уже существуетъ русское управленіе, и русскіе торговцы и промышленники давно уже посѣщаютъ этотъ край и даже живутъ вблизи инородцевъ, образованность нисколько не коснулась послѣднихъ, и они остаются почти въ томъ же нервобытномъ состояніи, какъ были назадъ тому сотни лѣтъ. Дикое и невѣжественное состояніе сѣверныхъ инородцевъ причиною тому, что пьянство и другіе самые отвратительные пороки распространены между ними до послѣдней крайности. Пороки эти, ведя за собою бѣдность и болѣзни, способствуютъ разоренію края и *уменьшенію народонаселенія*, которое замѣчается ежегодно и видимо ведетъ къ тому, что оставленное въ настоящемъ состояніи племя сѣверныхъ инородцевъ, наконецъ, исчезнетъ». «Имѣющіяся нынѣ училища для инородцевъ— продолжаетъ г. начальникъ губерніи — существуютъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Такихъ училищъ два: въ Кондинскомъ монастырѣ и въ Обдорскѣ; кромѣ того, учится 1 остякъ въ березовскомъ приходскомъ училищѣ; въ сургутской же школѣ нѣтъ ни одного». Остяки неохотно отдаютъ въ школы своихъ дѣтей, а которые и отдавали бы, то содержать нечѣмъ. Между тѣмъ изъ числа всѣхъ инородческихъ училищъ въ одномъ только кондинскомъ учащіеся пользовались даровымъ помѣщеніемъ и содержаніемъ. Въ лучшее время этого училища въ немъ было не болѣе *10* остяковъ, которыхъ обыкновенно брали въ школу насильно при содѣйствіи земской полиціи. Самое обученіе производилось очень небрежно. Мальчики учились по три-по четыре года, и все-таки, по выходѣ изъ школы, едва умѣли читать и писать, а проживъ года два дома, въ юртахъ, совсѣмъ позабывали грамоту. Въ настоящее время это училище, получая отъ казны ежегодное пособіе, существуетъ только на бумагѣ и не имѣетъ ни одного ученика... Въ Обдорскѣ при миссіи селенія находится очень мало инородческихъ учениковъ. Приходскія училища хотя и были учреждены при многихъ церквахъ Березовскаго округа, но духовенство, не получая ни-

какого вознагражденія за свои труды, не только занималось ими неохотно, но даже постепенно прекращало занятія свои по школамъ, такъ что въ настоящее время не существуетъ училищъ ни при одной церкви».

Водворенію образованія между инородцами до сихъ поръ препятствовали съ одной стороны—неумѣнье взяться за это дѣло, съ другой стороны—положеніе самихъ инородцевъ. Это доказываетъ слѣдующая за симъ назидательная исторія.

Въ 1853 г. министръ государственныхъ имуществъ гр. Кисилевъ спрашивалъ мѣстное начальство, «какими средствами можно было бы водворить постепенно образованіе между инородцами, дѣйствуя такимъ образомъ на распространеніе между ними хотя нѣкоторой гражданственности?» Начались соображенія и переписка. Водворить между инородцами образованіе было предположено на слѣдующихъ основаніяхъ. Для этого инородцы были раздѣлены на четыре разряда. Къ первому отнесены осѣдлые, обрусѣвшіе уже инородцы, которые живутъ или отдѣльными селеніями, или смѣшанно съ русскими. Поэтому было положено, что они могутъ учиться въ тѣхъ же приходскихъ училищахъ, которыя тогда были предположены къ открытію для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ въ волостные писаря. При этомъ сочтено необходимымъ, чтобы инородцы участвовали въ платежѣ сбора, платимаго крестьянами на содержаніе этихъ училищъ. Магометане этого разряда могутъ учиться у муллъ при мечетяхъ, какъ это дѣлается и теперь.

Ко второму разряду отнесены осѣдлые магометане, сохранившіе вполнѣ свой языкъ, свои нравы, обычаи и вѣрованія. Такъ, при заведеніи у нихъ школъ можно встрѣтить сопротивленіе со стороны муллъ, то было положено поручать мулламъ, за извѣстное вознагражденіе, преподавать въ этихъ школахъ магометанскій законъ. Вмѣстѣ съ русскою грамотою учить и татарской. Учителей приготовить лучше всего изъ инородцевъ же.

Къ третьему разряду отнесены инородцы, находящіеся на низшей степени гражданственности, ведущіе осѣдлую жизнь и не знающіе русскаго языка. Таковы, напримѣръ, инородцы нарымскіе и алтайскіе. Въ школахъ преподавать законъ божій, русскую грамоту и *мастерство* (какое—неизвѣстно). Дѣти должны жить при школахъ, на казенномъ содержаніи.

Гдѣ взять учителей? Этотъ вопросъ прожектеры рѣшали различно. Большинство совѣтовало поручить эту обязанность приходскому духовенству. Томскій директоръ училищъ писалъ, что въ учителя нужно опредѣлять «престарѣлыхъ подвижниковъ-монаховъ» (которыхъ въ Сибири вовсе не имѣется), а туринскій исправникъ—«отставныхъ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ!» Относительно размѣровъ содержанія, потребнаго на школы, также всѣ разногласили. Алтайская миссія считала достаточнымъ 25 р. въ годъ на каждую школу. Тарскій исправникъ полагалъ: расходовъ на постройку дома 800 р., тремъ учителямъ 1,500 р. ежегодно, на учебныя пособія 250 р., отопленіе и освѣщеніе 35 р., непредвидимыхъ 40 р.—Для успѣха преподаванія совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири положилъ «обучавшимся давать особый мѣдный знакъ съ изображеніемъ государственнаго герба для ношенія на шапкахъ»!..

Начали наводить разныя справки, начали спрашивать самихъ инородцевъ, желаютъ ли они имѣть школы; оказалось, что сдѣлать это можно только на казенный счетъ и то съ большимъ трудомъ. Большинство инородцевъ оказалось погруженнымъ въ такую бѣдность, что объ образованіи ихъ пока нельзя было и думать. «Буде предположить особаго учителя для образованія малолѣтнихъ инородцевъ,— говорилъ весьма основательно тогурскій отдѣльный засѣдатель,—то въ такомъ случаѣ они не только не будутъ имѣть возможности производить сборъ для устройства училища, но даже не въ состояніи будутъ оплачивать государственнаго ясака и земской повинности». Но если бы завесть училища на казенный счетъ, то и въ такомъ случаѣ инородческое хозяйство также пострадало бы. Инородческія дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ помогаютъ своимъ родителямъ въ ихъ работахъ; отдавать ихъ въ школу родители обыкновенно не желаютъ, такъ какъ это лишитъ ихъ необходимыхъ работниковъ и тѣмъ разстроитъ ихъ хозяйство. Кромѣ того, инородцы думаютъ, что школьное образованіе приноситъ вредъ для ихъ народа. И инородцы отчасти правы, такъ какъ въ подтвержденіе этого мнѣнія они приводятъ примѣры инородцевъ, учившихся въ школахъ. Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ дѣлаются волостными писарями и притѣсняютъ своихъ соотечественниковъ. Другіе вовсе бросаютъ своихъ кочевыхъ родственниковъ, шатаются по русскимъ селамъ, пьянствуютъ, мошенничаютъ или уходятъ на пріиски и погибаютъ часто безъ вѣсти, опившись водки или попавши подъ судъ. Вообще инородцы воспринимаютъ отъ русскихъ скорѣе дурное, чѣмъ хорошее. Это нужно сказать даже о тѣхъ, которые имѣли случай вкусить высшаго образованія. Они съ презрѣніемъ относятся къ своимъ соотечественникамъ, гордятся своими чинами и ведутъ себя такъ глупо—напыщенно, что не могутъ быть терпимы въ сколько-нибудь порядочномъ обществѣ. Конечно, здѣсь есть исключенія, въ родѣ Д. Банзарова и Чекана Валиханова; но судьба этихъ исключительныхъ натуръ до того плачевна, что ихъ какъ-то не хочется ставить въ примѣръ того, что инородцы могутъ быть вполнѣ европейски-развитыми людьми. И Банзаровъ былъ очень образованный человѣкъ, и Валихановъ также. Но Банзаровъ, пріѣхавъ въ Иркутскъ, началъ все дружественнѣе и дружественнѣе сходиться съ невѣжественными и грязными ламами, которыхъ онъ прежде презиралъ, чуть ли снова не обратился къ буддизму, въ который прежде не вѣрилъ; началъ пить и запился до смерти!.. Валихановъ же, въ бытность свою въ Петербургѣ, съ такимъ рвеніемъ предался ра-

улу гусарской жизни, что пріобрѣлъ чахотку, былъ принужденъ уѣхать въ степи, и чахотка тамъ убила его. Такова была судьба двухъ сибирскихъ инородцевъ, которые *одни* только и получили европейское образованіе!..

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ, инородцы отнеслись весьма не сочувственно къ изложенному нами проекту о заведеніи у нихъ школъ. Кузнецкій исправникъ, напр., доносилъ, что «они боятся всякаго нововведенія со стороны правительства, опасаясь обращенія ихъ въ крестьянъ, отчего никто изъ нихъ не согласится добровольно отдать дѣтей своихъ въ училища». Въ Березовскомъ округѣ между инородцами разошлась молва, что дѣти ихъ по обученіи грамотѣ будутъ отдаваемы въ солдаты. И они рѣшились не соглашаться на открытіе школъ. Въ это время въ Березовъ ѣздилъ директоръ училищъ Тобольской губерніи. Лишь только остяки услышали отъ него предложеніе открыть школу, они забили руками и ногами—«не надо школы!» Въ слѣдующихъ селахъ директоръ не видѣлъ уже ни одного ребенка; остяки прятали дѣтей, желая показать, что у нихъ нѣтъ ребятъ и что открывать школы не для кого.

Такимъ образомъ оказалось, что большинство инородцевъ и не можетъ, и не желаетъ содержать школъ; содержать же ихъ на казенный счетъ оказалось дорого. Проекты не осуществились и остались проектами на бумагѣ. Дѣло инородческаго образованія осталось въ прежнемъ положеніи. Только въ Балаганскѣ открыта г. Пирожковымъ частная бурятская школа, да въ Иркутскѣ составлена и переведена на бурятскій языкъ крижечка «о мірозданіи». Вотъ почти все, о чемъ стоитъ упомянуть. Еще нужно прибавить, что школа, подобная кондинской, существуетъ въ Туруханскѣ, да нѣкоторые инородцы изрѣдка попадаютъ въ русскія училища *). Число грамотныхъ инородцевъ въ Сибири, благодаря бездѣятельности мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ. Я знаю только, что въ Енисейской губерніи изъ 41,797 инородцевъ грамотныхъ только 46 человѣкъ. Процентъ ничтожный. Между тѣмъ, для успѣховъ обрусѣнія инородцевъ, для поправленія ихъ экономическаго и умственнаго состоянія грамотность и образованіе необходимы. Нужно разсѣять окружающій инородцевъ мракъ невѣжества, освободить ихъ отъ разныхъ отвратительныхъ пороковъ, отъ грязи кочевой жизни, а всего этого можно достигнуть только посредствомъ образованія. Русской цивилизаціи предстоитъ здѣсь огромная и трудная задача не только измѣнить внѣшнюю культуру инородцевъ, но и реформировать ихъ общественный бытъ, облагородить ихъ общественные и семейные нравы.

Принадлежа всѣ къ одной группѣ народовъ, именно къ группѣ, которую называютъ *алтайскою*, инородцы Сибири мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга въ своихъ нравахъ и обычаяхъ.

Первоначальная форма семьи у первобытныхъ народовъ есть полное рабство. Взятыя на войнѣ невольницы употребляются ихъ завоевателемъ для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. Эта форма брака существовала у сибирскихъ инородцевъ до русскаго владычества, какъ свидѣтельствуютъ ихъ саги и преданія. Но еще передъ приходомъ русскихъ браковъ началъ переходить и, наконецъ, вовсе перешелъ во вторую форму своего развитія—въ куплю жены. Жена покупается, и такимъ образомъ мужъ пріобрѣтаетъ надъ ней полное право собственности. Вслѣдствіе недостатка женщинъ, цѣны за невѣсту (*калымъ*) всюду почти довольно высоки. На покупку жены инородецъ часто разоряется, а бѣднякъ или остается холостымъ, или женится на нищей, на старухѣ, на уродѣ. Само собою понятно, что жена завалена работою и подвержена постоянному деспотизму мужа. Иногда инородецъ бьетъ ее только ради развлеченія, такъ какъ у многихъ инородцевъ драка составляетъ забаву въ родѣ англійскаго бокса. Г. О—въ въ своемъ описаніи Нарымскаго края разсказываетъ: «представьте себѣ кружокъ пьяныхъ остяковъ, сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стона и только по временамъ вскрикиваетъ: *айга*, *айга*, больно, больно!.. Уставъ, остякъ садится снова къ котлу; жена поднимается съ земли и садится тутъ же». Въ такомъ же отношеніи къ отцу находятся и дѣти. Прежде отецъ имѣлъ даже право жизни и смерти надъ всѣмъ своимъ семействомъ. Во время русскаго завоеванія и во время своихъ бунтовъ, инородцы сплошь и рядомъ перерѣзывали своихъ женъ и дѣтей, чтобы легче убѣжать отъ непріятеля или чтобы семейство не попалось въ русскія руки. Всѣ права отца переходятъ послѣ его смерти къ старшему сыну.

То же положеніе, какое занимаетъ отецъ въ своемъ семействѣ, занимаетъ родоначальникъ въ своемъ родѣ. Патріархальный характеръ власти родоначальника особенно хорошо сохранился у бурятъ, алтайскихъ калмыковъ и у большинства бродячихъ инородцевъ. Родоначальники въ настоящее время уже не пользуются такою обширною властію надъ своимъ родомъ, какую они имѣли до русскаго владычества. Но такъ какъ ихъ власть была утверждена русскимъ правительствомъ, хотя и въ ограниченномъ видѣ, то родоначальники умѣютъ пользоваться этимъ для угнетенія своихъ

*) Упомянувъ о туруханской школѣ, я не могу не выразить сомнѣнія насчетъ ея дѣйствительнаго существованія. Въ туруханскихъ просвѣтителяхъ инородческаго юношества замѣчается *гибельная* ревность къ дѣлу образованія, благодаря которой школа давно уже могла закрыться. Упомянутая ревность погубила же одну туруханскую школу въ самомъ ея началѣ. Нѣкто иногородній пожертвовалъ когда-то на основаніе школы деньги, оставленные на сохраненіе монахамъ, и лѣсъ. Такимъ образомъ школа должна была поступить въ руки монаховъ, что возбудило не малую зависть въ священникѣ и засѣдателѣ. Деньги были растрачены хранителями, лѣсъ сожженъ однимъ изъ ихъ соперниковъ, а другой соперникъ, засѣдатель, донесъ на всѣхъ виновныхъ начальству!..

родовичей. Дань, которую они получали съ рода во времена независимости, превратилась теперь во взятки, которыя они сдираютъ съ родовичей при всякомъ удобномъ случаѣ. Эти взятки принимаютъ иногда самую оригинальную форму. Еще очень недавно, напр., бурятъ былъ обязанъ платить своему тайшѣ столько рублей, сколько получилъ отъ него розогъ! Особенно вредны тѣ родоначальники, которые имѣютъ чины, ордена, медали и др. знаки отличія. Они считаютъ себя чиновниками и притѣсняютъ инородцевъ часто для одного того, чтобы показать свое чиновное значеніе. Они стараются подражать въ своей внѣшней жизни русскимъ; есть даже бурятскіе тайши, которые пьютъ шампанское и читаютъ газеты,—это увеличиваетъ ихъ расходы и заставляетъ ихъ увеличивать также и свои доходы на счетъ родовичей.

Нравственность инородцевъ представляетъ странную смѣсь отвратительныхъ пороковъ и патріархальныхъ добродѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ походятъ на невинныхъ дѣтей и не имѣютъ даже понятія о правѣ собственности. Случается, что русскій звѣропромышленникъ встрѣчаетъ въ лѣсу бродячаго тунгуса. Тунгусъ радостно привѣтствуетъ незнакомца, подходитъ къ нему, беретъ у него тѣ вещи, которыя ему понравились, вовсе и не подозрѣвая, что русскому это непріятно. Зато и русскій можетъ обобрать тунгуса хотя донага, не встрѣтивъ ни малѣйшаго знака неудовольствія. Остяки рыбопромышленники при всей своей бѣдности не оставляютъ помогать своимъ нищимъ собратамъ. У нихъ существуютъ даже общественные котлы, въ которые всѣ остяки сваливаютъ всю наловленную ими рыбу и изъ которыхъ ѣстъ и тотъ, кто поймалъ много, и тотъ, кто не поймалъ ничего. Буряты никогда не допустятъ, чтобы въ ихъ улусѣ завелся хоть одинъ нищій; каждому бѣдняку они помогаютъ общими силами, а если онъ лѣнивъ, то понуждаютъ его къ труду. Вообще большинство инородцевъ сохранило до сихъ поръ во всей патріархальной чистотѣ чисто братскія чувства другъ къ другу и обычаи самаго безкорыстнаго и радушнаго гостепріимства. Преступленій между ними чрезвычайно мало. Въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири каждое инородческое племя имѣетъ свой охотничій округъ, изъ котораго не выходитъ, и свои ловушки на звѣрей, неприкосновенность которыхъ свято соблюдается всѣми инородцами. Г. О—въ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ пишетъ, что въ Нарымскомъ краѣ, во время четырнадцатилѣтняго его тамъ пребыванія, было только *одно* преступленіе: какой-то остякъ, возвращаясь съ пустыми руками съ охоты, взялъ изъ чужой ловушки лисицу. Въ Березовскомъ краѣ съ 1830 по 1862 г. изъ 20,000 инородцевъ признаны виновными только 21 человѣкъ, 13 въ убійствѣ и растленіи, 4 въ отгонѣ оленей и 4 въ корчемствѣ и кражѣ. Такая малочисленность преступленій зависитъ, по моему мнѣнію, не отъ однихъ только патріархальныхъ добродѣтелей инородцевъ, а также и отъ важнаго недостатка ихъ характера,—отъ ихъ робости, вялости, запуганности и безмолвной покорности року. Прошедшіе вѣка довели инородца до того, что онъ сдѣлался скорѣе безчувственнымъ вьючнымъ скотомъ, чѣмъ человѣкомъ. Большинство инородцевъ, сознавая свое горестное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не вѣритъ въ возможность улучшенія своей участи. Они дошли почти до того же положенія, въ какомъ находится алеутъ. Алеутъ можетъ лежать безъ пищи и безъ питья дня два-три и голодовать до тѣхъ поръ, пока ему не прикажутъ наѣсться и напиться; безъ приказанія же онъ будетъ голодовать до послѣдней возможности! Остались ли здѣсь какіе-нибудь признаки свободной человѣческой личности и возможно ли ожидать отъ подобной полумашины какого-нибудь преступленія! А въ подобномъ положеніи находятся очень многіе инородцы Сибири. Офиціальные документы постоянно жалуются на ихъ лѣность и безпечность, совершенно несправедливо, однакожъ, приписывая исключительно этимъ недостаткамъ причину инородческой бѣдности. Есть, конечно, трудолюбивыя и дѣятельныя инородческія племена, какъ, напр., хлѣбопашцы буряты, якуты, нѣкоторые татарскіе роды. Но чѣмъ дѣятельнѣе инородческое племя, тѣмъ оно развращеннѣе нравственно, тѣмъ болѣе оно совершаетъ преступленій. Якуты, напр., всегда славились и славятся своею страстною склонностью къ тяжбамъ и ябедничеству. Между бурятами нерѣдко случаются и воровство, и убійство и даже разбой; однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ разбойниковъ Сибири въ настоящемъ вѣкѣ былъ бурятъ, дѣйствовавшій съ своею шайкою въ Забайкальѣ. О тарскихъ торговыхъ бухарцахъ и татарахъ одинъ офиціальный документъ говоритъ, что «способности къ обману развиты у нихъ до крайней степени совершенства; они такъ корыстолюбивы, что готовы продать за хорошія деньги родного брата». Самые же губительные пороки, распространенные между всѣми безъ исключенія инородцами,—это пьянство и развратъ, о которыхъ, по принятому нами плану, мы должны говорить въ концѣ статьи.

IV.

Экономическія отношенія инородцевъ къ русскому населенію.

Во время завоеванія Сибири сила русскаго оружія отнимала у инородцевъ всѣ ихъ лучшія угодья и большую часть ихъ имущества, а инородческихъ женъ и дѣтей обращала въ рабство. Въ XIX в. совершается то же самое явленіе, только другимъ путемъ, не военнымъ, а мирнымъ, большею частью экономическимъ. Во-первыхъ, инородческія угодья болѣе и болѣе переходятъ въ руки русскихъ, во-вторыхъ, сами инородцы дѣлаются кабальными рабами своихъ завоевателей.

Завладѣніе инородческими угодьями или расхищеніе ихъ русскими жителями совершается тремя путями, и, во-первыхъ, путемъ *насильственнаго захвата*. Такъ, напр., инородцы нынѣшнихъ

юртъ съ давнихъ поръ владѣли кондинскимъ *соромъ* (рыболовное мѣсто). Но въ 1823 году сосѣдніе крестьяне изломали ихъ изгороди, изрубили ихъ рыболовныя избушки и совершенно завладѣли упомянутымъ соромъ. Такъ, около того же времени, крестьянинъ Шашковъ завладѣлъ рыболовными мѣстами, лежащими на рѣкѣ Сосновой Курьѣ и составляющими собственность инородцевъ ячинскихъ юртъ. Точно также крестьяне деревни Батовой завладѣли рыбными и лѣсными угодьями, принадлежащими инородцамъ сарсатскихъ юртъ и начали хозяйничать въ этихъ угодьяхъ, какъ дома,—выкашиваютъ сѣно, вылавливаютъ рыбу, рубятъ лѣсъ и ловятъ капканами звѣрей. Крестьяне той же деревни Батовой отняли лѣсныя и рыболовныя дачи у сорока трехъ остяковъ Нарымской и Тарханской волостей. Въ 1828 г. инородцы заводнинскихъ юртъ жаловались, что въ предыдущемъ году ряполовскіе крестьяне отняли у нихъ и отъ себя отдали въ наемъ рыболовное мѣсто на Иртышѣ, что они въ инородческихъ дачахъ ловятъ капканами и ловушками звѣрей и тѣмъ «причиняютъ инородцамъ крайнее разореніе». Жители базьяновскихъ юртъ въ то же время жаловались, что крестьяне входятъ самовольно въ ихъ лѣсныя угодья, промышляютъ звѣря, а изъ рѣки вылавливаютъ рыбу, разоряютъ лисьи гнѣзда и вынимаютъ лисятъ, а отъ каждаго такого гнѣзда инородцы могли бы получать пользы рублей 100 въ годъ. Въ 1820 г. крестьяне деревни Шатиной овладѣли звѣропромышленными и рыболовными угодьями инородцевъ шатинскихъ юртъ и тѣмъ повергли ихъ въ «крайнюю нужду». Иногда такой захватъ совершался слѣдующимъ образомъ: крестьянское семейство покупало у инородцевъ землю и селилось на ней. Проходили года: колонисты увеличивались и путемъ переселенія, и путемъ естественнаго размноженія; на мѣстѣ прежней крестьянской избушки являлась дѣлая деревня, жители которой и отнимали у инородцевъ ихъ земли и угодья. Такъ, во время оно доньщиковскіе крестьяне купили у инородцевъ семейскихъ юртъ рыбныя и земляныя угодья на двѣ души. Къ 1830 г. эти крестьяне размножились, имѣли уже шесть домовъ и сверхъ купленной ихъ предками земли захватили много инородческой, на которой и начали пахать пашню, косить траву, вырубать лучшій кедровый лѣсъ, сбирали орѣхи, вылавливали рыбу и звѣрей. Иногда крестьяне завладѣвали инородческими угодьями по отводу начальства. Такъ, въ 1828 г. крестьяне коринскихъ юртъ жаловались, что крестьяне овладѣли ихъ сѣнокосными, хлѣбопахотными и рыболовными мѣстами; но оказалось, что крестьянамъ эти земли были отведены начальствомъ, при заселеніи Демьянскаго Яма. Такимъ образомъ инородцы Тобольской губерніи много терпѣли отъ разселяющихся крестьянъ, но еще болѣе терпѣли они отъ рыбопромышленниковъ. Рыболовная Обь считается у остяковъ божествомъ; остяки главнымъ образомъ живутъ рыбой, добываемой ими изъ этой рѣки. Но съ начала настоящаго вѣка русскіе рыбопромышленники начали вторгаться въ инородческія рыболовныя угодья и, вылавливая въ нихъ рыбу, разоряли остяковъ. «Прежде — писали они — мы жили рыболовствомъ на Малой Оби. Но всѣ оныя наши выгоды съ нѣкоторыхъ лѣтъ пресѣчены въѣзжающими изъ Тобольска прасолами, которые въ самомъ устьѣ Малой Оби неводятъ большими неводами, притомъ смолятъ ихъ такъ, что отъ запаха смолы и величайшихъ неводовъ рыба съ устья упомянутой Оби обращается назадъ и не имѣетъ прохода туда, гдѣ мы имѣемъ свое лѣтнее жительство. Отъ этого мы приходимъ въ крайнюю нужду и занимаемся довольнымъ числомъ хлѣба, за который платить вполнѣ не можемъ». То же самое насильственное завладѣніе угодьями инородцевъ мы видимъ и въ другихъ частяхъ Сибири, напр., въ Алтаѣ. Такъ, въ 1832 г. калмыки первой, второй пятой, шестой и седьмой дючинъ просили избавить ихъ отъ притѣсненій заводскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ, самовольно поселившихся въ земляхъ, принадлежащихъ упомянутымъ дючинамъ. Ясачная комиссія, разслѣдовавъ эту жалобу, нашла, что просьба калмыковъ вполнѣ справедлива. Крестьяне заводскаго вѣдомства и люди другихъ сословій самовольно селились на ихъ земляхъ. Нѣкоторые изъ этихъ колонистовъ имѣли тамъ только временныя заведенія для хлѣбопашества, пчеловодства и скотоводства, другіе—заводили цѣлыя деревни. Сосѣдство тѣхъ и другихъ съ калмыками губительно дѣйствовало на промышленность послѣднихъ. Колонисты вылавливали въ инородческихъ угодьяхъ звѣрей, рыбу, предупреждали калмыковъ въ сборѣ ягодъ, орѣховъ и дикаго меда. Мало этого, колонисты разоряли инородцевъ своимъ воровствомъ и грабежами. Такъ, напр., въ сентябрѣ 1829 г. одинъ калмыкъ былъ ограбленъ на 1,800 р. и затѣмъ убитъ. Подобныя преступленія были *вовсе неизвѣстны* калмыкамъ до приближенія къ ихъ кочевьямъ русскихъ колоній. Ясачная комиссія нашла, что «выманивать у калмыковъ добычу разными средствами за безцѣнокъ—сдѣлалось уже обыкновеннымъ между поселенцами. Но есть еще другія средства отнимать у нихъ собственность,—это штрафы за потоптанные калмыцкими стадами посѣвы крестьянъ. Штрафы эти калмыки считаютъ несправедливыми, потому что крестьяне не имѣютъ права производить хлѣбопашества на самыхъ ихъ пастбищахъ. Извѣстно, что скотоводство у калмыковъ весьма обширно, и пастбища ихъ не могутъ быть опредѣлены въ точности, ибо стада ихъ, въ теченіе всего года, оставаясь на подножномъ корму, необходимо должны постоянно переходить на новыя, изобильныя кормомъ мѣста. Слѣдовательно, подобныя заведенія крестьянъ на калмыцкихъ земляхъ есть не что иное, какъ новыя вѣрные средства къ насильственнымъ поборамъ съ этихъ беззащитныхъ дикарей». И здѣсь, какъ и въ Тобольской губерніи, инородцы разорялись не одними крестьянами, а также торговцами и промышленниками, которые давно уже начали расхищать инородческія угодья,

вывозя изъ нихъ въ огромномъ количествѣ кедровые орѣхи, вылавливая звѣрей, заводя въ инородческихъ угодьяхъ пчелиныя пасѣки и т. д. Все это повторялось и повторяется во всѣхъ другихъ частяхъ Сибири. Въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, въ областяхъ Якутской и Забайкальской, кромѣ крестьянъ и торговцевъ, инородческія угодья отнимаются еще золотопромышленниками, разбивающими на нихъ золотопромышленныя площади и основывающими пріиски. Инородцы для успѣховъ своего звѣроловства откочевываютъ подальше отъ этихъ заселившихся мѣстъ и тѣмъ лишаются и своихъ угодій, и выгоды, проистекающей для ихъ торговли отъ сосѣдства съ русскими поселеніями.

Кромѣ захвата, инородческія угодья переходятъ въ русскія руки путемъ заклада или отбираются за долги. Инородцы при своей постоянной бѣдности для уплаты податей и повинностей, для пріобрѣтенія съѣстныхъ припасовъ, для снаряженія на охоту, должны прибѣгать къ займамъ и отдавать въ закладъ свои угодья. Эти заложенныя угодья очень рѣдко возвращаются ихъ настоящимъ владѣльцамъ, инородцы или не въ состояніи выплатить своего долга, или кредиторы находятъ разныя средства присвоить въ полную свою собственность заложенныя имъ угодья. При каждомъ удобномъ случаѣ инородцы жалуются на то, что будто бы ихъ кредиторы незаконно владѣютъ угодьями; начинается тяжба: кредиторы представляютъ угодья, и оказывается, что кредиторы владѣютъ угодьями совершенно на законномъ юридическомъ основаніи, какъ залогами за неуплаченные еще долги. Такимъ образомъ инородцы лишаются своихъ угодій большею частью за самый незначительный долгъ. Въ 1803 г. напр. остяки буреинскихъ, солянскихъ и кошелевскихъ юртъ заняли у крестьянина Кормовщикова 140 р., заложивъ ему свои сѣнокосы съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался ими въ уплату долга 25 лѣтъ. Но въ заемное письмо было включено условіе, что по смерти Кормовщикова эти сѣнокосы должны перейти во владѣніе Питухина съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно вносилъ 3 р. въ уватскую церковь. На основаніи этого условія и по истеченіи двадцатипятилѣтняго срока сѣнокосы остались за Питухинымъ. Остяки варламовскихъ юртъ въ 1683 г. заложили въ двухъ рубляхъ ямскому охотнику Сергѣеву свой сѣнокосъ въ 420 копенъ съ тѣмъ, что если эти деньги не будутъ уплачены черезъ полгода, то покосъ остается за Сергѣевымъ навѣчно; остяки долга не заплатили, покосы перешли къ потомкамъ Сергѣева, съ которыми потомки его должниковъ до сихъ поръ не перестаютъ спорить и тягаться изъ-за этихъ покосовъ. Тѣ же инородцы лишились покоса въ 700 копенъ, заложеннаго въ 1688 г. въ 5 рубляхъ ямщику Кобылину. Остяки априныхъ юртъ жаловались ясачной комиссіи, что ихъ рыболовными мѣстами самовольно завладѣли крестьяне и промышляютъ тутъ рыбу большими неводами и во многомъ числѣ рабочихъ людей. Но крестьяне представили закладную, которая доказала, что упомянутыя ловли отданы предками остяковъ въ 1730 г. крестьянину Скрыпунову въ залогъ за 30 р., а по неуплатѣ долга, эти ловли перешли отъ Скрыпунова къ его наслѣдникамъ. Изъ лежащихъ передо мною тяжебныхъ актовъ инородцевъ съ крестьянами видно, что всѣ лучшія угодья инородцевъ березовскаго края давно перешли и продолжаютъ переходить въ руки кредиторовъ, такъ какъ инородцы не въ состояніи уплатить даже самаго незначительнаго долга. Одни, напр., инородцы совершенно разорились оттого, что были принуждены крестьянамъ заложить свои пашни въ 1 р. 50 к. Этотъ закладъ совершенъ *въ 1668 г.*, и съ тѣхъ поръ должники не могли уплатить 1 р. 50 к. до 1828 г., а можетъ быть, этотъ ничтожный долгъ не уплаченъ и до настоящаго времени!.. Нужно замѣтить, что въ описываемый мною періодъ такіе заклады угодій совершались гораздо рѣже, чѣмъ прежде: всѣ лучшія угодья были уже давнымъ-давно заложены, и въ настоящее время у березовскихъ инородцевъ почти ужъ нечего закладывать. У нихъ остались только плохія угодья, да и тѣхъ мало; инородцы впрочемъ иногда находятся вынужденными закладывать и эти послѣднія угодья. Такъ остяки обдорскаго отдѣленія, желая избавиться отъ тягостной подводной гоньбы, въ 1833 г. уступили купцамъ свои земли, лежащія близъ Обдорска. Купцы обязались отбывать на обдорской станціи обывательскую гоньбу и содержать въ домахъ своихъ постой для служащихъ казаковъ и прибывающихъ по дѣламъ чиновниковъ. Для постройки домовъ и прочихъ зданій инородцы уступили купцамъ свои земли отъ церкви на 1½ версты во всѣ стороны; сверхъ того купцы получали право косить сѣно, гдѣ пожелаютъ, на инородческихъ земляхъ и пользоваться строевымъ лѣсомъ по отводу инородцевъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Сибири тѣмъ же путемъ заклада и задолжанія множество инородческихъ угодій переходили и переходятъ въ руки русскихъ кредиторовъ, преимущественно торговцевъ. Такъ, въ нарымскомъ краѣ одна волость заложила недавно купцу три рыболовныхъ мѣста на пять лѣтъ; эти мѣста заложены въ шести рубляхъ, а если ихъ отдавать въ аренду, то въ пять лѣтъ можно получить за нихъ платы, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ рублей. Такой переходъ инородческихъ угодій въ руки кредиторовъ въ особенно большихъ размѣрахъ совершается въ южныхъ частяхъ Томской губерніи, въ плодоносной странѣ Алтаѣ. Торговцы дерутъ здѣсь съ инородцевъ чертовскіе проценты. На р. Чуѣ, напримѣръ, русская торговля производится посредствомъ тридцати капиталовъ; цифра торговаго оборота ихъ не превышаетъ 300,000 р. Вся почти торговлю до послѣдняго времени совершалась въ долгъ; но долгъ за инородцами пропадалъ рѣдко, потому что въ случаѣ неисправности должника за него платитъ вся волость, и во взысканіи долговъ купцамъ до послѣдняго времени помогали пограничные китайскіе чиновники. Но нынѣ китайское начальство отказало купцамъ въ своемъ содѣйствіи. Причина

тому—громадные проценты, которыми пользовались русскіе купцы. Они издавна торговали рубль на рубль, а за одолженіе на годъ цѣна удвоивалась или утроивалась, такъ что черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ получалось 200 или 300%. Такіе проценты привели въ нищету большинство инородцевъ. То же самое совершается и въ другихъ мѣстахъ Алтая. Въ 1853 г. начальникъ алтайской миссіи офиціально писалъ, что «напримѣръ, 1 топоръ или старые сапоги, данные русскимъ человѣкомъ въ долгъ кочевому инородцу, года черезъ четыре выростаютъ въ сторублеваго коня, а вскорѣ—и въ цѣлый табунъ, который неробкіе торговцы и угоняютъ безъ дальнихъ толковъ, объявивъ черезъ людей хозяину, что скотъ угнанъ такими-то... 1 пудъ ячменя года черезъ два выростаетъ въ 25 пудовъ орѣховъ или еще болѣе. Такимъ образомъ нынѣ едва ли не всѣ лѣса съ ихъ орѣхами и бѣлками запродапы русскимъ за нѣсколько лѣтъ впередъ, такъ же какъ дикія пчелы и прочіе промыслы. Русскіе люди, свободно въѣзжая въ *черпь* (лѣса), предвосхищаютъ всякую промышленность кочевыхъ инородцевъ и тѣмъ лишаютъ ихъ послѣднихъ средствъ къ пропитанію, не вознаграждая ихъ за то ничѣмъ добрымъ ни въ гражданственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Инородцы — вѣчные рабы лукавыхъ заимодавцевъ!..» Справедливость этихъ извѣстій, сообщенныхъ алтайской миссіей, вполнѣ признана и мѣстнымъ начальствомъ. Въ журналѣ томскаго губернскаго правленія (20 марта 1854 г.) говорится, что инородцы Бійскаго и Кузнецкаго округовъ сдѣлались «неоплатными должниками торговцевъ и впали въ полную ихъ зависимость. Тѣ же торговцы вывозятъ ежегодно изъ принадлежащихъ инородцамъ лѣсовъ въ огромномъ количествѣ кедровые орѣхи, заводятъ въ звѣропромышленныхъ мѣстахъ пчелиныя пасѣки и поселенія и тѣмъ отнимаютъ у инородцевъ возможность пользоваться мѣстными способами промышленности. Оба эти обстоятельства ввергаютъ инородцевъ въ крайнюю бѣдность, лишаютъ ихъ всякой возможности образованія и вредно дѣйствуютъ даже на ихъ нравственность». Алтайскіе инородцы такимъ образомъ сдѣлались только номинальными владѣтелями своихъ угодій, точно такъ же, какъ инородцы березовскіе только номинально владѣютъ многочисленными стадами оленей. Въ березовскомъ краѣ давно уже ведутъ дѣятельную торговлю ижемскіе зыряне. Торговля эта основана на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Алтаѣ, какъ и вездѣ въ Сибири. Зыряне имѣютъ столь гибельное экономическое вліяніе на остяковъ, что послѣдніе, по словамъ Гоффмана, имъ главнымъ образомъ приписываютъ упадокъ и разстройство своего хозяйства. Зыряне въ роли купцовъ и оленьихъ пастуховъ—настоящіе господа въ березовской тундрѣ. Лукавые, расторопные, смышленые,—они вовлекли остяковъ и самоѣдовъ въ неоплатные долги. За эти-то долги они расхищаютъ скудныя богатства тундры. За эти долги они перевели въ свою собственность оленьи стада березовскихъ инородцевъ, а ихъ самихъ превратили въ своихъ пастуховъ, которые въ уплату долговъ, кромѣ отдачи оленей, должны еще работать на зырянъ!..

Наконецъ, инородческія угодья переходятъ къ русскимъ еще путемъ аренды. Угодья арендуются обыкновенно за самую ничтожную цѣну; арендаторы наживаются и, совершенно истощивъ угодье, возвращаютъ его инородцамъ. Такъ, по словамъ Гагемейстера, тунгусы Восточной Сибири часто отдаютъ свои лѣса русскимъ лѣтъ на 5, на 10 «за самую ничтожную цѣну». Такъ, въ нарымскомъ и березовскомъ краѣ всѣ лучшія рыболовныя угодья инородцы отдаютъ за безцѣнокъ въ аренду русскимъ промышленникамъ. Сами инородцы не въ состояніи эксплуатировать своихъ лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, такъ какъ для этого нужны большіе невода и другіе дорого стоющіе рыболовные снаряды, завесть которые инородцамъ рѣшительно не на что. Въ нарымскомъ краѣ одно изъ лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, Ишкинъ Яръ, со всѣми его курьями, озерами и истоками остяки отдаютъ въ аренду одному мѣщанину за 50 р. въ годъ. Мѣщанинъ, въ свою очередь, раздаетъ его по частямъ въ аренду разнымъ промышленникамъ и выручаетъ за одинъ только яръ, безъ озеръ, курей и истоковъ болѣе 500 р. въ годъ. То же самое видимъ и въ отдачѣ въ аренду рыболовныхъ мѣстъ березовскаго края, такъ называемыхъ, *песковъ*. Въ 1816 г. остякамъ платили за песокъ въ лѣто отъ 10 до 130 р. асс,, а арендаторы выручали съ песка въ десять, даже въ двадцать разъ больше арендной платы. Въ 1848 г. березовскіе остяки отдавали въ аренду 150 песковъ за 6,050 р.; арендаторы же добывали на этихъ пескахъ рыбы 99,530 р. Нужно еще замѣтить, что аренда уплачивается большею частью товарами, при чемъ инородцы страшно обманываются и получаютъ товары по чрезвычайно дорогимъ цѣнамъ. Независимо отъ этого, арендаторы вовлекаютъ хозяевъ въ долги, давая имъ, при уплатѣ арендной цѣны, еще нѣсколько товару въ кредитъ, сверхъ платы. Потомъ арендаторъ нанимаетъ своего хозяина работать на нанятомъ у него пескѣ; вмѣсто платы за работу, хозяинъ песка получаетъ прощеніе своего долга арендатору. Если же долгъ этотъ слишкомъ малъ, для того, чтобы покрыть заработную плату, или, если инородецъ не долженъ арендатору, то плата производится дорогими товарами. Во всякомъ случаѣ, инородецъ дѣлается должникомъ арендатора, и вслѣдствіе этого, по необходимости, отдаетъ ему же въ аренду свой песокъ и на слѣдующій годъ. Такимъ образомъ, если песокъ и не переходитъ въ полную собственность арендатора, то послѣдній пользуется имъ почти даромъ. Часто инородцы отдаютъ въ аренду рыболовное мѣсто не все, а только нѣсколько паевъ и эксплуатируютъ его вмѣстѣ съ арендаторами. Послѣдніе, благодаря своей изворотливости, лучшимъ снарядамъ и наглости, получаютъ въ ущербъ инородцу, гораздо больше прибыли, чѣмъ слѣдуетъ имъ по условію. Часто такая аренда кончается тѣмъ, что арендаторы захватываютъ въ свою пользу все угодье. Такъ ряполовскіе и цынгалинскіе остяки давали пай въ своихъ рыболов-

ныхъ угодьяхъ ряполовскимъ крестьянамъ. Но въ 1823 г. крестьяне лишили цынгалинскихъ остяковъ ихъ пая, а въ 1825 г. та же участь постигла и ряполовскихъ остяковъ. Крестьяне овладѣли всѣмъ угодьемъ и начали отдавать его въ аренду одному купцу за 140 р. въ годъ. Остяки разорились. Такъ въ 1815 г. инородцы филинскихъ юртъ отдали доньщиковскимъ крестьянамъ въ аренду на тридцать лѣтъ часть своихъ сѣнокосовъ. «Когда прошелъ—пишутъ въ своей просьбѣ остяки — кортомный срокъ, то мы неоднократно упомянутымъ крестьянамъ отъ кортому отказывали, но они все-таки усильствомъ своимъ траву косятъ! Сверхъ того, въ бору нашемъ, при лисьихъ гнѣздахъ, безъ дозволенія нашего, стрѣляютъ бѣлку, вырубаютъ лучшій лѣсъ, ловятъ *птаху*, а въ рѣчкѣ Волоковой промышляютъ рыбу, чѣмъ дѣлаютъ намъ крайнюю бѣду и въ промыслахъ недостатокъ». Вотъ вамъ и аренда!..

V.

КАБАЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ИНОРОДЦЕВЪ КЪ РУССКОМУ НАСЕЛЕНІЮ.

Мы разсмотрѣли, какимъ образомъ инородческія угодья переходятъ въ руки русскихъ. Но экономическая эксплуатація инородцевъ не ограничивается этимъ. Инородецъ дѣлается кабальнымъ рабомъ русскаго человѣка.

Выше мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что торговля съ инородцами отличается громадными процентами и губительнымъ кредитомъ. Инородцу нуженъ хлѣбъ, ему нужно снарядиться на охоту, ему нужно уплатить подати,—во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ входитъ въ долги у русскаго человѣка. И будьте увѣрены, что онъ не выплатитъ этого долга во вѣки вѣковъ. На первый годъ онъ отдаетъ своему кредитору все упромышленное имъ, и все-таки за нимъ будетъ считаться часть будто бы недоплаченнаго долга; въ то же время онъ по необходимости дѣлаетъ новый долгъ, который заставляетъ его и на слѣдующій годъ отдать кредитору весь свой уловъ. И не только самъ инородецъ остается кабальнымъ должникомъ кредитора до своей смерти, но его долги переходятъ на его потомство, которое по наслѣдству поступаетъ въ кабальную зависимость къ потомкамъ кредитора, которому закабалился ихъ отецъ. Немногіе инородцы избавлены отъ этой печальной участи. Большинство ихъ давно уже сдѣлалось кабальными работниками купцовъ, промышленниковъ и крестьянъ. Эти кабальники эксплуатируютъ въ пользу кредиторовъ свои угодья и за это получаютъ отъ нихъ лишь такую плату, которая доставляетъ имъ только возможность не умереть съ голода да заплатить, и то не всѣ, подати и повинности. Такъ, въ Восточной Сибири вся инородческая звѣропромышленность, по справедливому замѣчанію Раева, находится подъ гнетомъ купеческаго деспотизма, безъ всякой соразмѣрности выгодъ промышленника и покупщика. Менѣе другихъ инородцевъ подчинены этой кабалѣ буряты. Бурятъ можетъ избѣжать монополіи купца, потому что многіе буряты сами ходятъ въ городъ продавать свои мѣха и продаютъ, конечно, тому, кто даетъ дороже. Но это относится только къ племенамъ, ближайшимъ къ Иркутску. Чѣмъ отдаленнѣе племя отъ города, тѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ затрудненій въ сбытѣ и тѣмъ сильнѣе подчиняется вліянію монополіи. Сословіе этихъ монополистовъ охватило все пространство, на которомъ добывается дорогой звѣрь. И инородцы, войдя разъ въ долговое обязательство съ такими людьми, никогда уже не въ состояніи выйти изъ подъ вліянія ихъ. Нужда все больше и больше заставляетъ его забирать въ долгъ и онъ по необходимости долженъ отдавать весь свой товаръ за цѣну, произвольно назначенную покупщикомъ. Зло это, впрочемъ, имѣетъ одну хорошую сторону, именно ту, что кредиторъ рѣдко оставляетъ инородца даже и въ томъ случаѣ, если его промыселъ бываетъ неудаченъ; безъ помощи кредитора, въ такомъ случаѣ, не имѣя возможности достать все нужное для промысла, инородецъ долженъ былъ бы умереть съ голоду. Такъ, множество березовскихъ остяковъ и самоѣдовъ обязаны жизнью своимъ кредиторамъ-кабалителямъ. Остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Остякъ покупаетъ хлѣбъ въ долгъ и обязуется заплатить въ слѣдующемъ году рыбою. Вошедши въ долгъ, онъ находится уже въ полной власти купца, который кладетъ произвольную цѣну какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка. Эти спекулянты изъ Обдорска, Березова и Тобольска цѣлое лѣто разгуливаютъ по Оби на своихъ судахъ, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, а потомъ отвозятъ ихъ въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Продавъ съ отличнымъ барышомъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы и съ радостною надеждою такъ же выгодно торговать съ инородцами и на будущій годъ. Такъ ведется торговля не одной мукой, а всѣми товарами, необходимыми для инородца. Привезенный купцами товаръ раздается мелкимъ промышленникамъ, болѣе или менѣе задолжавшимъ купцу, и купецъ, отдавая товаръ своему должнику, необходимо налагаетъ лишній процентъ. Мелкіе торговцы продаютъ инородцу также въ долгъ и также съ надбавкою большихъ процентовъ. Торговецъ очень вѣрно разсчитываетъ, что чѣмъ выше цифра въ долговомъ счетѣ инородца, тѣмъ на большее полученіе можно разсчитывать, а инородецъ думаетъ, что чѣмъ дороже вещь, тѣмъ она лучше. Такое барышничество, какъ мы уже замѣтили, хотя разоряетъ и закабаляетъ инородцевъ, но зато и спасаетъ ихъ въ особенно трудныя для нихъ времена голода, неудачи промысловъ или уплаты податей. Благодаря кабалѣ, инородецъ имѣетъ рыболовныя сѣти, хотя и плохія, имѣетъ винтовку, свинецъ и контрабандный порохъ, безъ которыхъ онъ умеръ бы съ голоду; кредиторъ платитъ за него подати даже и въ тѣ года, когда инородецъ потерпѣлъ положительную неудачу въ промыслѣ и не добылъ ничего. Мы вовсе не хотимъ защищать торговли

съ инородцами; громадные проценты, сдираемые съ инородцевъ, гнилые товары, фальшивые вѣсы, спаиванье инородцевъ водкой, закабаленіе инородческаго населенія и тому подобныя плутни, постоянно сопровождавшія эту торговлю, удаляютъ всякую мысль объ ея защитѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что ограниченіе этой торговли, ограниченіе, не соединенное съ другими мѣрами къ прекращенію инородческихъ золъ, причиняло инородцамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Въ сороковыхъ годахъ Восточную Сибирь ревизовалъ сенаторъ графъ Толстой. Онъ нашелъ, что иркутское купечество, выѣзжая въ инородческія стойбища до сбора ясака, скупаетъ всѣ лучшіе ясачные мѣха, вслѣдствіе чего въ ясакъ поступаютъ только мѣха низшаго сорта. Поэтому купцамъ и было запрещено ѣздить къ инородцамъ для торговли во всякое время, какъ это было до тѣхъ поръ. Купцамъ позволено торговать съ инородцами только въ февралѣ и съ 1 іюля по 1 сентября. Купцамъ запрещено не только торговать съ инородцами во все остальное время года, но даже имѣть въ инородческихъ стойбищахъ амбары и магазины для склада своихъ товаровъ. Если купецъ, въ отведенное ему для торговли время, не успѣлъ продать всѣхъ своихъ товаровъ, то остатокъ онъ непремѣнно долженъ увезти съ собою назадъ. Этотъ законъ 27 февраля 1844 г. велъ за собою значительный упадокъ частной торговли съ инородцами. Главною причиною тому служило крайнее неудобство назначеннаго для торговли времени. Лѣтомъ инородцы расходятся для промысловъ въ разныя, отдаленныя отъ ихъ жилищъ мѣста; дома остаются только немногіе; у нихъ купецъ не найдетъ тогда никакого товара; у нихъ въ это время часто даже нечего ѣсть. Въ февралѣ мѣсяцѣ инородны также не имѣютъ товаровъ, которые они могли бы продать купцу. Да если купецъ и найдетъ въ упомянутые сроки какіе-нибудь товары у инородцевъ, то ему некуда сбыть ихъ. Товары, купленные у инородцевъ въ февралѣ, не поспѣютъ на ирбитскую ярмарку, а закупленные въ лѣтнюю поѣздку къ инородцамъ — опоздаютъ на нижегородскую ярмарку. Не забудьте, что купецъ отдѣленъ отъ инородческихъ стойбищъ большими пространствами, что, отправляясь съ товаромъ часто за 1,000 верстъ, онъ рискуетъ не распродать своего товара и долженъ тащить его назадъ цѣлыя тысячи верстъ. Въ силу этихъ причинъ, частная торговля съ инородцами значительно сократилась съ 1844 г. До этого времени въ нарымскій край, напр., ввозилось товаровъ на 200,000 р., а нынѣ только на 50—60,000 р.; вывозилось инородческаго звѣря до 1844 г. на 30—150,000 р.; а въ 1854 г. на ирбитскую ярмарку вывезено только на 13,000 р. Такой упадокъ частной торговли велъ за собою ухудшеніе экономическаго состоянія инородцевъ. Чтобы инородцу отправиться на промыселъ звѣря, орѣховъ, птицы или рыбы, онъ долженъ обезпечить себя и свое семейство пищею и одеждою мѣсяца на четыре или на пять, онъ долженъ пріобрѣсть ружье, порохъ, свинецъ, ловушку, неводъ и т. д Изъ всѣхъ этихъ необходимыхъ предметовъ казна даетъ инородцу только немного пороха, свинца и хлѣба. Но этого хлѣба очень недостаточно для инородцевъ, и этотъ недостатокъ онъ долженъ восполнить покупкою муки изъ частныхъ рукъ. Изъ частныхъ же рукъ только инородецъ можетъ доставать себѣ оружіе, сѣти, мясо, холстъ. Съ упадкомъ частной торговли множество инородцевъ лишилось возможности пріобрѣтать эти необходимые предметы и тѣмъ были ввержены въ крайнюю бѣдность. Въ нарымскомъ краѣ, напр., множество инородцевъ вовсе бросило звѣропромышленность и поступило въ работы къ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ; это сдѣлали въ особенности обскіе инородцы. Остяки чижановскіе и нюренскіе почти всѣ переселились въ Тарскій округъ и поступили тамъ въ работы къ крестьянамъ. Васюганскіе же инородцы, обремененные большею частью большими семействами, не могли поступить въ постоянныя работы къ нарымскому купечеству. Они занимаются промысломъ бѣлки, но не въ состояніи ходить въ отдаленныя, обильныя звѣремъ мѣста; они охотятся только въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ, забирая съ собою на охоту все свое семейство, которое питается тогда бѣлкою, кротами, колонками и олениной. «Представьте себѣ — пишетъ очевидецъ — это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-такъ отогрѣваютъ у костра свои закоченѣвшіе члены. Женщины въ это же время часто разрѣшаются отъ беременности. Несчастная мать, не имѣя никакого пріюта и для прочихъ своихъ дѣтей, должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза!» Отъ подобнаго положенія инородцы находили спасеніе только въ кабальной работѣ у русскихъ. Инородцы, какъ мы уже сказали, дѣйствительно начали во множествѣ выходить изъ своихъ лѣсовъ и наниматься въ работу на судахъ, коноводкахъ, пароходахъ, а также на пріиски томскихъ золотопромышленниковъ. Инородцу давали въ лѣто рублей 15—20 или только платили за него казенныя недоимки, да кое-какъ прикрывали наготу его. Инородецъ работалъ, какъ волъ, все лѣто, работалъ почти даромъ, а затѣмъ — голодовалъ цѣлую зиму. Эти работы теперь почти вовсе прекратились: съ пріисковъ инородцевъ вытѣснили болѣе выгодные для золотопромышленника ссыльные; обскія же суда, на которыхъ работали дикари, постепенно исчезаютъ съ развитіемъ пароходства. Большинство этихъ инородцевъ поступило въ домашніе работники къ русскимъ. «Здѣсь они — пишетъ г. О—въ — окончательно гибнутъ и матеріально, и нравственно. Если они попадаютъ въ *срокъ*, какъ здѣсь называется такая работа, то они считаютъ себя окончательно погибшими и становятся до того апатичными, что

если кто укоритъ такого работника въ лѣности или дурномъ поступкѣ, то остякъ отвѣтитъ: «что же такое, — я, вѣдь, сроковой!..» Одни только кетскіе инородцы пользуются болѣе счастливымъ положеніемъ, благодаря священнику села Максимояровскаго. Священникъ доставляетъ имъ съѣстные припасы, оружіе, платитъ за нихъ ясакъ, а они ежегодно отдаютъ ему *всю свою добычу*— тысячи пудовъ орѣховъ, тысячи бѣлокъ и др. звѣрей. Всѣ эти товары священникъ продаетъ купцамъ. Вообще нужно замѣтить, что съ изданія указа 27 февраля 1845 г. купцы начали вести контрабандную торговлю черезъ посредниковъ, живущихъ постоянно между инородцами, черезъ вахтеровъ хлѣбныхъ магазиновъ, казаковъ, крестьянъ и т. д. Это увеличивало дороговизну товаровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усиливало кабалу, и кабалу не однимъ только купцамъ, а также вахтерамъ, казакамъ, крестьянамъ и т. д. Разорившійся инородецъ часто тащится съ своею юртою въ русскую деревню, ставитъ ее подлѣ крестьянскаго дома и работаетъ со всѣми своими домочадцами на крестьянина, получая отъ него только скудную, дрянную пищу. Иногда, за малочисленностью русскаго населенія, инородцы попадаютъ въ кабалу къ инородцамъ же. Такъ, въ Березовскомъ округѣ въ 1859 году въ большей части остяцкихъ деревень хозяева составляли не болѣе четвертой части; остальныя три четверти состояли изъ остяковъ-работниковъ, т.-е. кабальниковъ.

Кабала у крестьянина или у инородца гораздо вреднѣе, чѣмъ кабала у купца. Отъ крестьянина инородецъ получаетъ только пищу и одежду, а отъ купца, кромѣ того, оружіе, свинецъ, сѣти. Кабальникъ крестьянина—нищій деревенскій работникъ, кабальникъ купца—звѣроловъ, рыбакъ или скотоводъ. Если онъ даже обязанъ отдавать кредитору всѣ продукты своего промысла, то онъ можетъ обмануть кредитора и отдать ему не все, добытое имъ. Такимъ образомъ, упадокъ торговли съ инородцами ухудшилъ положеніе многихъ дикарей, не избавивъ ихъ въ то же время отъ купеческаго вліянія. Купцы все-таки продолжаютъ торговать съ инородцами. Въ стойбища, напр., нарымскихъ инородцевъ, по словамъ г. О—ва, купцы имѣютъ теперь почти *свободный* въѣздъ во всякое время; но звѣропромышленность у инородцевъ чрезвычайно пала, и поэтому торговля съ ними не можетъ имѣть обширныхъ размѣровъ. Кромѣ того, съ упадкомъ торговли частныхъ лицъ, ею начали заниматься офиціальныя лица,—смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, казаки, засѣдатели и т. д. Такъ, по словамъ «*Сибирскаго Вѣстника*» (1866 г. № 13), въ Гижигѣ «частная торговля идетъ плохо потому, что тамъ черезъ исправника торгуетъ казна товарами, посылаемыми канцеляріей изъ Николаевска подъ предлогомъ обезпеченія казаковъ и инородцевъ. Исправникъ имѣетъ и свои товары... Всѣ эти товары и хлѣбъ находятся въ распоряженіи урядника, который продаетъ ихъ инородцамъ за звѣрей, а казакамъ даетъ въ счетъ будущаго жалованья. Но самыя нужныя и ходовыя вещи отдѣляются для Р., который, записавшись въ гильдію, разъѣзжаетъ по округу и деретъ по хорошей шкуркѣ съ каждаго инородца. Чтобы дѣла шли успѣшнѣе, онъ снабжается и порохомъ, который для другихъ есть товаръ недоступный... Гижигинскіе купцы, запуганные казенною торговлею, совсѣмъ опустили руки и чуть не сдѣлались приказчиками исправника, пользуясь отъ него ничтожнымъ количествомъ товаровъ и платя ему, разумѣется, самые высокіе проценты... Инородцы всѣ должны купцамъ и не въ состояніи уплатить этого долга, хотя взысканіе его купцы производятъ съ примѣрною строгостью, обирая у инородцевъ всѣхъ соболей и не оставляя нисколько у нихъ даже для уплаты ясака». Мы не можемъ навѣрное сказать, что исправники превращаются въ купцовъ и въ другихъ округахъ; но до начала настоящаго царствованія это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ... Кромѣ исправниковъ и засѣдателей, торговали съ инородцами вахтера, прикрываясь личиною офиціальныхъ продавцовъ хлѣба, пороха и свинца.

Вообще мы разсказывали, какъ часто инородцы до Сперанскаго мерли съ голода и дѣлались даже людоѣдами. Мы говорили также, что система казеннаго продовольствія инородцевъ была въ самомъ дурномъ состояніи. Сперанскій обратилъ на это вниманіе и, значительно увеличивъ объемы казеннаго продовольствія инородцевъ, составилъ особыя правила для этой торговли. Продажу предписано производить въ обыкновенныхъ случаяхъ на деньги, съ наложеніемъ 6% въ пользу обращающагося капитала; но, въ крайнихъ случаяхъ угрожающаго голода, предписывается не только не налагать процента, но позволяется продавать даже ниже настоящей казенной цѣны. Въ послѣднемъ только случаѣ дозволена продажа *кочующимъ* въ долгъ, но не иначе, какъ по требованію и на отвѣтственности старостъ, головъ и степныхъ думъ. Бродячимъ же инородцамъ продажа въ долгъ дозволена во всякое время, въ обыкновенныхъ случаяхъ по требованію и на отвѣтственность почетныхъ людей, въ случаѣ же настоятельной нужды—каждому требующему пособія безъ всякихъ формальностей. Во взысканіи этихъ долговъ для бѣдныхъ чинить отсрочки, а при безнадежности взысканія, долги эти, по рѣшенію губернскаго совѣта, прощать.

Едва сибирское уложеніе успѣло войти въ силу, какъ на инородцахъ накопились уже огромные долги за казенный хлѣбъ, порохъ и свинецъ. Напр., инородцы тогурскаго отдѣленія уже въ 1825 году были должны 9,904 р. Вопреки уложенію, взысканіе этихъ долговъ начали производить съ примѣрною и разорительною строгостью, о которой мы можемъ судить по тому, какъ взыскивались эти долги въ березовскомъ краѣ въ пятидесятыхъ годахъ. На березовскихъ инородцахъ, по обыкновенію, были огромные долги за казенные товары. Начальство сочло возможнымъ взыскать эти долги. Засѣдателямъ было предписано, чтобы они отбирали у инородцевъ все промышленное ими, кромѣ рыбы, и присылали въ Березовъ для про-

дажи съ аукціона. Предписаніе было исполнено въ точности. Но всѣ отобранные у инородцевъ мѣха, орѣхи и т. д., могли быть проданы только по самымъ низкимъ цѣнамъ, и на инородцахъ все-таки остались большіе долги. Начальство заключило съ одной пароходной компаніей контрактъ о поставкѣ дровъ на пароходы посредствомъ инородцевъ. Инородцамъ было предписано отправляться на извѣстные пункты для рубки дровъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ такъ называемую *комарную пору*, когда отъ комаровъ въ лѣсу нельзя и носу показать безъ сѣтки и дыма. У остяковъ не было ни топоровъ для рубки, ни лошадей, ни телѣгъ для возки дровъ, ни платья, ни сѣтокъ, ни рукавицъ, необходимыхъ для защиты отъ насѣкомыхъ. Всѣ остяки рѣшились бѣжать, но были остановлены узнавшими объ ихъ намѣреніи вахтерами. И остяки были принуждены нанять рубить дрова тѣхъ же вахтеровъ, которые взяли по три рубля съ квадратной сажени. Инородцы заплатили вахтерамъ работой и кабалой. Вахтера же вовсе не рубили дровъ, да и невозможно было въ теченіе двухъ мѣсяцевъ поставить одному человѣку 100—150 кв. саженъ. Сначала вахтера донесли, что дрова нарублены, а потомъ снова донесли, что дрова всѣ унесены разливомъ Оби. Чѣмъ кончилось дѣло—не знаю. Подобныя строгія взысканія долговъ были особенно часты въ первое время послѣ Сперанскаго, и напуганные ими инородцы начали избѣгать покупки казеннаго хлѣба. Такъ, въ 1829 г. начальникъ Тобольской губерніи писалъ, что «инородцы, въ особенности пелымскаго края, не берутъ изъ казенныхъ магазиновъ хлѣба для своего продовольствія единственно изъ боязни строгихъ мѣръ, употребляемыхъ при взысканіи накопившихся на нихъ недоимокъ, и въ семъ страхѣ томятся голодомъ». Но это продолжалось недолго; начальство скоро убѣдилось въ негодности особенно строгихъ мѣръ при взысканіи долговъ, и инородцы стали больше покупать казеннаго хлѣба. Долги росли, по истеченіи извѣстнаго времени прощались, потомъ снова росли. Въ туруханскомъ краѣ долгъ за хлѣбъ простирается иногда до 200 р. на человѣка. По всѣмъ магазинамъ этого края въ 1861 г., на шестидесяти четырехъ инородцахъ хлѣбной недоимки считалось 13,000 р. сер. Нужно замѣтить, что, благодаря плутнямъ вахтеровъ, значительная часть этого долга давно уже заплачена инородцами, но не скинута со счетовъ. Въ березовскомъ краѣ, въ 1850 г., были должны за хлѣбъ 12,947 р., а въ 1852 г. 17,000 р. Большею частью эти долги неоплатные; такъ смотрятъ на нихъ и администраторы, и сами инородцы. «Старый долгъ—гнилой долгъ», говоритъ остякъ и продолжаетъ забирать казенный хлѣбъ съ полной увѣренностью, что никогда не заплатитъ за него. И онъ, дѣйствительно, не платитъ. Такимъ образомъ, множество инородцевъ давнымъ-давно уже состоитъ на казенномъ содержаніи. Это чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на ихъ характеръ и ихъ экономическое благосостояніе. Инородецъ увѣренъ, что казна если не накормитъ его досыта, то, по крайней мѣрѣ, не дастъ ему умереть съ голода, и онъ мало заботится о будущемъ, вполнѣ надѣясь на казенную помощь.

По сибирскому уложенію, всѣ казенныя продажи инородцамъ должны имѣть двоякую цѣль: 1) умѣреніе частныхъ цѣнъ на хлѣбъ, и 2) пособіе инородцамъ въ ихъ продовольствіи и промыслахъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какой мѣрѣ достигались эти цѣли.

Поставка хлѣба въ казенные магазины производится посредствомъ того же купечества, которое торгуетъ съ инородцами хлѣбомъ. Эта поставка всегда обходилась очень дорого, и казенный хлѣбъ поэтому былъ всегда немногимъ дешевле, а иногда даже дороже частнаго. Можно принять среднимъ числомъ, что казенный хлѣбъ стоитъ 80 коп. пудъ, а въ частной продажѣ 1 руб. Но, какъ увидимъ ниже, вахтера продаютъ хлѣбъ дороже казенной цѣны, дѣлая надбавку въ свою пользу, отчего казенный хлѣбъ дѣлается дороже продаваемаго купцами. Иногда казенная торговля не только не умѣряла, но даже *возвышала* цѣны хлѣба, обращающагося въ вольной торговлѣ. Купцы имѣютъ право торговать хлѣбомъ, и уложеніе предписываетъ не стѣснять этой торговли. Но такъ какъ казенная продажа хлѣба можетъ вредить успѣху купеческой хлѣбной торговли, то купцы начали входить въ сдѣлки съ вахтерами хлѣбныхъ магазиновъ. Вахтера задерживали выпускъ казеннаго хлѣба, а купцы продавали свой съ барышомъ. Тобольскій губернаторъ писалъ въ 1829 г., что «частные торгаши, входя въ стачки съ чиновниками, раздаютъ въ ссуду хлѣбъ свой инородцамъ и, зная время, удобное для ловли звѣря, пріѣзжаютъ въ ихъ аулы для сбора онаго въ уплату долга и, употребляя при семъ случаѣ, въ видѣ угощенія, вино, получаютъ за безцѣнокъ самаго лучшаго звѣря». Хотя березовскій исправникъ и отвѣчалъ на это замѣчаніе губернатора, что «того не только въ обыкновеніи никогда не было, но едва ли и мыслью кто-либо осмѣливался мнить о томъ», но слова губернатора вполнѣ справедливы; сдѣлки вахтеровъ съ купцами были и въ то время, были и послѣ. Само собою разумѣется, что эти сдѣлки падали всею своею тяжестью на инородцевъ. Что купецъ давалъ вахтеру, то онъ бралъ съ инородца за хлѣбъ. Цѣна хлѣба поднималась. А такъ какъ инородцы всегда покупали частнаго хлѣба гораздо больше, чѣмъ казеннаго, то такое поднятіе цѣнъ очень невыгодно отзывалось на инородцахъ.

Уже одно то, что размѣры частной торговли превышаютъ размѣры казенной торговли, показываетъ, что казенный хлѣбъ не обезпечиваетъ вполнѣ продовольствія инородцевъ. Это вполнѣ и подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ дѣла. Кромѣ того, что одного казеннаго хлѣба всегда было недостаточно для инородцевъ, и это недостаточное количество его рѣдко все покупалось инородцами. Иногда ихъ удерживалъ отъ покупки страхъ строгихъ взысканій хлѣбнаго долга, но

чаще всего—отдаленность хлѣбныхъ магазиновъ, разбросанныхъ на сотни и тысячи верстъ. Инородецъ, кромѣ того, можетъ покупать хлѣбъ только изъ того магазина, къ которому онъ приписанъ, а онъ иногда кочуетъ отъ него за тридевять земель. Самая покупка обстановлена затруднительными формальностями. Прежде всего инородческій старшина долженъ собрать свѣдѣнія у своихъ родичей, сколько кому нужно хлѣба. Эти свѣдѣнія онъ представляетъ вахтеру, вахтеръ засѣдателю, засѣдатель со своимъ мнѣніемъ въ губернское правленіе, послѣднее утверждаетъ это мнѣніе и посылаетъ его къ засѣдателю, засѣдатель же предписываетъ вахтеру отпустить требуемое количество муки. Проходитъ въ этой перепискѣ время, и часто нуждающійся инородецъ сидитъ голодомъ въ ожиданіи отпуска. Кромѣ того, инородцы раскиданы часто на тысячеверстномъ пространствѣ, и старшина можетъ быть не въ состояніи собрать свѣдѣнія о всѣхъ нуждающихся. А не попавшій въ его списокъ не получитъ хлѣба. Но всѣ эти неудобства—ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя создаются вахтерами хлѣбныхъ магазиновъ.

Представьте себѣ необозримую, пустынную, холодную тундру сѣвера, по которой разсѣяны хлѣбные магазины для продовольствія живущихъ тамъ инородцевъ. Здѣсь очень мало русскихъ жителей, отсюда далеко до значительнаго начальства. И вахтеръ—полный властелинъ, король печальной тундры. Этотъ король тундры происходитъ изъ простыхъ казаковъ или отставныхъ «благонадежныхъ» унтеръ-офицеровъ. Хорошо торгуетъ вахтеръ съ голодными, довѣрчивыми, робкими инородцами. Онъ или беретъ съ инородца за продажу хлѣба извѣстную дань, или просто возвышаетъ казенную цѣну въ свою пользу. Но уплатить вахтеру дань можетъ не всякій инородецъ; хлѣбъ поэтому продается, большею частью, только болѣе или менѣе достаточнымъ. Не принесшій дани не получитъ хлѣба и можетъ умереть съ голода. Такъ, васюганскій вахтеръ еще недавно былъ подъ судомъ за то, что, благодаря ему, одно инородческое семейство умерло съ голода, и причина его смерти была записана священникомъ въ метрическую книгу. Вахтеръ можетъ обвѣсить инородца. Вахтеръ можетъ подмѣшать въ муку песку и снѣгу. Но этого мало,—вахтеръ заводитъ свою частную торговлю, обзаводится мукой, водкой, свинцомъ, порохомъ. Инородецъ попадается къ нему въ кабалу, тѣмъ болѣе тягостную, что вахтеръ держитъ въ своихъ рукахъ жизнь инородца. Инородецъ кабалится вахтеру за его собственные товары, онъ кабалится ему также въ томъ случаѣ, если, будучи не въ состояніи дать вахтеру за отпускъ хлѣба подарокъ, можетъ предложить ему только свою свободу. Вахтеръ кормитъ инородца, а инородецъ отдаетъ вахтеру всю свою добычу. Вахтеръ, напр., даетъ инородцу въ долгъ нѣсколько пудовъ муки; инородецъ забираетъ свою семью и отправляется на промыселъ; съѣвъ весь хлѣбъ, онъ выходитъ изъ тайги къ магазину, отдаетъ вахтеру всю свою добычу, снова забираетъ въ долгъ хлѣба, снова идетъ въ лѣсъ, снова отдаетъ вахтеру всю свою добычу, и т. д. Вахтеръ богатѣетъ страшно. При поступленіи на службу онъ имѣетъ только одну казенную солдатскую шинель, а черезъ десять-пятнадцать лѣтъ онъ становится богачомъ. Наприм., въ селѣ Тогурѣ въ 1860 г. умеръ вахтеръ Нестеровъ, казакъ, сильно нажившійся отъ своей, повидимому, незначительной должности. Нестеровъ нажилъ четыре отличныхъ дома въ Тогурѣ, одинъ въ Нарымѣ; у него было 250 прекрасныхъ лошадей, кромѣ рабочихъ, множество рогатаго скота, свиней, птицы и т. п. Онъ вступалъ въ казенные подряды на поставку хлѣба, соли, пороха, велъ значительную торговлю мѣхами и орѣхами, поставлялъ на пароходы тысячи саженъ дровъ, содержалъ почтовую гоньбу отъ Нарыма до Томска. Въ 1860 г. онъ сгорѣлъ въ собственномъ домѣ. Но остяки долго не вѣрили въ его смерть: они видѣли, какъ Нестеровъ въ его красной рубахѣ былъ унесенъ въ воздухъ чертями; долго они боялись, что этотъ вахтеръ снова явится къ нимъ и снова начнетъ торговать съ ними!.. Другой король тундры, вахтеръ одного магазина, вывезъ въ Нарымъ въ 1864 г. *своихъ нажитыхъ имъ въ тундрѣ товаровъ*: на 1.000 р. сер. орѣховъ, на 180 руб. сер. лосиныхъ кожъ, 7.000 бѣлокъ и 40 соболей! Да, выгодно быть вахтеромъ!.. Само собою понятно, что въ большинствѣ случаевъ администрація не можетъ искоренить злоупотребленія, гнѣздящіяся въ отдаленной тундрѣ и часто находящія себѣ сильную поддержку въ административныхъ центрахъ Сибири. Въ туруханскомъ краѣ, напр., одинъ чиновникъ, посланный для изслѣдованія причинъ голода между инородцами, былъ признанъ сумасшедшимъ и отозванъ назадъ, когда началъ раскрывать истинную причину горестнаго положенія дикарей. Назначенная послѣ того комиссія, вмѣсто слѣдствія, пустилась въ торговлю.

Инородецъ, какъ мы видѣли, не всегда имѣетъ хлѣбъ; инородца, какъ мы уже говорили, часто поражаетъ неудача его промысловъ; вслѣдствіе этого, и послѣ Сперанскаго много разъ повторялись ужасныя голодовки, въ родѣ описанной нами туруханской въ 1814—1816. И послѣ Сперанскаго голодная смерть хаживала по сибирской тайгѣ, истребляя бѣдныхъ дикарей. Такъ, въ 1827 г. въ рѣкахъ нарымскаго края отъ чрезвычайныхъ морозовъ вымерла рыба. Насталъ голодъ. «Остяки—по словамъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ—находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и только что не умирали отъ голода» Такія голодовки повторялись въ нарымскомъ краѣ и послѣ; въ такихъ случаяхъ, по словамъ О—ва, весной инородцы выходили на Обь, ловили плывшую по ней дохлую скотину и ѣли эту падаль. Баронъ Врангель въ своемъ путешествіи пишетъ, что инородцы сѣверо-восточной Сибири часто имѣютъ полную неудачу въ охотѣ на дикихъ оленей. Настаетъ голодъ. Племя разсыпается по тундрѣ отдѣльными семействами. Они питаются древесной корой, травами, воронами, падалью. Многіе гиб-

путъ съ голоду. Вотъ, напр., въ 1844 году въ окрестностяхъ Аянскаго порта бродитъ нѣсколько семей остяковъ. Они потерпѣли полную неудачу въ охотѣ и въ ловлѣ нерпъ. Они голодны и отъ голода больны. Силы постепенно измѣняютъ имъ. Аянъ близко, но они не могутъ идти... Управляющій аянской факторіей узналъ объ этомъ и послалъ помощь; но въ живыхъ застали только одного тунгуса, всѣ остальные уже кончили свою страдальческую жизнь... Но это что!.. Вотъ, раннимъ утромъ по улицамъ какого-нибудь сибирскаго города подъ звукъ барабана медленно движется черная, позорная колесница съ сидящимъ на ней преступникомъ-инородцемъ. На груди его привязана доска и на ней написано: *дѣтоубійца и женоубійца*... Но эти слова не выражаютъ его преступленія,—это человѣкъ, съѣвшій во время голодовки свою жену и своихъ дѣтей! Случаи людоѣдства бывали и послѣ Сперанскаго.

Продавать инородцамъ вино всегда строго запрещалось. Это запрещеніе подтверждалось и сибирскимъ уложеніемъ, и поддерживалось высшимъ мѣстнымъ начальствомъ. Но *огненная вода* попрежнему текла по инородческимъ стойбищамъ, пожирая и имущество, и здоровье инородцевъ. Купцы, казаки, крестьяне и т. д. всегда отлично умѣли пользоваться водкой для своего обогащенія. Инородецъ же страшно любитъ это зелье и готовъ отдать за него все, хотя послѣ, во время голоднаго похмелья, и готовъ пожаловаться на виноторговца-разорителя. Такъ, въ 1832 г. инородцы Комляжской и Южской волостей приносили ясачной комиссіи такую жалобу на бійскаго засѣдателя Черепанова: «при сборѣ нашего общества въ деревню Найму, при сборѣ нашего ясака г. Черепановъ имѣлъ при себѣ вино, которое продавалъ намъ каждый штофъ по 5 р. Верхнекумандинской волости Демичи Игнановъ пропилъ 2 р. 50 к. Комляжской волости Сазы Окучаевъ, вообще, съ волостью пропилъ 15 р., да во второй разъ 15 р. Южской волости Полушка Чехановъ вообще съ оной волостью пропилъ 14 р. Кузенской волости Арыспай Юдековъ 5 р. Да онъ же Черепановъ просилъ подарокъ, и дали ему 30 р., и за то онъ хотѣлъ намъ руку помощи подать». Чтобы характеризовать эту прежнюю виноторговлю, мы разскажемъ здѣсь, какъ она производилась въ березовскомъ краѣ въ тридцатыхъ годахъ. За достовѣрность этого разсказа ручается офиціальность источниковъ, по которымъ онъ составленъ (*Архивъ Главн. Управл. Зап. Сибири, № 1889 и 1407*). Съ 1810 по 1831 г. протоіерей Вергуновъ велъ обширную торговлю сукномъ, холстомъ, чаемъ, сахаромъ, медомъ, солью, крупою, хлѣбомъ, табакомъ, мѣхами. Березовскій округъ простирается болѣе чѣмъ на 2.000 верстъ, и на всемъ этомъ пространствѣ торговалъ Вергуновъ; его причетники разъѣзжали всюду на обывательскихъ, безъ платежа прогоновъ. Они продавали инородцамъ и водку по 40 р. ведро, покупая ее въ Березовѣ по 5 р. ведро. Напоивъ инородцевъ, они забирали у нихъ, что попадалось. Кромѣ того, инородцы покупали много водки у березовскихъ обывателей, преимущественно у откупщика. Прежде чѣмъ инородецъ отправлялся въ городъ за водкой, онъ долженъ былъ являться къ засѣдателю, и онъ, за извѣстную сумму, давалъ инородцу дозволеніе ѣхать за водкой. Собиралось нѣсколько инородческихъ семей и отправлялось въ Березовъ. Здѣсь инородцы останавливались у знакомаго обывателя, который велъ ихъ представлять разнымъ чиновникамъ. Сначала шли къ городничему; городничій спрашивалъ, сколько имъ нужно водки и, сообразно съ количествомъ ведеръ, назначалъ количество потребныхъ ему мѣховыхъ даровъ; затѣмъ онъ давалъ остякамъ дозволительную записку къ откупщику на отпускъ водки. Отъ городничаго остяковъ вели къ исправнику и ко всѣмъ другимъ важнымъ чиновникамъ, а если ихъ водилъ казакъ, то и къ начальнику казачьей команды. Вездѣ повторялась та же исторія, что и у городничаго. Наконецъ, инородцы добираются до откупщика и закупаютъ нѣсколько сотъ ведеръ водки. Закупивъ водки для отвоза въ стойбища, инородцы покупаютъ еще для гулянки въ самомъ городѣ. Начинается безобразное пьянство, во время котораго хозяева инородцевъ отбавляютъ изъ ихъ посудинъ много водки, добавляя эти посудины водой. Пропивъ все, что можно пропить, инородцы отправляются домой. Едва отъѣдутъ они версты двѣ-три, какъ уже встрѣчаютъ на дорогѣ чиновниковъ, у которыхъ они не были. Чиновники останавливаютъ дикарей, начинаютъ допрашивать, какъ смѣли они покупать водку, грозятъ имъ судомъ, приказываютъ вернуться въ городъ, и т. д. Инородцы удовлетворяютъ этихъ господъ, чѣмъ могутъ — деньгами, звѣриными шкурами, отпряженными отъ саней оленями или снимаемою съ себя одеждою. Инородцевъ отпускаютъ. Проѣдутъ они версты три,— вдругъ на дорогѣ стоитъ нѣсколько верховыхъ казаковъ съ обнаженными саблями, а «другіе казаки, нагоняя ихъ, скачутъ на лошадяхъ и, приведя инородцевъ въ безмѣрный страхъ, забираютъ все, что осталось у нихъ изъ денегъ или вещей; буде же мало того, то снимаютъ съ нихъ половину одежды и забираютъ даже часть купленнаго ими вина, и тогда только отпускаютъ инородцевъ въ ихъ жилища». Чиновникъ Палашковскій, ѣздившій въ Березовъ для изслѣдованія этихъ злоупотребленій, пишетъ, что какъ чиновники, такъ и мѣщане, купцы, казаки возили къ инородцамъ водку и, спаивая инородцевъ, забирали все, что могли найти у нихъ цѣннаго. Особенно обширную виноторговлю велъ обдорскій отдѣльный засѣдатель. Конкурентовъ, такимъ образомъ, было много; они ссорились и доносили другъ на друга. Березовскій откупщикъ, страдавшій отъ этой конкуренціи, подалъ слѣдователю Палашковскому докладную записку. Откупщикъ изображалъ въ ней необходимость дозволить виноторговлю съ инородцами, «такъ какъ вино для большинства ихъ необходимо. Съ давнихъ временъ существуетъ между ними венерическая болѣзнь,

отъ которой они лѣчатся настоемъ на винѣ саксапарели». Плохо вѣрится, чтобы подобныя вещи существовали тридцать пять лѣтъ назадъ!.. Въ другихъ мѣстахъ Сибири велась также обширная виноторговля. Даже въ настоящее время ведется... *Сибирскій Вѣстникъ* (1866 г., № 13) говоритъ, что въ «Гижигѣ между товарами исправника первое мѣсто и значеніе имѣетъ водка, которою распоряжается супруга исправника черезъ вѣстового казака». Кромѣ того, тамошніе инородцы страстно любятъ настой мухомора на уринѣ. «Чукчи и коряки предпочитаютъ мухоморъ даже водкѣ, потому что послѣ опьяненія отъ него не чувствуется головной боли. Мухоморъ растетъ по всему охотскому прибрежью, но самый обильный сборъ его бываетъ въ Ямскѣ, откуда онъ и привозится въ Гижигу для коряковъ и чукчей. Чрезмѣрное употребленіе мухомора часто бываетъ причиною смерти. Торговля мухоморомъ въ Анадырскѣ укоренилась давно. Здѣсь его закупаютъ анадырскіе чукчи; они идутъ навстрѣчу носовымъ чукчамъ, возвращимся съ колымской ярмарки, и вымѣниваютъ его на табакъ очень выгодно». Главная торговля мухоморомъ находится въ рукахъ купца К...

VI.

Санитарное состояніе инородцевъ. Движеніе народонаселенія. Заключеніе.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы должны значительно выйти изъ предѣловъ описываемаго нами періода и начать съ 1763 г. Къ этому времени относится начало губительныхъ болѣзней во многихъ инородческихъ округахъ, къ упомянутому же году относятся и первыя, сколько-нибудь полныя статистическія данныя о движеніи инородческаго народонаселенія.

Въ одной самоѣдской сказкѣ разсказывается, что два шамана спорили о своемъ могуществѣ. Одинъ изъ нихъ взялъ съ неба луну, и по землѣ распространился ужасный холодъ, убійственный для людей. Всѣ умоляютъ шамана отпустить луну, и онъ отпускаетъ. Но тотчасъ другой шаманъ схватываетъ съ неба солнце,—и люди начинаютъ умирать отъ страшнаго жара; они умоляютъ шамана поставить солнце на свое мѣсто. Въ этой миѳической сказкѣ самоѣдъ изобразилъ тѣ пагубныя атмосферическія вліянія, которыя никогда не переставали поражать все инородческое народонаселеніе Сибири. Жестокая продолжительная зима, съ сорокаградусными морозами и снѣжными ураганами, удушливое жаркое лѣто съ его вредными болотными испареніями,—оба эти времени года равно губительны для инородческаго здоровья. Инородецъ плохо защищенъ отъ атмосферическихъ вліяній; его шалашъ грязенъ и холоденъ, его пища скудна и нездорова, его одежда часто не предохраняетъ его отъ холода и всегда не соотвѣтствуетъ основнымъ правиламъ гигіены. Все это ведетъ за собой рядъ губительныхъ болѣзней, истребляющихъ множество инородцевъ. Гибельность этихъ эпидемій увеличивается еще тѣмъ, что онѣ всегда наводятъ на инородцевъ паническій страхъ; при появленіи эпидеміи всѣ инородцы разбѣгаются, бросивъ больныхъ на произволъ судьбы и только снабдивъ ихъ пищею на нѣсколько дней. Смертность поэтому громадная, и при частомъ своемъ повтореніи эпидеміи постепенно истребляютъ цѣлыя племена. Съ особенною губительностью дѣйствовала всегда оспа *). Во второй половинѣ XVIII в. оспа сильно опустошала Забайкалье, появляясь здѣсь періодически, лѣтъ черезъ десять, и похищая множество тунгусовъ и бурятъ. Въ сентябрѣ 1768 года оспа изъ Охотска завезена въ Камчатку, а отсюда проникла на острова Алеутскіе и Курильскіе, также къ Ледовитому морю. Эта эпидемія похитила около 20,000 камчадаловъ, коряковъ и курильцевъ. Въ слѣдующіе года къ оспѣ присоединилась горячка и лихорадка, и дѣятельно продолжали опустошать Камчатку. Въ 1799 г. въ Камчатку прибылъ генералъ-маіоръ Сомовъ съ отрядомъ солдатъ. Тѣсное помѣщеніе команды на двухъ небольшихъ судахъ во время продолжительнаго плаванія, холодъ и сырость глубокой осени развили въ морѣ между солдатами тифъ, вынесенный на берегъ, по мѣрѣ размѣщенія солдатъ по Камчаткѣ, распространившійся по всему полуострову и по Курильскимъ островамъ. Камчатка потеряла еще 2,000 челов. Въ то же время солдаты распространили сифилисъ, заразившій всѣхъ камчадаловъ, перешедшій навсегда въ ихъ потомство и отнявшій всякую надежду когда-либо размножиться этому доброму племени. Тѣ же эпидеміи опустошили и другія части Сибири. Такъ въ 1824 и 1825 г. на Ленѣ

*) Для сравненія, и нѣкоторымъ образомъ въ видѣ поученія, мы сообщимъ здѣсь объ оспѣ въ колоніяхъ Новой Испаніи. А. Гумбольдтъ разсказываетъ (Essai politique sur la nouvelle Espagne, tome I, p. 344—352), что оспа, появившаяся здѣсь въ 1520 г., производила свои опустошенія періодически. Она произвела ужасныя опустошенія въ 1763 г. и особенно въ 1799 г. (въ то же время, какъ и въ сѣверо-восточной Сибири). Въ послѣдній годъ она похитила въ одной столицѣ Мексики болѣе 9.000 человѣкъ. Телѣги разъѣзжали каждый вечеръ за подборкой труповъ, какъ это бываетъ въ Филадельфіи во время желтой лихорадки. Большая часть мексиканскаго юношества была похищена оспою въ этотъ роковой годъ. Эпидемія 1797 г. была менѣе опустошительна, благодаря усердію, съ которымъ распространялось искусственное оспопрививаніе въ окрестностяхъ Мексики и въ епископствѣ Мехуаканъ. Въ г. Вальядолидѣ изъ 6.800 человѣкъ, которымъ была привита оспа, умерли только 170, т. е. 2½ изъ 100; тамъ же, гдѣ оспа не прививалась, умерло 14 изъ 100. Многіе частные люди, особенно духовенство, выказывали при этомъ похвальный патріотизмъ, останавливая посредствомъ оспопрививанія успѣхи этой эпидеміи. Тогда привили оспу болѣе 60 тыс. человѣкъ. Въ 1804 г. въ Мексикѣ введена коровья оспа. Индѣйцы скоро научились переносить временное зло отъ оспопрививанія, чтобы избѣжать зла болѣе пагубнаго. Если бы прививаніе коровьей или обыкновенной оспы было извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ въ XVI в., то многіе милліоны индѣйцевъ не погибли бы ея жертвою. Этой болѣзни слѣдуетъ приписать ужасное уменьшеніе туземцевъ Калифорніи и другихъ областей Америки. По словамъ Гумбольдта, главная заслуга по введенію оспопрививанія принадлежала духовенству, миссіонерамъ и частнымъ людямъ. Въ невѣжественной же Сибири не было ничего подобнаго, и оспѣ былъ здѣсь полный просторъ.

отъ горячки вымерли тунгусы. Кромѣ горячки и оспы, здѣсь свирѣпствуетъ проказа (lepra). Ужасная болѣзнь elephantiasis, по словамъ доктора Кибера, распространена между всѣми сѣверовосточными племенами. Тотъ же докторъ пишетъ, что у верхоянскихъ инородцевъ господствуетъ эпидемія, проявляющаяся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣльбою въ ушахъ. Въ туруханскомъ краѣ тифъ и оспа также не прекращали своихъ опустошеній до самого послѣдняго времени. Съ особенною силою дѣйствовала здѣсь оспа въ 1850—1851 г. Кромѣ того, инородцы постоянно страдаютъ здѣсь снѣжной слѣпотой. Тифъ и оспа очень знакомы также всѣмъ инородцамъ губерній Иркутской и Томской. Такъ напримѣръ, въ 1841 г. множество телецкихъ калмыковъ погибло отъ тифозной горячки. Такъ, нарымскій край, по свидѣтельству г. О—ва, постоянно страдаетъ отъ оспы, тифа и лихорадокъ. То же самое видимъ и въ Тобольской губерніи, особенно въ сѣверной половинѣ ея, въ березовскомъкраѣ. Объ опустошительности ея здѣсь можно судить по тому, напримѣръ, что въ 1855 году въ обдорскомъ отдѣленіи отъ кровяного тифа умерли въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1,270 человѣкъ изъ 1,752 больныхъ, а въ Кондинскихъ волостяхъ 53 изъ 64 больныхъ.

Перечисленныя нами эпидеміи истребляютъ инородцевъ періодически, но есть болѣзнь, которая никогда не разстается съ ними,—это сифилисъ. Инородцы называютъ его *русскою болѣзнію* и называютъ справедливо. Ею заразили дикарей солдаты, казаки, звѣропромышленники, ссыльные. Въ 1830 г. медицинскій инспекторъ Восточной Сибири писалъ, что сифилисъ распространили въ Сибири преимущественно ссыльные, «которые въ совмѣстномъ продолжительномъ путеслѣдованіи, предаваясь распутству, заражали другъ друга, принесли эту заразу въ Сибирь и заразили природныхъ жителей. Стеченіе въ извѣстное время отдаленныхъ жителей обоего пола на сборныя мѣста для торговъ, рыбныхъ промысловъ, взноса ясака и т. д., способствовало зараженію самыхъ отдаленныхъ жителей. Они, въ мѣстахъ этихъ, ведя нетрезвую жизнь, жертвуя, такъ сказать, Бахусу и Венерѣ въ излишествѣ и безъ всякой предосторожности, заражались сами и заражали другихъ». Расходясь изъ этихъ сборныхъ пунктовъ по своимъ жилищамъ, инородцы разнесли сифилисъ по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири. «Холодный климатъ сѣверныхъ частей Сибири,—продолжаетъ упомянутый медицинскій инспекторъ, — влажная атмосфера сѣверо-восточныхъ приморскихъ береговъ—все это, располагая жителей къ цынготной болѣзни, способствуетъ необыкновенному дѣйствію венерической. Отъ смѣшенія съ цынгою родились разные оттѣнки сифилиса». Этого же мнѣнія держатся и другіе компетентные медики. Такъ, иркутскій штабъ-лѣкарь Малиновскій, изучавшій у колымскихъ якутовъ ихъ проказу, пришелъ къ убѣжденію, что эта болѣзнь есть не что иное, какъ соединеніе венерики, цынги и ревматизма. Въ Березовскомъ краѣ множество инородцевъ поражено гноетеченіемъ и воспаленіемъ глазъ; излѣченіе этой болѣзни не имѣло успѣховъ до тѣхъ поръ, пока, въ недавнее время, не узнали, что это признакъ третичнаго сифилиса. Въ 1826 г. инспекторъ тобольской врачебной управы, д-ръ Альбертъ, первый высказалъ мнѣніе, что господствующая между березовскими остяками болѣзнь есть не чисто венерическая, а «та же самая, которая была наблюдаема и въ другихъ сѣверныхъ странахъ и которая извѣстна въ Шотландіи и Канадѣ подъ именемъ *новой*, а въ Норвегіи подъ именемъ *нѣмецкой*». Это мнѣніе было подтверждено д-ромъ Рожеромъ. «Соединеніе венерической болѣзни съ другими—говоритъ онъ — производитъ нерѣдко такую смѣсь, опредѣленіе которой заставляетъ заблуждаться даже опытнаго врача». Томскій акушеръ Докучаевъ, изучавшій эту болѣзнь въ нарымскомъ краѣ въ 1837 г., писалъ, что «у многихъ остяковъ язвы въ зѣвѣ и въ нёбѣ и ломота въ костяхъ, которая усиливается при суровой непогодѣ. Я убѣжденъ, что это болѣзнь компликантная изъ сифилитической, скорбутной и ревматической». Эта болѣзнь ужасно угнетаетъ и обезображиваетъ инородцевъ. По словамъ камчатскаго корреспондента *Сибирскаго Вѣстника* (1866 г., № 14), «начальство, при появленіи этой болѣзни, не обратило на нее вниманія. А бѣдные камчадалы, не имѣя понятія объ ея прилипчивости, назвавъ венерическіе прыщи *пуговицами*, по простотѣ нравовъ, а большею частью по неосторожности, разнесли ее по всему краю. Въ настоящее время очень немногіе не заражены ею. Большая же часть инородцевъ заражены и изуродованы до безобразія. Есть острожки, въ которыхъ за десять лѣтъ населеніе считали сотнями душъ, а нынѣ едва ли наберется десятокъ человѣкъ, да и то калѣки. Отъ камчадаловъ эта болѣзнь перешла къ корякамъ и ламутамъ и губитъ ихъ ужасно. На дняхъ мнѣ разсказывали объ одной ламутской юртѣ, въ которой нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы ходить и смотрѣть за оленями, кромѣ дряхлаго старика. А оленей эта юрта имѣетъ штукъ тысячу. Пожалуй, что люди всѣ умрутъ безъ всякой помощи, а олени разсѣются по тундрѣ... По причинѣ страшнаго распространенія сифилиса, большая часть населенія, при рыбной и нерпичьей пищѣ, *въ скоромъ времени должна погибнуть*». Въ другихъ сѣверныхъ округахъ дѣйствіе сифилиса не менѣе ужасно. Въ березовскомъ краѣ онъ свирѣпствовалъ уже въ началѣ XVIII в. Спутникъ Филовея Лещинскаго, Новицкій, пишетъ, что «остяковъ преизлишнее женорачительство низвело ихъ впасти въ неисцѣльный нечистоты недугъ. Человѣку гнилостію снѣдаетъ уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей. Жестокою сею язвою вящшая ихъ часть поражена. Егда кого начнетъ сія болѣзнь язвити, то онъ не токмо не имѣетъ попеченія о исцѣленіи, но ниже, ради облегченія болѣзни язвы согнившія чимъ прикрывать; но, не радя о семъ, берестомъ гніющую обвивъ язву, за промысломъ идетъ, и доселѣ ходитъ, донележе язвою весь пораженъ—падетъ».

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка лѣкарь Бѣлявскій ѣздилъ въ Березовъ для изслѣдованія сифилиса и нашелъ, что нѣтъ ни одного инородца, который не былъ бы зараженъ имъ. Полудикіе остяки ходили безъ носовъ, ушей, губъ; не гнушаясь своимъ безобразіемъ, они вступали между собой въ бракъ, приживали дѣтей и тѣмъ дѣлали сифилисъ неотъемлемою принадлежностью своего племени. Въ настоящее время сифилисъ проявляется у нихъ весьма разнообразно. У большинствы остяковъ, особенно у женщинъ, третичный сифилисъ въ видѣ глазной болѣзни. У дѣтей онъ проявляется струпьями по тѣлу, преимущественно на головѣ; у взрослыхъ—ранами по лицу и тѣлу, отсутствіемъ носа и гнусливостью, у стариковъ — ломотою въ костяхъ и тою же глазною болѣзнью. Инородцы лѣчатся отъ сифилиса или разными вредными снадобьями своихъ знахарей, или настоемъ на водкѣ сассапарели, которую продаютъ имъ купцы. Но это лѣченіе не столько искореняетъ, сколько усложняетъ болѣзнь и дѣлаетъ ее неизлѣчимою. Лѣченіе сассапарелью требуетъ содержанія тѣла въ постоянномъ теплѣ; инородецъ же безпрестанно подверженъ холоду, особенно зимой; онъ безпрестанно выходитъ изъ шалаша на трескучій морозъ; онъ часто по цѣлымъ днямъ принужденъ работать на такомъ морозѣ. Сифилисъ не излѣчивается, и къ нему присоединяется еще ревматизмъ. Излѣченіе же сифилиса посредствомъ русскихъ медиковъ всегда производилось только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Сибири, на обширные округа, превосходящіе своимъ пространствомъ самое обширное государство западной Европы, всегда полагалось только по одному окружному медику. Болѣе дѣятельно, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, излѣченіе инородческаго сифилиса производилось въ березовскомъ краѣ. Въ 1822 г., для обозрѣнія березовскаго края были командированы чиновникъ Буличъ и лѣкарь Шавровъ. Они первые донесли губернатору о страшномъ развитіи тамъ венерики. Начали посылать туда медиковъ съ лѣкарскими учениками и необходимыми медикаментами. Но медики долго не могли не только излѣчивать, но даже распознавать сифилиса. Послѣ поѣздки лѣкаря Бѣлявскаго, для березовскихъ инородцевъ было выписано на нѣсколько тысячъ рублей антисифилитическихъ медикаментовъ, но инородцы, мало того, что не слушали совѣтовъ доктора, они были даже не въ состояніи ни понять, ни исполнять ихъ. Инородцы боятся лѣкарей и большею частью скрываютъ отъ нихъ свою болѣзнь,—это также чрезвычайно затрудняетъ излѣченіе, и безъ того недостаточное *). Впрочемъ, эта боязливая скрытность инородцевъ не имѣла бы мѣста, если бы медицинское пособіе было основано на болѣе широкихъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ, этого нѣтъ, и русская медицина, нисколько не избавляя инородцевъ отъ сифилиса, только нагоняетъ на нихъ страхъ. Однажды только были приняты, повидимому, дѣятельныя мѣры къ искорененію инородческаго сифилиса. Въ 1831 г. министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ сибирскимъ генералъ-губернаторамъ войти въ мѣстныя соображенія по этому дѣлу. Началась переписка и продолжалась до 1840 г. Составлено нѣсколько проектовъ. Медицинскія управленія Сибири просили значительно увеличить число больницъ, лѣкарей и фельдшеровъ. Но на это требовались довольно значительные расходы, и проекты не были утверждены. Да если бы излѣченіе сифилиса и другихъ болѣзней было усилено во сто разъ противъ нынѣшняго, то оно все-таки мало принесло бы пользы. Причина появленія и сильнаго развитія инородческихъ болѣзней лежитъ въ бѣдности инородцевъ и въ грязи ихъ кочевого быта. Поэтому, лучшіе медики указывали всегда на устраненіе этихъ пагубныхъ причинъ, какъ на необходимое и главное условіе для поправленія санитарнаго состоянія инородцевъ. Такъ, напр., акушеръ Докучаевъ, изучивъ инородческія болѣзни нарымскаго края, пришелъ къ убѣжденію, что «главное и вѣрнѣйшее средство для прекращенія этихъ болѣзней есть лучшій образъ жизни. Для этого нужны мѣры болѣе полицейскія и религіозныя, чѣмъ медицинскія». Штабъ-лѣкарь Богдановъ, знакомый съ народническими болѣзнями турухунскаго края, говоритъ, что причины ихъ—«всегдашнее пребываніе инородцевъ на открытомъ воздухѣ, дымъ въ юртахъ, яркій отблескъ снѣга, тѣснота, неопрятность жилищъ, худая пища, тяжелыя удушливыя испаренія, непомѣрное напряженіе во время трудовъ и ненастная, холодная осень». Пока будутъ существовать эти болѣзнетворныя причины, до тѣхъ поръ инородцевъ никто не исцѣлитъ отъ ихъ болѣзней.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что нищета и дикость инородческаго быта всегда вели за собою голодъ и болѣзни. Само собою понятно, что даже отъ этихъ двухъ причинъ движеніе инородческаго народонаселенія должно было находиться въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Неблагопріятность этихъ условій увеличивается еще двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, инородцы платятъ за своихъ невѣстъ *калымъ*; бѣднякъ инородецъ долго

*) Кромѣ сифилиса, тифа и другихъ болѣзней, общихъ всему народонаселенію Сибири, инородцы, особенно сѣверные, сильно страдаютъ еще отъ болѣзней нервныхъ, въ родѣ русскаго кликушества. Якуты, напр., и въ особенности якутки, каждую весну во множествѣ страдаютъ сильными истерическими припадками. Человѣкъ совершенно, повидимому, здоровый вдругъ вскакиваетъ, начинаетъ охать, махать руками и пѣть дикимъ голосомъ разныя непотребства о себѣ и о другихъ. На его голосъ изъ юртъ выбѣгаютъ другіе и дѣлаютъ то же самое. Начинается дикій, сумасшедшій шабашъ. Здоровые стараются перевязать ихъ и положить въ юрты, потому что иначе они могутъ дойти до такого неистовства, что начнутъ грызть другъ друга. Связанные умолкаютъ, но ихъ страданія не прекращаются. Страшныя конвульсіи и истерическіе вздохи продолжаются дня два или три и доводятъ больныхъ до совершеннаго изнеможенія, въ которомъ и засыпаютъ. Черезъ нѣсколько дней припадки возобновляются и продолжаются съ небольшими промежутками по мѣсяцу и по два. Сосѣди и родные въ это время находятся въ какомъ-то паническомъ страхѣ и часто сами заболѣваютъ тою же болѣзнью, которая нерѣдко ведетъ за собой смерть.

копитъ этотъ калымъ или же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заработываетъ его у своего будущаго тестя. Такимъ образомъ, множество бѣдныхъ инородцевъ вступаютъ въ бракъ уже не молодыми, а это, конечно, уменьшаетъ плодовитость браковъ и поддерживаетъ развратъ, который также ведетъ за собою безплодіе женщинъ. Во-вторыхъ, число инородческихъ женщинъ очень незначительно относительно числа мужчинъ, а это, какъ извѣстно, всегда служитъ большимъ препятствіемъ къ быстрому размноженію народонаселенія. Причина этой малочисленности женщинъ лежитъ въ томъ, что положеніе женщины въ дикомъ инородческомъ быту гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчины. Поэтому женщинъ и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ. Такъ, напр., въ Березовскомъ округѣ съ 1816 по 1828 г. мужское инородческое народонаселеніе *увеличилось* на 260 чел., а женское *уменьшилось* на 1,609 чел. Съ 1816 по 1831 г., въ тридцати четырехъ волостяхъ Томскаго округа инородческое народонаселеніе убыло на 375 мужчинъ и 426 женщинъ. Благодаря такой слабой устойчивости женщинъ противъ нападеній смерти, ихъ всегда было мало сравнительно съ числомъ мужчинъ. По таблицамъ ясачной комиссіи я нашелъ, что, напр., во всѣхъ инородческихъ волостяхъ Томскаго округа на 100 мужчинъ приходилось женщинъ въ 1816 году 85,2; въ 1832—82,4. Менѣе всего женщинъ въ 1832 г. было въ волостяхъ Малокоргачинской 63,6, Большечурубаровской 66,9, Большебайгульско-Чулымской 69,3. Въ Бійскомъ округѣ въ 1816 году на 100 инородцевъ приходилось 83,3 женщинъ,—minimum въ Комляжской волости—60,1. Въ Березовскомъ округѣ въ 1816 г. maximum женщинъ было 95,7, minimum въ Казымской волости—72,4. Самая значительная пропорція женщинъ относительно мужчинъ у якутовъ и бурятъ, зато эти два народа и умножаются весьма быстро.

Подробное разсмотрѣніе вопроса о движеніи инородческаго народонаселенія приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Если разсматривать общіе итоги движенія всего инородческаго народонаселенія, то получается результатъ довольно благопріятный. Инородцевъ *мужескаго пола* въ Сибири было:

Въ 1763 г.	131,995 чел.	Въ 1817 г.	220,307
» 1797 »	180,994 »	» 1834—39 г.	250,000
» 1812 »	212,512 »	» 1851 »	280,000

Такимъ образомъ, инородческое населеніе Сибири удвоивается въ періодъ времени около 75 лѣтъ. «Такое увеличеніе—замѣчаетъ академикъ Беръ—не очень быстро, однакожъ оно необыкновенно быстро для народовъ, стоящихъ въ весьма близкомъ соприкосновеніи съ народами, болѣе ихъ развитыми».

Размноженіе нѣкоторыхъ племенъ совершается еще быстрѣе, чѣмъ размноженіе всѣхъ инородцевъ по общему итогу. Такъ, въ пяти якутскихъ улусахъ—намскомъ, кангаласскомъ, бутурусскомъ, борогонскомъ и мегинскомъ—якутовъ мужского пола было въ 1750 г. 21,642 ч., въ 1817 г.—35,070 ч., въ 1839 г.—41,733 ч. Въ Якутской области инородцевъ обоего пола было въ 1823 г. 156,495 ч., въ 1835 г.—181,325 ч. Буряты размножаются также очень быстро. Въ 1766 г. ихъ было 31,140 луковъ, въ 1783 г. 49.764 мужского пола, кромѣ 5,275 бурятскихъ и тунгузскихъ казаковъ; въ 1816 г. 58,730 ч., въ 1839 г. 83,018 ч. м. п. Въ настоящее же время бурятъ обоего пола 240,000 ч.

Академикъ Беръ, которому принадлежитъ единственная до сихъ поръ статья о движеніи инородческиго народонаселенія въ Сибири *), на основаніи вышеприведенныхъ и другихъ цифръ, предполагаетъ, что всѣ инородческія племена Сибири размножаются. Очевидно, что у достопочтеннаго академика не было таблицъ инородческаго народонаселенія, составленныхъ ясачной комиссіей. Разсмотрѣніе этихъ таблицъ и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній даетъ намъ слѣдующіе выводы.

Буряты, якуты и нѣкоторыя другія племена размножаются и размножаются очень быстро.

Другія же племена, преимущественно сѣверныя, *уменьшаются*; но эта убыль съ избыткомъ вознаграждается увеличеніемъ первыхъ племенъ.

Здѣсь мы займемся только фактами уменьшенія народонаселенія.

На устьѣ Индигирки до сихъ поръ видны слѣды жилищъ какого-то народа. Это мѣсто называется *Омское городище*, и юрты, по общему преданію тамошнихъ жителей, приписываются вымершему народу *омоковъ*, которые, по словамъ сѣверо-восточныхъ туземцевъ, «были многочисленны, какъ звѣзды небесныя». Точно также давно уже исчезли съ лица снбирской земли шелаги, ходынцы и онаульцы. Во время русскаго завоеванія въ Сибири былъ народъ аринцы. Въ 1608 г. ихъ было 300 семей. Они быстро вымирали, и слабые ихъ остатки образовали, наконецъ, вмѣстѣ съ качинцами улусъ Ара, состоявшій изъ 60 человѣкъ. Въ 1735 г. Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго человѣка, говорившаго по-арински. Къ половинѣ XIX в. изъ 300 аринскихъ семей, бывшихъ въ 1608 г., осталось только 5 человѣкъ. Барагадскій якутскій родъ, бывшій въ 1763 г. однимъ изъ многочисленныхъ, во время ясачной комиссіи оказался вымершимъ, и въ живыхъ осталось отъ него только 2 человѣка. Въ туруханскомъ краѣ съ 1763 г. по 1816 г. вымерло цѣлыхъ $^3/_4$ инородческаго народонаселенія. Когда ясачная комиссія пріѣхала въ Березовскій округъ, то не могла найти шести самоѣдскихъ родовъ. Князецъ Обдорской волости объяснилъ, что самоѣды родовъ найвачи и айвамды вошли въ составъ рода карачей, по причинѣ своей бѣдности. Сигунеевъ родъ почти весь вымеръ отъ болѣзней, кромѣ 2 человѣкъ, ушедшихъ къ Енисею. Родъ тазу-карачей частью вымеръ, частью былъ боленъ и ни одного человѣка не могло явиться въ комиссію. Содомы и аседы значительно уменьшились въ числѣ и поэтому соединились въ одинъ

*) Zunahme der eingebornen Bevölkerung, Sibirens, in Beiträge zur Kenntniss d. russisch. Reiches, Band VII, S. 89—117.

родъ. Обдорскій отдѣльный засѣдатель вполнѣ подтвердилъ это показаніе остяцкаго князца, объяснивъ комиссіи, что «одни изъ этихъ родовъ, будучи въ малочисленности, присоединились къ другимъ родамъ, а другіе *вымерли*». Такимъ образомъ, въ Сибири довольно часто повторяется та ужасающая сцена, которою начинается одна самоѣдская сказка. Въ одномъ мѣстѣ, говоритъ она, стояло 700 шатровъ, въ которыхъ жило 700 человѣкъ. Ими управляли семь мужей; всѣ они были бездѣтны, и только у одного былъ лѣнивый и сонливый сынъ. Проснулся онъ однажды утромъ и видитъ, что всѣ 700 человѣкъ умерли. Онъ посмотрѣлъ на оленей—всѣ олени подохли. Онъ смотритъ на собакъ—и онѣ лежатъ мертвыми. Онъ отправляется въ путь. Идетъ онъ день, идетъ другой, идетъ третій, идетъ недѣлю, идетъ семь мѣсяцевъ. Все идетъ онъ безъ пищи по голодной пустынѣ и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ на снѣгъ. Лежитъ онъ, лежитъ долго, долго. Вотъ онъ пробуждается и снова отправляется въ путь. Идетъ, идетъ—и приходитъ на мѣсто, на которомъ видны слѣды бывшаго тутъ жилья. Онъ ищетъ пищи и находитъ въ снѣгу только обглоданныя собаками кости. Онъ грызетъ ихъ, бросаетъ и роется снова въ снѣгу, ища другихъ костей. Затѣмъ онъ снова отправляется въ путь, питаясь единственно отрываемыми изъ снѣга обглоданными костями. Встрѣчаются ему и люди другихъ племенъ, но они коварно и враждебно относятся къ несчастному; его бьютъ и нѣсколько разъ убиваютъ, только его постоянно воскрешаетъ миѳическое существо,—однорукій, одноглазый старикъ съ желѣзной палицей. Въ такомъ положеніи находится инородецъ, пережившій свой родъ!

Теперь мы приведемъ статистическія данныя о движеніи инородческаго народонаселенія въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ замѣчается убыль населенія (къ сожалѣнію, мы не имѣемъ таблицъ народонаселенія туруханскаго края).

Выше мы говорили, что ужасныя эпидеміи, посѣщавшія Камчатку, не только уменьшали въ ней народонаселеніе, но даже отняли у него всякую возможность къ размноженію. Въ 1744 г. камчадаловъ обоего пола было около 20,000, въ 1823 г.—2,760 ч., въ 1850 г.—1,951 ч. Убыль громадная!

Въ Березовскомъ округѣ инородцевъ мужского пола было въ 1763 г.—8,303 ч., въ 1816 г.—10,793 ч. Въ пятьдесятъ три года *прибыло* 2,490 ч.

Въ 1816 г. инородцевъ обоего пола здѣсь было 21,001 чел., а въ 1828 г.—19,652 ч. Слѣдовательно, въ двѣнадцать лѣтъ *убыло* 1,349 человѣкъ. Такое уменьшеніе народонаселенія должно приписать введенію устава Сперанскаго. Въ 1850 г. здѣсь было 21,513 ч., слѣдовательно, въ двадцать два года прибыло 1,861 ч. Въ 1858 г. было 21,734 ч.,—въ восемь лѣтъ прибыло 221 человѣкъ, т.-е. гораздо меньшій процентъ, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Слѣдовательно, можно допустить, что все инородческое народонаселеніе Березовскаго округа можетъ снова пойти на убыль даже въ общемъ итогѣ, не говоря уже объ уменьшеніи отдѣльныхъ родовъ и волостей, что замѣчается и въ эти періоды общаго увеличенія числа инородцевъ.

Въ Томскомъ округѣ съ нарымскимъ краемъ въ 1816 г. было: инородцевъ обоего пола 10,135 ч., а въ 1832 г. 9,724 ч., т.-е. въ теченіе шестнадцати лѣтъ *убыло* 411 человѣкъ.

Въ семи барабинскихъ волостяхъ [1]), до введенія ихъ въ осѣдлыя, народонаселеніе прибывало довольно сильно, но съ этого времени оно пошло на убыль. Въ этихъ волостяхъ жителей обоего пола было въ 1840 г.—4,915 ч., а въ 1858 г.—4,419 ч., т.-е. въ теченіе восемнадцати лѣтъ *убыло* на 504 ч.

Изъ двадцати четырехъ волостей тогурскаго отдѣленія въ двѣнадцати [2]) было инородцевъ муж. пола въ 1763 г.—1,247, а въ 1816 г.—1,110,—*убыло* 137 человѣкъ. Обоего пола въ нихъ было въ 1816 г.—2,111 ч., а въ 1832 г.—1,808 ч., т.-е. *убыло* 306 человѣкъ.

Во всѣхъ двадцати двухъ волостяхъ Кузнецкаго округа въ 1827 г. инородцевъ было 5,160, а въ 1832 г.—4,399, т.-е. въ пять лѣтъ *убыло* 771 человѣкъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Туринскаго округа народонаселеніе инородческое также убывало. Въ пяти изъ его полостей [3]) въ 1763 г. было муж. пола 555 ч., а въ 1816 г.—467 ч.; *убыло* 88 чел. Въ пяти другихъ волостяхъ [4]) въ 1816 г. было инородцевъ обоего пола 850, а въ 1830 г.—740 чел., *убыло* 110 чел.

Вогулы округовъ Тобольскаго и Туринскаго (въ 1838 г.—4,527 ч., обоего пола) также убываютъ. «Обжорство ихъ,—говоритъ г. Гагемейстеръ,—частыя лишенія, неопрятность, пьянство и развратъ причины общаго тщедушія этого народа, большой смертности и малаго плодородія женщинъ. Съ 8 до 9-й ревизіи коренныхъ вогуловъ *убыло* почти на 50%».

Въ Енисейскомъ округѣ съ туруханскимъ краемъ въ 1838 году инородцевъ было 7,740 чел., а въ 1864 г. 7,483, *убыло* 257 чел.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что во многихъ мѣстностяхъ Сибири инородческое народонаселеніе *убываетъ*. Мы, по неимѣнію цифръ, не могли перечислить всѣхъ этихъ мѣстностей; впрочемъ, и выставленныхъ нами цифръ достаточно для доказательства факта убыли.

Окидывая общимъ взглядомъ все сказанное нами, мы видимъ, что въ настоящемъ столѣтіи одна половина сибирскихъ инородцевъ находилась въ сносномъ положеніи, благодаря своему земле-

---

[1]) Бараба, Туражъ, Тунужъ, Любей, Чай, Каргалы, Турене.

[2]) Лелькина, Иштанова, Няняжина, Киргѣева, Тогурская-Порубежная, Тогурская, Пиповская, 3-я Парабельская, Ларпитская, 4-я Парабельская, Царабельская-Отдѣльная, Подгородно-Пойдушная.

[3]) Большекондинская, Лиственичная, Сосвинская, Нижне. табаринская.

[4]) Верхнекондинская. Верхнелымская, Вагильская, Лиственичная, Ворьинская.

дѣлію и скотоводству (хотя, говоря о *сносномъ* положеніи, мы хотимъ только сказать, что они имѣютъ возможность *жить* и не вымираютъ отъ голода и другихъ убійственныхъ золъ).

Другая половина инородцевъ находится въ страшной нищетѣ, заражена губительными болѣзнями, подвержена вымиранію. Это инородцы березовскіе, нарымскіе, туруханскіе, енисейскіе, камчатскіе, охотскіе, гижигинскіе, барабинскіе, частью якутскіе, туринскіе, тобольскіе, алтайскіе. По всей вѣроятности, имъ въ непродолжительномъ времени суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Судьба первыхъ рѣшена исторіей—имъ предстоитъ совершенно смѣшаться съ русскими, составить съ ними одну народность или, по крайней мѣрѣ, усвоить себѣ русскую культуру и образованность. Въ настоящей статьѣ мы вовсе не ставили своей задачей разсмотрѣніе вліянія русской культуры на этихъ инородцевъ и ихъ физіологическаго сліянія съ русскимъ племенемъ. Для этого необходимы спеціальныя этнологическія и физіологическія знанія, которыхъ у насъ нѣтъ.

Въ настоящей статьѣ, какъ уже видѣлъ читатель, мы занимались не тѣмъ, какъ исчезаютъ инородческія національности путемъ обрусѣнія, а только разборомъ причинъ, ведущихъ за собою полное разореніе инородческихъ племенъ и ихъ постепенное вымираніе. Односторонность нашего очерка для насъ казалось необходимою, чтобы по возможности лучше обрисовать положеніе тѣхъ инородцевъ, которымъ, можетъ быть, суждено вовсе исчезнуть съ лица земли.

Мы сомнѣваемся, чтобы положеніе этихъ дикарей могло значительно улучшиться. Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы виною инородческихъ бѣдствій были неудобство и тяжесть законодательства или административныхъ мѣръ. Конечно, и до Сперанскаго и послѣ его реформы, были неудобные для инородцевъ законы, приводились въ исполненіе тягостныя для нихъ административныя мѣры, совершались чудовищныя злоупотребленія администраціи; но это было только частица зла. Мы видѣли, что инородцевъ стѣсняли и разоряли крестьяне; что ихъ обдували, давили, разоряли купцы и промышленники; что русскіе всѣхъ сословій отнимали у нихъ угодья и имущество, спаивали ихъ водкой; что отъ русскихъ переходили къ нимъ ужасныя контагіозныя болѣзни; мы видѣли, что вся обстановка инородцевъ, весь ихъ бытъ, наконецъ, гибельныя вліянія природы—все это давитъ инородцевъ. Уничтожить всѣ эти злотворныя причины въ скоромъ времени—невозможно. Главнымъ образомъ невозможно уничтожить тѣ нравственные недостатки въ русскомъ народонаселеніи Сибири, благодаря которымъ сибирякъ такъ энергично эксплуатируетъ дикаря. Участь этихъ инородцевъ можетъ улучшиться только тогда, когда истинное образованіе и гуманная нравственность сроднятся съ сибирякомъ; безъ этихъ благодѣльныхъ факторовъ свобода—сонъ, а счастіе народа—безумная мечта; безъ нихъ сибирякъ всегда найдетъ возможность эксплуатировать инородца, какъ бы ревниво ни охранялъ законъ интересы послѣдняго и какими бы ангельскими добродѣтелями ни обладала администрація...

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ.

Завоевывая и колонизуя Сибирь, русскіе пришли на берега Восточнаго океана. Недолго Камчатка и охотскій край были главнымъ мѣстомъ ихъ дѣйствія,—Берингъ и Чириковъ открыли богатые морскими звѣрями острова Алеутскіе и сѣверо-западный материкъ Америки, и промышленники съ жадностью кинулись туда за добычей. Въ это время въ Восточной Сибири была какая-то манія на пушные промыслы; въ продолженіе пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, начиная съ 1743 г. и до основанія Россійско-Американской Компаніи, извѣстно болѣе сорока компаній и отдѣльныхъ лицъ, промышлявшихъ звѣрями во вновь открытыхъ мѣстахъ. Правительство поощряло предпріятія промышленниковъ и поручало имъ покореніе туземцевъ, сборъ съ нихъ ясака и ученыя изслѣдованія вновь открытыхъ острововъ. Въ высочайшихъ указахъ предписывалось сибирскимъ губернаторамъ и большерѣцкой канцеляріи снабжать отправляющихся за промысломъ пособіями отъ казны, съ отсрочкою за нихъ платежей до возвращенія судовъ изъ вояжа. Въ 1764 г. компанія иркутскихъ купцовъ Югова и Трапезникова получила особенныя привилегіи: компаньоны были освобождены отъ службы по выборамъ, а ихъ дома отъ постоя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, компанія эта была обязана собирать ясакъ и вносить въ казну десятую часть своей добычи. Всѣ эти привилегіи и обязанности первыхъ нашихъ промышленниковъ на Восточномъ океанѣ принесли горькіе плоды. Будучи чѣмъ-то въ родѣ вольнонаемнаго войска, промышленники начали покорять, притѣснять инородцевъ, и при малѣйшемъ ихъ сопротивленіи истреблять ихъ «безъ всякаго сожалѣнія». Дѣйствуя такимъ образомъ, они, съ одной стороны, хотѣли выслужиться передъ правительствомъ, а съ другой—извлечь возможную пользу для себя изъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія промышленныхъ компаній были Алеутскіе острова, населенные промышленнымъ, трудолюбивымъ и довольно развитымъ народомъ — алеутами. Они жили мирно съ русскими промышленниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не стали черезчуръ ужъ злоупотреблять данною имъ отъ правительства властью. Выведенные изъ терпѣнія насиліями русскихъ, упалашкинскіе и умнакскіе алеуты въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и стали уже непріязненно встрѣчать приплывавшихъ на ихъ острова промышленниковъ. Послѣдніе же, подъ предлогомъ покоренія алеутовъ русскому владычеству и отомщенія за смерть своихъ товарищей, внесли

къ нимъ мечъ и опустошеніе. Глотовъ истребилъ безъ остатка всѣ селенія на Умнакѣ и всѣхъ жителей острововъ Четырехсопочныхъ и Самалги. Другой промышленникъ, Соловьевъ, умертвилъ больше 5,000 алеутовъ, убивая ихъ часто для одной только потѣхи. Однажды, напр., ему пришло въ голову испытать—въ которомъ изъ поставленныхъ въ линію двѣнадцати человѣкъ остановится пуля? Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ двѣнадцать алеутовъ и выстрѣлилъ въ нихъ: пуля остановилась въ девятомъ. Въ другой разъ, желая чѣмъ-нибудь развлечься, Соловьевъ согналъ въ одно укрѣпленное жилище 200 алеутовъ и взорвалъ ихъ на воздухъ. Товарищъ и другъ Соловьева, Натрубинъ, губилъ алеутовъ безъ милости,—ни въ чемъ не виноватыхъ, даже по его понятіямъ, и совершенно безоружныхъ. Другіе промышленники поступали не лучше,—они били инородцевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ бобровъ. Илья Лазаревъ кидалъ туземцевъ съ утеса, рѣзалъ ножомъ, убивалъ обухомъ топора за то только, что кто-нибудь изъ нихъ посмотрѣлъ на его любовницу. Случалось, что промышленникъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-алеуткѣ, если та безъ его позволенія съѣла кусокъ китовины. Иногда промышленники выкапывали яму, ставили надъ нею алеутовъ и ударами толстыхъ палокъ сваливали ихъ замертво одного за другимъ въ эту яму. А такъ какъ на большинствѣ Алеутскихъ острововъ нѣтъ лѣсу, то промышленники запасались убійственными дубинами въ Камчаткѣ и Охотскѣ. Много гибло алеутовъ отъ подобнаго варварства промышленниковъ; но еще болѣе гибло ихъ, когда русскіе ходили «смирять туземцевъ подъ высокую руку Государыни, ради Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса». Вотъ, напримѣръ, партія русскихъ, подъ начальствомъ своего передовщика, отправилась на островъ Умнакъ, съ цѣлью истребить всѣхъ его жителей за ихъ непокорность. Подойдя тайкомъ къ первому инородческому селенію, русскіе напали на него врасплохъ и перебили всѣхъ жителей, безоружныхъ и не ждавшихъ нападенія; та же участь постигла два слѣдующихъ селенія; подходя къ четвертому, русскіе промокли отъ дождя и продрогли. Алеуты, еще не знавшіе объ истребленіи своихъ сродниковъ, радушно приняли русскихъ, обогрѣли и угостили ихъ. Но, обсушившись и подкрѣпивъ свои силы, промышленники напали на хозяевъ и перебили всѣхъ жителей безъ остатка. Съ тѣмъ же намѣреніемъ партія отправилась къ слѣдующему селенію, но была отбита съ урономъ.

Такимъ образомъ, промышленники истребили большую часть алеутовъ. Въ 1792 г. жителей на островахъ Упалашкинскаго отдѣла считалось 2,500, а до прибытія русскихъ ихъ было вдесятеро болѣе этого числа.

Истреблять инородцевъ побуждало промышленниковъ не одно стремленіе къ грабежу и далеко не ревность объ интересахъ правительства,—тутъ были болѣе тонкіе виды. Алеуты превосходно умѣютъ промышлять бобровъ, чему русскіе не выучились еще до сихъ поръ, а въ то время совершенно не знали, какъ взяться за дѣло. Промышленникамъ нужно было закабалить себѣ алеутовъ въ работники; но этого нельзя было достичь при многочисленности туземцевъ, постоянно бунтовавшихъ и принимавшихъ русскихъ вооруженною рукою. Нужно было истребить большую часть этихъ непокорныхъ, остальные неминуемо должны были сдѣлаться русскими холопами. Такъ и сталось. Власть, данную промышленникамъ надъ инородцами, они употребили въ свою пользу; да, кромѣ того, ихъ злоупотребленія казались въ далекомъ Петербургѣ благородными подвигами, совершаемыми на пользу отечества. Награды сыпались на промышленниковъ «за всѣ ихъ къ добру общества подвиги и благонамѣренныя дѣянія».

Въ ряду всѣхъ этихъ промышленниковъ первое мѣсто принадлежитъ рыльскому купцу Григорью Шелихову. Вмѣстѣ съ братьями Голиковыми онъ составилъ компанію и взялся быть главнымъ распорядителемъ ея. Въ августѣ 1784 года, онъ высадился на островъ Кадьякъ и со 130 человѣками команды и пятью пушками, разбилъ 400 человѣкъ туземцевъ. Основавъ на Кадьякѣ поселенія и сдѣлавъ кое-какія географическія изслѣдованія, Шелиховъ съ 1786 г. отправился въ Иркутскъ. Здѣсь онъ представилъ генералъ-губернатору Якоби краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ, ввернувъ въ заключеніе фразу, что «безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой». Не довольствуясь этимъ, онъ написалъ о своемъ путешествіи особую книгу; здѣсь, равно какъ и въ донесеніи Якоби, онъ черезчуръ превозноситъ свои подвиги и безъ зазрѣнія совѣсти присвоиваетъ себѣ чужія заслуги. Такъ, напр., достовѣрно извѣстно, что въ первой стычкѣ съ кадьякцами онъ разбилъ *400* человѣкъ, въ числѣ которыхъ были еще женщины и дѣти; а между тѣмъ, онъ пишетъ, что имъ разбито *4,000* чел. и *1,000* взята въ плѣнъ! Жителей на Кадьякѣ тогда не было и *15,000*, а Шелиховъ увѣряетъ и правительство, и публику, что онъ покорилъ *50,000* человѣкъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доноситъ, что въ одну зиму обратилъ множество туземцевъ къ христіанству и до того убѣдилъ ихъ въ благости и мудрости Государыни, что они «страхъ какъ Ея Величество полюбили!» Якоби все это довелъ до свѣдѣнія Екатерины II и на запросъ ея о лучшихъ, по его мнѣнію, мѣрахъ къ развитію русскаго владычества и промышленности на Восточномъ океанѣ, Якоби писалъ императрицѣ, что «компаніи Шелихова необходимо предоставить право промышленной монополіи въ открытыхъ ею мѣстахъ, именно отъ 49° до 60° широты и отъ 153° до 163° з. долготы». Необходимость на исключительное право Шелихова и его товарищей на производство промысла истекаетъ изъ того, что, если Шелиховъ умѣлъ привлечь къ себѣ жителей, то тѣмъ болѣе вѣрноподданническое усердіе его, одобренное милостію Ея Величества, заставитъ его усугубить свои старанія въ обра-

зованіи сихъ народовъ». Императрица наградила Шелихова и Голикова, а коммерцъ-коллегія сочла необходимымъ выдать имъ 200,000 р.

Злодѣянія «россійскаго Колумба», какъ величали Шелихова его льстецы и пріятели, сдѣлались извѣстны Екатеринѣ, и она грозила ему даже «оковами». Но у Шелихова были друзья и товарищи, участвовавшіе въ его выгодахъ, и его дѣла шли, какъ по маслу, а «великій» поэтъ Державинъ слагалъ хвалебныя вирши этому пройдохѣ, возведенному въ Колумбы.

Послѣ смерти Шелихова, его компанія, состоявшая теперь, кромѣ Голиковыхъ, изъ жены Шелихова, соединилась съ компаніей Мельниковыхъ подъ названіемъ: *Соединенной Американской Компаніи*. Между тѣмъ, Павелъ I какъ-то узналъ о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ. «Такія жестокости—писалъ въ 1818 г. Головинъ—возбудили гнѣвъ монарха, и онъ совсѣмъ хотѣлъ уничтожить промышленность, для имперіи и народа его ничего не значущую». Но родственники Шелихова, люди вліятельные и участвовавшіе по наслѣдству въ выгодахъ компаніи, дали дѣлу совершенно другой ходъ. Высочайшимъ манифестомъ отъ 8-го іюля 1799 года компаніи «позволялось пользоваться всѣми промыслами и заведеніями по берегу Америки, такожъ на островахъ Курильскихъ, Алеутскихъ и другихъ, по Сѣверо-восточному океану лежащихъ». Въ пользу компаніи поступало все, «что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется». Она получала право дѣлать открытія новыхъ земель и занимать ихъ, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможеніе отъ правительства и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ высочайше запрещенно пользоваться сими выгодами и преимуществами «не токмо тѣмъ, кои бы сами собой мореплаваніе туда предпринять похотѣли, но и всѣмъ прежнимъ промышленникамъ». Въ 1800 году главное правленіе компаніи переведено въ Петербургъ, за десятки тысячъ верстъ отъ своихъ колоній, чтобы удобнѣе управлять ими! Между тѣмъ правительство продолжало покровительствовать и благодѣтельствовать компаніи: въ 1801 году Александръ I внесъ въ ея капиталъ 10,000 р., его примѣру послѣдовали императрица и наслѣдникъ; въ 1802 году велѣно выдать компаніи на восемь лѣтъ 250,000 руб.; въ 1803 г.—100,000; въ 1806 г. отложено на всегдашнее пособіе компаніи, по ея востребованію, 200,000 р. По истеченіи двадцатилѣтнихъ сроковъ ея привилегій, они были возобновляемы.

Что же сдѣлала компанія въ продолженіе своего слишкомъ шестидесятилѣтняго существованія? Намъ нѣтъ дѣла, что она извлекла изъ своихъ правъ и привилегій для себя; мы постараемся показать, какую пользу она принесла народу, его торговлѣ и промышленности.

Американская компанія не имѣла уже нужды «смирять алеутовъ оружейною рукою»; они не могли еще опомниться отъ варварства прежнихъ компаній и были покорны новой. Компанія воспользовалась этимъ; она обратила алеутовъ въ полныхъ своихъ рабовъ и довела ихъ до крайней нищеты и нравственнаго отупѣнія. Можно безъ преувеличенія сказать, что отношенія южно-американскихъ плантаторовъ къ неграмъ были во многомъ мягче отношеній компаніи къ алеутамъ. Плантаторъ, по крайней мѣрѣ, цѣнилъ жизнь негра, зная, что онъ купилъ его и получаетъ отъ него доходъ; компанія же не входила въ такіе расчеты. Не смотря на то, что подъ ея владычествомъ число алеутовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ наполовину, она вплоть до послѣдняго времени продолжала свою старую убійственную систему управленія и содержанія алеутовъ, и только передъ возобновленіемъ ея привилегій, въ 1861 г., главное правленіе подняло вопросъ объ отмѣнѣ обязательнаго труда алеутовъ, но это такъ и осталось вопросомъ.

Всѣ алеуты отъ 15 до 50 лѣтъ обязаны были служить компаніи, и она могла требовать изъ нихъ на работы столько человѣкъ, сколько ей заблагоразсудится. Всѣ работы въ колоніяхъ лежали на алеутахъ; для этого ихъ перевозили съ острова на островъ, отрывали часто навсегда отъ семейства, увозили отъ родины за тысячи верстъ. Большая часть алеутовъ погибла при переѣздахъ черезъ море, въ стычкахъ съ американскими дикарями и на компанейскихъ работахъ. При первомъ занятіи Ситхи Барановъ вывезъ алеутовъ въ 1799 г. 550 *байдаръ* *), въ 1801 г. 740 байдаръ; изъ этихъ алеутовъ не возвратилось назадъ и третьей части. Для промысловъ при Барановѣ съ одного Кадьякскаго отдѣла ежегодно выѣзжало 500 байдаръ. При переѣздахъ по морю погибло множество: такъ, въ 1804 г. 20 байдаръ, въ 1809 г. байдара съ 40 алеутами, въ 1811 г. байдара съ 30 алеутами, и т. д. Компанія часто посылала алеутовъ въ такія мѣста, гдѣ имъ грозила неминуемая смерть отъ кровныхъ враговъ ихъ — американскихъ туземцевъ. Такъ, въ 1802 г. партія алеутовъ, состоявшая изъ 90 байдаръ, вся истреблена колошади. Чаще всего это случалось, когда компанія отдавала алеутовъ въ распоряженіе какого-нибудь командира иностраннаго корабля, съ тѣмъ, чтобы все упромышленное алеутами раздѣлить между компаніей и иностраннымъ судномъ. Иностранцы увозили алеутовъ на берега Новаго Альбіона, въ заливъ Тринидадъ, въ Калифорнію; здѣсь алеуты тонули или были убиваемы индѣйцами. Въ 1817 г. правитель колоній посылалъ съ Кадьяка алеутовъ на промыселъ подъ распоряженіемъ капитана французскаго корабля; они не соглашались, опасаясь, что ихъ повезутъ на американскій берегъ, гдѣ уже много ихъ сродниковъ погибло отъ оружія воинственныхъ туземцевъ. Правитель колоній далъ алеутамъ честное слово, что ихъ не повезутъ на этотъ берегъ, но судно отправилось туда, и всѣ

*) Въ байдарѣ помѣщается до 50 человѣкъ.

почти алеуты были перебиты американцами. Когда французское судно возвратилось къ Кадьяку, то правитель началъ посылать новую партію алеутовъ и послалъ бы ее на явную гибель, если бы этому не воспротивились французскіе матросы.

Кромѣ промысла бобровъ, алеуты употреблялись на разныя другія работы: на постройки, рубку лѣса, рыбную ловлю, обжиганіе кирпичей и т. д. Когда компанія начала дѣлать попытки къ разведенію хлѣбопашества, то, вмѣсто скота, въ неуклюжіе, тяжелые плуги заставляли впрягаться алеутовъ. Женщины и старики также обязаны были работать на компанію; первыя собирали ягоды, заготовляли рыбу, шили платье изъ собственныхъ матеріаловъ; это платье сдавалось въ компанейскія лавки, изъ которыхъ продавалось тѣмъ же алеутамъ. Старики обязаны отыскивать птичьи яйца, обыкновенно находящіяся въ гнѣздахъ на уступахъ скалъ. Для этого нужно спускаться съ вершины скалы на ремняхъ, которые часто перетираются объ острые камни, и промышленникъ летитъ стремглавъ въ пропасть.

Всѣ эти работы производились въ разныхъ мѣстахъ колоній, и алеуты, какъ мы уже сказали, развозились по этимъ мѣстностямъ, отрываемые отъ семьи и отъ родины. Жены, дѣти и престарѣлые родители ихъ, лишившись лучшихъ работниковъ своей семьи, принуждены были бѣдствовать, питаться древесною корой, ракушками, морской падалью, выбрасываемою на берегъ, умирать съ голода иногда цѣлыми поселеніями. Кромѣ того, это отрываніе мужей отъ женъ препятствовало дѣторожденію и деморализировало алеутовъ, сильно привязанныхъ къ своей семьѣ, къ родному очагу.

Плата алеутамъ за ихъ работы никогда не была достаточною. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ алеуты-работники получали отъ 100 до 200 р. въ годъ, но эти деньги по тамошней дороговизнѣ ничего не значатъ. Къ тому же, алеуты получали плату не деньгами, а товарами изъ компанейскихъ лавокъ,—товарами худыми и чрезвычайно дорогими. Занимающіеся бобровыми промыслами алеуты получали не годовое жалованье, а за каждаго добытаго имъ звѣря отдѣльно, по таксѣ, составленной безъ всякаго съ ихъ стороны согласія компаніей. Бобръ цѣнился прежде отъ 15 до 30 р. асс., а въ послѣднее время въ 50 р. асс.; но и эта цѣна очень низка; даже колоши, получающіе за бобра не 50, а 140 р., считаютъ эту плату неудовлетворительною. «Занятые почти постоянно или промыслами, или приготовленіемъ къ нимъ,—пишетъ г. Головинъ,—алеуты не имѣютъ времени для какихъ-нибудь другихъ занятій, изъ которыхъ могли бы извлекать свою пользу. Сравнивая количества уловленныхъ бобровъ съ числомъ взрослыхъ алеутовъ, окажется, что на каждаго промышленника не придется въ годъ и одного бобра, слѣдовательно, менѣе 50 р. асс., такъ что этой суммы, вмѣстѣ съ платою за шкуры земляныхъ звѣрей, едва будетъ достаточно на одежду и предметы первой необходимости, и ничего не останется алеуту для устройства своего быта». Не даромъ же алеуты постоянно жаловались на слишкомъ низкую цифру задѣльной платы, постоянно просили прибавки. Женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ плата самая ничтожная; такъ, за нѣсколько парокъ, сшитыхъ изъ собственныхъ еврашечьихъ шкуръ, компанія дарила алеуткамъ иголки для шитья, да иногда давала что-нибудь въ родѣ дрянной холщевой рубахи, а тоешамъ—папушу табаку; чаще всего ничего не давала. Послѣднее часто случалось и съ инородцами-промышленниками; служитъ, служитъ бѣдный дикарь компаніи, выслужитъ рублей тысячу, но не можетъ ни выручить долгу, ни вырваться изъ лапъ компаніи домой. Подобныхъ случаевъ бывало очень много. Часто промышленники заставляли инородцевъ работать на себя или на компанію не обѣщаніемъ платы, а угрозами и палкою. Нѣкоторые алеуты, извѣстные подъ именемъ *касоръ* (невольниковъ), наряжались сплошь да рядомъ на разныя работы безъ всякой платы, только получали иногда отъ компаніи дрянную одежду да никуда негодную обувь.

Содержаніе алеутовъ, работающихъ на компанію, всегда было плохое. «Возмутительно видѣть—пишетъ Лангсдорфъ—этихъ полуголодныхъ, полунагихъ людей, работающихъ, какъ арестанты, когда знаешь, что въ компанейскихъ магазинахъ есть и провизія, и одежда!» Пища алеутовъ—рыба, китовина, жиръ, часто гнилые, вредные для здоровья, да и тѣхъ недостаточно. Отправляемые на дальніе промыслы алеуты часто умирали съ голода. Хлѣба они почти и въ глаза не видывали; въ послѣднее время даже компанія пришла къ убѣжденію, что *алеутовъ вредно кормить хлѣбомъ*, по мѣстнымъ, дескать, условіямъ! Алеуты же говорятъ, что они любятъ хлѣбъ, но «просишь, просишь,— не даютъ, говорятъ, что нѣтъ; заплачешь иногда, да уйдешь домой!»

Многіе путешественники начала нынѣшняго столѣтія описываютъ видѣнныя ими жилища алеутовъ, построенныя для нихъ компаніей, какъ самыя неудобныя и нездоровыя. «*Кажимы*, въ коихъ живутъ алеуты,—говоритъ Лазаревъ,— состоятъ изъ двухъ сараевъ съ разными отдѣленіями, подобными стойламъ въ конюшняхъ. Смрадъ и нечистота жилища, гдѣ помѣщается 150 алеутовъ съ ихъ женами и дѣтьми (въ лѣтнее время, по случаю промысла, число сіе увеличивается до 500), ужасаютъ и не позволяютъ путешественнику имѣть подробнѣйшаго познанія о ихъ домашней жизни». И въ послѣднее время эти жилища нисколько не ушли отъ прежнихъ. Въ сырыхъ и темныхъ кажимахъ биткомъ набитые алеуты выдѣлываютъ шкуры и лавтаки для байдаровъ, чистятъ кишки и т. п.; все это прѣетъ, гніетъ и производитъ нестерпимую, самую возмутительную вонь. А между тѣмъ компанія въ своихъ отчетахъ постоянно говорила, что алеуты живутъ въ опрятныхъ, свѣтлыхъ и просторныхъ домахъ! Она поставляла себѣ также въ заслугу, что собрала разсыпанныхъ на большія пространства алеутовъ въ нѣсколько большихъ поселеній. Но вотъ что говоритъ объ этой мѣрѣ г. Головинъ: «алеуты дѣйствительно соеди-

нены теперь въ большихъ поселеніяхъ, но иногда собиралось ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ слишкомъ много, такъ что трудно для всѣхъ дѣлать достаточные запасы на зиму; поэтому нѣкоторые просили, чтобы раздѣлить ихъ селенія на двѣ части, предоставляя желающимъ избрать мѣста, гдѣ есть достаточно рыбы и другихъ жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ алеутамъ». Заботясь объ устройствѣ быта алеутовъ, компанія ухудшила даже и собственныя ихъ жилища; Резановъ запретилъ строить ихъ по старому плану, и съ тѣхъ поръ они строятся на новый ладъ. Алеуты говорятъ, что эти новыя жилища неудобнѣе и гораздо нездоровѣе прежнихъ, что низкія двери и маленькія окна не очищаютъ спертаго воздуха, а это, по мнѣнію алеутовъ, не только вредитъ здоровью, но и препятствуетъ плодородію женщинъ.

Управленіе туземцами и отношенія къ нимъ русскихъ были до такой степени варварскими, что въ первой четверти настоящаго столѣтія начальникъ Охотскаго порта былъ заваленъ жалобами русскихъ промышленниковъ и алеутовъ, такъ что, по замѣчанію Головина, «ими одними наводилась величайшая начальнику тягость, и не было никакой возможности записывать всѣхъ ихъ въ книгу и отмѣчать рѣшенія, хотя бы употреблять для этого во все лѣтнее время десять человѣкъ писарей». Но что могъ сдѣлать съ деспотической компаніей начальникъ? При малѣйшемъ сочувствіи съ его стороны къ алеутамъ, компанія выставляла его на видъ правительства, какъ бунтовщика, подстрекателя алеутовъ къ возстанію. Такъ было, напр., въ 1814 г., по поводу прокламаціи, данной начальникомъ Охотскаго порта главному *тоёну* (старшинѣ) Алеутскихъ острововъ. Въ этой прокламаціи говорится, что командиры компанейскихъ судовъ, «приходя къ островамъ на судахъ для промысловъ звѣрей, вынуждаютъ усильно отъ алеутъ разную ихъ собственность, заставляютъ ихъ работать безъ всякой платы, отнимаютъ у нихъ женъ и дѣтей, утѣсняютъ въ ихъ домахъ житіемъ, ругаются и распоряжаются съ ними, какъ съ рабами». Далѣе охотскій начальникъ объявляетъ, что «всѣ таковые притѣснители будутъ судимы по законамъ и строго наказываемы по достоянію». Но все это осталось *словами* и притѣсненія не уничтожились. Компанейскіе служители грабили алеутовъ, били и сѣкли ихъ за каждую малость, а тѣлесныя наказанія до того нестерпимы для алеутовъ и американскихъ туземцевъ, что наказанные не могутъ переносить своего позора и часто избавляются отъ него самоубійствомъ. Русскіе однажды высѣкли мальчика аманата; это возмутило алеутовъ до такой степени, что они перебили всѣхъ русскихъ. Особенно страдали алеутскія жены и дочери; русскіе отнимали ихъ, дѣлали своими рабами и наложницами, приживъ съ ними дѣтей, бросали ихъ или увозили въ Сибирь.

Но, говорятъ нѣкоторые, положимъ, что алеуты и другіе инородцы американскихъ колоній много пострадали отъ русскихъ, зато отъ нихъ и просвѣтились они христіанствомъ! Отвѣчаемъ на это, во-первыхъ, что если бы и дѣйствительно компанія просвѣтила ихъ христіанствомъ, то это нисколько не оправдываетъ ея варварства въ другихъ отношеніяхъ; а во-вторыхъ, американскіе, какъ и сибирскіе, инородцы обращены въ христіанство только формально, по внѣшности. Всѣ они крестятся или изъ расчетовъ, или по принужденію и не имѣютъ къ комиссіонерамъ ни довѣрія, ни уваженія. По справедливому замѣчанію г. Головина, всѣ они завтра же сдѣлаются магометанами, если имъ прикажетъ начальство. И компанія ничуть не можетъ ставить себѣ въ заслугу свое содѣйствіе въ обращеніи инородцевъ и просвѣщеніи ихъ христіанствомъ. Вѣдь такъ просвѣтить, какъ просвѣщали ихъ до сихъ поръ, можно въ одну недѣлю всю Америку съ помощью нѣсколькихъ бочекъ рому и нѣсколькихъ пудовъ табаку! Первыя миссіи, кромѣ того, содѣйствовали компаніи въ угнетеніи туземцевъ. «Монахи-миссіонеры—писалъ г. Головинъ—отнимали у туземцевъ женщинъ, приживали съ ними дѣтей, пьянствовали постоянно, грабили алеутовъ и т. п. Такому развратному житію ихъ много способствовалъ самъ главный правитель, Барановъ». Монахъ Ювеналій не имѣлъ настолько сноровки, чтобы не вооружаться противъ народныхъ, свято чтимыхъ инородцами обычаевъ, и туземцы убили его. Эти миссіонеры до того вооружили противъ себя инородцевъ, что они гораздо послѣ просили русскихъ не присылать къ нимъ поповъ, говоря, что убьютъ перваго пріѣхавшаго къ нимъ.

Разстройство быта алеутовъ и рабская служба ихъ компаніи повели за собою эпидеміи—оспу, сифилисъ, лихорадки, поносы, цингу, простудныя болѣзни. Компанія не только не принимала должныхъ мѣръ къ прекращенію ею же причиненныхъ болѣзней, но лишила алеутовъ ихъ собственныхъ лѣкарей—шамановъ. Въ старину алеутскіе шаманы славились своими лѣкарскими познаніями; они изучали практически анатомію, употребляя для этого трупы невольниковъ. Русскіе начали преслѣдовать шамановъ, какъ колдуновъ, и скоро извели ихъ, хотя они были весьма полезны алеутомъ своимъ простымъ, но дѣйствительнымъ врачебнымъ искусствомъ. Мѣръ же къ обезпеченію здоровья алеутовъ компанія, какъ увидимъ ниже, не приняла почти никакихъ, и подъ ея владычествомъ число алеутовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ наполовину.

Своей системой управленія компанія достигала выгодныхъ для нея результатовъ: алеуты—ея безмолвные, покорные рабы. Этотъ воинственный и энергичный нѣкогда народъ подъ компанейскимъ игомъ сдѣлался до того тупымъ и лѣнивымъ, что неспособенъ ни къ какому дѣлу безъ посторонняго побужденія. Разсказываютъ, что алеутъ будетъ нѣсколько дней лежать въ своей отвратительной землянкѣ безъ куска пищи и рѣдко самъ постарается найти средства для утоленія голода; прикажутъ ему добыть пищи или принести воды—онъ безпрекословно исполнитъ это, не прикажутъ—будетъ голодовать до невозможности!.. Объ улучше-

ніи своего быта у нихъ нѣтъ ни желаній, ни мысли. Да и естественно такое состояніе: больше столѣтія всѣми трудами алеута, его способностями, имуществомъ, семействомъ пользовались русскіе, особенно съ учрежденія компаніи. Все, что ни дѣлалъ алеутъ, онъ дѣлалъ не для себя, а для компаніи; а развѣ въ природѣ человѣка заботиться о выгодахъ своего тирана-притѣснителя? Да, кромѣ того, компанія растасовала алеутовъ, какъ карты, сторвала большинство ихъ отъ семьи и родины, а самихъ ихъ обратила въ своихъ рабовъ и, лишивъ ихъ всего имущества, взяла ихъ на свое содержаніе. Компанія ограбила алеутовъ догола; алеуты не имѣютъ теперь ни байдаръ, ни звѣроловныхъ орудій; всѣмъ они снабжались отъ компаніи и поставлены были въ полную отъ нея зависимость. Когда въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ поднялись голоса, возмущавшіеся существованіе компанейской монополіи, то правленіе компаніи заговорило объ отмѣнѣ обязательнаго труда алеутовъ, очень хорошо понимая, что свобода труда будетъ почти вовсе безполезна для алеутовъ при существованіи компанейской монополіи. Если бы въ Америкѣ было больше промышленниковъ или компаній, тогда бы свободный въ своихъ дѣйствіяхъ алеутъ нанялся туда, гдѣ ему больше заплатятъ. При монополіи же компанія имѣла бы полную возможность не возвышать задѣльной платы, даже уменьшить ее; алеутъ своими промыслами жить не можетъ, потому что онъ не имѣетъ собственныхъ снарядовъ; а если онъ что и добудетъ, то кромѣ компаніи не имѣетъ права никуда сбыть упромышленнаго имъ, а она заплатитъ ему столько, сколько захочетъ, и онъ непременно продастъ ей, потому что, въ противномъ случаѣ, пропадутъ всѣ труды его. Вотъ, напр., *кенайцы*, совершенно независимые отъ русскихъ, торговали же съ компаніей и работали на нее за недостаточную плату; они просили г. Головина объ увеличеніи таксы на шкуру и поденной платы. *Чугачи*, также независимые, работали за далеко невознаграждающую ихъ труды плату единственно потому, какъ сами они говорятъ, что невозможно найти болѣе выгодной работы. Кромѣ того, и при мнимосвободномъ трудѣ, компанія могла силою заставлять алеутовъ работать на нее.

Кромѣ алеутовъ, въ американскихъ колоніяхъ живутъ еще многія другія туземныя племена—*колоши*, *чугачи*, *мѣдновцы*, *квихпакцы*, *кускоквимцы* и т. д. Всѣ они никогда не покорялись русскимъ; одни изъ нихъ были враждебны компаніи, другіе жили мирно или, по собственному ихъ выраженію, *терпѣли русскихъ*. Выгоды торговли заставляли нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сближаться съ русскими; но, при всемъ томъ, они отъ глубины души ненавидѣли компанію и при первой возможности мстили ей. Нѣсколько разъ они избивали русскихъ, истребляли безъ остатка ихъ поселенія. Послѣдній разгромъ Новоархангельска сдѣланъ ими въ 1855 году. Счастье еще для компаніи, что бо́льшая часть этихъ племенъ враждебны другъ другу, — иначе, при ихъ единодушіи, никогда бы не существовать въ Америкѣ компанейскимъ поселеніямъ.

Всѣ эти туземцы ненавидѣли компанію за отнятіе у нихъ земель, за жестокое обращеніе съ ними изверга Баранова и другихъ правителей, за стѣсненіе ихъ торговли съ иностранцами. При всемъ томъ, что эти племена независимы, сосѣдство и вліяніе компаніи были гибельны для нихъ. Оспа и сифилисъ, привитые къ нимъ русскими, истребили огромное число ихъ. Сифилисъ до сихъ поръ свирѣпствуетъ между колошами, отъ которыхъ заражаются русскіе и заражаютъ, въ свою очередь, колошъ. Болѣзнь эта въ послѣднее время до того распространилась между ситхинскими колошами, что послѣдній правитель колоніи, г. Фуругельмъ, велѣлъ разрушить всѣ шалаши около порта, въ которыхъ русскіе сходились съ колошенками, и построилъ особое большое помѣщеніе, гдѣ наслаждающіеся подвергнуты строгому осмотру и надзору.

Мы уже говорили, что русскіе постоянно имѣли связи съ туземками; алеуты, колоши и другіе инородцы не препятствовали этому, а старались, напротивъ, извлекать выгоды; они завели обыкновеніе отдавать русскимъ своихъ женщинъ, особенно невольницъ, въ кортомъ. Дѣти, родившіяся отъ этихъ связей, называются *креолами* и отдѣлены компаніей въ особенную касту, пользующуюся гораздо бо́льшими правами, чѣмъ инородцы. Послѣдніе относятся къ нимъ съ ненавистью, какъ къ лицамъ привилегированнымъ, а русскіе — съ пренебреженіемъ, какъ къ дѣтямъ незаконныхъ браковъ. Составивъ особую среду, они пьянствуютъ, развратничаютъ, торгуютъ своими женами и т. п.

Русскіе промышленники, служащіе въ компаніи, сначала поступали на службу *изъ половинокъ*, т.-е. половина промысла шла на хозяина, а половина—на промышленниковъ; но съ 1817 г. они начали, по распоряженію правителя колоній Гагемейстера, получать вмѣсто полупаевъ жалованье, по 300 рублей асс. въ годъ. Эти промышленники поступали на компанейскую службу большею частью изъ Сибири. «Надобно знать,—писалъ Головинъ, — что компанія, нанимая промышленниковъ въ Сибири или въ Россіи, обѣщаетъ имъ золотыя горы, а чтобъ вѣрнѣе ихъ обмануть, то ни въ какихъ ихъ требованіяхъ не отказываетъ и всѣ желанія ихъ удовлетворяетъ въ долгъ. Такимъ образомъ, по прибытіи своемъ въ Америку, они войдутъ уже въ неоплатимые долги и тогда увидятъ сѣти, въ кои попались, когда уже поздно будетъ изъ нихъ выпутаться, ибо не могутъ они оставить компанейской службы, не расплатясь съ нею, а заплатить нечѣмъ, потому что получаемой ими платы едва только на содержаніе ихъ достаетъ». Не разъ также случалось, что промышленниковъ, кончившихъ срокъ своей службы и имѣющихъ получить за нее довольно порядочныя суммы, иногда тысячи двѣ-три рублей, компанія насильно оставляла у себя и, не заплативъ имъ долгу, принуждала къ новой работѣ. Это она дѣлала нѣсколько разъ даже съ солдатами и казенными матросами.

Содержаніе ихъ было всегда гнусное. Жили они

въ сырыхъ и нездоровыхъ землянкахъ; возвращаясь домой промокшими и озябшими, они принуждены, за неимѣніемъ другого платья, ложиться въ мокромъ или же нагими. Отъ спертаго воздуха, отъ худой и однообразной пищи — китовины, жира и рыбы, отъ работы въ худой одеждѣ, подъ дождемъ, при туманѣ и вѣтрѣ, они постоянно страдали цынгою и простудою. Но и эти больные, если только въ состояніи держаться на ногахъ, должны стоять на часахъ и ходить дозоромъ. А свалится больной, тогда отнесутъ и положатъ его въ сырую и холодную казарму. Медицинской помощи вовсе не полагалось. Въ морѣ промышленники бѣдствовали еще больше отъ недостатка пищи и воды, а также и отъ вывезенныхъ съ берега болѣзней. Лѣкарей же на компанейскихъ судахъ никогда не бывало. Вотъ какъ описываетъ, напр., Крузенштернъ, положеніе видѣннаго имъ компанейскаго судна *Марія*. «Экипажа было на немъ 70 человѣкъ, изъ нихъ 20 больныхъ съ трудомъ помѣстились подъ палубой, 50 человѣкъ здоровыхъ должны были или спать на палубѣ, что по тамошнему суровому климату крайне вредно, или ложиться внизу съ больными одинъ на другого. Коекъ совсѣмъ не имѣлось; каждый ложился во всемъ своемъ платьѣ, которое показывало величайшую бѣдность. Всѣ они покрыты были рубищами и жили въ великой нечистотѣ. Мы осмотрѣли больныхъ. Цынготныя и застарѣлыя венерическія раны казались неизлѣчимыми. Мнѣ показали двѣ бочки солонины, назначенной для больныхъ; но едва открыли одну изъ нихъ, какъ вдругъ распространилось такое зловоніе, что я принужденъ былъ удалиться».

Кромѣ мужичковъ-промышленниковъ компанія имѣла у себя на службѣ солдатъ, матросовъ и разныхъ чиновниковъ. Она заключала съ весьма многими изъ этихъ лицъ контракты не ясно, потомъ, вопреки условіямъ, налагала на поступившихъ къ ней на службу новыя неупоминаемыя въ контрактѣ обязанности или увеличивала срокъ службы. Содержаніе *почетныхъ* *), разумѣется, было достаточно, но солдаты и матросы далеко не могли похвалиться тѣмъ же. Во все время пребыванія въ колоніяхъ солдаты должны были одѣваться на свой счетъ, что обходилось каждому въ годъ болѣе 200 руб., а между тѣмъ онъ получалъ отъ компаніи, по окончаніи колоніальной службы, за одежду и аммуницію только 27 р. 44 к. асс. за годъ! Продовольствіе этихъ людей, какъ видно изъ отчета г. Головина, было очень плохо даже въ 1860-хъ годахъ.

Мы видѣли, что, обѣщаясь пріобрѣтать новыхъ подданныхъ Россіи, компанія вмѣсто того истребила большинство старыхъ, оставшихся изъ нихъ привела въ жалкое состояніе нищеты и нравственнаго отупѣнія, а независимыя племена вооружила противъ себя и сдѣлала для нихъ ненавистнымъ русское имя. Торговая дѣятельность компаніи носила характеръ чуть-чуть не грабежа; она старалась извлечь изъ своихъ привилегій возможно большую выгоду, какъ можно скорѣе и безъ большихъ съ своей стороны пожертвованій. При такомъ образѣ своихъ дѣйствій, компанія вовсе не заботилась о благоустройствѣ колоній. Стыдъ вѣдь сказать, что, владѣя шестьдесятъ лѣтъ своею территоріей, она вплоть до своей кончины рѣшительно ничего не знала о внутреннихъ мѣстностяхъ острова Ситхи и весьма мало — о внутренности американскаго материка. На Ситхѣ компаніей былъ занятъ только небольшой клочокъ земли, гдѣ стоитъ Новоархангельскъ. А во внутренности острова, говорятъ, есть превосходныя мѣста для пастбищъ. И компанія, постоянно нуждающаяся въ скотѣ, не хотѣла никогда даже освидѣтельствовать этихъ мѣстъ. Для скотоводства способны также сѣверо-западные берега Америки и сосѣдніе съ ними острова. Но компанія не дѣлала никакихъ усилій для разведенія скота. Еще менѣе сдѣлала она для хлѣбопашества. «Она,—по справедливому замѣчанію г. Головина,—не находила расчета заводить хлѣбопашества, потому что это стоитъ дорого. Вотъ почему она постоянно отзывалась, что хлѣбопашество и скотоводство въ колоніяхъ невозможны, вслѣдствіе климатическихъ условій, и не хлопотала дѣлать нужныя изслѣдованія для отысканія мѣстностей, способныхъ для новыхъ поселеній». При своихъ немногихъ попыткахъ завести поселенія, компанія имѣла въ виду образованіе не земледѣльческихъ и самостоятельно промышленныхъ колоній, а пріобрѣтеніе новыхъ рабочихъ, которыми бы она могла располагать по своему произволу и съ огромными для себя выгодами. Такъ, еще при жизни Шелихова, правительство послало въ колоніи 35 русскихъ семей, большею частію ремесленниковъ, съ тою цѣлью, чтобы они обучали туземцевъ разнымъ ремесламъ, рукодѣльямъ, хлѣбопашеству и скотоводству. Компанія употребила этихъ колонистовъ на свои работы и промыслы, и черезъ 25 лѣтъ изъ нихъ осталось въ живыхъ только *трое* мужчинъ и *одна* женщина. Директоры компаніи около этого же времени хлопотали, чтобы имъ позволено было имѣть крѣпостныхъ людей и переселять ихъ въ колоніи, а правитель колоній Резановъ, сравнительно съ другими либеральный и гуманный, хотѣлъ селить въ колоніяхъ плѣнныхъ японцевъ и употреблять ихъ на компанейскія работы. Единственную попытку завести земледѣльческую колонію сдѣлалъ Резановъ, учредивъ въ 1812 г. на берегу Новаго Альбіона заселеніе *Россъ*, съ цѣлью продовольствовать изъ него колоніи хлѣбомъ и скотомъ. Климатъ и почва этой мѣстности благопріятны для скотоводства и земледѣлія, но компанія не умѣла повести дѣло какъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы занять подъ пашни долины, идущія внутрь страны отъ залива Бодего, начали сѣять хлѣбъ по скатамъ прибрежныхъ горъ, гдѣ близость моря препятствуетъ успѣшному произрастанію хлѣба. Кромѣ того, компанія мало употребила средствъ для промышленнаго развитія этой колоніи. Отправивъ въ Россъ 95 человѣкъ русскихъ и 40 байдаръ алеутовъ, она употребила послѣднихъ, вмѣсто пріученія ихъ къ земледѣлію,

*) Въ колоніяхъ существуетъ дѣленіе людей на *почетныхъ*, *полупочетныхъ* и *непочетныхъ*.

на бобровые промыслы, подвергая ихъ нападеніямъ индѣйцевъ, а себя непріятностямъ отъ испанцевъ, зорко слѣдившихъ за промысломъ бобровъ въ ихъ водахъ. Ведя дѣло спустя рукава, компанія, наконецъ, рѣшилась бросить Россъ и въ 1841 году эта колонія со всѣмъ заведеніемъ, была продана швейцарцу Суттеру за 30,000 піастровъ.

Въ послѣднее время въ компанейскихъ владѣніяхъ жило нѣсколько выслужившихъ свои сроки русскихъ рабочихъ, большею частью дряхлыхъ, старыхъ и больныхъ. Компанія обязана правительствомъ селить ихъ на удобныхъ мѣстахъ и содѣйствовать ихъ обзаведенію хозяйствомъ. Въ своихъ отчетахъ она прославляетъ свою материнскую попечительность *о колоніальныхъ гражданахъ*, какъ называются эти поселенцы, и объ ихъ благоденствіи. Но, во-первыхъ, мѣста для поселеній, назначаемыя самой компаніей, были негодны для хлѣбопашества и мало способны для скотоводства; во-вторыхъ, колоніальные граждане недовольны своимъ положеніемъ; они желаютъ увеличенія задѣльной платы и пенсіи имъ и отпуска за деньги изъ компанейскихъ лавокъ всего, что имъ нужно. Г. Головинъ говоритъ, что колоніальные граждане и креолы люди вообще лѣнивые и крайне апатичные ко всякому труду, что всѣ они считаютъ компанію обязанною помогать имъ и заботиться объ ихъ благосостояніи. Это, по нашему мнѣнію, весьма естественно, и тутъ не колонисты виноваты, а сама компанія. Въ теченіе 5—20 лѣтъ эти люди работали на компанію, какъ волы, а она давала имъ за это только скудное жалованье, нездоровую, плохую пищу и отвратительное помѣщеніе. Гдѣ же вознагражденіе за труды ихъ, вознагражденіе, которое бы обезпечивало ихъ существованіе? Вѣдь большинство колоніальныхъ гражданъ потеряло на службѣ свое здоровье и силы, сдѣлалось неспособнымъ снискивать себѣ своимъ трудомъ пропитаніе, и имѣетъ полное право требовать отъ компаніи достаточнаго обезпеченія. А что дѣти креоловъ и колоніальныхъ гражданъ неохотно работали на компанію, это тоже естественно: они очень хорошо знаютъ, что компанейская служба неприбыльна и тягостна: лучше же лежать дома и бѣдствовать, чѣмъ бѣдствовать и работать до истощенія, работать на общество, угнетавшее ихъ отцовъ. Работать же для себя они не могли: для хлѣбопашества и скотоводства имъ нужна помощь компаніи, а она ничтожна; бобровый промыселъ имъ не по душѣ, и они непривычны къ нему, да и все упромышленное они должны продавать компаніи по низкимъ цѣнамъ.

Не заботясь о хозяйственно-промышленномъ развитіи своихъ колоній, компанія часто подвергала ихъ голодовкѣ. Продовольствіе ихъ хлѣбомъ и мясомъ всегда основывалось на подвозѣ этихъ предметовъ изъ Калифорніи, Россіи, Сандвичевыхъ острововъ и Соединенныхъ Штатовъ. Выгоднѣе всего было бы, если бы компанія получала провизію отъ купцовъ Соединенныхъ Штатовъ, которые могли привозить ее на своихъ корабляхъ и не разъ уже спасали жителей колоній отъ голодной смерти. Дѣло доходило иногда до того, что хлѣба давали по 1 фунту на 200 человѣкъ на недѣлю, наконецъ, принуждены были прекратить и эту выдачу; рыбы было мало, ѣли все—орловъ, воронъ, каракатицъ и т. п. Скорбутъ развивался при подобныхъ несчастіяхъ съ необыкновенною силою; смертность бывала огромная. Не разъ при подобныхъ бѣдствіяхъ американскіе купцы доставляли въ колоніи провизію; но компанія всячески старалась закрыть доступъ въ свои воды кораблямъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что они торговали съ инородцами, и такимъ образомъ уничтожила лучшій способъ обезпеченія своихъ колоній провизіей. Провозъ хлѣба стоилъ дорого кругомъ свѣта, еще дороже черезъ Сибирь. Вывозъ хлѣба изъ Калифорніи на компанейскихъ судахъ всегда шелъ плохо, по причинѣ неразвитости компанейскаго судоходства, нерасположенія калифорнцевъ къ иностранной торговлѣ и разныхъ продѣлокъ компаніи въ калифорнійскихъ портахъ. въ родѣ контрабандной торговли. До послѣдняго времени большая часть хлѣба шла кругомъ свѣта и обходилась съ доставкою въ колоніи въ 1856 г. 9 р. 42 к. асс. пудъ, въ 1857 г. 7 р. 50 к. пудъ, въ 1860 г. 4 р. 51 к. пудъ. Между тѣмъ хлѣбъ, доставляемый изъ Калифорніи, обошелся бы несравненно дешевле, такъ какъ хлѣбопашество въ этой странѣ нынѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Но компанія какъ-то плохо смекала даже насчетъ собственныхъ своихъ интересовъ.

Плохо продовольствуя свои колоніи, компанія мало заботилась объ ихъ благосостояніи и въ другихъ отношеніяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ въ ея владѣніяхъ не было ни одного лѣкаря, и жители болѣли и умирали, не пользуясь никакимъ медицинскимъ пособіемъ. Завели наконецъ больницу, но, какъ и слѣдовало ожидать, неудобную и нездоровую. Въ этомъ зданіи могло помѣщаться самое ограниченное число больныхъ, остальные должны были лежать въ своихъ сырыхъ и вонючихъ кажимахъ. Для больныхъ пищи особенной не полагалось,—ѣдятъ, дескать, юколу и китовый жиръ, а хлѣбъ и мясо нужны для стола почетныхъ! Въ послѣднее время въ колоніяхъ было двѣ больницы—новоархангельская на 40 и кадьякская на 10 кроватей. Въ нѣкоторыхъ покояхъ первой воздухъ сырой и удушливый, чистота соблюдалась плохо, аптека въ дурномъ положеніи, потому что аптекаря выписали хоть и умнаго человѣка, но пьяницу непросыпнаго. Обыкновенная пища больныхъ—супъ изъ солонины и соленой рыбы, а больные, большею частью, скорбутные и сифилитическіе! Женщинъ принимали въ больницу только сифилистическихъ, остальныя лежали дома. Лѣкарей на Ситхѣ двое. Въ кадьякской больницѣ не было даже и лѣкаря, а только фельдшеръ.

Управленіе въ колоніяхъ было всегда чисто деспотическое. Всѣ владѣнія компаніи дѣлились на пять отдѣловъ, и каждымъ изъ нихъ управлялъ приказчикъ. Главный правитель колоній имѣлъ не-

ограниченную власть распоряжаться всѣмъ и всѣми, чинить судъ и расправу. Судъ въ колоніяхъ хуже турецкаго: кого оправдаетъ правитель или приказчикъ, тотъ и правъ, а обвиненный однимъ ихъ словомъ—виноватъ. Неизвѣстно, былъ ли въ послѣднее время въ колоніяхъ сводъ законовъ, но извѣстно, что еще недавно его тамъ не было. Вообще судъ былъ замѣненъ въ колоніяхъ чистымъ произволомъ начальника. Эта безконтрольность властей постоянно была причиною вопіющихъ злоупотребленій—грабежа, возмутительнаго взяточничества, насилія женщинъ, наглыхъ притѣсненій и обмана служителей при расчетахъ, варварскаго обращенія съ ними. Все это не разъ подавало поводъ къ бунтамъ служащихъ въ колоніи. Особенно несносно было промышленникамъ управленіе Баранова, и они постоянно въ то время составляли заговоры. Интересенъ заговоръ, начальникомъ котораго былъ Навплаковъ, ссыльный приказный, и промышленникъ Поповъ. Со многими участниками они согласились убить Баранова и всѣхъ, кто не пристанетъ къ нимъ, забрать и погрузить на одно изъ компанейскихъ судовъ всю провизію, товары, артиллерію и военныя снаряды, казну и проч., взять съ собою женщинъ и плыть на острова Лодранскіе или Маріанскіе, гдѣ и основать свою самостоятельную колонію. Навплаковъ составилъ планъ заговора и тѣ правила, которыми они должны были руководствоваться при устройствѣ своей колоніи. Въ обезпеченіе сохраненія тайны заговорщики присягнули и приложили руки къ составленному Навплаковымъ акту. Все было готово къ возмущенію, и даже выбранъ начальникъ будущей колоніи—Поповъ, подъ именемъ хорунжаго. Но одинъ изъ участниковъ, полякъ Лещинскій, выдалъ заговорщиковъ Баранову, который пятерыхъ изъ нихъ отправилъ для суда въ Камчатку. Здѣшній комиссіонеръ компаніи Хлѣбниковъ, отобравъ отъ начальника заговора подробныя о немъ свѣдѣнія, увидѣлъ, что причиною его былъ голодъ, изнурительныя работы и разныя притѣсненія промышленниковъ. Хлѣбниковъ писалъ директорамъ компаніи, что если заговорщиковъ будутъ судить въ присутственномъ мѣстѣ, то «они могутъ открыть истины, долженствующія служить ко вреду и посрамленію компаніи», и предлагалъ бросить его дѣло. «Директоры — по словамъ Головина—велѣли представить заговорщиковъ къ сужденію, предписавъ Хлѣбникову употребить все свое стараніе, чтобы направить ходъ сего дѣла къ выгодной сторонѣ для компаніи, т. е. постараться, чтобы промышленные были обвинены, а компанейскіе грѣхи прикрыты». Такъ и сдѣлано.

И послѣ всего описаннаго нами, многіе, вмѣстѣ съ г. Головинымъ, хлопотали еще о большемъ расширеніи власти колоніальнаго начальства. Зависимость его отъ главнаго правленія компаніи въ Петербургѣ была, конечно, крайне неудобна,—это почти то же, если бы Камчатку приписать къ Смоленской губерніи, а Якутскую область къ Землѣ Войска Донского! Но вопросъ заключался не въ зависимости колоній отъ далекаго главнаго правленія, а въ самоуправленіи ихъ. Необходимость послѣдней мѣры сознавалъ лучшій изъ правителей— Резановъ. Онъ проектировалъ *расправу промышленныхъ и американцевъ*, которая должна была состоять изъ туземцевъ и русскихъ и рѣшать дѣла по большинству голосовъ. Присылаемые въ колоніи товары, по его мнѣнію, должны были подвергаться оцѣнкѣ выборными отъ промышленниковъ. Главное правленіе, разумѣется, не обратило вниманія на проектъ Резанова, а самъ онъ скоро показалъ примѣръ, какъ стоящій внѣ контроля правитель можетъ ошибаться и самодурствовать. Онъ началъ войну съ Японіей, желая силой принудить ее къ торговлѣ съ компаніей! Онъ отправилъ противъ японскихъ поселеній на Сахалинѣ и Урупѣ два корабля, съ приказомъ взять Сахалинъ, захватить тамъ и привезть для чего-то въ Америку всѣхъ идоловъ изъ кумиренъ и одного буддійскаго попа, сжечь и разорить всѣ поселенія, а изъ жителей набрать плѣнниковъ. Нѣсколько поселеній было сожжено и разграблено этой резановской экспедиціей; самъ же онъ, желая свалить свою вину на исполнителей своей воли, офицеровъ Хвостова и Давыдова, уѣхалъ черезъ Сибирь въ Россію.

Въ дѣлѣ образованія компанія кое-что сдѣлала; первая школа основана была еще Шелиховымъ; въ 1862 г. было въ Новоархангельскѣ 3 училища и въ томъ числѣ одно для дѣвочекъ, 1 училище на Уналашкѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ колоній обученіемъ дѣтей занималось духовенство, которое и само-то училось на мѣдныя деньги въ худшей изъ всѣхъ семинарій—якутской (бывшей новоархангельской). Изъ компанейскихъ же школъ выходили шкипера, конторщики, приказчики, матросы. Воспитанныхъ въ этихъ школахъ креоловъ компанія закабаляла къ себѣ на службу: они обязаны были служить ей за воспитаніе 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, и дѣломъ образованія компанія воспользовалась для своихъ плантаторскихъ видовъ.

Промыслы бобровъ, морскихъ котовъ и другихъ звѣрей—были главною цѣлью и основой существованія компаніи. Не споримъ, что при прежнихъ промышленныхъ компаніяхъ звѣрямъ грозило если не совершенное истребленіе, то по крайней мѣрѣ сильное уменьшеніе ихъ. Съ полученіемъ настоящей компаніей монополіи промысловъ, они сократились, и уменьшеніе звѣрей пошло болѣе медленными шагами, чѣмъ прежде. Компанія въ видахъ собственной пользы должна была принимать мѣры къ поддержанію своихъ промысловъ, и она старалась объ этомъ, но только отчасти. Нѣсколько ужъ разъ промыслы бобровъ и морскихъ котовъ истощались отъ безрасчетнаго и совершенно безплоднаго истребленія ихъ. Однажды, напримѣръ, компанія до того много наупромыслила котовъ, что цѣны на нихъ въ Кяхтѣ чрезвычайно упали; чтобы поднять ихъ, ревизоры въ Иркутскѣ сожгли нѣсколько тысячъ котовъ подъ предлогомъ ихъ гнилости.

Кромѣ звѣринаго промысла, всѣ другіе на-

ходились въ жалкомъ положеніи и производительныя силы колоній подъ компанейскимъ владычествомъ оставались въ бездѣйствіи. Мы видѣли выше, въ какомъ состояніи были хлѣбопашество и скотоводство. Рыбный промыселъ, весьма обильный и могущій служить выгодною статьею торговли, находился далеко не въ желанномъ состояніи и удовлетворялъ только мѣстнымъ потребностямъ. Обильные пласты каменнаго угля лежали безъ разработки и сбыта. Дремучіе лѣса Америки, которые могутъ быть чрезвычайно выгоднымъ предметомъ внѣшней и внутренней торговли, при апатическомъ бездѣйствіи компаніи, не удовлетворяли даже потребностей самихъ колоній. Минеральныя богатства Америки, существованіе которыхъ несомнѣнно, оставались совершенно непроизводительными.

Внутренняя торговля колоній съ инородцами постепенно падала. Причина этого упадка—низкія цѣны, платимыя компаніей за товары туземцевъ, ненависть ихъ къ компаніи и стѣснительность торговыхъ ея правилъ. Инородцы просили пороху, ружей, рому, а компанія имъ этихъ товаровъ по трусости не давала. Инородцы давно уже начали торговать съ англичанами и американцами, которые доставляли имъ упомянутые предметы и платили за мѣха больше, чѣмъ компанія. Съ 1851 г. колоши уже почти вовсе не торговали съ компаніей, а открытіе свободной торговли въ англійскомъ портѣ *Викторіи* убило окончательно торговлю компаніи съ колошами.

Товары, продаваемыя компаніей въ колоніяхъ, всегда были низкаго достоинства, а стоили между тѣмъ страшно дорого. Бывало, что компанія продавала инородцамъ топоръ за 2 морскихъ бобра, ножикъ за 1 бобра, 2 фунта папушнаго табаку за 2 бобра. А такъ какъ по тогдашней компанейской таксѣ бобръ стоилъ 30—50 рублей, то, слѣдовательно, компанія во столько же цѣнила и фунтъ табаку! Когда она торговала въ Камчаткѣ, то брала безсовѣстные барыши. Пудъ муки, напр., съ доставкою въ Камчатку обходился ей въ 10 р., а она продавала по 18; фунтъ чаю обходился въ 3 р., а продавался по 10 р.; пудъ сахару обходился въ 42 р., а продавался по 160 р.; ведро рому стоило 22 р., а компанія продавала по 80 р. и т. д. Въ послѣднее время внутренняя колоніальная торговля носила тотъ же характеръ безсовѣстнаго грабежа, какъ и прежде. Покупая за безцѣнокъ у инородцевъ и русскихъ ихъ промыслы, компанія навалила имъ свои дрянные товары по высокой цѣнѣ. «Привозные изъ Россіи сапоги для рабочихъ—говоритъ г. Головинъ—продаются по 10 р. за пару, а между тѣмъ они положительно никуда не годятся и ни одни не прослужатъ даже и мѣсяца; такимъ образомъ, одна обувь обойдется рабочему въ годъ болѣе 100 рублей. Регатовыя рубахи, продающіяся по 4 р. 50 к. и бумажныя—по 6 р.; для рабочаго человѣка никуда негодны. Вмѣсто денегъ, въ колоніяхъ употреблялись особенныя марки; они введены компаніей съ тою цѣлью, чтобы жители колоній не могли торговать съ иностранцами, а покупали въ три-дорога всякую дрянь изъ компанейской лавки».

Въ торговлѣ съ Сибирью и съ иностранцами компанія являлась всегда, съ одной стороны, крайне апатичною, а съ другой—жадною къ скорѣйшему обогащенію, невѣжественною и рутинною. Напр., она не могла завести прочныхъ торговыхъ сношеній съ Калифорніей, гдѣ русскіе товары могли бы найти отличный сбытъ, гдѣ, напр., до того цѣнился русскій холстъ, что англичане и американцы дѣлали на своемъ холстѣ фальшивые русскіе штемпеля и выгодно сбывали его за русскій. Компанія всегда уклонялась отъ торговли съ американцами, всячески даже препятствовала ей и поставляла тѣмъ не только свои колоніи, но и сибирскія прибрежья океана, въ затруднительное положеніе. Такъ, напр., въ страдавшіе недостаткомъ хлѣба Охотскъ и Камчатку американецъ Добелло предлагалъ доставлять провизію; но, по ходатайству компаніи, это предложеніе не было принято, подъ тѣмъ предлогомъ, что «американцы доставленіемъ горячихъ напитковъ неминуемо нанесутъ вредъ русской торговлѣ». Компанія взялась сама доставлять кругомъ свѣта хлѣбъ въ порты Восточнаго океана. Но это она сдѣлала только для того, чтобы удалить отъ торговли американцевъ; она скоро отказалась отъ своего обѣщанія, объявивъ его «неудобоисполнимымъ». Стремясь къ полной торговой монополіи на океанѣ, компанія склоняла вліятельныхъ лицъ къ изданію выгодныхъ для нея правилъ; даже либеральный адмиралъ Мордвиновъ былъ поборникомъ компанейской монополіи и дѣятельнымъ ревнителемъ ея интересовъ. Въ высочайшемъ указѣ отъ 4 сентября 1821 г. компанія получила полное удовлетвореніе своихъ желаній объ устраненіи иностранцевъ отъ торговли съ русскими прибрежьями Восточнаго океана. «Воспрещается симъ — гласитъ 2 § этого указа – всякому иностранному судну не только приставать къ берегамъ и островамъ, подвластнымъ Россіи, но и приближаться къ онымъ въ разстояніи менѣе 100 итальянскихъ миль. Нарушившій сіе запрещеніе подвергается конфискаціи со всѣмъ грузомъ». Компанія оказывала даже стѣснительное вліяніе на торговлю европейской Россіи. Такъ, напр., въ 1802 г. запрещенъ былъ привозъ изъ-за границы морскихъ котовъ. «Это сдѣлано (говорится въ указѣ) снисходя на просьбу россійско-американской компаніи, поелику чрезъ то стѣсняются промыслы ея въ Америкѣ».

Безумно стремясь къ полной промышленной и торговой монополіи на Восточномъ океанѣ, компанія осталась при однихъ только стремленіяхъ или *огромныхъ видахъ*, какъ выражался Резановъ. У нея не было ни средствъ, ни умѣнья достигнуть цѣли. Ея флотъ находился долго въ самомъ жалкомъ положеніи. Мечтая объ одномъ—какъ бы все сдѣлать подешевле, она нанимала въ шкипера и капитаны ничего не знающихъ пьянчугъ англичанъ и американцевъ. Множество судовъ гибло въ морѣ отъ ихъ неумѣнья и неосторожности. Давыдовъ въ своемъ путешествіи разсказываетъ много забавнаго о компанейскомъ флотѣ первой

четверти настоящаго столѣтія. Одно судно, вышедшее изъ Камчатки на Алеутскіе острова, зашло такъ далеко къ югу, что въ ноябрѣ стала таять смола отъ солнечнаго жара. Долго носилось оно неизвѣстно гдѣ, весь экипажъ чуть не погибъ отъ недостатка прѣсной воды. Другой мореходецъ три раза въ лѣто ходилъ съ Уналашки на Котовые острова, лежащіе въ 160 миляхъ, и никакъ не могъ отыскать ихъ. Третій при сильномъ вѣтрѣ взошелъ съ судномъ на камчатскій берегъ, такъ что рѣдкій валъ достигалъ до судна, и не зналъ, гдѣ онъ находится—въ Японіи или въ Америкѣ. Ну, куда же съ такими моряками, съ дурно построенными и плохо содержимыми судами было мечтать объ *огромныхъ видахъ!* И поторговала немного компанія съ Калифорніей, да и бросила; пыталась торговать съ Японіей, но когда та отказалась. то компанія начала грабить японскія поселенія. Мы, впрочемъ, нисколько не скорбимъ о томъ, что компанейская промышленная монополія не достигла тѣхъ размѣровъ, о которыхъ мечтала компанія,—этому мы даже рады. Но грустно, когда подумаешь, что компанейская монополія убивала столько времени торговлю иностранцевъ съ русскими берегами Восточнаго океана,—торговлю, которая, безъ сомнѣнія, оживила бы и обезпечила всѣмъ необходимымъ эти пустынныя мѣстности.

Въ послѣднее время компанейскій флотъ, по отзыву г. Головина, находился въ хорошемъ состояніи, но торговли все-таки не было, вывозилось только немного льду, лѣсу и рыбы въ Калифорнію, нѣсколько товаровъ къ устьямъ Амура и въ Аянъ.

Главная торговля компаніи пушнымъ товаромъ; но и она была не такъ громадна, какъ можетъ показаться незнающему. Съ 1 января, напр., 1849 г. по іюль 1860 г., все упромышленное въ колоніяхъ стоило по тамошней таксѣ 1,776,878 р. асс. Положимъ, по таксѣ цѣны втрое ниже настоящихъ, и то выйдетъ только 4 милл. р. асс. Пушные товары шли въ Сибирь, Китай, въ Россію и частію въ Америку. Нельзя сказать, чтобы эта торговля очень оживляла Сибирь. Одно только: казна пріобрѣтала отъ нея выгоды...

Такимъ образомъ, вся исторія компаніи ясно свидѣтельствуетъ, что это общество приносило только одинъ вредъ народу, его торговлѣ, промышленности и благосостоянію. Компанія разорила своихъ подданныхъ, она почти вовсе истребила цѣлый алеутскій народъ, а отъ многочисленнаго нѣкогда племени курильцевъ въ 1862 г. осталось въ живыхъ только 66 человѣкъ обоего пола; тысячи, десятки тысячъ убитыхъ, засѣченныхъ, ограбленныхъ, заморенныхъ голодомъ, развращенныхъ ею людей погибли подъ ея безчеловѣчной системой управленія, которая была несостоятельна до того, что при всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ не могла извлекать изъ колоній надлежащихъ выгодъ даже для компаньоновъ. И, не смотря на все это, компанія продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока правительство не продало ея земель Соединеннымъ Штатамъ, а говорить о вредѣ этой монополіи сдѣлалось возможно только въ шестидесятыхъ годахъ... До этого времени русское общество даже и не подозрѣвало о томъ позорѣ, который навлекали на себя русскіе люди своими подвигами на Восточномъ океанѣ!..

ИРКУТСКІЙ ПОГРОМЪ ВЪ 1758—1760 Г. *).

Жилъ да былъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, — человѣкъ умный, достаточно по своему времени образованный, сынокъ генералъ-аншефа, женатый на племянницѣ императрицы Елисаветы, довѣренный чиновникъ Петра III, блаженной памяти. Онъ быстро повышался на службѣ и сдѣлался генералъ-прокуроромъ; по справедливому замѣчанію графа Брюля, «должность, занимаемая имъ при сенатѣ, давала ему почти всемогущество въ дѣлахъ внутренняго управленія». Злые языки, правда, говорили о немъ, что будто бы еще въ молодости онъ, вслѣдствіе короткаго знакомства съ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, совершенно испортился и «напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ». Но это говорила, конечно, зависть; «чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе тѣнь ея, чѣмъ выше поставленъ человѣкъ, тѣмъ больше у него завистниковъ», говоритъ пословица, кажется, китайская. Изъ того, что мы знаемъ о жизни Глѣбова, достаточно видно, что онъ былъ ничѣмъ не хуже другихъ хорошихъ людей XVIII вѣка, не хуже даже самого свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, о которомъ тоже зловредные люди распространили молву, что и онъ «былъ напоенъ принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для него самого».

Глѣбовъ нуждался въ большихъ средствахъ для жизни, сообразной съ его высокимъ положеніемъ. Онъ былъ большой практикъ, и потому не затруднялся въ пріобрѣтеніи средствъ, очень хорошо зная всѣ тѣ мѣста, гдѣ зимуютъ раки. Однажды, когда Петру III понадобились деньги, когда никто не могъ придумать, откуда бы взять ихъ, Глѣбовъ придумалъ и досталъ 4,000,000 р. При своемъ могуществѣ, при своей предпріимчивости, онъ, конечно, не могъ довольствоваться тѣми доходами, какіе доставлялись ему его должностью, его положеніемъ, его крестьянами, и обратилъ свои дальновидные взоры туда, гдѣ —

> Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
> Разсыпала по нимъ и злато, и серебро.

Люди предпріимчивые наживали тогда въ Сибири несмѣтныя богатства, и только тѣ, которые

*) Иркутскія Лѣтописи.—Бумаги изъ дѣла о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и слѣдователѣ Крыловѣ, въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», т. I.

были плохо знакомы съ отечествянною географіей, считали эту страну сѣдалищемъ холода; болѣе же образованные россіяне очень хорошо знали, что въ Сибири всегда можно найти множество самыхъ теплыхъ мѣстечекъ. Державинъ, разсказывая о назначеніи Якоби сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, говоритъ, что Сибирь была дана ему въ приданое за женою. Дѣйствительно, когда Якоби обвѣнчался, то по русскому обычаю, вмѣсто хлѣба, молодыхъ благословили этимъ пирогомъ. Но возвратимся къ нашему генералъ-прокурору.

Глѣбову, который ворочалъ дѣлами имперіи, не было расчета самому переселяться въ сибирскія трущобы изъ развеселой столицы. Его мощная рука могла вытянуться на какихъ-нибудь 6,000 верстъ и обшаритъ, какъ слѣдуетъ, сибирскія дебри. Генералъ-прокуроръ зналъ, что въ этихъ дебряхъ есть городъ Иркутскъ, а въ городѣ Иркутсткѣ не мало богатыхъ купцовъ и промышленниковъ, имѣвшихъ дѣла по всей Сибири, добывавшихъ дорогіе мѣха въ Америкѣ и на Алеутскихъ островахъ, державшихъ въ кабальной зависимости не только инородцевъ, но и массу русскаго народонаселенія. Около этихъ купчинъ можно было хорошо поживиться, тѣмъ болѣе, что представители сибирской администраціи въ это время не были обличены такими полномочіями, какія получили впослѣдствіи, и потому не могли сопротивляться притязаніямъ всесильнаго генералъ-прокурора. Сибирью правилъ тогда губернаторъ, который, по выраженію одного тогдашняго акта, «недвижимо пребывалъ въ Тобольскѣ»; нынѣшняя же Восточная Сибирь, подъ именемъ Иркутской провинціи, состояла подъ властью подчиненнаго Тобольску вице-губернатора, отъ котораго еще менѣе можно было ожидать сопротивленія Глѣбову, чѣмъ отъ губернатора.

Въ это время, россійское дворянство рачительно стало заниматься винокуреніемъ и постаралось обратить въ свою монополію эту почтенную промышленность, принесшую столько пользы благосостоянію и нравственности народа. Указомъ 1755 г. «во всемъ государствѣ купцамъ винныхъ заводовъ имѣть не велѣно, а повелѣно поставку винъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ на десять лѣтъ»; но въ отдѣльныхъ провинціяхъ, не имѣвшихъ дворянства, а слѣдовательно, и въ Иркутской, винокуренные заводы оставлялись и не за дворянами. Слѣдовательно, иркутское купечество имѣло полное право продолжать винокуреніе, которымъ оно занималось съ 1727 г. Полное право! Вѣроятно, оно, не смотря на свою житейскую опытность, не понимало, что тогда всякое «полное право» принадлежало сильнѣйшему, что имъ могли пользоваться только лица всемогущія, въ родѣ генералъ-прокурора. Послѣдній въ 1756 г. заключилъ съ сибирскимъ приказомъ контрактъ о поставкѣ водки въ кабаки Иркутской провинціи по разнымъ цѣнамъ, а въ Иркутскѣ по 1 р. 40 к. ведро, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности-то ведро стоило не дороже 1 рубля. Иркутское купечество заявило, что на такихъ условіяхъ оно не можетъ продолжать виноторговли и ходатайствовало о пониженіи цѣны. Но Глѣбовъ доложилъ сенату, что предоставленіе иркутянъ о цѣнѣ водки — ложное, что иркутскій магистратъ злоупотребляетъ питейными сборами, что купечество занимается корчемствомъ и противозаконно продаетъ водку инородцамъ, что вино у него дурное, въ доказательство чего представилъ двѣ пробныхъ бутылки иркутской сивухи, что въ Иркутскѣ вываривaютъ соль безъ указу, а иркутская провинціальная канцелярія и корчемная контора покрываютъ всѣ эти злоупотребленія. Изъ дѣла видно, что обвиненія Глѣбова были отчасти справедливы, особенно послѣднее, уличавшее иркутянъ въ сопротивленіи сенатскимъ указамъ, предписывавшимъ сдать всѣ винокурни Глѣбову. Когда пріѣхалъ въ Иркутскъ повѣренный послѣдняго, Евреиновъ, для принятія винокуренъ, то не только купцы, но даже и самъ вице-губернаторъ Вульфъ, опираясь на указъ 1755 года, оставлявшій винокуреніе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ за купцами, воспротивились такой сдачѣ, надѣясь, вѣроятно, посредствомъ доказательствъ, подкрѣпленныхъ извѣстными приложеніями, оставить дѣло по старому. Но Глѣбовъ уже сдѣлалъ торги на иркутскій откупъ, взялъ его себѣ за 58.000 р. въ годъ, отстранивъ вліяніемъ своимъ соперниковъ, двухъ петербургскихъ купцовъ, которымъ тотчасъ же, считаясь офиціально ихъ компаньономъ, и передалъ этотъ откупъ за 160 000 единовременной и 25.000 р. ежегодной платы. Въ то же время генералъ-прокуроръ отправилъ членамъ иркутскаго магистрата грозное посланіе, въ которомъ говоритъ, что онъ «принужденъ просить въ сенатѣ объ учиненіи слѣдствія о всѣхъ ихъ поведеніяхъ и имѣть себѣ въ сатисфакцію справедливость закона, и буде они тѣмъ себя льстятъ, чтобъ его, чрезъ причиненные ему убытки, удержать отъ поставки вина, то сіе они несправедливо мыслятъ, ибо чѣмъ болѣе препятствій и огорченій (ему) послѣдуетъ, тѣмъ болѣе онъ, не жалѣя своего капиталу, въ предпринятомъ дѣлѣ упражняться станетъ; а когда они надѣются на свое богатство, то оно, всеконечно, сколько бы велико ни было, не затмитъ правосудія въ высокомъ правительствующемъ учрежденіи, ибо не пользуетъ имѣніе *въ день ярости и гнѣва*».

«Ярость и гнѣвъ» верховнаго въ имперіи блюстителя правосудія были чрезвычайны, и генералъ-прокуроръ, чтобы доѣхать своихъ иркутскихъ конкурентовъ по винной продажѣ, дѣйствительно, «въ предпринятомъ дѣлѣ упражняться сталъ» со всею свойственною ему энергіей.

Для разслѣдованія иркутскихъ злоупотребленій сенатъ командировалъ коллежскаго ассесора Крылова съ секретаремъ, двумя канцеляристами и четырьмя писцами. Такъ какъ слѣдствіе это было назначено по доносу Глѣбова, то само собою понято, что слѣдователь для разъясненія дѣла необходимо долженъ былъ во время производства просить у доносителя поясненія, доказательствъ и

уликъ, подтверждающихъ справедливость обвиненій, которыя онъ возводилъ на своихъ иркутскихъ соперниковъ. Но генералъ-прокуроръ управлялъ сенатомъ, и сдѣлался въ одно и то же время лицомъ подслѣдственнымъ, въ качествѣ доносителя и откупщика, и главнымъ руководителемъ слѣдствія, въ качествѣ верховнаго блюстителя правосудія! Онъ разрѣшилъ Крылову не стѣсняться въ Иркутскѣ ничѣмъ, обнадеживъ его, что за свои труды «онъ безъ удовольствія и отъ сената оставленъ не будетъ» и, кромѣ того, можетъ получить значительную долю барышей отъ порученнаго ему судебно-коммерческаго предпріятія, отъ слѣдственной разработки золотосодержащихъ купеческихъ кармановъ. Сенатъ же содѣйствовалъ генералъ-прокурору въ осуществленіи его «принципій, хотя и не весьма для общества полезныхъ, но достаточно прибыльныхъ для него самого». Сенатъ предписалъ Крылову «все, по доношенію господина Глѣбова, слѣдствіе производить надлежащимъ порядкомъ, чиня основательные въ чемъ кому надлежитъ допросы безъ наималѣйшаго послабленія и понаровки, и буде кто въ чемъ учинитъ запирательство, въ такомъ случаѣ требовать отъ повѣреннаго его (Глѣбова) доказательства; а на которые пункты тотъ повѣренный доказательства не покажетъ, а по другимъ пунктамъ и по справкамъ къ тому подозрѣніе приличное показываться будетъ, то *и безъ доказательствъ то слѣдствіе производить* для того, что сенатомъ усмотрѣно по нѣкоторымъ пунктамъ, что иркутскимъ магистратомъ чинено было въ противность указовъ, и безъ доказательства уже открылось».

«День ярости и гнѣва», которымъ пугалъ Глѣбовъ иркутянъ, насталъ для нихъ: Крыловъ пріѣхалъ. Граждане, которые всѣ отличались добродѣтелями, искони свойственными русскому народу, почтили новаго начальника, явившись къ нему на поклонъ съ хлѣбомъ и солью и дарами. Крыловъ милостиво принялъ ихъ, а потомъ началъ дѣлать визиты обывателямъ, являясь столь же примѣрнымъ начальникомъ, насколько иркутяне заявили себя примѣрными подчиненными. Во все онъ вникалъ, даже въ мелочныя подробности хозяйства, обо всемъ распрашивалъ, и, кромѣ того, подъ рукою разузнавалъ, у кого какой капиталъ имѣется, за кѣмъ и какіе грѣшки водятся и т. д.

Первое время ревизоръ былъ смиренъ, но иркутяне предчувствовали что-то недоброе, понимая, что генералъ-прокуроръ не сталъ бы даромъ угрожать имъ «днемъ ярости и гнѣва». Еще болѣе струхнули они, когда Крыловъ предписалъ иркутскому магистрату приготовить для открываемой имъ слѣдственной комиссіи три куска синяго сукна, для закрытія столовъ, нѣсколько стопъ бумаги, добрый запасъ гусиныхъ перьевъ и ведро чернилъ,—цѣлое ведро чернилъ, и это только на первый разъ! Значитъ, дѣло начиналось не на шутку.

Вторымъ дѣломъ Крылова было укрѣпленіе его квартиры. На основаніи сенатскаго указа, предписывавшаго мѣстнымъ властямъ исполнять безпрекословно всѣ его требованія, онъ вытребовалъ изъ Селенгинска семьдесятъ семь солдатъ съ тремя оберъ-офицерами, взялъ ихъ на свое содержаніе, постарался привязать ихъ къ себѣ, устроилъ при своей квартирѣ гауптвахту и, такимъ образомъ, получилъ въ чинахъ этой импровизированной лейбъ-гвардіи и вѣрныхъ тѣлохранителей, и безпрекословныхъ исполнителей всѣхъ своихъ распоряженій. Спальня и кабинетъ Крылова были обвѣшаны множествомъ оружія, и спалъ онъ не иначе, какъ съ заряженными пистолетами подъ подушкой. Иркутяне уже видывали всякихъ начальниковъ; бывали и такіе, которые, подобно Крылову, заводили у себя лейбъ-стражу и посредствомъ ея держали городъ въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Одинъ изъ нихъ, напр., подписывавшійся «со властью губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ», завелъ, такъ называемую, *глухую команду*, и, рыская съ нею по ночамъ по городу, производилъ грабежи и ужасныя дебоширства; однажды онъ пригласилъ обывателей на пикникъ, подговоривши предварительно своего пріятеля, разбойничьяго атамана Гондюхина, напасть на нихъ и ограбить; пикникъ дѣйствительно кончился ограбленіемъ гостей. Иркутяне, поэтому, будучи уже пуганными птицами, серьозно встревожились учрежденіемъ крыловской лейбъ-стражи, которая, тотчасъ же по прибытіи въ городъ, начала производить, по солдатскому обыкновенію, воровства, грабежи и дебоширства.

Крыловъ началъ свое слѣдствіе тѣмъ, что велѣлъ купить для себя бочку водки, своимъ же чиновникамъ велѣлъ конфисковать ее. Онъ нашелъ, «что принимаемое вино на кабаки негодное, пробуется не указными отжигальницами и продается не указными мѣрами, что казаны и кубы клеймятся магистратомъ неправильно». Затѣмъ принялся онъ за ревизію счетовъ. Собравъ всѣ дѣла ратуши и магистрата о питейныхъ сборахъ съ 1728 по 1758 г., онъ сложилъ ихъ въ сундуки, запечаталъ и приставилъ къ нимъ караулъ, а послѣ того потребовалъ, чтобы магистратъ составилъ и подалъ ему немедленно вѣдомости за все упомянутое время! Магистратъ, понятно, не могъ сдѣлать этого; Крыловъ предписалъ ему не отпускать изъ города ни одного купца, «чѣмъ уже купечеству учинилъ притѣсненіе и въ торговыхъ промыслахъ помѣшательство». Магистратъ доставилъ ему вѣдомости только съ 1746 года, остальныя Крыловъ потребовалъ отъ провинціальной канцеляріи, началъ ихъ сличать съ вѣдомостями, составленными его собственными чиновниками, будто бы, на основаніи данныхъ, доставленныхъ ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи, и открылъ расхищеніе казенныхъ суммъ при израсходованіи 829,000 р., а также многіе другіе «непорядки и замѣшательства». Затѣмъ, призвавъ въ комиссію членовъ магистрата, слѣдователь началъ допрашивать ихъ, есть ли у нихъ такія же вѣдомости, какія доставлены ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи? Тѣ отвѣчали, что «таковыя вѣдомости уповательно въ магистратѣ состоятъ». Дѣйствительно, въ ящикѣ, запечатанномъ по его же собственному приказанію,

Крыловъ нашелъ эти вѣдомости и составилъ актъ, «включа въ оный таковыя рѣчи: будто бы оныхъ вѣдомостей комиссія требовала многими указами, точно де онѣ донынѣ магистратомъ утаены и представлено было, якобы сочинить таковыхъ вѣдомостей вскорѣ невозможно»; на самомъ же дѣлѣ, «онъ, Крыловъ, этихъ вѣдомостей не требовалъ, а велѣлъ сочинить вновь». Но запуганные Крыловымъ бургомистръ Бречаловъ, ратманы: Верховцевъ, Глазуновъ и, шпіонившій Крылову, Елезовъ признали себя виновными въ утайкѣ вѣдомостей и подписали упомянутый актъ. Тотчасъ же была призвана команда, принесены кандалы, и всѣ члены магистрата были арестованы и закованы. Въ дополненіе къ упомянутому акту бургомистры Бречаловъ и Ворошиловъ, подъ пристрастіемъ и подъ диктовку Крылова, показали: «вѣдомости оныя въ комиссію не отосланы были затѣмъ, что признаны магистратомъ фальшивыми, потому что въ тѣхъ вѣдомостяхъ показано въ сборѣ сверхъ окладу въ приборѣ великая сумма до 800,000 рублевъ, и якобы оные въ тѣхъ же годахъ всѣ въ расходѣ, каковымъ великимъ расходамъ быть не можно; и для того оные отъ комиссіи были утаены и не объявлены по общему всѣхъ согласію» *). Члены магистрата были отведены въ острогъ. Затѣмъ, во главѣ своихъ чиновниковъ и военной команды, Крыловъ отправился по домамъ и лавкамъ арестованныхъ магистратскихъ членовъ и другихъ богатыхъ купцовъ. Произошла отвратительная, потрясающая сцена. Крыловская ватага врывалась въ домъ, вверхъ дномъ переворачивала его, рылась въ сундукахъ, запечатывала ихъ и жилыя комнаты и амбары, выгоняя жильцовъ куда-нибудь въ кухню; женщины и дѣти выли или, разбѣгаясь, прятались на сѣновалахъ, въ садахъ, баняхъ. Хозяевъ, къ общему ужасу ихъ семей, арестовывали, забивали въ кандалы и отправляли въ острогъ. Осмотрѣвъ и запечатавъ дома, крыловская шайка направилась къ лавкамъ, и, порядочно поживившись въ нихъ, запечатывала и лавки. Было арестовано семьдесятъ четыре человѣка, считая въ томъ числѣ и магистратскихъ членовъ. На завтра, 1-го іюня 1750 г., всѣ арестованные приведены въ комиссію, и имъ объявлено, «чтобъ они въ похищенныхъ интересахъ добровольно признались, а въ случаѣ упорства, ихъ будутъ приводить въ застѣнокъ, а когда и по тому не признаются, то и на виску поднимать». Бречаловъ, испугавшись пытокъ, подписалъ слѣдующее признаніе, сочиненное Крыловымъ: «выкурка вина на казенныхъ заводахъ, которые были тогда въ магистратскомъ содержаніи, производилась въ истинѣ отъ 50 до 60 к. ведро, а писалась въ магистратѣ отъ 1 рубля и выше; такожъ приставники муки и солоду, хмелю и дровъ на выкуренное вино прикладывали излишнее, коихъ излишнихъ въ каждый годъ тысячъ по десяти было, и тѣми деньгами онъ, Бречаловъ, и прочіе корыстовались, и дѣлили по себѣ, и бирали себѣ отъ приставниковъ безденежно вино, и на приготовленіе припасовъ магистратскіе судьи чинили подряды подъ чужими именами съ повышеніемъ цѣны; и такъ излишекъ располагался на выкуренное вино, а потому цѣна возвышалась, а интересъ умалялся». Въ то же время, подслуживавшій и шпіонившій Крылову на другихъ, ратманъ Елезовъ подписалъ сочиненный слѣдователемъ отъ его имени доносъ, подтверждавшій всѣ обвиненія Глѣбова.

Признаніе Бречалова, доносы Елезова и другихъ, наконецъ, нѣкоторыя открытія самого Крылова такъ правдоподобны, такъ согласны съ тогдашними понятіями, обычаями, практикой, что нельзя нисколько сомнѣваться въ достовѣрности многихъ заключающихся въ нихъ показаній, что было признано и сенатомъ уже въ то время, когда, по настоянію и подъ руководствомъ самой Екатерины, онъ разсматривалъ это дѣло совершенно безпристрастно. Правда, что злоупотребленія были преувеличены, что Крыловъ привлекъ къ дѣлу множество лицъ не на основаніи ихъ виновности, а единственно съ цѣлью ограбить ихъ, но все-таки злоупотребленія несомнѣнно были, хотя иркутскія хроники, составленныя людьми, близкими къ пострадавшимъ, положительно отрицаютъ ихъ.

На основаніи упомянутыхъ признаній и доносовъ, кромѣ арестованныхъ семидесяти четырехъ человѣкъ, Крыловъ привлекъ къ дѣлу еще сто человѣкъ иркутскихъ купцовъ, которые «винились въ разныхъ по кабацкому сбору интересованіяхъ». Допросы производились подъ плетьми и палками, при чемъ самъ слѣдователь, сильный, громадный, здоровый мужчина, съ налитыми кровью глазами и «рыкая, аки левъ», билъ купцовъ по лицу кулаками и тростію, вышибалъ имъ зубы, таскалъ за бороды. Когда Бречаловъ подписалъ упомянутое уже признаніе, всѣхъ подсудимыхъ повели въ крѣпость въ застѣнокъ; жены, сестры, матери несчастныхъ сопровождали эту процессію, раздирая воздухъ своими воплями и умоляя о милости грознаго ревизора. Начались ужасныя истязанія, продолжавшіяся нѣсколько дней; около сотни гражданъ по нѣскольку разъ предавалась пыткамъ; ихъ драли плетьми, кнутами и палками, поднимали на дыбу, жгли огнемъ. Упомянутый уже Елезовъ сообщилъ Крылову о степени зажиточности каждаго изъ подсудимыхъ и съ кого сколько можно выбить денегъ. Крыловъ, поэтому, не довольствовался однимъ признаніемъ виновности, а сѣкъ и пыталъ до тѣхъ поръ, пока истязуемый не признавалъ себя виновнымъ въ похищеніи изъ казны суммы, требуемой ревизоромъ на основаніи елезовскихъ свѣдѣній. Дольше всѣхъ не признавался первый иркутскій капиталистъ, купецъ Бичевинъ, имѣвшій обороты на всю Сибирь и столько богатства, что въ его подвалахъ стояли цѣлыя бочки съ мѣдною и серебряною монетой, а въ народѣ говорили, что по ночамъ къ нему летаетъ змѣй и носитъ золото. Бичевина сѣкли и пытали нѣсколько дней; но старикъ былъ упоренъ и не признавался. Наконецъ, его въ послѣдній разъ под-

*) Дѣйствительно, трудно повѣрить, что съ 1729 по 1745 г., въ шестнадцать лѣтъ, магистратъ могъ израсходовать законнымъ образомъ 829,000 руб.

няли на дыбу; къ ногамъ привязали бревна, а къ кистямъ рукъ веревку, ходившую по блоку въ потолкѣ, и подняли на воздухъ; затрещали и вывернулись суставы рукъ и ногъ, а палачъ по обнаженному тѣлу началъ полосовать кнутомъ, разсѣкая кожу и даже вырывая куски мяса. Бичевинъ все не признавался. Крыловъ усталъ и поѣхалъ на закуску къ купцу Глазунову, а Бичевинъ, до его пріѣзда, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ, все висѣлъ въ упомянутомъ положеніи и изрѣдка получалъ удары кнута. Когда Крыловъ вернулся и велѣлъ усилить кнутованіе, умирающій Бичевинъ призналъ за собою 15,000 р. Его сняли съ дыбы и полумертваго отнесли домой. Крыловъ вскорѣ явился къ нему на квартиру и новыми угрозами заставилъ умирающаго къ признаннымъ уже имъ за собою 15,000 руб. прибавить еще 15,000 р. Бичевинъ умеръ. Его смерть навела на весь городъ паническій страхъ. Память о немъ живетъ до сихъ поръ среди иркутскихъ старожиловъ, разсказывающихъ миѳъ, что Бичевинъ умеръ на висѣлицѣ, поставленной среди площади; его трупъ висѣлъ трое сутокъ и каждую ночь въ воздухѣ горѣли восковыя свѣчи передъ тѣломъ невиннаго страдальца.

Со ста двадцати человѣкъ Крыловъ вымучилъ 155,295 р. 80 к. *).

Вице-губернаторъ Вульфъ не разъ уже доносилъ сенату о крыловскихъ злодѣяніяхъ; но его доносы клались подъ сукно. Въ іюнѣ 1759 г. въ сенатѣ былъ полученъ отъ Вульфа пакетъ, адресованный на имя императрицы Елисаветы, «который подлѣ печати явился подрѣзанъ, и тѣмъ доношеніемъ Вульфъ просилъ о взятіи производимыхъ Крыловымъ дѣлъ въ Москву и объ увольненіи его тудажъ». Но конвертъ государынѣ переданъ не былъ, «а къ нему, генералъ-маіору Вульфу, посланъ изъ сената указъ съ выговоромъ, что ему къ самой Ея Императорскому Величеству того донесенія присылать не надлежало и впредь бы такого дерзновенія не чинить». Сенатъ, такимъ образомъ, оказывалъ Крылову явное покровительство и устранялъ всякую возможность жалобъ на него. Хотя въ то же время онъ предписывалъ Крылову «пристрастными распросами удержаться», но, принимая во вниманіе, что «онъ, Крыловъ, прилагаетъ усердный трудъ, и особливымъ его стараніемъ и радѣніемъ сыскана, ко взысканію въ казну, немаловажная сумма, и сверхъ того о поднесенныхъ ему Крылову отъ купечества въ подарокъ тысячи рубляхъ въ сенатъ онъ представилъ, и оную 1.000 р. отдалъ въ иркутскую канцелярію, а за такой его, Крылова, трудъ и радѣніе» сенатъ положилъ «выдать ему изъ казны 1.000 р. и сверхъ того обнадежить, что онъ, Крыловъ, по возвращеніи въ Москву, и еще безъ награжденія деньгами и чиномъ оставленъ не будетъ». Глѣбовъ, въ свою очередь, тоже погладилъ Крылова по головкѣ и писалъ ему, что «изъ письма его усмотрѣлъ, что по власти божеской всѣ иркутскіе безпорядки и казенныя великія похищенія открылись; осталось ожидать только счастливаго окончанія»; только проситъ онъ Крылова «въ розыскѣ осторожнымъ быть», говоря, что онъ «хочетъ лучше свое потерять, нежели народъ истязать».

Когда указъ сената и письмо Глѣбова были получены въ Иркутскѣ, то сто двадвать человѣкъ было уже ограблено, и одинъ изъ нихъ, засѣченный ревизоромъ, лежалъ въ могилѣ.

Осенью 1759 г. Крыловъ составилъ отъ имени иркутскихъ купцовъ просьбу въ сенатъ, въ которой они, будто бы, признавались во всѣхъ, взведенныхъ на нихъ, обвиненіяхъ, просили о помилованіи и восхваляли честность и благородство Крылова. Слѣдователь заставилъ купцовъ подписать эту просьбу и послать съ нею въ Петербургъ довѣреннымъ своего клеврета Елезова съ двумя товарищами. Купцы вынуждены были дать Елезову довѣренность на заемъ до 50,000 р., изъ которыхъ имъ отдано генералъ-прокурору 30,000 р. *). Явив-

*) Бичевинъ далъ 30,000 р.; Бречаловъ 23,000 р.; Мих. Глазуновъ 15,000 р.; Макс. Глазуновъ 15.000 р.; Ив. Ворошиловъ 12,000 р.; Добрынскій 6,000 р.; Ив. Елезовъ 5,400 р.; Вас. Ворошиловъ 4,800 р.; В. Сибиряковъ 2,500 р.; В. Елезовъ 2,000 р.; Шапошниковъ 1,800 р.; Власовъ 1.600 р.; Петръ Мальцевъ 1.500 р.; Верховцевъ 1.500 р.; Перевозкинъ 1,500 р.; Ал. Сибиряковъ 1.040 р.; Ив. Мясниковъ 1,000 р.; Худинъ 800 р.; Бородинъ 750 р.; Ив. Дружининъ 700 р.; Ив. Рудаковъ 700 р.; Козловъ 700 р.; Ободуровъ 700 р.; Чураковъ 650 р.; Петръ Лысковцевъ 630 р.; Пуляевъ 600 р.; Старцевъ 600 р.; Ник. Перевозкинъ 600 р.; Ив. Верховцевъ 550 р.; Андрей Елезовъ 500 р., Переваловъ 500 р.; Ос. Сибиряковъ 500 р.; Пахоковъ 500 р.; Корюховъ 500 р.; Пестовскій 500 р.; Паникаровскій 600 р.; Подрѣзовъ 500 р.; Звѣздочетовъ 450 р.; Дрюковъ 450 р.; Зиминъ 450 р.; Пряничниковъ 400 р.; Зубовъ 400 р.; Никитинъ 370 р.; Лазаревъ 360 р.; Дементьевъ 350 р.; Николай Дементьевъ 350 р.; Новиковъ 350 р.; Горбовъ 330 р.; Осокинъ 300 р.; Лупъ Пахолковъ 300 р.; Ив. Пестовскій 300 р.; Куроптевъ 300 р.; Алексѣй Елезовъ 300 р.; Ив. Храповъ 2-й 270 р.; Лычаговъ 270 р., Калининъ 270 р.; Иванъ Храповъ 1-й 260 р.; Дуровскій 250 р.; Защихинъ 250 р.; Кочневъ 234 р. 25 к.; Каргопольцевъ 225 р.; Быковъ 224 р.; Больниковъ 210 р.; Васильевъ 200 р.; Сизой 200 р.; Дан. Глазуновъ 200 р.; Савельевъ 200 р.; Калашниковъ 200 р.; Пѣтуховъ 180 р.; Овсянниковъ 175 р.; Иванъ Кочневъ 170 р.; Назаровъ 170 р.; Шамановъ 160 р.; Бичинъ 160 р.; Маньковъ 150 р.; Балахонцевъ 150 р.; Матвѣй Кудреватый 120 р.; Кабановъ 110 р.; Чипизубовъ 100 р.; Кириловъ 100 р.; Смоленскій 100 р., Дементьевъ 100 р.; Безруковъ 100 р.; Миронъ Дудоровскій 100 р.; Красногоровъ 100 р.; Поповъ 100 р.; Фроловъ 100 р.; Стрѣкаловскій 100 р.; Дан. Зиминъ 100 р.; Шаламовъ 83 р.; Гусевъ 70 р.; Квасниковъ 70 р.; Ив. Пахолковъ 65 р.; Ракитинъ 60 р.; Трапезниковъ 60 р.; Кузнецовъ 50 р.; Портнягинъ 50 р.; Калашниковъ 50 р.; Петчиковъ 50 р.; Зыряновъ 50 р.; Аф. Стрѣкаловскій 50 р.; Цивилинъ 50 р.; Гордѣевъ 45 р.; Богомоловъ 40 р.; Рудинъ 30 р.; Кузовлевъ 30 р.; Соловневъ 20 р.; Слатинъ 15 р.; Мих. Кудреватый 15 р., Шарыповъ 1 р. 55 к.

*) Въ приходорасходной книжкѣ Елезова значатся, между прочимъ, слѣдующія взятки: его превосходительству А. И. Глѣбову: 2 канфы большой руки, 1 жестянка чаю большая, 8 соболей хорошихъ; дано два векселя въ 50,000 р. Повѣренному его, Евреинову, при отправленіи изъ Иркутска 23 сентября дано для рекомендаціи и писемъ. Въ домѣ его п—ва управителямъ: Ивану Николаевичу 1 канфа малой руки, 3 соболя хорошихъ, 3 бахчи чаю, 1 штофъ виннова, 6 бутылокъ пива, деньгами 200 рублей. Ивану Кариновичу: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 2 соболя хорошихъ. Тарасу Сергѣевичу: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 2 соболя хорошихъ, 2 гина

шись въ Петербургъ и разсовавши, по указаніямъ Крылова, взятки, иркутскіе повѣреные представили въ сенатъ челобитную купечества, которое приносило свою повинную и представляло, что изъ оставшихся за нимъ 150,000 рубл. оно въ состояніи уплатить не болѣе половины. Елезовъ, какъ мы уже говорили, держалъ руку Крылова; два же другихъ повѣренныхъ: Верховцевъ и Мальцевъ, «яко бѣдные и беззаступные люди, не смѣя прекословить, боясь господина Глѣбова, слыша и видя его въ превосходной милости и случаѣ, дабы съ ними не было учинено чего наигорше прежняго, принуждены были, яко невольники, все то дѣлать, что ему, г. Глѣбову, было надобно, помня бывшее съ ними отъ Крылова въ Иркутскѣ не только разореніе, но и тиранское безъ вины мученіе». Глѣбовъ обобралъ повѣренныхъ, какъ липку. Однакожъ, при всемъ этомъ они успѣли исхлопотать сенатскій указъ отъ 29 марта 1760 г., которымъ опредѣлялось: «производимое Крыловымъ слѣдствіе оставить и болѣе о томъ не слѣдовать», изъ слѣдующихъ же, сверхъ заплаченныхъ уже иркутскимъ купечествомъ денегъ, 150,000 р., «за ихъ изнеможеніемъ», взыскать только половину.

Между тѣмъ въ Иркутскѣ Крыловъ неистоствовалъ болѣе и болѣе. Онъ продалъ съ аукціона все имущество подсудимыхъ за 93,120 рублей, являясь на аукціонѣ и продавцемъ, и оцѣнщикомъ, и покупателемъ; онъ содралъ съ горожанъ 3,780 р. на содержаніе слѣдственной комиссіи, хотя эта комиссія содержалась ими натурою; онъ захватилъ слѣдовавшія купцамъ за выкурку и продажу вина 78,000 р. Сюда не входитъ множество мелкихъ подарковъ, сдѣланныхъ ему обывателями, которые содержали его со всей его ватагой на свой счетъ, завели ему лошадей и карету, постоянно пополняли винами его погребъ, презентовали ему все, что нравилось ему.

Надѣясь на покровительство сената и генералъ-прокурора, Крыловъ разыгрывалъ роль всемогущаго деспота, публично унижалъ и бранилъ вице-губернатора и другихъ важныхъ чиновниковъ; «бывшаго въ Иркутскѣ губернаторскаго товарища, подполковника Свободскаго, якобы за ослушаніе сенатскихъ указовъ, неповинно держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ полгода, и сенату оболгалъ напрасно»; менѣе же важныхъ чиновниковъ — билъ и сѣкъ безъ пощады; «взялъ въ комиссію сыновей поручика Юсупова и жену его и сѣкъ ихъ плетьми за партикулярную свою ссору». Заподозрѣвъ чиновника своей комиссіи Юрлова въ волокитствѣ за своей любовницей, Крыловъ началъ преслѣдовать его, сажать подъ арестъ, хотѣлъ даже высѣчь. Пріѣхавъ однажды посмотрѣть артиллерійское ученье за городомъ и замѣтивъ, въ толпѣ зрителей, Юрлова, Крыловъ подбѣгаетъ къ нему, придирается, какъ онъ смѣлъ прійти туда безъ его дозволенія, ударомъ кулака въ голову сбиваетъ его съ ногъ и потомъ кричитъ, стоявшимъ около, зрителямъ: «Бейте его!» Иркутяне и на этотъ разъ выказали свою добродѣтельную, безпрекословную покорность и затаскали несчастнаго Юрлова до полусмерти, не оставивъ на его головѣ ни одного волоска!.. Для внушенія жителямъ вящшаго страха и бо́льшаго уваженія къ своей персонѣ, Крыловъ выкинулъ слѣдующую штуку: «на сдѣланномъ въ Иркутскѣ на башнѣ государственномъ гербѣ, на груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на монетахъ изображается московскій гербъ, продерзостно прибилъ жестяную доску съ такими на ней литерами: «Году 1760, мѣсяца сентября, бытности въ Иркутскѣ начальника коллежскаго ассесора Крылова»; а сверхъ той надписи выбита на той же доскѣ дворянская корона, а вокругъ надписи лавры». За это впослѣдствіи досталось Крылову болѣе, чѣмъ за всѣ его другія злодѣянія...

Иркутскія лѣтописи и преданія сохранили множество возмутительныхъ разсказовъ о подвигахъ «злодѣя», какъ его втихомолку называлъ весь городъ,—о подвигахъ, не входившихъ въ составъ его офиціальной дѣятельности. Крыловъ пилъ много, пилъ съ утра до ночи, и хотя всегда держался на ногахъ, но, выпивъ извѣстную дозу, становился дикимъ звѣремъ. Иногда, въ такомъ состояніи, онъ сѣкъ безпощадно встрѣчнаго и поперечнаго, но чаще всего давалъ волю своему необузданному, чисто болѣзненному половому неистовству. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ насильно занялъ понравившійся ему домъ купца Мясникова, приказавъ хозяевамъ немедленно перебраться въ нижній этажъ. Хозяева безпрекословно исполнили его требованіе, и цѣлыхъ три года мучились, какъ въ аду, со своимъ гнуснымъ постояльцемъ, который билъ ихъ, сѣкъ плетьми, ругалъ безпощадно, врываясь пьяный въ ихъ квартиру, переворачивалъ тамъ все вверхъ дномъ.

Сладострастіе Крылова не знало границъ и доходило до звѣрскаго неистовства. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда онъ захватилъ свою сосѣдку, дочь купца Воротилова, изнасиловалъ ее и сдѣлалъ своей любовницей. (Это событіе послужило сюжетомъ очень популярному въ свое время роману сибиряка Калашникова «Дочь купца Жолобова», вышедшему недавно вторымъ изданіемъ). Но одной любовницей Крыловъ не довольствовался, а захватывалъ каждую попавшуюся ему на глаза хорошенькую дѣвушку или женщину, и если онѣ не сдавались добровольно, то насиловалъ ихъ или принуждалъ къ любви жестокими побоями и тѣлесными истязаніями при помощи своихъ солдатъ. Кромѣ многихъ взрослыхъ, онъ изнасиловалъ нѣсколько малолѣтнихъ дѣвочекъ. Долго преслѣдовалъ онъ своими предложеніями жену хозяина, купчиху Мясникову; угрожалъ ей, билъ по щекамъ, таскалъ за косу, колотилъ головою о стѣну, сѣкъ плетьми и розгами, но Мясникова не сдавалась. Тогда Крыловъ, призвавъ къ себѣ ее вмѣстѣ съ мужемъ, приказалъ послѣднему собственноручно сѣчь ее и при этомъ убѣждать,

шелку, 2 канфы малой руки. Льву Чебышеву: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 1 голь, 12 рублей. Такимъ образомъ Крыловъ доставлялъ доходъ даже прислугѣ генералъ-прокурора.

чтобы она отдалась Крылову. Мясниковъ явился образцомъ добродѣтельнаго повиновенія и безпрекословно, хотя со слезами на глазахъ, началъ исполнять приказаніе грознаго ревизора... Шестидесятилѣтняя старуха, мать Мясникова также не избавилась отъ его ухаживаній. Она бѣжала изъ дому и только изрѣдка, тайкомъ навѣщала своихъ родныхъ. Пришелъ день ея именинъ, на которые она переселилась домой, въ той надеждѣ, что Крыловъ оставитъ ее въ покоѣ на этотъ день, такъ какъ въ гостяхъ у нихъ будетъ весь городъ. Но послѣ ужина, при всѣхъ Крыловъ, какъ звѣрь, бросился на старуху и повалилъ ее на полъ... Гости кое-какъ стащили его съ несчастной и увели вверхъ, на его квартиру...

Самодурствовалъ и деспотствовалъ Крыловъ; не отставали отъ него и его солдаты и его чиновники—дебоширили, драли взятки, воровали, грабили, насиловали. И вдобавокъ ко всему, ужасъ, обнимавшій городъ, еще болѣе увеличился, когда по вечерамъ начали неистовствовать на улицахъ *еретики*, какъ называются въ Сибири выходящіе изъ могилъ покойники. Длинныя тѣни, въ бѣлыхъ саванахъ, исполинскими шагами ходили въ темные вечера по улицамъ, нападали на прохожихъ и грабили ихъ. Это были мошенники, наряжавшіеся мертвецами и искусно управлявшіе своими ходулями. (Въ настоящемъ столѣтіи *еретики* появлялись въ Иркутскѣ, кажется, всего одинъ разъ, въ ужасное управленіе Трескина). Но для тогдашнихъ иркутянъ это были дѣйствительные мертвецы, а не разбойники или—что вѣроятнѣе—крыловскіе солдаты. Въ городѣ ходили страшные суевѣрные слухи. На могилѣ Бичевина по ночамъ горѣла чудотворная восковая свѣча. Обыватели теряли всякую надежду на избавленіе. Всѣ разбѣгались и прятались, запирали ворота, двери и окна, когда каталась карета грознаго ревизора. Дѣтей пугали именемъ Крылова.

Чтобы пресѣчь всякій путь жалобамъ, Крыловъ перехватывалъ и прочитывалъ даже офиціальные пакеты вице-губернатора, а изъ города никто не смѣлъ выѣхать безъ его дозволенія. Въ то время жилъ въ Иркутскѣ купецъ Алексѣй Сибиряковъ, бывшій впослѣдствіи депутатомъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Какъ человѣкъ начитанный и большой законникъ, онъ былъ въ глазахъ Крылова вреднымъ ябедникомъ, тѣмъ болѣе, что пользовался большимъ вліяніемъ въ иркутскомъ обществѣ. Напуганный тиранствомъ слѣдователя, Сибиряковъ бѣжалъ изъ Иркутска и гдѣ-то скрывался. Крыловъ же заподозрилъ, что онъ уѣхалъ жаловаться въ Петербургъ, и еще болѣе утвердился въ этой мысли, когда, производя обыскъ въ домѣ Сибирякова, нашелъ въ его библіотекѣ множество юридическихъ бумагъ и копіи со всѣхъ указовъ и постановленій, изданныхъ со времени Петра Великаго. Жену Сибирякова и его брата Осипа перетрусившій Крыловъ арестовалъ, потребовалъ въ комиссію и подъ кнутами началъ допрашивать, куда уѣхалъ Алексѣй. Но они и сами не знали этого. За Сибиряковымъ отправлена погоня, доскакавшая до Верхотурья и вернувшаяся ни съ чѣмъ. Крыловъ, впрочемъ, скоро успокоился отъ своего страха и началъ дурить пуще прежняго. Въ августѣ 1760 г., встрѣтившись съ Вульфомъ у одного купца, онъ началъ укорять его въ слабомъ управленіи провинціей и въ казнокрадствѣ; вице-губернаторъ началъ оправдываться; Крыловъ велѣлъ отобрать у него шпагу, объявилъ его арестованнымъ, «усильно потащилъ его въ комиссію и, ругаясь надъ нимъ, изъ поколотой руки своею кровью теръ его по лицу и арестовалъ; желая тотъ продерзостный поступокъ свой закрыть, призвавъ къ себѣ въ комиссію иркутской канцеляріи секретаря Бурсенцова и двухъ съ приписью подьячихъ, принудилъ показать, якобы Вульфъ отъ присутствія самовольно отказался, и что они присутствующихъ въ той канцеляріи ассесоровъ, Федорова и Владыкина, за судей не признаютъ и слушать ихъ не будутъ; и какъ то принужденное отъ нихъ показаніе, со взятіемъ съ нихъ подписки, онъ получилъ, то пришедъ въ иркутскую канцелярію, оныхъ ассесоровъ выслалъ вонъ, а самъ вступилъ въ управленіе вице-губернаторской должности и тѣмъ узаконенную власть похитилъ, и въ вѣрности службы секретарей и прочихъ служителей приводилъ къ присягѣ, а въ города иркутской провинціи о томъ своемъ вступленіи разослалъ указы».

Можно себѣ представить, какой ужасъ обнялъ Восточную Сибирь при такомъ извѣстіи! Въ Иркутскѣ струсилъ даже архіерей, а отставленный вице-губернаторъ испугался до того, что сдѣлался смѣлымъ. И архіерей, и Вульфъ послали доносы императрицѣ черезъ сибирскаго губернатора, жившаго въ Тобольскѣ, помимо сената.

8-го ноября 1760 г. ночью курьеръ привезъ въ Иркутскъ приказъ сибирскаго губернатора, арестовать Крылова и заковать въ кандалы.

Вульфъ съ нѣсколькими чиновниками и двадцатью пятью казаками тотчасъ же отправился къ квартирѣ слѣдователя, потихоньку подобрался къ его гауптвахтѣ, обезоружилъ караулъ и послалъ казаковъ захватить самого Крылова. Послѣдній началъ было защищаться, но былъ обезоруженъ и связанъ. Ему прочли указъ и, заковавъ въ кандалы, оставили подъ крѣпкимъ карауломъ.

На завтра прискакалъ другой курьеръ изъ Петербурга съ приказаніемъ немедленно отправить Крылова въ столицу. Грозный ревизоръ былъ увезенъ въ кандалахъ.

Въ догонку за Крыловымъ иркутское купечество послало на него челобитную. Но замѣчательно, что, исчисляя въ этой челобитной всѣ офиціальныя злоупотребленія ревизора, его вымогательства, подлоги, пытки, иркутскіе граждане ни слова не говорили объ его гнусныхъ злодѣяніяхъ надъ женщинами! Видно, что иркутянамъ ихъ собственный карманъ и собственная шкура были несравненно дороже, чѣмъ честь и счастіе ихъ женъ и дочерей.

Императрица Елисавета велѣла сенату слѣдствіе надъ Крыловымъ произвесть «кратчайшимъ путемъ,

чтобы слезы неповинныхъ наискорче удовольствованы были и чтобъ съ симъ злодѣемъ, не смотря ни на какія персоны, поступлено было».

Сенатъ ограничился тѣмъ, что лишилъ Крылова чиновъ — не за его грабежи, насилія, казнокрадство, пытки, не за умерщвленіе Бичевина, а за арестованіе Вульфа, да за то, что Крыловъ, какъ мы уже разсказывали, въ Иркутскѣ, съ пьяныхъ-то глазъ, велѣлъ приколотить къ государственному гербу на башнѣ досечку со своей фамиліей!.. Глѣбовъ замялъ дѣло, и оно лежало подъ сукномъ до воцаренія Екатерины.

Екатерина возобновила это дѣло, по ходатайству иркутскихъ купцовъ. Глѣбовъ былъ смѣненъ съ генералъ-прокуроровъ и уволенъ отъ службы со званіемъ генералъ-поручика. Крылова же повелѣвалось «вмѣсто заслуживаемой имъ смертной казни, высѣчь въ городѣ Иркутскѣ кнутомъ и сослать на каторгу въ работы вѣчно, а имѣніе его, описавъ, продать съ аукціона, и взятыя за оное деньги употребить на роздачи обиженнымъ имъ, кому что принадлежитъ въ силу законовъ».

Пусть не тревожится чувствительный читатель столь горестною судьбою несчастнаго ревизора: въ Иркутскѣ кнутомъ его не драли, и на каторгѣ онъ не бывалъ. Иркутскіи лѣтописи, чрезвычайно подробныя, ничего не говорятъ о столь важномъ для Иркутска событіи, а, напротивъ, разсказываютъ, что бывавшіе въ столицѣ иркутскіе купцы встрѣчали тамъ Крылова здравымъ и невредимымъ.

«Вотъ превосходный сюжетъ для исторической трагедіи», воскликнулъ одинъ мой знакомый, когда я разсказалъ ему эту исторію. Хороша трагедія!.. Даже въ судьбѣ самого Крылова нѣтъ ничего трагическаго: человѣкъ положилъ себѣ натѣшиться и позабавиться въ волю,—и натѣшился и позабавился, сколько было душенькѣ угодно, заплативъ за безобразіе арестомъ да лишеніемъ чиновъ. Трогательна судьба перваго виновника всѣхъ этихъ бѣдъ, Глѣбова. Увольненіе отъ службы—это, какъ хотите, ужасный ударъ для такой важной персоны!..

КОНЕЦЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Историческіе очерки.

	стр.
СТАРАЯ И НОВАЯ ИСПАНІЯ	1
СУДЬБЫ ИРЛАНДІИ	64
ЭДМУНДЪ БЁРКЪ	159
ГАЗЕТНАЯ ПРЕССА ВЪ АНГЛІИ	206

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Историческіе этюды.

Предисловіе	225
РУССКІЯ РЕАКЦІИ	225
I. 1698—1725 г.	226
II. 1725—1761 г.	240
III. 1762—1796 г.	262
IV. 1796—1801 г.	305
V. 1801—1825 г.	317
IV. 1825—1861 г.	407
ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ О НѢМЦАХЪ	443
РАБСТВО ВЪ СИБИРИ	503
СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ	548
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНІЯ	632
ИРКУТСКІЙ ПОГРОМЪ ВЪ 1758—1760 г.	652